

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. V, part 2

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg
Nauka
2009

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том V, часть 2

Отв. редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
Наука
2009

УДК 80/81
ББК 81.2
А 38

Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская. СПб.: Наука, 2009. — 895 с. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН, 2009. Том V, часть 2). — ISBN 978-5-02-025575-3

Утверждено к печати

Ученым советом Института лингвистических исследований РАН

Редколлегия «Трудов Института лингвистических исследований»:

Н. Н. Казанский (председатель), А. В. Бондарко,
Н. Б. Вахтин, М. Д. Воейкова, Е. В. Головкин, С. Ю. Дмитренко,
М. Л. Кисилиер (секретарь), С. А. Мызников, А. П. Сытов,
В. С. Храковский

Редакторы тома:

С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская

Сборник представляет собой обобщение результатов полевых исследований калмыцкого языка в 2006–2008 годах. Статьи посвящены в основном проблемам грамматической семантики и синтаксиса калмыцкого языка. В качестве отдельного раздела публикуется репрезентативная подборка глоссированных калмыцких текстов. Сборник адресован специалистам по алтайским языкам и типологам.

Оригинал-макет: М. А. Холодилова

Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ
грант № 07-06-00278

«Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках
России: нанайский, удэгейский, калмыцкий»

ISBN 978-5-02-025575-3

© Коллектив авторов, 2009
© ИЛИ РАН, 2009
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2009

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ГРАММАТИКЕ
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

1. О калмыцких экспедициях

Настоящий сборник написан по результатам полевого изучения калмыцкого языка, осуществлявшегося в рамках трех экспедиций в Калмыкию в 2006–2008 годах. Идея организации этих экспедиций принадлежит Е. В. Перехвальской и В. Ф. Выдрину, при этом Е. В. Перехвальская все три года являлась руководителем экспедиций.

На протяжении всех трех лет костяк участников составляли сотрудники Института лингвистических исследований РАН и студенты отделения общего языкознания факультета филологии и искусств СПбГУ. Для студентов участие в экспедициях являлось летней лингвистической практикой и входило в план обучения. Таким образом, с самого начала в экспедициях ставились **образовательные** задачи¹: они состояли в том, чтобы молодые участники экспедиции (для большинства из них это был первый опыт изучения какого-либо языка в полевых условиях) научились собирать и анализировать языковые данные при помощи тех методов, которые приняты в лингвистической типологии и полевой лингвистике. По мере накопления опыта и с улучшением нашего понимания грамматической структуры калмыцкого языка на первый план стали выходить собственно **исследовательские** задачи, что и привело в конечном счете к появлению этого сборника.

В плане организации наши экспедиции во многом ориентировались на традиции изучения языков России и сопредельных стран, заложенные чл.-корр. А. Е. Кибриком в ходе экспедиций отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

В самом общем виде методология и «идеология» нашего исследования сводилась к следующему.

1) Каждый участник экспедиции работал над какой-то избранной темой, в подавляющем большинстве случаев — над каким-то фрагментом грамматической системы калмыцкого языка.

2) Основным методом сбора материала в начале работы был прямой опрос носителей языка по **анкетам**, заранее

¹ Эти задачи решались при поддержке Научно-образовательного центра ИЛИ РАН «Языковые ареалы России: история и современность».

подготовленным с опорой на типологическую и калмыковедческую литературу (метод «элицитирования»). В дальнейшем, по мере улучшения нашей способности анализировать спонтанный калмыцкий текст, больше внимания стало уделяться сбору и анализу **текстов**. Таким образом, гипотезы, выдвинутые на основе данных из анкет, проверялись (в случае, если это было возможно) на собранном естественном материале. Сочетая эти два основных исследовательских метода из арсенала полевого лингвиста, мы старались сгладить те недостатки каждого из них, которые хорошо известны типологам.

3) Важнейшей составляющей процесса были **семинары**, проводившиеся под руководством С. С. Сая с начала 2006 года еженедельно на протяжении учебного года и ежедневно в течение каждой из трехнедельных летних экспедиций. На семинарах учебное начало также сочеталось с исследовательским. Многие из аналитических и технических решений и гипотез, отраженных в настоящем сборнике, обсуждались на семинарах. В частности, коллективно были разработаны исследовательские конвенции и технический аппарат, которые использовались для анализа и представления калмыцкого материала (см. следующий раздел).

4) Несмотря на то, что участники преимущественно работали над индивидуальными темами, работа по изучению калмыцкого языка, как явствует из уже сказанного, во многом мыслилась как коллективная. На протяжении трех лет мы придерживались принципа полной **открытости** наших материалов. Собранные анкеты, статьи и раздаточные материалы к различным выступлениям участников (как на наших семинарах, так и вне его рамок), собранные тексты и другие материалы находились в открытом доступе и активно использовались всеми участниками экспедиций. Площадкой для обмена информацией служили специально созданная группа google с почтовой рассылкой (kalmyk@googlegroups.com) и сайт Калмыцкого семинара, размещенный на сайте Института лингвистических исследований РАН (www.iling.spb.ru/kalmyk). Сайт Калмыцкого семинара работает на основе технологии вики (wiki); здесь в открытом доступе отражена основная информация о проекте и значительная часть наших материалов.

5) Калмыцкий относится к числу достаточно хорошо описанных и документированных языков: существуют многочисленные грамматические описания и словари этого языка ([Илишкин 1964; Очиров 1964; Пюрбеев 1977, 1979; Санжеев 1983; Bläsing 2003], см. также библиографию, приведенную на веб-странице нашего семинара: www.iling.spb.ru/kalmyk/Bibliography). Таким образом, задача таксономического описания калмыцкого языка, особенно в области фонетики и морфологии, уже была во многом решена нашими предшественниками.

В связи с этим основная задача, стоявшая перед авторами настоящего сборника, состояла не в том, чтобы создать систематическое описание всей системы калмыцкого языка, а в том, чтобы рассмотреть некоторые проблемные фрагменты грамматической системы (преимущественно из области синтаксиса и грамматической семантики) сквозь призму **типологического** подхода. По возможности мы старались анализировать полученные факты калмыцкого языка с учетом опыта, накопленного как в собственно типологических и теоретических работах, так и в типологически ориентированных описаниях других языков, уже изучавшихся в рамках этой парадигмы.

6) Экспедиции 2006–2007 годов проходили в поселке Ергенинский, 2008 года — в поселке Тугтун (оба находятся в Кетченеровском районе Калмыкии). Цель наших усилий состояла в том, чтобы изучить калмыцкий язык в том виде, в котором он **реально функционирует** на данный момент в этих населенных пунктах. В ряде случаев мы обнаруживали отличия сделанных нами наблюдений от тех сведений, которые представлены в обширной литературе, посвященной калмыцкому литературному языку. Строго говоря, мы не пытались ответить на вопрос о том, чем объясняются эти отличия: 1) диалектной спецификой той части Калмыкии, где велось полевое исследование (она относится к зоне распространения дюрвюдского диалекта, который лег в основу литературного калмыцкого языка), 2) изменениями, происходящими в структуре калмыцкого языка в наши дни в условиях языкового сдвига и несомненной для многих носителей интерференции с русским языком, или 3) различиями в интерпретации языковых фактов.

Вопросы, связанные с социолингвистическими аспектами бытования калмыцкого языка, рассматриваются в [Баранова,

настоящий сборник]. Однако авторы тех представленных в сборнике статей, которые посвящены проблемам грамматики, по возможности старались абстрагироваться от социолингвистической (в частности, идиолектной) вариативности и исходили из предположения об относительном **идиомном единстве** изучаемой разновидности калмыцкого языка.

2. Представление языкового материала в сборнике

Как уже было сказано, основная задача исследований, представленных в этом сборнике, состояла в том, чтобы проанализировать некоторые проблемы калмыцкого языка на фоне представлений о грамматике, развиваемых в рамках лингвистической типологии. Этой задачей были обусловлены и многие принятые нами терминологические решения, и способ представления языковых данных — здесь мы старались следовать конвенциям, принятым в современных типологических исследованиях. Для записи калмыцкого текста мы использовали не традиционную орфографию, а транскрипционную систему на основе латиницы, разработанную участниками экспедиций для передачи фонемного облика калмыцких слов. В эту систему включены некоторые символы из международного фонетического алфавита (фонемный состав калмыцкого языка и система транскрипции фонем, принятая в наших экспедициях, описываются в [Сай, настоящий сборник]). Вспомогательный словарь морфем (см. «Список грамматических показателей») построен на основе Лейпцигских правил глоссирования (www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php) и принятых в них стандартных сокращений с некоторыми модификациями.

Все калмыцкие предложения подаются в формате, включающем три строки.

В первой строке содержится транскрипционная запись калмыцкого предложения или его фрагмента (на месте выпущенных в статьях частей предложений ставится символ ⟨...⟩ с разбиением на морфемы при помощи дефисов. Все калмыцкие примеры (как и отдельные слова и показатели в текстах статей) подаются *курсивом*.

Вторая строка содержит поморфемную нотацию («гlossы») примеров, в которой корневые морфемы передаются русскими

переводами, а грамматические аффиксы — специальными условными обозначениями, набранными малыми прописными латинскими буквами и, в отдельных случаях, цифрами². Обозначения отдельных морфем во второй строке также разделяются дефисами. Для перевода корней используются максимально близкие по смыслу русские слова в их исходной форме (именительный падеж, единственное число и, в случае прилагательных, мужской род для имен, неопределенная форма для глагола). Нулевые морфемы (за исключением нулевого показателя императива, обозначаемого в первой строке при помощи символа ∅) в структуре словоформ не обозначаются и, следовательно, не глоссируются.

Первые две строки выравнены таким образом, чтобы глосса каждого слова начиналась под началом калмыцкого эквивалента. Если пример занимает более одной строки, строки с калмыцким примером и его поморфемной нотацией переносятся попарно с сохранением того же принципа.

Наконец, в третьей строке дается перевод калмыцкого предложения в семантических («марровских») кавычках (‘’). В строке перевода в скобках могут появляться слова, восстанавливаемые по смыслу или требующиеся по правилам русского синтаксиса, буквальных эквивалентов которых в калмыцком предложении нет. При работе с носителями языка по анкетам часто предлагался определенный контекст или конситуация, где высказывание могло бы быть произнесено; эта информация записывается в фигурных скобках.

Рассмотрим для иллюстрации названных конвенций следующее калмыцкое предложение:

- (1) *bagʂə surkʉlʹč-nər-tə biil-xə zövə*
 учитель ученик-PL-DAT танцевать-PC.FUT право
ög-və
 дать-PST

{Учитель очень строгий. Но сегодня в школе день выпуска, и} ‘учитель разрешил ученикам потанцевать’.

² Поморфемный разбор калмыцких предложений осуществлялся при помощи программы Toolbox.

Запись этого примера означает, что первое слово *bagǰə* ‘учитель’ не имеет в своем составе материально выраженных грамматических аффиксов (что соответствует форме номинатива единственного числа), второе состоит из основы *surkulⁱč-* ‘ученик’, показателя множественного числа и показателя датива, третье — это глагол *biil-* ‘танцевать’ в форме «причастия будущего времени» и т. д.

Вычленение в составе основ словообразовательных аффиксов производилось факультативно, только в случае, если это было необходимо для анализа. Так, слово *surkulⁱč-* ‘ученик’ в принципе членимо на корень и два словообразовательных аффикса, однако в примере (1) его внутренняя структура не отражается.

Основной принцип глоссирования состоит в том, что все морфемы (и корневые, и грамматические) разбираются в строке поморфемного анализа единообразно, независимо от того, каким алломорфом они представлены, и от того, в какой функции или в каком значении они выступают в конкретном примере. Так, в примере (1) форма «причастия будущего времени» глагола *biil-* ‘танцевать’ используется в качестве вершины сентенциального актанта при предикате *zövə ög-* ‘разрешить’ (букв.: ‘право дать’), т. е. в функции, близкой к функции русской неопределенной формы глагола. Тем не менее, показатель *-xə* глоссируется как PC.FUT, т. е. как причастие будущего времени, так как такая грамматическая функция была признана первичной для этого показателя.

Таблица грамматических показателей и их глосс, используемых в настоящем сборнике, (например, PC.FUT — «причастие будущего времени») содержится в приложении «Список грамматических показателей». Поскольку сокращения, используемые в глоссах, преимущественно основаны на английских лингвистических терминах (часто восходящих к латинской традиционной лингвистической терминологии), в отдельное приложение («Условные сокращения») вынесены расшифровки соответствующих терминов (например, PC — «participle», FUT — «future»).

Следствием описанного принципа анализа является то, что в строке с поморфемным анализом структура калмыцкого предложения представлена в наиболее буквальном виде. Например, в калмыцком языке имеются функционирующие в качестве

подчинительных союзов единицы, возникшие в результате грамматикализации деепричастий глагола *gi-* ‘говорить’:

- (2) *bi* *ĉamagə* *ir-txä* ***gi-büü***
 я.NOM ты.ACC приходит-JUSSI говорить-CV.ANT
külä-žä-nä-v
 ждать-PROG-PRS-1SG
 ‘Я жду, что ты придешь’.

Как видно из приведенного примера, в строке с поморфемным анализом слово *gi-büü* разобрано как деепричастие глагола ‘говорить’. В подобных случаях предпочтение самому буквальному разбору в строке с поморфемным анализом отдается для того, чтобы читатель мог максимально точно представить себе форму и структуру используемых калмыцких единиц. О выполняемых же этими единицами функциях обычно можно судить по переводу (или по обсуждению в статьях, где такие примеры используются).

В целом калмыцкий язык демонстрирует агглютинативную технику сочленения морфем. Однако в ряде случаев вследствие фузионных явлений деление на морфы оказывается затруднено. В случае, если два грамматических значения (или лексическое и грамматическое значения) выражаются нечленимым на сегменты морфем, в строке с поморфемным разбором между символами для двух морфем ставится точка (см. выше в примере (2) *ĉamagə* (ты.ACC) ‘тебя’). Если одной единице калмыцкого языка соответствует сочетание двух лексем в русском, то между ними в глоссах также ставится точка: *egĉə* (старшая.сестра) ‘старшая сестра’.

Возможные структуры калмыцких словоформ, а также значения и основные функции большинства грамматических показателей в какой-то мере раскрываются в [Сай, настоящий сборник], однако для более глубокого понимания особенностей употребления многих из них требуется обращение к собственно исследовательским статьям.

Как уже было сказано, в настоящем сборнике используются калмыцкие материалы двух типов: спонтанные тексты (преимущественно нарративы) и предложения, полученные при работе с информантами методом анкетирования.

Нами было собрано 30 текстов общей длительностью чуть более 100 минут. Каждый текст имеет рабочее название, записанное латинскими буквами, перед которым ставится номер текста и знак нижнего подчеркивания. Например, обозначение 14_xitryj_muzhik отсылает к тексту номер 14 — к сказке о хитром мужике. В случае, если в какой-то статье используется пример из собранных текстов, после перевода примера дается условное обозначение текста, а затем после точки — номер соответствующего предложения в рамках текста (например, 14_xitryj_muzhik.12). Тексты с номерами 1–19 публикуются в настоящем сборнике. Отсылки к текстам с номерами больше 19 сопровождаются пометой «не публикуется». Все собранные нами тексты представлены на веб-странице Калмыцкого семинара (<http://iling.spb.ru/kalmyk>) в разделе «Наши материалы».

В третьей строке текстов обычно дается перевод, предложенный тем носителем калмыцкого языка, с которым этот текст разбирался (в разборе текстов обычно помогал не тот носитель языка, от которого был получен текст). По возможности мы стремились получить максимально точный и буквальный перевод того, что сказано в калмыцком спонтанном тексте; как следствие, в некоторых случаях переводы не соответствуют стандартам отредактированной письменной речи по-русски.

Все примеры, не сопровождающиеся в статьях отсылкой к собранным текстам (или к источнику цитирования), получены методом анкетирования. Строго говоря, в третьей строчке таких примеров может содержаться не перевод калмыцкого предложения, а тот русский стимул, переводом которого является калмыцкое предложение.

В предложениях, полученных методом анкетирования, часто содержатся дополнительные символы. Знаком астериск (*) помечаются предложения, которые наши информанты оценивали как неприемлемые, вопросительным знаком или двумя вопросительными знаками в верхнем индексе (?, ??) помечаются предложения, грамматическую правильность которых признавали не все опрошенные носители. Знаком (ОК) помечаются предложения, которые не были порождены носителями при переводе русского стимула, но которые были признаны грамма-

тически правильными при предъявлении на калмыцком языке. Знак косой черты (/) разделяет два сопоставляемых варианта фрагмента предложения, каждый из которых может сопровождаться знаками приемлемости или неприемлемости. Так, например, из записи следующего предложения следует, что в нем слово *ger*- ‘дом’ не может принимать показатель аккузатива и должно использоваться без падежного аффикса:

- (3) *bi neg ger / *ger-igə üz-ü-v*
 я.NOM один дом дом-ACC видеть-PST-1SG
 {Что ты видел?} ‘Я видел какой-то дом’.

В случае если косой чертой разделяются фрагменты, не помеченные символами (*), (?) или (OK), первым обычно дается вариант, который порождался при переводе русского стимула ббольшим количеством опрошенных носителей. Знаки степени приемлемости могут использоваться в третьей строке для оценки степени допустимости различных переводов одного калмыцкого предложения (см. пример (4) ниже).

В круглые скобки помещается факультативный материал. Знак степени приемлемости внутри скобок относится к тому варианту предложения, который включает слова, помещенные в скобки, знак приемлемости вне скобок — к варианту предложения без этого материала.

В некоторых случаях квадратными скобками обозначаются границы составляющих. Восстанавливаемые нулевые синтаксические элементы обозначаются символом \emptyset . Символы (i) и (j) используются для обозначения отношений кореферентности между именными группами или местоимениями (в частном случае — нулевыми). Эти конвенции могут быть проиллюстрированы следующим примером:

- (4) *bi [∅_i, *_j unt-xar] tedn-igə_j*
 я.NOM спать-CV.PURP они-ACC
xär-ül-čk-ü-v
 возвращаться-CAUS-COMPL-PST-1SG
 ‘Я отправил их домой, чтобы (лечь) спать’. (*‘Я отправил их домой спать’).

В этом предложении имеется зависимая целевая клауза, заключенная в квадратные скобки. В составе этой клаузы, возглавляемой целевым деепричастием глагола *unt-* 'спать', отсутствует эксплицитно выраженное подлежащее. Как следует из приемлемости двух переводов, предполагается отход ко сну того, кто отправляет, а не тех, кого отправляют. Соответственно в структуре калмыцкой целевой клаузы при деепричастии восстанавливается нулевое подлежащее, и один из символов потенциальной кореферентности с представленными в предложении местоимениями сопровождается астериском как неприемлемый.

3. Структура сборника

Структура сборника, как уже отмечалось, отражает лингвистические интересы участников калмыцких экспедиций. Составители не стремились к полноте описания грамматической системы калмыцкого языка; в центре внимания авторов оказывались наименее изученные моменты в калмыцком языке, интересные в типологической перспективе.

Несколько текстов должны облегчить читателю восприятие полевых материалов и статей, посвященных частным вопросам калмыцкого языкознания. Открывающая сборник статья «Языковая ситуация в Калмыкии: социолингвистический очерк» (В. В. Баранова) описывает функционирование калмыцкого языка в современной Калмыкии и предысторию языковой ситуации и обрисовывает особенности полевой работы в тех поселках, где проходили экспедиции (Ергенинский и Тугтун Кетченеровского района).

Другой текст вспомогательного характера — «Грамматический очерк калмыцкого языка» (С. С. Сай) — завершает сборник. Очерк призван дать читателю самое общее представление о системе калмыцкого языка и кратко описывает основные фонетические, морфонологические и морфологические особенности идиома по материалам экспедиций и предшествующих исследований. Синтаксический уровень описывается в меньшей степени, поскольку многим проблемам грамматической семантики и синтаксиса посвящены отдельные статьи.

Основная часть сборника открывается двумя статьями, связанными с поведением именных групп (статьи М. Б. Коно-

шенко «Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке» и М. А. Холодиловой «Конструкция с периферийным обладаемым в калмыцком языке»).

Большинство статей посвящены тем или иным проблемам грамматической семантики глагольных форм. Статья М. А. Овсянниковой «Акциональные классы глаголов калмыцкого языка» открывает этот раздел, так как проблематика акциональных свойств калмыцких глаголов и ее взаимодействие с другими категориями обсуждаются и в работах других авторов настоящего сборника. В Приложении находится «Список глаголов», акциональные свойства которых были установлены М. А. Овсянниковой (принципы составления списка вырабатывались коллективно на заседаниях Калмыцкого семинара и в ходе экспедиции 2007 года). Проблемам структуры и семантики индикативных глагольных форм зоны прошедшего времени посвящена статья К. В. Гото «Система финитных форм прошедшего времени в калмыцком языке».

Несколько статей находятся на стыке глагольной морфологии и синтаксиса. Статья К. Н. Прохорова «Калмыцкие формы косвенных наклонений: семантика, морфология, синтаксис» посвящена семантике соответствующих форм в их независимом употреблении и в составе полипредикативных структур. В статье Д. Ф. Мищенко «Деепричастия с показателями *-ǰə* и *-ad* в калмыцком языке» анализируются семантика и синтаксическая дистрибуция двух наиболее частотных деепричастных форм калмыцкого языка. В. В. Баранова в статье «Сложные глаголы в калмыцком языке» рассматривает структуру и функции конструкций, включающих две глагольные словоформы, функционирующие в качестве единого сказуемого клаузы. Семантике, синтаксису и употреблению глагольных структур, содержащих показатели глагольной множественности, пассива и каузатива в калмыцком языке посвящены статьи С. А. Оскольской, А. В. Выдриной и С. С. Сая («О глагольных показателях множественности участников в калмыцком языке», «Употребление показателя пассива в калмыцком языке», «Аргументная структура калмыцких каузативных конструкций» соответственно). В статье Н. В. Перковой «Номинализации в калмыцком языке» рассматриваются именные и глагольные

свойства калмыцких отглагольных образований (имен действия и причастий), имеющих дистрибуцию, близкую к дистрибуции имени.

Следующий раздел посвящен синтаксису полипредикативных конструкций калмыцкого языка и семантике используемых в них нефинитных форм (статьи К. А. Крапивиной «Причастие в роли сказуемого относительного оборота в калмыцком языке», М. Ю. Князева «Сентенциальные дополнения в калмыцком языке» и Н. В. Сердобольской «Аккузатив субъекта в зависимой предикации: за и против подъема аргумента в калмыцком языке»).

Другая важная часть сборника — публикация экспедиционных материалов. Запись текстов осуществлялась В. В. Барановой, А. В. Выдриной, К. В. Гото, М. Б. Коношенко, М. А. Овсянниковой, С. А. Оскольской, Е. В. Перехвальской, их разбор — В. В. Барановой (тексты № 3, 12–14, 18, 25, 30), А. В. Выдриной (15), К. В. Гото (11), К. А. Крапивиной (19), М. А. Овсянниковой (5–6, 21–23), С. А. Оскольской (24, 28), С. С. Саем (1–2, 4, 7–10, 16–17, 20, 26–27, 29). Тексты были отредактированы В. В. Барановой и С. С. Саем при участии К. В. Гото, Д. Ф. Мищенко, М. А. Овсянниковой, С. А. Оскольской, Н. В. Перковой и М. А. Холодиловой. Труд по технической подготовке текстов к печати взяли на себя С. А. Оскольская и М. А. Холодилова.

Отгlossированные калмыцкие тексты, записанные от жителей поселков Тугтун, предваряются «Комментарием к корпусу текстов» (В. В. Баранова, С. С. Сай) с объяснением принципов записи, социолингвистического контекста и анализом отдельных грамматических особенностей текстов.

В конце сборника приведены еще несколько приложений, отражающих коллективную работу участников Калмыцкого семинара. Над «Списком грамматических показателей» работали В. В. Баранова, К. В. Гото, К. А. Крапивина, С. А. Оскольская, С. С. Сай. Приложение «Условные сокращения» составили С. С. Сай и М. А. Холодилова; подготовкой «Предметного указателя» и «Указателя языков» занимались прежде всего Д. Ф. Мищенко, С. А. Оскольская, С. С. Сай и М. А. Холодилова.

4. Работа над сборником и благодарности

Калмыцкие экспедиции не могли бы состояться без энергии В. Ф. Выдрины и Е. В. Перехвальской.

Все три года в калмыцких экспедициях участвовали Влада Баранова, Александра Выдрина, Ксения Калашникова (Гото), Михаил Князев, Мария Коношенко, Ксения Крапивина, Софья Оскольская, Елена Всеволодовна Перехвальская, Наталья Перкова, Сергей Сай.

В самой многочисленной экспедиции 2006 года в поселок Ергенинский участвовали также Сагара Бабаева, Ольга Беличенко, Валентин Феодосьевич Выдрин, Петр Зубков, Ольга Иванова, Кристина Ковальская, Алина Кудряшева, Кирилл Маслинский, Анна Пивоварова, Кирилл Прохоров, Алла Сизова, Гульназ Яминова.

В 2007 году в Ергенинском были Валентин Феодосьевич Выдрин, Светлана Выдрина, Павел Гращенков, Анжелика Дубасова, Наталья Короткова, Дарья Мищенко, Мария Овсянникова, Анна Пивоварова, Кирилл Прохоров, Наталья Сердобольская.

В последней экспедиции в поселок Тугтун в 2008 году были Светлана Выдрина, Иван Капитонов, Дарья Мищенко, Мария Овсянникова, Наталья Сердобольская, Николай Стеблин-Каменский, Мария Холодилова.

На разных этапах проекта множество людей участвовали в работе. В. Ф. Выдрин разработал первую версию словаря морфем в проекте Toolbox и консультировал всех участников экспедиции по работе с этой программой. А. В. Дубасова в экспедиции 2007 года работала над обновлением словаря и словаря морфем. В течение всей работы над проектом К. А. Маслинский занимался разработкой и поддержкой сайта Калмыцкого семинара, работал над созданием модели корпуса калмыцкого языка.

Почти все участники экспедиций выполняли различные работы по подготовке этого сборника; основную часть работы по макетированию сборника взяла на себя М. А. Холодилова. Неоценимую помощь на этом этапе оказали также Д. Ф. Мищенко и С. А. Оскольская.

Особую благодарность мы выражаем рецензентам — П. М. Аркадьеву, А. П. Выдрину, Д. В. Герасимову, М. А. Даниэлю, Марии Копчевской-Тамм, Ю. Л. Кузнецовой, А. Л. Леонтьевой, А. Б. Летучему, Е. В. Перехвальской, А. Б. Шлуинскому, — чьи

замечания помогли сделать представленные статьи лучше. На последних этапах подготовки сборника к печати нам очень помогли М. Д. Восейкова, Н. М. Заика и П. О. Рыкин, вычитавшие некоторые из публикуемых статей.

Консультации И. А. Грунтова и П. О. Рыкина были чрезвычайно полезны на этапе ознакомления с калмыковедческой проблематикой; лекция А. Д. Нахимовского — при разработке проекта Toolbox.

Мы также чрезвычайно благодарны сотрудникам Калмыцкого государственного гуманитарного института РАН и Калмыцкого государственного университета.

В ходе экспедиций нам помогали многие жители Тугтуна, Ергенинского, Шин-Мера, Кетченеров. Это, в первую очередь, Буента Шарваевна Боянова, Кермен Михайловна Босхаева, Лидия Тимофеевна Горяева, Светлана Гадняевна Кикеева, Любовь Бембеевна Лиджиева, Надежда Дорджиевна Манджиева, Делгр Хейчиевна Муниева, Арслан Викторович Нармаев, Михаил Бадмаевич Ольдаев, Нина Манджиевна Патаева, Отхон Очировна Серкишева, Ногала Очировна Сотаева, Любовь Шурваевна Санджиева, Зинаида Меркеевна Урубжурова, Намру Лиджиевна Урубжурова, Людмила Бембеевна Чекеева, Александра Борисовна Хулхачиева, Феликс Саналович Шарваев. Отдельные благодарности хотелось бы выразить директору Тугтунской средней школы Голу Бембеевичу Серятырову, создавшему условия для работы экспедиции в 2008 году, и Замире Давидовне Хейчиевой, терпеливо помогавшей нам разбирать тексты для подготовки к публикации в Тугтуне и в Санкт-Петербурге осенью 2008 года.

Для нашей работы очень много сделали жители поселка Ергенинский: Светлана Нимгировна Авкаждиева, Александр Болтыкович Арнюдаев, Айса Александровна Арнюдаева, Любовь Зергановна Арнюдаева, Надежда Мутаевна Арнюдаева, Елена Басанговна Бадмаева, Эльзят Сехотаевна Бадмаева, Екатерина Нарановна Бакаева, Нина Николаевна Боваева, Байрта Бембеевна Довуркаева, Лидия Чилидовна Инчеева, Светлана Болсхонджиевна Кашаева, Зольван Кондратьевич Лиджиев, Алена Бамбушевна Лиджиева, Балджод Бадаевна Мамышева, Галина Цебековна Шавлинова. Два года нас поддерживал глава сельской администрации Батор Николаевич Саджаев и сотрудники детского сада и школы в поселке Ергенинский.

Литература

- Баранова В. В. Языковая ситуация в Калмыкии: социолингвистический очерк. Настоящий сборник.
- Илишкин И. К. (ред.). 1964. Русско-калмыцкий словарь. М.: Советская энциклопедия.
- Очиров У. У. 1964. *Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис*. Элиста: Калмгосиздат.
- Пюрбеев Г. Ц. 1977. *Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Пюрбеев Г. Ц. 1979. *Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Сай С. С. Грамматический очерк калмыцкого языка. Настоящий сборник.
- Санжеев Г. Д. (ред.). 1983. *Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Bläsing U. 2003. Kalmuck // Janhunen J. (ed.). *The Mongolic languages*. London: Routledge. P. 229–248.

В. В. Баранова, С. С. Сай

**ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КАЛМЫКИИ:
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК¹**

1. Введение

Представленный социолингвистический очерк современного положения калмыцкого языка не претендует на полноту данных и сознательно ориентирован на описание языковой ситуации в поселках Ергенинский и Тугтун Кетченеровского района Республики Калмыкия. Данное описание является социолингвистическим комментарием к сборнику, основанному на полевых материалах, и призвано, с одной стороны, очертить исторический контекст и общее положение калмыцкого языка, а с другой, дать читателю возможность представить специфику полевой работы в Калмыкии (в частности, в указанных поселках), обусловленную ситуацией языкового сдвига.

Существующие исследования языковой ситуации в Калмыкии и положения калмыцкого языка посвящены, как правило, официальному статусу идиома, использованию калмыцкого в высших коммуникативных сферах, взаимовлиянию национального самосознания и титульного языка [Grin 2000; Босчаева, Корнусова 2005; Биткеева 2006]. Эти макросоциолингвистические вопросы чрезвычайно важны для анализа языковой ситуации в Калмыкии, однако понимание ситуации неполно без микросоциолингвистических исследований. Количественные методы, используемые в макросоциолингвистических исследованиях, не всегда эффективны для описания языковой ситуации, или, по крайней мере, они оказываются недостаточными. Нижеследующее изложение языковой ситуации основано на качественных методах: данных

¹ Материал собран в 2007 г. в поселке Ергенинский и в 2008 г. в поселке Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий». Я благодарю Е. В. Перехвальскую и С. С. Сая за высказанные замечания.

наблюдений и интервью с информантами. Я попытаюсь рассмотреть особенности и истоки современной социолингвистической ситуации сквозь призму лингвистических биографий носителей языка.

Другое важное отличие от предшествующих описаний состоит в преимущественном внимании к факторам устойчивости языка. Социолингвистические описания калмыцкого языка, как это свойственно большей части исследований языкового сдвига, сосредотачиваются на признаках и причинах исчезновения миноритарного языка, однако, как показывают исследования ревитализации языков, необходимо учитывать также субъективную жизнеспособность языка [Bourhis et al. 1981] и отношение к языку как факторы сохранения языка [Fishman 1991]. Я рассматриваю положение калмыцкого языка преимущественно с точки зрения факторов устойчивости языка.

В статье описываются два поселка — Ергенинский и Тугтун Кетченеровского района, поскольку только в этих двух поселках работали участники экспедиции, однако фоном послужили материалы социолингвистической экспедиции автора в поселке Шин-Мер Кетченеровского района, в поселке городского типа Кетченеры и в городе Элиста (в октябре 2007 г.).

В разделе 2 описан исторический контекст и даны общие сведения о калмыцком языке и его носителях; в разделе 3 описано формирование современной языковой ситуации (на основании исторических свидетельств и лингвистических биографий информантов), в разделе 4 обсуждается современная языковая ситуация в Калмыкии, в разделе 5 — особенности полевой работы в ситуации языкового сдвига, затем рассматриваются некоторые различия изучаемых поселков — Ергенинского и Тугтуна (раздел 6). В разделе 7 представлены основные выводы.

2. История калмыцкого языка и языковая политика

Носители калмыцкого языка проживают в России (в Республике Калмыкия, а также на территории Астраханской, Волгоградской и Ростовской областей), в Китае (Синьцзян-Уйгурский автономный район), Кыргызстане (у озера Иссык-Куль). Самая многочисленная группа носителей калмыцкого языка — в Калмыкии.

На территорию современной Калмыкии калмыки переселились в начале XVII века из Центральной Азии, а в конце XVII века среди калмыков распространился ламаизм (разновидность буддизма). Традиционное занятие калмыков — скотоводство, предполагающее кочевой образ жизни, однако в советское время произошел переход к оседлости.

Калмыки составляют большинство населения Калмыкии. По данным переписи населения 2002 г., в Республике Калмыкия проживало 292,4 тысячи человек, из них 155938 (53,3% от общей численности населения) — калмыки, 98115 (33,6%) — русские и 38329 (13,1%) — представители других групп (небольшие сообщества даргинцев, чеченцев, казахов, украинцев, аварцев, немцев и др.). Некалмыцкое население сосредоточено в основном в Элисте и в крупных поселках, граничащих с Волгоградской областью.

В калмыцком языке выделяют бузавский, торгутский и дербетский (или дюрвюдский) диалекты; литературный язык основан на последнем варианте. В Кетченеровском районе распространен дербетский диалект.

Калмыки имеют давнюю письменную традицию. В 1648 г. просветитель Зая Пандита на основе использовавшегося калмыками монгольского квадратного письма создал ойратское (калмыцкое) вертикальное письмо «Тодо бичиг» («Ясное письмо»), но в 1924 г. для калмыцкого языка была введена новая письменность на основе кириллицы. Смена графики неизбежно нарушает культурную преемственность. Хотя «Ясное письмо» использовала лишь небольшая часть сообщества, к моменту смены письменности накопилось значительное число текстов (переводы старомонгольских и тибетских религиозных, философских книг, опубликованный калмыцкий эпос «Джангар» и др.), оказавшихся недоступными для следующих поколений. Однако на этом перипетии калмыцкого письма не закончились: в 1930 г. была введена латинская графика, а в 1939 — снова кириллица. Последний вариант используется и сейчас; в 2000–2001 годы планировалась реформа письменности, однако предложенная орфография вызвала недовольство носителей калмыцкого языка и школьных учителей и была отклонена [Баранова 2008].

Довоенная языковая политика советского государства была ориентирована на развитие начальной школы на родных языках основных языковых меньшинств. В 1920-ые годы обучение в калмыцких школах проходило преимущественно на русском из-за нехватки учителей и учебников, хотя распространение школы на родном языке происходило достаточно быстро. В 1923 г. обучение велось на русском языке, калмыцкий не преподавался; в 1925–26 учебном году первые и вторые классы с обучением на калмыцком языке открылись в 30 школах, а в остальных калмыцких школах калмыцкий преподавался только как отдельный предмет [Ташнинов 1969: 114]. Количество классов с преподаванием на калмыцком языке постепенно увеличивалось; к 1937 г. был полностью завершен перевод обучения в 1–4 классах калмыцкой школы на калмыцкий язык (русский язык преподавался как предмет; с 5 по 7 класс обучение велось на русском, а калмыцкий был одним из предметов). Работа калмыцкой школы была нарушена сначала войной, а затем выселением калмыков в Сибирь.

Переломным для языковой ситуации в Калмыкии был 1943 год. В 1940–44 годах были насильственно переселены многие народы Северного Кавказа (балкарцы, карачаевцы, ингуши, чеченцы), Закавказья (курды, турки-месхетинцы, хемшины и некоторые другие), немцы Поволжья, крымские татары и другие народы Крыма. По обвинению в измене Родине и коллаборационизме тотальному выселению подверглись и калмыки. В декабре 1943 года Калмыцкая АССР была расформирована (территории отошли Ставропольскому краю и созданной Астраханской области), а калмыки депортированы в Сибирь (Новосибирскую область, Красноярский и Алтайский края). Условия переселения, непривычный климат и голод привели к гибели тысяч калмыков (было выслано около 120 тысяч человек, а вернулось менее 78 тысяч). Только в конце 1956 г. калмыки были реабилитированы, и в 1957–58 годы вернулись в Калмыкию. В период с 1943 по 1957 годы калмыцкий язык не преподавался в школах, а языковая политика была направлена на исключение калмыков и калмыцкого языка из социальной жизни (в частности, калмыцкие топонимы были заменены русскоязычными названиями; например, город Элиста с 1944 по 1957 г. назывался Степной).

После реабилитации калмыков языковая политика, по крайней мере, в течение некоторого времени, была направлена на поддержку калмыцкого языка. В период с 1958 по 1962 годы в поселках работали начальные школы на калмыцком языке, в средней школе калмыцкий преподавался как предмет. После закрытия начальной школы на калмыцком языке калмыцкий как один из предметов сохранялся в школьной программе вплоть до настоящего времени. Сегодня калмыцкий язык преподается как предмет во всех школах Республики Калмыкия, существуют школы с углубленным изучением родного языка, в которых часть занятий в младших классах идет на калмыцком.

Калмыцкий язык, наряду с русским, обладает статусом государственного языка Республики Калмыкия (согласно закону «О языках в Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч» от 30 января 1991 года, см. анализ законодательства в статье [Grin 2000]), однако де-факто его употребление в официальной сфере ограничено: двуязычные носители не пользуются возможностью представлять свои интересы в суде или агитировать избирателей на калмыцком языке; лишь в исключительных случаях на калмыцком произносят научный доклад или пишут статью. На калмыцком языке выходит газета «Хальмг Үнн», ведутся радиопередачи, проходит часть телевещания на одном из каналов (новости на калмыцком языке), однако русскоязычные СМИ более популярны в республике.

Несмотря на официальный статус и меры поддержки калмыцкого языка в 1990–2000 годы, число носителей калмыцкого языка сокращается. Все носители калмыцкого языка — билингвы и свободно владеют доминирующим русским языком. Большинство свободно говорящих по-калмыцки людей относится к старшим возрастным группам и проживает в небольших, достаточно удаленных от центра поселках. В городе Элиста и крупных поселках используют почти исключительно русский язык; в большинстве калмыцких семей именно доминирующий русский язык используют в общении с детьми. Таким образом, калмыцкий язык находится в ситуации языкового сдвига.

3. Депортация в Сибирь и начало языкового сдвига

Основной фактор языкового сдвига, по мнению исследователей, — депортация калмыков в Сибирь. Жизнь в Сибири считают ключевым моментом при смене языка (или, по крайней мере, изменении норм использования языка и начале языкового сдвига) и большинство информантов:

Они попали туда (в Сибирь. — В. Б.), они стали говорить на русском. Почему у нас проблема языка идет — потому что они там потеряли (ЕНБ, 1957, родилась в Локтевском районе Алтайском крае, Ергенинский)².

Однако это часто встречающееся объяснение вовсе не исчерпывает ситуацию. Во-первых, депортация не привела к полному исчезновению калмыцкого языка. Во-вторых, значительный вклад в процесс постепенного перехода на русский язык оказали последующие десятилетия. Среди калмыков 1960–1980 годов рождения много тех, кто плохо знает калмыцкий язык и/или крайне редко говорит на нем, тогда как большинство сибирских детей все же в какой-то степени знают калмыцкий.

Языковой сдвиг — континуум, поэтому достаточно сложно (и, возможно, бесперспективно) выделять момент смены языка в сообществе, однако можно обозначить условную границу использования преимущественно того или иного языка на индивидуальном уровне. Лингвистические биографии информантов свидетельствуют, что подобный период для многих носителей приходится на 1970-ые годы; примерно такое же распределение дают наблюдения.

Проблема языкового сдвига рассматривается здесь с точки зрения социальных изменений, т. е. в центре внимания оказываются изменения в составе носителей калмыцкого языка (сокращение их числа, преобладание представителей старшей возрастной группы среди говорящих и др.) и изменения в распределении идиомов по разным коммуникативным сферам (domains) и специфика коммуникации на калмыцком языке. Структурные изменения

² Здесь и далее в скобках указаны инициалы и основные сведения об информанте: год и место рождения, местожительство (если оно не совпадает с местом рождения).

в калмыцком языке и специфика текстов на калмыцком обсуждается в [Баранова, Сай, настоящий сборник].

Насильственное переселение, тяжелые условия переезда, непривычный климат Сибири, голод привели, как уже сказано, к резкому сокращению численности народа. Оставшаяся часть сообщества нередко предпочитала использовать русский, а не калмыцкий язык, так как непрестижное положение ссыльных распространялось и на их язык. Среди русскоязычного населения поселков, куда сослали калмыков, распространились слухи о том, что калмыки — каннибалы, поэтому местное население боялось приезжих [Гучинова 2005]. Пожилые калмыки вспоминают, что те, кто мог говорить по-русски, старались в присутствии посторонних говорить между собой по-русски, так как иначе соседи подозревали их в преступных намерениях.

Калмыки в Сибири не жили компактно, а были расселены дисперсно, группами по две–три семьи в поселки со смешанным населением. В некоторых деревнях сложилось калмыцкое сообщество, но многим калмыкам не с кем было говорить на родном языке.

В Сибири калмыцкий язык не преподавали в школе. При дисперсном расселении калмыков невозможно было сформировать классы из детей одного возраста. Кроме того, «в 1944–45 учебном году дети-калмыки школьного возраста в подавляющем большинстве вообще не обучались из-за бедственного материального положения» [Бакаев и др. 2001: 217]. В последующие годы дети-калмыки, как правило, поступали в школу с русским языком обучения, хотя учились обычно лишь несколько лет: многие информанты вспоминают, что в девять–десять лет бросили школу, чтобы пойти работать. Как правило, кто-то из взрослых, знающих русский, собирал детей из разных семей и занимался начальным уровнем русского языка; дети, родившиеся в Сибири, усваивали русский в общении со сверстниками — русскими, украинцами, немцами.

Как отмечают некоторые информанты, до депортации русский язык практически не был известен сообществу: им владели жители города и отдельные калмыки, получившие до революции школьное образование на русском языке или служившие в армии. Пожилые информанты подчеркивают, что до 1943 года русский знали только «грамотные люди», выполняв-

шие роль переводчиков при контактах с русскими. Те, кто не знал русского (а таких было большинство), ощущали себя крайне некомфортно и стремились быстро овладеть им:

<— А вы знали русский?> Нет. Но потом на работу ходили — и научились. Ну, не так качественно... Там тоже были... на русском знали. Ну там были, кто по-русски знали, а мы как немые были, калмыки (...) Были такие старики, которые приехали в Сибирь и не научились по-русски. Так и вернулись. Мы научились на работе, и все нас учили, девчат. С девчатами ходили — там отдыхаем, кушаем на таборе — и научились. А старики никуда не ходили. (ДАБ, 1926, родилась в Ергенинском).

ДАБ, которой в 1943 году было 17 лет, сравнительно быстро овладела минимальным уровнем русского языка, достаточным для коммуникации с другими работниками колхоза, однако ее компетенция в русском языке до сих пор недостаточно полна, а по-калмыцки она говорит свободно. Она отмечает, что пожилые люди могли и не выучить русский вовсе или овладеть специфическим кодом, который информанты называют «смешанным языком».

Большинство калмыков, чье детство или юность прошли в Сибири, свободно владели русским языком, но, как правило, в большей или меньшей степени говорили и по-калмыцки; внутри семьи калмыки предпочитали говорить на родном языке, если была такая возможность.

Исключения из этого двуязычного правила составляют, во-первых, дети и подростки, оставшиеся без родителей, не выучившие калмыцкий (или забывшие его) и владевшие только русским, и, во-вторых, пожилые женщины, не овладевшие русским языком за время пребывания в Сибири (если в поселке оказывалось достаточное число калмыков, то несколько родственных семей держались вместе и бабушка оставалась со всеми детьми, практически не выходя за пределы дома). Если ребенок оказывался вне языковой среды (а во время переселения многие дети остались сиротами), то его знания калмыцкого сводились к воспоминаниям раннего детства; возможность восстановления языковой компетенции представилась уже после возвращения в Калмыкию. Таким образом, уровень владения титульным языком в значительной степени зависел от биографических

обстоятельств, что служит одним из первых признаков языкового сдвига. Чудовищное сокращение общей численности калмыков во время вынужденного переселения и тяжелой жизни в Сибири привели к нарушению нормальных механизмов передачи языка. В сообществе одновременно сосуществовали группы, одноязычные только на титульном или только на русском языке, — такое положение, при котором представители разных поколений не имеют общего языка, характерно для радикальной языковой смерти, тогда как для других случаев исчезновения языка характерен длительный период двуязычия всего сообщества. Подобные ситуации быстрого исчезновения языка в условиях политических репрессий характеризуются катастрофическими темпами языкового сдвига («radical language death» в терминологии [Campbell, Muntzell 1992], или «tip» в терминологии Н. Дориан [Dorian 1981: 51]).

Однако в 1957–58 г. калмыки возвращаются в Калмыкию, т. е. было восстановлено компактное проживание (некоторые из калмыков, расселенные в Сибири в отдаленные поселки, лишь здесь оказались в калмыцком языковом окружении), способствовавшее сохранению языка.

Языковая лояльность сообщества была чрезвычайно высока: многие люди, не выучившие калмыцкий язык из-за трагических биографических обстоятельств, стремились компенсировать это, как только оказались в Калмыкии. В сообществе выработались механизмы приостановления языкового сдвига и восстановления компетенции отдельных носителей. Следует отметить чрезвычайно активное отношение к языку, проявляющееся как на уровне индивидуальных стратегий, так и в жизни всего сообщества. Приведу два примера. Калмычка А. (АДЛ, 1935, родилась в Ергенинском), осиротевшая по дороге в Сибирь, оказалась в 8 лет в детском доме, где выучила русский и забыла калмыцкий язык. В 19 лет она вернулась к родственникам-калмыкам, но она полностью забыла калмыцкий. По ее словам, она испытывала дискомфорт из-за незнания языка, а родственники-калмыки ждали от нее, что она освоит калмыцкий язык, и А. целенаправленно изучала калмыцкий как второй язык:

Я среди русских жила с малых лет, в детдоме, поэтому я приехала домой — сестра меня забрала — ни а, ни бе не знала. Вот по пять слов писала сама — сама училась. <— И специально записывали?> Ну конечно. По одиночке слова записывала — а после уже само по себе

приходит. Как предложение, как обращаться к людям. Записывала и каждый день учила. Потому что приходят бабушки, между собой разговаривают — я не понимаю, а я же типичная калмычка. Их переспрашивать — они по-русски не знают. В общем, в какой-то момент мне очень тяжело было, понимаешь? По-русски они не понимают, по-калмыцки я не понимаю. Ну, я решила сама учиться. Вот я и выучила (АДЛ, 1935, родилась в Ергенинском).

Язык А. несколько отличается от языка ее сверстников, она использует достаточно много синтаксических моделей, заимствованных из русского языка, но в поселке Ергенинский все признают ее полноценным носителем калмыцкого языка, а с другими пожилыми калмыками А. говорит преимущественно на калмыцком языке. Другой пример — история Р., которая родилась в 1942 г. в городе Элиста, но с 1943 г. жила в одном из поселков Тюменской области (Сибирь), где не было калмыцкой языковой среды; в 1949 г. переехала в Тюмень и среди других депортированных детей выучила калмыцкий, однако потом семья оказалась на золотых приисках в Красноярском крае, Р. снова забыла калмыцкий язык, и выучила его уже во взрослом возрасте в Калмыкии в университете; сейчас Р. — один из ведущих специалистов по калмыцкому языку.

Однако, несмотря на усилия сообщества сохранить калмыцкий язык, с 1960–1970-ых годов нарастает расхождение в стратегиях использования языка и языковой компетенции городских и сельских жителей и калмыков, относящихся к разным поколениям, т. е. формируется континуум носителей по степени владения языком, что характерно для постепенного языкового сдвига («gradual language death» в терминологии Л. Кэмпбелл и М. Мюнцеля [Campbell, Muntzell 1992]). Итак, после возвращения в Калмыкию языковой сдвиг не прекратился, но, по крайней мере, перешел к другому типу.

4. Особенности современной языковой ситуации в Калмыкии

Главные особенности языковой ситуации в Калмыкии — это анклавный характер существования калмыцкого языка, письменная форма существования языка, нарушение естественных моделей передачи языка (на уровне всего сообщества) и формирование возрастного континуума компетенции носителей. Эти черты характерны для множества языков, находящихся под угрозой.

4.1. Калмыцкий язык в анклавах

В Элисте и в крупных поселках русификация происходила достаточно быстро, тогда как жители небольших ферм вели традиционный образ жизни, предполагавший общение на родном языке, так что дети из семей скотоводов плохо владели русским. Каждая семья была прикреплена к той или иной ферме в совхозе, но фактически большую часть времени калмыки проводили на «точках» — одиночных домах в степи, сооружаемых в местах выпаса скота. Дети-дошкольники жили на «точках», а когда поступали в школу, родители оставляли их на ферме с родственниками или в интернате и забирали в степь на каникулы. Сельская часть калмыков, несмотря на опыт 13-летнего проживания в иных условиях, быстро включилась в додепортационный ритм жизни, тогда как часть сообщества под влиянием травматического опыта депортации стремилась в 1960–1980-ые годы к социализации внутри доминирующей русскоязычной культуры.

Анклавный характер распространения калмыцкого языка косвенно связан и со школой: начальную школу на калмыцком языке в конце 1950 — начале 1960-х годов открывали в тех поселках, где менее всего был распространен русский язык, что увеличивало разрыв между русскоязычными и преимущественно калмыкоязычными калмыцкими поселками. Информанты вспоминают, что уже в 1970-ые годы по-калмыцки в Элисте говорили только сельские жители. Сегодня существует высокая вероятность угадать поселок, из которого прибыл человек, говорящий по-калмыцки³. В настоящее время разрыв между поселками, в которых говорят на калмыцком, и «неговорящими» городом и селами стал почти непреодолим (при этом число тех, кто свободно говорит по-калмыцки, сокращается). Это расхождение осознается как городскими, так и сельскими калмыками и служит объяснением индивидуального языкового выбора для первых и поводом для гордости для вторых:

³ Возможно, что на сегодняшний день важен не только статус и численность населения поселка, но географическая принадлежность. Многие информанты полагают, что калмыцкий язык лучше всего сохранился в Кетченеровском районе, однако я не могу подтвердить или опровергнуть это наблюдение.

Раньше смеялись над нами в городе, что мы по-калмыцки говорим, а сейчас им нравится, и мы как специально говорим, что мы как бы выше их получаемся (НДМ, 1957, родилась в Алтайском крае, Тугтун).

«Жизнь в калмыцком селе» как импликация знания языка (и жизнь в городе как условие невладения языком) настолько стереотипизированы, что даже использовались в школьной практике: ученики из школы-партнера «Алтин хасн» (Элиста) приезжали на экскурсию в Тугтун с подготовленными текстами на английском языке, а школьники из средней школы поселка Тугтун готовили экскурсию на калмыцком (хотя дети из поселка не всегда владеют калмыцким, а элистинские ученики были из школы с углубленным изучением калмыцкого).

4.2. Письменная форма существования языка

Материалы социолингвистического опроса показывают, что наиболее вероятный домен использования калмыцкого языка — это сфера образования (ситуации «В библиотеке» и «С учителем» [Босчаева, Корнусова 2005: 152–153])⁴. Помимо использования идиома преимущественно в одной коммуникативной сфере — в среднем образовании (соответствующая обстановка — школа, собеседник — учитель, а тема — школьные успехи детей или части программы), неограниченное доверие сообщества к институциональной поддержке приводит и к трансформации понятия «знать язык L/говорить на языке L». По данным того же социолингвистического опроса, дети из Яшалтинского района (в котором сохранность языка не очень велика) отвечали, что хуже понимают устный калмыцкий язык, но лучше читают и пишут. Авторы проекта полагают, что подобные ответы являются

⟨...⟩ отражением традиционного подхода к обучению калмыцкому языку в системе образования, когда акцент делается на развитии не коммуникативных, а пассивных навыков, т. е. ребенок может рассуждать следующим способом: «говорить на калмыцком и понимать обращенную ко мне речь я не могу, но могу читать и писать», хотя очень сомнительно, понимает ли он то, что читает и пишет [Босчаева, Корнусова 2005: 152].

⁴ В данном случае я не готова определить, отражают ли полученные авторами опроса проценты ответов фактическое функциональное распределение идиомов (при котором за калмыцким закреплена сфера образования) или лишь представления респондентов, вынужденных вспоминать, где может понадобиться калмыцкий язык.

Таким образом, понятие чтения и письма на родном языке меняет смысл и начинает обозначать знание соответствующих букв (отличных от русского алфавита) и, вероятно, знание основных правил калмыцкой орфографии⁵.

Представление о преимущественном использовании калмыцкого языка в сфере образования предполагает, что «экспертами» в языковых вопросах являются учителя, специалисты по калмыцкому языку из университета. Однако большинство образованных калмыков, в том числе и учителей калмыцкого языка и литературы, в повседневной жизни используют преимущественно русский язык. Калмыцкий относится для них в основном к сфере письменной коммуникации (включающей в себя и чтение литературы на калмыцком языке и проверку школьных сочинений). Нередко эти люди склонны к языковой рефлексии и винят себя в том, что говорят по-русски. Например, учительница Б. (ББД, 1975, родилась в Ергенинском), хорошо владеющая калмыцким языком, спохватывалась, что, обсуждая с исследователем дальнейшие судьбы калмыцкого языка, все равно окликает дочь-подростка на русском (хотя та понимает калмыцкий).

Чтению и письму, как сказано выше, учит школа, и только эти навыки остаются у тех, кто не использует калмыцкий язык. К письменной коммуникации обращаются и носители с высокой мотивацией выучить калмыцкий язык, поступающие на калмыцкий факультет в университете или участвующие в форуме «Говорим по-калмыцки» (<http://www.elista.org/forums/index.php>).

Письменная форма усвоения и использования калмыцкого языка стала массовой лишь в последние десятилетия. К сожалению, ситуация языкового сдвига, в первую очередь — отказ от использования калмыцкого языка в общении с детьми, приводит к тому, что письменная форма языка не дополняет устную (как это свойственно «благополучным» стандартизованным языкам), а оказывается единственным вариантом, который усваивает младшее поколение. В сообществе сосуществуют преимущественно устная форма использования калмыцкого языка у «полноценных» носителей (лишь очень немногие пожилые носители используют калмыцкий

⁵ Возможна и другая интерпретация этих данных: формирование специфически письменной компетенции («читаю со словарем»).

для чтения и письма) и преимущественно письменная форма существования языка у молодых членов сообщества.

4.3. Возрастные типы носителей калмыцкого языка

Еще одна особенность современной языковой ситуации в Калмыкии — корреляция между языковой компетенцией индивида и принадлежностью к определенному поколению. Формирование возрастного континуума компетенции — чрезвычайно характерное свойство градуального языкового сдвига.

Представленная ниже типология носителей является обобщением лингвистических биографий информантов из разных поселков, поэтому носит несколько условный характер.

1. **Старики** (1920–30 годов рождения). Первым языком тех, кто родился до депортации, был калмыцкий; русский они освоили в Сибири. Как правило, калмыки 1930-х годов рождения достаточно легко овладели русским (в отличие от своих родителей). Среди самых пожилых носителей (начала 1920-ых годов рождения) встречаются плохо знающие русский язык.

2. **«Сибирское поколение»** (1940–1950-ых годов рождения). Овладение калмыцким языком для тех, кто родился в Сибири или был перевезен туда во младенчестве, зависел, как показано выше, от биографических обстоятельств, однако, как правило, первым языком все-таки был калмыцкий (за исключением детей-сирот). Однако затем семейный язык вступал в конкуренцию с русским — языком сверстников, формального образования, в дальнейшем — работы. Именно представители этого поколения первыми перестали говорить по-калмыцки со своими детьми, хотя сами достаточно хорошо знают калмыцкий, обращаются по-калмыцки к старшим, используют и русский, и калмыцкий в общении со сверстниками. Некоторые представители сибирского поколения попали в начальную школу на калмыцком языке (после возвращения в Калмыкию), а затем столкнулись с болезненным переводом на русский язык; своих детей они стремились оградить от подобного шока.

3. Среди тех, кто родился в **1960–70 годы**, не все владеют калмыцким языком. Во многих семьях в 1960–70 годы с детьми говорили по-русски (отчасти для того, чтобы упростить переход к школьной жизни). Городские калмыки этого поколения часто плохо знают калмыцкий, хотя и сожалеют об этом; на волне

этнического возрождения 1980–90-ых годов они стремились отправить детей в школу с калмыцким языком, так как сами часто не могли предоставить доступ к калмыцкому языку. Люди 1960–70 годов рождения, живущие в поселках, обычно владеют калмыцким, хотя их компетенция отличается от компетенции представителей первых двух групп.

4. Для всех **молодых людей и подростков** (1980–1990-ых годов рождения) и **детей** (2000-ых годов рождения) родным языком является русский, калмыцким они владеют в рамках школьной программы. Подростки из поселков, в которых сохраняется калмыцкий язык, способны, как правило, поддерживать коммуникацию на бытовые темы с постоянным переключением кодов или отвечать по-русски на обращение по-калмыцки. Молодые люди и подростки из менее благополучных в языковом отношении поселков могут воспроизвести несколько фраз на калмыцком (формулы приветствия и т. п.). Хорошее, по сравнению со сверстниками, знание калмыцкого в рамках этих групп является индивидуальным достоянием и предметом гордости. Однако их компетенция, в любом случае не полна и их можно назвать полуязычными носителями⁶.

Внутри каждой группы есть люди, выучившие язык самостоятельно. Для тех, кто родился в Сибири, это означает меньшую, по сравнению со сверстниками компетенцию, для молодых носителей — наоборот, хорошее, по сравнению со сверстниками, знание языка.

5. Специфика полевой работы в условиях языкового сдвига

Некоторые из особенностей полевых записей в Калмыкии, в частности, значительное варьирование, типичны для описания любого языка с преимущественно устным употреблением; другие — такие, как существенное различие в компетенции информантов и преобладание полноценных носителей среди старшей возрастной группы, — связаны с сохранностью языка. Представленные в сборнике тексты и статьи сознательно ориентированы на устный вариант калмыцкого языка (или на дюрвюдский диалект).

⁶ Т. е. некомпетентными говорящими; см. о полуязычных носителях (semi-speakers) [Dorian 1980].

Особенности полевой работы с носителями исчезающих языков неоднократно становились предметом рассмотрения [Bowern 2008; Evans 2001], в том числе, и применительно к контактными ситуациям с доминирующим русским языком [Кибрик 1972; Кибрик (ред.) 2005]. Часто отмечается невозможность использовать в таких случаях стандартный метод прямой элицитации («elicitation»): «в случае работы с полужычными носителями, типичными для ситуации исчезновения языка, он становится бесполезным» [Grinevald 1998: 155].

В ситуации языкового сдвига происходит повышение вариативности (по сравнению с «нормальной ситуацией» устной формы существования языка). В предельном случае исследователь сталкивается с континуумом идиолектов. В этих случаях возникает проблема выбора варианта для документирования языка. Нередко в контактных ситуациях в сообществе формируется сравнительно устойчивый вариант языка, используемый молодым поколением носителей (см., например, классическое описание варианта дирбал у молодых людей [Schmidt 1985]). Трудно сказать, сформировался ли такой сокращенный вариант калмыцкого языка, образуют ли их идиолекты систему.

Возрастные варианты языка представляют собой, особенно с точки зрения социолингвистов, самостоятельный интерес, однако для целей данного сборника нам показался правильным сравнительно консервативный вариант выбора «полноценных» носителей в качестве информантов. Грамматическое описание языка предполагает определенный консерватизм, ориентацию на норму предшествующего поколения.

Достаточно традиционным является и принятое в рамках Калмыцкого семинара и настоящего сборника решение проблемы варьирования: особенности идиолектов не рассматриваются. Учитывается только вариативность, допускавшаяся всеми носителями.

Особенности идиолектов могут быть прослежены на текстах, поскольку при выборе текстов мы допускали большую свободу, чем при отборе лингвистических анкет. В любом случае все информанты, от которых записаны тексты, — «полноценные» носители языка (сама по себе способность произнести спонтанный монолог на калмыцком языке является достаточным тестом), однако среди них есть представители разных поколений и, следовательно, разных возрастных групп носителей.

6. Языковое сообщество в поселках Ергенинский и Тугтун

Ниже сравниваются два калмыцких поселка — Ергенинский и Тугтун — Кетченеровского района, в которых велась полевая работа в 2006–2007 годы и в 2008 году соответственно. Это сравнительно небольшие поселки. И Ергенинский, и Тугтун считаются поселками, сохранившими калмыцкий язык (это мнение разделяют и сами жители, и их соседи); как правило, информанты называли эти поселки «говорящими», «калмыцкими» или «чистыми». Однако с точки зрения использования калмыцкого языка эти поселки различаются между собой.

Ергенинский — поселок расположен на трассе Волгоград–Элиста, примерно 1000 жителей, калмыки составляют около 90% населения. Немногочисленные некалмыки в поселке не владеют калмыцким; по-русски обращаются и к любым незнакомым людям (поскольку поселок расположен на шоссе, в нем часто бывают посторонние). Выбор калмыцкого или русского зависит от возраста носителя и его собеседника, однако чаще коммуникация происходит на русском.

Тугтун — небольшой поселок (около 300 жителей), расположенный в стороне от трассы; в Тугтун ведет грунтовая дорога, по которой затем можно проехать в еще один маленький поселок, Эвдыг. Сообщение осуществляет автобус, который ходит два раза в неделю в районный центр (Кетченеры). Единственная русская в поселке (молодая учительница, вышедшая замуж в Тугтун около 8 лет назад) понимает калмыцкий, хотя отвечает обычно по-русски. В Тугтуне калмыцкий язык используется в повседневном общении. Все жители поселка двуязычны и постоянно переключают коды.

Различия между двумя поселками достаточно значительны, хотя они скорее количественные, нежели качественные. В обоих случаях мы наблюдаем возрастной континуум компетенции, однако в Ергенинском этот процесс зашел несколько дальше. Компетенция первых двух возрастных групп (1920–30-х годов рождения и «сибирского поколения») примерно одинакова, но 40–50-летние калмыки в Тугтуне признаются (и являются) «полноценными» носителями языка, тогда как в Ергенинском этот рубеж сдвинут в сторону пожилых носителей.

Разница между поселками оказалась достаточной, чтобы авторы настоящего сборника использовали преимущественно материалы из Тугтуна в примерах к статьям. В сборнике публикуются только тексты, записанные в Тугтуне. Хотя в Ергенинском также было записано несколько текстов, их качество гораздо ниже: даже хорошие информанты из Ергенинского затруднялись перед записью текстов, нередко просили дать им возможность обдумать и подготовить историю. Возможно, существуют собственно лингвистические отличия ергенинского варианта от тугтунского, хотя ситуация языкового сдвига делает практически невозможным сравнение двух систем. Однако полностью игнорировать два года полевой работы в поселке Ергенинский тоже нельзя — на этих материалах строились гипотезы, которые затем проверялись на материалах текстов и анкет из Тугтуна.

7. Выводы

Начало процесса языкового сдвига связано с депортацией калмыков в Сибирь. После возвращения языковой сдвиг замедлился, но не прекратился. Если положение калмыцкого языка в Сибири представляет собой случай катастрофических темпов смены языка, то языковая ситуация в Калмыкии после 1957 г. может быть классифицирована как постепенный (градуальный) языковой сдвиг.

Языковая лояльность сообщества достаточно высока, и без влияния субъективных факторов жизнеспособности языка невозможно объяснить сохранение калмыцкого языка в Сибири и приостановку языкового сдвига после возвращения в Калмыкию, восстановление компетенции отдельных носителей, индивидуальные усилия по изучению языка, предпринимаемые некоторыми молодыми калмыками.

Владение калмыцким языком зависит от ряда факторов: принадлежности к локальному сообществу (выделяется ряд поселков-анклавов, в которых используется преимущественно калмыцкий язык), поколения, индивидуальных свойств (особенностей семьи, лингвистической биографии, мотивации к овладению калмыцким языком). В сообществе представлены различные типы компетенции, образующие континуум от «полноценных» до полужычных носителей. Выделяется группа носителей калмыцкого языка,

использующих калмыцкий преимущественно в письменной коммуникации; они составляют большинство среди молодых калмыков.

Этот континуум определяет специфику полевой работы лингвистической экспедиции в Калмыкии и диктует выбор места и отбор информантов, а также некоторые ограничения в выборе методов получения материала. Статьи в сборнике основаны на материале более благополучного в языковом отношении поселка Тугтун, в котором представители средней возрастной группы свободно владеют языком и используют его в повседневной коммуникации.

Литература

- Бакаев П. Д., Бугай Н. Ф., Бурчинова Л. С., Гладкова С. А., Романов А. С., Тапкина А. О. (ред.). 2001. *Ссылка калмыков: как это было*. Сборник документов. Элиста: Калмыцкое книжное издательство. Т. 1. Кн. 2.
- Баранова В. В. 2008. Кто и как меняет язык? (Дискуссии о языковом планировании в Калмыкии) // *Учебный текст в советской школе*. СПб.; М.: Институт логики и когнитологии. С. 417–424.
- Баранова В. В., Сай С. С. Комментарий к корпусу текстов. Настоящий сборник.
- Биткеева А. Н. 2006. *Социальные функции национального языка в современном мире: ойрат-калмыцкий язык*. Автореф. ... дисс. д-ра. филол. наук. М.
- Босчаева Н. Ц., Корнусова Б. Э. 2005. Социолингвистическая ситуация в Республике Калмыкия (предварительные результаты социологического исследования) // *Сохранение и развитие языков: языковое планирование в Европе и России*. Материалы международного семинара (28–29 сентября 2004). Элиста: Джангар. С. 146–160.
- Гучинова Э. Б. 2005. *Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков*. Stuttgart: Ibidem-Verlag.
- Кибрик А. Е. 1972. *Методика полевых исследований (к постановке проблемы)*. М.: Изд-во МГУ.
- Кибрик А. Е. (ред.). 2005. *Малые языки и традиции: существование на грани*. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. М.: Новое издательство.
- Ташнинов Н. Ш. 1969. *Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Bourhis K., Giles H., Rosenthal D. 1981. Notes on the construction of a subjective vitality questionnaire for ethnolinguistic groups // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2. P. 145–155.
- Bowern C. 2008. *Linguistic fieldwork: a practical guide*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

- Campbell L., Muntzell M. C. 1992. The structural consequences of language death // Dorian N. C. (ed.). *Investigating obsolescence: Studies in language contraction and death*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 181–196.
- Dorian N. C. 1980. Language shift in community and individual: The phenomenon of the laggard semi-speaker // *International Journal of the Sociology of Language*, 25. P. 85–94.
- Dorian N. C. 1981. *Language death: The life cycle of a Scottish Gaelic dialect*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Evans N. 2001. The last speaker is dead — long live the last speaker! // Newman P., Ratliff M. (eds.). *Linguistic fieldwork*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 250–281.
- Fishman J. A. 1991. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Philadelphia: Multilingual Matters.
- Grin F. 2000. Kalmykia: from oblivion to reassertion? // *European Centre for Minority Issues Working Paper*, 10, Flensburg. Доступен на веб-странице (http://www.ecmi.de/download/working_paper_10.pdf).
- Grinevald C. 1998. Language endangerment in South America: a programmatic approach to endangered languages // Grenoble L. A., Whaley L. J. (eds.). *Language Loss and Community Response*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 124–160.
- Schmidt A. 1985. *Young People's Dyirbal: An Example of Language Death from Australia*. Cambridge: Cambridge University Press.

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ ОБЪЕКТА В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Дифференцированным маркированием объекта (в литературе распространена аббревиатура DOM от английского Differential Object Marking) называется расщепленное кодирование пациентивного участника ситуации, выражаемого именной группой (ИГ) в позиции прямого дополнения (далее такую ИГ я буду называть прямым дополнением — ПД), в зависимости от семантических и прагматических свойств этого участника или всей ситуации в целом. Рассмотрим пару примеров из калмыцкого языка:

(0а) *Badma neg küükə ümsə-v*
Бадма один девушка целовать-PST
'Бадма поцеловал какую-то девушку'.

(0б) *Badma en küük-igə ümsə-v*
Бадма этот девушка-ACC целовать-PST
'Бадма поцеловал эту девушку'.

В (0а) прямое дополнение, референт которого имеет неопределенный референциальный статус, не получает никакого падежного аффикса, а в (0б) ПД, выраженное определенной ИГ, оформляется показателем аккузатива.

В языках мира распределение способов кодирования прямого дополнения может определяться следующими параметрами:

¹ Благодарю Н. В. Сердобольскую за консультации в процессе проведения моего полевого исследования и критические замечания по поводу первой версии настоящей статьи.

Материал собран в экспедициях 2006-2007 г. в поселок Ергенинский и 2008 г. в поселок Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России».

референциальным статусом ИГ, одушевленностью, темарематическим статусом, линейной позицией прямого дополнения в высказывании, весом ИГ, выражающей прямое дополнение, глагольным аспектом и значением партитивности. Литература по этому вопросу огромна, приведем здесь лишь такие широко известные работы, как [Comrie 1975, 1989; Johanson 1977; Moravcsik 1978; Nopper, Thompson 1980; Aissen 2003; Haspelmath 2005].

Данное исследование посвящено явлению DOM в калмыцком языке. Цели настоящей статьи состоят в том, чтобы, во-первых, продемонстрировать вероятностный характер появления показателя аккузатива у прямого дополнения в калмыцком, во-вторых, проверить, какие именно из указанных факторов и каким образом влияют на кодирование пациентивного участника, и, наконец, показать, что, хотя явление DOM в калмыцком чувствительно к большинству факторов, упомянутых выше, они выстраиваются в определенную иерархию.

Предлагаемый анализ основывается на материалах, собранных методом «элицитации»: перевод предложения, обычно с заданным левым контекстом, с русского языка на калмыцкий, затем оценка возможных вариантов перевода, предлагаемых исследователем, — а также на данных из текстов, в основном спонтанных нарративов, порожденных самими носителями, и пересказов русских текстов на калмыцком языке.

Раздел 2 настоящей статьи посвящен тому, как описывается оформление прямого дополнения в калмыковедении. В разделах 3–4 предлагается анализ интересующего нас явления с привлечением типологических данных и, соответственно, рассматривается влияние на кодирование прямого дополнения таких параметров, как референциальный статус, одушевленность, коммуникативное членение и порядок слов. В разделе 5 обсуждается зависимость появления оформленного прямого дополнения от веса ИГ, которая его выражает. В разделе 6 речь идет о связи DOM с квантификацией, в том числе о релевантности значения партитивности для кодирования пациенса. В разделе 7 полученные данные суммируются и предлагается порядок действия выявленных параметров на оформление прямого дополнения в калмыцком языке.

2. Проблема кодирования прямого дополнения в работах по калмыковедению и монголистике

Расщепленное кодирование прямого дополнения в монгольских языках являлось объектом внимания исследователей с середины XIX века: эта проблема обсуждается уже в работах [Бобровников 1849], а также [Котвич 1902].

Самое подробное описание интересующего нас явления применительно к калмыцкому языку сделано в грамматике У. У. Очирова, где говорится, что «[п]рямое дополнение выражается формой винительного падежа как без падежного аффикса, так и с соответствующим аффиксом» [Очиров 1964: 127]. У. У. Очиров пишет, что прямое дополнение обязательно получает падежный маркер, если оно выражено местоимением, либо именем собственным, либо «именем существительным, обозначающим людей» (контекст типа *Я увидел тебя, Бадму, девочку*), а также если «действие и его объект четко разграничиваются». Последнее наблюдение иллюстрируется следующими примерами (сама его формулировка не вполне ясна, но в дальнейшем я постараюсь показать, что именно за ней стоит)²:

² Сообщается также, что в позиции прямого дополнения обязательно маркируются аффиксом аккузатива причастия, числительные и прилагательные. Однако в данном случае падежный показатель обязателен по чисто синтаксическим причинам, так как он является маркером субстантивации, поэтому не столь интересен для нас.

Мне удалось обнаружить еще один контекст, когда маркирование прямого дополнения обязательно: речь идет о существительных со значением рода деятельности, образованных от существительных с помощью суффикса *-čə* (*xöčə* ‘чабан’ от *xön* ‘овца’), а также от глаголов с помощью суффикса *-ačəl/-äčə* (*manačə* ‘сторож’ от *man-* ‘охранять’):

- (i) *Badma neg kövü / ^{ok}kövü-gə / manač-igə /*
 Бадма один мальчик мальчик-ACC сторож-ACC
 **manačə sok-žə*
 сторож бить-EVD
 ‘Бадма побил какого-то мальчика / сторожа’. {Я его не знаю}.

В грамматике [Санжеев 1983] делается предположение о том, что современный деривационный аффикс *-ačəl/-äčə* мог образоваться

(1) *xarə kazr-ur en mal-igə*
 черный земля-DIR этот скот-ACC
tuu-žə-na-vidn
 гнать-PROG-PRS-1PL
 ‘Этот скот угоняем на черные земли’.

(2) *xan kurvəlv-igə duud-ulə-v*
 царь сова-ACC звать-CAUS-PST
 ‘Царь вызвал сову’ [Очиров 1964: 127].

Далее У. У. Очиров называет контексты, в которых прямое дополнение не получает падежного маркера. Во-первых, это случай, когда «глагол, управляющий прямым дополнением, указывает на конкретное действие с результативным оттенком, а дополнение обозначает вещественный объект действия» [Очиров 1964: 127]:

(3) *övgə-n škaf stol ke-nä,*
 старик-EXT шкаф стол делать-PRS
kövü-nⁱ ger bär-nä
 мальчик-Р.З дом строить-PRS
 ‘Старик делает шкафы и столы, а сын его строит дома’
 [Очиров 1964: 128, выделено мной. — М. К.].

Кроме того, прямое дополнение, согласно У. У. Очирову, остается немаркированным, если оно «обозначает объект желания или достижения»:

(4) *övgə-n ükr-än al-čk-ad,*
 старик-EXT корова-Р.REFL убивать-COMPL-CV.ANT
maxə id-xə kü xäü-nä
 мясо есть-РС.FUT человек искать-PRS

‘Старик зарезал корову и стал искать человека, который съест ее мясо’ [Очиров 1964: 128, перевод дан по источнику].

от сочетания показателя континуатива *-a/-ä* с «аффиксом деятеля» *-čə* (< *-či*). Если это так, то обязательность маркера аккузатива у таких имен в позиции прямого дополнения вполне закономерна, учитывая соответствующее поведение современных причастий. Однако тогда не вполне понятен запрет на немаркированный аккузатив у отыменных существительных на *-čə*, не содержащих причастного показателя. Видимо, этот факт придется объяснять действием аналогии.

Наконец, отмечается, что запрет на маркирование объекта возникает, когда «...в устойчивом фразеологическом сочетании глагол, управляющий прямым дополнением, и само дополнение образованы от одного корня или близки по своим лексическим значениям». Под «устойчивыми фразеологическими сочетаниями» понимаются сочетания типа *du duul*- ‘петь песню’, *bičəg bič*- ‘писать письмо’, *ixa ixal*- ‘думать думу’.

Таким образом, уже у У. У. Очирова сделаны некоторые обобщения относительно особенностей расщепленного кодирования ПД в калмыцком. Однако, во-первых, случаи, когда маркер аккузатива не появляется, не исчерпываются теми, что названы в упомянутой работе. Во-вторых, в большинстве перечисленных контекстов оставшаяся форма (с показателем аккузатива) оказывается в той или иной степени допустимой, что не всегда отмечается в цитируемом здесь описании калмыцкого языка. В-третьих, объяснения, которые дает У. У. Очиров, можно заменить на утверждения о некоторых более общих закономерностях, имеющих место в калмыцком языке. Далее я предложу собственную схему описания интересующего нас явления и постараюсь встроить в нее наблюдения У. У. Очирова.

3. Референциальный статус и одушевленность

Референциальный статус и одушевленность — факторы, которые чаще всего упоминаются в работах, посвященных явлению DOM. Значения каждого из этих параметров выстраиваются в следующие иерархии³:

- (5) Иерархия определенности:
Местоимение > Имя собственное > Определенное имя >
Референтное неопределенное имя > Нереферентное имя
- (6) Иерархия одушевленности:
Личное имя > неличное одушевленное > неодушевленное

³ Эти иерархии могут быть несколько по-разному представлены в литературе, однако их смысл и предсказательная сила от этого не меняются., см. работы [Silverstein 1976, Givón 1990, Aissen 2003].

В данной статье я буду употреблять термины **определенность** и **одушевленность** в значении **градуальных** признаков, имеющих набор значений, которые представлены в иерархиях (5) и (6).

Обычно в языках мира, обнаруживающих ДОМ, падежный маркер получают, как минимум, те ИГ, которые находятся в левой части приведенных иерархий, т. е. являются «наиболее» определенными и одушевленными (см., например, широко известные источники, упомянутые в разделе 1). Как будет показано ниже, аналогичная тенденция прослеживается и в калмыцком языке.

3.1. Маркирование местоимений и имен собственных

Как уже было сказано выше со ссылкой на У. У. Очирова, в калмыцком языке всегда маркируются аккузативом местоимения (точнее, местоименные существительные) (7) и имена собственные (8):

(7) *en noxa namagə zii-və*
этот собака я.АСС кусать-РСТ
‘Эта собака укусила меня’.

(8) *en noxa Badma-gə zii-və*
этот собака Бадма-АСС кусать-РСТ
‘Эта собака укусила Бадму’.

Можно заметить, что в любом языке личные местоимения в силу своей специфики чаще всего имеют определенный референциальный статус. Между тем, вопросительные местоимения точно не являются определенными, потому что, задавая вопрос, говорящий не знает, о каком референте идет речь⁴. Как выяснилось, в калмыцком языке вопросительные местоимения в позиции прямого дополнения оформляются не совсем так, как все прочие прономинальные единицы, поэтому их морфосинтаксическое поведение нужно прокомментировать отдельно.

Вопросительное местоимение *ken* ‘кто’ в позиции прямого дополнения маркируется обязательно (как и все остальные

⁴ Вопрос о референциальном статусе вопросительных местоимений, вообще говоря, нетривиален. Подробнее об этой проблеме см. [Падучева 1985].

местоимения) — (9), а *ju* ‘что’ никогда не получает падежного показателя — (10):

(9) *či ken-igə / *ken üz-ü-č?*
 ты.NOM кто-ACC кто видеть-PST-2SG
 ‘Кого ты видел?’

(10) *či ju / *juu-gə üz-ü-č?*
 ты.NOM что что-ACC видеть-PST-2SG
 ‘Что ты видел?’

Если обратиться к нарицательным именам, то личные существительные, не являющиеся определенными, в позиции прямого дополнения могут иметь две формы, хотя предпочтительнее немаркированная — (11). Неодушевленные имена в таком случае не получают падежный показатель — (12):

(11) *bi neg kövü / kövü-gə üz-ü-v*
 я.NOM один мальчик мальчик-ACC видеть-PST-1SG
 {Кого ты видел?} ‘Я видел какого-то мальчика’.

(12) *bi neg ger / *ger-igə üz-ü-v*
 я.NOM один дом дом-ACC видеть-PST-1SG
 {Что ты видел?} ‘Я видел какой-то дом’.

Получается, что, коль скоро личное вопросительное местоимение маркируется всегда, его поведение аналогично поведению местоимений других типов, у которых референты могут занимать различные позиции на иерархии одушевленности. Неодушевленное вопросительное местоимение по способу маркирования подобно неодушевленным существительным. Таким образом, фактором, определяющим особенности оформления вопросительного местоимения в позиции прямого дополнения, является **одушевленность**.

3.2. Маркирование ИГ с посессивно-рефлексивным показателем

В калмыцком языке есть еще случай, когда маркирование прямого дополнения практически не обнаруживает колебаний.

ИГ с посессивно-рефлексивным показателем практически никогда⁵ не оформляются аффиксом аккузатива:

- (13) *övgə-n ükr-än alə-v*
 старик-EXT корова-P.REFL убивать-PST
 ‘Старик зарезал (свою) корову’.

Однако, на мой взгляд, последний факт определяется скорее особенностями морфотактики калмыцкого языка, чем какими-либо семантическими ограничениями.

Во всех остальных контекстах, где прямое дополнение выражено нарицательной ИГ, в ее оформлении наблюдается вариативность, причем вероятность появления аккузативного маркера на прямом дополнении зависит как от референциального статуса ИГ, так и от степени одушевленности ее референта.

3.3. Маркирование ИГ в зависимости от ее позиции на иерархии определенности

Покажем сначала, как влияет на кодирование прямого дополнения, выраженного нарицательным именем, **позиция такой ИГ на иерархии определенности**. Рассмотрим следующие случаи (здесь и далее в примерах первой дается более предпочтительная форма; если же варианты равно возможны, тогда сначала идет морфологически более простая форма):

- (14) *саван sedkəl-tä noxa küi /*
 белый мысль-ASSOC собака человек
küü-gə xaja zuu-na
 человек-ACC редко кусать-PRS
 ‘Добрая собака редко кусает человека’⁶.

⁵ Примеры, в которых прямое дополнение оформляется и падежным, и показателем рефлексивного посессива, были зафиксированы в текстах только одного носителя (см. на следующей странице).

- (i) *eckə-n^j ter küük-iv-än taldan bajən*
 отец-P.3 тот девочка-ACC-P.REFL чужой богатый
kövü-n-də ög-xär sed-žə
 мальчик-EXT-DAT дать-CV.PURP намереваться-EVD
 ‘Отец хотел выдать дочь за чужого богатого парня’.

Остальные носители такую стратегию кодирования прямого дополнения запрещали.

- (15) *Badma neg kövü / kövü-gə cok-čə*
Бадма один мальчик мальчик-ACC бить-EVD
'Бадма побил какого-то мальчика'.
- (16) *bi en küü-gə / kü al-na-v*
я.NOM этот человек-ACC человек убивать-PRS-1SG
{Бадма обидел мою сестру.} 'Я убью этого человека'.

В (14) и (15) прямое дополнение, выраженное личной **нереферентной** и **неопределенной** ИГ, может быть как неоформленным, так и оформленным, но предпочтительнее все же первый вариант. В (16) также возможны оба варианта, однако в этом случае личное прямое дополнение, имеющее **определенный** референциальный статус, скорее будет оформленным. Таким образом, описать особенности кодирования прямого дополнения в (14)–(16) едва ли возможно, если не обращаться к референциальному статусу ИГ в позиции прямого дополнения.

Важно, что прямые дополнения, выраженные **нереферентными** и **референтными** **неопределенными** ИГ, оформляются в калмыцком языке сходным образом и скорее остаются неоформленными. ИГ с **определенным** референциальным статусом, напротив, чаще всего получают аккузативный маркер. Видимо, говоря о необходимости появления показателя аккузатива в случаях, когда «действие и его объект четко разграничиваются», У. У. Очиров имел в виду случаи, когда прямое дополнение выражено именно **определенной** ИГ — ср. (1), (2) и (16).

3.4. Маркирование ИГ в зависимости от ее позиции на иерархии одушевленности

Теперь посмотрим на такой параметр, как **одушевленность**. Далее будут перечислены ПД, имеющие различные значения этого признака, разумеется, с учетом их референциальных свойств.

⁶ Существует достаточно широко известная классификация **нереферентных** употреблений, представленная в [Падучева 1985]. В калмыцком языке ИГ, обладающие **нереферентным** статусом различных типов, кодируются одинаково, потому данная классификация здесь обсуждаться не будет.

3.4.1. *Неодушевленные имена.* **Неодушевленные** имена существительные никогда не маркируются в нереферентном (пример (17), а также (3)) и неопределенном употреблении:

- (17) *bi üsə / *üs-igə danⁱgind točk-asə*
 я.NOM молоко молоко-ACC всегда точка-ABL
xuld-ž av-də-v
 продавать-CV.IPFV брать-PC.HAB-1SG
 ‘Я всегда покупаю молоко на точке’.

Если же неодушевленное имя имеет определенный референциальный статус, то немаркированная форма предпочтительнее, а маркированную носители признают возможной, хотя произносят редко (18):

- (18) *öckældür bibliotek-asə bi enə degtər /*
 вчера библиотека-ABL я.NOM этот книга
^{OK}*degtr-igə av-u-v*
 книга-ACC брать-PST-1SG
 ‘Вчера я взял в библиотеке эту книгу’.

Заметим также, что, вопреки замечанию У. У. Очирова о том, что в «устойчивых фразеологических сочетаниях» типа *du duul-* ‘петь песню’, прямое дополнение всегда остается неоформленным [Очиров 1964: 128], по моим данным, оно вполне может оформляться, будучи определенным и топикализированным (о влиянии коммуникативного членения и порядка слов на кодирование ИГ в позиции прямого дополнения см. далее в разделе 4):

- (19) *ter duu-g mini eckə-m duul-žə-na*
 тот песня-ACC я.GEN отец-P.1SG петь-PROG-PRS
 {Слышишь песню?} ‘Ту песню поет мой отец’.

3.4.2. *Неличные одушевленные имена.* Интересно, что **неличные одушевленные** имена разделяются на две группы.

Поведение имен домашних животных (‘собака’, ‘баран’, ‘корова’) ближе к неодушевленным именам: в нереферентном и неопределенном употреблении они, как правило, не маркируются — (20), а в определенном возможны обе формы — (21):

(20) *bi neg xö / *xöö-gə üz-lä-v* <...>
 я.NOM один овца овца-ACC видеть-REM-1SG
 ‘Я видел в степи какую-то овцу’ {Не знаю, откуда она пришла}.

(21) *öckəldür čonə enə xö / xöö-gə zuu-və*
 вчера волк этот овца овца-ACC кусать-PST
 ‘Вчера волк укусил эту овцу’.

Имена, обозначающие диких животных (‘волк’, ‘медведь’), по своему поведению ближе к личным именам: в нереперентном и неопределенном употреблении у них предпочтительнее немаркированная форма (22), в определенном употреблении — маркированная (23):

(22) *Badma keerə jov-ž jov-ad*
 Бадма степь ходить-CV.IPFV ходить-CV.ANT
gentkən čonə / čon-igə üz-žə
 вдруг волк волк-ACC видеть-EVD
 ‘Бадма шел по степи и вдруг увидел волка’.

(23) *bi ter čonigə / čonə öckəldür*
 я.NOM тот волк-ACC волк вчера
üz-ü-v
 видеть-PST-1SG
 ‘Я вчера видел вон того волка’.

3.4.3. *Личные имена.* Как было отмечено в 3.3, **личные** имена с нереперентным и неопределенным референциальным статусом обычно не маркируются, а вот определенные личные чаще всего получают аккузативный маркер — см. (14)–(16). К личным ИГ можно добавить неличные «дикие» ИГ, которые маркируются так же, поэтому в дальнейшем, говоря о неличных ИГ, я буду иметь в виду только ИГ, относящиеся к семантическому классу домашних животных.

3.5. *Некоторые обобщения по разделам 3.3–3.4*

Некоторые тенденции маркирования прямых дополнений в калмыцком языке собраны в Таблице 1. Порядок представления форм здесь единообразен: сначала дается символ морфологически более простой формы. Символ Ø обозначает неоформленное прямое дополнение, а символ ACC — оформленное. Знак ? ставится

Таблица 1. Влияние референциального статуса и одушевленности на кодирование прямого дополнения

Референциальный статус	Неодушевленные	Неличные (домашние)	Личные, неличные (дикие)
Нереферентный, (референтный) неопределенный	Ø/*ACC	Ø/?ACC	Ø/ACC
Определенный	Ø/OKACC	Ø/ACC	Ø/ACC

перед теми вариантами, которые носители либо не употребляют вовсе, либо употребляют, но очень редко. Символ ^{OK} здесь и ниже означает, что сами носители такую форму не употребляют, но признают возможной, если предъявить им ее в предложении на калмыцком языке. Из двух форм, не отмеченных [?], * или ^{OK}, полужирным выделена предпочтительная. Если не выделен ни один из вариантов, это значит, что возможны оба.

Таким образом, на данном этапе нашего анализа мы можем утверждать, что у нарицательных имен существительных итоговый выбор между маркированной и немаркированной формой зависит от пересечения таких параметров, как их референциальный статус и одушевленность.

В целом же иерархия определенности оказывается доминирующим параметром, так как обязательно маркируются именно те ИГ, которые стоят на вершине этой иерархии (подавляющее большинство местоимений и имена собственные). Фактор одушевленности лишь «подключается» к референциальному статусу на множестве нарицательных имен (а также вопросительных местоимений), и далее способ кодирования прямого дополнения определяется сочетанием этих факторов.

Результаты, представленные в Таблице 1, были получены методом эlicitации. Аналогичное распределение наблюдается и в текстах. В Таблице 2 дано количество неоформленных и оформленных прямых дополнений, выраженных нарицательными ИГ и встретившихся в спонтанных нарративах (выборка — примерно 17 тысяч знаков)⁷.

⁷Здесь не учитываются коммуникативно-линейные параметры, которые, как будет показано ниже, также важны для маркирования ИГ в позиции прямого дополнения.

Таблица 2. Распределение оформленных и неоформленных прямых дополнений в текстах

Референциальный статус		Неодушевленные	Неличные (домашние)	Личные
Нереферентный, (референтный) неопределенный	∅	26 ⁸	6	4
	ACC	0	0	4
Референциальный статус	∅	4	3	1
	ACC	5	4	6

Несмотря на то, что выборка для данной таблицы невелика, все же можно заметить, что неодушевленные и неличные ИГ могут маркироваться только тогда, когда они имеют определенный референциальный статус, — в этом случае между маркированной и немаркированной формой наблюдается конкуренция. У личных имен эти формы на равных конкурируют уже в нереферентных и неопределенных употреблениях, а в определенных контекстах предпочтительнее наличие падежного аффикса.

4. Коммуникативное членение и порядок слов

Если при обсуждении ДОМ в языках мира исследователи-типологи много пишут о таких семантико-прагматических свойствах ИГ в позиции прямого дополнения, как референциальный статус и одушевленность, то коммуникативному статусу прямого дополнения и его линейной позиции в предложении в целом уделяют гораздо меньше внимания. Между тем, эти параметры оказываются чрезвычайно важными для многих уральских и алтайских языков.

4.1. Влияние коммуникативного членения и порядка слов на кодирование ПД в некоторых тюркских языках, а также марийском и монгольском

Интересующая нас проблематика обсуждается, в частности, в работе [Johansen 1977] применительно к турецкому языку,

⁸ Большое количество прямых дополнений, выраженных нереферентными неодушевленными ИГ, возникает за счет относительно частого использования выражений типа *jum ke-* ‘делать что-либо’, букв.: ‘делать вещь’, *mi ke-* ‘делать зло’, *ügə kel-* ‘говорить’, букв. ‘говорить слово’.

[Muravyova 1991], [Муравьева 2004] на материале турецкого и тувинского языков, а также [Толдова, Сердобольская 2002] при описании расщепленного маркирования прямого дополнения в марийском. В этих языках на оформление прямого дополнения оказывает безусловное влияние его референциальный статус, однако кодирование прямого дополнения в значительной степени зависит еще и от коммуникативного статуса прямого дополнения по отношению к статусу предиката, а также линейной позиции прямого дополнения по отношению к линейной позиции предиката (впрочем, эксплицитное разграничение влияния коммуникативного статуса и порядка слов проводится только в [Толдова, Сердобольская 2002], хотя, скорее всего, это справедливо и для других языков, упомянутых выше).

В перечисленных языках обсуждаемая тенденция сводится к следующему: если прямое дополнение имеет тот же коммуникативный статус, что и сказуемое, и линейно располагается непосредственно перед ним, то оно не получает аккузативного показателя. Если же коммуникативный статус прямого дополнения отличен от статуса предиката и/или прямое дополнение линейно отделено от предиката, тогда дополнение получает показатель аккузатива⁹.

Так, в турецком языке в тетическом предложении прямое дополнение оформляется, если оно выражено специфичной ИГ, и не оформляется падежным показателем, если оно выражено неспецифичной ИГ (24) (подробнее см. [Муравьева 2004]). Однако как только между прямым дополнением и глаголом возникает коммуникативная граница (т. е. обсуждаемые компоненты высказывания получают различный коммуникативный статус) либо же они линейно разрываются, тогда прямое дополнение обязательно маркируется, вне зависимости от референциального статуса ИГ, которая его выражает (25) (в переводе этого примера полужирным отмечен коммуникативно выделенный элемент):

- (24) *bu akşam dışarda yemek yi-ye-lim*
 этот вечер вне[.дома] еда есть-ОПТ-1PL
 ‘Давайте сегодня вечером поедим (еду) не дома’.

⁹ Интересна также работа [Nikolaeva 2001], где для описания аналогичной закономерности в хантыйском языке вводится понятие **вторичного топика**.

- (25) *bi akşam yemeğ-i dışarda yi-ye-lim*
этот вечер еда-ACC вне[.дома] есть-ОРТ-1PL
'Давайте сегодня вечером поедим (еду) **не дома**'
[Муравьева 2004: 206, выделено автором].

Таким образом, в турецком языке коммуникативно-линейные параметры оказываются иерархически более значимыми, чем референциальный статус, влияние которого они могут «блокировать».

Интересно, что, согласно статье [Тодаева 1952], оформление прямого дополнения в монгольском языке подчиняется той же закономерности, что была сформулирована выше для марийского и турецкого языков:

Порядок слов играет исключительную роль в монгольском языке. (...) От характера и места прямого дополнения зависит употребление винительного падежа с аффиксом или без него. Если прямое дополнение стоит **непосредственно перед сказуемым и по смыслу с ним тесно связано**, то оно обычно передается винительным падежом **без аффикса**; если же прямое дополнение **отделено от сказуемого другими членами предложения** и со стороны своего значения **более самостоятелно**, независимо от сказуемого, оно ставится **в винительном падеже с аффиксом** [Тодаева 1952: 367–368, выделено мной. — М. К.].

С другой стороны, в [Mugayyova 1991] говорится о том, что в монгольских языках указанная закономерность не является строгой: «немаркированная форма может быть линейно отделена от глагольной вершины, если того требует актуальное членение, но в этом случае, в отличие от турецкого (...), она не получает падежный показатель» [Mugayyova 1991: 112–113]. Это утверждение проиллюстрировано примером из монгольского языка (гlossирование приблизительное):

- (26a) *bi ceceg tarilaa*
я.NOM цветок посадил
'Я посадил цветы'.

(26б) *сесег bi tarilaa*
 цветок я.НОМ посадил
 ‘Цветы я посадил’¹⁰ [Орловская 1984].

И в (26а), и в (26б) прямое дополнение не получает падежного показателя, хотя в (26а) оно стоит непосредственно перед глаголом, а в (26б) оказывается в препозиции к подлежащему.

Теперь посмотрим, каким образом обсуждавшиеся здесь тенденции реализуются в калмыцком языке.

4.2. Влияние коммуникативного членения и порядка слов на кодирование ПД в калмыцком языке

В калмыцком языке влияние **коммуникативного статуса** ПД и **порядка слов** имеет смысл обсуждать только для нарицательных имен, так как ИГ, находящиеся на более высоких позициях иерархии определенности (5), всегда получают аффикс аккузатива (раздел 3.1.).

Как и в других алтайских и уральских языках, базовый порядок слов в калмыцком — SOV. Впрочем, как мы увидим далее, этот порядок может быть нарушен в соответствии с коммуникативным устройством предложения. Так, чаще всего происходит тематизация прямого дополнения, когда прямое дополнение становится темой высказывания и выносится в препозицию к подлежащему.

В результате можно выстроить линейную иерархию, где слева стоит более маркированный вариант:

(27) Иерархия линейной организации высказывания
 OSV > SOV

Что касается такого параметра, как коммуникативное членение, то нас будет интересовать позиция **фокуса ремы**¹¹, которая выделяется исходя из предположения о том, что не все речатические элементы высказывания являются таковыми в равной

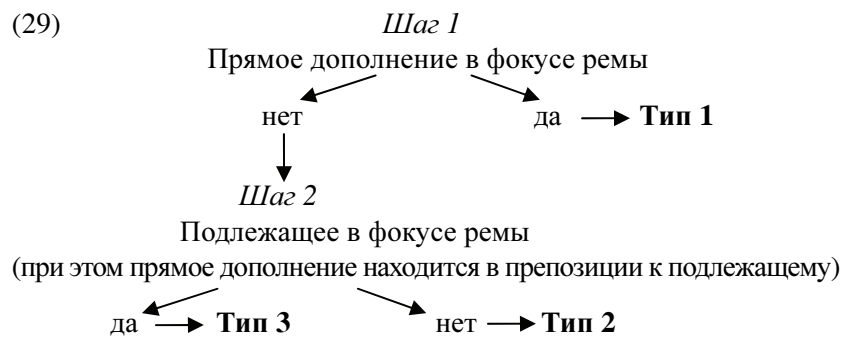
¹⁰Видимо, в данном случае предполагается наличие левого контекста типа *Кто посадил цветы?*

¹¹Далее не будут обсуждаться неопределенные ИГ, так как вне фокуса ремы (особенно в теме) они, как правило, становятся определенными: *Смотри, какой-то человек на улице. — Этот /*какой-то человек в кепке или в шляпе?*

мере. Так, в русистике говорится о том, что актуальное членение должно быть многоступенчатым. Например, «...в предложении *Тонкие стволы берез / белели || резко и отчетливо* на первом уровне членения соотносятся как тема и рема составы подлежащего и сказуемого, а на втором уровне рема членится, выделяя наречную группу *резко и отчетливо* как вторую рему» [Белошапкина 1989: 708]. Таким образом, под фокусом ремы я буду понимать наиболее рематичную информацию в высказывании. В калмыцком языке элемент в фокусе ремы чаще всего ставится перед глагольным сказуемым¹². При обсуждении проблематики кодирования ПД нам понадобится следующая коммуникативная иерархия:

- (28) Иерархия коммуникативных статусов
тема > рема > фокус ремы

Как выяснилось, для описания влияния порядка слов и коммуникативного статуса на кодирование прямого дополнения в калмыцком языке, следует учитывать три типа контекстов¹³, которые выделяются по алгоритму (29)¹⁴:

Тип 1. ИГ в позиции прямого дополнения находится непосредственно перед глаголом и стоит в фокусе ремы (как отдельно,

¹² Аналогичное замечание применительно к тюркским языкам см. в [Муравьева 2004: 206].

¹³ Ср. также данные типы с тремя ключевыми контекстами, описанными для марийского в [Толдова, Сердобольская 2002].

¹⁴ Впрочем, в речи некоторых носителей показатель аккузатива на прямом дополнении не чувствителен к выделяемым здесь типам контекстов.

так и вместе с глаголом). К этому типу относятся тетические высказывания, а также высказывания вида S[O]V, S[OV] (здесь и далее в квадратные скобки заключен элемент в фокусе ремы).

Данный тип проиллюстрирован примером (30), где прямое дополнение стоит в фокусе ремы и может быть как оформленным, так и неоформленным:

- (30) *bi* [*en xö* / *xöö-gə*] *al-xə-v*
 я.NOM этот овца овца-ACC резать-PC.FUT-1SG
 {Кого ты зарежешь?} ‘Зарежу [эту овцу]’.

Тип 2. Ни прямое дополнение, ни подлежащее не находятся в фокусе ремы, но линейно прямое дополнение все равно правее подлежащего. Тогда в фокусе ремы оказывается либо сам предикат, либо какое-нибудь наречие или другой актант (эти элементы условно обозначены как *x*), который в этом случае стоит перед глаголом: SO[V], SO[x]V.

Так, в примере (31) в фокусе ремы стоит предикат. Прямое дополнение может быть оформленным либо неоформленным, но предпочтительнее первый вариант:

- (31) *bi* *en xöö-gə* / *xö* [*al-xə-v*]
 я.NOM этот овца овца-ACC резать-PC.FUT-1SG
 {Что ты сделаешь с этой овцой?} ‘А я [зарежу] эту овцу’.

Тип 3. Прямое дополнение не находится в фокусе ремы и стоит в препозиции к подлежащему, которое в этом случае оказывается в фокусе ремы (либо само по себе, либо вместе с какими-либо другими элементами высказывания, в том числе сказуемым). Например: O[SV], OV[S].

В примере (32) в фокусе ремы стоит подлежащая ИГ и глагол, а тематизованное прямое дополнение почти всегда получает аккузативный маркер:

- (32) *ükr-igə* / [?]*ükər* [*Badma alə-v*]
 корова-ACC корова Бадма резать-PST
 {А что стало с коровой?} ‘Корову зарезал Бадма’.

Таким образом, при движении от типа 1 к типу 3, когда прямое дополнение оказывается все более тематичным и приближается к левой границе предложения, наличие падежного показателя

становится все более предпочтительным, поэтому уже можно говорить о том, что в целом «вектор» влияния коммуникативного членения и порядка слов в калмыцком языке направлен так же, как и в тех языках, о которых речь шла выше. Теперь необходимо разобраться в том, чем монгольские языки отличаются от упомянутых выше тюркских и марийского.

Как уже было сказано выше и как видно из примеров (26), (30)–(32), в монгольских языках маркированное коммуникативное членение и порядок слов не гарантируют обязательности падежного маркирования прямого дополнения, речь идет опять же о **вероятности** этого явления. Более того, в калмыцком языке (скорее всего, это верно и для монгольского) вероятность появления показателя аккузатива при нарицательном имени определяется **пересечением значений** сразу же нескольких признаков ИГ: ее коммуникативным статусом, линейной позицией в предложении, а также одушевленностью и определенностью. Если двигаться слева направо по иерархии определенности (5), то в рамках множества нарицательных имен (т. е. не местоимений и не имен собственных) к признакам одушевленности и определенности, о которых речь шла в разделе 3, присоединяются коммуникативно-линейные факторы (актуальное членение и порядок слов), и каждый из названных четырех параметров оказывает влияние на оформление прямого дополнения.

В связи с этим, все примеры на нарицательные ИГ из раздела 3, иллюстрирующие взаимодействие параметров определенности и одушевленности, относятся к коммуникативно и линейно немаркированному типу 1 настоящей классификации. Иными словами, в разделе 3 было показано, что одушевленность и референциальный статус релевантны для выбора способа маркирования ПД в типе 1. Однако эти параметры не менее релевантны и для коммуникативно и линейно маркированных типов 2–3, где можно наблюдать взаимодействие всех четырех факторов. Далее важность каждого из этих факторов будет продемонстрирована на примере пар высказываний, эквивалентных по трем признакам и различающимся по четвертому.

Проиллюстрируем значимость позиции референта ИГ на иерархии одушевленности для типа 2 следующими примерами:

(33а) *bi üsə / *üs-igə [Badma-də*
 я.NOM молоко молоко-ACC Бадма-DAT
ög-də-v]
 давать-PC.HAB-1SG
 {Твоя корова дает столько молока. Куда ты его деваешь?}
 ‘Я молоко Бадме отдаю’.

(33б) *сесэн кii-n кiiü-gə / кii*
 мудрость человек-EXT человек-ACC человек
[üg-ärn] šavt-a-na, (utx-ar bišə)
 слово-INS.PREFL быть.раненым-CAUS-PRS нож-INS NEG.PRS
 ‘Мудрец (букв. мудрый человек) ранит человека словами,
 (а не мечом)’.

В примерах (33а–б) прямое дополнение вне фокуса ремы, но правее подлежащего, в обоих случаях в позиции прямого дополнения оказывается нереферентная (генерическая) ИГ. Однако в (33а) ИГ **неодушевленная**, поэтому маркированная форма невозможна, в (33б) ИГ **личная**, поэтому возможны оба варианта, хотя маркированная форма предпочтительнее.

Аналогичный фактор оказывается решающим в примере (26б) из монгольского языка, представляющем собой коммуникативно и линейно маркированное высказывание типа 3. Можно было бы ожидать, что в этом случае ПД будет оформленным, так как является темой высказывания и стоит в препозиции к подлежащему. Однако монгольский язык предпочитает немаркированное ПД, так как оно выражено **неодушевленной** ИГ.

Важность позиции ИГ на иерархии определенности для типа 2 можно продемонстрировать на следующих примерах:

(34а) *xalmg-ud xö / *xöö-gə [al-na]*
 калмык-PL овца овца-ACC резать-PRS
 {Что калмыки делают с овцой на праздник?} — ‘Калмыки овцу режут’.

(34б) *Badma en ükr-igə / ^{OK}ükr [al-x]*
 Бадма этот корова-ACC корова резать-PC.FUT
 {Эта корова больна. Что Бадма с ней сделает?} ‘Бадма эту корову зарежет’.

Итак, примеры (34а–б) также относятся к типу 2 указанной классификации, в обоих случаях прямое дополнение выражено неличной одушевленной ИГ. При этом в (34а) это **нереферентная (генерическая)** ИГ, в результате чего она не может получать падежный показатель, а в (34б) ИГ является **определенной** и поэтому с большей вероятностью маркируется аккузативом.

Коммуникативное членение также может действовать как независимый параметр. Примеры (30)–(31) имеют одинаковые по степени одушевленности и референциальному статусу прямые дополнения, а также одинаковый порядок слов. Однако, в отличие от (30), в (31) ПД не находится в фокусе ремы, в результате чего становится предпочтительной его маркированная форма.

Итак, коммуникативное членение способно оказывать влияние на выбор оформления ПД независимо от порядка слов. Теперь покажем, что порядок слов может действовать независимо от коммуникативного членения. Для этого приведем пару, в которой разница в вероятности появления падежного аффикса объясняется именно порядком слов (т. е. линейной позицией прямого дополнения по отношению к сказуемому, а не коммуникативной границей между ними):

(35а) *bi en xöö-gə* [asxə-n-d-an]
 я.NOM этот овца вечер-EXT-DAT-P.REFL
al-xə-v, (oda bišə)
 убивать-PC.FUT-1SG сейчас NEG.PRS
 {Ты эту овцу сейчас зарежешь? Нет.} ‘Я зарежу эту овцу вечером, а не сейчас’.

(35б) *bi [asxə-n-d-an] en ükər*
 я.NOM вечер-EXT-DAT-P.REFL этот корова
saa-xə-v, (oda bišə)
 доить-PC.FUT-1SG сейчас NEG.PRS
 {А: А корову подоил? Б: у нас молоко еще есть.} ‘Я буду доить корову вечером, а не сейчас’.

В (35а–б) в позиции прямого дополнения стоят ИГ с одинаковым референциальным статусом и одинаковой позицией на иерархии одушевленности, а сами высказывания аналогичны по семантике и обладают одинаковым коммуникативным членением (тип 2, т. е. в обоих случаях прямое дополнение оказывается вне фокуса ремы, но стоит правее подлежащего). Однако в (35а) обстоятельство

asxəndan ‘вечером’, стоящее в фокусе ремы, разрывает глагольную группу и занимает вполне закономерную для фокализованного элемента позицию перед глагольным сказуемым. В (35б) *asxəndan*, опять же будучи в фокусе ремы, стоит перед всей глагольной группой и линейно не разрывает ее. В результате в (35а), который можно представить в привычном для типа 2 виде SO[x]V, прямое дополнение оказывается оформленным, а в (35б), имеющим вид S[x]OV, ИГ, выражающая прямое дополнение, не получает падежного показателя.

Впрочем, следует все-таки признать, что чаще всего порядок слов в предложении сам определяется коммуникативным членением, поэтому предложенная выше классификация из трех типов высказываний представляет собой наиболее естественные «готовые» комбинации этих факторов.

4.3. Промежуточные итоги

Все наши наблюдения можно суммировать в Таблице 3, данные в которой представлены по тем же правилам, что и в Таблице 1 (см. раздел 3.4.):

Таблица 3. Влияние референциального статуса, одушевленности, коммуникативного членения и порядка слов на кодирование прямого дополнения в калмыцком языке для имен нарицательных

	нереферентный			определенный		
	неодушевленные	неличные	личные	неодушевленные	неличные	личные
T1	∅/*ACC	∅ [?] ACC	∅/ACC	∅/ ^{OK} ACC	∅/ACC	∅/ACC
T2	∅/ [?] ACC	∅/ [?] ACC	∅/ACC	∅/ACC	∅/ACC	∅/ACC
T3	∅/ [?] ACC	∅/ACC	[?] ∅/ACC	∅/ACC	[?] ∅/ACC	*∅/ACC

Итак, в отличие от упоминавшихся выше тюркских языков и марийского, в калмыцком языке у нарицательных имен маркированная форма редко является единственно возможной. Вероятность ее появления можно сформулировать в виде Правила 1:

Правило 1

Вероятность падежного маркирования нарицательной ИГ в позиции ПД увеличивается при движении слева направо по иерархиям определенности (5), одушевленности (6), линейной организации высказывания (27) а также коммуникативных статусов (28).

Таким образом, если в упомянутых языках коммуникативно-линейные факторы могут «подавлять» фактор референциального статуса, то в калмыцком языке появление падежного показателя **в равной мере** определяется значениями четырех параметров.

5. Вес именной группы

Можно было бы предположить, что на выбор оформления влияет **вес ИГ** в позиции прямого дополнения, т. е. количество и длина зависимых вершинного существительного: чем «тяжелее» ИГ (т. е. чем больше у нее зависимых), тем больше вероятность ее оформления показателем аккузатива. Например, это характерно для марийского языка [Толдова, Сердобольская 2002: 3].

Однако в калмыцком языке наличие прономинальных, адъективных, субстантивных и даже сентенциальных определений в составе прямого дополнения влияет на оформление имени только в той степени, в какой они могут влиять на интерпретацию ИГ в плане референциального статуса (например, определенные ИГ чаще всего сопровождаются или «поддерживаются» указательными местоимениями). При этом маркирование осложненной ИГ опять же не является обязательным и подчиняется Правилу 1:

(36) *bi* *Badm-in* *xö* / *xöö-gə* *al-u-v*
я.НОМ Бадма-GEN овца овца-ACC резать-PST-1SG
‘Я зарезал овцу Бадмы’.

В (36) прямое дополнение выражено ИГ, состоящей из неличного вершинного имени и субстантивного определения со значением посессора. Эта ИГ имеет определенную интерпретацию, однако наличие определения не обеспечивает автоматического маркирования вершины, и маркированная форма остается не более вероятной, чем немаркированная.

Аналогично в (37) прямое дополнение выражено неопределенной ИГ, состоящей из личного имени и нескольких определений, и именная вершина все равно скорее останется немаркированной:

- (37) *bi uul'nc-ar jov-žə jov-ad,*
 я.NOM улица-INS ходить-CV.IPFV ходить-CV.ANT
gentkən ikə nurvta xarə nüid-tä kuiikə /
 вдруг очень высокий черный глаз-ASSOC девушка
^{OK}*kuuk-igə üz-ü-v*
 девушка-ACC видеть-PST-1SG
 'Я шел по улице и вдруг увидел очень высокую
 черноглазую девушку'.

Наличие относительного оборота также не гарантирует обязательности маркирования вершины:

- (38) *Badma [öckəldür čon-in ___i zuu-sən] ükəri; /*
 Бадма вчера волк-GEN кусать-PC.PST корова
ükr-igə; saa-və
 корова-ACC доить-PST
 {У Бадмы много коров.} 'Бадма подоил ту корову, которую
 вчера укусил волк'.

В (38) в позиции прямого дополнения стоит определенная ИГ, имеющая в позиции вершины неличное имя и осложненная сентенциальным определением. Тем не менее, данная ИГ не получает падежного показателя.

Таким образом, как уже было сказано, маркирование имен существительных в составе осложненной ИГ происходит в соответствии с Правилом 1, т. е. по тем же закономерностям, что и маркирование одиночных имен (см. Таблицу 1, Таблицу 3).

6. Кванторы и партиитивность

Отдельного обсуждения заслуживают те случаи, когда ИГ в позиции прямого дополнения сопровождается **квантором всеобщности**. В калмыцком языке есть несколько таких кванторов, различных по своим синтаксическим и семантическим свойствам. В данной статье будут обсуждаться: недистрибутивные кванторы *sig, sigta-n* (весь-ЕХТ) 'весь', а также дистрибутивный квантор *bolvən* 'каждый' (подробнее о понятиях дистрибутивности/недистрибутивности см. [Татевосов 1997]).

В работе [Татевосов 1997] различаются три типа универсальной квантификации: квантификация определенных множеств

(контекст типа *Я купил 5 книг и прочитал все эти книги*), квантификация генерических множеств (*Все книги нужно сжечь*) и квантификация единичных сущностей (*Я прочитал всю книгу*, т. е. целиком).

б.1. Универсальная квантификация определенных и генерических множеств

В контекстах с универсальной квантификацией определенных и генерических множеств используются кванторы *cug* и *cugtan* ‘весь’. Первый из них всегда находится в препозиции к имени и функционирует как зависимое, а все показатели, «необходимые» для ИГ, присоединяются к имени существительному (39):

- (39) *Arsləŋ cug vuu-mud-igə id-čkə-v*
Арслан весь дыня-PL-ACC есть-COMPL-PST
‘Арслан съел все дыни’.

Квантор *cugtan* по-видимому, не входит в одну составляющую с именем, так как находится к нему в постпозиции и проявляет свойства плавающего квантора (подробнее см. [Короткова 2007]). В частности, падежные показатели, приписываемые глаголом прямому дополнению, обязательны и для имени, и для квантора (40):

- (40) *Arsləŋ vuu-mud-igə cugtak-i-n' id-čkə-v*
Арслан дыня-PL-ACC весь-ACC-P.3 есть-COMPL-PST
‘Арслан съел все дыни’, {дыни, которые ему дал Батор}.

Тем не менее, такие контексты не представляют особого интереса для проблематики DOM, так как в этих случаях маркирование прямого дополнения происходит посредством тривиального присоединения падежного показателя к имени по Правилу 1.

Несколько интереснее происходит оформление ПД с дистрибутивным квантором *bolvən* ‘каждый’. В отличие от *cug* и *cugtan* ‘все’, ‘весь’, квантор *bolvən* является вершиной ИГ, т. е. именно он при необходимости получает падежный показатель¹⁵. Несмотря на то, что аффикс аккузатива присоединяется

¹⁵ Строго говоря, это не совсем верно для имен существительных с основой на неустойчивый *-n*: в номинативе такие имена сохраняют *-n*, например, *kövü-n bolvən* (мальчик-EXT каждый) ‘каждый мальчик’,

не к имени, а к квантору, такие ИГ все равно маркируются по Правилу 1. В примерах (41)–(42) проиллюстрирована важность параметра одушевленности для оформления подобных ИГ.

- (41) *en kövü-n-d-än degtər*
 этот мальчик-EXT-DAT-P.REFL книга
*bolxən / *bolxən-igə üz-ül-əv*¹⁶
 каждый каждый-ACC видеть-CAUS-PST
 {Отец купил три книги.} ‘Он показал своему сыну каждую книгу’.

В (41) прямое дополнение выражено **неодушевленной** ИГ с квантором, который не получает показателя аккузатива.

- (42) *en kövü-n-d-än kövü bolxən-igə /*
 этот мальчик-EXT-DAT-P.REFL мальчик каждый-ACC
**bolxən üz-ül-əv*
 каждый видеть-CAUS-PST
 {Отец привел троих мальчиков.} ‘Он показал своему сыну каждого мальчика’.

В (42) прямое дополнение выражено **личной** ИГ, и квантор обязательно присоединяет падежный показатель.

6.2. Универсальная квантификация единичных сущностей

При квантификации единичных сущностей используется квантор *cugtan* ‘весь’.

Для нас примечателен тот факт, что использование *cugtan* для квантификации единичных сущностей повышает вероятность маркирования ИГ в позиции прямого дополнения и даже позволяет употреблять оформленное прямое дополнение в тех случаях, когда без квантора такая форма невозможна по Правилу 1.

а в других падежах перед квантором *bolxən*, принимающим на себя все падежные показатели, стоит чистая основа (прямое дополнение: *kövü bolxən-igə* (мальчик каждый-ACC) ‘каждого мальчика’, т. е. получается, что само зависимое имя также чувствительно к тому, в какой синтаксической позиции оказалась вся ИГ.

¹⁶ Конечный *-n* в *bolxən* также может вести себя как неустойчивый, тогда в аккузативе появляется форма *bolx-igə*.

- (43a) *Baatər en degtər / degtr-igə umš-xar*
 Батыр этот книга книга-ACC читать-CV.PURP
bäi-nä
 быть-PRS
 {У Батыра есть книга.} ‘Он хочет прочитать эту книгу’.

В (43a) прямое дополнение выражено неопределенной одушевленной ИГ, которая по Правилу 1 с большей вероятностью остается немаркированной. При наличии квантора данная ИГ обычно маркируется (43б):

- (43б) *Baatər en degtr-igə / ^{OK}degtər cugtaḅ-i-n^j*
 Батыр этот книга-ACC книга весь-ACC-Р.3
umš-xar bäi-na
 читать-CV.PURP быть-PRS
 {У Батыра есть книга.} ‘Батыр хочет прочитать эту книгу целиком’.

В примерах (44а–б) в позиции прямого дополнения стоит неопределенная неодушевленная ИГ, которая в коммуникативно нейтральном контексте не может присоединять показатель аккузатива — (44а):

- (44a) *Badma neg šin degtər / *degtr-igə*
 Бадма один новый книга книга-ACC
umš-s-i-n^j bi soḡs-la-v
 читать-РС.PST-ACC-Р.3 я.NOM слышать-REM-1SG
 ‘Я слышал, Бадма прочитал какую-то новую книгу’.

Однако с появлением квантора форма с маркером аккузатива становится возможной¹⁷ — (44б):

- (44б) *Badma neg šin degtər / degtr-igə cugtaḅ-i-n^j*
 Бадма один новый книга книга-ACC весь-ACC-Р.3
umš-s-i-n^j bi soḡs-la-v
 читать-РС.PST-ACC-Р.3 я.NOM слышать-REM-1SG
 ‘Я слышал, Бадма прочитал какую-то новую книгу целиком’.

¹⁷ Некоторые информанты при переводе сначала произносили именно форму с аффиксом, другие сначала переводили предложение, используя немаркированную форму, а затем признавали возможной оформленное ПД.

Примеры (43)–(44) наводят на мысль о том, что для DOM в калмыцком могут быть важны аспектуальные свойства глагола, определяющие полную либо неполную вовлеченность пациенса. Именно так, например, обстоит дело в русском языке (*Он выпил свой чай* vs. *Он выпил чаю*), а также в финском и эстонском языках, где, согласно [Moravcsik 1978], в партитивном контексте прямое дополнение оформляется показателем партитива (45а), а в непартитивном контексте оно оказывается в генитиве (45б)¹⁸. Ниже даются примеры из эстонского языка:

(45а) *jõin* *vett*
 1SG.пить.PST вода.PART
 ‘Я выпил немного воды’.

(45б) *jõin* *vee* *ära*
 1SG.пить.PST вода.GEN полностью
 ‘Я выпил всю воду’ [Moravcsik 1978:269].

Между тем, если в (45а–б) представлены две разные ситуации, калмыцкие примеры (43)–(44) в действительности передают аналогичную семантику (‘книга должна быть / была прочитана’). Получается, что, употребляя в (43б) и (44б) квантор, говорящий лишь **подчеркивает** реальную или потенциальную завершенность действия, притом что высказывание будет иметь такую интерпретацию и без квантора. Видимо, разница между калмыцким и эстонским состоит в том, что, если в эстонском противопоставление между двумя стратегиями кодирования прямого дополнения определяется степенью вовлеченности пациенса, в калмыцком языке в непартитивном контексте вполне естественна немаркированная форма, а маркированная может лишь «подчеркнуть» объектный статус прямого дополнения в аналогичном контексте при наличии лексической поддержки в виде квантора¹⁹.

¹⁸Заметим, что генитивом в финском и эстонском языках традиционно называется падеж, имеющий функции аккузатива.

¹⁹В партитивных контекстах пациентивный участник кодируется в калмыцком языке аблативом:

(i) *nan-də* *xaš-asə* *ögə-Ø*
 я-DAT каша-ABL давать-IMP
 ‘Дай мне каши’.

Высказанные здесь наблюдения представлены в Таблице 4:

Таблица 4. Партитивность в эстонском и калмыцком языках

	Эстонский	Калмыцкий
Партитивный контекст	PART	ABL, см. сноску 19
Непартитивный контекст	GEN	≈ ∅
Непартитивный контекст («подчеркнутый»)	GEN	≈ ACC

Таким образом, появление показателя аккузатива при калмыцком прямом дополнении в контексте с квантором не следует объяснять, прибегая к противопоставлению партитивности/непартитивности. Скорее оно свидетельствует о дополнительной семантико-прагматической выделенности объекта, т. е. в данном случае противопоставление между оформленным и неоформленным прямым дополнением имеет ту же природу, что и аналогичное противопоставление у ИГ, различающихся по признаку определенности²⁰.

6.3. Способ кодирования ПД и возможность дистрибутивной интерпретации высказывания при наличии квантора

Последнее замечание, которое необходимо сделать, обсуждая кванторы всеобщности в калмыцком, заключается в том, что довольно часто способ маркирования ИГ определяет возможность дистрибутивной интерпретации при наличии квантора в составе подлежащей ИГ.

В примерах (46а–б) показано, как это происходит с квантором *sig* ‘весь’ (аналогичное распределение зафиксировано и для дистрибутивного квантора *bolʒən* ‘каждый’):

Впрочем, есть основания сомневаться в том, что такой актант является прямым дополнением на синтаксическом уровне, но специально этот вопрос не исследовался.

²⁰По личному сообщению Н. В. Сердобольской, точно так же обстоит дело и в коми-зырянском языке.

(46a) *cug kövü-d Bajrta-də degtər üz-ülə-v*
 весь мальчик-PL Байрта-DAT книга видеть-CAUS-PST
 ‘Все мальчики показали Байрте книгу’:
 ‘*n* мальчиков показали по 1 книге (Байрта увидела *n* книг)’
 — дистрибутивная интерпретация;
 ‘*n* мальчиков показали 1 (эту) книгу (Байрта увидела 1 книгу)’ — недистрибутивная интерпретация²¹.

(46б) *cug kövü-d Bajrta-də degtr-igə*
 весь мальчик-PL Байрта-DAT книга-ACC
üz-ülə-v
 видеть-CAUS-PST
 ‘Все мальчики показали Байрте книгу’:
 *‘*n* мальчиков показали по 1 книге (Байрта увидела *n* книг)’
 — дистрибутивная интерпретация;
 ‘*n* мальчиков показали 1 (эту) книгу (Байрта увидела 1 книгу)’ — недистрибутивная интерпретация.

В (46a) неоформленное прямое дополнение допускает как дистрибутивную, так и недистрибутивную интерпретацию, а оформленное прямое дополнение в (46б) — только недистрибутивную.

Строго говоря, данное наблюдение — это лишь очередное свидетельство того, что оформленное и неоформленное прямые дополнения могут иметь различные интерпретации в отношении референциального статуса (тем более, в случае с неодушевленной ИГ): так, в (46a) неоформленное прямое дополнение может иметь определенную интерпретацию — и тогда квантор при подлежащем получает недистрибутивное прочтение (т. е. речь идет об одной определенной книге), либо же неопределенную, и в этом случае квантор имеет дистрибутивное прочтение (т. е. имеется в виду множество неких книг, которые по очереди были представлены

²¹ В принципе в данном случае возможна такая интерпретация, что Байрта увидела не одну книгу, а несколько, и причем они были принесены всеми мальчиками сразу (хотя тогда объектная ИГ, скорее всего, получит маркер множественного числа). Данный факт важен скорее как иллюстрация особенностей маркирования множественности, но не более того, так как «суммарная» интерпретация при этом все равно остается недистрибутивной.

Байрте). В (46б) оформленное прямое дополнение является определенным, что и сказывается на семантике высказывания так, что квантор получает только недистрибутивную интерпретацию.

7. Заключение

Итак, в калмыцком языке падежное маркирование ИГ в позиции прямого дополнения имеет скорее вероятностный характер и не может быть описано при помощи строгих правил.

Оформление прямого дополнения в калмыцком языке в целом зависит от четырех параметров: определенности, одушевленности, коммуникативного статуса и линейной позиции ИГ в предложении. Между тем, такие факторы, как вес ИГ, наличие квантора при неединичной квантификации и значение партитивности не оказывают непосредственного влияния на выбор между оформленной показателем аккумулятива и неоформленной словоформой в позиции прямого дополнения.

Из четырех параметров, важных для маркирования ИГ в позиции прямого дополнения, главным является позиция ИГ на иерархии определенности. В калмыцком языке обязательно маркируются крайние левые компоненты этой иерархии, т. е. прямые дополнения, выраженные местоименными существительными (за исключением вопросительных местоимений, которые отдельно обсуждаются в статье), а также именами собственными. Если двигаться дальше слева направо по иерархии определенности, то на множестве нарицательных имен (от определенных до неререферентных), появление показателя аккумулятива определяется сразу же многими факторами: и собственно определенностью, и одушевленностью, и коммуникативным статусом ИГ, и порядком слов в предложении. Таким образом, каждое ПД обладает четырьмя признаками в соответствии с четырьмя параметрами. Чем левее стоит тот или иной признак на иерархии соответствующего параметра, тем больше вероятность того, что прямое дополнение получит аккумулятивный маркер.

Порядок влияния указанных факторов можно представить в виде Таблицы 5:

Таблица 5. Итоги

Местоимение > Имя собственное >	Определенное имя > Референтное неопределенное имя > Нереферентное имя
ACC / *∅	+ одушевленность + Коммуникативный статус + Порядок слов ↓ ∅ / ACC

Важно, что контекстов, в которых прямое дополнение не может оставаться неоформленным, очень мало. Получается, что исходной, базовой формой для прямого дополнения, выраженного нарицательной ИГ, в калмыцком языке является все же форма без падежного показателя. При этом «вектор» влияния всех перечисленных факторов направлен на то, чтобы увеличить вероятность оформления прямого дополнения падежным показателем.

Необходимо отдавать себе отчет в том, что, если не считать немаркированную форму, наличие падежного аффикса — это лишь одна из трех основных возможных стратегий оформления ИГ в калмыцком языке, наряду с посессивно-рефлексивным показателем, а также посессивным аффиксом, спаянным с показателем падежа. Поэтому в действительности при выборе между различными формами ИГ, в том числе в позиции прямого дополнения, важным может оказаться и такой фактор, как наличие посессивного отношения. Впрочем, это уже более частный случай, а моя задача состояла в том, чтобы описать именно базовые контексты, в которых никаких «дополнительных» отношений нет.

Литература

- Белошапкина В. А. 1989. *Современный русский язык*. М.
 Бобровников А. А. 1849. *Грамматика монгольско-калмыцкого языка*. Казань.
 Короткова Н. А. 2007. Квантификация в калмыцком языке. Доклад, прочитанный в экспедиции в Калмыкии в 2007 г.
 Котвич В. Л. 1902. *Лекции по грамматике монгольского языка*. СПб.

- Муравьева И. А. 2004. *Типология инкорпорации*. Диссертация ... д-ра. филол. наук. М.
- Орловская М. Н. 1984. Набор порядков слов в простом повествовательном предложении и некоторые способы актуализации членов предложения в современном монгольском языке // Солнцев В. М. (ред.). *Восточное языкознание: Грамматическое и актуальное членение предложения*. М.: Наука. С. 91–106.
- Очиров У. У. 1964. *Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис*. Элиста: Калмгосиздат.
- Падучева Е. В. 1985. *Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений*. М.: Наука.
- Санжеев Г. Д. (ред.). 1983. *Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Толдова С. Ю., Сердобольская Н. В. 2002. Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке // Кибрик А. Е. (ред.). *Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой*. М.: Изд-во МГУ. С. 106–124.
- Татевосов С. Г. 1997. *Типологические параметры квантификации в естественном языке (на материале кванторов со значением всеобщности)*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.
- Тодаева Б. Х. 1952. Винительный падеж в современном монгольском языке // *Ученые записки Института востоковедения*. Т. IV. М. С. 355–373.
- Aissen J. 2003. Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy // *Natural Language and Linguistic Theory*, 21. P. 435–483.
- Comrie B. 1975. Subjects and Direct Objects in Uralic Languages: a Functional Explanation of Case-Marking Systems // *Etudes finno-ougriennes*, XII. P. 1–17.
- Comrie B. 1989. *Language Universals and Linguistic Typology*. 2nd edition. Chicago: University of Chicago Press.
- Givón T. 1990. *Syntax: a functional typological introduction*. Amsterdam.
- Haspelmath M. 2005. Explaining Syntactic Universals. Universals of Differential Case Marking. Лекция, прочитанная в LSA Institute в июле 2005 г. Материалы доступны на веб-странице: <http://email.eva.mpg.de/~haspelmt/2.DiffCaseMarking.pdf>.
- Hopper P. J., Thompson S. A. 1980. Transitivity in Grammar and Discourse // *Language*, 56. P. 251–299.
- Johanson L. 1977. Bestimmtheit und Mitteilungsperspective im türkischen Satz // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Supplement*, III. No. 2. P. 1186–1203.

- Moravcsik E. 1978. On the Case Marking of Objects // Greenberg J. (ed.). *Universals of Human Language, vol.4: Syntax*. Stanford (California): Stanford University Press. P. 249–290.
- Muravyova I. 1991. Non-Marked Noun Forms in Turkic and Mongolian Languages (A Comparative Study) // Baldauf I., Friedrich M. (eds.). *Bamberger Zentralasienstudien. Konferenzakten. ESCAS IV, Bamberg 8–12, Oktober 1991*. Berlin: Klaus Schwarz. P. 105–115.
- Nikolaeva I. 2001. Secondary topic as a relation in Information structure // *Linguistics*, 39. P. 1–49.
- Silverstein M. 1976. Hierarchy of Features and Ergativity // Dixon R. M. W. (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies Publications (Linguistic series, 22). P. 112–171.

КОНСТРУКЦИЯ С ПЕРИФЕРИЙНЫМ ОБЛАДАЕМЫМ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

1.1. Конструкция с внешним посессором

Отношения между **посессором** и **обладаемым** (они же отношения принадлежности, они же **посессивные** отношения) в языках мира выражаются множеством различных способов. Наиболее распространенный из них — это конструкция с **внутренним посессором**, т. е. конструкция, в которой посессор является зависимым при обладаемом. Примером внутреннего посессора может служить слово *дома* в примере (1).

(1) *порог дома*

Наряду с конструкцией с внутренним посессором в языке может существовать также конструкция с **внешним посессором**. Один из типичных примеров конструкции с внешним посессором — предложение (2).

(2) *Петр целовал ей руку².*

Внешний посессор отличается от внутреннего прежде всего тем, что он выражен вне составляющей, возглавляемой обладаемым. При этом, если обладаемое является релятивным именем, обязательная валентность на посессора при нем оказывается незаполненной (как в примере (2)).

¹ Материал собран в экспедиции 2008 г. в поселок Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий» и гранта Роснауки «Вариативность валентности многоместных предикатов».

Хотелось бы поблагодарить А. Л. Леонтьеву за множество ценных замечаний, высказанных по поводу более ранних версий этой статьи и учтенных мною в процессе редактирования.

² Примеры (2) и (3) взяты из [Апресян 1983].

Как указывают Э. Кениг и М. Хаспельмат, «во всех языках есть конструкции с внутренним посессором, но не во всех есть конструкции с внешним посессором»³ [König, Haspelmath 1997: 591]. Однако количества языков, в которых внешний посессор встречается, — и, соответственно, разнообразия материала — более чем достаточно, чтобы вызвать среди исследователей непримиримые споры о границе этого явления. Из спорных случаев, перечисленных в [König 2001: 971], для данной статьи будет иметь значение только тот, при котором посессор занимает позицию прямого дополнения, предусмотренную аргументной структурой предиката, а обладаемое выражено в какой-либо **периферийной позиции** (т. е. не в качестве ядерного актанта глагола), как в (3).

(3) *Петр поцеловал ее в губы.*

Основанием для того, чтобы не считать слово *ее* в примере (3) внешним посессором, для некоторых исследователей является тот факт, что глагол *поцеловать* и в своем условно обычном употреблении (см. (4)) предполагает наличие прямого дополнения. В этом отношении (3) отличается от (2): у глагола *целовать* в его обычном употреблении отсутствует валентность на дополнение в дативе.

(4) *Путник поцеловал / целовал порог своего дома.*

В данной статье примеры, подобные (3), будут рассматриваться как частные случаи конструкции с внешним посессором⁴. В дальнейшем для них будет использоваться выражение **конструкция с внешним посессором в аккузативе**⁵.

³ «Toutes les langues ont des constuctions à possesseur interne, toutes n'ont pas de constructions à possesseur externe».

⁴ В случаях, аналогичных (3), усматривается внешний посессор также в работах [Кибрик 2003; König, Haspelmath 1997; König 2001 и др.].

⁵ Для сходного класса случаев предлагались обозначения «possessor splitting» [Podlesskaya, Rakhilina 1999] и «конструкция с экстрапозицией обладаемого» [Кибрик 2003], но в настоящей работе эти термины использоваться не будут.

1.2. Конструкция с периферийным обладаемым

Конструкцией с периферийным обладаемым здесь и далее будет называться такая выражающая посессивные отношения конструкция, в которой обладаемое находится в периферийной позиции, при том что в некоторых условиях само обладаемое или подобные ему объекты могут занимать позицию **прямого дополнения** при использованном в предложении предикате.

Примером конструкции с периферийным обладаемым является (3). Как несложно заметить, этот пример относится также к конструкции с внешним посессором в аккумулятиве. Если бы это было верно для всех примеров конструкции с периферийным обладаемым, выделять ее значило бы плодить сущности. Однако в калмыцком языке находятся примеры, которые можно отнести к конструкции с периферийным обладаемым, несмотря на то, что посессор в них внутренний. Таким образом, объем понятий «конструкция с периферийным обладаемым» и «конструкция с внешним посессором в аккумулятиве» оказывается различным.

В разделе 3.1 я надеюсь показать, что объединение в одну конструкцию классических случаев конструкции с внешним посессором в аккумулятиве и упомянутых выше примеров (с внутренним посессором и обладаемым на периферии) не будет объединением несвязанных между собой явлений по случайному формальному признаку; пока же прошу временно принять эту конструкцию в качестве условного и пока не обоснованного объединения группы примеров.

2. Способы оформления посессора и обладаемого при глаголах физического контакта в калмыцком языке

Посессивные отношения при глаголах физического контакта в калмыцком языке могут быть выражены следующими способами:

1. конструкция с внутренним посессором (5): посессор стоит в генитиве или не выражен отдельным словом, а форма обладаемого определяется актантной рамкой глагола:

- (5) *noxa mini kölə-m⁶ zuu-və*
 собака я.GEN нога-P.1SG кусать-PST
 ‘Собака укусила меня за ногу (букв.: укусила мою ногу)’.

2. **конструкция с внешним посессором в дативе (6):** посессор стоит в дативе, обладаемое — в аккузативе. (Эта модель оформления в статье рассматриваться не будет.)

- (6) *ekə-n^j küükə-n-d-än üs-i-n^j*
 мать-P.3 дочь-EXT-DAT-P.REFL волосы-ACC-P.3
samlə-v
 расчесывать-PST
 ‘Мать причесала дочери волосы’.

3. **конструкция с периферийным обладаемым:** при переходном глаголе обладаемое стоит в одном из периферийных падежей (аблативе, инструменталисе или, возможно, дативе⁷), посессор либо стоит в аккузативе (7), либо стоит в генитиве (8), либо не выражен отдельным словом (9)⁸:

⁶ Отсутствие показателя аккузатива на прямом дополнении в этом случае и далее в некоторых других примерах статьи связано с явлением дифференцированного маркирования объекта, о котором см. в [Коношенко, настоящий сборник], и к рассматриваемым вопросам прямого отношения не имеет.

⁷ Последняя стратегия — с обладаемым в дативе — сильно ограничена и используется только с теми глаголами, которые и вне конструкции достаточно свободно допускают оформление своего единственного аргумента дативом, а не аккузативом: *tüŕ-* ‘опереться’ и *tusə-* ‘попасть’, — а примеры, в которых посессор при обладаемом в дативе оформлялся бы аккузативом, а не генитивом, редки и недостаточно надежны. Таким образом, не исключено, что и посессор, и обладаемое в таких примерах находятся на своих закономерных местах, предусмотренных синтаксическими валентностями слов, входящих в предложение, а если так, то эту группу примеров вряд ли можно отнести к рассматриваемой конструкции.

Примеры с обладаемым в дативе в статье рассматриваться не будут.

⁸ Еще один логически возможный вариант — с посессором в дативе и обладаемым в каком-либо периферийном падеже — в примерах не встречался.

- (7) *mini ür-igə noxa köl-äsə-n^j zuu-və*
я.GEN друг-ACC собака нога-ABL-P.3 кусать-PST
'Собака укусила моего друга за ногу'.
- (8) *noxa mini köl-äsə zuu-və*
собака я.GEN нога-ABL кусать-PST
'Собака укусила меня за ногу (букв.: укусила за мою ногу)'.
- (9) *noxa köl-äsə-m zuu-və*
собака нога-ABL-P.1SG кусать-PST
'Собака укусила меня за ногу (букв.: укусила за мою ногу)'.

Посессивный показатель на обладаемом факультативен, если при обладаемом есть посессор в генитиве; в остальных случаях он обязателен.

3. Некоторые свойства конструкции с периферийным обладаемым

3.1. Оформление посессора

Как видно из сказанного в разделе 2, если в рамках конструкции с периферийным обладаемым посессор получает выражение, он может стоять в аккузативе (в этом случае он зависит от глагола) или в генитиве (в этом случае он является зависимым обладаемого⁹).

⁹ Предположить, что в этом случае посессор также зависит от глагола, мешают, по крайней мере, три факта грамматики калмыцкого языка.

Во-первых, грамматики, описывающие калмыцкий [Очиров 1964; Пюрбеев 1993], не упоминают ни одного случая, в котором у глагола было бы дополнение в генитиве.

Во-вторых, в случае с оформлением посессора генитивом, но не аккузативом возможно отсутствие посессивного показателя на обладаемом. Это логично связать с тем, что посессор в генитиве является внутренним, поскольку и вне конструкции наблюдается то же самое: если у релятивного имени есть внутренний посессор, то посессивный показатель становится необязателен.

Наконец, в случае с оформлением посессора аккузативом, но не генитивом, между посессором и обладаемым могут находиться слова, не являющиеся зависимыми ни посессора, ни обладаемого (например, подлежащее предложения, как в (7)). Если бы посессор в генитиве занимал ту же синтаксическую позицию, что и посессор в аккузативе, было бы логично ждать для них одинаковых ограничений на возможный порядок слов.

Интересно, что оформление обладаемого не аккумулятивом возможно не только в том случае, когда позиция прямого дополнения занята посессором, но и при внутреннем посессоре, как выше в примере (8).

Было бы естественным предположить, что в этом последнем случае периферийная позиция обладаемого объясняется какими-то причинами, независимыми от наличия в предложении посессора. Однако такое объяснение не всегда возможно. Так, различие между примерами (10) и (11), приводящее к различию в синтаксическом поведении глагольного зависимого, как кажется, невозможно описать без указания на наличие в примере (11) посессивных отношений.

(10) *üüdə* / **üüd-är* *tülkə-Ø*
дверь дверь-INS толкать-IMP
'Толкни дверь'.

(11) *Baatər* *Badma-n* *nurk-ar-n'* *tülk-čə*
Батыр Бадма-GEN спина-INS-P.3 толкать-EVD
'Батыр толкнул Бадму в спину (букв.: толкнул в спину Бадмы)'.

Как видно по примеру (10), внутренний аргумент глагола *tülkə*- 'толкать' в нейтральном контексте не может оформляться инструменталисом. Однако в примере (11), где при этом аргументе в качестве зависимого появляется посессор, такое оформление оказывается возможным.

Следовательно, **на оформление обладаемого** при глаголах контакта **влияет** не только заполненность или незаполненность посессором позиции прямого дополнения, но и **сам факт наличия посессивных отношений**. Речь идет не о произвольных посессивных отношениях, а, как правило, об отношениях части и целого; т. е. мое утверждение не означает, что в предложении со значением 'Толкни дверь Бадмы' появление посессора как-либо повлияет на оформление слова со значением 'дверь'.

Аналогичное (хотя и значительно менее распространенное) явление можно наблюдать и в русском языке: см. (12а) и (13а) при значительно меньшей допустимости (12б) и (13б).

(12а) Я мысленно взял за конец каната, раскрутил над головой получившееся произведение, и забросил куда подальше¹⁰.

(12б) ?? Я мысленно взял за канат <...>

(13а) Мы проследовали за ним во внутренний дворик, где он ударил по краю стены. Один кирпич с грохотом свалился на пол.

(13б) <...> где он ударил по стене ?? (рукой).

Примеры, подобные (11), так же как (12а) и (13а), достаточно неожиданны.

Во-первых, неясно, что заставляет дополнения в примерах (10) и (11) вести себя по-разному, так как различие в синтаксическом окружении этих дополнений вряд ли можно считать существенным.

Во-вторых, синтаксическое и семантическое сходство таких примеров с обычными случаями конструкции с внешним посессором настолько сильно, что было бы логично ожидать сходного их описания; однако обычный подход к описанию конструкции с внешним посессором в аккузативе оказывается неприменим к примерам, подобным (11). Во всех известных мне работах, каковыми объясняющих «смещение» обладаемого на периферию, оно рассматривается как следствие «подъема» посессора в позицию прямого дополнения¹¹ [Кибрик 2003; Haspelmath 1999 и др.]. Очевидно, что для примера (11) это объяснение не подходит, так как посессор в этом примере находится на своем обычном месте, а обладаемое все же «смещается» на периферию.

Чтобы дать возможное объяснение, позволю себе небольшое отступление на материале русского языка. Описываемое явление в калмыцком и в русском проявляет сходные свойства, так что кажется возможным распространить предлагаемое объяснение и на калмыцкие примеры.

¹⁰ Примеры на русский язык найдены с помощью поисковых систем в Интернете, за исключением примера (15), заимствованного из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

¹¹ При этом заключенные в кавычки термины иногда используются только метафорически и собственно трансформации не подразумевают.

Итак, можно предположить, что периферийное обладаемое в рассматриваемой конструкции — частный случай глагольного зависимого типа «по столу» в (14)¹².

(14) *ударить рукой по столу*¹³

В случаях, подобных (14), когда при глаголе возможно как прямое дополнение, так и предложная группа, использование последнего варианта обычно говорит о сравнительно меньшей вовлеченности объекта¹⁴. Малая вовлеченность объекта значительно естественней, если в ситуации присутствует другой, более сильно вовлеченный, участник. Этот участник может быть в том числе инструментом, как рука в примере (14), или самим агенсом, как Маргарита в примере (15). (Ср. с примером (16), в котором речь идет, очевидно, не о воздействии на агенс и, соответственно, невозможно употребление предложной группы на месте глагольного зависимого.)

(15) *Прицелившись, чтобы не задеть за какой-нибудь провод, она покрепче сжала щетку и в мгновение оказалась выше злополучного дома. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита]*

(16) *Здесь мыли осторожно, стараясь не задеть проводов, переходников, стабилизаторов /^{??} за провода, переходники, стабилизаторы.*

¹² Ср. у Ю. Д. Апресяна:

Особенно показательны ⟨...⟩ пары типа *бить кого-л. прикладом по спине* и *бить прикладом по воротам*, в которых группы *по спине* и *по воротам* должны получить одну и ту же синтаксическую интерпретацию [Апресян 1983: 7].

¹³ Для таких случаев используется термин «конативная альтернатива», подробнее о них см., например, в [Levin 1993], а также в [Dixon 1991].

¹⁴ Ср. о подобных случаях в английском:

В действительности очень немногие переходные глаголы допускают постановку перед объектом предлога, **указывающего на отсутствие у глагола некоторых характерных свойств, обычно связанных с синтаксической позицией прямого дополнения** [Dixon 1991: 280, выделено мной. — М. Х.].

Кроме того, сильно вовлеченным может оказаться участник, частью которого является данный, т. е. посессор, — а это, если учесть, что речь с самого начала идет о периферийном глагольном зависимом, автоматически дает конструкцию с периферийным обладаемым¹⁵. Для сильно вовлеченного в ситуацию посессора естественнее всего быть в позиции прямого дополнения, но это не единственная возможность; т. е. внешний посессор в позиции прямого дополнения является благоприятным, но не необходимым условием для периферийного обладаемого. Из этого следует, что **конструкция с внешним посессором в аккумулятиве** — хоть и наиболее частотный, но не единственный **вариант конструкции с периферийным обладаемым**.

Итак, оказывается, что конструкция с внешним посессором в аккумулятиве — частный случай конструкции с периферийным обладаемым, а эта последняя в свою очередь принадлежит к еще более широкому классу примеров, в которых по исключительно семантическим причинам происходит понижение ранга объекта. Кажется разумным предположить, что это же объяснение актуально не только для самого общего случая, но и для остальных двух составляющих этой матрешки.

Калмыцкому языку примеры, подобные (14), с глагольным зависимым на периферии также не чужды, так что конструкция с периферийным обладаемым может найти себе достойное место рядом с предложениями, аналогичными (17). (В данном случае возможность выражения зависимого на периферии, вероятно, связана с воздействием, которое оказывается на невыраженного агентивного участника.)

¹⁵ Перечисленные варианты: агенс, инструмент, которым совершается действие, и посессор — не исчерпывают всех возможностей, однако определяют наиболее предсказуемые и частотные из них. В самом деле, если физический контакт происходит в некоторой точке, логично, что он прежде всего воздействует на тела, непосредственно с этой точкой соприкасающиеся, а это, во-первых, минимальные из релевантных для контекста контактирующих объектов (т. е., например, рука и спина), а во-вторых, произвольные сущности, частью которых являются эти тела (т. е., например, бьющий и обладатель спины). Эти четыре возможности (так как в контакт обычно вступает два тела, а объект редко рассматривается как составная часть более чем одной сущности) соответствуют четырем основным типам задействованных объектов: инструмент и объект воздействия, а также агенс и посессор.

- (17) *metro-də bärül-äsə bär-xə kerg-tä*
 метро-DAT ручка-ABL брать-PC.FUT дело-ASSOC
 ‘В метро нужно держаться за поручень’, {чтобы не упасть}.

Далее, получается, что в калмыцком языке в рамках конструкции с периферийным обладаемым посессор может быть выражен как аккузативом, так и генитивом, а это неизбежно вызывает вопрос о различиях между этими двумя вариантами. Вероятно, на оформление посессора влияют различные факторы, один из которых — степень его вовлеченности в ситуацию. Это различие можно проследить на примерах (18) и (19).

- (18) *bičä noxa-gə / ^{OK}noxa-n¹⁶ süül-äsə-n^j*
 NEG.IMP собака-ACC собака-GEN хвост-ABL-P.3
tatə-Ø!
 тянуть-IMP
 ‘Не хватай собаку за хвост!’ {Ей же больно!}

- (19) *bičä noxa-n / *noxa-gə kirtä süül-äsə-n^j*
 NEG.IMP собака-GEN собака-ACC грязный хвост-ABL-P.3
bärə-Ø
 держать-IMP
 ‘Не хватай собаку за (ее) грязный хвост (букв.: Не хватай за грязный хвост собаки)’. {Ты испачкаешь руки}.

Вероятно, возможность использования конструкции с внешним посессором, недоступная в (19), в (18) связана с заданной контекстом высокой и весьма болезненной степенью вовлеченности собаки в ситуацию¹⁷.

¹⁶ Знаком «OK» здесь и далее отмечены варианты, которые принимаются информантами как возможные, но, как правило, не порождаются при переводе русских стимулов.

¹⁷ Между примерами (18) и (19) есть и еще одно существенное различие: в примере (19) при обладаемом есть нерестриktивное определение, что невозможно при внешнем посессоре. Последнее ограничение является универсальным:

Универсальной является следующая характеристика конструкций с внешним посессором: обладаемое [в этих конструкциях] не может быть распространено нерестриktивным прилагательным [König, Haspelmath 1997: 534].

Таблица 1. Распределение аблативного и инструментального оформления обладаемого

Основной способ оформления обладаемого	аблатив	инструменталис
второй способ оформления исключен или находится на грани допустимости	<i>čimkə</i> - ‘щипать’ <i>čir</i> - ‘тянуть’ <i>mačž</i> - ‘чесать’ <i>tat</i> - ‘тянуть’ <i>tevər</i> - ‘обнимать’, ‘обхватывать’ <i>torvə</i> - ‘цеплять’ <i>hač</i> - ‘кусать’ <i>zui</i> - ‘кусать’	<i>sokə</i> - ‘бить’ <i>šiv</i> - ‘бросать’ <i>iäür</i> - ‘порезать’ <i>tusə</i> - ‘попадать’ <i>xa</i> - ‘стрелять’
второй способ оформления сравнительно редок, но допустим	<i>atxə</i> - ‘сжимать в руке’ <i>av</i> - ‘брать’ <i>bür</i> - ‘держать’ <i>somčə</i> - ‘притянуть’ (букв.: ‘примагнитить’) <i>ša</i> - ‘колоть’ <i>iimsə</i> - ‘целовать’ <i>hatxə</i> - ‘ткнуть’	<i>il</i> - ‘гладить’ <i>iškəl</i> - ‘лягать’ <i>xäür</i> - ‘лягать’

3.2. Оформление обладаемого

Для каждого из рассматривавшихся глаголов в его обычном использовании наблюдается явное предпочтение какого-то одного способа оформления обладаемого: аблативом либо инструменталисом. При этом для части глаголов второй вариант оформления является недопустимым, для части — только менее частотным. Распределение глаголов по получающимся четырем группам можно посмотреть в Таблице 1.

Так, например, с глаголом *čimkə*- ‘щипать’ возможен аблатив, но не инструменталис (20), с глаголом *šiv*- ‘бросать’ — инструменталис, но не аблатив (21).

- (20) *küükə-n* *bij-än* *kar-asən* /
 девочка-EXT себя-P.REFL рука-ABL.P.REFL
 **kar-arn* *čimkə-v*
 рука-INS.P.REFL ущипнуть-PST
 ‘Девочка ущипнула себя за руку’.

- (21) *Badmә* *noxa-n* *tolka-ɣar* / **tolka-ɣasә*
 Бадма собака-GEN голова-INS голова-ABL
çolu-ɣar *šivә-v*
 камень-INS бросить-PST
 ‘Бадма бросил камнем собаке в голову (букв.: в голову собаки)’.

По данным Таблицы 1 можно вывести ряд признаков, часто характеризующих действия в столбце «аблатив», но не «инструменталис»:

1. контактность и, в частности:

1.1. компонент движения, лежащий за воображаемой плоскостью, отделяющей предмет от остального мира, «зацепление»;

1.2. немгновенное и плотное взаимодействие с поверхностью;

1.3. задействованность малой (компактно расположенной) части поверхности;

2. движение «на себя», в сторону агенса.

Ни один из этих признаков нельзя считать определяющим, так как для каждого из них можно найти глагол, этим признаком не наделенный, однако отдающий предпочтение аблативу. Достаточно привести два примера: глагол *sornсә-* ‘примагнитить’ не обладает признаками 1.1–1.3, а глагол *maaž-* ‘чесать’ не обладает признаком 2, — следовательно, на любой из признаков есть «исключения».

Представляется, что объединение этих признаков не случайно и может быть объяснено через одно из основных значений аблатива — значение отделения части от целого («предмет как целое, от которого изымается, берется какая-либо часть» [Пюрбе-ев 1993: 181]). Если представить себе некую субстанцию, от которой отделяется часть, то действие по отделению будет с высокой долей вероятности обладать именно этими характеристиками. Можно предположить, что компоненты значения 1.1–1.3 и 2 так часто оказываются связаны со значением «отделение части от целого», что становится возможным такое значение аблатива, в котором отсутствует изначальная семантика отделения, однако присутствуют некоторые из этих, ранее необязательных, компонентов.

Наименее очевидной кажется взаимосвязь между значением отделения и признаком 1.3. Аргументом в пользу того, что эта взаимосвязь все же существует, может служить еще одно значение аблатива в калмыцком — партитив (22).

- (22) *nan-də xaʃ-asə ögə-∅*
 я-DAT каша-ABL дать-IMP
 ‘Дай мне каши’.

Как в случае с партитивом, так и в конструкции с периферийным обладаемым производным от значения «отделение части от субстанции» оказывается компонент значения «незначительная величина задействованной части».

Все упомянутые выше признаки характеризуют глаголы, обладаемое при которых в рамках рассматриваемой конструкции оформляется чаще (или всегда) аблативом. Резонно предположить, что есть также признаки, более характерные для глаголов, требующих на обладаемом инструменталиса. Однако по крайней мере часть этих признаков (которую можно получить отрицанием признаков из списка, полученного выше) кажется следствием того, что инструменталис оказался встроен в одну систему с аблативом, так что в контекстах, где использование аблатива максимально естественно, инструменталис оказался редким или даже невозможным. Это, впрочем, не исключает наличие собственных признаков, одним из которых, возможно, является движение от себя¹⁸.

В ряде случаев при одной и той же глагольной лексеме различается оформление зависимых. Так, при глаголе *tülkə*- ‘толкать’ в случае, если действие предполагает компонент «зацепления» (более точную формулировку см. в списке на с. 87) и немгновенный контакт с поверхностью, более приемлемым оказывается вариант с аблативом на обладаемом (23), иначе — с инструменталисом на обладаемом (24).

- (23) *üüd-igə bärül-äsə-nⁱ / ^{OK}bärül-är-nⁱ tülkə-∅*
 дверь-ACC ручка-ABL-P.3 ручка-INS-P.3 толкать-IMP
 ‘Толкни дверь за ручку’.

- (24) *Baatar Badma-gə nurk-ar-nⁱ / [?]nurk-asə-nⁱ*
 Батыр Бадма-ACC спина-INS-P.3 спина-ABL-P.3
tülk-čə
 толкать-EVD
 ‘Батыр толкнул Бадму в спину’.

¹⁸ Движение от себя нельзя приравнять к отсутствию движения на себя, так как есть и глаголы, для которых определенное направление движения неочевидно, например, *zui*- ‘кусать’.

При глаголе *sokə*- ‘ударить’ в случае, если действие гарантированно предполагает задействованность компактно расположенной части поверхности, оказывается возможным оформление обладаемого аблативом (25), недопустимое в других случаях (26).

(25) *kärdə kuulžmul-igə tolka-vasə-nⁱ / ^{OK}tolka-kaŋ-nⁱ*
 орел цыпленок-ACC голова-ABL-P.3 голова-INS-P.3
sokə-v
 ударить-PST
 ‘Орел клюнул цыпленка в голову’.

(26) *Batər Badm-igə tolka-kaŋ-nⁱ / *tolka-vasə-nⁱ*
 Батыр Бадма-ACC голова-INS-P.3 голова-ABL-P.3
sokə-v
 ударить-PST
 ‘Батыр ударил Бадму по голове’.

Как можно заметить, выбор аблатива или инструменталиса на обладаемом в этом случае — когда при разных вариантах оформления совпадает глагольная лексема — в целом подчиняется тем же закономерностям, которые описывались в начале этого раздела, так что было бы странным считать, что здесь идет речь о двух различных явлениях (т. е. о распределении вариантов оформления по глаголам и об альтернативах в разных случаях использования одного и того же глагола). Если признать, что необходимо некоторое общее описание, то возможным оказывается распространить объяснение для примеров (23)–(26) на все остальные, но не наоборот (так как объяснение через свойства глагола различий в парах (23), (24) и (25), (26) принципиально невозможно, иначе пришлось бы говорить о том, что в этих примерах представлены разные глаголы).

Таким образом, можно заключить, что **способ оформления обладаемого** в конструкции с периферийным обладаемым (и — уже — в конструкции с внешним посессором в аккумулятиве) **не является свойством глагольной лексемы, а определяется характером**

обозначаемой ситуации (который часто, но не всегда зависит от глагола)¹⁹.

В этом свете Таблицу 1 следует понимать следующим образом: в Таблице показаны варианты оформления, **в нейтральном случае** соответствующие перечисленным глагольным значениям.

4. Сфера применения конструкции: уточнение

Одной из основных характеристик, определяющих возможность или невозможность употребления конструкции с внешним посессором, в типологической литературе признается вовлеченность посессора в ситуацию. В [König, Haspelmath 1997], а также в [Haspelmath 1999] указывается, что этот признак, как правило, находит отражение в нескольких независимых характеристиках посессора, обладаемого и предиката, причем каждой из этих характеристик соответствует своя иерархия. Одна из них — иерархия по степени неотчуждаемости (The Inalienability Hierarchy): от частей тела (максимальная вовлеченность) до произвольных определенных в данном контексте объектов (минимальная вовлеченность)²⁰.

В связи с этим возникает вопрос: раз степень неотчуждаемости рассматривается только как проявление более общего признака вовлеченности, верно ли, что она актуальна только в той мере, в которой различает ситуации, в которые посессор вовлечен в большей или меньшей степени? В частности, не будет ли требование наличия посессивного отношения между участниками только следствием того, что именно при нем обычно происходит сильное воздействие на одного участника посредством воздействия на другого? Как кажется, ответ на этот вопрос дают калмыцкие предложения (27) и (28).

¹⁹ При определенном понимании термина «лексема» можно предположить, что в примерах (25) и (26) они различаются, однако примеры (23) и (24) кажутся в этом смысле бесспорными.

²⁰ Последний вариант Э. Кениг и М. Хаспельмат иллюстрируют немецким примером, который означает 'Она отнесла мой чемодан в номер гостиницы', при том что буквально он переводился бы как 'Она **мне** отнесла чемодан в номер гостиницы' [König, Haspelmath 1997: 573].

- (27) *kövü-n* *maši-gə* *dees-är* /
 мальчик-EXT машина-ACC веревка-INS
**dees-n-äsə* *tat-žə* *šov-na*
 веревка-EXT-ABL тянуть-CV.IPFV идти-PRS
 ‘Мальчик тянет машинку за веревку’.
- (28) *kövü-n* *maši-gə* *dees-n-äsə-n^j* /
 мальчик-EXT машина-ACC веревка-EXT-ABL-P.3
**dees-är-n^j* *tat-žə* *šov-na*
 веревка-INS-P.3 тянуть-CV.IPFV идти-PRS
 ‘Мальчик тянет машинку за веревку (букв.: за ее веревку)’.

Различие между примерами (27) и (28) заключается в том, что во втором из них на существительном *deesən* ‘веревка’ есть посессивный показатель (т. е., вероятно, веревка воспринимается говорящим как часть машины, так как сложно представить себе какой-либо другой вид посессивных отношений между этими предметами). Можно заметить, что использование аблатива (который, как правило, появляется на обладаемом при глаголе *tat-* ‘тянуть’, см. Таблицу 1) возможно во втором, но не в первом случае, т. е. конструкция с внешним посессором возможна **только** при наличии посессивных отношений. (Инструменталис в примере (27), вероятно, использован в своем прямом значении — инструмента, при помощи которого агенс совершает действие — и к конструкции прямого отношения не имеет). Этот результат достаточно предсказуем, но от этого не менее интересен: предложения (27) и (28) в обычном случае описывают одну и ту же ситуацию внешней действительности²¹, в которой, однако, двумя различными способами оцениваются отношения между участниками, что сказывается на возможности или невозможности применения конструкции. Получается, что в примерах (27) и (28) машина вовлечена в ситуацию в равной мере, однако конструкция может использоваться только в (28), а значит, степень отчуждаемости обладаемого важна не только как проявление признака вовлеченности.

²¹ Теоретически можно представить себе ситуацию, к которой будет применимо только предложение (27), например, когда веревка обмотана вокруг колес и определенно не является частью машины, однако такие ситуации скорее маргинальны, а противопоставление по оформлению обладаемого остается актуальным для всех случаев.

Хотелось бы отметить, что речь идет не о наличии или отсутствии у обладаемого обязательной валентности на посессор, а именно об особенностях восприятия ситуации: в противном случае пришлось бы говорить о двух словах *deesən*, таких что каждое из них означает 'веревка', но у одного есть обязательная валентность на посессор, а у другого нет.

5. Выводы

1. В калмыцком языке (и не только) возможна конструкция, в которой на синтаксическое поведение обладаемого влияет само наличие в ситуации посессора, что, возможно, позволяет включить эту конструкцию (в свою очередь включающую, как подвариант, один из видов конструкции с внешним посессором) в более широкий класс. Таким образом, это необычное явление калмыцкого языка оказывается интересным не только само по себе, но и как источник информации о природе более распространенной в языках мира конструкции с внешним посессором.

В частности, оказывается, что в тех случаях, когда обладаемое в конструкции с внешним посессором находится на периферии, это вызвано причинами не столько синтаксическими (занятость позиции прямого дополнения), сколько семантическими (малая вовлеченность обладаемого в ситуацию).

2. В калмыцком языке существует две возможности периферийного оформления обладаемого: с помощью инструменталиса и с помощью аблатива. Выбор аблатива коррелирует с такими признаками, как контактность и движение «на себя», т. е. в сторону агенса.

Литература

- Апресян Ю. Д. 1983. Синтаксические средства выражения посессивности // Иванов Вяч. Вс., Молошная Т. Н., Николаева Т. М. (ред.). *Категория притяжательности в славянских и балканских языках*. Тезисы совещания. М. С. 4–9.
- Кибрик А. Е. 2003. Внешний посессор в русском языке // Кибрик А. Е. *Константы и переменные языка*. СПб.: Алетейя. С. 307–319.
- Коношенко М. Б. Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Очиров У. У. 1964. *Грамматика калмыцкого языка: синтаксис*. Элиста: Калмгосиздат.

- Пюрбеев Г. Ц. 1993. *Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков*. М.: Наука.
- Dixon R. M. W. 1991. *A New Approach to English Grammar, On Semantic Principles*. Oxford: Oxford University Press.
- Haspelmath M. 1999. External Possession in a European Areal Perspective // Payne D. L., Barshi I. (eds.). *External possession*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. P. 109–136.
- König E. 2001. Internal and External Possessors // Haspelmath M. et al. (eds.). *Language typology and language universals: an international handbook*, Vol. 2. Berlin; New York. P. 370–379.
- König E., Haspelmath M. 1997. Les constructions à possesseur externe dans les langues d'Europe // Feuillet J. (ed.). *Actance et valance dans les langues de l'Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 525–606.
- Levin B. 1993. *English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation*. Chicago: University of Chicago Press.
- Podlesskaya V. I., Rakhilina E. V. 1999. External Possession, Reflexivization and Body Parts in Russian // Payne D. L., Barshi I. (eds.). *External possession*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. P. 505–522.

АКЦИОНАЛЬНЫЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА¹

0. Введение

Основная задача настоящего исследования состоит в выявлении акциональных классов глаголов калмыцкого языка, т. е. групп глагольных лексем, объединяемых сходством аспектуального компонента значения.

Этот компонент значения глагольной лексемы в предложении взаимодействует с семантикой видо-временного показателя, и в значении конкретной словоформы между ними сложно провести границу.

Результатам взаимодействия аспектуальности глагола и семантики некоторых видо-временных показателей уделено основное внимание в статье. Также в сферу рассмотрения попадают другие компоненты аспектуальности: характеристики аргументов глагола и влияние обстоятельств времени на аспектуальную интерпретацию предложения.

На основании акциональных свойств выборки глагольных лексем можно сделать выводы об особенностях устройства этого компонента аспектуальности калмыцкого языка в целом. При этом важным оказывается не только сходство аспектуального поведения глаголов, попадающих в один акциональный класс, но и то, какие напрямую не связанные с аспектуальностью семантические параметры (характеристики ситуации или участников) влияют на набор интерпретаций, доступных для словоформы.

¹ Материал собран в экспедициях 2007 г. в поселок Ергенинский и 2008 г. в поселок Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий». Я очень благодарна П. М. Аркадьеву и С. С. Саю за ценные советы и замечания. За все ошибки и недостатки ответствен исключительно автор.

В разделах 1–3 обсуждаются теоретические вопросы, связанные с акциональностью, метод, при помощи которого проводилась классификация, и основные термины. Разделы 4–6 посвящены результатам классификации и основанным на них обобщениям. Заключительный раздел содержит выводы.

1. Акциональность и другие уровни аспектуальности

Акциональная классификация отражает различия аспектуального потенциала глагольных лексем, которые проявляются в сочетаемости глаголов с видо-временными показателями и наборе возможных интерпретаций видо-временных форм данного глагола в разных контекстах (см. [Vendler 1967; Dahl 1985: 26–29; Smith 1991/1997; Tatevosov 2002; Лютикова и др. 2006]). Аспектуальная составляющая значения глагола является одним из компонентов, влияющих на аспектуальную интерпретацию предложения в целом. Примеры (1) и (2) показывают употребление двух глаголов калмыцкого языка: *advə*- ‘спешить’ и *daxə*- ‘следовать’; глаголы употреблены в одной и той же видо-временной форме (форма претерита), однако аспектуальные интерпретации, возможные для этих двух предложений, различны. Предложение (1) может использоваться для описания и некоторого промежутка времени, в течение которого происходило действие ‘спешить’, и начальной фазы ситуации; предложение (2) имеет только первую из этих двух интерпретаций, т. е. обозначает срединную, но не начальную фазу ситуации.

- (1) *ekə ködlmš-t-än advə-v*
 мать работа-DAT-P.REFL торопиться-PST
 а. ‘Мама спешила на работу’
 б. {Посмотрев на часы и поняв, что она опаздывает,} ‘мама заспешила на работу’.
- (2) *aŋvičə aŋgə daxə-v*
 охотник зверь следовать-PST
 ‘Охотник шел следом за зверем’.

Несмотря на бесспорность наличия аспектуальной составляющей в значении лексемы, существует проблема ее отграничения от других компонентов аспектуальности предложения. Значение

глагольной лексемы вне контекста грамматических показателей недоступно для прямого наблюдения.

На аспектуальную интерпретацию предложения наряду с аспектуальным компонентом значения глагольной лексемы и семантикой видо-временного показателя в некоторых случаях влияют характеристики аргументов глагола (эти явления принято называть аспектуальной композицией — [Krifka 1992; Лютикова и др. 2006: 250–269]). Прежде всего это касается инкрементальных ситуаций, т. е. ситуаций, в которых части ситуации и части инкрементального участника находятся в одно-однозначном соответствии [Dowty 1991]. Так, инкрементальным участником является Пациенс в ситуации ‘Вася ест пирожок’: каждой части ситуации соответствует некоторая часть инкрементального аргумента — съедаемого пирожка; естественный предел инкрементальной ситуации достигается тогда, когда весь инкрементальный участник оказывается вовлеченным в нее. В случае инкрементальной ситуации важными оказываются свойства инкрементального участника: квантованность или кумулятивность (см., например, [Krifka 1998: 199]). «Предикат является квантованным тогда и только тогда, когда он обладает свойством неподразделимости: всякий раз, когда сущности *x* и *y* входят в его экстенционал, *x* не является собственной частью *y*» [Лютикова и др. 2006: 253]. Если инкрементальный участник квантованный, ситуация является предельной: например, участник ‘письмо’ в примере (3) является квантованным, поскольку часть письма нельзя назвать ‘письмом’, и если письмо не было дописано, то ситуация не достигла естественного предела и мы не можем описать ее с помощью выражения ‘Дедушка написал письмо’.

- (3) *aavə bičəg bičə-v*
дед письмо писать-PST
‘Дедушка написал письмо’.

Если инкрементальный участник кумулятивный, ситуация является непредельной. «Предикат является кумулятивным тогда и только тогда, когда он обладает свойством аддитивности: всякий раз, когда сущности *x* и *y* входят в его экстенционал, их сумма также входит в его экстенционал» [там же: 252]. В ситуации, описываемой

предложением (4), участник ‘вода’ является кумулятивным: любую часть выпитой воды можно назвать ‘водой’, так же как про любой подынтервал этой ситуации мы можем сказать ‘Овцы попили воду’.

- (4) *xö-d nuur-tə ir-äd usə uu-və*
 овца-PL озеро приходить-CV.ANT вода пить-PST
 ‘Овцы пришли на озеро и попили воду’.

Таким образом, признак квантованности/кумулятивности инкрементального участника влияет на возможность предельной интерпретации предложения: ситуация в предложении (3) предельная, в примере (4) ситуация является непредельной.

Временные обстоятельства также следует рассматривать как один из компонентов аспектуальности предложения. Взаимодействие временных обстоятельств с другими компонентами аспектуальности можно рассматривать: с точки зрения возможности использования того или иного темпорального обстоятельства в предложении; с точки зрения того, насколько использование темпорального обстоятельства влияет на набор возможных интерпретаций, становятся ли в контексте обстоятельства возможными те интерпретации, которые без них недоступны².

2. Метод акциональной классификации С. Г. Татевосова

Аспектуальная составляющая семантики лексемы не поддается наблюдению вне контекста видо-временного показателя и других компонентов аспектуальности и далеко не всегда предсказуема на основании плана выражения словоформы. Необходимо принять решение о том, каким образом следует выявлять особенности аспектуального потенциала глагола и разбивать глаголы на группы. Метод акциональной классификации, используемый в данной работе, был предложен С. Г. Татевосовым [Tatevosov 2002; Татевосов 2005; Лютикова и др. 2006]. Согласно этому методу, для выяснения принадлежности лексемы к тому или иному акциональному классу необходимо рассмотреть ее реализации в различных видо-временных формах и определить, какие аспектуальные интерпретации доступны для словоформ. Предлагается

² См., например, [Smith 1991/1997: 199–209].

рассматривать прежде всего интерпретации глаголов с такими аспектуальными показателями, значение которых близко к универсальным категориальным типам «перфектив» и «имперфектив»³. Перфектив предполагает целостное рассмотрение ситуации, без выделения отдельных внутренних фаз; для имперфективного ракурса важной оказывается внутренняя структура ситуации ([Comrie 1976: 16; Dahl 1985: 74])⁴.

Таким образом, при употреблении лексемы в какой-либо видо-временной форме ситуация, обозначаемая лексемой, рассматривается с определенного ракурса; то, какие фазы ситуации может описывать глагольная словоформа, и является набором ее интерпретаций. В предлагаемом методе словоформе приписывается один или несколько семантических ярлыков согласно тем интерпретациям, которые она может получать. Используются следующие ярлыки: S (Состояние), P (Процесс), ES (Вхождение в состояние), EP (Вхождение в процесс), MP (Мультипликативный процесс), EMP (Вхождение в мультипликативный процесс). В один акциональный класс попадают лексемы с одинаковым набором ярлыков.

3. Основные типы ситуаций и семантические ярлыки

Используемые в методе С. Г. Татевосова семантические ярлыки соответствуют типам ситуаций и их фазам. Одним из наиболее важных противопоставлений типов ситуаций является разделение ситуаций на процессы и состояния; состояния обычно определяются как ситуации, продолжение которых не требует притока энергии со стороны участника ('слышать', 'знать'), процесс — динамическая ситуация, требующая притока энергии для продолжения ('искать', 'двигаться'); мультипликативный процесс отличается тем, что ситуация многократно повторяется

³ Универсальные категориальные типы семантической зоны времени и вида, а также модальности подробно описаны в книге [Bybee et al. 1994].

⁴ Это противопоставление является основным в поле аспектуальности. Кроме того, на материале нескольких языков С. Г. Татевосов показывает, что интерпретации других видовых форм являются подмножеством интерпретаций тех форм, которые соответствуют универсальным категориальным типам перфектив и имперфектив.

с одним и тем же набором участников, занимает один промежуток времени и рассматривается как единое целое ('кашлять', 'дрожать') [Храковский 1989].

Следует отметить, что порой сложно провести четкую границу между состояниями и процессами, поскольку критерий притока энергии не всегда дает бесспорные результаты (например, не ясно, необходим ли приток энергии для ситуаций 'дружить', 'руководить').

В настоящем исследовании определение типа ситуации, которую описывает глагол, производится на основании решений, принятых в других исследованиях акциональности ([Лютикова и др. 2006; Аркадьев, в печати]); при этом отмечаются отдельные спорные случаи.

Значение Вхождения в процесс иллюстрирует интерпретация (а) предложения (5), Вхождения в состояние — примеры (6) и (7).

- (5) *ükər xoldə möörə-v*
 корова далеко мычать-PST
 а. 'Корова замычала вдали'.
 б. 'Корова мычала вдали'.
- (6) *bi eež-äsə enə tuul'ə med-ü-v*
 я.NOM бабка-ABL этот сказка знать-PST-1SG
 'Я узнала эту старую сказку от бабушки'.
- (7) *ger-tə jir xalun bolə-v ekə terzə*
 дом-DAT очень жаркий становится-PST мать окно
sekə-v
 открывать-PST
 'В доме стало очень жарко, и мама открыла окно'.

Ярлык ES применяется, если какой-либо из участников претерпевает изменение состояния. Пример (6) описывает вхождение участника в состояние 'знать сказку'; в примере (7) Вхождение в состояние претерпевает участник 'окно', который переходит в состояние 'открытый'.

Для обозначения Кванта мультипликативного процесса применяется ярлык Q, который был использован в работе [Аркадьев, в печати]. В работах С. Г. Татевосова [Tatevosov 2002; Татевосов 2005] отсутствует этот ярлык; для обозначения кванта

мультипликативного процесса используется ярлык ES (Вхождение в состояние). Однако, как кажется, в таких мультипликативных ситуациях, как 'кашлять', 'дрожать', 'махать' каждый отдельный квант процесса ('кашлянуть', 'вздоргнуть', 'махнуть') не предполагает изменения состояния участника. Для описания калмыцкого языка ярлык Q объясняется указанными семантическими свойствами кванта мультипликативного процесса, а также удобством представления данных.

Перечисленные семантические ярлыки соответствуют тем интерпретациям, которые получают словоформы глаголов. Каждой из интерпретаций выбранных форм соответствует один из этих ярлыков; в один класс попадают глаголы с одинаковыми наборами интерпретаций для каждой из форм.

4. Акциональные классы глаголов калмыцкого языка

4.1. Выборка и акциональные классы

Для того чтобы акциональная классификация позволила выявить своеобразие аспектуального потенциала лексем некоторого языка, необходимо провести исследование представительной выборки глаголов. Исследование акциональности в калмыцком языке основывается на списке, состоящем из 91 глагола, приведенном в Приложении [Овсянникова, настоящий сборник], где описываются принципы, согласно которым составлялся список.

Для анализа были выбраны следующие формы: форма прогрессива настоящего времени (показатель *-žana*) как основная имперфективная форма, сочетающаяся со всеми глаголами выборки (фактически форма имеет значение актуального настоящего, т. е. более широкое значение, чем предполагает ее название); и форма претерита (показатель *-v*), как форма, наиболее близкая к категориальному типу перфектива.

В Таблице 1 представлены набор акциональных классов и их количественное распределение по глаголам, полученные в результате анализа выборки.

Интерпретации форм были получены путем эликации: носителям языка предъявлялись стимулы на русском языке для перевода на калмыцкий, а также полученные ранее или сконструированные предложения на калмыцком языке для перевода

Таблица 1. Акциональные классы калмыцкого языка

Название класса	Интерпретации		n	Примеры
	Форма претерита	Форма прогрессива		
Пунктивы	ES	–	2	<i>ol-</i> ‘находить’ <i>gee-</i> ‘терять’
Сильные предельные	ES	P	17	<i>av-</i> ‘брать’ <i>ükə-</i> ‘умирать’
Слабые предельные	P, ES	P	22	<i>umšə-</i> ‘читать’ <i>xääl-</i> ‘таять’
Непредельные	P	P	6	<i>xää-</i> ‘искать’ <i>xälä-</i> ‘смотреть’
Стативные	S	S	2	<i>üürlə-</i> ‘дружить’, <i>küälä-</i> ‘ждать’
Сильные инцептивно-стативные	ES	S	3	<i>naaldə-</i> ‘прилипать’ <i>med-</i> ‘знать’
Слабые инцептивно-стативные	ES, S	S	8	<i>äü-</i> ‘бояться’ <i>unt-</i> ‘спать’
Ингрессивно-непредельные	EP, P	P	13	<i>inä-</i> ‘смеяться’ <i>biil-</i> ‘танцевать’
Собственно мультипликативные	MP, P	MP	4	<i>xa-</i> ‘стрелять’ <i>sok-</i> ‘стучать’
Ингрессивно-мультипликативные ⁵	EMP, MP, Q	MP	4	<i>dajl-</i> ‘махать’ <i>čičər-</i> ‘дрожать’
Двупредельные	EP, P, ES	P	1	<i>šat-</i> ‘гореть’
Стативно-процессные	P, ES, S	P, S	6	<i>bär-</i> ‘держать’ <i>ömsə-</i> ‘надевать’ <i>bürkə-</i> ‘покрывать’
Сильные предельно-стативные	ES, S	P	1	<i>martə-</i> ‘забывать’

⁵ В прочитанных мной работах я не обнаружила какого-либо уже введенного названия для этого класса, поэтому использую здесь такое наименование.

на русский или для проверки их приемлемости. Стимулами служили предложения, в которых позиции актантов глагола заполнялись исчисляемыми существительными в форме единственного числа; в акциональную характеристику глаголов включались интерпретации предложений как с обстоятельствами времени, так и без них.

Многие классы, представленные в Таблице 1, включают глаголы с несколькими возможными интерпретациями формы претерита или — гораздо реже — прогрессива. В некоторых случаях для определенной формы допустимы несколько интерпретаций, однако более естественной, предпочтительной является все же только одна из них. Предпочтительными считались интерпретации, которые были получены при переводе на русский калмыцкого стимула с глагольной словоформой в минимальном контексте (заполнены позиции аргументов, отсутствуют темпоральные обстоятельства); обычно эти же интерпретации при переводе стимулов с русского языка получали в качестве соответствия глаголы в выбранной видо-временной форме.

Таким образом, глаголы делятся на акциональные классы, представленные в Таблице 1, на основании возможных интерпретаций для каждой из словоформ. Кроме того, глаголы, имеющие несколько возможных интерпретаций формы претерита, можно разделить на подгруппы с точки зрения предпочтительности какой-либо одной из интерпретаций.

Выделение таких подгрупп внутри названных в Таблице 1 акциональных классов оправдано тем, что распределение глаголов на подгруппы определяется не только аспектуальными, но и другими семантическими закономерностями; это касается прежде всего Слабых и Сильных инцептивно-стативных глаголов и других глаголов, имеющих начинательную интерпретацию формы претерита.

4.2. Пунктивы и Сильные предельные глаголы

Пунктивы (8)–(9) отличаются от глаголов Сильного предельного класса (10)–(11) невозможностью актуальной интерпретации формы прогрессива, в то время как в форме на -v глаголы обоих классов имеют только предельную интерпретацию. В целом форму прогрессива можно образовать и от Пунктивных глаголов, но она может иметь лишь итеративную интерпретацию (9).

- (8) *eežə kozldur-an olə-v*
бабка очки-P.REFL находить-PST
'Бабушка нашла свои очки'.
- (9) *mana selä-n-ä ulsə Moskva-də möngə*
мы.GEN село-EXT-GEN народ Москва-DAT деньги
ol-žä-na
находить-PROG-PRS
'Наши односельчане зарабатывают деньги в Москве'.
(букв.: 'Наши односельчане находят в Москве деньги'.)
- (10) *xälä-Ø, Bajrta ek-t-än bičəg*
смотреть-IMP Байрта мать-DAT-P.REFL письмо
ög-čä-nä
дать-PROG-PRS
'Посмотри, Байрта передает матери письмо'.
- (11) *ekə-nⁱ Baatr-tə ikə al'mə ögə-v*
мать-P.3 Батыр-DAT большой яблоко дать-PST
'Мать дала Батыру большое яблоко'.

Несмотря на то, что все глаголы Сильного предельного класса могут иметь актуально-длительное значение в форме прогрессива настоящего времени, для некоторых из них такая интерпретация является не совсем естественной, и данная форма имеет скорее проспективное значение ((12) — перевод информанта).

- (12) ^{OK}*bi negə čolu Badma-də oda*
я.NOM один камень Бадма-DAT сейчас
xaj-žä-na-v
бросать-PROG-PRS-1SG
'Я бросаю камень Бадме, собираюсь бросить, вот-вот брошу'.

4.3. Слабые предельные глаголы

Все глаголы Слабого предельного класса — глаголы с инкрементальным участником. Для формы претерита этих глаголов доступны две интерпретации: при предельной весь инкрементальный участник оказывается задействованным в ситуации, при которой достигается естественный предел; также возможна интерпретация, при которой инкрементальный участник лишь частично вовлечен в ситуацию (13).

- (13) *örü-n-äsə endər aavə xaša širdə-v*
утро-EXT-ABL сегодня дед двор красить-PST
а. ‘Сегодня с утра дедушка покрасил забор’
б. ‘Сегодня с утра дедушка красил забор (некоторое время)’.

Более естественной интерпретацией формы претерита глаголов этого класса является предельная интерпретация. Именно эта интерпретация признается всеми информантами и дается при переводе предложений с калмыцкого на русский при отсутствии обстоятельств ((14) — перевод информанта).

- (14) *bočkə xur-in us-ar düürə-v*
бочка дождь-GEN вода-INS наполниться-PST
‘Котел дождевой водой наполнился’.

В то же время нельзя сказать, что для Слабых предельных глаголов непредельная интерпретация предложений с формой на -v полностью недопустима. В примере (15) употребление наречия *nevčkə* ‘немного’ делает именно эту интерпретацию единственной. Таким образом, глагол в форме претерита в принципе может сочетаться с обстоятельствами длительности, и ситуация в этом случае не достигает естественного предела, однако нельзя сказать, что вне контекстного влияния эта интерпретация возможна наравне с предельной. В акциональную характеристику глагола были включены обе интерпретации, однако предпочтительной считается интерпретация, полученная вне влияния контекста (подробнее об этом см. в разделе 5).

- (15) *öckəldür kövü-n unt-x-in ömnə nevčkə*
вчера мальчик-EXT спать-PC.FUT-GEN перед немного
degtər umšə-v
книга читать-PST
‘Вчера перед сном мальчик немного почитал книгу’.

4.4. Непредельный и Стативный классы

Классы глаголов, не имеющих ни начинательной, ни предельной интерпретаций формы претерита, крайне малочисленны в исследованной выборке глаголов калмыцкого языка. Практически все такие глаголы выборки — процессы (16), только два глагола выборки (*üürlə*- ‘дружить’, *külä*- ‘ждать’) могут быть отнесены к Стативному классу (17). Итак, для глаголов этих двух немно-

гочисленных классов форма претерита имеет только значение лимитатива — «ситуация <...> имеет длительность, но эта длительность ограничена с обеих сторон» [Плунгян 2003: 301]. Таким образом, ситуация рассматривается как продолжавшаяся некоторый ограниченный отрезок времени в прошлом.

- (16) *Baatər modn-a ardə Sanž-igə xäü-və*
 Батыр дерево-GEN зад Санжи-ACC искать-PST
boləv Baatər Sanž-igə ol-sən uga
 но Батыр Санжи-ACC находить-PC.PST NEG.COP
 ‘Батыр поискал Санжи за деревом, но не нашел его’.

- (17) *Badma Baatər-ta škol-də*
 Бадма Батыр-ASSOC школа-DAT
sur-x-t-an üürlə-v
 учиться-PC.FUT-DAT-P.REFL дружить-PST
 ‘Бадма с Батыром какое-то время дружили в школе’.

4.5. Глаголы с начинательной интерпретацией

Значительное число глаголов выборки в форме претерита допускают начинательную интерпретацию — это глаголы Слабого инцептивно-стативного класса, Сильного инцептивно-стативного класса, Ингрессивно-непредельного и Ингрессивно-мультипликативного классов, а также один Двупредельный глагол.

Начинательная интерпретация доступна для большого количества глаголов выборки; это глаголы разных классов, описывающие разные типы ситуаций (состояния, процессы). Как кажется, все глаголы, имеющие начинательную интерпретацию, имеет смысл рассматривать как один крупный класс, поскольку факторы, способствующие начинательному прочтению формы, являются общими для всех классов независимо от типа ситуации.

При этом классы глаголов, имеющих начинательную интерпретацию формы претерита, включают значительную часть глаголов выборки; не для всех глаголов внутри этих классов начинательная интерпретация является предпочтительной, и с этой точки зрения выделяются подгруппы внутри классов, представленных в Таблице 1. На каждом уровне классификации обнаруживаются объединяющие группы глаголов свойства, которые сопутствуют общности их аспектуального поведения.

4.5.1. Слабый и Сильный инцептивно-стативные классы. Инцептивно-стативные глаголы делятся на два класса: Сильный (18) и Слабый (19), — в зависимости от допустимости лимитативной интерпретации формы претерита.

(18) *Bajrta Badma-gə šog-ta-də-nⁱ durlə-v*
 Байрта Бадма-ACC шутка-ASSOC-DAT-P.3 любить-PST
 ‘Байрта полюбила Бадму за его чувство юмора’.
 *‘Байрта любила Бадму за его чувство юмора’.

(19) *kövü-nⁱ kar-žə ir-sən-də*
 мальчик-P.3 выходить-CV.IPFV приходить-PC.PST-DAT
Bajrta bajərlə-v
 Байрта радоваться-PST
 а. ‘Байрта обрадовалась приезду сына’.
 б. ‘Байрта радовалась приезду сына’.

Несмотря на то, что обе интерпретации формы претерита Слабых инцептивно-стативных глаголов признаются допустимыми всеми информантами и при отсутствии влияния контекста, Слабые инцептивно-стативные глаголы можно разделить на группы по приемлемости той или иной интерпретации.

В Таблицу 2 включены все стативные глаголы выборки, т. е. все глаголы, которые обозначают стативные ситуации вне зависимости от того, какие интерпретации допустимы для формы претерита. Глаголы расположены по порядку уменьшения приемлемости начинательной интерпретации формы претерита.

Таблица 2. Интерпретации глаголов, обозначающих стативные ситуации

1	2	3	4	5
<i>med-</i> ‘знать’ <i>durlə-</i> ‘любить’ <i>naaldə-</i> ‘примыкать’	<i>itk-</i> ‘верить’	<i>äü-</i> ‘бояться’ <i>soŋsə-</i> ‘слышать’ <i>üz-</i> ‘видеть’ <i>zogsə-</i> ‘стоять’ <i>unt-</i> ‘спать’ <i>bajərl-</i> ‘радоваться’	<i>bäü-</i> ‘жить’ <i>tolkal-</i> ‘руководить’	<i>iürlə-</i> ‘дружить’ <i>külä-</i> ‘ждать’
<ES, *S; S>	<ES, ³ S; S>	<ES, S; S>	<S, ³ ES; S>	<S; S>

В столбце 1 — Сильные инцептивно-стативные глаголы, которые не имеют лимитативной интерпретации формы претерита (18). Для глагола *itk-* ‘верить’ такая интерпретация признается лишь частью информантов и при поддержке контекста (20); для глаголов столбца 3 начинательная интерпретация является более приемлемой, чем лимитативная (так, именно начинательная интерпретация дается при переводе стимулов с калмыцкого на русский при минимальном контексте) (21); для глаголов группы 4 предпочтительная интерпретация формы на *-v* — лимитативная (22). В столбце 5 — уже обсуждавшиеся в разделе 4.4 глаголы Стативного класса, для которых начинательная интерпретация запрещена.

(20) *bi Bajrta-də sar-d-an itkə-v*
 1SG.NOM Байрта-DAT луна-DAT-P.REFL верить-PST
 ‘Я верила Байрте месяц’.

(21) *kövü-n tova-vasə ää-və*
 мальчик-EXT змея-ABL бояться-PST
 ‘Мальчик испугался змей’.

(22) *Badma Moskva or-ad tendə bää-və*
 Бадма Москва входит-CV.ANT там жить-PST
 ‘Бадма уехал в Москву и (немного) пожил там’.

В целом то, что у большей части глаголов выборки, обозначающих стативные ситуации, форма претерита, близкая по значению к перфективу, имеет начинательную интерпретацию, не противоречит фактам, наблюдаемым в других языках: действительно, перфективная форма достаточно часто используется для выражения значения вхождения в состояние [Comrie 1976: 19–20]. Б. Комри предлагает следующее возможное объяснение этого факта: перфективные формы редко используются для описания стативной ситуации, ограниченной временными рамками, и поэтому их удобно использовать для выражения момента вхождения в состояние.

Развивая это объяснение, можно предположить, что начинательную интерпретацию перфективной формы будут получать скорее такие стативные глаголы, которые обозначают «более постоянные» состояния, поскольку очень редки ситуации, когда состояние приходится описывать как продолжающееся некоторый ограниченный промежуток времени.

Именно так можно объяснить распределение приемлемости начинательной интерпретации для формы претерита лексем калмыцкого языка, обозначающих стативные ситуации. Выборка невелика, однако можно заметить, что для глаголов, обозначающих более постоянные состояния, форма претерита имеет лишь начинательную интерпретацию (глаголы *med-* ‘знать’, *itk-* ‘верить’). Для выражения промежутка времени в прошлом, в течение которого имели место ситуации, описываемые этими глаголами, обычно используется хабитуальное причастие с глаголом-связкой *bilä* (23) (эта форма в данном случае описывает состояние индивида на протяжении всей жизни или длительного периода времени, см. [Гото, настоящий сборник]).

- (23) *Sanžə bičkən cag-t-an eež-in-nⁱ*
 Санжи маленький время-DAT-P.REFL бабка-GEN-P.3
*tuulⁱ-də itk-dəg bilä / *itkə-v*
 сказка-DAT верить-PC.HAB был верить-PST
 ‘Когда Санжи был маленьким, он верил в сказки бабушки’.

Таким образом, параметром, влияющим на набор интерпретаций стативных глаголов в калмыцком языке, является постоянность описываемого состояния. Чем более постоянным является состояние, описываемое глаголом, тем более вероятно, что форма претерита этого глагола имеет начинательную интерпретацию и не имеет лимитативной. Этот параметр отражается в приемлемости различных интерпретаций для исследуемой формы претерита различных глаголов, а также в распределении значений между различными формами (т. е. формой претерита и формой хабитуалиса прошедшего времени).

4.5.2. *Ингрессивно-непредельный класс.* Ингрессивно-непредельные глаголы в форме претерита имеют и лимитативную, и начинательную интерпретации (24).

- (24) *üür-müd-nⁱ inä-ldə-v, dākād arvən*
 друг-PL-P.3 смеяться-RECP-PST еще десять
minut inä-və
 минута смеяться-PST
 {Когда Бадма упал,} ‘его друзья засмеялись и смеялись потом еще десять минут’.

Глаголы, составляющие этот акциональный класс, объединяются также некоторыми семантическими и синтаксическими особенностями. Семантически Ингрессивно-непредельные глаголы в основном принадлежат к одной из следующих групп: глаголы звуко- и речепорождения (например, *žijṇə-* ‘звенеть’, *küünd-* ‘разговаривать’); глаголы движения в значении ненаправленного движения⁶ (25)–(26).

(25) *ikə šovu-n teeg-tə nisə-v*
 большой птица-EXT степь-DAT летать-PST
 ‘Большая птица летала над степью’.

(26) *bičkən šovu-n čoč-ad nisə-v*
 маленький птица-EXT вздрогнуть-CV.ANT летать-PST
 ‘Маленькая птица, испугавшись, взлетела’.

Синтаксически почти все глаголы этого класса (кроме глагола *tuu-* ‘гнать’) являются непереходными. Семантические и синтаксические особенности, отличающие Ингрессивно-непредельные глаголы калмыцкого языка, и в других языках нередко характеризуют глаголы, перфективная форма которых допускает начинательную интерпретацию (см. [Недялков 1986]).

Ингрессивно-непредельные глаголы, как и глаголы Инцептивно-стативного класса, можно разделить на группы в зависимости от того, какая интерпретация кажется носителям предпочтительной.

Таблица 3. Возможность ингрессивной интерпретации формы претерита для глаголов, обозначающих процессы⁷

1	2	3
<i>cecgälə-</i> ‘цвести’ <i>šat-</i> ‘гореть’ <i>inä-</i> ‘смеяться’ <i>möör-</i> ‘мычать’ <i>güü-</i> ‘бегать’	<i>adkə-</i> ‘спешить’ <i>biil-</i> ‘танцевать’ <i>küündə-</i> ‘разговаривать’ <i>šiməldə-</i> ‘шептать’ <i>žijṇə-</i> ‘звенеть’ <i>ööm-</i> ‘плавать’ <i>nis-</i> ‘лететь’	<i>daḥə-</i> ‘следовать’ <i>xälä-</i> ‘смотреть’ <i>sur-</i> ‘просить’ <i>ködəl-</i> ‘работать’ <i>xää-</i> ‘искать’
<EP, P; P>	<P, EP; P>	<P; P>

⁶ Значение направленного движения передается с помощью тех же глаголов, но используется особая конструкция (см. об этом [Гото, настоящий сборник]).

⁷ Интерпретация Таблицы 3 дается ниже, в разделе 4.5.4.

Таблица 3 включает не только глаголы Ингрессивно-непредельного класса, но и Непредельные глаголы, т. е. глаголы, которые имеют только лимитативную интерпретацию формы претерита (столбец 3), а также Двупредельный глагол *ʃat-* ‘гореть’, для которого в форме претерита ингрессивная интерпретация также оказывается наиболее естественной (об особенностях Двупредельного класса см. в разделе 4.6).

4.5.3. *Мультипликативные глаголы.* Мультипликативные процессы, как и собственно процессы, являются динамическими ситуациями, т. е. для их продолжения требуется приток энергии; при этом мультипликативные процессы состоят из отдельных квантов, многократно повторяющихся в определенный промежуток времени.

Глаголы калмыцкого языка, обозначающие мультипликативные ситуации, разделяются на два класса: (собственно) Мультипликативные (27)–(28) и Ингрессивно-мультипликативные (29)–(30), — глаголы последнего в форме претерита могут получать начинательную интерпретацию.

- (27) *ken üüdə cokə-v?*
кто дверь ударить-PST
‘Кто постучал в дверь?’
- (28) *eckə-m stol var-arn cokə-v*
отец-P.1SG стол рука-INS.P.REFL ударить-PST
‘Мой отец ударил рукой по столу’.
- (29) *sal^hk-n-asə terz-müüd čičrə-v*
ветер-EXT-ABL окно-PL трястись-PST
а. ‘Окна задрожали от ветра’.
б. ‘Окна дрожали от ветра’.
- (30) *mini ürə ää-väd čičrə-v*
я.GEN друг бояться-CV.ANT трястись-PST
‘Мой друг вздрогнул от испуга’.

Глаголы Ингрессивно-мультипликативного класса сравнительно многочисленны в калмыцком языке: из 8 глаголов выборки, описывающих мультипликативные ситуации, половина лексем в форме претерита допускает и начинательную интерпретацию. Этот класс в общей классификации называется Ингрессивно-

мультипликативным. Кроме того, форма претерита всех глаголов, обозначающих мультипликативные ситуации, может обозначать квант мультипликативного процесса (28), (30).

Распределение глаголов, обозначающих мультипликативные ситуации, с точки зрения интерпретаций формы претерита, представлено в Таблице 4. Семантические ярлыки, составляющие характеристики глаголов, упорядочены по предпочтительности для носителей.

Таблица 4. Мультипликативные глаголы

1	2	3
<i>xan'a</i> - 'кашлять' <i>čičər</i> - 'дрожать'	<i>dajl</i> - 'махать' <i>käräd</i> - 'прыгать'	<i>ümsə</i> - 'целовать' <i>zui</i> - 'кусать' <i>xa</i> - 'стрелять' <i>cokə</i> - 'бить'
<E MP, MP, Q; MP>	<MP, Q, E MP; MP>	<Q, MP; MP>

Таблица 4 показывает, что Ингрессивно-мультипликативные глаголы делятся на две группы в зависимости от предпочтительности одной из интерпретаций. Для формы претерита глаголов *xan'a*- 'кашлять' и *čičər*- 'дрожать' предпочтительной является начинательная интерпретация, в то время как форма претерита глаголов *dajl*- 'махать' и *käräd*- 'прыгать' скорее будет получать лимитативную интерпретацию. В столбце 3 Таблицы 4 находятся глаголы (собственно) Мультипликативного класса. Форма претерита таких глаголов для большинства информантов будет описывать прежде всего квант мультипликативной ситуации⁸.

4.5.4. *Начинательная интерпретация и свойства контроля участника.* Исследование показывает, что форма претерита значительной части глаголов выборки имеет в качестве единственной, предпочтительной или по крайней мере допустимой начинательную интерпретацию. В Таблице 5 представлено общее распределение допустимости начинательной интерпретации для глаголов,

⁸ В данном случае глаголы Мультипликативного класса сближаются с Пунктивами: предпочтительной интерпретацией является Квант мультипликативного процесса, по способу выражения не отличающийся от Вхождения в состояние для Пунктивов, а форма прогрессива для обоих классов описывает итеративную ситуацию.

обозначающих различные типы ситуаций (состояния, процессы, мультипликативные процессы).

Таблица 5. Начинательная интерпретация формы претерита

1	ES, *S	<i>med-</i> ‘знать’, <i>durlə-</i> ‘любить’, <i>naaldə-</i> ‘прилипать’, <i>itk-</i> ‘верить’
2	ES>S	<i>ää-</i> ‘бояться’, <i>soŋsə-</i> ‘слышать’, <i>iiz-</i> ‘видеть’, <i>zogsə-</i> ‘стоять’, <i>unt-</i> ‘спать’, <i>bajərl-</i> ‘радоваться’
3	EP>P	<i>cecgälə-</i> ‘цвести’, <i>šat-</i> ‘гореть’, <i>möör-</i> ‘мычать’, <i>inä-</i> ‘смеяться’, <i>güü-</i> ‘бегать’
4	EMP>MP	<i>xan'a-</i> ‘кашлять’, <i>čičər-</i> ‘дрожать’
5	S>ES	<i>bää-</i> ‘жить’, <i>tolkal-</i> ‘руководить’
6	P>EP	<i>adkə-</i> ‘спешить’, <i>biil-</i> ‘танцевать’, <i>küündə-</i> ‘разговаривать’, <i>šiməldə-</i> ‘шептать’, <i>žijə-</i> ‘звенеть’, <i>ööm-</i> ‘плавать’, <i>nis-</i> ‘лететь’
7	MP>EMP	<i>dajl-</i> ‘махать’, <i>värüd-</i> ‘прыгать’
8	S, *ES	<i>iürlə-</i> ‘дружить’, <i>külä-</i> ‘ждать’
9	P, *EP	<i>daxə-</i> ‘следовать’, <i>xälä-</i> ‘смотреть’, <i>sur-</i> ‘просить’, <i>ködəl-</i> ‘работать’, <i>xäü-</i> ‘искать’
10	MP, *EMP	<i>ümsə-</i> ‘целовать’, <i>ziu-</i> ‘кусать’, <i>xa-</i> ‘стрелять’, <i>sokə-</i> ‘бить’

Во втором столбце Таблицы 5 указаны интерпретации формы претерита глаголов соответствующей строки. При этом в первой строке и строках 8–10 указаны также интерпретации, невозможные для данных глаголов (например, для глагола *durlə-* ‘любить’ невозможна лимитативная интерпретация формы претерита); в строках 2–7 указана предпочтительная интерпретация (начинательная или лимитативная), притом что другая также допустима (например, для глагола *cecgälə-* ‘цвести’ возможна и начинательная, и лимитативная интерпретации, однако предпочтительной является первая из них).

На основании распределения, представленного в Таблице 5, можно заметить, что свойством, влияющим на набор и предпочтительность интерпретации формы претерита глаголов калмыцкого языка, является свойство контроля.

Выше (раздел 4.5.1) было указано, что для глаголов, обозначающих стативные ситуации (Сильный и Слабый инцептивно-стативные классы), начинательная интерпретация зависит

от свойства постоянности состояния. Глаголы Сильного инцептивно-стативного класса имеют только начинательную интерпретацию формы претерита (первая строка Таблицы 5). Более того, это единственный класс, в котором глаголы имеют только начинательную интерпретацию (глаголы *med-* ‘знать’, *durlə-* ‘любить’, *naaldə-* ‘прилипнуть’, *itk-* ‘верить’), поскольку среди глаголов, обозначающих динамические ситуации, характеризующиеся в целом большей степенью контроля ситуации участником, отсутствуют глаголы, у которых начинательная интерпретация была бы единственной.

Для глаголов, обозначающих состояния, в целом менее характерна лимитативная интерпретация. При этом глаголы Слабого инцептивно-стативного класса, для которых лимитативная интерпретация является допустимой или единственной (строки 5, 8), обозначают ситуации с высокой степенью контроля участника (например, глаголы *tolbal-* ‘руководить’, *külä-* ‘ждать’).

Для глаголов, обозначающих динамические ситуации (процессы и мультипликативные процессы), распределение наборов интерпретаций подтверждает типологические обобщения, касающиеся связи между тематической принадлежностью глагола и начинательной интерпретацией [Недялков 1986]. Так, среди Ингрессивно-непредельных глаголов значительную группу составляют глаголы звуко- и речепорождения. Появление начинательной интерпретации у глаголов калмыцкого языка, принадлежащих к этой семантической группе, а также у глаголов, обозначающих мультипликативные ситуации, соответствует наблюдениям над глаголами других языков: «особенно легко ингрессивы образуются от агентивов, обозначающих действия, предполагающие или допускающие их сегментацию, расчленение на ряд последовательных повторяющихся частей. Прежде всего сюда относятся глаголы звучания и речи, световых явлений, а также другие многоактные глаголы» [Недялков 1986: 129].

Однако тематическое распределение не является единственным свойством, влияющим на набор интерпретаций динамических глаголов, поскольку среди глаголов, обозначающих динамические ситуации, также можно заметить проявления закономерности, согласно которой чем более контролируемым является действие, тем менее вероятно, что форма претерита глагола, обозначающего это действие, будет получать начинательную интерпретацию. Так,

именно начинательная интерпретация является предпочтительной у динамических глаголов с неодушевленным участником (глаголы *secgäl-* ‘цвести’ и *šat-* ‘гореть’), а также у глаголов *han'a-* ‘кашлять’ и *šičr-* ‘дрожать’, единственный пациентивный участник которых не обладает свойством контроля.

Таким образом, в калмыцком языке свойство контроля оказывается важным параметром акциональности, влияющим на распределение начинательной интерпретации. Возможность появления у некоторого глагола начинательной интерпретации оказывается обусловленной взаимодействием ряда характеристик ситуации, которую он обозначает: аспектуальным свойством постоянности состояния для стативных глаголов, тематической принадлежностью для глаголов, обозначающих динамические ситуации (глаголы звуко- и речепорождения, глаголы, обозначающие мультипликативные ситуации). Эти частные свойства отдельных классов и более общее свойство контроля влияют на набор интерпретаций формы претерита рассмотренных в этом разделе глаголов.

4.6. Двупредельный класс

Единственным Двупредельным глаголом выборки является глагол *šat-* ‘гореть’⁹. Форма претерита этого глагола может описывать и начало ситуации, и достижение естественного предела, и некоторый отрезок времени, в течение которого продолжалась ситуация (31).

- (31) *Badm-in gerə šatə-v*
Бадма-GEN дом гореть-PST
а. ‘Дом Бадмы загорелся’.
б. ‘Дом Бадмы сгорел’.
в. ‘Дом Бадмы горел (некоторое время)’.

Наиболее естественная интерпретация для формы претерита этого глагола — начинательная, хотя большинство опрошенных носителей находят приемлемой и предельную интерпретацию (для которой все же чаще используется конструкция (32) [Баранова, настоящий сборник]), еще менее приемлемой является лимитативная интерпретация.

⁹ Интересно, что в карачаево-балкарском языке именно глагол со значением ‘гореть’ также является двупредельным [Лютикова и др. 2006].

- (32) *Badm-in gerə öckəldür šat-žə odə-v*
 Бадма-GEN дом вчера гореть-CV.IPFV уходить-PST
 ‘Дом Бадмы вчера сгорел’.

По-видимому, возможность нескольких интерпретаций словоформы этого глагола отчасти вызвана особенностями семантики показателя, который является немаркированным способом выражения прошедшего времени.

4.7. Стативно-процессный класс

Стативно-процессные глаголы — очень интересный класс с точки зрения возможного набора интерпретаций форм. В примерах (33)–(34) показаны интерпретации форм прогрессива настоящего времени для глагола *öms-* ‘надевать’ и формы претерита для глагола *bär-* ‘держат’.

- (33) *Bajrta egč-in majg öms-žä-nä*
 Байрта старшая.сестра-GEN юбка надеть-PROG-PRS
 а. ‘Байрта надевает юбку своей сестры’
 б. ‘Байрта носит юбку своей сестры’
- (34) *bi miis-in kičəg bär-ü-v*
 я.NOM кошка-GEN щенок держать-PST-1SG
 а. ‘Я ловила котенка’.
 б. ‘Я держала котенка’.
 в. ‘Я поймала котенка’.

В калмыцком языке этот класс глаголов является достаточно многочисленным. Как кажется, глаголы этого класса, помимо сходного аспектуального поведения, также объединяются свойствами одного из участников. В основном это глаголы позиции/движения¹⁰, т. е. глаголы, один из участников которых имеет семантическую роль, обычно называемую Темой (‘сидеть’, ‘держат’, ‘надевать’, ‘покрывать’, ‘прятаться’)¹¹. Этот участник в ситуациях, описываемых глаголами класса, не претерпевает существенных изменений,

¹⁰ Кроме глагола *soŋs-* ‘слышать’, ‘слушать’.

¹¹ Впрочем, и в русском языке некоторые глаголы со значением, близким к значению Стативно-процессных глаголов калмыцкого языка, также могут обозначать и процесс, и состояние, например, *прятаться*, *покрывать*.

изменяется только его положение в пространстве; возможно, именно поэтому динамическая и статическая фазы таких ситуаций не обозначаются с помощью различных лексем или форм.

Среди глаголов, принадлежащих к этому классу, можно выделить группу глаголов позиции (глаголы *suu-* ‘сидеть’ и *kevt-* ‘лежать’) (35), для которых в форме претерита наиболее естественной является предельная интерпретация (35а). Для остальных глаголов форме претерита наиболее охотно дается предельная или стативная лимитативная (35б) интерпретации, но не процессуальная лимитативная (35в) (впрочем, для формы претерита глагола *bär-* ‘держат’ (34) информантами действительно даются все три интерпретации).

- (35) *Badma or-n deerə kevtə-v*
 Бадма кровать-EXT поверхность лежать-PST
 а. ‘Бадма лег на кровать’.
 б. ‘Бадма полежал на кровати’.
 в. ?‘Бадма укладывался на кровать’.

4.8. Сильный предельно-стативный класс

Сильный предельно-стативный класс состоит из одного глагола — *mart-* ‘забывать’ (36)–(37). Глагол *mart-* ‘забывать’ в форме прогрессива (37) имеет процессуальную интерпретацию; при этом форма претерита этого глагола обозначает состояние, которое наступает после достижения предела (36).

- (36) ^{OK}*Badmə öckəldür ek-in-n^j sur-s-i-n^j*
 Бадма вчера мать-GEN-P.3 просить-PC.PST-ACC-P.3
hojr čas-t-an martə-v
 два час-DAT-P.REFL забывать-PST
 ‘Бадма вчера на два часа забыл о просьбе матери’.
- (37) *Bajrta ek-in-n^j ög-ül-sən du*
 Байрта мать-GEN-P.3 дать-CAUS-PC.PST песня
martə-žə-na
 забывать-PROG-PRS
 ‘Байрта забывает песню, которую передала ей мать’.

5. Интерпретации формы претерита в различных контекстах

В предыдущем разделе обсуждались главным образом предпочтительные, более естественные интерпретации формы претерита исследуемых глаголов, т. е. интерпретации, которые словоформа получает при предположительно минимальном влиянии контекста. При этом в акциональную характеристику глагола, указанную в Таблице 1, входят как предпочтительные интерпретации, так и интерпретации, которые возможны при поддержке контекста.

Существует несколько подходов к тому, каким образом учитывать воздействие контекста (например, обстоятельств времени) на интерпретацию видо-временной формы.

В подходе С. Г. Татевосова не противопоставляются наборы аспектуальных интерпретаций стимулов с обстоятельствами и без них, при поддержке контекста и изолированно; все возможные интерпретации включаются в акциональную характеристику глагола.

Другой возможный подход в рамках метода С. Г. Татевосова использован в статье [Аркадьев, в печати], в которой темпоральные обстоятельства рассматриваются как отдельный компонент аспектуальной композиции, способный влиять на возможные интерпретации. В акциональную характеристику лексемы включаются только те интерпретации, которые ее словоформы получают вне влияния обстоятельств.

В настоящей статье использован подход, несколько отличный от описанных выше. Отдельно рассматриваются интерпретации стимулов со словоформами в минимальном окружении; такие интерпретации считаются предпочтительными для словоформы. Стимулы, содержащие темпоральные обстоятельства, также используются; причем интерпретации, получаемые для таких стимулов, также включаются в акциональную характеристику глагола. Причины такого решения раскрываются далее в этом разделе.

Влияние темпоральных обстоятельств на возможные интерпретации рассматривалось подробно для формы претерита Слабого предельного класса глаголов. Форма претерита глаголов этого класса вне контекста темпоральных обстоятельств получает предельную интерпретацию (38а); для некоторых носителей и лимитативная интерпретация этой формы является допустимой (38б).

- (38) *öckældür asxən kövün šinə degtər umšə-v*
 вчера вечер мальчик новый книга читать-PST
 а. ‘Вчера вечером мальчик прочитал новую книгу’.
 б. ?‘Вчера вечером мальчик почитал новую книгу’.

В предложениях со Слабыми предельными глаголами, для которых допустимы две указанные интерпретации (предельная и лимитативная), возможно употребление обстоятельств срока (‘за три часа’) и обстоятельств длительности (‘три часа’) (см. ниже).

В калмыцком языке для выражения темпоральных значений указанных типов обычно используются: показатель датива с рефлексивным посессивом — для обстоятельств длительности (39); показатель датива без посессивного показателя — для обстоятельств срока (40)¹². Обстоятельства длительности сочетаются с ситуациями, в которых ситуация является непредельной (39); употребление обстоятельств срока в таких случаях невозможно¹³.

- (39) *öckældür eežə kuvən čas-t-an / *čas-tə*
 вчера бабка три час-DAT-P.REFL час-DAT
kozəldur-an xəi-və
 очки-P.REFL искать-PST
 ‘Вчера бабушка три часа искала свои очки’.

Обстоятельства срока могут быть использованы в предложениях, описывающих предельные ситуации; обстоятельства длительности в этом случае не могут быть употреблены (40).

- (40) *neg sar-də / *sar-d-an bi tavən*
 один луна-DAT луна-DAT-P.REFL я.NOM пять
sonʹn degtər umš-u-v
 интересный книга читать-PST-1SG
 ‘За месяц я прочитала пять интересных книг’.

Для глаголов Слабого предельного класса, как было указано выше (38), вне контекста темпоральных обстоятельств предпочтительной является предельная интерпретация. Можно было бы

¹² Эта закономерность была в целом установлена К. В. Гото и затем подтверждена С. В. Выдриной.

¹³ О сочетаемости обстоятельств срока и длительности с предельными и непредельными ситуациями см. [Vendler 1967], [Dowty 1991].

ожидать, что в контексте темпоральных обстоятельств срока и длительности возможной будет только одна из интерпретаций — предельная или лимитативная соответственно. Было выяснено, что при переводе стимулов с русского языка на калмыцкий обстоятельства срока и обстоятельства длительности действительно употребляются согласно этому предположению. В примере (41) предложение с обстоятельством длительности описывает ситуацию, в которой предел был достигнут. В примере (42) со Слабым предельным глаголом *umš-* ‘читать’ ситуация не достигает естественного предела — в этом предложении употреблено обстоятельство длительности *tavən častan* ‘пять часов’.

(41) *xääsə-n arvən minut-tə / *minut-t-an*
 котел-EXT десять минута-DAT минута-DAT-P.REFL
xur-in us-ar dūūrə-v
 дождь-GEN вода-INS наполняться-PST
 ‘Бочка за десять минут наполнилась дождевой водой’.

(42) *öckəldür bičäčə tavən čas-t-an / *čas-tə*
 вчера писатель пять час-DAT-P.REFL час-DAT
evr-ännⁱ šin degtr-än bičə-v
 сам-GEN.P.3 новый книга-P.REFL писать-PST
 ‘Вчера писатель пять часов писал свою новую книгу’.

Однако не всеми носителями обстоятельства употребляются в соответствии с этим распределением. В примере (43) оба типа обстоятельств были признаны допустимыми.

(43) *xö-d kol-də kür-čk-äd*
 овца-PL река-DAT достигать-COMPL-CV.ANT
čas-tə / čas-t-an usə uu-u
 час-DAT час-DAT-P.REFL вода пить-PST
 ‘Овцы пришли на озеро и час пили воду’.

Несмотря на то, что можно наметить закономерности употребления темпоральных обстоятельств срока и длительности, нельзя сказать, что они единообразно употребляются носителями.

Для предложений со Слабыми предельными глаголами в форме претерита предпочтительной является предельная интерпретация. Лимитативная интерпретация вне контекста обстоятельств признается далеко не всеми носителями. Обстоятельства

срока и длительности в целом могут влиять на выбор предельной или лимитативной интерпретации, однако закономерности употребления таких обстоятельств не являются строгими для всех носителей.

Таким образом, бесспорно лимитативные контексты для Слабых предельных глаголов найти трудно, однако исключить лимитативную интерпретацию из аспектуальной характеристики формы претерита глаголов этого класса кажется неоправданным, поскольку потенциал глагольной лексемы позволяет лимитативное прочтение в некоторых контекстах.

С одной стороны, используемый метод предполагает исследование глаголов в определенной видо-временной форме и выяснение всех интерпретаций, возможных у данной формы. То, что выбираемая форма соответствует универсальному категориальному типу перфектив, предполагает достаточно широкий набор контекстов употребления, и все они поэтому включаются в акциональную характеристику, основанную на исследовании интерпретаций словоформ.

С другой стороны, кажется важным то, что различные интерпретации формы претерита одного и того же глагола не являются равноправными, выделяются подгруппы с точки зрения предпочтительности той или иной интерпретации; важно, что в разделении на подгруппы прослеживаются некоторые семантические закономерности.

6. Свойства лексемы и свойства показателя

Процедура акциональной классификации, направленная на выяснение аспектуальных свойств лексем, приводит также к уточнению свойств выбранных для исследования показателей. Эти свойства в некоторых случаях необходимы для объяснения распределения глаголов по классам. Кажется важным то, что в таких случаях свойства показателя и семантические характеристики глагола сочетаются, и именно это сочетание определяет результат. Пожалуй, порой сложно сказать, какой именно из уровней в первую очередь ответствен за ту или иную особенность.

Выше было показано, что наличие начинательной интерпретации зависит от целого ряда свойств глагольной лексемы, ситуации, которую она обозначает (тематическая принадлежность лексемы, степень контроля участником ситуации, постоянность описываемого глаголом состояния). Однако то, что глаголы с начинательной интерпретацией формы претерита являются

в калмыцком языке столь многочисленными, объясняется и свойствами самого показателя. Форма на *-v* — наименее маркированная форма прошедшего времени, используемая в широком круге контекстов, основные из которых — перфективные [Гото, настоящий сборник]. Свойства этого показателя позволяют предположить, что с точки зрения грамматикализации эта форма является достаточно «старой». Именно такие перфективные формы часто используются для выражения начинательного значения при употреблении с некоторыми классами глаголов (стативными глаголами, глаголами рече- и звукопорождения — см. разделы 4.5.1, 4.5.4).

Кроме того, можно заметить, что классы с наибольшим числом единиц составляют в основном глаголы, в форме претерита способные получать несколько различных интерпретаций. Это также отчасти объясняется свойствами самого показателя. Форма претерита является наиболее общей формой прошедшего времени, используется для описания различных фаз ситуации, в то время как для более точного выражения аспектуальных особенностей события используются другие синтетические и аналитические формы. С другой стороны, и устройство значения глагольных лексем предполагает неоднозначность интерпретаций, которая наблюдается не только в двух исследованных формах (так, интересной особенностью калмыцкого языка является многочисленность класса Стативно-процессных глаголов).

Таким образом, набор интерпретаций глаголов в двух рассматривавшихся формах отражает особенности акциональной системы калмыцкого языка, и можно выделить те свойства глаголов, которые оказываются значимыми для допустимости той или иной интерпретации.

7. Заключение

Акциональные характеристики глаголов калмыцкого языка выяснились на основании анализа интерпретаций двух видо-временных форм: формы прогрессива настоящего времени (показатель *-žana*) и формы претерита (показатель *-v*). Значение этих показателей приблизительно соответствуют универсальным категориальным типам «имперфектив» и «перфектив».

На основании исследования интерпретаций двух видо-временных форм глаголов калмыцкого языка можно выявить следующие особенности устройства акциональной системы.

Для значительного числа глаголов единственной или допустимой является начинательная интерпретация. В это число попадают глаголы, обозначающие разные типы ситуаций (состояния, процессы, мультипликативные процессы). Распределение допустимости начинательной интерпретации объясняется свойствами глагольных лексем и обозначаемых ими ситуаций. Так, для глаголов, обозначающих состояния, важным оказывается степень постоянности этого состояния. Например, для формы претерита глаголов *med-* 'знать', *itk-* 'верить', обозначающих постоянные состояния, начинательная интерпретация является единственной, глаголы *soŋs-* 'слышать', *zogs-* 'стоять' в форме претерита могут иметь и начинательную, и лимитативную интерпретации.

Кроме того, в калмыцком языке для доступности начинательной интерпретации формы претерита важным параметром является степень контроля ситуации участником: чем более контролируемым является действие, обозначаемое глаголом, тем менее вероятно, что форма претерита данного глагола будет иметь начинательную интерпретацию. Так, в то время как среди глаголов, в форме претерита имеющих только начинательную интерпретацию (Стативные глаголы *med-* 'знать', *durl-* 'любить' *naaldə-* 'примыкать', *itk-* 'верить'), нет ни одного глагола, обозначающего динамическую ситуацию, среди глаголов, имеющих лишь лимитативную интерпретацию, напротив больше Непредельных глаголов. Далее, для формы претерита глаголов с неодушевленным участником (*šat-* 'гореть', *cecgäl-* 'цвести') именно начинательная интерпретация является предпочтительной.

Другой особенностью акциональности калмыцкого языка является многочисленность класса Стативно-процессных глаголов, в котором одна и та же лексема используется как для процесса, предшествующего пределу, так и для состояния, наступающего после досижения предела (глаголы *bär-* 'ловить, поймать, держать', *öms-* 'надевать, носить', *bürk-* 'покрывать', *kevt-* 'лежать, укладываться'). В ситуациях, обозначаемых этими глаголами, участник, являющийся синтаксически прямым дополнением, не претерпевает существенных изменений, для большей части глаголов этого класса меняются только его пространственные характеристики.

Кроме того, было показано, что набор интерпретаций, свойственный лексеме, определяется не только характеристиками ситуации,

которую она обозначает, но также особенностями видо-временного показателя, в сочетании с которым она рассматривается. В калмыцком языке именно свойствами показателя претерита, являющегося наименее маркированной формой прошедшего времени, может быть обусловлена многочисленность глаголов с несколькими возможными интерпретациями этой формы, а также наличие большого числа глаголов с начинательной интерпретацией.

Литература

- Аркадьев П. М. (В печати). Глагольная акциональность // Тестелец Я. Г. и др. (ред.). *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка*. М.: РГГУ.
- Гото К. В. Система финитных форм прошедшего времени в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлунинский А. Б. 2006. *Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке*. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН.
- Недялков В. П. 1986. Основные типы начинательных глаголов: инхоативы, ингрессивы, инцептивы // *Языковое общение и его единицы*. Калинин. С. 124–134.
- Овсянникова М. А. Приложение. Список глаголов. Настоящий сборник.
- Плунгян В. А. 2003. *Общая морфология*. М.: УРРС.
- Татевосов С. Г. 2005. Акциональность: типология и теория // *Вопросы языкознания*, 1. С. 108–141.
- Храковский В. С. 1989 Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Храковский В. С. (ред.). *Типология итеративных конструкций*. Л.: Наука. С. 5–53.
- Bybee J., Perkins R. D., Pagliuca W. 1994. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press.
- Comrie B. 1976. *Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dahl Ö. 1985. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell.
- Dowty D. R. 1991. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*, 67, 3. P. 547–619.
- Krifka M. 1998. The origins of telicity // Rothstein S. (ed.). *Events and Grammar*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. P. 197–235.
- Smith C. 1991/1997. *The Parameter of Aspect*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Tatevosov S. G. 2002. The parameter of actionality // *Linguistic Typology*, 6, 3. P. 317–401.
- Vendler Z. 1967. Verbs and times // Vendler Z. (ed.). *Linguistics in Philosophy*. Ithaca; New York: Cornell University Press. P. 97–121.

СИСТЕМА ФИНИТНЫХ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

0. Введение

Калмыцкий язык очень богат как синтетическими формами, так и аналитическими конструкциями, служащими для выражения аспектуальных и темпоральных значений.

В данной статье будет рассмотрена система финитных глагольных форм, относящихся к зоне прошедшего времени. Под финитными подразумеваются те формы глагола, которые способны выступать в качестве вершины независимого предложения, то есть являться синтаксически главными. В качестве вершины независимого предложения в калмыцком могут выступать как **собственно финитные формы** — формы, которые не способны быть вершиной относительного оборота, так и **причастия** — формы, которые способны быть вершиной относительного оборота.

В зоне прошедшего времени имеются как синтетические формы, так и аналитические конструкции. К **синтетическим** формам прошедшего времени относятся три собственно финитные формы: претерит на *-v*, отдаленное прошедшее на *-la*, эвиденциальное прошедшее на *-ᠵ᠗* — и одно причастие — причастие прошедшего времени на *-sən*. При этом причастие на *-sən*, помимо финитных употреблений, может присоединять бытийную связку, стоящую в одном из прошедших времен, образуя тем самым одну из аналитических конструкций.

Аналитические конструкции представлены причастиями с бытийной связкой и бивербальными конструкциями («сложны-

¹ Материал собран в экспедициях 2006-2007 г. в поселок Ергенинский и в 2008 г. в поселок Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удгейский, калмыцкий». Я бы хотела поблагодарить А. Б. Шлуинского и С. С. Сая за помощь в работе над статьей, а также всех участников калмыцких экспедиций за советы, критику и предоставленные материалы.

ми глаголами»), состоящими из деепричастия смыслового глагола и финитной формы «вспомогательного» глагола².

В фокусе внимания данной статьи находятся синтетические формы, а также аналитические конструкции, состоящие из причастий и бытийной связки. Бивербальные конструкции подробно рассматриваться здесь не будут, хотя при необходимости уточнения значений, а также сферы употребления синтетических форм и аналитических конструкций с бытийной связкой мы будем к ним обращаться. Данные ограничения связаны с тем, что бивербальные конструкции в калмыцком языке находятся на разных стадиях грамматикализации, а значения, передаваемые с их помощью, весьма разнообразны и часто выходят за аспектуально-темпоральные рамки (выражение бенефактивных значений, указание на направление движения). Порой их употребление ограничено стилем речи (разговорная речь), или же привносит дополнительный оттенок значения (негативная коннотация). Значение бивербальных конструкций, ограничения на их сочетаемость, а также морфосинтаксические особенности подробно рассматриваются в [Баранова, настоящий сборник].

Статья состоит из двух частей и заключения. Первая часть посвящена имеющимся в калмыцком показателям прошедшего времени. Во второй части дана характеристика аспектуальных форм, относящихся к зоне прошедшего времени. В рамках второй части будет рассмотрена сочетаемость аспектуальных показателей с показателями прошедшего времени, взаимодействие акционального класса с семантикой аспектуального показателя, а также описаны некоторые конкурирующие формы и конструкции. В заключении подведены основные итоги исследования.

1. Показатели прошедшего времени

1.1. Общая характеристика

В калмыцком, так же, как и в большинстве монгольских языков, имеются три показателя прошедшего времени: *-v*, *-la* и *-ʒə* [Санжеев 1963: 125–130; Порре 1955/1987: 265–267]. К ним примыкает

² В качестве вспомогательных глаголов выступают глаголы движения, глаголы позиции, бенефактивные глаголы ('брать', 'давать') и некоторые другие.

причастие прошедшего времени на *-sən* в финитном употреблении. Соглашаясь с тем, что все формы выражают значение прошедшего времени, исследователи расходятся во мнении относительно критериев противопоставления данных форм. Как отмечает Р. П. Дораева, при объяснении различий между данными показателями прослеживаются две тенденции: одни исследователи связывают различия между формами с аспектуальными признаками, другие — с модальными [Дораева 1979: 141–142].

В данной статье мы предлагаем иной способ представления системы форм прошедшего времени, позволяющий, на наш взгляд, объединить высказанные в грамматиках точки зрения на критерии разграничения обозначенных форм в калмыцком. По нашему мнению, в рамках системы форм прошедшего времени можно выделить две подсистемы. Признаком противопоставления этих двух подсистем является выражение/невыражение эвиденциальных значений. Под эвиденциальными значениями подразумевается указание на источник знания говорящего о сообщаемом им факте [Козинцева 1994; Willett 1988; Aikhenvald 2004]. В калмыцком языке формой, выражающей эвиденциальные значения, является форма на *-ǰə*. С ее помощью передается значение косвенной засвидетельствованности, то есть указывается, что говорящий не был свидетелем описываемой ситуации, а слышал о ней от третьих лиц или предположил, что она имела место, по имеющемуся результату или на основании логического вывода (1)³.

- (1) *söö-n-ä* *mana* *noxa* *bää-sən* *ödməg*
 ночь-EXT-GEN мы.GEN собака быть-PC.PST хлеб
id-čkə-č
 есть-COMPL-EVD
 ‘(Оказывается) ночью наша собака съела весь имевшийся хлеб’.

Формы и конструкции, не имеющие в своем составе показателя эвиденциального прошедшего *-ǰə*, являются немаркированными по признаку эвиденциальности, то есть не передают информацию о том, каким образом говорящий получил сведения о сообщаемой информации. К зоне, нейтральной к выражению

³ Значение форм с показателем *-ǰə* подробно рассматривается в разделе 1.2.

эвиденциальных отношений, относятся формы и конструкции, имеющие в своем составе показатели претерита на *-v*, отдаленного прошедшего на *-la* или причастия прошедшего времени на *-sən*.

Все аспектуальные значения, имеющие грамматическое выражение в калмыцком языке, в прошедшем времени могут быть представлены как в рамках зоны, маркированной по признаку косвенной эвиденциальности, так и в рамках зоны, нейтральной к выражению эвиденциальных значений. В Таблице 1 приведена сочетаемость показателей прошедшего времени с аспектуальными аффиксами и аналитическими конструкциями, имеющими аспектуальное значение.

Таблица 1. Сочетание аспектуальных форм с показателями прошедшего времени

	<i>-ǰə</i>	<i>-və</i>	<i>-la</i>	<i>-sən</i>
Аспектуальные аффиксы				
Прогрессив: <i>-ǰa</i>	OK	X	OK	OK
Комплетив: <i>-čk</i>	OK	OK	OK	OK
Аналитические конструкции с причастиями				
Хабитуалис: причастие на <i>-dəg</i> и бытийная связка <i>büü</i> - 'быть'	OK	X	OK	OK
Континуатив: форма на <i>-a</i> и бытийная связка <i>büü</i> - 'быть'	OK	X	OK	OK
Бивербальные конструкции ⁴				
Комплетив: деепричастие на <i>-ǰə</i> (соединительное деепричастие) и вспомогательный глагол <i>od</i> - 'уходить'	OK	OK	OK	OK
Дуратив: деепричастие на <i>-ad</i> (разделительное деепричастие) и бытийная связка <i>büü</i> - 'быть'	OK	X	OK	OK
Прогрессив: деепричастие на <i>-ǰə</i> и вспомогательный глагол <i>joṽ</i> - 'ходить'	OK	?	OK	OK
Интенсивный дуратив: деепричастие на <i>-ad</i> и вспомогательный глагол <i>siu</i> - 'сидеть'	OK	?	OK	OK
Интенсивный дуратив: деепричастие на <i>-ad</i> и вспомогательный глагол <i>kevt</i> - 'лежать'	OK	OK	OK	OK

⁴ Здесь приведены не все имеющиеся в калмыцком языке бивербальные конструкции (сложные глаголы).

Как видно из Таблицы 1, все приведенные формы и конструкции в прошедшем времени имеют как минимум два коррелята — с показателем эвиденциального прошедшего *-ǰə* и с одним из показателей, относящихся к зоне, немаркированной по признаку эвиденциальности. В отличие от показателя *-ǰə*, не все показатели, относящиеся к нейтральной зоне прошедшего времени, могут сочетаться со всеми аспектуальными формами, представленными в прошедшем времени. В первую очередь, это касается показателя *-v*, который не сочетается с аффиксом прогрессива *-ǰa* и с формами хабитуалиса, континуатива, и дуратива. Возможность сочетания показателя *-v* с бивербальными конструкциями с глаголами *ǰov-* ('ходить') и *ǰuu-* ('сидеть') также оказывается под вопросом в связи с тем, что в текстах не было зафиксировано ни одного примера данных конструкций, используемых с аффиксом *-v*. Получается, что показатель *-v* не сочетается с большинством значений имперфективной зоны.

1.2. Эвиденциальная зона. Показатель *-ǰə*

Как уже было сказано выше, для выражения эвиденциальных значений в калмыцком используется показатель *-ǰə*. Данный показатель омонимичен показателю имперфективного (соединительного) деепричастия⁵.

Форма на *-ǰə* совмещает значение прошедшего времени и косвенной засвидетельствованности, т. е. используется при описании контекстов в прошлом, в которых говорящий не был свидетелем описываемой ситуации. Данное значение присуще всем финитным синтетическим формам и аналитическим конструкциям, имеющим в своем составе показатель *-ǰə*.

⁵ Некоторые исследователи полагают, что это не омонимы, а одна и та же форма (см. [Рорре 1955/1987: 265, 277]). Помимо приведенных у Н. Н. Поппе этимологических сведений в пользу такой точки зрения может говорить тот факт, что в языках мира встречаются примеры, когда нефинитная форма, становится финитной и приобретает эвиденциальное значение. Как правило, это свойственно формам, входящим в состав подчинительной конструкции с глаголом речи [Aikhenvald 2004: 283–284]. С другой стороны, в данном случае более вероятным кажется путь грамматикализации *-ǰə* в показатель косвенной засвидетельствованности из формы результата. На данный момент вопрос происхождения *-ǰə* требует отдельного изучения.

В примере (2) рассказчик описывает события, непосредственным наблюдателем которых он не был.

- (2) *Sivir-də mini eeʒə jumə uj-dəg bää-ʒ*
 Сибирь-DAT я.GEN бабушка вещь шить-PC.HAV быть-EVD
 ‘В Сибири моя бабушка шила’ (03_senja.13).

При этом следует подчеркнуть, что форма на *-ʒə* не может быть использована при описании контекстов, не относящихся к прошлому. Во всех зафиксированных контекстах форма на *-ʒə* употреблялась при описании ситуаций, относящихся к прошлому. При описании ситуаций как косвенной, так и прямой засвидетельствованности, относящихся к настоящему времени, используется форма настоящего времени с показателем *-na* (3).

- (3) *Baatər xöö-d xulxal-na*
 Батыр овца-PL воровать-PRS
 ‘Батыр (оказывается) ворует овец’.

Согласно классификации эвиденциальных систем языков мира, приведенной в [Aikhenvald 2004], калмыцкий следует отнести к типу языков, в которых эвиденциальная система представлена оппозицией из двух членов: маркированной формы косвенной засвидетельствованности и «всего остального». Для таких языков, как отмечает Л. Йохансон, ключевым является не указание на то, каким образом была получена данная информация (слуховым, путем логического вывода), а то, что данная информация была получена не напрямую, а с помощью посредника [Johanson 2003: 274–275].

Показатель *-ʒə* демонстрирует набор эвиденциальных значений, типичных для языков с одним эвиденциальным показателем. Формы на *-ʒə* используются в эвиденциальных контекстах широкого типа, описывающих ситуации, о которых говорящий судит или, как в примерах (4)–(5), по имеющемуся результату (инферентив), или, как в примере (6), по информации, полученной от других лиц (пересказывательность / репортив).

- (4) *söö-vär xur or-ʒə*
 ночь-INS дождь входит-EVD
 {Говорящий выглядывает в окно, видит лужи кругом и говорит тому, кто сидит в комнате}: ‘Ночью шел дождь’.

(5) *Badma ir-žə*
 Бадма приходит-ЕVD
 {Говорящий слышит за окном шум и говорит}: ‘Бадма пришел’.

(6) *ämtə-n kel-nä Baatər ger*
 люди-EXT говорить-PRS Батыр дом
buu-lk-žə
 спускаться-CAUS-EVD
 ‘Люди говорят, Батыр женился’.

Форма с показателем *-žə* широко используется в фольклоре. Обычно именно она используется в зачинах сказок (7) (также см. тексты 11_lopatka, 16_devushka_i_solnce).

(7) *kezänä bää-žə neg bajən bää-žə*
 раньше быть-ЕVD один богатый быть-ЕVD
 ‘Жил-был один богатый’ (14_xitryj_muzhik.1).

Интересно посмотреть на распределение эвиденциальных и неэвиденциальных форм в нарративах о реальных событиях и фольклорных текстах. В нарративе о реальных событиях очень четко соблюдается противопоставление формы на *-žə* как маркера косвенной засвидетельствованности формам с другими темпоральными аффиксами. События, свидетелем которых рассказчик не был, передаются с помощью форм с показателем *-žə* (9), события же, которые непосредственно произошли с рассказчиком или имели место у него на глазах, выражаются формами прошедшего времени, нейтральными к выражению эвиденциальных значений (8) (см. также тексты (01_avtobiografija, 09_belaja_staruxa). Маркированными в данном случае являются формы косвенной засвидетельствованности на *-žə*.

(8) *tiigäd mana baav-in kögšən eežə zu-n*
 потом мы.GEN дядя-GEN старый бабка сто-EXT
tavə-n nas-ta oda kürtəl bää-dəg
 пять-EXT возраст-ASSOC сейчас до быть-PC.HAB
bilä
 быть.REM

‘Так вот, наша старая двоюродная бабушка по отцовской линии, она дожила до недавнего времени (и умерла) в возрасте 105 лет’ (04_svinja.3).

- (9) *Sibir-t* *kaxa-n* *ferm-də* *ködl-dəg*
 Сибирь-DAT свинья-GEN ферма-DAT работать-PC.HAB
bää-žə
 быть-EVD
 ‘В Сибири она работала на свиноферме’ (04_svinja.4).

В фольклорных текстах, где все события являются или вымышленными, или относящимися к давнему прошлому, как правило, используются формы эвиденциального прошедшего. Однако иногда наблюдается немотивированное переключение повествования с эвиденциальных форм на другие. Так, в сказке 16_devushka_i_solnce с самого начала повествования используются эвиденциальные формы (10), однако неожиданно в середине рассказа повествователь употребляет форму на -v (11) (см. также тексты 11_lopatka, 14_xitryj_muzhik).

- (10) *kezänä* *kezänä* *neg* *cag-tə* *Züŋgär*
 раньше раньше один время-DAT Джунгария
gi-dəg *taŋč-tə* *negə* *säähən*
 говорить-PC.HAB страна-DAT один красивый
küükə-n *bää-žə*
 девочка-EXT быть-EVD
 ‘Давным-давно в некоторое время в стране, называемой Джунгария, жила одна красивая девушка’ (16_devushka_i_solnce.1).

- (11) *tüig-xlägə* *asxə-n* *narə-n*
 делать.так-CV.SUCC2 вечер-EXT солнце-EXT
sui-žə *od-xla* *küükə-n* *ora*
 сидеть-CV.IPFV уходить-CV.SUCC девочка-EXT крыша
deer *kar-ad* *təŋgər-dr*
 поверхность выходить-CV.ANT небо-поверхность
nis-äd *sar* *bol-žə* *odə-v*
 летать-CV.ANT луна становится-CV.IPFV уходить-PST
 ‘Таким образом, когда вечером солнце зашло, девушка вышла на крышу, взлетела на небо и превратилась в луну’ (16_devushka_i_solnce.13).

Использование неэвиденциальных форм оказывается возможным только после того, как в интродуктивных предложениях уже установлен необходимый регистр косвенной засвидетельст-

вованности (за счет употребления формы эвиденциального прошедшего или лексических средств) и нить повествования не прерывается. В таком случае слушающему очевидно, что вся передаваемая информация является косвенной и формы «нейтральной зоны» выражают значение косвенной засвидетельствованности.

Как это и свойственно эвиденциальным показателям, показатель *-ǰə* плохо сочетается с формой первого лица. Возможность данного сочетания появляется только при описании ситуации с так называемым эффектом потери контроля [Майсак, Татевосов 2000]. Показатель *-ǰə* используется только в тех случаях, когда сам говорящий не помнит о ситуации, в которой участвовал, и узнает о ней или от третьих лиц (12), или на основании имеющегося результата (13).

- (12) *öckəldür bi uu-ǰk-ǰə-v*
 вчера я.NOM пить-COMPL-EVD-1SG
bi aavə xatxəl-ǰə-v
 я.NOM чашка ломать-EVD-1SG
 ‘Вчера я напился (по словам других). Я, оказывается, разбил чашку’.

- (13) *bi unt-ǰə oǰə-v*
 я.NOM спать-CV.IPFV уходить.EVD-1SG
 ‘Кажется, я уснула’ {Говорит, проснувшись в кресле и взглянув на часы}.

Пример такого употребления приводит в своей грамматике Г. Д. Санжеев: «Галошан *геечкжэв*. Хулдж авад Хурвхн өдавсн эн. — Потерял, кажется, галоши. Прошло всего три дня, как я купил их» (полужирный шрифт мой. — К. Г.) [Санжеев 1983: 220]. Употребление формы *геечкжэв* (терять-COMPL-EVD-1SG) свидетельствует о том, что говорящий не помнит о ситуации потери галош, а судит о ней на основании имеющегося результата — отсутствия галош.

Наряду с выражением значения косвенной эвиденциальности с помощью форм на *-ǰə* может передаваться удивление говорящего тем, что эта ситуация имела место. Таким образом, эвиденциальное значение во многих контекстах оказывается плотно склеенным с адмиративным. Об адмиративном значении говорят тогда, когда знание ситуации вступает в противоречие с ожиданиями говорящего. Адмиратив указывает на то, что информация явля-

ется для говорящего новой и, по замечанию С. ДеЛанси, еще не успела стать частью его картины мира [DeLancey 1997: 35–36]. Примеров, в которых ярко проявляется адмиративный компонент значения формы на *-ǰə*, довольно много (14)–(15)⁶.

(14) *Nina aavə av-čk-čə*
 Нина чашка брать-COMPL-EVD
 ‘Ой, а Нина уже взяла чашку’ {я хотела налить чай, а она уже взяла чашку}.

(15) *bajən evr-ännⁱ mör-än xudəg-tə*
 богатый сам-GEN.P.3 лошадь-P.REFL колодец-DAT
ипьа-čкə-ǰə!
 падать.CAUS-COMPL-EVD
 {Ай, моя лошадь вот она, говорит. Как так?} ‘Богач, оказывается, свою лошадь кинул в колодец’ (14_xitryj muzhik.48).

Все приведенные выше примеры несомненно демонстрируют эвиденциальный характер форм, содержащих показатель *-ǰə*. Однако в традиционных грамматиках форму на *-ǰə* определяют в первую очередь как прошедшее результативное время:

Изывательная форма прошедшего времени на *-ж* обозначает действие, которое совершилось в прошлом, а по своему результату обнаруживается в виде следствия в настоящее время, т. е. в данный момент речи или в прошлом [Санжеев 1983: 219].

В то же время в последующем описании значения данной формы можно увидеть, что ее эвиденциальный характер не ускользал от внимания исследователей:

Действие, которое произошло недавно в отсутствие собеседников, результат которого становится общеизвестным позже, иногда такое сказуемое имеет значение предположения и сомнения: гер бэрж (по всей вероятности, дом строил) доклад кеж (надо полагать, делал доклад) [Очиров 1964: 88].

⁶ Интересно, что в отличие от последующих работ (см. [Дореева 1979; Санжеев 1983; Bläsing 2003]), в которых главным значением формы на *-ǰə* называется результативное, А. А. Бобровников указывает основным значением данной формы «нечаянность» — неожиданность описанного события для говорящего или слушающего, то есть как раз адмиративное значение [Бобровников 1849: 357–365].

В современных описаниях форма на *-ǰə* определяется как совмещающая в себе значения результата и эвиденциальности (см. [Bläsing 2003: 244]).

Под результативом обычно понимается существование в некоторый момент естественного результата совершенного действия. Классическим примером результата является английская конструкция *he is gone*, в русском языке результативное значение имеют конструкции со страдательным причастием: *машина сломана, дверь открыта*, а также просторечные формы типа *он выпимши, он уехамши*. Связь результативного и эвиденциальных значений особенно очевидна в инференциальных контекстах: предположение о том, что случилось, делается на основании имеющегося результата. А. Айхенвальд указывает, что путь от результата к показателю инферентива, а затем к показателю косвенной засвидетельствованности является одним из наиболее типичных путей развития значения косвенной засвидетельствованности [Aikhenvald 2004: 112–116].

В калмыцком значение результата может быть выражено с помощью формы на *-ǰə*, как в примере (16). Однако при этом оказывается выраженным и эвиденциальное значение.

- (16) *Badma endər nevčkən uu-čkə-č*
Бадма сегодня немного пить-COMPL-EVD
'Бадма сегодня немного выпимши (говорят)'.

В связи с этим встает вопрос о том, чем же является показатель *-ǰə*: показателем результата, развивающим эвиденциальное значение, или все же показателем косвенной эвиденциальности, совмещенным со значением прошедшего времени. Если посмотреть на приведенные выше примеры, то можно увидеть, что далеко не всегда форма на *-ǰə* имеет результативное значение. В примерах (2) и (9) его нет, показатель *-ǰə* употребляется в данном случае только как маркер косвенной засвидетельствованности, то есть несет информацию о том, что сведения были получены говорящим от других лиц. В пользу того, что перед нами эвиденциальный показатель, также говорит тот факт, что форму на *-ǰə* невозможно употребить с первым лицом, не имея при этом в виду ситуацию потери контроля как в примерах (12)–(13). Предложение *Я сегодня слегка выпимши, поэтому ты веди*

машину, не может быть переведено на калмыцкий с помощью формы на *-жэ*. Другие, типичные для результата ситуации, такие, как, например, *дверь открыта*, передаются в калмыцком с помощью формы пассивного причастия на *-ата*⁷.

Таким образом, на наш взгляд, основным значением форм и конструкций, содержащих показатель *-жэ*, является значение косвенной засвидетельствованности, совмещенное с выражением прошедшего времени.

Помимо аффикса деепричастия, у рассматриваемого показателя эвиденциального прошедшего *-жэ* в грамматиках обнаруживается еще один омонимичный показатель — адмиративная связка (модальная частица в терминологии Г. Д. Санжеева) *-жэ*, которая присоединяется к именам и причастиям:

Частица *-жэ* восходит к старокалмыцкой книжной форме *ажэ* (< *ажуһу*), выступавшей в качестве глагола-связки при именах и причастиях. Эта частица придает сообщению модальное значение неожиданности с оттенком некоторого удивления [Санжеев 1983: 290].

- (17) *ter küükə-n zurka-dəgčə klaas-tə*
 тот девочка-EXT шесть-ORD класс-DAT
sur-də-č

учиться-PC.HAB-COP.ADM
 ‘Оказывается, эта девочка учится в шестом классе’.

- (18) *neg-dəgčə klaas-in en žil-də dörvən*
 один-ORD класс-GEN этот год-DAT четыре
or-xar bää-dəg-čə

входить-CV.PURP быть-PC.HAB-COP.ADM
 ‘В этом году, оказывается, четыре ребенка собираются ходить в первый класс’ (07_dialog.47).

Как видно из приведенного определения и зафиксированных нами примеров (17) и (18), данная связка несомненно несет значение неожиданности, т. е. значение адмиратива. Пока неясно, является ли адмиративная связка омонимом рассматриваемого нами показателя эвиденциального прошедшего *-жэ*, или это один и тот же показатель. Аргументом против рассмотрения этих двух единиц в качестве одного показателя является тот факт, что у адмиративной

⁷ Подробнее о причастии на *-ата* см. [Выдрина, настоящий сборник].

связки отсутствует значение прошедшего времени. Также, в отличие от показателя эвиденциального прошедшего -*žə*, данная связка может присоединяться напрямую к форме причастия (17)–(18), в то время как показатель эвиденциального прошедшего может сочетаться с причастиями только в рамках аналитической конструкции, когда причастие употребляется с бытийной связкой с показателем -*žə*.

1.3. Зона, не выражающая эвиденциальные значения

В данном разделе подробно будут рассмотрены формы прошедшего времени, немаркированные в плане выражения эвиденциальных значений. Такие формы не указывают, каким образом говорящий получил сведения об описываемой ситуации: наблюдал ли ее лично или узнал о ней от других лиц. К «нейтральной зоне» относятся синтетические формы и аналитические конструкции, имеющие в своем составе темпоральные показатели -*v*, -*la* и -*sən*⁸. Далее мы подробно рассмотрим значение и особенности употребления каждого из них.

1.3.1 *Форма претерита на -v*. Форма на -*v*, по-видимому, является наименее маркированной формой прошедшего времени и используется в чрезвычайно широком количестве контекстов. Мы определяем ее как форму претерита. Форма претерита на -*v* может выражать большинство значений сферы прошедшего времени. В какой-то степени ее можно назвать «формой по умолчанию», то есть она используется в ситуациях, когда нет необходимости выражать какие-то дополнительные темпоральные, аспектуальные или модальные значения, присущие другим формам, относящимся к зоне прошедшего времени.

В аспектуальном отношении форма на -*v* часто имеет перфективную интерпретацию. Перфектив рассматривает ситуацию извне, представляет ее как единое целое, или же выделяет один из переломных моментов в ее развитии: акцентирует внимание на начальной фазе ситуации (инхоатив) или конечной фазе (комплетив). Примеры (19)–(21) демонстрируют перечисленные выше значения.

- (19) *xälä-Ø!* *Baatər irə-v*
смотреть-ИМП Батыр приходит-РСТ
'Смотри! Батыр пришел'.

⁸ Имеются в виду финитные употребления причастия на -*sən*.

- (20) *gentkən Saglər duulə-v*
 неожиданно Саглара петь-PST
 ‘Вдруг Саглара запела’.
- (21) *xarəŋbur-xla, ger-müd-tə šamə šatə-v*
 темнеть-CV.SUCC дом-PL-DAT свет гореть-PST
 ‘Когда стемнело, в домах зажегся свет’.

Форма на -v часто используется для описания динамического повествования. Как отмечает, Р. П. Дораева, «повествование, передаваемое глаголами на -v, динамично продвигается во времени»⁹ [Дораева 1979: 151].

Как известно, в первую очередь, аспектуальная интерпретация любой формы зависит от акционального класса глагола. В связи с этим рассмотрим, какие значения имеют глаголы разных акциональных классов при присоединении показателя -v.

Непредельные и стивные глаголы имеют делимитативное значение, при котором ситуация рассматривается как продолжавшаяся некоторое ограниченное время в прошлом (22); слабые предельные глаголы имеют две интерпретации: предельную и процессуальную (23); сильные предельные глаголы имеют только предельную интерпретацию (24). Подробнее об акциональной интерпретации форм на -v и о сочетаемости показателя -v с глагольными лексемами разных классов см. [Овсянникова, настоящий сборник].

- (22) *bi söö-n^j duusən eežə-n^j kozəldur*
 я.NOM ночь-P.3 продолжительность бабка-P.3 очки
xüü-v-ü
 искать-PST-1SG
 ‘Я всю ночь искала бабушкины очки’.
- (23) *jamaran degtər öckəldür övgə-n umšə-v*
 какой книга вчера старик-EXT читать-PST
 ‘Какую книгу читал / прочитал дедушка вчера?’

⁹ Здесь хочется также привести слова А. А. Бобровникова, который отмечает, что при употреблении формы на -v говорящий «смотрит на обстоятельства своего рассказа как на нить действий, последовательно и естественно одно за другим совершавшихся» [Бобровников 1849: 346].

- (24) *bi en degtər av-u-v*
 я.NOM этот книга брать-PST-1SG
 {Что ты взял вчера в библиотеке?} ‘Я взял эту книгу’.

Формы с показателем *-v* часто используются в разговорной речи. Они указывают на отношение действия к моменту речи и употребляются в контекстах, описывающих событие как актуальное в момент говорения, в отличие от всех форм, имеющих в своем составе показатель *-la*, который относит описываемое событие или ситуацию в неактуальный план. Характерно, что именно эта форма встречается в присущих для перфекта контекстах (25)–(26).

- (25) *bi kurvən ċas-la untə-v*
 я.NOM три час-COM спать-PST.1SG
 {Почему ты такой усталый?} ‘Я заснул в три часа’.

- (26) *jum bolə-v? bi aakə xamxlə-v*
 вещь становится-PST я.NOM чашка ломать-PST.1SG
 ‘Что случилось? Я чашку разбил’.

При рассмотрении текстов оказалось, что наибольшее число употреблений данной формы зафиксировано в диалогическом тексте (07_dialog). В нем форма на *-v* встретилась 11 раз, что составляет 22,5% от всех употреблений данной формы¹⁰. Более пяти раз данная форма была употреблена в текстах с динамически развивающимся повествованием (02_pasport, 11_lopatka, 10_Bulgun, 14_xitruj_muzhik). В описательных текстах (17_tabu, 18_blagopozhelanie, 19_rogoki) данная форма не встретилась ни разу. Конечно, цифры слишком малы, чтобы делать статистические выводы, однако даже по ним можно увидеть, что для формы на *-v* характерно использование в диалогических, а, следовательно, актуальных контекстах, а также при описании динамического повествования.

1.3.2. *Форма отдаленного прошедшего на -la*. Большинство исследователей определяют эту форму как предпрошедшее время или плюсквамперфект (см., например, [Санжеев 1983: 217;

¹⁰ Всего зафиксировано 49 употреблений формы на *-v* на 310 употреблений финитных форм с референцией к прошедшему времени. Не очень большие цифры получились в связи с тем, что при подсчете данных форм не учитывались аналитические конструкции и формы с аффиксом *-ċkə*, в состав которых входил показатель *-v*.

Bläsing 2003: 244]). Однако основное значение плюсквамперфекта — предшествование в прошедшем — форма на *-la* не выражает. Во многом это связано с тем, что для калмыцкого характерно выражение таксисных отношений с помощью нефинитных форм¹¹. В связи с этим очень сложно сказать, с помощью каких финитных форм передается таксисное значение предшествования в прошедшем. Однако даже в предложениях, в которых удалось получить финитные формы, в большинстве случаев информанты запрещали употребление формы на *-la*. Это были предложения, предлагаемые в [Dahl 1985: 145] в качестве диагностических контекстов плюсквамперфекта¹². Вместо формы на *-la* информанты предлагали другую форму — форму на *-čk-la*, в которой к показателю *-la* присоединяется показатель комплетива *-čkə*¹³ (27).

(27) *namagə öckəldür kar-žə ir-x-tə*
 я.АСС вчера выходить-CV.IPFV приходить-PC.FUT-DAT
*terə xojər bičəg bič-čk-lä*¹⁴ / **bič-lä*
 тот два письмо писать-COMPL-REM писать-REM
 ‘Когда я вчера пришел, он уже написал два письма’.

Однако несмотря на то, что форме отдаленного прошедшего на *-la* не свойственно передавать таксисное значение предшествования в прошедшем, она имеет набор значений, которые описываются в типологической литературе как присущие расширенной форме плюсквамперфекта [Плунгян 2001: 69–71; Dahl 1985: 144–149].

¹¹ Доля всех финитных форм по текстам составляет только 50%. При определении частотности считались клаузы, т. е. все аналитические конструкции, в том числе и сложные глаголы, рассматривались как одна клауза.

¹² *Когда я вчера пришел домой, он уже написал два письма.*

When I COME home (yesterday) he WRITE two letters (=he finished writing them just before I came) [Dahl 1985: 145].

¹³ Информанты допускают употребление в данном контексте показателя комплетива *-čkə* с показателем *-v*, но сами данную форму не предлагают.

¹⁴ Однако в связи с тем, что аффикс *-čkə* сочетается не со всеми глагольными лексемами (так, он плохо сочетается с непереходными глаголами) в некоторых плюсквамперфектных контекстах вместо синтетической формы на *-čk-la* употребляется аналитическая конструкция с соединительным деепричастием на *-žə* и вспомогательным глаголом *od-* (уходить).

Таковыми значениями являются значения «прекращенного прошлого», «аннулированного результата» и экспериментивное значение.

Значения «прекращенного прошлого» и «аннулированного результата» предлагает В. А. Плунгян [Плунгян 2001]. Они, по его замечанию, представляют собой результат переноса события в закрытые временные интервалы, дающего различные эффекты в зависимости от типа ситуации: у стативных и непредельных ситуаций возникает эффект «прекращенного прошлого», у предельных — «аннулированный результат».

Значением «прекращенного прошлого» называется ситуация, которая «имела место в некоторый момент в прошлом, но потом перестала иметь место...», и наличие или отсутствие результата которой нерелевантно (28) [Плунгян 2001: 70].

- (28) *mana eežə öckəldür kurvə-n čas-t-an*
 мы.PL бабка вчера три-EXT час-DAT-P.REFL
kozəldur-an xəä-lä
 очки-P.REFL искать-REM
 ‘Вчера бабушка три часа искала свои очки’.

Под «аннулированным результатом» имеется в виду ситуация, когда результат был достигнут, но дальнейшим развитием событий был «отменен». По определению В. А. Плунгына, аннулированный или отмененный результат — это недолгое, имеющее временные границы состояние, при котором «достижение конечной точки произошло, результирующее состояние наступило, но после этого было прекращено, и тем самым эффект достижения результата был сведен на нет: его “как бы не было”» [Плунгян 2001: 69]. Для значения «аннулированного результата» релевантно наличие результата в некоторый момент времени в прошлом и последующая его отмена. В примерах (29) и (30) сначала указано наличие некоторой ситуации — ‘открывала окно’, ‘вставала’, и затем ее отмена — ‘снова закрыли’, ‘опять легла’.

- (29) *chini egčə terzə sek-lä bidən*
 ты.GEN старшая.сестра окно открывать-REM мы
daar-ad xərü xaa-v-vidn
 мерзнуть-CV.ANT назад закрывать-PST-1PL
 ‘Твоя старшая сестра открывала окно, но мы замерзли и снова закрыли’.

- (30) *Saglər bos-la. zug xärü kevtə-v*
 Саглара вставить-REM но назад лежать-PST
 ‘Саглара вставала. Но опять легла’.

Еще одним значением, выражаемым формой на *-la*, является экспериентивное значение. Согласно Э. Далю, экспериентивное значение (experiential) наблюдается в контекстах, описывающих, что некий факт имел место хотя бы однажды в течение определенного периода времени до определенного момента [Dahl 1985: 141]. Иными словами, экспериентивное значение состоит в том, что у некоего индивида имеется опыт участия в определенной ситуации минимум один раз (31)–(33).

- (31) *chi samolet-də nis-lä-č?*
 ты.NOM самолет-DAT летать-REM-2SG
 ‘Ты летал (когда-нибудь) на самолете?’
- (32) *ee bi xojr däkčə nis-lä-v*
 да я.NOM два раз летать-REM-1SG
 ‘Да, я два раза летал’.
- (33) *tümə jumə üz-lä-t?*
 такой вещь видеть-REM-2PL
 ‘Вы такое когда-нибудь видели?’ (09_belaja_staruxa.7).

Для данного значения нерелевантна конкретная временная отнесенность, то есть оно тоже принадлежит к сфере неактуального прошлого, что и сближает его со всеми выше перечисленными значениями, описанными в типологической литературе в качестве значений, присущих расширенной форме плюсквамперфекта [Плунгян 2001; Dahl 1985: 144–149].

Форме отдаленного прошедшего на *-la* присуща функция, которая часто встречается у показателей плюсквамперфекта в языках мира — дискурсивная функция. Имеется в виду употребление данной формы в начале нарратива, указывающее, что все дальнейшее повествование относится к неактуальному временному плану. При этом в последующем изложении могут использоваться и другие формы, например, форма претерита на *-v* или *praesens historicum* (см. тексты 02_pasport, 06_ogorod). Д. В. Сичинава предлагает для такого употребления термин «сдвиг начальной точки» [Сичинава 2001: 90].

Таким образом, большинство значений, которые в языках мира свойственны формам плюсквамперфекта (аннулированный результат, прекращенная ситуация, экспериентив), выражаются в калмыцком с помощью формы на *-la*, а центральное таксисное значение плюсквамперфекта выражается или с помощью нефинитных форм, или с помощью формы на *-čk-la* / аналитической конструкции с вспомогательным глаголом *od-la*.

Все рассмотренные значения, выражаемые формой на *-la*, объединяет отнесение описываемого события в неактуальный план. В связи с этим форму отдаленного прошедшего на *-la* следует рассматривать как форму неактуального прошедшего. Форма на *-la* принадлежит к законченному временному интервалу — «past temporal frame» в терминах [Dahl 1985: 146–148]. С ее помощью описываются ситуации, которые имели место в некий момент в прошлом и не актуальны в момент говорения. Значение неактуального прошедшего характерно для всех форм, в которых имеется показатель *-la*, независимо от того, является данная форма аналитической конструкцией или синтетической формой с дополнительными аспектуальными аффиксами.

Именно признак актуальности оказывается принципиальным при противопоставлении форм на *-la* и на *-v*: актуальные события оформляются формами с показателем *-v*, неактуальные — с помощью форм на *-la*.

1.3.3. *Причастие на -sən*. Рассматриваемая в данном разделе форма отличается от описанных выше финитных форм своими морфосинтаксическими свойствами. Она является причастием — формой, которая в отличие от собственно финитных форм, может выступать в качестве вершины относительного оборота. Сразу же оговорим, что в данном разделе речь пойдет только об употреблении данного причастия в качестве вершины независимого предложения¹⁵. В качестве вершины независимого предложения данная форма может употребляться как финитно (34), так и в составе аналитической конструкции с бытийной связкой, стоящей в форме отдаленного прошедшего на *-la* (35) или эвиденциального прошедшего на *-žə* (36).

¹⁵ Об атрибутивных употреблениях данной формы см. подробнее [Крапивина, настоящий сборник], а о ее функционировании в качестве вершины сентенциального актанга см. [Князев, настоящий сборник].

В грамматиках нет единства относительно определения значения данной формы. В [Bläsing 2003: 242] она интерпретируется как аспектуальная форма и называется перфективным причастием. В грамматике Г. Д. Санжеева данная форма названа причастием прошедшего времени [Санжеев 1983: 236–238].

Хочется отметить, что причастие на *-sən* в качестве вершины независимого предложения, в отличие от употреблений в качестве вершины относительного оборота или сентенциального актанта, используется крайне редко. На данный момент не очень ясно значение этой формы. Совершенно определенно можно сказать только то, что она не несет перфективного значения. В записанных текстах данная форма чаще всего встречается в биографических рассказах (02_pasport, 03_semja). Ее можно определить как нарративное прошедшее.

Часто в предикативном употреблении причастие на *-sən* в третьем лице присоединяет «подтвердительную связку» *mön/-mən* (34).

- (34) *mini avə Sibir-tə tör-s-mən*
 я.GEN дед Сибирь-DAT родиться-PC.PST-COP.AFF
tör-lä
 родиться-REM
 ‘Мой дедушка родился в Сибири’.

Причастие прошедшего времени на *-sən* с бытийной связкой *bilä* (быть.REM) используется в контекстах, очень сходных с теми, в которых употребляется форма отдаленного прошедшего на *-la* (35). Данной аналитической конструкции свойственно значение неактуального прошлого.

- (35) *bi boorcəg šar-sən bilä-v /*
 я.NOM борцог жарить-PC.PST быть.REM-1SG
šar-la-v
 жарить-REM-1SG
 ‘Я нажарила борцогов’.

Аналитическая конструкция, состоящая из причастия на *-sən* и бытийной связки в форме эвиденциального прошедшего времени *bää-žə* (быть-EVD), имеет значение косвенной засвидетельствованности, совмещенное с результирующим значением (36).

- (36) *ekə eckə xojr ter ir-sən žil-d-än*
 мать отец два тот приходить-PC.PST год-DAT-P.REFL
öŋgr-žə od-sən bää-žə
 умирать-CV.IPFV уходить-PC.PST быть-EVD
 ‘Оказалось, что в том году мои родители оба умерли’
 (02_pasport.23).

2. Аспектуальные значения

В данном разделе будут рассмотрены аспектуальные значения, выражаемые в прошедшем времени, взаимодействие аспектуальных аффиксов с глагольными лексемами разных акциональных классов и сочетание показателей аспекта с показателями прошедшего времени.

Аспектуальные значения в калмыцком выражаются с помощью аспектуальных аффиксов, форм причастий и бивербальных конструкций с деепричастиями (сложных глаголов).

Ко всем рассмотренным в 1-ом разделе формам прошедшего времени, с некоторыми ограничениями, могут присоединяться аспектуальные аффиксы — аффикс комплетива *-čkə* и аффикс прогрессива *-žə*¹⁶. Также данные аффиксы могут присоединяться к причастным формам. В собственно финитных формах данные аффиксы располагаются перед показателями времени, в причастных формах — перед показателем причастия.

В Таблице 2 представлены рассматриваемые нами формы и указана возможность их сочетания с аспектуальными аффиксами *-čkə* и *-žə*¹⁷.

Как видно из Таблицы 2, большинство форм может сочетаться с данными аспектуальными аффиксами. Исключениями являются формы на *-v* и на *-dəg bilä*, не сочетающиеся с аффиксом *-žə*, а также форма континуатива на *-a*, не допускающая сочетания ни с одним из этих аффиксов. Форма на *-v* не сочетается не только с аффиксом прогрессива, но и, как было видно из Таблицы 1, с большинством форм и конструкций, выражающих имперфективные значения.

¹⁶ Данные аффиксы могут также присоединяться и к другим формам, как финитным, так и нефинитным.

¹⁷ Данная таблица частично повторяет Таблицу 1, приведенную в разделе 1.

Таблица 2. Сочетание форм прошедшего времени с аспектуальными аффиксами

Название формы	Показатель	Аффикс комплетива -čkə	Аффикс прогрессива -žə
эвиденциальное прошедшее	-žə	ОК	ОК
претерит	-v	ОК	*
отдаленное прошедшее	-la	ОК	ОК
причастие прошедшего времени	-sən (bilä / bääžə)	ОК	ОК
хабитуальное причастие	-dəg bilä / bääžə	ОК	*
континуатив	-a bilä / bääžə	*	*

2.1. Перфективная зона

2.1.1. *Комплетив*. Под комплетивом имеется в виду категория, позволяющая выделить один из переломных моментов описываемой ситуации — момент достижения естественного предела. Форма комплетива указывает, что ‘некая ситуация Р достигла предела своего развития’.

В калмыцком существует несколько способов выражения данного значения. Наиболее распространенными способами являются употребление синтетической формы с аффиксом *-čkə* или бивербальной конструкции с соединительным деепричастием на *-žə* и глаголом *-od* ‘уходить’. Выбор между синтетической формой с *-čkə* и бивербальной конструкцией с *od-* определяется переходностью глагола: форма с *-čkə* употребляется с переходными глаголами (37), а конструкция с *od-* используется только с непереходными глаголами (38)¹⁸.

¹⁸ Есть некоторые исключения, например, глагол *ködl-* ‘работать’ может употребляться с аффиксом *-čkə* в контексте ‘трактор заработал’, но запрещается в контекстах ‘Бадма начал работать’, ‘Бадма отработал’, а глагол *žat-* ‘гореть’ с аффиксом *-čkə* разрешается в контексте ‘свет загорелся’, но при этом запрещается в контекстах ‘дом загорелся’, ‘дом сгорел’. В целом, употребления непереходных глаголов с аффиксом *-čkə* носят окказиональный характер и часто имеют переносное значение.

- (37) *noxa Badm-igə zuu-čkə-v*
 собака Бадма-ACC кусать-COMPL-PST
 ‘Собака укусила Бадму’.
- (38) *aakə xamxr-žə odə-v / *xamxr-čkə-v*
 чашка ломаться-CV.IPFV уходить-PST ломаться-COMPL-PST
 ‘Ой, чашка разбилась!’

Помимо указанных выше способов выражения комплетива в письменной речи встречаются также бивербальные конструкции с глаголом *ork-* ‘класть’: 1) конструкция с соединительным деепричастием на *-žə*, к которой диахронически восходит аффикс *-čkə*; 2) конструкция с разделительным деепричастием на *-ad* [Санжеев 1983: 190]. Первая конструкция ни разу не встретилась в собранных в ходе экспедиций текстах. При этом при переводе предложений с русского информанты допускали ее как синонимичную форму с аффиксом *-čkə*, но сами предложения с ней не порождали, предпочитая синтетическую форму с аффиксом *-čkə*. Так, в примере (37) информанты разрешили употребить форму *zuiu-žə orkə-v* (кусать-CV.IPFV класть-PST). Конструкция с разделительным деепричастием на *-ad* и глаголом *ork-* была зафиксирована в тексте один раз. Согласно В. Барановой, данная конструкция имеет не только комплетивное, но и лимитативное значение (см. подробнее [Баранова, настоящий сборник]).

В данном разделе мы сконцентрируемся на наиболее частотном способе выражения комплетива — формах с аффиксом *-čkə*. Значение, которое приобретает глагол при присоединении показателя *-čkə*, а также сама возможность сочетания с ним конкретной глагольной лексемы очень во многом зависит от акциональных свойств данной лексемы. Так, аффикс *-čkə* обычно употребляется с теми глагольными лексемами, в которых уже заложена возможность достижения предела. Он часто употребляется с пунктивами (39), сильными (40) и слабыми предельными глаголами (41):

- (39) *bi pasport-an gee-čkə-v / gee-və*
 я.NOM паспорт-P.REFL терять-COMPL-PST.1SG терять-PST.1SG
 ‘Ой, я потерял паспорт’.
- (40) *ger-in ezə-n xöö-vän al-čkə-v*
 дом-GEN хозяин-EXT овца-P.REFL убить-COMPL-PST
 ‘Хозяин дома зарезал барана’.

- (41) *madən ger-än šulıkar šird-čkə-vidn*
 мы дом-P.REFL быстро красить-COMPL-PST.1PL
 ‘Мы быстро покрасили дом’.

Хотя аффикс *-čkə* часто сочетается с пунктивными и сильными предельными глаголами, его присоединение не привносит в форму никакой дополнительной аспектуальной семантики, и его использование с данными глаголами кажется излишним. Во всех случаях возможна замена на форму без аффикса *-čkə* (39). На данный момент функция его в данных контекстах неясна. Можно только предположить, что использование данного аффикса может придавать дополнительные оттенки значения, например, усиление эмоциональной нагрузки.

Иначе обстоит дело со слабыми предельными глаголами. Использование с ними аффикса *-čkə* снимает многозначность интерпретаций, которую имеет с данными глаголами форма претерита на *-v*. Слабые предельные глаголы в форме претерита на *-v* имеют два акциональных прочтения: вхождение в состояние и процесс (см. об этом подробнее [Овсянникова, настоящий сборник]), при присоединении аффикса *-čkə* многозначность исчезает: форма на *-čkə-v* имеет только предельную интерпретацию — вхождение в состояние. Стаивно-процессные глаголы, то есть глаголы, имеющие в форме претерита три интерпретации — процесс, вхождение в состояние, состояние, — также при присоединении *-čkə* теряют способность иметь несколько интерпретаций и имеют только предельное значение вхождения в состояние.

- (42) *küükə-n monda bür-čkə-v*
 ребенок-EXT мяч держать-COMPL-PST
 ‘Ребенок поймал мяч’.

С мультипликативными глаголами форма с показателем *-čkə* используется редко. Среди информантов были разные точки зрения на то, как стоит интерпретировать значение того или иного мультипликативного глагола с аффиксом *-čkə*. Чаще всего значение формы на *-čkə-v* интерпретировалось как квант мультипликативного процесса (43)–(44а), в редких случаях как законченный мультипликативный процесс (44б).

(43) *Badəm bajər-ta-вар ek-än*
 Бадма радость-ASSOC-INS мать-P.REFL
üms-čкə-v
 целовать-COMPL-PST
 ‘Бадма от радости поцеловал мать’.

(44) *Vaatər xulxač-igə cok-čкə-v*
 Батыр вор-ACC ударить-COMPL-PST
 а) ‘Батыр ударил вора’.
 б) ‘Батыр избил вора’.

Стативные и неопределённые глаголы, то есть глаголы, в семантике которых нет значения возможности достижения предела, плохо сочетаются со всеми грамматическими средствами выражения комплетива. В большинстве случаев сочетание с показателями комплетива оказывается невозможным. Так, ни аффикс *-čкə*, ни аналитические конструкции с вспомогательными глаголами *od-* или *ork-* не употребляются со стативными глаголами *külä-* ‘ждать’ и *üürəl-* ‘дружить’, с ингессивно-неопределённым — *inä-* ‘смеяться’, с неопределённым — *xüü-* ‘искать’. Только в некоторых случаях, как уже отмечала В. Баранова, *-čкə* позволяет ввести таким глаголам предельное прочтение, если предложить сильный контекст [Баранова, настоящий сборник]. При этом получившаяся форма часто, помимо значения комплетива, приобретает дополнительное лексическое значение. Так, например, глагол *dura-* ‘подражать’ в сочетании с *-čкə* приобретает негативную коннотацию и означает ‘передразнить’ (45).

(45) *bičкən kövü-n gem-tä küü-gə*
 маленький мальчик-EXT болезнь-ASSOC человек-ACC
dura-čкə-v
 подражать-COMPL-PST
 ‘Маленький мальчик передразнил больного человека’.

Итак, в большинстве случаев в калмыцком значение комплетива может иметь собственно грамматическое выражение только, если изначально в акциональной семантике предиката присутствует возможность достижения предела. Однако возможность в некоторых случаях введения предельной интерпретации для мультипликативных и неопределённых глаголов свидетельству-

ет о том, что данный аффикс способен также менять акциональный тип глагола и делать его предельным.

Все рассмотренные нами формы, выражающие комплетивное значение, могут сочетаться со всеми показателями прошедшего времени. До сих пор приводились только такие примеры, в которых использовалась форма претерита на *-v*. Такие формы используются, как это и ожидается от форм, содержащих показатель *-v*, при описании ситуаций, актуальных на момент речи.

(46) ⟨...⟩ *tana xöö-d mini xöö-g id-čk-vä*
 вы.GEN овца-PL я.GEN овца-ACC есть-COMPL-PST.EMPH
 {Смотри! Смотри, что случилось!} ‘Ваши овцы мою овцу съели!’ (11_лоратка.12).

В сочетании с показателем отдаленного прошедшего *-la* синтетические и аналитические формы комплетива используются при описании ситуаций, неактуальных на момент речи. С помощью них также может выражаться таксисное значение предшествования в прошедшем (см. обсуждение в разделе 1.3.2 и пример (27)).

Формы комплетива сочетаются и с показателем эвиденциального прошедшего на *-žə*. С помощью данных форм описываются достигшие предела ситуации, свидетелем которых говорящий не был.

Стоит отметить, что формы комплетива гораздо чаще употребляются с показателем *-v*, чем с показателем *-la*. Так, в текстах форма на *-čkə-v* встретилась 20 раз, а форма на *-čkə-la* только 2 раза. Аналогичная ситуация наблюдается и с аналитической конструкцией с вспомогательным глаголом *od-*: 11 раз зафиксировано ее употребление с аффиксом *-v* и 2 раза — с аффиксом *-la*.

2.2. Имперфективная зона

Вслед за Б. Комри и Дж. Байби мы принимаем подход, где граммеме имперфектива приписывается два основных значения: *хабитуалис* и *continuous* (или *дуратив* в терминологии В. А. Плуногяна) [Плуногян 2000; Comrie 1976: 25; Bybee et al. 1994: 125–126]. Иногда *хабитуальное* значение рассматривается в рамках количественного аспекта, выделяемого в качестве отдельной аспектуальной категории (см. например [Храковский 1989; Шлуинский 2005; Dahl 1985]), в данной работе мы будем рассматривать его в рамках имперфективной зоны. Это связано с тем, что, хотя в калмыцком *хабитуалис* имеет свое собственное грамматическое

выражение, он также может выражаться и с помощью других форм, имеющих более широкую сферу употребления.

К имперфективной зоне прошедшего времени в калмыцком относятся следующие формы: хабитуальное или, как его определяют в традиционных грамматиках, многократное причастие на *-dæg* с глагольной связкой *bilä*, форма на *-žä-la*, форма континуатива на *-a* с глагольной связкой *bilä*, а также ряд конструкций со сложными глаголами, некоторые из которых будут рассмотрены ниже.

2.2.1. *Хабитуальное причастие на -dæg*. Хабитуалис описывает некоторую ситуацию с постоянным набором участников, при этом каждая повторяющаяся ситуация происходит в отдельный период времени, не включающий момент речи или другую точку отсчета. Прототипической конструкцией, имеющей хабитуальное значение, является конструкция с обстоятельствами типа «каждый день, месяц, год». Например, *мальчик каждый день ходит в школу*. В калмыцком хабитуальное значение в прошедшем времени имеет самостоятельное выражение и выражается с помощью сочетания хабитуального причастия на *-dæg* и глагольной связки *bilä*.

При референции к прошлому калмыцкое хабитуальное причастие на *-dæg* имеет очень широкую сферу употребления. Помимо собственно хабитуального значения (ситуация происходит с определенной регулярностью) (47), данная форма может выражать узитативное (ситуация происходит при определенных условиях) (48) и фреквентативное (ситуация происходит часто) (49) значения¹⁹.

(47) *ötən žil bolkən xöö al-dæg bilä-vidn*
 перед год каждый овца убить-РС.НАВ быть.REM-1PL
 ‘Прежде мы каждый год резали баранов’.

(48) *bi örü-n škol-də jov-žə*
 я.NOM утро-EXT школа-DAT ходить-CV.IPFV
jov-ad Bajrta-ta xarɣ-dæg
 ходить-CV.ANT Байрта-ASSOC встречаться-РС.НАВ
bilä-v
 быть.REM-1SG
 ‘Когда я утром шел в школу, я встречал Байрту’.

¹⁹ Данная классификация хабитуальных значений взята из [Шлунский 2005].

- (49) *ötən mini eežə daru-darunⁱ Elst-ür*
 перед я.GEN бабка часто Элиста-DIR
od-dəg bilä
 уходить-РС.НАВ быть.REM
 ‘Раньше моя бабушка часто ездила в Элисту’.

Данное причастие может сочетаться со всеми типами предикатов. При этом с предикатами индивидуального уровня, не допускающими хабитуального прочтения, эта аналитическая конструкция имеет значение единичной длящейся ситуации, являющейся постоянным свойством индивида (50)–(51). Характерной особенностью предикатов индивидуального уровня является так называемый «эффект срока жизни», когда при отсутствии какого-либо уточняющего ситуацию контекста предполагается, что субъект, о котором идет речь, уже не существует.

- (50) *mini eežə olən ämt-n-ä tuulⁱ-s*
 я.GEN бабка многих люди-EXT-GEN сказка-PL
med-dəg bilä
 знать-РС.НАВ быть.REM
 ‘Моя бабушка знала много народных сказок’.

- (51) *bičkən-d-än mini egčə*
 маленький-DAT-P.REFL я.GEN старшая.сестра
poxa-vas jir ää-dəg bilä
 собака-ABL очень бояться-РС.НАВ быть.REM
 ‘В детстве моя старшая сестра боялась собак’.

Порой аналитическая конструкция с данным причастием используется наряду с формой отдаленного прошедшего на *-la* (см. раздел 1.3.3) в экспериментивных контекстах:

- (52) *chi kezä-čən vaza unt-dəg*
 ты.NOM когда-PCL.CONC снаружи спать-РС.НАВ
bilä-č?
 быть.REM-2SG
 ‘Ты когда-нибудь спал на улице?’

Как отмечает А. Б. Шлуинский, использование формы хабитуалиса в экспериментивных контекстах вполне закономерно, так как «многократное (и тем более регулярное) участие

в ситуации является в своем роде более «качественным» и достоверным опытом участия в ней, чем однократное» [Шлуинский 2005: 152–153].

2.2.2. *Форма на -ṣa-la*. Данная форма состоит из показателя прогрессива *-ṣa-* и показателя отдаленного прошедшего времени *-la*. В грамматиках ей уделяют крайне мало внимания, в отличие от ее аналога в настоящем времени — формы на *-ṣa-na*, в которой показатель прогрессива *-ṣa* употребляется с показателем настоящего времени *-na* [Санжеев 1983; Bläsing 2003; Ebert 1999]. Повидимому, это связано с тем, что в отличие от формы прошедшего времени форма настоящего времени является гораздо более частотной. Так, в собранных нами текстах форма на *-ṣa-na* встретилась 132 раза²⁰, в то время как форма на *-ṣa-la* всего 2. Однако при переводе определенных контекстов информанты охотно предлагали данную форму.

На первый взгляд кажется, что значение данной формы композиционально выводимо из значений аффиксов: аффикса прогрессива *-ṣa* и аффикса отдаленного прошедшего *-la* — и перед нами форма прогрессива прошедшего времени. Действительно, имеются примеры, в которых присутствует именно прогрессивное значение данной формы (53).

- (53) *namagə ir-xlä, Badma eck-t-än*
 я.АСС приходить-CV.SUCC Бадма отец-DAT-P.REFL
bičəg bič-ṣä-lä
 письмо писать-PROG-REM
 ‘Когда я пришел, Бадма писал письмо отцу’.

Однако употребление формы на *-ṣa-la* не ограничивается прогрессивными контекстами. Во-первых, как и форма на *-ṣa-na*, данная форма может сочетаться со стативными предикатами (54). При этом интересно, что она может использоваться в ситуациях, когда нет момента наблюдения в прошлом, и, соответственно, имеет значение единичной длящейся ситуации, являющейся постоянным свойством индивида.

²⁰ Из них более 50% употреблений — это употребление глаголов речи в нарративах в значении *praesens historicum*.

- (54) *öckeldür terə du san-žā-la / medə-žā-lä*
 вчера тот песня думать-PROG-REM знать-PROG-REM
oda mart-u-v
 сейчас забывать-PST-1SG
 ‘Вчера я помнил эту песню, а сейчас забыл’.

Во-вторых, данная форма может выступать и в хабитуальных контекстах, то есть передавать значение повторяющейся ситуации в прошлом (55).

- (55) *zärmə zärmän Badma eck-t-än bičəg*
 некоторый иногда Бадма отец-DAT-P.REFL письмо
bič-žā-lä
 писать-PROG-REM
 ‘Иногда Бадма писал отцу письма’.

Для большинства предикатов в зависимости от контекста возможны оба прочтения — и дуративное, и хабитуальное. При этом дефолтной интерпретацией данной формы является дуративная. Исключение составляют пунктивные глаголы, которые имеют только хабитуальную интерпретацию:

- (56) *ömnə en küükə-n sar bolvən zont*
 перед этот девочка-EXT месяц каждый зонт
gee-žā-lä
 терять-PROG-REM
 ‘Раньше эта девочка теряла каждый месяц по зонту’.

Таким образом, форма на *-žā-la* выражает два значения: *дуратива* (‘в некоторый момент ситуация длится’) и *хабитуалиса* (‘ситуация имеет место регулярно’). Если мы вслед за Б. Комри и Дж. Байби рассматриваем имперфектив как форму, объединяющую в себе прогрессивное и хабитуальное значения [Comrie 1976: 25; Bybee et al. 1994: 125–126], то форму на *-žā-la*, имеющую оба этих прочтения, можно назвать имперфективом прошедшего времени.

2.2.3. *Континуатив* — форма на *-a*. Форма на *-a* описывается во всех работах как причастие, то есть форма, которая может возглавлять относительный оборот [Санжеев 1983: 235–236; Ebert 1999: 331]. Однако, как показано в [Крапивина, настоящий сборник], данная форма не употребляется в качестве вершины

относительного оборота и, соответственно, не может считаться причастием. Тем не менее, она, как причастные формы, может сочетаться с бытийной связкой. Так, в прошедшем времени данное причастие употребляется вместе с бытийными связками прошедшего времени *bilä* и *bäüžə*.

Значение данной формы описывается исследователями как континуатив [Bertinetto et al. 2000: 543; Ebert 1999: 331]. Все зафиксированные нами примеры также подтверждают эти данные. Согласно Дж. Байби и ее соавторам, «континуатив» (continuative) — это частный случай «прогрессива», содержащий указание на то, что длящееся действие является «продолжением» ранее совершенного действия [Bybee et al. 1994: 127]. Важно, что ситуация имела место до того момента, о котором идет речь. К. Эберт отмечает, что форма на *-a* чаще всего встречается в контексте с наречием *все еще* (как и в нашем примере (57)), то есть используется при описании ситуации, протекающей во время точки отсчета (reference point) и продолжавшейся некоторое время до этого [Ebert 1999: 331–332].

- (57) *namagə ir-x-tə* *Bajərtə bičg-än*
 я.АСС приходить-РС.FUT-DAT Байрта письмо-Р.REFL
bič-ä bilä
 писать-CONT быть.REM
 ‘Когда я пришел, Байрта все еще писала письма’.

2.2.4. *Бивербальные конструкции.* Имперфективные значения могут также выражаться с помощью бивербальных конструкций (сложных глаголов). Бивербальные конструкции, состоящие из соединительного (имперфективного) деепричастия на *-žə* и вспомогательных глаголов *jav-* ‘идти’ или *bäü-* ‘быть’ несут прогрессивное значение, а конструкции с разделительным деепричастием на *-ad* и вспомогательными глаголами *bäü-* ‘быть’, *kevt-* ‘лежать’, *sui-* ‘сидеть’ имеют как итеративную, так и прогрессивную интерпретации. Значения данных конструкций и степень их грамматикализованности подробно рассматриваются в статье В. Барановой [Баранова, настоящий сборник]. Здесь только отмечу, что данные бивербальные конструкции плохо сочетаются с показателем претерита *-v*. Так, в текстах зафиксировано только два употребления показателя претерита *-v* с вспомогательным глаголом

kevt- 'лежать'. С глаголом *büü-* 'быть' использование его невозможно, а хотя на употребление его с глаголами *jov-* 'идти' и *suu-* 'сидеть' запрета нет, употреблений данных конструкций в форме претерита не зафиксировано.

2.3. Некоторые обобщения

Рассмотренные сочетания показателей прошедшего времени с аспектуальными аффиксами позволяют сделать некоторые выводы об ограничениях использования показателей прошедшего времени. В первую очередь, бросается в глаза тот факт, что все рассмотренные нами формы имперфективной зоны передаются с помощью форм с показателем *-la* (иногда возможно использование показателя *-sən*). Показатель *-v* запрещается в сочетании с показателем прогрессива *-ǰa* и редко используется в конструкциях со сложными глаголами, несущими имперфективное значение. В то же время при выражении перфективных значений (значения комплетива) чаще используются формы с показателем *-v*.

Использование в имперфективной зоне преимущественно показателя *-la*, несущего значение неактуального прошедшего, приводит к тому, что все имперфективные формы оказываются отнесенными в неактуальный временной план. Возможно, этим можно объяснить нежелание носителей калмыцкого языка использовать в повествовании форму на *-ǰa-la* в прогрессивных контекстах. Они предпочитают заменить ее формой прогрессива настоящего времени на *-ǰa-na*, так как такая замена позволяет им избежать нежелательного в данной ситуации указания на неактуальность описываемого события.

3. Выводы

В рамках системы форм прошедшего времени в калмыцком выделяются две подсистемы, противопоставленные по признаку выражения эвиденциальных значений. Формы и конструкции, в состав которых входит показатель *-ǰə*, выражают эвиденциальное значение косвенной засвидетельствованности и противопоставляются формам/конструкциям с другими показателями прошедшего времени, которые эвиденциальных значений не выражают.

Среди форм, нейтральных к выражению эвиденциальных значений, выбор показателя прошедшего времени зависит

от **актуальности** описываемого события на момент речи. Так, все неактуальные значения (хабитуалис, экспериентив, аннулированный результат, предшествование в прошедшем) маркируются с помощью форм, имеющих в своем составе показатель отдаленного прошедшего *-la*, а актуальные события оформляются формами претерита с показателем *-v*.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о композициональности аспектуально-темпоральной системы калмыцкого языка. На первый взгляд кажется, что значение формы или конструкции может быть композиционально выведено из свойств входящих в нее компонентов, тем более что аспектуальные и темпоральные показатели занимают различные позиции в составе словоформ и аналитических конструкций. В синтетической финитной словоформе ближе к корню факультативно располагаются показатели аспекта, за которыми следует обязательный слот для показателей времени. В аналитических конструкциях, состоящих из причастия и бытийной связки, аспектуальная информация выражается в причастии, а временная — в глагольной связке. В бивербальных конструкциях с деепричастиями аспектуальная информация выражается лексемой вершины бивербальной конструкции, а темпоральная — формой времени вершинного глагола.

Однако было обнаружено, что ситуация обстоит несколько сложнее. В процессе грамматической конденсации формируются формы со специфическими некомпозициональными функциями, как, например, форма на *-ǰa-la* (-PROG-REM), которая выражает не только, как ожидалось, значение прогрессива, но и значение хабитуалиса. Некоторые показатели аспекта и времени оказываются несочетаемыми. В первую очередь речь идет о форме претерита на *-v*, не сочетающейся в рамках синтетической формы с показателем прогрессива *-ǰa*, а в рамках аналитической конструкции — с формой хабитуального причастия на *-dæg* и формой континуатива на *-a*. Получается, что использование формы на *-v* невозможно в большинстве имперфективных контекстов. Такой запрет свидетельствует о том, что форма претерита на *-v* несет не только временное, но и аспектуальное значение. То же можно сказать и о форме отдаленного прошедшего на *-la*, которая, в свою очередь, тяготеет к имперфективным контекстам.

Не будем, однако, забывать и об отмеченном нами выше различии между данными формами, состоящем в том, что форма претерита на *-v* используется преимущественно в актуальных контекстах, а форма отдаленного прошедшего на *-la* — в неактуальных. Получается, что имперфективные значения, будучи выражены формой отдаленного прошедшего на *-la*, оказываются отнесенными в неактуальный временной план, а перфективные формы с показателем *-v* — в актуальный. Таким образом, различие между формой на *-v* и формой на *-la* можно провести в двух плоскостях: актуальности/неактуальности и перфективности/имперфективности, хотя второе различие следует рассматривать скорее только как тенденцию.

В калмыцком наблюдается ряд синтетических форм и аналитических конструкций, дублирующих друг друга. Порой выбор формы и конструкции для выражения необходимого аспектуального значения зависит от свойств глагольной лексемы. Так, в случае с комплетивным значением выбор между синтетической формой с аффиксом *-čkə* и бивербальной конструкцией с глаголом *od-* зависит от переходности/непереходности глагольной лексемы.

На данный момент в калмыцком языке наряду со старыми грамматикализованными формами (например, с аффиксами комплетива *-čkə* и прогрессива *-žə*) в систему выражения аспектуальных значений входит множество менее грамматикализованных средств (различные бивербальные конструкции), что и приводит к лексическому распределению и большой вариативности.

Литература

- Баранова В. В. Сложные глаголы в калмыцком языке. Настоящий сборник.
Бобровников А. А. 1849. *Грамматика монгольско-калмыцкого языка*. Казань.
- Выдрина А. В. Употребление показателя пассива в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Дорасва Р. П. 1979. Прошедшее результативное время в современном калмыцком языке // *Актуальные проблемы калмыцкой филологии*. Элиста. С. 141–155.
- Князев М. Ю. Сентенциальные дополнения в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Крапивина К. А. Причастие в роли сказуемого относительного оборота в калмыцком языке. Настоящий сборник.

- Козинцева Н. А. 1994. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // *Вопросы языкознания*, 3. С. 92–104.
- Майсак Т. А., Татевосов С. Г. 2000. Пространство говорящего в категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о себе самом // *Вопросы языкознания*, 5. С. 68–80.
- Овсянникова М. А. Акциональные классы глаголов калмыцкого языка. Настоящий сборник.
- Очиров У. У. 1964. *Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис*. Элиста: Калмгосиздат.
- Плунгян В. А. 2000. *Общая морфология*. М.: Эдиториал УРСС.
- Плунгян В. А. 2001. Антирезультатив: до и после результата // Плунгян В. А. (ред.). *Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории*. М.: Русские словари. С. 50–88.
- Санжеев Г. Д. 1963. *Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол*. М.: Издательство восточной литературы.
- Санжеев Г. Д. (ред.). 1983. *Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Сичинава Д. В. 2001. Плюсquamперфект и ретроспективный сдвиг в языке сантали // Плунгян В. А. (ред.). *Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории*. М.: Русские словари.
- Храковский В. С. (ред.). 1989. *Типология итеративных конструкций*. Л.: Наука.
- Шлуинский А. Б. 2005. *Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения*. Диссертация ... канд. филол. наук. М.
- Aikhenvald A. 2004. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press.
- Bertinetto P. M., Ebert K. H., de Groot C. 2000. The progressive in Europe // Dahl Ö. (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe. Empirical Approaches to Language Typology, EUROTYPE 20–6*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. P. 517–559.
- Bläsing U. 2003. Kalmuck // Janhunen J. (ed.). *The Mongolic languages*. London: Routledge. P. 229–248.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. 1994. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Comrie B. 1976. *Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dahl Ö. 1985. *Tense and Aspect Systems*. Oxford.
- DeLancey S. 1997. Mirativity: the grammatical marking of unexpected information // *Linguistic Typology*, 1. No. 1. P. 33–52.

- Ebert K. H. 1999. Degrees of focality in Kalmyk imperfectives // Abraham W., Kulikov L. I. (eds.). *Tense-aspect, transitivity and causativity: Essays in honour of Vladimir P. Nedjalkov*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. P. 323–339.
- Johanson L. 2003. Evidentiality in Turkic // Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). *Studies in Evidentiality*. Amsterdam: John Benjamins. P. 273–290.
- Poppe N. 1955/1987 *Introduction to Mongolian Comparative Studies*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura.
- Willett T. 1988. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // *Studies in Language*, 12. No. 1. P. 51–97.

**КАЛМЫЦКИЕ ФОРМЫ КОСВЕННЫХ НАКЛОНЕНИЙ:
СЕМАНТИКА, МОРФОЛОГИЯ, СИНТАКСИС¹**

1. Введение

Для калмыцкого языка, как и других языков монгольской группы (ср. [Janhunep 2003]), характерна богатая система глагольных форм, выражающих различные виды императивных и смежных с ними значений. В грамматических описаниях калмыцкого языка число упоминаемых форм косвенных наклонений и их наименование разнится. В Таблице 1 приведены списки форм и их обозначения, взятые из двух источников — [Санжеев 1983] и [Bläsing 2003], а также термины, принятые в настоящем издании.

В исследованном в ходе полевых экспедиций дюрвюдском диалекте калмыцкого языка не все из перечисленных форм характеризуются высокой частотностью. Так, формы 2, 4, 5 и 11 представлены одним-двумя надежными примерами в собранных материалах, а форма 10 вообще отсутствует. По-видимому, в современном разговорном языке эти формы малоупотребительны, а их присутствие в грамматических описаниях объясняется тем, что последние опираются в большой мере на язык фольклорных и литературных текстов.

Остальные представленные в Таблице 1 формы характеризуются относительно высокой частотностью в том варианте калмыцкого языка, который изучался в полевых условиях.

¹ Данное исследование осуществлялось при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий». Я благодарен С. С. Саю, А. П. Выдрину и Ю. Л. Кузнецовой, прочитавшим первую версию этой статьи и высказавшим ценные замечания, способствовавшие ее улучшению. Ответственность за ошибки и недостатки лежит только на совести автора.

Таблица 1. Калмыцкие формы императивной зоны

№	показатель	настоящий сборник	Санжеев 1983	Bläsing 2003
1	-∅	(простой) императив	«исходная форма повелительного наклонения»	(simple) imperative
2	-i		«просительная форма повелительного наклонения»	precative
3	-ij	гортатив	«желательное наклонение на -ий ² , -ия»	voluntative
4	-s		«желательное наклонение на -с, су (-сү)»	optative
5	-sA ³		«желательное наклонение первого лица»	expanded optative
6	-təп	императив мн. числа	«мн. число повелительного наклонения», «форма вежливого обращения»	benedictive
7	-txA	юссив-1	«желательное наклонение на -txa (-txə)»	concessive
8	-g	юссив-2	«желательное наклонение на -z»	permissive
9	-vzA	апрехенсив	«предостерегательное наклонение»	dubitative
10	-mzA		—	potential
11	-xn ⁴		«просительная форма повелительного наклонения»	—

² В [Санжеев 1983] используется современная калмыцкая орфография. Соответствия орфографических знаков знакам, принятым в настоящем сборнике, следующие: а — a, э — ä, г — g, и — i, й — j, с — s, т — t, у — u, ү — ü, х — x, я — ja.

³ Запись с заглавными буквами означает наличие у данного суффикса двух сингармонических вариантов: -sa/-sä, -txa/-txä и т. д.

⁴ В настоящем сборнике для этой морфемы используется термин «подтвердительная частица». См. список сокращений.

Описанию морфологии, синтаксиса и семантики этих форм и посвящена настоящая работа. Раздел 2 посвящен рассмотрению морфологии форм императивной зоны. В разделах 3.2 и 3.3 рассматривается семантика каждой из приведенных форм в рамках представленной в разделе 3.1 терминологической системы. В разделе 4 рассматриваются особенности употребления форм зоны императива в зависимой предикации. Основные выводы формулируются в разделе 5.

2. Морфология форм косвенных наклонений

Формы косвенных наклонений имеют ряд морфологических особенностей, отличающих их от прочих финитных форм.

2.1. *Позиция суффиксов косвенных наклонений в глагольной словоформе*

Суффиксы⁵ косвенных наклонений присоединяются к основе глагола подобно суффиксам, выражающим темпоральные значения, и не сочетаются с последними. Аспектуальные суффиксы, такие как суффикс прогрессива *-жа-* и суффикс комплетива *-ска-*, могут предшествовать императивным суффиксам в составе глагольной словоформы. Подробнее о порядковой модели суффиксов глагольной словоформы см. [Сай, настоящий сборник, в].

2.2. *Выражение лично-числовой семантики*

В отличие от прочих финитных форм, большинство форм косвенных наклонений не способно присоединять согласовательные лично-числовые показатели («лично-предикативные частицы» в терминологии [Санжеев 1983]). Исключением является форма априхенсива, которая свободно сочетается с согласовательными показателями, как в примере (2) (ср. с употреблением того же

⁵ Форма простого императива представляет собой основу глагола без выраженного императивного показателя. В примерах для таких форм постулируется нулевой аффикс *-∅*, который глоссируется как императивная морфема (например, *сиди-∅* 'сидеть-ИМП'). Сказанное относительно других императивных суффиксов верно и для суффикса простого императива, с поправкой на отсутствие у последнего фонетической формы.

согласовательного показателя в составе финитной формы отдаленного прошедшего времени в примере (1)):

- (1) *či kiilg-igə il-n bää-ž*
 ты.NOM рубашка-ACC гладить-CV.MOD быть-CV.IPFV
duul-la-č
 петь-REM-2SG
 ‘Ты напевала, глядя рубашку’.

- (2) *töör-čə odə-vza-č*
 заблудиться-CV.IPFV уходить-APPR-2SG
 ‘Как бы ты не заблудился’.

2.3. Выражение отрицания

Еще одним отличием косвенных наклонений от прочих финитных форм является особая конструкция, используемая при отрицании.

Строго говоря, индикативные финитные формы по большей части не сочетаются с показателями отрицания. При необходимости выразить соответствующую семантику финитные формы «заменяются» причастиями, за которыми следует показатель отрицания, для большинства форм — отрицательная связка *uga*, ср. (3) и (4). Существует также грамматикализованная форма этого показателя *-go*, которая присоединяется к причастной форме в качестве суффикса (5). Подробнее о глагольном отрицании см. [Сай, настоящий сборник, b].

- (3) *malčə ükr-t-än odə-v*
 пастух корова-DAT-P.REFL уходить-PST
 ‘Пастух пошел к своей корове’.
- (4) *malčə ükr-t-än od-sən uga*
 пастух корова-DAT-P.REFL уходить-PC.PST NEG.COP
 ‘Пастух не пошел к своей корове’.
- (5) *malčə ükr-t-än od-sən-go*
 пастух корова-DAT-P.REFL уходить-PC.PST-NEG.COP
 ‘Пастух не пошел к своей корове’.

В примере (3) глагол выступает в форме претерита на *-v*. При отрицании в примере (4) на его месте появляется причастие прошедшего времени на *-sən*, за которым следует отрицательная

связка *uga*. В (5) тот же показатель присоединяется к причастию в своей суффиксальной форме *-go*.

В отличие от этих форм большинство косвенных наклонений отрицаются при помощи особой препозитивной частицы (показателя прохибитива) *bičä*, используемой только для императивного отрицания:

(6) *ter kiiü-n-də bičä itk-tən*
тот человек-EXT-DAT NEG.IMP верить-IMP.PL
'Не верьте ему!'

(7) *namagə eškə-m bičä üz-txä*
я.ACC отец-P.1SG NEG.IMP видеть-JUSS1
'Лишь бы отец меня не увидел!'

Так же, как и в случае с присоединением согласовательных показателей, при отрицании апрехенсив демонстрирует отличие от прочих форм косвенных наклонений, причем в данном случае морфология апрехенсива больше напоминает морфологию причастий. Подобно последним, он присоединяет суффиксальную форму показателя отрицания *-go*.

(8) *bidən endə üld-xə*
мы здесь оставаться-PC.FUT
bol-vz-go-vidn
становиться-APPR-NEG.COP-1PL
'Может нам лучше остаться здесь?'

2.4. Промежуточные выводы

Как следует из сказанного выше, в целом формы косвенных наклонений в калмыцком языке характеризуются двумя морфологическими свойствами, отличающими их от прочих финитных форм. Это 1) неспособность присоединять показатели согласования и 2) использование особой конструкции отрицания с показателем прохибитива *bičä*. Форма апрехенсива отличается от прочих рассматриваемых форм своей способностью присоединять показатели согласования, что сближает ее с индикативными финитными формами, и использованием суффиксального отрицания, что сближает ее с причастиями.

Как представляется, указанные морфологические особенности императивов во многом мотивируются их грамматической семантикой, рассмотрению которой посвящен следующий раздел.

3. Семантика форм косвенных наклонений

3.1. Семантическая зона императива

Перед тем, как приступить к описанию семантики калмыцких форм косвенных наклонений и их основных употреблений, обозначим термины, которые нам понадобятся. Поскольку все обсуждаемые формы так или иначе связаны с выражением различных императивных и смежных с ними значений, в центре внимания раздела 3.1 находится семантическая зона императива.

3.1.1. *Каузация фактом высказывания*. Несмотря на разнообразие подходов к императиву в лингвистической литературе (ср. [Храковский, Володин 1986; Bybee et al. 1994; Palmer 1986]), все определения императива так или иначе включают в себя указание на одну важнейшую особенность императивной семантики — компонент **иллокутивной каузации**⁶. Императивное высказывание — это попытка говорящего «самим фактом высказывания <...> каузировать совершение некоторого действия» [Гусев 2005: 16] (курсив мой. — К. П.).

Поскольку каузация фактом высказывания может пониматься как частный вид каузации вообще, для описания семантики императивных форм часто удобными оказываются термины, используемые при описании семантики каузативных конструкций.

Так, для описания семантики императивов существенно различие **фактитивной** и **пермиссивной** каузации. Это различие соответствует, в частности, употреблением императивов для выражения приказов и просьб, с одной стороны, (фактитив) и разрешений и советов, с другой, (пермиссив), см. [Гусев 2005: 18–19].

Степень **контроля** говорящего над каузируемой ситуацией также играет важную роль. Так, более низкой и более высокой степени контроля со стороны говорящего соответствуют значения приказа и просьбы. Предельно низкому, по существу нулевому, значению контроля говорящего над каузируемой ситуацией соответствуют

⁶ Ср. анализ различных подходов к определению императива в работе [Гусев 2005: 14–16].

оптативные значения и соответствующие им употребления императивных или специализированных оптативных форм (см. [Добрушина 2001]). Примером подобных значений, наиболее важным в нашем случае, могут служить проклятия и благопожелания, к более детальному рассмотрению которых мы обратимся при обсуждении калмыцких форм, используемых для их выражения.

Нам также понадобится вводимое в работе [Гусев 2005] противопоставление **прямой** (непосредственной) и **опосредованной** каузации.

В случае, когда одно событие (P_1) служит непосредственной причиной второго (P_2), мы будем говорить о прямой каузации. Если же событие P_1 каузирует некоторое другое событие P_3 , которое в свою очередь каузирует P_2 , мы будем говорить, что P_1 каузирует P_2 опосредованно [Гусев 2005: 18].

Для иллюстрации этого различия применительно к каузации фактом высказывания рассмотрим русские примеры (9) и (10).

(9) *Помоги мне!*

(10) *Пусть он тебе поможет!*

В (9) (прямая каузация) говорящий каузирует актом высказывания адресата (P_1) совершить действие, обозначенное глаголом (P_2), в данном случае — помочь говорящему. В (10) (опосредованная каузация) говорящий каузирует (просит) адресата (P_1), чтобы тот каузировал третье лицо (P_3) выполнить действие, обозначенное глаголом (P_2), в одной из возможных интерпретаций — не препятствовал желанию последнего помочь.

Наконец по аналогии с термином «каузативное событие» мы будем говорить об **императивном событии**, в котором будем выделять более мелкие (**под-)события**. Так, мы будем говорить, что в примере (9) выражено императивное событие, состоящее из двух подсобытий P_1 и P_2 и т. д.

В связи с этим отметим одно важное свойство, характеризующее императивные конструкции в целом. В них при помощи глагольной лексемы всегда выражается только последнее каузируемое подсобытие и только его участники выражаются лексемами, выступающими в качестве глагольных зависимых. К каузирующему подсобытию (или цепочке событий) отсылает императивный

показатель или конструкция, но ни само событие, ни его участники лексически не выражены.

Так, в примере (10) из трех подсобытий лексически выражается только P_2 . В (10) представлены все участники этого события (*он, ты*), а искомое действие обозначено глаголом (*поможет*). На наличие предшествующей цепочки каузирующих событий указывает частица *пусть* и соответствующая форма глагола, однако ни один из двух каузирующих участников этой цепочки событий (говорящий в P_1 , адресат в P_3), как и сам факт каузации, лексически не выражены.

3.1.2. Лицо исполнителя и структура каузации. Для описания каузации фактом высказывания частично применимо понятие **ролевой структуры**. При описании семантики императивных форм в соответствии с делением на прямую и опосредованную каузацию в общем случае необходимо различать три роли: **каузатор**, **посредник** и **исполнитель**. Каузатор осуществляет иллюкутивную каузацию (событие P_1). Исполнителем называется участник, который (по замыслу каузатора) будет исполнять действие P_2 . Наконец, в случае опосредованной каузации некоторый участник выступает посредником между каузатором и исполнителем, выполняя промежуточное действие (P_3).

Важнейшей особенностью императивной семантики является строгое **референциальное ограничение** для участников с ролями каузатора и посредника. Каузатором всегда является говорящий (адресант высказывания), а посредником — адресат высказывания. Очевидно, по этой причине в литературе по императиву обычно используется система, состоящая из говорящего, адресата и исполнителя (ср. [Храковский, Володин 1986; Гусев 2005]). С нашей точки зрения, такая система не совсем удачна, так как создает ряд терминологических неудобств, связанных с неразграничением ролевого (каузатор, посредник, исполнитель) и коммуникативного (говорящий, адресат, третьи лица) уровней. Поэтому в дальнейшем мы будем использовать термины каузатор, посредник и исполнитель.

На участника с ролью исполнителя в императиве не налагается столь строгих ограничений. Однако важным является то, каким образом участник с этой ролью определяется по отношению

к участникам речевого акта⁷. От этого зависит не только собственно то, кто будет исполнять искомое действие, но и сама структура каузации.

Чтобы проиллюстрировать это утверждение, вернемся к примерам (9) и (10). В случае, когда исполнителем является адресат (9), мы имеем дело с прямой каузацией. Если же в качестве исполнителя выбрано третье лицо, каузация чаще всего осуществляется опосредованно, через адресата, выступающего в роли посредника, как в примере (10).

Именно различия в структуре каузации, связанные с лицом (и числом) исполнителя, чаще всего кодируются в языках мира при помощи специализированных императивных показателей. Как мы увидим ниже, калмыцкий язык не является в этом смысле исключением.

3.2. Семантика форм косвенных наклонений в калмыцком языке

3.2.1. Императивная парадигма. Система калмыцких форм косвенных наклонений ориентирована главным образом на кодирование различных структур каузации и характеризуется четким разграничением лично-числовых значений. В этом смысле формы апрехенсива выделяются на фоне остальных полным отсутствием спецификации относительно лица и числа исполнителя. Напомним, что у этих форм спецификация осуществляется только за счет присоединения согласовательных показателей. Исходя из этих соображений, семантика форм апрехенсива рассматривается отдельно в разделе 3.2.6, после рассмотрения всех остальных форм.

Если взять за основу лицо и число исполнителя в употреблении некоторой формы в независимом предложении, система

⁷ Здесь мы придерживаемся широкой трактовки императива, представленной среди прочего в [Храковский, Володин 1986] и [Гусев 2005], согласно которой к числу императивных могут быть отнесены конструкции, подразумевающие исполнителя не только второго, но и третьего и даже первого лица. Существует и другая точка зрения, согласно которой собственно императивными являются только значения, в которых по крайней мере одним из исполнителей является адресат высказывания. Эта точка зрения представлена в частности в «Курсе общей морфологии» И. А. Мельчука [Мельчук 1998].

калмыцких форм косвенных наклонений (не включая формы аппрехенсива) может быть представлена следующим образом.

Таблица 2. Калмыцкие формы косвенных наклонений, обладающие специфицированными лично-числовыми значениями

2SG	– (простой) императив (- \emptyset)
2PL	– императив множественного числа (- <i>tən</i>)
1PL (инклюзив)	– гортатив (- <i>ij</i>)
3SG / PL	– юссив-1 (- <i>txa</i>)
3SG / PL	– юссив-2 (- <i>g</i>)

Как видно из Таблицы 2, нарушение четкой спецификации относительно лица и числа исполнителя наблюдается только в случае двух юссивов. Во-первых, и первый, и второй юссивы могут употребляться как для единственного, так и для множественного исполнителей. Во-вторых, обе формы равно употребимы в значении каузации третьего лица/лиц.

Заметим, впрочем, что неразличение единственного и множественного чисел в третьем лице имеет место не только в системе косвенных наклонений. Действительно, в системе согласовательных показателей различение форм 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. также отсутствует: формы третьего лица вне зависимости от значения числа не присоединяют лично-числовых показателей (или, если угодно, маркируются нулевой морфемой), ср. (11)–(12):

- (11) *öri-n bolʒən Boris škol-də jov-na*
 утро-EXT каждый Борис школа-DAT ходить-PRS
 ‘Каждое утро Борис ходит в школу’.
- (12) *öri-n bolʒən surʒulʹč-nər škol-də jov-na*
 утро-EXT каждый ученик-PL школа-DAT ходить-PRS
 ‘Каждое утро ученики ходят в школу’.

Как видно из приведенных примеров, одна и та же глагольная форма (*jov-na*) используется как при подлежащем единственного (‘Борис’), так и множественного (‘ученики’) числа.

Иными словами, можно утверждать, что отсутствие специализированных форм для единственного и множественного числа в третьем лице не может служить аргументом против сделанного

выше утверждения об общей тенденции к четкому различению лично-числовых значений императива в калмыцком языке.

Основываясь на этом утверждении, а также на описанных в разделе 2 общих дистрибутивных свойствах показателей косвенных наклонений, мы предлагаем считать, что представленные в Таблице 2 формы образуют особую **императивную парадигму**⁸.

Перейдем теперь к непосредственному рассмотрению семантики форм косвенных наклонений.

3.2.2. *Простой императив*. Форма простого императива, как и во многих языках мира (см. [Гусев 2005: 187–188]), представляет собой чистую глагольную основу без выраженных морфологических показателей.

С точки зрения структуры каузации эта форма выражает прямую каузацию говорящим адресата, который является исполнителем действия, обозначенного глаголом:

(13) *usə av-čə irə-Ø!*
 вода брать-CV.IPFV приходить-IMP
 ‘Принеси воды!’

(14) *šulukar širä dər degtr-än tävə-Ø!*
 быстро стол поверхность книга-P.REFL класть-IMP
 ‘Немедленно положи книгу на стол’.

Форма может использоваться как для категорического (14), так и для некатегорического, более «мягкого» повеления, ср. (15), где та же форма употребляется в качестве приглашения:

(15) *Boris, mana tal cä uu-xar irə-Ø*
 Борис мы.GEN сторона чай пить-CV.PURP иди-IMP
 ‘Борис, приходи к нам пить чай’.

⁸ Такое решение находится в некотором противоречии с принятыми в данном сборнике обозначениями этих форм. Очевидно, более последовательным было бы обозначение с указанием общей категории (императива) и конкретного лично-числового значения (2SG, 1PL и т. д.). Однако поскольку для обозначения форм, подразумевающих исполнителя третьего лица, используются цифровые индексы, был сделан выбор в пользу принятых здесь ярлыков, во избежание громоздкости формулировок («императив третьего лица -1», вместо «юссив-1»).

Отметим, однако, что при вежливом обращении к лицу с более высоким социальным статусом, чем говорящий, (например, к старшему по возрасту человеку) используется форма императива множественного числа (см. следующий раздел).

3.2.3. *Императив множественно числа.* Форма императива множественного числа образуется присоединением к основе глагола суффикса *-tən*⁹. Ср. (16):

- (16) *terz-än* *xaa-tən*
 окно-P.REFL закрывать-IMP.PL
 ‘Закройте окна!’

С точки зрения структуры каузации эта форма может иметь два возможных прочтения. В первом из них говорящий каузирует нескольких адресатов напрямую выполнить действие, обозначенное глаголом. Во втором возможном прочтении говорящий каузирует одного или нескольких адресатов выполнить действие, обозначенное глаголом, совместно с каким-то лицом или группой лиц, в число которых не входит сам говорящий. В этом случае адресат является не только исполнителем, так как сам непосредственно будет участвовать в осуществлении действия, обозначенного глаголом, (как в первом прочтении), но и посредником, поскольку будет побуждать других лиц исполнить предполагаемое действие.

Рассмотрим для примера следующее предложение:

- (17) *kezä* *nan-ur* *ir-x-än* *хоорнд-ан*
 когда я-DIR приходит-PC.FUT-P.REFL между-P.REFL
küüində-tən
 разговаривать-IMP.PL
 ‘Договоритесь между собой, когда вы придете ко мне’.

У этого предложения, как и у его русского перевода, имеется две возможные интерпретации, подразумевающие две различные коммуникативные ситуации. В первой из них побуждение договориться между собой о том, на какое время запланировать визит к говорящему, адресуется непосредственно двум или

⁹ Формально этот суффикс идентичен possessивному показателю 2 л. мн. ч., который, помимо прочего, маркирует лицо и число субъекта на причастной форме глагола в некоторых типах зависимых клауз, см. [Сай, настоящий сборник, b].

более адресатам. Здесь подразумевается, что все предполагаемые исполнители присутствуют при произнесении высказывания. Вторая возможная интерпретация подразумевает ситуацию, при которой не все, а лишь некоторые из предполагаемых исполнителей присутствуют при произнесении высказывания говорящим. Например, это высказывание может быть адресовано к одному из тех лиц, которые должны прийти к говорящему и с которыми для этого необходимо договориться о времени визита.

Несмотря на то, что различие двух описанных интерпретаций включает в себя важное для императивной семантики в целом противопоставление прямой и опосредованной каузации, в калмыцком языке (как и во многих других языках, см. [Гусев 2005: 42–43]) не существует специальных грамматических средств для раздельного кодирования этих значений.

Как уже отмечалось выше, форма императива мн. ч. используется при вежливом обращении к единственному собеседнику:

- (18) *ter gergə-n-də kel-žü-nä: «kastrül*
 тот женщина-EXT-DAT говорить-PROG-PRS кастрюля
nan-də ögə-tən, bi max-an čan-xar»
 я-DAT дать-IMP.PL я.NOM мясо-P.REFL варить-CV.PURP
 '(Старуха) говорит этой женщине: «дайте мне кастрюлю,
 я хочу мясо сварить»' (11_лоратка.26).

С точки зрения структуры каузации, здесь форма императива мн. ч. выступает в той же функции, что и форма простого императива единственного числа, обозначая прямую каузацию говорящим единственного адресата.

Следует отметить, что в калмыцком языке употребление форм второго лица множественного числа по отношению к единственному адресату не ограничивается императивом. Индикативные глагольные формы и местоимения второго лица мн. ч. также употребляются по отношению к единственному адресату, маркируя уважительный регистр речи говорящего, как в следующем текстовом примере:

- (19) *Gerəl udan uxal-l-go-n*
 Герл долго думать-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD
kel-žä-nü: «tadən nan-də kürgə-n
 говорить-PROG-PRS вы я-DAT жених-EXT
bišə-t, bi tadən-ta bäi-ž
 NEG.PRS-2PL я.NOM вы-ASSOC быть-CV.IPFV
čad-xə-šə-v»
 мочь-PC.FUT-NEG.PRS-1SG
 ‘Герл, недолго думая, говорит: «Вы мне не жених, я с Вами жить не могу»’ (16_devushka_i_solnce.9).

Как видно, в примере (19) при передаче речи Герл, обращенной к ее потенциальному жениху, используется личное местоимение 2 л. мн. ч. *tadən* (*tadən-ta* с показателем ассоциатива во втором случае), а отрицательная связка настоящего времени *bišə* присоединяет показатель 2 л. мн. ч. *-t*, согласуясь с субъектным местоимением.

Важной особенностью форм императива мн. ч. является возможность их употребления в контекстах благопожеланий и проклятий¹⁰. Ср. (20) и (21).

- (20) *toxm-arn ük-tən*
 порода-INS.P.REFL умереть-IMP.PL
 ‘Умрите всем родом!’
- (21) *bajn bol-tən*
 богатый становится-IMP.PL
 ‘Пусть вы будете богаты!’ (букв.: ‘богатыми будьте’).

Семантику проклятий и благопожеланий от собственно императивной семантики отличает принципиальная неконтролируемость искомой ситуации со стороны кого-либо из участников (см. подробнее [Добрушина 2001]). Так, в (20), где показатель императива множественного числа присоединяется к пациентивному глаголу *ük-* ‘умереть’, неконтролируемость действия задана самой семантикой глагола. Искомое состояние в (21) (богатство) также находится вне сферы контроля говорящего и адресата. Этот последний пример, как и его русский перевод, не является призывом

¹⁰ Вероятно, именно этой особенностью употребления калмыцкого императива мн. ч., а также родственных форм в других монгольских языках продиктован выбор термина «benedictive» в [Bläsing 2003].

к адресату совершить некоторое действие, которое привело бы его к богатству (в такой интерпретации адресат контролировал бы осуществление искомой ситуации). В указанном примере выражается пожелание, чтобы осуществилась **сама ситуация**, в которой адресат является богатым¹¹. Интересно, что в семантическом представлении этого императивного события фактически отсутствует участник с ролью исполнителя.

Важно отметить, что, несмотря на отсутствие контроля со стороны говорящего (и в некоторых случаях указания на исполнителя), проклятия и благопожелания содержат общий с императивными высказываниями компонент иллокутивной каузации.

Употребление форм императива в проклятиях и благопожеланиях часто встречается в языках мира (ср., например, русское *Будь здоров!*). При этом часто в подобных употреблениях может наблюдаться изменение лично-числовой семантики императивной формы, как в русском *Разрази тебя гром!*, где форма императива, в обычных употреблениях подразумевающая исключительно исполнителя 2-го лица, употреблена по отношению к исполнителю 3-го лица (*гром*).

Однако употребление калмыцких форм императива мн. ч. невозможно с какими-либо другими лицами, кроме второго. В проклятиях и благопожеланиях с указанием на исполнителя третьего лица используются формы юссива-1 и юссива-2 (см. о них раздел 3.2.5).

3.2.4. *Гортатив*. Побуждение, обращенное к адресату, выполнить **совместное** действие, обозначенное глаголом, маркируется показателем *-(i)j*:

- (22) *ger-t-än* *jov-ij*
дом-DAT-P.REFL ходить-NORT
'Пойдем домой!'

С точки зрения структуры каузации, здесь говорящий не только является каузатором, но и входит в число исполнителей искомого действия. Однако, являясь одним из исполнителей, сам говорящий не входит в «сферу действия» каузации, которая целиком

¹¹ Возможно, более полно (21) можно было бы перевести как «(пусть ситуация сложится так, что) вы будете богаты».

и полностью направлена непосредственно на адресата. Готовность говорящего исполнить искомое действие относится к presupпозиции высказывания, содержащего форму гортатива.

В отношении реализации семантики 1 л. мн. ч. формы гортатива в калмыцком языке имеют предпочтительно инклюзивную интерпретацию, как видно по примерам (23) и (24):

(23) *Sanžə nam tal jov-ij*
 Санжи я сторона идти-HORT
 ‘Санжи, давай пойдём ко мне’.

(24) *ʔmadn ger-t-än jov-ij, či endə*
 мы дом-DAT-P.REFL идти-HORT ты.NOM здесь
üldə-Ø
 оставаться-IMP
 ‘Давай мы пойдём домой, а ты оставайся здесь!’

Предложения типа (24), где эксплицитно задан эксклюзивный контекст, т. е. адресат исключен из числа исполнителей, являются неприемлемыми для большинства носителей.

3.2.5. *Юссив-1 и юссив-2.* В калмыцком языке существует две формы для выражения иллокутивной каузации исполнителя третьего лица. Это форма на *-txal/-txä*, обозначаемая в настоящем сборнике как юссив-1, и форма на *-g* (юссив-2).

Для начала отметим, что императивные парадигмы, в которых существуют две специализированные формы для обозначения каузации исполнителя третьего лица, судя по всему, представляют собой довольно экзотический тип и редко встречаются в языках мира. Так, в исследовании [Гусев 2005], базирующемся на выборке из 200 языков, наличие подобных парадигм не упоминается. Наличие двух юссивных форм позволяет предположить, что в калмыцком языке значения семантической зоны юссива, выражающиеся в других языках при помощи одной формы или конструкции, некоторым образом распределены между двумя формами.

В плане структуры каузации здесь возможно выделить следующие две группы значений. Согласно принятой в типологической литературе точке зрения, в прототипическом случае каузация исполнителя третьего лица представляет собой каузацию **опосредованного** типа.

Формы или конструкции типа *Пусть X P* означают: 'Говорящий фактом своего высказывания пытается каузировать совершение некоторого действия P_{aux} , которое в свою очередь каузирует совершением (sic!) X-ом искомого действия' [Гусев 2005: 43].

Такой тип каузации предполагает как минимум трех участников с ролями **каузатора** (говорящий), **посредника** (адресат) и **исполнителя** (в данном случае третье лицо или лица)¹².

Однако наряду с опосредованной каузацией возможна и **непосредственная**, прямая каузация исполнителя 3-го лица. Для выражения этого значения также часто используются специализированные формы императива или императивные конструкции (в том числе и формы конструкции, используемые для выражения опосредованной каузации). Так, в русском языке одна и та же конструкция с частицей *пусть* может быть использована для выражения как опосредованной, так и прямой каузации, ср. (25) и (26):

(25) *Пусть твой сын принесет воды!*

(26) *Пусть всегда будет солнце!*

По-видимому, наиболее адекватной интерпретацией (25) является следующая: говорящий каузирует адресата каузировать (попросить / заставить / не препятствовать желанию) сына принести воды. Иными словами, здесь мы имеем дело с опосредованной каузацией.

Однако такая интерпретация едва ли допустима в (26). Ни говорящий, ни предполагаемый адресат, скорее всего, не могут повлиять на осуществление искомой ситуации (*всегда будет солнце*). Несмотря на это, говорящий так же, как и в (25), делает попытку каузировать фактом высказывания участника третьего лица (*солнце*) быть, но в этом высказывании уже не содержится призыва к адресату стать посредником в каузации искомой ситуации¹³. Таким образом, можно заключить, что каузация в (26) осуществляется непосредственно.

¹² В представленном выше определении из [Гусев 2005] посредник соответствует участнику, отвечающему за выполнение промежуточного действия (P_{aux}), а исполнитель соответствует X.

¹³ По-видимому, высказывания типа (26) представляют собой особый тип директивных речевых актов, близких по той роли, которая в них отводится адресату, к перформативам. Как и в последних, здесь

Важно подчеркнуть, что **контроль** со стороны участников речевого акта и **тип каузации** участника третьего лица непосредственно связаны между собой. Необходимым условием осуществления опосредованной каузации является наличие у адресата контроля над исполнением искомой ситуации, что, в свою очередь, чаще всего предполагает и наличие контроля со стороны говорящего, поскольку у последнего есть возможность повлиять на осуществление ситуации через адресата. В случае, если адресат не контролирует осуществление искомого действия, возможна только прямая каузация самим фактом высказывания, которая осуществляется, как бы минуя адресата.

Рассмотрение употреблений двух калмыцких юссивов позволяет предположить, что их противопоставление (по крайней мере, отчасти) связано с противопоставлением двух описанных выше значений.

В контекстах, эксплицитно задающих опосредованный характер каузации, типично употребление юссива-2, как в примерах (27) и (28):

(27) *дорва-ван бицä кар-т-ан бär-Ø*
 торба-P.REFL NEG.IMP рука-DAT-P.REFL держать-IMP
тер эндә кевтә-г
 тот здесь лежать-JUSS2
 ‘Не держи торбу в руках, пусть полежит здесь’.

(28) *Саган, кiiik-än бицä гер-т-än*
 Цаган дочь-P.REFL NEG.IMP дом-DAT-P.REFL
бär-Ø, тер клуб-тә jovә-г
 держать-IMP тот клуб-DAT ходить-JUSS2
 ‘Цаган, не держи дочь дома, пусть она сходит в клуб!’

В двух приведенных выше примерах опосредованный характер конечной каузации (*пусть полежит здесь, пусть сходит на танцы*) задается в первой части этих высказываний (*не держи сумку в руках, не держи дочь дома*), в которой сообщается о том, какое именно промежуточное действие необходимо выполнить адресату для того, чтобы осуществилось конечное каузируемое событие.

адресат лишь ставится перед фактом изменения мира, произведенного говорящим посредством самого высказывания.

Употребление юссива-1 также возможно в подобных контекстах. Однако в большинстве случаев юссив-2 оказывался предпочтительней.

Естественным образом возникающее предположение о том, что основная функция юссива-2 — это кодирование опосредованной каузации, подтверждается, если применить следующий тест. Имея в виду тот факт, что при опосредованной каузации в роли посредника выступает именно адресат, можно предположить, что высказывания, опосредованно каузирующие ситуации, в которых адресат является объектом действия, приносящего ему вред, будут выглядеть прагматически странно. Так, интерпретация, предполагающая опосредованную каузацию, затруднительна для предложения *Пусть тебя укусит собака*: при такой интерпретации получалось бы, что адресату предлагается «поучаствовать» в собственном искушении. Однако та же фраза вполне допустима в прямой интерпретации (например, в качестве своего рода проклятия), при которой от адресата не требуется участия в осуществлении искомого действия.

Применив этот тест к калмыцким юссивам, мы обнаружим, что в контекстах, которые по своей прагматике задают значение прямой каузации, употребление юссива-2, в отличие от юссива-1, затруднительно:

(29) *ĉatagə noxa zuu-txa*
ты.АСС собака кусать-JUSS1
'Чтоб тебя собака укусила!'

(30) **ĉatagə noxa zuu-g*
ты.АСС собака кусать-JUSS2
'Чтоб тебя собака укусила!'

Последнее высказывание оказывается возможным лишь в особом контексте, задающем опосредованный характер каузации. Так, согласно одному из информантов, это высказывание может быть произнесено, например, матерью, которая, пытаясь напугать своего ребенка, чтобы тот не уходил далеко от дома, говорит: «Иди, иди. Пусть тебя собака укусит».

Обратимся теперь к наиболее типичным употреблением юссива-1. Эта форма наиболее часто встречается в контекстах, акцентирующих

прямой (непосредственный) характер каузации, как в следующем текстовом примере:

- (31) *sar narə-n bol-ad buu-ʋad*
 луна солнце-EXT становится-CV.ANT спускаться-CV.ANT
büi-txä
 быть-JUSS1
 ‘Чтоб солнце и месяц вставали и опускались’
 (18_blagopozhelanie.26).

В этом примере исполнителями являются участники (*солнце, луна*), принципиально недоступные для контроля ни со стороны говорящего, ни со стороны адресата высказывания, и каузация осуществляется непосредственно.

Употребление первого юссива типично для проклятий и благопожеланий, в частности, обращенных на адресата. Как отмечалось выше, в этих контекстах прямая каузация является единственной прагматически приемлемой интерпретацией:

- (32) *čatagə noxa id-txä*
 ты.ACC собака есть-JUSS1
 ‘Чтоб тебя собаки съели!’
- (33) *cug tādŋ-də sän bol-txa*
 весь вы-DAT хорошо становится-JUSS1
 ‘Пусть все у вас будет хорошо!’.

Кроме того, форма первого юссива часто встречается в формулах вежливости типа (34)–(35), которые по своему происхождению, судя по всему, являются лексикализованными благопожеланиями.

- (34) *bujn bol-txa*
 добродетель становится-JUSS1
 ‘Пожалуйста!’ (букв.: ‘пусть будет добродетель’).
- (35) *aršan bol-txa*
 святая.вода становится-JUSS1
 ‘Приятного аппетита!’ (букв.: ‘пусть будет святая вода’).

Однако употребления двух юссивных форм все же не строго распределены по двум описанным типам каузации.

Форма второго юссива тоже может употребляться в значении прямой каузации. Ср. текстовые примеры (36) и (37).

- (36) *oda bi xudəl kel-žä-xlägə namagə*
сейчас я.NOM ложь говорить-PROG-CV.SUCC2 я.ACC
jak-əg, burxə-n namagə avə-g
что.делать-JUSS2 бог-EXT я.ACC брать-JUSS2

‘Если я говорю ложь, пусть я буду наказана (буквально: пусть со мной что-то сделают), пусть меня приберет Бог’ (08_konflikt.10).

- (37) *tana balksə-n caaran-də-nⁱ ösə-žə*
вы.GEN город-EXT дальше-DAT-P.3 расти-CV.IPFV
delgər-žə jovə-g
развиваться-CV.IPFV ходить-JUSS2

‘Пусть город ваш растет и процветает’ (30_blagodarnost.9, не публикуется).

По приведенным выше примерам видно, что юссив-2 может получать прямую интерпретацию при условии неконтролируемости искомого действия и его исполнителя со стороны адресата. Как *Бог* в примере (36), так и *город* в примере (37) являются принципиально не контролируемыми участниками.

Поскольку в контекстах, подобных (36) и (37), также может выступать и юссив-1, для обеих форм можно предположить существование определенной зоны, в которой их значения пересекаются. Обязательным признаком этой зоны является значение неконтролируемости искомого действия. Вопрос о том, существуют ли другие семантические признаки, характеризующие эту зону, и что они собой представляют, на данный момент остается открытым.

3.2.6. *Апрехенсив*. Форма апрехенсива образуется присоединением к основе глагола суффикса *-vza/-vzä*¹⁴.

¹⁴ Также существуют фонетически обусловленные варианты *-uza / -üzä* (после основы, заканчивающийся на согласный), и *-vz- / -uz- / -üz-* с синкопированным последним гласным (перед суффиксальными показателем отрицания *-go*). Далее в тексте статьи суффикс обозначается как *-vza*.

Как было отмечено выше, в отличие от прочих форм косвенных наклонений, формы апрехенсива не имеют специализированной лично-числовой семантики и способны присоединять согласовательные лично-числовые показатели, характерные и для финитных форм индикатива. Другой важной морфологической особенностью апрехенсива, также обсуждавшейся в разделе 2.3, является присоединение стяженной формы отрицательной связки *-go* вместо использования общей для императивных форм конструкции с препозитивной прохибитивной частицей *bičä*.

Эта морфологическая выделенность апрехенсива, как нам кажется, связана с главным семантическим отличием апрехенсива от прочих форм косвенных наклонений. Строго говоря, форма на *-vza* не является императивной, так как в ее семантике отсутствует компонент каузации фактом высказывания.

Калмыцкий апрехенсив является формой, служащей для выражения значений, связанных с семантическим полем опасения и предостережения. Согласно схеме, предложенной в работе [Добрушина 2006] (являющейся едва ли не единственной работой, специально посвященной типологии выражения соответствующих значений в языках мира), это семантическое поле делится на две основные группы значений, которым соответствуют две разные грамматические категории. С помощью первой категории «говорящий сообщает о том, что может произойти некоторое нежелательное событие и что он его опасается» [Добрушина 2006: 29]. Вторая категория служит для предотвращения нежелательного события.

С их (= форм, служащих для выражения этого значения. — *К. П.*) помощью говорящий пытается побудить адресата не совершать действия, которые могут привести к нежелательным последствиям, а иногда — совершать те, которые могут предотвратить эти последствия [Добрушина 2006: 29].

Как явствует из этого определения, формы, служащие для выражения второго значения, близки по своей семантике к императивам, так как в них тоже присутствует компонент каузации фактом высказывания.

При этом в указанной работе отмечается, что «косвенным перлокутивным эффектом» высказываний, передающих опасение относительно некоторого события (т. е. форм первой выделенной категории), также «может быть предотвращение этого события,

но целью речевого акта предотвращение не является» [Добрушина 2006: 29].

Для форм и конструкций, выражающих значения первой группы (опасение), предлагается использование термина «апрехенсив», для форм и конструкций, выражающих значения второй группы (предотвращение), — термин «превентив».

Калмыцкие формы на *-vza*, насколько можно судить по нашим данным, служат главным образом именно для выражения апрехенсивных значений, чем собственно и обусловлен выбор соответствующего термина для их обозначения.

Описанный выше «перлокутивный эффект», позволяющий трактовать «опасение» как «предостережение», создает ряд трудностей при работе с конкретным языковым материалом. Во многих случаях решение вопроса о том, какое именно значение (апрехенсивное или превентивное) выражает данная форма, оказывается невозможным. Так, калмыцкое высказывание типа (38) может иметь два русских перевода.

- (38) *ö* *šyvi* *mod-n* *tal* *bancaŋ-n*
 лес чаща дерево-ЕХТ сторона один-ЕХТ
joŋ-žā-na-čʰ? *töör-čə*
 уходить-PROG-PRS-2SG заблудиться-CV.IPFV
odə-vza-čʰ
 уходить-APPR-2SG
 ‘А ты идешь в лес один? Как бы ты не заблудился!’
 ‘А ты идешь в лес один? Смотри, не заблудись!’

В (38) суффикс *-vza* присоединяется к глагольной основе *odə-* ‘уходить’, выступающей здесь в качестве второй (финитной) части сложного глагола *töör-čə odə-* со значением ‘заблудиться’ (см. подробнее [Баранова, настоящий сборник]). Оба представленных русских перевода, соответствующие апрехенсивной и превентивной интерпретации, являются в данном случае допустимыми с точки зрения прагматики высказывания.

Однако существуют употребления формы на *-vza*, которые, как нам представляется, позволяют заключить, что основной ее функцией является именно **сообщение** о том, что возможна некоторая ситуация, которая оценивается говорящим как нежелательная и представляющая опасность, а не предотвращение этой ситуации.

Одним из типичных контекстов употребления этой формы является пара последовательных предложений, в первом из которых содержится призыв к адресату выполнить определенное действие во избежание того события, которое описывается во втором предложении, содержащем форму апрехенсива:

- (39) *enə plita-kan end-äsə avə-Ø enə*
 этот плитка-P.REFL здесь-ABL взять-IMP этот
bičkə-n enə deerə suu-žə
 ребенок-EXT этот поверхность садиться-CV.IPFV
oda-vza
 уходить-APPR
 ‘Убери эту свою плитку. Как бы ребенок на нее не сел’.

В первой части этого высказывания содержится призыв к адресату выполнить указанное действие (‘убрать плитку’). Для выражения этого призыва используется глагол в императиве. Вторая часть этого высказывания является выражением опасения относительно другого события (‘ребенок сядет на плитку’). При этом эти события связаны между собой. С точки зрения говорящего, первая и вторая ситуации являются взаимоисключающими. Если первое событие будет иметь место (‘адресат уберет плитку’), то второе (‘ребенок сядет на плитку’) исключено. Иными словами, необходимым условием неосуществления второго события является осуществление первого.

Здесь для нас наиболее важным является то, что такая взаимосвязь двух событий делает превентивную интерпретацию второй части высказывания едва ли возможной. В семантике превентива, как уже говорилось, содержится призыв к совершению некоторых действий, эксплицитно не указанных в высказывании, с целью предотвратить нежелательное событие, описанное в высказывании. В (39) действия, являющиеся залогом неосуществления нежелательного события, выражены эксплицитно. Если предположить, что и во второй части (39) также содержится указание на необходимость выполнения некоторых действий, то эта информация является либо избыточной (в случае, если речь идет о тех же самых действиях, что и в первой части), либо противоречащей установленной взаимоисключающей связи первого и второго событий. Ср. (40) и (41), в которых представлено два возможных перевода

калмыцкого высказывания (39), соответствующих апрехенсивной и превентивной интерпретации второй части этого высказывания.

(40) *Убери эту свою плитку! Как бы ребенок на нее не сел.*

(41) *??Убери эту свою плитку! Смотри, как бы ребенок на нее не сел.*

В (41) употребление русской превентивной конструкции с *смотри, как бы не* оказывается едва ли возможным, так как здесь речь идет либо об избыточном указании на то, что адресату нужно убрать плитку, либо же о том, что помимо этого необходимо выполнить еще какие-либо действия (например, постоянно следить за тем, что этот ребенок делает). В последнем случае имело бы место противоречие с имплицитным утверждением о том, что убрать плитку будет достаточно для того, чтобы ребенок на нее не сел.

Итак, как нам представляется, описанные употребления калмыцкого апрехенсива и сделанные на основании их анализа выводы относительно его семантики позволяют во многом объяснить описанную выше морфологическую выделенность этой формы на фоне прочих форм, находящихся в центре внимания в данной работе. Главной отличительной чертой апрехенсива является отсутствие в его семантике компонента каузации фактом высказывания, характерной для остальных форм.

Решив вопрос о семантике иллокутивной каузации, обратимся к рассмотрению компонента нежелательности и опасения. Как ни странно, некоторые употребления формы на *-vza* могут свидетельствовать о том, что этот компонент не является обязательным. Ср. текстовый пример (42).

(42) *«en taka-gə хотə-n^j ikär cac-ad*
 этот курица-ACC еда-Р.3 сильно бросать-CV.ANT
ödər bolkən ög-xlägə nan-də xošad
 день каждый дать-CV.SUCC2 я-DAT по.два
bolnu burv-ad öndəg bar-в-žə
 возможно три-DISTR яйцо выходить-CAUS-CV.IPFV
ögə-vzä» gi-väd ter xovdəg sedkəl
 дать-APPR говорить-CV.ANT тот жадность мысль

züüi-käd *taka-van* *bord-na*
 прицеплять-CV.ANT курица-P.REFL откармливать-PRS

{Немного спустя, старуха вцепилась в жадную мысль:}
 ‘«если каждый день буду я ей бросать зерна побольше, мне она,
может, будет приносить по два или три яйца», такую жадную
 мысль имея, курицу откармливает’ (13_kurica.5).

В примере (42) форма на *-vza* употреблена по отношению к событию, которое в противовес употреблению, рассмотренным выше, не является ни нежелательным, ни вызывающим опасения. Как раз наоборот, для старухи, в передаче размышления которой использована форма на *-vza*, указанное событие является желательным.

Употребления, подобные (42), позволяют предположить, что в основе семантики форм на *-vza* лежит сообщение о том, что наступление некоторого события является достаточно вероятным, а обнаруживаемая в большом количестве употреблений семантика нежелательности и опасения возникает как наиболее естественная импликация этого сообщения. В работе [Добрушина 2006: 36] для форм с подобной семантикой предлагается термин «апрыхенсивный пробабилитив», а также обсуждается возможность возникновения апрыхенсивных значений в результате закрепления импликаций нежелательности и опасения в пробабилитивных высказываниях.

Впрочем, с нашей точки зрения, в калмыцком языке употребление форм на *-vza* вне контекстов, связанных с нежелательностью и опасением, скорее являются результатом расширения исходного апрыхенсивного значения. Аргументы в пользу этого утверждения рассмотрены в разделе 3.3.

3.2.7. *Формы на -vzgo*. Суффикс апрыхенсива обнаруживается в составе морфемного комплекса, представляющего собой морфологизованное сочетание показателя *-vza* с отрицательной связкой *uga* (*-go*). В таком комплексе апрыхенсивный суффикс выступает без последней гласной, а за ним следует сокращенная форма отрицательной связки. Этот комплекс зафиксирован нами в трех вариантах: *-vzga*, *-vzgo* и *-vzo* (последний, судя по всему, является сокращенным вариантом сочетания *-vzgo*). При этом формы на *-vzgo* и на *-vzo* являются взаимозаменяемыми:

- (43) *xälä-Ø enə sandəl deerə*
 смотреть этот стул поверхность
suu-vzgo-t / suu-vzo-t
 сидеть-APPR.NEG.COP-2PL сидеть-APPR.NEG.COP-2PL
 ‘Смотрите, как бы вы (случайно) на этот стул не сели’.

Отношение формы *-vzga* к двум другим упомянутым формам на данный момент остается невыясненным. Однако отмеченные случаи употребления этой формы позволяют предположить, что и она достаточно близка по своей семантике к сочетаниям *-vzo/-vzgo*. В дальнейшем мы будем рассматривать все три сочетания как варианты одной морфемы (или морфемного комплекса), обозначая их как формы на *-vzgo*.

Отмеченная выше тенденция к фузии апрехенсивного и отрицательного показателей, как представляется, является аргументом в пользу того, чтобы не рассматривать эти комплексы как регулярные отрицательные формы апрехенсива. Некомпозиционный характер их семантики также свидетельствует в пользу этого.

К сожалению, нам неизвестно, существуют ли в языках, обладающих морфологизированными средствами для выражения опасения, регулярные формы отрицательного апрехенсива и какова их семантика. Однако можно представить два возможных варианта композиционного совмещения апрехенсивной и негативной семантики. Чтобы сравнить эти два варианта с семантикой форм на *-vzgo*, рассмотрим пример (44):

- (44) *bi xadasən deer suu-žə*
 я.NOM гвоздь поверхность сидеть-CV.IPFV
odə-vzga-v
 идти-APPR.NEG.COP-1SG
 ‘Как бы я не сел на гвоздь’.

Применительно к ситуации, описанной в (44) (‘говорящий садится на гвоздь’), два возможных варианта композиционного совмещения апрехенсивной и негативной семантики могут быть представлены следующим образом. Отрицание могло бы иметь узкую сферу действия, и тогда в (44) утверждалось бы, что **неосуществление** ситуации ‘говорящий садится на гвоздь’ вызывает у него опасения (‘Я опасюсь, что я не сяду на гвоздь’); или же отрицание могло бы иметь широкую сферу действия, и тогда

в (44) утверждалось бы, что описанная ситуация не вызывает у говорящего опасений ('Я не опасуюсь того, что я сяду на гвоздь').

Как можно судить по переводу калмыцкого предложения в (44), ни один из двух вариантов не реализован в семантике форм на *-vzgo*.

Насколько позволяют судить наши данные, формы на *-vzgo* не демонстрируют в своих употреблениях принципиальных семантических отличий от форм апрехенсива. Так, подобно формам на *-vza*, формы на *-vzgo* могут иметь как апрехенсивные (ср. (43) и (44)), так и пробабилитивные прочтения. Последние наиболее характерны для употребления формы *bol-vzgo*, образованной присоединением суффикса к глагольной основе *bol-* 'становиться':

(45) *bidn endə üld-xə*
мы здесь остаться-PC.FUT
bol-vzgo-vidn
становиться-APPR.NEG.COP-1PL
'Может нам лучше остаться здесь?'

(46) *nevčkä ad-ta bol-vzgo*
немного безумие-ASSOC становится-APPR.NEG.COP
gi-žä-nä namagə
говорить-PROG-PRS я.ACC
'Она мне говорит: «Он что, малость рехнулся?»'
(08_konflikt.18).

3.3. Основные семантические особенности калмыцкой системы косвенных наклонений

В заключение хотелось бы выделить основные особенности системы косвенных наклонений в калмыцком языке. Как представляется, ключевым признаком, определяющим целый ряд семантических и морфологических особенностей описанных выше форм, является наличие/отсутствие компонента иллюкутивной каузации. Формы, содержащие в своей семантике этот компонент, можно назвать императивными или императивами, а формы, его не содержащие, — неимперативными.

Отсутствие этого компонента характеризует апрехенсив и производные от него формы на *-vzgo*. Прочие формы содержат этот компонент.

С наличием этого компонента связана строгая спецификация в отношении лично-числовой семантики, наблюдаемая у императивов. Последние образуют особую парадигму, ориентированную на кодирование различных структур каузации, напрямую зависящих от лично-числовых значений. Частной типологически интересной особенностью этой парадигмы является наличие двух форм с семантикой каузации исполнителя третьего лица.

Напротив, апрехенсив, а также форма на *-vzgo*, отнесенные нами к неимперативным формам, не имеют определенной лично-числовой семантики и получают конкретные значения лица и числа только в зависимости от контекста. С этим связана свободная сочетаемость форм с согласовательными показателями (или так называемыми «лично-предикативными частицами»).

Приняв предложенную классификацию, мы обнаружим существенный количественный перевес императивных форм над неимперативными (5 против 2). Это обстоятельство оказывается очень важным, если мы внесем в наше рассуждение диахроническую перспективу.

Насколько позволяет судить сравнение полученных нами данных с имеющимися грамматическими описаниями, в калмыцком языке происходит или уже произошло отмирание целого ряда форм косвенных наклонений. Как было отмечено в самом начале статьи, из 11 форм, встречающихся в грамматических описаниях, 5 характеризуются низкой или нулевой частотностью в современном языке. Судя по уже упомянутым грамматическим описаниям, некоторые из этих форм относились именно к неимперативным в предложенном здесь понимании. Так, фиксируемая в [Bläsing 2003: 241] форма на *-mza/-mzä*, обозначенная как «потенциалис», описывается в этом источнике как входящая в противопоставление с формой на *-vza*. Ср. примеры (47) и (48), взятые из этой работы¹⁵.

(47) *ir-vzä*

приходить-APPR

‘Я боюсь, он придет’, {но я бы хотел, чтобы он не приходил}.

¹⁵ Примеры цитируются в системе транскрипции и глоссирования, принятой в настоящем сборнике.

(48) *ir-mzä*

приходить-РОТ

‘Я бы хотел, чтобы он пришел’, {и возможно, он придет}.

В грамматических описаниях также отмечается наличие двух форм, характеризующихся оптативной семантикой [Bläsing 2003; Санжеев 1983: 231–232].

На фоне постепенного исчезновения из употребления нескольких неимперативных форм логичным представляется возможное расширение значения калмыцкого апрехенсива, который обнаруживает в современном языке употребления, не связанные с нежелательностью и опасением. Можно предположить, что, оказавшись единственной формой косвенного наклонения из некогда богатой неимперативной зоны, по-прежнему характеризующейся относительно высокой частотностью, калмыцкий апрехенсив эволюционирует в сторону некоего эпистемического наклонения с более широкой семантикой.

Возможно также, что наблюдаемое появление новых форм на основе апрехенсива свидетельствует о том, что в языке идет выработка новых специальных средств для кодирования значений обедневшей неимперативной зоны¹⁶.

4. Формы косвенных наклонений в зависимом предложении

4.1. Вводные замечания

В центре внимания в разделе 4 находятся употребления калмыцких императивных форм в зависимой клаузе. Эти употребления характеризуются рядом изменений, затрагивающих синтаксис и семантику, которые обнаруживаются при сравнении с употреблениями этих форм в независимом предложении.

Для начала отметим, что в калмыцком языке ни для одной из обсуждаемых форм нет оснований предполагать, что употребление в зависимой клаузе является базовым.

¹⁶ Высказанная здесь гипотеза, безусловно, требует проверки серьезным историческим исследованием, включающим, в частности, статистический анализ употреблений калмыцких неимперативных форм в литературных и фольклорных текстах, а также обращение к материалу других монгольских языков.

В языках мира часто императивные и смежные значения передаются при помощи форм и конструкций, главной функцией которых является оформление зависимых предикаций определенного типа. Наиболее часто приводимым примером является французский «subjonctif», употребляющийся в зависимой части конструкций с сентенциальными актантами, а также используемый для выражения юссивных значений в независимом предложении, ср. (49) и (50) из [Гусев 2005: 163].

(49) *Dis-lui [qu'il s'en aille]*
'Скажи ему, чтоб он убирался'.

(50) *Qu'il s'en aille*
'Пусть он убирается'.

Оптативные значения часто передаются независимым использованием категорий, участвующих в оформлении протазиса условных конструкций [Добрушина 2001: 10]. Для выражения апренхенсивного значения часто используются формы и конструкции, основной функцией которых является оформление целевых оборотов [Добрушина 2006: 40].

Ни одна из форм, рассматриваемых в этой работе, не участвует в оформлении протазиса условных конструкций (основным способом оформления предиката в этих условиях является использование условных деепричастий на *-xla* и *-xlagə*). Что же касается конструкций с сентенциальными актантами, а также целевых конструкций, то употребление императивных форм в этих контекстах практически **всегда** связано с использованием дополнительных средств маркирования зависимого статуса предикации, которые будут рассмотрены ниже.

Зависимые употребления императивных форм встречаются в двух типах конструкций. Это конструкции с **сентенциальными актантами** и **целевые конструкции**. В большинстве случаев употребление форм императивной парадигмы в зависимой части этих конструкций связано с использованием союзов *gi-žə* и *gi-käd*, которые являются грамматикализованными деепричастными формами глагола *gi-* 'говорить' (о деепричастиях на *-žə* и на *-ad* см. в [Мищенко, настоящий сборник]):

- (51) *bi* [*tadn-igə* *evr-änn^j* *ger-igə*
 я.NOM вы-ACC сам-GEN.P.3 дом-ACC
üz-ül-txä *gi-žə*] *sed-lä-v*
 видеть-CAUS-JUSS1 говорить-CV.IPFV намереваться-REM-1SG
 ‘Я хотел, чтобы вы показали мне свой дом’.
- (52) *bi* *Badma-də* [*namagə* *giič-də* *duud-∅*
 я.NOM Бадма-DAT я.ACC гость-DAT звать-IMP
gi-вäd] *žiqn-ül-ü-v*
 говорить-CV.ANT звенеть-CAUS-PST-1SG
 ‘Я позвонил Бадме, чтобы он позвал меня в гости’.

В примере (51) *gi-žə* вводит сентенциальный актант при матричном глаголе *sed-* ‘хотеть, намереваться’. Этот актант возглавляет форма юссива-1 от каузативного глагола *üz-ül-* ‘показывать’ (‘видеть-CAUS’). В примере (52) аналогичная по своей структуре зависимая предикация со сказуемым, выраженным формой простого императива, и союзом *gi-вäd* выступает в роли обстоятельственного оборота цели. В обоих случаях подлежащее зависимого предложения выражено аккузативом.

Заметим, что для одной из обсуждаемых здесь форм, а именно для апрехенсива, зависимые употребления возможны только в конструкциях с *gi-žə* и *gi-вäd*. Примеры употребления апрехенсива в составе конструкций с сентенциальными актантами приведены в (53) и (54).

- (53) *ter* *čamagə* *geedr-üzä* *gi-žə* /
 тот ты.ACC потеряться-APPR говорить-CV.IPFV
gi-вäd *äü-žä-nä*
 говорить-CV.ANT бояться-PROG-PRS
 ‘Он боится, как бы ты не потерялся’.
- (54) *bi* *čamagə* *ir-vzä* *gi-žə*
 я.NOM ты.ACC приходить-APPR говорить-CV.IPFV
xarəl-žä-na-v
 подозревать-PRS-1SG
 ‘Я подозреваю, что ты придешь’.

В дальнейшем конструкции с единицами *gi-žə* и *gi-вäd* специально не рассматриваются (подробнее см. о них [Князев, настоящий сборник]). Их рассмотрение потребовало бы обращения

к широкому кругу проблем, напрямую не связанных с целями данной работы, таких, как грамматикализация глаголов речи и синтаксический статус зависимых предикаций, возглавляемых деепричастиями на *-ǰə* и *-ad*. Отметим лишь, что, судя по всему, во многом здесь калмыцкий язык следует направлениям грамматикализации, хорошо известным в типологии. О грамматикализации глаголов речи см. [Ханина 2001]; об использовании специализированных форм императива в целевых оборотах см. [Гусев 2005: 264–267]. Однако материал конструкций с союзами *gi-ǰə* и *gi-wäd* все же привлекается нами в разделе 4.3.3 при обсуждении лично-числовой семантики зависимых употреблений форм императивной парадигмы. Как отчасти можно видеть по примерам, приводимым в 4.3.3, в этом отношении конструкции с упомянутыми союзами мало чем отличаются от прочих конструкций с зависимым употреблением императивов.

Употребление форм косвенных наклонений в зависимой предикации возможно и без участия упомянутых союзов. Такое оформление наблюдается главным образом в конструкциях с сентенциальными актантами, в которых в роли матричного предиката выступает сам глагол *gi-* ‘говорить’, а также некоторые другие глаголы речи.

Наиболее вероятным источником грамматикализации этих конструкций выступают конструкции, обозначенные нами как «конструкции **прямой речи**». Под последними для калмыцкого языка мы предлагаем понимать конструкции с сентенциальными актантами с матричными глаголами речи, в которых оформление сентенциального актанта **не отличается** от обычного оформления независимого предложения. Примером такой конструкции может служить следующее предложение:

- (55) *eckə-nⁱ kövü-d-t-än kelə-v [cug*
отец-Р.3 мальчик-PL-DAT-P.REFL говорить-PST весь
tadn-də sän bol-txa]
вы-DAT хорошо становится-JUSS1
‘Отец сказал сыновьям: «Пусть все у вас будет хорошо»’.

Придаточное предложение в примере (55) с формой первого юссива в составе идентично по своему оформлению независимому предложению и может быть использовано в качестве такового:

- (56) *cug tadn-də sän bol-txa*
 весь вы-DAT хорошо становится-JUSS1
 ‘Пусть все у вас будет хорошо!’.

Конструкции, находящиеся в центре нашего внимания, от конструкций прямой речи отличает целый ряд свойств, подробному рассмотрению которых посвящены разделы 4.2–4.4.

4.2. Аккузативное оформление адресата в конструкциях с императивами в роли синтаксического актанта. Постановка проблемы

Рассмотрим примеры (57)–(61):

- (57) *ekə eckə namagə usə av-čə irə-∅*
 мать отец я.ACC вода брать-CV.IPFV приходит-IMP
gi-və
 говорить-PST
 ‘Родители сказали мне принести воды’.

- (58) *ekə eckə madn-igə usə av-čə*
 мать отец мы-ACC вода брать-CV.IRFV
ir-tən gi-və
 приходит-IMP.PL говорить-PST
 ‘Родители сказали нам принести воды’.

- (59) *Badma Ajsa-gə Elst-ür jov-ij*
 Бадма Айс-ACC Элиста-DIR ходить-NORT
gi-və
 говорить-PST
 ‘Бадма сказал Айсе: «Давай поедem в Элисту»’.

- (60) *Badma čamagə kar-an uka-txa gi-və*
 Бадма ты.ACC рука-P.REFL мыть-JUSS1 говорить-PST
 ‘Бадма сказал тебе помыть руки’.

- (61) *mini ekə eckə namagə usə av-čə*
 я.GEN мать отец я.ACC вода брать-CV.IPFV
irə-g gi-və
 приходит-JUSS2 говорить-PST
 ‘Мои родители передали мне, чтобы я принес воды’¹⁷.

¹⁷ Конструкции с юссивом-2 и адресатом в аккузативе некоторые носители считают неграмматичными.

Во всех приведенных примерах (57)–(61) одна из форм императивной парадигмы возглавляет сентенциальный актант при глаголе *gi-* ‘говорить’. Однако в отличие от конструкций прямой речи (55), где участник с ролью адресата высказывания, обозначенного глаголом речи, имеет **дативное оформление** (*kövü-d-t-än* ‘мальчик-PL-DAT-P.REFL’), здесь он оформлен **аккузативом**.

В предложениях, возглавляемых глаголом *gi-*, аккузативное оформление участника, соответствующего адресату, наблюдается **только** в случаях, связанных с употреблением сентенциальных дополнений. Следовательно, можно предположить, что появление аккузативного оформления связано с особенностями синтаксической структуры (57)–(61), возникающими как результат развития исходных конструкций прямой речи.

Как будет показано ниже, в калмыцком языке имеются основания для выделения двух типов конструкций с формами косвенных наклонений, выступающих в качестве вложенных предикатов при глаголах речи, в которых имеет место аккузативное оформление адресата.

Первый тип наиболее характерен для конструкций с сентенциальными актантами с формами юссива-1, однако встречается и в аналогичных конструкциях с другими императивными формами. В дальнейшем мы будем обозначать этот тип как JUSS1 + *gi-*. Рассмотрению этих конструкций посвящен раздел 4.3.

Второй тип встречается только в конструкциях с сентенциальными актантами с формами гортатива (далее HORT + *gi-*). Рассмотрению этого типа конструкций посвящен раздел 4.4

4.3. Конструкция JUSS1 + *gi-*

4.3.1. *Синтаксис*. Вернемся к примеру (60), повторяемому здесь под номером (62) для удобства.

(62) *Badma_i čatagə_j var-an_{j,*i} ika-txa gi-və*
 Бадма ты.АСС рука-P.REFL мыть-JUSS1 говорить-PST
 ‘Бадма_i сказал тебе_j помыть свои_{j,*i} руки’.

В этом примере суффиксальный показатель рефлексивного посессива (*-an*) на имени (*var-an*), зависящем от вложенного предиката *ика-txa*, связан с местоимением в аккузативе (*čatagə*). Учитывая тот факт, что в калмыцком языке этот суффиксальный показатель обычно локально связывается с подлежащим

[Сай, настоящий сборник, b], можно заключить, что в (62) *ĉatagə* проявляет **свойства** подлежащего зависимого предложения.

Вопрос о том, занимает ли *ĉatagə* **синтаксическую позицию** подлежащего зависимой предикации, требует дополнительного обсуждения¹⁸. Аргумент в пользу именно этого решения может быть получен из наблюдений за порядком слов. Естественным для калмыцкого синтаксиса является расположение зависимых слева от вершины [Сай, настоящий сборник, b; Очиров 1964: 156]. Однако в случае конструкций с сентенциальными актантами возможным оказывается расположение сентенциального дополнения справа от матричного глагола:

- (63) *Nina küükə-n-d-än kelə-v kürg-i-n^j*
 Нина девочка-EXT-DAT-P.REFL говорить-PST зять-ACC-P.3
modə xamxəl-txa
 дерево ломать-JUSS1
 ‘Нина сказала своей дочери, чтобы ее (дочери) муж нарубил дров’.

В примере (63) аккузативная форма *kürg-i-n^j* (зять-ACC-P.3) стоит справа от глагола *kelə-v* (говорить-PST). При этом вынесение *kürg-i-n^j* в позицию левее *kelə-v* невозможно, хотя именно такой порядок слов был бы естественным, если бы *kürg-i-n^j* было зависимым *kelə-v*:

- (64) *Nina küükə-n-d-än *kürg-i-n^j kelə-v*
 Нина девочка-EXT-DAT-P.REFL зять-ACC-P.3 говорить-PS
 [*modə xamxəl-txa*]
 дерево ломать-JUSS1
 ‘Нина сказала своей дочери, чтобы ее муж нарубил дров’.

Неграмматичность этого примера, в котором аккузатив расположен непосредственно слева от матричного глагола, а сентенциальный актант расположен справа от него, позволяет заключить, что в (63) граница вложенной клаузы проходит между матричным

¹⁸ Возможной является структура, в которой *ĉatagə* находится в главной клаузе, а в позиции подлежащего зависимой предикации представлена кореферентная «нулевая» единица. Возможность подобных структур на калмыцком материале подробно обсуждается в [Сердобольская, настоящий сборник].

глаголом *kelə-v* и аккузативом *kürg-i-n^j* и, следовательно, эта аккузативная именная группа занимает позицию подлежащего в зависимой предикации.

Отметим, однако, что наши данные не позволяют утверждать, что в обсуждаемых конструкциях вынос аккузативной именной группы из зависимой предикации в принципе невозможен. Судя по всему, аккузатив может топикизоваться, передвигаясь в позицию левее подлежащего главной предикации. Ср. следующий пример с формой простого императива¹⁹, возглавляющей сентенциальный актант:

- (65) [*Badma-gə*] *bi küč-är neg čas-t-an*
 Бадма-ACC я.NOM сила-INS один час-DAT-P.REFL
 [«*vojna i mir*» *umšə-Ø gi-xlä, ter*
 «Война и мир» читать-IMP говорить-CV.SUCC тот
umš-žə ög-sən uga
 читать-CV.IPFV дать-PC.PST NEG.COP

‘Я целый час заставлял Бадму читать "Войну и мир", но он так ничего и не прочел’.

Не совсем понятно, почему в одних случаях (65) вынос аккузатива из зависимой предикации возможен, а в других (64) — нет. Однако, каковы бы ни были условия²⁰, определяющие грамматичность и неграмматичность обсуждаемых примеров, сделанный выше вывод о том, что аккузативная именная группа относится к зависимой предикации, не опровергается.

Для калмыцкого языка сама возможность **линейного** передвижения аккузативной именной группы, семантически связанной с позицией подлежащего зависимой предикации, за пределы этой

¹⁹ Как будет показано ниже, существуют основания полагать, что конструкции с сентенциальными актантами с юссивом-1 и с простым императивом обладают схожей синтаксической структурой. Поэтому привлечение данных о последних конструкциях при обсуждении конструкций JUSS1 + *gi-* представляется нам вполне допустимым.

²⁰ Возможно, вынос происходит только в случаях, когда аккузативная именная группа выступает в качестве топика и перемещается на левую периферию предложения. К сожалению, наши данные не позволяют проверить эту гипотезу, так же как и предложить какое-либо другое объяснение наблюдаемому явлению.

предикации не является достаточным условием для того, чтобы считать, что **синтаксически** эта именная группа не принадлежит зависимой предикации. Как показано в работе [Сердобольская, настоящий сборник], в которой обсуждаются конструкции с сентенциальными актантами, возглавляемыми причастиями, деепричастиями, а также финитными индикативными глагольными формами, аккузативное подлежащее зависимой предикации может занимать линейную позицию за пределами своей составляющей.

Тем не менее, **ограничение** на линейный вынос аккузативной именной группы из зависимой предикации (даже если оно наблюдается в одной части случаев и не наблюдается в другой), может считаться аргументом в пользу того, что эта именная группа синтаксически принадлежит этой составляющей (по крайней мере, для той части случаев, в которой это ограничение наблюдается). Учитывая, что для тех случаев, в которых возможен линейный вынос аккузатива, подобный анализ также является допустимым, можно заключить, что в целом данные порядка слов свидетельствуют в пользу отнесения аккузативной именной группы к зависимой предикации.

Таким образом, на основании референциальных свойств рефлексивно-посессивного показателя *-an* и рассмотренных ограничений на порядок слов можно утверждать, что в конструкциях с сентенциальными актантами, возглавляемыми формами первого юссива, имеет место аккузативное оформление подлежащего вложенной клаузы.

Судя по всему, такую же структуру могут иметь и конструкции с другими формами императивной парадигмы:

(66) *eckə-m_i [namagə_j diiü-vän*_{i,j} bič-dəg*
отец-Р.1SG я.АСС младший-Р.REFL писать-РС.НАВ
das-xə-∅] gi-və
выучить-CAUS-IMP говорить-PST
'Мой отец велел мне научить брата писать'.

(67) *mana ekə_i [madn-igə_j eež-d-än*_{i,j}*
мы.GEN мать мы-АСС бабушка-DAT-Р.REFL
bič-tən] gi-və
писать-IMP.PL говорить-PST
'Наша мать сказала нам написать бабушке {письмо}'.

В обоих приведенных примерах «верхнее» подлежащее (*eckə-t, tana ekə*) не может контролировать рефлексивный показатель, присоединяющийся к зависимому вложенного предиката (*düü-vän, eež-d-än*), стоящему правее адресата, оформленного аккузативом²¹. Последний же является единственно возможным антецедентом рефлексива.

Важно отметить, что в калмыцком языке маркирование аккузативом вообще является одной из наиболее распространенных стратегий оформления подлежащего зависимой предикации, характерной для синтаксических дополнений, а также обстоятельственных оборотов некоторых типов (см. [Сердобольская, настоящий сборник]). В следующих примерах представлено аккузативное оформление подлежащего синтаксического актанта, возглавляемого «причастием будущего времени» (68), и подлежащего временного обстоятельственного оборота, возглавляемого «условным деепричастием» (69).

(68) *bi_i [Badma-gə_j degtr-än*_{i,j} umš-xə]*
 я.NOM Бадма-ACC книга-P.REFL читать-PC.FUT
sur-u-v
 просить-PST-1SG
 ‘Я попросил, чтобы Бадма прочитал свою книгу’.

(69) [*namagə Elstə balʁsə-n-də ir-xlä*]
 я.ACC Элиста город-EXT-DAT приходиться-CV.SUCC
xur gi-v
 дождь переставать-PST
 ‘Когда я приехал в Элисту, дождь уже кончился’.

Помимо общей аккузативной стратегии оформления подлежащего, зависимые предикации в конструкциях типа JUSSI + *gi-* демонстрируют еще несколько свойств, характерных в целом для зависимых предикаций в калмыцком языке, которые обнаруживаются

²¹ В примере (66) в независимости от того, занимает ли *düü-vän* (младший брат-P.REFL) позицию прямого дополнения в составляющей, возглавляемой императивной формой *das-xə-Ø*, или является подлежащим при предикате *bič-dəg*, вложенном внутрь зависимой предикации, правило локального связывания рефлексивов с ближайшим подлежащим не нарушается.

при сравнении этих конструкций с конструкциями прямой речи. Рассмотрению этих свойств посвящены разделы 4.3.2 и 4.3.3.

4.3.2. *Шифтерные категории.* Конструкции прямой речи обладают одним интересным свойством. В них при переходе от главной предикации к зависимой происходит **мена дейктического центра** местоимений:

(70) *eckə-n kövü-d-t-än kelə-v: «bi*
отец-EXT мальчик-PL-DAT-P.REFL говорить-PST я.NOM
endə üld-nä-və tadn ek tal-an
здесь оставаться-PRS-1SG вы мать сторона-P.REFL
ot-tən»
входить-IMP.PL

‘Отец сказал своим сыновьям: «Я останусь здесь, а вы идите к матери»’.

В этом примере именная группа *eckə-n* (отец-EXT) в главной предикации кореферентна местоимению *bi* (я.NOM) в зависимой, а именная группа *kövü-d* (мальчик-PL) — местоимению *tadn* ‘вы’. Иными словами, в зависимой предикации местоимения характеризуются **косвенным** употреблением (см. подробнее [Anderson, Keenan 1985: 301–306]) и отсылают лишь к коммуникативным категориям «вложенного» речевого акта, которые могут не совпадать с соответствующими коммуникативными категориями всего высказывания.

Любопытно, что в конструкциях типа JUSS1 + *gi-* такой мены не происходит:

(71) *ekə eckə [namag ödməg utəl-txa]*
мать отец я.ACC хлеб резать-JUSS1
gi-və
говорить-PST
‘Родители сказали мне нарезать хлеб’.

В (71) местоимение первого лица, выступающее в роли подлежащего зависимой клаузы, отсылает к тому же дейктическому центру, от которого «отсчитываются» дейктические категории в главной клаузе. Первое лицо вложенной предикации совпадает с первым лицом всего высказывания.

Это же свойство характерно для прочих калмыцких биклаузальных конструкций. Ср. следующий пример конструкции с сентен-

циальным дополнением, возглавляемым «причастием будущего времени» при матричном глаголе *sur-* ‘просить’:

- (72) [*Badma-gə* *xö* *xär-ül-x-i-nʲ*]
 Бадма-АСС овца возвращаться-CAUS-PC.FUT-ACC-P.3
sur-la-v
 просить-REM-1SG
 ‘Я попросил Бадму пасти овец’.

Вероятнее всего в (72) речь идет о ситуации, в которой просьба говорящего была передана непосредственно исполнителю, что в конструкции прямой речи предполагало бы выражение подлежащего зависимой предикации местоимением второго лица (‘Я попросил (Бадму): «**Ты** можешь пасти овец?»’) и, следовательно, мену дейктического центра. Однако в примере (72) вложенное подлежащее соответствует третьему лицу (*Badma-gə*), и, следовательно, отсылает к дейктическому центру всего высказывания.

4.3.3. Лично-числовая семантика императивных форм.

В обсуждаемых конструкциях формы императивной парадигмы демонстрируют ряд интересных семантических свойств. По нашему впечатлению, эти семантические свойства характеризуют не только употребления форм императивной парадигмы в конструкциях типа *JUSS1 + gi-*, но и вообще все зависимые употребления императивов вне прямой речи²². Более того, как будет показано в конце раздела, существуют основания полагать, что некоторые из этих свойств вообще характерны для глагольных форм, выступающих в зависимом предложении. Поэтому, несмотря на то, что в этом разделе в основном используются примеры с конструкциями *JUSS1 + gi-*, под «зависимыми употреблениями» здесь могут пониматься также употребления императивов в составе конструкций с союзами *gi-žə* и *gi-käd* и в конструкциях *HORT + gi-*. Поскольку вопрос о семантике гортатива в последнем типе конструкций разбирается в разделе 4.4, в этом разделе мы ограничимся рассмотрением форм, подразумевающих исполнителя или исполнителей второго и третьего лица.

²² Для сравнения читатель может обратиться к примерам конструкций с союзами *gi-žə* и *gi-käd*, приводимыми в работе [Князев, настоящий сборник].

Как отмечалось выше, формы императивной парадигмы характеризуются четкой спецификацией в отношении лица и числа. За каждой формой закреплено определенное лично-числовое значение. Однако будучи употреблены в зависимой предикации, эти формы оказываются безразличны по отношению к **лицу** исполнителя:

- (73) *Badma* [*namagə* / *čamagə* / *Ajsa-gə* *usə*
 Бадма я.АСС ты.АСС Айса-АСС вода
av-čə *ir-txä*] *gi-və*
 брать-CV.IPFV приходить-JUSS1 говорить-PST
 ‘Бадма сказал, чтобы я / ты / Айса принес(ла) воды’.
- (74) *Badma* [*namagə* / *čamagə* / *Ajsa-gə* *usə*
 Бадма я.АСС ты.АСС Айса-АСС вода
av-čə *ir-∅*] *gi-və*
 брать-CV.IPFV приходить-IMP говорить-PST
 ‘Бадма сказал, чтобы я / ты / Айса принес(ла) воды’.
- (75) *Badma* [*madn-igə* / *tadn-igə* / *tedn-igə* *usə*
 Бадма мы-АСС вы-АСС они-АСС вода
av-čə *ir-tən*] *gi-və*
 брать-CV.IPFV приходить-IMP.PL говорить-PST
 ‘Бадма сказал, чтобы мы / вы / они принесли воды’.

Как видно из примеров (73)–(75), в зависимой предикации формы императивной парадигмы могут быть употреблены по отношению к исполнителю любого из трех лиц. Интересно, что при этом значение **числа** исполнителя сохраняет свою значимость:

- (76) *mini* *ekə* *eckə* [*madn-igə* *usə* *av-čə*
 я.GEN мать отец мы-АСС вода брать-CV.IPFV
ir-tən / **ir-∅*] *gi-və*
 приходить-IMP.PL приходить-IMP говорить-PST
 ‘Мои родители сказали нам принести воды’.

В этом примере при наличии исполнителя множественного числа, выраженного местоимением *madn-igə* в позиции подлежащего зависимого предложения, оказывается невозможным употребление в том же предложении простого императива, содержащего в своей семантике указание на единственного исполнителя.

Отметим, что естественным образом это ограничение действует только для форм, которые в независимом употреблении обладают только одним из двух возможных в калмыцком языке значений категории числа. Формы, употребляющиеся по отношению к исполнителям обоих чисел, сохраняют это свойство и в зависимой предикации, как в следующем примере с первым юссивом:

- (77) *ekə eckə [čamagə / tadn-igə usə av-č*
 мать отец ты.ACC вы-ACC вода брать-CV.IPFV
ir-txä] gi-və
 приходит-JUSS1 говорить-PST
 ‘Родители сказали тебе / вам принести воды’.

Как уже отмечалось выше, лично-числовая семантика императивных форм не сводится к лицу и числу исполнителя. Принципиально важным является соответствие лично-числовых значений определенной **структуре каузации**. В этом отношении употребления форм императивной парадигмы в зависимой предикации также демонстрируют ряд интересных свойств. Здесь основной интересующий нас вопрос может быть сформулирован следующим образом. Сохраняют ли формы императивной парадигмы в своих зависимых употреблениях значения структуры каузации, свойственные их независимым употреблениям?

Как уже говорилось выше (см. раздел 3.2.5), в прототипическом случае противопоставлению исполнителей второго и третьего лица соответствует противопоставление прямой и опосредованной каузации. Исполнитель второго лица каузируется напрямую, исполнитель третьего лица чаще всего каузируется опосредованно, через адресата. Однако возможна и прямая каузация исполнителя третьего лица, обязательным атрибутом которой является низкий уровень контроля каузатора над искомым действием и его исполнителем. В калмыцком языке в независимом предложении это значение чаще всего выражается употреблением форм юссива-1.

Учитывая, что в зависимых употреблениях формы императивной парадигмы безразличны к лицу исполнителя, в качестве теста на значение опосредованности каузации можно предложить возможность употребления той или иной формы в конструкциях с несовпадением адресата и исполнителя. Примером такой конструкции может служить следующее предложение:

- (78) *Nina kiiükə-n-d-än kelə-v [kiiükd-i-n^j*
 Нина девочка-EXT-DAT-P.REFL говорить-PST дети-ACC-P.3
vaza bar-ad naad-txa]
 снаружи выходить-CV.ANT играть-JUSS1
 ‘Нина сказала своей дочери, чтобы ее дети шли играть на улицу’.

В этом предложении сентенциальный актант при глаголе *kelə-v* (говорить-PST) возглавляется юссивом-1. При этом адресат оформляется дативом и занимает позицию косвенного дополнения при матричном глаголе в главной клаузе (*kiiükə-n-d-än* девочка-EXT-DAT-P.REFL), а отличный от него исполнитель искомого действия выражен аккузативным подлежащим зависимой клаузы (*kiiükd-i-n^j* дети-ACC-P.3). Таким образом, вся конструкция описывает факт опосредованной каузации и, следовательно, может быть использована в качестве диагностического контекста для проверки способности той или иной императивной формы быть использованной для передачи этого значения в зависимой предикации.

Как видно из примера (78), употребление формы юссива-1 возможно в подобных конструкциях. Учитывая то, что в независимом предложении юссив-1 не имеет значения опосредованной каузации, можно констатировать изменение семантики этой формы в зависимых употреблениях. При этом, как можно видеть по следующему примеру (как и вообще по большинству примеров зависимых употреблений юссива-1, приводимых в этой работе), эта форма, выступая в независимом предложении, также способна передавать значение прямой каузации:

- (79) *ekə-m [namagə iin-än kel-txä]*
 мать-P.1SG я.ACC правда-P.REFL говорить-JUSS1
gi-və
 говорить-PST
 ‘Моя мать велела мне говорить правду’.

Важно отметить, что, несмотря на то, что в (79) с точки зрения структуры каузации употребление юссива-1 соответствует базовым употреблениям этой формы в независимом предложении (в обоих случаях форма используется для передачи значения прямой каузации), с точки зрения контролируемости искомого

действия оно им противоречит. В (79) каузатор в полной мере контролирует исполнение искомого действия, в то время как в независимых употреблениях юссива-1, как было показано в разделе 3.2.5, подразумевается обязательное отсутствие контроля со стороны говорящего, выступающего в роли каузатора.

В составе конструкций типа JUSS1 + *gi*- формы юссива-1 не способны передавать значение отсутствия контроля, однако этого нельзя сказать обо всех зависимых употреблениях этой формы. К примеру, это значение реализуется в некоторых употреблениях юссива-1 в составе конструкций с сентенциальными актантами, вводимыми союзами *gi-žə* и *gi-βäd* (ср.(80)). При этом в тех же конструкциях юссив-1 может описывать и контролируемые ситуации, как это показано в примере (81).

(80) [mönŋ-igə sad-mud deer urβ-txa
 деньги-ACC дерево-PL поверхность расти-JUSS1
gi-βäd] Badma sed-žä-nä
 говорить-CV.ANT Бадма намереваться-PROG-PRS
 ‘Бадма хочет, чтобы в садах (на деревьях) росли деньги’.

(81) [surβulⁱčə-nr-ig mini degtər umš-txa
 ученик-PL-ACC я.GEN книга читать-JUSS1
gi-βäd] enə zakə-v
 говорить-CV.ANT этот приказать-PST
 ‘Он приказал, чтобы ученики прочитали мою книгу’.

Следовательно, можно предположить, что в целом в зависимых употреблениях формы юссива-1 безразличны к значениям контролируемости/неконтролируемости искомой ситуации и получают ту или иную интерпретацию в зависимости от контекста, а тот факт, что в конструкциях JUSS1 + *gi*- для них возможными оказываются только контролируемые интерпретации, связан с семантикой самих этих конструкций.

Итак, в зависимой клаузе юссив-1 не только допускает исполнителя любого лица, но и может быть использован для передачи значения как прямой, так и опосредованной каузации. При этом эта форма не проявляет чувствительности к значениям контролируемости искомого действия. Поскольку в независимом предложении юссив-1 характеризуется четкой спецификацией по всем трем перечисленным параметрам (третье лицо, прямая

каузация, отсутствие контроля), можно констатировать кардинальное изменение семантики этой формы в зависимых употреблениях по сравнению с независимыми.

Любопытно, что, в отличие от юссива-1, прочие формы императивной парадигмы сохраняют значения структуры каузации, свойственные их употреблениям в независимом предложении²³.

Так, формы простого императива и императива множественного числа в зависимой клаузе сохраняют значение прямой каузации. Об этом свидетельствует неспособность этих форм возглавлять сентенциальный акт в конструкциях с несовпадением адресата и исполнителя:

(82) **Nina küükə-n-d-än kelə-v*
 Нина девочка-EXT-DAT-P.REFL говорить-PST
kürg-i-n^j modə хамхэл-Ø
 зять-ACC-P.3 дерево ломать-IMP
 ‘Нина сказала своей дочери, чтобы ее муж нарубил дров’.

(83) **Nina küükə-n-d-än kelə-v*
 Нина девочка-EXT-DAT-P.REFL говорить-PST
[küükd-i-n^j ваза бар-ад наад-тэн]
 дети-ACC-P.3 снаружи выходить-CV.ANT играть-IMP.PL
 ‘Нина сказала своей дочери, чтобы ее дети шли играть на улицу’.

Напротив, формы юссива-2 (у той части носителей, которые вообще допускают употребление этих форм в зависимой клаузе вне прямой речи) допускаются в подобных конструкциях:

(84) ^{OK}*Nina küükə-n-d-än kelə-v*
 Нина девочка-EXT-DAT-P.REFL говорить-PST
[kürg-i-n^j modə хамхэлə-g]
 зять-ACC-P.3 дерево ломать-JUSS2
 ‘Нина сказала своей дочери, чтобы ее муж нарубил дров’

В то же время, если исполнитель выражен в позиции подлежащего зависимой предикации, а адресат не получает выражения, возможной оказывается только опосредованная интерпретация. Ср. пример (61), повторяемый здесь для удобства под номером (85).

²³ Это утверждение верно и для гортатива, см. раздел 4.4.

- (85) *mini ekə eckə namagə usə av-čə*
 я.GEN мать отец я.ACC вода брать-CV.IPFV
irə-g gi-və
 приходить-JUSS2 говорить-PST
 ‘Мои родители передали мне, чтобы я принес воды’.
 *‘Мои родители сказали мне принести воды’

То есть формы юссива-2 и в зависимых употреблениях, несмотря на безразличие к значению лица исполнителя, продолжают сохранять свойственное их независимым употреблениям значение опосредованности каузации.

Подведем итоги обсуждения лично-числовой семантики форм императивной парадигмы в зависимой клаузе.

1) В зависимой клаузе императивы могут быть употреблены по отношению к исполнителю любого числа.

2) Значение числа исполнителя сохраняет свою значимость у форм, имеющих конкретное числовое значение в независимых употреблениях.

3) Значение структуры каузации сохраняется у всех форм, за исключением юссива-1. Последняя форма может употребляться в контекстах как прямой, так и опосредованной каузации, а также использоваться для обозначения как контролируемых, так и неконтролируемых ситуаций.

Сказанное может быть суммировано в виде следующей Таблицы.

Таблица 3. Семантика калмыцких императивных форм в зависимом предложении

	лицо	число	структура каузации
простой императив	–	SG	прямая каузация
императив PL	–	PL	прямая каузация
юссив-1	–	–	–
?юссив-2 ²⁴	–	–	опосредованная каузация

В Таблице 3 обращает на себя внимание нейтрализованность юссива-1 по всем трем представленным категориям. По семан-

²⁴ Знак вопроса означает уже отмечавшуюся выше неприемлемость зависимых употреблений юссива-2 вне конструкций прямой речи для некоторых носителей.

тическим свойствам, демонстрируемым в зависимом предложении, он оказывается своего рода универсальной императивной формой. Как подтверждение семантической универсальности может рассматриваться факт предпочтения именно этой формы носителями в большинстве конструкций с зависимым употреблением императивов.

Направление, в котором происходит изменение семантики императивных форм, наблюдаемое в употреблениях в зависимом предложении, свидетельствует о том, что конструкции с зависимыми употреблениями императивов, как и в случае с аккумулятивным оформлением вложенного подлежащего, следуют общим тенденциям. Как нам представляется, исчезновение четкой спецификации в отношении лица исполнителя может быть объяснено рядом семантических и морфосинтаксических особенностей, в целом свойственных формам, способным возглавлять зависимые предикации. Разберем в качестве примера формы, выступающие в качестве вершины сентенциального актанта.

В калмыцком языке, помимо форм императивной парадигмы, сентенциальный актант могут возглавлять некоторые индикативные финитные формы, причастия и деепричастия (см. подробнее [Князев, настоящий сборник]). Все три класса форм, в отличие от императивов, не специфицированы в отношении семантики лица и числа. У деепричастий спецификация не возможна в принципе. У финитных индикативных форм и у причастий спецификация может происходить за счет присоединения согласовательных показателей в позиции сказуемого независимого предложения²⁵, подобно тому, как это происходит у рассмотренных нами выше форм апрехенсива (см. раздел 2.2). Ср. следующие два примера, где наличие местоимения первого лица ед. ч. в позиции подлежащего требует присоединения к сказуемому согласовательного показателя *-v* с тем же лично-числовым значением. В примере (86) сказуемое выражено финитной формой «настоящего времени», а в (87) — «причастием будущего времени».

²⁵ В калмыцком языке некоторые формы, проявляющие причастные свойства, способны выступать в роли сказуемого независимого предложения. См. подробнее [Сай, настоящий сборник, b].

- (86) *bi ekə eck-tä-ḅän bää-nä-v /*
 я.NOM мать отец-ASSOC-P.REFL быть-PRS-1SG
**bää-nä*
 быть-PRS
 ‘Я живу с родителями’.
- (87) *Elst-ür ir-xlärn, bi*
 Элиста-DIR направляться-CV.SUCC.P.REFL я.NOM
*čam-də bičəg bič-xə-v / *bič-xə*
 ты-DAT письмо писать-PC.FUT-1SG писать-PC.FUT
 ‘Я напишу тебе письмо, когда я приеду в Элисту’.

При этом в зависимой предикации у финитных форм наблюдается принципиальный структурный запрет на согласование с подлежащим:

- (88) [*čamaḡə bičəg bič-čä-nä / *bič-čä-nä-č*
 ты.ACC письмо писать-PROG-PRS писать-PROG-PRS-2SG
gi-žə] bi san-žə-na-v
 говорить-CV.IPFV я.NOM думать-PROG-PRS-1SG
 ‘Я думаю, что ты пишешь письмо’.

В примере (88) невозможно присоединение согласовательного показателя 2SG *-č* к форме «настоящего времени», несмотря на то, что в той же зависимой клаузе присутствует подлежащее, выраженное местоимением с тем же лично-числовым значением.

У причастий, выступающих в позиции вершины сентенциального актанта, также наблюдается запрет на присоединение согласовательных показателей обсуждаемого типа. Однако в данном случае существуют две возможных стратегии оформления. В первой из них причастия, подобно финитным формам, выступают без материально выраженных согласовательных показателей, как в следующем примере:

- (89) *Badma [namaḡə bičəg bič-xə / *bič-xə-v]*
 Бадма я.ACC письмо писать-PC.FUT писать-PC.FUT-1SG
sed-žä-nä
 намереваться-PROG-PRS
 ‘Бадма хочет, чтобы я написал письмо’.

Во второй стратегии причастия присоединяют лично-числовые показатели посессивной серии, согласуясь с подлежащим зависимой предикации. Ср. следующий пример, в котором причастная форма согласуется с местоимением 2SG *čamagə*, присоединяя посессивный показатель *-čən* с тем же лично-числовым значением.

- (90) *bi* [*čamagə* *Zanda-ta*
 я.NOM ты.ACC Занда-ASSOC
üürl-žä-x-i-čən] *med-ü-v*
 дружить-PROG-PC.FUT-ACC-P.2SG знать-PST-1SG
 ‘Я знаю, что ты дружишь с Зандой’²⁶.

При этом в работе [Князев, настоящий сборник] отмечается одно интересное явление. В отличие от показателей первого и второго лица единственного и множественного числа, употребление которых возможно только при наличии подлежащего, обладающего соответствующим лично-числовым значением, посессивный показатель третьего лица *-n^j* способен выступать при подлежащих всех лиц и чисел. Ср. следующий пример, в котором этот показатель употреблен при подлежащем второго лица единственного числа *čamagə*:

- (91) *bi* [*čamagə* *Zanda-ta*
 я.NOM ты.ACC Занда-ASSOC
üürl-žä-x-i-n^j] *med-ü-v*
 дружить-PROG-PC.FUT-ACC-P.3 знать-PST-1SG
 ‘Я знаю, что ты дружишь с Зандой’.

Важно отметить, что согласно наблюдениям М. Ю. Князева [Князев, настоящий сборник], употребление показателя *-n^j* вместо показателей первого и второго лица является очень частотным.

Таким образом, можно заключить, что в конструкциях с сентенциальными актантами наблюдается сильная тенденция к оформлению сказуемого зависимой предикации глагольными формами, нейтрализованными в отношении семантики лица и числа. В этой позиции выступают либо формы, которые в принципе

²⁶ Как видно из примера (90), в причастных стратегиях оформления сентенциальных дополнений возможно также маркирование причастия аккузативом. Подробнее об этом явлении см. [Князев, настоящий сборник].

не способны выражать лично-числовые значения (деепричастия), либо формы, нейтрализованные в отношении этих значений в данной синтаксической позиции (индикативные финитные формы, причастия без выраженного согласовательного показателя, причастия с посессивным показателем третьего лица), либо, наконец, формы, имеющие конкретные лично-числовые значения, но способные свободно замещаться нейтрализованными формами (причастия с посессивными показателями первого и второго лица обоих чисел).

На этом фоне закономерно выглядит и нейтрализация значений лица исполнителя, наблюдаемая у форм императивной парадигмы в зависимых употреблениях. Кроме того, как удачно отметил С. С. Сай (устное сообщение), систему императивов и систему причастий с посессивными показателями в зависимой клаузе связывает параллелизм функций, которые несут формы, обладающие значением третьего лица вне зависимых употреблений. Подобно тому, как формы юссива-1 способны выступать в качестве своего рода универсальных зависимых императивных предикатов, допускающих интерпретации соответствующие как прямой, так и опосредованной каузации, причастия, присоединяющие посессивный показатель третьего лица, могут сочетаться с подлежащими двух других лиц.

4.3.4. Промежуточные выводы. Подведем итоги обсуждения в разделе 4.3.

1) Конструкции типа JUSS1 + *gi*- представляют собой конструкции с сентенциальными актантами с матричными глаголами речи, в которых одна из форм императивной парадигмы возглавляет сентенциальный актант.

2) В этих конструкциях, в отличие от конструкций прямой речи, являющихся наиболее вероятным источником их грамматикализации, оформление зависимого предложения обнаруживает ряд свойств, в целом характерных для нескольких типов зависимых предикаций в калмыцком языке. К этим свойствам относятся:

- аккузативное оформление подлежащего;
- отсутствие переключения шифтерных категорий при переходе от главной предикации к зависимой;
- отсутствие спецификации относительно категории лица у сказуемого зависимой предикации.

3) При этом в отличие от значений лица, значения категории числа сохраняют свою значимость у императивных форм в позиции сказуемого зависимой клаузы.

4) Значения структуры каузации сохраняются у всех форм императивной парадигмы за исключением юссива-1, который, в отличие от прочих императивов, способен употребляться в контекстах как прямой, так и опосредованной каузации, а также не является чувствительным к значениям контролируемости искомого действия.

5) Наблюдаемая универсализация юссива-1 в зависимых употреблениях обнаруживает параллели с происходящей в системе причастий с посессивными показателями, возглавляющими синтаксический акт, универсализацией форм с посессивным показателем третьего лица.

Таким образом, указанное распределение семантических и синтаксических свойств позволяет наметить одно из направлений развития конструкций с синтаксическими актантами с императивами при глаголах речи: от конструкций прямой речи к конструкциям, в которых реализуются основные тенденции оформления зависимой предикации, обнаруживаемые в целом ряде других биклаузальных конструкций в калмыцком языке.

Однако это направление не является единственным.

4.4. Конструкции HORT + *gi-*

4.4.1. Синтаксис. Если применить тест с рефлексивным посессивом в аналогичных конструкциях с гортативом, то выясняется, что в данном случае аккузативная именная группа вообще не проявляет свойств подлежащего зависимой предикации:

- (92) *Sanʒə_i Ajsa-gə_j ger-ürn_{i,*j} jov-ij*
 Санжи Айса-ACC дом-DIR.P.REFL ходить-HORT
gi-və
 говорить-PST
 ‘Санжи пригласил Айсу к себе домой’.
 *‘Санжи предложил пойти к Айсе домой’.

Как видно, в предложении (92) рефлексивный показатель директива *-ürn* в составе зависимого *ger-ürn* вложенного предиката *jov-ij* связывается с подлежащим главной предикации

Sanžə, а не с предполагаемым подлежащим зависимой предикации *Ajsa-gə*.

Обратим внимание еще на одну особенность поведения рефлексивов в рассматриваемых конструкциях, которая будет видна по переводам следующего высказывания:

(93) *Sanžə madn-igə ger-ürn xär-cxä-j*
 Санжи мы-ACC дом-DIR.P.REFL возвращаться-PLR-HORT
gi-və

говорить-PST

‘Санжи предложил нам пойти к нему домой’.

‘Санжи предложил нам всем (включая самого Санжи) разойтись по домам’.

Предложение (93) может иметь два перевода, соответствующие двум возможным antecedентам рефлексивного показателя. В первом случае можно предположить, что рефлексив связан с подлежащим главной предикации *Sanžə*. Это может служить веским аргументом в пользу моноклаузальности (93). Тогда глагольный комплекс “HORT + *gi-*” может быть проинтерпретирован как комплексный предикат с тремя зависимыми *Sanžə*, *madn-igə* и *ger-ürn*. Такое решение кажется привлекательным и по ряду причин, обсуждающихся ниже. Во втором случае можно предположить, что рефлексив связан с некой «нулевой» единицей внутри зависимой предикации, кореферентной *Sanžə* и *madn-igə* совместно, как это показано в (94).

(94) *Sanžə_i madn-igə_j [∅_{i+j} ger-ürn_{i+j}*
 Санжи мы-ACC дом-DIR.P.REFL
xär-cxä-j] *gi-və*
 возвращаться-PLR-HORT говорить-PST

В этом случае отношения между аргументами главной предикации (*Sanžə* и *madn-igə*) и «нулем» в зависимой могли бы пониматься как «расщепленный» («split») контроль (см. об этом явлении [Landau 1999; Barrie, Pittman 2004]).

Любопытно, что рассматриваемые конструкции еще в одном отношении напоминают конструкции с контролем. В них существует запрет на выражение подлежащего зависимой предикации:

- (95) **Badma Ajsa-gə* [*madn-igə ger tal-an*
 Бадма Айса-АСС мы-АСС дом сторона-Р.REFL
jov-ij] *gi-və*
 ходить-НОРТ говорить-ПСТ
 ‘Бадма предложил Айсе пойти домой’.
- (96) **Badma Ajsa-gə* [*Badma Ajsa xojr-igə ger*
 Бадма Айса-АСС Бадма Айса два-АСС дом
tal-an] *jov-ij* *gi-və*
 сторона-Р.REFL ходить-НОРТ говорить-ПСТ
 ‘Бадма предложил Айсе пойти домой’.

Как видно из примеров (95) и (96), подлежащее не может быть выражено ни местоимением 1 л. мн. ч., ни сочинением двух именных групп, соответствующих подразумеваемым участникам события, описываемого зависимой предикацией.

Итак, референциальные свойства подразумеваемого подлежащего зависимой предикации вместе с его неспособностью иметь материальное выражение свидетельствуют в пользу того, что конструкции НОРТ + *gi-* представляют собой структуры с расщепленным контролем. Тем самым подразумевается, что участник, соответствующий адресату, занимает некоторую синтаксическую позицию в главном предложении. Тогда возникает вопрос: какой из предикатов, представленных в этой структуре, приписывает аккузатив соответствующей именной группе?

Очевидно, этим предикатом не может быть форма гортатива, возглавляющая сентенциальный актанта. Тогда можно предположить, что в этой конструкции аккузатив приписывается матричным глаголом *gi-*, несмотря на то, что это противоречит модели управления глагола для именных групп.

Такое решение является возможным. Однако в этом случае мы вынуждены были бы признать, что глагол *gi-* обладает уникальными синтаксическими свойствами, проявляющимися только в одном типе конструкций с сентенциальными актантами. В калмыцком языке не существует другого глагола, способного иметь аккузативное оформление адресата и сентенциальное дополнение этого типа одновременно.

Так, к примеру, глагол *duud-* ‘звать’ требует аккузативного оформления актанта, соответствующего адресату:

- (97) *Badma Ajsa-gə / *Ajsa-də Elst-ür duudə-v*
 Бадма Айса-ACC Айса-DAT Элиста-DIR звать-PST
 ‘Бадма позвал Айсу (поехать) в Элисту’.

Однако этот глагол не может выступать в роли матричного с сентенциальным актантом, возглавляемым гортативом (как и любой другой императивной формой), в конструкциях без союзов *gi-žə* и *gi-čüd*:

- (98) **Sanžə Ajsa-gə Elst-ür jov-ij duudə-v*
 Санжи Айса-ACC Элиста-DIR ходить-NORT звать-PST
 ‘Санжи позвал Айсу поехать в Элисту’.

С нашей точки зрения, более экономным является следующее решение. Можно предположить, что в обсуждаемых конструкциях *gi-* и глагол в гортативе действуют как единый комплексный предикат, характеризующийся особой аргументной структурой. Эта актантная структура является производной от актантной структуры *gi-* и лично-числовой семантики императивной формы.

В семантическом представлении глагола *gi-* обязательно представлены участники с семантическими ролями говорящего и адресата. Как уже отмечалось выше (раздел 3.1.2), говорящий и адресат также фигурируют в семантике императива, однако уже в качестве дейктических категорий. При этом вне зависимости от частных лично-числовых значений говорящий всегда выступает в роли каузатора императивного события. Адресат же, так или иначе, является каузируемым участником, выступая либо в роли исполнителя конечного события, либо в роли посредника, через которого осуществляется каузация конечного события и его исполнителя.

В обсуждаемых здесь конструкциях дейктические категории говорящего и адресата характеризуются косвенным употреблением, отсылая к участникам речевого акта, обозначенного глаголом *gi-*. Иными словами, дейктические категории императива проецируются на аргументную структуру глагола речи.

Вместе с дейктическими категориями проецируются и ключевые ролевые свойства, закрепленные за соответствующими участниками в семантике императива. В результате комплексные предикаты NORT + *gi-* характеризуются аргументной структурой, в которой представлены уже не говорящий и адресат, а каузирующий и каузируемый.

Те же самые семантические роли характеризуют предикаты с морфологическим каузативом. Следовательно, мы вправе ожидать, что, коль скоро комплексные предикаты HORT + *gi-* и предикаты с морфологическим каузативом имеют похожие наборы семантических ролей, то схожими должны быть и средства, используемые для их кодирования. Это предсказание частично подтверждается нашими данными.

Как при предикатах с морфологическим каузативом, так и в конструкциях HORT + *gi-* в ряде случаев каузируемый участник оформляется аккузативом (подробнее о падежном маркировании участников в каузативных конструкциях см. [Сай, настоящий сборник, а]).

Аккузативное оформление обязательно для конструкций с непереходными глаголами:

- (99) *tedən mini dü küük-igə*
они я.GEN младший девочка-ACC
büil-ülə-v
танцевать-CAUS-PST
'Они заставили танцевать мою младшую сестру'.

В некоторых случаях допустимо аккузативное оформление каузируемого и при каузативации переходных глаголов (см. [Сай, настоящий сборник, а]), как в примере (100). То же оказывается возможным и для конструкций с HORT + *gi-* (101).

- (100) *bagšə küükt-igə kelvər umš-ul-əv*
учитель дети-ACC рассказ читать-CAUS-PST
'Учитель заставил детей прочитать рассказ'.
- (101) *Badma Sanž-igə maši xuld-žə*
Бадма Санжи-ACC автомобиль продавать-CV.IPFV
av-ij gi-və
брат-HORT говорить-PST
'Бадма предложил Санжи купить машину'.

Впрочем, стоит отметить, что для переходных предикатов с морфологическим каузативом такое оформление встречается довольно редко. Преобладающей является инструментальная стратегия оформления (102), а при определенных условиях возможна и дативная (103) [Сай, настоящий сборник, а].

- (102) *Badma Bajërta-вар bij-än üms-ülə-v*
 Бадма Байрта-INS тело-P.REFL целовать-CAUS-PST
 ‘Бадма_i заставил Байрту_j поцеловать себя_{i,*j}’.
- (103) *ekə ürə-n-d-än xaşə id-ül-žä-nä*
 Мать ребенок-EXT-DAT-P.REFL каша есть-CAUS-PROG-PRS
 ‘Мама кормит ребенка кашей (с ложки)’.

Проверить допустимость дативного оформления каузируемого участника в конструкциях HORT + *gi-* не представляется возможным, так как в этом случае комплексный предикат сложно было бы отличить от обычной конструкции прямой речи со стандартным дативным оформлением адресата. Инструментальное же оформление в конструкциях HORT + *gi-*, насколько позволяют судить наши данные, не допускается.

4.4.2. Семантика. Конструкции HORT + *gi-* могут быть также рассмотрены и с точки зрения семантических свойств, рассмотренных выше в разделах 4.3.2 и 4.3.3. В этом отношении обсуждаемые конструкции обнаруживают ряд интересных особенностей, отличающих их от конструкций типа JUSSI + *gi-* и одновременно сближающих их с конструкциями прямой речи.

Так, при переходе от главной предикации к зависимой может происходить мена дейктических центров. Ср. референцию местоимения *mana-вар* ‘мы-DIR’ в следующем примере:

- (104) *Badma Ajsa-g [mana-вар jov-ij]*
 Бадма Айса-ACC мы-DIR ходить-HORT
gi-və
 говорить-PST
 ‘Бадма сказал Айсе: «Пойдем ко мне домой»’ (букв. «к нам»).

В рассматриваемых конструкциях не существует оснований предполагать изменение в лично-числовой семантике гортатива, поскольку подлежащее вложенной предикации не может быть выражено. Вместе с тем с уверенностью можно говорить о том, что значение структуры каузации сохраняется. Выступая в качестве сказуемого зависимой клаузы, формы гортатива, как и в независимом предложении, предполагают совместное исполнение искомого действия, чем собственно и обуславливаются отношения расщепленного контроля, наблюдаемые в конструкциях HORT + *gi-*.

4.4.3. *Промежуточные выводы.* Подводя итоги обсуждению в разделе 4.4, можно заключить следующее.

1) В калмыцком языке существуют основания для выделения еще одного типа конструкций, являющихся результатом развития конструкции с сентенциальными актантами с императивами при глаголах речи.

2) В этом типе конструкций, несмотря на использование аккузативного оформления участника с семантической ролью адресата, именная группа, соответствующая этому участнику, не может быть проанализирована как подлежащее зависимого предложения.

3) В качестве подлежащего в этом типе конструкций можно постулировать единицу, не способную иметь план выражения. Эта единица связана отношениями расщепленного контроля с подлежащим главной предикации и синтаксической позицией, в которой находится участник, оформленный аккузативом.

4) Аккузативное оформление этого участника является требованием конструкции в целом. В этом отношении матричный глагол речи и вложенное сказуемое, выраженное глаголом в форме гортатива, действуют как единый комплексный предикат.

5) По своей актантной структуре, производной от актантной структуры глагола речи и императивной семантики вложенного сказуемого, этот предикат оказывается близок к предикатам с морфологическим каузативом, что проявляется в общем для обеих конструкций аккузативном оформлении каузируемого участника.

6) Несмотря на высокую степень синтаксической спаянности двух клауз, проявляющуюся в наблюдаемых отношениях расщепленного контроля и в конструкционном приписывании аккузатива, обсуждаемые конструкции сохраняют связь с конструкциями прямой речи. В них имеет место переключение шифтерных категорий при переходе от главной предикации к зависимой, а также не наблюдается изменений в семантике вложенного предиката, свойственных употреблению других форм императивной парадигмы в зависимой предикации.

На основании сказанного можно выделить второе возможное направление грамматикализации конструкций с сентенциальными актантами с императивами при глаголах речи: от конструкций прямой речи к аналитическим каузативным конструкциям, проявляющим синтаксические свойства моноклаузальности.

4.5. Событийная структура конструкций с императивами в роли сентенциальных актантов

Итак, как было показано выше, в калмыцком языке в результате грамматикализации конструкции прямой речи с вложенными императивными предикатами появилось две конструкции, обсуждению которых были посвящены разделы 4.2 и 4.3. Как было продемонстрировано, эти конструкции, несмотря на наличие общей аккузативной стратегии оформления участника с ролью адресата, обладают принципиально разной синтаксической структурой. В этом разделе предпринимается попытка анализа распределения форм косвенных наклонений по двум указанным конструкциям, имеющая своей целью предложить объяснение наблюдаемых синтаксических различий.

Для начала еще раз подчеркнем, что для одной из форм, обсуждаемых в этой работе, а именно для формы апрехенсива, употребление ни в одной из двух конструкций не является возможным:

- (105) **Badma čamagə geedr-üzä* *gi-və*
Бадма ты.АСС заблудиться-АРРР говорить-РСТ
'Бадма боится, как бы ты не заблудился'.

Учитывая, что из всех форм косвенных наклонений только апрехенсив характеризуется отсутствием семантики иллокутивной каузации, можно предположить, что этот компонент играет важную роль в структуре рассматриваемых конструкций.

Далее важно отметить, что оставшиеся формы косвенных наклонений, образующие императивную парадигму, строго распределены по двум обсуждаемым типам конструкций. Употребление гортатива возможно только в составе комплексно-предикатных конструкций (рассмотренных в разделе 4.4). Употребление прочих форм императивной парадигмы ограничивается биклаузальными конструкциями с вложенным аккузативным подлежащим (рассмотренными в разделе 4.3). При этом для последнего типа структур наиболее характерно употребление форм юссива-1 в позиции сказуемого вложенной предикации.

Учитывая тесную связь двух форм императивной парадигмы с двумя типами обсуждаемых конструкций, а также то, что определяющим для калмыцкой императивной парадигмы является компонент, обозначенный нами как структура каузации, можно

предположить, что различия в структуре каузации, характерные именно для этой пары форм, определяют синтаксические различия рассматриваемых конструкций.

С другой стороны, поскольку принципиальное структурное различие двух конструкций проходит по линии моно-/биклаузальности, мы вправе ожидать, что это различие будет иконически мотивировано на семантическом уровне через отношения большей/меньшей близости (в предельно широком смысле этого слова) сопряженных событий, описываемых при помощи этих конструкций.

Для проверки обоих предположений вспомним основные особенности семантики юссива-1 и гортатива, рассмотренные в разделе 3.2.

В независимом предложении основная функция юссива-1 может быть описана как прямая каузация фактом высказывания исполнителя третьего лица. Иными словами, в семантике этой формы содержится указание на два события: 1) говорящий каузирует исполнителя третьего лица (выполнить искомое действие); 2) (в случае успеха каузации) исполнитель выполняет искомое действие.

В случае гортатива имеет место каузация говорящим адресата выполнить некоторое совместное действие, т. е. имеет место указание на два события: 1) говорящий каузирует адресата (выполнить искомое действие); 2) (в случае успеха каузации) говорящий и адресат совместно выполняют искомое действие.

Особенность устройства императивных конструкций такова, что непосредственное выражение глагольной лексемой в предложении получает только второе, каузируемое событие и только его участники выражаются лексемами, занимающими позиции глагольных зависимых. На наличие каузирующего события и его участников указывает только императивный показатель. Однако в случае косвенного употребления императивных форм оба события получают свое лексическое выражение, как это происходит в обсуждаемых здесь конструкциях.

В этом смысле биклаузальная структура, характерная для конструкции с вложенным аккузативным подлежащим, может считаться иконическим отражением передаваемой событийной структуры юссива-1. Первое — каузирующее — событие соответствует главной предикации. Каузация фактом высказывания передается глаголом речи. Каузатор кодируется подлежащим главного предложения. Второе — каузируемое — событие помещается во

вложенную предикацию, занимающую в главной клаузе позицию дополнения. Общий участник двух событий, выступающий в роли исполнителя, выражен в позиции подлежащего зависимой предикации.

Схема соответствия событийной структуры юссива-1 биклаузальной структуре конструкций с вложенным аккузативным подлежащим представлена ниже.

Схема 1. Императивное событие в биклаузальных конструкциях

Событие 1:	Каузатор	каузирует	Исполнителя
↓	↓	↓	
Главная предикация	подлежащее <i>Badma</i> Бадма	глагол речи <i>gi-və</i> говорить-PST	не выражен
Событие 2:	Исполнитель	искомое действие	
↓	↓	↓	
Зависимая предикация	подлежащее [<i>čatagə</i> ты.ACC	глагольная группа с юссивом-1 <i>kar-an</i> рука-P.REFL	<i>uša-txa</i> мыть-JUSS1

‘Бадма велел тебе₁ помыть свои₁ руки’

Обнаруживающая свойства моноклаузальности структура комплексно-предикатных конструкций, служащая передаче гортативной семантики, в таком случае должна свидетельствовать о большей близости, спаянности каузирующего и каузируемого событий. И действительно, как свидетельство большей спаянности двух событий может пониматься присутствие и каузатора, и исполнителя в обоих событиях. В каузирующем событии оба эти участника выступают в обычной для них роли. Что же касается второго — каузируемого — события, то здесь они же выступают в роли исполнителей.

Важно отметить, что участник второго события, кореферентный каузатору, обладает одним интересным свойством. Несмотря на свое присутствие в каузируемом событии, он, как отмечалось в разделе 3.2.4, находится вне «сферы действия» каузации и в этом смысле не является каузируемым.

Выражение такой сложной событийной структуры средствами биклаузальной конструкции, как представляется, привело бы к ряду противоречий.

Предположим, что для выражения двух описанных событий имеется структура, состоящая из двух клауз. Отношения каузации, связывающие два события, как и в конструкции с вложенным аккузативным подлежащим, задаются через отношения синтаксической зависимости: главная предикация выражает каузирующее событие, зависимая предикация — каузируемое. Тогда возникает вопрос о том, в какой из двух клауз должны быть выражены общие участники двух событий. Реализуемая в конструкциях с вложенным аккузативным подлежащим схема, при которой каузатор и исполнитель занимают позицию подлежащего в главной и в зависимой предикации соответственно, в данном случае привела бы к тому, что второй участник каузируемого события оказался бы невыраженным. В случае же если оба участника выражались бы в позиции подлежащего зависимой предикации (например, при помощи сочинения), имело бы место другое противоречие, для выражения каузируемого (исполнитель) и не каузируемого (каузатор каузирующего события) участников использовалась бы одна и та же синтаксическая позиция в зависимой предикации.

По-видимому, в комплексно-предикатных конструкциях в калмыцком языке реализована схема, в которой для осуществления отдельного кодирования каузирующего и каузируемого участников в жертву приносится принцип выражения исполнителя в позиции подлежащего зависимой предикации. На выражение этой позиции накладывается запрет. Комбинация глагола речи и императивной формы трактуется как комплексный предикат. В позиции подлежащего выражается каузатор. Каузируемый же участник помещается в позицию прямого дополнения.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что оба предположения, сделанные в начале нашего рассуждения, подтверждаются. Различия в структуре двух рассматриваемых конструкций действительно могут быть выведены из различий семантики юссива-1 и гортатива, а большая синтаксическая спаянность комплексно-предикатных конструкций соответствует большей близости двух событий в событийной структуре гортатива, что проявляется в большем количестве общих партиципантов.

5. Выводы

В заключение, описав особенности семантики, морфологии и синтаксиса калмыцких косвенных наклонений, сформулируем кратко основные выводы данной работы.

1) В семантическом отношении калмыцкие формы косвенных наклонений могут быть разделены на две группы. Общим для первой группы, к которой относится большинство этих форм, является наличие компонента **иллокутивной каузации**. Вторая же группа, к которой относятся только апрехенсив и производные от него формы на *-vzgo*, характеризуется отсутствием этого компонента. В соответствии с предложенным критерием классификации формы первой группы можно обозначить как **императивные**, а формы второй группы как **неимперативные**. С этим различием связано то, что формы первой группы образуют парадигму, каждый член которой характеризуется определенным **лично-числовым значением**, которому соответствует определенная **структура каузации**. Формы же второй группы не обладают специальной лично-числовой семантикой.

2) В плане морфологии указанное семантическое деление коррелирует с двумя различными конструкциями, используемыми при **отрицании** императивных и неимперативных форм, а связанные с ним различия в лично-числовой семантике отражаются в неспособности форм первой группы, в отличие от второй, присоединять согласовательные **лично-числовые показатели**.

3) Наконец, **зависимые** употребления императивов и неимперативов обнаруживают тесную связь с указанными выше особенностями семантики двух групп. Все конструкции с зависимым употреблением форм косвенных наклонений по своему происхождению являются грамматикализованными конструкциями прямой речи. Поэтому их употребление в зависимой клаузе возможно либо в качестве сентенциальных актантов при глаголах речи, либо связано с употреблением союзов *gi-žə* и *gi-väd*, развившихся из деепричастных форм глагола *gi-* 'говорить'. Только **императивные** формы способны самостоятельно, без использования дополнительных союзных средств, возглавлять сентенциальный актант при матричных глаголах речи. Такие конструкции с сентенциальными актантами разделяются на **два** структурных типа. В первом типе реализуется стандартная **биклаузальная**

структура. Второй тип демонстрирует ряд свойств **моноклаузальности**. Обе эти **синтаксические структуры** обнаруживают тесную связь с **событийной структурой** двух форм императивной парадигмы — юссива-1 и гортатива. Определяющим при этом является параметр, который можно сформулировать как большая/меньшая **близость** каузирующего и каузируемого событий, описываемых этими конструкциями и соответствующими императивными формами. В гортативной семантике два события характеризуются большей близостью, проявляющейся в большем числе общих участников, что и приводит к тому, что описывающие эти события синтаксические структуры проявляют свойства большей синтаксической спаянности.

Литература

- Баранова В. В. Сложные глаголы в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Гусев В. Ю. 2005. *Типология специализированных глагольных форм императива*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.
- Добрушина Н. Р. 2001. К типологии оптатива // Плулган В. А. (ред.). *Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Глагольные категории*. М.: Русские словари. С. 7–27.
- Добрушина Н. Р. 2006. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // *Вопросы языкознания*, 2. С. 28–67.
- Князев М. Ю. Сентенциальные дополнения в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Мельчук И. А. 1998. *Курс общей морфологии*. Том II (Часть вторая: *Морфологические значения*). М.: ЯПК; Вена: WSA.
- Мищенко Д. Ф. Деепричастия с показателями *-жэ* и *-ад* в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Очиров У. У. 1964. *Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис*. Элиста: Калмгосиздат.
- Сай С. С. Аргументная структура калмыцких каузативных конструкций. Настоящий сборник, а.
- Сай С. С. Грамматический очерк калмыцкого языка. Настоящий сборник, б.
- Санжеев Г. Д. (ред.). 1983. *Грамматика калмыцкого языка. Фонетика. Морфология*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Сердобольская Н. В. Аккузатив субъекта в зависимой предикации: за и против подъема аргумента в калмыцком языке. Настоящий сборник.

- Ханина О. В. 2001. Грамматикализация глагола речи в “подчинительный союз” при конструкциях с сентенциальными актантами // *Русская филология*, 12. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Tartu Ülikooli. С. 125–129.
- Храковский В. С., Володин А. П. 1986. *Семантика и типология императива: русский императив*. Л.: Наука.
- Anderson S. R., Keenan E. L. 1985. Deixis // Shopen T. (ed.). *Language Typology and Syntactic Description, III. Grammatical categories and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 259–308.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. 1994. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the language of the world*. Chicago: University of Chicago Press.
- Barrie M., Pittman Ch. M. 2004. Partial control and the movement towards Movement // *Toronto Working Papers in Linguistics*, 22. P. 75–92.
- Bläsing U. 2003. Kalmuck // Janhunen J. (ed.). *The Mongolic Languages*. London: Routledge. P. 229–248.
- Janhunen J. (ed.). 2003. *The Mongolic Languages*. London: Routledge.
- Landau I. 1999. *Elements of control*. PhD dissertation. Cambridge, MA: MIT.
- Palmer F. R. 1986. *Mood and Modality*. Cambridge: Cambridge University Press.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ -*жэ* И -*ад* В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Для калмыцкого языка характерна преимущественно нефинитная модель выражения таксисных отношений, т. е. относительные временные значения передаются при помощи адвербиальных неличных глагольных форм. Традиционно такие формы называют «деепричастиями»².

В калмыцком языке существует 7 деепричастных форм³. В статье рассматриваются две наиболее часто встречающиеся формы: с показателями -*жэ* и -*ад*.

¹ Материал собран в экспедициях 2007 г. в поселок Ергенинский и 2008 г. в поселок Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий». Автор выражает искреннюю благодарность Н. В. Сердобольской за обсуждение положений данной работы и ценные комментарии.

² В данной статье мы будем употреблять этот термин в его традиционном значении. Ср., однако, предложенное В. П. Недялковым разграничение канонических деепричастий и квазидеепричастий: каноническое деепричастие способно занимать позицию адьюнкта, но не может выступать в качестве единственного предиката простого предложения без вспомогательных элементов, в качестве сентенциального актанта при матричном глаголе и в позициях субъекта, объекта и атрибута [Nedjalkov 1995: 95]. Как будет показано далее, деепричастия в калмыцком языке не полностью соответствуют определению канонических деепричастий, так как могут выполнять функции атрибута и сентенциального актанта и, следовательно, в рамках подхода В. П. Недялкова являются квазидеепричастиями.

³ В грамматиках калмыцкого языка описывается более 10 форм, однако некоторые из них в современном языке — во всяком случае, в изучаемом диалекте — не употребляются.

- (1) *škaf-asə tosə av-čk-ad bi*
 шкаф-ABL масло брать-COMPL-CV.ANT я.NOM
širk tag-tə tävə-v
 сахар полка-DAT класть-PST
 ‘Вынув из шкафа масло, я поставил в шкаф сахар’.
- (2) *giič-nər divan deer suu-žə cä*
 гость-PL диван поверхность сидеть-CV.IPFV чай
uu-la
 пить-REM
 ‘Гости пили чай, сидя на диване’.

В монголоведении принято называть деепричастие на *-žə* соединительным (в англоязычной литературе copulative), а деепричастие на *-ad* — разделительным (disjunctive). Эти наименования определяются семантикой, обычно приписываемой показателям: утверждается, что деепричастие на *-žə* выражает очень тесную связь (временную, причинно-следственную и т. д.) между действиями, выраженными этим деепричастием и финитной формой глагола. Деепричастие на *-ad*, в свою очередь, позволяет представить два действия как два отдельных события. Так, по словам Г. Д. Санжеева, форма на *-žə* «обозначает действие, которое тесно связано с основным действием», «выражает сопутствующее побочное действие, поясняющее основное действие» [Санжеев 1983: 252]. Такие деепричастия «во времени могут сопутствовать или предшествовать основным действиям, выраженным глаголами» [Санжеев 1983: 252]. В свою очередь, форма на *-ad* «обозначает побочное действие, обычно предшествующее действию основного глагола» [Санжеев 1983: 255]. У. Блэзинг акцентирует внимание на типах отношений между значениями финитного глагола и деепричастия. Он пишет о том, что в случае равноправности двух действий может употребляться либо «имперфективное» деепричастие на *-žə*, либо «перфективное» на *-ad*. При этом «имперфективное» деепричастие выражает «более конкретные» или «особые» отношения между предикатами, в то время как «перфективное» деепричастие не вносит подобной семантики и часто служит для передачи предшествования во времени [Bläsing 2003: 243]. Таким образом, предполагается, что в основе различия между рассматриваемыми деепричастиями лежат два

противопоставления: по значению категории таксиса для действий, выражаемых деепричастной и финитной формами глагола, и по типу отношений между этими действиями. Наиболее характерным для деепричастия на *-ad* считается значение предшествования и причины, для деепричастия на *-ǰə* — значение одновременности и образа действия или сопутствующего обстоятельства. Именно такие случаи представлены в (1)–(2).

Однако таксисная интерпретация деепричастия часто противоречит ожидаемой. Рассмотрим следующие примеры:

(3) *Badmə xan'a-ɤad* *čičər-ǰä-nä*
 Бадма кашлять-CV.ANT трястись-PROG-PRS
 'Бадма кашляет и дрожит'.

(4) *xan'a-ǰə* *Očir ɤar-an* *örgə-v*
 кашлять-CV.IPFV Очир рука-P.REFL поднимать-PST
 'Кашлянув, Очир поднял руку'.

Исходя из семантики показателя, можно было бы ожидать, что предложение (3) означает «Бадма кашлянул / покашлял и дрожит», а (4) — «Кашляя, Очир поднял руку». Однако, как мы видим, информанты предлагают другую интерпретацию. Примеры, в которых деепричастие на *-ad* передает значение одновременности, а деепричастие на *-ǰə* — предшествования, встречаются очень часто. Даже в грамматике Санжеева многие примеры противоречат его собственному описанию семантики деепричастных показателей.

Трудно связать исключительно с семантикой деепричастного показателя и распределение данных деепричастий в составе сложных глаголов различных типов. Очевидно, что в примерах типа (5) вся бивербальная конструкция обладает собственной аспектуальной семантикой (в данном случае хабитуальной):

(5) *čini časə adɤ-ad* *jov-na*
 ты.GEN часы торопиться-CV.ANT ходить-PRS
 'Твои часы спешат'. {Ты их подводишь, а они снова спешат}.

Отвлекаясь от того обстоятельства, что сложные глаголы в калмыцком языке находятся на разных стадиях грамматикализации от полусвободных сочетаний до аспектуальных конструкций [Баранова, настоящий сборник], в целом следует признать,

что сложный глагол выражает единое событие, а потому употребление того или иного деепричастия в его составе невозможно описать в терминах одновременности/предшествования или не вполне конкретного «типа отношений» между двумя действиями.

Из сказанного выше следует, что традиционный подход, при котором семантика рассматриваемых деепричастий полностью выводится из значения показателя, неудовлетворителен. Очевидно, что конечная интерпретация деепричастия зависит не только от семантики показателя, но и от нескольких дополнительных факторов. И если различные обстоятельственные оттенки (причинно-следственные, уступительные и пр.), о которых обычно пишут монголоеды, в значение приносят прагматические факторы, такие, как знание о мире или контекст, то таксисная семантика — это результат взаимодействия базового значения показателя и акциональной характеристики лексемы. Различия в таксисной интерпретации деепричастий можно объяснить различными свойствами акциональных классов глаголов, от которых они образуются. Конкретное значение деепричастия — результат взаимодействия семантики показателя с акциональными свойствами глагола. Особый интерес представляют такие ситуации, когда семантика показателя и акциональная семантика глагола логически не сочетаются. Для того, чтобы понять, что происходит в этих случаях, необходимо проанализировать употребление деепричастий на *-ǰə* и *-ad*, образованных от глагольных основ всех акциональных классов калмыцкого языка.

Что касается сложных глаголов, то можно предположить, что здесь взаимодействуют 3 компонента: семантика конструкции, акциональные свойства глагола и семантика деепричастного показателя, при этом значение показателя дополняет значение всей конструкции. Следовательно, для того, чтобы определить, как распределяются деепричастия в составе сложных глаголов разных типов, нужно проверить способность каждого сложного глагола включать в свой состав деепричастия от глагольных основ всех акциональных классов.

Таким образом, мы предполагаем, что употребление того или иного деепричастия определяется не одной лишь семантикой деепричастного показателя, но также акциональными свойствами

глагола и значением той конструкции, в составе которой оно функционирует. Далее в статье мы рассмотрим отдельно каждую из 3 функций, которые могут выполнять деепричастия с показателями *-ǰə* и *-ad* в современном калмыцком языке. В разделе 2 обсуждается их употребление в роли актантов матричного глагола, анализируется роль семантики показателя при выборе одного из рассматриваемых деепричастий. Раздел 3 посвящен употреблению деепричастий на *-ǰə* и *-ad* в качестве предиката деепричастного оборота, в нем подробно рассматривается взаимодействие значения деепричастного показателя с акциональными свойствами глаголов всех акциональных классов. В разделе 4 описываются случаи использования деепричастий в качестве смыслового компонента сложного глагола, там же будут рассмотрены сочетания деепричастий на *-ǰə* и *-ad* с отрицательной связкой *uga*. Мы проанализируем связь семантики показателя деепричастия с акциональностью глагола и аспектуальным значением всей бивербальной конструкции. Таким образом, рассмотрев различные употребления деепричастий с учетом нескольких факторов, в первую очередь, акциональных свойств глаголов, от которых они образованы, мы попытаемся найти общие закономерности, определяющие выбор показателя *-ad* или *-ǰə*.

2. Употребление в функции актанта матричного глагола

Выше мы уже говорили о том, что традиционно распределение деепричастий на *-ǰə* и *-ad* связывают с присущей им семантикой одновременности и предшествования соответственно. Однако лишь в одной из функций, которые выполняют данные деепричастия в калмыцком языке, их употребление зависит исключительно от значения показателя. Речь идет о случаях, когда деепричастия с показателями *-ǰə* и *-ad* участвуют в заполнении семантической валентности некоторых фазовых и модальных глаголов.

Для выражения конечной фазы ситуации используется конструкция с фазовым глаголом *duusə*- 'заканчивать' и деепричастием на *-ǰə*:

- (6) *Badma bičəg bič-čə⁴ duusə-v*
 Бадма письмо писать-CV.IPFV заканчивать-PST
 ‘Бадма кончил писать письмо’.

Начальная фаза ситуации выражается сочетанием глагола *ekl-* ‘начинать’ и деепричастия на *-ad*, при этом используется особая синтаксическая конструкция (7):

- (7) *ter ixr-an ekl-äd xää-žä-nä*
 тот ложка-P.REFL начинать-CV.ANT искать-PROG-PRS
 ‘Он начал / начинает искать ложку’.

Здесь семантическая и синтаксическая валентности глаголов не совпадают: синтаксически главным является не глагол *ekl-* ‘начинать’, а смысловой глагол *xää-* ‘искать’, выступающий в финитной форме, в то время как семантически главный глагол *ekl-* употребляется в форме деепричастия.

Мы видим, что в оформлении актантов фазовых глаголов *ekl-* ‘начинать’ и *duusə-* ‘заканчивать’ наблюдается четкое разделение функций между двумя рассматриваемыми деепричастиями. Использование разных конструкций объясняется действием принципа иконичности. Начальная фаза действия мыслится как последовательность 2 событий: вхождения в процесс и осуществление самого процесса. Конечная же фаза представлена как одновременное совершение действия и вступление в стадию его завершения. Тогда употребление в этих конструкциях разных деепричастий коррелирует с семантикой показателей *-žə* и *-ad*: деепричастие на *-žə* используется для выражения значения одновременности, а деепричастие на *-ad* — для выражения предшествования.

Деепричастие с показателем *-žə* также выступает в функции актанта модального глагола *čad-* ‘мочь’ (8). Для деепричастия на *-ad* такое употребление не свойственно.

- (8) *bi kü al-žə čad-xə-v*
 я.NOM человек убить-CV.IPFV мочь-PC.FUT-1SG
 ‘Я способен убить человека’.

⁴ Показатель *-žə* приобретает форму *-čə*, присоединяясь к односложной или двусложной основе, оканчивающейся на любой согласный, кроме *-l*.

Выбор деепричастной формы в этом случае можно объяснить тем, что способность совершать действие и само это действие мыслятся как одновременные. Следовательно, и в этом случае выбор деепричастия полностью определяется семантикой показателя, выражающего значение одновременности.

3. Употребление в качестве предиката деепричастного оборота

Основной функцией для деепричастий с показателями *-ǰə* и *-ad* является их способность возглавлять зависимую деепричастную клаузу. В качестве предиката деепричастной клаузы они выражают действие, предшествующее действию, выраженному финитной формой глагола, или одновременное с ним. Употребление их в этой функции определяется рядом особенностей. В разделе 3.1 мы рассмотрим морфосинтаксические характеристики деепричастий на *-ǰə* и *-ad*. В разделе 3.2 мы покажем, что интерпретация, которую получает деепричастная форма, зависит не только от значения показателя, но и от акциональных свойств глагола, от которого они образуются.

3.1. Морфосинтаксические особенности

3.1.1. Сочетаемость с некоторыми суффиксальными показателями. Сфера употребления показателя *-ǰə* в калмыцком языке уже, чем у показателя *-ad*. В первую очередь, это обусловлено ограниченной сочетаемостью данного деепричастного показателя с глаголами некоторых акциональных классов, подробнее это будет обсуждаться в разделе 3.2. Не менее важным фактором оказывается и способность деепричастных показателей сочетаться с другими суффиксами. Деепричастие на *-ad* может присоединять суффиксы *-čkə* и *-ǰa*, которые модифицируют значение деепричастной формы. Если деепричастие на *-ad* употребляется с показателем комплетива *-čkə*, оно может выражать лишь значение предшествования (9):

- (9) *ükər* *möör-čk-äd* *xaša-vür*
 корова мычать-COMPL-CV.ANT двор-DIR
joṽ-ǰə *orə-v*
 ходить-CV.IPFV входить-PST
 1. 'Корова замычала и зашла в сарай'.
 2. *'Мыча, корова зашла в сарай'.

Присоединяясь к деепричастию на *-ad*, показатель прогрессива *-žä* лишь выражает значение длительности действия, поэтому для таких форм возможны оба таксисных прочтения (10):

- (10) *Badma-ta üürl-žä-väd küükə-n*
 Бадма-ASSOC дружить-PROG-CV.ANT девочка-EXT
Vaatər-ta xarvə-v
 Батыр-ASSOC встречаться-PST
 1. ‘Девочка дружит с Бадмой, а сама встретила с Батыром’.
 2. ‘Девочка дружила с Бадмой, а потом встретила с Батыром’.

В отличие от *-ad*, *-žä* не сочетается с суффиксами *-čkə* и *-žä*. Употребление деепричастий на *-žä* в (9)–(10), например, невозможно.

3.1.2. *Выражение субъекта при деепричастии.* Сфера употребления деепричастия на *-žä* ограничивается, в числе прочего, и тем, что оно строго односубъектно, т. е. требует кореферентности своего субъекта подлежащему при глаголе в главной клаузе. При некорреферентных субъектах оно не употребляется. Деепричастие на *-ad* таких ограничений не имеет.

Субъект деепричастной клаузы с деепричастием на *-ad* может быть выражен только формой номинатива (11). Интересно, что при других деепричастиях, допускающих некорреферентность субъектов — предельном деепричастии с показателем *-təl* или условном деепричастии с показателем *-xla*, — возможен также аккузатив (12)–(13).

- (11) *bi / *namagə ser-čk-äd sad-ur*
 я.NOM я.ACC просыпаться-COMPL-CV.ANT дерево-DIR
kar-u-v
 выходить-PST-1SG
 ‘Я проснулся и вышел в сад’.
- (12) *Badma / Badma-gə bičə-g bič-ä*
 Бадма Бадма-ACC письмо-ACCписать-CONT
büü-tl du soŋsə-gd-la
 быть-CV.TERM песня слушать-PASS-REM
 ‘Когда Бадма писал письмо, была слышна песня’.

- (13) *namagə / bi unt-xla ekə-m*
 я.ACC я.NOM спать-CV.SUCC мать-P.1SG
ir-lä
 приходить-REM
 ‘В то время как я спал, вернулась мама’.

Стоит отметить, что в прамонгольском и среднемонгольском в случае разносубъектности деепричастие на *-ad* не использовалось: оно, как и деепричастие на *-ǰə*, требовало кореферентности своего субъекта подлежащему при глаголе в финитной форме [Rybatzki 2003: 78]. По всей видимости, расширение сферы употребления деепричастия на *-ad* связано с появившейся у него функцией нарративного деепричастия.

3.1.3. *Деепричастие на -ad в нарративах.* Согласно определению В. П. Недялкова, нарративным называется деепричастие, которое может выражать 3 или более совершенных действий в их последовательности, способствующей продвижению повествования [Nedjalkov 1995: 109]. Нарративная функция чрезвычайно характерна для деепричастия на *-ad* (14). Благодаря своей способности употребляться в нарративах оно не только является наиболее частотной деепричастной формой в калмыцких текстах, но и количественно превосходит все финитные глагольные формы, вместе взятые⁵.

- (14) *emčə ködəlməš-än ke-väd, möng-än*
 врач работа-P.REFL делать-CV.ANT деньги-P.REFL
av-ad, maši-n deer
 брать-CV.ANT автомобиль-EXT поверхность
suu-vad, ger var-ad jövə-v
 сидеть-CV.ANT дом выходить-CV.ANT ходить-PST
 ‘Доктор сделал свое дело, получил деньги, сел в машину и поехал домой’.

Способность именно деепричастия на *-ad* выполнять нарративную функцию объясняется его семантикой предшествования. Несколько действий, выраженных формой деепричастия с показателем *-ad*, представлены как следующие одно за другим. В связи с этим интересно отметить, что, если в предложении перечисляются

⁵ См. статистические данные в комментарии к корпусу текстов [Баранова, Сай, настоящий сборник].

хронологически не упорядоченные действия, допустимо также употребление деепричастия на *-žə* (15):

- (15) *bi örä cevərl-äd / cevərlə-ž,*
 я.NOM комната очищать-CV.ANT очищать-CV.IPFV
xivcə uka-kađ / uka-žə, bičg-iid
 одежда мыть-CV.ANT мыть-CV.IPFV письмо-PL
bič-äd / bič-čə, gazet umš-ad /
 писать-CV.ANT писать-CV.IPFV газета читать-CV.ANT
umš-čə, sergə-v
 читать-CV.IPFV прогуливаться-PST.1SG
 {«Чем ты вчера занимался?»} ‘Я прибирал комнату, стирал
 одежду, писал письма, читал газеты, гулял’.

3.1.4. *Выражение отрицания при деепричастиях на -žə и -ad.* При деепричастных формах на *-žə* и *-ad* возможно употребление отрицательной связки *uga*. Однако функционально такие конструкции не совпадают с описанными выше случаями использования деепричастий для выражения предиката деепричастной клаузы. Отрицательные формы деепричастий на *-žə* и *-ad* выражают не просто отсутствие ситуации. В сочетании с *uga* эти деепричастия служат для выражения значения кунктатива — действия, которое не было совершено вплоть до момента, принятого за точку отсчета [Плунгян 2003: 306]. Эта функция деепричастий будет рассмотрена далее. Что же касается отрицания второстепенного действия, то эту зону делят между собой две формы: причастие прошедшего времени с показателем *-sən* и отрицательной связкой *uga* и так называемое «слитное» деепричастие в отрицательной форме, т. е. с показателем *-l* и связкой *uga*. Первая употребляется с временным значением, при этом *uga* ведет себя как финитная форма, согласуясь с подлежащим в лице и числе (16):

- (16) *du ä kar-sən uga-v,*
 голос звук выходить-PC.PST NEG.COP-1SG
ger-t-än ir-čk-äd, zul
 дом-DAT-P.REFL приходить-COMPL-CV.ANT лампада
örg-čk-äd mörg-žä-nä-v
 поднимать-COMPL-CV.ANT молиться-PROG-PRS-1SG
 ‘Я ничего не сказала, вернулась домой, зажгла лампадку
 и помолилась’ (08_konflikt.8).

Если же необходимо выразить отрицание при образе действия или сопутствующем обстоятельстве, используется слитное деепричастие со связкой *uga* (17). Часто *uga* сливается с деепричастием, образуя форму *-l-go/-l-go-n* (18):

(17a) *endə-tend-än xälä-käd , čī ulic-ar*
 здесь-там-Р.REFL смотреть-СV.ANT ты.NOM улица-INS
šov-žə jov-la-č
 ходить-СV.IPFV ходить-REM-2SG
 ‘Ты шел по улице, глядя по сторонам’.

(17б) *endə-tend-än xälä-l uga,*
 здесь-там-Р.REFL смотреть-СV.MOD NEG.COP
čī ulic-aršov-žə jov-la-č
 ты.NOM улица-INS ходить-СV.IPFV ходить-REM-2SG
 ‘Ты шел по улице, не глядя по сторонам’.

(18a) *emgə-n noxa-gə ol-žə*
 бабушка-EXT собака-ACC находить-СV.IPFV
av-čə sad-tə varə-v
 брат-СV.IPFV сад-DAT выходить-РST
 ‘Найдя собаку, бабушка вышла в сад’.

(18б) *naadva ol-žə av-l-go-n,*
 игрушка находить-СV.IPFV брат-СV.MOD-NEG.COP-СV.MOD
küükə-n ger-ür or-və
 девочка-EXT дом-DIR входить-РST
 ‘Так и не найдя игрушку, девочка вошла в дом’.

Происхождение и значение конечного *-n* в показателе *-l-go-n* не вполне ясны. Возможно, перед нами случай вторичного употребления показателя слитного деепричастия. В пользу этой версии говорят случаи (19)–(20) и подобные им.

(19) *ixrə av-l-go serä-gə avə-v*
 ложка брат-СV.MOD-NEG.COP вилка-ACC брат-РST
 {На столе лежит ложка и вилка. Бадма взял именно вилку}.
 ‘Ложку не взял, вилку взял’.

- (20) *ödr-in duusən ger-t-än*
 день-GEN продолжительность дом-DAT-P.REFL
sui-l-go, ċi ö šuvi modə
 сидеть-CV.MOD-NEG.COP ты.NOM лес чаща дерево
or-ad, modə av-č irə-Ø
 входить-CV.ANT дерево братъ-CV.IPFV приходить-IMP
 ‘Чем сидеть целый день дома, иди в лес, принеси дрова’
 (12_prostofilja.5).

В предложениях типа (19), в которых два действия противопоставляются друг другу, одно как бы «замещает» другое, наиболее характерно использование двух финитных форм. Но, как видно из примера, здесь также возможно употребить форму на *-l-go*. Если же необходимо выразить обстоятельственное значение, как в примере (20), носители языка предпочитают форму на *-l-go-n*. Вероятно, таким образом они образуют форму слитного деепричастия по регулярному правилу от нерегулярной отрицательной деепричастной формы. Впрочем, взаимная замена показателей *-l-go* и *-l-go-n* всегда допустима.

Сочетание деепричастий на *-žə* и *-ad* и отрицательной связки *uga*, казалось бы, должно интерпретироваться как отрицание некоторой ситуации, одновременной или предшествующей действию, выраженному финитной формой глагола. Рассмотрим, однако, примеры (21)–(23):

- (21) *Badma dombər ke-väd uga*
 Бадма домбра делать-CV.ANT NEG.COP
 ‘Бадма еще не сделал домбру’.
- (22) *madna ir-lkə-n-də Zanda ger*
 мы.GEN приходить-NMLZ-EXT-DAT Занда дом
xuld-žə av-ad uga
 продавать-CV.IPFV братъ-CV.ANT NEG.COP
 {У Занды нет своего дома, живет с родителями. Мы приедем к ней через год}. ‘Когда мы приедем, Занда еще не купит дом’.
- (23) *bi kurvən čas-t-an zaksə bär-lä-v*
 я.NOM три час-DAT-P.REFL рыба держать-REM-1SG
boləv zaksə bär-žə uga-v
 но рыба держать-CV.IPFV NEG.COP-1SG
 ‘Я три часа ловил рыбу, но ничего не поймал’.

Здесь деепричастия на *-ǰə* и *-ad* с отрицательной связкой *uga* приобретают дополнительный компонент значения «неначала действия», для которого В. А. Плунгян предлагает термин «кунктатив» [Плунгян 2003: 306]. По его словам, грамматически выраженное значение кунктатива — редкое явление, чаще всего оно передается лексически. При этом возможно существенное различие, связанное с параметром характера ожидания: «Важное семантическое различие между русским *так и не* и английским *not yet* состоит в характере ожиданий говорящего относительно ситуации в момент t_0 . Если в первом случае имеется в виду, что ситуация, не начавшись к t_0 , скорее всего, уже не будет иметь места в будущем, то во втором случае ожидание сохраняется (ср. русск. *еще не*)» [Плунгян 2003: 306]. Как видно из примеров (21)–(23), в калмыцком языке это семантическое противопоставление выражено грамматически. Деепричастие с показателем *-ad* употребляется, если действие не осуществилось на момент, принятый за точку отсчета, однако предполагается, что оно совершится позже; конструкция при этом выражает не абсолютное, а относительное время (21)–(22). Если же на момент, принятый за точку отсчета, действие не осуществилось и вряд ли осуществится позже, употребляется деепричастие с показателем *-ǰə* (23).

Различие в характере ожидания основывается на выделении одного из двух компонентов значения кунктатива. Это выделение становится возможным благодаря выбранной деепричастной форме. Употребляя форму на *-ad* с присущим ей значением предшествования, говорящий подчеркивает, что действие не произошло прежде, при этом сведений о невозможности совершения действия нет. Если же он использует форму на *-ǰə*, то для него важно, что в существующем положении дел этому действию нет места.

3.2 Акциональные свойства лексемы и интерпретация деепричастия

В калмыцком языке выделяется 13 акциональных классов⁶. Глаголы некоторых акциональных классов: сильные предельные (например, *av-* ‘брать’), пунктивы (*ol-* ‘находить’), сильные инцептивно-стативные (*naald-* ‘прилипать’), слабые инцептивно-

⁶ Подробнее об акциональных классах глаголов в калмыцком языке и их свойствах см. [Овсянникова, настоящий сборник].

стативные (*äi-* ‘бояться’) и сильные предельно-стативные (*mart-* ‘забывать’) — хорошо сочетаются со значением предшествования, так как в их семантике есть компонент вхождения в состояние. Для глаголов этих классов характерна предельная интерпретация, поэтому в сочетании с семантикой предшествования они выражают переход в новое состояние, который совершился до некоторого момента, принятого за точку отсчета. Глаголы других классов: неопредельные (*xäi-* ‘искать’), стативные (*iürl-* ‘дружить’), ингрессивно-неопредельные (*biil-* ‘танцевать’) — не сочетаются со значением предшествования, поскольку лишены семантического компонента вхождения в состояние и обозначают преимущественно процессы и состояния. Наконец, сочетание со значением предшествования затруднено для глаголов некоторых акциональных классов, которые редко интерпретируются как выражающие значение предела: слабые предельные (*umš-* ‘читать’), стативно-процессные (*öms-* ‘надевать’), двупредельные (*šat-* ‘гореть’). Особую группу акциональных классов представляют собственно мультипликативные (*coḱ-* ‘стучать’) и ингрессивно-мультипликативные (*dajl-* ‘махать’) глаголы, которые могут сочетаться со значением предшествования, получая при этом интерпретацию кванта мультипликативного процесса.

Не все акциональные классы сочетаются и с семантикой одновременности. Очевидно, что сильные предельные глаголы и пунктивы, для которых допустима лишь интерпретация вхождения в состояние, не могут выражать действие, одновременное с некоторым другим действием.

Из всего сказанного выше вытекает 2 следствия.

Во-первых, поскольку существуют акциональные классы, не совместимые с семантикой предшествования или одновременности, акциональная характеристика глагольной лексемы должна вступать в конфликт со значением деепричастного показателя. Существует 2 варианта дальнейшего развития событий: либо глаголы из некоторых акциональных классов вообще не смогут присоединить тот или иной показатель, либо одно из значений (глагольной основы или деепричастного показателя) окажется «сильнее» другого, и образованное деепричастие получит приписанную им таксисную интерпретацию. Для того, чтобы узнать, какая из этих стратегий действует в калмыцком языке, нужно

проверить способность деепричастного показателя *-ad* присоединяться к неопределённым, стативным и ингрессивно-неопределённым глаголам, а показателя *-ǰə* — к пунктивам и сильным предельным глаголам.

Во-вторых, деепричастный показатель, присоединяясь к глаголу из тех акциональных классов, которые допускают несколько вариантов интерпретации (например, слабые предельные глаголы, обозначающие процесс или вхождение в состояние), должен актуализировать одну из них. Поэтому интересно проверить, может ли одна деепричастная форма получать обе таксисные интерпретации, и если да, то что влияет на выбор одной из них в каждом конкретном случае.

Для того, чтобы упростить анализ, мы разделим акциональные классы калмыцкого языка на 4 группы. В разделе 3.2.1 мы рассмотрим сочетаемость с деепричастными показателями *-ǰə* и *-ad* глаголов из акциональных классов, допускающих только интерпретацию вхождения в состояние. В разделе 3.2.2 будет анализироваться образование деепричастий от основ стативных и неопределённых глаголов, лишённых компонента вхождения в состояние. Раздел 3.2.3 посвящён отдельной группе мультипликативных глаголов.

3.2.1. *Глаголы с семантикой вхождения в состояние.* Показатель *-ǰə* плохо сочетается с сильными предельными глаголами; часто формы, разрешённые одним информантом, другим информантом оцениваются как недопустимые. Так, например, образование деепричастия на *-ǰə* от сильного предельного глагола *av-* ‘брат’ в (24) некоторые информанты сочли возможным, однако чаще такую форму запрещали:

- (24) *xudg-asə* *usə-n* *av-xla* / ^{??}*av-čə*
 колодец-ABL вода-EXT брат-CV.SUCC брат-CV.IPFV
Nina suulvə *uvba-čkə-v*
 Нина ведро падать-CAUS-COMPL-PST
 ‘Доставая воду из колодца, Нина уронила ведро’.

Однако примеры типа (24) крайне редки. Как правило, если от глагола с семантикой вхождения в состояние деепричастие на *-ǰə* все же образуется, такая форма интерпретируется как выражающая предшествование, как в (25):

- (25) *egčə terzə sek-äd / ^{OK}sekə-žə*
 сестра окно открывать-CV.ANT открывать-CV.IPFV
terzə ыба-вə
 окно мыть-PST
 ‘Сестра открыла окно и вымыла его’.

Деепричастия на *-ad* от основ глаголов с семантикой вхождения в состояние получают интерпретацию предшествования, как в приведенном выше примере (25), а также (26):

- (26) *bi хаҗа-вас вaг-ад вaгуд*
 я.NOM двор-ABL выходить-CV.ANT огород
ог-и-в
 входить-PST-1SG
 ‘Я вышел из сарая и пошел в огород’.

Однако если деепричастие на *-ad*, образованное от таких глаголов, присоединяет показатель прогрессива *-žə*, оно обозначает одновременность (27):

- (27) *ködəlmš-t-än вaг-žə-вaд екə*
 работа-DAT-P.REFL выходить-PROG-CV.ANT мать
kövü-вän ümsə-в
 мальчик-P.REFL целовать-PST
 ‘Уходя на работу, мама поцеловала сына’.

Итак, деепричастие на *-žə* крайне редко образуется от глаголов вхождения в состояние, если же такие формы образуются, они выражают значение предшествования. Деепричастие на *-ad* в отсутствие показателя прогрессива также обозначает предшествование.

3.2.2. *Глаголы со стативной и непредельной процессной семантикой.* Глаголы со стативной (28), непредельной (29) или слабой предельной процессной семантикой (30) в форме на *-ad* чаще всего воспринимаются как выражающие значение одновременности:

- (28) *radio соҗs-ад күүкə-н örä-də*
 радио слушать-CV.ANT девочка-EXT комната-DAT
орə-в
 входить-PST
 ‘Слушая радио, девочка вошла в комнату’.

- (29) *zurəg xälä-käd Lida eck-än duudə-v*
 рисунок смотреть-CV.ANT Лида отец-P.REFL звать-PST
 ‘Глядя на картинку, Лида позвала отца’.
- (30) *Baatər bičəg bič-äd, ekə-nⁱ duul-žə-na*
 Батыр письмо писать-CV.ANT мать-P.3 петь-PROG-PRS
 ‘Батыр пишет письмо, а мама поет песню’.

Информанты, породившие примеры (28)–(30), давали именно такой перевод, при котором деепричастные формы обозначают состояние или процесс, одновременный с действием, выраженным финитной формой глагола. Однако когда мы предъявляли эти же предложения другим информантам для перевода на русский, мы зачастую получали иной перевод. Так, например, (29) может также значить ‘Поглядев на картинку, Лида позвала отца’. При этом, как было сказано выше, в том случае, если деепричастие на *-ad* употребляется с показателем комплетива *-čkə*, оно может выражать лишь значение предшествования, ср. (28) и (31):

- (31) *radio soŋs-čk-ad küükə-n*
 радио слышать-COMPL-CV.ANT девочка-EXT
örä-də orə-v
 комната-DAT входит-PST
 ‘Послушав радио, девочка вошла в комнату’.

Формы деепричастия на *-žə* от глаголов, лишенных компонента вхождения в состояние, интерпретируется однозначно как выражающие одновременность:

- (32) *gič-müd divan deerə suu-žə cä*
 гость-PL диван поверхность сидеть-CV.IPFV чай
uu-v
 пить-PST
 ‘Гости сидели на диване и пили чай’.

Деепричастная форма в примере (32) не может получить значение предшествования, т. е. перевод ‘сели и стали пить’ информанты запрещали.

Таким образом, мы видим, что от глаголов, обозначающих неопредельные процессы и состояния, легко образуются оба деепричастия. При этом деепричастие на *-žə* обозначает исключительно

одновременность, в то время как деепричастие на *-ad* может получать обе таксисные интерпретации.

3.2.3. *Мультипликативные глаголы.* Особенность мультипликативных глаголов заключается в том, что от них образуются оба рассматриваемых деепричастия, однако в получившихся формах реализуются разные компоненты акциональной семантики глаголов, и соответственно, формы получают разные интерпретации. Рассмотрим следующие примеры:

(33) *Badmə xan¹a-ʋad* *čičər-žü-nä*
 Бадма кашлять-CV.ANT трястись-PROG-PRS
 ‘Бадма кашляет и дрожит’.

(34) *noxa-gə cok-ad* *Baatər xäükrə-v*
 собака-ACC ударить-CV.ANT Батыр кричать-PST
 ‘Побив собаку, Батыр закричал’.

Русские стимулы в (33)–(34) были переведены на калмыцкий именно так. Мы видим, что деепричастие на *-ad* в (33) выражает значение одновременности, а в (34) — предшествования. Когда же мы предъявили информантам для перевода на русский данные калмыцкие предложения, выяснилось, что они могут значить также ‘Бадма покашлял и (теперь) дрожит’ и ‘Батыр бьет собаку и кричит’, соответственно. При этом сначала информанты переводили деепричастные формы в подобных примерах как выражающие предшествование, однако затем признавали, что допустима и вторая трактовка. По всей видимости, деепричастие на *-ad* от мультипликативных глаголов может передавать как значение одновременности, так и предшествования, но наиболее естественным является семантика предшествования, задаваемая деепричастным показателем. Отметим, кроме того, что в форме деепричастия на *-ad* при выражении предшествования все мультипликативные глаголы обозначают мультипликативные процессы, получая лимитативную или результативную интерпретацию.

Иная картина наблюдается, когда от мультипликативных глаголов образуется деепричастие на *-žə*. Сравним примеры (35)–(36):

(35) *xan¹a-žə* *Očir ʋar-an* *örgə-v*
 кашлять-CV.IPFV Очир рука-P.REFL поднимать-PST
 ‘Кашлянув, Очир поднял руку’.

- (36) *ersə cok-ǰə* *Badma xääkrə-v*
 стена ударить-CV.IPFV Бадма кричать-PST
 ‘Стуча в стенку, Бадма кричал’.

В предложении (35) деепричастная форма воспринимается как выражающая значение кванта мультипликативного процесса, предшествующего действию, выраженному финитной формой глагола. В (36) же деепричастие выражает мультипликативный процесс, одновременный с другим действием. Но глаголы, от которых образованы деепричастия в (35)–(36), относятся к разным акциональным классам: *xanⁱa-* ‘кашлять’ является ингрессивно-мультипликативным, а *cok-* ‘ударить’ — собственно мультипликативным глаголом. По всей видимости, именно наличие или отсутствие ингрессивного компонента семантики глаголов определяет различие в трактовке образованных от них деепричастий. Таким образом, ингрессивно-мультипликативные глаголы, употребленные в форме деепричастия на *-ǰə*, обозначают действие, предшествующее другому, выражая при этом значение кванта, а собственно мультипликативные глаголы в этой форме выражают одновременный с другим действием мультипликативный процесс.

3.2.4. Акциональные свойства лексемы и интерпретация деепричастия: подведение итогов. Схематично взаимодействие деепричастных показателей и акциональной характеристики глагола можно изобразить в виде таблицы (Таблица 1).

Таблица 1. Деепричастный показатель и акциональность глагола

	Состояние	Вхождение в процесс, процесс, мультипликативный процесс	Вхождение в состояние, квант мультипликативного процесса
<i>-ǰə</i>	Одновременность	Одновременность	Не образуются
			Предшествование
<i>-ad</i>	Одновременность	Одновременность	Предшествование
	Предшествование	Предшествование	

Как видно из таблицы, таксисное значение деепричастия складывается из семантики показателя и акциональных свойств

глагольной лексемы. Для деепричастия на *-ǰə* типично значение одновременности. В тех же случаях, когда такая интерпретация невозможна, деепричастие на *-ǰə* либо вовсе невозможно образовать, либо полученная форма приобретает значение предшествования. Деепричастие на *-ad* в современном калмыцком языке является нейтральным с точки зрения выражения таксиса: его формы выражают как значение предшествования, так и одновременности. Однако глаголы с семантикой вхождения в состояние или кванта мультипликативного процесса навязывают деепричастию на *-ad* значение предшествования. Благодаря таксисной нейтральности деепричастия на *-ad* между деепричастиями иногда возникает конкуренция, т. е. от глагола можно образовать оба деепричастия с одним и тем же значением. В таких случаях предпочтение обычно отдается деепричастию на *-ad*. Оно чаще, чем деепричастие на *-ǰə*, употребляется в качестве вершины деепричастной клаузы.

4. Употребление в составе сложных глаголов

Для калмыцкого языка чрезвычайно характерно употребление бивербальных конструкций, один из компонентов которых — деепричастие на *-ǰə* или *-ad*. В качестве второго компонента используются глаголы из закрытого списка, в разной степени грамматикализовавшиеся. Они принимают финитную, деепричастную или причастную форму в зависимости от функции, которую данная конструкция выполняет в предложении. Так, например, в (37) при помощи сочетания деепричастия на *-ǰə* от глагола *umš-* ‘читать’ и финитной формы глагола *bää-* ‘быть’ сообщается об одном событии — чтении, при этом конструкция выражает значение прогрессива:

- (37) *Badma degtər umš-chə bää-nä*
 Бадма книга читать-CV.IPFV быть-PRS
 ‘Бадма читает книгу’.

Подобные конструкции дальше будут называться сложными глаголами. Как видно из (37), смысловый глагол выражается деепричастием, в то время как грамматикализованный глагол определенным образом модифицирует значение смыслового глагола. Модификации могут затрагивать аспектуальные — причем

как линейные, так и количественные — характеристики действия и его аргументную структуру, вносить модальный компонент семантики, конкретизировать лексическое значение глагола, а иногда и приводить к образованию новой леммы⁷.

Далее будут рассмотрены различные типы сложных глаголов и выделены критерии, определяющие выбор деепричастия в их составе⁸. Для этого мы проверили способность глаголов всех акциональных классов калмыцкого языка употребляться в составе каждого из рассматриваемых сложных глаголов. В зависимости от ожидаемой сочетаемости семантики сложных глаголов со значениями одновременности и предшествования, разделим конструкции на 2 группы. В разделе 4.1 мы рассмотрим те сложные глаголы, семантика которых хорошо сочетается со значением одновременности. К ним в первую очередь относятся аспектуальные конструкции из зоны имперфектива (прогрессив), конструкции с глаголами направленного движения и конатив. В разделе 4.2 будут анализироваться сложные глаголы, значение которых хорошо сочетается со значением предшествования; к таким глаголам относятся конструкции перфективной зоны (комплетив), бенефактивы и конструкции глагольной множественности. Наконец, в разделе 4.3 мы подведем итоги распределению деепричастий в составе сложных глаголов.

4.1. Сложные глаголы и семантика одновременности

4.1.1. *Прогрессив*. Прогрессивное значение выражается с помощью сочетания деепричастия на *-ǰə* и глагола *bäi-* ‘быть’ (см. (37)) или *jov-* ‘ходить’ (38).

(38) *Vaatər teeg-tə jov-ǰə jov-na*
 Батыр степь-DAT ходить-CV.IPFV ходить-PRS
 ‘Батыр ходит по степи’.

Однако при сочетании формы деепричастия на *-ǰə* от сильного предельного глагола с глаголами *bäi-* или *jov-* конструкция

⁷ Случаи, когда сложный глагол образует полноценную лемму, безусловно, представляющие огромный интерес для изучения, остались за пределами данной статьи.

⁸ Подробнее о семантике и морфосинтаксических свойствах сложных глаголов см. [Баранова, настоящий сборник].

разрушается, а получившееся сочетание либо воспринимается как аномальное, либо интерпретируется как результатив (39):

- (39) *aavə kozəldur mart-žə* *bää-nä*
 дед очки забывать-CV.IPFV быть-PRS
 ‘Дедушка забыл очки’.

Деепричастие на *-žə* от сильного предельно-стативного глагола *mart-* ‘забывать’ не может означать одновременность действия, необходимую для прогрессивной интерпретации конструкции, поскольку семантика глагола несовместима со значением показателя. Такая форма получает значение предшествования, как это происходило и при употреблении деепричастия в качестве вершины деепричастного оборота (см. 3.2.1), и сложный глагол распадается.

Деепричастие с показателем *-ad* также может употребляться со вспомогательными глаголами *bää-* и *jav-*, но образовавшийся сложный глагол вполне ожидаемо получает другое значение. Такие сложные глаголы выражают значения глагольной множественности; они будут рассмотрены в разделе 4.2.2.

4.1.2. *Конструкции с глаголами движения.* Конструкции с глаголами движения представляют собой сочетания деепричастия на *-žə* от глагола со значением способа перемещения и финитной формы грамматикализованного глагола направленного движения (40). Деепричастие на *-ad* в составе таких сложных глаголов употребляется редко; обычно сочетания их с финитной формой не образуют сложного глагола и воспринимаются либо как выражающие два разных действия, либо как обладающие дополнительной семантикой предшествования (41).

- (40) *elä nis-žə* *odə-v*
 коршун лететь-CV.IPFV уходить-PST
 ‘Коршун улетел’.

- (41) *elä nis-äd* *odə-v*
 коршун лететь-CV.ANT уходить-PST
 ‘Коршун давно улетел’.

4.1.3. *Конативы.* Значение неудачи в попытке достижения результата выражается в конструкциях с глаголами *üz-* ‘видеть’ и *xälä-* ‘смотреть’. Деепричастные формы в составе таких

конструкций строго распределены: деепричастие с показателем *-ǰə* употребляется при глаголе *üz-* (42), а деепричастие с показателем *-ad* — при глаголе *xälä-* (43):

(42) *Badmə bičəg bič-ǰə üzə-v*
 Бадма письмо писать-CV.IPFV видеть-PST
 ‘Бадма пытался написать письмо’.

(43) *mini egčə biil-äd xälä-və*
 я.GEN старшая.сестра танцевать-CV.ANT смотреть-PST
 ‘Моя старшая сестра пробовала танцевать’.

Следует отметить, что глагол *üz-* по сравнению с *xälä-* более грамматикализован [Баранова, настоящий сборник]. Таким образом, в случае с конативными конструкциями прослеживается общая для калмыцкого языка тенденция к употреблению деепричастия с показателем *-ǰə* в составе грамматикализовавшихся конструкций, а деепричастия с показателем *-ad* — в свободных сочетаниях.

Подводя итог разделу 4.1, отметим, что прогрессив, конатив и конструкции с глаголами движения объединяет важное обстоятельство: каждая конструкция обладает строго фиксированным составом «деепричастие + грамматикализованный глагол», не зависящим от акциональных свойств смыслового глагола, и постоянным значением. В этом состоит важное отличие данных сложных глаголов от случаев самостоятельного употребления деепричастий в деепричастных оборотах, ведь, как было показано выше, семантика деепричастия, возглавляющего деепричастный оборот, складывается из значения показателя и акциональных свойств глагольной лексемы.

4.2. Сложные глаголы и семантика предшествования

4.2.1. *Комплетив.* В сочетаниях деепричастий на *-ǰə* и *-ad* с глаголами *ork-* ‘класть’ или *od-* ‘уходить’ выражается значение комплетива (различия в значениях конструкций с двумя этими глаголами обсуждаются в [Баранова, настоящий сборник]). В составе сложных глаголов данного типа чаще всего допускаются оба деепричастия (44), а предпочтения, в ряде случаев отдаваемые информантами одному из показателей, определяются акциональными свойствами смыслового глагола: глаголы со стативной и непредельной процессной семантикой чаще употребляются

в форме деепричастия с показателем *-ad* (45)–(46), а глаголы вхождения в состояние — с показателем *-ǰə* (47).

- (44) *kövü-n* *dajl-ad* / *dajl-ǰə* *orkə-v*
 мальчик-EXT махать-CV.ANT махать-CV.IPFV класть-PST
 ‘Мальчик помахал [рукой]’.
- (45) *Bajrta* *zalu-ǰin-nⁱ* *bičg-tə*
 Байрта мужчина-GEN-P.3 письмо-DAT
bajrl-ad *orkə-v*
 радоваться-CV.ANT класть-PST
 ‘Байрта обрадовалась письму мужа’.
- (46) *küükə-n* *duul-ad* *odə-v*
 девочка-EXT петь-CV.ANT уходить-PST
 ‘Девочка запела’.
- (47) *meečəg* *xavər-ǰə* *odə-v*
 мяч раскалываться-CV.IPFV уходить-PST
 ‘Мяч лопнул’.

Примеры (45)–(47) иллюстрируют неожиданную ситуацию: логичным представляется употребление показателя *-ad* с сильными предельными глаголами, а показателя *-ǰə* — со стативами и неопредельными глаголами, в то время как с сильными предельными глаголами мы ожидаем запрет на образование форм деепричастия на *-ǰə*.

Объяснить подобное поведение деепричастных показателей можно, если предположить, что в случае сложных глаголов с *ork-/od-* решающим оказывается значение всей конструкции. Из приведенных примеров видно, что данная конструкция выражает результативную семантику вне зависимости от деепричастия, входящего в ее состав. Когда в контексте результата оказывается неопредельный процесс или состояние, употребление деепричастия на *-ad* становится единственным способом привнести значение предшествования и таким образом согласовать семантику смыслового глагола и конструкции. Что касается сильных предельных глаголов, то для них результативная интерпретация и без того является основной или даже единственной, а потому становится возможным употребить их в форме деепричастия на *-ǰə*.

Впрочем, следует отметить тенденцию к вытеснению деепричастия на *-ad* деепричастием с показателем *-ǰə* в составе

сложного глагола с *ork-/od-*. Молодые носители языка употребляют форму на *-ǰə* почти всегда, вне зависимости от акциональной характеристики смыслового глагола.

4.2.2. *Бенефактивы*. В сочетании деепричастия на *-ǰə* или *-ad* с глаголом *ög-* ‘дать’ выражается значение бенефактива (48), с глаголом *av-* ‘брать’ — рефлексивного бенефактива (49):

(48) *Badma aav-d-an dombər ke-ǰə ögə-v*
 Бадма дед-DAT-P.REFL домбра делать-CV.IPFV дать-PST
 ‘Бадма сделал дедушке домбру’.

(49) *Ajsa (bij-d-än) maxə šar-ǰə avə-v*
 Айса тело-DAT-P.REFL мясо жарить-CV.IPFV брать-PST
 ‘Айса пожарила себе мясо’.

В бенефактивных конструкциях деепричастие с показателем *-ǰə* оказывается предпочтительнее, однако если смысловой глагол обладает процессной или стативной семантикой, он часто употребляется в форме деепричастия на *-ad* (50). Для речи носителей калмыцкого языка, особенно молодых, характерно именно такое распределение, но допустимыми, как правило, признаются конструкции с обоими деепричастиями.

(50) *küükən üür-müd-d-än bi*
 девушка.EXT друг-PL-DAT-P.REFL танец
biil-äd ögə-v
 танцевать-CV.ANT дать-PST
 ‘Девушка станцевала для друзей’.

Напомним, что распределение верно и в случае комплетивов (см. 4.2.1). Кроме того, мы видим, что обязательным компонентом бенефактивных конструкций всегда является элемент комплетивной семантики. Если же необходимо выразить актуальную длительность действия, вместо сложных глаголов с *ög-* и *av-* употребляется финитная форма смыслового глагола, как в (51):

(51) *Badma ek-t-än mod-ar širä*
 Бадма мать-DAT-P.REFL дерево-INS стол
ke-ǰä-nä
 делать-PROG-PRS
 ‘Бадма делает стол из дерева для своей матери’.

Эти обстоятельства позволяют рассматривать бенефактивные конструкции как разновидность комплетива, а сходство в распределении деепричастных показателей объяснять теми же причинами: определяющей ролью значения всей конструкции в целом и необходимостью внесения семантики предшествования в конструкции с глаголами неопределённых процессов и состояний.

4.2.3. *Глагольная множественность (в других статьях сборника — дуратив)*. В сочетаниях деепричастия на *-ad* с глаголами *sui-* ‘сидеть’, *kevt-* ‘лежать’, *bää-* ‘быть’ и *jov-* ‘ходить’ могут выражаться различные значения множественности ситуации: итератив (52), интенсив (53), хабитуалис (54):

(52) *enə ger-än šird-äd kevt-nä*
 этот дом-P.REFL красить-CV.ANT лежать-PRS
 ‘Он постоянно красит дом’.

(53) *Badma nan-asə möngə sur-ad sui-na*
 Бадма я-ABL деньги просить-CV.ANT сидеть-PRS
 ‘Бадма просит у меня деньги, помногу’.

(54) *aavə kozəldur mart-ad bää-nä*
 дедушка очки забывать-CV.ANT быть-PRS
 ‘Дедушка постоянно забывает очки’.

Парадоксальный, на первый взгляд, факт использования деепричастного показателя *-ad* в таких конструкциях на самом деле вполне логичен. Деепричастие на *-ad* сохраняет значение предшествования, а сочетание семантики предшествования и множественности даёт значение «X часто находится в ситуации, когда он уже сделал P». Деепричастие на *-žə*, не обладающее семантикой предшествования, не способно передавать подобное значение, и, как было сказано выше в 4.1.1, в сочетаниях с глаголами *bää-* ‘быть’ и *jov-* ‘ходить’ выражает значение прогрессива.

В сложном глаголе, образованном сочетанием деепричастия на *-ad* и глаголом *xaj-* ‘бросать’, выражается множественность объектов (55):

(55) *mini egčə (dala) kino*
 я.GEN старшая.сестра много фильм
xälä-väd xaj-čk-čə
 смотреть-CV.ANT бросать-COMPL-EVD
 ‘Моя сестра пересмотрела много фильмов’.

Здесь, как и в примерах (52)–(54), значение множественности привносится именно показателем *-ad*, а употребление деепричастия на *-ǰə* в таких конструкциях невозможно.

Итак, конструкции глагольной множественности отличаются от комплетивов и бенефактивов тем, что их значение складывается из семантики деепричастного показателя и грамматикализованного глагола, а состав является постоянным и не зависит от акциональных свойств смыслового глагола.

4.3. Выбор деепричастной формы в сложном глаголе

Деепричастные формы в составе сложных глаголов распределяются следующим образом:

Таблица 2. Деепричастные формы в составе сложных глаголов

Тип конструкции	Грамматикализованный глагол	Акциональные свойства смыслового глагола	Показатель
прогрессив	<i>bäü-</i> ‘быть’, <i>jov-</i> ‘ходить’	любые	<i>-ǰə</i>
конструкции с глаголами движения	направительные	любые	<i>-ǰə</i>
конатив	<i>üz-</i> ‘видеть’	любые	<i>-ǰə</i>
	<i>xälä-</i> ‘смотреть’	любые	<i>-ad</i>
глагольная множественность	<i>bäü-</i> ‘быть’, <i>jov-</i> ‘ходить’, <i>suu-</i> ‘сидеть’, <i>kevt-</i> ‘лежать’, <i>xaj-</i> ‘бросать’	любые	<i>-ad</i>
комплетив	<i>ork-</i> ‘класть’, <i>od-</i> ‘уходить’	непредельный процесс, мультипликативный процесс, состояние	<i>-ad</i>
		вхождение в состояние, квант мультипликативного процесса	<i>-ǰə</i>
бенефактивы	<i>ög-</i> ‘дать’, <i>av-</i> ‘брать’	непредельный процесс, мультипликативный процесс, состояние	<i>-ad</i>
		любые	<i>-ǰə</i>

Из таблицы видны некоторые закономерности употребления деепричастий. Распределение деепричастий в составе сложных глаголов разного типа связано с основными значениями показателей. Семантика одновременности, присущая деепричастию на *-ǰə*, определяет его употребление в конструкциях прогрессива ('быть, совершая Р') и в сложных глаголах направленного движения ('двигаться в определенном направлении, перемещаясь способом Р'). У деепричастия на *-ad* в конструкциях, выражающих значения глагольной множественности, сохраняется семантика предшествования ('совершать Р раз за разом').

Предпочтительность деепричастия на *-ǰə* в составе сложных глаголов разных семантических зон при наличии альтернативы связано с его односубъектностью и, следовательно, с его способностью выражать значение единой ситуации совместно с финитной формой глагола. Потому чем больше грамматикализовалась конструкция, тем выше вероятность того, что единственно возможным в ней станет деепричастие на *-ǰə*, как в конативных конструкциях с глаголом *iiz-* и в прогрессивах. Тенденция вытеснения форм на *-ad* из состава сложных глаголов направленного движения и бенефактивов отражает процесс грамматикализации таких конструкций. Наконец, для ряда конструкций следует отметить связь деепричастного показателя с акциональной семантикой лексемы: если в составе того или иного сложного глагола могут быть употреблены оба деепричастия, то от глаголов, обозначающих состояния и непредельные процессы, будет образовано деепричастие с показателем *-ad*, а от глаголов, обозначающих вхождение в состояние или квант мультипликативного процесса — деепричастие с показателем *-ǰə*.

5. Выводы

Итак, распределение деепричастий с показателями *-ǰə* и *-ad* зависит от нескольких факторов: от синтаксической функции деепричастия, видо-временного значения, которое хочет передать говорящий, акциональных свойств глагольной лексемы, соотношения одно- или разносубъектности клауз, контекста. Выше была предпринята попытка описать многообразные нюансы употребления деепричастий. Очевидно существование ряда закономерностей,

объединяющих разные случаи употребления деепричастий. Так, значение предшествования у предиката деепричастного оборота чаще всего выражается при помощи деепричастия на *-ad*, а значение одновременности — при помощи деепричастия на *-жэ*. Однако зачастую акциональные свойства глагола, от которого образуется деепричастие, противоречат семантике показателя. Именно поэтому не все сильные предельные глаголы употребляются с показателем *-жэ*, а деепричастные формы с показателем *-ad* от глаголов состояния или неопределенного процесса могут получать различную интерпретацию.

Исходная видо-временная семантика показателя прослеживается и в других случаях употребления деепричастий. Семантика *-ad*, связанная с выражением предшествования, определяет возможность использования деепричастия с этим показателем в нарративном повествовании и в функции актанта инхоативного глагола. С семантикой *-жэ* как показателя одновременности связано употребление такого деепричастия в качестве актанта фазового глагола завершения.

Противопоставление форм деепричастий с разными показателями в составе конструкций с отрицательной связкой *uga* связано с характером ожиданий говорящего. Если ожидается, что действие еще может произойти, употребляется деепричастие на *-ad*, если же совершение действия уже не ожидается, используется форма на *-жэ*.

Употребление деепричастных форм в составе сложных глаголов зависит от типа конструкции и — в некоторых случаях — от акционального класса глагольной лексемы, от которой образуется деепричастие. В состав сложных глаголов, выражающих различные значения глагольной множественности, входит деепричастие с показателем *-ad*, а прогрессив и направительные конструкции образуются при помощи деепричастия на *-жэ*. В бенефактивных и комплетивных конструкциях глаголы со значением вхождения в состояние или кванта употребляются в форме деепричастия с показателем *-жэ*, а глаголы с неопределенной процессной, стативной или мультипликативной семантикой, как правило, в форме на *-ad*.

Литература

- Баранова В. В. Сложные глаголы в калмыцком языке. Настоящий сборник.
Баранова В. В., Сай С. С. Комментарий к корпусу текстов. Настоящий сборник.
Овсянникова М. А. Акциональные классы глаголов калмыцкого языка. Настоящий сборник.
Плунгян В. А. 2003. *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.: Эдиториал УРСС.
Санжеев Г. Д. (ред.). 1983. *Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
Bläsing U. 2003. Kalmuck // Janhunen J. (ed.). *The Mongolic languages*. London: Routledge. P. 229–248.
Nedjalkov V. P. 1995. Some typological parameters of converbs // *Converbs in a Cross-Linguistic Perspective*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. P. 97–136.
Rybatzki V. 2003. Middle Mongol. // Janhunen J. (ed.). *The Mongolic languages*. London: Routledge. P. 47–82.

СЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЫ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Сложный глагол состоит из двух и более лексических единиц, образующих одну синтаксическую единицу. Набор глаголов, которые могут выступать в качестве вершины сложного глагола в калмыцком языке, ограничен; это глаголы движения (*aaš*- 'приближаться', *ir*- 'приходить', *joν*- 'идти, ходить', *od*- 'уходить', *or*- 'входить', *var*- 'выходить' и др.), глаголы позиции (*suu*- 'сидеть', *kevt*- 'лежать'), глаголы *av*- 'брать' и *ög*- 'дать', *ork*- 'класть', *täv*- 'класть', *xaj*- 'бросать', *bää*- 'быть', *bol*- 'становиться', *ald*- 'терять', *gi*- 'говорить', *xälä*- 'смотреть', *üz*- 'видеть' и некоторые другие.

В калмыковедении эти глаголы рассматриваются в связи с выражением видовых противопоставлений. Г. Д. Санжеев [Санжеев 1983: 190] отмечает, что «вспомогательные глаголы передают значение законченного, кратковременного, ритмического и длительного» вида; в работе М. Д. Онджановой глаголы классифицируются в соответствии с выражением законченного, длительного и начинательного вида [Онджанова 1969]. Помимо того, что семантика этих форм, по нашим данным, несколько иная, такой подход, учитывающий только значение, не позволяет показать общие свойства сложных глаголов с аспектуальной семантикой и других сложных глаголов, выражающих пространственные отношения или модальные значения. И, наоборот, игнорирование морфосинтаксических свойств сложных глаголов

¹ Материал собран в экспедициях 2007 г. в поселок Ергенинский и 2008 г. в поселок Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий». Я благодарю С. С. Сая и Н. В. Сердобольскую, прочитавших первую версию статьи и высказавших ценные замечания.

приводит к включению в состав этой группы биклаузалных конструкций².

Сложные глаголы в калмыцком состоят из деепричастной формы зависимого глагола и синтаксически главного глагола (вершины), который оформляется показателями, относящимися ко всей конструкции. В независимой предикации последний глагол принимает финитные показатели, как в примере (1):

- (1) *tiiḡ-äd* *kar-ad* *jov-u-vidn*
 делать.так-CV.ANT выходить-CV.ANT ходить-PST-1PL
 ‘Так что мы ушли’ (02_pasport.57).

В зависимой клаузе линейно последний глагол может оформляться аффиксами условного или целевого деепричастия, аффиксами причастий и др.

- (2) *tiiḡ-äd* *vaḡa* *un-ad*
 делать.так-CV.ANT свинья падать-CV.ANT
ük-čə *od-xlagə* <...>
 умереть-CV.IPFV уходить-CV.SUCC2
 ‘Свинья упала и сдохла, {а она зовет к себе своего начальника} (04_svinja.8).

Разные вершины сочетаются с формами соединительного деепричастия на *-žə*, или разделительного деепричастия на *-ad*, или слитного деепричастия на *-n*³; некоторые глаголы могут сочетаться более чем с одной формой, образуя разные сложные глаголы. В статье рассматриваются только сложные глаголы, в которых зависимый глагол стоит в форме деепричастия на *-žə* или деепричастия на *-ad*. В калмыцком языке существуют вспомогательные глаголы *bäi-* ‘быть’ и *bol-* ‘стать’, использующиеся в качестве связок с причастиями и именами, однако я рассматриваю

² М. Д. Онджанова включает в число «аналитических форм» некоторые матричные глаголы, вводящие сентенциальные актанты (*dius-* ‘кончать’ и *ekl-* ‘начинать’), хотя они не проявляют признаков грамматикализации и являются бипредикативными конструкциями.

³ В калмыцком представлены сложные глаголы со слитным деепричастием на *-n* и различными формами глагола *gi-* ‘говорить’ и *ald-* ‘терять’, которые здесь не рассматриваются (см. о конструкциях со значением отмененного результата [Баранова 2007]).

ниже только функционирование глагола *bäi*- 'быть' в качестве вершины сложных глаголов с соединительным и разделительным деепричастиями.

Семантически сложные глаголы описывают одно событие. В зависимости от типа сложных глаголов различается вклад главного и зависимого глаголов в итоговое значение; в большинстве случаев именно синтаксически зависимый глагол несет основное лексическое значение. Главный глагол в составе сложного глагола в той или иной степени грамматикализован.

Под грамматикализацией обычно понимается процесс постепенного превращения лексических единиц в грамматические показатели, как правило, сопровождающийся повышением синтаксической связанности и частичной утратой лексической семантики. Десемантизация, утрата ряда синтаксических свойств и фонетические преобразования происходят параллельно (см. определения в работах [Hopper, Traugott 2003; Heine, Kuteva 2002] и др.). Для дальнейшего изложения важны два свойства процесса грамматикализации, неоднократно обсуждавшиеся в литературе. Во-первых, процесс грамматикализации затрагивает конструкции, а не лексемы, и следует учитывать вклад каждого лексического и грамматического элемента: «конструкция в целом, а не просто лексическое значение основы, является предшественником, и, следовательно, источником грамматического значения» [Bybee et al. 1994: 11]. Во-вторых, сходство человеческого восприятия обуславливает общие пути грамматикализации лексем с одним значением в языках мира и исходная семантика глаголов влияет на направление грамматикализации (см. справочник [Heine, Kuteva 2002]; исследования семантики глаголов передачи и глаголов позиции [Newman 1998; Newman 2002a]).

На пути от полнозначного лексического глагола к вспомогательному, выполняющему грамматические функции, находится зона неопределенности, допускающая неоднозначную интерпретацию (см. [Heine 1993: 48; Anderson 2006: 5]). На синхронном уровне в калмыцком сосуществуют, например, (полу)свободные сочетания глаголов движения и грамматикализовавшиеся на их основе аспектуальные конструкции. Крайние случаи различаются как семантикой, так и морфосинтаксическими свойствами, однако во многих случаях невозможно однозначно определить то или иное сочетание.

Общими свойствами всех сложных глаголов в калмыцком языке являются: 1) упоминавшееся выше единое маркирование сложного глагола на вершине; 2) жесткий линейный порядок слов, не допускающий разрыва зависимого и главного глаголов другими зависимыми и/или перестановки местами частей сложного глагола; 3) единая аргументная структура; 4) семантическое единство сложного глагола. В зависимости от степени грамматикализации сложные глаголы по-разному 1) ведут себя при отрицании; 2) оформляются показателями каузатива, пассива, социатива и др.; 3) образуют стяженные формы с утратой части фонетического материала и ударения или сохраняют полную ударную форму вершинного глагола; 4) частично сохраняют семантику вершины; 5) сочетаются с любыми предикатами или только с глаголами определенного класса. Эти особенности сложных глаголов рассматриваются ниже в каждом из разделов.

Формально на сложные глаголы похожи лексикализации и близкие им синонимические конструкции. Например, глагол *al-* 'убивать' регулярно сочетается с деепричастиями, обозначающими способ смерти:

(3) *aŋkičə tuula xa-žə alə-v*
 охотник заяц стрелять-CV.IPFV убить-PST
 'Охотник застрелил зайца'.

(4) *Sanžə tova boorl-ad alə-v*
 Санжи змея душить-CV.ANT убить-PST
 'Санжи задушил змею'.

В приведенных примерах не происходит собственно десемантизации глагола *al-* 'убивать', однако сложный глагол обозначает семантически одно событие, так как пример (3) не значит 'стрелял и убил'; по этой модели можно образовать другие сочетания со значением насильственной смерти, например, *šatakad al-* (гореть-CAUS-CV.ANT убить) 'сжечь (о живом существе)' и др.; невозможно переставить местами деепричастие и главный глагол, показатели финитности оформляют вершину. Несмотря на это, данные сочетания являются (полу)свободными неграмматизованными сочетаниями, отражаемыми в словаре, а не в грамматике. Я не рассматриваю подобные конструкции, хотя следует помнить, что от некоторых сложных глаголов,

например, сложных глаголов движения, они отличаются лишь степенью грамматикализации, и что грамматикализованные сложные глаголы в калмыцком языке (по крайней мере, один из видов) возникли на основе подобных сочетаний.

Лексикализованные сочетания в калмыцком языке могут номинализиться⁴ (см. в примере (5) номинализацию от *xuld-žə av-* (продавать-CV.IPFV брат) ‘покупать’), и этим они отличаются от сложных глаголов (помимо признака регулярности vs. единичности). Однако многие лексикализации возникают на основе сложных глаголов, в том числе *xuldžə av-* ‘покупать’ — на основе конструкций с глаголом *av-* ‘брат’ со значением рефлексивного бенефактива.

- (5) *ölg-edə* *xuld-žə* *avə-lən*
 имущество продать-CV.IPFV брат-NMLZ
 ‘покупка приданого’.

В статье рассматривается семантика сложных глаголов в калмыцком языке, ограничения сочетаемости в зависимости от исходной лексической семантики и формальных свойств главного глагола, взаимодействие конструкции с акциональными свойствами зависимого глагола⁵, морфосинтаксические особенности сложных глаголов. Ниже рассматриваются сложные глаголы со значением комплетива (разделы 2.1–2.2), бенефактива и рефлексивного бенефактива (раздел 3), значения количественного аспекта (раздел 4), сложные глаголы со значением прогрессива и дуратива (раздел 5), сложные глаголы движения (раздел 6), сложные глаголы со значением конатива (раздел 7); в разделе 8 приводятся выводы.

2. Перфективная зона

М. Д. Онджанова выделяет несколько глаголов, образующих «законченный вид»: *ork-* ‘класть’, *od-* ‘уходить’, *xaj-* ‘бросать’, *av-* ‘брат’, *ög-* ‘дать’, *ir-* ‘приходить’, *хиир-* ‘исчерпывать’,

⁴ Способность образовывать номинализацию, как отмечает А. Гольдберг, — это своего рода тест на лексический статус, так как номинализация — свойство лексемы [Goldberg 2003: 90].

⁵ Об акциональных классах глаголов в калмыцком языке см. статью М. А. Овсянниковой [Овсянникова, настоящий сборник].

duus- ‘кончать’ [Онджанова 1969]. Экспедиционные материалы показывают, что перфективная семантика является основной для сложных глаголов с вершинами *ork*- ‘класть’ и *od*- ‘уходить’ и в определенных контекстах возникает у сложных глаголов с вершиной *av*- ‘брать’ (см. раздел 3). Сложные глаголы с вершиной *xaj*- ‘бросать’ выражают другие значения (см. раздел 4), а глаголы *хиур*- ‘исчерпывать’ и *duus*- ‘кончать’ не образуют сложных глаголов (и поэтому здесь не рассматриваются). В этом разделе рассматриваются только сложные глаголы с вершинами *ork*- ‘класть’ и *od*- ‘уходить’.

В. А. Плунгян предлагает «признать перфективность неоднородной семантической зоной, состоящей из различных универсальных значений» и выделяет три релевантных для перфективной зоны семантических признака: ‘мгновенность/краткость’, ‘достижение естественного предела’ («комплетивность») и ‘вложенность в более протяженный временной интервал’ («лимитативность») [Плунгян 1998: 370]. Для калмыцких сложных глаголов актуальны два из них — комплетивность и лимитативность.

2.1. Глагол *ork*- ‘класть’

В грамматиках отмечается, что «законченный вид» регулярно образуется с помощью аффикса *-čkə*, восходящего к сочетанию глагола *ork*- ‘класть’ с соединительным деепричастием на *-žə*⁶, или с помощью того же глагола *ork*- (из примеров становится ясно, что в последнем случае имеются в виду конструкции с разделительным деепричастием на *-ad* [Санжеев 1983: 190]). В разговорном варианте калмыцкого языка регулярно используется только аффикс, тогда как в литературном встречается как аффикс *-čkə*, так и конструкции на *-ad ork*-.

Основное значение форм с аффиксом *-čkə* — комплетив (характерный для БРАТЬ путь грамматикализации в языках мира,

⁶ Такая трактовка происхождения аффикса *-čkə* (*-žə + ork*-) отчасти противоречит данным других монгольских языков (я благодарю И. А. Грунтова за это замечание, однако в дальнейшем изложении ориентируюсь на понимание, принятое в калмыковедении и не противоречащее языковой интуиции носителей; последние допускают замену аффикса аналитической конструкцией, которую оценивают как **литературную** форму).

[Heine, Kuteva 2002: 248]). Аффикс достаточно частотен; семантических ограничений на сочетаемость *-čkə* с глагольными корнями нет, но на значение словоформы влияют акциональные свойства и переходность/непереходность глагола: как правило, *-čkə* используется с переходными предельными глаголами. Особенности сочетания *-čkə* с глаголами разных акциональных классов подробно рассматриваются в статье К. В. Гото [Гото, настоящий сборник].

Г. Д. Санжеев трактует конструкции с глаголом *ork-* и аффикс *-čkə* как синонимы, хотя отмечает возможность достаточно широкой интерпретации конструкции *-ad ork-*:

Другой способ выражения законченности — глагол *ork*, к которому восходит аффикс *-чк*: *ке-һәд орк* (делать-CV.ANT класть) ‘сделать быстро, закончить’, *ав-ад орк* (брать-CV.ANT класть) ‘схватить, взять’, *кел-әд орк* (сказать-CV.ANT класть) ‘взять да и сказать’, *мед-әд орк* (знать-CV.ANT класть) ‘узнать’⁷. Переводы, которые даны здесь, далеко не полностью или совсем не отражают видовые оттенки, выраженные аналитическим способом. Не поддаются переводу такие характеристики действия, как интенсивность, быстрота, мгновенность, досрочность осуществления действия [Санжеев 1983: 190–191, глоссы мои. — В. Б.].

Формы *-ad ork-* встречаются в литературных текстах достаточно часто (примеры из повести М. К. Тюлюмджиева «За бортом жизни» [Тюлюмджиев 1985: 3–4]).

(6) ⟨...⟩ *xalx-asə-n^j üms-äd orkə-v*
щека-ABL-P.3 целовать-CV.ANT класть-PST
‘Поцеловал (ее) в щеку’.

(7) *arvə-n tavə-nxörə-n minut-də kövü-n*
десять-EXT пять-EXT20-EXT минута-DAT мальчик-EXT
külä-вäd orkə-v
ждать-CV.ANT класть-PST
‘Юноша прождал пятнадцать-двадцать минут’.

⁷ В цитатах оставлена калмыцкая орфография, примеры из литературных текстов переведены в принятую в сборнике транскрипцию [Сай, настоящий сборник, b)].

В отличие от аффикса *-čkə* сложные глаголы на *-ad ork-* имеют не только комплетивное (6), но и лимитативное значение, т. е. указывают на ограниченность ситуации относительно более продолжительного временного отрезка (7) В устной речи сложный глагол с вершиной *ork-* ‘класть’ практически не употребляется; в наших текстах она встретилась только один раз (хотя в анкетах информанты в некоторых контекстах считали такие калмыцкие предложения приемлемыми):

- (8) <...> *čolu av-ad šiv-äd*
 камень брать-CV.ANT бросать-CV.ANT
ork-xla-m
 класть-CV.SUCC-P.1SG
 ‘<...> когда я кинул камень {в змею}’ (14_xitryj_muzhik.18).

В разговорном варианте калмыцкого языка сложный глагол *V-ad ork-* не имеет лимитативного значения (представленного в литературном варианте, см. выше пример (7) со стативным глаголом *külä-* ‘ждать’). Материалы анкет показывают, что в устной речи глагол *ork-* может использоваться в сочетании с глаголами неопределённых процессов (9) или состояний (10).

- (9) ^{OK}*gentkən mana telefo-n ködl-äd*
 неожиданно мы.GEN телефон-EXT работать-CV.ANT
orkə-v
 класть-PST
 ‘Мой телефон неожиданно заработал {хотя его никто не чинил}’.

- (10) ^{OK}*kövü-n düüv-än külä-väd*
 мальчик-EXT младший.брат-P.REFL ждать-CV.ANT
orkə-v
 класть-PST
 ‘Мальчик вдруг стал ждать братишку’.

Такие сложные глаголы указывают на начало ситуации. Сложный глагол вносит значение предела. Для неопределённых и стативных глаголов таким пределом оказывается начальная (а не конечная, как в сочетаниях с аффиксом комплетива у предельных глаголов) точка. Сложный глагол позволяет заполнить лауну в исходных акциональных свойствах глагола. Как и

указано у Г. Д. Санжеева, V-*ad ork-* имеет дополнительное значение внезапности; часто использование сложного глагола возможно только в переносном значении. Употребление в этих случаях нейтрального способа — аффикса *-čkə* — признается информантами нежелательным.

Глагол *ork-* достаточно далеко зашел по пути грамматикализации. Он не встречается в самостоятельном употреблении (обычно употребляется глагол *täv-* ‘ставить, класть’)⁸, не используется в составе синонимических бивербальных конструкций (вроде ‘ставить, положив’). Кроме того, сложный глагол с вершиной *ork-* имеет ряд ограничений: в частности, невозможно ни отрицание сложного глагола (11), ни каузативация сложного глагола.

- (11) **eckə-m nan-də bičəg bič-čə ork-sən*
 отец-P.1SG я-DAT письмо писать-CV.IPFV класть-PC.PST
uga
 NEG.COP
 ‘Отец не написал мне письмо’.

Морфосинтаксические ограничения сложных глаголов с вершиной *ork-* и неиспользование *ork-* в качестве смыслового глагола в устном варианте калмыцкого языка, как кажется, согласуются с трактовкой происхождения аффикса *-čkə* в результате морфологизации (утраты единицей лексической самостоятельности). В письменном, более консервативном, варианте калмыцкого языка этот процесс происходит несколько медленнее; характерно, что глагол *ork-* сохраняется в составе конструкции с разделительным деепричастием на *-ad*, выражающей разные значения перфективной зоны (конструкции с деепричастием на *-ad* в калмыцком языке ближе к свободным бивербальным сочетаниям).

⁸ Глагол *täv-* ‘ставить, класть’ иногда используется и в составе сложных глаголов и, по-видимому, выражает то же значение, что и конструкции с *ork-*, однако таких употреблений в записанных текстах недостаточно для отдельного описания.

2.2. Глагол *od-* ‘уходить’

Глагол *od-* ‘уходить’ встречается в текстах как в одиночном употреблении, так и в составе сложных глаголов в качестве вершины. Глагол *od-* сочетается с соединительным деепричастием на *-ǰə*:

- (12) *basejn xi meklä bol-ǰə*
 колодец совсем лягушка становиться-CV.IPFV
očə
 уходить.EVD
 ‘В колодце лягушек полно стало’ (05_ljagushki.7).

Сочетания с разделительным деепричастием на *-ad* иногда допускаются в сложных глаголах, передающих пространственные отношения, однако используются эти формы крайне редко (в текстах только три примера сочетаний с разделительным деепричастием на *-ad* из 58 случаев употребления глагола *od-* в составе сложных глаголов):

- (13) *⟨...⟩ övg-n-äsə türiül-äd*
 старик-EXT-ABL быть.вперед-ANT
od-ad sur-ǰa-na
 уходить-CV.ANT просить-PROG-PRS
 ‘⟨...⟩ опередив (обойдя) деда, спрашивает’ (14_xitryj_muzhik.31).

Ниже рассматриваются сначала сложные глаголы движения с вершиной *od-* (в составе которых глагол *od-* сохраняет пространственное значение), а затем сложные глаголы с компле- тивным значением.

2.2.1. Глагол *od-* ‘уходить’ в пространственном значении.

Под **пространственным значением** глагола *od-* ‘уходить’ понимается одиночное употребление глагола *od-* ‘уходить’ и его использование в качестве вершины сложного глагола движения. Глагол *od-* ‘уходить, отправляться из дейктического центра’ в одиночном употреблении указывает на начало направленного движения в сторону от наблюдателя. Начальный пункт движения никогда не выражается, поскольку по умолчанию совпадает с дейктическим центром или говорящим; конечная точка чаще всего выражена дативом (14), несколько реже — директивом (15) или именной группой с послелогом *tal/talan* букв. ‘сторона / сторона-P.REFL’ (16).

- (14) <...> *vmeste škol-də od-ča-na-vidən,*
 школа-DAT уходить-PROG-PRS-1PL
škol-asə ir-žä-nä-vidən
 школа-ABL приходить-PROG-PRS-1PL
 ‘Вместе в школу уходили, из школы приходили’
 (06_odekolon.26).
- (15) *mana-bur od-ad, xalun cä*
 мы.GEN-DIR уходить-CV.ANT жаркий чай
uu-xə-m
 пить-PC.FUT-COP.AFF
 ‘Пойдемте к нам пить горячий чай!’ (12_prostofilja.39).
- (16) <...> *burxə-n tal od-žə*
 бог-EXT сторона уходить-EVD
 ‘<...> и пошел к Богу’ (29_mama.2, не публикуется).

Дативное оформление соответствует движению внутрь (и совпадает с выражением локализации в пространстве), тогда как оформление директивом или послелогом имеет значение движения по направлению к объекту.

Употребления глагола *od-* в качестве вершины сложного глагола в сочетании с другими глаголами движения составляют менее трети употреблений в текстах глагола *od-* в качестве вершины сложного глагола (17 из 58 случаев); в одиночном употреблении этот глагол встречается 39 раз. В пространственном значении глагол *od-* чаще всего сочетается с глаголами, указывающими на способ передвижения, такими как *güü-* ‘бежать’, *nis-* ‘лететь’, *mölk-* ‘ползать’, *öötə-* ‘плыть’ (как правило, не обладающими семантикой направления движения; см. ниже раздел «Сложные глаголы движения»).

- (17) *ödməg-mödməg ög-xlä güü-žə*
 хлеб-хлеб дать-CV.SUCC бежать-CV.IPFV
od-ad <...>
 уходить-CV.ANT
 ‘Когда давали хлеб-млеб, (мы) подбегали’ (03_semja.42).

- (18) *bičkən šovu-n ürg-äd nis-žə*
 маленький птица-EXT вспархивать-CV.ANT летать-CV.IPFV
odə-v
 уходить-PST
 ‘Маленькая птица взлетела’.

Гораздо реже глагол *od-* ‘уходить’ сочетается с глаголами движения, обладающими собственным направлением (*kar-* ‘выходить’, *or-* ‘входить’). Подобных примеров в текстах немного (3 случая) и они имеют переносное значение:

- (19) *ätə-n^j kar-čə od-na*
 жизнь-P.3 выходить-CV.IPFV уходить-PRS
 ‘Вышел дух {т. е. умер}’ (12_prostofilja.40).

- (20) *zaksə id-xlä, ter küükə-d*
 рыба есть-CV.SUCC тот девочка-DAT
küün-də or-žə oč
 человек-EXT-DAT входить-CV.IPFV уходить.EVD
 ‘Когда (девушка) съела рыбу, (душа) в девушку вошла’
 (25_gyba.5, не публикуется).

Сочетания глагола *od-* ‘уходить’ с глаголами движения служат источником грамматикализации *od-* в качестве аспектуального показателя. В зависимости от акциональных свойств зависимого глагола сложный глагол либо имеет значение начала движения (см. выше пример (18) с ингрессивно-непредельным глаголом *nis-* ‘летать’), либо указывает на момент достижения предела движения (с сильными предельными глаголами *kar-* ‘выходить’, *or-* ‘входить’).

2.2.2. Глагол *od-* ‘уходить’ в комплетивном значении. Комплетивное значение реализуется в сочетаниях глагола *od-* с глаголами, не передающими идею движения. Грамматики относят *od-* ‘уходить’ к числу глаголов, передающих законченный вид, «полноту проявления действия» [Пюрбеев 1977: 113]. В зависимости от предельности или непредельности смыслового глагола *od-* указывает на достижение предела (21) или привносит инхоативное значение (22); в последнем случае информанты часто переводят на русский конструкции с *od-* с помощью русской приставки *за-*.

- (21) *tiig-äd kel-in casu amə-n^j*
 делать.так-CV.ANT язык-GEN как.только рот-Р.3
kooci-žə oč
 деформироваться-CV.IPFV уходить.EVD
 ‘Как только произнесла это, ее рот исказился’ (17_tabu.4).
- (22) *Baatr asx-n-a arvə-n neg-n čas-la*
 Батыр вечер-EXT-GEN десять-EXT один-EXT час-COM
unt-ž od-la
 спать-CV.IPFV уходить-REM
 ‘Батыр заснул в одиннадцать часов вечера’.

Процесс десемантизации *od-*, по-видимому, охватывал сначала сочетания с глаголами движения и глаголы, допускающие значение ‘отправиться делать Р’, а затем распространился на остальные непереходные глаголы, однако сейчас для использования конструкции не требуется пространственного контекста, а биклаузальное прочтение ‘отправиться делать Р’ запрещено; для примера (22) неприемлем перевод ‘пошел спать’. Однако пространственная семантика глагола *od-* проявляется не только в составе сложных глаголов движения, но и в сочетаниях с глаголами, обозначающими изменение положения в пространстве:

- (23) *tiig-äd ter ber-in amə-n*
 делать.так-CV.ANT тот сноха-GEN рот-EXT
orəm-d-an suu-žə oč,
 место-DAT-P.REFL сидеть-CV.IPFV уходить.EVD
нормальный стал
 ‘И тогда рот этой невестки встал на место, нормальный стал’ (17_tabu.6).

В сочетаниях с глаголами, чья лексическая семантика не содержит компонента движения или изменения положения в пространстве, глагол *od-* ‘уходить’ значительно десемантизирован. Исходная семантика ‘удаления, отправления, начальной точки движения’ проявляется, во-первых, в инхоативной трактовке ситуации (с неопредельными процессами и состояниями), а во-вторых, в тенденции к сочетанию с глаголами, описывающими различные ситуации исчезновения, прекращения существования

или деформации объекта, что может метафорически осмысливаться как уход:

- (24) *terə ikrə-n^j tɨvəl-ta-ʋan iik-č*
 тот корова-Р.3 теленок-ASSOC-Р.REFL умереть-CV.IPFV
oč
 ходить.EVD
 ‘Эта корова вместе с теленком сдохла’ (08_konflikt.26).

Лексические свойства глагола определяют частотность сложного глагола (с глаголами ‘гнить’ или ‘умирать’ *od-* используется чаще, чем с другими одноместными пациентивными глаголами, например, ‘звенеть’ или ‘цвести’, но последние вполне допустимы), однако в ряде случаев можно говорить о лексической избирательности конструкции. Информанты, как правило, запрещают использование *od-* с глаголом *tör-* ‘рождаться’ и для передачи соответствующего смысла предлагают сложный глагол с вершиной *ʋar-* ‘выходить’.

- (25) *en äm-tən Sibir-tə*
 этот жизнь-ASSOC.COLL Сибирь-DAT
*tör-žə ʋarə-v / *odə-v*
 родиться-CV.IPFV выходить-PST уходить-PST
 ‘Эти люди родились в Сибири’.

Обнаруживается тенденция к дополнительному распределению *od-* и *ork-/*аффикса *-čkə*: конструкция с глаголом *od-* ‘уходить’ и в пространственном, и в комплетивном значении не сочетается с переходными глаголами⁹, тогда как аффикс *-čkə* и глагол *ork-* присоединяются преимущественно к переходным глаголам.

Распределение сложных глаголов с *od-* и *ork-/**-čkə* служит дополнительным средством различения глаголов с конечным *-r/-l*, входящих в эквиолентную каузативную оппозицию. Глаголы на *-r* — непереходные. В калмыцком языке представлено несколько подобных пар, например, *tasər-* ‘отрываться’ и *tasəl-* ‘отрывать’, *šuur-* ‘рваться’ и *šuul-* ‘рвать’, *xatxər-* ‘ломаться’

⁹ За исключением выражения *sää-ʋän xää-žə od-* (добро-Р.REFL искать-CV.IPFV уходить) ‘умереть’ (букв.: ‘свое добро искать уйти’), дважды встретившегося от одного информанта (27_celiteli.04, 29, не публикуется).

и *хатхэл-* ‘ломать’ и др. С непереходными глаголами на *-r* для выражения комплетивного значения регулярно используется глагол *од-*:

- (26) *suulvə хатхэр-žə одə-v /*
 ведро ломаться-CV.ANT уходить-PST
 **хатхэр-čкə-v*
 ломаться-COMPL-PST
 ‘Ведро сломалось’.

С парными переходными глаголами на *-l* допустимы только аффикс *-čкə* или глагол *ork-*:

- (27a) *Badma köl-än хатхэл-čкə-v / ^{OK}хатхэл-žə*
 Бадма нога-P.REFL ломать-COMPL-PST ломать-CV.IPFV
orkə-v
 класть-PST
 ‘Бадма сломал ногу’.

- (27б) **Badma köl-än хатхэл-žə одə-v*
 Бадма нога-P.REFL ломать-CV.IPFV уходить-PST
 ‘Бадма сломал ногу’.

Кроме того, лабильный глагол *хүүл-* ‘таять’ и ‘топить’ в значении ‘таять’ сочетается только с глаголом *од-*, а в значении ‘топить’ — с глаголом *ork-/*аффиксом *čкə-*:

- (28a) *gentkən caasə-n хүүл-žə одə-v*
 неожиданно снег-EXT таять-CV.IPFV уходить-PST
 ‘{Выглянуло солнце} и внезапно снег растаял’.

- (28б) **gentkən caasə-n хүүл-čкə-v / хүүл-žə*
 неожиданно снег-EXT таять-COMPL-PST таять-CV.IPFV
orkə-v
 класть-PST
 ‘{Выглянуло солнце} и внезапно снег растаял’.

- (29a) *bi tosə хүүл-čкə-v / ^{OK}хүүл-žə*
 я.NOM масло таять-COMPL-1SG таять-CV.IPFV
orkə-v
 класть-1SG
 ‘Я растопила масло {на сковородке}’.

(296) *bi tosə xääl-žə odə-v
я.НОМ масло таять-CV.IPFV уходить-1SG
'Я растопила масло {на сковородке}'.

Распределение близких по семантике вспомогательных глаголов в зависимости от переходности/непереходности смыслового глагола наблюдается и в других языках. Возможно как использование пары глаголов, различающихся только переходностью (ср. в ряде тюркских языков употребление ЗАКОНЧИТЬ и ОСТАВИТЬ с переходными и ЗАКОНЧИТЬСЯ, ОСТАТЬСЯ — с непереходными [Насилов 1989]), так и использование разных грамматикализовавшихся глаголов (ср. в индоарийских языках сочетания ДАВАТЬ, БРАТЬ с переходными глаголами и ИДТИ, УХОДИТЬ с непереходными; подобное распределение иногда называют «гармонией по переходности» [Майсак 2005: 324–325]).

В калмыцком языке более строгим является требование сочетания переходного глагола в качестве вершины с другим переходным. Сочетания аффикса *-čkə* или глагола *ork-* с непереходными глаголами категорически не признаются информантами, тогда как сложные глаголы с вершиной *od-* 'уходить' и переходными зависимыми глаголами иногда встречаются, хотя подтверждаются не всеми информантами¹⁰. Другие непереходные глаголы в функции вершины (*bäü-* 'быть', *kevt-* 'лежать', *suu-* 'сидеть') используются в текстах и в функции вершины в составе сложного глагола с переходными глаголами (хотя количественно преобладают сочетания с другими непереходными), тогда как для употребления сложного глагола с переходным глаголом *av-* 'брать' нередко используется каузативация зависимой формы глагола (см. подробнее [Сай, настоящий сборник, а]).

2.2.3. *Степень грамматикализации конструкций с глаголом od-* 'уходить'. Глагол *od-* достаточно сильно грамматикализован. На синхронном уровне в калмыцком языке сосуществуют различающиеся семантически и морфосинтаксически сочетания *od-* 'уходить' с другими глаголами движения и сложные глаголы,

¹⁰ Эти формы встречаются, в частности, в текстах, записанных от Ф.С. Шарваева (04_svinja, 15_chjort и др.); возможно, они являются особенностью идиолекта данного носителя.

в которых *od-* ‘уходить’ привносит не пространственную, а аспектуальную семантику.

Частотная форма эвиденциального прошедшего от *od-* ‘уходить’ используется в разговорной речи в стяженной форме *očə* (*od-čə*, уходить-EVD) и демонстрирует тенденцию к фонетическому слиянию с формой соединительного деепричастия (в частности, выстраивается по сингармоническому ряду, произносится с одним ударением), т. е. находится на пути морфологизации (ср. комплетив *-čkə* и прогрессив *-žə*). В речи наших информантов фонетические различия (реализация глагола *od-* как клитики или отдельной лексемы) зависят от формы глагола, темпа речи и идиолекта. Сложные глаголы движения с вершиной не образуют слитной формы.

Сложные глаголы с вершиной *od-* в аспектуальном значении имеют ряд морфосинтаксических ограничений: в частности, невозможно отрицание сложного глагола с *od-* в качестве вершины:

- (30) **Badma kögšər-žə od-sən uga*
 Бадма стареть-CV.IPFV уходить-PC.PST NEG.COP
 ‘Бадма не постарел’.

Сложные глаголы с пространственным значением допускают отрицание (отрицание относится ко всему сложному глаголу), как в следующем примере:

- (31) *küükəd kičäl-äsə güü-žə od-sən*
 дети урок-ABL бежать-CV.IPFV уходить-PC.PST
uga
 NEG.COP
 ‘Дети не убежали с урока’.

Сложные глаголы с пространственной семантикой могут присоединять показатель *-gdə*¹¹ (со значением долженствования (32); см. о семантике пассивного показателя статью А. В. Выдриной [Выдрина, настоящий сборник]). Показатель пассива находится либо на вершине, либо на обоих глаголах. Сложные глаголы с комплетивной семантикой не допускают пассивизации.

¹¹ В оформлении сложных глаголов показатели каузатива, пассива *-gdə*, социатива *-lcə*, реципрока *-ldə* и глагольной множественности *-sxa* ведут себя одинаково, поэтому в каждом случае приводятся семантически наиболее естественные примеры.

- (32) ^{OK}nan-də ödər bolkən Elstə or-žə
 я-DAT день каждый Элиста входить-CV.IPFV
 od-gd-na / or-gd-žə od-gd-na
 уходить-PASS-PRS входить-PASS-CV.IPFV уходить-PASS-PRS
 'Мне приходится ездить в Элисту каждый день'.

2.3. Семантика и распределение сложных глаголов в перфективной зоне

Для калмыцкого языка центральным значением перфективной зоны является комплетив; для предельных ситуаций комплетивное прочтение означает момент достижения высшей точки, а для неопределенных в качестве предела выделяется начальная точка. Комплетив выражается синтетически: аффиксом *-čkə*, восходящим, предположительно, к сочетанию соединительного деепричастия с глаголом *ork-*, и сложными глаголами с *od-* 'уходить', сочетающимся с непереходными глаголами. Комплетивные показатели (аффикс *-čkə* и аналитические конструкции с глаголом *ork-* 'класть' и *od-* 'уходить') не могут сочетаться друг с другом.

В настоящее время конструкция с глаголом *ork-* почти не используется, а морфологизованный вариант чрезвычайно частотен (сложный глагол с *ork-* встретился в текстах один раз, с вершиной *od-* в аспектуальном значении — 41 раз, тогда как аффикс *-čkə* — 135 раз). В литературном калмыцком используется сочетание глагола *ork-* с разделительным деепричастием на *-ad*, выражающее разные значения перфективной зоны (комплетивное или лимитативное)¹². В устном варианте это сочетание встречается крайне редко, но предложенные информантам примеры показывают, что в составе сложного глагола *V-ad ork-* неопределенные глаголы, плохо сочетающиеся с аффиксом *-čkə*, получают значение вступления в начальную фазу и, таким образом, выступают как предельные. Сложный глагол позволяет передать дополнительные оттенки внезапности начала действия или указывает на то, что глагол используется в переносном значении.

¹² В зависимости, по-видимому, от акциональных свойств глагола, однако особенности литературного калмыцкого не рассматривались специально.

3. Сложные глаголы со значением бенефактива

Глаголы *av-* ‘брать’ и *ög-* ‘дать’ в качестве вершины сложного глагола сочетаются с соединительным деепричастием на *-жэ*:

- (33) <...> *ee čini žirxəl-čən tiimə, oda iigžə*
 ээ ты.GEN жизнь-P.2SG такой сейчас так
med-žə avə-Ø
 знать-CV.IPFV брать-IMP

‘Такова твоя судьба, теперь ты это пойми’ (10_Bulgun.13).

В текстах встречается 25 сочетаний с соединительным деепричастием на *-жэ* и 5 случаев с разделительным деепричастием на *-ad* для глагола *av-* ‘брать’, а для *ög-* ‘дать’ 11 сочетаний с деепричастием на *-жэ* из 13 случаев употребления этого глагола. Конструкции с разделительным деепричастием на *-ad* близки свободным синонимическим сочетаниям (34); в частности, в этих случаях информанты допускают изменение порядка слов (несколько иначе этот материал анализирует Д. Ф. Мищенко, [Мищенко, настоящий сборник]).

- (34) *xojr kirvə-n aavə sac-ad ög-äd <...>*
 два три-ЕХТ чашка бросать-CV.ANT дать-CV.ANT
 ‘Две-три пиалы разбрасывает {дает курице корм}’
 (13_kurica.6)

Глаголы *av-* ‘брать’ и *ög-* ‘дать’ в качестве вершин сложных глаголов сочетаются преимущественно с переходными глаголами.

Как уже упоминалось, М. Д. Онджанова рассматривает глаголы *ög-* ‘дать’ и *av-* ‘брать’ как показатели **законченного вида** с дополнительным значением ‘совершения действия в чьи-то интересах’ или ‘для себя’ соответственно [Онджанова 1969], однако экспедиционные материалы показывают, что перфективная семантика не свойственна сложным глаголам с вершинами *av-* ‘брать’ и *ög-* ‘дать’ в сочетании с одушевленным субъектом (см. ниже о конструкциях с вершиной *av-* ‘брать’ и неодушевленным субъектом). Перфективное или имперфективное прочтение сложного глагола с вершиной *ög-* ‘дать’ или *av-* ‘брать’ зависит от сочетания с аспектуальными аффиксами; перфективная семантика возникает в сочетании с аффиксом комплетива *-čкэ*:

- (35) *övgə-n saxl-an xus-čə av-čkə-v*
 старик-EXT борода-P.REFL брить-CV.IPFV братъ-COMPL-PST
 ‘Старик побрился’.

Без аффикса комплетива сложный глагол с вершинами *av-* ‘братъ’ и *ög-* ‘дать’ имеет имперфективное прочтение, зависящее от формы сложного глагола (хабитуальное в форме настоящего времени (36)–(37), актуально-длительное в сочетании с аффиксом прогрессива (38)).

- (36) *Badma ödər bolkən saxl-an xus-čə*
 Бадма день каждый борода-P.REFL брить-CV.IPFV
av-na
 братъ-PRS
 ‘Бадма каждый день бреется’.

- (37) *Badəm asxə-n bolkən egč-t-än*
 Бадма вечер-EXT каждый старшая.сестра-DAT-P.REFL
degtər umš-čə ög-na
 книга читать-CV.IPFV дать-PRS
 ‘Бадма каждый вечер читает сестре книгу’.

- (38) *namagə örä-də or-x-tə Badəm*
 я.ACC комната-DAT входит-PC.FUT-DAT Бадма
saxl-an xus-čə av-ča-la
 борода-P.REFL брить-CV.IPFV братъ-PROG-REM
 ‘Когда я вошел в комнату, Бадма брился’.

Сложные глаголы с вершинами *av-* ‘братъ’ и *ög-* ‘дать’ имеют не перфективное, а бенефактивное значение. Для сложного глагола с вершиной *ög-* ‘дать’ основное значение — бенефактив, а для сложных глаголов с вершиной *av-* ‘братъ’ — значение рефлексивного бенефактива (или, в другой терминологии, косвенно-объектного бенефактива).

Сложный глагол с *ög-* ‘дать’ означает, что в ситуацию включен бенефактивный участник, не совпадающий с агенсом (‘субъект совершает Р для X’):

- (39a) *Badma taxə šar-ž ögə-v*
 Бадма мясо жарить-CV.IPFV дать-PST
 ‘Бадма пожарил мясо {не себе, кому-то другому}’.

- (39б) *Badma nan-də məxə řar-řə ögə-v*
 Бадма я-DAT мясо жарить-CV.IPFV дать-PST
 ‘Бадма пожарил мне мясо’.

В сложных глаголах со значением рефлексивного бенефактива бенефициент и субъект совпадают:

- (40а) *Ajsa məxə řar-řə avə-v*
 Айсa мясо жарить-CV.IPFV брать-PST
 ‘Айсa пожарила мясо {для себя}’.

- (40б) *Ajsa bij-d-än məxə řar-řə avə-v*
 Айсa тело-DAT-P.REFL мясо жарить-CV.IPFV брать-PST
 ‘Айсa себе пожарила мясо’.

Конструкции с *av-* ‘брать’ и *ög-* ‘дать’ вводят нового участника, однако он обязателен лишь семантически; синтаксическое выражение бенефициента факультативно, как в примерах (39а) и (40а). В сложных глаголах с *ög-* ‘дать’ бенефактивный участник все же, как правило, выражен (если он не очевиден из контекста), тогда как в контекстах типа (40б) рефлексивное местоимение *bijdän* появляется лишь в случае эмфазы. При невыраженном бенефактивном участнике выбор сложного глагола отражает совпадение или несовпадение бенефактивного участника и субъекта действия.

Конструкции с глаголами *av-* ‘брать’ и *ög-* ‘дать’ отличаются от других сложных глаголов влиянием главного глагола на аргументную структуру. Для большинства сложных глаголов оформление аргументов продиктовано управлением зависимого глагола, линейно примыкающего к аргументам (в сложных глаголах с *od-* ‘уходить’ и *ork-* ‘класть’ дополнительно учитывается переходность/непереходность главного глагола). Сложные глаголы с *av-* ‘брать’ и *ög-* ‘дать’ представляют собой собственно союз клауз (clause union), в результате которого образуется новая аргументная структура. Так, в примерах (39) и (40), управление глагола *řar-* ‘жарить’ не содержит участника в дативе, т. е. сложный глагол дает возможность добавить бенефактивного участника).

Оба глагола — и *av-* ‘брать’ и *ög-* ‘дать’ частично сохраняют исходную семантику передачи; о том, что перед нами сложный

глагол, свидетельствует только порядок слов и единая аргументная структура. Конструкции лучше всего сочетаются с глаголами, подразумевающими физическую или метафорическую передачу:

- (41) *enə tuulⁱ-igə bi eež-äsə med-žə*
этот сказка-ACC я.NOM бабка-ABL знать-CV.IPFV
av-u-v
брать-PST-1SG
'Эту сказку я узнала от бабушки'.

Оба глагола не полностью десемантизованы: они не допускают малефактивных значений, не сочетаются с глаголами, предполагающими утрату чего-либо (например, *gee-* 'терять').

Развитие бенефактивных значений является, пожалуй, самым частым направлением грамматикализации глагола ДАТЬ в языках мира [Heine, Kuteva 2002: 149], тогда как для глагола БРАТЬ конструкции со значением рефлексивного бенефактива не относятся к числу распространенных путей грамматикализации; БРАТЬ часто грамматикализуется в показатель комплетива [Heine, Kuteva 2002: 286–287]. Нередко в одном языке ДАТЬ и БРАТЬ параллельно грамматикализируются в составе синонимичных (или относящихся к одной семантической зоне) конструкций: ДАТЬ и БРАТЬ образуют формы каузатива или пермиссива (ср. пермиссивные и гортативные конструкции в русском языке: [Подлеская 2004; Podlesskaya 2006]); способствуют повышению транзитивности непереходных глаголов [Heine, Kuteva 2002: 287].

Строго говоря, значительно грамматикализованный бенефактив преобразует актантную структуру исходного глагола, т. е. относится к области актантной деривации, а не аспекта, однако бенефактивные значения, выражаемые сложными глаголами, во многих языках совмещены с аспектуальными значениями. Сочетание семантики бенефактива/рефлексивного бенефактива с теми или иными значениями перфективной зоны характерно для тюркских языков: например, в чувашском *al-/il-* 'брать' образуют лексикализации со значением рефлексивного бенефактива и конструкции, имеющие значение лимитатива, семейфактива или отмененного результата (в зависимости от акциональных свойств глагола; см. [Шлуинский 2005: 220]).

В монгольских языках представлены разные варианты грамматикализации ДАТЬ и БРАТЬ в бенефактивном и комплетивном значениях, например, в монгольском языке Внутренней Монголии для глагола ‘дать’ отмечается бенефактивное значение, а для ‘брать’ — только значение полной завершенности [Chuluu 1998: 120]; в халха-монгольском представлены бенефактив и рефлексивный бенефактив [Кузьменков 1984].

Калмыцкие сложные глаголы с вершиной *ög-* ‘дать’ и с вершиной *av-* ‘брать’ не симметричны: *av-* ‘брать’ чаще встречается в составе сложных глаголов, чем *ög-* ‘дать’ (в независимом употреблении они используются примерно с равной частотой, ср. выше). Глагол *av-* с соединительным деепричастием на *-žə* иногда образует стяженную форму *-žə-və* (42); сложные глаголы с *ög-* не подвергаются фонетическим трансформациям.

- (42) *bičk-düd* *muzej-də* *ir-äd*
 ребенок-PL музей-DAT приходит-CV.ANT
olən *sonʰn* *jumə*
 разнообразный интересный вещь
xälä-žə-və = (*xälä-žə avə-v*)
 смотреть-CV.IPFV-брать.PST
 ‘Дети пришли в музей и посмотрелись разных интересных вещей’.

Сочетания *ög-* ‘дать’ с неодушевленным субъектом не допускаются носителями, тогда как с вершиной *av-* ‘брать’ возможны, и в этом случае сложный глагол имеет комплетивную интерпретацию (рефлексивно-бенефактивная интерпретация с неодушевленным субъектом невозможна):

- (43) *čejnik-tə* *usə-n* *busəl-žə* *avv-v*
 чайник-DAT вода-EXT кипеть-CV.IPFV брать-PST
 ‘Вода в чайнике вскипела’ / *‘Кипела для себя’.

Интерпретация сложного глагола как рефлексивного бенефактива затруднена прежде всего прагматически, однако информанты не допускают ее и в качестве языковой игры. Сочетания *ög-* ‘дать’ с неодушевленным субъектом не имеют комплетивной интерпретации и признаются допустимыми лишь в бенефактивном значении в качестве языковой игры:

- (44) ^{OK} *telefo-n* (*madn-də*) *ʒiŋn-ʒə* *ögə-v*
 телефон-EXT (мы-DAT) звенеть-CV.IPFV дать-PST
 ‘Телефон позвонил {наконец-то соизволил нам позвонить}’.

Таким образом, у одного из этих глаголов с расширением сочетаемости появляется перфективная семантика в сочетании с неодушевленным субъектом.

Сложный глагол *av-* ‘брать’ сочетается с ограниченным числом зависимых глаголов, т. е. близок лексикализациям (некоторые лексикализации, например *xuld-ʒə av-* (продавать-CV.IPFV брать) ‘покупать’, возникают на основе сложных глаголов с *av-* ‘брать’). Сложный глагол с *av-* ‘брать’ регулярно противопоставляет предельное ‘поймать’ и неопредельное ‘ловить’ прочтения глагола *bärə-* ‘ловить, держать, поймать’:

- (45a) *bi* *müis-in* *kičəg* *bärə-v*
 я.NOM кошка-GEN щенок держать-PST
 ‘Я ловила котенка {неизвестно, поймала или нет}’.

- (45б) *bi* *müis-in* *kičəg* *bär-ʒə* *avu-v*
 я.NOM кошка-GEN щенок держать-CV.IPFV брать-PST
 ‘Я поймала котенка’.

Часто используется сложный глагол *ol-ʒ av-* (искать-CV.IPFV брать) ‘найти’ (последняя форма не противопоставлена неопредельному варианту, так как глагол *ol-* ‘искать, найти’ вне сложного глагола встречается крайне редко; неопредельный процесс передает глагол *xäü-* ‘искать’).

Отрицание при сложных глаголах с *ög-* ‘дать’ встречается не очень часто в силу прагматических причин, поскольку говорящему сравнительно редко нужно специально указать бенефицианта несостоявшегося действия, однако грамматически подобные конструкции вполне допустимы. Отрицание при сложных глаголах с *ög-* ‘дать’ иногда интерпретируется как специальное указание на нежелание субъекта совершить действие. Сфера действия отрицания включает прежде всего значение самого глагола, а не только бенефактивности: для примера (46) запрещено толкование ‘Спела не мне’.

- (46) *Nina* (*nan-də*) *duul-ʒə* *ög-sən* *uga*
 Нина (я-DAT) петь-CV.IPFV дать-PC.PST NEG.COP
 ‘Нина (мне) не спела {отказалась петь, не захотела}’.

Отрицание сложных глаголов с *av-* ‘братъ’ тоже ограничено не структурно, а прагматически. Достаточно регулярно встречается отрицание при сложных глаголах с *av-* ‘братъ’, близких лексикализациям (с *bär-* ‘ловить’), или собственно лексикализаций: *xuld-žə av-* (продавать-CV.IPFV братъ) ‘покупать’.

4. Сложные глаголы с вершиной *xaj-* ‘бросать’

Глагол *xaj-* ‘бросать’ в качестве вершины сложного глагола сочетается с переходными глаголами. Конструкции с глаголом *xaj-* ‘бросать’ не упоминаются в калмыцких грамматиках [Пюрбеев 1977; Санжеев 1983]; как уже было сказано, в работе М. Д. Онджановой *xaj-* ‘бросать’ перечислен в числе вспомогательных глаголов, образующих «законченный вид» [Онджанова 1969], однако полевые материалы показывают, что сложный глагол с вершиной *xaj-* ‘бросать’ не выражает собственно перфективных значений. Сложный глагол с вершиной *xaj-* ‘бросать’ не входит в парадигму перфективных показателей и часто сочетается с комплетивным аффиксом *-čkə*, который и вносит в итоговую конструкцию перфективную семантику. Дополнительно влияют акциональные свойства самого сильного предельного глагола *xaj-* ‘бросать’.

Основное значение сложного глагола — обозначение интенсивности действия (47) или полного охвата объекта (48):

- (47) *kövü-n eck-äsn ää-väd*
 мальчик-EXT отец-ABL.P.REFL бояться-CV.ANT
xaj-žə-na
 бросать-PROG-PRS
 ‘Мальчик {сильно} боится отца’.
- (48) *saraxa uvčə id-äd xaj-žə-na*
 саранча урожай есть-CV.ANT бросать-PROG-PRS
 ‘Саранча пожирает {весь} урожай’.

Сложный глагол часто используется с неисчисляемыми объектами (как в примере (48)). Сложный глагол с *xaj-* ‘бросать’ с квантованными объектами может выражать значение дистрибутивной объектной множественности (близкое русским формам ‘поразбросать’). Сложный глагол с вершиной *xaj-* часто сочетается с кванторами

всеобщности или указанием на множественность объектов (49а), но не допускает указание на единственность объекта (49б).

(49а) *bi cig aavə-savə xamxl-ad*
 я.NOM весь посуда ломать-CV.ANT
xaj-čkə-v
 бросать-COMPL-1SG
 ‘Я все чашки перебила’.

(49б) **bi neg aavə xamxl-ad xaj-čkə-v*
 я.NOM одну чашку ломать-CV.ANT бросать-COMPL-1SG
 ‘Я разбила одну чашку’.

Сложный глагол с вершиной *xaj-* ‘бросать’ также не сочетается с обстоятельством кратности:

(50) **noxa Badma-gə xojr dükəžə zuu-ɓad*
 собака Бадма-ACC два раз кусать-CV.ANT
xaj-čkə-v
 бросать-COMPL-PST
 ‘Собака дважды укусила / искусала Бадму’.

С мультипликативными глаголами сложный глагол с вершиной *xaj-* представляет действие как череду квантов, повторение одной и той же ситуации с тем же набором участников (‘бить’, ‘целовать’). В этих случаях часто используются редуцированные формы деепричастия на *-žə* (редупликация — один из частых способов выражения в языках мира мультипликативных значений и, шире, глагольной множественности).

(51) *Bajrta küük-än üms-äd / üms-č*
 Байрта девочка-P.REFL целовать-CV.ANT целовать-CV.IPFV
üms-čə xaj-čkə-v
 целовать-CV.IPFV бросать-COMPL-PST
 ‘Байрта зацеловала дочку’.

Рассмотренные примеры показывают, что сложный глагол с вершиной *xaj-* ‘бросать’ не относится к перфективной зоне. В зависимости от лексической семантики и акциональных свойств зависимого глагола сложный глагол имеет одно или несколько из близких значений интенсива, тотального охвата объекта, предполагает дистрибутивную объектную множественность

или имеет мультипликативное прочтение, т. е. связан с количественными, а не с линейными аспектуальными значениями (см. о видах количественного аспекта [Храковский 1989; Шлунский 2005]).

Глагол *xaj-* ‘бросать’ в составе сложных глаголов в некоторых контекстах не полностью десемантизирован: информанты осознают связь со значением ‘бросать, швырять’. Например, этот сложный глагол часто используют при описании деструктивных действий, особенно предполагающих бросание, как в приведенном выше примере (49). Существуют лексические ограничения на сочетаемость: сложный глагол с вершиной *xaj-*, как правило, имеет дополнительный пейоративный оттенок, содержит негативную оценку события. В литературных текстах эта конструкция не встретилась; носители языка оценивали ее как разговорную и даже грубую.

- (52) *mini egčə dala kino*
 я.GEN старшая.сестра много фильм
xälä-väd xaj-čk-čə
 смотреть-CV.ANT бросать-COMPL-EVD
 ‘Моя сестра пересмотрела много фильмов {тратила время на пустяки}’.

Морфосинтаксические свойства сложного глагола с вершиной *xaj-* ‘бросать’ также свидетельствуют об относительно слабой степени грамматикализации. Зависимый глагол стоит в форме разделительного деепричастия на *-ad* (и иногда в редуцированной форме соединительного деепричастия на *-žə*, см. выше пример (49)); разделительное деепричастие на *-ad* чаще используется в свободных бипредикативных сочетаниях, а не в составе сложных глаголов (см. о семантике разделительного деепричастия статью Д. Ф. Мищенко [Мищенко, настоящий сборник]).

Возможно отрицание при сложных глаголах с вершиной *xaj-* ‘бросать’ (семантически примеры вроде (53) не слишком естественны, но допускаются информантами).

- (53) ^{OK}*Badma gerg-än cok-ad xaj-sən*
 Бадма жена-P.REFL ударить-CV.ANT бросать-PC.PST
uga
 NEG.COP
 ‘Бадма не избивал жену’.

Аффиксы актантной деривации располагаются на зависимом глаголе, а не на вершине:

- (54) ⟨...⟩ *mal-salə* *bar-β-ad*
 скот.разных.видов *выходить*-CAUS-CV.ANT
xaj-čk-əv
 бросать-COMPL-1SG
 ‘(Павший) скот выбрасывали’ (03_semja.35).

5. Имперфективная зона

5.1. Общие свойства имперфектива в калмыцком языке

Основной синтетический способ выражения имперфективных значений в калмыцком языке — показатель прогрессива *-žə*, образующий в сочетании с показателями настоящего времени и отдаленного прошедшего времени неполностью композиционные формы *-žana* и *-žala* (о последней форме см. статью К. В. Гото [Гото, настоящий сборник]). Показатель *-žə* восходит, по-видимому, к сочетанию соединительного деепричастия с глаголом *bää-* ‘быть’ [Bläsing 2003: 244], т. е. является результатом морфологизации сложного глагола. Кроме того, в калмыцком языке представлены сложные глаголы с имперфективной семантикой с вершинами *bää-* ‘быть’, *joβ-* ‘ходить’, *kevt-* ‘лежать’ и *suu-* ‘сидеть’ (о возможности выражения этими глаголами «длительного вида» упоминает, в частности, Г. Д. Санжеев [Санжеев 1983: 192]). Глаголы *bää-* ‘быть’ и *joβ-* ‘ходить’ используются как с соединительным деепричастием на *-žə*, так и с разделительным деепричастием на *-ad*. Глаголы позиции (*kevt-* ‘лежать’, *suu-* ‘сидеть’) сочетаются только с разделительным деепричастием на *-ad*. Все перечисленные глаголы — непереходные и сочетаются как с переходными, так и с непереходными зависимыми глаголами, хотя чаще используются с непереходными (см. выше в разделе 2.2.2 о «гармонии по переходности»).

В работах К. Эберт [Ebert 1999; Bertinetto et al. 2000] рассматривается семантика перечисленных выше сложных глаголов в соотношении с формой прогрессива настоящего времени на *-žana* в рамках принятого авторами трехчленного деления на **«сфокусированный»** (focalized) **прогрессив**, **«несфокусированный»**

дуративный прогрессив¹³ и **дуратив**. В отличие от дуративного прогрессива, собственно дуратив не допускает сфокусированного прочтения и сочетается не только с процессами, но и с состояниями. По мнению Бертинетто, Эберт и де Гроофа, в калмыцком языке сочетания соединительного деепричастия на -*žə* с глаголами *juv-* ‘ходить’ / *bäü-* ‘быть’ образуют наиболее сфокусированные формы прогрессива, форма на -*žana* представляет собой дуративный прогрессив, а сочетания с разделительным деепричастием образуют не допускающий «сфокусированного» прочтения дуратив (сочетающийся не только с процессами, но и с состояниями), передающий различные значения продолжительности, градуальности или итеративности [Bertinetto et al. 2000: 544]. К. Эберт записывает структуру последней конструкции как ‘-*ad bäü- / juv-suu-* ...’ [Ebert 1999: 334], предполагая, по-видимому, не только единую семантику этих сложных глаголов, но и возможность продолжения этого ряда. Такой подход позволяет показать близость сложных глаголов с одинаковыми формами, но разными вершинами, т. е. описать семантику конструкции в целом. Помимо этого, несмотря на близость имперфективных значений между собой и слабую специфицированность указанных выше конструкций, представляется перспективным анализ частных значений сложных глаголов имперфективной зоны в зависимости от исходной семантики грамматикализовавшегося глагола. Как показывают экспедиционные материалы, перечисленные выше сложные глаголы оказываются не полностью синонимичными друг другу и обладают различными сочетаемостными свойствами.

Далее я не буду использовать трехчленное деление (дуратив, дуративный и сфокусированный прогрессив); **дуративом** я буду называть различные типы неактуально-длительного толкования ситуации (в момент Т ситуация Р длится, то есть Р имело место до момента Т и будет иметь место после момента Т), а **прогрессивом** — способность иметь актуальное прочтение (в момент Т длительная динамическая ситуация Р актуально имеет место).

¹³ Сфокусированные употребления прогрессива описывают ситуацию в момент наблюдения, тогда как несфокусированный (дуративный) прогрессив предполагает, что ситуация может разворачиваться во времени и сочетается с обстоятельствами длительности вроде ‘два часа’ [Bertinetto et al. 2000: 533].

5.2. Глаголы позиции (*suu-* ‘сидеть’, *kevt-* ‘лежать’)

Превращение в имперфективные показатели — основное направление грамматикализации глаголов позиции СТОЯТЬ, СИДЕТЬ и ЛЕЖАТЬ в языках мира (см.: [Kuteva 2001; Newman 2002b]). Нередко в языке представлены синонимичные конструкции с двумя или даже тремя глаголами позиции; из этих глаголов чаще всего, по данным Т. А. Майсака, в языках мира грамматикализуется глагол СИДЕТЬ и реже всего — ЛЕЖАТЬ [Майсак 2005].

В калмыцком языке используются сложные глаголы с глаголами ‘лежать’ и, реже, ‘сидеть’ в сочетании с разделительным деепричастием на *-ad*. В других монгольских языках представлен различный набор глаголов позиции в составе сложных глаголов: в бурятском, по-видимому, наиболее грамматикализован глагол *хэвтэ-* ‘лежать’¹⁴, тогда как глагол ‘сидеть’ используется в качестве служебного в тех случаях, когда действие совершается субъектом в сидячем положении» [Санжеев 1962: 193]; в монгольском языке Внутренней Монголии отмечена только грамматикализация глагола ‘сидеть’, но не ‘лежать’ [Chuluu 1998].

Развитие у конструкций с глаголами позиции значения прогрессива/дуратива Т. Кутева объясняет кодированием пространственного положения физических объектов глаголами СТОЯТЬ, СИДЕТЬ или ЛЕЖАТЬ (аналогичных русским выражением ‘чашка стоит’, ‘ложка лежит’). Во многих языках, допускающих использование глаголов позиции для обозначения пространственного положения неодушевленных объектов, происходит кристаллизация (‘sedimentation’) подобных структур и развитие значения прогрессива у конструкций с глаголами позиции [Kuteva 2001: 51]. Для калмыцкого языка это объяснение не подходит, так как метафорическое использование глаголов позиции в непозиционном значении запрещено и для локализации неодушевленных объектов используется только глагол ‘быть’:

¹⁴ Глагол ‘лежать’ в бурятском имеет дополнительный оценочный компонент, хотя и не совсем совпадающий с калмыцким. Сложный глагол предполагает, что действие совершается субъектом «при наличии затруднений, кое-как или медленно» [Санжеев 1962: 193].

- (55) *kampadⁱ širä deerə bää-nä / *kevt-nä*
 конфета стол поверхность быть-PRS лежать-PRS
 ‘Конфеты лежат на столе’.

Глаголы позиции не в составе сложного глагола, а в одиночном употреблении используются только с одушевленными субъектами:

- (56) *Bulvə-n vac-arn ger-t-än kevt-nä*
 Булгун-EXT один-INS.P.REFL дом-DAT-P.REFL лежать-PRS
 ‘Булгун одна лежит дома’ (10_Bulgun.14).

В составе сложного глагола запрет на неодушевленное подлежащее снимается. Вершина десемантизована, и сложный глагол больше не имеет значения положения в пространстве, а передает аспектуальную характеристику действия:

- (57) *enə zurəg daŋgin un-ad kevt-nä*
 этот рисунок всегда падать-CV.ANT лежать-PRS
 ‘Эта картина все время падает’ / *‘Картина, упав, лежит’.
- (58) *enə vaza bää-xə xatxančəg täär-äd*
 этот снаружи быть-PC.FUT колючка резать-CV.ANT
xaj-čk-u-čən urv-ad suu-na
 бросать-COMPL-PST-PCL.CONC расти-CV.ANT сидеть-PRS
 ‘Только срезаешь колючку — она снова вырастает’ /
 *‘Колючка растет сидя’.

К. Эберт отмечает, что сочетания с глаголами позиции используются чрезвычайно редко и всегда сохраняют что-то от своего буквального значения [Ebert 1999: 338], т. е. употребляются в контекстах типа *umš-ad suu-/kevt-* (читать-CV.ANT сидеть/лежать) ‘сидеть /лежать и читать’. Однако экспедиционные материалы демонстрируют гораздо большую десемантизацию *suu-* ‘сидеть’ и *kevt-* ‘лежать’ в составе сложных глаголов. Исходная семантика положения в пространстве (сидения или лежания) не подразумевается:

- (59) *daŋgin xə al-ad kevt-nä / suu-na*
 всегда овца убить-CV.ANT лежать-PRS сидеть-PRS
 ‘{Бадма любит принимать гостей и} постоянно режет овец’.

Более того, сложные глаголы с разделительным деепричастием на *-ad*, как правило, сочетаются именно с глаголами, не подразумевающими сидячее или лежащее положение, тогда как биопред-

кативное сочетание ‘делать Р лежа/сидя’ выражается сочетанием с соединительным деепричастием на *-ǰə*¹⁵:

- (60) *Ajsa büšmüd uj-ǰə suu-na*
Айса платье шить-CV.IPFV сидеть-PRS
‘Айса сидит и шьет платье’

Глаголы позиции могут сочетаться с любыми динамическими глаголами, в том числе с глаголами движения:

- (61) *Manǰə gerə erg-äd güü-väd*
Манджи дом кружиться-CV.ANT бежать-CV.ANT
suu-na / kevt-nä
сидеть-PRS лежать-PRS
‘Манджи бегают и бегают вокруг дома’.

Разница между сложными глаголами с вершинами ‘сидеть’ и ‘лежать’ не до конца прояснена. Предположительно, использование сложных глаголов с вершиной *suu-* ‘сидеть’ является идиолектной особенностью: часть информантов никогда не использует этот сложный глагол, хотя опознает в речи других носителей, тогда как другие носители калмыцкого языка употребляли *suu-* ‘сидеть’ примерно в тех же контекстах, что и *kevt-* ‘лежать’ (как в приведенном выше примере (61)). Сложные глаголы с вершиной *kevt-* ‘лежать’ используют все носители.

Сочетание разделительного деепричастия на *-ad* с глаголом *kevt-* ‘лежать’ имеет значение интенсивного дуратива («Р длится [слишком / очень] долго»), т. е. имплицитно содержит (негативную) оценку говорящего. Наличие негативной оценки, экспрессивность конструкции постоянно подчеркивается носителями: информанты описывают сложные глаголы с *kevt-* ‘лежать’ как **грубые, разговорные формы**¹⁶.

¹⁵ С соединительным деепричастием на *-ǰə* глаголы позиции образуют свободные сочетания за исключением лексикализации *unt-ǰə kevt-* (спать-CV.IPFV лежать) ‘спать’; отдельно глагол *unt-* ‘спать’ используется крайне редко.

¹⁶ Общее число примеров сложных глаголов с вершиной *kevt-* ‘лежать’ не позволяет делать выводы о распределении по типам текстов, но возможна связь конструкции с диалогическим модусом: сложный глагол с *kevt-* ‘лежать’ встретился в текстах всего 6 раз, из них дважды

- (62) *caadkə zalu-čən gergə-n-d-än*
 дальний мужчина-PCL.CONC жена-EXT-DAT-P.REFL
naa-ld-ad kevt-nä
 намазывать-RECP-CV.ANT лежать-PRS
 ‘{Моя соседка все время так на сына жалуется:} «Этот мужик к жене так прилип»’.

Дж. Ньюман отмечает важные для семантики глагола ЛЕЖАТЬ ассоциации с отдыхом, сном, болезнью и смертью [Newman 2002a: 3], служащие, возможно, основанием для грамматикализации оценочных значений.

Значение интенсивности действия или близкие значения количественного аспекта — итерация (в частности, фреквентатив) — реализуются в зависимости от акциональных свойств глагола. Именно хабитуальное (‘обычно’, ‘регулярно’) значение не свойственно этой конструкции, поскольку она как раз выражает нарушение нормы, слишком частое повторение, избыточное с точки зрения говорящего.

С мультипликативными глаголами конструкция имеет итеративное значение:

- (63) *kövü-d vse cıgar namagə cok-ad,*
 мальчик-PL весь я.ACC ударить-CV.ANT
cok-ad kevt-nä
 ударить-CV.ANT лежать-PRS
 ‘Мальчишки все меня били, били и били’ (22_razbityj_nos.5, не публикуется).

Со стативами сложный глагол обозначает длящееся единичное действие:

- (64) *Sanal ödər-t-än čamag külä-väd*
 Санал день-DAT-P.REFL ты.ACC ждать-CV.ANT
kevt-ü, javə-v
 лежать-PST что.делать-PST
 ‘Санал тебя весь день ждал, вот он что делал’ (07_dialog.4).

— в коротком диалоге, три раза — в «спонтанных нарративах» (08_konflikt, 22_razbityj_nos), один раз — в сказке при передаче эмоциональной реакции персонажа (14_xitryj_muzhik.056).

Сложный глагол с *kevt-* ‘лежать’ семантически близок сложному глаголу с разделительным деепричастием на *-ad* и вершиной *bää-*, но имеет дополнительное значение интенсивности действия и негативной оценки говорящего. В примере (65) информант использует сначала нейтральную форму сложного глагола с вершиной *bää-*, а затем прибегает к более выразительной форме сложного глагола с *kevt-*:

- (65) <...> *čini üj dü*
 ты.GEN двоюродный младший.брат
gi-čk-äd xääkr-äd bää-väd
 говорить-COMPL-CV.ANT кричать-CV.ANT быть-CV.ANT
kedü mini xö-d id-dəg gi-väd
 сколько я.GEN овца-PL есть-PC.HAB говорить-CV.ANT
xääkər-äd kevt-vä
 кричать-CV.ANT лежать-PST.EMPH
 ‘Твой двоюродный брат все кричал, долго кричал: «Сколько моих овец съели!»’ (08_konflikt.17).

Возможно отрицание сложного глагола с глаголами позиции с сохранением структуры, хотя подобные примеры некоторым информантам кажутся сомнительными:

- (66) *Ajsa-n mal-mud üvl-är ük-äd*
 Айса-GEN скот-PL зима-INS умереть-CV.ANT
kevt-sən uga
 лежать-PC.PST NEG.COP
 ‘Скотина в эту зиму у Айсы не передохла {а обычно у Айсы постоянно умирают животные, Айса плохая хозяйка}’.

5.3. Сложные глаголы с вершиной *bää-* ‘быть’

Как отмечалось во введении, в калмыцком языке существуют глаголы-связки *bää-* ‘быть’ и *bol-* ‘стать’, которые, в отличие от других грамматикализовавшихся глаголов в калмыцком языке, сочетаются не только с деепричастиями, но и с причастиями и именами. Формы глагола *bää-* ‘быть’ в качестве связки с разными причастиями образуют различные видо-временные и модальные формы. Сочетание отдаленного прошедшего времени от глагола *bilä* ‘быть’ с хабитуальным причастием на *-dəg* обозначает повторяющееся действие в прошлом:

- (67) *ter Altajsk kraj-in mana ekə*
 тот Алтайский край-GEN мы.GEN мать
kel-dəg bilä
 говорить-РС.НАВ быть.REM
 ‘Мама часто рассказывала об этом Алтайском крае’
 03_semja.021, не публикуется).

В составе сложного глагола *bää-* ‘быть’ может сочетаться не только с разделительным деепричастием на *-ad* и соединительным деепричастием на *-žə* (как другие грамматикализовавшиеся глаголы в калмыцком языке), но и с другими, сравнительно редко встречающимися в калмыцком языке деепричастными формами, в частности, со слитным деепричастием на *-n*:

- (68) *kövü-n čolu xaj-n bää-žə*
 мальчик-EXT камень бросать-CV.MOD быть-CV.IPFV
xääkrə-v
 крикнуть-PST
 ‘Мальчик крикнул, продолжая бросать камни’.

Я не рассматриваю употребления глагола *bää-* ‘быть’ в качестве связки, а из сложных глаголов с вершиной *bää-* ‘быть’ анализирую только сочетания с **соединительным деепричастием** на *-žə* и с **разделительным деепричастием** на *-ad*.

Сложный глагол с вершиной *bää-* ‘быть’ и формой **соединительного деепричастия** на *-žə* используется в калмыцком языке достаточно редко (в частности, в корпусе наших текстов не встретился ни разу, все примеры из анкет) и практически вытеснен формой прогрессива настоящего времени на *-žana* [Vertinetto et al. 2000: 533]. Глагол *bää-* ‘быть’ не сочетается с соединительным деепричастием на *-žə* от динамических предикатов (в этих случаях информанты предпочитают форму прогрессива настоящего времени на *-žana*), а используется с формами соединительного деепричастия глаголов, обозначающих состояния:

- (69) *Badma Baatr xojr xörn žil-də üürl-žə*
 Бадма Батыр два 20 год-DAT дружить-CV.IPFV
bää-nä
 быть-PRS
 ‘Бадма и Батыр дружат 20 лет’.

Однако глагол *bää-* ‘быть’ может использоваться с соединительным деепричастием на *-žə* от пунктивных глаголов. Данные глаголы плохо сочетаются с прогрессивом *-žə*, а в составе сложного глагола с вершиной *bää-* ‘быть’ обычно имеют переносное значение; сложный глагол имеет дополнительную семантику результата:

(70) *Badm-in Manžə toxm-an gee-žə*
 Бадма-GEN Манджи порода-Р.REFL терять-CV.IPFV
bää-nä
 быть-PRS

‘Род Бадмаева Манджи прервался {одни девочки родились}’ (букв. ‘Бадмаев Манджи теряет род’).

Как упоминалось выше, К. Эберт рассматривает сочетания глагола *bää-* ‘быть’ с соединительным деепричастием на *-žə* как формы, обладающие наибольшей «сфокусированностью» по сравнению с нейтральным синтетическим выражением прогрессива формой на *-žəna* [Ebert 1999]. Однако трудно согласиться с такой интерпретацией, так как синтетическая форма и сложный глагол, от которого она образована, находятся в дополнительном распределении и от одного глагола нельзя образовать и нейтральную, и максимально «сфокусированную форму». Строго говоря, сложный глагол *V-žə bää-* не является прогрессивом, поскольку сочетается со стативными глаголами, тогда как прогрессив, напротив, используется с динамическими предикатами и не сочетается с состояниями [Bybee et al. 1994: 126]. Формы прогрессива *-žə* (восходящие к сложному глаголу *V-žə bää-*) и сам этот сложный глагол *V-žə bää-* дополнительно распределены: форма прогрессива используется с предикатами, для которых естественно иметь актуально-длительное прочтение (процессы), тогда как сложный глагол сочетается с глаголами, для которых такая интерпретация не относится к числу нейтральных (стативами и пунктивами).

Соотношение морфологизованной формы (прогрессива на *-žə*) и сложного глагола близко распределению возникшего в результате морфологизации нейтрального способа выражения комплетива аффиксом *čkə-* и сложного глагола с вершиной *ork-* ‘класть’, используемого для интерпретации неопределенных глаголов как

имеющих предел (начальную точку). В обоих случаях сложный глагол является более сильным средством, по сравнению с морфологизованной формой, и «достраивает» акциональную парадигму зависимого глагола.

Сложный глагол с вершиной *bää-* ‘быть’ и с зависимым глаголом в форме **разделительного деепричастия на -ad**, как уже упоминалось, является нейтральным способом выражения дуратива (см. выше в разделе 5.2 о различии между сложными глаголами с вершинами *kevt-* ‘лежать’ и *bää-* ‘быть’). Глагол *bää-* в качестве вершины сочетается с соединительным деепричастием на *-ad* от любых глаголов.

Сложный глагол *V-ad bää-* выражает достаточно широкий круг дуративных и близких к дуративу значений. Собственно дуратив предполагает неактуально-длительное толкование ситуации (т.е. ситуация имела место до некоторой точки и может продолжаться после нее):

- (71) *Očir av-xə degtr-igə Saglər šuluxar*
 Очир брать-РС.FUT книга-ACC Саглара быстро
umš-ad bää-nä
 читать-CV.ANT быть-PRS
 ‘Саглара очень быстро читает книгу, которую у нее скоро заберет Очир’.

Сложный глагол в некоторых случаях может иметь итеративное или хабитуальное прочтение (‘каждый день’):

- (72) ⟨...⟩ *durə-n-də-n^j xotə-n^j ög-äd*
 желание-EXT-DAT-P.3 пища-P.3 дать-CV.ANT
bord-ad bää-nä
 откармливать-CV.ANT быть-PRS
 ‘⟨...⟩ пищу дает по желанию, откармливает’ (13_kurica.6).

Дуратив с глаголом *bää-* ‘быть’ может выражать свойство, постоянный признак предмета:

- (73) *terü-n-äsə ikär sež-äd*
 тот-EXT-ABL сильно быть.мнительным-CV.ANT
bää-nä
 быть-PRS
 ‘От этого он постоянно очень испуган’ (01_avtobiografija.7).

С сильными предельными глаголами в форме разделительного деепричастия на *-ad* сложный глагол с вершиной *bää-* ‘быть’ имеет результирующее значение:

- (74) <...> *öŋgr-äd* *bää-žə* *mini* *eskə*
 умирать-CV.ANT быть-EVD я.GEN отец
 ‘<...> и умер, мой отец’ (01_avtobiografija.9).

5.4. Глагол *šov-* ‘ходить’

Исходным контекстом грамматикализации глагола *šov-* ‘ходить’ являются сочетания с глаголами движения, как правило, обозначающими способ передвижения (‘бежать’, ‘лететь’, ‘ползти’ и т. п.). Глагол *šov-* сочетается с соединительным и разделительным деепричастиями от глаголов, обозначающих изменение положения в пространстве и образует разные сложные глаголы.

5.4.1. Глагол *šov-* ‘ходить’ с соединительным деепричастием на *-žə*. Сочетание деепричастия на *-žə* с глаголом *šov-* образует прогрессив от глаголов движения (75), глаголов, обладающих семантикой перемещения в пространстве (таких как ‘танцевать’, ‘кружиться’ (76)) или содержащих компонент движения, как глагол ‘ставить’, описывающий каузацию движения (77).

- (75) *xälä-Ø*, *xälä-Ø* *toxa* *ger-ür*
 смотреть-IMP смотреть-IMP змея дом-DIR
or-žə *šov-na!*
 входить-CV.IPFV ходить-PRS
 ‘Смотри, змея к дому ползет’.

- (76) *küükə-n* *biil-žə* *šov-na*
 девочка-EXT танцевать-CV.IPFV ходить-PRS
 ‘Девочка танцует’.

- (77) *Nina* *širä* *deer* *aavə* *täv-žə*
 Нина стол поверхность чашка класть-CV.IPFV
šov-na
 ходить-PRS
 ‘Нина ставит тарелки на стол’.

Некоторые действия обычно рассматриваются как совершаемые в движении (например, ‘искать’ в (78)), или их можно представить как сопровождающие перемещение (например, ‘говорить’ или

‘ссориться’), и в этих случаях используется сложный глагол с вершиной *jov-*, а не синтетическая форма прогрессива на *žä-*.

- (78) *bi xustəg xää-žə jov-na-v*
 я.NOM спичка искать-CV.IPFV ходить-PRS-1SG
 ‘Я спички ищу’.

Реже сложный глагол *V-žə jov-* используется с глаголами, которые не содержат семантики движения или перемещения в пространстве. Некоторые информанты запрещают подобные сочетания, однако в текстах они встречаются:

- (79) <...> *či xal'məg kel-n-də*
 ты.NOM калмыцкий язык-EXT-DAT
durl-žə jov-na-č
 любить-CV.IPFV ходить-PRS-2SG
 ‘(Поэтому) ты любишь калмыцкий язык’ (18_blagopozhelanie.12).

Прогрессив настоящего времени и прошедшего времени от глаголов движения образуется и формами на *-žanal-žala*, и сочетанием деепричастия на *-žə* с глаголом *jov-* в форме настоящего времени на *-na* или отдаленного прошедшего времени на *-la*. Сложный глагол выражает направленное движение в сочетаниях с глаголами, обозначающими способ движения и не имеющими указания на направление. Подобные глаголы (например, *güü-* ‘бежать’, *nis-* ‘лететь’, *mölk-* ‘ползть’, *öömə-* ‘плыть’) в калмыцком языке в независимом употреблении имеют значение ненаправленного движения:

- (80) *xälä-Ø! šovu-n nis-žä-nä*
 смотри-IMP птица-EXT летать-PROG-PRS
 ‘Смотри! Птица летает {туда-сюда}’.

В одиночном употреблении эти глаголы не могут сочетаться с обозначениями начальной и/или конечной точки движения; в этих случаях используется сложный глагол (см. подробнее в разделе 6).

- (81) *ter samolet Moskva-vasə Avš-ur*
 тот самолет Москва-ABL Волгоград-DIR
*nis-žə jov-na / *nis-žä-nä*
 летать-CV.IPFV ходить-PRS летать-PROG-PRS
 ‘Этот самолет летит из Москвы в Волгоград’

5.4.2. Глагол *јов-* ‘ходить’ с разделительным деепричастием на *-ad*. Сочетание глагола *јов-* с деепричастием на *-ad* имеет дуративное или хабитуальное прочтение:

- (82) *xortə-n cig xö-d al-ad јов-na*
 враг-EXT весь овца-PL убить-ANT ходить-PRS
 а) ‘Враг убивает всех овец (сейчас)’; б) ‘Враг убивает всех овец (обычно так делает)’.

Сложный глагол *V-ad јов-* чаще всего используется с глаголами движения; с другими предикатами сложный глагол показывает, что действие представляется как совершаемое в движении, подчеркивает пространственное понимание ситуации:

- (83) *säk-sən burxə-n kevtä deer-äsən*
 оберегать-PC.PST бог-EXT подобно поверхность-ABL.P.REFL
jöra-väd јов-də-m
 благословить-CV.ANT ходить-PC.HAB-COP.AFF
 ‘Чтобы оберегающий бог как бы сверху благословлял тебя все время’ (18_blagorozhelanie.22).

С глаголами движения могут использоваться сложные глаголы с вершиной *јов-* ‘ходить’ и с вершиной *bää-* ‘быть’; в последнем случае акцент переносится с семантики перемещения на обозначение нахождения в пространстве, ср. (84а-б):

- (84а) *kärd šovu-n xö-d deegür nis-äd*
 орел птица-EXT овца-PL сверху летать-CV.ANT
јов-na
 ходить-PRS
 ‘Орел летает над овцами’.
- (84б) *kärd šovu-n xö-d deegür nis-äd bää-nä*
 орел птица-EXT овца-PL сверху летать-CV.ANT быть-PRS
 ‘Орел летает над овцами {парит над стадом, застыл}’.

5.4.3. Грамматикализация сложных глаголов с вершиной *јов-* ‘ходить’. Превращение в имперфективные (включая хабитуальные) показатели — один из основных путей развития конструкций с глаголом ИДТИ в языках мира [Heine, Kuteva 2002: 159; Майсак 2005]. В калмыцком языке глагол *јов-* ‘ходить’ грамматикализовался в составе двух разных конструкций.

В текстах часто используются тавтологические сочетания *jova jov-* (ходить-CONT ходить-CV.IPFV) / *jovžə jov-* (ходить-CV.IPFV ходить) / *jovad jov-* (ходить-CV.ANT ходить) ‘идти, идти и идти’, свидетельствующие о десемантизации глагола *jov-* в подобных употреблениях.

Сложные глаголы *V-žə jov-* имеют значение прогрессива и чаще всего сочетаются с зависимыми глаголами движения (или предикатами, содержащими семантический компонент движения). В некоторых случаях невозможно точно определить семантику сложного глагола, который можно интерпретировать и в пространственном значении (указание на направленное движение) и в аспектуальном (образование форм прогрессива).

Сложные глаголы *V-ad jov-* менее грамматикализованы, чем *V-žə jov-* (возможно, потому, что в калмыцком языке существует ряд других сложных глаголов со значением дуратива) и в некоторых контекстах могут интерпретироваться в соответствии с буквальным значением глагола ‘ходить’, ср. (85а–б):

(85а) *ter küi-n-ä kazər-tə ködl-žə*
 тот человек-EXT-GEN земля-DAT работать-CV.IPFV
jov-na
 ходить-PRS
 ‘Он работает в чужом краю’.

(85б) *ödər sö uga ködl-äd jov-na*
 день ночь NEG.COP работать-CV.ANT ходить-PRS
 1) ‘Работает день и ночь, без отдыха’; 2) ‘Ходит днем и ночью на работу’.

Морфосинтаксические свойства сложного глагола также зависят от пространственной или аспектуальной интерпретации. Сложные глаголы *V-žə jov-* и *V-ad jov-* допускают отрицание только в пространственном значении, когда глагол *jov-* указывает на направленный характер движения:

(86) *noxa ez-än ard-asə dax-žə*
 собака хозяин-P.REFL зад-ABL следовать-CV.IPFV
jov-sən uga
 ходить-PC.PST NEG.COP
 ‘Собака не пошла за хозяином’.

- (87) *Badma käräd-äd jov-sən uga*
 Бадма прыгать-CV.ANT ходить-PC.PST NEG.COP
 ‘Бадма не прыгнул’.

Сложные глаголы *V-ǰə jov-* и *V-ad jov-* со значением прогрессива не допускают отрицания. Однако между этими крайними точками наблюдается значительная зона варьирования, определяемая тем, склоняется ли информант в данном контексте к пространственной интерпретации или воспринимает сложный глагол как аналитическую форму прогрессива. Таким образом, в калмыцком языке представлены формы, допускающие и пространственную, и аспектуальную трактовку, т. е. формы с неопределенной интерпретацией (о неопределенности при грамматикализации [Heine 1993: 48]).

5.5. Распределение сложных глаголов в имперфективе

В имперфективной зоне в калмыцком языке представлено несколько сложных глаголов (наряду с аффиксом прогрессива *-ǰa*, возникшим в результате морфологизации сложного глагола с соединительным деепричастием на *-ǰə* и вершиной *bäü-* ‘быть’). Распределение этих близких, но не полностью синонимичных сложных глаголов выглядит следующим образом (см. Таблицу 1).

В морфосинтаксическом отношении сложные глаголы со значением дуратива (*V-ad bäü- / jov- / suu- / kevt-*) ведут себя схожим образом. Они не допускают отрицания, а показатели актантной деривации находятся на зависимом глаголе, а не на вершине:

- (88) *xojurn ärk-än uu-ld-ad bäü-nä*
 вдвоем водка-P.REFL пить-RECP-CV.ANT быть-PRS
 ‘(С моим дядькой) вдвоем стал водку пить’ (02_passport.65).

6. Сложные глаголы движения

Движение и перемещение в пространстве в калмыцком языке чаще всего описывается с помощью сложного глагола, состоящего из двух и более глаголов движения:

- (89) *övgə-n mod-an av-ad,*
 старик-EXT дерево-P.REFL братъ-CV.ANT
xär-ǰə ir-ǰə jov-ad {...}
 возвращаться-CV.IPFV приходитъ-CV.IPFV ходить-CV.ANT
 ‘Дед взял дров, возвращался домой...’ (12_prostofilja.17).

Таблица 1. Сложные глаголы в имперфективной зоне

глагол	основное значение сложного глагола	дополнительные оттенки значения	частотность, сочетаемость
<i>V-ad kevt-</i> 'лежать'	интенсивный дуратив	экспрессивный, разговорный оттенок, негативная оценка	регулярно (вопреки данным К. Эберт)
<i>V-ad suu-</i> 'сидеть'	синонимичен <i>V-ad kevt-</i>	не содержит негативной оценки	редко используется, идиолектная черта
<i>V-ad bäü-</i> 'быть'	нейтральный способ выражения дуратива, имеет хабитуальное значение, значение постоянного признака	с сильными предельными глаголами или пунктивами имеет значение результата	регулярно, сочетается с любыми глаголами
<i>V-žə bäü</i>	семантика дуратива	дополнительное распределение с формой прогрессива на <i>-žə</i>	крайне редко, только со стативными глаголами и пунктивами
<i>V-žə jov-</i>	прогрессив	в отличие от формы прогрессива на <i>-žə</i> имеет значение направленного движения	регулярно сочетается с глаголами движения или глаголами, содержащими компонент движения
<i>V-ad jov-</i>	дуратив	частично синонимичен <i>V-ad bäü-</i> , но	не очень часто, менее грамматикализован, чем <i>V-žə jov-</i>

Зависимые глаголы в составе сложных глаголов движения стоят в форме соединительного деепричастия на *-žə*, хотя формы с разделительным деепричастием на *-ad* допустимы (последние ближе к свободным сочетаниям).

Глаголы *ir-* ‘приходить’, *var-* ‘выходить’, *ärl-* ‘уходить’, *kür-* ‘достигать’, формы неполного глагола *aaš-* ‘приближаться’¹⁷ и некоторые другие предикаты могут быть вершиной в составе сложного глагола только в конструкциях с глаголами движения, модифицируя направление или характер движения; в подобных конструкциях, как правило, не происходит десемантизации вершинного глагола. Более грамматикализованные глаголы *od-* ‘уходить’ и *jov-* ‘ходить’ также используются в качестве вершины сложных глаголов со значением перемещения в пространстве, однако для удобства изложения эти конструкции рассматривались в разделах 2.2.1 и 5.4.1. Ниже не рассматривается семантика сложных глаголов с вершинами *od-* ‘уходить’ и *jov-* ‘ходить’, однако эти данные привлекаются для анализа общих свойств сложных глаголов движения.

Некоторые глаголы движения в составе сложного глагола в калмыцком языке тяготеют к использованию в качестве вершины, а некоторые — в качестве зависимого. В роли зависимого, а не вершины выступают глаголы *nis-* ‘лететь’, *mölk-* ‘ползать’, *öömə-* ‘плыть’, *xär-* ‘возвращаться’, *värüd-* ‘прыгать, передвигаться прыжками, переступать’, преимущественно в роли вершины — глагол *kür-* ‘достигать’ и некоторые другие. Например, в текстах глагол *or-* ‘входить’ в функции зависимого встретился 16 раз, а в функции вершины — только 4 раза; глагол *güü-* ‘бежать’ в качестве зависимого — 18, в качестве вершины сложного глагола — 1 раз. Среди зависимых глаголов в сложных глаголах движения преобладают лексемы со значением характера движения, способа перемещения (ср. *güü-* ‘бежать’, *nis-* ‘лететь’, *mölk-* ‘ползать’, *öömə-* ‘плыть’). Как уже указывалось, в независимом употреблении эти глаголы не могут сочетаться с обозначениями начальной и/или конечной точки движения и имеют значение ненаправ-

¹⁷ В современном калмыцком встречаются только формы настоящего времени *aaš-na* и отдаленного прошедшего времени *aaš-la*.

ленного движения. Вершина сложного глагола указывает направление движения, а зависимое — характер движения:

- (90) *samolet nis-ĉə* *kar-na*
самолет лететь-CV.IPFV выходить-PRS
'Самолет вылетел'.

Зависимый глагол в сложных глаголах движения имеет адвербиальное значение. Глаголы *or-* 'входить' и *xär-* 'возвращаться' в составе сложных глаголов выражают значения 'внутри' и 'назад'¹⁸. Таким образом, в составе сложных глаголов движения происходит частичная десемантизация не только главного глагола, но и зависимого, образование новой семантики в итоговом сложном глаголе.

Наоборот, глагол *od-* 'уходить' встречается в одиночном употреблении, в роли вершины сложного глагола (в пространственном и аспектуальном значении), но практически не используется в качестве зависимого в составе сложных глаголов (в текстах только дважды встретились конструкции с бенефактивом и прогрессивом). Глагол *ir-* 'приходить' лишь четыре раза встретился в составе сложного глагола с *jov-* 'ходить' со значением прогрессива, тогда как сложных глаголов с вершиной *ir-* 'приходить' в текстах 60, одиночных употреблений — 49. Глагол *jov-* 'ходить' относительно часто используется в качестве зависимого сложного глагола (хотя и существенно меньше, чем в функции вершины), но почти всегда в составе тавтологического сложного глагола *jovĵə jov-* ('ходить-CV.IPFV ходить') 'идти', *jovad jov-* ('ходить-CV.ANT ходить') 'идти' (17 случаев из 26); из других вершин с глаголом *jov-* относительно регулярно (6 раз) используется глагол *od-* 'уходить'. (Распределение некоторых глаголов движения представлено в Таблице 2 на следующей странице).

Грамматикализация глаголов движения предполагает переход от полноценной глагольной предикации к дейктическому оператору [Shibatani 2006], т. е. вершина сложного глагола частично утрачивает собственно семантику движения и указывает на направление движения к дейктическому центру или от него. В калмыцком языке движение к говорящему или дейктическому центру (**вентив**) маркирует глагол

¹⁸ Параллельно деепричастию от глагола *xär-* 'возвращаться' в текстах используется наречие *xärii* 'назад'.

Таблица 2. Распределение некоторых глаголов движения в текстах

глагол	одиночное	зависимое	вершина	всего
<i>jov-</i> 'ходить'	57	26	65	148
<i>od-</i> 'уходить'	39	2	58	99
<i>ir-</i> 'приходить'	49	4	60	113
<i>or-</i> 'входить'	54	16	4	70
<i>kar-</i> 'выходить'	46	4	16	64
<i>kür-</i> 'достигать'	21	7	1	29
<i>güü-</i> 'бежать'	7	18	1	26
<i>xür-</i> 'возвращаться'	3	5	0	8

ir- 'приходить' и менее употребительные формы настоящего и отдаленного прошедшего времен *aaš-na* / *aaš-la* глагола 'приближаться'¹⁹:

- (91) *kövü-n* *madən* *tal-an* *güü-žə*
 мальчик-EXT мы сторона-P.REFL бежать-CV.IPFV
ir-nä / *aaš-na*
 приходит-PRS приближаться-PRS
 'Мальчик бежит к нам'.

Грамматикализация глаголов со значением ПРИХОДИТЬ в показатели вентива часто встречается в языках мира [Heine, Kuteva 2002: 70]). Движение от говорящего или дейктического центра (**ИТИВ**) выражает глагол *od-* 'уходить' в функции вершины сложного глагола движения (и реже используемый в функции вершины сложного глагола *kar-* 'выходить'), см. примеры в разделе 2.2.1.

М. Д. Онджанова относит глагол *ir-* 'приходить' к числу аналитических показателей «законченного вида», а глагол *kar-* 'выходить' к «начинательному виду» ('указывает на начало повторяющегося действия') [Онджанова 1969: 84], однако информанты не допускали подобного употребления сложных глаголов; возможно, в литературном варианте калмыцкого языка эти конструкции более грамматикализованы. В других монгольских языках эти глаголы не только выражают пространственные отношения, но и грамматикализируются в аспектуальные или модальные показатели: в монгольском Внутренней Монголии *ir-* 'приходить' выражает дуративную

¹⁹ Других форм этого неполного глагола в современном калмыцком языке не представлено.

ситуацию, длящуюся с какого-то момента до настоящего времени (‘мы знаем друг друга с детства’), *var-* ‘приходить’ в составе сложного глагола имеет значение возможности [Chuluu 1998: 120, 197].

Сложные глаголы движения используются с отрицанием; сфера действия отрицания — весь сложный глагол как единое событие.

(92) *samolet nis-čə ir-sən uga*
самолет летать-CV.IPFV приходит-PC.PST NEG.COP
‘Самолет не прилетел’ / *‘Самолет летал и не возвращался’.

(93) *uga, това ger-ür mölk-žə*
NEG.COP змея дом-DIR ползти-CV.IPFV
or-sən uga
входить-PC.PST NEG.COP
{Кричат: «Змея в дом вползла!»} ‘Нет, змея в дом не заползла’.

7. Конатив

В грамматике Г. Ц. Пюрбеева отмечается, что в сочетании с соединительным или разделительным деепричастием глагол *xälä-* ‘смотреть’ / *üz-* ‘видеть’ «с модальным значением обозначает намерение, попытку и пожелание совершить какое-либо действие» [Пюрбеев 1977: 116]. Неудачная попытка совершения действия — конатив — относится, по В. А. Плунгяну, к зоне антирезультатива. В. А. Плунгян отмечает, что конатив почти всегда выражается глаголами ‘видеть’ или ‘смотреть’ [Плунгян 2001]. Неудача в достижении результата выражается в калмыцком языке сложными глаголами с вершинами *üz-* ‘видеть’ и *xälä-* ‘смотреть’ в сочетании с контролируруемыми предикатами. Эти конструкции предполагают сознательные (неуспешные) действия, направленные на достижение результата и не допустимы в контекстах, где контроль явно отсутствует или незначителен.

В халха-монгольском конструкция с глаголом *üjekü-* ‘видеть’ может иметь грамматикализованное прочтение ‘стараться (и сделать что-то)’ [Yoshitake 1929: 533], т. е. обозначает реализованную, успешную попытку (и поэтому ближе к буквальным сочетаниям; просто глагол *üjekü-* имеет не только значение ‘видеть’, но и ‘пробовать’). В монгольском Внутренней Монголии

глагол 'видеть' используется в модальном значении 'пытаться' [Chuluu 1998: 90].

Глагол *üz-* 'видеть' в функции вершины сложного глагола сочетается с соединительным деепричастием на *-žə*, а глагол *xälä-* 'смотреть' с разделительным деепричастием на *-ad*.

(94a) *mini egčə biil-žə üz-v*
я.GEN старшая.сестра танцевать-CV.IPFV видеть-PST
'Моя старшая сестра пробовала танцевать {но у нее ничего не вышло}'.

(94б) *mini egčə biil-äd xälä-və*
я.GEN старшая.сестра танцевать-CV.ANT смотреть-PST
'Моя старшая сестра пробовала танцевать {но у нее ничего не вышло}'.

Сложные глаголы *V-žə üz-* и *V-ad xälä-* чрезвычайно близки между собой, но первый используется чаще и несколько более грамматикализован (это согласуется и с данными об этих деепричастиях в составе других сложных глаголов). Сложные глаголы со значением конатива сохраняют способность иметь отрицание:

(95) *uga, naad-čə üz-sən uga*
NEG.COP играть-CV.IPFV видеть-PC.PST NEG.COP
'{Вы пробовали играть в шахматы?} Нет, не пробовал'.

8. Заключение

8.1. Степень грамматикализации сложных глаголов

Сложные глаголы в калмыцком языке возникают на основании лексем с обобщенным значением, отражающих базовые для человеческого опыта ситуации/понятия, — глаголов движения, глаголов позиции, глаголов каузации движения ('класть', 'бросать', 'дать', 'брать'), бытийного глагола. И набор грамматикализующихся в калмыцком языке лексем-источников, и результаты грамматикализации согласуются с типологическими данными.

В обширной литературе по грамматикализации обсуждаются различные морфосинтаксические, семантические и фонетические свойства, сопровождающие утрату автономности лексической единицы и превращение в грамматический показатель [Hopper, Traugott 2003; Lehmann 1995; Майсак 2005]. Наибольший

интерес представляют признаки, систематизирующие эти относительно автономные микропроцессы. Б. Хайне учитывает обсуждавшиеся и ранее уровни грамматикализации: семантический (десемантизация), морфосинтаксический (декатегоризация), морфонологический (клитизация) и фонетический («эрозия»), но объединяет их по стадиям; подобный подход позволяет описать алгоритм постепенного превращения во вспомогательный глагол и определить положение языковой единицы на шкале грамматикализации [Heine 1993: 54–60].

Анализ сложных глаголов показывает, что для калмыцкого языка релевантны следующие признаки грамматикализации: 1) способность принимать отрицание; 2) оформление показателями каузатива, пассива, социатива и др. зависимого или вершины; 3) образование стяженных форм; 4) частичное сохранение семантики вершины; 5) регулярность сочетания с любыми предикатами. Как видно из списка, релевантные для калмыцкого языка признаки лишь частично совпадают с теми, которые выделяет Б. Хайне; в частности, утрата возможности пассивизации рассматривается как четвертый этап грамматикализации по шкале декатегоризации [Heine 1993: 62–64], тогда как в калмыцком утрата возможности образования пассива только для вспомогательного глагола в собственно пассивном значении происходит на самых ранних стадиях грамматикализации, но возможность присоединения показателя пассива на *-gdə* (со значением долженствования) к вершине является признаком большей грамматикализованности, чем запрет подобных форм (ср. выше пример (32) со сложным глаголом *od-gdə-* (уходить-PASS)).

Как показано в соответствующих разделах, часть сложных глаголов не допускает отрицания (сложные глаголы *ork-* ‘класть’ и *od-* ‘уходить’, прогрессив *V-žə bää- / jov-*, сложные глаголы со значением дуратива *V-ad bää- / jov- / suu- / kevt-*), тогда как другие сложные глаголы допускают отрицание, хотя это может быть затруднено прагматически (рефлексивный бенефактив с вершиной *av-*, бенефактив на *ög-*, сложные глаголы с вершиной *xaj-*, конатив и сложные глаголы движения).

Показатели каузатива, пассива *-gdə*, социатива *-lcə*, реципрока *-ldə* и глагольной множественности *-сха* находятся либо на вершине сложного глагола, либо на зависимом. Расположение на вершине

свидетельствует о большем единстве сложного глагола (каузативации подвергается вся ситуация, обозначенная сложным глаголом, или в состав сложного глагола входит зависимое с показателями актантной деривации). Аффиксы на вершине допускают глагол *od-*, *ork-* и лексикализации *avč ir-iül-* (брать-CV.IPFV приходить-CAUS) 'заставить принести'; с показателями актантной деривации сочетается аффикс комплетива *-čkə*.

Фонетические преобразования максимально представлены в сложных глаголах *ork-* 'класть' и *bäü-* 'быть'; в этих случаях речь идет об утрате полнозначного ударения и превращении в аффиксы комплетива *-čkə* и прогрессива *-žä* с сопутствующей адаптацией (аффикс прогрессива подчиняется сингармонизму и имеет алломорфы *-žä* и *-žü*). Глагол *od-* 'уходить' в форме эвиденциального прошедшего времени в качестве вершины сложного глагола с аспектуальным значением образует клитику *oč-*, которая в быстрой речи некоторых информантов имеет сингармонические варианты, однако в языке сохраняется и полная форма, появляющаяся при медленном произнесении. В пространственном значении стяженная форма, как правило, не используется. Глагол *av-* с соединительным деепричастием на *-žə* иногда образует стяженную форму *-žä-və*, но эта форма нерегулярна (она встречается в быстрой речи некоторых информантов).

Если свести обсуждавшиеся признаки к нескольким параметрам, внутри которых выделяется континуум, получают следующие шкалы:

❖ **Фонетические преобразования: сокращение материала**, т. е. а) утрата части звукового состава, изменение просодических характеристик, б) которое постепенно становится основным при любом типе произнесения, и в) **адаптация** (приводящая к появлению сингармонических алломорфов).

❖ **Десемантизация**: а) утрата исходного значения лексемы в функции вершины сложного глагола; б) регулярность сочетания с предикатами любых классов; в) стилистическая нейтральность (vs. маркированность, наследующая семантику вершины).

❖ **Морфосинтаксические изменения** («декатегоризация» по Б. Хайне): а) расположение **показателей актантной деривации** на вершине или зависимом глаголе; б) утрата способности образовывать **отрицание**.

Свойства калмыцких сложных глаголов суммированы в Таблице 3. Плюсом отмечены сложные глаголы, соответствующие всем признакам, знаком «-/+» или «+/-» формы, разделяющие один или два признака.

Таблица 3. Степень грамматикализации сложных глаголов

глагол	фонетические преобразования	десемантизация	морфосинтаксические изменения
<i>ork-</i>	+	+	+
<i>od-</i>	+/-	+	+
<i>-žə bää-</i>	+	+	+
<i>-žə jov-</i>	-	+	+
<i>-ad bää-</i>	-	+	+/-
<i>-ad jov-</i>	-	+/-	+/-
<i>kevt-, suu-</i>	-	+/-	+/-
<i>xälä-, üz-</i>	-	+/-	-
<i>av-</i>	-/+	+/-	-
<i>ög-</i>	-	+/-	-
<i>xaj-</i>	-	+/-	-
глаголы движения	-	-/+	-

Как видно из Таблицы 3, различные уровни грамматикализации взаимосвязаны, хотя скорость прохождения тех или иных этапов может варьироваться для разных сложных глаголов.

В классификации Б. Хайне десемантизация окончательно завершается на этапе С и, хотя глагол может находиться на нескольких соседних стадиях по разным параметрам, предполагается, что на этапах D–G обсуждение семантики излишне. Однако калмыцкие материалы показывают, что некоторые «следы» семантики вершинного глагола могут сохраняться и на самых поздних уровнях грамматикализации. В разделе 2.2.2. рассматривались особенности сильно грамматикализованного глагола *od-* ‘уходить’, полностью утратившего семантику физического перемещения в пространстве, но сохраняющего оттенок семантики **ухода** (этот сложный глагол часто сочетается с глаголами физического уничтожения или исчезновения объектов, такими как ‘ломаться’, ‘разбиться’ ‘умереть’, ‘гнить’, но не сочетается с предикатами, обозначающими **появление**, такими как ‘родиться’).

8.2. Семантика калмыцкой аспектуальной системы

Еще одно обобщение, которое можно сделать на основании анализа калмыцких сложных глаголов, касается организации аспектуальной системы калмыцкого языка. В калмыцком нет синтетических средств выражения аспектуальной семантики, которые не восходили ли бы к сложным глаголам. Иными словами, аспектуальная система калмыцкого языка сложилась в результате грамматикализации сложных глаголов; наиболее грамматикализованные формы в результате морфологизации образовали синтетические формы (аффиксы комплетива *-čkə* и прогрессива *-žə*, восходящие к сочетанию соединительного деепричастия с глаголами *ork-* 'класть' и *bäü-* 'быть' соответственно), другие средства выражения видовых значений представляют собой континуум грамматикализованных сложных глаголов. Это сближает калмыцкий с другими языками с аналитическими аспектуальными системами (см. типологический обзор систем «аналитической перфективации» в [Майсак 2005: 293 и далее]).

Наиболее грамматикализовавшиеся формы представляют собой центральные значения для калмыцкой аспектуальной системы (частота использования и приводит к грамматикализации вплоть до морфологизации). Таким образом, Таблица 3 показывает распределение ядерных и периферийных аспектуальных значений в калмыцком языке.

Центральным значением для **перфективной** зоны является комплетив (аффикс *-čkə*, сложные глаголы с вершинами *ork-* и *od-*), причем семантика комплетива зависит от акциональных свойств зависимого предиката: с предельными глаголами комплетив имеет значение верхнего предела, достижения крайней точки развития ситуации, тогда как с неопредельными процессами и с состояниями означает начало ситуации (инхоатив). Инхоативная интерпретация неопредельных глаголов характерна и для других систем аналитической перфективации «комплетивного» типа [Майсак 2005: 321–330].

Для **имперфективной** зоны ядерное значение — прогрессив (морфологизовавшийся аффикс *-žə*). Для глаголов движения в калмыцком языке различается возможность выразить прогрессив со значением ненаправленного движения (с помощью аффикса *-žə*) и прогрессив с дополнительным значением направленного

движения (с помощью сложного глагола V-*жэ jov-*). Менее грамматикализованные сложные глаголы выражают семантику дуратива, причем калмыцкий язык отличается разнообразием дуративных сложных глаголов (V-*ad bää / jov- / suu- / kevt-*), особой «разработанностью» периферийных значений имперфектива (в зависимости от типа зависимого предиката или способа представления ситуации, см. выше раздел 5.5.).

Периферийными аспектуальными значениями в калмыцком являются количественный аспект (выражающийся сложным глаголом с вершиной *хаж-* ‘бросать’), конатив (близкий модальной зоне), бенефактив и рефлексивный бенефактив.

Литература

- Баранова В. В. 2007. Грамматикализация конструкций со значением «недостигнутого результата» в калмыцком языке // Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, С. С. Сай (ред.). *Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых ученых. Материалы конференции*. СПб.: Нестор-История. С. 22–25.
- Выдрина А. В. Употребление показателя пассива в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Гото К. В. Система финитных форм прошедшего времени в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Кузьменков Е. А. 1984. *Глагол в монгольском языке*. Л.: Издательство ЛГУ.
- Майсак Т. А. 2005. *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и позиции*. М.: Языки русской культуры.
- Мищенко Д. Ф. Деепричастия с показателями *-жэ* и *-ад* в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Насилов Д. М. 1989. *Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность*. Л.: Наука.
- Онджанова М. Д. 1969. *Аналитические глагольные формы в калмыцком языке*. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Л.
- Овсянникова М. А. Акциональные классы глаголов калмыцкого языка. Настоящий сборник.
- Плунгян В. А. 2001. Антирезультатив: до и после результата. // Плунгян В. А. (ред.). *Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории*. М.: Русские словари. С. 50–88.
- Плунгян В. А. 1998. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // Черткова М. Ю. (ред.). *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М.: Языки русской культуры. С. 370–381.

- Подлеская В. И. 2004. Глагольные категории во взаимодействии: русские пермиссивные конструкции со вспомогательным глаголом «дать» // Володин А. П. (ред.). *Типологические обоснования в грамматике: к 70-летию профессора В. С. Храковского*. М.: Знак. С.412–429.
- Пюрбеев Г. Ц. 1977. *Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Сай С. С. Аргументная структура калмыцких каузативных конструкций. Настоящий сборник, а.
- Сай С. С. Грамматический очерк калмыцкого языка. Настоящий сборник, б.
- Санжеев Г. Д. (ред.). 1962. *Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология*. М.: Издательство восточной литературы.
- Санжеев Г. Д. (ред.). 1983. *Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Тюломджиев М. К. 1985. *За бортом жизни*. Повесть. На калмыцком языке. Элиста.
- Храковский В. С. 1989. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Храковский В. С. (ред.). *Типология итеративных конструкций*. Л.: Наука. С. 22–50.
- Шлуинский А. Б. 2005. *Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения*. Диссертация ... канд. филол. наук. М.
- Anderson G. D. S. 2006. *Auxiliary Verb Constructions*. Oxford: Oxford University Press.
- Bertinetto P. M., Ebert K., de Groot C. 2000. The progressive in Europe // Dahl Ö. (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. P. 517–558.
- Bläsing U. 2003. Kalmuck // Janhunen J. (ed.). *The Mongolic languages*. London: Routledge. P. 229–248.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. 1994. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Chuluu U. 1998. *Studies on Mongolian Verb Morphology*. PHD dissertation. University of Toronto, Ontario.
- Ebert K. H. 1999. Degrees of focality in Kalmyk imperfectives // Abraham W., Kulikov L. I. (eds.). *Tense-aspect, transitivity and causativity: Essays in honour of Vladimir P. Nedjalkov*. Philadelphia: John Benjamins. P. 323–339.
- Goldberg A. E. 2003. Words by default: inheritance and the Persian Complex Predicate Construction // Francis E., Michaelis L. A. (eds.). *Mismatch: Form-function Incongruity and the Architecture of Grammar*. Stanford: CSLI Publications. P. 84–112.

- Heine B. 1993. *Auxiliaries. Cognitive Forces and Grammaticalization*. New York; Oxford: Oxford University Press.
- Heine B., Kuteva T. 2002. *Word lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hopper P., Traugott E. 2003. *Grammaticalization*. Second edition. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kuteva T. 2001. *Auxiliation. An Enquiry into the Nature of Grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press.
- Lehmann Ch. 1995 (1982). *Thoughts on Grammaticalization: a programmatic sketch*. Rev. ed. München: Lincom Europa.
- Newman J. (ed.). 1998. *The Linguistics of Giving*. Amsterdam: John Benjamins.
- Newman J. 2002a. A cross-linguistic overview of the posture verbs 'sit', 'stand' and 'lie' // Newman J. (ed.). *The Linguistics of Sitting, Standing and Lying*. Amsterdam: John Benjamins. P. 1–24.
- Newman J. (ed.). 2002b. *The Linguistics of Sitting, Standing and Lying*. Amsterdam: Benjamins.
- Podlesskaya V. I. 2006. Auxiliation of 'give' verbs in Russian // Tsunoda T., Kageyama T. (eds.). *Voice and Grammatical Relation. In Honor of Masayoshi Shibatani*. Amsterdam: John Benjamins. P. 271–298.
- Shibatani M. 2006. *Grammaticalization of motion verbs*. Presentation on the 11th Biennial Rice Linguistics Symposium, Rice University. Houston, March 18, 2006.
- Yoshitake S. 1929. Auxiliary verbs in Mongolian // *Bulletin of the School of Oriental Studies*, 5, No. 3. P. 523–539.

О ГЛАГОЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ МНОЖЕСТВЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В калмыцком языке представлены три глагольных показателя, которые связаны с множественностью участников ситуации: *-сха*, *-ldə* и *-lcə*². В данной статье предпринята попытка рассмотреть их свойства и особенности употребления, а также соотношение с некоторыми другими способами выражения множественности участников.

В примерах (1)–(3) приводятся калмыцкие предложения, в которых используются упомянутые глагольные суффиксы:

- (1) *küükəd survul¹ sur-cxa-na*
дети учеба учиться-PLR-PRS
'Дети учатся'.
- (2) *ämtə-n cokə-ld-na*
люди-EXT ударить-RECP-PRS
'Люди дерутся'.
- (3) *tedən neg neg-tä-vän medə-lc-nä*
они один один-ASSOC-P.REFL знать-SOC-PRS
'Они общаются друг с другом'.

¹ Материал собран в экспедициях 2006 и 2007 годов в поселок Ергенинский и 2008 г. в поселок Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий». Я выражаю благодарность П. М. Аркадьеву за ценные советы при обсуждении данного исследования. Также я глубоко признательна С. С. Саю и А. Б. Шлуинскому, которые прочитали первую версию этой статьи и дали важные замечания. Ответственность за все ошибки и недочеты, естественно, лежит на мне.

² Здесь и далее для краткости я привожу только один вариант каждой морфемы. Но необходимо иметь в виду, что у этих суффиксов есть алломорфы: *-ldə* — *-ld*, *-lcə* — *-lc*, *-сха* — *-схä*.

1.1. Структура статьи

В данной статье рассматривается, главным образом, сфера глагольной множественности участников ситуации, хотя будут затронуты и некоторые другие ситуации, другие значения, если способ их выражения совпадает со способом выражения множественности участников ситуации. Кроме того, частично будут рассмотрены и другие типы множественности в соотношении с глагольной множественностью участников.

В первой части статьи уточняется понятие глагольной множественности, рассматриваются основные типы ситуации с множеством участников.

Во второй части статьи рассматриваются глагольные суффиксы *-ldə*, *-lcə* и *-сха* и их свойства. Данные основаны на материале, собранном методом анкетирования: информантам предлагалось перевести ряд предложений с русского на калмыцкий или, наоборот, с калмыцкого на русский. Данные, собранные методом **анкетирования**, позволяют составить такое описание языка, которое отражает скорее представление носителей о том, как они говорят. Структуру языка, которой пользуются носители, можно описать на основе **текстов**. Первый тип данных позволяет выявить даже те потенциальные возможности грамматики исследуемого языка, которые практически никогда не используются, тем не менее, хранятся в сознании носителей. Второй тип данных позволяет обнаружить особенности функционирования системы данного языка, например, определить частотность употребления разных способов выражения одного и того же значения.

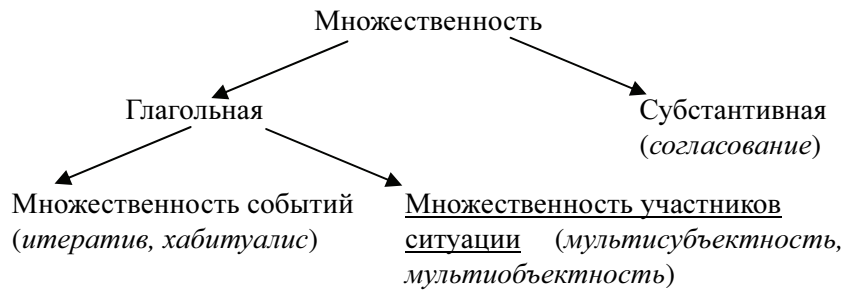
Третья часть данной статьи посвящена особенностям употребления рассматриваемых глагольных суффиксов, их соотношению друг с другом и с некоторыми другими способами выражения того же значения — множественности участников. Данные третьей части основаны на текстах, собранных в экспедициях. В этой части описывается реальное употребление трех показателей в калмыцкой речи, которое несколько отличается от картины, создаваемой при описании системы калмыцкого языка на основе анкет.

1.2. О понятии глагольной множественности участников ситуации

Множественность бывает двух видов: субстантивная (или именная) и глагольная (см. [Плунгян 2003: 283], [Corbett 2000: 246]). Субстантивная множественность выражается именной категорией

и соответствует множеству участников ситуации, а глагольная множественность выражается глагольной категорией и соответствует множеству событий либо также участников. Стоит отметить, что согласование предиката с подлежащим, прямым или косвенным дополнением по числу следует связывать с именной категорией. По определению С. Стил, «[т]ермин *согласование*, как правило, относится к систематическому изменению формального свойства одного элемента в соответствии с семантическим и формальным свойством другого элемента» ([Steele 1978: 610] цитировано по [Corbett 2006: 4]). Поскольку показатель числа при предикате отражает изменение только формального свойства предиката, то согласование по числу относится к области субстантивной множественности.

В области глагольной множественности можно выделить два типа: множественность событий и множественность участников, которая отражает количество участников в данной ситуации ([Corbett 2000: 246], см. также [Dressler 1968: 66–74], где выделена группа дистрибутивных предикатных значений, характеризующаяся множеством участников).

Примером на множественность участников ситуации может служить выражение мультисубъектности и мультиобъектности в русском языке. «Мультисубъектность, выраженная при предикате Р, означает ‘большое количество Х-ов совершает Р’; мультиобъектность, соответственно, ‘Х совершает Р с/над большим количеством Y-ов’» [Плунгян 2003: 283]. В предложении *Лекция закончилась, и студенты разошлись по домам* мультисубъектность выражена с помощью глагольной лексемы *расходиться*, а точнее, с помощью циркумфикса *рас-...-ся*. Поскольку данный глагол предполагает множество участников ситуации, употребление единичного субъекта при данном глаголе-сказуемом становится невозможным. В качестве

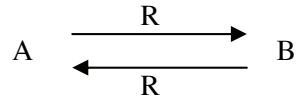
примера на мультиобъектность В. А. Плунгян приводит такие словосочетания, как *накупить книг*, *наговорить глупостей* и др. Ни в случае с мультисубъектностью, ни в случае с мультиобъектностью речь не идет о согласовании глагола с именной группой. Так же и в калмыцком языке ни один из трех рассматриваемых ниже суффиксов не является показателем согласования по числу и не относится к области субстантивной множественности, что будет показано в данной статье.

1.3. Типы ситуаций с множеством участников

Ситуация с множеством участников предполагает, что эти участники (два и более) совершают одинаковые действия, т. е. обладают одинаковой семантической ролью (ср. [Архипов 2004: 3]). Примером такой ситуации может служить реципрокальная ситуация (например, ‘мальчики дерутся’) или социативная ситуация (например, ‘Аня с Машей поют’). Естественным образом в число ситуаций, которые описывают множественность участников, не входят те, в которых участники обладают разными семантическими ролями. Так, очевидно, под рассмотрение не попадают ситуации, в которых задействованы два участника — Агенса и Пациенса (например, ‘Петя бьет Васю’). Ситуация с множеством участников может быть выражена с помощью специального показателя. Так, во многих языках есть специальный показатель реципрока. Однако этот показатель может обслуживать не только рассматриваемый тип ситуации, но и некоторые другие ситуации, в которых нет множества участников с одинаковой семантической ролью. Подобное соотношение значения и способа его выражения будет рассмотрено ниже (см., например, описание ситуации следования ниже в этом разделе или в разделе 3 данной статьи).

Можно выделить несколько типов ситуаций с множеством участников в зависимости от количества участников, их семантических ролей и отношения друг к другу. Ниже приводится описание этих типов ситуаций с опорой на статью Ф. Лихтенберка [Lichtenberk 1985]. Несмотря на то, что эта статья посвящена разным типам ситуаций, которые могут быть выражены с помощью **реципрокальной** конструкции, выделенные типы ситуаций можно рассматривать и применительно к другим конструкциям.

По определению Ф. Лихтенберка [Lichtenberk 1985: 21], прототипическая реципрокальная ситуация представляет собой ситуацию, в которой задействованы два участника, А и В, и отношение А к В точно такое же, как и отношение В к А. Реципрокальную ситуацию, как и любой другой тип ситуации, автор представляет в виде схемы, на которой R — отношение между определенными участниками, А и В — сами участники:

Как видно на схеме, участники А и В обладают одинаковым набором семантических ролей, что позволяет описывать реципрокальную ситуацию как ситуацию с множеством участников. Эта ситуация проиллюстрирована калмыцким примером (4а), в котором есть два участника — Бадма и Очир. Оба участника являются как Агенсом, так и Пациенсом, поскольку данная ситуация состоит из двух событий, отраженных в калмыцких примерах (4б) и (4в). В примере (4а) используется показатель *-ldə*.

(4а) *Badma Očər xojr cokə-ld-na*
 Бадма Очир два ударить-РЕСР-PRS
 ‘Бадма и Очир дерутся’.

(4б) *Badma Očər-ig cok-na*
 Бадма Очир-ACC ударить-PRS
 ‘Бадма бьет Очира’.

(4в) *Očər Badma-gə cok-na*
 Очир Бадма-ACC ударить-PRS
 ‘Очир бьет Бадму’.

Реципрокальная ситуация может быть выражена с помощью реципрокальной конструкции. Под реципрокальной конструкцией Ф. Лихтенберк [Lichtenberk 1985: 19] (а вслед за ним и В. П. Недялков [Nedjalkov 2007: 8]) понимает такую конструкцию, которая содержит какой-либо показатель реципрока, т. е. специальное

языковое средство, используемое для выражения значения реципрокальной ситуации³.

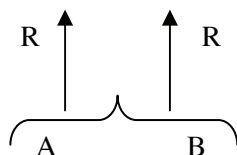
Однако реципрокальная ситуация может быть выражена не только с помощью реципрокальной конструкции, но и, например, с помощью глагольной лексемы (пример (5)).

- (5) *John and Mary exchanged gifts*
 ‘Джон и Мэри обменялись подарками’.

В то же время реципрокальная конструкция не обязательно должна иметь значение реципрокальной ситуации, она может описывать также социативную ситуацию и ситуацию следования.

В социативной ситуации (collective у Ф. Лихтенберка [Lichtenberk 1985: 28]) два или более участников вместе задействованы в одной ситуации в одинаковой роли, участники совершают одно действие **совместно**.

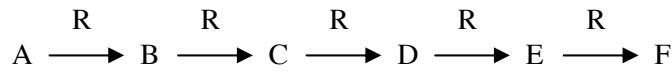
Эта ситуация не предполагает компонента взаимодействия. Она также является ситуацией с множеством участников.

- (6) *Badma Bajrta-ta duul-ld-na*
 Бадма Байрта-ASSOC петь-РЕСР-PRS
 ‘Бадма с Байртой поют’.

В ситуации следования («chaining» situation), в отличие от прототипической реципрокальной ситуации, отношение участника А к В не такое же, как отношение В к А (если А следует за В, это совсем не значит, что В следует за А). В этом случае вернее говорить о том, что отношение участника А к В такое же, как отношение участника В к С (А следует за В, и В следует за С):

³ Необходимо иметь в виду, что обозначение описанной конструкции как реципрокальной в некоторой степени условно, поскольку такая реципрокальная конструкция может описывать не только реципрокальную, но и другие типы ситуаций (см. об этом ниже).

(7) *Солдаты следовали друг за другом*⁴.

(8) *küükəd neg negə-n-änn^j ard-asə*
 дети один один-EXT-GEN.P.3 зад-ABL
jov-žə jovə-ld-na
 ходить-CV.IPFV ходить-RECP-PRS
 ‘Дети идут друг за другом’.

В этом случае в калмыцком языке может использоваться тот же показатель, что и при социативной и реципрокальной ситуациях, — суффикс *-ldə*.

Стоит обратить внимание на то, что в этом случае не все участники обладают одинаковой семантической ролью: два крайних участника вовлечены только в одно действие по отношению к другому участнику (R), в то время как все остальные участники вовлечены в два действия — они сами следуют за другими участниками, кроме того, за ними следуют другие участники (например, B следует за C, а за B следует A). Тем не менее, предикат описывает действие всех участников, в том числе и крайних. Таким образом, данную ситуацию уже сложнее отнести к нашему определению ситуации с множеством участников — для этого необходимо оговаривать ряд деталей.

Ф. Лихтенберк приводит также и некоторые другие, более редкие, ситуации, в которых может употребляться реципрокальная конструкция. Однако нет необходимости рассматривать их в этой работе, поскольку они не актуальны для калмыцкого языка.

В этом разделе были приведены три основных типа ситуаций с множеством участников. Далее будут подробно рассмотрены способы выражения этих типов ситуаций в калмыцком языке.

1.4. Способы выражения множества участников в калмыцком языке

В калмыцком языке можно выделить три основных способа выражения значения множества участников в грамматической структуре предложения:

⁴ «The soldiers followed one another» [Lichtenberk 1985: 24].

1) с помощью специального глагольного суффикса — *-ldə*, *-lcə* или *-сха* (будут подробно рассмотрены в этой статье), этот способ относится к области глагольной множественности;

2) с помощью формы мн. ч. именных групп, местоимений, а также с помощью согласования с предикатом по числу, этот способ относится к области субстантивной множественности:

- (9) *ʃovv-d* *nis-čə* *čad-na*
 птица-PL летать-CV.IPFV мочь-PRS
 ‘Птицы умеют летать’.

3) множественность может быть не выражена специальными грамматическими средствами, о ней можно догадаться по контексту:

- (10) *däkäd vaza* *av-č* *kar-ad* *ikə*
 еще снаружи брать-CV.IPFV выходить-CV.ANT большой
juu-n-də *zdan¹-d* *or-ul-ad*
 что-EXT-DAT здание-DAT входить-CAUS-CV.ANT
xova-v
 делить-PST

‘Потом (нас) на улицу вывели, подвели к такому большому зданию, разделили’ (20_avtobiografija2.5, не публикуется).

В этом тексте есть два основных участника: «мы», то есть семья рассказчика, и «они» — люди, участвовавшие в депортации калмыков (по всей видимости, военные, исполнявшие приказ по депортации калмыков). Только знание этого факта позволяет правильно понять, кто является агенсом, а кто — пациенсом в описываемой ситуации.

2. Свойства глагольных показателей *-сха*, *-ldə* и *-lcə*

В данном разделе рассматриваются особенности каждого из трех показателей, значения, в которых употребляются глаголы, содержащие данные суффиксы.

2.1. Суффикс глагольной множественности *-сха*

Согласно некоторым работам, описывающим грамматику калмыцкого языка, суффикс *-сха* является показателем согласования подлежащего со сказуемым (см., например, [Пюрбеев 1997: 79]). У. У. Очиров [Очиров 1964: 31–32] приводит три случая, в которых

сказуемое может «согласовываться» с подлежащим в числе при помощи этого показателя:

1. Если подлежащее выражено одушевленным существительным во мн. ч.

- (11) *küükəd surγulⁱ sur-cxa-na⁵*
дети учеба учиться-PLR-PRS
'Дети учатся'.

2. Если подлежащее выражено собирательным именем существительным.

- (12) *ämtə-n ködəlməš-tə var-cxa-v*
люди-EXT работа-DAT выходить-PLR-PST
'Люди (народ) вышли на работу'.

3. Если подлежащее выражено указательным местоимением мн. ч.

- (13) *edən balxsə or-cxa-v*
они город входить-PLR-PST
'Эти уехали в город'.

Данная классификация отнюдь не является исчерпывающей и вызывает ряд вопросов (например, У. У. Очиров не указывает, может ли употребляться данный суффикс, если подлежащее выражено личным местоимением 1 или 2 лица во мн. ч.). Очевидна необходимость рассмотреть более подробно случаи употребления рассматриваемого показателя. Однако для начала интересно обратиться к упоминанию или описанию этого суффикса в работах, посвященных грамматикам монгольских языков.

Аналогичный калмыцкому показатель глагольной множественности есть и в других монгольских языках. Так, в бурятском языке суффикс *-sagaа / -segee*, по мнению А. А. Дарбеевой [Дарбеева 1997: 44], является показателем «учащательного вида» (*хэлсэгээ* 'поговаривать'). В могольском языке зафиксирован показатель *-cagha / -cigha* (множественность участников ситуации)⁶

⁵ Примеры (11)–(13) взяты из [Очиров 1964: 31–32], транслитерированы и отгlossированы мной. — С. О.

⁶ «Actions performed by many actors (pluritative or verbal plural)».

[Weiers 2003: 253], а в монгорском языке — *-kaghaa* (множественность)⁷ [Georg 2003: 294].

Г. Д. Санжеев называет такой показатель глагольной множественности суффиксом учащательного вида:

Суффикс учащательного вида халх. *-цгаа*, бур. *-сагаа*, калм. *-цхаа*, класс. *-чаһа* образует глаголы, обозначающие действие, которое совершается многими или (в речи об одном предмете) как бы многократно и повторно... Подобные глаголы могут быть образованы почти от любой глагольной основы и употребляются довольно широко во всех языках⁸. Характерно, что эта глагольная форма ныне начинает применяться лишь в речи о многих, т. е. превращается по существу в форму множественного числа [Санжеев 1963: 66].

З. В. Шевернина [Шевернина 1985] пишет о разных взглядах на грамматическую природу суффикса *-сгаа* в монгольском языке и приводит аргументы в пользу или против этих подходов. Она отмечает несколько особенностей в употреблении этого показателя:

1. Употребляется «только по отношению к одушевленному исполнителю действия» [Шевернина 1985: 141].

2. «Не вносит лексических изменений и не меняет грамматических отношений между субъектом, действием и объектом исходного глагола» [Шевернина 1985: 141].

3. Имеет семантику множественного числа, связан с мультисубъектностью.

4. Имеет значение совместного действия (характеризует подлежащее как совокупность исполнителей).

5. «Подлежащее всегда имеет значение множественного числа, которое выражается у существительных и местоимений показателями множественного числа и собирательности, а также в виде именных словосочетаний с количественным значением,

⁷ «Pluritative».

⁸ Несмотря на то, что «они употребляются довольно широко во всех языках», упоминание этого суффикса встречается далеко не во всех грамматических описаниях монгольских языков. Возможно, это говорит о том, что в других монгольских языках, как и в калмыцком, этот суффикс употребляется факультативно. — С. О.

словами с собирательным значением и т. п. Замена множественного субъекта на единичный невозможна» [Шевернина 1985: 142].

б. Отсутствует значение многократности действия.

Автор статьи приходит к выводу о том, что суффикс *-сгаа* является показателем «совокупно-множественного залога», а не аспекта или согласования⁹.

Обобщая все вышесказанное, можно с высокой степенью уверенности отметить, что в большинстве монгольских языков этот суффикс является факультативным и выражает значение множества участников, а не множества событий, за исключением бурятского языка, в котором суффикс *-sagaa* употребляется в глаголах со значением повторяющегося действия.

Как было сказано выше, суффикс *-сха* не может обозначать множественность событий, как, например, в бурятском, и, тем самым передавать аспектуальную характеристику, что проиллюстрировано примерами (14) и (15):

(14a) *küükə-n* *väräd-žä-nä* / **väräd-žä-cxä-nä*
девочка-EXT прыгать-PROG-PRS прыгать-PROG-PLR-PRS
'Девочка прыгает'.

(14б) *küükə-d* *väräd-žä-nä* / *väräd-žä-cxä-nä*
девочка-PL прыгать-PROG-PRS прыгать-PROG-PLR-PRS
'Девочки прыгают'.

(15a) *Badma žil bolvən хаša-ван šird-nä* /
Бадма год каждый двор-P.REFL красить-PRS
**šird-cxä-nä*
красить-PLR-PRS
'Бадма каждый год красит забор'.

(15б) *mini ax-nər žil bolvən хаša-ван*
я.GEN старший.брат-PL год каждый двор-P.REFL
šird-cxä-nä / *šird-nä*
красить-PLR-PRS красить-PRS
'Мои старшие братья каждый год красят забор'.

⁹ Необходимо иметь в виду, что **злог** в данном случае имеет значение не маркированной при глаголе диатезы, а «характеристики субъекта действия» [Шевернина 1985: 144].

В примерах (14а) и (15а) в ситуации задействованы только единичные участники, поэтому употребление суффикса *-сха* здесь невозможно, хотя описываемая ситуация имеет отношение к множественности — множественности событий: мультипликатив в (14) и хабитуалис в (15). В примерах (14б) и (15б) употребление суффикса *-сха* возможно из-за множественности участников ситуации. Таким образом, показатель *-сха* абсолютно точно не маркирует множественность событий. В пользу этого утверждения говорит также то, что не обнаружено глагольных лексем, с которыми рассматриваемый суффикс не сочетался бы, в то время как аспектуальные показатели обычно чувствительны к разным типам глагольных лексем (см. [Овсянникова, настоящий сборник]).

Хотя по примерам (14) и (15) можно было бы сделать вывод о том, что рассматриваемый суффикс является факультативным показателем согласования предиката по числу, есть ряд случаев употребления, которые ставят такую трактовку под вопрос. Никто из опрошенных носителей калмыцкого языка не употребляет регулярно этот суффикс как показатель согласования, хотя некоторые его свойства характерны скорее для согласовательных маркеров (они будут упомянуты ниже). В то же время у суффикса *-сха* есть ряд свойств, которые противоречат идее о его согласовательной природе и которые при этом характерны для речи большинства носителей.

Одно из таких свойств заключается в том, что суффикс *-сха* не может употребляться в тех предложениях, где подлежащее выражено с помощью вежливой формы второго лица (в качестве вежливой формы в калмыцком языке употребляется местоимение второго лица множественного числа *tadən* ‘вы’):

(16) *tadən širä deer-äsə aav-mud av-tən*
 вы стол поверхность-ABL чашка-PL брать-IMP.PL
 ‘(Вы [PL / вежливое, SG]) берите чашки со стола’.

(17) *tadən širä deer-äsə aav-mud av-sxa-tən*
 вы стол поверхность-ABL чашка-PL брать-PLR-IMP.PL
 ‘(Вы [PL / *вежливое, SG]) берите чашки со стола’.

Суффикс *-сха* не может употребляться при глаголе, который выражает действие одного участника, несмотря на то, что местоимение грамматически имеет форму множественного числа.

Об аналогичных явлениях пишет М. Дьюри, отмечая их для языков коренных народов Северной Америки, в которых супплетивизм глагольных основ выражает значение множественности участников:

Если есть расхождение между числом участников, обладающих соответствующей семантической ролью, и строгим морфологическим числом именной группы, занимающей определенную синтаксическую позицию, супплетивизм будет отражать первое, а согласование — второе¹⁰.

Следующий аргумент против согласовательной природы данного калмыцкого показателя заключается в возможности его употребления при отсутствии какого-либо показателя множественного числа при именной группе. Ниже приводятся три ситуации, в которых именная группа по тем или иным причинам не несет показателя множественности.

1) Суффикс *-сха* может употребляться в тех предложениях, где подлежащее выражено собирательным существительным без показателя числа:

- (18) *adun teeg-är güii-žə jov-сха-na*
табун степь-INS бежать-CV.IPFV ходить-PLR-PRS
'Табун бежит по степи'.

2) Суффикс *-сха* может быть также употреблен в отрицательных предложениях, в которых подлежащее, подразумевающее множество участников, часто имеет форму ед. ч.:

- (19) *kü-n xurəg-tə ir-схä-sən*
человек-EXT собрание-DAT приходить-PLR-PC.PST
uga
NEG.COP
'Никто не пришел на собрание'.

Очевидно, что в предложении (19) речь идет о множественности отсутствующих участников, поскольку слово *xurəg-* 'встреча' — а следовательно, и вся ситуация, — подразумевает эту множественность.

¹⁰ «Where there is discord between the number of participants bearing the appropriate semantic role and the strict morphological Number of the syntactic relation-bearing NP, suppletion will reflect the former, agreement the latter» [Durie 1986: 358].

3) Показатель *-сха* может употребляться в предложениях, в которых подлежащее выражено дистрибутивным квантором *bolʁən* ‘каждый’:

- (20) *kövü-n bolʁən alʹmə av-сха-v*
 мальчик-EXT каждый яблоко брать-PLR-PST
 ‘Каждый мальчик взял по яблоку’.

Грамматически слово *bolʁən* является вершиной именной группы *kövün bolʁən* (ср. его способность принимать падежные показатели). Ни это слово *bolʁən*, ни зависимое существительное *kövün* не могут брать на себя показатель множественного числа. Тем не менее, суффикс *-сха* может употребляться в предложениях с такой конструкцией, несмотря на отсутствие показателя мн. ч. у подлежащего.

Важным свойством рассматриваемого суффикса является его возможность сочетаться с личными показателями множественного числа первого и второго лица, что делает выражение множественности избыточным:

- (21) *madən jov-сха-na-vidən / *jov-сха-na-v*
 мы ходить-PLR-PRS-1PL ходить-PLR-PRS-1SG
 ‘Мы идем’¹¹.

Маркеры согласования обычно относятся к области словоизменения, в то время как калмыцкий суффикс *-сха* сложно однозначно отнести к словообразовательным или словоизменительным показателям. Так, в калмыцком языке возможны предложения типа (22):

- (22) *enə küükəd oda duul-сха-žə bää-nä*
 этот дети сейчас петь-PLR-CV.IPFV быть-PRS
 ‘Эти дети сейчас поют’.

В примере (22) предикат представлен сложным глаголом: финитная форма обычно принимает грамматические показатели, а деепричастие обычно берет на себя словообразовательные показатели. Однако другое употребление также возможно и оказывается более частотным:

¹¹ Стоит отметить, что пример (21) показывает, что суффикс *-сха* может употребляться и в том случае, если подлежащее выражено личным местоимением первого лица мн. ч., а не только «указательным» местоимением мн. ч., как указано в [Очиров 1964: 32].

- (23) *enə kiiükəd oda duul-žə bää-nä /*
 этот дети сейчас петь-CV.IPFV быть-PRS
bää-sxä-nä
 быть-PLR-PRS
 ‘Эти дети сейчас поют’.

Как было сказано выше, существует ряд фактов калмыцкого языка, которые говорят в пользу согласовательной природы рассматриваемого показателя, несмотря на приведенные выше явления.

Во-первых, в калмыцком языке суффикс *-сха* всегда выражает значение множественности участника, выраженного подлежащим, то есть представляет аккузативную схему (см. пример (24)). В самом калмыцком языке распространена аккузативная схема падежного маркирования и согласования.

- (24) *bi en degtər-miid bagš-nər-asə av-na-v /*
 я.NOM этот книга-PL учитель-PL-ABL братъ-PRS-1SG
 **av-sxa-na-v*
 братъ-PLR-PRS-1SG
 ‘Я взял эти книги у учителей’.

Как кажется, при наличии в языке специального глагольного показателя множественности участников можно было бы ожидать другую ситуацию, аналогичную ситуации, наблюдаемой во многих языках народов Северной Америки, в которых для выражения значения множественности участников используется супплетивизм глагольных основ. Как отмечает М. Дьюри [Durie 1986: 357], в супплетивизме основ наблюдается эргативная схема. Это означает, что при глаголе маркируется множественность абсолютного аргумента. В то же время в этих же языках распространена аккузативная (а иногда и активная) схема падежного маркирования и согласования. Однако, как показывает пример (24), в калмыцком языке схема глагольного маркирования множественности участников совпадает со схемой падежного маркирования.

Во-вторых, суффикс *-сха* может быть чувствителен не только к числу аргумента, но и к исчисляемости подлежащего. Показатель *-сха* может употребляться как с одушевленным, так и с неодушевленным подлежащим, что, кстати, противоречит первому случаю употребления этого показателя, описанному в [Очиров 1964: 31].

- (25) *čolu-d sadə-n dor kevt-cxä-nä*
 камень-PL дерево-EXT низ лежать-PLR-PRS
 ‘Камни лежат под деревьями’.

Этот показатель не может употребляться, если подлежащее выражено неисчисляемым существительным:

- (26) *öckeldür dala usə-n *bää-cxä-lä*
 вчера много вода-EXT быть-PLR-REM
 ‘Вчера было много воды’.

Пример (26) показывает, что данный суффикс влияет на выбор типа аргумента глагола, занимающего позицию подлежащего.

Явления, описанные в этом разделе статьи, могут служить аргументом в пользу того, чтобы считать калмыцкий суффикс *-сха* скорее глагольным показателем, который влияет на семантический выбор аргументов, а не согласовательным маркером.

Как было сказано выше, аналогичный суффикс *-sagaa / -segee* в бурятском языке является суффиксом «учащательного вида». То же для монгольских языков отмечает и Г. Д. Санжеев [Санжеев 1963: 66], указывая не только значение множественности событий, но и значение множественности участников. Г. И. Рамстедт, описывая типы вторичных глагольных основ, отмечает для монгольских языков залог «многократности (итератив) с окончанием *-šaga-*» [Рамстедт 1957: 141]. В то же время, среди современных носителей калмыцкого языка есть некоторое число таких, которые употребляют суффикс *-сха* как факультативный показатель согласования. Некоторые из приведенных выше закономерностей в идиолектах данной группы носителей не действуют.

Эти факты дают основание для того, чтобы предположить, что суффикс *-сха* в современном калмыцком языке переходит из аспектуального показателя в согласовательный и находится сейчас на промежуточном этапе: он относится уже не к области глагольной множественности со значением множества событий и еще не к области субстантивной множественности, на данный момент этот показатель разумно относить к области глагольной множественности со значением множества участников.

О таком возможном развитии показателя в языках мира пишет и М. Дьюри. Он отмечает, что в некоторых языках число, выраженное в основе глагола или с помощью словообразовательного

аффикса, относится как к аспекту, так и к множественности участников, но не к согласованию¹². В качестве примера М. Дьюри приводит данные языка капингамаранги (полинезийская семья), в котором аблаут кодирует множество аргументов для одной группы глаголов и множество событий — для другой.

2.2. Показатель «реципрока» *-ldə*

Из различных описаний калмыцкого языка следует, что суффикс *-ldə* является показателем «взаимного залога»¹³. Про взаимный залог Г. Д. Санжеев пишет следующее:

Взаимный залог обозначает действие, выполняемое двумя или несколькими лицами и направленное ими друг на друга. Каждый из исполнителей действия является не только субъектом, но и объектом этого же действия, производимого и другим субъектом (...) [Санжеев 1983: 203].

Аналогичную информацию можно найти и в [Котвич 1929: 223] или в [Bläsing 2003: 234]. Собранные данные показывают, что этот показатель действительно может употребляться при описании реципрокальной ситуации, однако это употребление отнюдь не является самым распространенным. В этой части будут рассмотрены ситуации, при описании которых может употребляться суффикс *-ldə*.

Как и суффикс *-сха*, суффикс *-ldə* употребляется в ситуациях, в которых задействовано множество участников:

(27a) *ämtə-n inä-nä / inä-ld-nä*
 люди-EXT смеяться-PRS смеяться-RECP-PRS
 ‘Люди смеются’.

(27б) *kü-n inä-nä / *inä-ld-nä*
 человек-EXT смеяться-PRS смеяться-RECP-PRS
 ‘Человек смеется’.

¹² «For several languages surveyed the stem-internal or derivational Number morphology is used for number affects more akin to aspect than concord, as well as for encoding argument number» [Durie 1986: 363].

¹³ В приведенных примерах суффикс *-ldə* для удобства глоссируется как показатель реципрока (RECP), согласно традиционной грамматике калмыцкого языка. Однако необходимо иметь в виду, что данное обозначение отражает лишь одно из ряда возможных употреблений суффикса.

Значение множества участников характерно практически для всех ситуаций, в которых может употребляться суффикс *-ldə* (некоторые исключения будут оговорены отдельно).

Показатель *-ldə* может употребляться при описании социативной ситуации, т. е. в тех случаях, где обязательным является компонент совместности действия:

- (28) *mini ax-nər namagə külä-ld-žä-nä*
 я.GEN старший.брат-PL я.ACC ждать-RECP-PROG-PRS
 ‘Мои братья меня ждут’.

Однако этот компонент значения не является обязательным для суффикса *-ldə*.

Как было сказано в начале этой части, суффикс *-ldə* может употребляться при описании реципрокальных ситуаций. По типу аргументной структуры глагола и по признаку обязательности/факультативности суффикса *-ldə* можно выделить три типа конструкций, которые используются для описания реципрокальных ситуаций.

В конструкции типа 1 обязательно употребляется показатель *-ldə*, который меняет аргументную структуру глагола:

1. ИГ.NOM (*neg neg-tä-вän*) V-*(*ldə*)

- (29а) *ämtə-n (neg neg-tä-вän) cokə-ld-na*
 люди-EXT один один-ASSOC-P.REFL ударить-RECP-PRS
 ‘Люди дерутся друг с другом’.

- (29б) *ämtə-n noxa cok-na*
 люди-EXT собака ударить-PRS
 ‘Люди бьют собаку’.

- (29в) **ämtə-n neg neg-tä-вän cok-na*
 люди-EXT один один-ASSOC-P.REFL ударить-PRS
 букв.: ‘Люди друг с другом бьют’.

Предложение (29в) при описании реципрокальной ситуации недопустимо. В примере (29а) суффикс *-ldə* обязателен и меняет аргументную структуру глагола: позиция прямого дополнения, которая есть в исходной диатезе (ср. (29б) или (31) ниже), отсутствует в данной конструкции — глагол становится непереходным. Число глагольных основ, которые присоединяют к себе суффикс *-ldə* и могут использоваться при описании реципрокальной ситуации

в конструкции типа 1 (то есть в такой конструкции, где суффикс *-ldə* меняет аргументную структуру глагола), ограничено. Допустимо употребление этого показателя с теми же основами в ситуации с множественством участников (без реципрокального компонента), однако это употребление кажется менее естественным (носители допускают такое употребление, но ни разу сами не породили аналогичное предложение):

- (30) *ok ämtə-n noxa cokə-ld-na*
 люди-ЕХТ собака ударить-РЕСР-PRS
 ‘Люди бьют собаку’.

Таким образом, наличие реципрокальной интерпретации у данной глагольной формы практически исключает возможность социативной интерпретации.

Наряду с конструкцией типа 1 возможна конструкция типа 2, в которой также употребляется суффикс *-ldə*, однако он не меняет аргументную структуру глагола:

2. ИГ.NOM *neg neg-än V-ldə*

- (31) *Baatər Badma xojr neg neg-än*
 Батыр Бадма два один один-Р.REFL
cokə-ld-na
 ударить-РЕСР-PRS
 ‘Батыр и Бадма дерутся друг с другом’.

Реципрокальная ситуация может быть описана с помощью местоимения *neg neg-än* без показателя *-ldə*. Аргументная структура глагола в этом случае не меняется:

3. ИГ.NOM *neg neg-än V*

- (32) *Baatər Badma xojr neg neg-än cok-na*
 Батыр Бадма два один один-Р.REFL ударить-PRS
 ‘Батыр и Бадма дерутся друг с другом’.

Реципрокальные конструкции в калмыцком языке могут быть как субъектно-ориентированные (см. примеры (29а) и (31)), так и объектно-ориентированные.

В субъектно-ориентированных реципрокальных конструкциях реципроканты выражены с помощью подлежащего ⟨...⟩, тогда как в объектно-ориентированных конструкциях реципроканты выражены дополнением [Nedjalkov 2007: 23].

Чаще всего в языках мира объектно-ориентированные конструкции образуются от субъектно-ориентированных путем каузативизации. Калмыцкий язык не исключение:

- (33) *Badma üür-müd-än neg neg-tä-vän*
 Бадма друг-PL-P.REFL один один-ASSOC-P.REFL
tan¹ə-lđ-ul-v
 узнавать-RECP-CAUS-PST
 ‘Бадма познакомил друзей друг с другом’.

Для субъектно-ориентированных реципрокальных конструкций В. П. Недялков [Nedjalkov 2007: 69] выводит иерархию диатезных типов реципроков:

- (34) «канонические» > «косвенные» > «притяжательные» > «адвербиальные» > «необратимые»

«Необратимый» тип, в отличие от всех остальных, не предполагает изменения аргументной структуры глагола: «показатель реципрока не маркирует удаление какой-либо составляющей» [Nedjalkov 2007: 54] (см. пример из эвенкийского языка (35))¹⁴.

- (35a) *murin keenari-žara-n*
 лошадь ржать-PRS-3SG
 ‘Лошадь ржет’.
- (35b) *muri-r keenari-maat-čara-∅*
 лошадь-PL ржать-RECP-PRS-3PL
 ‘Лошади ржут (увидев) друг друга’.

В примере (35a) не предполагается наличие второго участника, что не мешает образовать реципрокальную форму от этого глагола.

При «каноническом» реципроке показатель реципрока маркирует удаление из синтаксической структуры позиции прямого дополнения (*Петя и Маша целуются* и *Петя целует Машу*_{ПД}). При «косвенном» реципроке показатель реципрока маркирует удаление из синтаксической структуры позиции косвенного дополнения. При «притяжательном» реципроке показатель маркирует удаление из синтаксической структуры позиции посессивного атрибута. При «адвербиальном» реципроке показатель маркирует удаление

¹⁴ Пример взят из [Nedjalkov 2007: 62].

из синтаксической структуры позиции сирконстанта (компонента, который не предполагается лексическим значением глагола).

Из-за слабой продуктивности суффикса *-ldə* как обязательного показателя реципрока в конструкции типа 1 (см. пример (29a)) очень сложно говорить о распространенности, например, «притяжательного» типа реципроков при недопустимом «адвербиальном». Тем не менее, можно с легкостью привести пример на «канонический» тип реципроков — пример (29a). Также в калмыцком языке возможен «косвенный» тип реципроков:

(36a) *madən neg neg-tä-vän bičəg*
 мы один один-ASSOC-P.REFL письмо
*bičə-ld-nä-vidn I *bič-nä-vidn*
 писать-RECP-PRS-1PL писать-PRS-1PL
 ‘Мы с другом переписываемся’.

(36b) *bi üür-d-än bičəg bič-nä-v*
 я.NOM друг-DAT-P.REFL письмо писать-PRS-1SG
 ‘Я пишу другу письмо’.

Кроме того, кажется возможным «притяжательный» тип реципроков, однако необходимо иметь в виду, что данная информация получена путем одобрения информантом сконструированных предложений. Насколько они естественны — сказать сложно.

(37a) *Badma üür-in var mendl-äd*
 Бадма друг-GEN рука здороваться-CV.ANT
bärə-v
 держать-PST
 ‘Бадма пожал другу руку (букв.: руку друга), здороваясь’.

(37b) *zalu-s харвə-xlarn neg*
 мужчина-PL встречаться-CV.SUCC.P.REFL один
neg-n-änn^j var-arn bärə-ld-nä
 один-EXT-GEN.P.3 рука-INS.P.REFL держать-RECP-PRS
 ‘Мужчины, встречаясь, жмут друг другу руки (букв.: руки друг друга)’.

Полученные данные позволяют вывести для калмыцкого языка следующую область в иерархии диатезных типов реципроков (существующие в калмыцком языке типы подчеркнуты):

- (38) «канонические» > «косвенные» > «притяжательные» > «адвербиальные» > «необратимые»

Такие данные вполне предсказуемы: для халха-монгольского и бурятского языков В. П. Недялков и др. [Nedjalkov et al. 2007: 1295–1298] выделяют те же типы реципроков.

В. П. Недялков [Nedjalkov 2007: 12] предлагает различать легкие и тяжелые показатели реципрока в соответствии с их «весом». Значение предиката может зависеть от выбора легкого либо тяжелого показателя реципрока. Дж. Хэйман [Haiman 1983: 806], приводя турецкие примеры на аналогичное явление, пишет, что «большинство переходных глаголов выражают реципрокальное значение с помощью целого реципрокального местоимения», в то время как «суффикс *-Iş* образует лексически обособленный симметричный предикат».

В калмыцком языке тоже наблюдается такое явление: интерпретация высказывания может зависеть от типа реципрокального показателя. Если употребляется тяжелый показатель реципрока (местоимение *neg negän* ‘друг друга’), то предикат имеет прототипическое реципрокальное значение (39а). Если употребляется легкий показатель реципрока (суффикс *-ldə*), то предикат получает некоторое дополнительное значение (39б).

- (39а) *madən neg neg-än üz-žü-nä-vidn*
 мы один один-P.REFL видеть-PROG-PRS-1PL
 ‘Мы видим друг друга’.
 (*‘Мы встречаемся друг с другом’).

- (39б) *madən neg negə-n-tä-kän*
 мы один один-EXT-ASSOC-P.REFL
üzə-ld-nä-vidn
 видеть-RECP-PRS-1PL
 ‘Мы встречаемся / видимся (друг с другом)’.
 (*‘Мы видим друг друга’).

Следы исторического суффикса *-ldə* могут встречаться в ряде глаголов с реципрокальным значением. В этих глаголах этот суффикс уже неотделим от корня. Такие реципроки называются *Reciproca tantum*. К глаголам с историческим суффиксом *-ldə* относятся *noold-* ‘драться’, *kerəld-* ‘ссориться’, *šiməld-* ‘шептаться’ и другие.

- (40) *kövü-d kerəldə-v*
мальчик-PL ссориться-PST
'Мальчики поссорились'.

Помимо реципрокального, суффикс *-ldə* может добавлять и некоторые другие, более периферийные, компоненты значения. Одним из них является значение декаузатива.

- (41) *ükr-in nurkə-də xatxančəg naa-ld-žə*
корова-GEN спина-DAT колючка намазывать-RECP-EVD
'Колючка прилипла к спине коровы'.

- (42) *Bajrta degtər-də caasə naa-žə*
Байрта книга-DAT бумага намазывать-EVD
'Байрта заклеила страницу в книге'.

В примере (42) глагол *naa-* имеет значение 'соединять две поверхности' (по всей видимости, с помощью какого-нибудь вещества). В примере (41) от данного глагола образуется декаузатив с помощью суффикса *-ldə*, при этом компонент значения 'с помощью какого-нибудь вещества' теряется. Кроме того, от полученного декаузатива можно образовать каузативную форму, в которой также нет этого компонента значения:

- (43) *Očər sad-tə xatxančəg naa-ld-ul-žə /*
Очир дерево-DAT колючка намазывать-RECP-CAUS-EVD
?naa-žə
намазывать-EVD
'Очир прилепил колючку к дереву'.

В данном случае используется показатель реципрока для образования декаузатива, поскольку предикат 'прилипнуть' симметричный, что свойственно предикатам с показателем реципрока (если А прилипло к В, это значит, что и В прилипло к А).

Таким образом, показатель *-ldə* может употребляться в реципрокальных конструкциях трех типов, используется как в субъектно-ориентированных, так и в объектно-ориентированных реципрокальных конструкциях, может образовывать «канонические», «косвенные» и, возможно, «притяжательные» реципроки. Этот суффикс может также употребляться при описании совместного действия без реципрокального компонента значения.

2.3. Показатель «социатива» *-lcə*

Согласно грамматикам калмыцкого, языка суффикс *-lcə* является показателем «совместного залога»¹⁵. Г. Д. Санжеев пишет про «совместный залог» следующее:

Данная форма выражает действие, осуществляемое совместно двумя или несколькими действующими лицами.

Совместный залог представляет собой вторичную глагольную основу, при нем предмет-подлежащее выступает в качестве соучастника действия, совершаемого другим предметом, обозначенным в дополнении или упомянутым в контексте ⟨...⟩

Совместный залог употребляется в значении взаимного ⟨...⟩ [Санжеев 1983: 202]

В данном отрывке Г. Д. Санжеев пишет о трех употреблениях суффикса *-lcə*: при описании ситуации совместного действия, ассистивной ситуации и реципрокальной ситуации. Далее эти три типа употребления будут рассмотрены более подробно.

Итак, суффикс *-lcə* может употребляться при описании социативных ситуаций, то есть тех ситуаций, в которых множество участников совершают некоторое действие совместно:

- (44) *Badma Bajrta-ta duul-lc-na / duul-na*
 Бадма Байрта-ASSOC петь-SOC-PRS петь-PRS
 ‘Бадма с Байртой поют’.

В отличие от показателей *-cxa* и *-ldə*, данный суффикс не может употребляться при описании ситуации с множеством участников, если эти участники совершают одно и то же действие отдельно друг от друга:

- (45) *äimtə-n maxə-n tus tus-t-an*
 люди-EXT мясо-EXT напротив напротив-DAT-P.REFL
*šar-cxa-na / šarə-ld-na / *šarə-lc-na*
 жарить-PLR-PRS жарить-RECP-PRS жарить-SOC-PRS
 ‘Люди жарят мясо (по отдельности)’.

¹⁵ Суффикс *-lcə* для удобства глоссируется как показатель социатива (SOC), согласно традиционной калмыцкой грамматике. Однако это обозначение условно и лишь частично отражает основные случаи употребления этого суффикса.

Суффикс *-lcə* также может употребляться и при описании ассистивной ситуации, которая по своему значению является подвидом социативной ситуации. Значение ассистива подразумевает

двух участников, инициатора действия и помощника, каждый представляет собой одного или группу людей, которые совместно совершают одно действие. Инициатор действия оказывается в неподлежащей позиции (обычно в дативе), а помощник занимает позицию подлежащего [Nedjalkov 2007: 38].

В этом случае суффикс *-lcə* является частью ассистивной конструкции, в которой по сравнению с исходной диатезой меняется аргументная структура глагола: появляется новый участник — помощник, — который занимает позицию подлежащего, а инициатор действия смещается в позицию косвенного дополнения:

(46a) *bi gerə šird-nä-v*
я.NOM дом красить-PRS-1SG
'Я крашу дом'.

(46б) *enə nan-də gerə širdə-lc-nä*
этот я-DAT дом красить-SOC-PRS
'Он помогает мне красить дом'.

Поскольку датив маркирует инициатора действия, то другие участники, которые обычно маркируются дативом (например, адресат), не могут быть выражены при использовании данной ассистивной конструкции.

(47) **ekə kövü-n-d-än kiiükə-n-də degtər*
мать мальчик-EXT-DAT-P.REFL девочка-EXT-DAT книга
umšə-lc-ča-na
читать-SOC-PROG-PRS
'Мать помогает сыну читать книгу девочке'.

Наряду с ассистивной конструкцией с суффиксом *-lcə* в калмыцком языке существует альтернативный способ выражения ассистивного значения, то есть значения помощи кому-либо в совершении какого-либо действия, — использование синтаксической конструкции со словосочетанием *nökəd bol-* 'становиться помощником' в нужной форме:

- (48) *enə nan-də gerə šird-xə nökəd*
 этот я-DAT дом красить-PC.FUT помощь
bol-žə-na
 становится-PROG-PRS
 ‘Он помогает мне красить дом’.

Между использованием синтаксической конструкции с сочетанием *nökəd bol-* и ассистивной конструкции с суффиксом *-lcə* есть некоторое различие: конструкция с сочетанием *nökəd bol-*, в отличие от конструкции с суффиксом *-lcə*, допускает такую интерпретацию значения предложения, которая предполагает «дистантную» помощь (см. (49а) vs. (49б)):

- (49а) *ekə kövü-n-d-än degtər umš-xə*
 мать мальчик-EXT-DAT-P.REFL книга читать-PC.FUT
nökəd bol-žə-na
 помощь становится-PROG-PRS
 ‘Мать помогает своему сыну читать книгу’.

{ситуация: 1. ^{OK}‘мать сидит рядом со своим сыном, и они вместе читают книгу’; 2. ^{OK}‘мать находится на работе и отвечает по телефону на вопросы сына, который читает книгу’}.

- (49б) *ekə kövü-n-d-än degtər umšə-lc-čə-na*
 мать мальчик-EXT-DAT-P.REFL книга читать-SOC-PROG-PRS
 ‘Мать помогает своему сыну читать книгу’.

{ситуация: 1. ^{OK}‘мать сидит рядом со своим сыном, и они вместе читают книгу’; 2. *‘мать находится на работе и отвечает по телефону на вопросы сына, который читает книгу’}.

Так же, как и показатель *-ldə*, суффикс *-lcə* может употребляться при описании реципрокальных ситуаций:

- (3) *tedən neg neg-tä-vän medə-lc-nä*
 они один один-ASSOC-P.REFL знать-SOC-PRS
 ‘Они общаются друг с другом’.

Число глагольных основ, которые присоединяют к себе суффикс *-lcə* и могут использоваться при описании реципрокальной ситуации, ограничено и еще меньше, чем количество основ, присоединяющих суффикс *-ldə* при описании реципрокальной ситуации (см. раздел 2.2).

Интерпретация предложения может зависеть от типа реципрокального показателя (ср. аналогичную возможность с суффиксом *-ldə*). Если используется тяжелый показатель (местоимение *neg negän* ‘друг друга’), то предложение описывает прототипическую реципрокальную ситуацию (50а). Если же употребляется легкий показатель реципрока (суффикс *-lcə*), то глагол приобретает дополнительный компонент значения, помимо предсказуемого реципрокального компонента (50б).

(50а) *madən neg neg-än xälä-žä-nä-vidn*
мы один один-P.REFL смотреть-PROG-PRS-1PL
‘Мы смотрим друг на друга’.
(*‘Мы присматриваем друг за другом’).

(50б) *madən neg negə-n-d-än*
мы один один-EXT-DAT-P.REFL
xälä-lc-nä-vidn
смотреть-SOC-PRS-1PL
‘Мы присматриваем друг за другом’.
(*‘Мы смотрим друг на друга’).

2.4. Промежуточные выводы

Таким образом, можно выделить четыре типа ситуаций, в которых задействовано множество участников: ситуация с множеством участников (без дополнительного компонента значения), социативная ситуация¹⁶, ассистивная ситуация и реципрокальная ситуация. В Таблице 1 представлено, какие из рассмотренных показателей могут (+) и какие не могут (–) употребляться при описании каждого из типов ситуаций.

3. Употребление суффиксов *-сха*, *-ldə* и *-lcə* в текстах

Предыдущая часть статьи была посвящена некоторым особенностям трех глагольных показателей множественности участников,

¹⁶Естественно, и реципрокальная ситуация, и ассистивная (по крайней мере бóльшая часть случаев употребления) предполагают компонент социативности. Однако здесь имеется в виду именно такая социативная ситуация, в которой имеет место совместное действие множества участников, причем это действие не является ни реципрокальным, ни ассистивным (см. разбор социативной ситуации в разделе 1.3).

Таблица 1. Возможность употребления показателей множественности участников при описании различных ситуаций¹⁷

	<i>-сха</i>	<i>-ldə</i>	<i>-lcə</i>
Ситуация с множеством участников (без дополнительного компонента)	+	+	–
Социативная ситуация	+	+	+
Ассистивная ситуация	–	–	+
Реципрокальная ситуация	–	+	+

выявленных методом анкетирования. Данная часть статьи посвящена употреблению рассматриваемых показателей в текстах, тому, как они функционируют в живой речи. Данные этой части полностью основаны на собранных текстах. В Таблице 2 представлены общие сведения о найденных в текстах примерах с суффиксами *-сха*, *-ldə* и *-lcə*. Обнаружен 51 случай употребления этих показателей из зафиксированных 2820 глагольных словоформ в 30 текстах.

Таблица 2. Частота употребления показателей множественности участников в текстах

	<i>-сха</i>	<i>-ldə</i>	<i>-lcə</i>	Всего
Общее число употреблений	3	46	2	51
Ситуация с множеством участников (без дополнительного компонента)	1	1	0	2
Социативная ситуация	2	38	2	42
Реципрокальная ситуация	0	5	0	5
Ассистивная ситуация	0	0	0	0
Отсутствует множество участников	0	2	0	2

В Таблице 2 приведено общее число употреблений в текстах каждого показателя, а также перечислены характеристики ситуаций и количество примеров, описывающих соответствующие ситуации. Значительно чаще других показателей используется суффикс *-ldə* (46 из 51 случая употребления). Практически все примеры можно

¹⁷ Под употреблением того или иного суффикса при описании ассистивной и реципрокальной ситуаций подразумеваются такие конструкции, в которых меняется аргументная структура глагола.

отнести к ситуации с множеством участников, независимо от того, есть ли при этом значение социативной, реципрокальной или ассистивной ситуации, или оно отсутствует. Тем не менее, есть два предложения, которые нельзя отнести к описанию множества участников, — речь идет о ситуации следования (см. раздел 1.3). Как уже было сказано, под множеством участников понимается два или более участников, обладающих одинаковой семантической ролью. Ситуация следования может с некоторыми оговорками подходить под это определение, если в ней задействовано более трех участников; тогда все участники, кроме двух крайних, обладают одинаковыми семантическими ролями. Однако несложно представить себе ситуацию следования, в которой задействовано лишь два участника — один следует за другим. В таком случае уже невозможно говорить о множестве участников, так как два участника обладают разными семантическими ролями:

- (51) *čonə övg-n-ä ard-asə köö-ld-äd;*
 волк старик-EXT-GEN зад-ABL прогнать-RECP-CV.ANT
övgə-n gerə kü-tl-än güü-žə
 старик-EXT дом до -P.REFL бежать-CV.IPFV
ir-äd <...>
 приходить-CV.ANT
 ‘Волк погнался за дедом, дед до самого дома бежал’
 (12_prostofilja.40).

Практически во всех примерах, описывающих ситуацию с множеством участников, есть компонент совместности (социативности). Как кажется, это вполне естественно: если в ситуации задействовано несколько участников, которые совершают одно и то же действие по отдельности, то каждый участник приобретает свою характеристику и свою семантическую роль, возможно, отличную от семантической роли другого участника, а в таком случае речь идет уже не о ситуации с множеством участников. Однако есть ряд ситуаций, в которых задействовано множество участников, но совместное действие не подразумевается, — например, ситуации с нереферентным участником:

- (52) *kür-sən* *xal'mg-ud* *oda* *Sinzän-ä*
 достигать-PC.PST калмык-PL сейчас Синьцзян-GEN
xal'məg gi-žə *kel-cxä-nä*
 калмык говорить-CV.IPFV говорить-PLR-PRS
 'Добравшихся калмыков сейчас называют синьцзянскими калмыками' (28_Uvshi_Xan.6, не публикуется).

Гораздо реже в текстах встречаются примеры, описывающие реципрокальную ситуацию, и совсем нет примеров на ассистив, что, естественно, не говорит о невозможности употребления рассматриваемых показателей при описании данных ситуаций.

Реципрокальная ситуация предполагает включение в общее число социативных ситуаций и ситуаций с множеством участников, так как и реципрок подразумевает как множество участников, так и совместность действия.

- (53) *tan'ə-ld-ž* *avə-Ø* *gi-žä-nä*
 узнавать-RECP-CV.IPFV брат-IMP говорить-PROG-PRS
 '«Познакомься», — говорит' (02_pasport.96).

Пример (53) иллюстрирует реципрокальную ситуацию. При этом можно заметить, что в данном предложении употребляется форма единственного числа. Это лишний раз доказывает, что употребление рассматриваемых суффиксов связано не с грамматической категорией числа, а с ситуацией с множеством участников, а показатель *-ldə* носит словообразовательный характер.

В текстах иногда можно встретить примеры, описывающие те же ситуации (реципрока и ассистива), но не с помощью специальных глагольных показателей, а с использованием реципрокального местоимения *neg negän* 'друг друга' и сочетания *nökəd bol-* 'становиться помощником' соответственно. В Таблице 3 на следующей странице представлено соотношение употребления глагольных суффиксов и «тяжелых» показателей для выражения одного и того же типа ситуации.

К сожалению, примеров в текстах найдено слишком мало, чтобы делать какие-то выводы, но по данным, представленным в Таблице 3, можно предположить, что нет преобладания в употреблении того или иного типа показателя. Также можно отметить, что в двух из четырех случаев употребление «легкого»

Таблица 3. Употребление глагольных суффиксов и тяжелых показателей реципрока и ассистива

	«Легкий» показатель	«Тяжелый» показатель	Сочетание «легкого» и «тяжелого» показателей
Реципрокальная ситуация	(-ldə) 4	(neg negän) 4	1
Ассистивная ситуация	(-lcə) 0	(nökəd bol-) 2	0

показателя реципрока *-ldə* оправдано семантикой: от типа показателя зависит значение высказывания.

Кроме того, на основании материала текстов и анкет можно абсолютно точно утверждать, что суффиксы *-сха*, *-ldə* и *-lcə* в большинстве случаев факультативны: некоторые носители их используют, а некоторые — нет.

В грамматике калмыцкого языка Г. Д. Санжеев о «взаимном залоге» (форме на *-ldə*) пишет следующее:

Взаимные глаголы, образованные от основ непереходных глаголов, в большинстве случаев не имеют значения взаимности и употребляются лишь для обозначения действия, совершаемого многими предметами. В этом случае они соответствуют совместному залогу. ⟨...⟩ В данном случае обязательно согласование в числе между сказуемым и именем [Санжеев 1983: 203].

Материал текстов показывает, что суффикс *-ldə* может присоединяться как к переходным, так и непереходным глагольным основам независимо от типа ситуации, т. е. не только при описании социативной ситуации, но и при описании реципрокальной ситуации или ситуации следования. Так, из 41 употребления суффикса *-ldə* при описании ситуации с множеством участников (без реципрокального компонента) 16 форм образовано от непереходных глаголов, 25 — от переходных, а из 5 употреблений этого же показателя при описании реципрокальной ситуации 4 формы образованы от переходных глаголов, одна — от непереходного (см. пример (54)).

- (54) *ter ödr-asə oda kürtəl sarə nar xojər*
 тот день-ABL сейчас до луна солнце два
neg neg-än kücə-l-go-n
 один один-P.REFL догонять-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD
ödər sö uga neg neg-än ard-asə
 день ночь NEG.COP один один-P.REFL зад-ABL
güü-ld-äd jov-na
 бежать-RECP-CV.ANT ходить-PRS
 ‘С того дня до сих пор месяц и солнце, не догоняя друг друга, бегают друг за другом’ (16_devushka_i_solnce.14).

Суффикс *-сха* кажется более грамматикализированным, нежели суффиксы *-ldə* и *-lcə*. Во-первых, в текстах он употребляется только в финитных формах, в то время как из 46 случаев употребления суффикса *-ldə* лишь 3 приходятся на финитные формы, суффикс *-lcə* встречается в текстах лишь в нефинитных формах.

Во-вторых, показатель *-сха* употребляется в вершине сложного глагола, в то время как другие два показателя в сложных глаголах употребляются только в деепричастиях:

- (55) <...> *cä uu-nčə us uu-nčə ärkə uu-nčə*
 чай пить-IMP? вода пить-IMP? водка пить-IMP?
gi-ld-äd güü-ld-äd
 говорить-RECP-CV.ANT бежать-RECP-CV.ANT
büü-cxä-nä tedən
 быть-PLR-PRS они

{Зашли туда; сюда посмотришь — зеркало, туда посмотришь — зеркало, заходят их официанты, приносят чай,} ‘говорят «выпейте чаю, выпейте воды, выпейте водки», бегают там они’ (02_passport.55).

Рассматриваемые показатели множественности участников употребляются факультативно. В таком случае возникает вопрос: какие факторы влияют на употребление этих показателей? В некоторых случаях показатель множественности помогает идентифицировать упомянутых ранее участников ситуации и их семантические и синтаксические роли. Для калмыцких текстов характерно то, что одно предложение может представлять собой совокупность большого количества клауз, порой с различными

субъектами. Только в последней клаузе предикат выражен финитной формой, а во всех предыдущих предикаты представлены деепричастиями и причастиями, в которых ни грамматическое лицо, ни число никак не выражены. Поэтому в тех случаях, когда субъект и/или объект опущен, сложно по отдельно взятой клаузе понять, о каких участниках идет речь. Тогда субъект и объект можно восстановить лишь по контексту, как в примере (56)¹⁸:

(56)	<i>jis-tä-d-än</i>		<i>Sibir</i>	<i>or-ad</i>	
	девять-ASSOC-DAT-P.REFL		Сибирь	входить-CV.ANT	
	<i>endə gentk-är</i>		<i>madn-igədekabr-in</i>	<i>xörə-n</i>	
	здесь неожиданный-INS		мы-ACC декабрь-GEN	20-EXT	
	<i>nüümən-də</i>	<u><i>av-č</i></u>	<u><i>jov-ad</i></u>	<i>jis-tä</i>	
	восемь-DAT	братъ-CV.IPFV	ходить-CV.ANT	девять-ASSOC	
	<i>büü-sən</i>	<i>en kolhoz</i>	<i>deer-än</i>	<i>xot</i>	
	быть-PC.PST	этот колхоз	поверхность-P.REFL	еда	
	<i>xur-a-kad</i>				
	собираться-CAUS-CV.ANT				

‘В девять лет попала в Сибирь; нас здесь неожиданно двадцать восьмого декабря забрали, мне было девять лет, мы собрали еду в этом нашем колхозе’ {и со старшей сестрой — с одной старшей сестрой, — со старшим братом, с младшим братом, с мамой впятером вместе поехали в Сибирь} (20_avtobiografija2.1, не публикуется).

В примере (56) в отдельных клаузах невозможно определить, какой участник является субъектом действия, исходя только из синтаксической структуры. Так, 9 лет могло быть как одному рассказчику, так и некоторой группе людей: ‘нам было по 9 лет’.

Если стоит выбор между множественным и единственным субъектом, то использование одного из рассматриваемых глагольных суффиксов, которые предполагают множественный субъект, оставляет возможной только одну интерпретацию высказывания. Так, в примере (57) благодаря суффиксу *-ldə* возможна только одна интерпретация предложения:

¹⁸ Подчеркнутые предикаты предполагают разные субъекты и объекты.

- (57) <...> *xöön-nⁱ* *däkäd* *tiig-ld-äd*
 после-Р.З еще делать.так-РЕСР-CV.ANT
iig-ld-äd *bää-вäd*
 поступать.так-РЕСР-CV.ANT быть-CV.ANT
bää-tlə-nⁱ *xöön-nⁱ* *döčə-n* *tav-dəgčə* *žil-də*
 быть-CV.TERM-Р.З после-Р.З 40-EXT пять-ORD год-DAT
eckə-mdən *ir-vä*
 отец-Р.1PL приходить-PST.EMPH

{(Мы) заболели, (нас) перевели в район (районный центр), то ли болеем, то ли что (сами не знаем), ну без русского языка, мы, ведь маленькие, совсем как коровы или скот без русского языка, и взрослые без русского языка, нас (поэтому), когда мы приехали, били и толкали,} ‘после этого кое-как еще пожили-пожили, потом в сорок пятом году приехал наш отец’ (20_avtobiografija2.9, не публикуется).

Если бы в этом примере в двух глагольных формах не было суффикса *-ldə*, то исходя из синтаксической структуры предложения была бы допустима — хотя и менее естественна — такая интерпретация высказывания, при которой отец кое-как пожил-пожил, а потом в сорок пятом году приехал.

Данная функция глагольных показателей множественности участников не может работать в той ситуации, где и субъект, и объект — множественные:

- (58) *madn-igə* *av-ad* *jov-ad* *Novosibirsk*
 мы-ACC брать-CV.ANT ходить-CV.ANT Новосибирск
oblastⁱ *kür-ld-äd* *Čistoozern*
 область достигать-РЕСР-CV.ANT Чистоозерное
rajon-də *av-čə* *od-ad* <...>
 район-DAT брать-CV.IPFV уходить-CV.ANT

{Когда приехали в Сибирь, повезли нас это где-то знаете тринадцать дней, перевезли,} ‘нас перевезли, мы все приехали в Новосибирскую область, в Чистоозерненский район увезли <...>’ (20_avtobiografija2.2, не публикуется).

Пример (58) взят из текста, в котором можно выделить две группы участников, которые проходят через весь текст, — это ‘мы’ (калмыки) и ‘они’ (те, кто сослал калмыков в Сибирь). Оба участника множественные и могут с большей или меньшей вероятностью оказаться как субъектом, так и объектом действия. В примере (58) показатель

-ldə не помогает понять, о каком из участников идет речь: данная форма может относиться как к 'нам', так и к 'ним'. Таким образом, исходя из синтаксической структуры предложения возможна и другая интерпретация: 'нас перевезли, (они) приехали в Новосибирскую область, в Чистоозерненский район увезли'. Лишь опираясь на контекст и исходя из логики повествования, можно понять, что допустима лишь первая интерпретация, приведенная в примере (58).

Таким образом, материал текстов показывает, что употребление трех рассматриваемых показателей в различных функциях распределяется несколько иначе, чем может показаться по грамматическим описаниям калмыцкого языка или по анкетным данным: на первый план выходит описание социативной ситуации, в остальных функциях эти показатели используются гораздо реже. Кроме того, суффикс *-ldə* оказывается более частотным, чем другие два суффикса.

4. Выводы

Глагольные суффиксы *-сха*, *-ldə* и *-lcə* используются в глагольных формах, описывающих ситуации с множеством участников. Эти показатели употребляются факультативно. Есть ряд глагольных основ, которые получают новый компонент значения, присоединяя показатели *-ldə* и *-lcə* (например, значение реципрокальной ситуации). Все три суффикса используются довольно редко. Тем не менее, значительно чаще других употребляется суффикс *-ldə* при описании ситуации с множеством участников.

При описании ситуации с множеством участников без какого-либо дополнительного компонента значения употребляются суффиксы *-сха* и *-ldə*. Все три показателя используются в высказываниях, описывающих социативную ситуацию, то есть в том случае, когда действие совершается всеми участниками совместно. Реципрокальная ситуация может быть выражена с помощью суффиксов *-ldə* и *-lcə*, а ассистивная — только с помощью суффикса *-lcə*. Калмыки используют также и альтернативные способы выражения реципрокальной и ассистивной ситуаций: местоимение *neg negün* и сочетание *nökəd bol-* соответственно.

Одна из функций глагольных показателей множественности участников заключается в том, что в некоторых случаях данные суффиксы помогают определить роли участников ситуации и сокращают число возможных интерпретаций высказывания.

Литература

- Архипов А. В. 2004. *Типология комитативных конструкций*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.
- Дарбеева А. А. 1997. Бурятский язык // Алпатов В. М. и др. (ред.). *Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-манчжурские языки. Японский язык. Корейский язык*. М.: Индрик. С. 37–51.
- Котвич В. Л. 1929. *Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка*. Прага.
- Овсянникова М. А. Акциональные классы глаголов калмыцкого языка. Настоящий сборник.
- Очиров У. У. 1964. *Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис*. Элиста: Калмгосиздат.
- Плунгян В. А. 2003. *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.: Эдиториал УРСС.
- Пюрбеев Г. Ц. 1997. Калмыцкий язык // Алпатов В. М. и др. (ред.). *Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-манчжурские языки. Японский язык. Корейский язык*. М.: Индрик. С. 73–87.
- Рамстедт Г. И. 1957. *Введение в алтайское языкознание*. М.
- Санжеев Г. Д. 1963. *Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол*. М.: Издательство восточной литературы.
- Санжеев Г. Д. (ред.). 1983. *Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Шевернина З. В. 1985. Глагольный суффикс -цгаа в современном монгольском языке // Санжеев Г. Д. (ред.). *Монгольский лингвистический сборник*. М.: Наука. С. 140–145.
- Bläsing U. 2003. Kalmuck // Janhunen J. (ed.). *The Mongolic languages*. London: Routledge. P. 229–248.
- Corbett G. G. 2000. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Corbett G. G. 2006. *Agreement*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dressler W. 1968. *Studien sur verbalen Pluralität*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.
- Durie M. 1986. The grammaticization of number as a verbal category // *Berkeley Linguistics Society*, 12. P. 355–370.
- Georg S. 2003. Mongghul // Janhunen J. (ed.). *The Mongolic languages*. London: Routledge. P. 286–306.
- Haiman J. 1983. Iconic and economic motivation // *Language*, 59. P. 781–819.
- Lichtenberk F. 1985. Multiple uses of reciprocal constructions // *Australian Journal of Linguistics*, 5. No. 1. P. 19–41.
- Nedjalkov V. P. 2007. Typological aspects of the investigation of reciprocals // Nedjalkov V. P. (ed.). *Typology of reciprocal constructions*. Ch. 1. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. P. 2–114.

- Nedjalkov V. P., Skribnik E. K., Kuzmenkov E. A., Yakhontova N. S. 2007. Reciprocal, sociative, comitative, and assistive constructions in Buryat and Khalkha-Mongol // Nedjalkov V. P. (ed.). *Typology of reciprocal constructions*. Ch. 29. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. P. 1281–1348.
- Steele S. 1978. Word order variation: a typological study // Greenberg J. H., Ferguson Ch. A., Moravcsik E. A. (eds.). *Universals of Human Language IV: Syntax*. Stanford: Stanford University Press. P. 585–624.
- Weiers M. 2003. Moghol // Janhunen J. (ed.). *The Mongolic languages*. London: Routledge. P. 248–264.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЯ ПАССИВА В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В данной работе представлен анализ употребления глагольного суффикса *-gdə*, одним из значений которого является пассив. Сфера употребления данного показателя не ограничивается переходными глаголами, и помимо пассива, он может также выступать маркером ряда других значений.

В разделе 2 рассматривается, какие значения может выражать показатель *-gdə* при переходных глаголах и, далее, какие ограничения накладываются на эти значения лексическими особенностями глагола и некоторыми другими факторами. Раздел 3 посвящен анализу противопоставления показателя *-gdə* и показателя каузатива при переходных глаголах — дело в том, что показатель каузатива также может выступать в пассивном значении и существование альтернативного способа оформления пассива влияет на употребление показателя *-gdə*, который является основным объектом рассмотрения в данной работе. В разделе 4 показано, какие значения он может выражать при разных типах непереходных глаголов, где наиболее важным является различение агентивных и неагентивных глаголов.

2. Употребление показателя *-gdə* при переходных глаголах

2.1. Пассивные конструкции

Сначала мы рассмотрим такие конструкции, в которых суффикс *-gdə* является показателем пассива в узком понимании, т. е. маркирует мену диатезы (определение пассива через понятие

¹ Материал собран в экспедициях 2007 г. в поселок Ергенинский и 2008 г. в поселок Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий».

Я благодарю С. С. Сая и А. Б. Летучего за ценные замечания и советы.

диатезы см. в [Храковский 1974]). Так, между калмыцкими предложениями (1) и (2) нет разницы на уровне пропозициональной семантики, в обоих случаях описывается ситуация, где действие совершено агенсом:

- (1) *Badma iüidə sekə-v*
 Бадма дверь открывать-PST
 ‘Бадма открыл дверь’.
- (2) *iüidə-n Badm-ar sekə-gdə-v*
 дверь-EXT Бадма-INS открывать-PASS-PST
 ‘Дверь была открыта Бадмой’.

Подлежащим пассивной конструкции в калмыцком языке может быть только прямое дополнение исходной активной конструкции.

Теперь обратимся к вопросу о том, как в пассивных конструкциях оформляется агентивное дополнение. В грамматике калмыцкого языка Г. Д. Санжеева относительно падежного оформления агентивного дополнения говорится следующее: «В калмыцком языке обозначение реально действующего лица при глагольной основе страдательного залога формой дательного падежа является наиболее распространенным. Вместе с тем нередко это активно действующее лицо может стоять и в орудном падеже (т. е. инструменталисе. — А. В.)» [Санжеев 1983: 199]. Та же точка зрения представлена в работе Р. П. Харчевниковой [Харчевникова 1996].

Наши материалы свидетельствуют о том, что при неодушевленном подлежащем агентивное дополнение может оформляться только одним падежом — инструменталисом, как проиллюстрировано в примере (2). Участник, оформленный дативом в такой конструкции, может быть бенефициентом (3), адресатом (4), но никогда — агенсом:

- (3) *širü Badəm-də širdə-gd-čə*
 стол Бадма-DAT стол-PASS-EVD
 ‘Стол покрашен для Бадмы’.
 *‘Стол покрашен Бадмой’.
- (4) *enə bičəg mini bagš-də bičə-gd-lä*
 этот письмо я.GEN учитель-DAT писать-PASS-REM
 ‘Это письмо написано моему учителю’.
 *‘Это письмо написано моим учителем’.

Важно отметить, что при неодушевленном подлежащем выражение агентивного дополнения допускается не всеми информантами — некоторые считают приемлемыми только пассивные конструкции без агентивного дополнения. В этой связи кажется справедливым следующее утверждение Р. П. Харчевниковой: «обозначение одушевленного субъекта действия орудным падежом возможно в разговорной речи, очевидно, под влиянием модели отношений в конструкции пассива в русском языке» [Харчевникова 1996: 17].

Известно, что языки различаются по тому, насколько в них допустимы пассивные конструкции с выраженным агентивным дополнением. Например, в латышском языке и в кораническом арабском агентивное дополнение не может выражаться в пассивной конструкции, в турецком оно допустимо, но лишь весьма ограниченно, а например, в английском не существует почти никаких ограничений на выражение агентивного дополнения [Keenan 1985: 249].

Так или иначе, если при неодушевленном подлежащем в пассивной конструкции и выражается агентивное дополнение, то оно может оформляться только инструменталисом. Если же подлежащее пассивной конструкции является одушевленным, то агентивное дополнение может быть оформлено одним из трех падежей — дативом, инструменталисом или аблативом, например:

(5) *bi čini ūkr-āsə mörgə-gdə-v*
 я.NOM ты.GEN корова-ABL бодать-PASS-PST.1SG
 ‘Меня боднула твоя корова’.

(6) *min aavə Sibir-tə üür-ärən*
 я.GEN дед Сибирь-DAT друг-INS.P.REFL
orša-gd-la
 хоронить-PASS-REM
 ‘Мой дед был похоронен в Сибири своим другом’.

(7) *mana taka arat-tə idə-gd-žə*
 мы.GEN курица лиса-DAT есть-PASS-EVD
 ‘Наша курица была съедена лисой’.

Выбор падежного оформления, по-видимому, отчасти обусловлен тем, какие отношения существуют в конкретной ситуации между участником, соответствующим подлежащему

пассивной конструкции, и участником, выражаемым агентивным дополнением, и, в связи с этим, лексической семантикой глагола.

В Таблице 1 показано, каким падежом чаще всего оформляется агентивное дополнение при разных глаголах (если глагольная лексема попадает не в один столбец, это означает, что при ней агентивное дополнение примерно с равной частотностью может оформляться несколькими падежами):

Таблица 1. Оформление агентивного дополнения в пассивных конструкциях с одушевленным подлежащим

датель	аблатив	инструменталис
<i>asr</i> - 'воспитывать'	<i>al</i> - 'убить'	<i>al</i> - 'убить'
<i>bä</i> - 'поймать'	<i>čir</i> - 'протащить'	<i>dääl</i> - 'завоевать'
<i>čir</i> - 'тащить'	<i>dola</i> - 'облизать'	<i>dola</i> - 'облизать'
<i>dääl</i> - 'завоевать'	<i>mörg</i> - 'боднуть'	<i>orša</i> - 'хоронить'
<i>id</i> - 'есть'	<i>xa</i> - 'застрелить'	<i>tuu</i> - 'гнать'
<i>saa</i> - 'доить'	<i>xatx</i> - 'уколоть'	<i>ива</i> - 'мыть'
<i>tasəl</i> - 'поймать, задрать'		
<i>ива</i> - 'мыть'		
<i>üz</i> - 'видеть'		

Общим для глаголов, попавших в столбец с аблативом, является то, что они обозначают действие, которое нежелательно для пациенса. Таким образом, участник, оформленный аблативом, является источником нежелательного воздействия. Что касается глаголов в столбце с дательным, то здесь, по-видимому, нет единой семантической мотивации, но при этом, рассматривая глаголы по отдельности, пожалуй, можно найти объяснение тому, почему более предпочтителен именно этот падеж. При *üz*- 'видеть' агентивным дополнением выражается экспериенцер; глаголы *bär*- 'поймать', *tasəl*- 'поймать, задрать' по своей лексической семантике являются медиальными или рефлексивно-бенефактивными (т. е. действие всегда происходит для того, кто его совершает), таким образом, агентивному дополнению соответствует участник, заинтересованный в выполнении действия; *ива*- 'мыть', *asr*- 'воспитывать' и *saa*- 'доить', в отличие от глаголов с аблативом, обозначают действие, которое нейтрально или даже желательно для объекта этого действия.

Инструменталис в данном случае выступает как наиболее семантически нейтральный, т. е. в каком-то смысле «наиболее синтаксический» падеж. Возможно, именно с этим связано то, что группы глаголов, при которых агентивное дополнение оформляется дативом, и глаголов, при которых оно оформляется аблативом, не пересекаются, а инструменталис, напротив, может появляться при тех глаголах, где возможен также и аблатив либо датив (например: *al-* ‘убить’ — инструменталис/аблатив; *ива-* ‘мыть’ — инструменталис/датив).

Разумеется, представленная здесь попытка объяснить выбор того или иного падежа не претендует на выявление сколько-нибудь строгих закономерностей — для этого понадобилось бы гораздо большее количество глагольных лексем. Однако для нас принципиально важно то, что выбор падежа агентивного дополнения может мотивироваться семантически (и это отличает калмыцкий от тех языков, где, как, например, в русском, при пассиве есть только один вариант оформления агентивного дополнения — единый падеж *chômeur*’а, мотивированный скорее синтаксически, чем семантически).

2.2. Декаузативные конструкции

2.2.1. Показатель *-gdə* может также выступать в декаузативных конструкциях. М. Хаспельмат определяет разницу между пассивом и декаузативом (*anticausative* в его терминологии) следующим образом: «Главное отличие от пассива заключается в том, что при пассиве подразумевается агенс (который часто выражается именной группой в косвенном падеже), в то время как при декаузативе он не подразумевается» [Haspelmath 1993: 33]. Иными словами, агенс не присутствует на семантическом уровне при декаузативе. Е. В. Падучева пишет, что при образовании декаузативной конструкции агенс исходной конструкции не исчезает на семантическом уровне, а только изменяет свое качество: «лицо-Агенс заменяется на событие-Каузатор (в результате, глагол переходит из категории действий в категорию происшествий)» [Падучева 2001: 57]. В целом декаузативация описывается Е. В. Падучевой следующим образом. У исходной глагольной лексемы, от которой образуется декаузатив, должно быть два аргумента — агенс и пациенс. Самой декаузативации обязательно

предшествует процесс деагентивации, при котором агенс замещается неагентивным каузатором, происшествием, например:

(8а) *Приятель напомнил мне про собрание.*

(8б) *Бой часов напомнил мне, что пора уходить.*
[Падучева 2001: 57]

‘Приятель’ является лицом-Агенсом, а ‘бой часов’ — это пассивный участник происходящего, событие-Каузатор. Е. В. Падучева перечисляет следующие типы неагентивных каузаторов: «Каузатором может быть событие; природная сила; лицо, для которого возникновение нового состояния не было осуществлением его намерения» [Падучева 2001 57].

Итак, деагентивация — это семантический процесс, который предшествует декаузативации как таковой. Сама же декаузативация заключается в том, что изменяется коммуникативный ранг участников — Каузатор (уже не каузатор-агенс, а событие-каузатор) переходит из центра на периферию, например: *Постоянные войны истожили казну* → *Казна истожилась*. [Падучева 2001: 59].

Если сформулировать это несколько другими словами, то можно сказать, что агентивный каузатор (или агентивный исполнитель действия) заменяется неагентивным фоновым каузатором (или исполнителем).

Приведем пример из калмыцкого языка, где суффикс *-gdə* имеет декаузативное значение:

(9) *degtər wazər-tə un-ad budə-gd-žə*
книга земля-DAT падать-CV.ANT красить-PASS-EVD
‘Книга упала на землю и испачкалась’.

У события ‘книга испачкалась’ нет целеполагающего каузатора: его причиной было либо неволевое действие того, кто ее уронил, либо это мог быть, например, ветер, как в следующих примерах:

(10) *dogžən sal^hkə-n ülä-wäd,*
сильный ветер-EXT дуть-CV.ANT
terz-müd sekə-gdə-v
окно-PL открывать-PASS-PST
‘Подул сильный ветер, и окна открылись’.

- (11) *üüdә-n sal'kә-n-dә xaa-gdә-v*
 дверь-EXT ветер-EXT-DAT закрывать-PASS-PST
 'Дверь закрылась от ветра'.

Таким образом, суффикс *-gdә* может быть как показателем пассива, так и показателем декаузатива. Однако в целом в системе калмыцкого языка эти значения противопоставлены. Об этом свидетельствует характер употребления одного из причастий калмыцкого языка, а именно, пассивного причастия на *-ata*.

Особенностью данной формы является то, что это единственное причастие в калмыцком языке, которое небезразлично к залоговым противопоставлениям. В то время как все остальные причастия возможны как при пассивной, так и при активной диатезе (иными словами, данное различие никак не маркируется на глаголе, см. [Крапивина, настоящий сборник]), причастие на *-ata* возможно только при пассивной диатезе глагола:

- (12) *enә utә bičәg nan-dә eck-ärә-m*
 этот длинный письмо я-DAT отец-INS-P.1SG
bič-ätä²
 писать-PC.PASS
 'Это длинное письмо было написано мне отцом'.

- (13) *sandәl küükd-är xamxl-ata*
 стул дети-INS ломать-PC.PASS
 'Стул был поломан детьми'.

Это причастие недопустимо в тех случаях, когда событие не имеет агентивного каузатора:

- (14) *xaša cas-ar bürkә-gdә-v / *bürk-ätä*
 двор снег-INS покрывать-PASS-PST покрывать-PC.PASS
 'Двор покрылся снегом'.

Последний пример можно сравнить с ситуацией, где тот же глагол 'покрывать' обозначает событие с агентивным участником, и где форма на *-ata* допустима:

² Многие причастия калмыцкого языка могут выступать вершиной финитной клаузы, как в приведенных здесь примерах (об этом см. [Крапивина, настоящий сборник]).

- (15) *pol övs-är bürk-ätä*
пол трава-INS покрывать-PC.PASS
'Пол покрыт сеном'. {Если кто-то специально покрыл пол сеном}.

Приведем еще один показательный пример:

- (16) *šin šalvər budə-gdə-v / ^{??}bud-ata*
новый штаны красить-PASS-PST красить-PC.PASS
'Новые штаны испачкались'.

Если в данном предложении заменить *budə-gdə-v* на *bud-ata*, то оно приобретет то неестественное значение, что штаны испачкали намеренно.

Таким образом, декаузативные конструкции противопоставлены пассивным в границах самого калмыцкого языка, что дает основания описывать пассив и декаузатив как разные значения показателя *-gdə*.

2.2.2. В упомянутой выше статье Е. В. Падучевой, посвященной русскому языку, говорится о том, что декаузативная конструкция в принципе невозможна при одушевленном подлежащем: «Если у исходного каузатива Пациенс одушевленный, производный от него возвратный глагол обычно не декаузатив: одушевленный Субъект избегает чисто пациентного осмысления, которого требует декаузатив» [Падучева 2001: 69].

Однако в калмыцком языке существуют конструкции с показателем *-gdə* и с одушевленным субъектом, которые если и не являются декаузативными в узком понимании, то, по крайней мере, близки к ним. Рассмотрим следующие примеры:

- (17) *Baatər ikär cokə-gdə-v*
Батыр сильно ударить-PASS-PST
'Батыр сильно ударился'.
- (18) *Maša bal'čg-ar lašə-gdə-v*
Маша грязь-INS мазать-PASS-PST
'Маша испачкалась грязью'.
- (19) *bi züün-də šaa-gdə-v*
я.NOM иголка-EXT-DAT колоть-PASS-PST.1SG
'Я укололась иголкой'.

Семантику этих предложений можно описать так: подлежащее-пациенс претерпевает некоторое действие, которое он неволебно совершает сам, т. е. он «нечаянно» направляет на себя действие, которое для него самого нежелательно. Подлежащее сочетает в себе следующие роли: оно является пациенсом, поскольку на него направлено действие, и оно также является эффектором, или тем, кто физически выполняет это действие.

Такая конструкция отличается от рефлексива. Значение рефлексива заключается в следующем. У исходной глагольной лексемы, от которой он образуется, есть два аргумента, отдельных друг от друга — агенс и пациенс. При рефлексиве же агенс и пациенс совпадают в одном участнике, и, как пишет В. А. Плунгян, имеется «отношение кореферентности» двух участников [Плунгян 2000: 215]. Это отношение может выражаться рефлексивным местоимением: *Иван увидел себя в зеркале* или показателем на глаголе: *Иван посмотрелся в зеркало* (примеры из [Плунгян 2000: 215]). Отличие примеров (17)–(19) от рефлексива заключается в том, что в них субъект не является агенсом в полном смысле этого слова: он обладает частью агентивности, потому что является физическим исполнителем действия, однако не является его инициатором и контролером. Такое значение можно назвать квазирефлексивным. Различие между рефлексивом и квазирефлексивом существенно для калмыцкого языка — в нем эти значения получают разное выражение. В рефлексивных конструкциях значение кореферентности выражается с помощью рефлексивного местоимения *bijän*³ (ср. предложение (17)):

- (20) *Maša bij-än bal'čg-ar lašə-v*
 Маша тело-Р.REFL грязь-INS мазать-PST
 'Маша намазала себя грязью'.
 *'Маша испачкалась грязью'.

Это предложение уместно, например, в ситуации, если грязь была лечебной и Маша специально намазала себя, а значение 'нечаянно испачкалась' здесь невозможно.

С одной стороны, квазирефлексив близок к рефлексиву, поскольку и там, и там существуют отношения кореферентности

³ По происхождению данное местоимение восходит к существительному *bij* 'тело' с показателем рефлексивного посессива *-an*.

претерпевающего и участника, совершающего действие. С другой стороны, квазирефлексив имеет общие черты с декаузативом. Как уже было сказано выше, суть декаузативной конструкции заключается в том, что в ней каузатор является фоновым и неволевным. Возьмем, например, предложение (17) ‘Батыр сильно ударился’. Здесь, как и в декаузативной конструкции с неодушевленным пациенсом, есть фоновое событие-каузатор: ‘Батыр ударил себя’. Батыр при этом хотя и совершает действие физически, но не совершает его волевым. Отличие квазирефлекси́ва от декаузатива только в том, что при квазирефлекси́ве данный неволевный деятель совпадает с пациенсом.

Если судить по глагольным показателям, которыми оформляются квазирефлексив и декаузатив, то различие между ними нерелевантно для калмыцкого языка — глаголы с обоими значениями имеют показатель *-gdə*:

Квазирефлексив:

- (21) *degtər kazr-tə un-ad budə-gd-žə*
 книга земля-DAT падать-CV.ANT красить-PASS-EVD
 ‘Книга упала на землю и испачкалась’.

Декаузатив:

- (22) *tarvəz id-äd bäü-žə, kövü-n*
 арбуз есть-CV.ANT быть-EVD мальчик-EXT
lašə-gdə-v
 мазать-PASS-PST
 ‘Мальчик ел арбуз и испачкался’.

Кроме того, квазирефлексивные и декаузативные конструкции имеют общее свойство, которое отличает их от пассивных конструкций. Как было сказано выше, при декаузативном значении причастие на *-ata* невозможно — оно выступает только в пассиве. Такой же запрет существует и для квазирефлекси́ва:

- (23) *bi šir-tə budə-gdə-v /*
 я.NOM краска-DAT красить-PASS-PST.1SG
 **bud-ata*
 красить-PC.PASS
 ‘Я испачкалась краской’.

Предложение с причастием на *-ata* может иметь только пассивное значение:

- (24) *Baatr ikär cok-ata*
 Батыр сильно ударить-PC.PASS
 ‘Батыр был сильно побит’.
 *‘Батыр сильно ударился’. — ср. пример (17).

Итак, показатель *-gdə* может выступать в пассивных, декаузативных и квазирефлексивных конструкциях. Из этого можно сделать вывод о том, что данный показатель допускает достаточно высокую степень агентивности для подлежащего той конструкции, в которой он выступает, — референт подлежащего может обладать агентивностью в той мере, чтобы быть физическим исполнителем действия; для него недопустимо лишь быть инициатором или контролером действия.

В начале рассмотрения квазирефлексивных конструкций приводилась цитата из статьи Е. В. Падучевой, где по поводу декаузативных глаголов в русском языке говорилось, что «одушевленный Субъект избегает чисто пациентного осмысления» [Падучева 2001: 69]. Можно сказать, что квазирефлексивные конструкции калмыцкого языка являются подтверждением этого: в определенном смысле они выступают как аналог декаузативных конструкций, возможных при неодушевленном пациенсе, и квазирефлексив как раз и отличается от декаузатива тем, что при нем нет «чисто пациентного осмысления» субъекта.

Однако в калмыцком языке все же возможны именно декаузативные конструкции с одушевленным пациенсом. Рассмотрим следующие примеры:

- (25) *Badəm büčr-äsə cokə-gdə-v*
 Бадма ветка-ABL ударить-PASS-PST
 ‘Бадму ударило веткой’. {Во время урагана обломилась ветка и ударила его}.

- (26) *Badma cas-ar bürkə-gdə-v*
 Бадма снег-INS покрывать-PASS-PST
 {Зима. Бадма долго-долго сидел на скамейке}. ‘Бадму засыпало снегом’.

В качестве аргумента против того, чтобы в калмыцком языке относить конструкции с такой семантикой к числу пассивных,

можно рассматривать тот факт, что при такой семантике невозможно причастие на *-ata*:

- (27) *Badəm büčr-äsə cok-ata*
Бадма ветка-ABL ударить-PC.PASS
'Бадму ударили веткой (кто-то)'.
* 'Бадму ударило веткой'.

Семантика предложений (25) и (26) характеризуется тем, что одушевленный пациенс не проявляет никаких свойств агентивности, и, следовательно, исполнитель, который в данном случае является неагентивным (как и полагается при декаузативе), не совпадает с пациенсом. И если в русском языке конструкции с такой семантикой оформляются особым способом — неопределенно-личными предложениями, где пациенс занимает позицию не подлежащего, а прямого дополнения, — то в калмыцком языке такие конструкции оформляются так же, как и квазирефлексивные — с помощью суффикса *-gdə*. Например, следующее предложение может иметь как квазирефлексивную, так и декаузативную интерпретацию:

- (28) *Ajsa kerčə-gdə-v*
Айса резать-PASS-PST
1. Квазирефлексивное значение: 'Айса {чистила картошку, и} порезалась'.
2. Декаузативное значение: {Айса работала на поле, попала в косилку, и} 'ее изрезало'.

Таким образом, в рамках калмыцкого языка в принципе нет оснований различать квазирефлексив и декаузатив с одушевленным пациенсом. Это одна область значений, выражаемая одними и теми же формальными средствами, которая характеризуется тем, что одушевленный пациенс подвергается действию неагентивного исполнителя.

2.3. Значение суффикса *-gdə* и лексический класс переходного глагола

Итак, при переходных глаголах суффикс *-gdə* может быть показателем пассива или декаузатива, частным случаем которого можно считать квазирефлексивное значение, возникающее в некоторых конструкциях с одушевленным подлежащим. Теперь мы рассмотрим то, каким образом компоненты лексического значения

глагола влияют на интерпретацию показателя *-gdə*. Опираясь на материал разных языков, М. Хаспельмат пишет, что обязательным условием для того, чтобы было возможно декаузативное значение, является отсутствие в значении глагольной лексемы компонентов, ориентированных на исполнителя, — «agent-oriented meaning components» [Haspelmath 1993: 93]. В качестве примера можно сравнить два глагола русского языка — *рвать* и *резать*. В значении первого из них отсутствуют компоненты, ориентированные на исполнителя, поэтому глагол может выступать в декаузативной конструкции:

(29а) *Девочка порвала штаны.*

(29б) *Штаны порвались.*

А в значении второго глагола данный компонент присутствует, поэтому декаузативная конструкция невозможна:

(30а) *Портной порезал ткань.*

(30б) **Ткань порезалась.*

Если соотнести это с понятием «деагентивация» (см. раздел 2.2.1.), используемым Е. В. Падучевой для описания декаузатива, то можно сказать, что глаголы, в семантику которых входят «agent-oriented meaning components», соответствуют тем глаголам, которые не допускают семантическую операцию деагентивации. Таким образом, мы получаем два класса переходных глаголов: глаголы, которые не подвергаются деагентивации и всегда обозначают действие с агентивным исполнителем, и глаголы, которые способны подвергаться деагентивации и могут обозначать действие как с агентивным исполнителем, так и без него⁴.

⁴ В принципе, существует еще и третий класс: переходные глаголы, которые обозначают только действие без агентивного исполнителя. Однако для переходных глаголов данный класс является в определенном смысле маргинальным. Как пишут в своей известной статье П. Хоппер и С. Томпсон, само понятие «Переходность» сопряжено с большей агентивностью, поэтому в разных языках мира неагентивные действия в принципе реже обозначаются синтаксически переходными глаголами [Hopper, Thompson 1980]. В калмыцком языке к неагентивным переходным глаголам относятся, например, следующие глаголы, обозначающие неконтролируемое восприятие:

Обратимся к материалу калмыцкого языка. При глаголах, которые не подвергаются деагентивации, декаузативное (а, следовательно, и квазирефлексивное) значение недопустимо, и морфема *-gdə* может выражать только пассивное значение. К этому классу относятся, например, глаголы *tävə*- ‘класть’, *mörgə*- ‘бодать’, *id*- ‘есть’, *imšə*- ‘читать’ и т. д.

При глаголах, которые могут подвергаться деагентивации, нет ограничений на возможность декаузативной интерпретации, и здесь суффикс *-gdə* всегда может быть показателем декаузатива. Здесь же стоит сказать и о возможности образования квазирефлексивных форм. Глагольные лексемы, которые допускают квазирефлексивную интерпретацию, представляют собой подгруппу в классе глаголов, допускающих деагентивацию. Глагол может иметь квазирефлексивное значение, только если он отвечает следующим требованиям: во-первых, он должен обладать способностью подвергаться деагентивации (поэтому такие глаголы, как ‘мыть’, ‘брить’ и т. д., не образуют квазирефлексивных дериватов), и, во-вторых, нужно, чтобы его лексическая семантика не препятствовала рефлексивному значению.

Были найдены следующие глаголы калмыцкого языка, при которых возможно квазирефлексивное значение:

bud- / *širdə*- ‘красить, мазать’ → *budə-gdə*- / *širdə-gdə*-
‘измазаться, испачкаться’;
xatxə- / *šaa*- ‘уколоть’ → *xatxə-gdə*- / *šaa-gdə*- ‘уколоться’;
kerč- ‘резать’ → *kerčə-gdə*- ‘порезаться’;
cokə- ‘бить’ → *cokə-gdə*- ‘удариться’;
laš- ‘измазать’ → *lašə-gdə*- ‘измазаться’

Теперь обратимся к тому, как при глаголах, которые могут подвергаться деагентивации, выражается пассив. Здесь суффикс *-gdə* проявляет довольно неожиданные свойства: оказалось, что при глаголах данного класса существуют ограничения на пассивную интерпретацию суффикса *-gdə*, которые связаны с онтологическим классом подлежащего.

При неодушевленном пациенте пассив всегда обозначается показателем *-gdə*, при одном и том же глаголе он может иметь как пассивное, так и декаузативное значение, например:

üz- ‘увидеть’ и *mart*- ‘забыть’, *taas*- ‘одобрять’. Далее мы не будем подробно рассматривать поведение глаголов этого класса.

- Пассив
 (31) *üüdə-n Badm-ar sekə-gdə-v*
 дверь-EXT Бадма-INS открывать-PASS-PST
 ‘Дверь была открыта Бадмой’.

- Декаузатив
 (32) *dogšən sal'kə-n ülä-кäd*
 сильный ветер-EXT дуть-CV.ANT
terz-müid sekə-gdə-v
 окно-PL открывать-PASS-PST
 ‘Подул сильный ветер, и окна открылись’.

Однако в случае с одушевленным пациенсом дело обстоит иначе. При глаголах, которые могут подвергаться деагентивации, в конструкции с одушевленным пациенсом морфема *-gdə* может выражать только значение квазирефлекси́ва или декаузатива, но не пассива, например:

- (33) *Badəm ikär cok-gdə-v*
 Бадма сильно ударить-PASS-PST
 ‘Бадма сильно ударился’.
 *‘Бадма был сильно избит’.
- (34) *Badma cas-ar bürkə-gdə-v*
 Бадма снег-INS покрывать-PASS-PST
 ‘Бадму засыпало снегом’.
 *‘Бадму засыпали снегом’.

Итак, между конструкциями с одушевленным и с неодушевленным пациенсом наблюдается асимметрия в отношении допустимости пассивной интерпретации у рассматриваемого показателя. Если глагол может подвергаться деагентивации и подлежащее является одушевленным, то суффикс *-gdə* употребляется только тогда, когда эта деагентивация происходит, притом, что при других глаголах, допускающих деагентивацию, этот показатель может выступать в пассивных конструкциях.

В Таблице 2 на следующей странице показано то, каким образом пассив и декаузатив могут выражаться с помощью суффикса *-gdə* при глаголах разных классов и при разных подлежащих.

Важно обратить внимание на следующее различие: прочерк «—» в двух ячейках означает, что такое значение в принципе

Таблица 2. Выражение пассива и декаузатива суффиксом *-gdə* при переходных глаголах

		Неодушевленное подлежащее	Одушевленное подлежащее
Глаголы, не допускающие деагентивацию	Пассив	<i>-gdə</i>	<i>-gdə</i>
	Декаузатив	–	–
Глаголы, допускающие деагентивацию	Пассив	<i>-gdə</i>	<i>*-gdə</i>
	Декаузатив (+ квазирефлексив) ⁵	<i>-gdə</i>	<i>-gdə</i>

невозможно при данном классе глаголов, а запись «**-gdə*» свидетельствует о том, что значение само по себе допускается лексической семантикой глагола, но не может выражаться рассматриваемым показателем. Поведение суффикса *-gdə* характеризуется тем, что когда подлежащее является одушевленным, то для него оказывается важным, существует ли выбор между двумя типами ситуации — с агентивным исполнителем или без него. И если такой выбор возможен (т. е. если глагольная лексема допускает деагентивацию), то *-gdə* «выбирает» менее агентивный вариант.

3. Противопоставление суффикса *-gdə* и показателя каузатива в пассивном значении при переходных глаголах

3.0. Употребления показателя каузатива в функции пассива

В связи с тем, что было сказано выше об употреблении суффикса *-gdə*, возникает вопрос о том, чем может быть вызван запрет на выражение пассивного значения в случае, когда глагол способен подвергаться деагентивации, а подлежащее конструкции является одушевленным.

⁵ Для того, чтобы показать, в каких случаях суффикс *-gdə* может выражать квазирефлексивное значение, можно было бы продолжить деление глаголов на классы и разделить глаголы, подвергающиеся деагентивации, на те, которые допускают рефлексивное значение, и те, которые его не допускают. Однако здесь этот момент не принципиален и можно ограничиться тем, чтобы рассматривать квазирефлексив как частный случай декаузатива.

Для ответа на этот вопрос нам нужно рассмотреть некоторые случаи употребления еще одного показателя калмыцкого языка. Дело в том, что суффикс *-gdə* является не единственным показателем пассива в калмыцком языке. Ту же функцию может выполнять показатель каузатива, например:

- (35) *Badma Batr-ar cok-ulə-v*
 Бадма Батр-INS ударить-CAUS-PST
 ‘Бадма был побит Батром’.
- (36) *Badma това-vasə хатх-улə-в*
 Бадма змея-ABL жалить-CAUS-PST
 ‘Бадма был укушен змеей’.

В этих примерах мы наблюдаем неканоническое употребление показателя, основным значением которого является каузатив (в [Сай, настоящий сборник] показано, как это явление встраивается в ряд других отклонений от канонического каузатива в калмыцком языке). Исследователи давно обратили внимание на то, что показатель каузатива в некоторых случаях может выступать в функции пассива, это заметил еще фон дер Габеленц [Gabelentz 1861: 516–529].

Калмыцкие показатели каузатива имеют общемонгольское происхождение, и употребление их в пассивных конструкциях встречается и в других монгольских языках (сравнительное описание форм и употребления каузативных показателей в монгольских языках описано в [Санжеев 1963: 41–44]).

То, что пассив может возникать из каузативных конструкций, является известным фактом (об этом см., в частности, [Недялков 1964; Галямина 2006; Keenan 1985: 261–263; Haspelmath 1993: 46–49; Letuchiy 2006: 432–433]). В. П. Недялков приводит следующее объяснение данному явлению:

Логически возможность совмещения каузативного и пассивного значений объясняется тем, что как при пассивном значении, так и при каузативном, субъект предложения не является непосредственным производителем действия. Различие заключается только в том, что в первом случае он принимает на себя действие, во втором — позволяет или заставляет совершить какое-либо действие [Недялков 1964: 304].

Связующим звеном между каузативом и пассивом является рефлексивный каузатив — частный случай каузативной конструкции,

где каузируемое действие направлено на самого каузатора. М. Хаспельмат иллюстрирует это следующими примерами из английского языка:

(37a) *I have the barber shave me.* (causative)

(37б) *I have myself shaved by the barber.* (reflexive-causative)

(37в) *I am shaved by the barber.* (passive) [Haspemath 1990: 46]

Таким образом, в калмыцком языке собственно каузативные конструкции, наиболее близкие к пассиву, это, например, следующие предложения:

(38) *Badma Bajərta-ɤar bij-än üms-ülə-v*
Бадма Байрта-INS тело-Р.REFL целовать-CAUS-PST
‘Бамдма заставил Байрту поцеловать себя’.

(39) *aavə bij-än Sibir-tə orša-lɤə-v*
дед тело-Р.REFL Сибирь-DAT хоронить-CAUS-PST
‘Дед был похоронен в Сибири’. {Он завещал себя похоронить там}.

То, что позволяет отделить по формальному признаку конструкции типа (35) и (36) от каузативных конструкций как таковых, представленных примерами (38) и (39), — это тот факт, что в первом случае не употребляется рефлексивное местоимение *bij-än*, и таким образом, совпадение объекта действия с подлежащим является свойством конструкции в целом, а не какого-то ее компонента. Далее мы будем использовать выражение «пассивные конструкции с каузативным показателем» для тех конструкций с показателем каузатива, которые удовлетворяют данному критерию — совпадение объекта действия с подлежащим и отсутствие рефлексивного местоимения — независимо от оттенков значения конструкции.

Здесь стоит ненадолго остановиться на том, каким образом в пассивных конструкциях с каузативным показателем выражается агентивное дополнение. Ю. Е. Галямина отмечает, что по сравнению с обычным пассивом, пассив, при котором глагол оформляется показателем каузатива, обладает следующей особенностью: при нем выражение агентивного дополнения обязательно, в то время как при обычном пассиве «обозначение агенса необязательно или даже невозможно» [Галямина 2006: 198]. Ю. Е. Галямина объясняет

это тем, что при квазипассиве, как при конструкции, еще не утратившей связь с каузативной, «ситнаксическое понижение агенса связано не с коммуникативным преобразованием фразы, а с семантическим каузативным преобразованием, при котором понижение агенса является не главной, а дополнительной функцией» [Галямина 2006: 198].

Однако в калмыцком языке рассматриваемые конструкции не обладают такой особенностью — в них выражение агентивного дополнения необязательно, например:

- (40) *Badma* (това-*kasə*) *xatx-ulə-v*
 Бадма (змея-ABL) жалить-CAUS-PST
 ‘Бадма был укушен (змеей)’.

Таким образом, по этому признаку пассивные конструкции с каузативным показателем не отличаются от обычного пассива в калмыцком языке.

Интересно, что то же самое верно и в отношении падежного оформления агентивного дополнения. И в пассивных конструкциях с показателем каузатива, и в пассивных конструкциях с суффиксом *-gdə* участник с ролью исполнителя действия оформляется одним из трех падежей — инструменталисом, дативом или аблативом, и в обоих случаях выбор падежа определяется одними и теми же факторами, которые были описаны для пассивных конструкций с суффиксом *-gdə* в разделе 2.1. Такой механизм оформления не совсем совпадает с тем, что наблюдается в канонических каузативных конструкциях (в частности, за некоторыми исключениями, каузируемый участник не может оформляться аблативом — подробное описание оформления каузируемого участника в калмыцком языке см. в [Сай, настоящий сборник]). Таким образом, по этому признаку пассивные конструкции с каузативным показателем уже ближе к каноническому пассиву, чем к каузативу.

Тем не менее, пассивные конструкции с показателем каузатива сохраняют некоторые свойства, связанные с их происхождением. Их важной особенностью является то, что в них допустимо только одушевленное подлежащее (по-видимому, это обусловлено тем, что они еще не до конца утратили связь с каузативными конструкциями). Данное утверждение можно проиллюстрировать следующими примерами:

- (41) *bi möndər-tə cok-ulə-v*
я.NOM град-DAT ударить-CAUS-PST.1SG
'Меня побилло градом'.
- (42) *alimə-n möndər-tə cokə-gdə-v /*
яблоко-EXT град-DAT ударить-PASS-PST
**cok-ulə-v*
ударить-CAUS-PST
'Яблоки побилло градом'.

В пассивных конструкциях с каузативным показателем в качестве подлежащего допустимы не только люди, но и животные, например:

- (43) *mana mis Očr-ar emn-ülə-v*
мы.GEN кошка Очир-INS лечить-CAUS-PST
'Нашу кошку вылечил Очир'.

Данное явление ограничивает сферу противопоставления двух рассматриваемых типов конструкций: сравнивать употребление показателя каузатива и показателя *-gdə* имеет смысл только при одушевленном подлежащем, поскольку при неодушевленном подлежащем возможен только *-gdə*. Таким образом, далее в этом разделе будет идти речь только о конструкциях с одушевленным подлежащим.

Как оказалось, характер противопоставления конструкций с двумя рассматриваемыми показателями разный в зависимости от лексического класса глагола, который в них входит. И при этом классификация глаголов, релевантная в данном случае, совпадает с той, о которой шла речь в разделе 2, где говорилось об ограничении на пассивное или декаузативное значение у суффикса *-gdə*, т. е. здесь тоже оказывается важным разделение глаголов на те, которые подвергаются деагентивации, и те, которые не способны ей подвергаться.

3.1. Противопоставление суффикса *-gdə* и показателя каузатива при глаголах, допускающих деагентивацию

Как уже было показано в предыдущем разделе, при глаголах, которые допускают деагентивацию, в конструкции с одушевленным пациенсом суффикс *-gdə* может выражать только значение декаузатива и квазирефлекси́ва. Это как раз и связано

с тем, что пассивное значение в данном случае выражается показателем каузатива.

Таким образом, пассивные и декаузативные конструкции оказываются противопоставленными с помощью глагольных показателей:

- (44a) *Badəm ikär cok-ulə-v*
 Бадма сильно ударить-CAUS-PST
 ‘Бадма был сильно избит’.
 *‘Бадма сильно ударился’.
- (44б) *Badəm ikär cok-gdə-v*
 Бадма сильно ударить-PASS-PST
 ‘Бадма сильно ударился’.
 *‘Бадма был сильно избит’.
- (45) *Badəm Baatr-ar cok-ulə-v / *cokə-gdə-v*
 Бадма Батыр-INS ударить-CAUS-PST ударить-PASS-PST
 ‘Бадма был побит Батыром’.
- (46) *bi Badm-asə laš-ulə-v*
 я.NOM Бадма-ABL мазать-CAUS-PST.1SG
 ‘Меня измазал Бадма (специально)’.
 *‘Я испачкался из-за Бадмы’.

Таким же образом могут противопоставляться конструкции, например, при глаголе *bürkə-* ‘накрывать’:

- Пассив
- (47) *Badma Baatr-asə cas-ar бүрк-ülə-v /*
 Бадма Батыр-ABL снег-INS покрывать-CAUS-PST
 **bürkə-gdə-v*
 покрывать-PASS-PST
 ‘Батыр засыпал Бадму снегом’. {В ситуации: Бадма и Батыр играли, и Батыр специально засыпал Бадму снегом}.
- Декаузатив
- (48) *Badma Baatr-asə cas-ar бүркə-gdə-v*
 Бадма Батыр-ABL снег-INS покрывать-PASS-PST
 ‘Батыр засыпал Бадму снегом’. {В ситуации: Батр счищал с крыши снег и нечаянно засыпал Бадму}.

Рассмотрим пример с глаголом *čir-* ‘тащить’. Семантика данного глагола не препятствуют деагентивации: ‘тащить что-то (намеренно)’ → ‘протащить, потащить что-то, (если оно нечаянно зацепится)’. И когда глагол обозначает агентивную ситуацию, то он оформляется показателем каузатива, а если неагентивную — то суффиксом *-gdə*:

Пассив:

- (49) *Ajsa Baatr-asə üs-n-äsən čir-ülə-v*
 Айса Батыр-ABL волосы-EXT-ABL.P.REFL тащить-CAUS-PST
 ‘Айса была протащена за волосы { по земле } Батром’.

Декаузатив:

- (50) *Baatər mörə-n-d-än čirə-gd-žə*
 Батыр лошадь-EXT-DAT-P.REFL тащить-PASS-EVD
 ‘Батыр { скакал на лошади, упал, и } был протащен лошастью { по земле }’.

Декаузатив:

- (51) *Baatər pojzd-də čirə-gd-žə /*
 Батыр поезд-DAT тащить-PASS-EVD
 **čir-ül-žə*
 тащить-CAUS-EVD
 ‘Батыр { стоял на самом краю поезда, свалился, зацепился и } был протащен поездом’. → ‘Батыра протащило по земле поездом’.

Данный случай интересен тем, что деагентивации подвергается глагол, который содержит значимые агентивно-ориентированные компоненты в своей лексической семантике: в обозначаемой ситуации происходит движение, ориентиром которого всегда является участник, совершающий данное действие. Этот участник может стать неконтролирующим и неволевым, как в примерах (50) и (51), но он всегда остается физическим исполнителем действия и ориентиром движения.

Если придерживаться подхода Е. В. Падучевой, то наличие агентивно-ориентированных компонентов в семантике глагола, в принципе, не противоречит возможности для данного глагола выступать в конструкции с декаузативным значением — главное, чтобы семантика глагола не препятствовала деагентивации, т. е. тому, чтобы участник переставал быть инициатором действия. И все же,

представляется необычным то, что в данном случае в декаузативной конструкции выступает глагол, в семантике которого агентивно-ориентированные компоненты занимают столь важное место, как при глаголе тащить. А. Б. Летучий полагает, что способность глагола образовать декаузатив зависит не от самого наличия в семантике глаголов агентивно-ориентированных компонентов, а от их значимости, от их удельного веса в лексическом значении глагола [Летучий 2006: 70–72]. С этой точки зрения предложения (50) и (51) нельзя рассматривать как примеры типичной декаузативной конструкции. Таким образом, способность глагола *čir*- ‘тащить’ выступать в декаузативной конструкции дает основания предполагать, что в калмыцком языке класс глаголов, образующих декаузатив, несколько шире, чем в обычном случае при образовании декаузатива.

Теперь обратимся к семантике конструкции с показателем каузатива, рассмотренной выше. В целом, на основании приведенных примеров можно сделать вывод о том, что каузатив не только требует одушевленного пациенса-подлежащего, но и обязательно предполагает наличие агентивного исполнителя, — и в этом опять же проявляется его связь с исходной, собственно каузативной конструкцией⁶.

Здесь мы сделаем небольшое отступление и рассмотрим конструкции, у которых каузатором выступают природные силы. При некоторых каузаторах – природных явлениях каузативный показатель допустим, например:

- (52) *Očər cäkl-lvə-n-asə cok-ulə-v*
 Очир сверкать-NMLZ-EXT-ABL ударить-CAUS-PST
 ‘Очира ударило молнией’.
- (53) *bi dol'ga-n-asə cok-ulə-v*
 я.NOM волна-EXT-ABL ударить-CAUS-PST.1SG
 ‘Меня накрыло волной’.

⁶ Еще одним фактом, подтверждающим сказанное здесь, является то, что в пассивных конструкциях с одушевленным подлежащим и с глаголом, который обозначает только неагентивное действие, например, с *üz*- ‘увидеть’ и *mart*- ‘забыть’, может выступать только суффикс *-gdə*. Вероятно, каузативный показатель невозможен здесь потому, что невозможен агентивный исполнитель.

- (54) *bi möndər-tə cok-ulə-v*
 я.NOM град-DAT ударить-CAUS-PST
 ‘Меня побилло градом’.

С точки зрения калмыцкого языка по семантике данные конструкции являются пассивными, а не декаузативными. Е. В. Падучева пишет следующее по поводу природных сил в качестве исполнителя действия: «Природные силы способны отчасти имитировать действия человека, так что субъект «природная сила» иногда позволяет сохранить в семантике глагола компонент Способ действия. Поэтому, скажем, возможность употребления глагола с неагентивным субъектом ветер еще не свидетельствует о допустимой декаузативации» [Падучева 2001: 75]. Таким образом, Е. В. Падучева хотя и называет природные силы неагентивными, но, по-видимому, все же допускает, что они могут иметь общие свойства с агентивными исполнителями, поэтому в данном случае не происходит деагентивация. Вполне вероятно, что ‘молния’, ‘волна’, ‘град’ представляются в калмыцком языке как особые силы и, следовательно, как субъекты, наделенные агентивностью в определенной степени. При этом другие природные явления — ветка, падающий камень, — по-видимому, осознаются в калмыцком языке скорее как пассивные явления, а не как самостоятельные силы, и поэтому в случае, когда они являются каузаторами, показатель каузатива недопустим:

- (55) *Badma casə-n-də darə-gd-žə / *dar-ul-žə*
 Бадма снег-EXT-DAT давить-PASS-EVD давить-CAUS-EVD
 ‘Бадму завалило снегом’.
- (56) *Badma čolu-n-də cokə-gdə-v /*
 Бадма камень-EXT-DAT ударить-PASS-PST
 **cok-ulə-v*
 ударить-CAUS-PST
 {Когда Бадма взбирался по горам, там вдруг начали падать камни}. ‘Бадму побилло камнями’.

Можно предположить, что если для русского языка ‘град’, ‘молния’, ‘волна’, ‘снег’, ‘падающие камни’ равно неагентивны — по крайней мере, в том смысле, что они все одинаково выступают в неопределенно-личной конструкции, — то в калмыцком языке

первые три из них, по-видимому, могут наделяться агентивными свойствами.

В качестве вывода об оформлении конструкций с глаголами, которые допускают деагентивацию, можно сказать, что особенности употребления показателя каузатива объясняют ту асимметрию между конструкциями с одушевленным пациенсом и конструкциями с неодушевленным пациенсом, о которой говорилось в предыдущем разделе. При неодушевленном пациенсе-подлежащем показатель каузатива в любом случае недопустим, поэтому и пассивное, и декаузативное значение выражается суффиксом *-gdə*. Если же подлежащее является одушевленным, то в случае, когда деагентивация происходит, глагол оформляется суффиксом *-gdə* (декаузативная конструкция), а если деагентивация не происходит, то употребляется показатель каузатива. Таким образом, он как бы вытесняет суффикс *-gdə* из пассивных конструкций с одушевленным пациенсом.

3.2. Противопоставление суффикса -gdə и показателя каузатива при глаголах, не допускающих деагентивацию

Итак, при глаголах, способных подвергаться деагентивации, противопоставление суффикса *-gdə* и показателя каузатива существует за счет того, что глагол может обозначать две ситуации — с агентивным исполнителем и без него. При наличии агентивного исполнителя употребляется показатель каузатива, а при его отсутствии — суффикс *-gdə*. Каким же образом противопоставляются данные показателя при глаголах, которые не подвергаются деагентивации, и можно ли здесь вообще говорить о каком-либо противопоставлении?

В данном случае противопоставление существует за счет того, что при глаголах, не подвергающихся деагентивации, конструкции с показателем каузатива могут иметь особую семантику, несколько отличную от значения собственно пассива и сохраняющую следы происхождения от собственно каузативных конструкций. Таким образом, речь идет о некой конструкции, которая не является ни пассивной, ни каузативной.

Ю. Е. Галямина, описывая случаи, когда в разных языках у показателя каузатива появляются употребления, аналогичные пассиву, выделяет особый тип конструкций со своими специфическими свойствами, который является промежуточным звеном

между каузативом и пассивом — квазипассивные конструкции [Галямина 2006: 195–201] (термин «квазипассив» используется вслед за [Nedyalkov 1991: 13–15]). В том же значении, что и «квазипассив», автор употребляет словосочетание «рефлексивный каузатив», однако термин «квазипассив» является более удачным, поскольку словосочетание «рефлексивный каузатив» логичнее использовать применительно к собственно каузативным конструкциям, в которых объект каузируемого действия выражается рефлексивным местоимением.

Остановимся подробнее на том, как Ю. Е. Галямина определяет специфику квазипассива. С одной стороны, квазипассив отличается от каузатива: «В рефлексивном каузативе такое же количество семантических актантов, играющих те же семантические роли, что и в простом каузативе, но в связи с тем, что каузатор интерпретируется одновременно как пациент основного действия, эти две семантические валентности выражаются только один раз на синтаксическом уровне подлежащим глагола» [Галямина 2006: 196]. Иными словами, в квазипассиве (рефлексивном каузативе) совпадение ролей уже не обозначается рефлексивным местоимением. Отличие от каузатива на семантическом уровне заключается в том, что каузатор обладает меньшей агентивностью: «агентивные свойства каузатора, совпадающего референциально с претерпевающим пациентом, сведены к минимуму: он не инициирует и не контролирует действие, а лишь не оказывает ему сопротивление» [Галямина 2006: 197].

С другой стороны, что более важно для нас, квазипассив отличается и от собственно пассива, поскольку у него сохраняются семантические черты от каузатива, которых нет у пассива: «Семантически пассив и квазипассив отличаются только указанием на наличие действия каузации со стороны пациента» [Галямина 2006: 199]. Таким образом, при квазипассиве подлежащее в определенной степени продолжает быть каузатором. При этом тип такой каузации зависит от лексической семантики глагола — при глаголах, выражающих нежелательное для пациента-каузатора действие, каузация «указывает на отсутствие успешного сопротивления происходящему со стороны каузатора», а при глаголах, «обозначающих желательное или нейтральное для пациента действие», каузация может быть пермиссивной или фактитивной

[Галямина 2006: 199]. Поскольку квазипассивные конструкции в рассмотренном описании обладают своим особым значением, то далее можно говорить о семантике квазипассива.

Рассмотрим пример из калмыцкого языка, в котором каузативный показатель, присоединяясь к глаголу, не подвергающемуся деагентивации, выражает квазипассивное значение, противопоставленное просто пассивному значению, которое выражается суффиксом *-gdə*:

(57) *xulxačə mana noxa-var bärə-gdə-v*
вор мы.GEN собака-INS держать-PASS-PST
'Вор был пойман нашей собакой'

(58) *xulxačə mana noxa-var bär-ül-əv*
вор мы.GEN собака-INS держать-CAUS-PST
'Вор был пойман нашей собакой'

Переводы предложений (57) и (58) совпадают. Однако в (58) прибавляется значение того, что причиной события оказался сам объект действия, его качества, неумение или неспособность сопротивляться, при переводе было дано пояснение: «вор был пойман из-за того, что не знал, куда бежать». А предложение (57) нейтрально в этом отношении — здесь нет информации о какой-либо дополнительной каузации.

При глаголах, которые характеризуются как «обозначающие желательное или нейтральное для пациенса действие», также наблюдается противопоставление пассивного и квазипассивного значений:

(59) *ükər Ajsa-var saa-gdə-v*
корова Айсa-INS доить-PASS-PST
'Корова была подоена Айсой'.

(60) *ükər Ajsa-var saa-lə-v*
корова Айсa-INS доить-CAUS-PST
'Корова подпустила Айсу, чтобы она ее подоила {а обычно она лягается}'.

Похожие пары значений возможны, например, при глаголе *ика-* 'мыть':

(61) *kövü-n ика-gdə-v*
мальчик-EXT мыть-PASS-PST
'Ребенок был помыт'.

Таблица 3. Оформление глагола в пассивной конструкции

Глаголы, которые в пассивной конструкции оформляются только суффиксом <i>-gdə</i>	Глаголы, которые в пассивной конструкции оформляются только показателем каузатива
<i>al-</i> ‘убить’; <i>däül-</i> ‘завоевать’; <i>däivr-</i> ‘задавить’; <i>orša-</i> ‘похоронить’; <i>ösk-</i> ‘вырастить’; <i>täv-</i> ‘положить (в кровать)’; <i>tuu-</i> ‘гнать’	<i>emn-</i> ‘лечить’; <i>kürg-</i> ‘проводать’; <i>tu kel-</i> ‘обзывать’ (букв.: ‘плохое говорить’); <i>ora-</i> ‘хлестать’; <i>šavd-</i> ‘хлестать’; <i>tär-</i> ‘делать укол’; <i>uurl-</i> ‘отругать’; <i>хиç-</i> ‘накрыть (одеялом)’

(62) *kövü-n* *ика-лвə-v*

мальчик-EXT мыть-CAUS-PST

а) ‘Ребенок дал себя помыть {не капризничал}’; б) ‘Ребенок попросил, чтобы его помыли’.

Итак, мы видим, что здесь показатель каузатива и суффикс *-gdə* противопоставлены: один имеет пассивное значение, а другой — квазипассивное.

3.3. Лексическая мотивация

Однако, как оказалось, противопоставление пассивных и квазипассивных конструкций довольно неустойчиво. Оно наблюдается не для всех глагольных лексем, и даже там, где оно возможно, не все информанты признают его обязательность. При многих глаголах, не подвергающихся деагентивации, выбор между суффиксом *-gdə* и показателем каузатива при образовании пассивной или квазипассивной конструкции определяется лексически, иными словами, только один из показателей оказывается закрепленным за лексемой, и противопоставление пассива и квазипассива при ней невозможно.

В Таблице 3 глагольные лексемы распределены по двум столбцам в зависимости от того, с каким из показателей они образуют пассив (при одушевленном подлежащем):

(63) *xal'ng-ud* *nemš-tə* *däülə-gdə-v* /
 калмык-PL немец-DAT завоевывать-PASS-PST
 **däül-ülə-v*
 завоевывать-CAUS-PST
 ‘Калмыки были завоеваны немцами’.

- (64) *bi sän emč-är tär-ülə-v /*
 я.NOM хороший врач-INS делать.укол-CAUS-PST.1SG
**tärə-gdə-v*
 делать.укол-PASS-PST.1SG
 ‘Мне сделал укол хороший врач’.

Распределение по столбцам при некоторых глаголах отражает скорее не строгое правило, а «предрасположенность» глагола образовывать пассивную форму либо с одним, либо с другим показателем. Например, при глаголах *хиč-* ‘накрыть (одеялом)’ и *иurl-* ‘отругать’ некоторые информанты иногда допускают и суффикс *-gdə*, но показатель каузатива предпочтительнее. Однако при других глаголах закономерность носит жесткий характер, например, при *tär-* ‘делать укол’ всегда допускался только каузативный показатель, а при *al-* ‘убить’ и *däül-* ‘завоевать’ — только суффикс *-gdə*.

Таким образом, разные глагольные лексемы, не допускающие деагентивацию, в конструкции с одушевленным пациенсом-подлежащим имеют разные возможности оформления:

- суффикс *-gdə* (пассивное значение) или показатель пассива (квазипассивное значение);
- только суффикс *-gdə* (пассивное значение);
- только показатель каузатива.

Что касается последнего варианта оформления конструкции, то не совсем понятно, следует ли рассматривать такие конструкции как пассивные или как квазипассивные. Есть ли, например, в высказывании (64) семантика каузации со стороны пациента — ‘Мне сделал укол хороший врач {я позволили врачу сделать себе укол, я не сопротивлялся}’? Или же такая семантика не входит в значение каузативного показателя при данном глаголе? Если судить по ответам информантов, то семантика каузации со стороны подлежащего в данном случае возможна, но совсем не обязательна. По-видимому, поскольку здесь невозможно противопоставление двух форм, то и противопоставление двух данных значений (пассива и квазипассива) нечетко в сознании носителей языка.

Те же вопросы возникают и в случае, когда каузативная морфема оформляет глаголы, допускающие деагентивацию. Здесь пассив так же, как и, например, в (64), не может выражаться показателем *-gdə*, следовательно, он либо выражается каузативным

показателем, либо вообще не выражается никак при таких глаголах, если считать, что каузативная морфема — это показатель квазипассива. Хотя здесь, по-видимому, не может быть однозначного решения, нам все же кажется более предпочтительным считать, что в случае, когда показатель *-gdə* не может иметь пассивное значение, каузативный показатель как раз и выступает как маркер этого значения.

В разделе 2.3 в Таблице 2 уже было показано, какие значения может иметь суффикс *-gdə* в зависимости от лексического класса переходного глагола и от одушевленности/неодушевленности подлежащего. Ниже приведена Таблица, где помимо этой информации также показано то, как суффикс *-gdə* противопоставлен каузативному показателю:

Таблица 4. Значения суффикса *-gdə* при переходных глаголах и его соотношение с показателем каузатива в конструкциях с подлежащим-пациентом

		Неодушевленное подлежащее	Одушевленное подлежащее
Глаголы, не допускающие деагентивацию	Квазипассив	–	CAUS
	Пассив	<i>-gdə</i>	<i>-gdə</i> / CAUS
	Декаузатив	–	–
Глаголы, допускающие деагентивацию	Квазипассив	–	(CAUS)
	Пассив	<i>-gdə</i>	CAUS (* <i>-gdə</i>)
	Декаузатив	<i>-gdə</i>	<i>-gdə</i>

Сначала обратим внимание на столбец с одушевленным подлежащим. При глаголах, не допускающих деагентивацию, всегда должен присутствовать агентивный исполнитель, и декаузативное значение невозможно. Суффикс *-gdə* и показатель каузатива, будучи противопоставлены (хотя, как уже было сказано, это возможно не при всех переходных глаголах данного класса), различаются благодаря пермиссивной семантике, имеющейся у показателя каузатива. А при глаголах, которые допускают деагентивацию, значения данных показателей противопоставлены уже по другому признаку: по наличию или отсутствию агентивного исполнителя, — они различают пассив и декаузатив. Таким образом, при данной группе глаголов показатель каузатива «вытеснил» суффикс *-gdə* из пассивных конструкций.

Для большей наглядности противопоставление значений квазипассива, пассива и декаузатива можно представить в виде следующей Таблицы:

Таблица 5. Противопоставление квазипассива, пассива и декаузатива

	Каузация со стороны подлежащего-пациенса	Агентивный исполнитель	
квазипассив	+	+	только CAUS
пассив	–	+	- <i>gdə</i> / CAUS
декаузатив	–	–	только - <i>gdə</i>

Положительное значение и того, и другого признака соответствует большей агентивности ситуации. В связи с этим можно сделать следующее обобщение: и при глаголах, не допускающих деагентивацию, и при глаголах, допускающих деагентивацию, суффикс *-gdə* и показатель каузатива противопоставлены таким образом, что большая агентивность оказывается на стороне последнего.

Что касается конструкций с неодушевленным подлежащим, то здесь показатель каузатива невозможен при значении пассива, и это, по-видимому, связано с тем, что неодушевленный пациент в принципе не может быть пермиссивным каузатором, т. е. объясняется происхождением данного показателя.

Таким образом, показатель каузатива уже, по-видимому, может быть показателем не только квазипассива, но и собственно пассива, но при этом все еще сохраняется ограничение, заключающееся в недопустимости неодушевленного подлежащего.

4. Употребление показателя *-gdə* при непереходных глаголах

М. Сибатани пишет, что, как правило, если в языке существует возможность образования пассива от синтаксически непереходных глаголов, то такой способностью обладают не все непереходные глаголы, а лишь те, которые обозначают более агентивные ситуации [Сибатани 1999]. Поскольку агентивность ситуации — это один из признаков семантической переходности, то данное явление свидетельствует о том, что не синтаксическая, а «именно семантическая переходность играет решающую роль для понимания природы залога» [Сибатани 1999: 279]. Таким образом, для понимания процесса образования морфологически пассивных форм непереходных

глаголов важно противопоставление двух семантических классов переходных глаголов: агентивные и неагентивные переходные глаголы.

Разделение переходных глаголов на агентивные и неагентивные оказывается релевантно для показателя *-gdə*. Однако, как будет показано ниже, гипотеза о том, что он может сочетаться только с первыми, не полностью подтверждается для калмыцкого языка.

4.1. *Употребление показателя -gdə при агентивных переходных глаголах*

Сочетаясь с глаголами данного класса, показатель *-gdə* получает одно из двух значений: экспериенциальный пассив или каузальный пассив (если использовать термины из [Лютикова и др. 2006]).

Предикаты конструкций со значением экспериенциального пассива «обозначают эмоциональное/физическое состояние референта дативной ИГ, связанное с его способностью участвовать в ситуации, описываемой глагольной основой» [Лютикова и др. 2006: 70]. По сравнению с исходной конструкцией ситуация (и ее основной участник) становится менее агентивной — здесь совершение действия зависит уже не от самого участника, а от каких-либо обстоятельств. Участник ситуации переходит в разряд экспериенцера, что и отражается его дативным оформлением:

(65) *küük-də jöv-sən Badma-də säänär*
 девочка-DAT ходить-PC.PST Бадма-DAT хорошо
ködlə-gd-nä
 работать-PASS-PRS
 ‘Бадме хорошо работается, когда дети уходят’.

(66) *Ajsa-də тийвар биилə-gd-nä*
 Айса-DAT плохо танцевать-PASS-PRS
 ‘Айсе плохо танцуется’ {у нее нет сегодня настроения танцевать}.

Экспериенцер может не выражаться, и тогда он определяется по контексту, или является обобщенным по значению, как в следующем примере:

(67) *asx-ar ertə unt-xla, örii-n ertə*
 вечер-INS рано спать-CV.SUCC утро-EXT рано
bos-gd-na
 вставать-PASS-PRS
 ‘Если рано лечь спать, утром рано хорошо встается’.

В конструкциях со значением каузального пассива вводится внешний каузатор, который «вытесняет» основной аргумент глагола из позиции инициатора, в связи с чем последний становится менее агентивным. Как и в случае с экспериенциальным пассивом, исходное подлежащее либо оформляется дативом, либо не выражается (или не выражается и выводится из контекста).

В качестве внешнего каузатора выступает некоторое событие, обстоятельство, природное условие (интересно, что при каузальном пассиве допустим тот же тип каузаторов, что и при декаузативе, — о возможных при декаузативе типах «неагентивного каузатора» упоминалось в 2.2.1).

(68) *avtobus xamxr-ad, (madn-də) gostinic-ür*
 автобус ломаться-CV.ANT мы-DAT гостиница-DIR
irə-gdə-v
 приходиться-PASS-PST
 ‘Автобус сломался, и (нам) пришлось пойти в гостиницу’.

(69) *endər ödr-in duusən kevtə-gdə-v*
 сегодня день-GEN продолжительность лежать-PASS-PST
 ‘Мне пришлось пролежать сегодня целый день’ {из-за плохой погоды и из-за плохого самочувствия}.

В примере (68) есть событие-каузатор ‘автобус сломался’, а в примере (69) подразумевается каузатор ‘плохая погода’ или ‘плохое самочувствие’.

Интересной чертой конструкций с каузальным пассивом является то, что в них есть фактивная импликация того, что действие, выраженное глаголом с суффиксом *-gdə*, совершается:

(70) *xööç-tə örü-n ertə bos-gd-na*
 чабан-DAT утро-EXT рано встать-PASS-PRS
 а) ‘Пастуху приходится вставать рано’ {импликация: Он это делает}; б) *‘Пастуху нужно вставать рано’ {неизвестно, делает ли он это или нет}’.

(71) *madən-də güüi-gdə-žä-nä*
 мы-DAT бежать-PASS-PROG-PRS
 а) {Из-за того, что мы опаздываем,} ‘нам приходится бежать’ {импликация: мы бежим}; б) *‘{Мы опаздываем на урок} нам нужно бежать, {но мы еще пока не бежим}’.

(72) *Baatr-tə ködlə-gd-nä*

Батыр-DAT работать-PASS-PRS

{У Батыра умерли родители}, и ему приходится работать {импликация: он работает}'; б) *'{Батыр уже взрослый}, ему нужно работать'.

Логично предположить, что этот аспект значения показателя *-gdə* в рассматриваемых конструкциях наследуется им от прототипического пассива (при пассивизации глагола сохраняется импликация того, что действие совершается)⁷.

Что касается соотношения экспериенциального и каузального пассива, то здесь нет распределения по глагольным лексемам. Присоединяясь к одной и той же глагольной основе, в одних случаях пассивная морфема дает значение экспериенциального пассива, а в других — каузального.

Важно отметить, что при агентивных непереходных глаголах показатель *-gdə* не только понижает синтаксический ранг основного аргумента, но и обязательно вносит дополнительное значение. Иными словами, показатель пассива в калмыцком языке не может быть показателем имперсонала, как это происходит, например, в немецком языке: *Hier wurde getanzt* 'Здесь танцевали'. (букв.: 'здесь танцевалось').

Если же к непереходному глаголу присоединяется пассивная морфема, то обязательно появляется дополнительная семантика:

(73) *en kazər-tə biilə-gd-nä*

этот земля-DAT танцевать-PASS-PRS

'Здесь хорошо танцевать'.

*'Здесь танцуют'.

4.2. Употребление показателя *-gdə* при неагентивных непереходных глаголах

Несмотря на то, что, в соответствии с гипотезой М. Сибатани, показатель пассива должен присоединяться только к таким непереходным глагольным лексемам, которые обозначают более агентивные ситуации, оказалось, что в калмыцком языке инхоативные глаголы с неодушевленным пациенсом, которые, разумеется, не могут обладать никакими признаками агентивности, все же

⁷ За эту идею благодарю А. Б. Летучего.

способны присоединять показатель *-gdə*. Показатель *-gdə* не может присоединяться к таким неагентивным глаголам, у которых нет значения изменения состояния, например, к глаголам *zogs-* ‘стоять (например, о столе)’, *kevt-* ‘лежать (например, о камне)’ и т. д.

Рассмотрим следующие примеры:

- (74) *xur or-ad, tüümər untrə-gdə-v*
 дождь входит-CV.ANT пожар гаснуть-PASS-PST
 ‘Прошел дождь, и пожар погас’.
- (75) *tüümər untrə-v*
 пожар гаснуть-PST
 ‘Пожар погас’.

Примеры (74) и (75) различаются наличием или отсутствием внешнего каузатора. В (74) показатель *-gdə* указывает на то, что у события ‘пожар погас’ есть внешняя причина, и в данном случае этой причиной является другое событие: ‘прошел дождь’. Напротив, в примере (75) нет никакого указания на внешнего каузатора.

Внешняя причина, которая предполагается в морфологически пассивной форме инхоативного глагола, является тем же семантическим компонентом, который есть и в декаузативной конструкции, а также при каузальном пассиве. При этом между конструкциями с исходно агентивными глаголами (декаузативом и каузальным пассивом) и конструкциями с неагентивными глаголами, рассматриваемыми здесь, существует очень важное различие. При декаузативе и каузальном пассиве, образованном от агентивных глаголов, показатель *-gdə* маркирует понижение агентивности ситуации, а при присоединении данного показателя к неагентивным инхоативным глаголам понижения агентивности не может быть, поскольку ее нет изначально. Таким образом, во втором случае суффикс *-gdə* является только показателем того, что вводится неагентивный каузатор. Подобное явление отмечается и в карачаево-балкарском языке — там показатель пассива также может присоединяться к одностным пациентивным глаголам и маркировать введение неагентивного каузатора [Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006: 404–406]. А. А. Бонч-Осмоловская и Е. А. Лютикова подчеркивают необычность данного явления, указывая на то, что показатель пассива в этом случае употребляется в функции, противоположной пассиву, поскольку

он не уменьшает, а, напротив увеличивает количество участников ситуации, вводя нового каузатора. Однако если учитывать не только изменение количества участников, но и то, каким образом изменяется общая агентивность обозначаемой ситуации, то рассматриваемая функция показателя каузатива не представляется столь необычной. Дело в том, что если пациент просто участвует в ситуации, где агенса нет, то такая ситуация в целом менее пациентивна по сравнению с той, в которой пациент подвергается воздействию внешнего агенса⁸. Следовательно, в предложении (74) суффикс *-gdə* выступает показателем большей пациентивности по сравнению с примером (75). А увеличение пациентивности — это значение, которое вполне типично для пассива.

В рассматриваемом типе пассивной конструкции допустим не любой тип каузатора. Если каузатор является агентивным, то пассивная морфема не может присоединяться к глагольной основе непосредственно. Сначала глагол должен подвергнуться каузативации и стать переходным (примеры (76)–(77)), и только затем присоединяется пассивная морфема, и каузатор понижает свой статус:

(76) *ger šatə-v*
 дом гореть-PST
 ‘Дом загорелся’.

(77) *Batr ger šat-a-və*
 Батыр дом гореть-CAUS-PST
 ‘Батыр поджег дом’.

(78) *ger Batr-ar šat-a-gdə-v / *šatə-gdə-v*
 дом Батыр-INS гореть-CAUS-PASS-PST гореть-PASS-PST
 ‘Дом был подожжен Батыром’.

В примере (78) есть намеренно действующий участник ‘Батыр’, поэтому показатель *-gdə* может присоединяться к глагольной основе только вместе с каузативным показателем и выступает в данном случае как показатель обычного пассива.

Однако важно отметить, что для показателя *-gdə* данная функция — маркирование введения неагентивного каузатора при инхоативном глаголе — является очень неустойчивой. Варианты

⁸ За эту идею я благодарю А. Б. Летучего.

глагольных форм с пассивной морфемой и без нее часто оказываются взаимозаменяемыми, например:

- (79) *Baatr-in tölä teg šatə-gdə-v / šatə-v*
 Батыр-GEN из-за степь гореть-PASS-PST гореть-PST
 ‘Степь загорелась из-за Батра’.

Информанты часто предпочитают вариант без пассивной морфемы, а некоторые вообще разрешают только его. Таким образом, данное употребление показателя *-gdə* является скорее маргинальным и неустойчивым.

Итак, в калмыцком языке все же не только агентивные непереходные глаголы могут подвергаться деагентивации, однако у неагентивных непереходных глаголов эта способность ограничена.

5. Выводы

Показатель пассива *-gdə* имеет разветвленную сеть значений, и собственно пассив — это лишь одно из них. При переходных глаголах он может выступать в пассивной или в декаузативной конструкции, основное различие между которыми заключается в том, что при пассиве есть агентивный исполнитель, а при декаузативе — нет (исполнитель как таковой есть, но он является неагентивным и фоновым), при этом декаузативное значение возможно только у тех глаголов, которые допускают деагентивацию. Интересной особенностью калмыцкого языка является то, что к декаузативным в нем также относятся такие конструкции, в которых исполнитель совпадает с подлежащим, но при этом является неагентивным, например ‘Бадма испачкался’ (собственно рефлексивные конструкции, где исполнитель, кореферентный подлежащему, является агентивным, в калмыцком языке оформляются по-другому). Таким образом, показатель *-gdə* допускает, чтобы референт подлежащего обладал агентивностью в той мере, чтобы быть физическим исполнителем действия.

У показателя *-gdə* обнаружилось довольно неожиданное ограничение на способность выступать маркером пассива, связанное с одушевленностью/неодушевленностью подлежащего. Если при неодушевленном подлежащем пассив может оформляться суффиксом *-gdə* и при глаголах, которые допускают деагентивацию, и при глаголах, которые не допускают деагентивацию,

то в конструкциях с одушевленным подлежащим он не может выступать показателем пассива в том случае, когда глагольная лексема допускает два типа ситуации: с агентивным исполнителем и без него, — т. е. при глаголах, допускающих деагентивацию. Это ограничение связано с тем, что если подлежащее является одушевленным, то маркером пассива в калмыцком языке может также выступать показатель каузатива — в качестве своего периферийного употребления, восходящего к рефлексивной каузативной конструкции. Если глагол допускает деагентивацию, то в случаях, когда деагентивация происходит, глагол оформляется суффиксом *-gdə*, а когда она не происходит, — показателем каузатива. Если же глагол не допускает деагентивацию, данные показатели противопоставляются по другому критерию: каузатив оформляет конструкции, где сохраняется значение пермиссивной каузации со стороны участника, выраженного подлежащим, а пассив оформляет собственно пассивные конструкции, где нет этого компонента значения. Таким образом, противопоставляясь показателю *-gdə*, показатель каузатива в обоих случаях выступает в конструкциях, которые обозначают более агентивную ситуацию, в чем, по-видимому, проявляются следы его происхождения. В результате распространения сферы употребления каузативного показателя суффикс *-gdə* оказывается «вытеснен» из таких пассивных конструкций, где подлежащее является одушевленным, а глагол допускает деагентивацию.

Показатель *-gdə* также может сочетаться с непереходными глаголами. Присоединяясь к непереходным глаголам, которые обозначают контролируемое действие, он выражает значение экспериенциального или каузального пассива, и, следовательно, выступает показателем того, что происходит определенное понижение агентивности ситуации. Кроме того, при этих значениях вводится внешний каузатор.

Однако пассивная морфема может также присоединяться к инхотативным глаголам с неодушевленным пациенсом — то есть к глаголам, обозначающим ситуации, которые не обладают никакими признаками агентивности. Особенностью этого употребления является то, что здесь показатель *-gdə* маркирует только введение неагентивного каузатора в семантику события. Однако эта функция, в отличие от первой, для калмыцкого языка оказывается скорее маргинальной и неустойчивой.

Литература

- Галямина Ю. Е. 2006. *Транзитивность, залог и лексическая семантика глагола*. Диссертация ... канд. филол. наук. М.
- Крапивина К. А. Причастие в роли сказуемого относительного оборота в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Летучий А. Б. 2006. *Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты*. Диссертация ... канд. филол. наук. М.
- Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. 2006. *Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке*. М.
- Недялков В. П. 1964. О связи каузативности и пассивности // *Ученые записки Башкирского Университета*, 21. Серия филологических наук 9. Уфа. С. 301–310.
- Падучев Е. В. 2001. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // *Русский язык в научном освещении*. 1. М. С. 52–79.
- Плунгян В. А. 2000. *Общая морфология. Введение в проблематику*. М.: Эдиториал УРСС.
- Сай С. С. Аргументная структура калмыцких каузативных конструкций. Настоящий сборник.
- Санжеев Г. Д. 1963. *Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол*. М.
- Санжеев Г. Д. (ред.). 1983. *Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Сибатани М. 1999. Переходность и залог в свете фактов японского языка // Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г. (ред.). *Типология и теория языка. От описания к объяснению: К 60-летию А.Е. Кибрика*. М.: Языки русской культуры. С. 274–289.
- Харчевникова Р. П. 1996. *Система глагола в современном литературном калмыцком языке*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.
- Храковский В. С. 1974. Пассивные конструкции // Холодович А. А. (ред.) *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов*. Л. С. 5–46.
- Gabelentz von der H. C. 1861. *Über das Passivum*. Leipzig.
- Haspelmath M. 1990. The grammaticization of passive morphology // *Studies in Language*, 14. No. 1. P. 25–72.
- Haspelmath M. 1993. More on the typology of inchoative / causative verb alternations // Comrie B., Polinsky M. (eds.). *Studies in language companion series*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. P. 87–120.
- Hopper P. J., Thompson S. A. 1980. Transitivity in Grammar and Discourse // *Language*, 56. P. 251–299.

- Keenan E. 1985. Passive in the world's languages // Shopen T. (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*, 1. Cambridge: Cambridge University Press. P. 243–281.
- Letuchiy A. 2006. Case marking, possession and syntactic hierarchies in Khakas causative constructions // Kulikov L., Malchukov A., de Swart P. (eds.). *Case, valency and transitivity*. Amsterdam: John Benjamins. P. 417–440.
- Lyutikova E. A., Bonch-Osmolovskaya A. A. 2006. A very active passive: Functional similarities between passive and causative in Balkar // Kulikov L., Malchukov A., de Swart P. (eds.). *Case, valency and transitivity*. Amsterdam: John Benjamins. P. 393–416.
- Nedyalkov I. V. 1991. Recessive-Accessive Polysemy of Verbal Suffixes // *Languages of the World*, 1. P. 4–31.

АРГУМЕНТНАЯ СТРУКТУРА КАЛМЫЦКИХ
КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ¹

Светлой памяти
Владимира Петровича Недялкова

1. Введение

1.1. Определение канонической каузативной конструкции

Под **каноническими каузативными конструкциями** принято понимать производные конструкции, подобные приведенной в примере (1). Необходимые признаки канонической каузативной конструкции выявляются путем ее сопоставления с **исходной** (некаузативной) конструкцией (2):

- (1) *ežə-n ködəlməšč-är xö al-ulə-v*
хозяин-EXT работник-INS овца убить-CAUS-PST
'Хозяин заставил работника зарезать барана'.
- (2) *ködəlməščə xö alə-v*
работник овца убить-PST
'Работник зарезал барана'.

Производная каузативная конструкция отличается от исходной и в плане **структуры события**, и в плане **ролевой структуры**, и в **синтаксическом плане**. Так, в калмыцком предложении (1)

¹ Представленное здесь исследование осуществлялось при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий». Я хотел бы выразить искреннюю признательность Рупрехту фон Вальденфельсу, Михаилу Даниэлю, Дарье Мищенко, Софье Оскольской и Марии Холодиловой, прочитавшим первую версию данной статьи и высказавшим ценные соображения, способствовавшие ее улучшению. Ответственность за все остающиеся ошибки и недостатки лежит, разумеется, целиком на совести автора. В этом исследовании я опираюсь на основополагающие идеи об устройстве каузативных конструкций, высказанные моим учителем, Владимиром Петровичем Недялковым.

выражено сложное **каузативное событие**, состоящее из двух **подсобытий: каузируемого** ('работник зарезал барана') и **каузирующего** (в данном случае это приказ или просьба хозяина, который каузирует работника совершить необходимое действие). В ролевом отношении каноническая каузативная конструкция отличается от исходной тем, что в ней появляется **новый участник** (хозяин в приведенном примере), имеющий роль **каузатора**. Синтаксическим проявлением сказанного является то, что количество синтаксических актантов **увеличивается на один**. Новый участник-каузатор вводится в позицию, характерную для агентивных участников переходной конструкции. Поскольку здесь и далее речь пойдет о синтаксически аккузативных языках (к числу которых относится калмыцкий), можно сказать, что участник-каузатор всегда вводится в позицию **подлежащего**, а каузируемый участник получает синтаксический ранг **ниже подлежащего** (в приведенном примере он оформляется дополнением в инструменталисе).

В каноническом случае изменения в трех названных плоскостях наблюдаются одновременно и соответствуют друг другу (новый участник, синтаксически выраженный в позиции **подлежащего**, является носителем **роли каузатора** в рамках **каузирующего подсобытия**). Думается, что именно поэтому при типологическом определении каузатива разные исследователи могут заострять внимание на разных аспектах изучаемой деривации (так, синтаксическое устройство каузативных конструкций может рассматриваться скорее как следствие двухкомпонентности структуры каузативного события [Недялков, Сильницкий 1969а: 6; Shibatani 1976; Pykkänen 2002] или скорее как следствие изменения ролевой структуры предиката [Dixon 2000; Плуноян 2003]), при том что содержательно понимание каузативной конструкции у них в целом совпадает.

При каузативной деривации часто происходит перераспределение агентивных свойств. Так, при нормальном прочтении некаузативной конструкции (2) все агентивные свойства сосредоточены на одном участнике (работнике), который и выражен подлежащим. В каузативной же конструкции (1) агентивные свойства **разделены** между каузатором, занимающим позицию подлежащего, и каузируемым: волитивный компонент скорее

характеризует каузатора, ‘хозяина’, в то время как контроль над протеканием каузируемого события остается у ‘работника’, т. е. у реального исполнителя действия.

Характер такого перераспределения связан с теми отношениями, которые устанавливаются между каузирующим и каузируемым событием. Так, при каузации агентивных событий это перераспределение часто происходит по сценарию, напоминающему тот, который был проиллюстрирован на примерах (1) и (2). Здесь каузирующее и каузируемое события могут быть разнесены по времени, месту и набору участников (например, приказ работнику может быть отдан задолго до исполнения действия и в другом месте); в таких случаях говорят о **дистантной** каузации. О **контактной** каузации говорят в тех случаях, когда два события более тесно связаны друг с другом (например, это характерно для каузации неконтролируемых одноместных предикатов, скажем, при образовании каузатива ‘(за)жечь’ от глагола ‘гореть’):

- (3) *bi kerosi-n-ä lamp šat-a-la-v*
 я.NOM керосин-EXT-GEN лампа гореть-CAUS-REM-1SG
 ‘Я зажег керосиновую лампу’.

При контактной каузации агентивные свойства в каузативной конструкции обычно полностью сосредоточены на новом участнике-каузативе, как в приведенном примере.

Каузативный предикат может находиться в разных формальных отношениях с исходным предикатом (о типологии этих противопоставлений см., прежде всего, [Недялков, Сильницкий 1969b; Haspelmath 1993]). Так, в ряде языков для выражения каузации используются **аналитические** конструкции (русское *дать воде закипеть*, английское *make someone understand*). Иногда пары исходный предикат — производный каузативный предикат образуют нерегулярные соотношения, лежащие в области глагольного лексикона (русское *путь — поить*, английское *rise — raise*); в таких случаях говорят о **лексических** каузативах. Наконец, о **морфологическом** каузативе говорят в тех случаях, когда в том или ином языке представлен более или менее регулярный морфологический процесс образования маркированных каузативных глаголов от немаркированных некаузативных, ср. *al-* ‘зарезать’ и *al-ul-* ‘зарезать-CAUS’ в калмыцких примерах (1) и (2).

1.2. Способы выражения каузации в калмыцком языке, цели исследования и структура работы

Настоящая работа посвящена **аргументной структуре** тех калмыцких каузативных конструкций, в которых каузативная семантика выражается **морфологически**, т. е. при помощи **производных каузативных глаголов**. Следует, однако, помнить, что каузативная семантика может выражаться в калмыцком языке и другими способами — **аналитически** и **лексически**. Так, аналитические (бипредикативные) конструкции могут использоваться для выражения дистантной каузации. В таких случаях каузирующее событие выражается при помощи матричного глагола, а каузируемое — при помощи сентенциального актанта этого глагола.

Следует отметить, что в калмыцком языке отсутствуют матричные глаголы, выражающие обобщенную семантику каузации (типа английского *make* или французского *faire*). Другими словами, матричные предикаты в калмыцких аналитических каузативных конструкциях выражают не просто семантику каузации как таковой, но и определенным образом характеризуют способ осуществления этой каузации. Например, семантика **пермиссива** (позволения) может быть выражена при помощи матричного предиката *zövə ögə-* ‘позволять’ (буквально ‘дать право’):

- (4) *bağšə surbul'č-nər-tə biil-xə zövə*
 учитель ученик-PL-DAT танцевать-PC.FUT право
ög-və
 дать-PST

{Учитель очень строгий. Но сегодня в школе день выпуска, и} ‘учитель разрешил ученикам потанцевать’.

Словесный приказ может быть выражен матричным директивным глаголом *zakə-* ‘приказать’, как в следующем примере:

- (5) *bağšə küüikt-än škol-in dvor-tə*
 учитель дети-P.REFL школа-GEN двор-DAT
güüi-x-igə zakə-v
 бежать-PC.FUT-ACC приказать-PST
 ‘Учитель заставляет детей бегать во дворе школы’.

Таким образом, в некоторых случаях возможна конкуренция между морфологическим каузативом и конструкцией

с сентенциальным актантом, в которой в семантику матричного предиката входит каузативный компонент. Следующее предложение с морфологическим каузативом является переводом того же стимула, что и предложение (5):

- (6) *bagʂə küükt-än škol-in dvor-tə*
 учитель дети-P.REFL школа-GEN двор-DAT
güü-lə-v
 бежать-CAUS-PST
 ‘Учитель заставляет детей бегать во дворе школы’.

В полипредикативной конструкции (4), (5) акт каузации (выраженный самостоятельной лексемой) и каузируемое событие осмысляются как более независимые друг от друга. Существенно то, что при контактной каузации бипредикативные каузативные конструкции не используются — соответствующего матричного глагола в калмыцком языке просто нет. Далее структура бипредикативных конструкций с каузативной семантикой в настоящей статье не рассматривается (см. о них [Князев, настоящий сборник]).

В ряде случаев наблюдается конкуренция и между морфологическим и лексическим каузативом. Так, семантика каузации смерти может быть выражена и производным каузативным глаголом *ük-ül-* ‘убить, причинить смерть’ (‘умереть-CAUS’), и непроизводным глаголом *al-* ‘убить’, который можно трактовать как лексический каузатив. Иногда эти способы оказываются взаимозаменяемы, однако лексический каузатив тяготеет к большей контактности. Например, для выражения значения ‘убить ударом ножа’ может быть использован только лексический каузатив:

- (7) *bandit Badma-gə utx-ar šaa-ʒad*
 бандит Бадма-ACC нож-INS колоть-CV.ANT
*alə-v / *ük-ülə-v*
 убить-PST умереть-CAUS-PST
 ‘Бандит убил Бадму ударом ножа’.

Морфологический каузатив может оказаться предпочтительным в случае, если каузируемое действие осуществляется опосредованно, например, при семантике убийства по недосмотру:

- (8) *emč-nər* *Badm-igə* *säänär*
 врач-PL Бадма-ACC хорошо
xälä-l-go-n
 смотреть-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD
ük-ülə-v / ^{OK}*alə-v*
 умереть-CAUS-PST убить-PST

‘Врачи убили Бадму, потому что не осуществляли (не организовали) хорошего присмотра за ним’.

Таким образом, в плане распределения средств выражения в зависимости от структуры каузативного события калмыцкий язык демонстрирует типологически ожидаемую (см. хотя бы [Comrie 1981: 165; Comrie 1985: 333; DeLancey 1984]) картину: лексический каузатив (в тех случаях, когда он имеется) закреплен за более контактной каузацией, бипредикативные конструкции с сентенциальным актантом, напротив, используются лишь в случае дистантной каузации, морфологический каузатив в этом смысле занимает промежуточное положение и имеет зоны функционального наложения с другими средствами. В калмыцком языке из трех названных способов выражения каузативного значения морфологический каузатив является наиболее частотным в текстах, именно он является основным объектом рассмотрения в данной статье.

В разделе 2 будет кратко рассмотрена проблема морфологического выражения каузатива в калмыцком языке. Далее в центре внимания будут находиться синтаксические структуры, используемые при морфологически производных каузативных глаголах. В разделе 3 обсуждаются канонические аргументные структуры при каузативных глаголах (способы кодирования участников и — кратко — их синтаксические свойства). В разделе 4 рассматриваются некоторые отклонения от канонических схем. В разделе 5 изучается вопрос о роли каузативных глаголов при встраивании отдельных клауз в структуру дискурса. Наконец, в разделе 6 подводятся основные итоги исследования.

2. Глагольное маркирование каузатива в калмыцком языке

Каузативация является чрезвычайно продуктивным и пространственным морфологическим процессом в калмыцком языке. Несколько упрощая действительность, можно сказать, что практически от любого калмыцкого глагола можно образовать каузативный дериват².

В калмыцком языке, как и в других монгольских языках, представлено одновременно несколько морфологических показателей каузатива³. К числу этих показателей относятся по крайней мере следующие пять: *-ul*, *-a*⁴, *-lvə*, *-və*, *-xə*⁵.

Распределение рассматриваемых пяти суффиксов по глагольным основам во многом определяется характером основы,

² В ходе экспедиций 2007-2008 года путем прямого опроса по анкетам была проверена возможность образования морфологического каузатива от всех глаголов, входящих в 100-словный список (см. о нем [Овсянникова, настоящий сборник]). В некоторых — немногочисленных, их число не превышает 5 — случаях информанты испытывали затруднения, когда перед ними ставилась задача привести ситуацию, в которой мог бы быть употреблен тот или иной каузативный глагол, например, каузативные дериваты от глаголов *čad-* ‘мочь’ или *tör-* ‘родиться’. Однако сами **формы** предполагаемых каузативных дериватов от этих глаголов все же признавались ими существующими словоформами родного языка (например, *čad-ulə-v* ‘мочь-CAUS-PST’, *tör-ülə-v* ‘родиться-CAUS-PST’). Таким образом, даже в этих случаях речь идет о неполной семантической естественности предполагаемых глаголов, а не о структурном запрете на их образование.

³ Здесь и далее не рассматриваются случаи, когда семантически каузативный глагол является не морфологически производным от некаузативного, а вступает с последним в эквиолентную оппозицию, ср. *xatxər-* ‘разбиваться, ломаться’ и *xatxəl-* ‘разбивать, разламывать’ (см. о таких парах [Недялков 1976: 46–47]).

⁴ Следует помнить, что основы, оканчивающиеся на шва (ə), при присоединении суффиксов, начинающихся на гласный, этот конечное шва теряют.

⁵ Здесь и далее суффиксы приводятся в виде тех алломорфов, которые реализуются в словах с задним сингармонизмом; в словах с передним сингармонизмом эти суффиксы реализуются как *-ül*, *-ä* (чередования гласных обусловлены сингармонизмом), *-lgə*, *-gə*, и *-kə* соответственно (чередования также связаны с явлением сингармонизма, но являются лишь историческими для современного калмыцкого языка).

при этом на выбор суффикса влияют как морфотактические, так и собственно грамматические факторы⁶.

Проблемы распределения каузативных показателей по глагольным основам довольно подробно освещаются в имеющейся литературе [Харчевникова 2002; Недялков 1976]. В частности, в последней работе показано, что сосуществование двух каузативных дериватов от одного исходного глагола фиксируется сравнительно редко. Проанализировав все каузативные глаголы, попавшие в словарь под редакцией И. К. Илишкина [Илишкин 1964], И. В. Недялков находит 74 такие пары; в подавляющем большинстве случаев между парами каузативных глаголов обнаруживаются определенные семантические различия, чаще всего один из глаголов выражает каузативное значение как таковое, а другой демонстрирует признаки лексикализации или фразеологизации. Строго говоря, само существование каузативных дублетов позволяет ставить вопрос о том, являются ли все названные суффиксы показателями одной грамматической категории или нескольких близких категорий (см. обзор существующих точек зрения на этот вопрос для различных монгольских языков в [Орловская 1999: 208–210]), однако для простоты здесь и в других материалах калмыцких экспедиций все перечисленные показатели глоссируются единообразно (CAUS).

В завершение обзора морфологической стороны каузатива хотелось бы отметить, что, как и в других монгольских языках, каузативные дериваты в калмыцком языке иногда могут быть образованы от глаголов, которые уже сами являются каузативными

⁶ Так, например, показатель *-лэ* (и его алломорфы) может присоединяться только к основам, заканчивающимся на гласный. Показатель *-а* (и его алломорф *-ä*) может присоединяться только к непроизводным непереходным глаголам, основы которых оканчиваются на согласный. Показатель *-э* присоединяется лишь к основам, оканчивающимся на плавные согласные *r* и *l*, а показатель *-хэ* — только к основам, оканчивающимся на согласные *s* и *d*. По всей видимости, наблюдаемые показатели каузатива все же можно свести к меньшему числу различных морфем (ср. [Крылов 2004: 75–76], где 6 основных показателей каузатива в родственном халха-монгольском сводятся к 3 различным морфемам, из которых остальные варианты выводятся по регулярным правилам).

дериватами, например, *kar-* ‘выходить’ → *kar-вэ-* ‘вытаскивать, выводить, выпускать’ → *kar-в-ул-* ‘заставлять вывести’, *kür-* ‘доходить, достигать’ → *kür-gə-* ‘доводить, доставлять’ → *kür-g-ül-* ‘велеть доставлять’. В обычном случае интерпретация таких образований с двойным каузативом подчиняется композиционной логике (V-CAUS-CAUS значит что-то вроде ‘каузировать каузировать V’, как в приведенных глаголах), однако зачастую второй показатель каузатива не вводит в структуру события еще одно дополнительное каузирующее подсобытие, а отражает особую семантику простой каузации⁷.

Наконец, стоит отметить, что каузативные дериваты от некоторых глаголов содержат показатели *-ва* и *-ха* (или их позиционные алломорфы), историческая природа которых не вполне понятна. Возможно, этимологически это две слившиеся морфемы, из которых собственно каузативной являлась первая. Об этом говорит существование таких дублетов, как, например, каузативы от глагола *nis-* ‘лететь’: *nis-kə-* и *nis-kä-* [Харчевникова 2002: 76]. Поскольку именно второй из этих глаголов употребляется как обычный каузатив в исследованных нами разновидностях калмыцкого языка, показатель *-kä* трактуется в подобных случаях как нечленимый показатель каузатива:

- (9) *ger-in* *ežə-n* *sogtu* *zalu-gə*
 дом-GEN хозяин-EXT пьяный мужчина-ACC
nis-kä-вäd *kar-вэ-ν*
 летать-CAUS-CV.ANT выходить-CAUS-PST
 ‘Хозяин дома выкинул (букв.: выгнал, заставив того лететь) пьяного мужчину’.

⁷ К. Ковальская приходит к выводу о том, что двойной каузатив может выражать значение более дистантной каузации, если за простым каузативом закреплено контактное значение, а также выражать значение интенсивности или многократности каузативного действия [Ковальская 2007: 17–20]. Эти наблюдения соответствуют и типологическим закономерностям употребления двойных каузативов в тех языках, где они возможны, о чем см. [Kulikov 1993].

3. Морфологический каузатив как повышающая актантная деривация

Далее в настоящей статье для простоты будем называть **каузативными конструкциями** конструкции калмыцкого языка, содержащие производный глагол, в составе которого имеется **морфологический показатель каузатива**, и его зависимые. Таким образом, с одной стороны, за рамками рассмотрения оказываются каузативные конструкции, в которых семантика каузации выражается не морфологическими, а лексическими или синтаксическими средствами. С другой стороны, в число каузативных конструкций в принятом понимании попадают как структуры, в той или иной мере **соответствующие канонической каузативной схеме** (см. раздел 1.1), так и структуры, где глаголы с каузативными показателями ведут себя **неканоническим** образом. Этим двум типам структур посвящены текущий раздел и следующий раздел 4 соответственно.

Хорошо известно, что во многих языках, имеющих морфологический каузатив, каузируемый участник занимает самую высокую из подлежащих⁸ синтаксических позиций; таким образом, на его поведении отражается **иерархия синтаксических отношений**. В таких языках при каузативации **непереходных** глаголов каузируемый участник помещается в незанятую позицию прямого дополнения, при каузативации же **переходных** глаголов, при которых позиция прямого дополнения уже занята, каузируемый участник смещается ниже по иерархии [Comrie 1981: 169; Comrie 1985: 337–340]. Такая картина характерна и для калмыцкого языка, хотя и с некоторыми оговорками. Именно поэтому ниже будут отдельно рассмотрены проблемы позиции каузируемого для каузативов от непереходных глаголов (раздел 3.1) и для каузативов от переходных глаголов (раздел 3.2).

⁸ Одним из ключевых свойств языков, имеющих синтаксическую категорию «подлежащее», — а калмыцкий, безусловно, относится к их числу — является то, что в них в рамках одной клаузы не может быть более одного участника, занимающего эту позицию.

3.1. Падежное маркирование актантов при каузативации непереходных глаголов

Как и в большинстве языков с морфологическим каузативом, при каузативации непереходных глаголов калмыцкого языка, «исходное подлежащее» некаузативной конструкции (т. е. каузируемый участник) смещается в позицию **прямого дополнения**. Другими словами, каузативация приводит к образованию обычного переходного глагола. Морфологическое оформление прямого дополнения подчиняется в этих случаях тем же закономерностям, что и оформление прямого дополнения при обычных непроизводных переходных глаголах (см. об этих закономерностях [Коношенко, настоящий сборник]). Так, в примере (3) каузируемый участник является неодушевленным и стоит в форме немаркированного аккузатива. Если же прямое дополнение выражено, например, личным местоимением или именем собственным, показатель аккузатива, как и с другими переходными глаголами, обязателен:

- (10) *ĭi jɯŋɡad ʋadma-gə inä-lv-ʒä-nä-ĭ*
 ты.NOM почему Бадма-ACC смеяться-CAUS-PROG-PRS-2SG
 ‘Ты зачем смешишь Бадму?’

По всей видимости, в калмыцком языке существует **только один** класс непереходных глаголов, при каузативации которых возможно помещение каузируемого участника не в позицию прямого дополнения. Речь идет о глаголах, имеющих значение **неконтролируемого порождения звука**: *ħarʒəŋtə-* ‘гремять’ [Недялков 1976: 53], *ʒiŋtə-* ‘звенеть’, *duul-* ‘звучать’ (в случае употребления со словами типа ‘магнитофон’)⁹. При каузативации этих глаголов возможно оформление неодушевленного каузируемого, предмета, способного издавать звук, инструменталисом:

- (11) *bi ɧoŋɧ-ar / ɧoŋɧə ʒiŋt-ül-ü-v*
 я.NOM колокол-INS колокол звенеть-CAUS-PST-1SG
 ‘Я позвонил в колокольчик (букв.: колокольчиком / колокольчик)’.

⁹ Основное значение этого глагола — ‘петь’, в таких случаях он употребляется переходно.

По всей видимости, выбор инструменталиса в таких случаях отражает осмысление участника, соответствующего подлежащему исходной конструкции, не как каузируемого, на которого направлено некоторое действие каузатора, а как **инструмента** (необходимым условием для чего является наличие **волитивного** каузатора). Об этом говорит, например, тот факт, что при замене подлежащего в последнем приведенном примере на ‘корову’ (которая, передвигаясь, приводит в движение колокольчик на шее, заставляя его тем самым звенеть) оформление каузируемого инструменталисом становится невозможно. При этом при таком каузируемом, как ‘телефон’, использование инструменталиса обязательно: это естественно, так как телефоном люди пользуются не просто для того, чтобы он издал определенный звук, а для того, чтобы он выступил в качестве инструмента коммуникации:

- (12) *či* *telefo-ɤar* *žiŋ-ül-čkä-Ø*
 ты.NOM телефон-INS звенеть-CAUS-COMPL-IMP
 ‘Позвони по телефону (букв.: телефоном)’.

Ясно, что случаи конкуренции двух синтаксических позиций для каузируемого в каузативных конструкциях, образованных от непереходных глаголов, представляют собой проблему для сугубо структурного подхода к аргументной структуре каузатива. Действительно, в синтаксическом отношении те же калмыцкие конструкции с глаголом ‘звенеть’ устроены единообразно, независимо от того, какой предмет является источником звука — ‘телефон’ или ‘колокольчик’:

- (13) *telefo-n* *žiŋ-žä-nä*
 телефон-EXT звенеть-PROG-PRS
 ‘Звонит телефон’.

- (14) (*ükr-in*) *xoŋxə* *žiŋ-nä*
 (корова-GEN) колокол звенеть-PRS
 ‘(На корове) звенит колокольчик (букв.: звенит колокольчик (коровы))’.

Однако, как мы видели, каузативные конструкции, образованные от приведенных исходных структур, различаются в синтаксическом отношении. Можно заметить, что типологии хорошо известны случаи аналогичной конкуренции; объяснение выбора для таких

случаев обычно ищется в области семантики. При этом те семантические параметры, которые стоят за обрисованной конкуренцией, оказываются различны для разных языков. Так, например, Б. Комри приводит примеры из целого ряда языков (венгерского, японского, каннада), в которых выбор падежа каузируемого участника при каузативации глаголов зависит от того, в какой степени этот участник сохраняет свойство контроля. В приводимых Б. Комри случаях выбор инструменталиса всегда отражает большую степень контроля со стороны каузируемого [Comrie 1981: 175].

Калмыцкий язык представляет в названном плане определенный интерес. Во-первых, случаи конкуренции падежей для каузируемого участника в каузативных конструкциях, образованных при каузативации непереходных глаголов, ограничены очень небольшой семантической группой предикатов. Во-вторых, для глаголов этой группы (глаголы звучания) неодушевленный каузируемый участник в принципе не имеет контроля над протеканием события; и ключевым фактором становится возможность интерпретации каузируемого участника как инструмента, что возможно только при волитивном каузативе: как мы видели, в таких случаях при оформлении каузируемого предпочитается инструменталис¹⁰.

Естественно, помимо подлежащего актанта, поведение которого при каузативации мы уже рассмотрели, у непереходного глагола могут быть и другие зависимые, однако в нормальном случае имеющиеся у непереходного глагола исконные периферийные валентности, например, локативные, сохраняются в неизменном виде и при каузативации, как в следующем примере:

- (15) *či evr-ännⁱ xöö-gə mana*
 ты.NOM сам-GEN.P.3 овца-ACC мы.GEN
xöö-d-t-än xaša-də or-ul-čkə-Ø
 овца-PL-DAT-P.REFL двор-DAT входить-CAUS-COMPL-IMP
 ‘Ты свою овцу к нашим овцам в загон загони!’ (11_1opatka.6).

¹⁰ Эта тенденция обнаруживается в калмыцком языке не только при каузативах от глаголов звучания, но и при некоторых непроизводных двухместных предикатах, которые допускают оформление неподлежащего актанта и аккузативом, и инструменталисом (например, для глаголов *tülkə* ‘толкать’, *tusə* ‘попадать’, *tüür* ‘порезать’ и др., см. подробнее о подобной вариативности в оформлении актантов [Холодилова, настоящий сборник]).

3.2. *Падежное маркирование актантов при каузативации переходных глаголов*

При обсуждении каузативов, образованных от непереходных глаголов, мы убедились в том, что оформление всех актантов исходного глагола, кроме его актанта-подлежащего, в нормальном случае не подвергается изменению при каузативации¹¹. То же утверждение в целом верно и для канонических (см. раздел 1.1) каузативов от переходных глаголов. При этом, поскольку у исходных переходных глаголов имеется валентность на прямое дополнение, при каузативации этот участник сохраняет свою позицию, т. е. оказывается прямым дополнением каузативного глагола. Таким образом, здесь возникает широко обсуждаемая в типологической литературе проблема — проблема статуса каузируемого участника в каузативных конструкциях, образованных от переходных глаголов. Выбор конкретной позиции для таких случаев демонстрирует значительное типологическое варьирование.

Так, например, существуют языки, для которых в иерархии синтаксических отношений следует постулировать отдельное отношение «непрямое дополнение» ('indirect object'). Для таких языков иерархия синтаксических отношений выглядит следующим образом:

(16) подлежащее > прямое дополнение > не прямое дополнение > прочие зависимые

Для таких языков выбор позиции каузируемого при каузативации переходных глаголов зависит от того, имеется ли у исходного глагола собственное не прямое дополнение: если его нет, то каузируемый участник занимает позицию непрямого дополнения (оно обычно маркируется теми средствами, которыми маркируется реципиент при глаголах передачи, например, дативом), если же позиция непрямого дополнения занята, то каузируемый участник смещается ниже по иерархии (например, маркируется инструменталисом, или вводится в составе предложного оборота, или занимает иную периферийную позицию).

¹¹ Из этой общей закономерности имеются исключения, однако они касаются не столько собственно синтаксической реорганизации структуры аргументов при каузативации, сколько отклонений от канонической схемы каузативации как операции по введению нового участника, см. ниже, раздел 4.

Однако существуют и языки, для которых нет оснований говорить об отдельном синтаксическом отношении «непрямое дополнение». К числу таких языков относится, по всей видимости, и калмыцкий. Таким образом, иерархия синтаксических отношений в калмыцком языке выглядит следующим образом¹²:

(17) подлежащее > прямое дополнение > прочие зависимые

Иными словами, выбор позиции каузируемого при каузативации переходных глаголов в калмыцком языке не зависит от наличия или отсутствия каких-либо актантов, кроме подлежащего и прямого дополнения, у исходного переходного глагола.

В имеющихся описаниях калмыцкого языка обычно называется **три возможности** для оформления каузируемого участника при каузативах, образованных от переходных глаголов (если он вообще эксплицитно выражен): инструменталис, датив и аккузатив [Санжеев 1983: 198–199; Харчевникова 2002: 83]. Первые две возможности соответствуют иерархии синтаксических отношений для калмыцкого языка в том виде, в котором она приведена в (17); такие возможности рассматриваются в разделе 3.2.1. Третья возможность как будто бы противоречит иерархии в обрисованном виде: в таких случаях у глагола имеется два аккузативных дополнения: одно, унаследованное от исходного переходного глагола, и второе, позицию которого занимает каузируемый участник; этот сложный случай кратко рассматривается в разделе 3.2.2.

3.2.1. Оформление каузируемого участника в позиции косвенного дополнения. Как уже было сказано, обычными косвенными позициями, в которые может смещаться каузируемый участник при каузативах, образованных от переходных глаголов, являются позиции дативного или инструментального дополнения. Именно в таком порядке они обычно называются в имеющихся грамматических описаниях, при этом часто отмечается, что оформление дативом является более частотным, возможность же использования инструменталиса обозначается как редкая,

¹²То, что «прямое дополнение» занимает отдельную позицию на иерархии синтаксических отношений в калмыцком языке, не вызывает сомнений: об этом говорит и поведение глаголов при пассивизации [Выдрина, настоящий сборник], и функционирование «пассивного причастия» на *-ata* [Крапивина, настоящий сборник], и многие другие факты.

периферийная [Харчевникова 2002: 83; Санжеев 1983: 199]¹³. Данные, полученные в ходе экспедиций, противоречат этим сведениям: информанты, с которыми велась наша работа, безусловно предпочитают оформление каузируемого участника именно инструменталисом. В большинстве случаев именно этот вариант фиксируется при переводе русского стимула, при этом другие возможности оформления каузируемого участника эксплицитно отвергаются:

- (18) *Badma Bajërta-var / *Bajërta-dә / *Bajërta-gә*
 Бадма Байрта-INS Байрта-DAT Байрта-ACC
bij-än üms-ülә-v
 тело-P.REFL целовать-CAUS-PST
 ‘Бадма_i заставил Байрту_j поцеловать себя_{i,*j}’.

В литературе неоднократно отмечалось, что выбор оформления каузируемого участника при каузативации переходных глаголов часто параллелен тем возможностям, которые имеются при оформлении агентивного дополнения в пассивных конструкциях [Comrie 1981: 172; Comrie 1985: 339]. Эта тенденция позволяет видеть для таких языков некоторое родство между каузативной и пассивной деривацией: в обеих деривациях происходит смещение «исходного» подлежащего. Для калмыцкого языка такое родство представляется совершенно несомненным. Об этом говорят сразу несколько фактов.

Во-первых, показатели каузатива могут маркировать в калмыцком языке актантное преобразование, которое в синтаксическом и семантическом отношении можно охарактеризовать как пассивное (см. об этом подробно [Выдрина, настоящий сборник], ссылки, приводимые в этой работе, а также краткое обсуждение ниже, в разделе 3.4).

Во-вторых, наборы синтаксических позиций для агентивного дополнения в пассивных конструкциях и для каузируемого участника в каузативных конструкциях, образованных от переходных

¹³ Такой взгляд соответствует общемонгольской картине, см. по поводу различных монгольских языков в этом отношении [Санжеев 1963: 38]. Е. А. Кузьменков утверждает, что в монгольском языке дативное и инструментальное оформление каузируемого при каузативации переходных глаголов распространены примерно в равной мере [Кузьменков 1984: 43].

глаголов, полностью совпадают: в обоих случаях возможен инструменталис и датив. Впрочем, как показано в [Выдрина, настоящий сборник], агентивное дополнение в пассивных конструкциях может оформляться и аблативным падежом (как в конструкциях, маркированных специализированным пассивным показателем *-gdə*, так и в пассивных конструкциях с каузативными морфологическими показателями). Для **канонического** же каузатива аблативное оформление каузируемого нехарактерно, хотя в редких случаях оно и допускалось некоторыми информантами. Так, например, следующий пример был порожден информантом на просьбу составить предложение с глаголом *gee-lə*- ‘терять-CAUS’:

- (19) *Susanin xort-n-asə / ^{OK}xortə-n-də / *xort-ar*
 Сусанин враг-EXT-ABL враг-EXT-DAT враг-INS
xaalk-i-nⁱ gee-lə-v
 дорога-ACC-P.3 терять-CAUS-PST
 ‘Сусанин сбил врагов с дороги (букв.: заставил врагов потерять дорогу)’.

В-третьих, как было сказано выше, наши информанты предпочитали инструменталис при оформлении каузируемого участника, при том что в имеющихся описаниях эта возможность упоминается скорее как периферийная. Существенно, что точно такое же расхождение отмечается А. В. Выдриной применительно к пассиву [Выдрина, настоящий сборник]. Идет ли в данном случае речь о диалектном отличии того идиома, который изучался нами в полевых условиях, от литературного языка или о том, что калмыцкий язык в целом претерпевает некоторые изменения по сравнению с тем состоянием, которое отражено в предшествующих описаниях, говорить сложно. Однако в любом случае можно говорить о некотором едином процессе, затрагивающем одновременно и пассивные, и каузативные конструкции¹⁴.

Необходимо отметить, что сам факт смещения каузируемого участника в позицию инструментального дополнения

¹⁴ А. В. Выдрина допускает, что в случае с пассивом вытеснение датива инструменталисом может отражать влияние русского языка, где агентивное дополнение выражается творительным падежом [Выдрина, настоящий сборник]. Однако ясно, что для каузатива постулировать такое влияние напрямую невозможно.

не позволяет говорить о том, что это дополнение реализует в калмыцком языке отдельное синтаксическое отношение, занимающее третье место в иерархии после подлежащего и прямого дополнения. Об этом говорит, например, тот факт, что наличие инструментального дополнения у исходного переходного глагола никак не препятствует такому же оформлению каузируемого участника в соответствующей каузативной конструкции, как видно по примеру (20), который для наглядности приводится в паре с конструкцией (21) с исходным переходным глаголом:

(20) *bi kövü-värn kenčär-är širä*
 я.NOM мальчик-INS.P.REFL тряпка-INS стол
bürk-ül-ü-v
 покрывать-CAUS-PST-1SG
 ‘Я заставил сына покрыть стол скатертью’.

(21) *ekə-m kenčär-är širä bürkə-v*
 мать-P.1SG тряпка-INS стол покрывать-PST
 ‘Моя мать покрыла стол скатертью’.

Итак, основным способом оформления каузируемого участника при каузативации переходных глаголов является смещение его в позицию инструменталиса. Возникает вопрос о том, в каких же случаях оказывается возможным оформление дативом. В литературе по калмыцкому языку отмечается, что такой способ оформления в целом коррелирует с пермиссивной интерпретацией каузирующего события [Санжеев 1983: 198; см. также Ковальская 2007: 9], в отличие от инструментального оформления, которое коррелирует с фактитивной интерпретацией¹⁵.

Однако, как уже было сказано выше, в изучавшемся нами варианте калмыцкого языка наблюдается явная экспансия инструменталиса в каузативных конструкциях в ущерб дативу. И думается, что эта тенденция связана не столько с тем, что инструменталис берет на себя функции, выполняемые в описывавшихся ранее вариантах калмыцкого языка дативом, сколько с тем, что каузативные конструкции вообще значительно сокращают способность передавать семантику пермиссива при

¹⁵ Такое распределение имеет параллели в других монгольских языках, см., например, [Кузьменков 1984: 44] о монгольском.

каузативации переходных глаголов. Если при переводе русских стимулов типа ‘заставить V’, ‘приказать V’, ‘сделать так, что V’ и т. д. информанты часто используют каузативные конструкции без специализированного матричного глагола, то при переводе стимулов с пермиссивными глаголами ‘позволить V’, ‘дать V’ чаще всего используются не морфологический каузатив, а **перифрастические** конструкции, прежде всего, со структурой *zövə ögə-* ‘позволить’, букв.: ‘право дать’, где каузируемый участник оформляется дативом, но является при этом аргументом матричного глагола:

- (22) *bi kövü-n-d-än en kenčər-är širä*
 я.NOM мальчик-EXT-DAT-P.REFL этот тряпка-INS стол
bürk-xə zövə ögə-v
 покрывать-PC.FUT право дать-PST.1SG
 {Мне совсем не нравится эта скатерть. Но поскольку сегодня придут гости на день рождения моего сына,} ‘я позволил ему накрыть стол этой скатертью’.

Некоторые, не очень многочисленные, информанты оценивают как приемлемые и пермиссивные каузативные конструкции с **морфологическим** каузативом и при этом также оформляют участника, которому позволяет что-то сделать, дативом:

- (23) [?]*bi kövü-n-d-än en kenčər-är širä*
 я.NOM мальчик-EXT-DAT-P.REFL этот тряпка-INS стол
bürk-ül-ü-v
 покрывать-CAUS-PST-1SG
 {Мне совсем не нравится эта скатерть. Но поскольку сегодня придут гости на день рождения моего сына,} ‘я позволил ему накрыть стол этой скатертью’.

Очевидно, что для тех информантов, с которыми мы работали, приемлемость этих структур значительно уступает приемлемости высказываний с фактитивной интерпретацией, как выше, в (20).

Сказанное, тем не менее, не означает, что оформление каузируемого участника дативом в принципе невозможно. Существует класс глаголов, при каузативации которых такой способ оформления не только возможен, но и является предпочтительным. Именно это наблюдается в случае, если каузируемый участник является

не просто центральным участником каузируемого события, но и получает дополнительную семантическую интерпретацию, как носитель роли реципиента (24)–(25), адресата (26)–(27) или экспериенцера (28), т. е. как раз тех ролей, для которых типично оформление дативом и за пределами каузативных конструкций:

- (24) *ekə-nⁱ küükə-n-d-än monda*
 мать-Р.3 девочка-EXT-DAT-Р.REFL мяч
bür-ülə-v
 держать-CAUS-PST
 ‘Мать дала ребенку (sic!) подержать мячик’.
- (25) *ekə ürə-n-d-än xašə id-ül-žä-nä*
 мать ребенок-EXT-DAT-Р.REFL каша есть-CAUS-PROG-PRS
 ‘Мать кормит ребенка кашей (с ложки)’.
- (26) *nan-də Badmə evr-ännⁱ tool-vr-an*
 я-DAT Бадма сам-GEN.Р.3 считать-NMLZ-Р.REFL
med-ülə-v
 знать-CAUS-PST
 ‘Бадма сообщил (букв.: дал узнать) мне свое мнение’.
- (27) *Badma sän zäŋg-igə civarə-d-nⁱ*
 Бадма хороший новость-ACC весь-DAT-Р.3
soŋsxa-v
 слушать-CAUS-PST
 ‘Бадма рассказал (букв.: дал услышать) всем хорошую новость’.
- (28) *Badma gerg-n-ännⁱ zurəg nan-də*
 Бадма жена-EXT-GEN.Р.3 рисунок я-DAT
üz-ülə-v
 видеть-CAUS-PST
 ‘Бадма показал (букв.: ‘дал увидеть’) мне фотографию своей жены’.

Таким образом, можно подвести промежуточные итоги, касающиеся оформления каузируемого участника в каузативных конструкциях, образованных от переходных глаголов.

1) Несомненно преобладающим способом оформления является инструменталис, датив возможен в очень ограниченном количестве случаев (о редкой возможности оформления каузируемого участника аккузативом см. далее раздел 3.2.2).

2) Наиболее существенно здесь, однако, то, что выбор датива определяется **не синтаксическими** свойствами исходного предиката и даже **не типом каузации**, а **семантической интерпретацией целостного** каузативного события (что соответствует типологической идее, высказываемой в [Kemmer, Verhagen 1994]). Действительно, датив возможен тогда, когда каузируемый участник имеет роль не обычного исполнителя действия, но интерпретируется как **получатель** (ср. близкую гипотезу, выдвигаемую на материале мишарского диалекта татарского языка в [Бонч-Осмоловская 2007: 152]) некоторого физического объекта (реципиент) или — метафорически — «виртуального» объекта, т. е. как адресат или экспериенцер.

3) Интересно, что все зафиксированные случаи употребления датива характеризуются и еще одним общим семантическим признаком. Речь идет о том, что целью каузатора во всех этих случаях является не изменение состояния участника, кодируемого в позиции прямого дополнения, а именно определенное воздействие на каузируемого участника¹⁶. Это особенно очевидно для глаголов ментальной сферы — ясно, например, что в примере (28) фотография вообще не претерпевает никаких изменений при осуществлении каузативного действия, меняется лишь состояние того одушевленного участника, которому ее показывают. В примере (25) каша, безусловно, претерпевает существенные изменения, однако смысл каузации состоит не в том, чтобы уничтожить кашу определенным образом при помощи ребенка, а в том, чтобы накормить ребенка, т. е. сделать его сытым¹⁷.

¹⁶ Таким образом, характер конкуренции между дативом и инструменталисом при оформлении каузируемого участника при каузативах от переходных глаголов полностью вписывается в типологическую гипотезу, предлагаемую в [Kemmer, Verhagen 1994: 133].

¹⁷ В этом смысле можно провести некоторую аналогию между обсуждаемым явлением и конструкциями с внешним посессором для тех языков, в которых такие конструкции фиксируются. Действительно, внешний посессор часто семантически отличается от внутреннего тем, что он осмысливается как участник в какой-то мере вовлеченный (affected) в то действие, которое обозначается соответствующей клаузой. Таким образом, в ролевом отношении внешний посессор часто характеризуется определенной двойственностью, ср. русское *Вася порвал Пете рубашку*, где Петя — не только посессор рубашки, но и участник, вовлеченный в ситуацию и отождествляемый морфосинтаксически с получателем (ср. *Вася порвал рубашку Пети*, где этого эффекта не наблюдается).

3.2.2. *Оформление каузируемого участника в позиции прямого дополнения.* Несмотря на то, что в существующих описаниях калмыцкого языка часто упоминается возможность оформления каузируемого участника при каузативации переходного глагола аккузативом [Санжеев 1983: 198–199], эта возможность в целом избегается информантами, с которыми мы работали в полевых условиях.

Здесь, впрочем, следует сделать одну важную оговорку, касающуюся самого понятия **переходный глагол**, точнее одного типа **лабильных** глаголов. Лабильными глаголами называют такие глаголы, которые могут употребляться и переходно, и непереходно. В непереходных употреблениях лабильных глаголов подлежащий участник может соответствовать **пациентивному** участнику переходных употреблений того же глагола (например, *he broke the stick* ‘он сломал палку’, ср. *the stick broke* ‘палка сломалась’); такие глаголы иногда называют Р-лабильными (или О-лабильными), где Р — пациентивный участник переходной конструкции. Однако количество Р-лабильных глаголов в калмыцком языке крайне невелико, а каузативация имеющихся глаголов этого типа маргинальна.

Более интересны для нас довольно многочисленные в калмыцком языке **А-лабильные** глаголы (где А — агентивный участник переходной конструкции), т. е. такие глаголы, в непереходном употреблении которых подлежащий участник соответствует **агентивному** участнику переходных употреблений того же глагола. А-лабильными являются английские глаголы *sing*, *hit* и их русские аналоги *петь*, *бить*: *he sang a beautiful song* ‘он спел красивую песню’, *he sings in the morning* ‘он поет по утрам’, *he hit the stranger* ‘он ударил незнакомца’, *he hit at the ball* ‘он ударил по мячу’.

При каузативации А-лабильных глаголов в калмыцком языке наблюдается следующая закономерность: каузируемый участник помещается в позицию прямого дополнения в случае, если каузативации подвергается непереходная структура. Эта закономерность хорошо видна по каузативации таких А-лабильных глаголов, которые допускают периферийное выражение второго участника в непереходном употреблении. Так, например, глагол *martə-* ‘забывать’ допускает оформление второго участника и в позиции прямого дополнения, и в позиции объекта

послелого *tuskar* ‘о’. При каузативации этого глагола каузируемый участник попадает в позицию прямого дополнения, только если она свободна, как видно по следующей паре примеров:

(29) *bi čam-ar / *čamagə Baatr-igə küč-är*
 я.NOM ты-INS ты.ACC Батыр-ACC сила-INS
mart-ul-na-v!
 забывать-CAUS-PRS-1SG
 {Бадма обнаружил, что его жена изменяет ему с Батыром.
 Он ей говорит:} ‘Я тебя заставлю забыть Батыра!’

(30) *bi čamagə / *čam-ar Baatr-in tuskar küč-är*
 я.NOM ты.ACC ты-INS Батыр-GEN о сила-INS
mart-ul-na-v!
 забывать-CAUS-PRS-1SG
 {Бадма обнаружил, что его жена изменяет ему с Батыром.
 Он ей говорит:} ‘Я тебя заставлю забыть о Батыре!’

Рассмотренные до сих пор факты подтверждают общую закономерность, обсуждавшуюся в разделах 3.1 и 3.2.1: каузируемый участник занимает позицию прямого дополнения, если она свободна, т. е. не занята прямым дополнением исходного глагола. Принципиальный момент заключается, однако, в том, что калмыцкий язык допускает достаточно свободное опущение участников в случае, если они так или иначе восстановимы по контексту. Случаи имплицитности прямого дополнения при переходном глаголе следует отличать от А-лабильности. Действительно, при каузативации собственно переходные (а не А-лабильные) глаголы ведут себя единообразно независимо от того, заполнена ли при них позиция исходного прямого дополнения. Так, в следующих двух примерах каузируемый участник может занимать только позицию косвенного дополнения, хотя позиция прямого дополнения заполнена только в первом случае, во втором же она свободна — подразумеваемый участник отсутствует в каузативной клаузе и восстанавливается лишь по левому контексту:

(31) *axlačə bagš-nər-ar / *bagš-nər-igə*
 председатель учитель-PL-INS учитель-PL-ACC
širä-gə stenk tal täv-ülə-v
 стол-ACC стенка сторона класть-CAUS-PST
 ‘Директор заставил учителей поставить стол к стенке’.

(32) *axlačə širä xuld-ad*
 председатель стол продавать-CV.ANT
av-čk-ad stenk tal bagš-mud-ar /
 брать-COMPL-CV.ANT стенка сторона учитель-PL-INS
**bagš-mud-igə täv-ülə-v*
 учитель-PL-ACC класть-CAUS-PST
 ‘Директор купил стол и заставил учителей поставить его к стенке’.

Случаи опущения (имплицитности) актанта при переходном глаголе и лабильности иногда различаются не совсем тривиальным образом. Например, глагол *bič-* ‘писать’ в своем обычном значении является собственно переходным. При его каузативации каузируемый участник смещается в периферийную позицию, даже если исходное прямое дополнение не выражено эксплицитно:

(33) *bagšə survul'č-nər-ar / *survul'č-nər-igə*
 учитель ученик-PL-INS ученик-PL-ACC
bič-ül-və
 писать-CAUS-PST
 ‘Учитель заставил учеников писать’ {что-то}.

Однако у глагола *bič-* ‘писать’ имеется и значение, при котором он выступает как непереходный. Речь идет о случае, когда в качестве его подлежащего выступает не агенс, а инструмент. При каузативации глагола *bič-* ‘писать’ в этом значении каузируемый участник-инструмент оформляется в позиции прямого дополнения:

(34) *Badma ručk-igə bič-ülə-v*
 Бадма ручка-ACC писать-CAUS-PST
 ‘Бадма «расписал» ручку’.

Таким образом, все рассмотренные до сих пор факты как будто бы свидетельствуют о том, что выбор между аккумулятивным

и косвенным оформлением каузируемого участника строго зависит от того, имеется ли при исходном глаголе **позиция** прямого дополнения (неважно, заполненная или незаполненная). Однако в редких случаях все же фиксировались структуры, в которых каузируемый участник попадал в позицию прямого дополнения, несмотря на то, что при том же каузативном глаголе имеется другое прямое дополнение, «унаследованное» от исходного глагола:

(35) *ekə-nⁱ kövü-vän giič-nər-tə du*
 мать-Р.3 мальчик-Р.REFL гость-PL-DAT песня
duul-ulə-v
 петь-CAUS-PST
 ‘Мама попросила сына спеть гостям песню’.

(36) *bagšə madn-igə škol-də kögžmə*
 учитель мы-ACC школа-DAT музыка
soŋs-ul-na
 слушать-CAUS-PRS
 ‘В школе учитель заставлял нас слушать музыку’.

(37) *egčə-m čamagə ärkə čavər-asə*
 старшая.сестра-Р.1SG ты.ACC водка вино-ABL
cer bär-ül-nä
 запрет держать-CAUS-PRS
 ‘Моя сестра заставляет тебя не пить (алкоголь)’.

Существенно, что в случаях, подобных (35)–(37), в отличие от всех рассматривавшихся до сих пор, каузативация приводит к появлению глаголов с аргументной структурой, которая не фиксируется за пределами каузативных конструкций: таких некаузативных глаголов, которые допускали бы при себе два прямых дополнения, в калмыцком языке нет.

Однако в связи с примерами типа (35)–(37) можно заметить, что в таких случаях прямое дополнение, наследуемое от исходного глагола, 1) является неодушевленным и не имеет эксплицитного маркера аккузатива, 2) линейно располагается непосредственно перед каузативным глаголом (в отличие от каузируемого участника, расположенного сразу после каузатора). Более того, этот участник находится с каузируемым глаголом в особых семантических отношениях: он либо является малоинформативным (35)–(36),

либо составляет вместе с исходным глаголом идиоматическое сочетание (37). По всей видимости, сочетания таких объектов с исходным глаголом представляют собой неразделимый целостный предикат, а не полноценную глагольную группу и именно поэтому при каузативации ведут себя так же, как непереходные глаголы. Стоит отметить, что для языков с немаркированным аккузативом отмечалось, что структуры, состоящие из глагола и неоформленного дополнения, иногда развиваются по пути лексикализации и начинают вести себя в синтаксическом отношении как непереходные, см., например, [Lazard 2001: 876 и далее]. По всей видимости, признаки этого процесса фиксируются и в калмыцком; более того, возможно, в современном калмыцком «оформленные» и «неоформленные» прямые дополнения различаются не только в плане морфологического маркирования, но и в синтаксическом отношении.

3.3. Проблема моно- или биклаузальности и признаки подлежащности в каузативных конструкциях

Выше уже говорилось о том, что в семантическом отношении каузативная конструкция соответствует сложному каузативному событию, включающему два подсобытия: каузирующее и каузируемое. Известно, что эта семантическая двухчастность во многих языках может обнаруживать и синтаксические корреляты: несмотря на то, что каузативная конструкция возглавляется одной глагольной словоформой, в синтаксисе этих конструкций могут обнаруживаться признаки биклаузальной структуры [Алпатов и др. 2008: 143–150 и далее; Лютикова и др. 2006: 131–136]. Другими словами, компонент синтаксической структуры, соответствующий каузируемой ситуации, может демонстрировать некоторые свойства самостоятельной клаузы, хотя и не возглавляемой отдельной лексической вершиной.

Обрисованная картина обычно нехарактерна для контактных каузативов. Это верно и для калмыцкого языка: например, конструкции контактной каузации с каузативными глаголами чаще всего ведут себя точно так же, как обычные переходные глаголы, обозначающие воздействие на некоторого участника, при нормальном развитии события предполагающее переход этого участника в некоторое новое состояние.

Однако конструкции, выражающие значение дистантной каузации, в калмыцком языке демонстрируют некоторые существенные отличия от непрямых переходных глаголов. Некоторые

из этих свойств будут рассмотрены в разделах 3.3.1 и 3.3.2, а далее в разделе 3.3.3 будут обсуждаться свойства подлежащего у актантов каузативной конструкции.

3.3.1. *Порядок слов.* В целом калмыцкий язык допускают определенную свободу порядка слов. Достаточно фиксированным является лишь конечное положение сказуемого в составе клаузы (наблюдаемые иногда отклонения от этой схемы, по всей видимости, являются следствием интерференции с русским языком), расположение же актантов друг относительно друга скорее подчиняется статистическим тенденциям и зависит не только от собственно синтаксической, но и от коммуникативной структуры высказывания (актуального членения) [Очиров 1964: 157–160, см. также Коношенко, настоящий сборник]. При прочих равных предпочитается порядок с начальным положением подлежащего, среди дополнений ближе всего к глаголу обычно располагается прямое дополнение, как в следующем предложении:

- (38) *küükə-n karandaš-ar bičəg bič-žä-nä*
 девочка-EXT карандаш-INS письмо писать-PROG-PRS
 ‘Девочка пишет письмо карандашом’ [Очиров 1964: 158].

Интересно в этом отношении то, что производные каузативные глаголы, выражающие семантику дистантной каузации, отличаются от обычных переходных глаголов. Для них в целом выполняется следующее правило: каузируемый участник линейно располагается **левее** всех тех зависимых, которые «наследуются» от исходного некаузативного глагола.

Если каузируемый участник выражен **косвенным дополнением** и при этом, как обычно и бывает, в предложении имеется прямое дополнение, то при реализации названной закономерности соблюдается и общая закономерность калмыцкого языка: косвенное дополнение предшествует прямому:

- (39) *ekə-m eck-är nan-də utə bičəg*
 мать-P.1SG отец-INS я-DAT длинный письмо
bič-ülə-v
 писать-CAUS-PST
 ‘Мама заставила отца написать мне длинное письмо’.

Если считать, что актант, соответствующий каузируемому участнику в подобных примерах, — это обычное косвенное дополнение глагола, то следовало бы ожидать, что его расположение относительно прочих косвенных дополнений было бы относительно подвижно. Этого, однако, не наблюдается. Так, например, при наличии в каузативной конструкции двух дополнений в инструменталисе носители калмыцкого языка безусловно предпочитают помещать каузируемого участника сразу после подлежащего, ср. примеры (40а) и (40б):

- (40а) *milicioner xulxač-ar karandaš-ar bičəg*
милиционер вор-INS карандаш-INS письмо
bič-ülə-v
писать-CAUS-PST
'Милиционер вынудил вора написать письмо карандашом'.
- (40б) ?? *milicioner karandaš-ar xulxač-ar bičəg*
милиционер карандаш-INS вор-INS письмо
bič-ülə-v
писать-CAUS-PST
'Милиционер вынудил вора написать письмо карандашом'.

При этом выбор порядка слов в подобных примерах не может быть мотивирован стремлением к снятию многозначности — понятно, что 'карандаш' в любом случае может быть проинтерпретирован только как инструмент, а не как каузируемый участник. Таким образом, есть основания полагать, что в предложениях, подобных (40а), два дополнения, выраженных инструментальным падежом, занимают **разные** синтаксические позиции.

Любопытна и ситуация, когда каузируемый участник выражается **аккузативом**. Выше, в разделе 2.1, мы видели, что такое маркирование характерно, прежде всего, для каузативов, образованных от непереходных глаголов; если при этом исходный глагол является одноместным, то наблюдаемая модель порядка слов соответствует общей тенденции калмыцкого языка: подлежащее — прямое дополнение — обстоятельства — сказуемое (о каузативации некоторых непереходных глаголов с двумя актантами речь пойдет ниже, в разделе 4.3). Однако 1) если каузируемый глагол является непереходным многоместным, а также 2) если каузируемый участник выражен в позиции прямого дополнения,

но при том же глаголе имеется и другое зависимое имя в форме (немаркированного) аккузатива, «наследуемое» от исходного глагола (этот случай был рассмотрен в разделе 3.2.2), то каузируемый участник в аккузативе обычно располагается **левее прочих зависимых каузативного глагола**, чаще всего — непосредственно после подлежащего. В случае 1) такая порядковая модель является предпочтительной (см., например, высказывания (15), (65), но не абсолютно обязательной), в случае 2) она практически не знает исключений (см. примеры (35)–(37)). Таким образом, во всех таких случаях нарушается общая тенденция калмыцкого языка располагать прямое дополнение после косвенных, другими словами, каузативные глаголы демонстрируют систематическое отличие от непрямых многоместных переходных глаголов.

Таким образом, можно сказать, что в целом каузируемый участник в морфологических каузативных конструкциях в плане линейного расположения ведет себя не так, как обычные дополнения глагола в том же падеже, а как **подлежащее** зависимой клаузы (см. подавляющее большинство примеров в [Прохоров, настоящий сборник; Князев, настоящий сборник; Сердобольская, настоящий сборник]). Сам по себе этот факт как будто бы указывает на то, что каузативные конструкции отличаются от обычных моноклаузальных конструкций с такой же падежной рамкой.

3.3.2. Синтаксические признаки моно- и биклаузальности каузативных конструкций. Факты, рассмотренные в предыдущем разделе, указывают на то, что каузируемый участник занимает в каузативных конструкциях особую линейную позицию. Это может объясняться тем, что в структуре каузативной конструкции сохраняются следы исходной некаузативной клаузы, а каузируемый участник ведет себя как аргумент, в какой-то мере внешний по отношению к ней. В таком случае ожидается, что в каузативной структуре будут обнаруживаться и другие проявления их биклаузальной природы. И некоторые такие проявления, действительно, удастся обнаружить.

Противопоставление моно- и биклаузальных структур проявляется, прежде всего, в поведении различных синтаксических элементов, нормальной сферой действия которых является именно клауза. Одним из таких элементов в калмыцком языке является показатель прогрессива настоящего времени *-ʒa-na*.

В своем эпизодическом значении этот показатель, присоединяясь к клаузе, обозначает, что событие, выражаемое этой клаузой, продолжается в момент наблюдения. Однако в структуре каузативного события имеется два подсобытия. Существенно то, что в случае дистантных каузативов в сферу действия этого показателя может попадать не только каузирующее подсобытие или оба подсобытия вместе, но и только каузируемое событие. Первую возможность мы видим в следующем примере:

- (41) *či juŋgad namagə inä-lv-žä-nä-č?*
 ты.NOM почему я.ACC смеяться-CAUS-PROG-PRS-2SG
 ‘Ты зачем меня смешишь?’

Это предложение может быть произнесено человеком, который смеется; в этом случае в момент речи имеет место и каузирующее подсобытие, и каузируемое подсобытие. Оно же может быть произнесено человеком, который **не** смеется. В таком случае в сферу действия показателя прогрессива попадает лишь каузирующее событие. Интересно то, что для некоторых каузативных глаголов наблюдается другой набор возможных интерпретаций, как в следующем примере:

- (42) *bagšə küüikt-är kel-vər umš-ul-žä-na*
 учитель дети-INS говорить-NMLZ читать-CAUS-PROG-PRS
 а. ‘Учитель (в данный момент) заставляет детей прочитать рассказ’. {Например, учитель дает инструкцию}.
 б. ‘Дети сейчас читают рассказ по указанию учителя’.
 {Учителя может даже не быть в этот момент в классе}.

При второй интерпретации в сферу действия показателя прогрессива попадает только каузируемое подсобытие. Таким образом, несмотря на то, что морфологически показатель каузатива присоединяется перед показателем прогрессива, для семантики аспектуального показателя остается доступно то событие, которое могло бы быть выражено клаузой, возглавляемой некаузативным глаголом.

Подобная картина наблюдается и в интерпретации некоторых обстоятельств. Например, возможна ситуация, когда в сферу действия обстоятельств длительности (например, *burvən minutdan* ‘три минуты’) или обстоятельств типа *hojər däkžə* ‘два раза’ попадают лишь каузируемые подсобытия, как в случаях,

приводимых под литерой а, для следующих двух примеров:

- (43) *Badma madən-də avtobus kurvən minut-d-an*
 Бадма мы-DAT автобус три минута-DAT-P.REFL
külä-lkə-v
 ждать-CAUS-PST
 а. ‘Бадма заставил автобус подождать нас три минуты’.
 б. *‘Бадма три минуты договаривался, чтобы автобус нас подождал’.

- (44) *bagšə Bajərta-gə xojər dükčə terzə sek-ülə-v*
 учитель Байрта-ACC два раз окно открывать-CAUS-PST
 а. ‘Учительница заставила Байрту два раза открыть окно’.
 ≈ ‘Байрта дважды открывала окно по просьбе учительницы’.
 {Учительница могла выйти из класса, оставив наказ открыть окно дважды за урок}.
 б. ‘Учительница дважды попросила Байрту открыть окно’.
 {И Байрта дважды его открывала}.

Однако, как видно по переводу, приводимому в (44б), и интерпретация, при которой в сферу действия обстоятельства попадает и каузирующее подсобытие, также в ряде случаев возможна (хотя и не всегда, см. невозможность такой интерпретации в отвергнутом переводе, приводимом в (43б)).

Несколько иначе ведет себя отрицание. В подавляющем большинстве случаев в сферу действия попадает либо только каузирующее подсобытие, либо оба подсобытия вместе, что видно по наличию двух первых (но не третьей) интерпретации для следующего примера:

- (45) *ežə-n ködəlməš-in uls-ar xö*
 хозяин-EXT работа-GEN народ-INS овца
al-ul-sən uga
 убить-CAUS-PC.PST NEG.COP
 а. ‘Хозяин не заставил работников зарезать овцу’.
 {Он и не давал такого приказа}.
 б. ‘Хозяин не заставлял работников зарезать овцу’. {Они сами это сделали}.
 в. *‘Хозяин не заставил работников зарезать овцу’. {Он дал им такой приказ, но они его не выполнили }.

Только каузируемое подсобытие попадает в сферу действия отрицания лишь в редчайших случаях; в этом случае все предложение приобретает значение безуспешной попытки¹⁸, что видно по возможности интерпретации, приводимой под литерой в, для следующего примера:

- (46) *Badma Zanda-gə adv-ul-sən uga*
 Бадма Занда-ACC торопиться-CAUS-PC.PST NEG.COP
 а. ‘Бадма не поторопил Занду’. {Он не просил ее, и Занда шла медленно}.
 б. ‘Бадма не торопил Занду’. {Занда сама торопилась, ее никто не торопил}.
 в. ‘Бадма не смог поторопить Занду’. {Бадма просил Занду идти быстрее, но та не поторопилась}.

Распределение возможных интерпретаций различных модификаторов, обычной сферой действия которых является именно клауза, устроено не до конца понятным образом. По всей видимости, для калмыцкого языка невозможно провести строгое разделение каузативных конструкций ровно на два класса (с каузирующим подсобытием, попадающим и не попадающим в сферу действия различных модификаторов); различные тесты дают не вполне однородные результаты. Другими словами, конструкции с морфологическим каузативом скорее образуют некую шкалу, отражающую **степень** раздельности двух подсобытий в рамках сложного каузативного события.

Однако сейчас для нас существенным является другой вывод. Как мы видели, по крайней мере некоторые модификаторы, взаимодействуя с каузативными конструкциями, в принципе **могут** получать в качестве сферы действия только каузируемое подсобытие. Если допустить, что в общем случае сферой действия операторов может быть только семантический эквивалент какой-то синтаксической составляющей [Тестелец 2001: 132–133], то необходимо сделать вывод о том, что в структуре по крайней

¹⁸ Теоретически возможна еще одна комбинация: когда в сферу действия отрицания попадает только каузируемое событие, но весь этот комплекс попадает в сферу действия каузатива (‘Х сделал так, что не имеет места Р’, например, ‘Бадма заставил Занду не спешить / не дал Занде спешить’), однако такая интерпретация не была получена ни разу.

мере некоторых каузативных конструкций имеется клаузная составляющая, соответствующая каузируемому подсобытию. В таком случае можно было бы ожидать, что и каузируемый участник может сохранять какие-то подлежащие свойства в рамках каузативной конструкции. Рассмотрению этой возможности посвящен следующий раздел.

3.3.3. *Подлежащие свойства в каузативных конструкциях.*

В калмыцком языке имеется множество синтаксических явлений, так или иначе связанных с позицией подлежащего; к их числу относится, например, способность контролировать возвратные показатели (как личный рефлексив, так и рефлексивный посессив), а также выступать в качестве антецедента подлежащего при некоторых деепричастиях, например, при целевом деепричастии на *-xar* [Сай 2006] и при соединительном деепричастии на *-жэ* [Мищенко, настоящий сборник].

При этом существенно то, что падежное маркирование само по себе не может служить основным критерием подлежащности. Так, в составе относительных оборотов подлежащее обычно маркируется генитивом [Крапивина, настоящий сборник], в составе сентенциальных актантов и сентенциальных сирконстантов различных типов допустимо оформление подлежащего аккузативом (см. [Князев, настоящий сборник, Прохоров, настоящий сборник] и особенно [Сердобольская, настоящий сборник]). При этом такие неканонически маркированные подлежащие обладают полным набором упомянутых выше подлежащих свойств, например, способностью контролировать рефлексив:

(47) *Badma_i čamagə_j var-an*_{i,j}ɯwa-txa gi-və*
 Бадма ты.ACC рука-P.REFL мыть-JUSS1 говорить-PST
 ‘Бадма_i сказал тебе_j помыть свои*_{i,j} руки’.

В связи со сказанным возникает следующий вопрос: может ли актант, соответствующий каузируемому участнику каузативной конструкции, обладать какими-то синтаксическими свойствами подлежащего? Следует сразу сказать, что ответ на этот вопрос, несомненно, является отрицательным. Все подлежащие свойства, которые проверялись в ходе работы для каузативных конструкций, однозначно сосредоточены на каузаторе.

Так, например, именно каузатор контролирует референцию личного рефлексива в каузативной клаузе, как мы видели в примере (18), повторяемом здесь для удобства под номером (48):

- (48) *Badma Bajərta-xar bij-än üms-ülə-v*
 Бадма Байрта-INS тело-Р.REFL целовать-CAUS-PST
 ‘Бадма_i заставил Байрту_j поцеловать себя_{i, *j}’.

То же относится и к контролю рефлексивного посессива, как хорошо видно по следующему примеру¹⁹:

- (49) *bi čamagə aav-urn jov-ul-žə-na-v*
 я.NOM ты.ACC дед-DIR.P.REFL ходить-CAUS-PROG-PRS-1SG
 ‘Я_i отправил тебя_j к своему_{i, *j} деду’.

Если посессор референта какого-то косвенного дополнения каузативной конструкции кореферентен каузируемому участнику, используется не рефлексивно-посессивный, а лично-посессивный показатель соответствующего лица, как в следующем примере:

- (50) *bi čamagə čini aav-ur-ən*
 я.NOM ты.ACC ты.GEN дед-DIR-P.2SG
jov-ul-žə-na-v
 ходить-CAUS-PROG-PRS-1SG
 ‘Я отправил тебя к твоему деду’.

Также только каузатор может контролировать нулевое подлежащее при соединительном деепричастии на *-žə* (51) и при целевом деепричастии на *-xar* (52):

- (51) *bagšə surkul'č-nər-tə zəng kel-žə*
 учитель ученик-PL-DAT новость говорить-CV.IPFV
bič-ül-žə-nä
 писать-CAUS-PROG-PRS
 ‘Учитель диктует ученикам предложение’.

¹⁹Интересно, что единственной позицией в составе поли-предикативных структур, в которой возможен контроль рефлексивного посессива со стороны подлежащего главной клаузы, является позиция подлежащего зависимой клаузы (в случае, если ее заполняет имя не в номинативе, см. пример (5), а также обсуждение в [Сердобольская, настоящий сборник]).

- (52) *ekə xotə ög-xär / *id-xär ür-än*
 мать еда дать-CV.PURP есть-CV.PURP ребенок-P.REFL
suu-lkə-v
 сидеть-CAUS-PST
 ‘Мать усадила ребенка, чтобы он поел’ (букв.: ‘чтобы дать ему еду’)²⁰.

Выше, в разделе 3.3.2, говорилось о том, что двух-событийная (и отчасти, возможно, биклаузальная) структура калмыцких конструкций с морфологическим каузативом была видна по семантическому поведению некоторых модификаторов, в сферу действия которых попадало лишь каузируемое подсобытие. Интересно при этом, что подлежащно-ориентированные модификаторы (‘с трудом’, ‘с радостью’ и т. п.) в составе каузативных конструкций оказываются связаны семантически только с каузатором, а не с каузируемым участником, который занимал бы позицию подлежащего в соотносительной некаузативной конструкции²¹.

3.4. Промежуточные выводы

Теперь можно подвести итог всему обсуждению в разделе 2.

1) В канонических каузативных конструкциях валентность глагола повышается на единицу, вводимый в ситуацию каузатор занимает позицию подлежащего.

2) Каузируемый участник обычно занимает позицию прямого дополнения при каузативах, образованных от непереходных глаголов, и позицию косвенного дополнения при каузативах, образованных от переходных глаголов. Выбор косвенной позиции в последнем случае, а также отклонения от этой общей закономерности связаны с семантикой каузативной конструкции.

²⁰Строго говоря, целевое деепричастие от глагола *id-* ‘есть’ в данном примере возможно, но тогда все предложение будет значить ‘Мать усадила ребенка, чтобы поесть’.

²¹Впрочем, это свойство часто наблюдается и в ряде языков, где каузативация выражается исключительно аналитическими средствами и некоторые признаки биклаузальности соответствующих конструкций несомненны, как в русском: *??Я дал ему с трудом уйти* (за это наблюдение я благодарен Рупрехту фон Вальденфельсу).

3) На первый взгляд, при каузативации возникает глагол, попадающий в один из актантных классов калмыцких глаголов. Однако закономерности порядка слов в каузативных конструкциях, а также в некоторых случаях и падежные рамки, задаваемые каузативными глаголами, могут отличаться от структур, фиксируемых для непроеизводных переходных глаголов.

4) Каузативные конструкции могут в определенной мере демонстрировать семантические свойства, связанные с их двух-событийной структурой. Однако даже если последние можно интерпретировать как признаки биклаузальной синтаксической природы некоторых каузативных конструкций, **подлежащие** синтаксические и семантические свойства в каузативных конструкциях однозначно ориентированы на каузатора, а не на смещенного каузируемого участника. Это последнее свойство очень существенно для реализации каузативных конструкций в рамках текста (см. ниже раздел 5).

4. Отклонения от канонических схем: каузатив и выбор перспективы говорящего

До сих пор мы рассматривали лишь канонические каузативные конструкции, т. е. каузативные конструкции, в которых имеется ровно один **новый** участник по сравнению с исходной некаузативной. Этот новый участник-каузатор занимает позицию подлежащего, в результате чего каузируемый участник оказывается в какой-то неподлежащей (более низкой) позиции. При этом мы исходили из того, что семантические и синтаксические свойства всех остальных участников остаются неизменными. При таких допущениях отношения между изменениями на семантическом уровне и на синтаксическом уровне оказываются связаны друг с другом достаточно прозрачным образом. Однако названные допущения наблюдаются в калмыцком языке далеко не всегда.

4.1. Каузативные события и отбор участников в рамках перспективы говорящего

Следует начать с того, что само по себе разделение семантических ролей каузатора и исполнителя действия между двумя участниками может в калмыцком языке вообще не находить никакого отражения на синтаксическом уровне. Речь идет о так

называемых контекстных каузативах, которые оказываются возможны в калмыцком языке, несмотря даже на чрезвычайную развитость морфологических средств выражения каузативности. Так, например, для следующей конструкции, в которой употребляется обычный переходный некаузативный глагол, оказывается возможна такая интерпретация, что действие не осуществляется участником, соответствующим подлежащему, непосредственно, а лишь инициируется им и исполняется какими-то другими лицами:

- (53) *aavə neg žil-in turʃartə šinə gerə bär-və*
 дед один год-GEN в.течение новый дом строить-PST
 {Дедушка очень удачно нанял рабочих — они оказались непьющими, работающими и быстро работали. Таким образом,}
 ‘дедушка **построил** новый дом за один год’.

При этом, разумеется, во всех подобных случаях возможно и употребление морфологической каузативной конструкции, ср. (53) и (54):

- (54) *aavə neg žil-in turʃartə šinə gerə*
 дед один год-GEN в.течение новый дом
bär-ül-və
 строить-CAUS-PST
 {Дедушка очень удачно нанял рабочих — они оказались непьющими, работающими и быстро работали. Таким образом,}
построил (букв.: сделал так, что построили) новый дом за один год’.

Для интерпретации различий между употреблениями типа (53) и (54) оказывается полезным понятие **перспективы говорящего**, введенное в лингвистический обиход Ч. Филмором [Fillmore 1977]. Классической иллюстрацией этого понятия являются структуры, которые могут быть использованы говорящим для передачи событий, связанных с фреймом купли-продажи. Любое такое событие предполагает наличие по крайней мере четырех участников: ‘продавца’, ‘покупателя’, ‘товара’ и ‘денег’. Однако в зависимости от коммуникативных нужд говорящий может оставить **за рамками перспективы** какое-то подмножество этих участников. Так, например, в следующих двух предложениях за рамками перспективы оставлен ‘продавец’ и ‘покупатель’ соответственно:

(55) *Петя потратил все свои деньги на новый автомобиль.*

(56) *Вася выручил несколько тысяч долларов за подержанный автомобиль.*

Существенно то, что включение участника в перспективу говорящего не обязательно приводит к тому, что он оказывается эксплицитно выражен. Так, например, наряду с последним предложением в русском языке возможна и следующая конструкция:

(57) *Вася продал подержанный автомобиль за несколько тысяч долларов.*

Здесь, как и в (56), 'покупатель' остается неназванным, однако сам выбор глагола *продать*, а не *выручать*, предполагает, что говорящий выбрал такой взгляд на событие, в котором покупатель все же присутствует. Очевидно, что и калмыцкие структуры типа (53) и (54) различаются не столько сценарием протекания события внешней действительности, сколько тем, считает ли говорящий непосредственного исполнителя действия (каузируемого участника) достаточно важным для включения его в перспективу.

Помимо **отбора** участников, выбор перспективы («субъективного взгляда» на событие) может обуславливать и синтаксическое **ранжирование** участников. Так, например, в центр перспективы в следующих двух предложениях попадают 'покупатель' и 'продавец' соответственно, при том что эти два предложения могут соотноситься с одним и тем же событием внешней действительности:

(58) *Петя купил у Васи подержанный автомобиль.*

(59) *Вася продал Пете подержанный автомобиль.*

Релевантность этого второго аспекта перспективы говорящего для калмыцкого материала будет показана ниже.

4.2. Каузативные конструкции и расщепление ролевых свойств исходного подлежащего

При описании семантических свойств каузативных конструкций часто говорится о том, что те ролевые свойства, которые в исходной конструкции сосредоточены на одном участнике, выражаемом подлежащим, в каузативной конструкции определенным

образом расщепляются между каузатором и каузируемым (см. обсуждение континуума возможных сценариев такого расщепления в [Shibatani, Pardeshi 2002]). Наиболее привычной схемой такого расщепления в дистантных каузативах является ситуация, когда каузатор несет в себе волитивное начало, а каузируемый участник остается лишь исполнителем (подобная ситуация иногда обозначается термином «куративная» (curative) каузация [von Waldenfels 2004: 37 и далее]). Однако в ряде случаев ситуация обстоит несколько сложнее. Это можно показать на примере двух, в чем-то симметричных, калмыцких глаголов: *av-* ‘брать’ и *ögə-* ‘давать’.

Семантика глагола *av-* ‘брать’ устроена таким образом, что имеющийся при нем участник-агенса не просто осуществляет перемещение в пространстве некоторого предмета, но и оказывается после осуществления этого действия тем ориентиром, относительно которого локализуется перемещаемый объект (в частном случае — посессором). Так, семантика следующего калмыцкого высказывания предполагает, что Бадма, во-первых, перемещал чашку определенным образом, а во-вторых, что в итоге чашка оказалась у него:

- (60) *Badma širä deer-äsə aavə avə-v*
 Бадма стол поверхность-ABL чашка брать-PST
 ‘Бадма взял чашку со стола’.

Если бы каузативация этого глагола происходила согласно канонической схеме, то мы ожидали бы, что названные признаки сохранялись бы у участника, соответствующего исходному подлежащему, а новый участник являлся бы лишь каузатором события «взятия». Однако в действительности наблюдается иное:

- (61) *mini eckə-m eež-är aavə avxul-dəg*
 я.GEN отец-P.1SG бабушка-INS чашка брать.CAUS-PC.HAB
bilä
 быть.REM
 ‘Отец просил, чтобы бабушка ему приносила чашку’.

Мы видим, что каузатор в данной конструкции обогащен еще одним ролевым признаком, который он «перетягивает» от участника, соответствующего исходному подлежащему:

конструкция в (61) предполагает, что в результате чашка оказывалась не ‘у бабушки’, а ‘у отца’.

В чем-то схожа и ситуация с глаголом *ögə*- ‘давать’. Семантика этого глагола, напротив, предполагает, что участник, соответствующий подлежащему, является не только агенсом, каузирующим некоторое перемещение, но и обязательно изначально является посессором перемещаемого объекта. И снова это дополнительное свойство может в каузативной конструкции переходить к новому участнику-каузатору:

- (62) *bi* (Baatr-ar) *Badma-də* / *Badma-ɤur* *möŋg*
 я.NOM Батыр-INS Бадма-DAT Бадма-DIR деньги
ög-ülə-v
 дать-CAUS-PST.1SG
 ‘Я передал (через Батыра) деньги Бадме / для Бадмы’
 (букв.: ‘Я заставил (Батыра) дать деньги Бадме / для Бадмы’).
 *‘Я сделал так, чтобы Батыр отдал (свои) деньги Бадме’.

В этом высказывании начальным посессором денег является не Батыр, которого каузируют осуществить передачу, а каузатор, кодируемый в позиции подлежащего. По всей видимости, следствием именно этого свойства является то, что в рассмотренной каузативной конструкции возможно оформление предполагаемого реципиента не только дативом, но и директивным падежом, при том, что при исходном глаголе такое выражение невозможно:

- (63) *bi* *Badma-də* / **Badma-ɤur* *möŋgə*
 я.NOM Бадма-DAT Бадма-DIR деньги
ögə-v
 дать-PST.1SG
 ‘Я дал деньги Бадме’.

Ясно, что в конструкции (62) периферийный участник может быть выражен директивным падежом потому, что каузатор не контролирует достижение передаваемым объектом конечной точки (здесь сказывается еще одно проявление каузативной семантики, включающей в себя два подсобытия, из которых каузатор полностью контролирует лишь первое).

В рассмотренных в этом разделе примерах мы видели некоторые отклонения от канонической схемы каузации. Они

были связаны с тем, что участник, соответствующий подлежащему, интерпретируется не просто как каузатор первого (каузирующего) подсобытия, но и как носитель некоторой семантической роли, которую он имеет в рамках каузируемого события. В следующем разделе мы увидим, что та же закономерность может приводить к достаточно серьезным синтаксическим последствиям.

4.3. *Каузативные конструкции и «склеивание» ролевых признаков подлежащего*

Как уже говорилось, в канонической каузативной конструкции имеется участник-каузатор, который вводится в семантическую и синтаксическую структуру, если сравнить ее со структурой исходного предиката. Такая ситуация в принципе возможна для большинства классов исходных глаголов, как уже рассматривавшихся, так и, например, для двухместных непереходных эмотивных глаголов. Так, например, в калмыцком языке имеется непереходный глагол *äi-* ‘бояться’, при котором экспериенцер выражается в позиции подлежащего, а стимул — в позиции аблативного дополнения:

- (64) *mini dü küükə-n noxa-vasə äi-nä*
 я.GEN младший девочка-EXT собака-ABL бояться-PRS
 ‘Моя младшая сестра боится собаки’.

При каузативации этого глагола по канонической схеме сохраняются оба участника исходной ситуации и вводится третий, имеющий роль каузатора:

- (65) *bi xulxač-igə noxa-ɣar äi-lɣ-ü-v*
 я.NOM вор-ACC собака-INS бояться-CAUS-PST-1SG
 ‘Я напугал вора собакой’.

Можно заметить, что в данном случае периферийный участник кодируется уже не аблативом, а инструменталисом. Это совершенно естественно, поскольку каузатор может скорее каузировать некоторое поведение собаки, чем непосредственно вызвать ощущение страха, собака осмысливается как инструмент достижения цели, а не как собственно стимул.

Принципиально важными для нас, однако, являются ситуации, когда никакого стимула, отличающегося от каузатора, в семантической структуре высказывания нет, как в следующем примере:

- (66) *enə noxa mini dū kiiik-igə*
 этот собака я.GEN младший девочка-ACC
ii-lə-v
 бояться-CAUS-PST
 ‘Эта собака испугала мою младшую сестру’.

Мы видим, что в данном случае каузатор (собака) **одновременно**, как бы **по умолчанию**, интерпретируется как стимул (ср. обсуждение подобной картины в монгольском языке в [Кузьменков 1984: 41–42]). Другими словами, в таком употреблении каузативный глагол является двухместным, как и исходный глагол. Более того, участник, занимающий позицию подлежащего, не является полноценным агенсом (конструкция возможна даже в том случае, когда речь идет о собаке, не предпринимавшей никаких действий, чтобы испугать девочку). Таким образом, если мы сравним предложения (64) и (66), то мы увидим, что они совпадают по набору участников и даже, по всей видимости, по набору их семантических ролей, а различие между ними сводится к различию в ранжировании участников в рамках **перспективы говорящего**. Помещая в позицию подлежащего экспериенцера, говорящий ставит его в центр перспективы, но он может поместить в центр перспективы и стимул, и именно в этом случае реализуется каузативная конструкция.

В калмыцком подобное соотношение с морфологически производным каузативным глаголом характеризует целый класс двухместных непереходных эмотивных глаголов, таких, как *inä*- ‘смеяться (чему-то)’ → *inä-lə-v*- ‘рассмешить’, *bajərl*- ‘радоваться (чему-то)’ → *bajərl-ul*- ‘радовать’ и т. п.

Интересно, что картина, подобная только что разобранный, отмечалась для каузативов, образованных от эмотивных предикатов, и в некоторых других языках, например, в карачаево-балкарском [Лютикова и др. 2006: 58], в мишарском диалекте татарского языка [Бонч-Осмоловская 2007: 153–154]. Однако специфика калмыцкого языка, как представляется, заключается в том, что отсутствие приращения в количестве актантов при морфологической каузативации наблюдается и для целого ряда других глаголов (по крайней мере, в части их употреблений). Сюда относятся, например, такие двухместные непереходные глаголы движения (или, точнее, глаголы, связанные

с перемещением в пространстве), при которых в позиции подлежащего может находиться неодушевленный участник: При каузативации таких глаголов (*čiv-* ‘тонуть’ → *čiv-ä-* (тонуть-CAUS) ‘топить’, *düür-* ‘наполняться’ → *düür-gə-* (наполняться-CAUS) ‘наполнять’) в позицию подлежащего может попадать участник, который в исходной структуре занимал периферийную позицию, см. следующую пару примеров:

(67) *čolu-n usə-n-də čiv-nä*
 камень-EXT вода-EXT-DAT тонуть-PRS
 ‘Камень тонет в воде’.

(68) *usə-n čolu čiv-ä-nä*
 вода-EXT камень тонуть-CAUS-PRS
 ‘Камень тонет в воде’ (букв.: ‘вода топит камень’).

Среди глаголов из стословного списка базовой глагольной лексики (см. [Овсянникова, настоящий сборник]) обнаружен один переходный глагол (также являющийся глаголом движения), при каузативации которого происходит не увеличение валентности, а перераспределение актантов в рамках синтаксической структуры. Это глагол *daxə-* ‘следовать (за кем-то)’, при котором траектор занимает позицию подлежащего, а позицию прямого дополнения занимает участник, интерпретируемый как ориентир:

(69) *noxa namagə dax-na*
 собака я.ACC следовать-PRS
 ‘Собака следует за мной’.

При каузативации этого глагола каузатор по умолчанию интерпретируется как **совпадающий** с ориентиром:

(70) *či bičä dala küükəd dax-ul-ad*
 ты.NOM NEG.IMP много дети следовать-CAUS-CV.ANT
sovhoz-in kolhoz-in jumə xatxl-ad bää-Ø!
 совхоз-GEN колхоз-GEN вещь ломать-CV.ANT быть-IMP
 ‘Не води кучу девочек (за собой), не ломай совхозные-колхозные вещи!’ (21_ogorod.3, не публикуется).

Интересно то, что каузируемый участник при глаголе *dax-ul-* оказывается в позиции прямого дополнения, что, как мы видели выше, в разделе 3.2.2, для каузативов, образованных от переходных глаголов, нетипично. Это наблюдение позволяет

утверждать, что в соответствующих каузативных структурах нет не только отдельного актанта, имеющего роль ориентира, но нет и соответствующей синтаксической позиции, которая как бы абсорбирована в позицию подлежащего, занимаемую каузатором.

4.4. Обсуждение и сравнение с пассивными конструкциями, использующими каузативную морфологию

Несомненно, самым заметным случаем неканонического использования каузативных показателей в калмыцком языке является их употребление в составе конструкций, которые в синтаксическом и семантическом плане могут быть охарактеризованы как **пассивные**, см. следующий пример:

- (71) *tuula čon-də id-ülə-v*
 заяц волк-DAT есть-CAUS-PST
 ‘Заяц был съеден волком’.

Это явление подробно рассматривается А. В. Выдриной [Выдрина, настоящий сборник] для калмыцкого (и хорошо изучено в типологической литературе [Недялков, Сильницкий 1969b; Kazenin 1994; Nedyalkov 1991; Галямина 2001]), поэтому подробно в данной статье рассматриваться не будет. Однако для логики предлагаемого исследования является существенным вопрос о связи пассивных употреблений каузативной морфологии с диахронически первичной каузативной функцией тех же показателей. Обсуждая связь между каузативом и пассивом в различных языках, исследователи — и А. В. Выдрина присоединяется к этому выводу на материале калмыцкого языка — обычно отмечают [Haspelmath 1990], что связующим звеном при таком развитии являются каузативно-рефлексивные употребления, подобные следующему:

- (72) *aavə bij-än Sibir-tə orša-lkə-v*
 дед тело-P.REFL Сибирь-DAT хоронить-CAUS-PST
 ‘Дед был похоронен в Сибири.’ {Он завещал себя похоронить там} [Выдрина, настоящий сборник].

Таким образом, для развития пассивных употреблений каузативных глаголов важны два основных грамматических момента: во-первых, это наличие пермиссивных употреблений каузативных конструкций (X позволяет Y совершить некоторое действие по отношению к Z), а во-вторых, это механизм, согласно

которому в случае, если Z при такой схеме оказывается невыраженным эксплицитно, соответствующий участник интерпретируется как идентичный каузатору ($Z = X$). Представленные в разделе 4.3 факты однозначно свидетельствуют о том, что этот последний механизм в калмыцком языке реализуется далеко не только при пассивных употреблениях каузативной морфологии. Морфологически каузативные пассивные конструкции — это лишь частный случай более широкой тенденции, при которой каузативация служит не повышению валентности, а перераспределению семантических признаков актантов исходной конструкции. Более того, **совмещение**, «склеивание» в участнике, занимающем позицию подлежащего каузативной конструкции, семантической роли каузатора и роли одного из актантов исходной конструкции, является в свою очередь лишь частным случаем **перераспределения** каких-то ролевых признаков актантов исходной конструкции в пользу каузатора, см. раздел 4.2.

4.5. Отклонения от канонических схем при каузативации: обобщение

В целом на материале неканонических употреблений каузативных конструкций, рассмотренных в разделе 4, хорошо видно, что использование структуры с каузативным глаголом может отражать не только объективные свойства ситуации внешней действительности, но и определенную **перспективу говорящего**, стремление **представить** одного из участников события как каузатора и поместить его в позицию подлежащего (в разделе 3.4 мы видели, что синтаксические свойства подлежащего в каузативных конструкциях сосредоточены только на этом одном актанте). Если рассматривать **канонические** каузативные конструкции **в изоляции**, то роль перспективы говорящего при их употреблении не так очевидна, как для **перераспределяющих** каузативов типа *diiür-* ‘наполняться (чем-то)’ → *diiür-g-* ‘наполнить что-то (о веществе)’, ≈ ‘заставить наполниться собой’. Неслучайно в литературе роль перспективы говорящего гораздо чаще обсуждается в связи с явлением **залога**, чем применительно к **актантной деривации** (существенное исключение, впрочем, представляет статья [Kemmer, Verhagen 1994]). Однако в следующем разделе мы убедимся в том, что в структурах, включающих более одной клаузы, употребление каузативных конструкций

может быть обусловлено стремлением к определенному ранжированию участников в рамках перспективы и в случае с каноническими каузативными конструкциями.

5. Использование каузативной конструкции в структурах, включающих более одной клаузы

До сих пор калмыцкие каузативные конструкции рассматривались в основном в изоляции. Однако более полное понимание свойств этих структур становится возможным, если привлечь к обсуждению соединение каузативных клауз с другими клаузами. Для удобства эта проблема будет рассмотрена на двух уровнях. В разделе 5.1 будет рассмотрено использование каузативных конструкций в рамках сложного предложения. Выявляемые закономерности будут интерпретироваться в собственно синтаксическом аспекте. Далее, в разделе 5.2 каузативные конструкции будут рассмотрены в рамках более широкой перспективы построения связных текстов. В этом разделе будет показано, что выявленные в разделе 5.1 синтаксические закономерности отражают более общие закономерности выстраивания единого дискурсивного пространства.

5.1. Каузативные конструкции в полипредикативных предложениях

5.1.1. *Сентенциальные сирконстанты с целевым деепричастием.* В разделе 3.3.3, при обсуждении синтаксических свойств подлежащих в калмыцком языке, говорилось о том, что только подлежащее главной клаузы может контролировать референцию подразумеваемого (нулевого) подлежащего некоторых сентенциальных зависимых. К числу таких зависимых относятся, например, целевые клаузы, возглавляемые деепричастием на *-xar*. Так, следующее предложение может интерпретироваться только так, что лицом, собирающимся спать, является сам говорящий, отправляющий каких-то людей в другое место:

(73) bi_i [\emptyset_i *unt-xar*] *tedn-igə*
 я.NOM спать-CV.PURP они-ACC
xär-iil-čk-ü-v
 возвращаться-CAUS-COMPL-PST-1SG
 ‘Я_i отправил их_j домой, чтобы $\emptyset_{i,*j}$ (лечь) спать’.
 (*‘Я отправил их домой спать’).

В данном случае центральный участник целевого события совпадает с участником, занимающим позицию подлежащего в главной клаузе (см. аналогичную ситуацию также в примере (52) выше). Разумеется, возможна и ситуация, когда такого совпадения не наблюдается. В этих случаях могут быть использованы другие синтаксические структуры; чаще всего это конструкция с зависимой клаузой, вводимой союзом *gi-ḅäd* ('говорить-CV.ANT') и возглавляемой одной из форм императивной зоны:

- (74) *bi tedn-igə unt-txa gi-ḅäd*
 я.NOM они-ACC спать-JUSS1 говорить-CV.ANT
xär-ül-čk-ü-v
 возвращаться-CAUS-COMPL-PST-1SG
 'Я_i отправил их_j домой Ø_{*i, j} спать' (букв.: 'Я отправил их
 домой, сказав: «поспали бы они»').

Несмотря на то, что исполнитель действия, соответствующего цели, в подобных структурах, если он выражен, практически всегда оформляется аккузативом, он обладает свойствами подлежащего в составе зависимой клаузы, см. [Прохоров, настоящий сборник]. Это видно, например, по использованию в таких зависимых клаузах рефлексивного посессива:

- (75) *čamagə tövknün gerg-tä-ḅän*
 ты.ACC спокойно жена-ASSOC-P.REFL
küünd-txä gi-ḅäd bi
 разговаривать-JUSS1 говорить-CV.ANT я.NOM
jov-x-u
 ходить-PC.FUT-1SG
 'Я_i уйду, чтобы ты_j спокойно поговорил со своей_{*i, j} женой'.

В связи с примерами (74) и (75) возникает существенный вопрос о том, к какой составляющей — к главной клаузе или к зависимой — относится именная группа, соответствующая исполнителю целевого действия. На первый взгляд, в тех примерах, когда глагол главной клаузы является переходным и его пациенсоподобный участник является исполнителем зависимого действия, как в (74), именная группа в аккузативе относится к главной клаузе, а если главный предикат является непереходным глаголом, как в (75), больше оснований говорить о том, что

исполнитель выражен в зависимой клаузе, хотя и маркирован неканоническим для подлежащего образом²². Независимо от ответа на вопрос о том, к какой из клауз относится материально представленная именная группа, соответствующая исполнителю действия, выраженного зависимой клаузой, существенно то, что использованная в примерах (74) и (75) форма юссива требует **разносубъектности** главной и зависимой клауз, как семантической, так и синтаксической.

Однако для выражения того же смысла, что и в предложении (74), может быть использована и другая структура, включающая в свой состав каузативный глагол:

- (76) *bi tedn-igə unt-ul-xar*
 я.NOM они-ACC спать-CAUS-CV.PURP
xär-iil-čk-i-v
 возвращаться-CAUS-COMPL-PST-1SG
 ‘Я отправил их домой спать’ (*‘Я отправил их домой, чтобы лечь спать’).

На первый взгляд, каузативный глагол встраивается в данном случае в синтаксическую структуру предсказуемым композиционным образом. Отправляющий, выраженный в позиции подлежащего главной клаузы, является каузатором зависимого события. Это зависимое событие выражено каузативной лексемой (не ‘спать’, а ‘каузировать спать’). Получается, что две клаузы оказываются односубъектными, поэтому использование целевого деепричастия, требующего односубъектности, как будто бы вполне ожидаемо. Однако такой анализ наталкивается на определенные трудности.

Во-первых, заметим, что одним из ключевых свойств целевых конструкций является то, что в нормальном случае планируемое действие, выраженное в зависимой целевой клаузе, хронологически следует за действием, выраженным в главной клаузе. Именно так обстоит дело, например, в разобранном выше примере (73): переход говорящего ко сну может начаться только после

²²Вероятно, впрочем, ситуация в действительности несколько сложнее, что обсуждается в [Прохоров, настоящий сборник; Сердобольская, настоящий сборник].

изгнания посторонних людей, именно этот переход и является целью изгнания посторонних людей. Если считать, что в высказывании (76) каузативный глагол просто встраивается в готовую структуру, то следует ожидать, что все то сложное каузативное событие, которое он выражает, должно осуществляться после завершения действия, выраженного в главной клаузе. На самом же деле в примере (76) **после** отправления неких людей домой осуществляется лишь каузируемое подсобытие, т. е. собственно сон. Что же касается каузирующего подсобытия, то оно не может быть осуществлено после события, выраженного в главной клаузе: после того как кого-то отправляют домой, протагонист теряет способность осуществлять какую-либо каузацию. Таким образом, семантика каузативного глагола «расщепляется» и в рамки нормальной для целевых конструкций хронологической интерпретации попадает лишь второе подсобытие. То же наблюдается и в следующем примере, зафиксированном в спонтанном тексте:

(77) *tegäd maŋɖdurtən^l xärii emgə-n modə*
 потом наавтра назад бабушка-EXT дерево
avxul-xar övg-igə täv-žä-nä
 брать.CAUS-CV.PURP старик-ACC класть-PROG-PRS
 ‘На следующий день опять бабка посылает (букв.: кладет) деда, чтобы он принес дров’ (букв.: ‘⟨...⟩ чтобы каузировать его принести дрова’) (12_prostofilja.16).

Во-вторых, возвращаясь к обсуждению примера (76), заметим, что в обычном употреблении каузативный глагол *unt-ul-* (‘спать-CAUS’) скорее обозначает контактную каузацию (например, так говорят об убаюкивании детей). В примере (76) речь идет о другом: человек, отправляющий других участников домой, может каузировать сон только дистантно, например, сказать: «идите домой и ложитесь спать». Мы снова видим, что при помощи целевой конструкции в структуру предложения встраивается не столько собственно каузативный глагол во всей полноте своей семантики, сколько обычное, некаузативное, событие ‘спать’, а каузативация соответствующего глагола лишь создает необходимые условия для синтаксической односубъектности двух клауз.

Наконец, в-третьих, об особом поведении каузативных конструкций в составе зависимых целевых клауз говорит их

взаимодействие с показателем отрицания. В грамматике калмыцкого языка имеется указание на то, что целевое деепричастие «не принимает ⟨...⟩ частиц отрицания» [Санжеев 1983: 258]. Сказанное верно лишь отчасти. Дело в том, что морфологически «целевое деепричастие» является формой инструменталиса причастия будущего времени (-*xar* = -*x* + -*ar*). Причастие же будущего времени подвергается отрицанию при помощи отрицательной связки *uga* (в данном случае, как и во многих других, последняя реализуется не как самостоятельное слово, а как аффикс -*go*). При отрицании целевого деепричастия отрицательная связка присоединяется сразу после показателя причастия и, тем самым, разбивает **морфологическое** единство показателя целевого деепричастия (как и в других случаях, показатель причастия по морфотактическим причинам приобретает форму -*š*). Однако семантически получающаяся форма функционирует именно как целевая:

- (78) *bi du xar-š-go-xar kazaran*
 я.NOM голос выходить-PC.FUT-NEG.COP-INS наружу
xar-u-v
 выходить-PST-1SG
 ‘Я вышел на улицу, чтобы не говорить’²³.

Рассмотрим теперь следующий пример, где отрицательная форма целевого «деепричастия» (пусть с морфологически разрывным показателем) используется уже в зависимой **каузативной** клаузе:

- (79) *bi xär-š ir-ü-v*
 я.NOM возвращаться-CV.IPFV приходить-PST-1SG
čatagə unt-ul-š-go-xar
 ты.ACC спать-CAUS-PC.FUT-NEG.COP-INS
 ‘Я вернулся (домой), чтобы ты не заснул’.

Если бы отрицание принимало в данном случае в свою сферу действия семантику каузативной глагольной лексемы целиком, то мы ожидали бы интерпретации типа ‘чтобы

²³ Несмотря на свою внутреннюю форму, сочетание *du xar-* ‘разговаривать’, букв. ‘голос выходить’ ведет себя как глагол речи с одушевленным подлежащим (ср. *tedən du xar-ža-na* они голос выходить-PROG-PRS ‘они разговаривают’), поэтому приведенная структура является односубъектной бипредикативной.

не (каузировать тебя спать) / чтобы не (убаюкивать тебя)’. Однако наблюдается в данном случае иное: в сферу действия отрицания попадает лишь каузируемое подсобытие, а само отрицание попадает в сферу действия каузатива: ‘для того, чтобы каузировать (отсутствие твоего сна)’. В разделе 3.3.2 мы видели, что такое взаимодействие отрицания с каузативным глаголом лишь очень ограниченно возможно в случае, когда каузативный глагол является сказуемым независимого предложения. Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что каузативация вложенного предиката может использоваться в калмыцком языке для того, чтобы встроить в рамки односубъектной полипредикативной структуры только каузируемое событие, а не сложное двухкомпонентное событие каузации.

Итак, использование каузативных глаголов в составе зависимой целевой клаузы может служить цели создания единой перспективы для главной и зависимой клаузы: событие, выражаемое в зависимой клаузе, кодируется в рамках такой перспективы говорящего, где в центре находится центральный, подлежащий, участник главной клаузы. При этом наблюдаются все ожидаемые синтаксические эффекты односубъектности. Например, имена, маркированные рефлексивно-посессивными показателями в составе целевой клаузы, интерпретируются, разумеется, как принадлежащие участнику, являющемуся подлежащим теперь уже и в главной, и в зависимой клаузе (ср. иную картину выше в примере (75), где использовалась разносубъектная целевая конструкция)²⁴:

- (80) *sovhoz-in axlačə namagə Elst-äsə küükt-än*
 совхоз-GEN председатель я.ACC Элиста-ABL дети-P.REFL
avxul-xar jov-ulə-v
 брать.CAUS-CV.PURP ходить-CAUS-PST
 ‘Директор_i колхоза отправил меня_j, чтобы я привез
 из Элисты его_i, *_j детей’.

²⁴ Это естественно, если вспомнить, что, как было показано в разделе 3.3.3, в составе клауз, возглавляемых морфологически каузативным глаголом (в данном случае *avxul* брать.CAUS ‘заставить привезти’), каузируемый не обладает никакими синтаксическими свойствами подлежащего, в частности, не способен контролировать рефлексив.

5.1.2. *Сентенциальные актанты, оформленные целевым деепричастием.* Интересно, что целевое деепричастие в калмыцком языке может возглавлять не только сентенциальное обстоятельство цели, но и сентенциальные актанты при некоторых глаголах. К числу этих глаголов относятся такие, в семантику которых входит дезидеративный компонент (*sed-* ‘намереваться’, *sur-* ‘просить (разрешения)’, *šiid-* ‘решить’), поэтому сочетаемость целевых деепричастий именно с этими глаголами оказывается семантически естественной. Неудивительно и то, что такие матричные предикаты также часто сочетаются с зависимыми каузативными глаголами, при этом наблюдаются уже теперь ожидаемые семантические эффекты:

- (81) *nar-igə ertə bos-ul-xar bi*
солнце-ACC рано встать-CAUS-CV.PURP я.NOM
sed-žä-nä-v
намереваться-PROG-PRS-1SG
‘Я хочу, чтобы солнце рано встало’.

При попытке композиционной интерпретации приведенной структуры получается совершенно парадоксальное прочтение (букв.: ‘я хочу рано поднять солнце’). Возможно, именно поэтому после размышления некоторые информанты все же отмечали странность таких употреблений, однако именно подобные переводы на калмыцкий часто предлагались при предъявлении русского стимула.

Наконец, структурой, занимающей промежуточное положение между конструкциями с целевым сирконстантом и конструкциями с сентенциальным актантом, является **дезидеративная конструкция** с глаголом *bäi-* ‘быть’ и целевым деепричастием. При употреблении в рамках такой конструкции каузативного глагола содержанием желания подлежащего участника может становиться не сложное каузативное событие, которое выражается каузативным глаголом в обычном употреблении, а лишь каузируемое подсобытие.

Для иллюстрации этого тезиса рассмотрим поведение каузативного глагола *sur-вэ-* ‘учиться-CAUS’. Употребление этого глагола в качестве вершины самостоятельной клаузы предполагает, что подлежащий участник сам функционирует в качестве учителя:

- (82) *bi küükt-än škol-də sur-ʋ-u-ʋ*
 я.NOM дети-P.REFL школа-DAT учиться-CAUS-PST-1SG
 ‘Я учил своих детей в школе’ (?‘Я заставил своих детей учиться в школе’).

Однако, когда этот глагол выступает в составе дезидеративной конструкции, становится возможной и такая интерпретация, при которой содержание желания состоит лишь в каузируемом подсобытии, т. е. подсобытии, которое в нормальном случае должно было бы быть выражено некаузативным глаголом *sur-* ‘учиться’:

- (83) *bi škol-də küükt-än uxa-ta bagš-ar*
 я.NOM школа-DAT дети-P.REFL ум-ASSOC учитель-INS
sur-ʋ-kar bää-nä-ʋ
 учиться-CAUS-CV.PURP быть-PRS-1SG
 ‘Я хочу, чтобы моих детей в школе учил умный учитель’
 (≠ #‘Я хочу учить своих детей...’).

Ясно, что связь между каузативацией зависимого предиката и использованием целевой зависимой клаузы, показанная в предыдущих примерах, имеет отчетливую **семантическую** основу: у подлежащего главной клаузы, при которой имеется целевая зависимая клауза, есть свойство **волитивности**, т. е. свойство, которое уподобляет его каузатору. Так, например, в обоих следующих высказываниях этим свойством волитивности обладает Петя:

- (84) *Петя отправил детей домой спать.*

- (85) *Петя укладывает детей спать.*

В русском языке использование структуры *укладывать спать* всегда предполагает не только волитивность, но и непосредственное участие подлежащего участника в каузируемом событии. В калмыцком же языке каузативный глагол *unt-ul-* (‘спать-CAUS’) не требует такого участия в случае, если он употреблен в зависимой целевой клаузе, но во всех случаях предполагает волитивность каузатора.

Итак, для рассмотренных пока что в разделах 5.1.1 и 5.1.2 каузативных конструкций наблюдается более или менее понятная семантическая **сочетаемость** двух компонентов: и целевое деепричастие, и каузативация связаны с семантикой волитивности.

При этом, однако, остается непонятно, что же в таких случаях семантически привносится использованием каузативного морфосинтаксиса. Действительно, если считать, что в каузативных глаголах в рассмотренных употреблениях семантически редуцирован компонент реального осуществления каузируемого события и сохраняется лишь компонент волитивности, то следует признать, что **этот компонент уже заведомо задан** самим использованием целевого дееспричастия. Так, он обязателен уже в структуре *я отправил детей домой, чтобы...* В этом смысле мы имеем дело с ярким случаем семантической избыточности: каузативная деривация, как кажется, может не привносить никакой дополнительной семантики в общую структуру (ожидаемый фактитивный компонент, как мы видели во многих примерах, может отсутствовать). Таким образом, мы все же как будто бы имеем дело с явлением синтаксического плана, которое используется семантически избыточным, хотя и не противоречивым, образом при создании структуры с общим подлежащим в полипредикативной структуре.

5.1.3. Калмыцкие каузативные конструкции в составе полипредикативных предложений: типологическая перспектива. Рассмотренные в разделах 5.1.1–5.1.2 случаи обсуждались преимущественно с синтаксических позиций. Речь шла о том, что каузативация в калмыцком языке может служить как в каком-то смысле «искусственная» операция, семантические последствия которой не вполне очевидны, а синтаксический эффект заключается в том, что при ее помощи создается полипредикативная структура, характеризующаяся односубъектностью двух предикатов.

Рассмотрение актантно-значимых преобразований под таким углом зрения имеет большую традицию. Такая логика рассмотрения характерна для анализа дериваций, перераспределяющих синтаксические ранги заданных семантических актантов, т. е., прежде всего, для залоговых преобразований типа пассива и антипассива. Именно для этих преобразований в литературе по многим языкам часто делалось утверждение о том, что их чуть ли не основной функцией является модификация аргументной структуры предиката для встраивания в синтаксический контекст, требующий установления отношений кореферентности. Так, например, по поводу структур, подобных русской конструкции в (86), иногда можно встретить утверждение о том, что пассивизация

второй клаузы **нужна для того**, чтобы сделать возможным кореферентное опущение подлежащих, невозможное в ином случае:

(86) *Петя_i начал буянить и Ø_i был выведен охранниками из зала.*

(87) **Петя_i начал буянить и охранники вывели Ø_i из зала.*

Подобные утверждения иногда делаются и для процессов актантной деривации²⁵, в частности, каузатива; например, такая трактовка существует для каузативов в одной из юпикских разновидностей эскимосского языка [Mithun 2000] — и в языке кавалан (формозская ветвь австронезийских языков) [Chang, Tsai 2001].

В другом месте [Сай 2008] мною был подробно рассмотрен вопрос о возможности чисто синтаксических, т. е. лишенных семантического, прагматического и дискурсивного потенциала, функций одного из распространенных в языках мира актантно-значимых преобразований, а именно антипассива. Один из основных выводов этой работы заключался в том, что часто обсуждаемые в литературе синтаксические функции антипассива являются лишь внешним проявлением более общих **дискурсивных** свойств этой деривации. Другими словами, антипассив может быть связан с перераспределением коммуникативных рангов между участниками события, что лишь в некоторых частных случаях может приводить к установлению кореферентных отношений между клаузами. Если рассматривать исключительно такие структуры, которые по своей природе требуют отношений кореферентности, то возникает видимость того, что функция антипассива и сводится исключительно к установлению этих отношений.

Думается, что *mutatis mutandis* подобное рассуждение может быть применено и к каузативным конструкциям калмыцкого языка. В разделах 5.1.1–5.1.2 рассматривались такие синтаксические структуры, которые требуют односубъектности смежных клауз.

²⁵ Думается, что сравнительная редкость таких утверждений для актантной деривации объясняется как содержательными причинами, так и методологическими: лингвисты в гораздо большей мере готовы счесть десемантизованными, «чисто синтаксическими» такие операции, как пассив или антипассив, чем актантные деривации, очевидно воздействующие не только на синтаксическую, но и на ролевую структуру предиката.

Именно в таких случаях каузативную структуру зачастую невозможно заменить на некаузативную без существенных изменений структуры, так чтобы это не привело к неграмматичности²⁶. Однако думается, что на самом деле мы и здесь имеем дело лишь с «верхушкой айсберга». Если обратиться к использованию каузатива в связанном калмыцком дискурсе не только в рамках структур, которые требуют односубъектности, но и в других ситуациях, выяснится, что калмыцкий каузатив можно охарактеризовать не как собственно синтаксическое средство «подгонки» клаузы к требованиям контекста, а скорее как дискурсивное средство, позволяющее достичь естественности построения дискурса, как определенный «способ говорить» о цепочках событий (ср. понятие «текстовых функций» каузативных конструкций, обсуждаемое в [von Waldenfels 2003: 40–41]). Именно использование каузативных конструкций в рамках более широкой дискурсивной, а не узко-синтаксической перспективы рассматривается в следующем разделе.

²⁶То же относится к не рассматриваемым здесь подробно структурам с такими «сложными глаголами» (см. о них [Баранова, настоящий сборник], где в позиции главной — финитной — глагольной формы используются переходная лексема, например, глагол *av-* ‘брат’, (вершина сложного глагола со значением рефлексивного бенефактива). В таких структурах подлежащее должно соответствовать участнику, который занял бы позицию подлежащего при самостоятельном употреблении «смыслового» глагола:

- (i) *neg däkčə kövü-n berə or-ul-žə /*
 один раз мальчик-EXT сноха входить-CAUS-CV.IPFV
 **or-žə av-čə*
 входить-CV.IPFV брат-EVD
 ‘Однажды сын привел невесту’ (15_chjort.004).

Если перевести представленную структуру буквально, то получится что-то вроде ‘однажды сын взял невестку, приведя (ее)’, а структура, буквальный перевод которой звучал бы как ‘однажды сын взял невестку, (она) придя’, невозможна. Другими словами, использование некаузативного глагола в составе приведенной структуры неизбежно привело бы к неграмматичности.

5.2. *Каузативные конструкции в связном тексте*

Сведения, обсуждаемые в этом разделе, получены путем анализа корпуса из 30 текстов, собранных в ходе экспедиций 2007 и 2008 года (19 из этих текстов публикуются в настоящем сборнике). Общая длительность звучания этих текстов составляет немногим более 100 минут, в них содержится около 8500 словоформ. В корпусе представлено **127** случаев употребления глагольных словоформ, содержащих показатель каузатива²⁷.

При рассмотрении каузативных словоформ сразу обращает на себя внимание тот факт, что распределение каузативных глаголов по различным грамматическим формам статистически отличается от общих закономерностей, характерных для калмыцких текстов. Данные об этих распределениях в несколько схематичном виде представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Распределение каузативных глаголов по грамматическим формам глагольных словоформ

	каузативные глаголы	словоформы всех глаголов	% каузативных глаголов
деепричастия	76	1383	5,5%
причастия	30	580	5,2%
формы императивной зоны	9	64	14,1%
финитные формы индикатива	12	793	1,5%
всего	127	2820	4,5%

Следует отметить, что разделение форм калмыцких глаголов по четырем рубрикам, выделенным в Таблице 1, отчасти условно. Так, например, многие формы, описываемые как «причастия», могут выступать в качестве единственного сказуемого независимого простого предложения. Однако в рамках Таблицы 1 причастиями считались все такие формы, которые в принципе **могут** возглавлять относительный оборот (даже если в конкретном

²⁷ Из этого числа (и из всех последующих подсчетов) были исключены несколько каузативных словоформ. Это делалось в том случае, если грамматический анализ самих этих словоформ или их дискурсивного контекста по тем или иным причинам был затруднителен.

случае форма употреблена в тексте иначе). Таким образом, в данную рубрику попадали все формы, которые описываются как причастия в имеющихся грамматиках калмыцкого языка, кроме формы континуатива с показателем *-а*, так как в изучавшемся нами диалекте эта форма **никогда** не возглавляет относительный оборот и используется в основном в функции финитного сказуемого²⁸.

У данных, приведенных в Таблице 1, есть еще и тот недостаток, что здесь отражены свойства **словоформ**, содержащих каузативный показатель; как следствие, случаи, когда в тексте использовалась аналитическая форма, состоящая из нефинитной формы каузативного глагола и личной формы вспомогательного глагола, например, глагола *büü-* 'быть', подсчитывались как нефинитные.

Тем не менее, данные, представленные в Таблице 1, позволяют сделать некоторые предварительные выводы. Мы видим, что примерно 4,5% всех глагольных словоформ, употребленных в текстах, являются формами каузативных глаголов. Однако, этот процент существенно ниже для финитных форм индикатива (1,5%) и несколько выше (более 5%) для нефинитных глагольных форм (причастий и деепричастий). Само по себе это наблюдение можно увязать с идеей о том, что использование морфологических каузативов в калмыцком языке во многих случаях отражает процесс выбора говорящим некоторой **перспективы**. С вероятностью, превышающей среднюю ожидаемую, каузатив используется в нефинитных формах, т. е. в формах, которые в том или ином смысле «подстраиваются» под общую дискурсивную канву, а не служат для ее создания.

Вероятно, стоит оговорить те причины, по которым в Таблице 1 отдельно были приведены данные для форм «императивной зоны» (сюда попали формы собственно императива, юссива, гортатива, апрехенсива). С одной стороны, все эти формы являются финитными. С другой стороны, однако, анализирувавшиеся тексты по преимуществу являлись нарративными. В рамках этих

²⁸Интересно, что из всех калмыцких причастий финитно наиболее часто используется причастие будущего времени с показателем *-хэ*, и именно для него доля каузативных глаголов оказывается ниже, чем для всех прочих форм, считавшихся как нефинитные, — 2,7%.

текстов формы «императивной зоны» практически не используются для осуществления взаимодействия локуторов, т. е. в прототипической для императива функции. По большей части эти формы встречаются в нарративах в конструкциях прямой речи, т. е. в тех случаях, когда рассказчик передает какие-либо события, цитируя речь одного из персонажей. Другими словами, формы «императивной зоны», являясь, безусловно, финитными, используются в нарративах почти исключительно в зависимых клаузах; в этом отношении они подобны нефинитным формам. Именно этим объясняется, надо думать, принципиальное отличие доли каузативных глаголов для этих форм — она значительно выше, чем для других финитных форм, т. е. для форм, которые образуют основную повествовательную канву нарративов с позиции рассказчика.

Однако еще более интересны те данные, которые были получены при изучении **кодирования актантов** при каузативных глаголах, используемых в естественных текстах. Для начала следует очертить круг тех возможностей, которые в данном случае ожидалось. Как следует из обсуждения в разделах 3 и 4, единственный способ эксплицитного выражения каузатора в каузативной конструкции — это помещение его в позицию подлежащего; в проанализированных текстах все эксплицитные подлежащие выражаются именными группами в номинативе. Также в составе клаузы, возглавляемой каузативным глаголом, каузатор может оставаться имплицитным, т. е. не быть выраженным самостоятельной именной группой.

Каузируемый участник, если он выражен в составе каузативной клаузы, должен занимать неподлежащую позицию. Как следует из обсуждения в разделах 3 и 4, в калмыцком языке грамматически допустимо его кодирование формами аккузатива, датива и аблатива. Далее, каузируемый участник, как и каузатор, может не быть эксплицитно выражен в составе каузативной клаузы.

Статистическое распределение очерченных грамматических возможностей в проанализированных текстах представлено в Таблице 2. Серым цветом закрашены те ячейки Таблицы 2, которые в принципе не могут быть заполненными, если исходить из очерченных выше грамматических возможностей калмыцкого языка.

Таблица 2. Грамматическое выражение каузатора и каузируемого в каузативных клаузах

	каузатор	каузируемый
не выражен эксплицитно	101 ²⁹	62
номинатив	26	
аккузатив		57
датель		5
инструменталис		0
аблатив		0
мишень релятивизации	0	3 ³⁰
всего	127	127

Думается, что приведенные в Таблице 2 данные интересны в двух отношениях. Во-первых, можно заметить, что каузируемый участник (51%) и особенно каузатор (80%) очень часто не выражаются эксплицитно в составе каузативной клаузы. Применительно к каузатору, по всей видимости, можно говорить о более широкой тенденции, а именно о том, что при переходных глаголах подлежащее в калмыцком языке вообще обычно соотносимо с референтом, уже введенным в пространство дискурса, т. е. о данном. По всей видимости, калмыцкий язык следует той типологической закономерности, которая известна как «гипотеза о предпочтительной аргументной структуре» [Du Bois 1987, Du Bois et al. 2003]. Согласно этой гипотезе, позиция «переходного подлежащего», А-аргумента, сравнительно редко заполняется полноценной именной группой; в самых разных языках в этой позиции гораздо чаще используются местоимения или — в тех

²⁹Поскольку многие финитные формы калмыцкого языка имеют в своем составе показатели личного согласования с подлежащим первого или второго лица, а выражение подлежащего личным местоимением в таких случаях отличается от закономерностей выражения подлежащего третьего лица полноценной именной группой, вероятно, имеет смысл указать, что на 101 случай без эксплицитно выраженного в той же клаузе каузатора приходится лишь 14 глагольных форм, содержащих согласовательный показатель.

³⁰В дальнейших подсчетах, связанных с референциальными свойствами каузируемого участника, эти 3 случая были исключены из анализа и рассматривались только оставшиеся 124 случая.

языках, где позиция подлежащего может быть не заполненной, как в калмыцком, — имеется синтаксически нулевой элемент. На данный момент у нас нет данных, которые показывали бы, что каузативные глаголы в названном отношении отличаются от других переходных глаголов. Вопрос же о том, как интерпретируются синтаксические нули, соответствующие каузатору и каузируемому, рассматривается ниже.

Во-вторых, довольно неожиданны в свете сведений, изложенных в разделах 3 и 4, данные, касающиеся морфологического выражения каузируемого участника. Мы видим, что из всех падежных возможностей, имеющихся в калмыцком языке, сколько-то регулярно используется только одна — речь идет о случае, когда каузируемый участник кодируется именной группой в аккузативе. Отчасти это наблюдение связано с тем, что в проанализированных текстах гораздо чаще встречаются каузативы, образованные от непереходных глаголов (102 случая), чем каузативы, образованные от глаголов переходных (25). Вероятнее всего, можно сделать предварительный вывод о том, что в калмыцком языке глаголы с «непереходными корнями» в целом несколько более склонны к каузативации, чем глаголы с «переходными корнями»³¹. Если это так, то нужно признать, что в калмыцком языке наблюдается статистическое отражение известной типологической закономерности, согласно которой непереходные глаголы подвергаются каузативации легче, чем переходные (см. [Недялков, Сильницкий 1969b: 25–26; Comrie 1985: 335] и множество последующих работ, посвященных типологии каузатива), хотя в калмыцком языке и нет грамматических ограничений на образование каузатива, связанных с актантами свойствами исходного глагола.

Однако существенно для нас сейчас даже не это. Из обсуждения в разделе 3 как будто бы следовало, что выбор инструменталиса для кодирования каузируемого участника является основной возможностью, ожидаемой при канонической кауза-

³¹Предварительный подсчет по 600 случайно выбранным глагольным словоформам показал, что глаголы с переходными корнями составляют 32% от всех глагольных словоупотреблений, для каузативных же дериватов процент глаголов с переходными корнями несколько ниже — 20%.

тивации переходного глагола. При этом данные в Таблице 2 неожиданно показывают, что эта каноническая возможность **ни разу** не реализована в проанализированных текстах. При этом из 25 каузативов, образованных от переходных глаголов, для 12 случаев из общеграмматических закономерностей, рассмотренных в разделах 3 и 4, ожидалось инструментальное кодирование каузируемого, для 11 — дативное (это каузативы со значением ‘показать’, ‘сообщить’ и т. д., образованные от глаголов ментальной деятельности *iiz-* ‘видеть’, *med-* ‘знать’), а еще для 2 — аккузативное. Таким образом, мы видим, что по каким-то причинам эксплицитное выражение каузируемого в целом встречается не так часто (< 50% случаев, см. Таблицу 2), и что при этом особенно редки такие каузативные конструкции с заполненной валентностью на каузируемого участника, которые мы были склонны считать «каноническими» каузативами, образованными от переходных глаголов.

Природа некоторых из отмеченных закономерностей становится понятна, если рассмотреть референциальные свойства каузаторов и каузируемых участников в текстах. Для изучения этих свойств использовалась в упрощенном виде методика, предложенная Т. Гивоном для измерения степени топикальности референтов в дискурсе [Givón 1983, см. также Givón 1990: 570 и дальнейшие отсылки к литературе]. Суть этой методики заключается в том, что для референта, семантически представленного в некоторой клаузе, выясняется, упоминается ли он в предшествующих (эта мера топикальности называется «референциальным расстоянием», «referential distance») и последующих («живучесть», «persistence») клаузах. Для простоты мною для каузаторов и каузируемых было подсчитано только референциальное расстояние. Референциальное расстояние для определенного участника приравнивалось единице, если он был представлен в предыдущей клаузе, двойке — если между анализируемой клаузой и предшествующим упоминанием располагалась одна клауза, далее соответственно определялись показатели 3, 4 и 5. Референт подсчитывался как нетопикальный в случае, если он до этого вообще не упоминался в дискурсе или упоминался на расстоянии в 6 или более клауз.

При этом учитывалось не то, выражен ли соответствующий референт самостоятельной именной группой, а то, представлен ли он семантически в предшествующем дискурсе. Так, например, в следующем предложении используется две формы каузативных глаголов:

- (88) *usə-n-də* *bolučən, kazər-tə* *bolučən, šin* *xaša*
 вода-EXT-DAT хоть земля-DAT хоть новый двор
täv-xə *ötən, mana* *kövü-d*
 класть-PC.FUT перед мы.GEN мальчик-PL
mörgə-ld-äd, *lam-igə* *av-č*
 молиться-RECP-CV.ANT лама-ACC брать-СV.IPFV
ir-äd *suu-lə-ad,* *nom*
 приходиться-СV.ANT сидеть-CAUS-СV.ANT учение
umš-ul-ad, *tiig-äd* *jav-na*
 читать-CAUS-СV.ANT делать.так-СV.ANT что.делать-PRS
 ‘Будь то вода, будь то земля, перед тем, как поставить
 новый двор, наши ребята вместе молятся, приводят ламу, сажают его,
 дают ему читать молитву, вот как делают’ (09_belaja_staruxa.10).

В обоих случаях каузируемым участником является ‘лама’. При этом в обоих случаях референциальное расстояние для него приравнивалось единице. Действительно, при глаголе *suu-lə-* (‘сидеть-CAUS’) ‘сажать’ подразумеваемый каузируемый участник не выражен, однако он выражен в предшествующей клаузе в позиции прямого дополнения при сложном глаголе *av-č ir-* (‘брать-СV.IPFV идти’) ‘привести’. При следующем каузативном глаголе *umš-ul-* (‘читать-CAUS’) ‘заставлять читать’ каузируемый участник снова не выражен, однако, поскольку речь идет все о том же ламе, референциальное расстояние для него также приравнивалось единице. Смысл вводимой меры, таким образом, сводится к тому, что она позволяет понять, каким образом каузативная клауза соотносится с референциальной структурой дискурса. В частности, в приведенном отрывке оба каузативных глагола употреблены так, что они продолжают дискурсивную перспективу, заданную левым контекстом: «наши ребята» молятся, приводят «ламу» и далее проделывают некоторые действия по отношению к нему.

Также для тех случаев, когда референциальное расстояние для того или иного участника удавалось установить (т. е. оно попадало в диапазон 1–5), выяснялось, какой синтаксической позиции соответствует последний случай семантического присутствия этого референта в тексте. Так, в уже разбиравшемся примере (88) для обоих каузативных глаголов устанавливалось, что предыдущее упоминание каузатора пришлось на позицию подлежащего, а предыдущее упоминание каузируемого — на позицию прямого дополнения. Учитывалось то, что при сложном глаголе ‘приводить’ тот, кого приводят, выражен в позиции прямого дополнения эксплицитно, а при глаголе *suu-lv-* (‘сидеть-CAUS’) ‘сажать’, который возглавляет ближайшую левую клаузу для глагола *utš-ul-* (‘читать-CAUS’) ‘заставлять читать’, и каузатор, и каузируемый не выражены, но, если бы они были выражены, то они снова заняли бы те же позиции. Для простоты все возможные синтаксические позиции в предшествующем дискурсе делились на три случая: подлежащее, прямое дополнение и прочие (косвенные) позиции (последние два случая при некоторых подсчетах, например, в Таблице 3, объединялись).

Рассмотрим теперь результаты текстовых подсчетов. Для начала обратимся к референциальному расстоянию для каузаторов каузативных конструкций, см. Таблицу 3.

Таблица 3. Референциальное расстояние и последняя синтаксическая позиция (занятая или подразумеваемая) каузатора

расстояние	случаев	синтаксическая позиция при последнем упоминании	
		подлежащее	иная
1	81	69	12
2–5	23	21	2
>5 или ∞	23		
всего	127	90	14

Мы видим, что более чем в половине случаев употребления каузативных конструкций в текстах (69 случаев) каузатор референциально совпадает с участником, который занимает (или занял бы, если бы был эксплицитно выражен) позицию подлежащего в предшествующей клаузе. Еще в 21 случае этот

участник является подлежащим — снова выраженным или подразумеваемым — одной из четырех более удаленных клауз в левом контексте.

Думается, что приведенные данные являются наглядной демонстрацией одного из основных тезисов всей настоящей статьи: каузативные конструкции чаще всего используются тогда, когда некоторое событие рассматривается в рамках такой перспективы, где в центре оказывается некоторый участник, который является топиальным, при этом чаще всего не просто топиальным, а таким, «с позиций которого» выстраивается уже и левый контекст каузативной конструкции. Можно проиллюстрировать это утверждение, если обратиться еще раз к уже разбиравшемуся примеру (88). В калмыцком языке имеются грамматические возможности для выражения необходимой цепочки событий в рамках изменяющейся перспективы. Говорящий в принципе **мог** использовать структуру, которая в буквальном переводе на русский язык звучала бы примерно так: ‘наши ребята молятся, приводят ламу, лама садится, читает молитвы, вот что делают наши ребята’. Более того, такая структура была бы возможна даже при использовании необходимых глаголов в той же форме разделительного деепричастия на *-ad*, в которой в тексте используются каузативные глаголы. В отличие от некоторых случаев, рассмотренных в разделе 5.1, эта форма не требует односубъектности, т. е. о собственно синтаксических требованиях здесь говорить нельзя. Скорее можно говорить о дискурсивном предпочтении говорящего в пользу единой перспективы, в данном случае — такой перспективы, где в центре на протяжении нескольких клауз остаются ‘наши ребята’. При этом семантика каузации как таковой, т. е. воздействие каузатора на каузируемого, оказывается затенена (ср. используемые для подобных случаев ослабления собственно каузативной семантики понятия «*curative causation*» и «*circumstantial reading*» в [von Waldenfels 2004: 37] и [Kural 1996: 81] соответственно).

Лишь в 37 случаях (29%) каузатор не является подлежащим в ближайшем левом контексте каузативной клаузы (в 23 случаях он не участвует в 5 предыдущих клаузах, еще в 14 участвует, но соответствует неподлежащему участнику последней из таких клауз). Однако даже в этих случаях позиция каузатора крайне

редко используется для появления нового топика. Действительно, в 12 из этих 37 случаев каузатором является один из локуторов (участник первого или второго лица, такие участники заведомо топикальны всегда). Еще 12 случаев приходятся на ситуации, когда каузатор соответствует обобщенно-личному участнику, т. е. участнику, который не становится топиком не только в левом контексте, но и по сути дела в самой каузативной клаузе. Еще в 9 случаях каузатором становится один из протагонистов рассказываемых событий, который по каким-то причинам не упоминался в пяти предшествующих клаузах. И, наконец, в текстах зафиксировано лишь **3 употребления** каузативных конструкций, в которых каузатором становится новое лицо, вводимое в сюжетную канву. Разумеется, в этом редком случае каузатор должен быть выражен полноценной именной группой.

Таким образом, мы убедились в том, что для понимания механизмов использования каузативных конструкций в калмыцких текстах важна тенденция к поддержанию топика. Думается — хотя изучение этого вопроса и потребовало бы отдельного исследования, — что тенденция к созданию цепочек с поддерживаемым топиком («topic chains») вообще характерна для естественных калмыцких текстов (по крайней мере для нарративов), и каузативация — это один из тех морфосинтаксических механизмов, которые могут использоваться для достижения этой тенденции.

Показательный пример действия этой тенденции зафиксирован в истории, в которой рассказчица говорит о прошлом своей семьи, в частности, о жизни ее родителей в Сибири во время депортации.

(89) <...> *Sivir-tə od-ad, madn-igə*
 Сибирь-DAT уходить-CV.ANT мы-ACC
av-ad od-ad , mana ekə eckə xojr
 брать-CV.ANT уходить-CV.ANT мы.GEN мать отец два
xojr küük-än vazər-tə üld-ä-väd,
 два девочка-P.REFL земля-DAT оставаться-CAUS-CV.ANT
mini eckə Sivir-tə basə üldə-v
 я.GEN отец Сибирь-DAT тоже оставаться-PST

{После того как поженились,} ‘<...> уехали в Сибирь, нас взяли и уехали, мама с папой двух детей похоронили (букв.: в земле оставили), мой отец тоже умер (букв.: в земле остался) в Сибири’ (01_avtobiografija.2).

Смерть двоих детей — брата и сестры рассказчицы — является, безусловно, очень значимым событием в рассказываемой трагической истории калмыцкой семьи. Синтаксически здесь было бы возможно выражение этого события в качестве клаузы с самостоятельным подлежащим ‘двое детей’. Однако рассказчик предпочитает другую структуру: поскольку все повествование до этого места излагается как бы глазами родителей, используется каузативная конструкция: ‘оставили двоих детей в земле’.

Теперь можно обратиться к вопросу о референциальном расстоянии для каузируемого участника. Как и в случае с каузаторами, для каузируемых участников устанавливалось не только референциальное расстояние, но и та синтаксическая позиция, в которой этот участник (эксплицитно выраженный или подразумеваемый) находился при последнем упоминании в левом контексте.

Таблица 4. Референциальное расстояние и последняя синтаксическая позиция (занятая или подразумеваемая) каузируемого участника

расстояние	случаев	синтаксическая позиция при последнем упоминании		
		подлежащее	прямое дополнение	иная
1	52	12	33	7
2–5	19	4	10	5
>5 или ∞	53			
всего	124	16	43	12

Сравнение полученных данных с аналогичными данными для каузаторов, представленными в Таблице 3, позволяет сделать вполне ожидаемый вывод: каузируемые участники в целом менее топикальны, чем каузаторы. Так, только 42% каузируемых участников упоминаются в предшествующей клаузе (ср. 64% для каузаторов), 43% каузируемых участников **не** упоминаются в пяти предшествующих клаузах (ср. 18% для каузаторов). Эти данные как будто бы можно напрямую соотнести со сведениями, представленными выше в Таблице 2: из этой Таблицы мы видели, что каузаторы (80%) гораздо чаще, чем каузируемые участники (50%), не выражаются при каузативном глаголе эксплицитно, что, разумеется, связано с их большей топикальностью.

Несколько более неожиданным оказывается другое наблюдение: для каузаторов и каузируемых участников получены совершенно

различные распределения, касающиеся того, какие синтаксические позиции занимают эти участники при последнем упоминании в предшествующем дискурсе (если они в нем упоминаются). Мы видели, что каузаторы в подавляющем большинстве случаев занимают в предшествующем тексте позицию подлежащего (90 случаев против 14 случаев, когда они занимают в предшествующем дискурсе иные позиции). Каузируемые же участники не просто реже соответствуют уже упомянутым референтам, но и гораздо чаще упоминаются в левом контексте в неподлежащих позициях — в позиции прямого (43 случая) или косвенного дополнения (12 случаев) против всего 16 случаев, когда каузируемый участник упоминался в ближайшем левом контексте в позиции подлежащего.

Более того, выбор между эксплицитным и имплицитным упоминанием каузируемого участника связан с предыдущим упоминанием соответствующего референта нетривиальным образом, как видно по данным, приводимым в Таблице 5.

Таблица 5. Эксплицитность/имплицитность каузируемого в каузативной конструкции и синтаксическая позиция, занимаемая соответствующим референтом при последнем упоминании

	эксплицитное	имплицитное
прямое дополнение	10 (23%)	33 (77%)
косвенные позиции	3 (25%)	9 (75%)
подлежащее	10 (62%)	6 (38%)
не упоминается в левом контексте	39 (74%)	14 (26%)
всего	62	62

Данные в Таблице 5 позволяют предполагать, что для выбора в пользу эксплицитного обозначения каузируемого участника в составе каузативной конструкции существенна не только сама его названность в левом контексте, но и способ этого называния. Действительно, данные в первых двух и в последней строках Таблицы 5 ожидаемы: уже введенные в пространство дискурса участники чаще остаются имплицитными. Однако если бы в данном случае речь шла только о степени топиальности, то мы бы ожидали, что такие каузируемые участники, референты которых в левом контексте занимали позицию подлежащего, являлись бы

не менее, а может быть, и более топикальными, чем другие участники, уже введенные в дискурс. Разумеется, данных в третьей строке может быть просто мало для того, чтобы делать какие-то окончательные выводы, однако обращает на себя внимание то, что участники, до этого упоминавшиеся в позиции подлежащего, становясь каузируемым в каузативной клаузе, чаще все же называются эксплицитно, т. е. оказываются в этом отношении подобны **новым участникам**.

Думается, что полученные выводы можно интерпретировать следующим образом: если в позицию каузируемого попадает топикальный участник, однако между клаузами наблюдается **смена перспективы**, то такая структура является маркированной и каузируемый участник должен быть эксплицитно назван. Более частотной является такая ситуация, когда каузируемый участник занимает в левом контексте какую-то неподлежащую позицию, перспектива остается неизменной и именно в этом случае преобладает имплицитное присутствие каузируемого участника в каузативной клаузе.

Это наблюдение позволяет расширить сделанный выше вывод о тенденции к такому устройству калмыцкого дискурса, при котором предпочитают цепочки клауз с общим топиком-подлежащим. Мы видим, что выстраивание единой дискурсивной перспективы распространяется и на нецентральных, т. е. неподлежащих участников: немаркированными являются такие структуры, когда в последовательных клаузах имеющиеся участники одинаково ранжированы друг относительно друга, поддерживается не только подлежащее положение центрального участника, но и более периферийное положение прочих участников.

Разумеется, такая картина может быть связана не только с собственно дискурсивными свойствами нарративов как таковых, но и с онтологическими свойствами участников. Например, понятно, что одушевленные референты заведомо имеют больше шансов оказаться в центре перспективы говорящего, чем неодушевленные. Поэтому если в смежных клаузах имеется пара общих участников, из которых один является одушевленным, а другой неодушевленным, то с большой вероятностью они будут уже на этом основании ранжированы одинаково и в центре перспективы окажется одушевленный участник, а неодушевленный займет более

периферийную позицию. Однако фактор одушевленности — а для его отдельного изучения потребовались бы дополнительные подсчеты — не может полностью объяснить полученные количественные закономерности. Показателен в этом отношении следующий пример, во многом подобный уже рассмотренному выше примеру (88):

- (90) *tegüd geləŋ-üid av-čə*
 потом гелюнг-PL брать-CV.IPFV
ir-čk-äd, iškä ger-in ömnävür
 приходит-COMPL-CV.ANT кошма дом-GEN перед
suu-lv-čk-ad nomə umš-ul-ž
 сидеть-CAUS-COMPL-CV.ANT учение читать-CAUS-CV.IPFV
adə-č
 уходить-EVD
 ‘Они пригласили гелюнгов, усадили их перед кибиткой
 и сказали читать молитвы’ (15_chjort.21).

В разбираемом фрагменте речь идет о действиях, которые предпринимают протагонисты, столкнувшись с нечистой силой. Согласно калмыцким представлениям, в таких случаях следует обратиться к помощи буддийских монахов, гелюнгов. Несмотря на одушевленность, гелюнги в данном случае воспринимаются как периферийные участники, производимые ими действия (‘сидеть перед кибиткой’ и ‘читать молитвы’) кодируются не как самостоятельные, а как каузированные извне. Более того, мы видим, что ‘гелюнги’ вводятся в дискурс в позиции прямого дополнения при сложном глаголе ‘привести’ и в двух последующих каузативных клаузах эксплицитно не называются, по всей видимости, в связи с тем, что все три клаузы выстроены в рамках единой перспективы.

5.3. Обсуждение

При обсуждении **функций** актантно-значимых преобразований в литературе зачастую противопоставляются **семантические** и **синтаксические** функции таких преобразований, как пассив, антипассив, реже — каузатив. О синтаксических функциях говорят обычно в тех случаях, когда собственно синтаксический контекст (например, требования установления кореферентных отношений между участниками смежных клауз) не допускает часть из имеющихся в распоряжении говорящего актантных структур, и для встраивания

некоторой пропозиции в синтаксический контекст как будто бы требуется некоторая маркированная структура, которая не меняет пропозициональной семантики высказывания, но изменяет необходимым образом его синтаксическую структуру. Именно поэтому о синтаксических функциях обычно говорят исключительно при обсуждении полипредикативных структур в рамках одного предложения (требования кореферентности между границами предложений в разных языках — и калмыцкий в этом отношении не является исключением — обычно демонстрируют гораздо большую свободу) и преимущественно в связи с залоговыми преобразованиями, которые менее радикально меняют пропозициональную семантику высказывания, чем процессы актантной деривации.

В связи со сказанным у каузативных конструкций сравнительно редко усматриваются синтаксические функции. Если исходить из того, что говорящий **сначала** формирует семантическую структуру высказывания, а **потом** кодирует ее при помощи доступных синтаксических средств — а такая модель по умолчанию подразумевается очень многими синтаксистами, — то каузативация — это явление, которое происходит прежде всего именно на уровне семантики. Другими словами, семантическая структура каузативной конструкции практически всегда заметным образом отличается от семантической структуры так называемой исходной некаузативной конструкции.

В разделе 5.1 были рассмотрены некоторые случаи, когда морфосинтаксическая каузативация достаточно слабо мотивирована семантически, в частности, семантика каузативного глагола в составе полипредикативной конструкции несколько отличается от семантической структуры того же глагола вне полипредикативной структуры. «Синтаксически мыслящий» лингвист в принципе может углядеть в таких употреблениях каузативных глаголов — и только в них! — реализацию именно синтаксической функции. При изучении калмыцкой каузативации такие случаи важны с теоретической точки зрения, но ясно, что в текстах они представлены сравнительно редко.

В случае других, менее жестких синтаксических структур, обнаруживаемых на уровне организации текста, говорить о синтаксических функциях каузативации уже совершенно невозможно.

Действительно, при предъявлении, например, предложения (90) в качестве стимула носитель калмыцкого языка переведет его на русский с использованием каузативной структуры, например, 'они заставили гелюнгов прочитать молитвы'³². Таким образом, получается, что использование каузативной структуры в данном случае мотивировано не синтаксически, а дискурсивно.

В рамках традиционной дихотомии «семантика vs. синтаксис» можно отнести функции каузатива в рассмотренных употреблениях к числу семантических (так как при их помощи выражается особая пропозициональная семантика). Заметим, однако, что при традиционном раздельном рассмотрении семантических и синтаксических функций актантно-значимых преобразований остается без ответа один принципиально важный вопрос: вопрос о том, как при порождении текста формируется сама его семантическая структура. Думается, что то рабочее предположение, из которого зачастую исходят лингвисты, само по себе не является обоснованным: речь идет о предположении, согласно которому семантическая структура выстраивается на доязыковом уровне и что, тем самым, в нарративных текстах на разных языках эта семантическая структура должна в целом строиться одинаково.

В этом смысле обсуждение во всех разделах до 5.1 включительно было посвящено поиску ответа на традиционный вопрос: как происходит переход от готовой семантической структуры к синтаксической при выстраивании предложения (и обратный переход при его интерпретации). Раздел же 5.2 был посвящен другой проблеме: рассматривался вопрос о том, какими дискурсивными свойствами обладают те контексты, в которых носители калмыцкого языка моделируют семантику пересказываемых событий как включающую в себя каузативный компонент. «Синтаксически мыслящий лингвист» может при этом задаться вопросом о том, в каких из рассмотренных случаев (в частности, в каком их проценте) говорящий и **не мог** употребить никакой другой структуры, кроме каузативной (и только для этих случаев

³² Иногда в таких случаях носители калмыцкого языка используют структуры типа 'они прочитали гелюнгами молитвы' или 'они прочитали молитвы при помощи гелюнгов' — не вполне правильные с точки зрения русского синтаксиса, но прозрачные в семантическом отношении.

допускать роль синтаксического контекста для осуществления каузативации). Если считать, что говорящий формирует семантическую структуру до начала работы над структурой синтаксической, то ответ будет таким, что это не происходит **никогда** (или почти никогда): каузативный синтаксис используется только тогда, когда **по каким-то причинам** говорящий подготавливает к реализации каузативную семантику, при этом синтаксически (почти) всегда допустима и некаузативная структура. Если же мы откажемся от этого априорного предположения, то выяснится, что данные, представленные в разделе 5.2, все же важны для понимания свойств каузативации в калмыцком языке, поскольку они проливают свет именно на процесс формирования **смысловой** структуры дискурса, внешним проявлением чего в ряде случаев как раз и оказывается использование каузативных клауз.

6. Выводы

1) В канонических случаях образования каузативной конструкции на основе некаузативной изменения на уровне ролевой, референциальной, синтаксической структур и на уровне структуры события сочетаются друг с другом прозрачным образом. В ситуации появляется новое каузирующее подсобытие. Инициатор этого подсобытия (каузатор) является новым участником, вводимым в позицию подлежащего. Участник, который занял бы в некаузативной конструкции позицию подлежащего, смещается вниз по иерархии синтаксических отношений и оказывается обычно в позиции прямого дополнения при каузативации непереходных глаголов и в позиции дополнения в инструменталисе (при некоторых глаголах — в позиции дативного или в редчайших случаях аблативного дополнения) при каузативации переходных глаголов.

2) В неканонических каузативных конструкциях каузатор является в семантическом отношении не «внешним» инициатором, никак не связанным с исходной структурой, а в какой-то мере «наследует» часть свойств одного из участников исходной структуры. Частным случаем неканонических каузативных конструкций является ситуация, при которой участник, занимающий позицию подлежащего каузативной конструкции, одновременно имеет две роли: роль каузатора и одну из ролей, имевшихся в семантической структуре исходного предиката.

Синтаксическим проявлением сказанного является то, что при неканонической каузативации число актантов предиката может сохраняться, а не возрастать на единицу, как в случае канонической каузативации. В калмыцком языке неканонические каузативные конструкции возможны при каузативации довольно широкого круга глаголов. Думается, что основным механизмом формирования «перераспределяющего каузатива» является такая семантическая интерпретация, при которой каузатор **по умолчанию** интерпретируется как носитель одной из ролей, наследуемых от исходного глагола (частным случаем этого явления оказываются «пассивные» употребления морфологически каузативных глаголов, подробно разбираемые в [Выдрина, настоящий сборник]).

3) В некоторых каузативных конструкциях можно увидеть синтаксические проявления их сложной семантической структуры, включающей два подсобытия. Однако общим для всех каузативных конструкций (и канонических, и неканонических) является то, что в позиции подлежащего оказывается не тот участник, который занял бы ее в некаузативной конструкции, и именно этот участник и только он обладает полным набором **синтаксических свойств подлежащего**. Существенно и то, что этот участник **всегда** обладает и важным дискурсивным свойством — он помещен в центр **перспективы говорящего**. Это особенно заметно в случае перераспределяющих — являющихся разновидностью неканонических — каузативных структур, где смена перспективы является основным следствием каузативации, но, вообще говоря, верно для всех каузативных конструкций, включая канонические.

4) Именно последнее обстоятельство чрезвычайно важно для понимания использования каузативных структур в тексте. Каузативация — это одно из тех морфосинтаксических средств калмыцкого языка, которые могут способствовать естественной организации дискурсивной структуры, а именно такой структуры, при которой соблюдается **единство перспективы в связном тексте**. Иногда такая дискурсивная структура оказывается единственной грамматически возможной для определенной синтаксической конфигурации (5.1), но это наблюдается не всегда (5.2). Именно с дискурсивными свойствами каузативации связано то, что аргументные возможности, выявляемые при предьявлении

изолированных предложений, нетривиальным образом реализуются в текстах.

Так, в калмыцких текстах **каузатор** обычно является топикальным, чаще всего он уже введен в дискурсивное пространство в позиции подлежащего одной из предшествующих клауз и сравнительно редко находит эксплицитное выражение при помощи полноценной именной группы.

Для **каузируемого участника** также достаточно характерна тенденция к сохранению места в рамках перспективы говорящего, уже занятого в предшествующих клаузах. В таких дискурсивно единых цепочках (пусть не связанных жесткими собственно синтаксическими правилами установления кореферентных отношений) каузируемый участник также обычно не называется эксплицитно заново. Эксплицитное же выражение каузируемого участника (обычно в позиции прямого дополнения) наблюдается прежде всего тогда, когда он вообще не вводился до этого в пространство дискурса или, что более неожиданно, упоминался до этого в позиции подлежащего (т. е. при смене перспективы говорящего и несмотря на высокую топикальность). При этом каузируемый участник крайне редко находит эксплицитное выражение в косвенных позициях, т. е. в позициях, более низких по рангу, чем прямое дополнение.

Таким образом, изучение использования каузативных конструкций в текстах позволяет вскрыть не только операции, осуществляемые при переходе от семантической структуры к синтаксической, но отчасти и процессы формирования самой семантической структуры в силу давления фактора естественной организации дискурса.

Литература

- Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. 2008. *Теоретическая грамматика японского языка*. Т. 2. М.: Наталис.
- Баранова В. В. Сложные глаголы в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Бонч-Осмоловская А. А. 2007. Семантика актантных дериваций // Лютикова Е. А., Казенин К. И., Соловьев В. Д., Татевосов С. Г. (ред.). *Мишарский диалект татарского языка*. Казань: Магариф. С. 143–191.
- Выдрина А. В. Употребление показателя пассива в калмыцком языке. Настоящий сборник.

- Галямина Ю. Е. 2001. Акцессивно-рецессивная полисемия показателей залога и актантной деривации // Плуноян В. А. (ред.). *Исследования по теории грамматики. Т. 1. Глагольные категории*. М.: Русские словари. С. 178–197.
- Илишкин И. К. (ред.). 1964. *Русско-калмыцкий словарь*. М.: Советская энциклопедия.
- Князев М. Ю. Сентенциальные дополнения в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Ковальская К. 2007. Морфологический каузатив в калмыцком языке Экспедиционный отчет (рукопись). Доступен на веб-странице калмыцкого семинара (<http://www.iling.spb.ru/kalmyk/KristinaKovalskaja>).
- Коношенко М. Б. Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Крапивина К. А. Причастие в роли сказуемого относительного оборота в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Крылов С. А. 2004. *Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики*. Т. 1. М.: Восточная литература.
- Кузьменков Е. А. 1984. *Глагол в монгольском языке*. Л.: ЛГУ.
- Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. 2006. *Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке*. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН.
- Мищенко Д. Ф. Деепричастия с показателями *-жэ* и *-ад* в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Недялков И. В. 1976. Интранзитивы и транзитивы в калмыцком языке // *Ученые записки Самаркандского государственного университета. Новая серия, 314*. Самарканд. С. 37–54.
- Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. 1969а. Типология каузативных конструкций // Холодович А. А. (ред.). *Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив*. Л.: Наука. С. 5–19.
- Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. 1969б. Типология морфологического и лексического каузативов // Холодович А. А. (ред.). *Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив*. Л.: Наука. С. 20–50.
- Овсянникова М. А. Приложение. Список глаголов. Настоящий сборник.
- Орловская М. Н. 1999. Формы каузатива и проблема побудительного залога в монгольских языках // Шахнарович А. М. (ред.). *Общее и восточное языкознание*. М.: Современный писатель. С. 202–210.
- Очиров У. У. 1964. *Грамматика калмыцкого языка*. Синтаксис. Элиста: Калмгосиздат.
- Плуноян В. А. 2003. *Общая морфология. Введение в проблематику*. М.: УРСС.
- Прохоров К. Н. Калмыцкие формы косвенных наклонений: семантика, морфология, синтаксис. Настоящий сборник.

- Сай С. С. 2006. Калмыцкие цели. Экспедиционный отчет (рукопись). Доступен на веб-странице калмыцкого семинара (<http://www.iling.spb.ru/kalmyk/SergeySay>).
- Сай С. С. 2008. *Типология антипассивных конструкций: семантика, прагматика, синтаксис*. Диссертация ... канд. филол. наук. СПб.
- Санжеев Г. Д. 1963. *Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол*. М.: Издательство восточной литературы.
- Санжеев Г. Д. (ред.). 1983. *Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Сердобольская Н. В. Аккузатив субъекта в зависимой предикации: за и против подъема аргумента в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Тестелец Я. Г. 2001. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ.
- Филлмор Ч. 1981. Дело о падеже открывается вновь // *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. X. М.: «Прогресс». С. 496–531.
- Харчевникова Р. П. 2002. Категория залога: структура залоговых конструкций в современном калмыцком языке // Э. Р. Тенишев (ред.). *Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка*. Элиста: КГУ. С. 70–89.
- Холодилова М. А. Конструкция с периферийным обладаемым в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Chang Y.-L., Tsai W. D. 2001. Actor-sensitivity and obligatory control in Kavalan and some other Formosan languages // *Language and linguistics*, 2. No. 1. P. 1–20.
- Comrie B. 1981. *Language universals and linguistic typology*. Chicago: Chicago University Press.
- Comrie B. 1985. Causative verb formation and other verb-deriving morphology // Shopen T. (ed.). *Language typology and syntactic description, III. Grammatical categories and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 309–348.
- DeLancey S. 1984. Notes on agentivity and causation // *Studies in language*, 8. No. 2. P. 181–213.
- Dixon R. M. W. 2000. A typology of causatives: form, syntax and meaning // Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). *Changing Valency: Case Studies in Transitivity*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 30–83.
- Du Bois J. W. 1987. The discourse basis for ergativity // *Language*, 63, No. 4. P. 805–855.
- Du Bois J. W., Kumpf L. E., Ashby W. J. (eds.). 2003. *Preferred argument structure. Grammar as architecture for function*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- Givón T. 1983. Topic continuity in discourse: an introduction // Givón T. (ed.). *Topic continuity in discourse: a quantitative cross-language study*. (Typological studies in language, 3). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. P. 1–41.

- Givón T. 1990. *Syntax. A functional-typological introduction. Vol. II.* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- Haspelmath M. 1990. The grammaticization of passive morphology // *Studies in language*, 14, No. 1. P. 25–72.
- Haspelmath M. 1993. More on the typology of inchoative /causative verb alternations // Comrie B., Polinsky M. (eds.). *Causatives and transitivity.* Amsterdam: John Benjamins. P. 87–120.
- Kazenin K. I. 1994. On the lexical distribution of agent-preserving and object-preserving transitivity alternation // *Nordic Journal of Linguistics*, 17, 2. P. 141–154.
- Kemmer S., Verhagen A. 1994. The grammar of causatives and the conceptual structure of events // *Cognitive linguistics*, 5–2. P. 115–156.
- Kulikov L. 1993. The second causative: A typological sketch // Comrie B., Polinsky M. (eds.). *Causatives and transitivity.* Amsterdam: John Benjamins. P. 121–154.
- Kural Murat. 1996. *Verb incorporation and elementary predicates.* PhD dissertation. Los Angeles: University of California.
- Fillmore Ch. J. 1977. The case for case reopened // Cole P., Sadock J. M. *Syntax and semantics. Vol. 8. Grammatical relations.* New York; San Francisco; London: Academic Press. P. 59–81. Русский перевод: [Филлмор 1981].
- Lazard G. 2001. Le marquage différentiel de l'objet // Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.). *Language typology and language universals. An international handbook. Vol. 1.* Berlin; New York: Mouton de Gruyter. P. 873–885.
- Mithun M. 2000. Valency-changing derivation in Central Alaskan Yup'ik // Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). *Changing valency: case studies in transitivity.* Cambridge: Cambridge University Press. P. 84–114.
- Nedyalkov I. V. 1991. Recessive-accessive polysemy of verbal suffixes // *Languages of the world*, 1. P. 4–31.
- Pykkänen L. 2002. *Introducing arguments.* PhD dissertation. Massachusetts Institute of Technology.
- Shibatani M. 1976. The grammar of causative constructions: A conspectus // Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causative Constructions.* New York: Academic Press. P. 1–40.
- Shibatani M., Pardeshi P. 2002. The causative continuum // Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation.* Amsterdam: John Benjamins. P. 85–126.
- von Waldenfels R. 2003. *Die mit lassen gebildete deutsche analytische Kausativkonstruktion und ihre Äquivalente im Russischen.* MA thesis. Berlin.
- von Waldenfels R. 2004. *The Grammaticalization of Finnish antaa and Russian davat' 'To Give' as Causative Auxiliaries.* European Master in Linguistic thesis. Berlin.

НОМИНАЛИЗАЦИИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Номинализацией в лингвистической литературе обычно называется некая предикация, получившая типичное для именных групп оформление. Так, например, номинализациями в русском языке являются отглагольные существительные (*возвращение, убийство* и др.)².

Нередко в работах, посвященных данной теме, используются и другие термины:

- *(от)предикатные имена*: образуются от предикатов, обозначают ситуацию или свойство, например, *пение* (петь), *прыжок* (прыгнуть), *убийство* (убить), *белизна, скупость*;

- *имена действия (nomina actionis, action nominals)*: отглагольные имена со значением действия в широком смысле слова (событие, состояние, процесс);

- *отглагольные имена/существительные*: в принципе могут обозначать не только ситуацию, но и ее партиципантов (например, *охотник* — ‘тот, кто охотится’ и т. п.);

- *масдар*: термин арабского языкознания; масдаром называется регулярная глагольная форма, являющаяся по сути

¹ Материал собран в экспедициях 2007 г. в поселок Ергенинский и 2008 г. в поселок Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий». Я благодарю С. С. Сая, Н. В. Сердобольскую и М. Копчевскую-Тамм за ценные замечания и советы, а также участников калмыцких экспедиций за предоставленные материалы и активное участие в обсуждении отдельных вопросов, поднятых в данной работе.

² Надо заметить, что термин «номинализация» в принципе может иметь два значения: вся номинализованная предикация как конструкция, включающая в себя вершину с ее зависимыми, или же только ее вершина, некоторая отглагольная форма. Для удобства в работе термин «номинализация» часто будет использоваться вместо громоздкого «вершина номинализации».

именем действия; М. Хаспельмат, однако, противопоставляет термины *масдар* (*masdar*) и *имя действия* (*action nominal*), поскольку последние в европейских языках обычно являются словообразовательными (*derivational*), а не словоизменительными (*inflectional*)³.

В типологических работах, посвященных номинализациям, как правило, подчеркивается их промежуточное положение на оси ИМЯ — ГЛАГОЛ. Соответственно, определенный тип номинализаций в конкретном языке может находиться ближе к одному или же к другому полюсу, постепенно утрачивая часть глагольных свойств и приобретая именные свойства. Б. Комри и С. Томпсон указывают даже на то, что этот смешанный характер имен действия является, по существу, главным их признаком [Comrie, Thompson 1985]⁴.

В монографии, целиком посвященной номинализациям в языках мира, М. Копчевская-Тамм выделяет следующие признаки, по которым те или иные структуры можно отнести к номинализациям: «имена действия — образованные от глаголов существительные (отглагольные существительные) со значением действия/процесса, способные склоняться и употребляться с предлогами/послелогами так же, как обычные существительные; кроме того, они должны образовываться по достаточно регулярной модели»⁵.

В калмыцком языке этим критериям отвечают два класса единиц. С одной стороны, это отглагольные существительные, образованные при помощи достаточно регулярных аффиксов. В данной работе подробно мы будем рассматривать только самую продуктивную модель: отглагольные существительные с регулярным

³ См. [Haspelmath 1996: 44].

⁴ Ср. «...they [action nominals] combine semantic and discourse features of both verbs and nouns. In their morphology they also combine verbal and nominal features and different languages treat them as being closer to one or other of these word classes» [Коптjевская-Тамм 1993: 6].

⁵ «Action nominals — ‘nouns derived from verbs (verbal nouns) with the general meaning of an action or process’ (см. [Comrie 1976: 178]. — Н. П.), capable of declining or taking prepositions or postpositions in the same way as non-derived nouns, and showing ‘reasonable’ productivity» [Коптjевская-Тамм 1993: 5].

аффиксом *-лэп*⁶ (например, *алэ-лэп* — ‘убийство’). У. Блезинг пишет, что этот аффикс способен присоединяться практически к любой глагольной основе [Bläsing 2003: 235]. Так, в следующем предложении употреблено имя действия *üürl-лэп* ‘дружба’:

- (1) *Ajsa Bajërta xojr-in üürl-лэ-игэ Badәм*
 Айса Байрта два-GEN дружить-NMLZ-ACC Бадма
med-nä
 знать-PRS
 ‘Бадма знает о дружбе Айсы с Байртой’.

С другой стороны, в типичных для номинализаций контекстах могут выступать некоторые причастные формы, которые в этой функции также отвечают вышеприведенным критериям (это причастие будущего времени на *-хэ*, причастие прошедшего времени на *-сэп* и хабитуальное причастие на *-дэг*). Далее в тексте такие номинализации будут называться причастными, так как эти грамматические формы могут использоваться также и для оформления относительных оборотов. Надо сказать, что функционирование причастий в качестве номинализаций типично для алтайских языков. В предложении (2) причастная форма является номинализацией:

- (2) *küükə-d ir-s-игэ bi*
 девочка-PL приходить-PC.PST-ACC я.NOM
mart-жэ-v
 забывать-EVD-1SG
 ‘Я забыл о том, что девочки приехали’.

Номинализации как формы, сочетающие в себе как именные, так и глагольные свойства⁷, обычно являются объектом исследования лингвистов в аспекте изучения их аргументной структуры. В таком случае обычно ставится вопрос о том, как кодируются актанты в номинализациях: как в финитных клаузах или же как в обычных именных группах.

В своей монографии 1993 года М. Копчевская-Тамм строит подробную классификацию номинализаций на основе типа кодирования

⁶ Оговорим, что по существу номинализирующим аффиксом здесь является *-лэ*, а *-п* — расширитель основы для слов с неустойчивым *-п*.

⁷ В литературе встречается термин *mixed categories*, или *смешанные категории* (см., например, [Тестелец 2001: 267]).

ядерных актантов (S, A и P). При этом стратегии кодирования выделяются в зависимости от того, как соотносится маркирование актантов в номинализациях с маркированием участников в финитных клаузах и в обычных именных группах.

М. Копчевская-Тамм выделяет четыре теоретически возможных типа кодирования синтаксических отношений в номинализациях:

- 1) как в финитных клаузах;
- 2) как в именных группах;
- 3) часть аргументов кодируется, как в финитных клаузах, часть — как в именных группах;
- 4) синтаксические отношения кодируются особым способом, не сентенциальными и не именными средствами (см. [Koptjevskaja-Tamm 1993: 60]).

В соответствии с типом кодирования ядерных участников и с учетом некоторых частных признаков этого кодирования М. Копчевская-Тамм определяет стратегии кодирования для номинализаций в языках мира.

Для описания калмыцких номинализаций важно обратить внимание на две стратегии: сентенциальную и аккузативно-посессивную.

В калмыцком языке в независимых предложениях имеет место обычная для алтайских языков аккузативная схема кодирования ядерных участников, т. е. участники A и S оформляются номинативом, а участник P — аккузативом:

- (3) *eckə-m irə-v*
отец-P.1SG приходить-PST
'Отец вернулся'.
- (4) *bi Badma-n ek-i-nⁱ zur-žə-na-v,*
я.NOM Бадма-GEN мать-ACC-P.3 рисовать-PROG-PRS-1SG
Zanda-n bišə
Занда-GEN NEG.PRS
'Я рисую мать Бадмы, а не Занды'.

При сентенциальной стратегии в номинализации должно сохраняться сентенциальное маркирование ядерных участников, а при посессивно-аккузативной стратегии должна происходить

генитивизация участников S и A при сохранении сентенциального маркирования участника P аккумулятивом (см. примеры (1)–(2)).

Выше уже было сказано, что номинализации в языках мира обладают как свойствами глаголов (в связи с сохранением глагольной семантики — семантики действия в широком смысле слова), так и свойствами имен (употребление в типичных для именных групп контекстах, т. е. приобретение именной дистрибуции).

В работе [Comrie, Thompson 1985] приводится перечень типичных глагольных и типичных именных категорий, каждая из которых, если она свойственна конкретному изучаемому языку, либо характерна для номинализаций в этом языке, либо не характерна для них. В зависимости от этого определяется приблизительное положение номинализаций на оси ИМЯ — ГЛАГОЛ.

Б. Комри и С. Томпсон перечисляют следующие категории, релевантные для описания свойств номинализаций в языках мира:

1) глагольные категории: время, аспект, залог, переходность, отрицание;

2) именные категории: падеж, число, определенность (definiteness) [Comrie, Thompson 1985: 360, 368].

Данная работа посвящена исследованию морфосинтаксических свойств двух типов калмыцких номинализаций⁸.

В статье будут рассмотрены как стратегии кодирования ядерных актантов, характерные для каждого из двух типов номинализаций, так и набор глагольных и именных категорий, которыми обладает каждый из этих типов по отдельности. Цель работы — определить соотношение именных и глагольных свойств номинализаций на *-лэн* и причастных номинализаций.

⁸Заметим, что материал калмыцкого языка до сих пор, кажется, не попадал в типологические работы, посвященные номинализациям. Так, в работе [Кортжевская-Тамм 1993] калмыцкие примеры отсутствуют; в более поздней работе М. Копчевская-Тамм говорит о том, что, к сожалению, в ее выборке отсутствуют данные единственного монгольского языка, на котором говорят на территории Европы [Кортжевская-Тамм 2003: 725].

2. Имена действия с аффиксом *-лэп*

В данной главе наиболее подробно рассматриваются свойства регулярно образующихся номинализаций с аффиксом *-лэп*.

2.1. Кодирование актантов

Синтаксис имен действия на *-лэп* дает представление о посессивно-аккузативной стратегии кодирования ядерных актантов в номинализации.

Так, ядерные участники S и A в номинализациях с вершиной, выраженной именем с аффиксом *-лэп*, получают привычный для обычных именных групп генитивный маркер, в то время как участник P сохраняет маркер аккузатива, как в независимом предложении.

Таблица 1. Маркирование ядерных участников в русских и калмыцких номинализациях

	Русский язык	Калмыцкий язык
S	приезд дяди (GEN)	<i>avɤ-<u>in</u> (GEN) irə-lɛp</i>
A	поцелуй матери (GEN)	<i>ek-<u>in</u> (GEN) ümsə-lɛp</i>
P	мытьё посуды (GEN)	<i>sav(ACC) uɣa-lɛp</i>
A, P	чтение Бадмой (OBL) этой книги (GEN)	<i>Badm-<u>in</u> (GEN) en degtr-<u>igə</u> (ACC) umʂə-lɛp</i>
A	мамина (POSS) потеря, потеря мамы (GEN)	<i>ek-<u>in</u>-nʲ (GEN) gee-lɛp</i>
P	потеря мамы (GEN)	<i>ek-än (ACC) gee-lɛp</i>

В предложении (5) генитивизируется агенс непереходного глагола (ср. пример (3)); из предложений (6) и (7) видно, что аккузативное оформление участника P соответствует аккузативному же оформлению в независимом предложении:

- (5) *bi Petʲa-n jovə-lɤ-n-a tuskə*
 я.NOM Петя-GEN ходить-NMLZ-EXT-GEN о
soŋs-la-v
 слушать-REM-1SG
 ‘Я о Петиной поездке уже слышал’.

- (6) *bi Badma-n du duul-lə*
 я.NOM Бадма-GEN песня петь-NMLZ
soŋs-ča-na-v
 слушать-PROG-PRS-1SG
 ‘Я слышу пение Бадмы’.
- (7) *bank-igə tonə-lə-n asxə-n dola-n*
 банк-ACC грабить-NMLZ-EXT вечер-EXT семь-EXT
čas-la bolə-v
 час-COM становится-PST
 ‘Ограбление банка произошло в семь вечера’.

Таким образом, с одной стороны, отглагольные имена с аффиксом *-lən* сохраняют глагольное маркирование для участника Р, а с другой — здесь происходит типичная для именных групп генитивизация зависимого⁹. В лингвистических работах обычно упоминается, что участнику А и S более свойственно получать в номинализациях генитивное маркирование, чем участнику Р (см., например, [Kortjevskaja-Tamm 1993: 64]).

2.2. Именные свойства

2.2.1. *Падежное маркирование.* Как и обычные существительные, имена действия на *-lən* присоединяют падежные аффиксы. Наличие падежной парадигмы является характерным признаком имен действия в языках мира¹⁰; иногда, впрочем, номинализации имеют редуцированную парадигму (например, в турецком языке у имени действия на *-mak* отсутствует форма генитива [Comrie, Thompson 1985: 369]).

Имена на *-lən* имеют, по всей видимости, полную падежную парадигму. Нами получены примеры для большей части падежей (за исключением ассоциатива на *-ta* и директива на *-ur*). Выступая в различных функциях — в функции дополнения матричного предиката, в сирконстантных употреблениях,

⁹ Более того, в калмыцком языке приглагольный генитив в принципе невозможен.

¹⁰ Н. Сердобольская отмечает, что способность присоединять падежные показатели и употребляться с предлогами и послелогами не столько указывает на более или менее именной характер номинализаций, сколько является признаком того, что данная структура — номинализация [Сердобольская 2005: 31].

в функции приименного определения (*книга для чтения*)¹¹ — номинализации присоединяют те или иные падежные показатели.

- (8) *modə körädə-lə-n* *hojər čas avə-v*
 дерево пилить-NMLZ-EXT два час брать-PST
 ‘Распиливание дерева заняло два часа’.
- (9) *bi Badma-n küük-n-ä sän*
 я.NOM Бадма-GEN девочка-EXT-GEN хороший
büü-lə-n-ä tuskar med-nä-v
 быть-NMLZ-EXT-GEN о знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю о том, как хорошо живется дочери Бадмы’.
- (10) *kazər čičər-lə-n-də olən*
 земля трястись-NMLZ-EXT-DAT многих
äm-tən xor-na
 жизнь-ASSOC.COLL уменьшаться-PRS
 ‘Во время землетрясения погибает много людей’.
- (11) *čon-mud-in uulⁱ-lə-n-asə bi*
 волк-PL-GEN плакать-NMLZ-EXT-ABL я.NOM
äü-də-v
 бояться-PC.HAB-1SG
 ‘Я боюсь воя волков’.

2.2.2. *Употребление с послелогоми.* В принципе это такое же характерное свойство номинализаций, как и присоединение падежных показателей: данные контексты являются типичными для именных групп.

В калмыцком языке послеложные группы употребляются и как актанты матричных глаголов (см. пример (12)), и как сирконстанты, выражающие ряд обстоятельственных значений (времени, причины и др.)

- (12) *Zanda Pet'a-n en degtr-ig umšə-lə-n-a*
 Занда Петя-GEN этот книга-ACC читать-NMLZ-EXT-GEN
tuskar med-nä
 о знать-PRS
 ‘Занда знает о том, что Петя прочел эту книгу’.

¹¹О функциях номинализаций см., например, [Кортjevskaja-Tamm 2006: 657–658].

- (13) *ma xojr-in bur-lʷ-n-a tölä üsə-n*
 мы два-GEN болтать-NMLZ-EXT-GEN ради молоко-EXT
busl-ad güü-ʒə
 кипеть-CV.ANT бежать-EVD
 ‘Из-за того, что мы болтали, у меня молоко убежало’.

2.2.3. *Именное число.* Категория числа при именах действия не выражается, и этот факт получает даже отражение в словаре. Примеров употребления номинализаций с маркерами множественного числа обнаружено не было. Впрочем, непохожесть имен действия на обычные существительные, проявляющаяся в данном аспекте, типологически является довольно обычным явлением. Б. Комри и С. Томпсон объясняют это, в частности, тем, что отглагольные существительные, как правило, относятся к разряду абстрактных существительных, которые в принципе плохо сочетаются с показателями числа [Comrie, Thompson 1985: 368–369].

2.3. Глагольные свойства

2.3.1. *Время и аспект.* Данные категории не могут выражаться в отглагольных именах на *-lʷən*: к ним не может присоединяться ни один из показателей времени и аспекта.

В следующих предложениях, которые, к сожалению, не представляют собой минимальную пару, тем не менее, видно, что форма вершины номинализации никак не зависит от того, к какому временному плану относится действие: одна и та же форма будет употреблена и при одновременности действию в плане настоящего (14), и при предшествовании действию в плане прошедшего (15):

- (14) *Baltək mini ek-in škol-də*
 Балтык я.GEN мать-GEN школа-DAT
ködəl-lʷ-n-ä tuskarmed-nä
 работать-NMLZ-EXT-GENO знать-PRS
 ‘Балтык знает о том, что моя мама работает в школе’.
- (15) *xaša-n ardə bult-ul-lʷə-n namagə*
 двор-GEN зад прятаться-CAUS-NMLZ-EXT я.ACC
äm-də avə-v
 жизнь-DAT брать-PST
 ‘Меня спасло то, что меня спрятали за забором’.

Видо-временные противопоставления в именах на *-лвэн* нейтрализуются, и в этом их принципиальное отличие от номинализаций с вершиной-причастием (см. раздел 3.3.1). Временная референция зависимой предикации может восстанавливаться лишь из контекста (в том числе выводиться из временной отнесенности главной предикации), либо же может быть обозначена лексическими средствами.

2.3.2. *Залог и актантная деривация.* Сочетание морфемы пассива с аффиксом *-лвэн* нам практически не встречалось. В словарях, правда, зафиксированы некоторые лексемы с подобным сочетанием двух показателей, однако, во-первых, информанты склонны заменять эти лексемы на аналогичные без показателя пассива (например, *bičə-gdə-lvən* (писать-PASS-NMLZ) ‘подписка’ заменяется либо на форму с каузативным показателем *bič-ül-lvən* (писать-CAUS-NMLZ), либо просто на *bičə-lvən* (писать-NMLZ)), а во-вторых, такие образования, по всей видимости, в определенной степени являются уже лексикализованными¹².

Показатели актантной деривации присоединяются значительно легче. Присоединение этих показателей образует новую глагольную основу со своим значением, новую лексему, что и позволяет ей в свою очередь быть номинализованной. Так, достаточно легко образуются номинализации от каузативов (см. пример (15) выше).

Ср.:

- (16) *xaša-n* *ardə* *bultə-lvə-n* *namagə*
 двор-GEN зад прятаться-NMLZ-EXT я.ACC
äm-də *avə-v*
 жизнь-DAT брать-PST
 ‘Меня спасло то, что я спрятался за забором’.

- (17) *xivcə* *bust-ül-lvə-n* *namagə*
 одежда кипеть-CAUS-NMLZ-EXT я.ACC
tiur-a-na
 уставать-CAUS-PRS
 ‘Кипячение белья меня утомляет’.

Показатели реципрока (*-ldə*) и социатива (*-lcə*) в целом являются относительно редкими. Стоит также отметить, что при присоеди-

¹² Так, один из информантов сам придумал предложение со словом *üžə-gdə-lvən* (видеть-PASS-NMLZ) — ‘видение’.

нении этих аффиксов обычно появляется менее регулярный аффикс номинализаций *-an*, но могут они сочетаться и с аффиксом *-læn*.

2.3.3. *Отрицание*. Отрицание в калмыцком языке выражается достаточно необычно. Так, большинство финитных форм глагола получает отрицание несимметричным способом — с использованием причастных форм. В связи с этим интересно посмотреть, как ведет себя отрицание с номинализациями.

Б. Комри и С. Томпсон относят отрицание к типично глагольным категориям. При этом они выделяют три возможных типа отражения категории отрицания при номинализациях:

- 1) отрицание такое же, как в финитных клаузах;
- 2) отрицание такое же, как в именных группах;
- 3) отрицание носит особый характер.

Так, например, в английском языке, обычные отглагольные имена получают типичный именной показатель *non-*. В то же время герундий, более глагольная форма, может употребляться как с именным, так и с глагольным отрицанием (*not*), причем в некоторых контекстах предпочтителен как раз последний вариант.

- (18a) *Harry is not my brother*
‘Гарри не мой брат’.
- (18б) *This is a non-party*
‘Это беспартийный человек’.
- (19) *Gloria’s non-participation / *not participation in the meeting surprised me.*
‘То, что Глория не участвовала в собрании, удивило меня’.
- (20) **Gloria’s not participation*
‘то, что Глория не участвует’
- (21a) *Gloria’s not running*
‘то, что Глория не бежит’
- (21б) *Gloria’s non-running*
‘то, что Глория не бежит’
- (21в) **Gloria’s non-running in the marathon*
‘то, что Глория не бежит марафон’

[Comrie, Thompson 1985: 367].

В результате делается вывод о том, что обычные имена действия стоят ближе к именному полюсу шкалы ИМЯ — ГЛАГОЛ, нежели герундий.

В калмыцком языке для отрицания номинализаций используется показатель *esə*, с помощью которого отрицается большинство нефинитных форм (причастия и большая часть деепричастий). Имена действия на *-lən* также употребляются с отрицательной частицей *esə*.

(22) *Očir-in zaka¹³ es medə-lən terü-gə*
 Очир-GEN закон NEG знать-NMLZ-EXT тот-ACC
tuur-ulə-v
 уставать-CAUS-PST
 ‘Незнание Очиром законов его подвело’.

(23) *avalⁱ-in es xür-ž*
 первая.жена-GEN NEG возвращаться-CV.IPFV
irə-lən-də bi
 приходить-NMLZ-EXT-DAT я.NOM
bizər-žä-nä-v
 беспокоиться-PROG-PRS-1SG
 ‘Из-за того, что моя жена не вернулась домой, я очень переживаю’.

2.4. Модификация

В качестве еще одного параметра, важного для типологии номинализаций, обычно указывают их способность модифицироваться прилагательным (более именное свойство) или же наречием (более глагольное), ср. *прийти внезапно* vs. *внезапный приход*.

Калмыцкие имена действия на *-lən* модифицируются прилагательными. В ряде случаев, впрочем, были получены несколько спорные утверждения о допустимости наречия. Тем не менее, более частотным и не вызывавшим разногласий среди разных информантов способом модификации данных единиц является употребление прилагательного.

Обратим внимание на то, что некоторые калмыцкие наречия, действительно, формально не отличаются от соответствующих прилагательных (только синтаксически). Поэтому мы старались

¹³ Форма немаркированного аккузатива.

проверять лишь те из них, которые составляют деривационно четко противопоставленные пары.

(24) *öckəldür-kə* / **öckəldür* *Badm-in* *du*
 вчера-ADJ вчера Бадма-GEN песня
duul-lə-n *jir* *sän* *bilä*
 петь-NMLZ-EXT очень хороший быть.REM
 ‘Вчерашнее исполнение Бадмой песни было очень хорошим’.

(25) *ükr-in* *čaŋkə* / **čaŋk-ar*¹⁴ *möörə-lə*
 корова-GEN крепкий крепкий-INS мычать-NMLZ
küükəd soŋs-čk-la
 дети слушать-COMPL-REM
 ‘Дети услышали громкое мычание коровы’.

Таким образом, калмыцкие имена действия на *-lə* в данном аспекте больше похожи на типичные имена, проявляя типичную для имен синтаксическую сочетаемость.

2.5. Номинализации от сложных глаголов

В связи с тем, что в калмыцком языке существует довольно обширный ряд аналитических форм, часть из которых лексикализовалась, а часть сохраняет вполне абстрактные грамматические значения (главным образом из аспектуальной зоны, см. [Мищенко, настоящий сборник] и [Баранова, настоящий сборник]), интересно посмотреть на то, образуют ли эти формы номинализации. Образование номинализаций от аналитических форм является, по мнению Н. В. Сердобольской, одним из свойств, значимых для описания синтаксической структуры номинализации (см. о применении этого и других критериев на материале марийского языка в [Сердобольская 2008б]).

Присоединять аффикс *-lə* достаточно свободно могут лишь лексикализованные аналитические формы; в ряде случаев, впрочем, зафиксированы «аналитические» номинализации от глаголов движения (примеры единичны и не бесспорны). Что

¹⁴ Большинство наречных форм в калмыцком языке образуется от имен при помощи аффикса, изначально являющимся аффиксом инструменталиса.

касается более сложных аналитических форм с различными аспектуальными значениями¹⁵, то, по-видимому, номинализоваться указанным способом они не могут.

В следующем примере номинализована лексикализованная аналитическая форма:

- (26) *ölgedə xuld-žə avə-lvə-n*
 имущество продавать-CV.IPFV брать-NMLZ-EXT
 ‘покупка приданого’

Пример «нестандартной» (допускаемой не всеми информантами) номинализации сложного глагола:

- (27) *Petʰa-n ʰjov-žə irə-lv-n-ä*
 Петя-GEN ходить-CV.IPFV приходит-NMLZ-EXT-GEN
tuskar bi med-də-v
 о я.NOM знать-PC.HAB-1SG
 ‘О Петиной поездке я знаю’.

2.6. Обобщение

В сводной Таблице 2 указаны основные свойства номинализаций на *-lvən*, которые, с одной стороны, обладают некоторыми типичными именными свойствами, но в то же время уже неспособны выражать некоторые типично глагольные категории. Тем не менее, по сравнению, скажем, с русскими отглагольными именами на *-ние*, калмыцкие имена действия на *-lvən* имеют более глагольную природу (например, это выражается в том, что участник Р маркируется так же, как в независимых предложениях).

В таблице перечислены основные параметры, значимые для описания номинализаций конкретного языка. В последней колонке указано, именной или глагольной является природа данных номинализаций по отношению к указанному параметру.

3. Причастные номинализации

Выше уже говорилось о том, что в калмыцком языке в типичных для номинализаций контекстах могут употребляться так называемые причастия. Как уже было сказано во введении, из всех причастных форм, имеющих в калмыцком языке, в качестве вершины

¹⁵ Подробно о таких формах см. в [Баранова, настоящий сборник].

Таблица 2. Номинализации на *-лэп*: основные свойства

	Параметры	Особенности употребления	Именной или глагольный характер
Именные свойства	падежные показатели	+	как имя
	употребление с послелогами	+	как имя
	показатели числа	–	не как большинство имен
Кодирование ядерных актантов	кодирование S и A	GEN	как имя
	кодирование P	ACC	как глагол
Глагольные свойства	видо-временные показатели	–	не как глагол
	показатели залога и актантной деривации	CAUS?	как имя?
Синтаксические свойства	аналитические формы	+/-	как глагол?
	отрицание	<i>esə</i>	как для части нефинитных форм глагола
	модификаторы	ADJ	как имя

номинализации выступать могут только три: причастие будущего времени с аффиксом *-хэ*, причастие прошедшего времени с аффиксом *-сэп*, а также хабикулярное причастие с аффиксом *-дэг*.

Причастные номинализации имеют ряд небольших отличий от причастий, являющихся вершиной относительного оборота. Так, во-первых, относительный оборот всегда предшествует вершине, причастная же номинализация стоит всегда в конце зависимой клаузы.

- (28a) [*mini* ____i *buul¹-səp*] *küükə-d_i* *oda*
 я.GEN хвалить-PC.PST девочка-PL сейчас
atər-žə-na
 отдыхать-PROG-PRS
 ‘Девочки, которых я похвалил, теперь отдыхают’

- (286) **küükə-d_i* [*mini* ___; *buul^j-sən*] *oda*
 девочка-PL я.GEN хвалить-PC.PST сейчас
atər-žə-na
 отдыхать-PROG-PRS
 ‘Девочки, которых я похвалил, теперь отдыхают’
 [Крапивина 2007].

Кроме того, причастные номинализации обычно получают от главного предиката определенный падежный маркер (который определяется свойствами предиката или же свойствами послелого). В отличие от номинализаций, причастия в относительных оборотах, как и обычные прилагательные, не изменяются по падежам: все именные категории получает вершина-существительное. Кроме того, в отличие от причастных номинализаций, причастия в составе относительных оборотов не получают показателей согласования. Так, в предложении (29а) на причастии нет падежных показателей (вершина относительного оборота — *avtobus* — стоит в форме немаркированного аккузатива); в предложении же (29б) причастие присоединяет как показатель аккузатива, так и посессивный показатель 3 лица:

- (29а) *Elst-ür* *šov-žə* *šov-xə* *avtobus*
 Элиста-DIR ходить-CV.IPFV ходить-PC.FUT автобус
küükə-n *üz-lä*
 девочка-EXT видеть-REM
 ‘Девочка видела ехавший в Элисту автобус’.
(относительный оборот)

- (29б) *Elst-ür* *avtobus* *šov-žə*
 Элиста-DIR автобус ходить-CV.IPFV
šov-x-i-n^j *küükə-n* *üz-la*
 ходить-PC.FUT-ACC-P.3 девочка-EXT видеть-REM
 ‘Девочка видела, как автобус едет в Элисту’.
(номинализация)

3.1. Кодирование актантов

По сравнению с именами действия на *-lən*, при которых актанты кодируются по аккузативно-посессивной стратегии, причастные номинализации в этом аспекте оказываются ближе к глагольному полюсу. Ядерные участники при них получают

сентенциальное маркирование: участники S и A кодируются номинативом, а участник P — аккузативом.

- (30) *širü-n dorə noxa kevt-s-i-n^j*
 стол-GEN низ собака лежать-PC.PST-ACC-P.3
kövü-n üz-lä
 мальчик-EXT видеть-REM
 ‘Мальчик видел, что собака легла под стол’.
- (31) *Badəm ваза ваг-ад көвү-гә*
 Бадма снаружи выходить-CV.ANT мальчик-ACC
cok-ča-s-i-n^j bi üz-lä-v
 ударить-PROG-PC.PST-ACC-P.3 я.NOM видеть-REM-1SG
 ‘Я видел, как Бадма, когда на улицу вышел, мальчика побил’.

Отдельного упоминания заслуживает особый способ маркирования ядерных участников S и A.

Аккузативное (вместо номинативного) маркирование субъектного аргумента при причастии может быть обусловлено коммуникативным статусом этого субъекта. Так, Н. В. Сердобольская утверждает, что в калмыцком языке «субъект оформляется аккузативом, если относится к теме высказывания или является топиком» [Сердобольская 2008а: 173], см. также более подробный анализ в [Сердобольская, настоящий сборник].

- (32) *čamagə škol-də endər ir-s-i-čən*
 ты.ACC школа-DAT сегодня приходить-PC.PST-ACC-P.2SG
bi med-nä-v
 я.NOM знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что ты приходил сегодня в школу’.
- (33) *namagə al'mə id-čk-s-i-n^j Badəm*
 я.ACC яблоко есть-COMPL-PC.PST-ACC-P.3 Бадма
med-nä
 знать-PRS
 ‘Бадма знает о том, что я съел яблоко’.

Такое оформление участников, между тем, не отрицает того, что в данных номинализациях используется сентенциальное маркирование участников: соответствующие примеры с номинативным

маркированием в принципе допустимы, но коммуникативные условия являются достаточно сильными, и именно это и становится причиной появления маркера аккузатива.

3.2. Именные свойства

3.2.1. *Падежное маркирование.* Как и отглагольные имена на *-lʷən*, интересующие нас причастные формы, имея дистрибуцию именных групп, легко присоединяют падежные показатели.

(34) *ter cag-də madən jov-ʒa-x-də*
 тот время-DAT мы ходить-PROG-PC.FUT-DAT
fevralʲ sarə bilä
 февраль луна быть.REM
 ‘В то время, когда мы ехали, был февраль месяц’
 (02_pasport, 075).

(35) *či xaalkə med-sən-čən jir sän*¹⁶
 ты.NOM дорога знать-PC.PST-P.2SG очень хороший
 ‘Хорошо, что ты знаешь дорогу’.

(36) *küükəd ger-t-än kür-s-n-ü*
 дети дом-DAT-P.REFL достигать-PC.PST-EXT-GEN
daru xur orə-v
 скоро дождь входить-PST
 ‘После прихода девочек домой пошел дождь’.

(37) *Ajsa kövü-vän var deer-än*
 Айса мальчик-P.REFL рука поверхность-P.REFL
bär-ʒä-x-igə bi üz-lä-v
 держать-PROG-PC.FUT-ACC я.NOM видеть-REM-1SG
 ‘Я увидел, что Айса держит на руках сына’.

В то же время надо отметить, что некоторые падежные формы причастия на *-xə* с обстоятельственными значениями грамматикализировались в деепричастия¹⁷. Так, причастие на *-xə* в инструменталисе стало целевым деепричастием, а в комитативе

¹⁶Наличие расширителя основы *-n* говорит о том, что это форма номинатива.

¹⁷См. [Кортjevская-Тамм 2006: 656] со ссылкой на работу [Haspelmath 1995], где обсуждается такой путь грамматикализации падежных форм причастий в языках мира.

на *-la* — условным деепричастием. При этом целевое деепричастие на *-xar* употребляется лишь односубъектно, в отличие от исходных причастных форм на *-xə*. Это говорит о том, что форма на *-xar* действительно грамматикализовалась как целевое деепричастие, так как для таких деепричастий характерно односубъектное употребление.

С формой на *-xla/-xlarn* дело, впрочем, обстоит чуть сложнее (см. [Сай, настоящий сборник]): не очень ясно, насколько строгим является употребление формы без показателя рефлексивного посессива и формы с этим показателем в плане односубъектности участников главной и зависимой клауз. Следовательно, из-за этого сложно однозначно оценить полноту падежной парадигмы причастных номинализаций.

- (38) *ekə ükər saa-xla Ajsa pol ива-хə*
 мать корова доить-CV.SUCC Айса пол мыть-PC.FUT
 ‘Подойв корову, Айса будет мыть пол’.

Стоит оговорить, что падежное маркирование калмыцких причастных номинализаций в большой степени зависит от свойств матричного глагола. Достаточно нетривиальное соотношение субкатегоризационных рамок матричных глаголов и реального маркирования синтаксических актантов, выраженных причастиями, подробно описывается в [Князев, настоящий сборник]. Можно лишь сказать, что, помимо ожидаемого присоединения к причастию какого-либо падежного показателя без дополнительных маркеров (39), возможны случаи а) отсутствия падежного показателя на причастии, б) дополнительного маркирования при помощи аффикса рефлексивного посессива *-an*, который не требует в позиции прямого дополнения показателя аккузатива (примеры 41–42); в ряде случаев употребление маркера рефлексивного посессива является облигаторным (см. [Князев, настоящий сборник]).

- (39) *Badma-gə xö xär-ül-x-i-nⁱ*
 Бадма-ACC овца возвращаться-CAUS-PC.FUT-ACC-P.3
sur-la-v
 просить-REM-1SG
 ‘Я попросил Бадму пасти овец’.

- (40) *terə kiiük-n-iir öörd-x*
 тот девочка-EXT-DIR приближаться-PC.FUT
etä-və
 стесняться-PST
 ‘Он стеснялся подойти к девушке’.
- (41) *giič-nər cä uu-x-an duus-čkə-v*
 гость-PL чай пить-PC.FUT-P.REFL заканчивать-COMPL-PST
 ‘Гости закончили пить чай’.
- (42) *ükər čaŋkur möör-dg-än uurə-v*
 корова громко мычать-PC.HAB-P.REFL переставать-PST
 ‘Корова перестала громко мычать’.

3.2.2. *Употребление с послелогоми.* Здесь не наблюдается никаких неожиданностей: причастные номинализации так же свободно употребляются с послелогоми, как и имена на *-lən*.

Следует отметить, что это касается прежде всего причастия будущего времени и причастия прошедшего времени; для хабитуального причастия примеры употребления с послелогоми, к сожалению, отсутствуют, хотя, как кажется, это связано с дополнительными аспектуальными ограничениями на семантику зависимой предикации, выраженной этой формой. Впрочем, с абсолютной уверенностью утверждать, что данное причастие не может быть зависимым в послеложной группе, по-видимому, нельзя.

- (43) *en ükərčə lu-də xivər-sn-ä*
 этот пастух дракон-DAT превращаться-PC.PST-GEN
tuskə tüükə
 о повесть
 ‘Это история о превращении пастуха в дракона’.
- (44) *xojər časə amər-sn-a xöönə madən*
 два час отдыхать-PC.PST-GEN после мы
xär-ž ir-ü-vidn
 возвращаться-CV.IPFV приходить-PST-1PL
 ‘После двухчасовой прогулки мы вернулись домой’.

- (45) *unt-x-in-n^j* *ötən* *bi* *degtər*
 спать-PC.FUT-GEN-P.3 перед я.NOM книга
utš-na-v
 читать-PRS-1SG
 ‘Перед сном я читаю книги’.

3.2.3. *Именное число.* Причастные номинализации не присоединяют показателей числа; впрочем, это достаточно закономерно, так как причастия, с одной стороны, по природе своей близки к прилагательным, которые в калмыцком языке не присоединяют падежных показателей, а с другой, выступая в качестве вершины номинализации, проявляют тем самым свою глагольную природу.

3.3. Глагольные свойства

3.3.1. *Время и аспект (видо-временные свойства).*

В причастных номинализациях могут сохраняться временные противопоставления. Надо сказать, что их выражение в зависимой клаузе (в сентенциальных дополнениях) не является столь четким, как в независимых предложениях, но, тем не менее, такая возможность существует.

Заметим, что из трех причастных форм две (причастия на *-sən* и на *-xə*) активно участвуют в выражении относительного времени, в то время как причастие на *-dəg* явно стоит особняком, так или иначе сохраняя аспектуальную семантику хабиуталиса.

Причастие будущего времени на *-xə* в зависимой клаузе выражает обычно значение следования по отношению к действию, выраженному в главной клаузе (46б). В этом значении оно часто достаточно четко противопоставлено причастию прошедшего времени на *-sən*, обозначающему в данном случае предшествование (46а).

- (46а) *bi* *čatagə* *mini* *möngə* *ol-žə*
 я.NOM ты.ACC я.GEN деньги находить-CV.IPFV
av-s-i-čən *med-nä-v*
 братъ-PC.PST-ACC-P.2SG знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что ты **нашла** кошелек’.

- (46б) *bi čatagə mini möŋgə ol-žə*
 я.NOM ты.ACC я.GEN деньги находить-CV.IPFV
av-x-i-čən med-lä-v
 брать-PC.FUT-ACC-P.2SG знать-REM-1SG
 ‘Я знала, что ты **найдешь** мой кошелек’.

Для выражения таксисного значения одновременности к причастным формам добавляется аспектуальный показатель прогрессива *-žə* (47). Интересно, что данные причастия могут употребляться даже в случае несоответствия временной референции зависимой клаузы их основному таксисному значению. При этом более нейтральной из двух причастных форм является форма причастия на *-хə*: строгих запретов на ее использование не было получено независимо от того, к какому времени относится действие в главной клаузе. Форма же на *-žə-sən*, кажется, допустима лишь в контекстах прошедшего времени, но и она нередко заменяется на более нейтральную форму *-žə-xə* (48). Более того, некоторые информанты допускали форму на *-žə-sən* в контекстах одновременности настоящему времени (49).

- (47) *Bajərta zalu-d-an kar-an*
 Байрта мужчина-DAT-P.REFL рука-P.REFL
dajəl-žə-x-i-n^j Ajsa üz-lä
 махать-PROG-PC.FUT-ACC-P.3 Айса видеть-REM
 ‘Айса видела, как Байрта махала рукой мужу’.
- (48) *xora-də šamə esə untər-žə-x-i-n^j /*
 комната-DAT свет NEG гаснуть-PROG-PC.FUT-ACC-P.3
^{OK}*untər-žə-s-i-n^j bi üz-lä-v*
 гаснуть-PROG-PC.PST-ACC-P.3 я.NOM видеть-REM-1SG
 ‘Я видел, что в комнате не гас свет’.
- (49) *bi Badma-gə aavə_savə ^{OK}ива-žə-s-i-n^j /*
 я.NOM Бадма-ACC посуда мыть-PROG-PC.PST-ACC-P.3
^{OK}*ива-žə-x-i-n^j xälä-žä-nä-v*
 мыть-PROG-PC.FUT-ACC-P.3 смотреть-PROG-PRS-1SG
 ‘Я смотрю, как Бадма моет посуду’.

Причастие прошедшего времени на *-sən* способно присоединять аспектуальный аффикс *-čkə*, обладающий, судя по данным К. В. Калашниковой, комплетивной семантикой

(см. [Калашникова 2007]). В конструкциях с сентенциальными акантами и в обстоятельственных предложениях с вершиной-причастием показатель комплетива, по всей видимости, сохраняет свое значение:

- (50) *хојәр* *čas-t-an* *ger-än*
 два час-DAT-P.REFL дом-P.REFL
xur-a-čk-s-n-a / *daru bi*
 собираться-CAUS-COMPL-PC.PST-EXT-GEN скоро я.NOM
kevt-äd amr-u-v
 лежать-CV.ANT отдыхать-PST-1SG
 ‘После того, как я два часа убирала квартиру, я легла спать’.

- (51) *bi ger-än šat-čk-s-i-n^j*
 я.NOM дом-P.REFL гореть-COMPL-PC.PST-ACC-P.3
üz-ü-v
 видеть-PST-1SG
 ‘Я видел, как дом сгорел (сгорел уже, совсем все сгорело)’.

Хабитуальное причастие может являться вершиной номинализации в тех случаях, когда ситуация, выраженная в зависимой клаузе, имеет значение из семантической зоны итератива/хабитуалиса (см. примеры (52)–(53)). Впрочем, следует отметить, что иногда хабитуальное причастие может заменяться в этих контекстах на форму причастия на *-жа-хэ* (причастие будущего времени с показателем прогрессива).

- (52) *bi čamagə хотə ke-č čad-dg-igə*
 я.NOM ты.ACC еда делать-CV.IPFV мочь-PC.HAB-ACC
med-sən uga-v
 знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что ты готовить не умеешь!’

- (53) *čamagə tämkə tatə-dg-i-n^j /*
 ты.ACC табак тянуть-PC.HAB-ACC-P.3
^{OK}*tatə-ža-x-i-n^j* *bi med-nä-v*
 тянуть-PROG-PC.FUT-ACC-P.3 я.NOM знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что ты куришь’.

Таким образом, причастные номинализации действительно способны сохранять видо-временные противопоставления, которые выражаются в главной предикации. По сравнению с именами

действия на *-lʷən* причастные формы являются в значительной степени «более глагольными» в аспекте выражения этих типично глагольных значений.

В примерах (54а–г) можно увидеть, как выбор формы зависимого причастия соотносится с временной референцией действия, выраженного зависимой клаузой, и его некоторыми аспектуальными характеристиками (см. (54г), где зависимый предикат обозначает некую итеративную ситуацию).

(54а) *Petʰa enə degtər esə umʃ-s-i-nʲ* Zanda
 Петя этот книга NEG читать-PC.PST-ACC-P.3 Занда
med-nä
 знать-PRS
 ‘Занда знает о том, что Петя не прочел эту книгу’.

(54б) *Petʰa enə degtər esə umʃ-x-i-nʲ* Zanda
 Петя этот книга NEG читать-PC.FUT-ACC-P.3 Занда
med-nä
 знать-PRS
 ‘Занда знает, что Петя прочитает эту книгу’.

(54в) *Petʰa degtər esə umʃ-ča-x-i-nʲ* Zanda
 Петя книга NEG читать-PROG-PC.FUT-ACC-P.3 Занда
med-nä
 знать-PRS
 ‘Занда знает, что Петя не читает эту книгу’.

(54г) *Petʰa degtər esə umʃ-dg-i-nʲ* Zanda
 Петя книга NEG читать-PC.HAB-ACC-P.3 Занда
med-nä
 знать-PRS
 ‘Занда знает, что Петя не читает книг (не интересуется книгами)’.

3.3.2. *Залог и актантная деривация.* Причастные номинализации в целом способны выражать противопоставления этого рода. Однако мы не располагаем примерами номинализаций, где показатели причастий сочетались бы с показателями пассива. Как кажется, часть противопоставлений из зоны залога и актантной деривации выражается благодаря развитой системе каузативации в калмыцком

языке¹⁸. Сентенциальная стратегия маркирования ядерных актантов в данном случае (для переходных глаголов) помогает однозначно интерпретировать участников А и Р. Информанты предпочитали переводить русские стимулы с формами пассива как предложения с соответствующими исходными структурами (глагол *al-* ‘убить’, например, является лексическим каузативом). В случае, когда исходный глагол (например, *bult-* ‘прятаться’) не является каузативом и вообще является непереходным глаголом, залоговые противопоставления могут быть выражены при помощи каузативации (и транзитивизации) исходной основы. Таким образом, снова возникает возможность однозначной интерпретации участников А и Р в конкретной ситуации.

(55) *Ajsa-n zalu-gə bandit-nər*
 Айса-GEN мужчина-ACC бандит-PL
al-čək-s-i-n^j bi med-čk-ü-v
 убить-COMPL-PC.PST-ACC-P.3 я.NOM знать-COMPL-PST-1SG
 ‘Я узнал, что муж Айсы был убит бандитами’
 (букв.: ‘Я знал, что бандиты убили мужа Айсы’)¹⁹.

(56) *öckəldür Badma-gə cok-ad*
 вчера Бадма-ACC ударить-CV.ANT
xaj-čk-s-i-n^j bi soŋs-u-v
 бросать-COMPL-PC.PST-ACC-P.3 я.NOM слушать-PST-1SG
 ‘Я слышал, что Бадму вчера избили’.

(57) *namagə xaša-n ardə bult-ul-sən-n^j*
 я.ACC двор-GEN зад прятаться-CAUS-PC.PST-P.3
xarsə-v
 защищать-PST
 ‘То, что меня спрятали за забором, спасло мне жизнь’.

Показатели реципрока (*-ldə*) и социатива (*-lcə*) могут сохраняться в причастных номинализациях:

¹⁸См. [Выдрина, настоящий сборник] об употреблении каузативных глаголов в «пассивных» контекстах.

¹⁹Понятно, что такой пример нельзя считать показательным, но он, тем не менее, иллюстрирует реальную ситуацию, когда на конкретный стимул с пассивной формой выдается конструкция с каузативной деривацией.

- (58) *Badəm-la madən bičəg avə-lc-žə-xə-nⁱ*
 Бадма-COM мы письмо брать-SOC-PROG-PC.FUT-P.3
nan-də taas-gd-na
 я-DAT одобрять-PASS-PRS
 ‘Мне нравится, что мы переписываемся с Бадмой’.

В следующем примере видно, что в причастных номинализациях могут сохраняться и более сложные сочетания из нескольких показателей актантной деривации (сочетание показателя реципрока и показателя каузатива):

- (59) *küük-d-igə Baatər neg neg-lä-nⁱ*
 дети-ACC Батыр один один-COM-P.3
tanⁱ-ld-ul-s-i-nⁱ bi med-nä-v
 узнавать-RECP-CAUS-PC.PST-ACC-P.3 я.NOM знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что ребят познакомил друг с другом Батыр’.

3.3.3. *Отрицание.* Как уже было сказано выше, калмыцкие номинализации на *-lən* получают специальный показатель отрицания *esə*. Нефинитные причастные формы также отрицаются подобным способом (грамматикализовавшиеся в деепричастия падежные причастные формы при отрицании также употребляются с частицей *esə*). Интересно, что если причастие используется финитно, то оно приобретает другой показатель отрицания (*uga* или *bišə*²⁰ — см. (61)–(62)). Таким образом, отрицание позволяет развести нефинитные и финитные употребления причастий.

- (60) *Badma Moskva-də esə bää-žə-x-i-nⁱ*
 Бадма Москва-DAT NEG быть-PROG-PC.FUT-ACC-P.3
Ajsa med-nä
 Айса знать-PRS
 ‘Айса знает, что Бадма не живет в Москве’.
- (61) *öckəldür bi ködlmš-t-än jöv-sən*
 вчера я.NOM работа-DAT-P.REFL ходить-PC.PST
uga-v
 NEG.COP-1SG
 ‘Вчера я не ходил на работу’.

²⁰ Отрицательная связка *bišə*, присоединяясь к причастию на *-xə*, принимает форму *-šə*.

- (62) *bi Badəm-ta ir-sən kövü*
 я.NOM Бадма-ASSOC приходит-PC.PST мальчик
med-x-šə-v
 знать-PC.FUT-NEG.PRS-1SG
 ‘Я не знаю мальчика, который пришел с Бадмой’.

3.4. Согласование

Интересно, что согласовательные показатели финитных клауз заменяются в причастных номинализациях на посессивные показатели, привычные для обычных именных групп.

Для третьего лица, не получающего согласования с субъектом в финитных клаузах, может появляться согласовательный показатель *-n^j*. Впрочем, надо заметить, что а) он, по всей видимости, является факультативным; б) он может являться универсальным для всех лиц средством кодирования некорреферентности подлежащих главной и зависимой клауз (подробнее об этом говорится в [Князев, настоящий сборник]).

- (63) *či möngə ol-ž av-s-i-n^j*
 ты.NOM деньги находить-CV.IPFV брат-PC.PST-ACC-P.3
bi med-d-ü
 я.NOM знать-PC.HAB-1SG
 ‘Я знаю, что ты нашел деньги’.
- (64) *čamagə Zanda-la üürl-x-i-čən bi*
 ты.ACC Занда-COM дружить-PC.FUT-ACC-P.2SG я.NOM
itk-čä-nä-v
 верить-PROG-PRS-1SG
 ‘Я верю, что ты подружишься с Зандой’.

3.5. Номинализации сложных глаголов

Сложные глаголы в калмыцком языке могут номинализироваться при помощи причастной стратегии; так, судя по имеющимся данным, такую возможность имеют не только лексикализованные (65), но и те сложные формы, которые выражают аспектуальные значения (66).

- (65) *Bajrta jumə xuld-žə av-s-n-a*
 Байрта вещь продавать-CV.IPFV брат-PC.PST-EXT-GEN
daru madən xär-ü-vidn
 скоро мы возвращаться-PST-1PL
 ‘После покупки Байртой продуктов мы пошли домой’.

- (66) *Ajsa-gə unt-žə od-s-i-n^j bi*
 Айса-ACC спать-CV.IPFV уходить-PC.PST-ACC-P.3 я.NOM
üz-lä-v
 видеть-REM-1SG
 ‘Я видел, как Айса заснула’.
- (67) *bi üz-lä-v Badma ger-üm*
 я.NOM видеть-REM-1SG Бадма дом-DIR.P.REFL
jov-žə jov-x-i-n^j
 ходить-CV.IPFV ходить-PC.FUT-ACC-P.3
 ‘Я видел, как Бадма шел к дому’.

3.6 Модификация

Более глагольные по сравнению с именами на *-lən*, причастные номинализации сохраняют и такое глагольное свойство, как способность модифицироваться наречиями; возможность модификации причастных номинализаций прилагательным нами не зафиксирована.

- (68) *Badma-n küükə-n säänär bää-x-i-n^j*
 Бадма-GEN девочка-EXT хорошо быть-PC.FUT-ACC-P.3
med-nä-v
 знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю о том, как хорошо живет дочь Бадмы’.
- (69) *ükər *čəŋkə / ^{OK}čəŋk-ar möör-s-i-n^j*
 корова крепкий крепкий-INS мычать-PC.PST-ACC-P.3
küükəd soŋs-čk-la
 дети слушать-COMPL-REM
 ‘Дети услышали громкое мычание коровы’.

3.7. Обобщение

На следующей странице приведена Таблица 3 «Причастные номинализации: основные свойства», в которой представлены данные о свойствах причастных номинализаций с каждым из трех причастных маркеров. Для каждого из параметров указана его сочетаемость с теми или иными формами или же отмечено, какого рода свойства характерны для определенной причастной номинализации. Кроме того, отмечено, какой характер — более именной или более глагольный — проявляет форма в каждом из аспектов.

Таблица 3. Причастные номинализации: основные свойства

	Параметры	Особенности употребления			Именной или глагольный характер
		РС.FUT	РС.PST	РС.NAV	
Именные свойства	падежные показатели	+	+	+	как имя
	употребление с послелогами	+	+	?	как имя
	показатели числа	-	-	-	не как имя
Кодирование ядерных актантов	кодирование S и A	NOM	NOM	NOM	как глагол
	кодирование P	ACC	ACC	ACC	как глагол
Глагольные свойства	аспект				
		- <i>ʒa</i>	+	-	
	- <i>ckə</i>	-	+	-	
	время	(+)	(+/-)	?	(как глагол)
	показатели залога и актантной деривации	CAUS, RECP, SOC	CAUS, RECP, SOC	?	(как глагол)
Синтаксические свойства	сложные глаголы	+	+	?	как глагол
	отрицание	<i>esə</i>	<i>esə</i>	<i>esə</i>	особый
	согласование	именное	именное	именное	как имя
	модификаторы	наречие	наречие	?	как глагол

4. Выводы

Итак, в калмыцком языке существует два типа номинализаций: отглагольные имена (в данной работе мы рассмотрели свойства наиболее регулярных образований — имен действия с аффиксом *-лэп*) и причастные формы, способные выступать в типичных для номинализаций контекстах.

Эти два типа четко противопоставлены друг другу по такому важному синтаксическому признаку, как кодирование ядерных актантов. Так, имена действия на *-лэп* демонстрируют посессивно-аккузативную стратегию (в терминах М. Копчевской-Тамм), которая в большей степени отражает синтаксис именных групп, в то время как причастные номинализации сохраняют сентенциальное кодирование участников S, A и P.

Причастные номинализации и в других отношениях обладают более глагольной природой: в отличие от имен действия с аффиксом *-лэп*, они обладают такими типично глагольными свойствами, как выражение видо-временных противопоставлений и модификация наречием. При этом необходимо отметить, что три причастных формы обладают все же несколько различающимися свойствами. Так, причастие будущего времени на *-хэ* может употребляться без падежного показателя; являясь вершиной зависимой клаузы, оно, как кажется, в своей временной референции более независимо от времени основного действия, нежели другие причастные формы.

Причастие на *-сэл* употребляется с обоими из возможных для причастных номинализаций аспектуальными показателями: прогрессива на *-жэ* и комплетива на *-экэ*. Причастие будущего времени показатель комплетива присоединять не может. Хабитуальное же причастие на *-дэг* во всех контекстах имеет «дефолтное» аспектуальное значение хабитуально-итеративной зоны, и поэтому, являясь вершиной номинализации, оно не может присоединять другие аспектуальные показатели. В целом же мы видим, что для выражения видо-временных значений у причастных номинализаций есть явные преимущества по сравнению с именами действия на *-лэп*.

Оба типа номинализаций обладают способностью получать показатель отрицания; при этом маркер отрицания обладает специфической сочетаемостью (употребляется только с некоторыми нефинитными формами только в зависимой предикации).

Как кажется, типологически подобная ситуация (когда номинализации имеют специфический показатель отрицания) является относительно редкой: в литературе в качестве примера языка с уникальным отрицанием в номинализованных конструкциях приводится обычно иврит (см. [Comrie, Thompson 1985: 367]).

Литература

- Баранова В. В. Сложные глаголы в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Выдрина А. В. Употребление показателей пассива в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Калашникова К. В. 2007. Некоторые вопросы видо-временной системы калмыцкого языка. Экспедиционный отчет (рукопись). Доступен на веб-странице калмыцкого семинара (<http://iling.spb.ru/kalmyk/KseniaKalashnikova>).
- Князев М. Ю. Сентенциальные дополнения в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Крапивина К. А. 2007. Относительные предложения в калмыцком языке. Экспедиционный отчет (рукопись). Доступен на веб-странице калмыцкого семинара (<http://iling.spb.ru/kalmyk/KseniaKrapivina>).
- Мищенко Д. Ф. Деепричастия с показателями *-жэ* и *-ad* в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Сай С. С. Грамматический очерк калмыцкого языка. Настоящий сборник.
- Сердобольская Н. В. 2005. *Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации*. Диссертация ... канд. филол. наук. М.
- Сердобольская Н. В. 2008а. Аккузатив субъекта при причастии в калмыцком языке: аргументы за и против подъема аргумента // *Исследования по грамматике и типологии. Материалы Пятой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (6–8 ноября 2008 г.)*. СПб.: Нестор. С. 167–174.
- Сердобольская Н. В. 2008б. Номинатив в номинализации: субъект зависимой предикации или именное зависимое // Плунгян В. А., Татевосов С. Г. (ред.). *Исследования по глагольной деривации*. М.: Языки славянской культуры. С. 314–347.
- Сердобольская Н. В. Аккузатив субъекта в зависимой предикации: за и против подъема аргумента в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Тестелец Я. Г. 2001. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ
- Bläsing U. 2003. Kalmuck // Janhunen J. (ed.). *The Mongolic languages*. London: Routledge. P. 229–248.

- Comrie B. 1976. The Syntax of Action Nominals: A Cross-linguistic Study // *Lingua* 40. P. 177–201.
- Comrie B., Thompson S. 1985. Lexical nominalizations // Shopen T. (ed.) *Language typology and syntactic description*. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press. P. 349–398.
- Haspelmath M. 1995. The converb as a cross-linguistically valid category. In Haspelmath M., König E. (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective: structure and meaning of adverbial verb forms — adverbial participles, gerunds*. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 1–56.
- Haspelmath M. 1996. Word-class-changing inflection and morphological theory // Booij G., van Marle J. (eds.). *Yearbook of Morphology 1995*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. P. 43–66.
- Koptjevskaja-Tamm M. 1993. *Nominalizations*. (Theoretical Linguistic Series). London; New York: Routledge.
- Koptjevskaja-Tamm M. 2003. Action nominal constructions in the languages of Europe // Plank F. (ed.). *Noun phrase structure in the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. P. 723–761.
- Koptjevskaja-Tamm M. 2006. Nominalization // Brown K. (ed.). *Encyclopedia of Languages and Linguistics*. 2nd Edition. Oxford: Elsevier. P. 652–659.

ПРИЧАСТИЕ В РОЛИ СКАЗУЕМОГО ОТНОСИТЕЛЬНОГО ОБОРОТА В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Как известно, конструкции с зависимыми клаузами, возглавляемыми причастиями и деепричастиями (в монголистике для их обозначения традиционно используются термины «оборот» и «второстепенное предложение», см., например, [Пюрбеев 1979: 5]), занимают в монгольских языках исключительно важное место. В настоящей работе на материале калмыцкого языка рассматривается один из типов таких оборотов — относительные предложения.

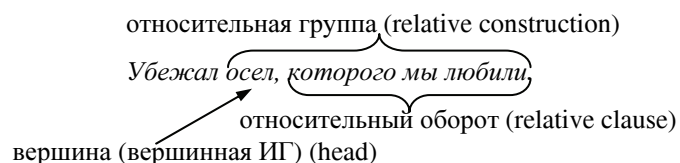
Стоит отметить, что в лингвистических работах термин «относительное предложение» может употребляться как сокращение двух разных более полных терминов: а) относительное придаточное предложение; б) сложноподчиненное предложение с относительным придаточным [Зализняк, Падучева 1997: 61]. В данной статье принимается вторая из двух трактовок, т. е. под относительным предложением понимается конструкция вида (1):

(1) *Убежал осел, которого мы любили.*

Для обозначения частей относительного предложения в работе используются термины из русского перевода статьи [Keenan, Comrie 1977], представленные на Схеме 1 на следующей странице (в скобках приведены соответствующие англоязычные термины из оригинальной статьи):

¹ Материал собран в экспедициях 2006 и 2007 годов в поселок Ергенинский и 2008 г. в поселок Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий». Я искренне благодарна Сергею Саю, Дмитрию Герасимову, Софье Оскольской и И. А. Держанскому за помощь в работе над статьей, а также всем участникам калмыцких экспедиций за ценные советы и замечания.

Схема 1. Термины для обозначения частей относительного предложения

В калмыцком языке, как и в других алтайских языках, основной стратегией образования относительных предложений (релятивизации) является причастная стратегия, т. е. такая, в которой причастие выполняет функцию сказуемого относительного оборота, см. (2):

- (2) [mini **al-sən**] iikər dala iisə
 я.GEN убить-PC.PST корова много молоко
 ög-dəg bilä
 дать-PC.HAB быть.REM
 ‘Корова, которую я убил, давала много молока’.

Рассматриваемая калмыцкая конструкция обладает следующими характерными особенностями:

а) внешняя вершина относительной группы; ср. невозможность (2а), где вершинная ИГ занимает позицию прямого дополнения в относительном обороте:

- (2а) *[mini **iikr-igə** al-sən] dala iisə
 я.GEN корова-ACC убить-PC.PST много молоко
 ög-dəg bilä
 дать-PC.HAB быть.REM
 ‘Корова, которую я убил, давала много молока’.

б) предшествование относительного оборота вершине (*prenominal external relative clauses* по [Lehmann 1986]), соответствующее типологическим ожиданиям: «Почти во всех языках с конечной позицией глагола в предложении относительные обороты предшествуют вершинной именной группе» [Downing 1978: 391]; ср. невозможность (2б) с вершиной, предшествующей относительному обороту:

- (2б) *iikər [mini al-sən] dala iisə
 корова я.GEN убить-PC.PST много молоко
 ög-dəg bilä
 дать-PC.HAB быть.REM
 ‘Корова, которую я убил, давала много молока’.

Стоит отдельно отметить возможность образования так называемых безвершинных относительных предложений, см. [Givón 1990: 683–686], таких, как (2в), где показатель аккузатива (*-igə*) присоединяется непосредственно к причастной форме:

(2в) *mini id-s-igə bi buulⁱ-na-v*
 я.GEN есть-PC.PST-ACC я.NOM хвалить-PRS-1SG
 ‘Я хвалю то, что съел (съеденное мной)’.

Настоящая работа затрагивает различные аспекты устройства калмыцких относительных предложений: так, в разделе 2 рассматривается набор синтаксических позиций, подвергающихся релятивизации (т. е. синтаксических позиций, коррелятом которых в относительном обороте может выступать вершинная ИГ), выделяются две стратегии, реализуемые на разных участках иерархии доступности Кинэна-Комри [Кинэн, Комри 1982], отмечаются их сходства и различия; раздел 3 посвящен способам выражения субъекта относительного оборота.

Однако основной задачей исследования было выяснение того, какими факторами обусловлен выбор причастной формы в функции сказуемого относительного оборота. В разделе 4 дается краткая характеристика причастий, которые могут выступать в этой роли; разделы с 5 по 7 посвящены более детальному рассмотрению конкретных причастных форм: причастий прошедшего времени на *-sən* и будущего времени на *-xə* (раздел 5), хабитуального причастия на *-dəg* (6) и пассивного причастия на *-ata* (7). Раздел 8 содержит некоторые наблюдения, касающиеся функционирования относительных предложений в устных калмыцких текстах. Выводы и обобщения сформулированы в разделе 9.

2. Иерархия доступности

Калмыцкий язык позволяет релятивизовать все позиции иерархии доступности Кинэна-Комри, кроме объекта сравнения, (см. Схему 2 на следующей странице) т. е. подлежащее, прямое дополнение, не прямое дополнение (дополнение в дативе), косвенное дополнение (в том числе послеложное) и группу обладателя. При этом на разных участках иерархии используются разные варианты причастной стратегии, которые, как будет видно далее из разделов 2.1 и 2.2, различаются в такой степени, что целесообразно

считать их отдельными стратегиями, объединенными лишь тем, что функцию сказуемого относительного оборота в них выполняет причастие. Далее в статье эти стратегии для краткости называются «первая стратегия» и «вторая стратегия».

Схема 2. Распределение двух причастных стратегий релятивизации

(2.1)	подлежащее, SU > прямое дополнение, DO > непрямое дополнение, IO > косвенное дополнение, OBL >
(2.1, 2.2)	послеложное дополнение, PP >
(2.2)	группа обладателя, GEN >
(не релятивизуется)	объект сравнения, OCOMP

2.1. От подлежащего до послеложного дополнения

Стратегия, которая выбирается носителями для релятивизации синтаксических позиций, находящихся в верхней части иерархии доступности, может быть проиллюстрирована примерами (3)–(6):

Подлежащее

(3)	<i>ikär</i>	<i>kar-arən</i>	<i>dajəl-žä-sən</i>
	сильно	рука-INS.P.REFL	махать-PROG-PC.PST
	<i>kövü-gə</i>	<i>bagšə naad-n-asə</i>	<i>kar-və-v</i>
	мальчик-ACC	учитель игра-EXT-ABL	выходить-CAUS-PST
	‘Учитель удалил из игры мальчика, который много махал руками’.		

Прямое дополнение

(4)	<i>Očər</i>	<i>mini</i>	<i>bič-žä-xə</i>	<i>bičg-igə</i>
	Очир	я.GEN	писáть-PROG-PC.FUT	письмо-ACC
	<i>imš-žä-na</i>			
	читать-PROG-PRS			
	‘Очир читает письмо, которое я пишу’.			

Непрямое дополнение

(5)	<i>mini</i>	<i>kičəg</i>	<i>ög-sən</i>	<i>küük-üid</i>	<i>nan-də</i>	<i>en</i>
	я.GEN	щенок	дать-PC.PST	девочка-PL	я-DAT	этот
	<i>cecəg-igə</i>	<i>ögə-v</i>				
	цветок-ACC	дать-PST				
	‘Девочки, которым я отдал щенка, подарили мне этот цветок’.					

Косвенное дополнение

- (6) *mini al'mə zur-sən šir širä*
 я.GEN яблоко рисовать-PC.PST краска стол
deerə kevt-nä
 поверхность лежать-PRS
 'Краска, которой я нарисовал яблоко, лежит на столе'.

Приведенные предложения позволяют охарактеризовать стратегию, используемую калмыцким языком для релятивизации позиций из верхней части иерархии, как 'gap strategy' в традиционном понимании этого термина (представленном, в частности, в работе [Keenan 1985]), т. е. как использующую пробел в относительном обороте на месте релятивизируемой ИГ, см. (6a):

- (6a) [*mini al'mə —_i zur-sən*] *šir_i*
 я.GEN яблоко рисовать-PC.PST краска
širä deerə kevt-nä
 стол поверхность лежать-PRS

Как и в большинстве языков с препозицией относительного оборота, при релятивизации послеложного дополнения, см. (7), в калмыцком языке не наблюдается явления, называемого в англоязычной литературе термином 'adposition stranding', см. [Abels 2003; Takami 1992], т. е. послелог не остается в относительном обороте на том же месте, что и в главной клаузе (см. (7a)), как это происходит, например, с предлогом в английском предложении (7б), являющемся переводом предложения (7), а просто отсутствует в предложении:

Послеложная группа (первая стратегия)

- (7) *kuixənⁱ-də mini suu-xə stul av-ad*
 кухня-DAT я.GEN сидеть-PC.FUT стул брать-CV.ANT
irə-∅
 приходиться-IMP
 'Принеси на кухню стул, на котором я буду сидеть!'
- (7a) *bi stul deerə suu-na-v*
 я.NOM стул поверхность сидеть-PRS-1SG
 'Я буду сидеть на стуле'.

(7б) *Bring the chair; [I'll be sitting on ____] to the kitchen*

Разумеется, в таких случаях возможно появление многозначных предложений. Так, относительный оборот в предложении (7) может значить и ‘стул, **на** котором я буду сидеть’, и, например, ‘стул, **рядом с** которым я буду сидеть’, и даже ‘стул, под которым я буду сидеть’. В большинстве случаев, впрочем, это не мешает правильному восприятию предложения, так как в языках с так называемым «японским» типом релятивизации (где важную роль играет прагматика, см. [Comrie 1998]), к которым, по всей видимости, относится калмыцкий, глагол-сказуемое главной клаузы задает фрейм, исходя из которого, носитель языка делает предположение о том, какая именно позиция релятивизована в предложении или, в данном случае, дополнение какого именно послелога. Таким образом, предложение (7) скорее всего будет проинтерпретировано носителем в том значении, которое отражено в переводе примера, поскольку глагол *сии-* ‘сидеть’ предполагает прежде всего поверхность, на которой находится субъект действия.

С другой стороны, встречаются и такие предложения, в которых фрейма, задаваемого главным глаголом, недостаточно для однозначной интерпретации, см. (8):

(8) *Batr-in jov-žā-sən balʒsə-n ar*
 Батыр-GEN ходить-PROG-PC.PST город-EXT спина
üzg-də bää-nä
 сторона-DAT быть-PRS

‘Город, из которого / в который идет Батыр, находится на севере’.

В подобных случаях носители языка выбирают один из двух способов, позволяющих избежать неоднозначности. Первый способ — добавление уточняющего деепричастия², см. (8а):

² Появление подобных деепричастий смотрится совершенно естественно, поскольку движение в калмыцком языке не только может описываться, но и чаще всего описывается с помощью сложного глагола, состоящего из двух и более глаголов движения [Баранова, настоящий сборник].

- (8a) *Baatr-in* *kar-ad* *jov-žā-sən*
 Батыр-GEN выходить-CV.ANT ходить-PROG-PC.PST
balksə-n ar üzg-də bää-nä
 город-EXT спина сторона-DAT быть-PRS
 ‘Город, из которого / *в который идет Батыр, находится на севере’.

Другая возможность — использование второй допустимой при релятивизации послеложного дополнения стратегии, которой посвящен следующий раздел настоящей работы (2.2).

2.2. Послеложная группа и группа обладателя

Вторым вариантом причастной стратегии, позволяющим релятивизовать послеложное дополнение, является такая стратегия, при использовании которой к послелогу в относительном обороте присоединяется резумптивный элемент — показатель посессива 3-го лица *-n^j*, см. (9):

Послеложная группа (вторая стратегия)

- (9) *dotrə-n^j* *määčə* *kevt-sən* *avdər*
 внутренность-Р.3 мяч лежать-PC.PST сундук
orə-n dor bää-nä
 кровать-EXT низ быть-PRS
 ‘Коробка, в которой лежит мячик, стоит под кроватью’.

Эта же стратегия используется и для релятивизации группы обладателя, причем не имеет значения, какую позицию занимает обладаемое в относительном обороте, ср. (10), где обладаемое является подлежащим и (11), где обладаемое — прямое дополнение³.

Группа обладателя

- (10) *gerə-n^j* *šat-žə* *od-sən* *övgə-n*
 дом-Р.3 гореть-CV.IPFV уходить-PC.PST старик-EXT
Elstə bää-xär jov-la
 Элиста быть-CV.PURP ходить-REM
 ‘Старик, дом которого сгорел, переехал жить в Элисту’.

³ Важно отметить, однако, что многие носители не признают приемлемыми относительные предложения с обладаемым в позиции прямого дополнения, не говоря уже о периферийных синтаксических позициях.

- (11) *čonə ikr-i-nⁱ id-sən övgə-n xö*
 волк корова-ACC-P.3 есть-PC.PST старик-EXT овца
xuld-žə avə-v
 продавать-CV.IPFV брать-PST
 ‘Старик, корову которого загрыз волк, купил себе овцу’.

Стоит заметить, что объединение в рамках одной стратегии послеложных дополнений и групп обладателя выглядит для калмыцкого языка весьма естественно, поскольку многие калмыцкие послелогои произошли от имен существительных [Санжеев 1983: 277], а некоторые и по сей день употребляются как самостоятельные единицы (например, слово *dotər* может значить не только ‘в, внутри’, как в предложении (9), но и ‘внутренности, потроха’). Получается, что в рассматриваемой стратегии релятивизации язык воспринимает объект послелога как обладателя, а сам послелог — как обладаемое и не делает различия между выражениями типа ‘дом старика’ или ‘корова старика’ и выражением ‘внутренность коробки’. Интересно, впрочем, что эта стратегия, «ориентированная» на обладателя, позволяет релятивизовать объект любого послелога, в том числе и такого, который не может употребляться как имя существительное, по меньшей мере, в современном языке, ср. (12):

- (12) *deer-nⁱ lüstra düüžl-ätä širä-n*
 поверхность-P.3 люстра висеть-PC.PASS стол-GEN
öörə škaf zoxs-ča-na
 близость шкаф стоять-PROG-PRS
 ‘Рядом со столом, над которым висит люстра, стоит шкаф’.

Таким образом, в калмыцком языке наблюдается следующее распределение стратегий релятивизации в зависимости от релятивизируемой синтаксической позиции:

Схема 3. Распределение стратегий релятивизации

Без резюмтивных элементов

SU > DO > IO > OBL > PP > GEN > OCOMP

С резюмтивным элементом *-nⁱ*

SU > DO > IO > OBL > PP > GEN > OCOMP

3. Подлежащее относительного оборота

Две рассмотренные стратегии различаются также и основным способом выражения субъекта относительного оборота: так, в случаях, когда для релятивизации используется первая стратегия (без резумптивных элементов), субъект (при его наличии⁴) как правило стоит в генитиве, см. (4)–(7); при употреблении второй стратегии (с показателем *-nʲ*) субъект обычно оформляется номинативом, см. (8)–(12)⁵.

Кроме того, в рамках первой стратегии субъект 1-ого или 2-ого лица можно выразить с помощью соответствующего посессивного показателя при вершине относительной группы, см. (13):

- (13) *umʃ-sən degtər-čən alʲdə bää-nä*
 читать-PC.PST книга-P.2SG где быть-PRS
 ‘Где книга, которую ты прочитал?’

Можно было бы предположить, что посессивный показатель 2-ого лица *-čən* в данном случае выражает обладателя (‘твоя книга’), а подлежащее относительного оборота опущено, однако этому мешает тот факт, что некоторые носители оценивают как приемлемые предложения типа (13а):

- (13а) *umʃ-sən Baatr-in degtər-čən alʲdə bää-nä*
 читать-PC.PST Батыр-GEN книга-P.2SG где быть-PRS
 ‘Где та книга Батыра, которую ты прочитал?’

Как можно видеть, в данном предложении у вершины (*degtər*) есть, на первый взгляд, два возможных обладателя (*Baatr* ‘Батыр’ и *čī* ‘ты’), однако обладателем в действительности является только один из них — выраженный ИГ в генитиве, в то время как посессивный показатель используется для обозначения субъекта действия.

⁴ Эта оговорка подразумевает в первую очередь то, что довольно большую часть случаев использования первой стратегии составляют предложения с релятивизованным подлежащим, где, соответственно, оно не может быть выражено в относительном обороте, а также предоставляемую калмыцким языком возможность опущения подлежащего как в главных, так и в зависимых клаузах.

⁵ Некоторые носители, впрочем, используют для оформления субъекта относительного оборота исключительно номинатив, что, возможно, следует объяснять влиянием русского языка.

4. Сказуемое относительного оборота

В качестве сказуемого относительного оборота в калмыцком языке используются причастия.

Существуют различные взгляды на классификацию калмыцких причастий, см. [Харчевникова 1996: 51], однако большинство исследователей, см. [Бобровников 1849; Котвич 1929; Санжеев 1983], сходятся в том, что наиболее полный список причастий калмыцкого языка выглядит следующим образом (названия причастий приводятся по грамматике Г.Д. Санжеева [Санжеев 1983]):

Таблица 1. Причастия калмыцкого языка в грамматике Г. Д. Санжеева [Санжеев 1983]

<i>-a</i>	причастие настоящего времени
<i>-sən</i>	причастие прошедшего времени
<i>-xə</i>	причастие будущего времени
<i>-gčə</i>	однократное причастие
<i>-dəg</i>	многократное причастие
<i>-mar/-mər/-m</i>	причастие возможности
<i>-ata</i>	страдательное причастие

В материалах экспедиций, однако, не встречается однократных причастий на *-gčə* и причастий возможности на *-mar/-mər/-m*, а опрошенные носители отрицают существование в калмыцком языке соответствующих форм, поэтому далее они не рассматриваются.

Что же касается так называемого причастия настоящего времени (на *-a*), следует отметить, что соответствующая форма в калмыцком языке существует, однако не используется в качестве сказуемого относительного оборота и, следовательно, не может считаться причастием. Форма на *-a* может использоваться лишь в функции сказуемого независимого предложения, где, как показано в работе [Гото, настоящий сборник], выражает значение континуатива, и, соответственно, рассматривается в настоящем сборнике как финитная глагольная форма, ср. (14) и (15):

- (14) *Саган тер күүи-н-дә ода-чән бицэг*
 Цаган тот человек-EXT-DAT сейчас-PCL.CONC письмо
биц-ä
 писáть-CONT
 ‘Цаган все еще пишет письма тому человеку’.

- (15) *Саган-а ода-цэн Элст-үр бицэг*
 Цаган-GEN сейчас-PCL.CONC Элиста-DIR письмо
**bič-ä / bič-žü-xə kü-n kezänä*
 писать-CONT писать-PROG-PC.FUT человек-EXT раньше
Mosku-də bää-nä
 Москва-DAT быть-PRS

‘Человек, которому Цаган все еще пишет письма в Элисту, давно живет в Москве’.

Как правило, в качестве сказуемого относительного оборота используются формы причастия прошедшего времени на *-сэн* и причастия будущего времени на *-хэ* (см. раздел 5 настоящей статьи), а также формы хабикулярного причастия на *-дэг* (см. раздел 6), причем выбор формы в этом случае не зависит от того, какая синтаксическая позиция релятивизируется. Так, например, причастие на *-сэн* может одинаково успешно выступать в качестве сказуемого относительного оборота при релятивизации любой позиции иерархии доступности: подлежащего, прямого и непрямого дополнений и т. д., см. (16)–(18):

- (16) *ter ükär-tə cecэг ög-sən küü-gə*
 тот корова-DAT цветок дать-PC.PST человек-ACC
bi säänär med-nä-v
 я.NOM хорошо знать-PRS-1SG
 ‘Я прекрасно помню человека, который подарил той корове цветок’.

- (17) *ter küü-n-ä cecэг ög-sən ükr-igə*
 тот человек-EXT-GEN цветок дать-PC.PST корова-ACC
bi säänär med-nä-v
 я.NOM хорошо знать-PRS-1SG
 ‘Я прекрасно помню корову, которой тот человек подарил цветок’.

- (18) *ter küü-n-ä ükär-tə ög-sən cecг-igə*
 тот человек-EXT-GEN корова-DAT дать-PC.PST цветок-ACC
bi säänär med-nä-v
 я.NOM хорошо знать-PRS-1SG
 ‘Я прекрасно помню цветок, который тот человек подарил корове’.

Реже в качестве сказуемого относительного оборота встречается пассивное причастие на *-ata*, употребляемое лишь при релятивизации прямого дополнения. Ему посвящен раздел 7.

5. Причастия на *-sən* и на *-хэ* в роли сказуемого относительного оборота

Причастия на *-sən* и на *-хэ* являются наименее маркированными сказуемыми относительного оборота.

По словам Г. Д. Санжеева, причастие прошедшего времени в монгольских языках «в гораздо большей степени, нежели остальные причастия этих языков, сохраняет и выявляет исконную природу причастий вообще» [Санжеев 1963: 215], что в калмыцком языке проявляется, в частности, в том, что именно это причастие чаще всего используется в качестве сказуемого относительного оборота⁶.

Причастие же будущего времени является многофункциональной формой: оно не только может быть сказуемым относительного оборота, но и чаще других форм употребляется в роли сказуемого независимого предложения в контекстах, относящихся к плану будущего (подробнее об этом см. [Калашникова 2007]); некоторые исследователи предлагают также считать его, помимо прочего, формой инфинитива: «Форма причастия буд. вр. является грамматической омонимией двух форм глагола: во-первых, инфинитива, во-вторых, глагола на *-хэ* со значением абстрактного действия, существование которого традиционно отрицалось в монголоведении, но наличие его в монгольских языках было отмечено А. Поповым, Г. Рамстедтом и Т. А. Бертагаевым; во-вторых, формы буд. вр. изъявительного наклонения» [Харчевникова 1996: 60].

В сочетании с показателем прогрессива *-ǰа* причастия прошедшего и будущего времени составляют весь спектр форм, употребляемых в относительном обороте в контекстах, соот-

⁶ Еще одним проявлением причастной природы можно, по всей видимости, считать тот факт, что причастие прошедшего времени само по себе (без глагольной связки *bilä*) крайне редко выступает в качестве сказуемого независимого предложения; в большинстве предикативных употреблений оно присоединяет «подтвердительную связку» *-mön/-тэн*, см. [Гото, настоящий сборник].

ветствующих трем основным типам таксисных отношений между ситуациями, выраженными в главной и зависимой клаузах (предшествование, одновременность, следование), во всех трех временных планах. Для удобства исследования отдельно рассматривались перфективные и имперфективные употребления причастий.

Перфективными считались такие употребления, где ситуация рассматривается как единое целое или где акцент делается на начальной или конечной ее фазе. Имперфективные употребления, в принципе, делятся на хабитуальные и относящиеся к зоне *continuous* [Comrie, 1976; Bybee et al. 1994], однако в данном разделе речь пойдет лишь о последних, поскольку в хабитуальных контекстах в калмыцком языке используется почти исключительно хабитуальное причастие на *-dæg* (см. раздел 6 настоящей статьи).

5.1. Перфективные контексты

Все перфективные употребления форм на *-sən* и на *-xə* прежде всего можно разделить по признаку абсолютного времени ситуации, выражаемой причастием, на употребления, где ситуация относится к плану прошедшего, и употребления, где ситуация локализована в будущем⁷.

В большинстве случаев ситуация в прошлом выражается при помощи формы на *-sən*, см. (19)–(20), а ситуация в будущем — при помощи формы на *-xə*, см. (21)–(22):

- (19) *Ajsa-n ke-sən xot-igə Badma*
 Айсa-GEN делать-PC.PST еда-ACC Бадма
id-čkə-v
 есть-COMPL-PST
 ‘Бадма съел суп, который приготовила Айсa’.

- (20) *Bajərta-n bič-sən bičg-igə oda*
 Байрta-GEN писать-PC.PST письмо-ACC сейчас
Badma šat-a-žə-na
 Бадма гореть-CAUS-PROG-PRS
 ‘Сейчас Бадма жжет письмо, которое написала Байрta’.

⁷ Перфективных употреблений в плане настоящего, естественно, не существует, поскольку отнесение ситуации к настоящему времени автоматически предполагает имперфективную интерпретацию.

(21) *asxə-n mini eck-in id-xə max-igə*
 вечер-EXT я.GEN отец-GEN есть-PC.FUT мясо-ACC
bi šar-žə-na-v
 я.NOM жарить-PROG-PRS-1SG
 ‘Я жарю мясо, которое вечером съест мой отец’.

(22) *maŋvdur či ämə-čən av-xə*
 завтра ты.NOM жизнь-Р.2SG брать-PC.FUT
küü-n-lä tan'ə-ld-xə-č
 человек-EXT-COM узнавать-RECP-PC.FUT-2SG
 ‘Завтра ты познакомишься с человеком, который (вскоре) убьет тебя’.

Однако есть два контекста, в которых значение может иметь не только абсолютную, но и относительную временную ориентацию.

Первый такой случай — когда ситуация, выраженная в относительном обороте, предшествует ситуации, выраженной в главной клаузе, и при этом обе эти ситуации относятся к плану будущего. Иногда в таком контексте, в соответствии с общим правилом, опирающимся на абсолютную временную ориентацию, используется причастие будущего времени на *-xə*, см. (23):

(23) *maŋvdur šat-a-xə bog-mud-in orəm-də*
 завтра гореть-CAUS-PC.FUT мусор-PL-GEN место-DAT
bolnic bär-gəd-xə
 больница строить-PASS-PC.FUT
 ‘Место кучи мусора, который завтра сожгут, построят больницу’.

Однако чаще, и, в особенности, в тех случаях, когда в предложении нет обстоятельств времени, указывающих на отнесенность к будущему (например, *maŋvdur* ‘завтра’), носители выбирают причастие на *-sən*, по всей видимости, чтобы подчеркнуть значение предшествования, см. (24):

(24) *šat-a-sən bog-mud-in orəm-də bolnic*
 гореть-CAUS-PC.PST мусор-PL-GEN место-DAT больница
bär-gəd-xə
 строить-PASS-PC.FUT
 ‘Место кучи мусора, который сожгут, построят больницу’.

Второй случай «конкуренции» относительного времени с абсолютным — контексты, где ситуация, выраженная в относительном обороте, следует за ситуацией, выраженной в главной клаузе, и обе ситуации относятся к плану прошедшего.

Прежде всего стоит отметить, что такие относительные предложения в калмыцком языке крайне редки. Так, например, в корпусе текстов, собранных в ходе экспедиций, они вообще не представлены, а в ответ на предъявление соответствующих стимулов на русском языке носители, как правило, порождают не относительное предложение, а два независимых предложения, возглавляемых финитными глаголами, см. (25):

- (25) *örü-n bi хотә čan-la-v, tenü-gә*
 утро-EXT я.NOM еда варить-REM-1SG тот-ACC
üd-lä mini giič-nәр id-lä
 полдень-COM я.GEN гость-PL есть-REM
 ‘Утром я готовил еду, которую ели (на обед) мои гости’.

Если же относительное предложение все же порождается (исключительно при элицитации), разные носители выбирают для выражения одного смысла разные формы: с одной стороны, многие употребляют причастие на *-sәn*, ориентируясь, по всей видимости, на абсолютное время ситуации (прошедшее), см. (26), с другой стороны, некоторые используют причастие на *-хә*, скорее всего, как обращающее внимание на факт следования ситуации, выраженной в относительном обороте, за ситуацией, выраженной в главной клаузе, см. (26a)⁸:

- (26) *urznakә Baatәр әm-i-n^j av-sәn*
 прошлогодний Батыр жизнь-ACC-P.3 брать-PC.PST
küü-n-lä tan^jә-ldә-žә
 человек-EXT-COM узнавать-RECP-EVD
 ‘В прошлом году Батыр познакомился с человеком, который потом убил его’.

⁸ Предложения (26) и (26a) — два перевода одного и того же стимула (‘В прошлом году Батыр познакомился с человеком, который потом убил его’), сделанные разными носителями.

(26a) *urzən* *Baatər* *bij-i-nʲ* *al-xə*
 прошлогодний Батыр тело-ACC-P.3 убить-PC.FUT
küü-n-lä *tanʲə-ld-la*
 человек-EXT-COM узнавать-RECP-REM
 ‘В прошлом году Батыр познакомился с человеком,
 который потом убил его’.

Впрочем, здесь, как и в первом случае, наличие в предложении обстоятельства, «высвечивающего» локализацию ситуации в прошедшем (например, *öckəldür* ‘вчера’), исключает употребление причастия на *-xə*, которое в данном контексте было бы связано с относительной временной ориентацией, см. (27):

(27) *urzən* *Baatər* *bij-i-nʲ* *öckəldür*
 прошлогодний Батыр тело-ACC-P.3 вчера
al-sən / **al-xə* *küü-n-lä*
 убить-PC.PST убить-PC.FUT человек-EXT-COM
tanʲə-ld-la
 узнавать-RECP-REM
 ‘В прошлом году Баатр познакомился с человеком, который
 вчера убил его’.

Таким образом, можно сказать, что причастие на *-sən* является предпочтительной формой сказуемого относительного оборота во всех контекстах, где ситуация, выраженная в зависимой предикации, относится к плану прошедшего, см. (20), (21), (26) и (27), а также в пересекающемся с этим множеством наборе контекстов, где между ситуацией, выраженной в зависимой предикации, и ситуацией, выраженной в главной предикации, имеет место таксисное отношение предшествования, см. (24). В остальных случаях используется причастие будущего времени.

5.2. Имперфективные контексты

Имперфективные употребления образуют несколько более сложную картину по сравнению с перфективными, поскольку за счет показателя *-ǰa* количество возможных форм увеличивается с двух до четырех, и в арсенале носителя оказываются причастия на *-sən*, *-xə*, *-ǰa-sən* и *-ǰa-xə*. Кроме того, увеличивается и возможное количество контекстов, так как имперфективные употребления, в отличие от перфективных, могут относиться к плану настоящего.

Впрочем, в настоящем и будущем времени (кроме контекстов, где ситуация, выраженная в относительном обороте, предшествует ситуации, выраженной в главной клаузе) наблюдается довольно простое распределение.

Так, ситуации, относящиеся к плану будущего, обозначаются причастиями будущего времени на *-хэ*, см. (28)–(29):

- (28) *Badma-n xäü-xə bičg-igə bi*
 Бадма-GEN искать-PC.FUT письмо-ACC я.NOM
bult-ul-žä-na-v
 прятаться-CAUS-PROG-PRS-1SG
 ‘Я прячу записку, которую Бадма будет искать’.

- (29) *üüdə cok-kə küü-gə bidən*
 дверь ударить-PC.FUT человек-ACC мы
üz-xə-vidən
 видеть-PC.FUT-1PL
 ‘Мы будем видеть человека, который будет стучать в дверь’.

Для выражения ситуаций, локализованных в настоящем, могут быть использованы обе формы с показателем прогрессива — на *-žä-xə* и на *-žä-sən*, см. (30):

- (30) *kiit-n-äsə čičər-žä-xə /*
 холод-EXT-ABL трястись-PROG-PC.FUT
čičər-žä-sən miis-in kičg-igə Ajsa
 трястись-PROG-PC.PST кошка-GEN щенок-ACC Айса
il-žä-nä
 гладить-PROG-PRS
 ‘Айса гладит котенка, который дрожит от холода’.

Многие носители, Впрочем, охотнее выбирают форму на *-žä-xə*, вероятно, потому, что она не используется в других контекстах, в то время как форма на *-žä-sən*, как будет видно далее, имеет и другие сферы употребления.

Все оставшиеся имперфективные употребления можно разделить на три группы, из которых первые две удобно рассматривать вместе:

А) контексты, в которых ситуация, выраженная в относительном обороте, предшествует ситуации, выраженной в главной

Таблица 2. Распределение форм причастий-сказуемых в некоторых имперфективных употреблениях

Акциональный класс глагола	Абсолютное прошедшее (кроме одновременности) и/или предшествование	Одновременность в прошлом
непредельные <P;P>, стативные <S;S>	-sən	-sən -ǰasən
ингессивно-непредельные <EP,P;P>, слабые инцептивно-стативные <ES,S;S>, мультипликативные <Q,MP;MP>	-sən -ǰasən	-ǰasən -sən
двупредельные <EP,P,ES;P>, ингессивно-мультипликативные <EMP,Q,MP; MP>	-ǰasən -sən	-ǰasən -sən
слабые предельные <ES,P;P>, стативно-процессные <P,ES,S;P,S>	-ǰasən -sən	-ǰasən
сильные инцептивно-стативные <ES;S>, сильные предельно-стативные <ES,S;P>, сильные предельные <ES;P>	-ǰasən	-ǰasən

клаузе (в данном случае абсолютная временная локализация этих ситуаций никакой роли не играет);

Б) контексты, в которых ситуация, выраженная в относительном обороте, следует за ситуацией, выраженной в главной клаузе, и обе ситуации относятся к плану прошедшего;

В) контексты, в которых ситуация, выраженная в относительном обороте, одновременна ситуации, выраженной в главной клаузе, и обе ситуации относятся к плану прошедшего.

Выбор причастной формы в этих контекстах зависит от акционального класса глагола, от которого образовано причастие-сказуемое относительного оборота, см. Таблицу 2 (при наличии двух возможных вариантов первым всегда указывается наиболее предпочтительный)⁹:

⁹ Акциональные классы калмыцких глаголов приводятся по статье [Овсянникова, настоящий сборник]. В таблице использованы следующие сокращения для акциональных значений: S — состояние, P — процесс, ES —

Как видно из Таблицы 2, формы на *-sən* и на *-ǰa-sən* конкурируют друг с другом во всех контекстах предшествования, а также в контекстах одновременности ситуации в прошлом и следования за ситуацией в прошлом. Выбор одной или другой формы в каждом случае определяется несколькими факторами.

Во-первых, чем вероятнее появление у формы предельной интерпретации, исходя из собственных свойств глагола, тем скорее будет использоваться форма с показателем *-ǰa*. Так, неопределенные и стативные глаголы употребляются почти исключительно в форме на *-sən*, поскольку глаголы этих акциональных классов даже в перфективной форме обозначают процесс и состояние соответственно, см. пример (31) на неопределенный глагол *xäü-* ‘искать’:

- (31) *Očər sǝ-də xäü-sən naadva öriü-n*
 Очир ночь-DAT искать-PC.PST игрушка утро-EXT
ol-ǰə avə-v
 находить-CV.IPFV брать-PST
 ‘Утром Очир нашел игрушку, которую искал ночью’.

Напротив, сильные инцептивно-стативные, сильные предельно-стативные и сильные предельные глаголы в абсолютном большинстве имперфективных употреблений выступают в форме на *-ǰa-sən*, поскольку в противном случае они получили бы предельную интерпретацию, см. пример (32) на сильный инцептивно-стативный глагол *naald-* ‘прилипнуть’:

- (32) *ers-tə naa-ld-ǰa-sən oboj Ajsa*
 стена-DAT намазывать-RECP-PROG-PC.PST обои Айса
čaŋkur bär-lä
 громко держать-REM
 ‘Айса крепко держала обои, которые прилипали к стене’.

Вторым «аргументом» в пользу использования показателя прогрессива является необходимость выразить значение одновременности; соответственно, при прочих равных условиях, в контекстах, где имеет место отношение одновременности, веро-

вхождение в состояние, EP — вхождение в процесс, MP — мультипликативный процесс, Q — квант мультипликативного процесса, EMP — вхождение в мультипликативный процесс.

ятность употребления причастия без показателя *-žä* ниже, нежели в случаях предшествования или следования.

Так, в предложении (33), где ситуация, выраженная в относительном обороте, предшествует ситуации, выраженной в главной клаузе, слабый предельный глагол *xääl-* ‘таять’ может выступать как в форме на *-žä-sən* (что предпочтительнее), так и в форме на *-sən*:

- (33) *öckäldür širä deerə xääl-žä-sən /*
 вчера стол поверхность таять-PROG-PC.PST
xääl-sən morožen endər mis idə-v
 таять-PC.PST мороженое сегодня кошка есть-PST
 ‘Мороженое, которое вчера таяло на столе, сегодня съела кошка’.

В предложении же (34), где ситуации, выраженные в главной и в зависимой клаузах, одновременны, форма на *-sən* уже невозможна, поскольку отношение одновременности увеличивает вероятность появления показателя прогрессива:

- (34) *širä deerə xääl-žä-sən / *xääl-sən*
 стол поверхность таять-PROG-PC.PST таять-PC.PST
morožen tal Ajsa udan xälä-lä
 мороженое сторона Айса долго смотреть-REM
 ‘Айса долго смотрела на мороженое, которое таяло на столе’.

Еще одним фактором, влияющим на выбор формы, является наличие в предложении обстоятельств времени, указывающих на длительность действия (таких, как, например, *udan* ‘долго’), ср. (35) и (35а):

- (35) *öörd-äd ir-x-tə ger-in-n^j*
 приближаться-CV.ANT приходить-PC.FUT-DAT дом-GEN-P.3
*üüdə sek-žä-sən / *sek-sən*
 дверь открывать-PROG-PC.PST открывать-PC.PST
küü-gə Badəm jir ikär cokə-v
 человек-ACC Бадма очень сильно ударить-PST
 ‘Бадма сильно побил человека, который открывал дверь его дома, когда он подошел’.

- (35a) *öörd-äd* *ir-x-tə* *ger-in-nⁱ*
 приближаться-CV.ANT приходить-PC.FUT-DAT дом-GEN-P.3
üüidə *udan* [?]*sek-žä-sən* / *sek-sən*
 дверь долго открывать-PROG-PC.PST открывать-PC.PST
küü-gə *Badəm jir* *ikär* *cokə-v*
 человек-ACC Бадма очень сильно ударить-PST
 ‘Бадма сильно побил человека, который уже долго открывал дверь его дома, когда он подошел’.

Как можно видеть из этих примеров, в случае появления в предложении подобного обстоятельства выбор делается в пользу формы без показателя прогрессива. Таким образом, язык позволяет выражать значение длительности любым из двух доступных способов, но при этом старается «экономно» ограничиться одним: либо аспектуальным аффиксом, либо обстоятельством времени.

6. Хабитуальное причастие на *-dæg* в роли сказуемого относительного оборота

Хабитуальное причастие на *-dæg*, которое в независимом употреблении может относиться только к ситуации в настоящем [Гото, настоящий сборник], выступая в роли сказуемого относительного оборота, может, по всей видимости, обозначать действие, относящееся к любому временному плану в зависимости от контекста. Так, например, предложение (36) может в разных ситуациях быть проинтерпретировано тремя разными способами:

- (36) *en* *ger-tə* *xürəm-də* *xö-d* *ög-dæg*
 этот дом-DAT свадьба овца-PL дать-PC.HAB
övgə-n *bää-nü*
 старик-EXT быть-PRS

а) ‘В этом доме живет старик, который (раньше) приносил всем на свадьбу баранов’. {А теперь он баранов больше не держит.}

б) ‘В этом доме живет старик, который приносит всем на свадьбу баранов’.

в) {Вчера умер старик, который приносил всем на свадьбу баранов, а...} ‘В этом доме живет старик, который (теперь) будет приносить всем на свадьбу баранов’.

Употребление причастия на *-dəg* в качестве сказуемого относительного оборота, по всей видимости, воспринимается носителями как вневременное, т. е. как выражающее некоторое постоянное свойство объекта, см. (37):

- (37) *öckəldür mini ödər bolxən ködəlməš-t-än*
вчера я.GEN день каждый работа-DAT-P.REFL
jov-dəg avtobus jov-sən uga
ходить-PC.NAV автобус ходить-PC.PST NEG.COP
‘Вчера отменили автобус, на котором я каждый день езжу на работу’.

7. Пассивное причастие на *-ata* в роли сказуемого относительного оборота

Иногда при релятивизации прямого дополнения в качестве сказуемого относительного оборота носители используют пассивное причастие на *-ata*, см. (38), (39):

- (38) *noxa kenčr-är хищ-ata širä dorə*
собака тряпка-INS накрывать-PC.PASS стол низ
kevt-nä
лежать-PRS
‘Собака лежит под столом, который накрыт тряпкой’.
- (39) *či jaaxar on’sl-ata üüidə*
ты.NOM зачем запирать-PC.PASS дверь
sok-ča-xə-č?
ударить-PROG-PC.FUT-2SG
‘Зачем ты стучишься в дверь, которая заперта?’

Случай этот является уникальным для калмыцкого языка, поскольку, как уже было упомянуто в разделе 4, все остальные причастия в роли сказуемого относительного оборота безразличны к релятивизируемой позиции. Исходя из этого, можно предположить, что в некоторых контекстах должна возникать конкуренция между формами на *-ata* и другими причастными формами. Однако в действительности подобная конкуренция возникает крайне редко, так как причастие на *-ata*, во-первых, всегда предполагает наличие результата и, соответственно, используется только

в перфективных контекстах со значением предшествования, и, во-вторых, не может использоваться в плане будущего.

Установленные ограничения позволяют заключить, что единственное причастие, которое может конкурировать в функции сказуемого относительного оборота с причастием на *-ata*, — это причастие прошедшего времени на *-sən*, см. (40)¹⁰:

- (40) *Badma xojr zu-n žil ardə ke-sən /*
 Бадма два сто-EXT год зад делать-PC.PST
ke-vätä širä xamxər-čkə-v
 делать-PC.PASS стол ломаться-COMPL-PST
 ‘Бадма сломал стол, который был сделан 200 лет назад!’

Однако и такие случаи встречаются нечасто, поскольку причастие на *-ata* образуется от довольно ограниченного круга глаголов (лишь от некоторых переходных глаголов, обозначающих предельную ситуацию, такими как *širdə-* ‘красить’ или *xaa-* ‘закрывать’), и, к тому же, устанавливает довольно строгие ограничения на синтаксические позиции, которые могут встречаться с ним в одной клаузе.

Интересно, что эти ограничения в относительном обороте строже, чем в независимом предложении. Так, в Таблице 3 на следующей странице показано, какие актаны и сирконстанты причастия на *-ata* могут быть добавлены в предложение (41), где оно является сказуемым независимого предложения, а какие — в предложение (42), где оно возглавляет относительный оборот:

- (41) *taka al-ata*
 курица убить-PC.PASS
 ‘Курица убита’.
- (42) *al-ata taka jamaran ner-tä bilä?*
 убить-PC.PASS курица какой имя-ASSOC быть.REM
 ‘Как звали убитую курицу?’

¹⁰ Теоретически еще одним вариантом в подобных контекстах могла бы стать форма на *-gd-sən* (т. е. сочетание показателя причастия прошедшего времени с показателем пассива), однако в действительности такие формы не порождаются носителями и крайне редко признаются приемлемыми.

Таблица 3. Ограничения на актанты и сирконстанты причастия на *-ata* в независимой клаузе и относительном обороте

Актанты/сирконстанты	Независимое предложение (45)	Относительный оборот (46)
обстоятельство времени (<i>kezänä</i> 'давно', <i>öcköldiür</i> 'вчера')	+	+
инструмент (<i>sükär</i> 'топором')	+	-/+
агентивное дополнение (<i>Baatrar</i> 'Батыром')	+	-
обстоятельство образа действия (<i>ärä gižə</i> 'с трудом')	-	-

Никаких строгих ограничений на сочетаемость указанных в Таблице актантов и сирконстантов нет, однако чем больше их в одном относительном обороте и чем «тяжеловеснее» он выглядит, тем меньше вероятность его порождения или одобрения носителем и, соответственно, тем скорее место сказуемого в нем займет причастие на *-səl*. Тем не менее, в этом случае стоит говорить лишь о тенденции, а не о строгом распределении форм.

8. Некоторые особенности функционирования относительных предложений в текстах

Стоит отметить, что, несмотря на грамматичность всех рассмотренных нами типов относительных предложений, многие из них крайне редко встречаются в устных текстах, а некоторые не встречаются вовсе (например, стратегия, используемая для релятивизации послеложных дополнений и групп обладателя, вообще не используется носителями в спонтанной устной речи).

Чаще всего носители порождают относительные предложения, состоящие из вершины, модифицируемой одиночным причастием (без зависимых слов). Известно, что в русском языке такое — одиночное — употребление причастия зачастую ведет к его адъективации, см. [Калакуцкая 1971], т. е. к частичной или полной потере глагольных свойств (в частности, временной отнесенности действия). Для калмыцкого языка, по всей видимости,

это также верно, поскольку в большей части относительных предложений в устной речи вершина модифицируется хабитуальным причастием на *-dæg*, для которого, как уже отмечалось выше, наиболее характерно вневременное употребление (см. раздел 6).

- (43) *id-dæg* *xotə-n* *uga* *uu-dæg* *cä*
 есть-РС.НАВ еда-EXT NEG.COP пить-РС.НАВ чай
uga
 NEG.COP
 ‘Не было еды, чтобы есть, не было чая, чтобы пить’ (04_svinja.2).

Кроме того, в текстах встречается некоторое количество конструкций, которые по форме являются относительными предложениями, но, по всей видимости, не воспринимаются носителями как таковые по той или иной причине. К ним стоит отнести, в частности, случаи полной адъективации таких слов как, например, *med-dæg* (знать-РС.НАВ) в значении ‘знающий, умный, образованный (человек)’ или *ir-sən* (приходить-РС.PST) в значении ‘наступивший (год)’, а также конструкции с полуграмматическим глаголом *gi-* ‘говорить’ в форме хабитуального причастия, использующиеся при обозначении имени или названия, см. (44):

- (44) *Güzäk* *gi-dæg* *xot-n-asə*
 Гюзяк говорить-РС.НАВ деревня-EXT-ABL
kar-ad *jov-s-mən* *arvə-n*
 выходить-CV.ANT ходить-РС.PST-COP.AFF десять-EXT
kurv-ta-d-an
 три-ASSOC-DAT-P.REFL
 ‘Она выселялась из местечка Гюзяк в 13 лет’ (03_semja.15).

9. Заключение

Единственной стратегией релятивизации в калмыцком языке является характерная для алтайских и, в частности, монгольских языков причастная стратегия, образующая препозитивные относительные обороты с внешней вершиной и представленная двумя существенно различающимися вариантами (самостоятельными стратегиями), позволяющими релятивизовать большую часть иерархии доступности Кинэна-Комри:

- от подлежащего до послеложного дополнения используется стратегия «японского» типа, для которой важна в первую очередь прагматика, а релятивизируемая ИГ никак не представлена в относительном обороте;

- релятивизация послеложного дополнения и группы обладателя осуществляется при помощи стратегии, использующей резумптивный элемент *-nⁱ* (посессивный показатель 3-его лица), присоединяемый к послелогу или к обладаемому соответственно.

Стратегии также различаются способом выражения подлежащего. Так, первая стратегия, как правило, использует ИГ в генитиве или посессивный показатель при вершинной ИГ (для 1-ого и 2-ого лица), а вторая стратегия — ИГ в номинативе. В качестве сказуемого относительного оборота всегда используются причастия, выбор которых в большинстве случаев не зависит от релятивизируемой позиции (единственным исключением является пассивное причастие на *-ata*, используемое только для релятивизации прямого дополнения).

Важнейшим фактором при выборе между причастиями в функции сказуемого относительного оборота является аспектуальная характеристика обозначаемой ситуации.

Форма на *-dæg* всегда употребляется в хабитуальных контекстах, а также для выражения вневременного признака объекта, независимо от каких бы то ни было других факторов.

Для причастий на *-sən* и на *-xə*, форм, наименее маркированных в аспектуальном плане, важнее всего оказывается абсолютная временная локализация обозначаемой ситуации. Так, в плане будущего, за редким исключением, используется причастие на *-xə*, в плане настоящего — его сочетание с показателем прогрессива *-ǰa*. Таким образом, причастие будущего времени на *-xə* «покрывает» одновременно план будущего и настоящего, что, в целом, согласуется с другими фактами калмыцкого языка, свидетельствующими о взаимодействии зон будущего и настоящего, такими, как, например, появление показателя *-xə* в отрицательных предложениях в настоящем времени [Санжеев 1983: 295] или использование показателя настоящего времени *-na* в контексте будущего времени в 1-ом и 2-ом лицах [Калашникова 2007: 27].

В плане прошедшего важным оказывается деление употреблений на перфективные и имперфективные. В перфективных всегда используется причастие на *-sən*, в имперфективных существует выбор между причастием на *-sən* и его сочетанием с показателем прогрессива *-ǰa*, который определяется двумя взаимодействующими градуальными факторами.

Первый фактор — одновременность действия, выраженного причастием, действию, выраженному в главной клаузе. Соответственно, одновременность является аргументом в пользу использования показателя *-ǰa*, а неодновременность — против.

Второй важный фактор, влияющий на выбор формы — акциональный класс глагола, от которого образовано причастие, а точнее, противопоставление по предельности/непредельности. Чем вероятнее предельная интерпретация глагола, тем скорее (чтобы избежать такого прочтения) будет употреблена форма с показателем прогрессива, и наоборот. Кроме того, в роли своеобразного «заменителя» показателя прогрессива могут выступать обстоятельства времени, указывающие на длительность.

Таким образом, оказывается, что в калмыцком языке невозможно выделить единственный фактор, определяющий выбор причастия на роль сказуемого относительного оборота: для причастия на *-ata* оказывается принципиально релеативизируемая синтаксическая позиция, причастие на *-dəg* «выводит» причастие из зоны важности времени, обозначая вневременной признак, а причастия на *-sən* и на *-xə*, совместно с аспектуальным показателем *-ǰa*, «покрывают» все возможности локализации ситуации, выраженной в относительном обороте, на абсолютной временной шкале.

Литература

- Баранова В. В. Сложные глаголы в калмыцком языке. Настоящий сборник.
Бобровников А. А. 1849. *Грамматика монгольско-калмыцкого языка*. Казань.
Гото К. В. Система финитных форм прошедшего времени в калмыцком языке. Настоящий сборник.
Зализняк А. А., Падучева Е. В. 1997. К типологии относительного предложения // *Семиотика и информатика*, 35. М. С. 59–107.
Калакуцкая Л. П. 1971. *Адъективация причастий в современном русском литературном языке*. М.: Наука.
Калашникова К. В. 2007. Некоторые вопросы видо-временной системы калмыцкого языка. Экспедиционный отчет (рукопись).

- Доступен на веб-странице калмыцкого семинара (<http://www.iling.spb.ru/kalmyk/KseniaKalashnikova>).
- Кинэн Э. Л., Комри Б. 1982. Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика // *Новое в зарубежной лингвистике*, 11. М. С. 111–165.
- Котвич В. Л. 1929. *Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка*. Прага.
- Овсянникова М. А. Акциональные классы глаголов калмыцкого языка. Настоящий сборник.
- Пюрбеев Г. Ц. 1979. *Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Санжеев Г. Д. 1963. *Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол*. М.: Издательство восточной литературы.
- Санжеев Г. Д. (ред.). 1983. *Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Харчевникова Р. П. 1996. *Система глагола в современном литературном калмыцком языке*. Автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук. М.
- Abels K. 2003. *Successive Cyclicity, Anti-locality, and Adposition Stranding*. PhD dissertation. University of Connecticut.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. 1994. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Comrie B. 1976. *Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Comrie B. 1998. Rethinking the typology of relative clauses // *Language Design*, 1. P. 59–86.
- Downing B. T. 1978. Some Universals of Relative Clause Structure // Greenberg J. H. (ed.). *Universals of Human Language*, 4. *Syntax*. Stanford: Stanford University Press. P. 357–418.
- Givón T. 1990. *Syntax: A Functional-Typological Introduction*, 2. Amsterdam: John Benjamins.
- Keenan E. L., Comrie B. 1977. Noun Phrase accessibility and Universal Grammar // *Linguistic inquiry*, 8. No. 1. P. 63–98. Русский перевод: [Кинэн, Комри 1982].
- Keenan E. L. 1985. Relative clauses // Shopen T. (ed.). *Language typology and syntactic description*. 2. *Complex constructions*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 141–170.
- Lehmann C. 1986. On the typology of relative clauses // *Linguistics*, 24. P. 663–680.
- Takami K. 1992. *Preposition Stranding: From syntactic to functional analyses*. Berlin: Mouton de Gruyter.

СЕНТЕНЦИАЛЬНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

По определению классической работы [Noonan 2007 (1985)], о сентенциальных актантах говорят, когда актантом некоторого предиката является предикация². Сентенциальные актанты могут выступать в функции дополнения и подлежащего; в этой статье я рассматриваю сентенциальные актанты в функции дополнения, или **сентенциальные дополнения**.

В конкретном языке сентенциальные дополнения, как правило, представлены различными типами (*complement types*), которые выделяются в первую очередь по морфосинтаксическим свойствам зависимого предиката.

Так, в калмыцком языке могут быть выделены следующие типы сентенциальных дополнений:

(а) **Финитные дополнения**³

Финитные дополнения характеризуются оформлением зависимого предиката формой индикативного наклонения (ср. будущее время глагола ‘ссориться’ *сiйügəldxə* в (1)) или неиндикативного наклонения (ср. императив глагола ‘выходить’ *картэн* в (2)).

¹ Материал собран в экспедициях 2007 г. в поселок Ергенинский и 2008 г. в поселок Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий». Я благодарю Н. В. Сердобольскую и С. С. Сая, которые читали первую версию моей статьи. Также я благодарен К. Н. Прохорову за обсуждение вопросов, поднятых в этой статье.

² «By complementation, we mean the syntactic situation that arises when a notional sentence or predication is an argument of a predicate» [Noonan 2007: 52].

³ Здесь и далее вместо понятия *сентенциальное дополнение* в тех случаях, где это не ведет к неоднозначности, может быть использовано понятие *дополнение*.

- (1) [enə kiiüküd ciiügə-ld-xə gi-väd]
 этот дети ссориться-RECP-PC.FUT говорить-CV.ANT
 bi ää-žä-nä-v
 я.NOM бояться-PROG-PRS-1SG
 ‘Я боюсь, что дети поссорятся’.
- (2) [bagšə survul'č-nər-igə klaas-in xora-vasə
 учитель ученик-PL-ACC класс-GEN комната-ABL
 var-tən gi-žə] kel-əv
 выходить-IMP.PL говорить-CV.IPFV говорить-PST
 ‘Учитель сказал, чтобы ученики вышли из класса’.

Особенностью финитных дополнений является использование деепричастий глагола ‘говорить’ *gižə* и *gibäd* в качестве подчинительного союза.

(б) **Деепричастные дополнения**

В деепричастных дополнениях зависимый предикат оформляется формой деепричастия (ср. соединительное деепричастие глагола ‘писать’ *biččə* в (3)).

- (3) [Badma bičəg bič-čə] duusə-v
 Бадма письмо писать-CV.IPFV заканчивать-PST
 ‘Бадма закончил писать письмо’.

(в) **Причастные дополнения**

В причастных дополнениях зависимый предикат оформляется формой причастия, которая может присоединять показатели падежа и посессивности (ср. зависимый предикат *jov*- ‘ходить’, выраженный причастием будущего времени, маркированный показателем аккузатива и посессивным показателем 3 лица в (4)).

- (4) [Elst-ür avtobus jov-žə
 Элиста-DIR автобус ходить-CV.IPFV
 jov-x-i-n³ kiiükə-n iiz-lä
 ходить-PC.FUT-ACC-P.3 девочка-EXT видеть-REM
 ‘Девочка видела, как автобус едет в Элисту’.

Наличие нескольких типов синтаксических дополнений в калмыцком языке ставит вопрос о том, как распределяются эти типы в зависимости от класса матричного предиката. Ниже я привожу основные лексические классы матричных предикатов, которые

рассматриваются мной в статье: предикаты речи (*kel-* ‘говорить, что Р’), ментальные предикаты (*san-* ‘думать’, *med-* ‘знать’, *mart-* ‘забывать, что Р’), предикаты восприятия (*soŋsə-* ‘слышать’, *üz-* ‘видеть’, *xälä-* ‘смотреть’), фактивные эмотивные предикаты (*bajərl-* ‘радоваться’, *bajərta* ‘рад’, *bardmən-* ‘гордиться’), нефактивные эмотивные предикаты (*ää-* ‘бояться’, *emä-* ‘стесняться’, *durta* ‘любить’), директивные предикаты (*sur-* ‘просить’, *zak-* ‘приказывать’, *zakvər ög-* ‘приказывать’, *duud-* ‘звать’, *zövə ög-* ‘разрешать’, *zövšür ög-* ‘соглашаться’, *kel-* ‘говорить сделать Р’), волитивные предикаты (*sed-* ‘хотеть, намереваться’, *itkə-* ‘верить, надеяться’, *zütəkə-* ‘стремиться’), фазовые предикаты (*ekl-* ‘начинать’, *duusə-* ‘заканчивать’, *uur-* ‘переставать’, *xaj-* ‘бросать’), модальные предикаты (*čad-* ‘мочь’, *zövütä* ‘должен’, *kergtätä* ‘нужно’) и предикаты, не вошедшие ни в один из приведенных выше классов (*dasə-* ‘учиться, привыкать’, *nökəd bol-* ‘помогать’, *mart-* ‘забывать сделать Р’).

Помимо стандартно-типологической проблемы сочетаемости различных матричных глаголов с сентенциальными дополнениями различных типов, меня будет интересовать более частная проблема, продиктованная собственно калмыцким материалом, а именно вариативность падежного и притяжательного оформления зависимого предиката в причастных дополнениях. Так, падежное оформление на причастии может не соответствовать модели управления матричного предиката (ср. маркированное аккузативом причастие при матричном предикате, управляющем дативом). Аналогично, притяжательное оформление на причастии может не соответствовать лично-числовым признакам субъекта зависимого предиката (ср. причастие, маркированное посессивным показателем 3 лица, при субъекте 2 лица).

Итак, в данной статье ставятся следующие задачи:

- а) описание имеющихся в калмыцком языке типов сентенциальных дополнений и их морфосинтаксических свойств;
- б) установление сочетаемости сентенциальных дополнений различных типов с различными матричными предикатами;
- в) описание вариативности падежного и притяжательного маркирования в причастных дополнениях и попытка его объяснения.

Статья построена следующим образом. Раздел 1 представляет собой Введение. В разделах 2 и 3 я рассматриваю соответственно деепричастные и финитные дополнения. Далее, в разделе 4,

я более подробно останавливаюсь на причастных дополнениях, в частности, я рассматриваю такие свойства причастных дополнений, как выбор формы зависимого предиката (раздел 4.1), выбор падежных показателей (раздел 4.2) и выбор показателей притяжательности (раздел 4.3). Раздел 5 заключает статью.

2. Деепричастные сентенциальные дополнения

Сентенциальные актанты в калмыцком языке могут оформляться с помощью клауз, возглавляемых деепричастными формами.

Основной функцией деепричастий в калмыцком языке является образование обстоятельственных клауз, однако в некоторых случаях деепричастные клаузы могут заполнять валентность главного предиката и тем самым оформлять сентенциальный актант при этом предикате.

2.1. Целевое деепричастие на *-хар*

Целевое деепричастие служит для образования обстоятельственных клауз со значением цели (ср. зависимый предикат *ke-* ‘делать’, выраженный целевым деепричастием и возглавляющий целевую обстоятельственную клаузу в (5)).

- (5) *bi bodncəg xuld-žə av-u-v*
 я.NOM картошка продавать-CV.IPFV брать-PST-1SG
 [*max-ta хотə ke-xär*]
 мясо-ASSOC еда делать-CV.PURP
 ‘Я купил картошку, чтобы приготовить мясной суп’.

Клауза, образованная целевым деепричастием, может выступать в качестве сентенциального дополнения при глаголах *sed-* ‘хотеть, намереваться’, *itkə-* ‘верить, надеяться’, *zütкə-* ‘стараться’ и, возможно, некоторых других (ср. зависимый предикат *edgä-* ‘вылечить’, выраженный целевым деепричастием, при глаголе *itkə-* ‘верить, надеяться’ в (6)).

- (6) *bi [čamagə edg-ä-xär]*
 я.NOM ты.ACC выздороавливать-CAUS-CV.PURP
itk-žü-nä-v
 надеяться-PROG-PRS-1SG
 ‘Я надеюсь тебя вылечить’.

Эти предикаты могут быть отнесены к классу волитивных, или дезидеративных, глаголов, т. е. глаголов, выражающих желание со стороны экспериенцера, направленное на реализацию положения дел, обозначенного зависимой предикацией.

Использование одинаковых средств выражения для целевых клауз и в контексте волитивных глаголов зафиксировано в языках мира, что, очевидно, связано с близостью передаваемых в этих случаях значений [Cristofaro 2003: 158].

Целевое деепричастие обязательно требует односубъектности, т. е. кореферентности подлежащих зависимой и главной клауз, что типично для целевых деепричастий [Thompson, Longacre, Hwang 2005: 237]. Это требование сохраняется и в сентенциальных дополнениях. Так, в (7) выраженный нулем субъект зависимого предиката *naad-* ‘играть’ обязательно совпадает с субъектом матричного предиката *sed-* ‘хотеть’.

- (7) *küükəd_i* [$\emptyset_{i,*j}$ *nam-ta naad-xar*] *sedə-v*
 дети я-ASSOC играть-CV.PURP хотеть-PST
 ‘Дети захотели играть со мной’.

В случае разносубъектности как в целевых клаузах, так и в контексте волитивных глаголов, как правило, используется финитная клауза (см. раздел 3.3), но может сохраняться и деепричастный способ оформления. В этом случае для разрешения зависимый предикат каузативизируется.

- (8) *tedən* [*nam-ar lekc umš-ul-xar*] *sedə-v*
 они я-INS лекция читать-CAUS-CV.PURP хотеть-PST
bi ir-žə čad-sən uga-v
 я.NOM приходить-CV.IPFV мочь-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Они хотели, чтобы я прочитал лекцию, но я не смог приехать’. (букв. ‘Они хотели заставить меня прочитывать лекцию’.)

Так, в (8) зависимый предикат *umš-* ‘читать’ выступает с показателем каузатива *-ul*. Агнс ситуации ‘читать лекцию’ оформляется как каузируемый участник при глаголе с каузативным показателем (см. [Сай, настоящий сборник]), а подлежащим зависимой клаузы является нулевое местоимение, кореферентное субъекту главной клаузы *tedən* ‘они’. Таким образом, конфликт

между синтаксическим требованием односубъектности и наличием разносубъектности на семантическом уровне разрешается.

2.2. Разделительное деепричастие на *-ad* и соединительное деепричастие на *-žə*

Основными значениями разделительного и соединительного деепричастий являются соответственно значение предшествования и одновременности. Эти деепричастия широко используются для образования временных обстоятельственных клауз (см. [Мищенко, настоящий сборник]).

Клаузы, возглавляемые этими деепричастиями, могут использоваться для оформления конструкций с сентенциальным актантом при некоторых матричных предикатах. Это имеет место при фазовых глаголах *ekl-* ‘начинать’⁴, *duusə-* ‘заканчивать’ и модальном глаголе *čad-* ‘мочь’. См. примеры (9)–(11) из [Мищенко, настоящий сборник]:

- (9) *ter ixr-an [ekl-äd] xää-žä-nä*
 тот ложка-P.REFL начинать-CV.ANT искать-PROG-PRS
 ‘Он начал / начинает искать ложку’.
- (10) *Badma [bičəg bič-čə] duusə-v*
 Бадма письмо писать-CV.IPFV заканчивать-PST
 ‘Бадма закончил писать письмо’.
- (11) *bi [kü al-žə] čad-xə-v*
 я.NOM человек убить-CV.IPFV мочь-PC.FUT-1SG
 ‘Я способен убить человека’.

Как было отмечено, использование целевых клауз при волитивных глаголах объясняется общностью волитивного значения. Что же сближает обстоятельственные клаузы, образованные соединительным и разделительным деепричастиями, и матричные глаголы, при которых они наблюдаются?

Особенностью семантики фазовых глаголов является то, что предикации, образованные ими, находятся в отношении

⁴ Глагол *ekl-* оформляется как зависимый предикат, тогда как его сентенциальный актант — как главный предикат. Предположительно, данное несовпадение связано с тенденцией выражать начальную фазу действия начальной (и, следовательно, деепричастной, а не главной) клаузой в силу действия принципа иконичности (см. [Мищенко, настоящий сборник]).

семантического следствия с предикациями, являющимися их сентенциальными актантами. То есть из пропозиции ‘Р началось’ и из пропозиции ‘Р кончилось’ следует пропозиция ‘существовал момент *t*, в который Р имело место’⁵. Я буду называть эту особенность свойством **истинности зависимой предикации**. Это свойство, хотя и не во всех контекстах, проявляет и глагол *čad-* ‘мочь’, способный присоединять деепричастное дополнение (ср. следствие ‘X сделал Р’ из пропозиции ‘X смог сделать Р’)⁶.

Обстоятельственные клаузы со значением предшествования и одновременности, в свою очередь, также обладают свойством истинности зависимой предикации (ср. следствие ‘X сделал Р’ из пропозиции ‘Когда X сделал Р, Y сделал R’) [Hengeveld 1998].

Интересно, что деепричастная клауза при предикате *čad-* ‘мочь’ может использоваться и в случае отсутствия истинности зависимой предикации.

(8б) <...> *bi* [*ir-žə*] *čad-sən*
 я.NOM приходить-CV.IPFV мочь-PC.PST
uga-v
 NEG.COP-1SG
 ‘Я не смог приехать’.

В этом примере (сокращенной версии (8)) матричный предикат *čad-* ‘мочь’ отрицается, что, очевидно, влечет за собой снятие следствия об истинности зависимой предикации (т. е. ситуация «приехать» не является истинной), однако зависимый предикат *ir-* ‘приходить’ оформлен соединительным деепричастием.

Это говорит о том, что выбор деепричастного сентенциального дополнения зависит не столько от конструкции (т. е. наличия отрицания), сколько от матричного предиката. Интересно, впрочем, что наличие отрицания при *čad-* ‘мочь’ может повлиять на оформление сентенциального актанта. Так, в (12) зависимый предикат *sek-* ‘открыть’ можно оформить причастием будущего времени, что было бы невозможно

⁵ Надо отметить, что при глаголах начальной фазы и глаголах конечной фазы имеют место семантические следствия разных типов: импликация в первом случае и пресуппозиция во втором случае [Givón 1973] (цит. по [Jelinek 1982]).

⁶ Об импликативности предикатов возможности см. [Karttunen 1971].

при отсутствии отрицания (о дистрибуции причастия будущего времени см. раздел 4.1.3).

- (12) *tavə-n* *minutə-n* *eežə* *bank-ta* *kompot*
 пять-EXT минута-EXT бабка банка-ASSOC компот
sekə-v *zug* [*sek-xə*] *čad-sən*
 открывать-PST но открывать-PC.FUT мочь-PC.PST
uga
 NEG.COP

‘Пять минут бабушка открывала банку с компотом, но не смогла ее открыть’.

Подведем итоги. Сентенциальный актант при некоторых матричных глаголах может оформляться деепричастием. Целевое деепричастие используется при волитивных глаголах в случае односубъектности. Соединительное и разделительное деепричастия используются при фазовых глаголах и глаголе ‘мочь’, которые характеризуются свойством истинности зависимой предикации, которое наблюдается и в обстоятельственных клаузах, возглавляемых этими деепричастиями.

3. Финитные сентенциальные дополнения

3.1. Подчинительные союзы

Финитные клаузы, выступающие в функции дополнений, как правило, вводятся подчинительными союзами *gižə* и *giväd*. Союзы *gižə* и *giväd*, глоссируемые соответственно как *gi-žə* ‘говорить-CV.IPFV’ и *gi-väd* ‘говорить-CV.ANT’, являются по происхождению деепричастиями глагола речи.

Одной из функций *gižə* и *giväd* является введение **прямой речи**, как, например, в (13) и (14). По всей видимости, эта функция является исходной, так как *gižə* и *giväd* здесь выступают в своем первоначальном, глагольном, значении.

- (13) [*tegäd* *bää-dəg* *bilä-vidn* *gi-žə*]
 потом быть-PC.HAB быть.REM-1PL говорить-CV.IPFV
kelə-dəg *bilä*
 говорить-PC.HAB быть.REM
 ‘Так они и жили, рассказывала (мать)’.

- (14) [*čamaǵə aakə duud-ža-na gi-väd*]
 ты.АСС мать звать-PROG-PRS говорить-CV.ANT
kelə-∅
 говорить-IMP
 ‘Скажи (ему): «Тебя зовет мать»’.

Особенностью конструкций с прямой речью является передача слов субъекта глагола речи не с позиции говорящего (как в конструкциях с косвенной речью), а с позиции самого субъекта, т. е. дейктическим центром высказывания вместо говорящего становится субъект глагола⁷. Ср. использование показателя 1 л. мн. ч. *-vidh* в (13) и местоимения 2 л. ед. ч. *čamaǵə* в (14) вместо соответствующих единиц третьего лица.

Gižə и *giväd* обладают свойствами, сближающими их с союзами. Во-первых, они могут вводить **косвенную речь**. Ср. (15), где в качестве зависимого предиката выступает глагол *bič-* ‘писать’ в форме будущего времени 3 лица, но не 1 лица⁸.

- (15) *Badma_i [∅_i bičəg bič-xə gi-žə]*
 Бадма письмо писать-PC.FUT говорить-CV.IPFV
kel-və
 говорить-PST
 ‘Бадма_i сказал, что он_i напишет письмо’.

Во-вторых, они способны сочетаться с матричными глаголами, не являющимися глаголами речи (ср. ментальный глагол *san-* ‘знать’ в (16) и глагол *äü-* ‘бояться’ в значении ментального глагола в (17)).

- (16) *bi [Ajsa-gə enə degtər umš-xə gi-žə]*
 я.НОМ Айс-АСС этот книга читать-PC.FUT
san-ža-na-v
 говорить-CV.IPFV думать-PROG-PRS-1SG
 ‘Я думаю, что Айс-а будет читать эту книгу’.

⁷ «The function of the direct quotation is to give the actual words of the speaker, while indirect quotations are adapted in varying degrees to the viewpoint of the speaker (...). This adaptation involves the reorientation of the various deictic or shifter categories (...), for example pronouns, locative markers, and tense markers...» [Noonan 2007: 121].

⁸ Отметим, что в текстах для передачи чужих слов, как правило, используется прямая речь.

- (17) [enə kiiüküd cüügə-ld-xə gi-кüd]
 этот дети ссориться-RECP-PC.FUT говорить-CV.ANT
 bi ää-žü-nä-v
 я.NOM бояться-PROG-PRS-1SG
 ‘Я боюсь, что эти дети поссорятся’.

Таким образом, мы видим, что в ряде контекстов, в которых употребляется *gižə* и *giкüd*, глагол речи *gi-* ‘говорить’ теряет свое лексическое значение и приобретает функцию подчинительного союза, т. е. **грамматикализуется**. Надо отметить, что грамматикализация глагола ‘говорить’ в подчинительный союз широко засвидетельствована в языках мира [Hopper, Traugott 1993; Ханина 2001].

Рассмотрим более подробно синтаксические дополнения с индикативными и императивными глагольными формами в качестве зависимого предиката.

3.2. Индикативные клаузы

Синтаксические дополнения с индикативными глагольными формами, как мы видели, сочетаются с глаголами речи (15) и с ментальными предикатами (16)–(17).

Однако не все ментальные предикаты способны присоединять индикативные синтаксические дополнения. Так, глагол *med-* ‘знать’ не сочетается с индикативными клаузами (ср. запрет на зависимый предикат *odə-* ‘уходить’, выраженный формой прошедшего времени, в (18))⁹.

- (18) *[enü-gə zaluk-asə-nⁱ jov-žə odə-v
 этот-ACC мужчина-ABL-P.3 ходить-CV.IPFV уходить-PST
 gi-žə] čī med-žü-nä-č?
 говорить-CV.IPFV ты.NOM знать-PROG-PRS-2SG
 ‘А ты знаешь, что она ушла от мужа?’

При этом предикате используется причастное дополнение (ср. зависимый предикат *odə-* ‘уходить’, выраженный формой причастия прошедшего времени, в (19)).

⁹ Отметим, что зафиксированы крайне немногочисленные случаи такой сочетаемости в контекстах, где этот предикат передает значение ‘думать, считать’ и где он отрицается.

- (19) *čī med-žä-nä-č* [enü-gə zaluv-as-ən^j
 ты.NOM знать-PROG-PRS-2SG этот-ACC мужчина-ABL-P.3
jov-žə od-s-i-n^j?
 ходить-CV.IPFV уходить-PC.PST-ACC-P.3
 ‘А ты знаешь, что она ушла от мужа?’

Глаголы восприятия помимо значения прямого восприятия могут иметь значение непрямого, или когнитивного, восприятия, близкое к значению ‘знать’ (ср. ‘видеть, как’, соответствующее прямому восприятию, и ‘видеть, что’, соответствующее непрямому восприятию) [Noonan 2007: 129]. В значении непрямого восприятия эти глаголы могут употребляться как с причастными, так и с индикативными дополнениями (ср. зависимый предикат *cok-* ‘бить’, выраженный формой причастий прошедшего времени в (20) и формой отдаленного прошедшего времени в (21))¹⁰.

- (20) *bi soŋs-la-v* [enü-gə čamagə
 я.NOM слушать-REM-1SG этот-ACC ты.ACC
cok-s-i-n^j
 ударить-PC.PST-ACC-P.3
 ‘Я слышал, что он побил тебя’.

- (21) *bi* [enü-gə čamagə *cok-la*
 я.NOM этот-ACC ты.ACC ударить-REM
gi-žə] *soŋs-la-v*
 говорить-CV.IPFV слушать-REM-1SG
 ‘Я слышал, что он побил тебя’.

Напротив, в значении прямого восприятия эти глаголы присоединяют только причастное дополнение (ср. зависимый предикат *ива-* ‘мыть’, выраженный формой причастия будущего времени, и запрет на этот же предикат, выраженный формой отдаленного прошедшего времени, в (22)).

¹⁰Надо отметить, что с глаголом *üz-* ‘видеть’ употребление индикативных дополнений не зафиксировано.

- (22) [Badma aavə-savə *ива-жа-х-и-и^j* /
 Бадма посуда мыть-PROG-PC.FUT-ACC-P.3
 **ива-жа-la* gi-žə] bi *xälä-lä-v*
 мыть-PROG-REM говорить-CV.IPFV я.NOM смотреть-REM-1SG
 ‘Я смотрю, как Бадма моет посуду’.

Предикат ‘знать’ и предикаты прямого восприятия, которые не сочетаются с индикативными дополнениями, обладают общим семантическим свойством (значимость которого для выбора сентенциального дополнения мы уже отмечали, рассматривая деепричастные дополнения), а именно свойством истинности зависимой предикации (ср. следствие ‘Р’ из пропозиции ‘Х знает, что Р’ и пропозиции ‘Х видел, как Р’)¹¹.

Обобщая, индикативные дополнения с *gižə* и *gičüd* не могут употребляться в контексте, где имеет место истинность зависимой предикации. В этом случае употребляется причастное дополнение.

3.3. Неиндикативные дополнения

В калмыцком языке представлен широкий набор форм неиндикативных наклонений (см. [Прохоров, настоящий сборник]). В финитных дополнениях зависимый предикат может также быть выражен одной из форм неиндикативных наклонений. Неиндикативные дополнения используются в контексте волитивных и директивных глаголов.

Под директивными, или манипулятивными, глаголами понимаются предикаты, выражающие отношение между каузирующим участником, каузируемым участником и каузировавшейся ситуацией, (прототипически) участником которой является каузируемый участник [Noonan 2007: 136]. В работе Сага и Полларда директивные глаголы (для которых авторы используют термин «глаголы типа *order/permit*») характеризуются как выражающие такие положения дел, в которых некоторый участник (выраженный подлежащим) воздействует на другого участника (выраженного дополнением) с целью выполнения последним некоторого действия [Pollard, Sag 1991: 66].

¹¹ О пресуппозиции истинности при предикате ‘знать’ см. [Kiparsky, Kiparsky 1971]; о семантических следствиях при предикатах прямого восприятия см. [Safir 1993].

К директивным можно отнести калмыцкие глаголы *kel-* ‘говорить’, *sur-* ‘просить’, *zak-* ‘приказывать’, *duud-* ‘звать’ и другие. С директивными глаголами, как правило, используются формы императива ед. ч. (23)–(24) и императива мн. ч. (см. (25) и (28)) и формы юссива-1 (26).

- (23) *bi kövü-n-d-än [škaf dotər*
 я.NOM мальчик-EXT-DAT-P.REFL шкаф внутренность
bult-Ø gi-вüd] kel-ü-в
 прятаться-IMP говорить-CV.ANT говорить-PST-1SG
 ‘Я сказал своему сыну, чтобы (он) спрятался в шкафу’.
- (24) *Baatər Saglär-igə [selän-äsə хот xol*
 Батыр Саглара-ACC село-ABL еда питательный
av-čə ir-Ø gi-вüd]
 братъ-CV.IPFV приходить-IMP говорить-CV.ANT
sur-va
 просить-PST.EMPH
 ‘Батр попросил Саглара, чтобы (она) привезла продукты из села’.
- (25) [*xaša šird-tən gi-žə] vardačə*
 двор красить-IMP.PL говорить-CV.IPFV руководитель
zak-əв
 приказать-PST
 ‘Директор приказал, чтобы (они) красили забор’.
- (26) *bagšə [ekə-eck-in-nⁱ zöv sur-txa*
 учитель мать-отец-GEN-P.3 право просить-JUSS1
gi-вüd] kel-əв
 говорить-CV.ANT язык-PST
 ‘Учитель сказал, чтобы (он) спросил разрешения у родителей’ {чтобы поехать с классом в Москву}.

Если зависимая клауза выражает действие, осуществляемое каузатором и каузируемым совместно, в качестве зависимого предиката используются формы гортатива:

- (27) *Badma Cagan-igə [maḡdur Elstə or-ij*
 Бадма Цаган-ACC завтра Элиста входить-NORT
gi-žə] duud-əв
 говорить-CV.IPFV звать-PST
 ‘Бадма пригласил Цаган завтра поехать в Элисту’.

Особого комментария требует пример (28).

- (28) *baɣʂə surʋul'č-nər-igə klas-in xora-kaʂə*
 учитель ученик-PL-ACC класс-GEN комната-ABL
kar-tən gi-ʂə kel-əv
 выходить-IMP.PL говорить-CV.IPFV говорить-PST
 'Учитель сказал, чтобы ученики вышли из класса'.

Интерес в (28) представляет ИГ *surʋul'čnərigə*, обозначающая каузируемого участника и маркированная аккузативом. Обратим внимание на то, что эта ИГ не может получить аккузатив от матричного глагола *kel-* 'говорить', так как этот глагол оформляет каузируемого участника дативом (см. (23)). Теоретически она могла бы получить аккузативное маркирование как подлежащее зависимой клаузы (об оформлении подлежащего зависимой клаузы аккузативом см. [Сердобольская, настоящий сборник]), если бы являлась подлежащим зависимого предиката *kar-tən*, выраженного формой императива. Однако форма императива в калмыцком языке допускает только подлежащее 2 лица, поэтому ИГ *surʋul'čnərigə*, обладающая признаком 3 лица, не может быть подлежащим этой формы. Таким образом, остается загадкой, откуда при этой ИГ в (28) возникает аккузативное маркирование.

На эту проблему обратил внимание К. Прохоров, предложивший для нее оригинальное решение, состоящее в том, что форма императива образует с глаголом *gi-* 'говорить' подобие сложного глагола каузативной семантики [Прохоров 2007] (в калмыцком языке в каузативной конструкции каузируемый участник может оформляться аккузативом [Сай, настоящий сборник]).

К волитивным глаголам, с которыми используются неиндикативные дополнения, можно отнести *sed-* 'хотеть, намереваться', *küülä-* 'ждать', *näül-* 'надеяться'.

В случае односубъектности, как мы видели в разделе 2.1, при волитивных глаголах используется целевое деепричастие. В случае же разносубъектности волитивные глаголы оформляют сентенциальный актант неиндикативным дополнением. Зависимый предикат при этих глаголах выражается формой юссива-1, но не формой императива, как при директивных глаголах. Это, по всей видимости, связано со следующим их свойством. Аргументная структура директивных глаголов (например, 'просить') предполагает 3

семантических роли: субъект речи, адресат и содержание, — в то время как аргументная структура волитивных глаголов предполагает роль экспериенцера и роль содержания, но не роль адресата. Таким образом, можно предположить, что императив не может употребляться при тех глаголах, у которых в актантной структуре нет адресата. Юссив же может употребляться в обоих случаях:

(29) [*en kövü-n üld-txä gi-bäd*]
 этот мальчик-EXT оставаться-JUSS1 говорить-CV.ANT
bi sed-žä-x-šə-v
 я.NOM намереваться-PROG-PC.FUT-NEG.PRS-1SG
 ‘Я не хочу, чтобы он оставался здесь’.

(30) *bi [čamagə ir-txä gi-bäd]*
 я.NOM ты.ACC приходить-JUSS1 говорить-CV.ANT
külä-žä-nä-v
 ждать-PROG-PRS-1SG
 ‘Я жду, что ты придешь’.

Интересной особенностью неиндикативных дополнений является то, что они не сочетаются с предикатом со значением ‘помогать’ (ср. зависимый предикат *bär-* ‘строить’, выраженный формой причастия будущего времени, и запрет на этот же предикат, выраженный формой юссива-1, в (31)).

(31) *bi ax-t-an [gerə*
 я.NOM старший.брат-DAT-P.REFL дом
*bär-x-tə-n^j / *bär-txä gi-žə]*
 строить-PC.FUT-DAT-P.3 строить-JUSS1 говорить-CV.IPFV
nökəd bol-la-v
 помощь становиться-REM-1SG
 ‘Я помог брату построить дом’.

Учитывая, что во многих европейских языках такие предикаты оформляют свой сентенциальный актанти теми же средствами, что и директивные и волитивные глаголы, т. е. инфинитивом, можно было бы ожидать, что в калмыцком языке предикат ‘помогать’ будет оформлять сентенциальный актанти, как и директивные и волитивные предикаты, с помощью неиндикативного дополнения. В связи с этим запрет в (31) требует объяснения.

Можно предположить, что причина этого запрета связана с тем, что предикат со значением ‘помогать’ в отличие от директивных и волитивных глаголов, обсуждавшихся выше, обладает свойством истинности зависимой предикации (ср. следствие ‘У сделал Р’ из пропозиции ‘Х помог У сделать Р’)¹². Подтверждением этой мысли может служить сочетаемость этого предиката с деепричастной клаузой (ср. условное деепричастие *bärxlän¹* в качестве зависимого предиката в (32)).

- (32) *bi ax-t-an [gerə*
 я.NOM старший.брат-DAT-P.REFL дом
bär-xlä-n¹] nököd bol-la-v
 строить-CV.SUCC-P.3 помощь становится-REM-1SG
 ‘Я помог брату построить дом’.

Заметим, что запрет в (31) поддерживает гипотезу о несовместимости союзов *gižə* и *gičäd* со свойством истинности зависимой предикации (см. раздел 3.2).

Вернемся к подчинительным союзам. Как видно из предыдущего изложения, в качестве подчинительных союзов используются две деепричастные формы от глагола *gi-*. Представляет интерес вопрос о том, от чего зависит выбор подчинительного союза. Ответ на этот вопрос остается для меня неясным. Можно лишь утверждать, что выбор союза не зависит напрямую от склонения зависимого предиката. Оба союза встречаются как с индикативным придаточным (16)–(17), так и с неиндикативным (ср., например, (24)–(25)).

Подведем итоги. Финитные дополнения, возглавляемые союзами *gižə* и *gičäd*, могут иметь в качестве зависимого предиката индикативную или неиндикативную глагольную форму. Индикативные дополнения употребляются с глаголами речи и ментальными глаголами, за исключением тех контекстов, где имеет место истинность зависимой предикации (в этом случае используется причастное дополнение). Неиндикативные дополнения употребляются с директивными глаголами и (при разносубъектности) с волитивными глаголами.

¹² Об импликативности предиката ‘помогать’ см. [Pesetsky 1991].

4. Причастные дополнения

В причастных дополнениях в качестве вершины выступает причастие, т. е., по определению, форма, способная возглавлять относительный оборот [Тестелец 2001: 266]. По своим свойствам, однако, причастные дополнения значительно отличаются от относительных оборотов. Среди ряда отличий, указанных в [Перкова, настоящий сборник], в первую очередь можно выделить способность зависимого предиката в причастных дополнениях, но не в относительных оборотах, присоединять показатели падежа и притяжательности (ср. показатели аккузатива и притяжательности 3 лица при зависимом предикате *јов*- ‘ходить’ в причастном дополнении в (33) и запрет на эти показатели при том же зависимом предикате в относительном обороте в (34)).

(33) [*Elst-ür avtobus јов-џə*
Элиста-DIR автобус ходить-CV.IPFV
јов-х-и-нʹ] *küükə-n üz-lä*
ходить-PC.FUT-ACC-P.3 девочка-EXT видеть-REM
‘Девочка видела, как автобус едет в Элисту’.

(34) [*Elst-ür јов-џə јов-хə /*
Элиста-DIR ходить-CV.IPFV ходить-PC.FUT
**јов-х-и-нʹ*] *avtobus küükə-n üz-lä*
ходить-PC.FUT-ACC-P.3 автобус девочка-EXT видеть-REM
‘Девочка видела ехавший в Элисту автобус’.

Морфосинтаксические свойства зависимого предиката в причастных дополнениях позволяют отнести его наряду с именами действия к номинализациям [Перкова, настоящий сборник], а сами дополнения к номинализованному типу сентенциальных дополнений (*nominalized complements* [Noonan 2007: 70]). Тем не менее, следуя традиционному описанию показателей, которые образуют зависимый предикат в этих дополнениях, я называю их причастными дополнениями [Очиров 1964: 225].

Рассмотрим основные свойства причастных дополнений: выбор формы зависимого предиката, оформление падежными показателями и показателями притяжательности. Об оформлении подлежащего в причастных дополнениях см. [Сердобольская, настоящий сборник].

4.1. Выбор формы зависимого предиката

В качестве зависимого предиката причастных дополнений могут выступать (а) причастие прошедшего времени на *-sən*; (б) хабитуальное причастие на *-dəg*; (в) причастие будущего времени на *-хэ*. Другие причастия, приводимые в калмыцких грамматиках (см. также [Крапивина, настоящий сборник]), в синтаксических дополнениях не зафиксированы. Далее я последовательно рассмотрю эти три формы.

4.1.1. *Причастие прошедшего времени на -sən*. Причастие прошедшего времени, как правило, обозначает действие, предшествующее действию в главной клаузе (ср. предшествование действия зависимых предикатов *al-* ‘убивать’ в (35) и *ük-* ‘умирать’ в (36) действию матричных глаголов *med-* ‘знать’ и *soŋs-* ‘слушать’ соответственно).

(35) [Baatr-igə хө al-s-i-n¹] med-ü-v
 Батыр-ACC овца убить-PC.PST-ACC-P.3 знать-PST-1SG
 ‘Я узнал, что Батыр зарезал барана’.

(36) [dala mal ük-s-i-n¹] bi
 много скот умереть-PC.PST-ACC-P.3 я.NOM
soŋs-la-v
 слушать-REM-1SG
 ‘Я слышал, что умерло много скота’.

При присоединении показателя прогрессива *-žа* оно также может передавать значение одновременности с другим действием (ср. одновременность действия зависимого предиката *sur-* ‘учиться’ с действием матричного глагола *bajərl-* ‘радоваться’ в (37)). Подробнее см. [Крапивина, настоящий сборник; Перкова, настоящий сборник].

(37) *ekə-n¹* [kövü-n säänär sur-žа-sən-də]
 мать-P.3 мальчик-EXT хорошо учиться-PROG-PC.PST-DAT
bajərl-žа-na
 радоваться-PROG-PRS
 ‘Мама радуется тому, что сын учится хорошо’.

Для описания дистрибуции причастия прошедшего времени нам понадобится противопоставление глаголов зависимого времени (*dependent time reference*) и глаголов независимого

времени (*independent time reference*) [Noonan 2005: 104]. **Глаголы зависимого времени** накладывают ограничения на временную референцию действия в зависимой клаузе. Например, директивные и волитивные глаголы требуют, чтобы действие в зависимой клаузе **следовало** за действием главной, и, таким образом, являются глаголами зависимого времени. Так, ситуация ‘принести статью’ обязательно следует ситуации ‘хотеть’ (‘просить’) в *Петя хочет (просит), чтобы Вася принес статью завтра / *вчера*.

Глаголы независимого времени, напротив, допускают свободную временную референцию в зависимой клаузе. К глаголам независимого времени, например, относятся предикаты речи и ментальные предикаты. Так, ситуация ‘принести статью’ в *Петя говорит (знает), что Вася принес статью вчера / принесет статью завтра*) может как следовать за ситуацией ‘говорить’ (‘знать’), так и предшествовать ей.

Причастие прошедшего времени употребляется только с глаголами независимого времени. Ср. примеры с глаголами независимого времени *med-* ‘знать, понимать’ (35), *soysə-* ‘слышать’ (36), *bajərl-* ‘радоваться’ (37), в которых зависимый предикат оформляется причастием прошедшего времени.

С глаголами зависимого времени оно не употребляется. Ср. (38), где выступает матричный глагол зависимого времени *sed-* ‘хотеть’ и зависимый предикат *üzül-* ‘показывать’ не может оформляться формой причастия прошедшего времени (он может оформляться только формой причастия будущего времени).

- (38) *bi* [*tadn-igə* *evr-änn^j* *ger-igə*
 я.NOM вы-ACC сам-GEN.P.3 дом-ACC
üz-ül-x-i-n^j / **üz-ül-s-i-n^j*
 видеть-CAUS-PC.FUT-ACC-P.3 видеть-CAUS-PC.PST-ACC-P.3
sed-lä-v
 намереваться-REM-1SG
 ‘Я хотел, чтобы вы показали мне свой дом’.

Релевантность противопоставления глаголов зависимого и независимого времени для дистрибуции причастия на *-sən* хорошо видна на примере глагола *mart-* ‘забывать’, который в функции ментального глагола (‘забыть, что P’) в (39) сочетается

обусловлен видо-временными характеристиками действия в зависимой клаузе.

- (42) [Baatər maŋɖdur xö al-x-i-nʲ] bi
 Батыр завтра овца убить-PC.FUT-ACC-P.3 я.NOM
 med-ʒä-nä-v

знать-PROG-PRS-1SG

‘Я знаю, что завтра Батыр будет барана резать’.

- (43) [Baatr-igə xö al-s-i-nʲ] med-ü-v
 Батыр-ACC овца убить-PC.PST-ACC-P.3 знать-PST-1SG

‘Я узнал, что Батыр зарезал барана’.

В отличие от причастия прошедшего времени, хабитуальное причастие может употребляться также в контексте некоторых глаголов зависимого времени: *dasə*- ‘выучить, привыкать’ (44), *uur*- ‘переставать’ (45), *xaj*- ‘бросать (делать что-л.)’.

- (44) Baatr [asxə-n-də tämkä tat-dəg]
 Батыр вечер-EXT-DAT табак тянуть-PC.HAB
 das-čə

выучить-EVD

‘Батыр привык вечером курить’.

- (45) [xums-an xaz-dg-an] uurə-∅
 ноготь-P.REFL кусать-PC.HAB-P.REFL переставать-IMP

‘Перестань грызть ногти’, {это некрасиво}.

При этих глаголах временная референция действия в зависимой клаузе несвободна, т. е. его видо-временные характеристики полностью определяются семантикой матричного глагола. Эти три глагола, очевидно, предполагают хабитуальные ситуации в качестве сентенциального актанта. О временном значении сентенциального актанта говорить здесь достаточно сложно, однако можно с уверенностью утверждать, что произвольная временная локализация действий матричного и зависимого глагола, наблюдаемая в глаголах независимого времени, в случае данных глаголов запрещена (ср. *Петя перестал писать книгу в следующем году и *Петя перестанет писать книгу в прошлом году, где ситуации ‘перестать’ и ‘писать книгу’ относятся к разным временным планам).

Таким образом, можно говорить, что в случае рассматриваемых глаголов хабитуальное причастие не несет самостоятельного значения, как это происходит в случае глаголов независимого времени, и является в определенном смысле семантически избыточным. Это подтверждается тем, что при этом предикате, помимо хабитуального причастия, может употребляться причастие будущего времени, которое не обладает специфической аспектуальной семантикой¹³.

- (46) *bi* [keerə xö-d xär-ül-xə]
 я.NOM степь овца-PL возвращаться-CAUS-PC.FUT
das-sən uga-v
 выучить-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Я не привык пасти овец в степи’.

Надо отметить, что причастие будущего времени может употребляться в контексте этих глаголов только при отрицании. Предположительно это связано с тем, что предикат ‘привыкать’ обладает свойством истинности зависимой предикации (ср. следствие ‘X делал Р’ из пропозиции из ‘X привык делать Р’) и это свойство снимается при отрицании. Тем самым, подобно случаю с глаголом *čad-* ‘мочь’ при отрицании (см. раздел 2.2.), допускается употребление причастия будущего времени.

Примечательно, что присоединение хабитуального причастия не может рассматриваться как общее свойство матричных глаголов зависимого времени, синтаксический актанта которых обладает хабитуальной семантикой. Например, предикат *durta* ‘любить’, обладающий таким свойством, присоединяет причастие будущего времени, но не хабитуальное причастие (см. (47)).

- (47) *bi* [šovu-n-a du
 я.NOM птица-EXT-GEN песня
soys-x-t-an dur-ta-v
 слушать-PC.FUT-DAT-P.REFL желание-ASSOC-1SG
 ‘Я люблю слушать пение птиц’.

Можно заключить, что в области глаголов зависимого времени способность присоединять хабитуальное причастие

¹³ Случаи такого употребления весьма немногочисленны.

является особым (не выводимым из других факторов) лексическим свойством небольшого числа матричных предикатов.

4.1.3. *Причастие будущего времени на -хэ*. Причастие будущего времени, как и хабитуальное причастие, употребляется как с глаголами независимого времени, так и с глаголами зависимого времени. В первом случае причастие будущего времени обозначает действие, которое следует за действием в главной клаузе (ср. следование зависимого предиката *al-* ‘убить’, выраженного причастием будущего времени, за матричным предикатом *med-* ‘знать’ в (48)).

- (48) [*Baatər maŋvdur xö al-x-i-nʲ*] *bi*
 Батыр завтра овца убить-PC.FUT-ACC-P.3 я.NOM
med-žä-nä-v
 знать-PROG-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что завтра Баатр будет барана резать’.

В некоторых контекстах оно обозначает действие, одновременное с действием в главной клаузе; как правило, в этом случае к зависимому предикату присоединяется показатель прогрессива *-žä* (ср. одновременность зависимого предиката *bää-* ‘быть’, выраженного причастием будущего времени с показателем прогрессива в (49) и без него в (50), с матричным предикатом *med-* ‘знать’). Подробнее см. [Крапивина, настоящий сборник; Перкова, настоящий сборник]).

- (49) [*Badma-n kiiükə-n säänär bää-x-i-nʲ*]
 Бадма-GEN девочка-EXT хорошо быть-PC.FUT-ACC-P.3
med-nä-v
 знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю о том, как хорошо живет дочь Бадмы’.

- (50) [*Badma Moskva-də esə bää-žä-x-i-nʲ*]
 Бадма Москва-DAT NEG быть-PROG-PC.FUT-ACC-P.3
Ajsa med-nä
 Айса знать-PRS
 ‘Айса знает, что Бадма не живет в Москве’.

Присоединять дополнения, образованные причастием на *-хэ*, помимо императивных дополнений способны обсуждавшиеся выше директивные и волитивные, а также некоторые

модальные предикаты, относящиеся к подклассу глаголов зависимого времени, для которых действие, выраженное сентенциальным дополнением, следует за действием, выраженным самим матричным предикатом.

Так, причастие на *-xə* сочетается с волитивными глаголами *sed-* ‘намереваться’ (51), *külä-* ‘ждать’ (52), *ää-* ‘бояться’ (53), *emä-* ‘стесняться’ и др., директивными глаголами *sur-* ‘просить’ (54), *duud-* ‘звать’ (55), *kel-* ‘говорить’, *zak-* ‘приказывать’, *zövə ög-* ‘разрешать’, предикатом *nökəd bol-* ‘помогать’ и модальными предикатами *kergtä* ‘нужно’ (56) и *zövtä* ‘быть должным’¹⁴.

(51) *bi* [*tadn-igə* *evr-änn^j* *ger-igə*
 я.NOM вы-ACC сам-GEN.P.3 дом-ACC
üz-ül-x-i-n^j *sed-lä-v*
 видеть-CAUS-PC.FUT-ACC-P.3 намереваться-REM-1SG
 ‘Я хотел, чтобы вы показали мне свой дом’.

(52) *Baatər* [*ezə-n* *delgür-än*
 Батыр хозяин-EXT магазин-P.REFL
sek-x-i-n^j *külä-və*
 открывать-PC.FUT-ACC-P.3 ждать-PST
 ‘Батыр ждал, пока хозяин откроет магазин’.

(53) [*вава-касəп* *selvəg*
 тетья.по.отцу-ABL.P.REFL совет
sur-x-t-an *bičä* *ä-∅*
 просить-PC.FUT-DAT-P.REFL NEG.IMP бояться
 ‘Не бойся спросить совета у своей тети’.

¹⁴ Отметим, что с глаголом *sed-* причастие будущего времени употребляется только при разносубъектности, при односубъектности используется целевое деепричастие на *-xar*. С глаголом *ää-*, напротив, причастие будущего времени употребляется при односубъектности, при разносубъектности употребляется индикативное дополнение. Также отметим, что с некоторыми директивными глаголами, в первую очередь с *kel-* и *zak-*, причастие будущего времени является стилистически маркированным вариантом. В этих случаях информанты предпочитают финитное дополнение.

- (54) *bagšə* [*surʷulʲč-nər-igə xamdan duul-x-i-nʲ*]
 учитель ученик-PL-ACC вместе петь-PC.FUT-ACC-P.3
sur-na
 просить-PRS
 ‘Учитель заставляет учеников петь хором’.
- (55) *ürə-m* [*namagə Moskva xamdan jov-xə*]
 друг-P.1SG я.ACC Москва вместе ходить-PC.FUT
duud-la
 звать-REM
 ‘Друг пригласил меня поехать вместе в Москву’.
- (56) *čam-də* [*ikär хотə id-xə*] *kerɡ-tä*
 ты-DAT сильно еда есть-PC.FUT дело-ASSOC
 ‘Тебе нужно больше кушать’.

Причастие будущего времени также способно употребляться с глаголами зависимого времени, семантика которых, как кажется, не предполагает следования. Таковы, например, уже обсуждавшиеся глаголы прямого восприятия, например, *üz-* ‘видеть’ (57)¹⁵, глагол *durta* ‘любить’ (58), а также имплицативный глагол *mart-* ‘забыть сделать P’ (см. (40)).

- (57) *bi* [*oŋʷsə kol-ar ööm-žə*
 я.NOM лодка река-INS плыть-CV.IPFV
jov-x-i-nʲ *üz-lä-v*
 ходить-PC.FUT-ACC-P.3 видеть-REM-1SG
 ‘Я видел, как корабль плывет по реке’.
- (58) *bi* [*šovu-n-a du*
 я.NOM птица-EXT-GEN песня
soŋs-x-t-an *dur-ta-v*
 слушать-PC.FUT-DAT-P.REFL желание-ASSOC-1SG
 ‘Я люблю слушать пение птиц’.

¹⁵ Глаголы прямого восприятия чаще присоединяют причастие будущего времени с показателем прогрессива *-žə*.

- (i) *bi* [*Baatr-igə xö al-žə-x-i-nʲ*
 я.NOM Батыр-ACC овца убить-PROG-PC.FUT-ACC-P.3
üz-lä-v
 видеть-REM-1SG
 ‘Я видел, как Батыр режет барана’.

Надо отметить, что некоторые глаголы зависимого времени не сочетаются (в большинстве случаев) с причастием будущего времени. Во-первых, это фазовые глаголы и глагол *čad-* ‘мочь’, требующие деепричастного дополнения; во-вторых, это глаголы *dasə-* ‘учиться, привыкать’ и *uur-* ‘переставать’, требующие дополнения, образованного хабитуальным причастием. Причастие будущего времени в контексте этих глаголов возможно только при отрицании.

Примечательно, что все эти глаголы обладают свойством истинности зависимой предикации. Можно предположить, что причастие будущего времени не сочетается (как и финитные дополнения) со свойством истинности зависимой предикации¹⁶. Это предположение подтверждается тем, что при отрицании, которое устраняет это свойство, причастие будущего времени с этими глаголами употребляться может.

Подведем итоги. Причастие прошедшего времени используется с глаголами независимого времени и выражает действие, предшествующее действию главного предиката, тогда как хабитуальное причастие и причастие будущего времени используются как с глаголами независимого времени, так и с глаголами зависимого времени. При глаголах независимого времени хабитуальное причастие обозначает хабитуальные ситуации, одновременные с ситуацией, выраженной в главном предикате, а причастие будущего времени выражает ситуации, не предшествующие ситуации, выраженной главным предикатом. При глаголах зависимого времени хабитуальное причастие также обозначает хабитуальные ситуации, но это не является достаточным условием для его употребления, в некоторых из таких случаев оно конкурирует с причастием будущего времени или вообще не используется; поэтому его присоединение следует рассматривать как свойство конкретных предикатов. Причастие будущего времени может употребляться со всеми глаголами зависимого времени за исключением случаев, где имеется свойство истинности зависимой предикации; о нем можно говорить как об основном способе оформления сентенциальных актанта при глаголах зависимого времени.

¹⁶ Возможным исключением к этому обобщению является предикат *nökəd bol-* ‘помогать’ (см. (27)).

4.2. Падежные показатели

Как отмечалось в начале раздела 4, есть основания рассматривать причастные формы, оформляющие сентенциальные актаны, как номинализации. Основой для такой трактовки является то, что причастные формы в функции сентенциального актанта проявляют именные морфосинтаксические свойства, в частности, они способны присоединять показатели падежа и притяжательности¹⁷. Подробнее см. [Перкова, настоящий сборник].

В этом разделе мы остановимся на проблеме падежного оформления причастных дополнений.

В качестве вершины причастного дополнения могут выступать формы, как маркированные падежным показателем, так и не маркированные падежным показателем (ср. зависимый предикат *ir-* ‘приходить’, выраженный немаркированным причастием в (59)–(60)).

(59) *Badma* [öckəldiir xurəg-tə **ir-xə**]
 Бадма вчера собрание-DAT приходить-PC.FUT
zöv-tä bilä
 право-ASSOC быть.REM
 ‘Бадма вчера должен был прийти на собрание’.

(60) *endər Badma eck-t-än* [ʋol-asə xə-d
 сегодня Бадма отец-DAT-P.REFL река-ABL овца-PL
*tuu-žə av-čə **ir-xə***
 гнать-CV.IPFV брать-CV.IPFV приходить-PC.FUT
nökəd bol-žə-na
 помощь становится-PROG-PRS
 ‘Сегодня Бадма помогает отцу пригнать баранов с реки.’

Причастия, не маркированные падежным показателем, также лишены показателей притяжательности и по форме совпадают с причастиями, выступающими в качестве вершины относительного оборота, поэтому далее я буду называть такие формы немаркированными причастиями.

¹⁷ Ср. цитату из [Noonan 2005: 70]: «Nominalized complements are, prototypically, predications with the internal structure of noun phrases» («Сентенциальные дополнения номинализованного типа прототипически представляют собой предикации с внутренней структурой ИГ»).

Обсуждая **немаркирование** причастий, в первую очередь уместно задаться вопросом о том, способен ли вообще данный матричный глагол приписывать падеж в данной позиции¹⁸. Иначе говоря, необходимо выяснить, какой моделью управления, или субкатегоризационной рамкой, обладает данный матричный глагол.

Так, предикат *zovtä* ‘должен’ не способен в принципе присоединять ИГ с соответствующей семантической ролью. Поэтому отсутствие (и невозможность) падежного маркирования при причастии в (51) представляется закономерным явлением.

Предикат *nökəd bol-* ‘помогать’, напротив, имеет датив в своей модели управления, что видно по (61).

- (61) *bi* [ek-d-än *xuralləən-də*] *nökəd*
 я.NOM мать-DAT-P.REFL уборка-DAT помощь
bol-u-v
 становится-PST-1SG
 ‘Я помог маме сделать уборку’.

Это означает, что появление немаркированного причастия в (60) должно получать объяснение, отличное от того, которое было предложено для (59).

Таким образом, независимые данные модели управления матричного предиката позволяют нам выделить два различных типа немаркированных причастий. Далее я буду достаточно условно называть явления, соответствующие этим типам, субкатегоризованным и несубкатегоризованным немаркированием, под первым понимая немаркирование, ожидаемое в силу модели управления предиката (т. е. неприписывания падежа), а под вторым — немаркирование, возникающее вопреки модели управления (т. е. приписыванию падежа).

Примечательно, что случаи **маркирования** причастий также могут как соответствовать модели управления матричного глагола, так и не соответствовать ей.

Первый случай представлен в (62), где зависимый предикат *širdə-* ‘красить’ выражен формой причастия будущего времени,

¹⁸ Из соображений удобства я использую здесь терминологию, принятую в исследованиях в русле генеративной грамматики.

маркированной, в соответствии с моделью управления матричного предиката *nökəd bol-* ‘помогать’, дативом.

- (62) [*širdə-x-də*] *nökəd bol-žə-na-v*
красить-PC.FUT-DAT помощь становится-PROG-PRS-1SG
‘Я (тебе) помогаю красить’.

Второй случай можно видеть на примере предиката *bajərta* ‘рад’. Этот предикат, как видно из (63), приписывает датив участнику с ролью стимула, если он выражен ИГ, т. е. имеет датив в своей модели управления.

- (63) [*avk-in ir-lə-n-də*] *bi*
дядя-GEN приходить-NMLZ-EXT-DAT я.NOM
bajər-ta bää-nä-v
радость-ASSOC быть-PRS-1SG
‘Я рад приезду дяди’.

Причастие при этом предикате может оформляться двумя способами. Во-первых, оно может оформляться дативом в соответствии с его моделью управления (64).

- (64) *enə bajər-ta bää-nä* [*Badma-gə du*
этот радость-ASSOC быть-PRS Бадма-ACC песня
duul-sən-də-n¹]
петь-PC.PST-DAT-P.3
‘Он рад, что именно Бадма спел песню’.

Во-вторых, причастие при предикате *bajərta* ‘рад’ может оформляться аккузативом, вопреки его модели управления (65).

- (65) *eckə-nⁱ bajər-ta [kövü-vän gerə*
отец-P.3 радость-ASSOC мальчик-P.REFL дом
bür-s-igə]
строить-PC.PST-ACC
‘Отец был рад, что его сын построил дом’.

Итак, по аналогии с немаркированными причастиями, мы можем в случаях типа (65) говорить о явлении несубкатегоризованного маркирования, противопоставленного более привычным случаям субкатегоризованного маркирования типа (62).

Мы выделили четыре типа явлений в области падежного оформления причастий на основании двух независимых признаков:

(а) наличие/отсутствие маркирования при причастии и (б) соответствие/несоответствие модели управления матричного предиката. В дальнейшем изложении мы более подробно рассмотрим указанные четыре типа маркирования, проследив их распределение, их грамматический статус и их взаимодействие с другими явлениями.

4.2.1. *Субкатегоризованное маркирование.* Как уже было отмечено, о субкатегоризованном маркировании речь идет в том случае, когда оформление причастия падежом соответствует модели управления матричного предиката. Результатом субкатегоризованного маркирования является то, что падеж, приписываемый предикатом своему актанту, появляется на причастии, возглавляющем сентенциальный актант.

Матричные предикаты в подавляющем большинстве случаев приписывают своим дополнениям аккумулятив или датив (косвенные падежи, являющиеся, по всей видимости, наиболее частотными и за пределами матричных предикатов).

К предикатам, оформляющим свое дополнение аккумулятивом, относятся предикаты независимого времени *med-* ‘знать’, *üz-* ‘видеть’, *soŋs-* ‘слышать’, *kel-* ‘говорить’, *mart-* ‘забыть’ и др. и предикаты независимого времени *sur-* ‘просить’ (66), *kel-* ‘говорить’ (67), *külä-* ‘ждать’, *sed-* ‘хотеть’, *uur-* ‘перестать’, *mart-* ‘забывать’ и др.

(66) *Badma-gə* [xö *xär-ül-x-i-nʲ*]
 Бадма-ACC овца возвращаться-CAUS-PC.FUT-ACC-P.3
sur-la-v
 просить-REM-1SG
 ‘Я попросил Бадму пасти овец’.

(67) *emčə nan-də* [*dola-n xonəg-ta*
 врач я-DAT семь-EXT сутки-ASSOC
or-d-an kevt-x-igə] *kel-və*
 кровать-DAT-P.REFL лежать-PC.FUT-ACC говорить-PST
 ‘Врач сказал мне лежать в кровати целую неделю’.

К предикатам, приписывающим своему дополнению датив, относятся предикат *nökəd bol-* ‘помогать’ (54), а также эмотивные предикаты, например, предикат независимого времени *bajərta* ‘рад’ (64), предикаты зависимого времени *durta* ‘любить’ (50) и *durgo* ‘не любить’ (68) и др.

- (68) *čī* [ʃatər **naad-x-t-an**]
 ты.NOM шахматы играть-PC.FUT-DAT-P.REFL
dur-go-ch
 желание-NEG.COP-2SG
 ‘Ты не любишь играть в шахматы’.

Надо отметить, что датив является одним из падежей, которым калмыцкие глаголы регулярно оформляют роль стимула. Другим таким падежом является аблатив. Примером глаголов, субкатегоризованных на аблатив, могут служить такие эмотивные предикаты, как *äi*- ‘бояться’, *emä*- ‘стесняться’ и др.

- (69) *tanⁱ-d-go* **uls-as** *emä-x*
 узнавать-PC.HAB-NEG.COP народ-ABL стесняться-PC.FUT
 ‘стесняться незнакомых’

- (70) *Badma čon-asə* *äiv-äd* *čičər-žä-nä*
 Бадма волк-ABL бояться-CV.ANT трясись-PROG-PRS
 ‘Бадма дрожит, боясь волка’.

Однако, если дополнением этих глаголов становится не ИГ, как в (61)–(62), а причастие (63)–(64), то оно оформляется дативом. Строго говоря, эти случаи относятся к несубкатегоризованному маркированию, однако в силу недостаточных свидетельств в пользу тождества семантической роли сентенциального и несентенциального актанта я оставляю вопрос о характере дативного маркирования в этих случаях открытым.

- (71) *terə* [*küük-n-ür* **öörd-x-t-än**]
 тот девочка-EXT-DIR приближаться-PC.FUT-DAT-P.REFL
emä-və
 стесняться-PST
 ‘Он стеснялся подойти к девушке’.

- (72) *küükə-n* [*ʒancx-arn* *ger-t-än*]
 девочка-EXT один-INS.P.REFL дом-DAT-P.REFL
üld-x-t-än *äi-väd* *ekə*
 оставаться-PC.FUT-DAT-P.REFL бояться-CV.ANT мать
tal-an *joṽə-v*
 сторона-P.REFL ходить-PST
 ‘Девушка побоялась оставаться дома одна и поехала к маме’.

Итак, были перечислены матричные предикаты, субкатегоризованные на датив или на аккузатив, и было продемонстрировано субкатегоризованное маркирование причастий при этих предикатах. Теперь обратимся к явлению субкатегоризованного немаркирования.

4.2.2. *Субкатегоризованное немаркирование.* Субкатегоризованное немаркирование представляет собой второй случай соответствия формы причастия субкатегоризационным признакам предиката (первый был рассмотрен выше). нас будут интересовать матричные предикаты, которые не приписывают падеж своему дополнению. При таких предикатах, как правило, причастие выступает в немаркированной форме.

Большинство предикатов, не приписывающих падеж, являются неглагольными¹⁹. Например, это модальные предикаты *kergtä* ‘нужно’ (73) и *zövtä* ‘быть должным’ (59), которые происходят соответственно от существительных *kerg* ‘дело’, и *zöv* ‘право’.

(73) *čam-də* [*ikär* *xotə* *id-xə*] *kerg-tä*
 ты-DAT сильно еда есть-PC.FUT дело-ASSOC
 ‘Тебе нужно больше кушать’.

К предикатам, не приписывающим падеж, также относятся некоторые имена действия, например, *zakvər* ‘приказ’ от глагола *zak-* ‘приказывать’ (ср. оформление зависимого предиката *šov-* ‘ходить’ немаркированным причастием в (74)) и *zövšär* ‘согласие’ от глагола *zövšär-* ‘соглашаться’ (ср. оформление зависимого предиката *bär-* ‘держаться’ немаркированным причастием в (75)).

(74) [*ömən* *üzəg* *tal* *šov-xə*] *zak-vər*
 юг сторона сторона ходить-PC.FUT приказать-NMLZ
 ‘приказ идти на юг’

(75) *Badmə* [*Sanž-in* *xö* *ger-t-än*
 Бадма Санжи-GEN овца дом-DAT-PREFL
bär-xə] *zövšär* *ög-və*
 держать-PC.FUT согласие дать-PST
 ‘Бадма согласился поддержать у себя овец Санжи’.

¹⁹ Единственным обнаруженным примером предиката неименного происхождения, присоединяющего немаркированное причастие в силу субкатегоризационных свойств, является *čad-* ‘мочь’ (см. (23)).

Поскольку в случаях типа (74)–(75) зависимый предикат не может присоединять показатели падежа и притяжательности, то можно предположить, что в этом случае зависимая предикация синтаксически сходна с **относительным оборотом**, возглавляемым причастием, например, как в (76).

- (76) [Elst-ür jov-žə jov-xə] avtobus
 Элиста-DIR ходить-CV.IPFV ходить-PC.FUT автобус
 küükə-n üz-lä
 девочка-EXT видеть-REM
 ‘Девочка видела ехавший в Элисту автобус’.

Впрочем, с точки зрения семантики, (74)–(75) едва ли допускают такую трактовку, поскольку в обоих случаях предполагаемая вершина относительного оборота (*zakvər* ‘приказ’ и *zövšär* ‘согласие’ соответственно) не занимает никакой очевидной синтаксической позиции в зависимой предикации, что ожидалось бы при релятивизации (и что наблюдается в (76), где вершина *avtobus* ‘автобус’ соответствует позиции подлежащего в зависимой предикации).

Именные предикаты, описанные выше, *zövšär* ‘согласие’, *zöv* ‘право’, *zakvər* ‘приказ’ и, возможно, другие, часто используются в качестве актанта глагола *ög-* ‘давать’ (ср., например, (72)). Примечательно, что в подобных конструкциях наряду с немаркированной формой может наблюдаться причастие, маркированное аккузативом (ср. падежное маркирование зависимого предиката *naad-* ‘играть’, выраженного причастием будущего времени, в (77)).

- (77) küükəd [keerägšän od-čə naad-xə /
 дети далеко уходить-CV.IPFV играть-PC.FUT
 naadx-i-nⁱ] eckə-nⁱ zövə
 играть-PC.FUT-ACC-P.3 отец-P.3 право
 ög-sən uga
 дать-PC.PST NEG.COP
 ‘Отец не разрешил детям пойти гулять’.

Учитывая, что предикат *zöv* ‘право’ не способен приписывать аккузатив своему актанту, можно предположить, что сочетание *zöv ög-* ‘давать право’ в (75) может функционировать как

сложный глагол с падежными свойствами, отличающимися от падежных свойств предиката *zöv* ‘право’.

Это предположение подтверждается тем, что если *zöv* ‘право’ и *ög-* ‘давать’ отделяет некоторый материал (как это происходит в (78)), то аккузативное маркирование при причастии становится невозможным. При естественном допущении, что части сложного глагола не могут отделяться друг от друга, из предположения о том, что аккузатив в сочетаниях типа *zöv ög-* ‘давать право’ приписывается, только если это сочетание является сложным глаголом, будет следовать запрет на аккузативное маркирование в (78).

(78) *küükəd* [*keerägšän od-čə naad-xə* /
 дети далеко уходить-CV.IPFV играть-PC.FUT
 **naadx-i-n^h*] *zövə eckə-n^h*
 играть-PC.FUT-ACC-P.3 право отец-P.3
ög-sən uga
 дать-PC.PST NEG.COP
 ‘Отец не разрешил детям пойти гулять’.

4.2.3. *Несубкатегоризованное немаркирование.* В двух предыдущих разделах мы рассмотрели падежное оформление причастий, соответствующее субкатегоризационным признакам матричного предиката. В 4.2.1 речь шла о маркировании причастий в контексте глаголов, присваивающих падеж, в 4.2.2 было показано отсутствие маркирования при причастиях в контексте глаголов, не приписывающих падеж. В этом разделе мы рассмотрим отсутствие маркирования при причастиях в контексте глаголов, приписывающих падеж. Это явление мы наблюдали в примере (62) и обозначили его как несубкатегоризованное немаркирование.

По определению, несубкатегоризованное немаркирование причастий происходит вопреки субкатегоризации матричного предиката. Учитывая, что в калмыцком языке причастия могут получать падеж и, следовательно, не создают никаких препятствий для «выполнения» субкатегоризационных требований, немаркирование причастий в контексте глаголов, приписывающих падеж, представляется маркированным явлением. Его маркированный характер проявляется, во-первых, в том, что оно является во всех случаях факультативным и стилистически маркированным, а во-

вторых, в том, что оно является лексически ограниченным и встречается только с глаголами определенной семантики.

Под факультативностью несубкатегоризованного немаркирования понимается то, что в контексте глаголов, присваивающих падеж своему дополнению, **всегда** может быть употреблено причастие с этим падежом и только в некоторых из этих случаев возможно немаркированное причастие, как в следующих примерах:

- (79) *eežə ax-an [bankə sek-xə]*
 бабка старший.брат-P.REFL банка открывать-PC.FUT
surə-v
 просить-PST
 ‘Бабушка попросила своего старшего брата открыть банку’.

(ср. (66))

- (80) *emčə [or-n-də cig dolan xonəg]*
 врач кровать-EXT-DAT весь семь-EXT сутки
nam-də kevt-xə] kelə-v
 я-DAT лежать-PC.FUT говорить-PST
 ‘Врач сказал мне лежать в кровати целую неделю’. (ср. (67))

- (81) *terə [küük-n-ür öörd-x]*
 тот девочка-EXT-DIR приближаться-PC.FUT
emä-və
 стесняться-PST
 ‘Он стеснялся подойти к девушке’. (ср. (71))

- (82) *[küü-n-äsə nögçəl ol-xə]*
 человек-EXT-ABL помощь находить-PC.FUT
bičä ä-Ø
 NEG.IMP бояться
 ‘Не бойся просить помощи у людей’. (ср. (72))

- (83) *Baatər [ek-d-än suŋvug cok-kə]*
 Батыр мать-DAT-P.REFL телеграмма ударить-PC.FUT
mart-čək-čə
 забывать-COMPL-EVD
 ‘Батыр забыл послать телеграмму своей матери’. (ср. (40))

Отметим, что носители зачастую реагируют на предложения типа (79)–(83) как на «неграмотные», предлагая в качестве

«грамотных» соответствующие предложения с наличием падежного маркирования при причастии. Вместе с тем сами носители наряду с «грамотными» предложениями порождают и «неграмотные», с несубкатегоризованным маркированием.

Класс глаголов, с которыми может происходить несубкатегоризованное немаркирование, может быть по семантике отождествлен с глаголами объектного и субъектного контроля, т. е. с теми глаголами, которые типологически проявляют свойства объектного и субъектного контроля.

Понятие **контроля** связано с наличием в грамматике различных языков особых правил установления референции того актанта нефинитной зависимой предикации, который был бы подлежащим при соответствующей финитной форме, например, актанта глагола *ударить* с семантической ролью агенса в предложении (i) *Петя хочет ударить Васю*. Во многих случаях, включая приведенный пример, такой актант не может быть выражен в составе зависимой клаузы, иначе говоря, является нулевым (в этом случае его называют нулевым подлежащим, или PRO), и чтобы определить его референцию, как раз и требуются правила контроля. Эти правила устанавливают, какая из ИГ в предложении должна совпадать по референту с ним, или быть кореферентной; такая ИГ называется контролером. В приведенном примере нулевое подлежащее глагола *ударить* совпадает с подлежащим главной предикации; такой случай называют **субъектным контролем**. В предложении (ii) *Петя просит Колю ударить Васю* нулевое подлежащее глагола ударить кореферентно дополнению главной предикации; такой случай называют **объектным контролем** [Тестелец 2001].

Если мы посмотрим на контроль в нефинитных формах, являющихся актантами, то увидим, что то, какого рода правила контроля применяются к нулевым подлежащим таких форм в **конкретном языке**, определяется в первую очередь тем, актантом какого матричного глагола является данная нефинитная форма (ср. глагол субъектного контроля *хотеть* в (i) и глагол объектного контроля *просить* в (ii)). Более того, обнаружено, что **типологически** глаголы одной и той же или близкой семантики относятся к одним и тем же классам в отношении правил контроля, т. е. к классам субъектного или объектного контроля.

Так, в работе [Pollard, Sag 1991] была предложена универсальная семантическая классификация глаголов, проявляющих субъектный или объектный контроль. Глаголы объектного контроля в этой классификации отождествляются с директивными глаголами, которые подробно обсуждались выше. Глаголы субъектного контроля соответствуют волитивным глаголам, о которых также говорилось в предыдущих разделах, и так называемым комиссивным глаголам, выражающим обязательство, намерение или попытку со стороны говорящего совершить некоторое действие (к ним относятся такие английские глаголы, как *promise* ‘обещать’, *intend* ‘намереваться’, *try* ‘пытаться’ и др.). К глаголам субъектного контроля, по всей видимости, также можно добавить такие семантические классы, как модальные (*can* ‘мочь’), фазовые (*begin* ‘начинать’) и имплицативные (*forget to* ‘забыть (сделать)’) глаголы.

Итак, если мы вернемся к случаям несубкатегоризованного немаркирования, то обнаружим, что во всех таких случаях матричный предикат семантически относится к классу глаголов контроля — объектного (директивные глаголы в (79)–(80), предикат *nökəð bol-* ‘помогать’ (62)) или субъектного (волитивные глаголы в (81)–(82), имплицативный глагол в (83)). По переводам также можно увидеть, что глаголы с соответствующей семантикой являются глаголами контроля и в русском языке (по крайней мере, в этих случаях нулевое подлежащее инфинитива обязательно кореферентно подлежащему или дополнению главного глагола).

В отличие от приведенных семантических групп глаголов контроля, глаголы речи, ментальные глаголы, фактивные глаголы и глаголы восприятия не могут быть отнесены к типологическому классу глаголов контроля. Для предикатов этих групп нехарактерно наложение ограничений на референцию подлежащего их предикатного актанта. Заметим, что такие предикаты во многих языках, включая русский, не присоединяют инфинитив, но присоединяют придаточное с финитным глаголом (при котором можно выразить подлежащее). Ср. *Он сказал / думал / видел, что Петя сидит во дворе*, но **Он сказал / думал / видел сидеть во дворе*.

В калмыцком языке при глаголах речи (84), ментальных (85)–(86) и фактивных эмотивных глаголах (87) и глаголах восприятия (88) недопустимо несубкатегоризованное немаркирование.

- (84) **[enə zurg-igə Repin zur-sən] bagšə*
 этот рисунок-ACC Репин рисовать-PC.PST учитель
kel-žə ögə-v
 говорить-CV.IPFV дать-PST
 ‘Учитель объяснил, что эту картину нарисовал Репин’.
- (85) **[Baatər maŋdur xö al-xə] bi*
 Батыр завтра овца убить-PC.FUT я.NOM
med-žä-nä-v
 знать-PROG-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что завтра Баатр будет барана резать’.
- (86) **[čamagə tämkə tatə-dəg] bi med-nä-v*
 ты.ACC табак тянуть-PC.HAB я.NOM знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что ты куришь’.
- (87) **[ekə-nⁱ kövü-n säänär sur-žə-sən]*
 мать-Р.3 мальчик-EXT хорошо учиться-PROG-PC.PST
bajərl-žə-na
 радоваться-PROG-PRS
 ‘Мама радуется тому, что ее сын учится хорошо’.
- (88) **bi [oŋvсə kol-ar ööm-žə jov-xə]*
 я.NOM лодка река-INS плыть-CV.IPFV ходить-PC.FUT
üz-lä-v
 видеть-REM-1SG
 ‘Я видел, как корабль плывет по реке’.

Отдельного внимания заслуживает предикат *das-* ‘привыкнуть, научиться’. Этот предикат субкатегоризован на аккузатив (ср. дополнение *kelə* ‘язык’, оформленное немаркированным аккузативом в (89)).

- (89) *škol-də xalⁱməg kelə das-na*
 школа-DAT калмыцкий язык выучить-PRS
 ‘В школах учат калмыцкий язык’.

Он является глаголом контроля и, как и при других глаголах контроля, при нем возможно несубкатегоризованное немаркирование (ср. отсутствие падежного маркирования на зависимых предикатах *ööm-* ‘плыть’ и *tat-* ‘тянуть’, выраженных хабитуальным причастием в (90)–(91)).

- (90) *mini eckə bičkən-d-än* [ööm-dæg]
 я.GEN отец маленький-DAT-P.REFL плыть-PC.HAB
das-čə uga
 выучить-CV.IPFV NEG.COP
 ‘Мой папа в детстве не научился плавать’.
- (91) *Baatr [asxə-n-də tämкə tat-dæg]*
 Батыр вечер-EXT-DAT табак тянуть-PC.HAB
das-čə
 выучить-EVD
 ‘Батыр привык вечером курить’.

Однако в отличие от других предикатов контроля, отсутствие падежного маркирования причастия при *das-* ‘привыкнуть, научиться’ является более естественным вариантом, чем наличие такого маркирования. Сами информанты не порождают предложения, где бы наблюдалось падежное маркирование, и оценивают соответствующие сконструированные примеры как «полуприемлемые» (ср. падежное оформление на зависимом предикате *umš-* ‘читать’ в (92)).

- (92) *Baatər kurvən-ta-d-an* [umš-dæg /
 Батыр три-ASSOC-DAT-P.REFL читать-PC.HAB
 ?*umš-dg-an*] *dasə-v*
 читать-PC.HAB-P.REFL выучить-PST
 ‘Батыр научился читать в три года’.

Подобная ситуация наблюдается с предикатом *duud-* ‘приглашать’. Этот предикат оформляет актанта с ролью цели дативом (ср. падежное оформление на дополнении *zam-* ‘кухня’ в (93)).

- (93) *madən giič-nər-igə zam-də duudə-v*
 мы гость-PL-ACC кухня-DAT звать-PST
 ‘Мы пригласили гостей на кухню’.

Однако как и для *das-* ‘привыкнуть, научиться’, для него более естественно оформление сентенциального актанта (предположительно обладающего той же ролью) немаркированным причастием, нежели причастием, маркированным дативом (ср. оформление зависимого предиката *joṽ-* ‘ходить’ в (94)).

- (94) *ürə-m namagə [Moskva xamdan jöv-xə]*
друг-Р.1SG я.ACC Москва вместе ходить-РС.FUT
duud-la
звать-REM
'Друг пригласил меня поехать вместе в Москву'.

Причины такого необычного поведения глаголов *das-* 'привыкнуть, научиться' и *duud-* 'приглашать' мне неясны. Возможно, объяснение связано с несовпадением ролей предикатного и непредикатного актанта при этих глаголах.

Итак, я показал случаи несубкатегоризованного немаркирования в калмыцком языке. Теперь я коснусь некоторых явлений, которые близки к рассматриваемому явлению и могли бы пролить свет на его понимание.

Во-первых, можно провести параллели между калмыцким и другим алтайским языком — турецким, где номинализация на *-mak* иногда может появляться без падежного маркирования в контексте матричного предиката (приписывающего падеж). Однако надо отметить, что в турецком это явление представляет собой идиосинкратическое свойство нескольких глагольных лексем [Goksel, Kerslake 2005], в калмыцком же оно, по всей видимости, имеет более системный характер.

Во-вторых, это явление может быть связано с другим случаем немаркирования дополнений (в контексте переходного глагола) в калмыцком языке, а именно с явлением так называемого дифференцированного маркирования объекта (см. [Коношенко, настоящий сборник]). Однако, во-первых, по правилам дифференцированного маркирования, падежное маркирование может отсутствовать только при прямом дополнении, тогда как немаркированное причастие может занимать позицию непрямого дополнения, а во-вторых, в тех случаях, где отсутствие маркирования в силу этих правил возможно, оно является необходимым, тогда как немаркирование причастий не является необходимым.

Наконец, еще одна возможная интерпретация несубкатегоризованного немаркирования может быть связана с влиянием русского языка. Как мы видели, русские соответствия контекстам, где встречается это явление, содержат инфинитив. Русский инфинитив не имеет признаков падежа и лица, поэтому немаркированная причастная форма, также не обладающая этими

признаками, возможно, представляет собой аналог инфинитива в калмыцком (где несовпадающей с причастием формы инфинитива не имеется). Это соображение подкрепляется тем, что дистрибуция немаркированной формы в калмыцком языке и инфинитива в русском языке приблизительно совпадает в случае контекстов, в которых матричным предикатом не присваивается падеж (см. раздел 4.2).

4.2.4. *Несубкатегоризованное маркирование.* Помимо несубкатегоризованного немаркирования, несовпадение падежного оформления причастия и субкатегоризации матричного предиката имеет место при несубкатегоризованном маркировании причастия. Если в первом случае исходя из субкатегоризационной рамки предиката маркирование ожидалось, но не происходило, то в данном случае, наоборот, маркирование не ожидается, но происходит. Это явление можно проиллюстрировать приводившимся выше примером (95).

- (95) *eckə-nⁱ* *bajər-ta* [*kövü-vän* *gerə*
отец-Р.3 радость-ASSOC мальчик-Р.REFL дом
bär-s-igə
строить-РС.РСТ-ACC
'Отец был рад, что его сын построил дом'.

В (95) причастие маркируется аккузативом, в то время как предикат *bajərta* субкатегоризован на датив, что видно из приводившегося выше примера (96).

- (96) [*avk-in* ***ir-lə-n-də***] *bi*
дядя-GEN приходить-NMLZ-EXT-DAT я.NOM
bajər-ta *bää-nä-v*
радость-ASSOC быть-PRS-1SG
'Я рад приезду дяди'.

В качестве падежа, используемого для несубкатегоризованного маркирования, выступает аккузатив. Предикаты, при которых это явление происходит, соответственно, управляют дативом (97)–(99) (см. в разделе 4.2.1 примеры, демонстрирующие субкатегоризационную рамку этих предикатов).

- (97) [či nan tal ir-x-i-n^j
ты.НОМ я сторона приходить-РС.FUT-ACC-P.3
esə **mart-s-i-n^j** bi
NEG забывать-РС.PST-ACC-P.3 я.НОМ
bajərl-ža-na-v
радоваться-PROG-PRS-1SG
‘Я рад, что ты не забыл прийти ко мне’.
- (98) ekə-m kövü-vän [xot-n-d-an
мать-P.1SG мальчик-P.REFL деревня-EXT-DAT-P.REFL
ir-x-igə] duud-la
приходить-РС.FUT-ACC звать-REM
‘Мать пригласила сына приехать в деревню’.
- (99) ax-d-an [usə avə-č
старший.брат-DAT-P.REFL вода брать-CV.IPFV
irx-i-n^j nököd bol-Ø
приходить-РС.FUT-ACC-P.3 помощь становится-IMP
‘Помоги брату принести воды’.

Маркирование причастия аккузативом, по моим данным, также иногда наблюдается при эмотивных предикатах *äi*- ‘бояться’, *emä*- ‘стесняться’, при которых предикатный актант, как правило, оформляется дативом (100).

- (100) *Baatər* [bagš-t-an sur-vər
Батыр учитель-DAT-P.REFL просить-NMLZ
ög-x-än] äi-və
дать-РС.FUT-P.REFL бояться-PST
‘Батыр побоялся задавать вопрос учителю’.

Выше отмечалось, что эти предикаты, как можно видеть из (69)–(70), присоединяют ИГ в аблативе, т. е. субкатегоризованы на аблатив. Поэтому, строго говоря, дативное маркирование причастий в (71)–(72) так же, как и аккузативное маркирование в (100), можно было бы отнести к несубкатегоризованному маркированию (поскольку в обоих случаях падежное оформление не соответствует субкатегоризационным признакам предиката). Однако, как кажется, есть некоторые основания относить только аккузативное маркирование при этих предикатах к несубкатегоризованному типу.

Поскольку датив в калмыцком языке регулярно оформляет актанта с ролью стимула, можно предположить, что предикатный актанта, оформляемый дативом при этих предикатах, и непредикатный актанта, оформляемый аблативом, имеют близкие, но не совпадающие семантические роли, и, следовательно, дативное причастие не подходит под определение несубкатегоризованного маркирования. Если допустить, что эти предикаты субкатегоризованы на датив и на аблатив (хотя они присоединяют ИГ только в аблативе), то дативное маркирование при них должно быть отнесено к субкатегоризованному.

Аккузативное маркирование в случаях типа (91), напротив, трудно связать с особой семантической ролью, которой бы обладал в этих случаях предикатный актанта, т. е. аккузатив оформляет актанта с той же ролью, что и датив. При допущении, что эти предикаты субкатегоризованы на датив, аккузативное маркирование должно быть отнесено к несубкатегоризованному.

Подобно несубкатегоризованному немаркированию, несубкатегоризованное маркирование является факультативным и стилистически маркированным явлением. Также оно имеет ограничения на матричный предикат: оно недопустимо с именными предикатами (которые не приписывают падеж своему дополнению), например, *zövtä* ‘должен’ и *kergtä* ‘нужно’. Однако, как отмечалось в разделе 4.2.2, если такой предикат входит в состав сложного глагола, например, как в *zöv ög-* ‘разрешать’, то употребление (несубкатегоризованного) маркированного причастия допустимо.

(101) *küük-d-än* [keerägšän *kar-čə*
 девочка-DAT-P.REFL далеко выходить-CV.IPFV
amr-x-igə] *eckə zövə ög-vä*
 отдыхать-PC.FUT-ACC отец право дать-PST.EMPH
 ‘Отец разрешил детям пойти гулять далеко (в степь)’.

Если ограничиться глагольными предикатами, то можно предположить, что аккузативное маркирование причастия является в калмыцком маркированием по умолчанию. Иначе говоря, в калмыцком языке всегда существует принципиальная возможность оформить зависимый предикат аккузативом, хотя больший приоритет имеет субкатегоризованное (не)маркирование и несубкатегоризованное немаркирование, если они доступны для

данного окружения. Таким образом, указанные типы предположительно можно выстроить в своеобразную иерархию оформления причастия (102).

(102) Субкатегоризованное	(не)маркирование	>
несубкатегоризованное	немаркирование	>
несубкатегоризованное	маркирование	

Надо отметить, что трактовка несубкатегоризованного аккузативного маркирования как маркирования по умолчанию получает косвенное подтверждение из другой области калмыцкого языка. В калмыцком аккузативные ИГ в определенных случаях могут использоваться тогда, когда в их окружении нет предиката, который был бы способен приписать аккузатив, иначе говоря, аккузатив может употребляться независимо от субкатегоризации. Имеется в виду явление так называемого аккузатива субъекта (зависимой предикации), см. [Сердобольская, настоящий сборник].

4.2.5. *Обобщение.* Итак, было рассмотрено четыре типа оформления причастных дополнений: (а) субкатегоризованное маркирование, (б) субкатегоризованное немаркирование, (в) несубкатегоризованное маркирование, (г) несубкатегоризованное немаркирование. В Таблице 1 дана классификация матричных предикатов по допустимости этих типов.

Первый признак, по которому классифицируются предикаты, — признак субкатегоризации предиката, значения которого ACC и DAT обозначают соответствующее субкатегоризованное маркирование, а значение \emptyset — субкатегоризованное немаркирование.

Далее предикаты классифицируются по способности сочетаться с несубкатегоризованным немаркированием. Этот признак, как кажется, нерелевантен для именных предикатов и сложных глаголов, которые присоединяют немаркированное причастие в силу субкатегоризации (соответствующие ячейки в таблице заштрихованы). Среди оставшихся предикатов положительное значение этого признака принимают предикаты контроля.

Наконец, предикаты классифицируются по способности сочетаться с несубкатегоризованным (аккузативным) маркированием. Этот признак, подобно предшествующему, нерелевантен

Таблица 1. Классификация предикатов по падежному оформлению причастий

Предикат	Субкат.	Несубкат. ∅	Несубкат. ACC
<i>Предикаты контроля</i>			
<i>sur-</i> 'просить', <i>das-</i> 'учиться', <i>zak-</i> 'приказывать', <i>kel-</i> 'говорить', <i>uur-</i> 'переставать', <i>xaj-</i> 'бросать', <i>zövšär-</i> 'соглашаться'	ACC	+	
<i>nökäd bol-</i> 'помогать', <i>duud-</i> 'звать' <i>äü-</i> 'бояться', <i>emä-</i> 'стесняться', <i>durta</i> 'любить'	DAT	+	+
<i>Сложные глаголы</i>			
<i>zövә ög-</i> 'разрешать', <i>zakvәr ög-</i> 'приказывать' <i>zövšär ög-</i> 'соглашаться'	∅		+
<i>Именные предикаты</i>			
<i>zövtä</i> 'должен', <i>kergtä</i> 'нужно', <i>zövšär</i> 'согласие', <i>zöv</i> 'право', <i>zakvәr</i> 'приказ'	∅		-
<i>Прочие предикаты</i>			
<i>med-</i> 'знать', <i>üz-</i> 'видеть', <i>soys-</i> 'слышать', <i>kel-</i> 'говорить'	ACC	-	
<i>bajәrl-</i> 'радоваться', <i>bajәrta</i> 'рад', <i>bardmәn-</i> 'хвастаться'	DAT	-	+

для предикатов, субкатегоризованных на аккузатив (соответствующие ячейки в таблице заштрихованы). Он имеет отрицательное значение для именных предикатов и положительное значение для сложных глаголов и для предикатов, субкатегоризованных на датив.

Надо отметить, что признак субкатегоризации (столбец 2) не говорит нам напрямую о допустимости при некотором предикате субкатегоризованного маркирования или немаркирования, а является независимым свойством предиката. Однако учитывая, что для предиката всегда доступно (не)маркирование причастия в соответствии с субкатегоризацией, из значения указанного признака можно вывести необходимую информацию об этой допустимости²⁰.

Таблица 1 показывает, что при некоторых предикатах допустим более чем один тип сентенциального дополнения. Есть свидетельства, что в некоторых случаях разные типы оформления коррелируют с разными синтаксическими свойствами.

Так, директивные предикаты (являющиеся подклассом предикатов контроля), как кажется, обнаруживают некоторые различия в поведении и интерпретации маркированных и немаркированных форм. Глагол *zak-* 'приказывать' допускает немаркированное причастие при невыраженном подлежащем (103) и не допускает при выраженном подлежащем, допуская только маркированное причастие (104).

- (103) *eckə-nⁱ Baatr-də* [ger *bär-x-igə* /
отец-Р.З Батыр-DAT дом строить-РС.FUT-ACC
bär-xə] *zakəv*
строить-РС.FUT приказать-PST
'Начальник приказал Батыру построить дом'.

- (104) *axlačə Baatr-də_i zakə-v* [enü-nä_i
председатель Батыр-DAT приказать-PST этот-GEN
kövü-gə Elstə or-x-igə /
мальчик-ACC Элиста входить-РС.FUT-ACC
**or-xə*]
входить-РС.FUT
'Начальник приказал Батыру_i, чтобы его_i сын ехал в Элисту'.

²⁰ Возможными исключениями из этого обобщения являются предикаты *das-* 'учиться' и *duud-* 'звать', для которых аккузативное и дагивное оформление («предписанные» субкатегоризацией) несвойственны.

Это свойство немаркированного причастия типологически сближает его с инфинитивом, т. е. структурой, для которой также характерен запрет на выраженное подлежащее и обязательный контроль нулевого подлежащего, ср. *Комиссия запретила Иванову_i $\emptyset_{i, *j}$ участвовать в выборах*. Маркированное причастие, в свою очередь, типологически сходно с номинализацией, т. е. структурой, которая может иметь как невыраженное и контролируемое, так и выраженное подлежащее, ср. *Комиссия запретила Иванову_i $\emptyset_{i, *j}$ участие в выборах* и *Комиссия запретила Иванову_i участие его партии в выборах*.

Надо отметить, что противопоставление двух обсуждаемых структур можно в принципе увидеть в достаточно ограниченном числе контекстов — в таких, где семантика самого матричного глагола не накладывает ограничений на подлежащее зависимой предикации. Поэтому я выбрал достаточно небольшой круг предикатов (а именно директивные предикаты) для иллюстрации различия структур. Насколько широко распространяется это противопоставление, пока остается неясным, однако, как было показано, есть основания полагать, что оно существует как таковое.

Подведем итоги. Причастия в причастных дополнениях могут оформляться показателями падежа — аккузатива и датива. Выбор падежа при причастии зависит от субкатегоризационных признаков матричного предиката. Если предикат субкатегоризован на некоторый падеж, то этот падеж в норме должен появиться при причастии, если же предикат не субкатегоризован на какой-либо падеж, то при этом предикате должно быть в норме немаркированное причастие. За пределами нормативной грамматики довольно широко представлены конструкции, в которых падеж при причастии не соответствует субкатегоризационным признакам. В первую очередь, это случаи употребления немаркированных причастий при предикатах, субкатегоризованных на некоторый падеж (при предикатах контроля). Также это случаи употребления причастий, маркированных аккузативом, при предикатах, которые не субкатегоризованы на аккузатив (при неименных предикатах).

4.3. Показатели посессивности

Другим именным свойством причастных дополнений, помимо способности присоединять падежные показатели, является их сочетаемость с показателями посессивности.

В калмыцком языке существуют показатели притяжательности 1 и 2 лица единственного и множественного числа и показатель 3 лица, общий для обоих чисел. Также существует показатель рефлексивной посессивности.

При оформлении существительных показатель посессивности указывает на лицо и число посессора при существительном (обладаемом), за исключением ситуаций, когда посессор кореферентен подлежащему глагола, актантом которого является посессум. В этом случае используется показатель рефлексивной притяжательности (который не обладает лично-числовыми признаками). При оформлении причастий показатель посессивности указывает на лицо и число подлежащего зависимой предикации, возглавляемой причастием. В случае кореферентности подлежащего главной предикации подлежащему зависимой используется показатель рефлексивной притяжательности.

Как и падежные показатели, показатели притяжательности являются обязательными в одних контекстах, но факультативными в других. Выяснить, как ведут себя показатели притяжательности в различных контекстах, и будет целью этого раздела.

Рассмотрим сначала употребление показателя рефлексивной притяжательности, а затем показателей притяжательности 1–3 лица.

4.3.1. Показатель рефлексивной посессивности. Употребление показателя рефлексивной посессивности различается при предикатах субъектного контроля и при прочих предикатах. При глаголах речи, эпистемических и фактивных глаголах, т. е. при глаголах, которые не являются предикатами контроля, в случае односубъектности, т. е. кореферентности подлежащих зависимой и главной клаузы, употребление показателя рефлексивной посессивности при причастном дополнении является обязательным. Как видно из примеров (105)–(106), в таких случаях недопустимы как нерефлексивный показатель, так и отсутствие показателя.

- (105) *Baatər* [*universitetə or-s-an* /
 Батыр университет входит-PC.PST-P.REFL
 **or-s-i-n^j* / **or-s-igə*] *med-nä*
 входит-PC.PST-ACC-P.3 входит-PC.PST-ACC знать-PRS
 ‘Батыр знает, что поступил в университет’.
- (106) *Baatər Badma-d* [*möngə ög-sə-n-d-an* /
 Батыр Бадма-DAT деньги дать-PC.PST-EXT-DAT-P.REFL
 **ög-sə-n-də-n^j* / **ög-sə-n-də*] *jir*
 дать-PC.PST-EXT-DAT-P.3 дать-PC.PST-EXT-DAT очень
bajr-ta bää-nä
 радость-ASSOC быть-PRS
 ‘Батыр очень рад, что дал деньги Бадме’.
- Однако при предикатах субъектного контроля, для которых с точки зрения семантики односубъектность является лексически заданной, показатель рефлексивной посессивности не является столь же облигаторным.
- Первый случай такой необлигаторности представляет собой несубкатегоризованное немаркирование, которое обсуждалось в разделе 4.2.3, ср. примеры (82)–(83) с глаголами субъектного контроля *ää-* ‘бояться’ и *mart-* ‘забывать’. В этом случае, как уже говорилось, при причастии отсутствуют как показатели падежа, так и показатели посессивности.
- Второй случай предполагает отсутствие показателей притяжательности при причастии при наличии показателей падежа. Примеры (107)–(108) иллюстрируют этот случай с теми же двумя глаголами. Надо отметить, что такие примеры, хотя и могут быть порождены информантом, оцениваются как достаточно маргинальные.
- (107) *küükəd* [*söö-d-än teeg-ür jov-x-tə*]
 дети ночь-DAT-P.REFL степь-DIR ходить-PC.FUT-DAT
ää-sən uga
 бояться-PC.PST NEG.COP
 ‘Дети не побоялись идти ночью в степь’.
- (108) [*lavkə jov-x-igə*] *bičä martə-Ø*
 магазин ходить-PC.FUT-ACC NEG.IMP забывать
 ‘Не забудь зайти в магазин’.

Таким образом, можно заключить, что показатель рефлексивной притяжательности может употребляться во всех случаях одно-субъектности причастного дополнения и главной предикации²¹. Кроме как при предикатах субъектного контроля, употребление этого показателя облигаторно, но даже при последних его употребление оказывается предпочтительным.

4.3.2. *Показатели нерефлексивной посессивности.* Показатели посессивности 1–3 лица могут употребляться во всех случаях, где не имеет место кореферентность подлежащих зависимой и главной предикации.

Особенностью системы этих показателей является отчетливое противопоставление, с одной стороны, показателей 1 и 2 лица и, с другой стороны, показателя 3 лица *-n^j*, которое заключается в том, что последний может употребляться не только при подлежащих 3 лица, но и при подлежащих двух других лиц. Таким образом, показатели 1 и 2 лица всегда могут быть заменены на показатель 3 лица (109)–(110).

(109) *bi* [čamagə Zanda-ta
 я.NOM ты.ACC Занда-ASSOC
üürl-žä-x-i-čən /
 дружить-PROG-PC.FUT-ACC-P.2SG
üürl-žä-x-i-n^j med-ü-v
 дружить-PROG-PC.FUT-ACC-P.3 знать-PST-1SG
 ‘Я знаю, что ты дружишь с Зандой’.

(110) *terə* [namagə toka talə čolu
 тот я.ACC змея сторона камень
xaj-s-i-m / *xaj-s-i-n^j*
 бросать-PC.PST-ACC-P.1SG бросать-PC.PST-ACC-P.3
üz-lä
 видеть-REM
 ‘Он видел, что я бросил камень в змею’.

Употребление показателя *-n^j* на месте «ожидаемых» показателей 1 и 2 лица является очень частотным и стилистически

²¹ Исключая случай субкатегоризованного немаркирования (см. раздел 4.2.2), при котором причастие не может присоединять показатели падежа, которые, в свою очередь, являются необходимым условием употребления показателя рефлексивной посессивности.

нейтральным явлением. Таким образом можно говорить о показателе 3 лица как о немаркированном по признаку «личности» (в отличие от двух других показателей). Также надо отметить, что в калмыцком языке, как правило, личные местоимения 1 и 2 лица в позиции подлежащего не опускаются, поэтому употребление общего показателя для всех трех лиц не ведет к потере грамматической информации.

Интересной особенностью нерелексивных показателей, отличающей их от релексивного показателя, является то, что они могут свободно опускаться независимо от контекста, тогда как релексивный показатель, как отмечалось, может опускаться только при предикатах субъектного контроля, давая при этом достаточно маргинальные предложения. Факультативность показателей нерелексивной посессивности можно видеть на примере предикатов различных классов (111)–(115).

(111) *bi* [i^ukr no^{ka} id-ʒä-x-i-n^j /
я.NOM корова трава есть-PROG-PC.FUT-ACC-P.3
^{OK}id-ʒä-x-igə] iiz-lä-v
есть-PROG-PC.FUT-ACC видеть-REM-1SG
‘Я видел, как корова ест траву’.

(112) *bi* eež-də [xaal^{kə} katlə-x-də-n^j /
я.NOM бабка-DAT дорога перейти-PC.FUT-DAT-P.3
^{OK}katlə-x-də] nö^{kəd} bolə-v
перейти-PC.FUT-DAT помощь становится-PST
‘Я помог бабушке перейти дорогу’.

(113) [Bajrta-gə giic-nər duud-x-i-n^j /
Байрта-ACC гость-PL звать-PC.FUT-ACC-P.3
^{OK}duud-x-igə] kü-lä-v
звать-PC.FUT-ACC ждать-PST
‘Гости ждали, пока Байрта пригласит их к столу’.

(114) axlačə [cu^g ködlməšč-nər-igə xurəg-tə
председатель весь рабочий-PL-ACC собрание-DAT
ir-x-i-n^j / ^{OK}ir-x-igə]
приходить-PC.FUT-ACC-P.3 приходить-PC.FUT-ACC
surə-v
просить-PST
‘Директор попросил всех работников прийти на собрание’.

- (115) *enə bajərta* *bäi-nä* [*Badma-gə* *du*
 этот радость-ASSOC быть-PRS Бадма-ACC песня
duul-sən-də-n^j / ^{OK}*duul-sən-də*
 петь-PC.PST-DAT-P.3 петь-PC.PST-DAT
 ‘Он рад, что именно Иван спел песню’.

Надо отметить, что употребление показателей притяжательности представляется более частотным, чем их неупотребление. Однако поскольку мне не удалось обнаружить фактор, который бы определял выбор одного из двух возможных вариантов, можно предположительно говорить об их свободном варьировании.

Подведем итоги. Причастия в причастных дополнениях могут оформляться показателем рефлексивной посессивности и показателями нерефлексивной посессивности. Показатель рефлексивной посессивности в норме употребляется во всех случаях, где имеет место односубъектность причастного дополнения и главной предикации, и может маргинально опускаться при предикатах субъектного контроля. Показатели нерефлексивной посессивности могут свободно опускаться независимо от класса матричного предиката. Показатели нерефлексивной посессивности 1 и 2 лица могут свободно заменяться на показатель 3 лица.

5. Выводы

Итак, мы рассмотрели основные типы сентенциальных дополнений в калмыцком языке: деепричастные дополнения, финитные дополнения и причастные дополнения.

Деепричастные дополнения используются с весьма ограниченным кругом матричных предикатов: целевое деепричастие употребляется с волитивными глаголами, разделительное и соединительное деепричастия — с фазовыми и некоторыми модальными глаголами. Такой выбор контекстов представляется не случайным и, по всей видимости, выводится из семантических свойств обстоятельственных предложений, возглавляемых соответствующими деепричастиями: волитивным компонентом в случае целевого деепричастия и фактивным — в случае двух других деепричастий.

Финитные дополнения образуются с помощью подчинительных союзов, являющихся результатом грамматикализации глагола 'говорить'. В качестве зависимого предиката в них используются финитные формы индикатива и неиндикативных наклонений. Индикативные финитные дополнения активно используются при глаголах речи, а также при ментальных глаголах. Неиндикативные дополнения используются при директивных и некоторых волитивных глаголах. Финитные дополнения не сочетаются со свойством истинности зависимой предикации.

Можно говорить о том, что деепричастные и финитные дополнения представляют собой своего рода заимствование синтаксиса соответственно обстоятельственных клауз и конструкций с прямой речью для обслуживания конструкций с сентенциальным актантом, что объясняет ограничения в дистрибуции этих дополнений.

В отличие от деепричастных и финитных дополнений, причастные дополнения могут употребляться со всеми классами матричных предикатов. Причастные дополнения возглавляются теми же нефинитными глагольными формами (причастием прошедшего времени, хабитуальным причастием и причастием будущего времени), что и относительные предложения, однако синтаксис причастных дополнений сильно отличается от синтаксиса последних. Причастия в причастных дополнениях представляют собой номинализации, что объясняет их именные свойства, в частности, способность присоединять падежные и посессивные показатели.

Важным для понимания того, как выбирается форма зависимого предиката в причастных дополнениях, является противопоставление глаголов зависимого и независимого времени. При глаголах независимого времени выбор формы определяется видо-временным характером действия в зависимой предикации. Для передачи действий, предшествующих действию в главной предикации, используются причастие прошедшего времени, для передачи непредшествующих действий — причастие будущего времени. Для передачи одновременности используются либо хабитуальное причастие, либо особые формы, образованные с помощью причастных аффиксов и аспектуального показателя.

При глаголах зависимого времени (которые лексически задают видо-временной характер действия в зависимой предикации), используется только хабитуальное причастие и причастие будущего времени. Присоединение хабитуального причастия наблюдается при ограниченном числе глаголов и, по всей видимости, является идиосинкратическим свойством матричного глагола. Причастие будущего времени, напротив, употребляется с различными классами глаголов зависимого времени (с некоторыми ограничениями при имплицативных глаголах).

Падежное оформление зависимого предиката в причастных дополнениях обладает нетривиальными особенностями, которые отличают его от падежного оформления в случае обычных существительных. При некоторых глаголах, «приписывающих» определенный падеж (а именно глаголах контроля), причастие вопреки субкатегоризационным признакам предиката может выступать как в маркированной, так и в немаркированной форме. С другой стороны, при причастии помимо «ожидаемого» маркирования при неименных предикатах может появиться падежное (аккузативное) маркирование, не предусмотренное субкатегоризацией матричного предиката. Менее жесткие правила употребления падежных показателей при причастиях не вполне ясны и представляют интерес для дальнейшего исследования.

Показатели посессивности при причастиях, призванные выражать лично-числовые признаки подлежащего причастного дополнения, обладают значительно менее жестким распределением, чем сходные с ними по функции согласовательные показатели при финитных формах. Во-первых, показатель посессивности 3 лица может употребляться для всех трех лиц. Во-вторых, показатели посессивности являются факультативными. Иначе ведет себя показатель рефлексивной посессивности, который используется в контексте односубъектности причастного дополнения и главной предикации. При наличии соответствующего контекста употребление этого показателя, за редкими исключениями, является обязательным.

Литература

- Коношенко М. Б. Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Крапивина К. А. Причастие в роли сказуемого относительного оборота в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Мищенко Д. Ф. Деепричастия с показателями *-жэ* и *-ад* в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Очилов У. У. 1964. *Грамматика калмыцкого языка*. Синтаксис. Элиста.
- Перкова Н. В. Номинализации в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Прохоров К. Н. 2007. От императива к каузативу: аккумулятивное оформление адресата в калмыцких конструкциях прямой речи // Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, С. С. Сай (ред.). *Четвертая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы*. СПб: Нестор-История. С. 146–150.
- Прохоров К. Н. Калмыцкие формы косвенных наклонений: семантика, морфология, синтаксис. Настоящий сборник.
- Сай С. С. Аргументная структура калмыцких каузативных конструкций. Настоящий сборник.
- Сердобольская Н. В. Аккузатив субъекта в зависимой предикации: за и против подъема аргумента в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Тестелец Я. Г. 2001. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ.
- Ханина О. В. 2001. Грамматикализация глагола речи в «подчинительный союз» при конструкциях с сентенциальными актантами // *Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов. Вып. 12*. Тарту. С. 125–129.
- Cristofaro S. 2003. *Subordination*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Givón T. 1973. The time-axis phenomenon // *Language* 49. P. 890–925.
- Göksel A., Kerslake C. 2005. *Turkish: A Comprehensive Grammar*. New York: Routledge.
- Hengeveld K. 1998. Adverbial clauses in the languages of Europe // van der Auwera J. (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 335–419.
- Hopper P. J., Traugott E. C. 1993. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jelinek E. 1982. Review of Alice Freed: The Semantics of English Aspectual Complementation. *Synthese Language Library*, Vol. 8, Dordrecht, 1979 // *Synthese* 53. P. 143–53.
- Karttunen L. 1971. Implicative verbs // *Language* 47: P. 340–358.

- Kiparsky P., Kiparsky C. 1971. Fact // Steinberg D., Jakobovits L. (eds.). *Semantics: An interdisciplinary reader*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 345–369.
- Noonan M. 2007. Complementation // Shopen T. (ed.). *Language typology and syntactic description, 2nd ed., Vol 2: Complex constructions*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 52–150.
- Pesetsky D. 1991. *Zero Syntax: vol. 2, Infinitives*. Ms. Massachusetts Institute of Technology.
- Safir K. 1993. Perception, Selection and Structural Economy // *Natural Language Semantics* 2. P. 47–70.
- Pollard C., Sag I. A. 1991. An Integrated Theory of Complement Control // *Language* 67. P. 63–113.
- Thompson S. A., Longacre R. E., Hwang S. J. J. 2007. Adverbial clauses // Shopen T. (ed.). *Language typology and syntactic description, 2nd ed., Vol 2: Complex constructions*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 237–300.

АККУЗАТИВ СУБЪЕКТА В ЗАВИСИМОЙ ПРЕДИКАЦИИ:
ЗА И ПРОТИВ ПОДЪЕМА АРГУМЕНТА
В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Одной из интереснейших особенностей монгольских языков являются конструкции с аккузативным субъектом в зависимой предикации. Такие конструкции возникают как в финитной, так и в нефинитной предикации. Рассмотрим следующие примеры из калмыцкого языка:

- (1) *bi* [*čini* *kövii-gə* *kazad-in*
я.NOM ты.GEN сын-ACC заграда-GEN
orə-n-də *sur-ča-x-i-n²*
страна-EXT-DAT учиться-PROG-PC.FUT-ACC-P.3
med-sən *uga-v*
знать-PC.PST NEG.COP-1SG
'А я не знал, что твой сын учится за границей'.
- (2) *bi* *soŋs-la-v* *egč-äsən* [*čamagə*
я.NOM слушать-REM-1SG сестра-ABL.P.REFL ты.ACC
ir-žə *gi-väd*
приходить-CV.IPFV говорить-CV.ANT
'Я слышал от сестры, что ты приехал'.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 09-04-00297а. Автор выражает искреннюю благодарность С. С. Саю, М. Б. Коношенко, участникам экспедиций 2007 и 2008 годов в Калмыкию, а также участникам Пятой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей в Санкт-Петербурге за обсуждение различных положений настоящей работы и ценные комментарии.

² Здесь и далее скобки [] используются в примерах для обозначения зависимой предикации, включая именную группу в аккузативе. Условимся считать, что такое использование не предполагает теоретических выводов относительно позиции данной именной группы (внутри или вне зависимой предикации), а служит лишь целям наглядности.

В (1) зависимая предикация оформляется причастием будущего времени с аккузативом. При этом субъект зависимой предикации *ćini kövün* также оформляется аккузативом, т. е. падежом прямого дополнения в независимом предложении. Глагол *med-* ‘знать’ в принципе допускает имя в аккузативе, в контекстах, аналогичных ‘Я знаю этого человека’, т. е. если идет речь о знакомстве с объектом, однако подчеркнем, что в (1) объектом знания является не объект ‘твой сын’, а вся ситуация ‘что твой сын учится за границей’.

Аналогичная конструкция представлена в (2), где, однако, зависимая предикация является финитной и оформляется комплементаром *giväd* (говорить-CV.ANT).

Приведенные примеры, на первый взгляд, напоминают подъем аргумента — явление, хорошо описанное для английского языка. Термином «подъем аргумента» (*raising*³) обычно характеризуют предложения, аналогичные (3):

- (3) *I believe him to be a good linguist*
‘Я считаю его хорошим лингвистом’.

Иными словами, имеются в виду конструкции, в которых субъект вложенной предикации оформляется так же, как прямое дополнение (*object case* в англистике), а зависимый предикат кодируется инфинитивом с частицей *to*. Такие конструкции интересны тем, что субъект вложенной предикации демонстрирует морфосинтаксические свойства актанта главной предикации. При этом семантически актантом главного предиката остается ситуация *He is a linguist* ‘Он лингвист’, а не ИГ *him*. Данная именная группа получает падежное оформление от главного предиката, способна становиться подлежащим при пассивизации главного предиката, способна заменяться на рефлексивное местоимение, относящееся к подлежащему главной предикации,

³ Уточним, что данные конструкции анализировались в терминах «подъема» в ранних версиях порождающей грамматики; в более поздних работах используются другие термины, в частности — *Exceptional Case Marking* в минимализме и т. п. Термин «подъем», однако, активно употребляется в типологических и дескриптивных работах по синтаксическим актантам. Так как настоящая работа не предполагает анализ с точки зрения какой-либо формальной синтаксической теории, мы будем использовать термин «подъем».

и т. п. (см. работы [Postal 1974; Lasnik, Saito 1991; Davies, Dubinsky 2004] и др.). Т. е. синтаксически данная ИГ ведет себя так же, как прямое дополнение в главной предикации, однако семантически она не заполняет никакой валентности главного предиката.

Описанное явление широко распространено в языках мира. Конструкции, в различной степени проявляющие свойства подъема, зафиксированы в тюркских языках, полинезийских языках, языках Африки и Северной Америки и т. д. Такие конструкции демонстрируют значительное многообразие в плане синтаксических свойств. Как показано в работе [Сердобольская 2005], учет типологических данных ведет к пересмотру представлений о подъеме, сформировавшихся в ходе изучения английской конструкции (см. (3)). Английская модель подъема не единственная и, по всей видимости, не самая распространенная типологически.

На настоящий момент не удастся дать достаточно адекватного определения данному понятию в силу того, что такое определение может быть сформулировано только после тщательного анализа синтаксических свойств конструкций в типологической выборке языков. Для большинства языков такого исследования не проводилось. Наиболее подробные описания существуют, кроме английского и других германских языков, для японского языка [Kuno 1976; Ohta 1997 и др.], куско кечуа [Lefebvre, Muysken 1988], пассамакводди, тагальского и некоторых других. Настоящая работа является шагом к такому анализу: целью работы является подробное рассмотрение синтаксиса и семантики конструкций, проявляющих свойства подъема, в калмыцком языке⁴.

Насколько конструкции с аккузативным субъектом в калмыцком языке проявляют свойства подъема? На первый взгляд, довольно очевидны параллели примера (1) с английской

⁴ Следует уточнить, что в настоящей статье идет речь о конструкциях, возникающих при двухместных матричных предикатах (например, *думать, знать*), т. е. аналоге английского *subject-to-object raising*. Что касается одноместных предикатов (*казаться* и др.), при них не зафиксировано конструкций, аналогичных подъему (*subject-to-subject raising* в англоязычной терминологии).

конструкцией в (3). Заметим, однако, что аккузатив — не единственное средство оформления субъекта в калмыцком предложении (1), в отличие от английского аналога. Дело в том, что причастия в калмыцком языке, в отличие от инфинитива в английском, допускают субъект в номинативе, например:

- (4) *bi* [*čini* *kövü-n* *kazad-in*
 я.NOM ты.GEN сын-EXT заграда-GEN
orə-n-də *sur-ča-x-i-n¹*
 страна-EXT-DAT учиться-PROG-PC.FUT-ACC-P.3
med-sən *uga-v*
 знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что твой сын за границей учится’.

То есть, в отличие от английских конструкций, для калмыцких конструкций нельзя предложить такое объяснение, согласно которому аккузатив приписывался бы как единственно возможный падеж (единственно возможный в данном виде нефинитной предикации), в отличие от английского, где инфинитив не может приписывать падеж субъекту.

Кроме того, в калмыцком языке аккузативное оформление возможно в финитной предикации с агентивным глаголом, как в (2). Следовательно, калмыцкие конструкции не могут быть описаны как результат определенной степени «редукции» зависимой предикации (в отличие от инфинитива в английском и конструкций с подъемом в японском, согласно анализу [Ohta 1997]⁵).

Наконец, очевидную проблему для синтаксического анализа представляют конструкции с «подъемом» из обстоятельственных предложений:

⁵ В указанной работе предлагается анализ, согласно которому СА с подъемом обладают признаком [-T], что в терминах минималистской программы обозначает некоторую степень редуцированности предикативных свойств, а именно отсутствие временных характеристик. Это доказывается на основании ряда свойств, в том числе неспособности СА с подъемом включать агентивный динамический глагол. Для калмыцкого материала такой анализ неверен в том числе потому, что в конструкции с аккузативным субъектом нет ограничения на тип предиката, ср. (2) и (5).

- (5) [*čamagə ir-xə* *ötən]* *bi* *Elstə-də*
 ты.АСС придти-РС.FUT перед я.NOM Элиста-DAT
kür-čk-sən *bilä-v*
 достигать-COMPL-РС.PST быть.REM-1SG
 ‘Когда ты приехал, я уже был в Элисте’.

Обратим внимание, что в данном примере ни главный, ни зависимый предикат не являются переходными и, следовательно, не могут приписывать аккузатив. Остается предположить, что аккузатив приписывается каким-то образом в самой конструкции. Данные факты делают невозможным объяснение калмыцких конструкций в терминах подъема, как он определяется в рамках реляционной грамматики в [Perlmutter, Postal 1983]. Согласно данному подходу, «поднятая» ИГ занимает позицию зависимой предикации (т. е. позицию прямого дополнения — и, следовательно, принимает показатель аккузатива), вытесняя ее в так называемую «шомерную» позицию. Для калмыцкого материала данный анализ не является приемлемым.

Конструкции, зафиксированные в калмыцком языке, представлены в других монгольских языках, ср. примеры из монгольского языка:

- (6) *багш* *чам-айг* [*орой* *тенд-ээс*
 учитель ты-АСС поздний там-ABL
ир-сн-ийг] *марта-в*
 придти-РС.PST-АСС забывать-PST
 ‘Учитель позабыл о том, что ты поздно прибыл оттуда’
 [Санжеев 1960: 94].

Как и в калмыцком, в монгольском языке аккузативное оформление субъекта возможно также в обстоятельном предложении, ср.:

- (7) [*чам-айг* *амра-лт-аас* *ирэ-х-ээс]*
 ты-АСС отдыхать-NMLZ-ABL придти-РС.FUT-ABL
өмнө *би* *энэ* *ажл-аа* *дуусга-на*
 перед я.NOM этот работа-P.REFL заканчивать-PRS
 ‘Я закончу эту свою работу до того, как ты возвратишься из отпуска’ [Санжеев 1960: 74].

При этом в отличие от многих тюркских языков, в калмыцком и монгольском конструкции с аккузативным субъектом имеют

значительно большее распространение. Не во всех тюркских языках допускается аккузативный субъект в обстоятельном предложении; в актантных предложениях действуют ограничения на тип предиката и т. п., см. [Сердобольская 2005].

В грамматических описаниях калмыцкого языка обсуждаемое явление не получает подробного освещения. В грамматиках [Котвич 1929; Санжеев 1983; Очилов 1964] зафиксировано само наличие таких конструкций, однако не рассматриваются их синтаксические и семантические свойства. Несколько более подробный анализ содержится в работе [Пюрбеев 1977], где обсуждаются ограничения на возможность оформления субъекта аккузативом в зависимости от формы зависимого предиката (см. об этом подробнее в разделе 3.1).

Итак, настоящая работа направлена на анализ синтаксических и семантических свойств конструкций с аккузативным субъектом в зависимой предикации в калмыцком языке. Делается попытка ответить на вопрос, могут ли такие конструкции трактоваться в терминах подъема аргумента, и если нет, то какую позицию занимает аккузативный субъект СА. Следующий раздел посвящен описанию синтаксических свойств указанных конструкций; семантические свойства описываются в разделе 3. Раздел 4 содержит заключение и выводы.

2. Синтаксис конструкций с аккузативным субъектом

2.1. Синтаксические свойства подъема vs. конструкций с кореферентным сокращением/опущением

В рамках формальных синтаксических теорий накоплен большой опыт по изучению синтаксических свойств подъема. В частности, большое количество релевантных для данных конструкций синтаксических тестов приводится в работах [Postal 1974; Kuno 1976 и др.]. Наиболее подробно изучены данные английского и других германских языков, а также материал японского языка.

Синтаксические свойства, разбиравшиеся в классических работах по подъему, можно разбить на два блока. Это (А) свойства, доказывающие принадлежность рассматриваемой именной группы главной предикации; и (Б) свойства, показывающие, что поднятый аргумент не является аргументом матричного предиката.

Иными словами, свойства типа (Б) выявляют различия конструкций с подъемом и конструкций с кореферентным сокращением⁶ аргумента, ср. хорошо известные примеры:

(8a) *I persuaded him to be stubborn*
 ‘Я убедил его проявить упрямство’ (букв.: ‘быть упрямым’).

(8б) *I showed him to be stubborn*
 ‘Я показал (доказал), что он упрямый’ [Kuno 1976: 30].

В (8a) ИГ *him* заполняет валентность главного предиката (данный глагол имеет модель управления <NOM (кто) ACC (кого) INF (что сделать) / *that...*(в чем)>) и контролирует сокращение кореферентной ИГ в зависимой предикации. Напротив, *him* в (8б) семантически не связана с главным предикатом, а занимает позицию прямого дополнения в результате подъема. То есть (8б) является примером подъема, а (8a) — примером кореферентного сокращения.

Обычно для проведения различия между указанными конструкциями рассматривают ряд тестов, в том числе — возможность подъема из идиоматических сочетаний. Например:

(9) *I believe the cat to be out of the bag*
 ‘Я думаю, что тайна раскрыта’ (букв.: ‘кошка вылезла из мешка’).

В таком употреблении субъект идиоматического сочетания поднимается в главную предикацию, и различные элементы идиомы оказываются в разных предикациях. Тем не менее, значение идиомы сохраняется. Это говорит о том, что ИГ *the cat* семантически связана с зависимым предикатом, а не с главным. Соответственно в зависимой предикации глагола *persuade* такая конструкция недопустима:

(10) **I persuaded the cat to be out of the bag*

⁶ В случае с калмыцким (а также с японским) речь идет о кореферентном опущении, а не сокращении, так как, как говорилось в разделе 1, анализируемые конструкции допускают субъект в номинативе (в отличие от английских конструкций с инфинитивом, где субъект не может быть выражен иначе, как аккузативной ИГ).

Данное предложение может быть проинтерпретировано только в прямом смысле, т. е. ‘Я заставил кошку вылезти из мешка’. Это происходит по той причине, что ИГ, занимающая позицию прямого дополнения при *persuade*, семантически связана именно с главным предикатом, а не с зависимым.

Все калмыцкие конструкции с аккузативным субъектом проходят тест на идиоматические сочетания. Рассмотрим следующий пример:

- (11) [*хиух-in* *üs-igə* *bos-x-i-n'*]
 кожа-GEN волосы-ACC встать-PC.FUT-ACC-P.3
med-nä-v
 знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что (у меня) волосы встанут дыбом’.

СА в данном примере представляет собой идиоматическое сочетание, обозначающее страх или ужас:

- (12) *хиух-in* *üsə-n* *bos-xə*
 кожа-GEN волосы-EXT встать-PC.FUT
 ‘Волосы поднимаются дыбом’ (букв. ‘волосы на коже поднимаются’).

Как видно из (11), субъект идиомы может маркироваться аккузативом в КСА. Это подтверждает, что данные конструкции могут представлять собой подъем (если это подтвердится другими свойствами), но не кореферентное опущение. В принципе данный вывод может быть также сделан на основе анализа семантики указанных конструкций — предложения (1) и (2) не могут интерпретироваться как «знаю твоего сына» или «слышал тебя / твой голос», но именно как «знаю, что твой сын учится за границей» / «слышал, что ты приехал». Другим аргументом против кореферентного опущения является возможность аккузативного субъекта в конструкциях с матричными предикатами, которые в принципе не приписывают аккузатив, например, *dur-ta* ‘любить’, букв. ‘любовь-COM’:

- (13) *сесг-iid* *нар-эн-дэ* *dur-ta*
 цветок-PL солнце-EXT-DAT желание-ASSOC
 ‘Цветы любят солнце’, букв. ‘Цветы к солнцу с любовью’
 [Илишкин 1964: 276].

- (14) *bi dur-ta-v [čamagə duul-xla]*
 я.NOM желание-ASSOC-1SG ты.ACC петь-CV.SUCC
 ‘Я люблю, когда ты поешь’.

Поскольку у данного предиката в модели управления отсутствует аккузативный участник, очевидно, что аккузативная ИГ в (14) не является актантом главного предиката и, следовательно, не идет речь о кореферентном опущении.

Допустимость аккузативного субъекта при главных предикатах, не приписывающих аккузатив, может служить еще одним аргументом против трактовки калмыцких конструкций в терминах подъема, как он определяется в реляционной грамматике (см. раздел 1). Поскольку данные предикаты в принципе не имеют прямого дополнения и не приписывают аккузатив, невозможно считать, что «поднятая» ИГ в (14) и под. занимает позицию зависимой предикации, вытесняя ее в так называемую «шомерную» позицию.

Далее, аккузативный субъект не оставляет позиции для местоименной «копии» в зависимой клаузе (так же, как и при подъеме в английском языке: **I believe John him to be earnest* ‘Я считаю Джона серьезным человеком’, букв. ‘Я считаю Джона его серьезным’), ср. (15б).

- (15а) [*badma-gə ir-s-i-nʲ*] *med-sən*
 Бадма-ACC приходить-PC.PST-ACC-P.3 знать-PC.PST
uga-v
 NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что Бадма приехал’.

- (15б) **badma-gə [ter ir-s-i-nʲ] bi*
 Бадма-ACC тот приходить-PC.PST-ACC-P.3 я.NOM
med-sən uga-v
 знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что Бадма приехал’.

Этот тест проводит границу между подъемом и кореферентным опущением. При кореферентном опущении обычно можно восстановить местоимение, ср. русское *Я знаю, что (я) не сдам экзамен*: данное предложение представляет собой пример кореферентного опущения, так как местоимение *я* факультативно может быть восстановлено. Если бы в калмыцком предложении (15б) можно было восстановить местоимение *ter*, это говорило бы

о том, что аккузативная ИГ находится в главной предикации и контролирует ноль либо местоимение в зависимой. Однако аккузативная ИГ не оставляет за собой местоименной копии, как и в английском; следовательно, не может идти речь о кореферентном опущении.

Итак, свойства блока (Б) показывают, что калмыцкие конструкции не могут интерпретироваться в терминах кореферентного опущения или сокращения.

Перейдем к синтаксическим свойствам блока (А), т. е. к синтаксическим тестам, которые обычно применяются для определения принадлежности рассматриваемой ИГ главной предикации. В настоящей работе данные тесты подразделяются на следующие две группы: тесты, показывающие структурную принадлежность ИГ, и свойства фразовой составляющей. Первая группа тестов выявляет реакцию рассматриваемых конструкций на различные синтаксические процессы, не зависящие непосредственно от линейной позиции ИГ (пассивизация, рефлексивизация и др.). В основном, это тесты, показывающие, какую синтаксическую позицию занимает ИГ: подлежащую, позицию прямого дополнения и т. д.

Во вторую группу мы выделили свойства фразовой составляющей — тесты, позволяющие определить, входят ли элементы некоторой синтаксической группы в одну фразовую составляющую (в терминах генеративной грамматики) или нет. Эта группа включает собственно свойства линейного порядка (возможность перестановки вершины и зависимого, линейный разрыв элементом верхней составляющей) и некоторые другие, см. [Тестелец 2001: 129–145]. Проверка таких свойств кажется уместной для калмыцкого материала в силу того, что неочевидно, какой составляющей принадлежит аккузативный субъект — главной или зависимой предикации. Применение тестов на фразовую составляющую дает возможность доказать не структурную позицию аккузативного субъекта (как свойства первой группы), а его место в структуре составляющих.

Данные свойства были рассмотрены отдельно для КСА с нефинитной зависимой предикацией, отдельно для КСА с комплементаризерами, отдельно для обстоятельственных предложений. Предваряя дальнейшее, уточним, что результаты для

конструкции с нефинитной зависимой предикацией и для конструкций с комплементаризерами — то есть для всех КСА с аккузативным субъектом — оказались одинаковыми. В силу этого, ниже различные тесты будут демонстрироваться на примере различных КСА, иногда с нефинитной зависимой клаузой, иногда с комплементаризером. Что касается обстоятельственных предложений, они обнаруживают некоторые отличия от КСА в плане синтаксических свойств аккузативного субъекта и будут рассмотрены отдельно в разделе 2.2.6.

2.2. Структурные свойства конструкций с аккузативным субъектом

2.2.1. Пассивизация. Данное свойство заключается в способности «поднятой» ИГ становиться подлежащим при пассивизации главного предиката. Имеется в виду следующее. Если предположить, что ИГ в аккузативе занимает позицию в главной предикации, а не в зависимой, а точнее, позицию прямого дополнения при главном предикате, то она должна допускать все преобразования, возможные для прямого дополнения. В частности, если матричный предикат может образовывать пассивную конструкцию, данная ИГ должна становиться в такой конструкции подлежащим.

Глагол *üz-* ‘видеть’ в калмыцком языке может выступать в пассивной конструкции, ср.:

- (16) *bi ter ämtə-s-də üz-gd-lä-v*
 я.NOM тот люди-PL-DAT видеть-PASS-REM-1SG
 ‘Я был увиден этими людьми’.

При пассивизации подлежащим может быть как ИГ (16), так и сентенциальный актанта, ср.:

- (17) [*kü-n sad-in dotər or-sə-nʲ*]
 человек-EXT сад-GEN внутренность входить-PC.PST-P.3
üz-gd-lä
 видеть-PASS-REM
 ‘Видно, что кто-то вошел в сад’ (букв. ‘[Что кто-то залез в сад] было увидено’).

Однако «поднятая» ИГ не может становиться подлежащим, ср. (18a) и пассивную конструкцию в (18б):

- (18a) *ter ämtə-s [namagə sad-in dotər*
 тот люди-PL я.АСС сад-GEN внутренность
or-s-i-nʰ] üz-lä
 входить-PC.PST-ACC-P.3⁷ видеть-REM
 ‘Эти люди видели, как я залез в их сад’.
- (18б) **bi ter ämtə-s-də [sad-in dotər*
 я.NOM тот люди-PL-DAT сад-GEN внутренность
or-s-i-nʰ] üz-gd-lä-v
 входить-PC.PST-ACC-P.3 видеть-PASS-REM-1SG
 ‘Эти люди видели, как я залез в сад’ (букв. ‘Я был увиден
 этими людьми, как залез в сад’).

Это говорит о том, что субъект зависимой клаузы не занимает позиции прямого дополнения в главной предикации. Тем не менее, он получает аккузативное оформление.

Отметим, что аккузативное оформление также получает в (18а) зависимый предикат. Возникает предположение, что раз позицию прямого дополнения не занимает субъект, ее занимает сама зависимая предикация. Однако и она не может становиться подлежащим при пассивизации главного предиката:

- (19) **[namagə sad-in dotər or-sə-nʰ]*
 я.АСС сад-GEN внутренность входить-PC.PST-P.3
tər ämtə-s-də üz-gd-lä
 тот люди-PL-DAT видеть-PASS-REM
 букв.: ‘[Что я залез в сад,] было увидено этими людьми’.

Ср. (17), где субъект зависимой предикации оформлен номинативом: в таком случае зависимая предикация может становиться подлежащим при пассивизации главного предиката.

То есть, в конструкции с аккузативным субъектом оказывается, что ни аккузативная ИГ, ни зависимая предикация не обладают в полной мере свойствами прямого дополнения главного

⁷ В (18) зависимый предикат присоединяет показатель третьего лица единственного числа, в то время как ожидалось бы согласование с субъектом зависимой клаузы по первому лицу. О расхождениях в согласовании при причастиях см. статью [Князев, настоящий сборник].

предиката⁸. Результаты данного теста подтверждаются данными, которые обсуждались выше, а именно: в разделе 1 и в разделе 2.1 были приведены примеры с аккузативным субъектом при предикатах, не приписывающих аккузатив, а также в обстоятельственных предложениях. Поскольку такие конструкции возможны, остается заключить, что «поднятая» ИГ не занимает позицию прямого дополнения в главной предикации (так как данная позиция в подобных случаях отсутствует).

2.2.2. *Способность «поднятой» ИГ замещаться на рефлексивное местоимение с антецедентом в главной предикации.* В калмыцком языке рефлексивные местоимения могут отсылать только к субъектной ИГ в той же предикации (финитной или нефинитной), т. е. их локальная область ограничена одной предикацией (см. [Сай, настоящий сборник]). Интересно, что рефлексив может оформлять аккузативный субъект в СА, ср.:

- (20) [bij-än nör-t-än jov-dg-an
 тело-P.REFL сон-DAT-P.REFL ходить-PC.HAB-P.REFL
 gi-күд] bi soys-la-v
 говорить-CV.ANT я.NOM слышать-REM-1SG
 ‘Я слышал, что я хожу во сне’.

В (20) подлежащее главной предикации *bi* ‘я’ является антецедентом аккузативного рефлексива *bijän*. Это говорит о том, что *bijän* принадлежит той же предикации, что и *bi*, т. е. главной предикации. В противном случае рефлексив бы запрещался.

Иными словами, как показывает тест на способность замещаться рефлексивным местоимением, аккузативная ИГ занимает позицию в главной, а не в зависимой предикации.

⁸ Можно было бы попытаться объяснить неграмматичность (18) и (19) следующим образом: поскольку матричный предикат выступает в пассиве, он не может приписывать аккузатив предикации в (18) и субъектной ИГ в (19); следовательно, наличие аккузатива в (18) и (19) приводит к неграмматичности. Такое рассуждение, однако, представляется неубедительным, так как в принципе отсутствие переходного глагола, приписывающего аккузатив, не является препятствием для подъема в калмыцком языке, ср. (5) и (14).

2.2.3. *Способность аккузативной ИГ замещаться на реципрок с antecedентом в главной предикации.* Данный тест дает результаты, аналогичные тесту на рефлексивы:

- (21) *tedən* [*neg neg-än* *kärg-tä*
они один один-P.REFL⁹ глупость-ASSOC
gi-käd] *tool-na*
говорить-CV.ANT считать-PRS
'Они считают друг друга дураками'.

2.2.4. *Подлежащие свойства.* Согласно некоторым исследованиям, в японском языке аккузативное оформление субъекта зависимой клаузы возникает в связи с отсутствием позиции субъекта (точнее, позиции спецификатора TP (tense phrase); см. анализ [Ohta 1997]). Данный анализ, по всей видимости, невозможен для калмыцкого материала, так как калмыцкие СА с аккузативным субъектом сохраняют позицию подлежащего. Это можно аргументировать на основании подлежащих тестов, предложенных в [Keenan 1976].

В [Сай, настоящий сборник] показано, что для калмыцкого языка релевантны следующие подлежащие тесты: подлежащее способно контролировать 1) рефлексивный посессив с показателем *-an*, 2) рефлексивное местоимение, 3) нулевой субъект при целевом деепричастии на *-xar* и 4) нулевой субъект при соединительном деепричастии на *-žə*. Все эти свойства сохраняются в зависимой предикации с аккузативным субъектом.

1) Способность аккузативной ИГ контролировать рефлексивный посессив в зависимой предикации. Рефлексивно-посессивные показатели в калмыцком языке контролируются строго подлежащим данной клаузы, см. [Сай, настоящий сборник]. Соответственно способность быть antecedентом такого показателя может использоваться как тест на подлежащее.

⁹ Рефлексивный посессив не употребляется с именами в номинативе (см. [Сай, настоящий сборник]). Соответственно, реципрокальное местоимение *neg neg-* в данном примере выступает не в номинативе, а в аккузативе.

Рассмотрим следующий пример:

- (22) *bi ek-t-än cecgə-s*
 я.NOM мать-DAT-P.REFL цветок-PL
вансх-арн белглə-в
 единственный-INS.P.REFL дарить-PST.1SG
 ‘Я один подарил цветы маме.’

Поскольку копредикат *вансхэн* ‘единственный’ оформлен рефлексивным посессивом, невозможна интерпретация, при которой он будет семантически относиться к какой-либо другой ИГ, кроме подлежащего. Иными словами, в (22) невозможны интерпретации «подарил только цветы» или «подарил только маме». Для выражения такого смысла необходима другая конструкция: лексема *вансхэн* ‘единственный’ выступает при определяемом слове в атрибутивной позиции, ср.:

- (23) *bi вансхэн ек-т-än cecgə-s*
 я.NOM единственный мать-DAT-P.REFL цветок-PL
белглə-в
 дарить-PST.1SG
 ‘Я подарил цветы только маме’ (букв. ‘одной маме’).

Встает вопрос, может ли копредикат *вансхэн* ‘единственный’ с посессивным рефлексивом использоваться в конструкции с аккузативным субъектом. Такие примеры являются грамматичными, ср.:

- (24) [*Baatr-igə en daalʁ-vər*
 Батыр-ACC этот поручать-NMLZ
вансх-арн ke-s-inʃ bi
 единственный-INS.P.REFL делать-PC.PST-ACC-P.3 я.NOM
med-nä-v
 знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что Батыр эту задачу один решил’.

Как представляется, это показывает, что позиция субъекта в рассматриваемых конструкциях сохраняется.

2) Способность аккузативной ИГ контролировать рефлексивное местоимение в зависимой предикации. Аналогично рефлексивному посессиву, рефлексивное местоимение *bijän* также может контролироваться только подлежащим. Допустимость

данного местоимения в конструкции с аккузативным субъектом говорит о сохранении позиции подлежащего в СА:

- (25) *bi med-nä-v [Ajsa-gə bij-än*
 я.NOM знать-PRS-1SG Айса-ACC тело-P.REFL
sääxr-ül-xär jov-x-i-n'
 хорошеть-CAUS-CV.PURP ходить-PC.FUT-ACC-P.3
 'Я знаю, что Айса пошла приводить себя в порядок'.

3) Способность аккузативной ИГ контролировать нулевой субъект при целевом деепричастии на *-xar*. Целевое деепричастие является односубъектным, так как субъект действия при данном деепричастии должен контролироваться подлежащим главной предикации. В конструкции с аккузативным субъектом целевое деепричастие может быть вложенным в зависимую клаузу:

- (26) *bi [tadn-igə maši xuld-žə*
 я.NOM вы-ACC автомобиль продавать-CV.IPFV
av-xar bää-x-i-tn] soŋs-u-v
 братъ-CV.PURP быть-PC.FUT-ACC-P.2PL слушать-PST-1SG
 'Я слышал, что вы машину покупаете'.

Допустимость (26) свидетельствует о наличии позиции подлежащего при *bää-x-i-tn*.

4) Способность аккузативной ИГ контролировать нулевой субъект при соединительном деепричастии на *-žə*. В плане подлежащих свойств данное деепричастие ведет себя аналогично целевому деепричастию.

- (27) [*čamagə maši xuld-žə av-čə*
 ты.ACC автомобиль продавать-CV.IPFV братъ-CV.IPFV
gi-käd] bi soŋs-la-v
 говорить-CV.ANT я.NOM слушать-REM-1SG
 'Я слышал, что ты купил машину'.

Пример (27) показывает, что соединительное деепричастие допускается в конструкции с аккузативным субъектом в СА.

Таким образом, исходя из того, что в конструкциях с аккузативным субъектом сохраняются все подлежащие свойства, релевантные для калмыцкого языка, можно заключить, что в данных конструкциях имеется позиция субъекта (мы оставляем

в стороне вопрос о том, какой элемент занимает эту позицию, так как решение данного вопроса требует принятия определенных теоретических предпосылок). Это отличает рассматриваемые конструкции от подъема в японском языке.

2.2.5. *Допустимость двух аккузативных ИГ в главной/зависимой предикации.* Как известно, для многих языков верно утверждение, что некоторая синтаксическая позиция в одной предикации не может заполняться двумя элементами одновременно.

Интересные результаты дает попытка употребить две аккузативные ИГ в СА. Носители довольно часто порождают предложения, в которых аккузативом маркируется не только субъект зависимой предикации, но и сам зависимый предикат в форме причастия (с посессивным показателем или без него, см. пример):

- (28) [čamaɣə ir-s-i-nʲ / ir-s-igə]
 ты.АСС приходит-PC.PST-АСС-Р.3 приходит-PC.PST-АСС
 bi med-sən uga-v
 я.НОМ знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что ты приехал’.

Однако если в зависимой предикации имеется прямое дополнение, оформленное аккузативом, предложение признается неграмматичным, ср.:

- (29) [čamaɣə cä / *cäi-gə uu-čk-s-i-nʲ]
 ты.АСС чай чай-АСС пить-COMPL-PC.PST-АСС-Р.3
 med-sən uga-v
 знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что ты выпил [весь] чай’.

В принципе прямое дополнение в (29) может быть выражено, если оно не оформляется аккузативом (см. о дифференцированном оформлении прямого дополнения [Коношенко, настоящий сборник]). Однако наличие двух ИГ с показателем аккузатива приводит к неграмматичности примера¹⁰.

¹⁰ В соответствующем независимом предложении аккузатив возможен:

- (i) ter cäi-gə uu-čkə-v
 этот чай-АСС пить-COMPL-PST
 ‘Он выпил [весь] чай’.

Таким образом, данное свойство, по-видимому, показывает, что аккузативный субъект принадлежит не главной предикации, а зависимой: аккузатив при субъекте блокирует аккузатив при прямом дополнении в зависимой предикации, в то время как в главной предикации может возникать еще один аккузатив (при зависимом предикате, ср. (29)).

2.2.6. *Обобщение результатов.* Приведенные выше данные суммируются в Таблице 1¹¹.

Таблица 1. Результаты структурных тестов в конструкциях с аккузативным субъектом

Синтаксический тест	конструкция с причастием	конструкция с комплементаризером
пассивизация матричного глагола	–	–
замена на рефлексив	+	+
замена на реципрок	+	+
подлежащие тесты	+	+
две аккузативные ИГ в главной предикации	+	+
две аккузативные ИГ в зависимой предикации	–	–

Как можно видеть, результаты рассмотренных тестов противоречат друг другу. Тесты на рефлексивизацию и реципрок показывают, что аккузативный субъект принадлежит главной предикации, в то время как тест на две аккузативные ИГ говорит об обратном: судя по всему, аккузативный субъект принадлежит именно зависимой предикации, так как он блокирует прямое дополнение, оформленное аккузативом. Тест на пассивизацию доказывает, что аккузативный субъект не занимает позицию прямого дополнения в главной предикации. Данный вывод также подтверждается тем, что аккузативный субъект возможен при предикатах, не способных приписывать аккузатив, а также в обстоятельственных предложениях.

¹¹ В настоящем разделе не обсуждается связывание кванторов — тест, предложенный в [Postal 1974] — в силу причин, излагаемых в разделе 3.3.

Итак, структурные тесты не позволяют однозначно ответить на вопрос о том, какова позиция аккузативного субъекта СА. Для того чтобы выяснить, является ли данная ИГ элементом главной или зависимой предикации, необходимо привлечение дополнительных синтаксических тестов. С этой целью в разделе 2.3 будут проанализированы свойства фразовой составляющей в КСА с аккузативным субъектом.

Обратимся к конструкциям с аккузативным субъектом в обстоятельном предложении. Как было указано выше, данные конструкции демонстрируют ряд отличий от актантных предложений. Во-первых, в данных конструкциях неприменим тест на пассивизацию. Во-вторых, данные конструкции «не пропускают» рефлексив и реципрок, ср.:

- (30a) *[*bij-än asxə-n ir-xlä(rn)*]
 тело-P.REFL вечер-EXT приходит-CV.SUCC(P.REFL)
Badəm unt-na
 Бадма спать-PRS
 ‘Вечером, когда Бадма приезжает, ложится спать’
 (букв.: ‘Бадма ложится спать, когда сам приезжает’).

Данный смысл может быть выражен при отсутствии рефлексива, ср.:

- (30б) *Badəm asxə-n ir-xlärn unt-na*
 Бадма вечер-EXT приходит-CV.SUCC.P.REFL спать-PRS
 ‘Вечером Бадма, когда приезжает, ложится спать’.

Что касается допустимости двух аккузативных ИГ в главной/зависимой предикации, а также всех свойств из следующего раздела, обстоятельные предложения демонстрируют те же свойства, что и актантные предложения. Приведем примеры, иллюстрирующие недопустимость двух аккузативных ИГ в зависимом обстоятельном предложении.

- (31a) [*eck-igə maši av-sn-a*] *daru madn*
 отец-ACC автомобиль брать-PC.PST-GEN скоро мы
kar-ad jov-ad bäü-nä-vidn
 выходить-CV.ANT ходить-CV.ANT быть-PRS-1PL
 ‘Когда отец купил машину, мы стали много ездить’.

В этом примере невозможно оформить прямое дополнение в зависимой предикации аккузативом, ср.:

- (31б) **ecki-gə ter maši-gə av-sn-a*
отец-ACC тот автомобиль-ACC братъ-PC.PST-GEN
daru ⟨...⟩
скоро
'Когда отец купил машину...'

Это возможно, только если субъект выступает в номинативе:

- (31в) *eckə ter maši-gə av-sn-a daru* ⟨...⟩
отец тот автомобиль-ACC братъ-PC.PST-GEN скоро
'Когда отец купил машину...'

2.3. Свойства составляющей

В данном разделе рассматриваются различные свойства фразовой составляющей. Поясним, почему мы привлекаем данные свойства.

Выше было показано, что аккузативная ИГ не занимает позиции прямого дополнения в главной предикации; не вполне понятно в принципе, принадлежит ли данная ИГ главной предикации. В связи с этим анализ свойств составляющей позволяет дать дополнительные аргументы в ту или другую сторону. А именно, если зависимая предикация вместе с аккузативной ИГ проявляет свойства составляющей, это говорит в пользу того, что данная ИГ принадлежит зависимой предикации; если же свойства составляющей проявляет зависимая предикация без аккузативной ИГ, это ставит под вопрос принадлежность такой ИГ зависимой предикации.

Рассматриваются следующие свойства фразовой составляющей (см. [Тестелец 2001: 129–145]): ограничения на линейный порядок, топикализация, замена на анафору, фрагментирование, сфера действия частиц и др.¹²

2.3.1. *Порядок слов.* Прежде всего, определим ограничения на порядок слов в конструкциях с аккузативным субъектом. Чаще

¹² Тест на парцелляцию не применялся, так как парцелляция, по нашим данным, в калмыцком языке не используется.

всего аккузативное оформление выбирается, если зависимая предикация находится в препозиции к главной. Однако это необязательно, ср. (2) и (32а):

- (32а) *bi med-sən uga-v [čamagə*
 я.NOM знать-PC.PST NEG.COP-1SG ты.ACC
ir-s-i-nʲ]
 приходит-PC.PST-ACC-P.3
 ‘Я не знал, что ты приехал’.

Базовый порядок в простом предложении калмыцкого языка — SOV. Чаще всего данный порядок соблюдается в зависимой предикации. Однако если субъект оформляется аккузативом, возможен вариант VS, ср.:

- (32б) <...> *ir-s-i-nʲ čamagə / *či*
 приходит-PC.PST-ACC-P.3 ты.ACC ты.NOM
 ‘{Я не знал,} что ты приехал’.

Такой порядок встречается редко, однако не приводит к неграмматичности, в отличие от конструкций с субъектом в номинативе. Это свидетельствует о том, что аккузативная ИГ линейно более независима от вложенного предиката, чем номинативный субъект. Можно предположить, что она занимает некую «внешнюю» позицию по отношению ко всей вложенной предикации.

Однако такое предположение входит в противоречие с тем фактом, что аккузативная ИГ свободно передвигается в пределах зависимой предикации, в частности, может занимать линейную позицию после обстоятельства, как в (33б)

- (33а) [*čamagə öckəldür ir-s-i-čən*] *bi*
 ты.ACC вчера приходит-PC.PST-ACC-P.2SG я.NOM
med-sən uga-v
 знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что ты вчера приехал’.

- (33б) [*öckəldür čamagə ir-s-i-čən*] *bi*
 вчера ты.ACC приходит-PC.PST-ACC-P.2SG я.NOM
med-sən uga-v
 знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что ты вчера приехал’.

При этом данная ИГ может относительно свободно (линейно) передвигаться также в пределах главной предикации; в частности, при особом интонационном выделении возможны следующие варианты для (32а) и (32б):

(32в) [*čamagə* / **či*] *bi* *med-sən* *uga-v*
 ты.АСС ты.НОМ я.НОМ знать-РС.РСТ НЕГ.СОП-1СГ
 [*ir-s-i-n¹*]
 приходить-РС.РСТ-АСС-Р.3
 ‘Я не знал, что ты вчера приехал’.

(32г) [*ir-s-i-n¹*] *bi* [*čamagə* / **či*]
 приходить-РС.РСТ-АСС-Р.3 я.НОМ ты.АСС ты.НОМ
med-sən *uga-v*
 знать-РС.РСТ НЕГ.СОП-1СГ
 ‘Я не знал, что ты вчера приехал’.

Остается заключить, что аккумулятивный субъект не имеет жестко фиксированной линейной позиции ни в главной, ни в зависимой предикации. Этим он отличается от субъекта в номинативе, который достаточно свободно передвигается в пределах зависимой предикации, однако не может занимать позицию после зависимого предиката (32б) и выноситься в главную предикацию (32 в, г).

2.3.2. Замена на анафору. В данном и следующих свойствах проверяется способность рассматриваемой последовательности функционировать как единое целое, выступая в различных конструкциях, например, целиком заменяться на анафору, выступать в фокусе контраста, опускаться при эллипсисе и т. п.

Обычно фразовая составляющая (ИГ, глагольная группа, предикация и т. п.) допускает замену на анафорическое средство, например:

(34) — [*Baatr-igə ger av-sən¹³ gi-bäd*]
 Батыр-АСС дом брат-РС.РСТ говорить-СВ.АНТ
soŋs-l-čə? — *ee bi ter-ügə soŋs-la-v*
 слушать-РЕМ-2СГ да я.НОМ тот-АСС слушать-РЕМ-1СГ
 ‘Ты знаешь, что Батыр женился? — Да, я это знаю’.

¹³ Здесь и далее причастие прошедшего времени оформляет зависимый предикат в контексте комплементаризеров, т. е. употребляется в финитной предикации. О способности причастий возглавлять независимое предложение см. [Пюрбеев 1977: 96].

Как можно видеть, зависимая предикация с аккузативным субъектом обладает данным свойством.

2.3.3. *Топикализация.* Данный тест предполагает проверку, можно ли топикализовать зависимую предикацию вместе с аккузативным субъектом. Такой порядок слов, при котором вся указанная конструкция находится в препозиции к остальной части предложения, является грамматичным (см., например (34) и др.) и — более того — самым частотным.

2.3.4. *Фрагментирование.* Имеется в виду способность последовательности выступать независимым предложением при ответе на вопрос, например:

- (35) — *ju Badma tuskar soŋs-u-č?* — [*Badma-gə*
 что Бадма о слушать-PST-2SG Бадма-ACC
maši xuld-žə av-sən
 автомобиль продавать-CV.IPFV брать-PC.PST
gi-кääd
 говорить-CV.ANT
 ‘Что ты о Бадме слышал? — Что он купил машину’.

Как видно из (35), калмыцкие конструкции обладают данным свойством составляющей.

2.3.5. *Фокус контраста и контрастивный топик.* В данном случае проверяется способность рассматриваемой последовательности выступать в качестве единого целого при контрасте — в фокусе контраста или в контрастивном топике. Калмыцкие конструкции допускают оба употребления, ср. (36) с контрастивным топиком:

- (36) [*xuldač-igə jov-sən gi-кääd*
 продавец-ACC ходить-PC.PST говорить-CV.ANT
soŋs-la-v lavkə хаа-лв-а-ви-п¹
 слушать-REM-1SG магазин закрывать-CAUS-CONT-ACC-P.3
med-sən uga-v
 знать-PC.PST NEG.COP-1SG

‘Что продавец уехал, я слышал, а что магазин закрыли, не знал’.

2.3.6. *Эллипсис зависимой предикации.* Зависимая предикация (вместе с аккузативным субъектом) может целиком опускаться при эллипсисе, ср.:

- (37) *eckə med-nä* [*Badma-gə kičäl-də*
отец знать-PRS Бадма-ACC урок-DAT
od-d-go-ki-n'], *ekə*
уходить-PC.HAB-NEG.COP-ACC-P.3 мать
med-x-šə
знать-PC.FUT-NEG.PRS
'Отец знает, что Батыр уроки прогуливает, а мать — не знает'.

2.3.7. *Сочинение главных предикаций при одной зависимой.*
Данное свойство получило в ранних работах порождающей грамматики название Right Node Raising («подъем правого узла»).
Например:

- (38) *ekə med-nä eckə bol-xla*
мать знать-PRS отец становится-CV.SUCC
med-x-šə [*Badma-gə tämkə*
знать-PC.FUT-NEG.PRS Бадма-ACC табак
tatə-žə-x-i-n']
тянуть-PROG-PC.FUT-ACC-P.3
'Мама знает, а отец не знает, что Бадма курит'.

2.3.8. *Сфера действия дискурсивных частиц.* Довольно часто дискурсивные частицы в языках мира могут смещать свою сферу действия в пределах фразовой составляющей. Например, частица, оформляющая зависимое, может относиться к вершине (см. [Казенин, Тестелец 1999]). Как показывают данные калмыцкого языка (см. также марийские данные в [Сердобольская 2008]), возможна также следующая ситуация:

- (39) [*Badm-igə ir-s-igə basə*] *med-sən*
Бадма-ACC приходить-PC.PST-ACC тоже знать-PC.PST
uga-v
NEG.COP-1SG
а. 'Я не знал, что и Бадма тоже приехал'.
б. 'Я не знал, что еще Бадма приехал.' {У вас столько событий: дочка замуж вышла}.

Данный пример допускает две интерпретации: согласно первой (39а), частица семантически модифицирует субъект в аккузативе; согласно второй (39б), она семантически модифицирует ровно ту словоформу, справа от которой располагается. Такой сдвиг

сферы действия частиц возможен только в пределах фразовой составляющей (ср. анализ цахурских данных в [Казенин, Тестелец 1999]). Следовательно, это свойство говорит в пользу того, что аккузативный субъект входит во фразовую составляющую, вершиной которой является зависимый предикат *ir-s-igə*.

Итак, можно заключить, что последовательность ‘аккузативный субъект + зависимая предикация’ демонстрирует все свойства фразовой составляющей.

2.3.9. *Свойства фразовой составляющей у конструкции ‘зависимая предикация без аккузативной ИГ’*. Выше было показано, что, несмотря на свойства линейного порядка, зависимая предикация с аккузативным субъектом в полной мере обладает свойствами фразовой составляющей. Возникает вопрос, насколько данными свойствами обладает последовательность ‘зависимая предикация без аккузативной ИГ’. Рассмотрим некоторые примеры.

Замена данной последовательности на анафору недопустима, ср.:

(40а) [*Baatr-igə ger av-sən gi-väd*]
 Батыр-ACC дом брать-PC.PST говорить-CV.ANT
soŋs-l-čə?
 слышать-REM-2SG
 ‘Ты знаешь, что Батыр женился?’

(40б) **bi Baatr-igə terü-gə soŋs-la-v*
 я.NOM Батыр-ACC тот-ACC слушать-REM-1SG
 ‘Я это о нем слышал’.

Соответствующий смысл может быть выражен следующим образом:

(40в) *bi Baatr-in tuskar terü-gə soŋs-la-v*
 я.NOM Батыр-GEN о тот-ACC слушать-REM-1SG
 ‘Да, я это о Батыре знаю’.

Однако поскольку в данном случае ИГ *Baatər* оформляется послелогом *tuskar* ‘о’, (40в) представляет собой другую конструкцию.

Вопрос к аккузативной ИГ также невозможен, ср.:

(41а) **Badma-gə ju med-nä-č?*
 Бадма-ACC что знать-PRS-2SG
 ‘Что ты знаешь о Бадме?’ {Что женился}.

Соответствующий смысл может быть выражен следующим образом:

(41б) — *Badma-n tuskar ju med-nä-ě?* — [*ger*
Бадма-GEN о что знать-PRS-2SG дом
av-s-i-n'] (*soŋs-la-v*)
братъ-PC.PST-ACC-P.3 слушать-REM-1SG
'Что ты знаешь о Бадме? — Что женился'.

2.4. Выводы

Резюмируя полученные результаты, можно сказать, что последовательность 'аккузативный субъект вместе с зависимой предикацией' в полной мере проявляет свойства фразовой составляющей (в отличие от аккузативной ИГ с инфинитивным СА в английском, см. [Postal 1974]). Зависимая предикация без аккузативного субъекта такими свойствами не обладает. Следовательно, аккузативный субъект принадлежит составляющей, которую возглавляет зависимый предикат. Это подтверждается также структурным тестом на допустимость двух аккузативных ИГ: как показано в разделе 2.2.5, аккузативный субъект блокирует аккузатив при прямом дополнении в зависимой предикации, но не в главной (т. е. если бы мы предположили, что аккузативный субъект принадлежит главной предикации, оказалось бы, что в ней имеется два элемента, которым приписывается аккузатив: аккузативный субъект и сам зависимый предикат).

При этом, однако, по результатам других структурных тестов (замена на рефлексив и реципрок) аккузативный субъект все же занимает некоторую позицию в главной предикации. Речь не идет о позиции прямого дополнения матричного предиката, в отличие от английской конструкции. Это показывает тест на пассивизацию главного предиката, отсутствие ограничений на наличие двух аккузативных ИГ в главной предикации, а также возможность появления аккузатива при непереходных глаголах.

Очевидно, аккузатив приписывается в зависимой предикации. С одной стороны, аккузативная ИГ входит в ту же фразовую составляющую, что и зависимая предикация. С другой стороны, она «пропускает» рефлексив и реципрок с антецедентом в главной предикации и может свободно менять свою линейную позицию в пределах главной предикации (в отличие от других элементов зависимой предикации). (Сходная ситуация имеет место в тувинском

языке, как показано в [Serdobolskaya 2006]). Встает вопрос о том, какая синтаксическая позиция может обеспечить аккузативному субъекту такие «смешанные свойства». Как представляется, ответ на данный вопрос определяется функциональными свойствами данной конструкции.

3. Семантика конструкций с аккузативным субъектом

3.1. *Функции конструкций с подъемом в языках мира*

Конструкции с подъемом получили наиболее подробное освещение в рамках различных формальных синтаксических теорий. С этим связан тот факт, что существует сравнительно мало исследований, рассматривающих семантику и дискурсивные особенности употребления данных конструкций. Как показывает, однако, типологический материал (см. подробнее [Serdobolskaya 2009], а также исследование [Newman 1981] по подъему в английском языке), в основе подъема лежат факторы семантического и когнитивного плана. В частности, в различных языках на выбор конструкции с подъемом или без подъема могут влиять следующие факторы: семантика зависимой предикации (факт, событие в понимании [Арутюнова 1988]), одушевленность поднятой ИГ, ее референциальные и коммуникативные свойства и даже семантика матричного предиката (см. [Newman 1981; Langacker 1995; Serdobolskaya 2009]).

Настоящий раздел посвящен анализу семантических и дискурсивных свойств конструкций с аккузативным субъектом в калмыцком языке. Иными словами, мы рассматриваем свойства конструкций с аккузативным субъектом в сопоставлении с конструкциями, где субъект выступает в номинативе¹⁴.

Исследователи калмыцкого языка объясняют распределение аккузатива и номинатива в зависимой предикации следующим образом:

Винительный падеж субъекта применяется в причастных и деепричастных оборотах в том случае, когда указывается реально действующее лицо, выраженное местоимением или именем существительным [Санжеев 1983: 123].

¹⁴ См. далее в разделе 3.5 обсуждение проблемы номинатива и немаркированного прямого дополнения.

Несколько более подробно данные конструкции рассматриваются в работе [Пюрбеев 1977], где приводится ряд ограничений на оформление субъекта аккузативом. Во-первых, аккузативный субъект появляется «главным образом при непереходных глаголах» [Пюрбеев 1977: 163]. Во-вторых, существует ряд ограничений, связанных с формой зависимого предиката и наличием посессивных показателей. А именно, согласно Г. Ц. Пюрбееву, субъект может оформляться аккузативом при 1) причастии прошедшего времени на *-sən*, оформленном аккузативом, 2) причастии будущего времени на *-xə* с дативом, 3) деепричастиях на *-tl* (предельное) и *-xla* (условное) с посессивным показателем и 4) причастиях с послелогами [Пюрбеев 1977: 202–205]. Как указывает Г. Ц. Пюрбеев, в первых двух контекстах и в четвертом контексте субъект также может выступать в номинативе. Однако по данным сел. Тугтун и Ергенинский, возможность аккузативного оформления не ограничивается перечисленными контекстами. В частности, нами зафиксированы примеры с аккузативным субъектом при причастии на *-xə* в аккузативе (4), хабитуальном причастии на *-dəg* (43a), причастии на *-sən* в комитативе и соединительном деепричастии на *-ǰə*. Кроме того, аккузативный субъект регулярно возникает в зависимой предикации с комплементарными *giǰə* и *giǰüd* (2) (такие примеры также приводятся в [Очиров 1964: 216]). Ограничение на переходность зависимого предиката при аккузативном субъекте также не подтверждается нашими данными; релевантным оказалось наличие прямого дополнения с аккузативом в зависимой клаузе, а не собственно переходность, см. раздел 2.2.5.

Как представляется, выбор между аккузативом и номинативом сравнительно мало зависит от оформления зависимой предикации (т. е. от причастия, падежа/послелога на причастии, комплементаризера и т. д.). В большей степени оказываются релевантными факторы, которые обсуждаются ниже.

3.2. Одушевленность аккузативной ИГ

В примерах, полученных при переводе русских предложений на калмыцкий, прослеживается релевантность фактора одушевленности при оформлении субъекта зависимой предикации. А именно, одушевленные ИГ чаще оформляются аккузативом, для неодушевленных чаще выбирается номинатив:

(42a) [*Badma-gə ir-s-i-n^j*] *med-sən*
 Бадма-ACC приходит-PC.PST-ACC-P.3 знать-PC.PST
uga-v
 NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что Бадма приехал’.

(43a) *čini maši-n iimə säänär*
 твой автомобиль-EXT такой хорошо
güü-dg-i-n^j <...>
 бежать-PC.HAB-ACC-P.3
 {Я не знал,} ‘что у тебя машина так хорошо ездит
 (букв.: ‘бегает’)’.

Местоимения чаще всего оформляются аккузативом; носители иногда¹⁵ запрещают в таких случаях вариант в номинативе:

(44) *čamagə / *^{OK}či ir-s-i-n^j* <...>
 ты.ACC ты.NOM приходит-PC.PST-ACC-P.3
 {Я не знал,} ‘что ты приехал’.

Для имен собственных, обозначающих людей, также чаще выбирается аккузатив (42a); однако вариант с номинативом (42б) обычно признается грамматичным.

(42б) *Badmə ir-s-i-n^j* <...>
 Бадма приходит-PC.PST-ACC-P.3
 {Я не знал,} ‘что Бадма приехал’.

При нарицательных именах, обозначающих людей, оба варианта являются равновозможными:

(45) *bi čini kövü-gə / kövü-n vazad-in*
 я.NOM ты.GEN сын-ACC сын-EXT заграница-GEN
orə-n-də sur-ča-x-i-n^j <...>
 страна-EXT-DAT учиться-PROG-PC.FUT-ACC-P.3
 {Я не знал,} ‘что твой сын за границей учится’.

Обозначения животных и неодушевленные имена чаще не оформляются, однако аккузатив при них обычно признается грамматичным:

¹⁵ В зависимости от линейной позиции субъекта, а также препозиции/постпозиции зависимой предикации по отношению к главной, см. раздел 2.3.1 выше.

- (43б) *čini maši-gə iimə säänär*
 ты.GEN автомобиль-ACC такой хорошо
güü-dg-i-nⁱ <...>
 бежать-РС.НАВ-ACC-Р.3
 {Я не знал,} ‘что у тебя машина так хорошо ездит (букв.: ‘бегаёт’)’.

Таким образом, релевантным фактором для выбора оформления является не собственно одушевленность, а иерархия одушевленности, сформулированная в работе [Silverstein 1976]:

местоимения > имена собственные > нарицательные обозначения людей > животных > предметов

Важно уточнить, что носители обнаруживают значительное варьирование по вероятности выбора аккузатива/номинатива в каждом пункте шкалы (а также по степени допустимости аккузатива/номинатива на крайних точках шкалы). Интересно, однако, что все носители четко следуют приведенной иерархии: если носитель запрещает номинатив в примере с именем собственным, он также запрещает его с местоимением и т. п.

Итак, можно видеть, что данный параметр оказывает влияние на выбор оформления субъекта зависимой предикации. Однако возможность выбора между аккузативом и номинативом в большинстве точек шкалы, по-видимому, говорит о том, что одушевленность — не единственный релевантный фактор. Ниже будет сделана попытка определить другие факторы, важные для выбора оформления.

3.3. Референциальный статус аккузативной ИГ

В некоторой степени на выбор оформления влияет референциальный статус субъекта зависимой предикации. А именно, определенные ИГ могут выступать в аккузативе или в номинативе. Неопределенные ИГ не могут оформляться аккузативом, ср.:

- (46) [*madən-də šin bagšə / *bagš-igə*
 мы-DAT новый учитель учитель-ACC
ir-žə gi-väd] bi
 приходить-CV.IPFV говорить-CV.ANT я.NOM
soŋs-la-v
 слушать-REM-1SG
 ‘Я слышал, что к нам приехал новый учитель’.

Что касается нереферентных ИГ (например, с родовым статусом), носители чаще всего выбирают для них номинатив:

- (47) [ükər-müid / ^{OK}ükər-müid-igə buurəlda
 корова-PL корова-PL-ACC полынь
 id-dg-i-n^l] bi med-sən uga-v
 есть-PC.НАВ-ACC-P.3 я.NOM знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что коровы едят полынь’.

Аккузативное оформление в принципе возможно, однако допускается не всеми носителями. Даже носители, которые допускают аккузатив, чаще всего не порождают такие примеры самостоятельно, а лишь соглашаются на предложенный вариант.

То есть нереферентные родовые ИГ ведут себя в плане выбора оформления так же, как неопределенные ИГ, и значительно реже — как определенные. Это хорошо согласуется с типологическими данными Т. Гивона: исследователь показывает, что родовые ИГ по своему морфосинтаксическому поведению могут демонстрировать отчасти свойства определенных, отчасти свойства неопределенных ИГ [Givón 1990: 407].

Приведенные факты — причина того, что мы не использовали тест на связывание кванторов, предложенный [Postal 1974] для анализа конструкций с подъемом. Дело в том, что в ряде исследований по подъему в языках мира анализируется способность поднятой ИГ с квантором иметь широкую сферу действия над матричным предикатом. Широкая сфера действия обычно предполагает неопределенный (или нереферентный) референциальный статус. Соответственно, в таких случаях в калмыцком языке используется номинатив. Аккузативный субъект обычно является определенным, следовательно, может иметь только широкую сферу действия.

3.4. Конструкции с аккузативным субъектом и коммуникативная организация высказывания

Более важным фактором, чем референциальный статус субъекта, оказывается коммуникативная организация высказывания. Рассмотрим следующие примеры:

- (48) [*Badma-gə terzə xamxəl-s-i-nʰ*] *bi*
 Бадма-ACC окно ломать-PC.PST-ACC-P.3 я.NOM
soŋs-la-v
 слушать-REM-1SG

{Мама Бадмы приходит в школу, и учительница начинает на него жаловаться. Женщина отвечает:} ‘Я слышала, что Бадма окно разбил’. {Муж на неделе зайдет, вставит стекло}.

- (49) [*ter terz-igə Baatər xamxəl-s-i-nʰ*]
 тот окно-ACC Батыр ломать-PC.PST-ACC-P.3
bi med-žä-nä-v
 я.NOM знать-PROG-PRS-1SG

{Та же ситуация, что в (48). Женщина отвечает: Вы ругаете Бадму за то, что он окно разбил.} ‘А я точно знаю, что это **Батыр** разбил окно’. {Бадма в тот день вообще дома сидел}.

В ситуации, описанной в (48), участник, обозначаемый аккузативной ИГ, является топиком, так как о нем идет речь во всем предшествующем контексте. В таких примерах носители выбирают аккузативное оформление. В (49) же, наоборот, субъект зависимой предикации находится в фокусе, и выбирается номинатив.

Это объясняет влияние референциального статуса субъекта на его оформление: неопределенные ИГ не могут выступать в тематическом компоненте высказывания и быть топиком и, следовательно, всегда выступают в номинативе. Родовые ИГ в принципе допустимы в контексте топика; следовательно, они могут маркироваться аккузативом. Что касается определенных ИГ, то они допускают оба употребления и обе стратегии оформления, ср. (48) и (49).

Влияние коммуникативного членения высказывания на выбор между аккузативом и номинативом можно проиллюстрировать также на основе следующих контекстов:

- фокус контраста

Субъект в фокусе контраста оформляется номинативом; аккузатив в таких контекстах является неграмматичным:

- (50a) [*Badəm bišə Baatər ir-s-i-nʰ*]
 Бадма NEG.PRS Батыр приходит-PC.PST-ACC-P.3
med-nä-v
 знать-PRS-1SG

‘Я знаю, что приехал не Бадма, а Батыр’.

(50б) *[*Badm-igə bišə Baatr-igə ir-s-i-nʲ*]
 Бадма-ACC NEG.PRS Батыр-ACC приходить-PC.PST-ACC-P.3
med-nä-v
 знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что приехал не Бадма, а Батыр’.

- фокус вопроса

В контексте фокуса вопроса также предпочтителен номинатив, ср.:

(51) [*ken / ??ken-igə ir-lä gi-βäd*]
 кто кто-ACC приходить-REM говорить-CV.ANT
či soŋs-l-čʰ?
 ты.NOM слушать-REM-2SG
 {Переспрос:} ‘Ты слышал, что **кто** приехал?’

- контрастивный топик

Если имеются две зависимые предикации с контрастивным топиком, обычно выбирается следующая стратегия: либо субъект первой предикации выступает в номинативе, а второй — в аккузативе (52), либо наоборот: первый в аккузативе, а второй в номинативе (53), ср.:

(52) [*Baatər ir-s-i-nʲ bi*]
 Батыр приходить-PC.PST-ACC-P.3 я.NOM
soŋs-la-v [Badm-igə —] soŋs-sən
 слушать-REM-1SG Бадма-ACC слушать-PC.PST
uga-v
 NEG.COP-1SG
 ‘Что **Батыр** приехал, я слышал, а что **Бадма** приехал, не слышал’.

(53) [*tanaks-igə ir-s-i-nʲ bi*]
 ваши-ACC приходить-PC.PST-ACC-P.3 я.NOM
med-nä-v [Badəm ir-s-i-nʲ]
 знать-PRS-1SG Бадма приходить-PC.PST-ACC-P.3
med-sən uga-v
 знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Что **ваши** приехали, я знал, а что **Бадма** приехал, не знал’.

Интересно, что в данном случае калмыцкий язык различным образом маркирует топикальные ИГ и контрастивный топик; при этом одна из ИГ, очевидно, осмысливается как «более топикальная». Согласно [Коношенко, настоящий сборник], аналогичным

образом маркируется прямое дополнение в контексте контрастивного топика.

Далее, релевантность коммуникативного членения для выбора между аккузативным и номинативным оформлением подтверждается следующими соображениями:

- порядок главной и зависимой предикации — если зависимая предикация предшествует главной, чаще выбирается аккузатив:

(54a) [*čamagə ir-sən gi-ʋäd*] *bi*
 ты.АСС приходить-РС.РСТ говорить-СВ.АНТ я.НОМ
soŋs-u-v
 слушать-РСТ-1SG
 ‘Я слышал, что ты приехал’.

Примеры, где зависимая предикация находится в постпозиции к главной, а субъект оформлен аккузативом, более сомнительны:

(54б) [?]*bi soŋs-u-v* [*čamagə ir-sən*]
 я.НОМ слушать-РСТ-1SG ты.АСС приходить-РС.РСТ
gi-ʋäd
 говорить-СВ.АНТ
 ‘Я слышал, что ты приехал’.

Можно объяснить данное наблюдение, опираясь на коммуникативные свойства аккузативного субъекта: поскольку данная ИГ является топиком, она более предпочтительна в абсолютном начале высказывания (однако это не жесткий запрет — см. раздел 2.3.1).

- наличие двух ИГ в аккузативе при сочиненных зависимых предикациях; аналогично (52) и (53), если сочиняются две зависимые предикации, носители избегают маркировать обе субъектные ИГ аккузативом, ср.:

(55) [*Baatər ger mal bol-ad sal-ad*]
 Батыр дом скот стать-СВ.АНТ отделяться-СВ.АНТ
ʋar-xla], [*Ajsa balʋsə or-ad*]
 выходит-СВ.СУСС Айса город входит-СВ.АНТ

<i>kar-xla]</i>	<i>mana</i>	<i>örkə</i>	<i>bülə</i>
выходить-CV.SUCC	мы.GEN	семейство	семья
<i>söök-r-žə</i>	<i>odə-v</i>		
уменьшаться-CV.IPFV	уходить-PST		

‘Когда Батыр женился, а Айса в город уехала, нас совсем мало осталось’.

В зависимости от других факторов (в частности, одушевленности и др.) носители могут использовать в таких случаях два номинатива (55) или номинатив и аккузатив. По-видимому, при употреблении двух ИГ в аккузативе обе они являются отдельными самостоятельными топиками, что невозможно.

Если сочиняются две ИГ в позиции субъекта, ситуации с двумя словоформами в аккузативе не возникает, так как при сочинении ИГ используется конструкция с лексемой *xojr* ‘два’. При этом сочиненные ИГ выступают в номинативе, а аккузативом маркируется *xojr*, ср.:

- (56) *Badma Baatər xojr-ig ir-s-i-nⁱ* <...>
 Бадма Батыр два-ACC приходить-PC.PST-ACC-P.3
 ‘что Бадма и Батыр приехали’

Таким образом, не зафиксировано случаев, когда в СА возникают два аккузативных субъекта. Как представляется, это следует из топикальных свойств аккузативного субъекта и, соответственно, запрета на две ИГ, претендующих на роль топика всего предложения.

Итак, можно заключить, что субъект вложенной предикации может быть оформлен аккузативом, только если он является топиком высказывания. Если субъект зависимой предикации или вся зависимая предикация находится в фокусе, выбирается номинативное оформление.

3.5. Выводы

В языках мира выбор конструкции с подъемом или без подъема может регулироваться такими факторами, как семантика зависимой предикации, семантика матричного предиката, одушевленность, референциальные свойства «поднятой» ИГ и коммуникативная организация высказывания. В калмыцком языке, по-видимому, значимыми для выбора конструкции

с аккузативным субъектом являются только последние три фактора. Точнее, отмечены следующие закономерности:

1. Выбор конструкции зависит от положения субъекта СА в иерархии одушевленности, сформулированной в работе [Silverstein 1976]:

местоимения > имена собственные > нарицательные обозначения людей > животных > предметов

Вероятность выбора аккузатива повышается по мере приближения к левому краю шкалы.

2. Субъект СА маркируется аккузативом, если он является топиком всего предложения. В противном случае выбирается конструкция с номинативом.

Ведущими факторами, таким образом, являются одушевленность и коммуникативное членение высказывания. Референциальный статус оказывается релевантным лишь постольку, поскольку он определяется коммуникативным фактором. В частности, неопределенные ИГ не могут быть топиком и, следовательно, выступают в номинативе; определенные и неререферентные ИГ могут выступать в обоих типах конструкций.

В связи с особыми функциональными свойствами аккузатива в зависимой предикации возникает вопрос о его семантике в других конструкциях. По данным грамматических описаний, аккузатив с показателем *-igə* в калмыцком языке употребляется в следующих случаях: оформление имени (или предикации) в позиции прямого дополнения и маркирование субъекта зависимой предикации [Санжеев 1983: 122–123]. В позиции прямого дополнения наблюдается явление так называемого дифференцированного маркирования, подробно рассматриваемое в [Коношенко, настоящий сборник]: прямое дополнение может маркироваться показателем аккузатива или употребляться без показателя. Распределение данных двух вариантов подчиняется тем же факторам, что и распределение номинатива и аккузатива субъекта в зависимой предикации. На первый взгляд, возникает идея о едином характере данных явлений. Однако следующие факты противоречат данной гипотезе. Неоформленное прямое дополнение морфологически отлично от формы номинатива у имен с основой на «неустойчивый» *-n*. Такие имена в номинативе

сохраняют конечный *-n* основы, в позиции прямого дополнения *-n* отпадает (например, *kövü-n* ‘сын-EXT’, *kövü-gə* ‘сын-ACC’, *kövü* ‘сын’). Субъект зависимой предикации, наоборот, выступает именно в номинативе на *-n*; неоформленное имя в данной позиции отвергается носителями, ср.:

- (57) *bi* [*čini* *kövü-gə* / *kövü-n* / **kövü*
 я.NOM ты.GEN сын-ACC сын-EXT сын
vazad-in *orə-n-də*
 заграница-GEN страна-EXT-DAT
sur-ča-x-i-n¹ *med-sən* *uga-v*
 учиться-PROG-PC.FUT-ACC-P.3 знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что твой сын за границей учится’.

Следовательно, субъект зависимой предикации оформляется именно номинативом¹⁶. Несомненно, однако, сходство факторов, регулирующих выбор между аккузативом и неоформленным прямым дополнением, с одной стороны, и выбор между аккузативом и номинативом субъекта СА, с другой стороны. В обоих случаях релевантными оказываются факторы одушевленности, референциального статуса и коммуникативного членения высказывания. Как представляется, это объясняется свойствами аккузатива в калмыцком языке. Отметим, однако, что перечисленные факторы имеют различный вес для прямого дополнения и для субъекта СА. Как показано выше, референциальные свойства субъекта влияют на выбор оформления лишь постольку, поскольку они определяют коммуникативное членение высказывания, в то время как для прямого дополнения референциальный статус является более важным фактором, чем коммуникативное членение, см. [Коношенко, настоящий сборник].

¹⁶ В описании синтаксиса калмыцкого языка [Пюрбеев 1977: 203] говорится о том, что субъект может быть выражен не только формой в номинативе, но и неоформленным именем; заметим, однако, что примеры, которые в этой связи приводит автор, содержат номинатив (для слов с основой на неустойчивый *-n*).

4. Обобщение и выводы

Суммируем все обсуждавшиеся выше синтаксические и семантические свойства конструкций с аккузативным субъектом в калмыцком языке. В разделе (2) было показано, что аккузатив приписывается в зависимой клаузе, и аккузативный субъект принадлежит той же составляющей, что и зависимый предикат. При этом, однако, аккузативный субъект занимает некоторую более «внешнюю» позицию по отношению к остальной части зависимой предикации, так как может становиться мишенью процессов, которые контролируются из главной клаузы (замена на рефлексив, реципрок) и передвигаться в пределах главной клаузы. Вопрос о том, какая именно «внешняя» позиция имеется в виду, в разделе 2 не получил ответа.

Как представляется, ответ на данный вопрос определяется функциональными свойствами аккузативного субъекта. Речь идет о специальной топикальной позиции. В результате анализа ряда диагностических контекстов в разделе 3 было показано, что субъект оформляется аккузативом, если является топиком всего предложения. В противном случае выбирается номинативное оформление.

В генеративной грамматике выделяется специальная позиция «левой периферии», на которой находятся топикальные и фокусные элементы предложения [Rizzi 1997].

Мы предполагаем, что аккузативный субъект занимает позицию на левой периферии зависимой предикации (точнее, в TopP, т. е. в топикальной группе). Данный анализ был предложен в работе [Potsdam, Polinsky 1999] для прозрачного согласования в цезском языке. В цезском языке абсолютный аргумент во вложенной предикации может контролировать согласование главного предиката:

- (58) *nesi-r* [*xan* *q'warid* *Ø-oq-no*
он-DAT король.1.ABS грустный 1¹⁷-статья-GERUND
Ø-āki-ru-λi] *Ø-iy-xo*
1-идти-PC.PST-NMLZ 1-знать-PST.EVD
'Он знает, что король уехал грустным' [Polinsky 2000: 78].

¹⁷ Показатель первого согласовательного класса.

В данном примере абсолютивная ИГ *xan* ‘король’ контролирует согласование глагола ‘знать’, приписывая ему нулевой показатель мужского класса (при локальном согласовании ожидалось бы, что ‘знать’ будет согласовано по причастию, т. е. по четвертому классу). Такие конструкции характеризуют в терминах прозрачного (или дистантного) согласования.

При этом, как показывают М. Полинская и Э. Потсдам, синтаксически данная ИГ занимает позицию во вложенной предикации. С точки зрения функциональных свойств данной конструкции, прозрачное согласование отражает топиальность абсолютивной ИГ.

Как представляется, прозрачное согласование в цезском и конструкции с аккузативным субъектом в калмыцком — частные случаи одного и того же явления, а именно, подъема ИГ из зависимой предикации на левую периферию¹⁸. В цезском языке это формально отражается на классном согласовании, в калмыцком языке — на падежном оформлении субъекта СА. Позиция на левой периферии зависимой предикации позволяет аккузативному субъекту быть мишенью некоторых процессов в главной предикации (замена на рефлексив, реципрок), а также линейно передвигаться в ее пределах. Кроме того, аккузативный субъект, занимающий позицию на левой периферии зависимой предикации, очевидно, лишает зависимый предикат некоторых свойств прямого дополнения, а именно, способности становиться подлежащим при пассивизации главного предиката (см. раздел 2.2.1). При этом, однако, составляющая ‘аккузативный субъект + зависимая предикация’ в полной мере сохраняет свойства единой фразовой составляющей, в частности, может целиком заменяться на анафору, выступать в качестве отдельного высказывания при ответе на вопрос и т.д. (см. раздел 2.3).

Итак, в работе рассматривались синтаксические и семантические свойства конструкций с аккузативным субъектом в калмыцком языке — конструкций, проявляющих некоторые свойства подъема в позицию прямого дополнения. Своеобразие калмыцких конструкций заключается в том, что они не представляют собой

¹⁸ Представляется, что такая трактовка возможна для аналогичных тувинских конструкций, см. [Serdobolskaya 2006].

именно подъем в позицию прямого дополнения матричного предиката. Однако аккумулятивная ИГ занимает некоторую позицию в главной предикации — а именно, специальную топиальную позицию, в которой она получает аккумулятив. В настоящей работе предлагается трактовка, аналогичная анализу прозрачного согласования в цезском языке, предложенному в [Potsdam, Polinsky 1999]: аккумулятивная ИГ занимает позицию на левой периферии зависимой предикации.

Литература

- Арутюнова Н. Д. 1988. *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*. М.: Наука.
- Илишкин И. К. (ред.). 1964. *Русско-калмыцкий словарь*. М.: Советская энциклопедия.
- Казенин К. И., Тестелец Я. Г. 1999. Структура составляющих // Кибрик А. Е. (ред.). *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: Наследие. С. 314–347.
- Князев М. Ю. Сентенциальные дополнения в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Коношенко М. Б. Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Котвич В. Л. 1929. *Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка*. Прага: Издание калмыцкой комиссии культурных работников.
- Очиров У. У. 1964. *Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис*. Элиста: Калмгосиздат.
- Пюрбеев Г. Ц. 1977. *Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Сай С. С. Грамматический очерк калмыцкого языка. Настоящий сборник.
- Санжеев Г. Д. (ред.). 1983. *Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Санжеев Г. Д. 1960. *Современный монгольский язык*. М.: Издательство восточной литературы.
- Сердобольская Н. В. 2005. *Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации*. Диссертация ... канд. филол. наук. М.
- Сердобольская Н. В. 2008. Номинатив в номинализации: субъект зависимой предикации или именное зависимое // Плунгян В. А., Татевосов С. Г. (ред.). *Исследования по глагольной деривации*. М.: Языки славянских культур. С. 314–348.
- Тестелец Я. Г. 2001. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ.

- Davies W. D., Dubinsky S. 2004. *The Grammar of Raising and Control*. London: Blackwell.
- Givón T. 1990. *Syntax: a functional typological introduction*. Amsterdam.
- Keenan E. L. 1976. Towards a Universal Definition of 'Subject' // Li Ch. (ed.). *Subject and Topic*. New York: Academic Press. P. 303–333.
- Kuno S. 1976. Subject Raising // Shibatani M. (ed.). *Syntax and Semantics, 5: Japanese Generative Grammar*. New York: Academic Press. P. 17–49.
- Langacker R. W. 1995. Raising and Transparency // *Language*, 71. No. 1. P. 1–62.
- Lasnik H., Saito M. 1991. On the Subject of Infinitives // *Chicago Linguistic Society*, 27. P. 324–343.
- Lefebvre C., Muysken P. 1988. *Mixed categories. Nominalizations in Quechua*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Newman J. 1981. *The Semantics of Raising Constructions*. PhD dissertation. University of San-Diego.
- Ohta K. 1997. Tense in the Subject Raising Construction // *Japanese / Korean Linguistics*, 6. CSLI Publications. P. 353–369.
- Perlmutter D. M., Postal P. M. 1983. Some Proposed Laws of Basic Clause Structure // Perlmutter D. M. (ed.). *Studies in Relational Grammar*, 1. Chicago; London: University of Chicago Press. P. 81–128.
- Polinsky M. 2000. Variation in Complementation Constructions: Long-Distance Agreement in Tsez // Horie K. (ed.). *Complementation*. Amsterdam: John Benjamins. P. 59–90.
- Postal P. M. 1974. *On Raising*. Cambridge; London: Massachusetts Institute of Technology Press.
- Potsdam E., Polinsky M. 1999. Long-Distance Agreement in Tsez // Bird S., Carnie A., Haugen J. D., Norquest P. (eds.). *Proceedings of the 18th West Coast Conference on Formal Linguistics*. Tuscon: University of Arizona. P. 434–447.
- Rizzi L. 1997. The Fine Structure of the Left Periphery // Haegeman L. (ed.). *Elements of Grammar: Handbook of Generative Syntax*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. P. 281–337.
- Serdobolskaya N. 2006. Against Subject-to-Object Raising Analysis of Tuvian nominalizations // *Proceedings of the Third Workshop on Altaic in Formal Linguistics (WAFLL-3)*. Moscow: Moscow State University. P. 74–76.
- Serdobolskaya N. 2009. Towards the typology of raising: a functional approach // Arkhipov A., Epps P. (eds.). *New Challenges in Typology*, 2. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. P. 269–295.
- Silverstein M. 1976. Hierarchy of Features and Ergativity // Dixon R. M. W. (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies Publications (Linguistic series, 22). P. 112–171.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА¹

1. Введение

Этот очерк калмыцкой грамматики мыслится не как исследовательская статья, а как вспомогательный текст, который может помочь читателям настоящего сборника лучше ориентироваться в материале, представленном в собственно исследовательских статьях, а также в публикуемых здесь текстах на калмыцком языке. Из этого общего положения имеется несколько частных следствий.

1) Настоящий очерк во многом опирается на результаты работы, которая велась на протяжении трех лет **коллективно**. Я выражаю глубокую признательность всем тем лингвистам, которые принимали участие в наших экспедициях, в частности, но не только, авторам представленных здесь статей — без них этот очерк просто не мог бы быть написан. Разумеется, ответственность за все возможные ошибки и неточности лежит целиком на совести автора очерка.

2) Данные, полученные в ходе полевого исследования калмыцкого языка в 2006–2008 годах в зоне распространения дюрвюдского диалекта, лишь в редких случаях входили в противоречие с теми сведениями, которые представлены в существующих описаниях калмыцкого языка [Пюрбеев 1997; Очиров 1964; Санжеев 1983; Bläsing 2003 и другие], преимущественно ориентированных на литературный язык. Как следствие, в настоящем очерке я опираюсь не только на **экспедиционные материалы**, но

¹ Материал собран в экспедициях 2006–2007 годов в поселок Ергенинский и 2008 года в поселок Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий». Я хотел бы поблагодарить В. В. Баранову, С. А. Оскольскую, А. Ю. Русакова и М. А. Холодилу за многочисленные ценные комментарии, высказанные ими по поводу первой версии этой статьи и учтенные мной в процессе редактирования.

и на работы **многочисленных предшественников**, лишь в очень малой степени претендуя на новизну излагаемого. Более того, поскольку настоящий текст носит вспомогательный характер, здесь сведены к минимуму отсылки к существующим работам по калмыцкому языку, даже в тех случаях, когда представленные в них факты воспроизводятся без содержательного изменения.

3) В настоящем очерке описываются лишь те факты, которые необходимы для понимания других представленных в сборнике материалов. Так, например, многие грамматические показатели, описываемые в существующих грамматиках, но **не представленные в собранных материалах, не анализируются**.

4) При описании различных показателей калмыцкого языка я следую **терминологическим конвенциям, выработанным коллективно в рамках нашего проекта** по изучению калмыцкого языка. Формат представления калмыцких данных, принятый в наших экспедициях, описывается в открывающем сборник тексте [От составителей, настоящий сборник]; список представленных в наших материалах грамматических показателей, их условные обозначения, использовавшиеся в строке поморфемного анализа («глоссах»), принятые в сборнике грамматические ярлыки, а также некоторые традиционные для калмыковедения названия соответствующих категорий можно найти в «Списке грамматических показателей».

5) Проблемы, ставшие предметом подробного анализа в представленных в сборнике статьях (прежде всего, это вопросы грамматической семантики и синтаксиса), здесь подробно не обсуждаются, и в соответствующих местах очерка даются лишь отсылки к этим статьям. Основное внимание в данном очерке уделяется фонетике (раздел 2), морфонологии (раздел 3) и базовым фактам именной (раздел 4) и глагольной (раздел 5) морфологии, при этом несколько подробнее описываются закономерности, не ставшие предметом анализа в исследовательских статьях. В разделе 6 представлены сведения о некоторых (в частности, плохо поддающихся классификации) служебных элементах, регулярно встречающихся в представленных в сборнике материалах. Информация о синтаксисе и грамматической семантике дается преимущественно в виде комментариев к характеристике употребления различных показателей и морфологи-

ческих форм; исключение в этом смысле представляет короткий раздел, посвященный порядку слов в калмыцком языке, который помещен в конце этого очерка (раздел 7).

2. Фонетика

2.1. Гласные

В калмыцком языке представлено 17 гласных фонем: 8 кратких, 8 долгих и «неясный» гласный «шва» (*/ə/*). Систему гласных фонем можно (несколько условно, см. ниже) представить в виде следующей Таблицы:

Таблица 1. Система гласных фонем

		передний ряд		задний ряд	
		огубленность:		огубленность:	
		нет	есть	нет	есть
краткие	верхний подъем	<i>i</i>	<i>ï</i>		<i>u</i>
	средний подъем	<i>e</i>	<i>ö</i>		<i>o</i>
	нижний подъем	<i>ä</i>		<i>a</i>	
долгие	верхний подъем	<i>ii</i>	<i>iii</i>		<i>uu</i>
	средний подъем	<i>ee</i>	<i>öö</i>		<i>oo</i>
	нижний подъем	<i>ää</i>		<i>aa</i>	
«неясные»		<i>ə</i>			

В калмыцком языке имеются существенные ограничения на встречаемость гласных фонем в различных позициях в рамках словоформ. Так, неясный гласный «шва» (*ə*) не может встречаться в первом слоге (и, тем самым, не может быть единственным гласным в слове), долгие же гласные, напротив, встречаются **только** в первом слоге². Также только в первом слоге встречаются гласные *lel, löl, lol* и, как следует из уже сказанного, их долгие

² Такое распределение имеет историческое объяснение: в непервых слогах исторически долгие гласные редуцировались в краткие, а исторические краткие — в «шва». Таким образом, противопоставление по долготе оказалось нейтрализовано в непервых слогах. По этим причинам в некоторых описаниях калмыцкой фонологии, ориентированных на исторический принцип, говорится о том, что в непервых слогах представлены, наряду со «шва», только долгие гласные; однако такой взгляд не соответствует фонетической реальности современного калмыцкого языка.

корреляты³. Таким образом, количество возможных гласных фонем (а следовательно, и фонологических противопоставлений) в непервых слогах невелико: это гласные /i/, /a/, /u/, /ä/, /ü/, /ə/.

Отдельной проблемой калмыцкой фонологии является фонологический статус гласного «шва» (см. об этом [Выдрина 2006]). В целом не вызывает сомнений тот факт, что «шва» представляет собой отдельную фонему (существуют минимальные пары типа *erəg* ‘берег’ и *ergə* ‘кружись’). Однако этот гласный обладает нестандартными свойствами. Например, это единственный гласный, который никогда не реализуется, оказываясь рядом с другим гласным в позиции внутреннего сандхи (на стыке морфем). Более того, этот гласный «чувствителен» и к позиции внешнего сандхи: в случае, если он ожидаем в исходе какого-то слова, но за этим словом следует другое слово, начинающееся с гласного и входящее с первым в тесное смысловое и интонационное единство, «шва» обычно не произносится (ср. *gerə/ger* ‘дом’, но почти исключительно *ger av-* ‘жениться’, букв.: ‘взять дом’). Реализация «шва» в многосложных словах подвержена как некоторым правилам, так и значительной вариативности и зависит от темпа речи, идиолекта и т. д. По всей видимости, общую закономерность можно сформулировать следующим образом: гласный «шва» **может** реализовываться при определенных условиях в тех позициях, где он фонологически присутствует, но **не может** реализовываться в тех позициях, где он фонологически не представлен. В записях наших материалов мы стремились отражать его только в тех случаях, когда он действительно произносился носителями языка.

2.2. Согласные

Система согласных фонем в изучавшемся варианте калмыцкого языка может быть представлена в виде Таблицы 2 на следующей странице.

³ Впрочем, эта последняя закономерность знает исключения. Во-первых, она нарушается в некоторых русских заимствованиях (*telefon* ‘телефон’), во-вторых, гласный /ə/ входит в состав отрицательной связки, в случае если последняя реализуется не в виде отдельного слова, а в виде аффикса *-go*.

Таблица 2. Система согласных фонем

			губные	зубные	переднеязычные	среднеязычные	заднеязычные	увулярные
шумные	взрывные	глухие	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>tʲ</i>		<i>k</i>	
		звонкие	<i>b</i>	<i>d</i>	<i>dʲ</i>		<i>g</i>	<i>ʁ</i>
	щелевые	глухие	(<i>f</i>)	<i>s</i>	<i>ʃ</i>			<i>x</i>
		звонкие	<i>v</i>	<i>z</i>	(<i>ʒ</i>)			
	аффрикаты	глухие		<i>c</i>	<i>č</i>			
		звонкие			<i>č̣</i>			
сонанты	носовые		<i>m</i>	<i>n</i>	<i>nʲ</i>		<i>ŋ</i>	
	боковые			<i>l</i>	<i>lʲ</i>			
	дрожащие			<i>r</i>	(<i>rʲ</i>)			
	скользящие					<i>j</i>		

В скобках обозначены фонемы, которые встречаются только в русских заимствованиях (*/fʃ/*, */ʒʲ/*, */rʲ/*). При этом фонема */rʲ/*, по всей видимости, соответствует исконной калмыцкой фонеме (и упоминается в ряде описаний калмыцкого литературного языка [Bläsing 2003: 231]), однако в собранных нами материалах она встречается исключительно в русских заимствованиях: *gorʲuč* 'горючее', *dekabrʲ* 'декабрь'. Также в описаниях иногда упоминается возможность появления в русских заимствованиях фонемы, соответствующей русскому */uʃ/*, однако в собранных нами материалах она не представлена.

В некоторых случаях расположение фонем в клетках Таблицы 2 носит условный или предположительный характер; прежде всего, это касается фонем, представленных в столбцах «зубные», «переднеязычные» и «среднеязычные». Во-первых, в этих обозначениях совмещены два артикуляционных признака (активный и пассивный орган, участвующий в артикуляции). Во-вторых, при представлении системы фонем мы решили уйти от решения вопроса о признаке, противопоставляющем фонемы */t/*, */d/*, */n/*, */l/*,

/r/ и */rʲ/*, */dʲ/*, */nʲ/*, */lʲ/* соответственно⁴. В рамках экспедиций специально вопрос об этом признаке не изучался; мы предполагаем, что противопоставление фонем из этих двух групп близко к противопоставлению русских твердых и мягких (палатализованных) фонем; таким образом, здесь и далее фонемы */tʲ/*, */dʲ/*, */nʲ/*, */lʲ/* и */rʲ/* условно обозначаются как «мягкие» переднеязычные. Решение, во многом близкое к отраженному в Таблице 2, представлено и в [Пюрбеев 1997]. Здесь все фонемы, отнесенные нами к числу зубных и переднеязычных, помещены в класс «переднеязычных»⁵, при этом вопрос о противопоставлении фонем внутри этой группы не решается (впрочем, при этом упоминается существование «мягких» коррелятов */t/*, */d/*, */n/*, и */l/*). Однако в калмыковедении представлены и другие точки зрения на классификацию этих фонем. Так, Г. Д. Санжеев относит к среднеязычным не только */j/*, но и */č/*, */ʒ/* и все «мягкие» согласные фонемы [Санжеев 1983: 13]; таким образом, признается, что «мягкие» фонемы отличаются от соответствующих им твердых не по дополнительным артикуляционным признакам, а по месту образования. Остальные же фонемы, представленные у нас как «зубные» и «переднеязычные», Г. Д. Санжеев относит к недифференцированной по признаку пассивного органа группе «переднеязычных».

Некоторых комментариев требуют также фонемы */ʁ/* и */x/*. По всей видимости, первая из них всегда реализуется как увулярная, но в качестве смычной произносится преимущественно в начале слова, в других же позициях, например, между гласными, выступает как сонорный вибрант. Согласный же */x/* всегда сохраняет щелевой характер, однако иногда реализуется как заднеязычный, а не как увулярный.

⁴ Исторически фонемы второй группы возникли из согласных первой группы под воздействием последующего гласного */i/*; историческими причинами объясняется и тот факт, что в исконных калмыцких словах согласные второй группы возможны только в словах, где не происходило выстраивание гласных по переднему ряду вследствие действия сингармонизма, т. е. преимущественно в словах «заднего ряда» (см. ниже раздел 3.2 о сингармонизме).

⁵ Исключение здесь делается для */c/* и */č/*, которые трактуются как «губно-зубные», что сомнительно. Судя по таблице, приводимой в [Пюрбеев 2001: 34], эту точку зрения пересмотрел и сам Г. Ц. Пюрбеев.

Таким образом, в системе калмыцких согласных не вполне ясным остается вопрос о наборе дифференциальных фонологических признаков. При этом сам инвентарь фонем (за исключением вопроса о фонемах, заимствованных из русского языка) в целом не вызывает сомнений.

2.3. Графические соответствия

В этом разделе описываются соответствия между калмыцкой орфографией и системой транслитерации, принятой в настоящем сборнике. В целом современное калмыцкое письмо достаточно систематически следует фонемному принципу. В Таблице 3 на следующей странице приводятся соответствия между буквами калмыцкого алфавита и их базовыми фонемными значениями.

Сведения, представленные в Таблице 3, требуют некоторых комментариев.

1) В калмыцком письме не отражается гласный «шва» (/ə/).

2) Долгие гласные передаются в орфографии удвоением графем, обозначающих соответствующие краткие гласные (тот же принцип, как видно по предыдущему обсуждению, использовался нами при фонематической транскрипции). Стечение двух одинаковых гласных в калмыцком языке невозможно, поэтому неоднозначности (две краткие или одна долгая?) не возникает ни в орфографии, ни в принятой здесь транскрипции.

3) Как и в русском письме, буквы [я], [ю], [е], [ё] используются в калмыцкой орфографии для передачи сочетаний звуков /jal, /jul, /jel, /jol/ соответственно (см. также 4)). При этом буквой [е] обозначается сочетание звуков /jel/ только в начале слова, в других позициях ею передается фонема /e/; для передачи звука /e/ в начале слова (и только в этом случае!) используется буква [э], ср.: [эзн] /ezən/ 'хозяин', [енг] /jeŋgə/ 'ковш', [седкл] /sedkəl/ 'мысль'. Буква [ё] используется только в русских заимствованиях, в исконных калмыцких словах сочетание звуков /jo/ передается на письме как [йо]: [йовх] /jovxə/ 'пойдет'. Перед графемами [я], [ю], [е], [ё] используется «разделительный» твердый знак, если фонеме /j/ предшествует согласный, не являющийся мягким: [авьяс] /avjas/ 'привычка'.

4) В калмыцком языке не существует отдельных букв для палатализованных фонем /tʲ/, /dʲ/, /lʲ/, /nʲ/ и встретившегося нам только в русских заимствованиях /rʲ/ (см. о нем выше).

Таблица 3. Соответствия между буквами калмыцкого алфавита и системой транскрипции фонем, принятой в настоящем сборнике

буква	фонема	комментарий	буква	фонема	комментарий
а	<i>a</i>		ө	<i>ö</i>	
э	<i>ä</i>		п	<i>p</i>	
б	<i>b</i>		р	<i>r</i>	См. 4)
в	<i>v</i>		с	<i>s</i>	
г	<i>g</i>		т	<i>t</i>	См. 4)
h	<i>ɸ</i>		у	<i>u</i>	
д	<i>d</i>	См. 4)	ү	<i>ü</i>	
е	<i>e</i>	См. 3)	ф	<i>f</i>	
ё		См. 3)	х	<i>x</i>	
ж	<i>ž</i>		ц	<i>c</i>	
ж	<i>ǰ</i>		ч	<i>č</i>	
з	<i>z</i>		ш	<i>š</i>	
и	<i>i</i>		щ		
й	<i>j</i>	См. 3)	ь		См. 3)
к	<i>k</i>		ы		См. 4)
л	<i>l</i>	См. 4)	ь		См. 4)
м	<i>m</i>		э	<i>e</i>	См. 3)
н	<i>n</i>	См. 4)	ю		См. 3)
ң	<i>ŋ</i>		я		См. 3)
о	<i>o</i>				

Перед согласными и на конце слова эти согласные передаются на письме сочетанием букв [т], [д], [л], [н], [р] соответственно и мягкого знака: [толь] *tolʲ* 'словарь'. Сочетания этих согласных с гласными *la*, *lu* и *li* передаются на письме сочетаниями [дя], [дю], [ди] и т. д. (ср. [буудя] *buudʲal* 'зерно'). При этом для обозначения гласного *li* после твердых переднеязычных, имеющих мягкую пару, (и только в этом случае!) в калмыцкой орфографии используется буква [ы], ср. [толин] *tolʲin* 'словаря', но [школын] *školin* 'школы'. Думается, что с этой орфографической конвенцией связана высказываемая иногда в калмыковедении идея о существовании в калмыцком языке фонемы /ы/. Однако, как следует из сказанного, звук, соответствующий орфографическому [ы], находится в дополнительной дистрибуции со звуком, соответствующим орфографическому [и], и тем самым речь идет о позиционных аллофонических реализациях одной фонемы.

3. Фонотактика, морфонология и несегментные фонетические закономерности

Цель этого раздела состоит в том, чтобы дать общее представление о различных чередованиях, обусловленных фонотактическими и морфонологическими причинами и приводящих к явлениям алломорфии. Однако сначала имеет смысл отметить несколько общих закономерностей, важных для понимания дальнейшего изложения.

Ударение в калмыцком языке не имеет смысло-различительной функции. Фонетически ударным всегда является последний слог слова⁶. В случае, если ожидаемый в последнем слоге гласный «шва» выпадает из-за сандхиальных явлений, ударение автоматически переходит на предшествующий слог.

В целом калмыцкий язык следует агглютинативной модели построения словоформ, при этом словоформы всегда начинаются с корней (как и в большинстве других алтайских языков, префиксы в калмыцком отсутствуют).

В дальнейшем мы будем исходить из того, что каждая морфема имеет основной алломорф, который может подвергаться изменениям в определенном окружении.

3.1. Тенденция к избеганию зияния гласных

В калмыцком языке (по крайней мере в исконных калмыцких словах) гласные не могут соседствовать друг с другом. При стечении морфемы, заканчивающейся на гласный, и морфемы, начинающейся на гласный, между ними появляется вставной согласный /в/. Для удобства мы трактовали этот согласный как часть морфемы, линейно расположенной справа, ср. (1) и (2):

(1)	а. <i>duud-xə</i> звать-РС.FUT	б. <i>duud-ad</i> звать-CV.ANT
(2)	а. <i>buu-xə</i> спускаться-РС.FUT	б. <i>buu-ʋad</i> спускаться-CV.ANT

⁶ В литературе калмыцкое ударение иногда трактуется как подвижное [Пюрбеев 1997: 76], однако нашими полевыми материалами эта точка зрения не подтверждается.

Исключением из обрисованной закономерности является лишь поведение гласного «шва» (/ə/): при соединении морфемы, способной оканчиваться на этот гласный, и морфемы, начинающейся на гласный, «шва» не реализуется:

- (3) а. *сokə-xə* б. *сok-ad*
ударить-РС.FUT ударить-CV.ANT

Существование морфем, способных оканчиваться на «шва», не вызывает сомнения, хотя реализуется в них «шва» далеко не всегда, ср. (3а) и *сok-na* 'ударить-PRS'; независимых же свидетельств существования морфем, начинающихся на «шва», не существует. Поэтому для случаев реализации «шва» на стыке морфем было принято решение трактовать этот гласный во всех случаях как часть левой морфемы, как в (3а).

3.2. Сингармонизм

Важную роль в калмыцкой морфонологии, как и в морфонологии других монгольских языков, играет явление сингармонизма. В самом общем виде это правило заключается в уподоблении гласных словоформы первому гласному по признаку ряда, ср. форму суффикса «разделительного деепричастия» в (1б), (2б), (3б) и в (4):

- (4) *ke-käd*
делать-CV.ANT

Впрочем, к этому общему правилу следует сделать несколько комментариев.

1) Следует помнить, что в исконных словах гласные /e/, /ö/, /o/ (а также все долгие гласные, см. выше) могут встречаться только в первом слоге. Таким образом, эти гласные могут вызывать сингармонизм (по переднему ряду в первых двух случаях и по заднему ряду — в последнем), но сами никогда не вступают в чередование из-за действия сингармонизма. Можно при этом заметить, что у гласного /e/ в принципе отсутствует заднерядный коррелят. Что же касается /o/, то у него коррелят по признаку ряда существует (/ö/), но в том единственном случае, когда /o/ входит в состав аффикса — речь идет об отрицательной связке *-go* (см. сноску 3), — действию правила сингармонизма он не подвергается:

- (5) *ke-š-go*
делать-PC.FUT-NEG.COP

2) Как можно видеть по Таблице 1, корреляты по ряду отсутствуют также у гласных /i/, /ii/ и «шва» /ə/. При этом их поведение по отношению к правилу сингармонизма различно.

Гласные /i/ и /ii/ вызывают сингармонические чередования в присоединяемых суффиксах, являясь в этом смысле полноценными гласными переднего ряда:

- (6) *nis-äd*
летать-CV.ANT

В то же время суффиксы, содержащие гласный /i/ (как и все долгие гласные, гласный /ii/ в суффиксах использоваться не может, см. выше), могут присоединяться к любым основам, при этом гласный /i/ ни с каким другим гласным не чередуется:

- (7) а. *madn-igə* б. *ek-igə*
мы-ACC мать-ACC

При присоединении суффикса, содержащего гласный /i/, к заднерядным основам происходит «сингармонический перебой»: в последующих слогах гласные выстраиваются по переднему ряду: *avb-in-d-än* (дядя-GEN-DAT-P.REFL) 'у своего дяди'.

Что касается гласного «шва» /ə/, то **фонетически** он подвержен действию сингармонизма (он артикулируется как гласный заднего ряда в заднерядных словоформах и как гласный переднего ряда — в переднерядных). Однако, поскольку этот гласный не встречается в первых слогах, такое изменение характеристик не приводит к появлению фонологического противопоставления: различающиеся по ряду варианты находятся в дополнительной дистрибуции и, следовательно, могут трактоваться как аллофоны одной фонемы (см. Таблицу 1).

3) Правило сингармонизма достаточно часто нарушается в заимствованиях: в заимствованных из русского языка основах могут одновременно использоваться и гласные переднего ряда, и гласные заднего ряда. При этом выстраивание гласных в суффиксах, присоединяемых к таким основам, зависит от качества **последнего** гласного основы:

- (8) а. *diktant-ar* б. *maši-vür*
диктант-INS автомобиль-INS

3.3. Чередования при стечении согласных

В калмыцком языке реализуется множество чередований, связанных со стечением конечного согласного одной морфемы и начального согласного следующей. Наиболее важными из них являются следующие.

1) При стечении согласных часто происходят чередования согласных, парных по признаку глухости/звонкости (в калмыковедении существует также точка зрения, согласно которой соответствующие согласные фонологически противопоставлены не как глухие и звонкие, а как сильные и слабые). Закономерности, касающиеся таких чередований, достаточно сложны, к тому же в ряде случаев в этом аспекте наблюдается идиолектное варьирование. При всех обстоятельствах нужно помнить, что у большинства показателей, начинающихся на звонкий согласный (точнее, начинающихся со звонкого согласного в случае присоединения к основам, оканчивающимся на гласные), имеются и алломорфы, начинающиеся на глухой согласный (-*də* и -*tə* DAT, -*ʒa* и -*ča* PROG и т. д.).

Приходится признать, что, хотя в целом при записи примеров мы старались отражать фонологическую структуру словоформ, без дополнительного исследования нам часто оставалось неясно, следует ли трактовать тот или иной согласный как фонологически звонкий или глухой; поэтому в этом аспекте при выборе транскрипции мы часто вынужденно ориентировались на орфографическую запись. Так, например, орфографическое [багш] 'учитель' записывалось нами как *bagʒə*, хотя, возможно, точнее было бы транскрибировать это слово как *bakʒə*.

2) При попадании согласного /v/ на стыке морфем в позицию между двумя согласными (или между согласным и абсолютным концом слова) происходит его вокализация в /u/ (или в /ü/ под действием сингармонизма), ср. реализацию показателя претерита -v в словоформе *sok-u-v* (ударить-PST-1SG) 'я ударил'. В некоторых случаях при стечении двух согласных /v/ на стыке корня и суффикса происходит чередование одного из них или их обоих со смычным /b/, ср. форму того же претерита от глагола с основой *av-* 'брат': *abbə* (брать.PST) 'он взял / они взяли'.

3) Носовой согласный /n/ может уподобляться последующим заднеязычным и увулярным согласным, а также согласному /b/ по месту образования, чередуясь с /ŋ/ и /m/ соответственно. Такое уподобление обычно не происходит в русских заимствованиях, а также в случае, если фонологически между соответствующими согласными имеется гласный «шва» (даже если он не реализуется в речевом потоке).

4) В суффиксах, начинающихся на /x/, при присоединении к основам, оканчивающимся на заднеязычные и увулярные шумные, может происходить чередование со смычным /k/: ср. форму *karvkar*, образованную при присоединении суффикса целевого деепричастия *-kar* к основе глагола *karv-* ‘вытаскивать, выводить’.

3.4. Сокращение долгих гласных

Односложные корни, которые в многосложных словоформах содержат долгие гласные, могут демонстрировать сокращение гласных в случае употребления в односложных словоформах. Описание условий реализации этой закономерности нуждается в уточнении (к тому же такое сокращение долгих гласных в определенной степени подвержено идиолектной вариативности). Несомненно то, что сокращение долгих гласных происходит во всех односложных словоформах, заканчивающихся на этот гласный, как в (9б):

(9)	а. <i>bää-nä</i> быть-PRS	б. <i>bä-Ø</i> быть-IMP

Такая закономерность создает особые трудности для анализа существительных, т. к. вследствие ее действия по исходной форме односложного существительного (по форме номинатива), содержащей краткий гласный, невозможно понять, какой гласный — долгий или краткий — будет использован в других формах того же имени, ср. (10б) и (11б):

(10)	а. <i>ür</i> друг	б. <i>üür-in</i> друг-GEN
(11)	а. <i>ör</i> рассвет	б. <i>ör-in</i> рассвет-GEN

4. Морфология имен и структура именной группы

В калмыцких именных группах имеется **один** «локус» грамматического маркирования — это словоформа, занимающая линейно самую правую позицию в составе именной группы и выступающая в качестве ее вершины. Естественно, в подавляющем большинстве случаев такой вершиной является существительное. В разделе 4.1 будут рассмотрены грамматические категории существительных, в разделе 4.2 — свойства некоторых типов местоимений, как имеющих дистрибуцию, характерную для именных групп, так и употребляемых в составе именных групп. В разделе 4.3 мы вернемся к вопросу об организации именной группы и кратко обсудим свойства других частей речи именной сферы.

4.1. Существительное

4.1.1. *Структура именной словоформы.* Существительные в калмыцком языке присоединяют показатели числа, падежа и посессивности (в названном порядке): *üür-müd-d-ün* (друг-PL-DAT-P.REFL) 'для своих друзей'. При этом показатели падежа и посессивности (но не числа) демонстрируют определенное взаимодействие, приводящее к тому, что в ряде случаев между ними сложно провести морфемную границу (см. ниже).

4.1.2. *Число.* В калмыцком языке у существительных противопоставляются формы единственного и множественного числа. Специальных показателей единственного числа нет, значение же множественного числа выражается показателями *-s*, *-d*, *-ud*, *-tud* и *-nər* (и их позиционными алломорфами), агглютинативно присоединяемыми к основе существительного.

В большинстве случаев основа существительного совпадает с формой номинатива единственного числа. Исключение составляют существительные, форма номинатива которых в единственном числе оканчивается на так называемый «неустойчивый *-n*»: такие существительные образуют форму множественного числа при помощи суффикса *-d*, при этом *n* исчезает, как видно по следующему примеру⁷:

⁷ О существительных с неустойчивым *-n* см. также раздел 4.3.

(12) а. <i>xö-n</i>	б. <i>xö-d</i>
овца-ЕХТ	овца-PL
‘овца’	‘бвцы’

В целом для современного языка выбор показателя множественного числа следует признать лексическим свойством существительного. Тем не менее, этот выбор в значительной мере зависит, прежде всего, от исхода основы и в ряде случаев от семантики существительного. Так, формы множественного числа образуются при помощи суффикса *-s* почти исключительно от тех существительных, у которых форма номинатива единственного числа оканчивается на гласный. Аффикс *-nər* отличается от остальных показателей множественного числа тем, что для его реализации ключевым оказывается семантический фактор: он может присоединяться только к основам существительных, обозначающих людей, при этом в современном калмыцком языке влияние типа основы в данном случае существует лишь в виде тенденций.

Следует заметить, что сама по себе конкуренция различных показателей множественного числа, выбор между которыми не обусловлен регулярными морфонологическими процессами, говорит о некотором отклонении от прототипической агглютинативной модели, а также косвенно об относительно слабой грамматикализованности категории числа в калмыцком языке. В пользу последнего обобщения говорят и еще три факта.

Во-первых, в ряде случаев два показателя множественного числа могут семантически избыточно использоваться в рамках одной словоформы. По всей видимости, именно с этим явлением связано появление форм множественного числа с показателем *-dud*, восходящим к сочетанию аффиксов *-d* и *-ud*.

Во-вторых, конкуренция между аффиксами множественного числа в некоторых случаях приводит к идиолектной вариативности выбора показателя.

Наконец, в-третьих, что наиболее существенно, в калмыцком языке аффиксы множественного числа не всегда являются обязательными. При этом вероятность появления аффикса зависит и от синтаксических, и от семантико-прагматических факторов: одушевленности, референциального статуса, падежа, наличия или отсутствия отрицания, наличия числительных, эксплицитно

указывающих на число участников (частично эти проблемы рассматриваются в [Оскольская 2007]). Так, вероятность появления показателя множественного числа тем выше, чем выше соответствующая именная группа находится на иерархиях одушевленности и определенности. Напротив, наличие в именной группе числительных, эксплицитно выражающих значение множественности, уменьшает вероятность появления суффикса множественного числа на вершине-существительном.

В каком-то смысле примыкает к суффиксам множественного числа показатель *-čud*, трактуемый нами как маркер собирательности. Его специфика состоит в том, что он присоединяется к основам, которые традиционно считаются основами прилагательных, ср. *bakə* 'маленький' и *bak-čud* (маленький-COLL) 'молодежь'. Поскольку согласование с существительными, которое позволило бы определить грамматическую форму числа существительного по форме согласующихся частей речи, в калмыцком языке отсутствует, а «адъективные» по семантике лексемы в своем большинстве способны выступать в реферирующей функции (так *bakə* может в принципе употребляться в значении 'ребенок'), показатель *-čud* можно было бы, возможно, считать еще одним способом образования множественного числа от имен. Однако против этого решения говорит нерегулярность и значительная лексикализованность соответствующих образований.

4.1.3. Падеж. Согласно анализу, принятому в настоящем сборнике, в калмыцком языке выделяется девять падежей, из которых один — аккузатив — имеет два варианта: маркированный и немаркированный. Падеж является обязательной категорией имени, и падежные маркеры появляются независимо от наличия показателей других категорий. При этом показатели посессивности, когда они появляются на имени, часто вступают в определенное взаимодействие с показателями падежа. По этой причине рассмотрим сначала склонение существительных без показателей посессивности и семантику падежных форм, чтобы затем перейти к обсуждению показателей посессивности и их взаимодействия с показателями падежа.

В Таблице 4 на следующей странице приведены принятые в настоящем сборнике названия падежей, сокращения, используемые

Таблица 4. Падежные показатели калмыцкого языка

Название	Глосса	Базовые алломорфы
номинатив		—
генитив	GEN	-in, -n, -a
датель	DAT	-də
аккузатив (маркированный)	ACC	-igə, -gə
аккузатив (немаркированный)		—
инструменталис	INS	-ar
комитатив	COM	-la
ассоциатив	ASSOC	-ta
аблатив	ABL	-asə
директив	DIR	-ur

для соответствующих граммем при поморфемном анализе, и основные алломорфы падежных показателей, из которых остальные алломорфы выводятся по регулярным морфонологическим правилам.

Для того чтобы показать, каким образом образуются падежные формы от калмыцких существительных, к Таблице 4 необходимо сделать несколько комментариев.

1) В калмыцком языке особым образом склоняются существительные, форма номинатива которых оканчивается на согласный /n/ («неустойчивый -n»⁸). При склонении этих имен /n/ представлен в формах номинатива, генитива, датель, комитатива, аблатива и директива, но отсутствует в формах остальных падежей (в маркированной и немаркированной формах аккузатива, в формах инструменталиса и ассоциатива). Поскольку выделить **семантический** фактор, стоящий за делением падежей на эти две

⁸ В калмыковедении высказывалась точка зрения, согласно которой не все существительные, у которых форма номинатива заканчивается на /n/, относятся к классу имен с «неустойчивым -n». Однако, по всей видимости, такое мнение следует за системой калмыцкой орфографии, в которой не обозначается гласный «шва» /ə/. Действительно, в калмыцком имеются существительные, которые записываются в орфографии с буквой [н] на конце и в которых при этом звук /n/ не ведет себя как неустойчивый: [чон] /čonə/ 'волк'. Однако во всех таких существительных, как и в приведенном примере, форма номинатива на самом деле заканчивается не на согласный /n/, а на гласный «шва» /ə/.

группы, по всей видимости, невозможно, «неустойчивый *-n*» трактуется нами как асемантический расширитель основы и отражается в глоссах при помощи символа EHT. При этом следует помнить, что в классе имен на неустойчивый *-n* (и только в нем) различаются формы номинатива (они имеют */n/* на конце) и немаркированного аккузатива (в них */n/* отсутствует). Тем самым, для этого класса имен при отсутствии собственно падежных показателей расширитель основы по сути функционирует как маркер номинатива.

2) Существительные с неустойчивым *-n* (и только они) присоединяют в форме генитива показатель *-a*.

Выбор между показателями генитива *-in* и *-n* для других существительных определяется следующим правилом: многосложные слова с основой на гласный принимают показатель *-n*, все остальные существительные — показатель *-in*. При этом существительные, у которых форма номинатива заканчивается на «шва» (*/ə/*), ведут себя как существительные с основой на согласный, например, *ṣonə* ‘волк’ (номинатив), *ṣon-in* (волк-GEN) ‘волка’.

3) Выбор между маркерами аккузатива *-igə* и *-gə* определяется исходом основы: основы на согласный (как и в предыдущем случае, основы, оканчивающиеся на «шва», ведут себя как основы на согласный) присоединяют аффикс *-igə*, а основы на гласный — аффикс *-gə*. Поскольку в аккузативе существительные на неустойчивый *-n* теряют этот согласный, для них важен исход собственно основы, т.е. основы без «расширителя»: так, слово с основой *mör(ə)*- ‘конь’ присоединяет показатель аккузатива *-igə* (см. Таблицу 5 на следующей странице), а слово с основой *kövü-* ‘мальчик’ (это тоже существительное на неустойчивый *-n*, ср. форму номинатива *kövü-n*) имеет форму аккузатива *kövü-gə*.

Описанные закономерности можно проследить в Таблице 5 на следующей странице, где приведены парадигмы нескольких существительных с разными типами основ.

В рамках настоящего очерка невозможно сколько-нибудь подробно рассмотреть функции и употребление падежных граммем, однако кажется небесполезным упомянуть ряд проблемных зон калмыцкой падежной системы, некоторые из которых изучались нами в ходе полевого исследования калмыцкого языка.

Таблица 5. Склонение калмыцких существительных (без показателей посессивности): образцы парадигм⁹

<i>kar</i> рука	<i>poxa</i> собака	<i>ze</i> внук	<i>mörə-n</i> конь-EXT
<i>kar-in</i> рука-GEN	<i>poxa-n</i> собака-GEN	<i>zee-kin</i> внук-GEN	<i>mör-n-ä</i> конь-EXT-GEN
<i>kar-tə</i> рука-DAT	<i>poxa-də</i> собака-DAT	<i>zee-də</i> внук-DAT	<i>mörə-n-də</i> конь-EXT-DAT
<i>kar-igə</i> рука-ACC	<i>poxa-gə</i> собака-ACC	<i>zee-gə</i> внук-ACC	<i>mör-igə</i> конь-ACC
<i>kar</i> рука	<i>poxa</i> собака	<i>ze</i> внук	<i>mörə</i> конь
<i>kar-ar</i> рука-INS	<i>poxa-kar</i> собака-INS	<i>zee-kär</i> внук-INS	<i>mör-är</i> конь-INS
<i>kar-la</i> рука-COM	<i>poxa-la</i> собака-COM	<i>zee-lä</i> внук-COM	<i>mörə-n-lä</i> конь-EXT-COM
<i>kar-ta</i> рука-ASSOC	<i>poxa-ta</i> собака-ASSOC	<i>zee-tä</i> внук-ASSOC	<i>mör-tä</i> конь-ASSOC
<i>kar-asə</i> рука-ABL	<i>poxa-kasə</i> собака-ABL	<i>zee-käsə</i> внук-ABL	<i>mör-n-äsə</i> конь-EXT-ABL
<i>kar-ur</i> рука-DIR	<i>poxa-kur</i> собака-DIR	<i>zee-kür</i> внук-DIR	<i>mör-n-ür</i> конь-EXT-DIR

1) Как следует из уже сказанного, аккузатив может иметь маркированную и немаркированную форму. В целом выбор маркированного аккузатива при кодировании прямого дополнения коррелирует с высоким положением именной группы на иерархиях одушевленности и определенности, но также зависит и от некоторых других факторов (эта проблема подробно рассматривается в [Коношенко, настоящий сборник]).

2) Аккузатив используется не только для кодирования прямого дополнения, но и для кодирования подлежащего в некоторых типах зависимых предикаций, выступающих в функции сентенциального дополнения или сентенциального сирконстанта. Статус таких аккузативных групп и выбор между аккузативом

⁹ Порядок представления падежных форм совпадает с тем, который использовался в Таблице 4. В частности, в первой строке приведены формы номинатива, а в пятой — немаркированного аккузатива.

и номинативом в подобных ситуациях находятся в центре внимания в [Сердобольская, настоящий сборник]. В относительных конструкциях также возможно неноминативное оформление подлежащего, в данном случае может использоваться генитив, см. об этом [Крапивина, настоящий сборник].

3) Некоторые переходные глаголы допускают оформление участника, претендующего на статус прямого дополнения, не только аккумулятивом, но и одним из периферийных падежей — аблативом или инструменталисом. Это явление стало предметом анализа в [Холодилова, настоящий сборник].

4) В калмыцком языке существует несколько падежей (прежде всего, датив и инструменталис), используемых для кодирования смещенного подлежащего в конструкциях, связанных с изменением аргументной структуры предиката. Эти явления освещаются в [Выдрина, настоящий сборник] и [Сай, настоящий сборник].

5) Падежи, обозначенные здесь как комитатив и ассоциатив, имеют зону пересечения, в частности, они оба способны выражать собственно комитативное значение (т. е. маркировать участника с ролью **спутника** — нецентрального участника ситуации, выступающего в ней совместно с центральным участником, выраженным аргументом глагола). Проблема выбора между этими двумя падежами в позиции конкуренции рассматривается в [Перкова 2006].

Следует заметить, что, если для комитатива обозначение «спутника», участвующего в совместном действии, является, вероятно, центральным, для функционирования ассоциатива существенную роль играет семантика посессивности: показатель этого падежа очень часто появляется на приименном **зависимом**, маркирующем **обладаемое** посессора, выраженного в позиции вершины именной группы:

- (13) *terə-n^j* <...> *ikə* *cogc-ta* *kü-n*
 тот-Р.3 большой организм-ASSOC человек-EXT
bilä
 быть.REM
 ‘Он был человеком крепкого телосложения’ (02_pasport.87).

По всей видимости, такая семантическая функция обуславливает некоторые особенности употребления форм с показателем ассоциатива.

Во-первых, показатель ассоциатива часто присоединяется к существительным с абстрактным значением и в таких случаях демонстрирует признаки адъективации. Об этом, в частности, свидетельствует то, что такие формы могут модифицироваться наречиями, что для существительных нетипично. Действительно, мы видели, что в (13) показатель ассоциатива присоединяется к имени с конкретным значением и такая форма модифицировалась прилагательным; однако в (14), где используется уже абстрактное имя, можно говорить об определенной адъективации формы ассоциатива, о чем свидетельствует модификация наречием:

- (14) *jir biləg-tä kü-n*
 очень талант-ASSOC человек-EXT
 ‘Очень талантливый человек’.

Во-вторых, форма ассоциатива очень часто употребляется в позиции именной части составного именного сказуемого, что менее типично для других косвенных падежных форм и что тоже может свидетельствовать об адъективизации:

- (15) *bi möng-tä bilä-v*
 я.NOM деньги-ASSOC быть.REM-1SG
 ‘У меня были деньги’ (букв.: ‘Я был с деньгами’).

Более того, существуют частично лексикализованные формы ассоциатива некоторых существительных, которые **преимущественно** используются в позиции сказуемого, например, *kerg-tä* (дело-ASSOC) ‘должен, надо’, *bajər-ta* (радость-ASSOC) ‘радоваться’, *dur-ta* (желание-ASSOC) ‘любить’:

- (16) *bi čam-də dur-ta-v*
 я.NOM ты-DAT желание-ASSOC-1SG
 ‘Я тебя люблю’ (букв.: ‘я с любовью к тебе’).

Таким образом, формы, включающие в свой состав маркер ассоциатива, по всей видимости, занимают промежуточное положение между словоизменительными падежными формами и словообразовательными дериватами.

Интересно в связи с этим обсудить формы, в которых к именной основе присоединяется «отрицательная связка» (NEG.COP) в виде самостоятельного слова (*uga*) или в стяженной форме

аффикса (-go). Такие образования в семантическом отношении зеркальны по отношению к формам ассоциатива: если структуры типа «X-ASSOC Y» значат приблизительно ‘Y с X-ом’, то формы «X-NEG.COP Y» значат ‘Y без X-а’, ср. *survulⁱ-ta kü-n* (учение-ASSOC человек-EXT) ‘образованный человек’ (букв. ‘человек с учением’) и *survulⁱ-go kü-n* (учение-NEG.COP человек-EXT) ‘необразованный человек’ (букв. ‘человек без учения’). Тем не менее, было принято решение трактовать показатель -ta как падежный маркер ассоциатива, а показатель -go как отрицательную связку. Это решение было обусловлено 1) редкостью употреблений отрицательной связки на именах (о ее использовании в составе глагольных структур см. ниже), 2) возможностью употребления отрицательной связки не только в виде аффикса, но и в виде самостоятельного слова (ср. *survulⁱ uga kü-n* (учение NEG.COP человек-EXT) ‘необразованный человек’), т.е. неполной вовлеченностью этого показателя в систему падежных аффиксов даже в случае присоединения к именам, и 3) стремлением следовать калмыковедческой традиции (преимущественно ориентированной на этимологию, принципиально различающуюся для этих показателей).

б) Датив покрывает в калмыцком языке очень широкий спектр значений, включающий не только обозначение участников с ролями реципиента, адресата и бенефицианта, но и ряд других значений, прежде всего, локативных (в монголистике этот падеж часто называют дательно-местным). При этом дативом могут выражаться и эссивные значения (нахождение в какой-то точке), и лативные значения (движения в какую-то точку). В этом последнем случае датив вступает в конкуренцию с директивом, для которого значение движения в сторону какого-то ориентира является основным. Закономерности, связанные с выбором между двумя падежными формами в ситуации конкуренции, остаются пока не вполне понятными.

Наконец, в завершение обсуждения категории падежа следует заметить, что в калмыцком языке встречаются, хотя и нечасто, формы имен, имеющие в своем составе два падежных показателя, ср. *ger-t-äsə* (дом-DAT-ABL) ‘из дома’, букв. ‘из в доме’, *virv-ta-vasə* (три-ASSOC-ABL) ‘с трех лет’, букв.: ‘с (того времени, когда была) с тремя (годами)’.

4.1.4. *Посессивность*. В калмыцком языке существуют именные аффиксы, маркирующие лицо и число посессора, т. е. **личные посессивные маркеры**. Для посессоров третьего лица числовые формы не различаются, соответствующий показатель обозначается нами как P.3. Парадигма личных посессивных показателей представлена в Таблице 6.

Таблица 6. Парадигма личных посессивных показателей

	Единственное число	Множественное число
Первое лицо	<i>-m</i>	<i>-mdən</i>
Второе лицо	<i>-čən (-čən^j)¹⁰</i>	<i>-tən¹¹</i>
Третье лицо	<i>-n^j</i>	

Следует обрисовать некоторые процессы, происходящие при присоединении посессивных показателей к падежным формам существительных.

1) С точностью до самих посессивных показателей, т. е. фрагментов *-m* (P.1SG), *-čən/-čən^j* (P.2SG), *-n^j* (P.3), *-mdən* (P.1PL), *-tən* (P.2PL), закономерности, обнаруживаемые в падежных парадигмах посессивного склонения разных лиц и чисел, совпадают. Далее для простоты приводятся примеры с показателем третьего лица *-n^j*.

2) Формы **датива, инструменталиса, комитатива, ассоциатива, аблатива и директива** образуются агглютинативно, т. е. к соответствующим падежным формам присоединяются посессивные показатели, приведенные в Таблице 6.

3) В формах **номинатива** посессивного склонения существительных с основой на неустойчивый *-n* все посессивные показатели, кроме показателя второго лица единственного числа (*-čən/-čən^j* (P.2SG)), **заменяют** этот расширитель основы, ср. *mörə-n* (конь-EXT) ‘конь’, но *mörə-n^j* (конь-P.3) ‘его/ее/их конь’.

¹⁰ Вариативность двух приведенных форм носит, по всей видимости, идиолектный характер; форма, приведенная в скобках, встречается в наших материалах сравнительно редко.

¹¹ Как и все формы второго лица множественного числа, это показатель может использоваться при вежливом обращении к единичному адресату (‘Ваш’).

4) Согласно описаниям в грамматиках, в посессивном склонении отсутствует аналог немаркированной формы **аккузатива** и маркером аккузатива для **всех** существительных является показатель *-i* (фрагмент обычного маркера аккузатива *-igə*). В соответствии с общими морфотактическими закономерностями при присоединении к основам на гласный между основной и этим показателем появляется вставной согласный */ʃ/*. Таким образом, посессивные и непосессивные формы аккузатива существительных с основой на согласные соотносятся так, как показано в (17), а существительных с основой на гласные — как показано в (18):

(17) а. <i>вар-igə</i> рука-ACC 'руку'	б. <i>вар-i-n^j</i> рука-ACC-P.3 'его руку'
(18) а. <i>поха-gə</i> собака-ACC 'собаку'	б. <i>поха-ʃi-n^j</i> собака-ACC-P.3 'его собаку'

Однако в изучаемой нами разновидности калмыцкого языка регулярно фиксировалось интересное явление: у слов с основой на согласный (включая те, в которых после этого согласного может появляться «шва») эксплицитный маркер аккузатива в личном посессивном склонении часто не употреблялся. Другими словами, в качестве формы аккузатива у таких существительных могли функционировать формы, материально совпадающие с формами номинатива, например, *варə-n^j* (рука-P.3). Таким образом, в литературном языке в ряде случаев формы номинатива и аккузатива могут не различаться в непосессивном склонении (речь идет о формах немаркированного аккузатива, см. выше), при этом такое неразличение связано с семантико-прагматическими факторами (выбор маркированной или немаркированной формы аккузатива), а в посессивном склонении они различаются всегда. В наших же материалах систематически наблюдается неразличение аккузатива и номинатива и в посессивном склонении; факторы, влияющие на выбор одной из двух форм посессивного аккузатива в изучаемом варианте калмыцкого языка, остались неизученными. Впрочем, при всех обстоятельствах возможное совпадение форм аккузатива и номинатива ограничено группой существительных с основой на согласный,

существительные же с основой на гласный различают формы номинатива и аккузатива по модели, продемонстрированной в (18).

5) С особыми сложностями связано образование форм **генитива** посессивного склонения.

Для существительных с основой на согласный используются обычные агглютинативные формы: к их формам генитива (с аффиксом *-in*) присоединяются посессивные показатели.

Существительные с основой на гласный — независимо от количества слогов в основе (и в этом наблюдается отличие от непосессивного склонения) — присоединяют показатель *-inn^j* (или, для других лиц посессора, *-inm*, *-inčən*, *-inmdən*, *-intən* соответственно), отделяемый от основы вставным согласным *l*, согласно общему правилу. Таким образом, для многосложных существительных с основой на гласный агглютинативная модель нарушается.

Наконец, у существительных с основой на неустойчивый *-n* используется сложный маркер *-ann^j* (или, для других лиц посессора, *-anm*, *-ančən*, *-anmdən*, *-antən* соответственно). Мы отказались от идеи проводить в таких комплексах морфемную границу, в противном случае пришлось бы постулировать маркер генитива *-an*, не обнаруживаемый ни в каких других случаях.

Названные закономерности можно проследить по Таблице 7 (на следующей странице), в которой приведены падежные парадигмы посессивного склонения третьего лица нескольких существительных (ср. с Таблицей 5 выше).

Помимо этого, в калмыцком языке существует особый маркер **рефлексивного посессива**. Его основной алломорф *-an*. При падежном склонении с показателем рефлексивного посессива наблюдаются следующие закономерности.

1) Формы номинатива и генитива отсутствуют (см. ниже об употреблении показателя рефлексивного посессива).

2) В форме аккузатива показатель *-an* присоединяется непосредственно к основе существительного. Таким образом, в данном случае при помощи этого показателя кумулятивно выражается значение посессивности и падежа (аккузатива).

3) При присоединении рефлексивного посессива к показателям инструменталиса, комитатива, аблатива и директива (*-ar*, *-la*, *-asə* и *-ur*) появляются кумулятивные морфемы *-am*, *-lam*, *-asən* и *-urn* соответственно.

Таблица 7. Склонение калмыцких существительных с показателями посессивности третьего лица: образцы парадигм

	Основы на согласный	Основы на гласный	Существительные с неустойчивым <i>-n</i>
NOM	<i>барэ-^j</i> рука-Р.3	<i>поха-^j</i> собака-Р.3	<i>мөрэ-^j</i> конь-Р.3
GEN	<i>бар-ин-^j</i> рука-GEN-Р.3	<i>поха-^jин-^j</i> собака-GEN-Р.3	<i>мөр-^jн-^jänn^j</i> конь-EXT-GEN-Р.3
DAT	<i>бар-тэ-^j</i> рука-DAT-Р.3	<i>поха-^jдэ-^j</i> собака-DAT-Р.3	<i>мөрэ-^jн-^jдэ-^j</i> конь-EXT-DAT-Р.3
ACC	<i>бар-и-^j</i> рука-ACC-Р.3 <i>барэ-^j</i> рука-Р.3	<i>поха-^jи-^j</i> собака-ACC-Р.3	<i>мөр-^jи-^j</i> конь-ACC-Р.3 <i>мөрэ-^j</i> конь-Р.3
INS	<i>бар-ар-^j</i> рука-INS-Р.3	<i>поха-^jбар-^j</i> собака-INS-Р.3	<i>мөр-^jär-^j</i> конь-INS-Р.3
COM	<i>бар-ла-^j</i> рука-COM-Р.3	<i>поха-^jла-^j</i> собака-COM-Р.3	<i>мөрэ-^jн-^jlä-^j</i> конь-EXT-COM-Р.3
ASSOC	<i>бар-та-^j</i> рука-ASSOC-Р.3	<i>поха-^jта-^j</i> собака-ASSOC-Р.3	<i>мөр-^jtä-^j</i> конь-ASSOC-Р.3
ABL	<i>бар-асэ-^j</i> рука-ABL-Р.3	<i>поха-^jвасэ-^j</i> собака-ABL-Р.3	<i>мөр-^jн-^jäsэ-^j</i> конь-EXT-ABL-Р.3
DIR	<i>бар-ур-^j</i> рука-DIR-Р.3	<i>поха-^jвур-^j</i> собака-DIR-Р.3	<i>мөр-^jн-^jür-^j</i> конь-EXT-DIR-Р.3

4) В оставшихся падежах показатель рефлексивного посессива агглютинативно присоединяется к падежной форме существительного.

Парадигмы склонения с показателем рефлексивного посессива проиллюстрированы в Таблице 8 на следующей странице.

Рассмотрим теперь вопрос об употреблении посессивных показателей. Личные посессивные показатели выражают лицо и число посессора независимо от того, выражен ли этот посессор эксплицитно в позиции генитивного зависимого соответствующего существительного. Таким образом, синтаксический и морфологический способ выражения посессивности находятся в сложных отношениях. Так, денотативно синонимичными оказываются, например, конструкции в примерах (19а–в).

Таблица 8. Склонение калмыцких существительных с показателями рефлексивного посессива: образцы парадигм

	<i>бар</i> 'рука'	<i>ноха</i> 'собака'
DAT	<i>бар-т-ан</i> рука-DAT-P.REFL	<i>ноха-д-ан</i> собака-DAT-P.REFL
ACC	<i>бар-ан</i> рука-P.REFL	<i>ноха-бан</i> собака-P.REFL
INS	<i>бар-арн</i> рука-INS.P.REFL	<i>ноха-барн</i> собака-INS.P.REFL
COM	<i>бар-ларн</i> рука-COM.P.REFL	<i>ноха-ларн</i> собака-COM.P.REFL
ASSOC	<i>бар-та-бан</i> рука-ASSOC-P.REFL	<i>ноха-та-бан</i> собака-ASSOC-P.REFL
ABL	<i>бар-асэн</i> рука-ABL.P.REFL	<i>ноха-васэн</i> собака-ABL.P.REFL
DIR	<i>бар-урн</i> рука-DIR.P.REFL	<i>ноха-вурн</i> собака-DIR.P.REFL

(19а) *mini ekə*
я.GEN мать
'Моя мать'

(19б) *mini ekə-m*
я.GEN мать-P.1SG
'Моя мать'

(19в) *ekə-m*
мать-P.1SG
'Моя мать'

Остается не вполне понятным, от чего зависит выбор одного из трех способов организации посессивной группы (морфологического, синтаксического или семантически избыточного способа, при котором информация фактически дублируется, как в (19б)). Можно заметить, что посессивные показатели множественного числа — *-mdən* (P.1PL) и *-tən* (P.2PL) — употребляются в изучавшемся нами варианте калмыцкого языка редко, большинство носителей предпочитает использовать для выражения соответствующей семантики формы генитива

личных местоимений *tana* (мы.GEN) ‘наш’ и *tana* (вы.GEN) ‘ваш / Ваш’.

Ситуация выбора одного из трех способов выражения посессивных отношений наблюдается и для третьего лица. Очевидное отличие от ситуации с посессорами первых двух лиц состоит в том, что, разумеется, использование исключительно посессивного показателя без эксплицитной именной группы в позиции генитивного зависимого, например, *екэ-п³* (мать-Р.3) ‘его/ее/их мать’, само по себе не является достаточным для однозначной идентификации посессора, которая становится возможна только на уровне дискурса. В связи с этим здесь имеет смысл кратко остановиться на закономерностях использования посессивного показателя третьего лица в текстах.

В собранных нами текстах при обладаемых протагониста истории очень часто отсутствует эксплицитное генитивное зависимое, однако референциальная «привязка» обладаемого осуществляется именно при помощи посессивного маркера третьего лица, таким образом, протагонист служит своеобразным «референциальным якорем» («referential anchor») для идентификации обладаемого.

При этом в текстах референциальной точкой отсчета для имени, маркированного посессивным показателем третьего лица, может быть «посессор», занимающий в той же клаузе более низкий синтаксический ранг, что типологически нетривиально для прономинальных по природе элементов:

- (20) *екэ-п³ kövü-кän url-ad* ⟨...⟩
 отец-Р.3 сын-Р.REFL сердиться-СВ.АНТ
 ‘Отец ругает своего сына...’ (букв. ‘Его_i отец ругает своего сына_i’) (05_ljagushki.9¹²).

Существенно то, что в калмыцком языке существует класс имен, для которых частотным является употребление с посессивным показателем третьего лица «по умолчанию», то есть даже в тех случаях, когда идентификация посессора невозможна и на уровне дискурса. К этому классу имен относятся названия

¹² В данной истории именно сын является центральным протагонистом.

частей тела, термины родства и прочие существительные, для которых характерна семантика неотчуждаемой принадлежности. Следующий пример взят из нарратива, в котором говорится о матери рассказчицы, которая была повитухой. Характеризуя эту деятельность, рассказчица использует следующую конструкцию:

- (21) *kiis-i-n^j täär-äd üündə ač-nər-n^j*
 пупок-ACC-P.3 резать-CV.ANT здесь внук-PL-P.3
dala которые она принимать ke-sən
 много делать-PC.PST
 ‘Она перерезала пуповину, здесь много детей, которых она принимала’ (01_avtobiografija.21).

Как видно по этому примеру, слова ‘пупок’ и ‘внуки’ используются с посессивными показателями третьего лица; при этом по предшествующему дискурсу установить посессоров соответствующих объектов невозможно.

Более того, посессивный показатель третьего лица часто используется не просто тогда, когда у маркированного им существительного нет генитивного зависимого, обозначающего посессора, но и тогда, когда появление такого зависимого было бы неестественно или избыточно. В таких случаях становятся заметны признаки того, что посессивный маркер третьего лица развивает функции маркера определенности (примеры и краткое обсуждение см. в [Баранова, Сай, настоящий сборник]).

Отдельно хотелось бы остановиться на синтаксических и семантических свойствах маркера рефлексивного посессива. Несомненно то, что этот показатель на имени может отсылать только к **подлежащему** той (финитной или нефинитной) клаузы, **в составе которой** это имя используется (а при несоблюдении этого условия могут появляться только личные посессивные показатели):

- (22) *Bajrta Badma-də degtr-än ögə-v*
 Байрта Бадма-ДАТ книга-P.REFL дать-PST
 ‘Байрта дала Бадме свою / *его книгу’.
- (23) *Bajrta Badma-də degtr-i-n^j ögə-v*
 Байрта Бадма-ДАТ книга-ACC-P.3 дать-PST
 ‘Байрта отдала Бадме его / *свою книгу’.

Таким образом, «локальной областью» для рефлексивного посессива является именно клауза (это ограничение объясняет отсутствие форм номинатива рефлексивно-посессивного склонения). При этом существенно то, что синтаксическая связь с подлежащим клаузы устанавливается независимо от того, выражено ли это подлежащее эксплицитной именной группой, и, в случае если соответствующая именная группа имеется, от того, каким падежом маркировано подлежащее. Так, например, в следующем примере в зависимой клаузе подлежащее выражено аккузативной именной группой. При этом рефлексивный посессив в составе зависимой клаузы может отсылать только к этому подлежащему, а не к подлежащему главной клаузы:

- (24) *či savəŋ av-č ir-ü-č*
 ты.NOM мыло брать-CV.IPFV приходит- PST-2SG
 [natagə var-an iwa-txa gi-väd]
 я.ACC рука-P.REFL мыть-JUSS1 говорить-CV.ANT
 ‘Ты принес мыло, чтобы я вымыл свои / *твои руки’.

Более того, мы предполагаем, что синтаксическое условие, делающее возможным употребление рефлексивного посессива, можно сформулировать и еще более сильно, чем было сделано до сих пор. По всей видимости, показатель рефлексивного посессива на вершине составляющей может отсылать только к подлежащему клаузы, возглавляемой глагольной формой, от которой эта составляющая зависит **непосредственно**. Другими словами, в иерархической структуре предложения между словоформой, маркированной показателем рефлексивного посессива, и глагольной вершиной клаузы не может быть никаких промежуточных лексических вершин. Именно на эту мысль наводит, во-первых, поведение показателей рефлексивного посессива в послеложных группах (см. ниже), а во-вторых, тот несомненный факт, что в калмыцком языке в рефлексивно-посессивном склонении отсутствуют формы генитива (см. Таблицу 8). Этот факт отмечается в существующих грамматических описаниях калмыцкого языка и обычно интерпретируется в морфологических терминах: говорится о том, что ожидаемые формы генитива в рефлексивно-посессивном склонении «заменяются» формами генитива с личными посессивными показателями. Однако обращает на себя

внимание то, что в калмыцком языке генитивом маркируются лишь приименные зависимые, объекты некоторых послелогов и подлежащие в составе относительных оборотов. Таким образом, по-видимому, обсуждаемую закономерность можно реинтерпретировать в синтаксических терминах: генитивное зависимое не может быть непосредственным зависимым той же глагольной вершины, что и подлежащее клаузы.

Рассмотрим для иллюстрации следующий пример:

- (25) *Bajerta* [[*zalu-kin-nⁱ* *bičg-tə*] *bajərl-ža-na*
 Байрта мужчина-GEN-P.3 письмо-DAT радоваться-PROG-PRS
 ‘Байрта радуется письму своего мужа’.

Мы видим, что в этом примере на существительном *zalu* ‘мужчина’ появляется посессивный маркер **третьего лица**, несмотря на то, что возможной (и наиболее естественной) интерпретацией этого предложения является прочтение, при котором Байрта радуется письму **своего** мужа. Именно по поводу подобных примеров в существующих грамматиках и говорится, что здесь ожидаемая, но не существующая морфологическая форма рефлексивного посессивного склонения «заменяется» формой личного посессивного склонения третьего лица. Однако можно заметить, что словоформа *zalu-kin-nⁱ* ‘своего мужа’ (букв.: ‘ее мужа’) зависит не непосредственно от глагола, а от существительного *bičg* ‘письмо’. Если предложенная выше интерпретация верна, то именно наличие границы промежуточной полной составляющей между существительным *zalu* и глагольной вершиной делает синтаксически невозможным употребление формы рефлексивного посессива, а отсутствие морфологической формы генитива рефлексивного посессива является следствием этой более общей синтаксической закономерности. Впрочем, следует признать, что для верификации предложенной синтаксической гипотезы требуется дополнительное изучение этой проблематики.

Помимо формулировки синтаксических ограничений на употребление маркеров рефлексивного посессива, хотелось бы кратко остановиться на семантико-прагматических закономерностях его использования. Как и в случае с посессивными показателями третьего лица, можно заметить, что маркеры рефлексивного

посессива часто используются в калмыцких текстах там, где, с точки зрения носителя русского языка, они являются семантически избыточными. Так, например, пресуппозиция существования некоторого объекта часто оказывается достаточным условием для использования рефлексивного посессива (при условии соблюдения необходимых синтаксических ограничений), даже если никакой другой интерпретации как будто не могло бы возникнуть и при отсутствии посессивного показателя¹³:

(26) *bi mör-n-äsən buu-v-u*
 я.NOM конь-EXT-ABL.P.REFL спускаться-PST-1SG
 ‘Я слез с лошади’ (букв.: ‘я слез со **своей** лошади’).

(27) *bi sük-än gee-čk-u-ṽ*
 я.NOM топор-P.REFL терять-COMPL-PST-1SG
 ‘Я потерял топор’ (букв.: ‘я потерял **свой** топор’).

В подобных случаях для калмыцкого языка присутствие показателя рефлексивного посессива является **более естественным**, чем его отсутствие, несмотря на семантическую избыточность (ср. возможность опущения местоимения *свой* в русском языке).

Таким образом, рефлексивные посессивные показатели (так же, как и личные посессивные показатели) демонстрируют признаки развития в сторону маркеров определенности (при этом выбор между личным и рефлексивным посессивом определяется кореферентностью/некорреферентностью подлежащего клаузы и посессора, т. е. связан прежде всего с синтаксической конфигурацией).

Осталось заметить, что посессивные показатели могут в калмыцком языке входить в состав не только словоформ существительных в собственном смысле слова, но и словоформ других частей речи (местоимений, причастий, деепричастий, послелогов, наречий), что частично обсуждается ниже.

4.2. Местоимения

В этом разделе будут кратко обрисованы свойства некоторых наиболее часто встречающихся местоимений различных разрядов.

¹³ Эта закономерность была выявлена С. В. Выдриной, ею же получены примеры (26) и (27).

4.2.1. *Личные местоимения и единицы, используемые в функции личных местоимений.* О собственно личных местоимениях в калмыцком языке можно говорить только для первых двух лиц.

В Таблице 9 приводятся фрагменты парадигм склонения для местоимений 'я' и 'ты'.

Таблица 9. Склонение личных местоимений единственного числа

номинатив	<i>bi</i>	я.NOM	<i>či</i>	ты.NOM
генитив	<i>mini</i>	я.GEN	<i>čini</i>	ты.GEN
аккузатив	<i>namagə</i>	я.ACC	<i>čamagə</i>	ты.ACC

В остальных падежах для этих местоимений используются регулярные формы, образуемые путем присоединения обычных падежных показателей (см. Таблицу 4) к косвенным основам *čam-* для второго лица (см. (16)) и *nam-* или *nan-* для первого лица.

По всей видимости, в недавнем прошлом в калмыцком языке различались инклюзивное и эксклюзивное местоимения первого лица множественного числа (*madən* и *bidən* в форме номинатива соответственно), при этом при склонении первого местоимения основа сохранялась во всех формах, а при склонении второго в косвенных падежах использовалась супплетивная основа *nam-*. В зоне второго лица различались формы уважительного обращения к собеседнику (*ta*) и местоимение собственно множественного числа (*tadən*). В настоящий момент названные семантические противопоставления утрачиваются, в результате в единой функции используются формы различных по происхождению единиц, что приводит к значительной идиолектной вариативности и формированию совмещенных парадигм. Так, для местоимения первого лица множественного числа в номинативе, дативе и аккузативе предпочитают регулярные формы с исторически инклюзивной основой *madən* (соответственно *madən*, *madən-də*, *madn-igə*¹⁴), а в генитиве — форма *mana* (исторически — форма эксклюзивного местоимения).

¹⁴ Обращает на себя внимание тот факт, что конечный *-n* в этом местоимении сохраняется при склонении; такая ситуация характерна для некоторых местоимений, кванторов и числительных, но, как сказано выше, не для существительных.

В редких случаях встречаются «беспадежные» формы местоимений; они используются, например, в случае, если местоимение входит в группу, формальной вершиной которой является числительное (см. обсуждение в разделе 4.3), как в следующем примере:

- (28) <...> *ma dörvən-igə av-č ir-äd* <...>
 мы четыре-ACC брать-CV.IPFV приходить-CV.ANT
 ‘... взяв нас четверых...’ (01.avtobiografija.3).

Ближайшим аналогом личного местоимения третьего лица единственного числа являются независимо употребленные указательные местоимения (см. о них также раздел 4.2.4); в случае употребления указательных по природе местоимений в функции личных эти местоимения обязательно получают падежное маркирование. В номинативе достаточно последовательно используются формы *enə* (букв. ‘этот’) и *terə* (букв. ‘тот’), а в косвенных падежах встречаются формы с довольно разнообразными основами: *enü-*, *üü-* для первого местоимения и *terü-*, *tenü-*, *tüü-*, *tüŋ-* — для второго (в косвенных падежах все эти основы, кроме последней, присоединяют окончания по модели существительных с неустойчивым *-n*). Факторы, влияющие на выбор между всеми названными вариантами, нами не изучались; при всех обстоятельствах этот выбор, несомненно, подвержен идиолектной вариативности.

В функции личного местоимения множественного числа третьего лица выступают формы *edən* и *tedən*, исторически являющиеся формами множественного числа указательных местоимений. Эти местоимения склоняются по регулярной модели, однако при этом конечный */n/* сохраняется во всех формах, т. е. не ведет себя как неустойчивый.

В случае если указательные по природе местоимения употребляются в реферирующей функции, они не только обязательно получают падежные маркеры, но и в определенных случаях несут показатели посессивности.

- (29) *terə-n^j kel-žä-nä* <...>
 тот-Р.3 говорить-PROG-PRS
 ‘Он говорит...’ (02_pasport.67).

Посессивные показатели первых двух лиц в составе таких форм служат референциальной привязке группы лиц или объектов. Иногда носители калмыцкого языка переводят соответствующие формы при помощи русских именных групп типа '(этот) мой', '(эти) ваши' и т. д., (см. (96)). Функциональная нагрузка посессивного показателя третьего лица (29) пока неясна.

4.2.2. *Рефлексивные и реципрокальные местоимения.* В качестве основного маркера **личного рефлексива** в калмыцком языке используется местоимение *bij-* (в качестве существительного эта лексема имеет значение 'тело') с показателем рефлексивного посессива (и необходимым падежным маркером):

- (30) *bij-d-än* *sitro* *avə-∅*
 тело-DAT-P.REFL ситро брать-IMP
 'Возьми себе ситро' (02_pasport.64).

Как следствие, на дистрибуцию личного рефлексива с таким оформлением накладываются те же синтаксические ограничения локальности, которые характерны для маркера рефлексивного посессива (см. выше раздел 4.1.4). При этом, однако, эти ограничения касаются именно рефлексивного посессивного маркера, сама же основа *bij-* в качестве личного рефлексива имеет более широкую дистрибуцию. Так, например, в следующем примере личный рефлексив в зависимой клаузе отсылает к подлежащему главной предикации; в такой ситуации нарушается условие локальности, необходимое для употребления рефлексивного посессива, и используется личный посессивный показатель:

- (31) *urzən* *Baatər* [*bij-i-nⁱ* *al-xə*]
 прошлогодний Батыр тело-ACC-P.3 убить-PC.FUT
küü-n-lä *tanⁱə-ld-la*
 человек-EXT-COM узнавать-RECP-REM
 'В прошлом году Батыр познакомился с человеком, который потом убил его' (пример получен К. А. Крапивиной).

Встает вопрос о том, всегда ли можно рассматривать местоимение *bij-* с личными посессивными показателями (без посессивных показателей в наших материалах оно не употребляется) как рефлексивное. По всей видимости, при таком оформлении

это местоимение имеет и другие грамматические функции, из которых упоминания заслуживают две.

Во-первых, *bij-* часто используется при передаче чужой речи для референции к тому лицу, чья речь пересказывается, как в следующем примере:

- (32) *bij-in-n^j* *eck-in-n^j* *cogcə-n^j*
 тело-GEN-P.3 отец-GEN-P.3 организм-P.3
üld-sən
 оставаться-PC.PST
 ‘Ее собственного отца (там) похоронили’, букв.: ‘тело ее собственного отца осталось’ (03_səmja.47).

Этот пример взят из текста, в котором значительный фрагмент представляет собой пересказ сведений, полученных рассказчиком от матери; именно к матери рассказчика в этом предложении и реферировано местоимение *bij-*. Таким образом, *bij-* функционирует здесь как своего рода логофорическое местоимение. При этом в качестве логофорического местоимения *bij-* может принимать посессивные показатели не только третьего, но и первого или второго лица (12_prostofilja.32, 02_pasport.79).

Во-вторых, *bij-* может выступать в роли интенсификатора. В таком употреблении *bij-* соотносим с некоторой именной группой, в состав которой он при этом не входит:

- (33) *bijə-s-n^j* *xatučə* *bajnəxən* *kevt-nä*
 тело-PL-P.3 скряга богатые лежать-PRS
 ‘Скупые богачи сами лежат’ (14_xitryj_muzhik.22).

То, что в данном случае *bij-* не является определением в составе именной группы, видно по наличию на этом местоимении посессивного показателя и показателя числа (!), что невозможно для обычных определений внутри именной группы.

В имеющихся описаниях калмыцкого языка упоминается и еще одна лексема, способная выступать в функции **личного рефлексива**, — обшемонгольское местоимение с основой *evr-*. По всей видимости, на данный момент она **не** встречается в тех позициях, где синтаксически возможно появление показателя рефлексивного посессива (в этих случаях **всегда** используется *bij-* с рефлексивно-посессивным показателем). При этом местоимение

с основой *evr-* используется, например, тогда, когда ожидается форма генитива личного рефлексива (как уже говорилось, в калмыцком языке отсутствуют формы генитива рефлексивно-посессивного склонения, в частности, это верно и для местоимения *bij-*). В таких случаях в форме генитива посессивного склонения третьего лица по каким-то причинам используется именно местоимение с основой *evr-* (а не *bij-*), как в следующих двух примерах (иллюстрирующих употребление рефлексива в качестве зависимого при послелого, требующем генитива, и приименное употребление генитива соответственно):

(34) *baj-n-a* *kos-igə* *evr-ännⁱ* *öörə*
богач-EXT-GEN сапоги-ACC сам-GEN.P.3 близость
täv-čk-vä
клясть-COMPL-PST.EMPH
'Сапоги богача возле себя поставил' (14_xitryj_muzhik.39).

(35) *evr-ännⁱ* *elgən* *sad-an*
сам-GEN.P.3 родственник родня-P.REFL
ol-žə *abb-u*
находить-CV.IPFV брать.PST-1SG
'Я нашел свою собственную семью' (02_pasport.22).

В случаях, подобных (35), кореферентность подлежащего клаузы и посессора одного из актантов выражается дважды: на самом этом актанте появляется показатель рефлексивного посессива, а генитив местоимения *evr-* фактически выступает в качестве эмфатического посессивного маркера (ср. 'свою собственную' в переводе).

Помимо этого, форма *evrän* (нерегулярная форма номинатива непосессивного склонения) может функционировать в качестве личного интенсификатора ('сам', 'самостоятельно'):

(36) <...> *bi* *evrän* *od-ad* <...>
я.NOM сам уходить-CV.ANT
'Я сама пошла...' (08_konflikt.34).

В качестве основного реципрокального местоимения в калмыцком языке выступает парное местоимение *neg neg-* (букв. 'один одного / одному и т. д.'), ко второй части которого присоединяются показатели падежа и рефлексивного посессива:

- (37) *tedən neg neg-n-äsən ää-žä-nä*
 они один один-EXT-ABL.P.REFL бояться-PROG-PRS
 ‘Они боятся друг друга’ (пример получен С. А. Оскольской).

Некоторые свойства этого реципрокального местоимения обсуждаются в [Оскольская, настоящий сборник].

4.2.3. *Вопросительные местоимения.* Основные **вопросительные** местоимения — *jün* ‘что?’ и *ken* ‘кто?’ — противопоставлены, как видно по переводам, по признаку одушевленности. Первое из этих местоимений склоняется по модели существительных с неустойчивым *-n* (и имеет долгий гласный в косвенных формах), второе сохраняет *n* при склонении, ср. *ken-igə* (кто-ACC) ‘кого?’, но при этом образует форму генитива *ken-ä* (кто-GEN) ‘чей’ по модели существительных с неустойчивым *-n*, что вообще характерно для целого ряда калмыцких местоимений. В спонтанном дискурсе падежные формы местоимения *jün* ‘что?’ часто используются как подстановочные хезитационные маркеры, см., например, (02_pasport.8), подобно русскому *этот самый*.

4.2.4. *Указательные местоимения.* Как уже было сказано, в калмыцком языке имеется два основных **указательных** местоимения: *enə* ‘этот’ и *terə* ‘тот’. Они в целом противопоставлены по признаку проксимативности/обвиативности (\approx наличие/отсутствие в поле зрения). Впрочем, эти местоимения втягиваются в формирующуюся систему маркеров определенности, о чем, в частности, свидетельствует возможность их семантически избыточного употребления при именах собственных (см. также [Баранова, Сай, настоящий сборник]). В случае приименного употребления эти местоимения не изменяются по падежам и не принимают маркеров посессивности.

4.2.5. *Кванторы и неопределенные местоимения.* В систему маркирования противопоставлений по признаку определенности/неопределенности втягивается и числительное *negə(n)* ‘один’, которое типологически ожидаемым образом часто появляется при **неопределенных** конкретно-референтных именных группах (единственного числа)¹⁵:

¹⁵ Излагаемые здесь сведения о функционировании неопределенных местоимений были по преимуществу получены И. С. Капитоновым.

- (38) *övgə-n* <...> *xaalɣ-d-an* *neg* *sük*
старик дорога-DAT-P.REFL один топор
ol-žə *av-na*
находить-CV.IPFV брать-PRS
‘Старик ... нашел на дороге топор’ (12_prostofilja.17).

Эта же единица входит в ряд формирующихся **неопределенных** местоимений, в которых в качестве вершины выступают грамматикализирующиеся существительные *kün* ‘человек’, *jütən* ‘вещь’. Впрочем, эти слова могут выступать в качестве неопределенных местоимений и самостоятельно:

- (39) (*neg*) *kü-n* *üüd-də* *žinən-ül-žä-nä*
(один) человек-EXT дверь-DAT звенеть-CAUS-PROG-PRS
‘Кто-то звонит в дверь’ (примеры (39)–(41) получены И. С. Капитоновым).

Также в формирующуюся систему неопределенных местоимений втягиваются сложные местоимения, в которых собственно маркером неопределенности выступает уступительная частица (PCL.CONC) *čigən* (иногда в форме аффикса *-čən*) или форма *bolučən* ‘хоть’, формально членимая как *bol-u-čən* ‘статья-PST-PCL.CONC’ (ср. с русскими *бы то ни было*). В качестве основы для таких неопределенных местоимений, наряду с уже упомянутыми грамматикализирующимися существительными *kün* ‘человек’, *jütən* ‘вещь’, могут выступать вопросительные местоимения:

- (40) *ken-čən* *nam-də* *bičəg* *bič-xlä*
кто-PCL.CONC я-DAT письмо писать-CV.SUCC
bi *bajrl-x-u*
я.NOM радоваться-PC.FUT-1SG
‘Если кто-нибудь напишет мне письмо, я буду рад’.

В калмыцком языке нет отдельного ряда **отрицательных** местоимений. В отрицательных предложениях используются неопределенные местоимения, см. (82), (86), где в функции неопределенного местоимения используется слово *kün* ‘человек’ или следующий пример, в котором используется вопросительное местоимение с уступительной частицей:

- (41) *namagə ken-čən ol-žə*
 я.АСС кто-PCL.CONC находить-CV.IPFV
čad-š-go
 мочь-PC.FUT-NEG.COP
 ‘Никто меня не сможет найти’.

Значение **универсальной квантификации**¹⁶ выражается в калмыцком языке кванторами *cug*, *cugtan*, *сиварн*¹⁷ ‘весь, все’. Первый из этих кванторов всегда выступает как **зависимое** имени, т. е. находится слева от вершины и не получает никаких грамматических маркеров:

- (42) *Batər öckəldür [cug kelvər-müd-igə] umžə-v*
 Батыр вчера весь рассказ-PL-АСС читать-PST
 ‘Батыр вчера прочитал все рассказы’.

Местоимения *cugtan* и *сиварн* являются «**плавающими кванторами**»: они способны отрываться от той именной группы, с которой они семантически связаны. В случае если такая именная группа стоит в косвенном падеже, эти кванторы маркируются посессивными показателями, при этом как вершина именной группы, так и квантор получают падежные показатели:

- (43) *ixər-ar Maša сивара-вар-nⁱ хотə ии-və*
 ложка-INS Маша весь-INS-Р.З еда пить-PST
 ‘Маша поела всеми ложками’.

Среди местоимений, имеющих отношение к квантификации (они частично рассматриваются в [Коношенко, настоящий сборник]), особняком стоит **дистрибутивный** квантор *bolvən* ‘каждый’. Его специфика состоит в том, что он занимает позицию **вершины** в той именной группе, которую он квантифицирует, и, как следствие, получает падежные маркеры:

- (44) *gerə bolvən-də*
 дом каждый-EXT-DAT
 ‘В каждом доме’.

¹⁶ Семантика и синтаксис универсальной квантификации в калмыцком языке исследовались Н. Коротковой, ею же были получены примеры (42) и (43).

¹⁷ В исследуемом диалекте фиксируются также формы этих местоимений *xug*, *xugtan*, *хиварн*.

4.2.6. *Глагольные слова-заместители («местоглаголия»)*. Раздел 4.2 посвящен местоимениям, т. е. служебным словам, которые по своей дистрибуции близки именным группам и именам. Разумеется, помимо местоимений в собственном смысле слова, в калмыцком языке имеются и другие «замещающие» единицы, например, местоименные наречия, близкие по своей дистрибуции различным наречиям и — шире — обстоятельствам; на свойствах этих единиц мы здесь останавливаться не будем. Тем не менее здесь хотелось бы упомянуть другие, типологически несколько менее тривиальные, единицы калмыцкого языка — «замещающие единицы», имеющие дистрибуцию, близкую к дистрибуции глаголов и глагольных групп. Это «местоглаголия» *iig-* ‘делать так’, *tiig-* ‘делать так’ и *jaa-* (в некоторых формах *jav-*) ‘что делать’.

Все эти единицы способны отсылать к глагольной группе в предшествующем дискурсе в контекстах типа «он весь день тебя ждал, вот **что он делал**» (07_dialog.4), см. также (02_pasport.100).

Лексема *jaa-* ‘что делать’ может функционировать и в качестве «вопросительного глагола»:

- (45) *oda jaa-xə-v*
сейчас что.делать-PC.FUT-1SG
‘Что мне делать?’ (08_konflikt.9).

Помимо этого, глагол *jaa-* используется как хезитационный маркер, в случае если говорящий испытывает затруднения в поиске необходимой однозначной глагольной лексемы (08_konflikt.10), ср. русское *он ведь мне это, написал письмо*.

Что же касается глаголов *iig-* ‘делать так’ и *tiig-* ‘делать так’, то они в основном используются в форме различных деепричастий (прежде всего, разделительного деепричастия), наиболее адекватным переводом которых будут русские выражения ‘таким образом’, ‘после этого’, ‘так’. Эти деепричастия очень часто используются в дискурсе и служат его хронологической организации, маркируя смену эпизодов нарратива. Однако в связи с отсутствием собственно лексической семантики у этих «место-глаголий» они зачастую выступают в качестве заполнителей пауз или слов-паразитов. Разделительное деепричастие от глагола *jaa-* ‘что делать’ (*jav-ad*) может функционировать в качестве

вопросительного обстоятельства ‘как?’, ‘каким образом?’, а его целевое деепричастие (*jaa-xar*) в качестве вопросительного обстоятельства ‘зачем?’.

4.3. Прочие именные части речи и синтаксис именной группы

Как уже было сказано, в калмыцком языке грамматические показатели числа, посессивности и падежа могут располагаться только на вершине именной группы. Другими словами, именные зависимые (они располагаются слева от вершины) не согласовываются с вершинным именем ни в одной из категорий. Таким образом, основной критерий для разграничения именных частей речи, прежде всего, существительного и прилагательного, связан с синтаксической дистрибуцией; при этом синтаксический критерий обуславливает и морфологические различия: существительное имеет категории числа, падежа и посессивности, а прилагательное — нет. Такое положение дел создает определенные трудности для семантической классификации частей речи. Действительно, согласно традиционному взгляду, прилагательные выделяются как класс имен, обозначающих признак. Однако в калмыцком языке существует множество имен, которые могут в одних ситуациях возглавлять именную группу, а в других функционировать в качестве определений к вершине без принципиального изменения собственно лексической семантики. С точки зрения традиционных представлений о частях речи, в подобных случаях имеет место регулярная **конверсия**. В настоящем сборнике мы следуем такому подходу и постулируем омонимы типа *bajən* ‘богач’, ‘богатый’, *sesən* ‘мудрость’, ‘мудрый’, отдавая себе отчет в некоторой условности этой трактовки.

В калмыцком языке практически все адъективные по семантике лексемы способны оказываться в позиции вершины именной группы, т. е. подвергаться субстантивации. Чаще всего они при этом приобретают значение абстрактных существительных: если прилагательное обозначает некоторый признак, то омонимичное существительное имеет значение ‘то, что обладает соответствующим признаком’. Так, прилагательное *sän* ‘хороший’ оказывается омонимично существительному ‘добро’, используемому, например, в следующем идиоматическом выражении:

- (46) *ekə-m* <...> *sää-vän* *xää-v*
мать-1SG добро-P.REFL искать-PST
'Моя мать ... скончалась' (букв.: 'искала свое добро')
(01_avtobiografija.3).

Из принятого здесь анализа имеется и следствие, являющееся в каком-то смысле техническим. Речь идет о трактовке конечного *n* в обсуждаемых парах конверсивов. Как было показано выше, в парадигмах существительных этот *n* может иметь релевантную для грамматики функцию, он выделялся нами как своеобразный грамматический показатель, «расширитель основы». Поскольку прилагательные не имеют никаких грамматических форм, в их составе тот же по сути *n* трактуется уже как неотъемлемая часть основы. В результате приходится по-разному разбирать омонимичные существительные и прилагательные, как показано в следующей паре примеров:

- (47) а. *bajən* б. *bajə-n*
богатый богач-EXT
'богатый' 'богач'

Вследствие общей закономерности, касающейся грамматического маркирования именных групп в калмыцком языке, поведение **количественных числительных** также зависит от того, употребляются ли они при вершинном имени или в качестве вершины группы. В первом случае они выступают в неизменяемой форме (48), во втором — присоединяют показатели падежа (и иногда посессивности), как в примере (28) выше.

- (48) *xal'məg* *ämtə-s* *kurvən* *sooxa-kasə*
калмыцкий люди-PL три дыра-ABL
ceerəl-nä
воздерживаться-PRS
'Калмыки остерегаются трех дырок' (19_poroiki.3).

Порядковые числительные образуются от количественных путем присоединения показателя *-dəgčə*, глоссированного в настоящем сборнике как ORD, и в подавляющем большинстве случаев используются при именах, а следовательно, не присоединяют грамматических показателей.

Также не присоединяют грамматических маркеров **дистрибутивные** числительные, образуемые от количественных присоединением суффикса *-ad* и употребляемые в приименной позиции, например, *zuu-vad arsləŋ ög-tən* (сто-DISTR рубль дать-IMP.PL) ‘давайте по сто рублей’ (02_pasport.49).

В связи с отсутствием грамматических категорий у калмыцких прилагательных имеет смысл прокомментировать проблему образования **наречий**. В калмыцком языке имеется ограниченное количество непроизводных наречий (*ärä* ‘едва’) и по крайней мере один продуктивный способ образования производных: к адъективным основам присоединяется показатель *-ar*, т. е. фактически маркер инструменталиса. Считать такие образования падежными формами прилагательных, употребленными в обстоятельственном значении, невозможно, прежде всего, из парадигматических соображений (мы исходим из того, что падежные формы от собственно прилагательных не образуются). Имеются и дополнительные аргументы против трактовки наречий на *-ar* как падежных форм имен: например, наречие *säänär* ‘хорошо’ (ср. уже упоминавшееся прилагательное *sän* ‘хороший’¹⁸) невозможно считать формой инструменталиса, т. к. в этом падеже должен был бы исчезать неустойчивый *-n*, чего не наблюдается.

Выше было сказано, что адъективные по семантике лексемы могут оказываться в позиции вершины именной группы и подвергаться таким образом субстантивации. В то же время калмыцкие лексемы с субстантивной семантикой, напротив, далеко не всегда возглавляют полноценную именную группу. Так, например, в калмыцком языке распространено явление «парного» употребления существительных, чаще всего либо практически синонимических — например, *elgən sadə-n* (родственник родня-ЕХТ) ‘семья, родичи’, — либо образующих пару связанных по смыслу, но противопоставленных по какому-то признаку понятий, например, *ekə eckə* (мать отец) ‘родители’¹⁹. В именных группах с такими парными существительными определения

¹⁸ Закономерность, согласно которой долгие гласные корня подвергаются сокращению в односложных словах, описана в разделе 3.4.

¹⁹ В калмыцкой орфографии такие парные существительные разделяются дефисом.

располагаются слева от первого из них, а грамматические показатели числа, падежа и посессивности присоединяются ко второму, см. выше пример (35). Следовательно, первое существительное в составе подобных парных образований не возглавляет отдельной именной группы, а неустойчивый *-л* в его составе, если он имеется, не выполняет никакой грамматической функции (и не выделяется при анализе, принятом в настоящем сборнике).

Другой случай, когда субстантивная лексема в калмыцком языке не возглавляет отдельной именной группы, — это конструкция, служащая одним из основных средств сочинения. В рамках известной дихотомии «AND-languages» vs. «WITH-languages» [Stassen 2000] калмыцкий язык следует скорее отнести к первой категории, т. е. к числу языков, в которых имеется средство, служащее для выражения семантики сочинения именных групп, отличное от конструкции, в которой одна из составляющих оказывается подчиненной другой и маркируется комитативными средствами. Действительно, в калмыцком языке имеется союз *bolən* ‘и’, который может сочинять две полноценные именные группы; вершины соединяемых этим союзом именных групп получают при необходимости грамматические маркеры падежа и других категорий:

- (49) ⟨...⟩ *biudʼa-ʒar bolən bodəncg-ar* ⟨...⟩
 зерно-INS и картошка-INS
 ‘... зерном и картошкой...’ (02_pasport.6).

Однако союзная стратегия сочинения используется в калмыцком языке сравнительно редко. Гораздо более распространено использование комитативной стратегии (при которой сопутствующий участник маркируется комитативом или ассоциативом, см. выше) и еще одной стратегии, которая нас сейчас и интересует. Речь идет о типологически нетривиальной структуре, в рамках которой имена не разделяются никакими служебными словами, а за ними следует числительное *hojər* ‘два’. При этом именно числительное выступает в качестве вершины единой именной группы, и только оно получает грамматические маркеры, сами же существительные падежных маркеров не получают:

- (50) ⟨...⟩ *ter tuvəl ikər xojr-ar kar-č*
 тот теленок корова два-INS выходить-EVD
 ‘... вышло через эту корову и теленка’ (08_konflikt.28).

Таким образом, и в рамках этой конструкции существительные не возглавляют полноценных именных групп. Если считать, что синтаксический критерий (употребление в качестве вершины полноценной именной группы) является не только достаточным, но и необходимым признаком для квалификации словоформы как формы существительного, то установление частеречной принадлежности имен в составе подобных структур связано с определенными трудностями; в этом смысле трактовка их как существительных, вообще говоря, несколько условна.

5. Глагол

5.1. Структура глагольной словоформы

Порядковая модель словоформ с глагольными корнями может быть представлена в следующем виде:

- 1) корень;
- 2) показатели деривации глагольных основ: каузатива (*-lvə, -ul, -a, -gə, -və* (CAUS)), пассива (*-gdə* (PASS)), реципрока (*-ldə* (RECP)), социатива (*-lcə* (SOC));
- 3) аспектуальные показатели (комплетив, прогрессив);
- 4) показатель глагольной множественности (*-сха* (PLR));
- 5) показатели финитности/нефинитности: суффиксы причастий, деепричастий, косвенных наклонений, а для форм индикатива — времени; эту же позицию занимают показатели номинализации, образующие имена действия.

Наличие показателя, занимающего пятый «слот» в представленной порядковой модели, является обязательным — в каждой форме с глагольным корнем имеется показатель из этой группы, при этом ровно один. Показатели, занимающие «слоты» со второго по четвертый, являются факультативными, они появляются только в том случае, если говорящему необходимо выразить соответствующее значение, а при отсутствии этих маркеров невозможно говорить о нулевых показателях.

Показатели, расположенные во втором «слоте», могут демонстрировать рекурсию, например, показатель пассива может присоединяться после показателя каузатива, показатели каузатива могут присоединяться дважды и т. д. При этом, по всей видимости, взаимодействие показателей деривации глагольных основ с показателями в последующих «слотах» подчиняется композиционной логике. Поскольку все показатели, способные появляться во втором «слоте», стали предметом анализа в других статьях настоящего сборника, здесь они далее не рассматриваются (см. [Выдрина, настоящий сборник] о показателе пассива, [Сай, настоящий сборник] о каузативных дериватах и [Оскольская, настоящий сборник] о показателях реципрока и социатива). Также здесь не обсуждаются свойства показателя глагольной множественности (см. о нем [Оскольская, настоящий сборник]).

Показатели, занимающие третий «слот» в порядковой модели, рассматриваются ниже, в разделе 5.2; эти показатели вступают в грамматическое взаимодействие с показателями, занимающими «слот» пятого порядка (например, они невозможны в некоторых финитных формах, многие сочетания аспектуальных показателей и маркеров финитности/нефинитности выступают в качестве единых комплексов, значение которых невозможно композиционно вывести из значения их частей).

Сами показатели, занимающие пятый «слот» в порядковой модели, представляют собой наиболее многочисленную группу глагольных маркеров. Их можно разделить на показатели времени в финитных формах индикатива (раздел 5.3), показатели косвенных наклонений (5.4), причастий (5.5) и деепричастий (5.6). К этой группе примыкают и суффиксы, при помощи которых образуются имена действия (*-lвэ, -l, -lтэ, -vэр* (NMLZ)). Свойства соответствующих дериватов здесь не рассматриваются, см. о них [Перкова, настоящий сборник].

Структура показателей, располагающихся в словоформах с глагольными корнями после показателей финитности/нефинитности, существенным образом зависит от того, какой именно показатель занимает этот грамматически наиболее важный порядок. Можно отметить, что если в глагольной словоформе

возможно морфологическое выражение отрицания и использование согласовательных маркеров, то соответствующие показатели появляются после показателей финитности/нефинитности именно в такой последовательности. Соответственно в структуре некоторых глагольных словоформ можно условно постулировать еще два порядка:

- 6) показатели отрицания;
- 7) согласовательные показатели²⁰.

Показатели отрицания в калмыцком языке (как входящие в состав глагольных словоформ, так и другие) рассматриваются в разделе 5.7, а согласовательные показатели для простоты обсуждаются в разделе 5.3, посвященном финитным формам индикатива, хотя их появление возможно не только в этих формах.

Помимо уже названных показателей, в составе глагольных словоформ могут появляться так называемые «частицы»; некоторые из них будут кратко рассмотрены в разделе 6.3.

5.2. Аспектуальные маркеры прогрессива и комплетива

В составе глагольных словоформ могут употребляться два собственно аспектуальных маркера: показатель прогрессива *-ʒa* и показатель комплетива *-čkə*. Оба этих маркера возникли в результате стяжения сложных глаголов, т. е. структур, включавших форму деепричастия смыслового глагола и глагольную форму главного (вспомогательного) глагола, на которой располагались показатели финитности/нефинитности. Грамматикализация природа синтетических аспектуальных маркеров и взаимоотношения между этими аффиксами и нестяженными формами сложных глаголов рассматриваются в [Баранова, настоящий сборник]. Там же обсуждаются и другие сложные глаголы в современном калмыцком языке, и показывается, что многие из них служат для аналитического выражения аспектуальной семантики.

Показатель **комплетива** *-čkə*, по всей видимости, может появляться в подавляющем большинстве финитных и нефинитных форм калмыцкого языка; его взаимодействие с показателями финитных

²⁰ В представленной модели не выделены «слоты» для частиц, см. о них раздел 6.3.

форм, причастий и деепричастий (когда такие сочетания возможны) в целом подчиняется композиционной логике: во всех случаях он выражает **достижение естественного предела действия**.

Однако при этом и сама возможность употребления показателя комплетива, и семантическая интерпретация соответствующих форм зависит от акциональных свойств соответствующих лексем. Так, например, по понятным причинам показатель комплетива плохо сочетается с неопределёнными глаголами, для слабых предельных глаголов использование показателя комплетива делает возможным исключительно предельное прочтение (т. е. блокирует неопределённое), наконец, присоединяясь к пунктивным и сильным предельным глаголам, этот показатель как будто бы не приводит к очевидному семантическому изменению (см. подробнее об этом [Гото, настоящий сборник]). Несмотря на последнее обстоятельство, в собранных нами текстах показатель комплетива чаще всего появляется именно на таких глаголах, как в следующем примере:

- (51) ⟨...⟩ *Barnaul-də ir-čk-ü-vidn*
 Барнаул-DAT приходить-COMPL-PST-1PL
 ‘... Мы приехали в Барнаул’ (02_pasport.41).

По всей видимости, употребление показателя комплетива в подобных случаях избыточно — семантика достижения предела была бы передана и обычной формой претерита глагола *ir-* ‘приходить’.

Судя по всему, на предшествующих этапах развития калмыцкого языка показатель комплетива мог употребляться исключительно с переходными глаголами (это отмечается в некоторых грамматических описаниях калмыцкого языка). В собранных нами материалах это ограничение не действует, однако определенная связь с переходностью у этого показателя сохраняется: если для переходных глаголов аффикс *-čkə* является основным способом выражения комплетивной семантики, то для непереходных глаголов семантика комплетива часто выражается аналитически, при помощи одного из сложных глаголов (см. [Баранова, настоящий сборник]).

Показатель **прогрессива** *-žə*, в отличие от показателя комплетива, достаточно легко присоединяется к подавляющему

большинству глагольных лексем. При этом он демонстрирует заметное семантическое и грамматическое взаимодействие с располагающимися за ним показателями финитности/нефинитности. Так, например, формы, включающие показатель прогрессива и показатель настоящего времени (формы на *-žana*), функционируют в качестве основного способа выражения **актуально-длительного** значения настоящего времени, при этом в ряде случаев они могут иметь и другие интерпретации (например, итеративную или проспективную — выражение запланированного действия в будущем²¹). Эта форма может образовываться и от глаголов, обозначающих постоянные состояния ('знать', 'верить' и т. п.); таким образом, ярлык «прогрессив» является в данном случае достаточно условным: эту форму можно было бы трактовать и как дуративную. Именно форма на *-žana* рассматривалась нами как основная форма, соответствующая универсальному категориальному типу «имперфектив» (см. подробнее об этой форме [Овсянникова, настоящий сборник]).

Сочетаемость показателя прогрессива с индикативными финитными формами прошедшего времени и семантика таких форм подробно рассматриваются в [Гото, настоящий сборник]. Наиболее заметным грамматическим фактом здесь является то, что показатель прогрессива невозможен в формах претерита на *-v* (имперфективная семантика, выражаемая показателем прогрессива, вступала бы в противоречие с перфективной семантикой, характерной для форм претерита).

Показатель прогрессива интересным образом взаимодействует и с показателями причастий и деепричастий. Несколько упрощая действительность, можно сказать, что употребление показателя прогрессива в этих формах коррелирует с выражением таксисного значения одновременности. Помимо этого, в составе причастий, возглавляющих относительный оборот, употребление показателя прогрессива способствует локализации выражаемого им действия в плане настоящего (абсолютного) времени (несколько забегая

²¹ Такие интерпретации являются единственными возможными для пунктивных и сильно-предельных глаголов, т. е. глаголов, которые не допускают актуально-длительной интерпретации.

вперед, можно заметить, что в калмыцком языке нет отдельного причастия настоящего времени, в качестве таковых и выступают формы причастий прошедшего времени на *-sən* и будущего времени на *-хэ*, содержащие маркер прогрессива). Закономерности употребления показателя прогрессива в составе деепричастий рассматриваются в [Мищенко, настоящий сборник], а в составе причастий — в [Крапивина, настоящий сборник] и [Князев, настоящий сборник].

5.3. Финитные глагольные формы индикатива

К числу **финитных** обычно относят такие формы, которые могут возглавлять независимое предложение, т. е. выступать в качестве его единственного сказуемого. Среди синтетических глагольных форм калмыцкого языка такой способностью обладают довольно многие. Однако мы далее будем называть финитными лишь те из них, для которых названная функция является основной или единственной. Таким образом, формы, которые способны и выступать в качестве сказуемого независимого предложения, и, например, возглавлять относительный оборот, мы относили к числу причастий.

В этом понимании в калмыцком языке к числу финитных относится уже меньшее количество форм. Часть из них выражает значение косвенных наклонений (см. раздел 5.4), эксплицитного же маркера индикатива в калмыцком языке не существует; таким образом, фактически в качестве маркеров индикатива выступают показатели **времени**, которые возможны исключительно в индикативных финитных формах.

К числу **финитных форм индикатива** относятся форма **настоящего времени** на *-na*, форма **континуатива** на *-a* и несколько форм зоны прошедшего времени: формы **претерита** на *-v*²², **эвиденциального прошедшего** на *-ǰə* и **отдаленного прошедшего** на *-la*²³. Все эти формы не только **способны**

²² Показатель с семантикой претерита иногда реализуется как *-va*. По всей видимости, такой вариант используется в эмфатических контекстах, в связи с этим в настоящем сборнике он трактовался как эмфатическая форма претерита (PST.EMPH).

²³ Показатели настоящего и отдаленного прошедшего времени могут терять гласный */a/* в случае употребления в вопросительных предложениях.

возглавлять независимое предложение, но и практически не используются в других позициях. Действительно, все названные формы могут использоваться в зависимых клаузах почти исключительно в конструкциях прямой речи. Иногда встречающиеся в речи калмыков структуры, в которых финитные индикативные формы возглавляют зависимую клаузу, возникают, по всей видимости, в результате интерференции с русским языком.

Семантика всех финитных форм зоны прошедшего времени подробно рассматривается в [Гото, настоящий сборник], а возможные интерпретации формы претерита для глаголов различных акциональных классов в [Овсянникова, настоящий сборник], здесь нет смысла подробно останавливаться на особенностях этих форм. Достаточно сказать, что формы эвиденциального прошедшего противопоставлены другим формам зоны прошедшего времени по признаку косвенной засвидетельствованности, а формы претерита и отдаленного прошедшего — нейтральные к семантике эвиденциальности — противопоставлены прежде всего как формы с семантикой актуального/неактуального прошедшего соответственно.

Однако кажется разумным кратко обсудить оставшиеся две индикативные финитные формы: формы настоящего времени и континуатива.

Употребление формы настоящего времени в сочетании с показателем прогрессива уже было рассмотрено выше, поэтому сосредоточим сейчас внимание на употреблении форм **настоящего времени на -na без показателя прогрессива**²⁴. Из значений зоны собственно настоящего времени этой формой могут выражаться значение **хабитуалиса настоящего времени** (52) и **генерическое** значение (48), (53):

(52) *migmir ödər enə bičg-üd bič-nä*
вторник день он письмо-PL писать-PRS
'По вторникам он пишет письма' (пример получен К. В. Гото).

(53) *narən örün tavən čas-la var-na*
солнце утро пять час-COM выходить-PRS
'Солнце встает в пять утра' (пример получен К. В. Гото).

²⁴ Сведения об употреблении этой формы были преимущественно получены К. В. Гото.

При помощи показателя настоящего времени без показателя прогрессива невозможно или очень ограниченно возможно выражение актуального-длительного значения настоящего времени: это значение преимущественно выражается формой прогрессива настоящего времени.

Помимо значений зоны настоящего времени, форма на *-na* способна также выражать значение настоящего исторического и значение запланированного действия в будущем.

Первая возможность очень широко представлена в нарративах, при этом в них форма настоящего времени выступает как нейтральная в аспектуальном отношении, т. е. способна выражать как действие, достигшее предела, так и незавершенное действие. В случае необходимости аспектуальные значения выражаются в формах настоящего времени в функции *praesens historicum* показателями комплетива и прогрессива.

Что же касается значения будущего времени, то оно может выражаться формой настоящего времени без показателя прогрессива только в формах первого лица и только в том случае, если речь идет о планируемом (и, следовательно, контролируемом) действии, как в следующем примере:

(54) *podval-də čatagə xaj-na-v*
подвал-DAT ты.ACC бросать-PRS-1SG
'Я тебя брошу в подвал' (05_ljagushki.9).

То, что значение планируемого действия может выражаться формой настоящего времени только при подлежащем первого лица, закономерно: для такой интерпретации необходима семантика контролируемости и предсказуемости, которая возникает только в том случае, если говорящий (субъект оценки достоверности) совпадает с исполнителем.

Осталось заметить, что обрисованные закономерности употребления показателя настоящего времени действуют в синтетических глагольных формах. Несколько иначе обстоит дело в сложных глаголах: в них аспектуальная информация отражается в выборе лексемы вершинного глагола и нефинитной формы зависимого глагола. В частности, в сложных глаголах актуально-длительное значение настоящего времени может выражаться и в случаях, когда вершинный глагол не содержит

маркера прогрессива [Баранова, настоящий сборник]; действительно, в каком-то смысле сам вершинный глагол может служить аналогом синтетического аспектуального показателя.

Перейдем теперь к форме **континуатива** на *-a*. В калмыко-ведческой литературе эта форма описывается как «причастие настоящего времени». Однако, как показано в [Крапивина, настоящий сборник], в изучавшемся нами варианте калмыцкого языка форма континуатива не может возглавлять относительный оборот и, следовательно, не должна трактоваться как причастие. При этом она может употребляться в позиции финитного сказуемого, как в следующем примере (он получен К. А. Крапивиной):

- (55) *Саган тер күү-н-дә ода-čән*
 Цаган тот человек-EXT-DAT сейчас-PCL.CONC
bičəg bič-ä
 письмо писать-CONT
 ‘Цаган все еще пишет письма тому человеку’.

В позиции финитного сказуемого эта форма обозначает действие, которое **началось до настоящего момента**, но **продолжается до сих пор**. По сообщению К. А. Крапивиной, при работе с информантами по анкетам она использовалась почти исключительно в тех случаях, когда стимул на русском языке содержал обстоятельственную группу «все еще».

Форма континуатива отличается от всех остальных форм, трактуемых нами как финитные, тем, что она может употребляться в сочетании с глаголом-связкой *bäü-* ‘быть’ в форме отдаленного прошедшего (по всей видимости, в этом можно увидеть реликт ее причастного происхождения), как в примере (56). В таких случаях она также обозначает действие, начавшееся до момента наблюдения, но продолжающееся и в этот момент, с той разницей, что точкой отсчета в таких случаях служит не настоящее говорящего, а какой-то момент в прошлом:

- (56) *namagə ir-x-tə Bajərta bičg-än*
 я.ACC приходит-PC.FUT-DAT Байрта письмо-P.REFL
bič-ä bilä
 писать-CONT быть.REM
 ‘Когда я пришел, Байрта все еще писала письма’ (пример получен К. В. Гото).

По поводу глагольной формы с показателем *-a* осталось заметить, что в собранных нами материалах она часто встречается в конструкциях, где за ней следует близкий по смыслу глагол в форме разделительного деепричастия:

- (57) ⟨...⟩ *сикаг дуул-ld-a* *биил-ld-äd* ⟨...⟩
 весь петь-RECP-CONT танцевать-RECP-CV.ANT
 ‘... Все пели и танцевали...’ (03_сeмja.22).

Возможность употребления в такой синтаксической позиции неожиданна для финитной формы (или для причастия). В связи с этим остается не вполне понятным, действительно ли в таких случаях используется форма континуатива или на самом деле здесь представлена какая-то другая глагольная форма, омонимичная континуативу (например, возможно, что мы имеем дело с вариантом реализации разделительного деепричастия на *-ad*).

В завершении обсуждения финитных форм индикатива, необходимо отметить, что все эти формы обязательно принимают показатели лично-числового **согласования** с подлежащим. Парадигма показателей согласования представлена в Таблице 10 на следующей странице. Как видно по данным в этой Таблице, в калмыцком языке нет эксплицитных маркеров согласования по третьему лицу (можно было бы говорить лишь о нулевом показателе, который, впрочем, для простоты не выделялся в принятой нами системе подачи примеров).

Представленные показатели согласования обязательно присоединяются не только к финитным глагольным формам индикатива, но и к **любой** лексеме, занимающей позицию сказуемого независимого предложения. Так, например, в следующем примере согласовательные показатели второго лица единственного числа присоединяются и к «отрицательной связке» и, как и во всех предложениях характеристики настоящего времени без глагольной связки, к имени, выступающему в позиции сказуемого:

- (58) *či* *küü-n-də* *kerğ uga-č* *noxa-č*
 ты.NOM человек-EXT-DAT дело NEG.COP-2SG собака-2SG
 ‘Ты никому не нужна (букв.: ты ни для кого не являешься делом), (ты) собака’ (10_Bulgun.6).

Таблица 10. Показатели лично-числового согласования финитных сказуемых

	единственное число	множественное число
первое лицо	-v ²⁵	-vidn
второе лицо	-č	-t
третье лицо	—	

5.4. Формы косвенных наклонений

К числу показателей косвенных наклонений, используемых в изучавшемся нами варианте калмыцкого языка, относятся следующие: собственно императив (выражается нулевым аффиксом), императив множественного числа (-tən), гортатив (-ij), юссив-1 (-tχa), юссив-2 (-g) и апрехенсив (-vza). Семантика, морфология и синтаксис всех этих форм подробно рассматриваются в [Прохоров, настоящий сборник]. Здесь же имеет смысл упомянуть лишь самые базовые факты, касающиеся этих наклонений.

Все формы косвенных наклонений могут употребляться в двух основных синтаксических позициях: как финитные формы в независимом предложении и как вершины некоторых типов зависимых предикаций: в конструкциях прямой речи, а также в некоторых типах сентенциальных актантов, возникших в результате грамматикализации конструкций прямой речи (93).

Формы косвенных наклонений распадаются на две неравных по объему группы: в одну попадает форма апрехенсива, а в другую все остальные формы, которые можно обозначить как формы «императивной зоны».

Формой **апрехенсива** выражается значение некоторого возможного и, чаще всего, нежелательного действия, таким образом, семантику этой формы можно охарактеризовать как «предостережение». При этой форме возможно подлежащее

²⁵ В формах первого лица (и единственного, и множественного числа) претерита, где ожидается стечение двух /v/ на стыке морфем, могут происходить не только морфонологические процессы, описанные в разделе 3.3, но и «поглощение» показателя претерита согласовательным показателем. Таким образом, например, форма первого лица единственного числа претерита от глагола -ir 'приходить' может выглядеть и как *ir-ü-v* (приходить-PST-1SG), и как *irə-v* (приходить-PST.1SG) 'я пришел'. В последнем случае форма первого лица оказывается омонимична форме третьего лица, что подтверждается и металингвистическими суждениями информантов.

(выраженное или подразумеваемое) любого лица, при этом глагольная словоформа присоединяет показатели лично-числового согласования (см. Таблицу 10), как в следующем примере:

- (59) *töör-čə* *odə-vza-č*
 заблудиться-CV.IPFV уходить-APPR-2SG
 ‘Как бы ты не заблудился’, ‘смотри не заблудись!’.

Каждая из форм наклонений **императивной зоны** связана с определенными лично-числовыми признаками исполнителя действия: простой **императив** предполагает исполнителя второго лица единственного числа, **императив множественного числа** — второго лица множественного числа²⁶, **гортатив** — первого лица множественного числа, а **юссивы** употребляются для выражения действий с исполнителем третьего лица (независимо от их числа). Таким образом, формы наклонений императивной зоны образуют своеобразную лично-числовую парадигму. Следствием заданности лично-числовой семантики в самих формах наклонений императивной зоны является то, что показатели согласования при всех этих формах не употребляются:

- (60) *usə av-čə* *irə-∅* / **irə-∅-č*
 вода брать-CV.IPFV приходить-IMP приходить-IMP-2SG
 ‘Принеси воды!’ (примеры (59)–(60) получены
 К. Н. Прохоровым).

Впрочем, формы простого императива с нулевым показателем могут присоединять лично-числовые показатели, если перед ними появляется эмфатическая частица *-l*, например, *suu-∅-l-č* (сидеть-IMP-PCL.EMPH-2SG) ‘садись-ка!’.

Помимо этого, стоит заметить, что сам показатель императива множественного числа (*-tən*) совпадает с посессивным показателем второго лица множественного числа, что, возможно, неслучайно.

²⁶ Также это значение, по всей видимости, выражает и встречавшаяся нам в материалах форма с показателем *-nčə*, природа которой остается для нас непонятной: *sä uu-nčə* (чай пить-IMP?) ‘выпейте чаю’ (02_pasport.55).

5.5. Причастия

Как причастия в настоящем сборнике трактуются те глагольные словоформы, которые способны возглавлять относительный оборот.

В изучавшемся нами варианте калмыцкого языка представлено четыре причастия: причастие прошедшего времени (показатель *-sən*²⁷), причастие будущего времени (*-хэ*), хабитуальное причастие (*-dəg*) и пассивное причастие (*-ata*). Калмыцкие «причастия» используются не только в позиции вершины относительного оборота (см. раздел 5.5.1), но и в других синтаксических позициях, прежде всего, в качестве вершины сентенциальных актантов и сирконстантов (раздел 5.5.2), а также в составе аналитических глагольных сказуемых и в качестве глагольной вершины независимого предложения, т. е. в финитной функции (раздел 5.5.3). Дальнейшее изложение следует такому делению синтаксических функций.

5.5.1. Причастия в позиции вершины относительного оборота²⁸. Причастия занимают конечную позицию в составе относительного оборота, при этом сам относительный оборот предшествует вершинному имени (если последнее имеется). В случае приименного употребления относительного оборота на причастии не появляются никакие грамматические маркеры (выше уже говорилось о том, что согласование в калмыцких именных группах отсутствует):

- (61) [*mini al-sən*] *ükər dala üsə*
 я.GEN убить-РС.PST корова много молоко
ög-dəg bilä
 дать-РС.HAB быть.REM
 ‘Корова, которую я убил, давала много молока’.

²⁷ Строго говоря, собственно маркером причастия здесь является *-sə*, последний же согласный — это неустойчивый *-n*, который может исчезать при склонении согласно общим закономерностям (см. раздел 4). Тем не менее, для простоты (и в соответствии с традицией) мы считали основным алломорфом показателя этого причастия именно *-sən*.

²⁸ Такие употребления причастий детально анализируются в [Крапивина, настоящий сборник]; в этом разделе будут приведены только самые базовые сведения, излагаемые в этой работе; отсюда же взяты примеры (61) и (62).

В случае безвершинного употребления относительного оборота на причастии появляются падежные показатели:

- (62) *mini id-s-igə bi buul^l-na-v*
 я.GEN есть-PC.PST-ACC я.NOM хвалить-PRS-1SG
 ‘Я хвалю то, что съел (съеденное мной)’.

Среди четырех причастий калмыцкого языка особое место принадлежит малоупотребительному **пассивному причастию** на *-ata*. При помощи этого причастия могут подвергаться релятивизации только **прямые дополнения** некоторых предельных переходных глаголов. Это причастие обозначает **результатирующее** состояние, наступившее после некоторого действия, например: *al-ata taka* (убить-PC.PASS курица) ‘убитая курица’. Как следствие, в таксисном отношении соответствующие конструкции всегда передают семантику предшествования. При употреблении этого причастия в позиции вершины относительного оборота невозможно выражение агентивного дополнения (что связано с резульативной семантикой причастия).

Остальные причастия оказываются нейтральны в отношении релятивизуемой позиции: одни и те же формы служат релятивизации подлежащих, прямых дополнений (см. примеры (61)-(62)), косвенных дополнений и даже обстоятельств, как в следующем примере:

- (63) *[[xur or-sən] cag-la] meklä*
 дождь входит-PC.PST время-COM лягушка
dala bol-na
 много становится-PRS
 ‘В то время, когда пошел дождь, стало много лягушек’
 (05_ljagushki.1).

В составе относительного оборота на месте релятивизуемого имени обычно не используется никаких эксплицитных синтаксических элементов, см. (61), где на месте прямого дополнения в составе относительного оборота остается «пробел». В случае релятивизации неподлежащих позиций подлежащее в составе зависимого оборота оформляется генитивом, как в (61) и (62), или, при определенных синтаксических условиях, номинативом (63).

Итак, выбор между тремя обсуждаемыми причастиями в позиции вершины относительного оборота не зависит от синтаксической позиции релятивизируемого имени. Этот выбор связан с темпоральной, аспектуальной и таксисной семантикой.

Хабитуальное причастие на *-dæg* используется для передачи повторяющегося или постоянного (не локализуемого во времени) действия. Таким образом, это причастие имеет фиксированное аспектуальное значение и индифферентно к темпоральной семантике.

В нехабитуальных контекстах выбор между причастиями прошедшего и будущего времени (и вариантами этих причастий с показателем прогрессива) определяется сложными закономерностями, для которых релевантна не только темпоральная, аспектуальная и таксисная семантика, но и акциональные характеристики глагола. В целом выбор **причастия прошедшего времени** на *-sæn* коррелирует с семантикой абсолютного прошедшего времени и предшествования, выбор **причастия будущего времени** на *-хэ* с семантикой абсолютного будущего времени и следования, а использование показателя прогрессива в составе обоих этих причастий — с семантикой настоящего абсолютного настоящего времени и одновременности.

5.5.2. *Причастия в позиции вершины синтаксических актантов и сирконстантов*²⁹. Среди конструкций, в которых причастие возглавляет синтаксический актанта или сирконстант, наиболее частотными являются случаи использования причастий в позиции вершины синтаксического дополнения. Эти конструкции стали предметом подробного анализа в [Князев, настоящий сборник], здесь будут кратко изложены некоторые выводы этого исследования (из этой работы взяты и примеры (64)–(67)).

Причастия в позиции вершины синтаксического актанта можно рассматривать как разновидность номинализаций, т. е. отглагольных форм, имеющих дистрибуцию, близкую к дистрибуции именных групп. Как и ожидается, причастные номинализации

²⁹ Использование малоупотребительного пассивного причастия в этой функции (если оно вообще возможно) нами не изучалось, поэтому здесь наше внимание будет сосредоточено на употреблении трех оставшихся причастий.

в калмыцком языке обладают как именными, так и глагольными свойствами (см. детальный анализ в [Перкова, настоящий сборник]). Среди глагольных свойств можно упомянуть способность модифицироваться наречиями, а также возможность появления в составе некоторых из обсуждаемых форм аспектуальных маркеров прогрессива и комплетива. Однако причастные номинализации обладают и рядом именных свойств, особенно связанных с их внешним синтаксисом. Сюда относится, прежде всего, их способность присоединять показатели падежа и посессивности (показатели числа причастия не присоединяют). В морфологическом отношении образование форм падежа и посессивности для причастий подчиняется тем закономерностям, которые были описаны в разделе 4 для существительных.

Выбор одного из причастий в позиции вершины синтаксического дополнения зависит от многочисленных семантических факторов, прежде всего, от семантики матричного предиката и — что тесным образом связано с первым названным фактором — от таксисных отношений между действиями, выражаемыми в главной и зависимой клаузе. Значительно упрощая действительность, можно сказать, что выбор хабитуального причастия связан с неэпизодической интерпретацией предиката, причастия прошедшего времени — с таксисным значением предшествования, а причастия будущего времени — с семантикой следования и ирреалиса.

Использование **падежных** показателей на причастии в первую очередь зависит от субкатегоризационных свойств матричного глагола: чаще всего используется тот падежный показатель, который задается его актантной рамкой. Так, например, в (64) позицию матричного предиката занимает переходный глагол, и, как следствие, причастие получает маркер аккумулятива:

- (64) *Badma-gə* *xö* *xär-ül-x-i-nⁱ*
 Бадма-ACC овца возвращаться-CAUS-PC.FUT-ACC-P.3
sur-la-v
 просить-REM-1SG
 ‘Я попросил Бадму пасти овец’.

Впрочем, в ряде случаев падежное маркирование причастия в позиции вершины синтаксического дополнения может отклоняться

от падежной рамки, задаваемой матричным предикатом. В частности, причастия будущего времени и хабитуальное причастие могут использоваться без падежных показателей и, тем самым, отклоняться от модели управления матричного предиката, фиксируемой в конструкциях с именными зависимыми:

- (65) *eežə ax-an bankə*
 бабка старший.брат-P.REFL банка
sek-xə surə-v
 открывать-PC.FUT просить-PST
 ‘Бабушка попросила своего старшего брата открыть банку’

По всей видимости, причастия прошедшего времени в позиции вершины синтаксического дополнения не могут использоваться без падежных показателей.

Использование показателей **посессивности** на причастиях в позиции вершины синтаксического дополнения отражает лично-числовые характеристики подлежащего этой зависимой клаузы (таким образом, показатели посессивности выступают здесь как своего рода маркеры согласования). Так, например, показатели посессива первого и второго лица могут появляться только в том случае, если позицию подлежащего зависимой предикации занимает участник с соответствующими лично-числовыми характеристиками, как в следующем примере:

- (66) *terə namagə tova talə čolu*
 тот я.ACC змея сторона камень
xaj-s-i-m üz-lä
 бросать-PC.PST-ACC-P.1SG видеть-REM
 ‘Он видел, что я бросил камень в змею’.

Появление маркеров рефлексивного посессива возможно (а появление личных посессивных маркеров — невозможно) при односубъектности главной и зависимой предикаций:

- (67) *Baatər universitetə or-s-an med-nä*
 Батыр университет входить-PC.PST-P.REFL знать-PRS
 ‘Батыр знает, что поступил в университет’.

Показатели посессивности третьего лица иногда появляются на месте «ожидаемых» показателей первого или

второго лица. Таким образом, они в целом развивают свойства маркеров разносубъектности главной и зависимой предикации.

Использование причастий без показателей падежа и посессивности³⁰ возможно, прежде всего, в позиции вершины синтаксических дополнений матричных предикатов **контроля**, как в (65). В таких случаях идентификация подлежащего зависимой предикации задана семантикой матричного глагола, т. е. использование посессивных показателей, выступающих в роли маркеров согласования и одно- / разносубъектности, было бы избыточным.

Отмеченные выше закономерности *mutatis mutandis* могут быть распространены и на использование причастий в качестве вершины синтаксических подлежащих и синтаксических обстоятельств. Так, в следующем примере вершиной синтаксического сирконстанта является форма причастия, маркированная показателями датива и рефлексивного посессива:

- (68) *Badma Baatər-ta škol-də*
 Бадма Батыр-ASSOC школа-DAT
sur-x-t-an üürlə-v
 учиться-PC.FUT-DAT-P.REFL дружить-PST
 ‘Бадма с Батыром какое-то время дружили, когда (они) учились в школе’ (пример получен М. А. Овсянниковой).

Выбор падежного показателя в данном случае определяется не свойствами глагола в главной клаузе (как в конструкциях с синтаксическими дополнениями), а общими семантическими закономерностями: выражение временной локализации события входит в число значений датива, ср. *asxə-n-də* (вечер-EXT-DAT) ‘вечером’. При этом, как и в упоминавшихся выше случаях, показатель рефлексивного посессива маркирует односубъектность двух клауз (он, вероятно, обязателен при односубъектности, личные посессивные показатели при разносубъектности употребляются факультативно, см. (56), где он не используется).

Следует заметить, что причастные синтаксические актаны и сирконстанты в основном сохраняют внутреннюю синтаксическую организацию, характерную для независимых клауз. Самое

³⁰ Это возможно, как уже говорилось, только для хабитуального причастия и причастия будущего времени. Последнее в таких употреблениях по своей функции близко инфинитивам европейских языков.

заметное их отличие касается кодирования подлежащего: подлежащее в причастных зависимых клаузах может кодироваться не номинативом, а аккузативом (64)–(66). Закономерности, определяющие выбор падежа подлежащего в зависимых клаузах (как в причастных, так и в некоторых других), а также вопрос о том, следует ли трактовать аккузативное маркирование как проявление «подъема» подлежащего зависимой клаузы в главную, подробно рассматриваются в [Сердобольская, настоящий сборник].

5.5.3. *Причастия в финитной функции и в составе аналитических форм сказуемого.* Все калмыцкие причастия могут употребляться в финитной функции, т. е. в качестве сказуемого независимой клаузы. В таких случаях на причастиях употребляются показатели личного согласования. Кроме того, причастия входят в состав аналитических форм, в которых собственно финитной является форма глагола-связки (прежде всего, *bää-* ‘быть’); в таких случаях показатели согласования появляются на связке.

Как и в случае с относительными оборотами, в рассматриваемых конструкциях особняком стоит **пассивное причастие** (см. о его употреблении в финитной функции [Выдрина, настоящий сборник]): при помощи этого причастия **объекту** приписывается результирующее состояние, наступившее после завершения некоторого контролируемого действия:

- (69) *pol övs-är bürk-ütä*
 пол сено-INS покрывать-PC.PASS
 ‘Пол покрыт сеном’. {Кто-то специально покрыл пол сеном}.

Выше уже говорилось, что все остальные причастия в составе относительных оборотов нейтральны по отношению к релятивизуемой позиции (например, причастие *ög-sən* (дать-PC.PST) может в принципе значить и ‘давший’, и ‘данный’, и ‘тот, кому дали’). Примеры, приводимые в существующих грамматических описаниях, как будто бы говорят о том, что по крайней мере причастие прошедшего времени и хабитуальное причастие сохраняют такую «залоговую» индифферентность и в финитном употреблении. Однако в собранных нами материалах все причастия, кроме пассивного, в финитной функции ориентированы на подлежащее: актанта, занимающий позицию подлежащего в конструкциях с финитно употребленным

причастием, интерпретируется как **субъект** соответствующего действия, ср. возможную конструкцию (61) и следующую недопустимую структуру:

- (70) **iikər* [(*mini*) *al-sən*]
 корова я.GEN убить-РС.PST
 ‘Корова (мною) убита’

Причастие будущего времени является основным способом выражения будущего действия в независимых клаузах:

- (71) *bi* *čam-də* *bičəg* *bič-xə-v*
 я.NOM ты-DAT письмо писать-РС.FUT-1SG
 ‘Я напишу тебе письмо’.

При выражении семантики будущего времени эта форма не демонстрирует ограничений, связанных с лицом подлежащего (в отличие от конкурирующей с ней в этой зоне формы настоящего времени без показателя прогрессива). Нами не зафиксированы употребления этого причастия в составе финитных аналитических конструкций с глаголом-связкой. Можно заметить, что в целом все типы употребления причастия будущего времени связаны с семантической зоной ирреалиса (см. выше раздел 5.5.2, а также раздел 5.7, посвященный отрицанию).

Хабитуальное причастие может употребляться и в составе аналитических форм с глаголом-связкой, и в качестве финитного сказуемого (см. обо всех этих употреблениях [Калашникова 2007], а о структурах первого типа также и [Гото, настоящий сборник]).

В составе аналитических финитных конструкций это причастие сочетается с формами прошедших времен глагола *bäi* ‘быть’: с формой отдаленного прошедшего *bilä* (быть.REM), как в (61), или, реже, эвиденциального прошедшего *bäi-žə* (быть-EVD). Эти структуры являются основным способом выражения широкого спектра значений зоны хабитуалиса (включая узитатив, фреквенталис и т. д.) в прошедшем времени. Помимо этого, такие формы могут образовываться и от предикатов «индивидуального уровня». Такими структурами выражается значение постоянной ситуации как свойства индивида, при этом наблюдается «эффект срока жизни»; так, употребление связки прошедшего времени

в следующем примере (полученном, как и примеры (73)–(74) К. В. Гото) говорит о том, что «бабушки» нет среди живых:

- (72) *mini eeʒə dala tuulə-s med-dəg bilä*
 я.GEN бабушка много сказка-PL знать-PC.HAB быть.REM
 ‘Моя бабушка знала народные сказки’.

Хабитуальное причастие может употребляться и в собственно финитной функции, без глагола-связки. В таких случаях оно также способно выражать все те аспектуальные значения, которые были упомянуты в связи с аналитической конструкцией прошедшего времени, но соответствующее действие, состояние или свойство локализуется уже в плане настоящего. При этом в отличие от конструкций прошедшего времени, в данном случае хабитуальное причастие вступает в конкуренцию с формой настоящего времени, которая также способна выражать хабитуальные значения. Выбор между этими двумя структурами связан с лицом подлежащего и вопросительностью/утвердительностью. Финитное употребление хабитуального причастия возможно при подлежащем первого лица (73) и в вопросительных предложениях с подлежащим второго лица, но невозможно в других случаях (74). Формы обычного настоящего времени могут быть использованы при подлежащем любого лица, но избегаются в тех ситуациях, когда возможно использование хабитуального причастия:

- (73) *terə namagə cok-xla bi*
 тот я.ACC ударить-CV.SUCC я.NOM
uulⁱ-d-u / ?uulⁱ-na-v
 плакать-PC.HAB-1SG плакать-PRS-1SG
 ‘Когда он меня бьет, я плачу’.

- (74) *kövü-gə noxa zuu-xla terə*
 мальчик-ACC собака кусать-CV.SUCC тот
*uulⁱ-na / *uulⁱ-dəg*
 плакать-PRS плакать-PC.HAB
 ‘Когда собака кусает мальчика, он плачет’.

Как следует из сказанного, формы хабитуального причастия могут употребляться финитно только в тех ситуациях, которые предполагают присоединение лично-числовых согласовательных

показателей. В таких случаях показатель причастия реализуется в виде алломорфа *-də* (73).

Мы уже во второй раз сталкиваемся с ситуацией, когда выбор глагольной формы при выражении определенной темпорально-аспектуальной семантики связан с лицом подлежащего. Такие ситуации описывались в литературе для целого ряда языков (см. обзор в [Creissels 2008]). По всей видимости, как и в других языках с подобными системами (в англоязычной литературе за ними закрепляется обозначение 'conjunct/disjunct systems'), для калмыцкого языка ключевым фактором здесь оказывается совпадение или несовпадение исполнителя действия с участником, несущим ответственность за ассерцию, т. е. с говорящим в случае утвердительного предложения и адресатом в случае вопросительного.

Наконец, следует упомянуть, что и **причастие прошедшего времени** может употребляться в функции финитного сказуемого, как самостоятельно, так и — чаще — в составе аналитической формы (в сочетании с глаголом-связкой *büü* 'быть'). Оба типа конструкций выражают значения зоны прошедшего времени (см. подробнее [Гото, настоящий сборник]). Осталось заметить, что нами не зафиксированы конструкции, в которых лично-числовые показатели согласования присоединялись бы непосредственно после показателя этого причастия. В финитной функции причастие прошедшего времени часто присоединяет подтверждательную связку *-тэл*, которая, вероятно, и является в таких случаях основным носителем финитности; в словоформах с этой связкой фиксируются и лично-числовые показатели (12_prostofilja.34).

Итак, мы видим, что основные калмыцкие причастия различаются по степени вовлеченности в систему финитных форм: причастие будущего времени прошло по этому пути дальше всего, хабитуальное причастие занимает промежуточное положение, менее всего финитные употребления характерны для причастия прошедшего времени. О таком распределении говорит и ожидаемая для финитных форм способность присоединять лично-числовые показатели (она ничем не ограничена для причастия будущего времени, ограниченно возможна для хабитуального причастия и затруднена для причастия прошедшего времени), и способность употребляться в сочетании с глаголом-связкой *büü*-

‘быть’, скорее ожидаемая для нефинитных форм (не фиксируется для причастия будущего времени, возможна для других причастий).

5.6. Деепричастия

В собранных нами материалах использовалось шесть различных деепричастий (при их обозначении мы придерживаемся традиционных для калмыковедения терминов): разделительное (показатель *-ad*, глоссируется как CV.ANT), соединительное (*-žə*, CV.IPFV), слитное (*-n*, *-l*, CV.MOD), целевое (*-xar*, CV.PURP), условное (*-xla*, CV.SUCC; *-xlagə*, CV.SUCC2) и предельное (*-təl*, CV.TERM).

Калмыцкие деепричастия не могут использоваться в позиции сказуемого независимого предложения и возглавлять относительный оборот; все деепричастия способны выступать в позиции вершины синтаксического обстоятельства. Набор этих признаков, собственно говоря, и позволяет объединить деепричастия в единый класс глагольных форм. Целевое и соединительное деепричастия способны возглавлять синтаксические дополнения при некоторых матричных глаголах [Князев, настоящий сборник]. Помимо этого, разделительное, соединительное и слитное деепричастия могут использоваться в составе сложных глаголов.

Соединительное, слитное и целевое деепричастия являются односубъектными, остальные деепричастия допускают разнوسубъектность.

В качестве вершины синтаксического обстоятельства **соединительное деепричастие** на *-žə* тяготеет к семантике одновременности (примеры (75)–(76) получены Д. Ф. Мищенко):

- (75) *giič-nər divan deer suu-žə cä*
 гость-PL диван поверхность сидеть-CV.IPFV чай
uu-la
 пить-REM
 ‘Гости пили чай, сидя на диване’.

При этом в собранных нами текстах соединительное деепричастие чаще всего используется в составе различных сложных глаголов.

Разделительное деепричастие на *-ad*, напротив, в целом тяготеет к семантике предшествования. Впрочем, противопоставление по признаку одновременности/предшествования между двумя названными деепричастиями носит неабсолютный характер: их таксисные интерпретации варьируют в зависимости

от акциональной семантики глаголов и наличия/отсутствия в составе деепричастных форм аспектуальных маркеров.

Разделительное деепричастие в принципе может использоваться в разносубъектных конфигурациях. В таких случаях подлежащее при деепричастии выражается так же, как и в независимом предложении, — формой номинатива:

(76) *Baatər bičəg bič-äd, ekə-n^j duul-žə-na*
Батыр письмо писать-CV.ANT мать-Р.3 петь-PROG-PRS
'Батыр пишет письмо, а мама поет (песню).'

Однако в собранных нами спонтанных текстах количественно все же безусловно преобладают односубъектные употребления разделительного деепричастия, прежде всего, в нарративной функции, когда при помощи цепочки разделительных деепричастий описываются последовательные действия одного протагониста.

Разделительное и соединительное деепричастия являются наиболее распространенными в собранных нами материалах³¹; все возможные типы употребления этих деепричастий подробно анализируются в [Мищенко, настоящий сборник], а их использование в составе сложных глаголов — в [Баранова, настоящий сборник].

Все остальные деепричастия калмыцкого языка имеют более специализированную семантику, не сводимую к выражению значений таксиса и одно- или разносубъектности.

Условное деепричастие на *-xla* (существуют и другие варианты показателя, см. ниже) выражает действие, на фоне которого, после которого или в случае исполнения которого происходит действие, выражаемое в главной клаузе. Чаще всего между двумя действиями устанавливаются дополнительные семантические связи, помимо собственно временных: причинные, условные и т. д.; как следствие, клаузы, содержащие условное деепричастие, часто можно перевести при помощи русских придаточных предложений с союзами *если, раз*:

³¹ На их долю приходится около 30% и 10% соответственно от всех глагольных словоформ в собранных нами текстах.

- (77) <...> *var-xla* *tu* *bol-xə*
 выходить-CV.SUCC плохой становится-PC.FUT
 {Температура достигала 45 градусов,} ‘если выйти
 (на улицу), плохо станет’ (07_dialog.3).

Специфика употребления условных деепричастий в нарративном дискурсе (и их семантические и прагматические отличия от разделительных деепричастий) кратко рассматривается в [Баранова, Сай, настоящий сборник].

Целевое деепричастие с показателем *-xar*, как и следует из его обозначения, в случае употребления в позиции вершины сентенциального сирконстанта служит для выражения цели, с которой осуществляется действие, выраженное в главной клаузе. Как уже было сказано, оно всегда является односубъектным³²:

- (78) *bi* [\emptyset_i , * j *unt-xar*] *tedn-igəj*
 я.NOM спать-CV.PURP они-ACC
xär-ül-čk-ü-v
 возвращаться-CAUS-COMPL-PST-1SG
 ‘Я отправил их домой, чтобы (лечь) спать’. (*‘Я отправил их домой спать’).

Целевое и условное деепричастия исторически являются падежными формами причастия будущего времени, инструменталиса и комитатива соответственно³³. В этом смысле включение этих форм в число деепричастий отчасти условно. Действительно, другие падежные формы причастий также могут выступать в качестве вершины сентенциального обстоятельства (ср., например, (68), где употреблена форма датива того же причастия будущего времени и этой формой выражается фоновое действие, одновременное главному).

Впрочем, стоит отметить, что по крайней мере целевое деепричастие обладает определенной спецификой, мешающей трактовать его как обычную форму инструменталиса причастия будущего времени.

³² Семантика и синтаксис клауз, возглавляемых целевым деепричастием, подробно рассматриваются в [Сай 2006].

³³ При этом, как показывается в [Сай, настоящий сборник: 436], «показатель целевого деепричастия» *-xar* (*-xə*, PC.FUT + *-ar*, INS) может разрываться показателем отрицания.

Во-первых, значение целевого деепричастия сложно вывести композиционально из значений компонентов его показателей (ср. с анализом примера (61), где значение падежной формы причастия соответствовало композициональной логике).

Во-вторых, в разделе, посвященном причастиям, говорилось, что в конструкциях, где причастные формы возглавляют сентенциальные актанты или сирконстанты, на причастиях обычно появляются посессивные показатели и при односубъектности используется рефлексивный посессивный показатель. Целевое же деепричастие идиосинкратически задает односубъектность «само по себе»: на этой форме рефлексивный посессивный показатель появляться не может.

Несколько сложнее обстоит дело с условным деепричастием.

Во-первых, значение условного деепричастия в большой степени выводимо из значения показателя причастия будущего времени и показателя комитатива: комитатив в калмыцком языке способен выражать значение времени, ср. *arvən ċas-la* (десять час-СОМ) ‘в десять часов’.

Во-вторых, появление посессивных показателей на этом деепричастии следует тем закономерностям, которые были обрисованы выше для причастий. Так, в случае разносубъектности к этому причастию могут присоединяться личные посессивные показатели, соответствующие³⁴ лицу и числу подлежащего зависимой клаузы:

- (79) *ärkə es uu-xla-n^j bi <...>*
 водка NEG пить-CV.SUCC-P.3 я.NOM
atə-n^j aŋka-lv-ad <...>
 рот-P.3 открывать-CAUS-CV.ANT
 ‘Раз она водку не пьет, я ... открыла ей рот ...’ (06_odekolon.9).

В случае односубъектности главной и зависимой клаузы показатель условного деепричастия принимает вид *-xlarn*, т. е. выглядит так, как и должна была бы выглядеть форма комитатива

³⁴ Как и в случае с причастиями, посессивный показатель третьего лица может использоваться и при подлежащем одного из первых двух лиц и служить, таким образом, маркером разносубъектности как таковой.

причастия будущего времени в рефлексивно-посессивном склонении (см. раздел 4.1.4):

- (80) *Badəm asxə-n ir-xlärn unt-na*
 Бадма вечер-EXT приходить-CV.SUCC.P.REFL спать-PRS
 ‘Вечером Бадма, когда приезжает, ложится спать’ (пример получен Н. В. Сердобольской).

Наконец, в-третьих, как и в обстоятельственных причастных клаузах, при разносубъектном употреблении условного деепричастия подлежащее зависимой клаузы может оформляться не только номинативом, но и аккузативом.

Таким образом, очевидных причин, по которым «условное деепричастие» невозможно было бы трактовать как обычную форму комитатива причастия будущего времени, нет. Против такой трактовки говорит отчасти только то, что нами регулярно фиксировалась форма этого деепричастия с показателем *-xlagə* (гlossированная нами как CV.SUCC2, см., например, 02_pasport.42, 04_svinja.8). Эта форма используется и в односубъектных, и в разносубъектных контекстах; семантические отличия этой формы от обычного условного деепричастия не прослеживаются. Морфологическая природа этой формы также не вполне понятна, но при всех обстоятельствах ясно, что ее невозможно трактовать как какую-то форму причастия будущего времени, образованную по регулярным для именных частей речи правилам.

В плане кодирования подлежащего вложенной клаузы и использования посессивных показателей тем же образом, что условное деепричастие, функционирует и **предельное деепричастие** на *-təl*. При помощи этого сравнительно редко используемого деепричастия кодируется фоновое действие, до завершения которого происходит действие, выражаемое в главной клаузе; приблизительным русским аналогом клауз с этим деепричастием являются придаточные времени с союзом *пока*:

- (81) *tegäd ger-t-än ir-təl-n^j ter*
 потом дом-DAT-P.REFL приходить-CV.TERM-P.3 тот
noxə-n kičgə-n^j ük-čə od-na
 собака-GEN щенок-P.3 умереть-CV.IPFV уходить-PRS
 ‘Пока он до дома дошел, тот щенок сдох’ (12_prostofilja.25).

Наконец, **слитное деепричастие** на *-n* также используется сравнительно редко. Оно может обозначать сопутствующее действие в парах глагольных форм, тесно связанных друг с другом по смыслу, в частности, в тавтологических сочетаниях типа *сии-n сии-na* (сидеть-CV.MOD сидеть-PRS) ‘сидит и сидит’; помимо этого, оно входит в состав некоторых сложных глаголов. Однако в наших материалах оно чаще всего встречается в отрицательных конструкциях, где за показателем деепричастия (имеющим в таких случаях форму *-l*) следует отрицательная связка (*uga* или *-go*). Такие употребления будут рассмотрены в следующем разделе, наряду с другими отрицательными формами.

5.7. Отрицание

В этом разделе будут рассмотрены показатели отрицания, как употребляемые в составе синтетических глагольных форм, так и встречающиеся в различных конструкциях, где они выступают в виде служебных лексем.

Система отрицательных конструкций в калмыцком языке чрезвычайно сложна. Здесь представлено четыре этимологически не связанных друг с другом служебных слова со значением отрицания (*bičä*, *bišə*, *uga*, *esə*), при этом два из них имеют грамматикализационные «дублиеты», т. е. аффиксы, восходящие к этим служебным словам (ср. *bišə* и *-šə*, *uga* и *-go*). Анализ отрицательных конструкций осложняется тем, что в калмыцком языке представлена так называемая «асимметрия полярности»: в такой системе при некоторых формах выразить отрицание напрямую невозможно, а для того, чтобы передать значение, которое соответствовало бы семантике этой формы, но отличалось бы по признаку полярности, необходимо использовать другую морфологическую форму. Несимметричность некоторых фрагментов системы калмыцкого отрицания преимущественно связана с тем, что при отрицании независимых индикативных предложений позицию финитного сказуемого могут занимать сами маркеры отрицания, и поэтому при них затруднено употребление финитных глагольных форм.

Наиболее четко очерченную сферу употребления среди показателей отрицания имеет **прохибитивная** частица *bičä* (NEG.IMP): при помощи этой частицы выражается отрицание при

формах императивной зоны. Эта частица располагается в позиции к глагольной форме (не обязательно контактно), при этом сами формы наклонений используются в тех же значениях, что и в соответствующих структурах без отрицания:

- (82) *bičä kiiü-n-də kel-tən*
 NEG.IMP человек-EXT-DAT говорить-IMP.PL
 ‘Никому (этого) не говорите’ (02_pasport.78).

Прохибитивная частица может употребляться и самостоятельно, без глагольной формы, в значении ‘перестань!’, ‘не делай этого!’.

Другим маркером отрицания является **отрицательная связка настоящего времени *bišə*** (NEG.PRS). Эта единица используется прежде всего в качестве **финитного** сказуемого при отрицании предложений тождества и характеристики. Связка *bišə* располагается после предиката, выраженного **именем**, и выражает семантику отрицания и настоящего времени; к ней при необходимости присоединяются показатели согласования с подлежащим, в чем также проявляется ее финитный характер:

- (83) *tadən nan-də kürgə-n bišə-t*
 вы я-DAT жених-EXT NEG.PRS-2PL
 ‘Вы мне не жених’ (16_devushka_i_solnce.19).

Эта же связка используется при отрицании «фрагментов» («fragments»), например, именных групп или обстоятельств в предложениях с эллипсисом:

- (84) *bi en xöö-gə asxə-n-d-an*
 я.NOM этот овца вечер-EXT-DAT-P.REFL
al-xə-v, oda bišə
 убивать-PC.FUT-1SG сейчас NEG.PRS
 ‘Я зарежу эту овцу вечером, а не сейчас’ (пример получен М. Б. Коношенко).

Полная форма отрицательной связки настоящего времени используется и в некоторых глагольных конструкциях, например, в сочетании с хабитуальным причастием она обозначает отрицание хабитуальных или генерических (вневременных) утверждений (ср. ‘так не играют’ в (06_odekolon.17)).

Отрицательная связка настоящего времени имеет и грамматикализационный дублет, или **стяженную форму**, — суффикс *-ǰə*. Он входит в состав наиболее частотной формы, при помощи которой может быть выражено отрицание в независимых **глагольных** клаузах с семантикой настоящего времени. Форма настоящего времени на *-na* в (невопросительных) отрицательных конструкциях невозможна, здесь используется показатель причастия будущего времени, после которого и появляется суффикс *-ǰə* (занимая шестой «слот» в рамках используемой здесь порядковой модели глагольной словоформы). В таких формах финитные показатели согласования занимают седьмой «слот», присоединяясь сразу после связки:

- (85) *bi tadən-ta bää-ǰə čad-x-ǰə-v*
 я.NOM вы-ASSOC быть-CV.IPFV мочь-PC.FUT-NEG.PRS-1SG
 ‘Я с Вами жить не могу’ (16_devushka_i_solnce.19).

Интересно, что, помимо этого, сочетание показателя причастия будущего времени и стяженной формы отрицательной связки настоящего времени может использоваться и в неотрицательных контекстах: эта форма может иметь интерпретацию ‘не только..., (но и)’; такая интерпретация возникает в случае, если за соответствующей клаузой следует утвердительная конструкция (14_xitryj_muzhik.59).

Наиболее распространенным маркером отрицания в калмыцком языке является **отрицательная связка *uga***, также имеющая и стяженную (суффиксальную) форму: *-go* (NEG.COP). В качестве самостоятельного сказуемого *uga* появляется, прежде всего, при отрицании экзистенциальных предложений, т. е. выражает значение отсутствия чего-либо: *bilet uga* (билет NEG.COP) ‘билетов нет’, *get uga* (болезнь NEG.COP) ≈ ‘нет проблем’³⁵.

Отрицательная связка обладает некоторыми именными свойствами, прежде всего, способностью принимать падежные показатели; например, в (02_pasport.16) употребляется форма инструменталиса отрицательной связки *uga-var* (NEG.COP-INS) в структуре со значением ‘без разрешения коменданта мы...’. В то

³⁵ В разделе 4.1.3 уже обсуждалось употребление этой единицы в сочетании с именами в значении ‘без’.

же время, как и отрицательная связка настоящего времени, отрицательная связка *uga* (-go) обладает способностью присоединять показатели согласования (87), что характерно, прежде всего, для финитных форм.

Нестяженные формы отрицательной связки используются в составе наиболее распространенных конструкций, выражающих отрицание в финитных клаузах зоны прошедшего времени. Для выражения этих значений используются сочетания причастия прошедшего времени (86) или разделительного деепричастия (87) с отрицательной связкой:

(86) *nam tal kü-n ir-sən uga*
я сторона человек-EXT приходит-PC.PST NEG.COP
'Ко мне никто не приходил' (08_konflikt.6).

(87) *madən tüü-n-də tas mi ke-väd*
мы тот-EXT-DAT совсем плохой делать-CV.ANT
uga-vidn
NEG.COP-1PL
'Мы ему совсем не делали зла' (08_konflikt.32).

В литературе по калмыцкому языку имеется тенденция описывать отрицательные конструкции, устанавливая попарные соответствия между аспектуально-темпоральными формами в утвердительных и отрицательных конструкциях. При этом часто говорится, что конструкция с причастием прошедшего времени и отрицательной связкой (86) параллельна по своей семантике структурам с формой претерита, а конструкция с разделительным деепричастием и той же связкой (87) — формам отдаленного прошедшего. Наши материалы подтверждают этот взгляд лишь частично: отрицательные конструкции первого типа используются гораздо чаще, чем структуры второго типа, и регулярно встречаются в неактуальных контекстах (08_konflikt.33, 08_konflikt.14), что для форм претерита нехарактерно. Таким образом, конструкция с причастием прошедшего времени и отрицательной связкой, по всей видимости, становится универсальным средством отрицания в зоне прошедшего времени, а конструкция с разделительным деепричастием используется лишь в малой части тех контекстов, где в предложениях без отрицания была бы употреблена форма отдаленного прошедшего.

Стяженная³⁶ форма отрицательной связки также используется для симметричного отрицания ряда форм, способных возглавлять независимое предложение: это формы апрехенсива³⁷, хабитуального причастия (с бытийной связкой или без нее), эвиденциального прошедшего. Стоит заметить, что эвиденциальное прошедшее — это единственная из четырех индикативных финитных форм калмыцкого языка, которая отрицается симметрично³⁸.

Также конструкция со стяженной формой отрицательной связки является основным, при этом симметричным, средством выражения отрицания в независимых предложениях с семантикой будущего времени:

- (88) *bi* *tiimə* *jumə* *ke-š-go-v*
 я.NOM такой вещь делать-PC.FUT-NEG.COP-1SG
 ‘Я больше такого делать не буду!’ (06_odekolon.19).

Как мы видим, в таких случаях, как и в отрицательных конструкциях с семантикой настоящего времени, используется причастие будущего времени, но присоединяется другой показатель отрицания (при этом сам показатель причастия по морфо-тактическим причинам выступает в виде алломорфа -š).

Во всех названных случаях отрицательная связка занимает шестой «слот», а показатели согласования, когда они необходимы, появляются в седьмом (88).

Отрицательная связка может использоваться не только в составе финитных сказуемых, но и в некоторых зависимых клаузах. При этом она может как возглавлять сентенциальный акт в виде

³⁶ Закономерности, касающиеся выбора между стяженной и нестяженной формой связки, излагаются здесь в несколько упрощенном виде, в действительности в этом аспекте наблюдается определенная вариативность.

³⁷ Это единственная форма косвенного наклонения, которая не сочетается с прохибитивной частицей. О семантике отрицательных форм апрехенсива см. [Прохоров, настоящий сборник].

³⁸ В литературе по калмыцкому языку упоминается возможность симметричного отрицания форм настоящего времени и претерита в вопросительных предложениях (при помощи обсуждаемой ниже отрицательной частицы *-esə*), однако в наших материалах такие структуры не представлены.

отдельной лексемы, так и присоединяться в стяженной форме к глаголу, возглавляющему сентенциальный актант. В обоих случаях к ней, как и к причастным формам без показателей отрицания, присоединяются показатели падежа и посессивности:

- (89) *eckə med-nä Badma-gə kičäl-də*
 отец знать-PRS Бадма-ACC урок-DAT
od-d-go-ki-n^j
 уходить-PC.HAB-NEG.COP-ACC-P.3
 ‘Отец знает, что Батыр прогуливает уроки’ (пример получен Н. В. Сердобольской).

Наконец, та же связка употребляется и при глаголах, возглавляющих сентенциальные сирконстанты. Наиболее частотной формой, используемой в таких случаях, является форма слитного деепричастия, при этом в качестве показателя деепричастия используется алломорф *-l* (а не основной алломорф слитного деепричастия — *-n*):

- (90) *ter mana eežə udan*
 тот мы.GEN бабка долго
san-l-go-n *ködəlmš-t-än*
 думать-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD работа-DAT-P.REFL
ir-čk-äd <...>
 приходить-COMPL-CV.ANT
 ‘Тогда эта наша бабушка, не долго думая, пошла на работу...’ (04_svinja.7).

Форма слитного деепричастия с отрицательной связкой индифферентна в таксисном отношении и является основным способом выражения отрицания при глагольном обстоятельстве образа действия или при сопутствующем обстоятельстве, т. е. основным (при этом несимметричным) отрицательным коррелятом разделительного и соединительного деепричастий. Семантика и структура подобных конструкций обсуждается в [Мищенко, настоящий сборник]³⁹; там же рассматриваются и другие отрицательные деепричастные конструкции.

³⁹ В этой работе обсуждается и природа факультативного показателя *-n*, появляющегося иногда в таких конструкциях после отрицательной связки, как в (90); в частности, высказываются аргументы в пользу

Наконец еще одним показателем отрицания в калмыцком языке является **отрицательная частица esə** (NEG). Эта частица всегда находится в контактной препозиции по отношению к отрицаемому элементу. Это единственный показатель отрицания в калмыцком языке, который не может использоваться при вершине финитной клаузы (см., впрочем, сноску 39). При помощи этой частицы выражается (симметричное) отрицание причастий, употребленных в составе относительного оборота, и некоторых деепричастий (79).

6. Прочие части речи и служебные элементы

6.1. Послелого

Большая часть калмыцких послелогов имеет прозрачную внутреннюю форму, из которой видно их субстантивное или, в редких случаях, глагольное происхождение. Многие послелого субстантивного происхождения и в современном языке омонимичны существительным с пространственным значением или их падежным формам. В настоящем сборнике мы старались по возможности глоссировать такие единицы, выбирая самое буквальное значение, иногда даже «этимологическое» (реальное значение послелога можно установить по переводу примеров):

- (91) <...> *ter zalu* <...> *bajə-n-a* *xotə-n*
 тот мужчина богач-EXT-GEN деревня-EXT
tal ir-äd <...>
сторона **приходить-CV.ANT**
 ‘Тот мужик пришел в село богача...’ (14_xitryj_muzhik.6).

В Таблице 11 на следующей странице приведены основные послелого, встречающиеся в публикуемых материалах, их обозначение, используемое в глоссах (буквальный/этимологический перевод и, при возможности, внутренняя структура), перевод, соответствующий их употреблению в функции послелога, и обозначения падежей, в которых должна стоять именная группа при послелоге.

принятого авторами настоящего сборника решения считать его вторично появляющимся в глагольной словоформе показателем слитного деепричастия, что и отражено в глоссе примера (90).

Таблица 11. Основные послелогои калмыцкого языка

Послелог	Глосса	Перевод	Управление
<i>ardə</i>	зад	‘за (чем)’, ‘тому назад’	GEN
<i>ard-asə</i>	зад-ABL	‘за’, ‘вслед за’	GEN/NOM
<i>deerə</i>	поверхность	‘на’	NOM
<i>deer-äsə</i>	поверхность-ABL	‘с (чего)’, ‘сверху’	NOM
<i>dorə</i>	низ	‘под (чем)’	NOM/GEN
<i>dorakur</i>	низ.DIR	‘под (что)’	NOM/GEN
<i>dor-asə</i>	низ-ABL	‘из-под’	NOM/GEN
<i>dotər</i>	внутренность	‘внутри’	NOM/GEN
<i>kürtəl</i>	до	‘до’, ‘вплоть до’	NOM
<i>ömən</i>	перед	‘перед’, ‘до’	GEN/NOM
<i>öörə</i>	близость	‘рядом с’	GEN
<i>tal</i>	сторона	‘к’, ‘в сторону’, ‘в’	NOM/GEN
<i>tölä</i>	ради	‘из-за’, ‘ради’	GEN
<i>turšartə</i>	в. течение	‘в течение’	GEN
<i>tuskə</i>	о	‘о’	GEN
<i>tuskar</i>	о	‘о’	GEN
<i>xöönə</i>	после	‘после’	GEN

Как видно по данным, приведенным в Таблице 11, калмыцкие послелогои способны управлять номинативом и генитивом, при этом в ряде случаев наблюдается вариативность в выборе падежа (что не отражается на семантике послеложных групп, по крайней мере очевидным образом).

Здесь, впрочем, следует отметить определенные проблемы, связанные с управлением номинативом. Дело в том, что при некоторых послелогоах, управляющих номинативом, личные местоимения единственного числа первого и второго лица встречаются в виде косвенной основы (см. раздел 4.2.1), но без падежных показателей (86). Можно было бы предположить, что при таких послелогоах требуется не форма номинатива, а чистая основа вершины аргумента. Против этого, однако, говорит поведение существительных с неустойчивым *-n* — этот *-n* всегда сохраняется при употреблении с послелогоами (91), что и заставляет все же трактовать соответствующие формы как формы номинатива, отдельно оговаривая случай с личными местоимениями.

Многие послелогои могут быть употреблены в тексте и без зависимой именной группы. В подобных случаях можно говорить

о распространенной в языках мира омонимии наречий и послелогов/предлогов.

Послелогои могут получать посессивные показатели; например, это может происходить (хотя и не обязательно) в только что описанной ситуации — в случае, если объект послелога опущен и восстанавливается по контексту, ср. *däi-n-ä xöönä* (война-EXT-GEN) ‘после войны’ и *xöön-nⁱ* (после-Р.З) ‘после этого’.

Впрочем, более интересная особенность калмыцкой послеложной системы заключается в другом. Дело в том, что калмыцкие послелогои могут маркироваться рефлексивными посессивными показателями в случае, если подлежащее клаузы, в составе которой употребляется послеложная группа, кореферентно с посессором объекта послелога:

- (92) *berə-nⁱ tolka-kan täül-čk-äd* [[*övdəg*]
 сноха-Р.З голова-Р.REFL снимать-COMPL-CV.ANT колено
deer-än] täv-čk-äd ⟨...⟩
 поверхность-Р.REFL класть-COMPL-CV.ANT
 Букв.: ‘Сноха сняла свою голову, положила ее на свои колени...’
 (15_chjort.19).

В этом примере само слово *övdəg* не могло бы получить показатель рефлексивного посессива, который маркировал бы кореферентность с подлежащим клаузы, хотя бы потому, что необходимая морфологическая форма (форма номинатива рефлексивно-посессивного склонения) в калмыцком языке отсутствует. Если верно предположение, высказанное в разделе 4.1.4, то у этого морфологического факта есть и более общее синтаксическое объяснение (согласно этому предположению, наличие промежуточной границы полной составляющей, в частности, послеложной группы, является препятствием для контроля рефлексивного посессива внутри такой составляющей). В этом смысле структуры, подобные приведенной в (92), представляют собой элегантный выход из такой синтаксической коллизии: рефлексивный посессивный маркер появляется не на имени, а на иерархически ближайшей к нему синтаксической вершине, доступной для контроля рефлексива со стороны подлежащего клаузы.

Впрочем, можно заметить, что регулярно (по всей видимости, обязательно) описанное явление реализуется в конструкциях

только с двумя послелогоми: *deerə* ‘на’ и *tal* ‘к’, ‘в сторону’. Именно для этих двух послелогов фиксируются стяженные варианты, клитизируемые к имени (*der, dər, dr* и *təl, tl* соответственно). В этом смысле можно предположить, что эти послелогои дальше других пошли по пути грамматикализации и начинают развивать свойства падежных маркеров, а тогда возможность появления при них рефлексивных посессивных показателей становится вполне естественной⁴⁰.

6.2. Союзы

В целом для калмыцкого языка использование союзных средств для выражения синтаксических связей нехарактерно.

В разделе 4.3 уже были описаны союзы и союзоподобные единицы, обслуживающие сочинение именных групп.

Сочинение клауз и предложений для калмыцкого языка нехарактерно: в качестве функционального аналога соответствующих синтаксических структур используются прежде всего цепочки деепричастных «нарративных» клауз (см. о них выше, а также [Баранова, Сай, настоящий сборник]). Впрочем, в современной разговорной речи калмыков регулярно встречаются заимствованные из русского сочинительные союзы *а* и *но*.

Для выражения подчинительных отношений между клаузами также в основном используются нефинитные глагольные формы — причастия и деепричастия. Впрочем, при подчинении клауз используются две единицы, которые можно трактовать как союзы, — это грамматикализовавшиеся деепричастия глагола *gi-* ‘говорить’, соединительное — *gi-žə* (говорить-CV.IPFV) — и разделительное — *gi-ʋäd* (говорить-CV.ANT). Структуры с этим деепричастиями возникли в результате грамматикализации конструкций прямой речи, сейчас они часто используются в контекстах, не предполагающих семантики говорения как такового, как в следующем примере:

⁴⁰ Впрочем, фонетическая стяженность обсуждаемых послелогов сама по себе не является необходимым условием для способности присоединять рефлексивные посессивные показатели, как видно хотя бы по примеру (92).

- (93) *ter čamagə geedr-üzä gi-žə /*
 тот ты.АСС потеряться-APPR говорить-CV.IPFV
gi-вüd ää-žä-nä
 говорить-CV.ANT бояться-PROG-PRS
 ‘Он боится, как бы ты не потерялся’ (пример получен
 К. Н. Прохоровым).

Анализ свойств названных союзов и содержащих их поли-предикативных структур можно найти в [Прохоров, настоящий сборник] и [Князев, настоящий сборник]. Союзы *gižə* и *giвüd* могут вводить как сентенциальный сирконстант (например, в составе целевой конструкции), так сентенциальные актанты при некоторых предикатах речемыслительной деятельности. По всей видимости, их появление невозможно в ситуации, когда содержание зависимой клаузы обладает свойством истинности. Зависимые клаузы, вводимые союзами *gižə* и *giвüd* возглавляются финитными формами (что практически невозможно в других полипредикативных конструкциях), при этом как индикативными, так и возглавляемыми формами косвенных наклонений. Степень удаления от грамматикализационного источника — конструкций прямой речи — можно проследить по поведению дейктических элементов (например, личных местоимений): дейктическим центром для их интерпретации в одних случаях является референт подлежащего главной клаузы (как в конструкциях прямой речи), а в других — субъект речи, говорящий (93). В конструкциях с этими союзами часто наблюдается аккузативное оформление подлежащего зависимой клаузы, как в (93), что также было бы невозможно в конструкциях прямой речи (см. об этом явлении [Сердобольская, настоящий сборник]).

6.3. «Частицы»

В этом разделе будут рассмотрены частицы, которые могут употребляться в составе калмыцких глагольных словоформ, при этом только те из них, которые встречаются в материалах, публикуемых в сборнике.

1) **Подтвердительная связка** (СОР.АФФ) может в принципе употребляться в качестве самостоятельного слова (*mön*), но гораздо чаще реализуется в виде аффикса (*-тэн* или *-т*). Эта

связка чаще всего появляется в составе причастий, занимающих позицию финитного сказуемого. Установить собственно семантический вклад этой частицы в случаях употребления ее при причастии прошедшего времени или при хабитуальном причастии затруднительно, т. к. первое вообще лишь очень редко используется в финитной позиции без этой связки, а ко второму она в основном присоединяется как раз в тех лично-числовых формах, в которых финитное употребление затруднено, т. е. в формах второго и третьего лица, см. (94). Таким образом, в таких употреблениях основная функция подтверждающей связки состоит, по всей видимости, в маркировании финитности.

- (94) *zalu kü-n sük-igə büs-d-än*
 мужчина человек-EXT топор-ACC пояс-DAT-P.REFL
šavš-ul-ad av-čə
 висеть-CAUS-CV.ANT брать-CV.IPFV
ir-də-m
 приходить-PC.HAB-COP.AFF
 ‘Мужики же носят топор, зацепив за пояс’
 (12_prostofilja.21).

Осталось заметить, что в контексте подтверждающей связки показатель причастия прошедшего времени реализуется в виде алломорфа *-sə*, а показатель хабитуального причастия теряет (как и при личном согласовании) конечный согласный /g/ и выступает в виде алломорфа *-də*, как в (94).

Подтвердительная связка имеет особую семантическую функцию при присоединении к причастию будущего времени. Такие формы могут иметь разные интерпретации, из которых наиболее частотной является призыв к совместному действию. Соответствующие глагольные формы не содержат показателей личного согласования:

- (95) *enə zalu-n kosə-nⁱ*
 этот мужчина-GEN сапоги-P.3
šat-a-čk-xə-m
 гореть-CAUS-COMPL-PC.FUT-COP.AFF
 ‘Давай сожжем сапоги этого мужика’ (14_xitryj_muzhik.38).

2) **Подтвердительная частица -хэл** (PCL.AFF) и **эмфатическая частица -l** (PCL.EMPH), по всей видимости, не вступают в собственно грамматическое взаимодействие с теми формами, к которым они присоединяются. Их функции, вероятно, связаны с риторическими задачами говорящего. При этом эмфатическая частица преимущественно присоединяется к финитным личным формам индикатива, ср. *kel-nä-l* (говорить-PRS-PCL.EMPH) ‘говорила же’ (03_semja.44), а подтвердительная частица — к форме императива (т. е. материально к собственно основе), при этом ее присоединение делает возможным появление согласовательных показателей (04_svinja.04).

3) **Уступительная частица** (PCL.CONC) может употребляться в виде самостоятельного служебного слова (*čigən*) или — чаще — аффикса *-čən*⁴¹. Эта частица может присоединяться к финитным формам (после согласовательных показателей). Глагольные формы с частицей *-čən* употребляются в зависимых уступительных оборотах (хотя в принципе для финитных форм употребление в зависимых клаузах, как мы помним, нетипично). Таким образом, значение этой частицы может быть приблизительно передано как ‘хотя’ или ‘даже если’:

(96)	<i>čamagə al-čk-u-čən</i>	<i>tedən-čən</i>
	ты.ACC убить-COMPL-1SG-PCL.CONC	они-P.2SG
	<i>med-š-go</i>	<i>bää-sən bilä</i>
	знать-PC.FUT-NEG.COP	быть-PC.PST быть.REM
	‘Даже если я тебя убью, твои не узнают’ (10_Bulgun.6).	

4) **Адмиративная связка -žə** (COP.ADM) входит в систему маркирования эвиденциальных значений. Употребление этой частицы рассматривается в [Гото, настоящий сборник: 135–136].

5) В наших материалах встречается четыре разных **вопросительных частицы**: *-u*, *-ij*, *-b*, *-v* (и их регулярные алломорфы). Поскольку распределение этих частиц пока что не вполне понятно, все они глоссировались единообразно (Q). Первые три частицы могут использоваться в составе глагольных словоформ. Все они присоединяются в конце словоформы, высту-

⁴¹ В разделе 4.2.5 уже рассматривалось употребление этой частицы в составе неопределенных местоимений.

пающей в функции сказуемого, при этом интонационно вопрос маркируется резким повышением основного тона на конечном слоге (вопрос может выражаться и только интонационными средствами). Предварительно можно предположить, что показатель *-b* используется при частном вопросе (02_pasport.80), а показатели *-и* и *-ij* — при общем (06_odekolon.17, 02_pasport.59)⁴². Наконец, показатель *-v* появляется на сказуемых, выраженных именными группами (02_pasport.67, 08_konflikt.24).

7. Порядок слов

Калмыцкий язык, как и все алтайские языки, демонстрирует явное преобладание **левого ветвления** и тенденцию к конечному положению вершины в большинстве типов синтаксических конструкций. В частности, в составе именной группы определения (включая генитивные) предшествуют определяемому, в аналитических глагольных конструкциях вершинные словоформы следуют за зависимыми, имеются послелоги, но не предлоги. Зависимые клаузы в большинстве случаев предшествуют главным, впрочем, исключения из этой закономерности иногда встречаются (см., например, (89)), особенно часто — в речи молодых носителей, что говорит о вероятном влиянии русского языка.

Наконец, на уровне клаузы преобладающей моделью расположения является следующая: подлежащее — дополнения — сказуемое (SOV). Косвенные дополнения обычно предшествуют прямому. Расположение обстоятельств демонстрирует значительную свободу, хотя в подавляющем большинстве случаев они предшествуют сказуемому. Сравнительно жестко из отмеченных закономерностей порядка слов на уровне клаузы соблюдается лишь тенденция к конечному положению глагола (впрочем, в устных текстах и эта тенденция иногда нарушается, см. подробнее [Баранова, Сай, настоящий сборник]). Следует также иметь в виду, что в калмыцком дискурсе очень распространено явление опущения (эллипсиса) актантов, особенно топикальных подлежащих, поэтому описанные закономерности построения клауз в естественных текстах далеко не всегда реализуются в полном виде.

⁴² В [Санжеев 1983: 291] указывается, что показатель *-и* может появляться только при индикативных финитных формах глагола.

Литература

- Баранова В. В. Сложные глаголы в калмыцком языке. Настоящий сборник.
Баранова В. В., Сай С. С. Комментарий к корпусу текстов. Настоящий сборник.
- Выдрина А. В. 2006. Неясный гласный в калмыцком языке. Экспедиционный отчет (рукопись). Доступен на веб-странице калмыцкого семинара (www.iling.spb.ru/kalmyk/SashaVydrina).
- Выдрина А. В. Употребление показателей пассива в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Гото К. В. Система финитных форм прошедшего времени в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Калашникова К. В. 2007. Некоторые вопросы видо-временной системы калмыцкого языка. Экспедиционный отчет (рукопись). Доступен на веб-странице калмыцкого семинара (www.iling.spb.ru/kalmyk/KseniaKalashnikova).
- Князев М. Ю. Сентенциальные дополнения в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Коношенко М. Б. Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Крапивина К. А. Причастие в роли сказуемого относительного оборота в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Мищенко Д. Ф. Деепричастия с показателями *-жэ* и *-ад* в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Овсянникова М. А. Акциональные классы глаголов калмыцкого языка. Настоящий сборник.
- Оскольская С. А. 2007. Категория числа в калмыцком языке. Экспедиционный отчет (рукопись). Доступен на веб-странице калмыцкого семинара (www.iling.spb.ru/kalmyk/SofiaOskolskaja).
- Оскольская С. А. О глагольных показателях множественности участников в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- От составителей. Настоящий сборник.
- Очиров У. У. 1964. *Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис*. Элиста: Калмгосиздат.
- Перкова Н. В. 2006. Падеж в калмыцком языке. Соединительный и совместный падежи («комитативная группа»). Экспедиционный отчет. Доступен на веб-странице калмыцкого семинара (www.iling.spb.ru/kalmyk/NatashaPerkova).
- Перкова Н. В. Номинализации в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Прохоров К. Н. Калмыцкие формы косвенных наклонений: семантика, морфология, синтаксис. Настоящий сборник.

- Пюрбеев Г. Ц. 1997. Калмыцкий язык // Алпатов В. М. и др. (ред.). *Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык*. М.: Индрик. С. 73–87.
- Пюрбеев Г. Ц. 2001. Калмыцкий язык // Виноградов В. А. и др. (ред.). *Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в 3-х томах. Том II*. М.: Индрик. С. 29–40.
- Сай С. С. 2006. Калмыцкие цели. Экспедиционный отчет (рукопись). Доступен на веб-странице калмыцкого семинара (<http://www.iling.spb.ru/kalmyk/SergeySay>).
- Сай С. С. Аргументная структура калмыцких каузативных конструкций. Настоящий сборник.
- Санжеев Г. Д. (ред.). 1983. *Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Сердобольская Н. В. Аккузатив субъекта в зависимой предикации: за и против подъема аргумента в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Холодилова М. А. Конструкция с периферийным обладаемым в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Bläsing U. 2003. Kalmuck // Janhunen J. (ed.). *The Mongolic languages*. London: Routledge. P. 229–248.
- Creissels D. 2008. Remarks on so-called conjunct/disjunct systems. Paper presented at the «Syntax of the world's languages, III» conference, Berlin, 25–28 September, 2008. Доступен для скачивания: www.deniscreissels.fr/public/Creissels-conj.disj.pdf.
- Stassen, L. 2000. And-languages and with-languages // *Linguistic Typology*, Vol. 4, No. 1. P. 1–54.

КОММЕНТАРИЙ К КОРПУСУ ТЕКСТОВ¹

1. Общая характеристика корпуса

Публикуемые тексты собирались и анализировались прежде всего для решения исследовательских лингвистических задач. Однако нам кажется, что в собранных нами биографических рассказах о страшных годах переселения в Сибирь, расколовших жизнь калмыков надвое, в сказках, в формульных текстах, в рассказах о современности и бытовых диалогах отразились не только факты грамматики калмыцкого языка. В какой-то мере нам открылась неповторимая и привлекательная культура калмыцкого народа, его «устная история». В современной жизни и самосознании калмыков удивительным образом уживаются самые разные компоненты: традиционные верования, мощное духовное начало, привнесенное буддизмом, отдельные традиции, сохранившиеся со времен дореволюционной кочевой жизни, та сила духа и ощущение этнического единства, которые закалились в тяжелые годы репрессий, советский и современный сельский быт, сквозь который проступает доброжелательность, внутренняя сила и чувство юмора калмыков. Мы надеемся, что публикуемые здесь тексты в какой-то мере могут служить коллективным портретом того народа, в окружении которого мы имели счастье поработать в течение трех летних экспедиций.

В общей сложности мы собрали и разобрали 30 текстов, общей продолжительностью чуть более 100 минут (общее количество словоформ — около 8500). Из этих текстов здесь публикуются 19 (с двумя небольшими пропусками). Общее количество словоформ

¹ Представленное здесь исследование осуществлялось при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий». Мы хотели бы выразить искреннюю признательность А. Ю. Русакову, высказавшему некоторые комментарии к первой версии этого текста, которые мы учли на этапе редактирования.

в публикуемых текстах — около 5750, общая продолжительность звучания публикуемого материала — более 60 минут.

Каждый текст предваряется номером и названием, после которых дается рабочее название текста, используемое при отсылках в статьях сборника (это рабочее обозначение состоит из двузначного номера текста, знака нижнего подчеркивания и записи названия текста латиницей, например, 14_xitryj_muzhik). После этого указывается, от кого записан текст²; кто записал и разбирал тексты, указано в начале сборника [От составителей, настоящий сборник]. Предложения нумеруются внутри каждого текста, начиная с единицы. При публикации сохраняется нумерация предложений в рамках полного текста, даже если какие-то его фрагменты выпущены.

Текст (20_avtobiografija2, не публикуется) был записан в ходе экспедиции 2007 года в поселке Ергенинский, остальные 29 текстов — в ходе экспедиции 2008 года в поселке Тугтун.

Все тексты записывались нами на цифровые диктофоны, а в дальнейшем транскрибировались и анализировались при помощи программы Toolbox (для чего обычно требовалось многократное переслушивание). На этапе анализа мы обращались к носителям калмыцкого языка, которые повторяли предложения, комментировали непонятные нам формы и синтаксические конструкции, предлагали свои переводы. Как правило, мы старались сделать так, чтобы на этом этапе в качестве помощника выступал не тот информант, от которого был получен текст.

Основной принцип, которому мы следовали при анализе текстов и их подготовке к печати, состоял в том, чтобы **максимально точно** отразить структуру тех высказываний, которые были изначально **устно** порождены носителями калмыцкого языка, и дать их максимально точный, иногда почти дословный (а не литературный), перевод. Так, те носители калмыцкого языка, которые помогали нам анализировать текст, часто предлагали «исправить» какие-то языковые неточности или давали достаточно вольный, несколько сглаженный и «олитературенный» перевод. Мы старались по возможности избегать

² Кроме текста №7 «Диалог», в котором мы сочли целесообразным анонимизировать говорящих.

подобных искажений, для того чтобы в итоге получить транскрипции калмыцкой речи, максимально приближенные к реальности естественного дискурса. Неизбежной «платой» за это является наличие в наших текстах и довольно многочисленных русских вкраплений (см. о них раздел 3), и повторов (в некоторых случаях с самоисправлениями), и дискурсивных единиц, связанных с планированием дискурса и заполнением пауз хезитации, и, что особенно существенно, возможных отклонений от того, что сами носители калмыцкого языка считают «правильным» калмыцким языком. Тем не менее, нам представляется, что именно в таком виде проанализированные тексты представляют наибольший интерес для лингвиста. Заметим, что, насколько нам известно, до сих пор сколько-нибудь объемных публикаций естественных устных текстов для калмыцкого языка не существовало, тем самым настоящая публикация призвана в какой-то мере восполнить этот пробел.

2. Условия записи и характеристика носителей

Публикуемые тексты записаны от информантов разного возраста. Самый младший, Феликс Шарваев, на момент записи был еще школьником (15 лет); самые старшие рассказчики, Делгр Хейчиевна Муниева и Михаил Бадмаевич Ольдаев, родились в 1925 и 1922 годах соответственно. Различия в возрасте играют в данном случае достаточно существенную роль, поскольку калмыцкий язык находится в процессе языкового сдвига, а существенной особенностью современной языковой ситуации в Калмыкии является зависимость компетенции носителя от принадлежности к определенному поколению, т. е. возрастной континуум компетенции [Баранова, настоящий сборник, а].

Немногочисленные в нашем корпусе тексты, демонстрирующие языковую аттрицию, т. е. распад языковой системы на индивидуальном уровне [Seliger, Vago 1991; Hansen 2001], не включены в настоящий сборник (20_avtobiografija2, не публикуется).

Составители сборника стремились к относительно равномерному представлению текстов, записанных от калмыков разного возраста. Далеко не все молодые носители в принципе способны к порождению связных спонтанных текстов на калмыцком языке. Среди младшего поколения этой способностью обладают лишь

информантов (например, от С. Г. Кикеевой, 05_ljagushki, 06_odekolon), часто встречаются переключения кодов, как внутри-сентенциальные (3), так и на границах предложения (4); в последнем случае происходит смена матричного языка.

(3) *mini ekə-ekə toočk-də жили, на точке, на кошаре*
 я.GEN мать-отец точка-DAT
 ‘Мои родители на точке жили, на точке, на кошаре’
 (06_odekolon.3)³.

(4) *лягушки-мягушки, которые после дождя*
 ‘Лягушки-мягушки, которые после дождя’ (05_ljagushki.2).

В текстах самого младшего информанта — Ф. С. Шарваева (04_svinja, 11_loratka, 15_chjort, 16_devushka_i_solnce) — переключения кодов и заимствования из русского языка не встречаются, что, по всей видимости, говорит о стратегии гиперкоррекции [Labov 1966]. В то же время его идиолект отличается от вариантов других информантов; в частности, только Ф. С. Шарваев использует сложные глаголы с вершиной *od-* ‘уходить’ с переходными глаголами⁴ [Баранова, настоящий сборник, b]:

(5) *däkäd kögš-düü-in xurəg ke-вüü ter*
 еще старый-PL-GEN собрание делать-CV.ANT тот
küük-igə сивар delkä-n äm-tən
 девочка-ACC весь мир-GEN жизнь-ASSOC.COLL
sur-ž ädə-č
 просить-CV.IPFV уходить-EVD
 ‘Тогда собрали совет стариков, и все люди со всего мира
 (со всей округи) попросили эту девушку’ (16_devushka_i_solnce.11).

Естественно, как обычно и бывает при анализе речи двуязычных носителей, перед нами встала важная теоретическая

³ **Точкой** в Калмыкии называют скотоводческое хозяйство в степи. Точки расположены на значительном расстоянии от поселка, чтобы овцам хватало пастбища. Если старшие члены семьи живут в доме на точке, то дети школьного возраста живут в поселке у родственников. **Кошара** — овчарня.

⁴ Ф. С. Шарваев использует этот сложный глагол чаще, чем другие информанты, и, по-видимому, в его речи происходит генерализация данной модели и распространение ее на все контексты.

проблема разграничения **заимствований** из русского языка (т. е. единиц калмыцкого языка, обязанных своим происхождением влиянию русского языка) и случаев **переключения кодов** (т. е. включений в текст, рассказываемый на калмыцком языке, фрагментов, порожденных по-русски). Мы не стремились к серьезному теоретическому решению этой проблемы и однозначно разграничению двух типов явлений (тем более что, согласно современным социолингвистическим представлениям, между ними нет непроходимой границы [Muysken 2000]).

При этом существенно то, что в современном калмыцком дискурсе, несомненно, присутствуют явления **обоих** названных типов и между их крайними случаями существуют значительные различия. Существование многочисленных заимствований из русского языка, кажется, не требует отдельного доказательства: об этом говорит хотя бы то, что многие заимствования из русского претерпевают в рамках калмыцкого языка определенную адаптацию (см. об этом ниже), а исконных калмыцких эквивалентов таких единиц в разговорном варианте калмыцкого может просто не существовать.

Интереснее ситуация с переключением кодов. Действительно, некоторые носители языка, вообще говоря, способны порождать тексты на калмыцком языке, не переключаясь на русский язык в процессе порождения речи.

Можно было бы предположить, что случаи несомненного переключения кодов, представленные в наших текстах, являются следствием неестественности самой ситуации записи текста на диктофон и присутствия исследователя, очень ограниченно владеющего калмыцким. Вероятно, в ряде случаев в собранных нами текстах переключение кодов происходило именно по этим причинам. Об этом говорит то, что иногда оно фиксировалось в случае, если информант пояснял слушателю значение какого-то только что употребленного им калмыцкого слова, см. (03_semja.15) или следующее высказывание:

- (6) *хогвэлжэ-п* это свинец *ors-ar*
 свинец-EHT русский-INS
 {Раньше, отливая свинец, выводили испуг.}
 ‘*Хогвэлжэп* это по-русски свинец’ (26_snjatje_ispuga.2,
 не публикуется).

Однако подобные случаи представляют явное меньшинство в собранных текстах. Суждения самих информантов, наши наблюдения над бытованием калмыцкого языка в тех поселках, где проходили экспедиции, и анализ собранных нами текстов говорят о том, что переключения с калмыцкого языка на русский и обратно — это чрезвычайно распространенное **естественное** явление в речи большинства современных калмыков. Так, об этом говорит структура двух записанных нами диалогов (07_dialog и 24_dialog2, не публикуется): они оба порождались в отсутствии монолингвальных носителей русского языка (таким образом, эффект присутствия исследователя здесь не мог играть никакой роли), однако многочисленные переключения кодов представлены и в этих текстах. О естественности переключения кодов в дискурсе современных калмыков говорит и то, что такие переключения часто фиксируются в предсказуемом лингвистическом контексте, например, в текст, рассказываемый на калмыцком, часто вкрапляются оформленные согласно правилам русской грамматики обозначения дат и вообще числительные, особенно сложные (01_avtobiografija.14, 07_dialog.30 и т. д.).

Итак, в калмыцком дискурсе, в частности, и в собранных нами текстах, присутствуют и явные случаи переключения кодов, и многочисленные заимствования из русского языка. Нами было принято решение по-разному представлять явления этих двух типов при анализе текстов. Публикаторы придерживались следующей системы записи: переключения кодов выделены графически (набраны кириллицей и не сопровождаются строкой поморфемной транскрипции); освоенные русские заимствования включены в калмыцкий текст и набраны латиницей. Иллюстрацию обеих этих конвенций можно найти в примере (3) выше, ср. запись слова *toockdә* и последующего фрагмента.

В ходе анализа текстов использовалось несколько рабочих критериев, позволяющих разграничить заимствования и переключения кодов (хотя при этом в ряде случаев принятое нами решение с неизбежностью носило условный характер). К числу этих критериев относятся следующие.

1) **Фонетическая адаптация.** Так, например, при заимствовании русских лексем часто происходит удлинение гласного в первом слоге, если он является ударным в русском языке

(*loodočkə* ‘туфля-лодочка’, *baan^j* ‘баня’, *Aafrik* ‘Африка’, ср. *Amerik* ‘Америка’). В некоторых случаях происходит субституция определенных фонем в соответствии с фонотактическими закономерностями калмыцкого языка (*Sivir* ‘Сибирь’). Впрочем, стоит отметить, что некоторые фонетические и фонотактические закономерности, привычные для калмыцкого языка, в заимствованиях систематически нарушаются; например, в русских заимствованиях часто не наблюдается сингармонизма, обязательного для исконных калмыцких слов, ср. *fevral^j* ‘февраль’ (ожидалось бы *fevräl^l*). На стыке фонетической и грамматической адаптации находится тенденция к усечению безударного вокалического исхода русских имен: *zadač* ‘задача’, *stolov* ‘столовая’. Интересно, что это явление захватывает иногда не только русские окончания, но и фрагменты основ (*udostoverenⁱ* ‘удостоверение’). При этом русские имена с ударными окончаниями часто заимствуются в калмыцкий вместе с окончанием именительного падежа единственного числа, которое становится в калмыцком языке частью основы, ср. *Moskva-da* Москва-DAT ‘в Москве, в Москву’.

2) **Грамматическое оформление** слова. Признаком адаптации русского слова калмыцким языком считалось оформление заимствования калмыцкими морфологическими показателями (например, падежными или посессивными), а также дополнительно встраивание этого слова в один из словоизменительных классов калмыцкого языка. Так, русские существительные, основы которых оканчиваются на *-н*, при заимствовании в калмыцкий обычно попадают в класс существительных с неустойчивой *-н* (см. об этих существительных [Сай, настоящий сборник, b]); например, заимствованное из русского существительное *mašin* именно так выглядит в номинативе, но имеет основу *mašⁱ-* в некоторых косвенных падежах). Этот признак использовался и в обратном направлении: наличие при слове русских словоизменительных окончаний считалось признаком того, что перед нами случай переключения кода.

Частным случаем оформления русского по происхождению слова, согласно правилам калмыцкой грамматики (и, следовательно, трактовки его как заимствования), считалось употребление русских прилагательных в исходной для русского языка форме там, где по правилам русского синтаксиса ожидалось бы согласование:

- (7) ⟨...⟩ *oblastnoj komendatur-də-nʲ* ⟨...⟩
областной комендатура-DAT-P.3
'в областную комендатуру' (02_pasport.27).

3) Против трактовки лексемы как полноценного заимствования говорило использование в калмыцком тексте специальных конструкций, служащих для включения русских элементов. Так, например, согласно известной в контактологии тенденции [Field 2002: 36–37], калмыцкий язык заимствует русские глаголы с гораздо большим трудом, чем русские существительные. При этом в калмыцком языке существует особый способ инкорпорации в текст русских глагольных лексем: в таких случаях используется неопределенная форма глагола, а грамматическая информация маркируется на располагающейся после нее форме калмыцкого глагола *ke-* 'делать':

- (8) *tenii-gə* *сивара-ви-нʲ* *заправлять* *ke-xə*
тот-ACC весь-ACC-P.3 делать-PC.FUT
kerɡ-tü
дело-ASSOC
'Их (машины, технику) все надо заправлять' (02_pasport.12).

Поскольку данная стратегия лексически не ограничена и позволяет включить в калмыцкий текст любую русскую глагольную лексему, такие употребления глаголов записывались кириллицей, т. е. трактовались не как заимствования, а как случаи смешения кода («code-mixing»)⁵.

4. Некоторые грамматические особенности калмыцкого дискурса (по данным корпуса текстов)

Разумеется, в рамках краткого комментария к корпусу текстов невозможно сколько-нибудь подробно рассмотреть те многочисленные явления калмыцкой грамматики, которые становятся заметны именно при обращении к связному дискурсу. Тем не менее, нам бы хотелось здесь кратко остановиться на некоторых из них.

⁵ В этом решении мы следуем за П. Майскеном, подробно изучавшим такую модель включения в текст иноязычных глаголов в ситуации двуязычия, см. [Muysken 2000: 185 и далее].

4.1. Финитные и нефинитные формы в калмыцком дискурсе и проблема деления текста на предложения

Характерной особенностью калмыцкого дискурса является явное преобладание нефинитных форм глагола над финитными (по всей видимости, это свойство разделяется всеми алтайскими языками). Некоторое количественное представление о сделанном утверждении дает Таблица 1⁶.

Таблица 1. Финитные и нефинитные глагольные формы в текстах

	количество словоформ
деепричастия	1383
причастия	580
формы косвенных наклонений	64
финитные формы индикатива	793
всего	2820

Несмотря на то, что калмыцкие «причастия» (но не деепричастия!) в своем большинстве допускают финитное употребление (т. е. большинство калмыцких причастий могут выступать в качестве сказуемого независимого предложения, см. [Сай, настоящий сборник, b]), реализуется такая возможность в собранных текстах достаточно редко; таким образом, полученные данные достаточно наглядно иллюстрируют явную тенденцию к «нефинитности» калмыцкого дискурса.

Думается, что в определенной степени полученные количественные данные объясняются тем, что в калмыцком языке существует множество **аналитических** способов выражения различных глагольных значений, при которых информация, касающаяся финитности (личное согласование, а также маркеры абсолютного времени), содержится только на линейно правой (вершинной) форме, входящей в сложное по структуре сказуемое, а линейно левая словоформа является нефинитной (см., прежде всего, [Баранова, настоящий сборник, b] о сложных глаголах,

⁶ Более подробные данные о статистике различных грамматических форм глаголов в собранном корпусе текстов приводятся в Таблице 2 в конце этой статьи.

а также отчасти [Гото, настоящий сборник] о различных способах выражения значений зоны прошедшего времени).

Тем не менее, по всей видимости, высокая доля нефинитных форм, по результатам подсчетов, отраженных в Таблице 1, в большей мере связана с другим. Дело в том, что наиболее распространенными способами оформления сентенциальных актантов, сентенциальных приименных определений и сентенциальных сирконстантов являются стратегии, в которых зависимая клауза возглавляется нефинитной формой глагола — причастиями в первых двух случаях и деепричастиями — в третьем (см. [Князев, настоящий сборник], [Крапивина, настоящий сборник] и в какой-то мере [Мищенко, настоящий сборник] соответственно).

Среди всех типов полипредикативных структур отдельно хотелось бы отметить употребление разделительного деепричастия на *-ad* в так называемой «нарративной функции», т. е. при описании сменяющих друг друга эпизодов нарратива в иконической (*tense-iconic*) последовательности, т. е. эпизодов, находящихся на основной нарративной оси (*foreground*). В таких структурах могут использоваться длинные (иногда достигающие восьми клауз, 01_avtobiografija.2) цепочки клауз, возглавляемых разделительными деепричастиями. По всей видимости, клаузы такого рода сложно трактовать как собственно «обстоятельства», поскольку с точки зрения структуры дискурса они обычно не являются более фоновыми, чем финитные клаузы, и кодируют обычно новую информацию, необходимую для продвижения нарратива. В этом смысле они противопоставлены условным деепричастиям на *-xla* и *-xlagə*, которые тоже чаще всего кодируют действие, предшествующее тем, которые кодируются в последующих клаузах (в частном случае, в финитных), но при этом обычно содержат информацию, уже известную слушающему или фоновую. Яркий пример, показывающий различие между дискурсивными свойствами разделительного и условного деепричастия, представлен в следующем высказывании:

- (9) *ögə-Ø* *gi-nä-v* *gi-вäd*
 дать-IMP говорить-PRS-1SG говорить-CV.ANT
xääkr-äd *tend-äsə-nⁱ* *övgə-n* *xääkr-xlä*
 кричать-CV.ANT там-ABL-P.3 старик-EXT кричать-CV.SUCC

emgə-n *ää-väd* *ög-čk-nä*
 бабушка-EXT бояться-CV.ANT дать-COMPL-PRS

‘«Отдай, говорю», — кричит (дед), когда оттуда прокричал старик, бабка, испугавшись, отдала’ (14_xitryj_muzhik.58).

Здесь рассказчик сначала **сообщает**, что дед прокричал бабке «Отдай!», и при этом используется разделительное деепричастие, а затем повторно выражает ту же информацию, но уже в качестве временной и причинной точки отсчета для реакции бабки, и при этом используется уже условное деепричастие от того же глагола *xääkr-* ‘кричать’ (ср. также, например, 10_Bulgun.11 и 10_Bulgun.12).

При этом калмыцкие деепричастия, в частности, разделительное деепричастие на *-ad*, не могут употребляться финитно, поэтому в конце цепочки деепричастных клауз обязательно появляется клауза, возглавляемая финитной формой глагола. В нарративах это чаще всего форма претерита или прошедшего эвиденциального (эти формы наиболее частотны для основной повествовательной канвы нарративов, нарративного «скелета», и достаточно четко противопоставлены в них по признаку прямого/косвенного источника информации соответственно), реже — формой настоящего времени в функции *praesens historicum* (закономерности употребления таких форм нам пока остались неясны, вероятно, речь во многом идет об индивидуальном повествовательном стиле рассказчика). Форма же отдаленного прошедшего в рамках нарративов преимущественно используется для кодирования различной «фоновой» информации (*background*)⁷. Описанные тенденции в той или иной мере наблюдаются в большинстве собранных нами нарративных текстов, см., например, 01_avtobiografija, 02_pasport и т. д.

Обрисованные выше собственно грамматические закономерности в какой-то мере использовались нами при решении технической задачи деления записанных текстов на предложения. В большинстве случаев в рамках нарративов мы считали предложением цепочку клауз, завершающуюся финитной клаузой. Это

⁷ См. также [Гото, настоящий сборник] о семантическом противопоставлении форм претерита на *-v* и отдаленного прошедшего на *-la* по признаку актуальности/неактуальности соответственно.

решение обычно в целом соответствовало и интонационному рисунку нарративов: именно на финитных нарративных клаузах обычно происходит финальное понижение тона. Тем не менее, следует помнить, что расстановка границ между отдельными (пронумерованными) предложениями — это во многом условность, навязанная привычными для стандартизованных письменных языков способами оформления синтаксических структур в нарративах.

4.2. Прямая речь

Выше уже говорилось о том, что большинство зависимых предикаций в калмыцком языке возглавляется нефинитными формами глаголов. Пожалуй, наиболее заметным отклонением от этой тенденции является регулярное использование в нарративах конструкций с прямой речью персонажей. При пересказе какого-то диалога в рамках нарратива используются почти исключительно такие структуры (см., например, 08_konflikt, 10_Bulgun, 11_lopatka, 12_prostofilja и т. д.). Более того, рассказчики прибегают к прямой речи и тогда, когда они хотят передать внутреннее состояние героев нарратива, их чувства, мысли, цели и т. д. — в таких случаях часто воспроизводится речь протагониста, как бы обращенная к самому себе (10_Bulgun.8, 13_kurica.5, 14_xitryj_muzhik.4 и т. д.). В некоторых случаях возможны даже структуры с прямой речью, вложенной в прямую речь персонажа (см. 12_prostofilja.18).

4.3. Топикальность, определенность и поддержание подлежащего в дискурсе

Как и в большинстве других языков, нарративная связность в калмыцком во многом поддерживается за счет тенденции, согласно которой последовательности сменяющих друг друга нарративных эпизодов предпочтительно кодируются с позиции какого-то одного участника. Выше уже говорилось о том, что «предложение» в калмыцком нарративе чаще всего состоит из нескольких нефинитных клауз и одной финитной. При этом в подавляющем большинстве случаев во всех этих клаузах подразумевается одно подлежащее, однако выражено оно обычно оказывается не более одного раза. Таким образом, основным средством поддержания топика является использование референциальных «нулей». Следует отметить, что и калмыцкий

синтаксис в узком смысле слова в большой мере «чувствителен» к кореферентности подлежащих смежных клауз: существуют способы оформления зависимой предикации, которые возможны только при этом условии (соединительное деепричастие на *-ǰə* [Мищенко, настоящий сборник], целевое деепричастие на *-xar* [Сай, настоящий сборник, b]), в ряде случаев оформление зависимого предиката зависит от того, кореферентны ли подлежащие главной и зависимой клауз (так, это касается оформления условного деепричастия на *-xla* [Сай, настоящий сборник, b], причастий в функции вершины сентенциального актанта при некоторых предикатах [Князев, настоящий сборник]).

Таким образом, при сохранении топика на протяжении нескольких «предложений» эксплицитное его выражение в калмыцком дискурсе далеко не является обязательным. Более того, само по себе явление нулевой референции к известным (топикальным) участникам далеко не ограничено подлежащими актантами. Яркий пример этого явления можно найти в предложении 13_kuŋiса.6. В этой истории имеется два главных протагониста: старуха и курица; поскольку они оба уже введены в пространство дискурса, говорящий позволяет себе не называть ни одного из них эксплицитно ни в одной из четырех клауз, из которых состоит это предложение. По всей видимости, такого рода имплицитность характерна прежде всего для случаев, когда в тексте на протяжении многих клауз сохраняется единая «перспектива говорящего»⁸; так, в данном случае история описывается «с точки зрения» старухи, которая проделывает различные манипуляции со своей курицей, и, таким образом, использование нулевой референции оказывается естественно.

Вполне естественно, что в системе, столь чутко реагирующей на поддержание топикального статуса, должны быть и средства, служащие маркированию какой-то составляющей как нового топика, введению нового топика. По всей видимости, наиболее распространенным средством такого рода является условное деепричастие глагола *bol-* ‘становиться’. Так, например,

⁸ См. также [Сай, настоящий сборник, a] о роли тенденции к поддержанию единой текстовой перспективы для функционирования калмыцких каузативных конструкций.

в тексте 03.semja рассказчик говорит о своей семье — о своем деде, потом об отце. В тот момент, когда он переключает внимание слушающего на бабушку (которая до этого не упоминалась), используется следующая структура:

- (10) *mana eeʒə bol-xla mini eeʒə*
 мы.GEN бабка становиться-CV.SUCC я.GEN бабка
jirinä enə Taltaxn-a
 вообще этот род.Талтахн-GEN
 ‘Наша бабушка... моя бабушка вообще из рода Талтахна’
 (03.semja).

То же самое деепричастие частотно в случае противопоставления контрастивных тем (02.pasport.5, 02.pasport.14). Думается, что использование для маркирования топика (ср. русское *если говорить о Пете, то он...*) именно условного деепричастия далеко не случайно — как видно из обсуждения в разделе 4.1, такое деепричастие часто используется для кодирования известного слушающему предшествующего события-причины или события-фона, таким образом, калмыцкое *bol-xla* (становиться-CV.SUCC) является функциональным аналогом конструкций типа русского *что до X*, французского *quant à* и т. д.

Нет никаких сомнений в том, что к референциальной организации калмыцкого дискурса самое прямое отношение имеют и многие местоименные по происхождению единицы. Действительно, в калмыцком языке не существует маркеров определенности (например, артиклей) в узком смысле слова. Однако и посессивные именные показатели, и указательные местоимения в ряде случаев выступают в функции, близкой к маркерам определенности (см. пример (7) выше или 14_xitryj_muzhik.⁹ для посессивных маркеров; указательное местоимение (08_konflikt.6, 10_Bulgun.20, 11_lopatka.5) или оба средства вместе (10_Bulgun.10, *ter zalu-nⁱ* ‘тот мужчина-Р.З’)⁹.

⁹ Экспедиционные исследования М. Б. Коношенко показали, что в калмыцком языке функционирует сложная многокомпонентная система маркирования референциального статуса именных групп и что, в частности, в маркировании определенного референциального статуса могут участвовать и посессивные показатели, и указательные местоимения, и эксплицитный падежный маркер аккузатива [Коношенко 2006].

- (11) *Bulǰə-n-igə* *jaβ-sə-n^j* *keg-sə-n^j*
 Булгун-EXT-ACC что.делать-PC.PST-P.3 делать-PC.PST-P.3
med-ǰä-x-ǰə *ter* *dü-n^j*
 знать-PROG-PC.FUT-NEG.PRS тот младший.брат-P.3
 ‘Этот младший брат не знает, что сделали с Булгун’
 (10_Bulgun.22).

В примере (11) представлено двойное маркирование (указательное местоимение и посессивный показатель), хотя семантически указательное местоимение избыточно, поскольку в тексте упоминается только один брат. Впрочем, систематическое изучение подобных употреблений этих местоименных элементов еще ждет своего часа.

Наконец, с референциальной организацией дискурса, безусловно, связаны и многие явления в области **порядка слов**. Этот вопрос также пока остается не вполне изученным, однако хотелось бы обратить внимание по крайней мере на одно явление в области порядка слов, регулярно встречающееся в собранных текстах, а именно на экстрапозицию топики в конец высказывания. Выше уже говорилось, что поддерживаемые топики, особенно в случае если они занимают позицию подлежащего, чаще всего не получают в рамках предложения эксплицитного выражения, то есть им соответствуют референциальные нули. При этом в существующих грамматиках говорится, что при относительной свободе порядка слов в калмыцком языке достаточно жестко фиксирована финальная позиция сказуемого внутри предикации (это подтверждается и при изучении калмыцкого языка методом опроса носителей по анкетам, так называемой «элицитации»). Однако в собранных нами текстах достаточно часто встречаются отклонения от этой тенденции, см. (11) выше или (12):

- (12) *äm-də* *cag-tə* *Sibir* *kür-äd* *ter*
 жизнь-DAT время-DAT Сибирь достигать-CV.ANT тот
bäü-sən *kažər* *us-an* *üz-äd*
 быть-PC.PST земля вода-P.REFL видеть-CV.ANT
tan^ləl *üzəl-är* *üz-xär*
 знакомый знакомый-INS видеть-CV.PURP

sed-dəg *bilä* *ekə-m*
намереваться-РС.НАВ быть.REM мать-Р.1SG

‘Когда была жива, хотела доехать до Сибири, те места [= землю, воду], где была, увидеть, собиралась повидаться со знакомыми... Моя мама...’ (03_semja.29).

Здесь (ср. также, например, 01_avtobiografija.9) рассказчик повествует на протяжении какого-то времени о некотором центральном для истории протагонисте (в данном случае о своей матери). Это позволяет ему не называть эксплицитно такого протагониста во многих клаузах, в которых он «подразумевается», поддерживая референцию при помощи синтаксических нулей. Однако когда расстояние между эксплицитными именными группами, реферирующими к этому протагонисту, достигает некоторого интуитивно определяемого предела, рассказчик может вновь использовать полноценную именную группу после завершения некоторого фрагмента, часто после паузы и финального падения основного тона. В результате подобного эффекта («right dislocation») может нарушаться тенденция к расположению подлежащего слева от сказуемого, что мы и наблюдали в примере (12).

5. Особенности текстов и принципы составления публикации: континуум нарративности

Записанные тексты не одинаковы с точки зрения условий порождения текста и записи. Хотя в целом при составлении корпуса мы ориентировались на неподготовленные тексты, степень спонтанности существенно различается для фольклорных текстов, формульных на уровне сюжета, мотивов (сказки №11–14), и текста, строящегося из традиционных формул (благопожелание — йоряль, 18_blagorozhelanie). Тексты одного жанра не одинаковы с точки зрения неподготовленности/подготовленности, импровизации и воспроизведения. Любимая сказка сына информантки (12_prostofilja), скорее всего, будет повторена при следующей записи практически дословно, тогда как более традиционный тип порождения текста предполагает, что рассказчик имеет в голове лишь сюжет, набор мотивов и словесных клише, но создание текста происходит в момент рассказа; в таком случае в тексте

возникает некоторое число сбоев (14_xitryj_muzhik.37, 10_Bulgun.27 и др.).

Своего рода полюсами, между которыми располагаются все остальные тексты, являются нарративные тексты и риторические описания. Отмеченная в разделе 4.1 тенденция к «нефинитности» калмыцких текстов находит наибольшее воплощение именно в последних (18_blagorozhelanie, 19_poroki): в тексте «Благопожелание» (18_blagorozhelanie) на 29 условно выделенных нами приходится всего 8 финитных форм, тогда как в нарративе о добыче свиньи (04_svinja) это соотношение составляет 10 финитных форм на 13 «предложений».

Мы стремились отразить особенности текстов в структуре публикации и условно разделили их на несколько блоков, переходящих друг в друга. Первый блок состоит из рассказов о жизни в Сибири (автобиографических текстов (№ 1–2) и воспоминаний, прошедших сквозь призму семейной памяти детей (3_semja) или внуков (04_svinja)). По мере удаления страшного опыта рассказы о нем становятся «более сюжетными», внимание привлекают не повседневная жизнь в Сибири, а яркие случаи, происшествия (например, добыча мяса свиньи с помощью хитрости в 04_svinja). Тексты № 5–8 отражают современную жизнь калмыков: смешные случаи с детьми (05_ljagushki и 06_odekolon), конфликт (08_konflikt). Несколько особняком стоит текст № 7 (07_dialog) — единственный спонтанный диалог в представленной публикации (запись разговора по просьбе участников экспедиции сделала З. Д. Хейчиева). Тексты с № 11 по 14 — сказки (11_loratka, 12_prostofilja, 13_kurica, 14_xitryj_muzhik); их обрамляют тексты с установкой на достоверность (былички о белой старухе (09_belaja_staruxa) и о женщине-оборотне (15_chjort); легенда о любви солнца к девушке Герл (16_devushka_i_solnce); история об убийстве Булгун (10_Bulgun)). Последние три текста дают представление о традиционной культуре калмыков: языковых табу для замужних женщин и представлениях о наказании нарушительниц запрета (17_tabu), ценностях и благоденствии (18_blagorozhelanie) и представлениях о пороках (19_poroki).

Литература

- Баранова В. В. Языковая ситуация в Калмыкии: социолингвистический очерк. Настоящий сборник, а.
- Баранова В. В. Сложные глаголы в калмыцком языке. Настоящий сборник, б.
- Гото К. В. Система финитных форм прошедшего времени в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Коношенко М. Б. 2006. Дифференциальное маркирование объекта в калмыцком языке. Экспедиционный отчет (рукопись). Доступен на веб-странице калмыцкого семинара (<http://www.iling.spb.ru/kalmyk/MariaKonoshenko>).
- Крапивина К. А. Причастие в роли сказуемого относительного оборота в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Князев М. Ю. Сентенциальные дополнения в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Мищенко Д. Ф. Деепричастия с показателями *-жэ* и *-ад* в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- От составителей. Настоящий сборник.
- Сай С. С. Аргументная структура калмыцких каузативных конструкций. Настоящий сборник, а.
- Сай С. С. Грамматический очерк калмыцкого языка. Настоящий сборник, б.
- Field F. 2002. *Linguistic borrowing in linguistic contexts*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- Hansen L. 2001. Language attrition: the fate of the start // *Annual Review of Applied Linguistics*. 21. P. 60–73.
- Labov W. 1966. *The social stratification of English in New York City*. Washington DC: Center for Applied Linguistics.
- Muysken P. 2000. *Bilingual speech. A typology of code-mixing*. Cambridge: CUP.
- Sasse H.-J. 1992. Language decay and contact-induced change: similarities and differences // Brenzinger M. (ed.). *Language death: Factual and theoretical explorations with special reference to East Africa*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. (Contributions to the Sociology of Language 64). P. 59–80.
- Seliger H., Vago R. (eds.). 1991. *First Language Attrition: theoretical perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 31–52.
- Thomason S. G. 2001. *Language contact: an introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Приложение

Таблица 2. Статистика употреблений различных грамматических форм глаголов в собранном корпусе текстов

	Форма	Количество словоформ
деепричастия	CV.ANT	861
	CV.IPFV	278
	CV.MOD	36
	CV.PURP	25
	CV.SUCC	114
	CV.SUCC2	56
	CV.TERM	13
причастия	PC.FUT	185
	PC.HAB	184
	PC.PASS	2
	PC.PST	209
формы косвенных наклонений	IMP	26
	IMP.PL	21
	HORT	0
	APPR	2
	JUSS1	6
	JUSS2	6
	IMP? ¹⁰	3
финитные формы индикатива	CONT	11
	PST	172
	PRS	365
	EVD	136
	REM	109

¹⁰ Неясная с морфологической точки зрения форма с семантикой зоны императива.

ТЕКСТЫ

1. Автобиография (01_avtobiografija) Зинаида Меркеевна Урубжурова

- (1) *mini eckə Sivir or-ad*
я.GEN отец Сибирь входит-CV.ANT
kar-xlarn xurəl-də mañžə
выходить-CV.SUCC.P.REFL хурул-DAT послушник
bää-žä-sən
быть-PROG-PC.PST
‘Мой отец до отправления в Сибирь был послушником в хуруле’.
- (2) *tegäd mini kava av-ad gerə*
потом я.GEN тетя.по.отцу брать-CV.ANT дом
av-č ög-äd mini ek-igə
брать-CV.IPFV дать-CV.ANT я.GEN мать-ACC
buu-lv-ad arvə-n tav-ta
спускаться-CAUS-CV.ANT десять-EXT пять-ASSOC
zurka kür-äd uga cag-la
шесть достигать-CV.ANT NEG.COP время-COM
buu-lv-ad Sivir-tə od-ad
спускаться-CAUS-CV.ANT Сибирь-DAT уходить-CV.ANT
madn-igə av-ad od-ad mana
мы-ACC брать-CV.ANT уходить-CV.ANT мы.GEN
ekə eckə xojr xojr küükt-än kazər-tə
мать отец два два дети-P.REFL земля-DAT
üld-ä-väd mini eckə Sivir-tə
оставаться-CAUS-CV.ANT я.GEN отец Сибирь-DAT
basə üldə-v
тоже оставаться-PST
‘Тогда моя тетя взяла, женила [= дала взять дом] его на моей матери, когда ей было 15 лет, когда она еще не достигла 16 лет, они уехали в Сибирь, нас взяв, уехали, наши мать и отец, двух детей похоронили [= в земле оставили], мой отец тоже умер в Сибири’.
- (3) *ekə-m madn-igə ma dörvən-igə av-čə*
мать-P.1SG мы-ACC мы четыре-ACC брать-CV.IPFV

- ir-äd* *üündə* *žirə-n* *jisə-n*
 приходить-CV.ANT здесь 60-EXT девять-EXT
- kür-äd* *dalən* *neg-dəgčə* *maj-in* *вицə-n*
 достигать-CV.ANT 70 один-ORD май-GEN 30-EXT
- negə-n-də* *sää-vän* *xää-v*
 один-EXT-DAT добро-P.REFL искать-PST
 ‘Моя мама, привезя нас, нас четверых, здесь в 69 лет 31-го мая 71-го года скончалась [= искала свое добро]’.
- (4) *mini* *eckə* *ävər* *sežəgčə* *kü-n*
 я.GEN отец огромный мнительный человек-EXT
bilä
 быть.REM
 ‘Мой отец был очень богобоязненным человеком’.
- (5) *xurəl-də* *manžə* *šov-sən-d-an*
 хурул-DAT послушник ходить-PC.PST-DAT-P.REFL
burxə-n *nom-də* *ävər* *šüt-dəg*
 бог-EXT учение-DAT огромный веровать-PC.HAB
bilä
 быть.REM
 ‘Когда был послушником в хуруле, он был очень привержен божественному учению’.
- (6) *tiig-äd* *oda* *ezəl-žä-sən*
 делать.так-CV.ANT сейчас обладать-PROG-PC.PST
burx-n-asə *altarj-asə* *negən* *нован*
 бог-EXT-ABL алтарь-ABL один зеленый
därk-in *gegä-gə* *örč-t-än*
 тара-GEN свет-ACC грудь-DAT-P.REFL
boo-вad *av-ad* *šov-žə*
 заворачивать-CV.ANT брать-CV.ANT ходить-CV.IPFV
šov-ad *tiing-än* *jaa-вad*
 ходить-CV.ANT тот-P.REFL что.делать-CV.ANT
gee-səm-b *xaalv-d-an* *gee-čk-čə*
 терять-PC.PST-Q дорога-DAT-P.REFL терять-COMPL-EVD
 ‘Так вот, он из используемых божеств, из алтаря взял одну зеленую тару «Сияние», привязал ее на грудь, а когда ехал, «Каким же образом потерял?» — «По дороге потерял»’.

- (7) *terü-n-äsə ikär sež-äd*
 тот-EXT-ABL сильно быть.мнительным-CV.ANT
bää-nä gi-väd mini ekə
 быть-PRS говорить-CV.ANT я.GEN мать
kel-dəg bilä
 говорить-PC.HAV быть.REM
 ‘От этого он был очень испуган, говорила моя мать’.
- (8) *däkäd oda ter mod-n-a ködälməš*
 еще сейчас тот дерево-EXT-GEN работа
kündə bol-ad carc-ad
 тяжелый становится-CV.ANT простыть-CV.ANT
ooškə-nⁱ darunⁱ carc-ad ködl-äd
 легкие-Р.3 сразу простыть-CV.ANT работать-CV.ANT
uu-xə čatušk üsə av-ad
 пить-PC.FUT чатушка молоко брать-CV.ANT
šov-dəg bää-ž
 ходить-PC.HAV быть-EVD
 ‘Так вот, работа на лесоповале была тяжелой, он простудился, его легкие быстро простудились, на работу всегда брал с собой чатушку молока для питья’.
- (9) *ter kör-äd mod ač-ad*
 тот мерзнуть-CV.ANT дерево грузить-CV.ANT
kör-čk-äd vago-n
 мерзнуть-COMPL-CV.ANT вагон-EXT
düür-g-äd ač-ad ter
 наполняться-CAUS-CV.ANT грузить-CV.ANT тот
üs-än uu-čk-ad
 молоко-Р.REFL пить-COMPL-CV.ANT
xatxl-ad xojr vurəv
 чувствовать.стреляющую.боль-CV.ANT два три
xon-ad öngr-äd bää-ž
 ночевать-CV.ANT умирать-CV.ANT быть-EVD
mini eckə
 я.GEN отец
 ‘Он замерз, когда грузил лес, замерз, когда грузил вагоны, он выпил это свое молоко, почувствовал острую боль, две-три ночи провел и умер, мой отец’.

- (10) *tegäd mini ekə oda ванс-арн*
 потом я.GEN мать сейчас один-INS.P.REFL
küükäd-tä-вän üld-äd oda gem
 дети-ASSOC-P.REFL оставаться-CV.ANT сейчас болезнь
šaltəg uga ir-äd bää-вäd däkäd
 недуг NEG.COP приходить-CV.ANT быть-CV.ANT еще
davlen^j bos-ad zürkə-n-d-än
 давление вставать-CV.ANT сердце-EXT-DAT-P.REFL
gem-tä bolə-v
 болезнь-ASSOC становится-PST
 ‘Тогда моя мать, оставшись одна с детьми, приехала без болезней и недугов, жила, потом поднялось давление, стала сердечницей’.
- (11) *šud ükə-n ük-tl-än*
 прямо умереть-CV.MOD умереть-CV.TERM-P.REFL
köl deer-än bää-v
 нога поверхность-P.REFL быть-PST
 ‘Прямо до самой смерти она оставалась на ногах’.
- (12) *endər у нас такой обычай: бабки болеют, все снохи*
 сегодня
ir-äd ükr-in deejə масло
 приходить-CV.ANT корова-GEN первая.чашка
av-č ir-xov топить
 брать-CV.IPFV приходить-PC.FUT.COP
ke-xov
 делать-PC.FUT.COP
 ‘Теперь у нас такой обычай: бабки болеют, все снохи приходят, приносят коровье подношение, масло, топят его’.
- (13) *dala масло натопила, таҗвдуртән^j*
 много следующий.день
öngər-žə od-va
 умирать-CV.IPFV уходить-PST.EMPH
 ‘Натопила много масла, а на следующий день умерла’.
- (14) *тридцатого мая ter tosə xäül-äd*
 тот масло таять-CV.ANT

- beräd-in av-č ir-sən*
 сноха.PL-GEN брать-CV.IPFV приходит-PC.PST
 ‘Тридцатого мая натопила это масло, принесенное невестками’.
- (15) *тридцать первого мая asxə-n arvən čas arvən*
 вечер-EXT десять час десять
minut-la sää-vän xəä-väd bää-v
 минута-COM добро-P.REFL искать-CV.ANT быть-PST
 ‘А тридцать первого мая в 10 часов и 10 минут вечера она
 скончалась [= искала свое добро]’.
- (16) *иха-ван gee-sən uga üg-än*
 ум-P.REFL терять-PC.PST NEG.COP слово-P.REFL
kel-äd sän bää-tən
 говорить-CV.ANT хороший быть-IMP.PL
gi-žə kel-äd kevt-äd
 говорить-CV.IPFV говорить-CV.ANT лежать-CV.ANT
öngər-žə odə-v
 умирать-CV.IPFV уходить-PST
 ‘Не потеряв разум, сказав слово, сделав благопожелание
 [= сказав «Будьте здоровы!»], легла и скончалась’.
- (17) *zov-sən uga*
 мучиться-PC.PST NEG.COP
 ‘Она не страдала’.
- (18) *tümə amrar mini ekə cogc-an sol^l-və*
 такой легко я.GEN мать организм-P.REFL менять-PST
 ‘Так моя мама легко умерла [= сменила тело]’.
- (19) *она nilxər-sən küi-n-äsə küükəd*
 рожать-PC.PST человек-EXT-ABL дети
kar-v-dəg bilä
 выходить-CAUS-PC.HAV быть.REM
 ‘Она делала так, что из рожавших людей рождались дети’.
- (20) *küükəd-də ekə bol-dəg bilä*
 дети-DAT мать становится-PC.HAV быть.REM
 ‘Она становилась для детей матерью’.
- (21) *küis-i-n^j täär-äd üündə ač-nər-n^j*
 пупок-ACC-P.3 резать-CV.ANT здесь внук-PL-P.3

dala которые она принимать *ke-sən*
 много делать-PC.PST
 ‘Она перерезала пуповину, здесь много молодежи, которых она принимала’.

(22) *сивар ür-tä sad-ta bää-cxä-nä*
 весь друг-ASSOC родня-ASSOC быть-PLR-PRS
 ‘Они все с детьми и семьями’.

2. Паспорт (02_pasport) Михаил Бадмаевич Олдаев

(1) *oda tävə-n tav-dəgčə žil bi Sibir-tə*
 сейчас 50-EXT пять-ORD год я.NOM Сибирь-DAT
bilä-v Novosibirsk oblast^j Kupinsk
 быть.REM-1SG Новосибирск область Купинский
rajo-n kolhoz Верный путь
 район-EXT колхоз
 ‘В 55-ом году я был в Сибири, Новосибирская область, Купинский район, колхоз «Верный путь»’.

(2) *mi kolhoz bilä¹*
 плохой колхоз быть.REM
 ‘Плохой был колхоз’.

(3) *däkäd tävə-n xojr-dəgčə žilə dolan klaas*
 еще 50-EXT два-ORD год семь класс
čil-ä-čk-äd taldan sovhoz-də
 заканчиваться-CAUS-COMPL-CV.ANT чужой совхоз-DAT
ir-lä-v
 приходить-REM-1SG
 ‘Вот, в пятьдесят втором году, закончив семь классов, я приехал в другой совхоз’.

(4) *juŋgad gi-xlägə sovhoz-də möŋgə*
 почему говорить-CV.SUCC2 совхоз-DAT деньги
ög-dəg bilä
 дать-PC.HAB быть.REM
 ‘Потому что в совхозе платили деньги’.

¹ Почему-то рассказчик добавляет слово *tüünäsə* ‘оттуда’.

- (5) *a kolhoz-də bol-xlagə trudodenⁱ*
 колхоз-DAT становиться-CV.SUCC2 трудодень
ög-dəg bilä
 дать-PC.HAB быть.REM
 ‘А что касается колхоза, то там давали трудодни’.
- (6) *tiig-äd ter žil-in čilgč-är buud'a-var*
 делать.так-CV.ANT тот год-GEN конец-INS зерно-INS
bolən bodəncg-ar bolən taldan ög-dəg
 и картофель-INS и чужой дать-PC.HAB
bilä
 быть.REM
 ‘Потом в конце года выдавали (заработанное) зерном,
 картошкой или другим’.
- (7) *oda kel-xlägə ter bol-žə-na*
 сейчас говорить-CV.SUCC2 тот становиться-PROG-PRS
натуральный продукт gi-dəg jütə-n ter
 говорить-PC.HAB вещь-EXT тот
bol-žə-na
 становиться-PROG-PRS
 ‘Как говорится, это называется «натуральный продукт»’.
- (8) *tiig-äd oda ter juu-n-də*
 делать.так-CV.ANT сейчас тот что-EXT-DAT
Kupinskə ovcesovhoz-də tus-ad
 Купинский овцесовхоз-DAT попадать-CV.ANT
tenü-n-də oda dolan klaas
 тот-EXT-DAT сейчас семь класс
čil-ä-čk-sən ter cag-tə
 заканчиваться-CAUS-COMPL-PC.PST тот время-DAT
gem uga surbulⁱ bää-sən
 болезнь NEG.COP учеба быть-PC.PST
bol-žə-na
 становиться-PROG-PRS
 ‘Тогда попав в этот самый, в Купинский овцесовхоз, там,
 уже имел семь классов образования, в это время с образованием
 не было проблем’.

- (9) *tiig-äd* *orsə* *kelə* *das-ad*
 делать.так-CV.ANT русский язык выучить-CV.ANT
säänär *nämägə* *jumə* *täv-žä-nä*
 хорошо я.ACC вещь класть-PROG-PRS
учетчик заправщиком *ferm-də* *täv-žä-nä*
 ферма-DAT класть-PROG-PRS
 ‘Теперь, так как я хорошо выучил русский язык, меня поставили этим, поставили на ферме учетчиком-заправщиком’.
- (10) *ter* *ferm* *deerə* *xörə-n* *näämən* *traktor*
 тот ферма поверхность 20-EXT восемь трактор
arvə-n *zurvan* *kombajn* *bää-dəg* *bilä*
 десять-EXT шесть комбайн быть-PC.HAB быть.REM
 ‘На этой ферме было 28 тракторов, 16 комбайнов’.
- (11) *ter* *kombajn* *oda* *bol-xlagə* *evrən*
 тот комбайн сейчас становиться-CV.SUCC2 сам
jov-dəg *bol-xov* *ter* *cag-tə*
 ходить-PC.HAB становиться-PC.FUT.COP тот время-DAT
traktor *čir-dəg* *bilä* *ter* *kombajn-igə*
 трактор тащить-PC.HAB быть.REM тот комбайн-ACC
 ‘Это сейчас комбайны сами ездят, а в то время тракторы таскали эти комбайны’.
- (12) *tenü-gə* *сивара-ви-и^j* *заправлять* *ke-xə*
 тот-ACC весь-ACC-P.3 делать-PC.FUT
kerğ-tä *däkäd* *juu-вар* *ter* *ködəl-sən*
 дело-ASSOC еще что-INS тот работать-PC.PST
uls-in *köls-i-и^j* *möng-i-и^j*
 народ-GEN заработок-ACC-P.3 деньги-ACC-P.3
tool-ad *kedü* *xotə* *uu-sən* *kedü*
 считать-CV.ANT сколько еда пить-PC.PST сколько
gorⁱuč *вар-в-sən* *сивара-ви-и^j* *iig-äd*
 горючее выходить-CAUS-PC.PST весь-ACC-P.3 делать.так-CV.ANT
bič-äd *вар-в-čкə-dəg* *bilä-v*
 писать-CV.ANT выходить-CAUS-COMPL-PC.HAB быть.REM-1SG
 ‘Их (машины, технику) все надо заправлять, потом чем... посчитав зарплату работающих людей, сколько еды съедено, сколько горючего потрачено, я подбивал итог всего этого и записывал’.

- (13) *tenü-n-də* *доска показателей* *bää-dəg*
 тот-EXT-DAT быть-РС.НАВ
bilä
 быть.REM
 ‘Там была доска показателей’.
- (14) *tenü-n-d-än* *oda* *tävə-n* *tav-dəgčə* *žil-də*
 тот-EXT-DAT-P.REFL сейчас 50-EXT пять-ORD год-DAT
ködl-äd *gem* *uga* *но tiiü-n-ä* *ömnə*
 работать-CV.ANT болезнь NEG.COP тот-EXT-GEN перед
bol-xlagə *döčə-n* *nääm-dəgčə* *jis-dəgčə*
 становиться-CV.SUCC2 40-EXT восемь-ORD девять-ORD
žil *madən* *oda* *ter* *tendə* *av-č*
 год мы сейчас тот там братъ-CV.IPFV
od-sən
 уходить-РС.PST
 ‘Там, в 55-ом году без проблем работал, но до этого, в 48-ом, 49-ом году нас туда перевели’.
- (15) *Stali-n-a* *čaŋvə* *ju-n-la*
 Сталин-EXT-GEN крепкий что-EXT-COM
харк-ad *madn-igə* *Sibir-tə*
 встречаться-CV.ANT мы-ACC Сибирь-DAT
av-č *od-sən* *döčə-n* *nääm-dəgčə*
 братъ-CV.IPFV уходить-РС.PST 40-EXT восемь-ORD
jis-dəgčə *žil-də*
 девять-ORD год-DAT
 ‘Когда мы попали под сталинские репрессии [= встретились с суровыми (делами) Сталина], нас отправили в Сибирь в 48-ом, 49-ом году’.
- (16) *xörə-n* *tavən* *duuna-d* *komendant-in* *selvəg*
 20-EXT пять километр-DAT комендант-GEN совет
uga-вар *madən-də* *šov-dəg* *al^j*
 NEG.COP-INS мы-DAT ходить-РС.НАВ всякий
uga *bää-sən* *bol-ža-na*
 NEG.COP быть-РС.PST становиться-PROG-PRS
 ‘Без разрешения коменданта мы не могли никуда передвигаться на двадцать пять километров’.

- (17) *elgən sadə-n tal-an*
 родственник родня-EXT сторона-Р.REFL
od-dəg alⁱ uga
 уходить-РС.НАВ всякий NEG.COP
 ‘Не могли поехать к своим родственникам’.
- (18) *tiig-äd oda däkäd Stali-n*
 делать.так-CV.ANT сейчас еще Сталин-EXT
öŋgr-äd tävə-n burvə-dəgčə žil-də nevcə
 умирать-CV.ANT 50-EXT три-ORD год-DAT немного
suld-ad däkäd ju-n
 освобождаться-CV.ANT еще что-EXT
kar-žə-na enčən suld-ad
 выходить-PROG-PRS этот освобождаться-CV.ANT
xalⁱmg-ud-igə kar täv-dəg bolučən madən
 калмык-PL-ACC рука класть-РС.НАВ хоть мы
oda komendant-tə xojr däkčə kar täv-dəg
 сейчас комендант-DAT два раз рука класть-РС.НАВ
bilä-vidn
 быть.REM-1PL
 ‘Вот, потом Сталин умер, в 53-м году стало немного свободнее, хотя это произошло, калмыков освободили, все же должны были расписываться, мы должны были расписываться у коменданта два раза’.
- (19) *sar-in neg šin-də sar-in čiləgč-är*
 луна-GEN один новый-DAT луна-GEN конец-INS
iiglän tiiglän nis-čə jov-sən ulsə
 сюда туда летать-CV.IPFV ходить-РС.PST народ
tüündə bää-xə bol-ad
 там быть-РС.FUT становиться-CV.ANT
 ‘Мы стали людьми, которые в начале месяца и в конце месяца туда-сюда ездят [= летают]’.
- (20) *tüündə ter komendant-la bi sän*
 там тот комендант-COM я.NOM хороший
bäü-dəg bilä-v oda orsə kel-tä
 быть-РС.НАВ быть.REM-1SG сейчас русский язык-ASSOC

däkäd

еще

‘С тем комендантом я был в хороших отношениях, ведь я говорил по-русски [= был с русским языком]’.

- (21) *bij-n^j oda motocikl-ta maši-*kar**
 тело-Р.3 сейчас мотоцикл-ASSOC автомобиль-INS
*ir-*xlärn* benzi-*vi-n^j**
 приходить-CV.SUCC.P.REFL бензин-ACC-Р.3
*ög-äd täv-čk-*xlä* enčən nam tal*
 дать-CV.ANT класть-COMPL-CV.SUCC этот я сторона
*du *kar-d-go* bilä*
 голос выходить-РС.HAB-NEG.COP быть.REM

‘Когда он сам приезжал на мотоцикле, на машине, я заливал ему бензин, а он мне ничего не говорил’.

- (22) *tiig-äd bičə-*ld-äd**
 делать.так-CV.ANT писать-RECP-CV.ANT
*bičə-*ld-äd* bää-žə evr-änn^j elgən*
 писать-RECP-CV.ANT быть-EVD сам-GEN.Р.3 родственник
sad-an ol-žə abb-u
 родня-Р.REFL находить-CV.IPFV брать.PST-1SG
 ‘Вот так вот все писали-писали, а потом я нашел свою собственную семью’.

- (23) *ekə eckə xojr ter ir-sən žil-d-än*
 мать отец два тот приходить-РС.PST год-DAT-Р.REFL
öŋgr-žə od-sən bää-žə
 умирать-CV.IPFV уходить-РС.PST быть-EVD
 ‘Оказалось, что в том году мои родители оба умерли’.

- (24) *dü kövü-n bilä dü*
 младший мальчик-EXT быть.REM младший
küükə-n bilä basə tedən xarɣn-ad
 девочка-EXT быть.REM тоже они голодать-CV.ANT
öŋgr-žə odə-č
 умирать-CV.IPFV уходить-EVD
 ‘Был младший брат, была младшая сестра, они, оказывается, тоже умерли от голода’.

- (25) *xojr axə üld-səŋ bää-žə*
 два старший.брат оставаться-PC.PST быть-EVD
 ‘Оставалось два старших брата’.
- (26) *neg axə-m oda traktorist*
 один старший.брат-P.1SG сейчас тракторист
ködəl-žä-səŋ neg axə-m čaban
 работать-PROG-PC.PST один старший.брат-P.1SG чабан
ködəl-žä-žə
 работать-PROG-EVD
 ‘Оказывается, один мой брат работал трактористом, другой брат работал чабаном’.
- (27) *bičəg bič-äd jaə-ƚad zəŋg*
 письмо писать-CV.ANT что.делать-CV.ANT новость
av-ld-ad oblastnoj komendatur-də-nⁱ
 брать-RECP-CV.ANT областной комендатура-DAT-P.3
bič-äd razrešenie av-xar
 писать-CV.ANT разрешение брать-CV.PURP
ög-čä-xəŋ uga
 дать-PROG-PCL.AFF NEG.COP
 ‘Написали письма, так вот, получили друг от друга известия, написал в областную комендатуру, чтобы получить разрешение, (но) не дали’.
- (28) *bol-š-go gi-žä-nä*
 становится-PC.FUT-NEG.COP говорить-PROG-PRS
 ‘«Не выйдет», — говорят’.
- (29) *nu tiig-äd bič-ld-äd*
 делать.так-CV.ANT писать-RECP-CV.ANT
bič-ld-äd ög-čə ög-vä
 писать-RECP-CV.ANT дать-EVD дать-PST.EMPH
разрешение
 ‘Ну, писали-писали, выдали, разрешение’.
- (30) *tiig-xlagə jov-xə kerg-tä*
 делать.так-CV.SUCC2 ходить-PC.FUT дело-ASSOC
bol-žə-na
 становится-PROG-PRS
 ‘Значит, надо ехать’.

- (31) *Sibir-tə* *oda* *kanсхән* *Sibir-tə* *tustə*
 Сибирь-DAT сейчас одинокий Сибирь-DAT там
al'd-n^j *bolučən* *ter* *сag-tə* *dää-n-ä* *xöön*
 где-Р.3 хоть тот время-DAT война-EXT-GEN после
mana *xot-ud-də* *bičкән* *bičкән*
 мы.GEN деревня-PL-DAT маленький маленький
selä-d-tə *сивар* *pasport* *uga*
 село-PL-DAT весь паспорт NEG.COP
bäü-s-mən *сивар*
 быть-PC.PST-COP.AFF весь
 ‘Только в Сибири, в одной Сибири, в каком угодно месте
 в то время после войны в наших деревнях, маленьких, маленьких
 селах мы все были без паспортов’.
- (32) *tiig-äd* *tiig-xlä* *јov-xlagə*
 делать.так-CV.ANT делать.так-CV.SUCC ходить-CV.SUCC2
oda *ju-n-asə* *Novosibirsk* *oblast¹-asə*
 сейчас что-EXT-ABL Новосибирск область-ABL
Altajsk *kraj* *јov-xlagə* *pasport* *kerг-tä*
 Алтайский край ходить-CV.SUCC паспорт дело-ASSOC
bol-xə
 становиться-PC.FUT
 ‘Когда оттуда едешь, из этой, из Новосибирской области
 в Алтайский край, нужен паспорт’.
- (33) *nu* *direktor* *tal* *od-ad* *zöv*
 директор сторона уходить-CV.ANT право
učr-an *kel-žä-nä-vidn*
 обстоятельство-P.REFL говорить-PROG-PRS-1PL
 ‘Пошли к директору, обговорили наши обстоятельства’.
- (34) *kel-äd* *iig-äd* *tiig-äd*
 говорить-CV.ANT делать.так-CV.ANT делать.так-CV.ANT
јov-xə *kerг-tä*
 ходить-PC.FUT дело-ASSOC
 ‘Сказали: так-то и так-то — надо ехать’.
- (35) *enə* *oda* *Еременко* *gi-dəg* *direktor*
 этот сейчас говорить-PC.HAB директор

bilä ter tävə-n tav-dəgčə žil juu-n-a
 быть.REM тот 50-EXT пять-ORD год что-EXT-GEN
целина залежных земель, поднятие целины
gi-väd orden Ленина ačəl-gd-sən
 говорить-CV.ANT награждать-PASS-PC.PST
kü-n bilä ter säänär
 человек-EXT быть.REM тот хорошо
ködl-äd
 работать-CV.ANT

‘Этого директора звали Еременко, он в пятьдесят пятом году, это, за целину залежных земель, за поднятие целины, был награжден орденом Ленина, он хорошо работал’.

(36) *tüig-äd kel-žä-nä enčən²*
 делать.так-CV.ANT говорить-PROG-PRS этот
duud-ž av-ad
 звать-CV.IPFV брать-CV.ANT
 ‘Так он говорит... зовет’.

(37) *oda enə xojər-tə Алтайский тракторный*
 сейчас этот два-DAT
zavod-tə командировочное удостоверение ög-tən
 завод-DAT дать-IMP.PL
gi-žä-nä
 говорить-PROG-PRS
 ‘Говорит: «Дайте этим двоим командировочное удостоверение на Алтайский тракторный завод»’.

(38) *praktik-tə jov-xar praktik-tə*
 практика-DAT ходить-CV.PURP практика-DAT
jov-xə tendə
 ходить-PC.FUT там
 ‘Чтобы туда поехать на практику’.

(39) *kel-žä-nä enčən bičkən фотокарточка*
 говорить-PROG-PRS этот маленький
к паспорту надо, вигвə-n три на четыре
 три-EXT

² Одно слово пропущено.

- gi-žä-nä*
говорить-PROG-PRS
‘Он же говорит: «Маленькую фотокарточку к паспорту надо, три на четыре»’.
- (40) *tenü-g-än av-č ir-äd*
тот-ACC-P.REFL брать-CV.IPFV приходить-CV.ANT
av-ad командировочное udostoveren¹-än
брать-CV.ANT удостоверение-P.REFL
av-ad jov-u-vdn
брать-CV.ANT ходить-PST-1PL
‘Принесли их (фотокарточки), получили свои командировочные удостоверения, поехали’.
- (41) *jov-ad Barnaul-də ir-čk-ü-vidn*
ходить-CV.ANT Барнаул-DAT приходить-COMPL-PST-1PL
‘Поехали, приехали в Барнаул’.
- (42) *Barnaul-də ir-xlägə caaran*
Барнаул-DAT приходить-CV.SUCC2 дальше
jov-dəg juu-n-ur Rubcovsk rajo-n
ходить-PC.HAB что-EXT-DIR Рубцовский район-EXT
or-x-mən bilä
входить-PC.FUT-COP.AFF быть.REM
‘Приехали в Барнаул, дальше едем, надо было попасть в Рубцовский район’.
- (43) *sutk-t-an güü-xə pojezd-ar bilet*
сутки-DAT-P.REFL бежать-PC.FUT поезд-INS билет
uga gi-žä-nä
NEG.COP говорить-PROG-PRS
‘Надо сутки ехать [= бежать] на поезде, говорят: «Нет билетов»’.
- (44) *bilet uga gi-xlägə bäü-žə*
билет NEG.COP говорить-CV.SUCC2 быть-CV.IPFV
bol-š-go
становиться-PC.FUT-NEG.COP
‘Если нет билетов, то ничего не сделаешь’.
- (45) *ax-nər tal-an od-xar*
старший.брат-PL сторона-P.REFL уходить-CV.PURP

- bää-xə kü-n züt-k-äd*
 быть-PC.FUT человек-EXT настаивать-CV.ANT
bää-вäd bää-nä-v küčər tedn-igə
 быть-CV.ANT быть-PRS-1SG сильный они-ACC
üz-žə av-xar
 видеть-CV.IPFV братъ-CV.PURP
 ‘Я хочу ехать к своим братьям [= человек, который хочет ехать к своим братьям], я настаиваю, очень хочу их увидеть’.
- (46) *tiig-äd ter cag-tə möngə-n dala*
 делать.так-CV.ANT тот время-DAT деньги-EXT много
bilä
 быть.REM
 ‘А денег в то время было много’.
- (47) *zuu-n-a caasə-n bol-xlagə*
 сто-EXT-GEN бумага-EXT становится-CV.SUCC2
degtr-in list-lä ädəl tiim ikə tiimə
 книга-GEN лист-COM равный такой большой такой
bilä ikə
 быть.REM большой
 ‘Сотенные бумажки размером с книжную страницу, такие большие были, такие большие’.
- (48) *örč-tə šud möngə-n dala*
 грудь-DAT прямо деньги-EXT много
 ‘На груди прямо много денег’.
- (49) *ну zuu-вad arsləŋ ög-tən gi-žä-nä*
 сто-DISTR рубль дать-IMP.PL говорить-PROG-PRS
 ‘«Ну, — говорит, — давайте по сто рублей»’.
- (50) *ну, zuu-вad arsləŋ madn-də jum bolə-v*
 сто-DISTR рубль мы-DAT вещь становится-PST
 ‘Ну, по сто рублей, нам-то что’.
- (51) *ög-čk-ü-vdn*
 дать-COMPL-PST-1PL
 ‘Мы дали (денег)’.
- (52) *ög-äd provodnic-tə kel-žä-nä*
 дать-CV.ANT проводница-DAT говорить-PROG-PRS

oda dörvən tavən ostanovkə kürtəl tadən
сейчас четыре пять остановка до вы
mini kupe-də jov-tən gi-žä-nä
я.GEN купе-DAT ходить-IMP.PL говорить-PROG-PRS
'Дали проводнице, она говорит: «4–5 остановок вы едите
в моем купе»'.

(53) *caaran^j talдан jumə-n-də or-ul-na-v*
дальше.P.3 чужой вещь-EXT-DAT входить-CAUS-PRS-1SG
gi-žä-nä
говорить-PROG-PRS
'«Дальше, — говорит, — я вас в другое место отведу»'.

(54) *kurvən dörvən ostanovkə or-čk-ad*
Три четыре остановка входить-COMPL-CV.ANT
madn-igə or-ul-žə-na
мы-ACC входить-CAUS-PROG-PRS
'Проехав три-четыре остановки, (она) нас перевела'.

(55) *or-xlagə tiigtə üigtlän*
входить-CV.SUCC2 туда сюда
xälä-xlärn zerkalo tiigtlän zerkalo
смотреть-CV.SUCC.P.REFL зеркало туда зеркало
tedn-ä oficiant-nər or-žə
они-GEN официант-PL входить-CV.IPFV
ir-lđ-äd cä av-č
приходить-RECP-CV.ANT чай брать-CV.IPFV
ir-lđ-äd cä uu-nčə us
приходить-RECP-CV.ANT чай пить-IMP? вода
uu-nčə ärkə uu-nčə gi-lđ-äd
пить-IMP? водка пить-IMP? говорить-RECP-CV.ANT
güü-lđ-äd bää-cxä-nä tedən
бежать-RECP-CV.ANT быть-PLR-PRS они
'Зашли туда; сюда посмотришь — зеркало, туда
посмотришь — зеркало, заходят их официанты, приносят чай,
говорят: «Выпейте чаю, выпейте воды, выпейте водки», —
бегают они'.

(56) *nu, madən bi oda bičkən xör-tä*
мы я.NOM сейчас маленький 20-ASSOC

- kövü-n* *откуда* *tiigtə* *ärkə* *uu-xə*
 мальчик-EXT тогда водка пить-PC.FUT
*bičä*³ *xotə* *ärä* *uu-dəg* *cag*
 NEG.IMP еда с.трудом пить-PC.HAB время
bää-sən *bol-žə-na*
 быть-PC.PST становиться-PROG-PRS
 ‘Ну, мы... я маленький двадцатилетний парнишка, откуда там водку пить, время такое было, что почти не было еды чтобы есть’.
- (57) *tiig-äd* *kar-ad* *šov-u-vidn*
 делать.так-CV.ANT выходить-CV.ANT ходить-PST-1PL
 ‘Так что мы ушли’.
- (58) *stanc* *Šapinovka* *gi-dəg* *bilä*
 станция Шапиновка говорить-PC.HAB быть.REM
 ‘Станция называлась Шапиновка’.
- (59) *provodnic* *or-žə* *ir-äd*
 проводница входит-CV.IPFV приходит-CV.ANT
sur-žə-na *ta* *hojr* *deer* *däkäd*
 просить-PROG-PRS вы два поверхность еще
neg *kü* *or-ul-žə*
 один человек входит-CAUS-CV.IPFV
bol-x-ij *gi-žä-nä*
 становиться-PC.FUT-Q говорить-PROG-PRS
 ‘Заходит проводница и спрашивает: «К вам двоим еще одного человека можно привести?»’
- (60) *a juᅇgad esə or-ul-žə*
 почему NEG входит-CAUS-CV.IPFV
bol-x-m
 становиться-PC.FUT-COP.AFF
 ‘А почему бы не привести?’
- (61) *madən oda* *hojrxən* *šov-xə* *dörvən*
 мы сейчас только.два ходить-PC.FUT четыре
or-ta *kupe bol-žə-na*
 кровать-ASSOC купе становиться-PROG-PRS
 ‘Мы сейчас только вдвоем едем, а купе на четыре кровати’.

³ Непонятно, почему использована форма прохибитива *bičä*.

- (62) *or-ad* *kür-č* *ir-vä*
 входить-CV.ANT достигать-CV.IPFV приходить-PST.EMPH
enčən *däü-n-ä* *xuvc-ta* *polkovnik*
 этот война-EXT-GEN одежда-ASSOC полковник
 ‘Он вошел, в военной одежде, полковник’.
- (63) *nämägə* *restora-n-asə* *ärkə* *av-ad*
 я.ACC ресторан-EXT-ABL водка братъ-CV.ANT
irə-∅ *konʲjak* *av-ad* *irə-∅*
 приходить-IMP коньяк братъ-CV.ANT приходить-IMP
gi-žä-nä
 говорить-PROG-PRS
 ‘Говорит мне: «Принеси из ресторана водки, коньяку»’.
- (64) *konʲjak* *av-č* *ir-äd* *kolbasa*
 коньяк братъ-CV.IPFV приходить-CV.ANT колбаса
zakuskə *av-č* *ir-äd* *a bij-d-än*
 закуска братъ-CV.IPFV приходить-CV.ANT а тело-DAT-P.REFL
sitro *avə-∅* *gi-žä-nä* *nu, napitok*
 ситро братъ-IMP говорить-PROG-PRS
 ‘«Принеси коньяк, колбасу, закуску принеси, а себе, —
 говорит, — возьми ситро, ну, напиток»’.
- (65) *tenü-vi-nⁱ* *av-ad* *ter* *oda* *mana*
 тот-ACC-P.3 братъ-CV.ANT тот сейчас мы.GEN
dʼadʲk-ta *hojurn* *ärk-än*
 дядька-ASSOC вдвоем водка-P.REFL
uu-ld-ad *bäü-nä*
 пить-RECP-CV.ANT быть-PRS
 ‘Я это принес, он тогда с нашим дядькой вдвоем стал водку пить’.
- (66) *nu,* *hojr* *burəv* *uu-ld-ad* *amə-nⁱ*
 два три пить-RECP-CV.ANT рот-P.3
suld-xov *tüü-n-ä*
 освобождаться-PC.FUT.COP тот-EXT-GEN
 ‘Ну, две-три выпили, у него и язык развязался [= рот
 освободился]’.
- (67) *terə-nⁱ* *kel-žä-nä* *tadən* *jamaran juu-ta*
 тот-P.3 говорить-PROG-PRS вы какой что-ASSOC

- ulsə-v-t gi-žä-nä*
народ-Q-2PL говорить-PROG-PRS
'Он говорит: «Вы что за люди?»'
- (68) *нация?*
'Нация?'
- (69) *xal'mg-ud gi-žä-nä-vidn*
калмык-PL говорить-PROG-PRS-1PL
'Мы говорим: «Калмыки»'.
- (70) *xal'mg-ud bol-xlagə tadən oda*
калмык-PL становиться-CV.SUCC2 вы сейчас
orə-n nutg-an xuld-sən ulsə
государство-EXT район-P.REFL продавать-PC.PST народ
gi-βüäd tävə-n nääm-dəgčə stat'ja-βar
говорить-CV.ANT 50-EXT восемь-ORD статья-INS
tadn-igə jov-ul-čk-sən gi-žä-nä
вы-ACC ходить-CAUS-COMPL-PC.PST говорить-PROG-PRS
tendə
там
'«А раз калмыки, тогда вы народ, который, говорят, продал
свою родину [= государство, район], вас, — говорит, —
по пятьдесят восьмой статье выслали»'.
- (71) *jov-ul-sən ju-n gižän tendə*
ходить-CAUS-PC.PST что-EXT из-за там
'«Из-за чего туда сосланы?»'
- (72) *jov-sə-nⁱ kögšən emg-čüüd övg-čüüd*
ходить-PC.PST-P.3 старый бабушка-COLL старик-COLL
bičkən küükəd belvsən gerg-čüüd
маленький дети вдовый жена-COLL
zalu-sə-nⁱ oda äärm-də jov-xə tiimə
мужчина-PL-P.3 сейчас армия-DAT ходить-PC.FUT такой
uls-igə jov-ul-sən gi-žä-nä
народ-ACC ходить-CAUS-PC.PST говорить-PROG-PRS
'«Отправились старые люди, бабушки и дедушки,
маленькие дети, вдовы, их мужчины сейчас ушли в армию, вот
такой народ отправили», — говорит'.

- (73) *ter-tən buru jos-ar*
 тот-Р.2PL неправильный власть-INS
šov-ül-sən gi-žä-nä
 ходить-CAUS-PC.PST говорить-PROG-PRS
 ‘«Этих ваших, — говорит, — по неправильному решению
 отправили»’.
- (74) *oda tadən suld-xə-t*
 сейчас вы освободиться-PC.FUT-2PL
gi-žä-nä
 говорить-PROG-PRS
 ‘«Сейчас вы получите свободу», — говорит’.
- (75) *ter cag-tə madən jov-žä-x-tə*
 тот время-DAT мы ходить-PROG-PC.FUT-DAT
fevralⁱ sar bilä
 февраль луна быть.REM
 ‘В то время, когда мы ехали, был февраль месяц’.
- (76) *kel-žä-nä enčən tävə-n zurka-dəgčə*
 говорить-PROG-PRS этот 50-EXT шесть-ORD
žil tiig-äd tiig-äd ukaz
 год делать.так-CV.ANT делать.так-CV.ANT указ
kar-x tadən suld-xə-t
 выходить-PC.FUT вы освободиться-PC.FUT-2PL
gi-žä-nä
 говорить-PROG-PRS
 ‘Он говорит: «В 56-ом году выйдет указ и вы освободитесь»’.
- (77) *ter cag-tə tadən durə-n-d-an*
 тот время-DAT вы желание-EXT-DAT-P.REFL
alⁱ daran evr-ännⁱ kazr-an
 куда сам-GEN.P.3 земля-P.REFL
or-žä-na-t üld-xlä
 входить-PROG-PRS-2PL оставаться-CV.SUCC
üld-xə-t gi-žä-nä
 оставаться-PC.FUT-2PL говорить-PROG-PRS
 ‘«В это время, — говорит, — вы по своей воле в любое
 место на свою землю вернетесь, если (захотите) остаться,
 останетесь»’.

- (78) *tiig-äd* *oda* *jovə-ld-ad* *bičä*
 делать.так-CV.ANT сейчас ходить-RECP-CV.ANT NEG.IMP
küü-n-də *kel-tən* *gi-žä-nä*
 человек-EXT-DAT говорить-IMP.PL говорить-PROG-PRS
 ‘Мы едем дальше вместе, он говорит: «Только никому не говорите»’.
- (79) *bij-tən* *сотрудник госбезопасности*
 тело-P.2PL
gi-žä-nä *полковник*
 говорить-PROG-PRS
 ‘«Я, мол, сотрудник госбезопасности, полковник»’.
- (80) *ni* *oda* *madən* *ju-n* *gi-žə*
 ну сейчас мы что-EXT говорить-CV.IPFV
kel-xə-m-bə *küü-n-də* *evrən*
 говорить-PC.FUT-COP.AFF-Q человек-EXT-DAT сам
ärä *jov-ž* *jov-xə* *ulsə*
 с.трудом ходить-CV.IPFV ходить-PC.FUT народ
 ‘Ну а что мы другим скажем, мы сами едва едем’.
- (81) *madən* *bajrl-ad* *dotr-an*
 мы радоваться-CV.ANT внутренность-P.REFL
zürkə-n *dol'gal-ad* *bäa-väd* *bäa-nä*
 сердце-EXT бушевать-CV.ANT быть-CV.ANT быть-PRS
 ‘Мы внутри обрадовались, сердце стучит [= бушует]’.
- (82) *oda* *güü-väd* *stanc-in* *amə-n-tə*⁴
 сейчас бежать-CV.ANT станция-GEN рот-EXT-DAT
ir-üdən
 приходить-PST.1PL
 ‘Проехали еще, приехали к станции [= спереди]’.
- (83) *manaxs* *tendə* *tos-xə-m* *bilä*
 наши.люди там встречать-PC.FUT-COP.AFF быть.REM
telegram *ög-sən* *šuurvə-n* *šuur-ad*
 телеграмма дать-PC.PST метель-EXT разорваться-CV.ANT

⁴ Слово ‘рот’ другие информанты слышат, но воспринимают как архаизм, не до конца понимают, что имеется в виду. Исправляют на *amtədə*.

bää-nä ter mini ax-nər bää-sən
 быть-PRS тот я.GEN старший.брат-PL быть-PC.PST
kazər stanc-in am-n-asə arvə-n xojr
 земля станция-GEN рот-EXT-ABL⁵ десять-EXT два
duuna bää-sən bää-žə
 километр быть-PC.PST быть-EVD

‘Наши должны были там встречать, была дана телеграмма, а метет метель, оказалось, что то место, где живут мои братья, от станции было в двенадцати километрах’.

(84) *ter polkovnik caaran-ur Rubcovsk*
 тот полковник дальше-DIR Рубцовский
or-ad jov-žə od-la
 входить-CV.ANT ходить-CV.IPFV уходить-REM
 ‘Этот полковник ехал дальше, в Рубцовск’.

(85) *otpusk-tə var-sən kü-n bää-žə*
 отпуск-DAT выходить-PC.PST человек-EXT быть-EVD
 ‘Он, оказывается, вышел в отпуск’.

(86) *oseti-n bää-žə*
 осетин-EXT быть-EVD
 ‘Он, оказывается, был осетином’.

(87) *terə-n^j küč-tä ikə cogc-ta*
 тот-Р.3 сила-ASSOC большой организм-ASSOC
kü-n bilä
 человек-EXT быть.REM
 ‘Он был человеком очень крепкого телосложения’.

(88) *Mamontov-də kür-čə ir-xlägə*
 Мамонтово-DAT достигать-CV.IPFV приходить-CV.SUCC2
ju-n uga bää-žə madn-igə tos-čə
 что-EXT NEG.COP быть-EVD мы-ACC встречать-EVD
uga
 NEG.COP

‘Когда добрались до Мамонтово, оказалось, что там ничего нет, что нас не встретили’.

⁵ Так же, как и в предыдущем предложении, непонятно, почему употребляется именно это слово в такой форме.

- (89) *ter cag-tə oda telegram cok-sən*
 тот время-DAT сейчас телеграмма ударить-PC.PST
telegram kūr-čə uga cag-larn
 телеграмма достигать-EVD NEG.COP время-COM.P.REFL
 ‘Оказывается тогда, что телеграмма, отправленная
 [= набитая] телеграмма, вовремя не дошла’.
- (90) *ni kar-ad xög-č jov-na-vidn*
 ну выходить-CV.ANT спешить-CV.IPFV ходить-PRS-1PL
 ‘Ну, вышли и быстро идем’.
- (91) *jovkar jov-na Sibir-tə jovkar jov-na*
 пешком ходить-PRS Сибирь-DAT пешком ходить-PRS
gi-dəg-tən ter-tən mörən
 говорить-PC.HAB-P.2PL⁶ тот-P.2PL конный
tergə-n uga bää-s-mən
 повозка-EXT NEG.COP быть-PC.PST-COP.AFF
bol-žə-na
 становиться-PROG-PRS
 ‘Это вам пешком, выходит, идти в Сибири, а не было же
 ни коня, ни телеги’.
- (92) *nu ömn-äsən mörən canə aaš-na*
 перед-ABL.P.REFL конный сани приближаться-PRS
 ‘Ну, спереди приближаются сани с лошастью’.
- (93) *kel-žä-nä-vidn can-ta kiiü-n-də*
 говорить-PROG-PRS-1PL сани-ASSOC человек-EXT-DAT
möngə ög-äd
 деньги дать-CV.ANT
kūr-g-ül-čk-xə-m
 достигать-CAUS-CAUS-COMPL-PC.FUT-COP.AFF
gi-žä-nä
 говорить-PROG-PRS
 ‘Мы говорим: «Давай дадим человеку на санях денег
 и попросим (его) нас довезти»’.

⁶ Непонятно, что значит эта грамматическая форма в данном контексте.

- (94) *nu mini oda navcxə jov-žə*
 ну я.GEN сейчас дядя.по.матери ходить-CV.IPFV
odə-v tüglän
 уходить-PST туда
 ‘Ну, мой дядя пошел туда’.
- (95) *od-ad tan¹-ld-ad namagə naarə*
 уходить-CV.ANT узнавать-RECP-CV.ANT я.ACC сюда
gi-žä-nä
 говорить-PROG-PRS
 ‘Ушел, они познакомились, говорит мне: «Сюда»’.
- (96) *naarə gi-xlägə güü-вäd*
 сюда говорить-CV.SUCC2 бежать-CV.ANT
ir-žä-nä-v tan¹-ld-žə
 приходить-PROG-PRS-1SG узнавать-RECP-CV.IPFV
avə-Ø gi-žä-nä enčən čini
 брать-IMP говорить-PROG-PRS этот ты.GEN
axə gi-žä-nä
 старший.брат говорить-PROG-PRS
 ‘Он говорит: «Сюда», — я бегом подошел; «познакомься,
 — говорит, — это твой старший брат»’.
- (97) *xojr-dəgčə axə-m bää-žə ter*
 два-ORD старший.брат-Р.1SG быть-EVD тот
 ‘Оказалось, что это мой второй старший брат’.
- (98) *madn-igə tos-čə ir-sən*
 мы-ACC встречать-CV.IPFV приходить-PC.PST
jov-sən
 ходить-PC.PST
 ‘Поехавший нас встречать’.
- (99) *nu tüünd-än tiig-äd oda öräl*
 ну там-Р.REFL делать.так-CV.ANT сейчас половина
sar-d-an bää-вäd däkäd ter
 луна-DAT-Р.REFL быть-CV.ANT еще тот
traktor-in zavod-də-n¹ od-ad neg
 трактор-GEN завод-DAT-Р.3 уходить-CV.ANT один
kurvən dörvən xong-tə oda
 три четыре сутки-DAT сейчас

komandirovočn-igə temdəgəl-žə av-xə
 командировочное-ACC отмечать-CV.IPFV брать-PC.FUT
kerğ-tä bol-xov
 дело-ASSOC становится-PC.FUT.COP

‘Ну, прожили там полмесяца, потом поехали на тракторный завод, за три-четыре дня нужно будет получить отметку в командировочное’.

(100) *komandirovočn-i-кän jaв-ad*
 командировочное-ACC-P.REFL что.делать-CV.ANT
tiiz-i-nⁱ dar-ul-žə av-ad
 печать-ACC-P.3 давить-CAUS-CV.IPFV брать-CV.ANT
xärii selo juu-n-də Mamontov ir-äd
 назад село что-EXT-DAT Мамонтово приходить-CV.ANT
selo Suvorovk gi-dəg kazər bää-žə
 село Суворовка говорить-PC.HAB земля быть-EVD

‘Мы выправили командировочное, получили на него печать, обратно в село, в это самое, Мамонтово вернулись, оказалось, что есть такое село, называется Суворовка’.

(101) *tiiglän ir-lä-äd xojr dola*
 туда приходить-RECP-CV.ANT два семь
xon-ad burvə-dəgčə dola xong-t-an
 ночевать-CV.ANT три-ORD семь сутки-DAT-P.REFL
madən xär-ül-sən ulsə
 мы возвращаться-CAUS-PC.PST народ
bol-žə-na-vidn
 становиться-PROG-PRS-1PL

‘Поехали туда, провели две недели, а на третью неделю наш народ вернули обратно’.

(102) *tiimə jovdəl*
 такой поступок
 ‘Такие дела’.

3. Семья (03_semja)⁷

Гол Бембеевич Серятыров

- (10) *mana eežə bol-xla mini eežə*
 мы.GEN бабушка становиться-CV.SUCC я.GEN бабушка
...jirinä enə Taltax-n-a
 вообще этот род.Талтахн-EXT-GEN
 ‘Наша бабушка... моя бабушка вообще из рода Талтахна’.
- (11) *Taltaxn ängə Саган-Nur-asə zääsəŋ*
 род.Талтахн род Цаган-Нур-ABL зайсанг
toxət-ta kü-n bää-žə
 порода-ASSOC человек-EXT быть-EVD
 ‘Род Талтахн из Цаган-Нура, она была из зайсангов,
 высокого рода человек’.
- (12) *у нее в корнях были зайсанги, князи, вот такой крови, и она
 была сама как бы мастерица-золотошвейка и она в Сибири
 значит шила, продавала, тулупы, шубу, ну а... ju-n*
 что-EXT
значит...
 ‘У нее в корнях были зайсанги, князи, вот такой крови,
 и она была сама как бы мастерица-золотошвейка и она в Сибири
 значит шила, продавала, тулупы, шубу, ну а, это, значит...’
- (13) *Sivir-də mini eežə jumə uj-dəg*
 Сибирь-DAT 1SG.GEN бабушка вещь шить-PC.HAB
bää-žə
 быть-EVD
 ‘В Сибири моя бабушка шила’.
- (14) *kar-arn devəl uj-ad jumə uj-dəg*
 рука-INS.P.REFL шуба шить-CV.ANT вещь шить-PC.HAB
mašink-ar zalu küü-n-a deerк
 машинка-INS мужчина человек-EXT-GEN верхний
хувсə uj-ad ju-n хот-in težəl
 одежда шить-CV.ANT что-EXT еда-GEN питание

⁷ Первые девять предложений этого текста не публикуются.

bol-dæg *bää-žə*
 становится-PC.HAB быть-EVD
 ‘Вручную шила шубы, на машинке шила мужчинам
 верхнюю одежду, этим зарабатывала на жизнь [= это было едой
 для питания]’.

- (15) *däkäd buurəl eež bää-dæg прабабушка*
 еще седина бабка быть-PC.HAB
наша была еще, ju-n ger-t-än bää-dæg
 что-EXT дом-DAT-P.REFL быть-PC.HAB
mini ekə-m bol-xla bää-sən
 я.GEN мать-P.1SG становится-CV.SUCC быть-PC.PST
ekə-m enə Güzäk gi-dæg
 мать-P.1SG этот Гюзак говорить-PC.HAB
xot-n-asə kar-ad jov-s-mən
 деревня-EXT-ABL выходить-CV.ANT ходить-PC.PST-COP.AFF
arvə-n burv-ta-d-an
 десять-EXT три-ASSOC-DAT-P.REFL

‘Еще когда была прабабушка, дома была, моя мама... она
 выселялась из местечка Гюзак в 13 лет’.

- (16) *tendə arvə-n burv-ta-vasə ekl-äd*
 там десять-EXT три-ASSOC-ABL начинать-CV.ANT
ködl-äd šaxt-in višk-tə
 работать-CV.ANT шахта-GEN вышка-DAT
ködəl-dæg bää-žə
 работать-PC.HAB быть-EVD
 ‘Там с 13 лет начала работать, на вышке шахты работала’.

- (17) *Sibir-tə od-sn-asə avən mana ekə*
 Сибирь-DAT уходить-PC.PST-ABL с мы.GEN мать
arvə-n burv-ta-vasə ekl-äd
 десять-EXT три-ASSOC-ABL начинать-CV.ANT
ködl-äd tiig-äd bää-äd
 работать-CV.ANT делать.так-CV.ANT быть-CV.ANT
mana örkə bülə miñvən jisə-n zu-n
 мы.GEN семейство семья тысяча девять-EXT сто-EXT
tävə-n dola-dəgčə žilə naaran nüü-žə
 50-EXT семь-ORD год сюда кочевать-CV.IPFV

- ir-s-mən*
приходить-PC.PST-COP.AFF
'С момента приезда в Сибирь наша 13-летняя мама начала работать, потом наша родительская семья в 1957 году переехала сюда'.
- (18) *cug xal'mg-ud nüü-lv-äd*
весь калмык-PL кочевать-CAUS-CV.ANT
var-v-xla tend-äsə dörvən
выходить-CAUS-CV.SUCC там-ABL четыре
kü-n ir-s-mən
человек-EXT приходить-PC.PST-COP.AFF
'Когда всех калмыков переселяли, оттуда приехало четыре человека'.
- (19) *kurvən egčə neg axə*
три старшая.сестра один старший.брат
Sibir-äsə nüü-žə ir-s-mən
Сибирь-ABL кочевать-CV.IPFV приходить-PC.PST-COP.AFF
'Три сестры и один брат из Сибири вернулись'.
- (20) *dörvə-tä-vän nüü-žä-s-mən*
четыре-ASSOC-P.REFL кочевать-PROG-PC.PST-COP.AFF
'Приехали четверо'.
- (21) *ter Altajsk kraj-in mana ekə*
тот Алтайский край-GEN мы.GEN мать
kel-dəg bilä
говорить-PC.HAB быть.REM
'Наша мама часто рассказывала об этом Алтайском крае'.
- (22) *Sibir-tə ter iškä ju-n-də šavər ger-tə*
Сибирь-DAT тот кошма что-EXT-DAT глина дом-DAT
ors-ar kel-xlä zemlänk-tə šavər
русский-INS говорить-CV.SUCC землянка-DAT глина
ger-tə ködəlmš-in xöönə sivar dombər
дом-DAT работа-GEN после весь домбра
cok-ad dombər-tə kel-äd
ударить-CV.ANT домбра-DAT говорить-CV.ANT
duul-ld-a biil-ld-äd хар cä
петь-RECP-CONT танцевать-RECP-CV.ANT черный чай

uu-ld-ad *ör* *cää-təl*
 пить-RECP-CV.ANT рассвет светлеть-CV.TERM
tiig-äd *näärl-äd* *bää-вäd*
 делать.так-CV.ANT праздновать-CV.ANT быть-CV.ANT
bää-dəg *bilä-vdn*
 быть-PC.HAB быть.REM-1PL

‘В Сибири в этих кибитках... в этой... мазанке, по-русски сказать — в землянке, в мазанке после работы все играли на домбре, пели [= говорили] под домбру, пели, танцевали, пили русский [= черный] чай, до рассвета праздновали’.

(23) *baaxən* *cag-t-an* *kü-n* *nam*
 маленький время-DAT-P.REFL человек-EXT даже
dala-вар *tiig-žə* *ärkə* *čigä*
 много-INS делать.так-EVD водка кумыс
xää-žə *güü-dəg* *kü-n* *uga*
 искать-CV.IPFV бежать-PC.HAB человек-EXT NEG.COP

‘В молодости в основном было именно так, пьющих водку, кумыс [= постоянно бегающих за водкой, кумысом] людей не было’.

(24) *ter* *selä-n* *Sivir-tə* *bol-xla*
 тот село-EXT Сибирь-DAT становится-CV.SUCC
orsə *selä-s* *hoornd-an* *öörxən* *tendə*
 русский село-PL между-P.REFL близкий там
när *bol-ža-na* *endə* *när*
 праздник становится-PROG-PRS здесь праздник
bol-ža-na *gi-xlä* *tendə dombər*
 становится-PROG-PRS говорить-CV.SUCC там домбра
cok-ad *duul-ld-ad* *biil-ld-äd*
 ударить-CV.ANT петь-RECP-CV.ANT танцевать-RECP-CV.ANT
garmoškə *tatə-ld-ad* *tiig-äd*
 гармошка тянуть-RECP-CV.ANT делать.так-CV.ANT
orsə *uls-la* *tan'əl* *üzəl*
 русский народ-COM знакомый знакомый
bol-ad *ni* *negə-n* *bää-sn*
 становится-CV.ANT дружелюбный один-EXT быть-PC.PST
danġin *xanə-ltə* *örg-dəg*
 всегда благодарить-NMLZ поднимать-PC.HAB

bilä

быть.REM

‘Это село в Сибири было среди русских сел, близко, если здесь празднуют, там празднуют, на домбре играют, поют, танцуют, на гармошке играют, с русскими людьми знакомились, становились друзьями, (наша мать) всегда благодарила’.

- (25) *orsə kel-in ulsə-də Sibir-in ulsə-də*
 русский язык-GEN народ-DAT Сибирь-GEN народ-DAT
mana ekə daŋgin xanə-lt-ta
 мы.GEN мать всегда благодарить-NMLZ-ASSOC
kel-dəg bilä
 говорить-PC.HAB быть.REM

‘Об этих русскоговорящих людях, об этих сибирских людях наша мать всегда говорила с благодарностью’.

- (26) *ter juŋgad gi-xlä madn-igə ter*
 тот почему говорить-CV.SUCC мы-ACC тот
orsə ulsə bodəncəg ög-äd
 русский народ картофель дать-CV.ANT
ger-t-än or-ul-ad örəm
 дом-DAT-P.REFL входить-CAUS-CV.ANT сметана
ög-äd üsə ög-äd daŋgin
 дать-CV.ANT молоко дать-CV.ANT всегда
ög-äd jak-dəg bilä
 дать-CV.ANT что.делать-PC.HAB быть.REM
gi-nä
 говорить-PRS

‘Так как те русские люди нашим давали картошку, пускали в дом, давали сметану, давали молоко, всегда (что-нибудь) давали, (подобное) делали, говорит’.

- (27) *nökəd bol-ad äm-də*
 помощь становится-CV.ANT жизнь-DAT
av-sən-d-nⁱ daŋgin xanə-lt-an
 брат-PC.PST-DAT-P.3 всегда благодарить-NMLZ-P.REFL
örg-dəg bilä
 поднимать-PC.HAB быть.REM

‘Помогали, всегда были благодарны тем, кто вернул к жизни’.

- (28) *äm-d-än* *mini* *ekə* *oda* *uga*
 жизнь-DAT-P.REFL я.GEN мать сейчас NEG.COP
 ‘Моей матери сейчас нет в живых’.
- (29) *äm-də* *cag-tə* *Sibir* *kür-äd* *ter*
 жизнь-DAT время-DAT Сибирь достигать-CV.ANT тот
bää-sən *kazər* *us-an* *üz-äd*
 быть-PC.PST земля вода-P.REFL видеть-CV.ANT
tan¹əl *üzəl-är* *üz-xär*
 знакомый знакомый-INS видеть-CV.PURP
sed-dəg *bilä* *ekə-m*
 намеряться-PC.HAB быть.REM мать-P.1SG
 ‘Когда была жива, хотела доехать до Сибири, те места [= землю, воду], где была, увидеть, собиралась повидаться со знакомыми... Моя мама...’
- (30) *Sivir-tə* *od-sən* *žilə* *jir* *türü*
 Сибирь-DAT уходить-PC.PST год очень нищета
bilä-vdn *gi-nä*
 быть.REM-1PL говорить-PRS
 ‘В тот год, когда приехали в Сибирь, мы жили в большой нищете, как говорят’.
- (31) *Sivir-tə* *od-sən* *žilə* *tedn-igə* *xal¹mg-ud*
 Сибирь-DAT уходить-PC.PST год они-ACC калмык-PL
kü *id-dəg* *ulsə* *gi-käd*
 человек есть-PC.HAB народ говорить-CV.ANT
zarəl-čk-sən *zärəm* *uls*
 объявлять-COMPL-PC.PST некоторый народ
ää-dəg *bää-žə*
 бояться-PC.HAB быть-EVD
 ‘В год, когда приехали в Сибирь, люди заявили про них, что, мол, калмыки едят людей, и некоторые люди боялись’.
- (32) *nu*, *manaхsə* *gem* *uga* *ter* *kolхоз-də*
 наши.люди болезнь NEG.COP тот колхоз-DAT
šov-sən *ulsə* *tür-žə*
 ходить-PC.PST народ страдать-EVD
 ‘Ну, наши без проблем, а пошедшие в колхоз люди мучились’.

- (33) *mana**x**sə* *terə* *sovhoz-d* *od-ad* *ʃaxt-tə*
 наши.люди тот совхоз-DAT уходить-CV.ANT шахта-DAT
od-ad *ködl-äd* *gem* *uga*
 уходить-CV.ANT работать-CV.ANT болезнь NEG.COP
 ‘Наши пошли в совхоз, на шахту пошли, работали
 без проблем’.
- (34) *dala* *tii**mə* *türü* *üz-sən* *uga*
 много такой нищета видеть-PC.PST NEG.COP
 ‘Такой большой нищеты не видели’.
- (35) *nu* *zärmə-n^j* *kel-nä* *ter* *odak*
 некоторый-Р.3 говорить-PRS тот тот.самый
ük-č *od-sən* *mal-sal*
 умереть-CV.IPFV уходить-PC.PST скот.разных.видов
kar-~~к~~-ad *xaj-čkə-v* *tend-äsə*
 выходить-CAUS-CV.ANT бросать-COMPL-1SG там-ABL
od-ad *id-äd* *busl-l~~к~~-ad*
 уходить-CV.ANT есть-CV.ANT кипеть-CAUS-CV.ANT
id-äd *tii**g-äd*
 есть-CV.ANT делать.так-CV.ANT
 ‘Ну, некоторые говорят, что павший разный скот
 выбрасывали, оттуда брали и ели, кипятили, ели’.
- (36) *tend-äsə* *očə* *av-ad* *av-č*
 там-ABL уходить-CV.IPFV брать-CV.ANT брать-CV.IPFV
ir-äd *busl-l~~к~~-ad* *id-dəg*
 приходить-CV.ANT кипеть-CAUS-CV.ANT есть-PC.HAB
bää-žə
 быть-EVD
 ‘Оттуда ходили брали, приносили, кипятили, ели’.
- (37) *mana* *ekə* *kel-dəg* *bilä* *daŋgin* *vom*
 мы.GEN мать говорить-PC.HAB быть.REM всегда
bi *bičkə-n-d-än* *med-dəg*
 я.NOM ребенок-EXT-DAT-P.REFL знать-PC.HAB
bilä-v *kooləs* *tüü-dəg* *bää-žə*
 быть.REM-1SG колос собирать-PC.HAB быть-EVD
 ‘Наша мать всегда рассказывала, вот я ребенком знал,
 что они колос собирали’.

- (38) *жмых түү-вэд нарэ-н-сесэг*
 собирать-CV.ANT солнце-EXT-цветок
түү-вэд түүг-ән ииг-эд
 собирать-CV.ANT тот-P.REFL делать.так-CV.ANT
ав-щ ир-эд даvtal-ad
 брать-CV.IPFV приходить-CV.ANT топтать-CV.ANT
gi-nä ter beš-in cö deer
 говорить-PRS тот печь-GEN печка поверхность
täv-äd tiig-äd ju ke-вэд
 класть-CV.ANT делать.так-CV.ANT что делать-CV.ANT
püškə ke-вэд id-äd kar-la-vidn
 пышка делать-CV.ANT есть-CV.ANT выходить-REM-1PL
gi-вэд kel-dəg bilä
 говорить-CV.ANT говорить-PC.HAB быть.REM
 ‘Жмых собирали, подсолнух [= солнце-цветок] собирали, перемалывали его, говорит (мать), клали на печную печку, делали пышки и ели, так мы и выживали, говорила (моя мать)’.
- (39) *ну, ors-mud-tə ter Sivər-in ors-mud-tə*
 русский-PL-DAT тот Сибирь-GEN русский-PL-DAT
jir ikə xanə-lt-ta ter
 очень большой благодарить-NMLZ-ASSOC тот
juṅgad gi-xlä Sivr-in orsə jir
 почему говорить-CV.SUCC Сибирь-GEN русский очень
žöölən gi-žə kel-dəg bilä
 мягкий говорить-CV.IPFV говорить-PC.HAB быть.REM
 ‘Ну, к русским, к этим сибирским русским, (относилась) с очень большой благодарностью, потому что сибирские русские, говорила она, очень добрые’.
- (40) *žöölən danḡin šud iig-äd xojr-вурвэн*
 мягкий всегда прямо делать.так-CV.ANT два-три
žil-d-än gi-nä kesgtän orsə kelə
 год-DAT-P.REFL говорить-PRS долго русский язык
med-d-go bilä-vidn gi-nä
 знать-PC.HAB-NEG.COP быть.REM-1PL говорить-PRS
 ‘Всегда очень добрые, два-три года, говорит, долго русского языка они не знали’.

- (46) *tendə mana neg bičkən ikə axə*
там мы.GEN один ребенок большой старший.брат
üld-sən cogcə-nʲ üld-sən
оставаться-PC.PST организм-Р.3 оставаться-PC.PST
‘Там один наш ребенок, самый старший брат [= большой старший брат] остался, его там похоронили [= осталось его тело]’.
- (47) *bij-in-nʲ eck-in-nʲ cogcə-nʲ*
тело-GEN-Р.3 отец-GEN-Р.3 организм-Р.3
üld-sən
оставаться-PC.PST
‘Ее собственного отца (там) похоронили [= осталось его тело]’.
- (48) *tendə od-xə sedkəl däkäd bää-dəg*
там уходить-PC.FUT мысль еще быть-PC.HAB
bilä
быть.REM
‘Она хотела все время поехать туда’.
- (49) *nu vom tiig-äd bolə-v*
 делать.так-CV.ANT становится-PST
‘Ну вот так’.

4. Свинья (04_svinja)

Феликс Саналович Шарваев

- (1) *kezänä neg cag-tə mana xalʲmg-ud*
раньше один время-DAT мы.GEN калмык-PL
Sibir-tə nüü-kä jov-sən
Сибирь-DAT кочевать-CONT ходить-PC.PST
cag-tə ölsəlt-tä cag bilä
время-DAT голод-ASSOC время быть.REM
‘Однажды давно, в то время, когда наши калмыки кочевали по Сибири, было голодное время’.
- (2) *id-dəg хотə-n uga uu-dəg*
есть-PC.HAB еда-EXT NEG.COP пить-PC.HAB
cä uga
чай NEG.COP
‘Не было еды, чтобы есть, не было чая, чтобы пить’.

- (3) *tiig-äd* *mana* *baav-in* *kögšən* *eežə*
 делать.так-CV.ANT мы.GEN папа-GEN старый бабка
zu-n *tavən* *nas-ta* *oda* *kürtəl*
 сто-EXT пять возраст-ASSOC сейчас до
bää-dəg *bilä*
 быть-PC.HAB быть.REM
 ‘Так вот, наша старая двоюродная бабушка по отцовской
 линии дожила до недавнего времени (и умерла) в возрасте 105 лет’.
- (4) *Sibir-t* *ваха-n* *ferm-də* *ködl-dəg*
 Сибирь-DAT свинья-GEN ферма-DAT работать-PC.HAB
bää-žə
 быть-EVD
 ‘В Сибири она работала на свиноферме’.
- (5) *neg* *däkčə tenü-n-ä* *xadəm* *ekə-nⁱ*
 один раз тот-EXT-GEN по.супругу мать-Р.3
kel-žä-nä *bergə-m*
 говорить-PROG-PRS старшая.невестка-Р.1SG
bergə-m *ger-t-än* *id-dəg*
 старшая.невестка-Р.1SG дом-DAT-Р.REFL есть-PC.HAB
xotə-n *uga* *uu-dəg* *jum-n* *uga*
 еда-EXT NEG.COP пить-PC.HAB вещь-EXT NEG.COP
 ‘Однажды ее свекровь говорит: «Невестка, невестка, в доме
 нет еды, чтобы есть, нечего пить»’.
- (6) *či* *ваха* *ferm-də* *ködl-žä-xə*
 ты.NOM свинья ферма-DAT работать-PROG-PC.FUT
küükə-n *neg* *ваха-g* *al-ad*
 девочка-EXT один свинья-ACC убить-CV.ANT
av-č *ir-äd* *madn-a* *uucə*
 брать-CV.IPFV приходить-CV.ANT мы-GEN крестец
žööl-Ø-xən-č *gi-ž* *kel-lä*
 смягчать-IMP-PCL.AFF-2SG говорить-CV.IPFV говорить-REM
 ‘«Ты работаешь на свиноферме, убей и принеси одну свинью,
 и успокой наше нутро [= смягчи наш крестец⁸]», — он сказал’.

⁸ ‘Смягчать крестец’ — успокоить внутренности, сделать то, что чувствуют, когда наедаются во время голода.

- (7) *däkäd ter mana eežə udan*
еще тот мы.GEN бабка долго
san-l-go-n ködəlmʃ-t-än
думать-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD работа-DAT-P.REFL
ir-čk-äd neg ikə kürzə
приходить-COMPL-CV.ANT один большой лопата
av-čk-ad ваха-gə хоҭсар-n^j
братъ-COMPL-CV.ANT свинья-ACC рыло-Р.3
sok-ad al-čk-və
ударить-CV.ANT убить-COMPL-PST
‘Тогда эта наша бабушка, не долго думая, пошла на работу,
взяла одну большую лопату и, ударив свинью в рыло, убила ее’.
- (8) *tüg-äd ваха un-ad*
делать.так-CV.ANT свинья падать-CV.ANT
ük-čə od-xlagə evr-änn^j tal
умереть-CV.IPFV уходить-CV.SUCC2 сам-GEN.Р.3 сторона
karč-an duud-žə-na
руководитель-Р.REFL звать-PROG-PRS
‘Тогда свинья упала и сдохла, а она зовет к себе своего
начальника’.
- (9) *ee naarl-tən naarl-tən en*
да приближаться-IMP.PL приближаться-IMP.PL этот
ваха önggr-žə odə-v gi-žə
свинья умирать-CV.IPFV уходить-PST говорить-CV.IPFV
kel-žə
говорить-EVD
‘Говорит: «эй, подойдите, подойдите, эта свинья издохла»’.
- (10) *ni načal'nik kel-žə odə-č⁹*
ну начальник говорить-CV.IPFV уходить-EVD
‘Ну, начальник сказал’.
- (11) *ni үк-čə odə-v үк-чə*
ну умереть-CV.IPFV уходить-PST умереть-CV.IPFV

⁹ Здесь и далее в текстах Ф. С. Шарваева сложный глагол с компле-
тивной семантикой V-žə od- отличается от данных других информантов
как фонетически, так и по сочетаемости с зависимыми глаголами.

- odə-v* *boləv tiig-xlägə*
 уходить-PST но делать.так-CV.SUCC2
 ‘Ну, издохла, так издохла, что сделаешь’.
- (12) *skotomogil-də* *av-ad* *xaj-čkə-Ø*
 скотомогила-DAT братъ-CV.ANT бросать-COMPL-IMP
gi-ž *kel-žə*
 говорить-CV.IPFV говорить-EVD
 ‘Сказал: «Возьми да выброси в скотомогилу»’.
- (13) *av-č* *od-ad* *tiigtlän*
 братъ-CV.IPFV уходить-CV.ANT туда
xaj-čk-ad *sö* *od-ad* *kesəg*
 бросать-COMPL-CV.ANT ночь уходить-CV.ANT несколько
gerg-čüid *cugla-žə* *av-ad* *avtobus-ar*
 жена-COLL собирать-CV.IPFV братъ-CV.ANT автобус-INS
traktor-ar *gi-žə* *oda* *ik*
 трактор-INS говорить-CV.IPFV сейчас большой
вахa-g *вар deer-n^j* *av-ad*
 свинья-ACC рука поверхность-P.3 братъ-CV.ANT
jov-x-m *bišə* *tiigtlän* *av-č*
 ходить-PC.FUT-COP.AFF NEG.PRS туда братъ-CV.IPFV
ir-äd *ger-t-än* *xuva-вad*
 приходить-CV.ANT дом-DAT-P.REFL делить-CV.ANT
max-i-n^j *bolв-ad* *šar-ad*
 мясо-ACC-P.3 варить-CV.ANT жарить-CV.ANT
id-äd *tegäd* *сивar* *äm-tən*
 есть-CV.ANT потом весь жизнь-ASSOC.COLL¹⁰
bajərl-ad *när* *ke-вäd*
 радоваться-CV.ANT праздник делать-CV.ANT
dombr-an *cok-ad* *du* *duul-ad*
 домбра-P.REFL ударить-CV.ANT песня петь-CV.ANT
tiig-äd *xadət* *eckə-n^j*
 делать.так-CV.ANT по.супругу отец-P.3
kel-žä-nä *oo* *mini* *bergə-n*
 говорить-PROG-PRS oo я.GEN старшая.невестка-EXT

¹⁰ Слово *äm-tən* имеет значение ‘люди’.

küč-tä *kel-sən* *üg-d-än*
 сила-ASSOC говорить-PC.PST слово-DAT-P.REFL
kür-dəg *kel-sən* *sanan-d-an*
 достигать-PC.HAB говорить-PC.PST мысль-DAT-P.REFL
küč-dəg
 догонять-PC.HAB

‘Она взяла и выкинула ее (свинью) туда, наступила ночь, собрали какое-то количество женщин, на автобусе, ну то есть на тракторе, — «не нести же нам большую свинью на руках!» — туда принесли, дома разделали, сварили ее мясо, пожарили, поели, потом все люди возрадовались, устроили пир, играли на домбрах, пели песни, потом ее свекор говорит: «О, моя невестка сильная, всегда соответствует сказанному слову, всегда выполняет высказанную мысль!»’.

5. Лягушки (05_ljagushki) Светлана Гадняевна Кикеева

- (1) *bičkə-n-d-än* *mini kövü-n* *bičkən*
 ребенок-EXT-DAT-P.REFL я.GEN мальчик-EXT маленький
drug-ta-ван *naad-ča-вад* *хоjурн*
 друг-ASSOC-P.REFL играть-PROG-CV.ANT вдвоем
meklä-s *ваза* *хур* *ор-sən*
 лягушка-PL снаружи дождь входит-PC.PST
сag-la *meklä* *dala* *бол-na*
 время-COM лягушка много становится-PRS
 ‘В детстве мой сын играл со своим маленьким другом вдвоем, и лягушки на улице... в то время прошел дождь, и стало много лягушек’.
- (2) *лягушки-мягушки, которые после дождя*
 ‘Лягушки-мягушки, которые после дождя’.
- (3) *meklä-s* *хур-a-жа-вад* *basejn*
 лягушка-PL собираться-CAUS-PROG-CV.ANT колодец
dotər *хaj-čk-čə* *оčə*
 внутренность бросать-COMPL-CV.IPFV уходить.EVD
 ‘Насобирав лягушек, бросили их в колодец’.
- (4) *naad-ad* *хaj-čk-ad* *а потом*
 играть-CV.ANT бросать-COMPL-CV.ANT

- ger-t-än ködəlmš-äsən ir-čk-äd*
дом-DAT-P.REFL работа-ABL.P.REFL приходит-COMPL-CV.ANT
xotə ke-xə sed-xlä basejn-də
еда делать-PC.FUT намереваться-CV.SUCC колодец-DAT
usə-n xi meklä
вода-EXT совсем лягушка
‘Играя, бросили, а потом (я) домой с работы пришла,
захотела готовить еду, а в колодце вода сплошь в лягушках’.
- (5) *meklä-tä us-ar xotə ke-žə*
лягушка-ASSOC вода-INS еда делать-CV.IPFV
bol-š-go
становиться-PC.FUT-NEG.COP
‘Не приготовить еды с водой с лягушками’.
- (6) *meklä-gə kar-в-xə надо же*
лягушка-ACC выходить-CAUS-PC.FUT
‘Лягушек выбросить надо же’.
- (7) *eckə-nⁱ duud-ad basejn xi meklä*
отец-Р.3 звать-CV.ANT колодец совсем лягушка
bol-žə očə gi-вäd
становиться-CV.IPFV уходить.EVD говорить-CV.ANT
usə kar-в-žə ав-Ø
вода выходить-CAUS-CV.IPFV брат-IMP
‘Позвала отца, в колодце лягушек полно стало, говорю, вылей воду’.
- (8) *eckə-nⁱ garaž-asə naarə güü-lg-ül-žə*
отец-Р.3 гараж-ABL сюда бежать-CAUS-CAUS-CV.IPFV
av-ad eckə-nⁱ maši-tä
брат-СV.ANT отец-Р.3 автомобиль-ASSOC
bolə-v
становиться-PST
‘Позвала сюда отца из гаража, у отца была машина’.
- (9) *tegäd basejn-igə cevər-l-äd номом*
потом колодец-ACC очищать-CV.ANT
däkäd taldan xudg-asə cevər usə
еще чужой колодец-ABL чистый вода
av-žə ir-äd tegäd xot-an
брат-СV.IPFV приходит-СV.ANT потом еда-Р.REFL

ke-кäd *eckә-nⁱ* *kövü-кän* *uurl-ad*
 делать-CV.ANT отец-Р.3 мальчик-Р.REFL сердиться-CV.ANT
kuixән-dә *or-ul-ad* *onⁱsl-ad*
 кухня-DAT входить-CAUS-CV.ANT запира́ть-CV.ANT
kuixән-dә *podval* *картошка-мартошка, капуста,*
 кухня-DAT подвал
помидор-момидор *täv-dәg* *podval* *bäi-sән*
 класть-РС.HAB подвал быть-РС.PST
podval-dә *čamagә* *xaj-na-v* *gi-кäd*
 подвал-DAT ты.ACC бросать-PRS-1SG говорить-CV.ANT
či *bičә* *däkčә* *tiimә* *jumә*
 ты.NOM NEG.IMP снова такой вещь
вар-кә-Ø *uurl-ad* *šood-la*
 выходить-CAUS-IMP сердиться-CV.ANT бранить-REM

‘Затем очистил колодец, и потом еще из другого колодца чистой воды привез, затем (я) еду приготовила; отец сына отругал, в кухню впустил и запер, в той кухне подвал — картошку-мартошку, капусту, помидоры-момидоры клали всегда в (этот) подвал, — «в подвал тебя брошу, — говорит, — ты больше таких штук не выкидывай [= не выпускай]», — сердился и ругал’.

- (10) *eckә-nⁱ* *уехал обратно куда-то в гараж*
 отец-Р.3
 ‘Отец уехал обратно куда-то в гараж’.
- (11) *я уж думала мальчик игратья куда-то убежал көвү-d*
 мальчик-PL
 ‘Я уж думала, мальчик игратья куда-то убежал, мальчики’.
- (12) *нету ну играютя ж они*
 ‘Нету, ну, играютя ж они’.
- (13) *а потом* *йкәр* *saa-xar* *вар-žә*
 корова доить-CV.PURP выходить-CV.IPFV
od-xla *а он кричит* *terzә* *cok-ad,*
 уходить-CV.SUCC окно ударить-CV.ANT
мама, мама, спаси меня, меня в подвал закинуть хочет
 ‘А потом пошла корову доить, а он кричит, стуча в окошко:
 «Мама, мама, спаси меня, меня в подвал закинуть хочет!»’

6. Одеколон (06_odekolon)
Светлана Гадняевна Кикеева

- (1) *bičkə-n-d-än* *tiŋvən jisə-n* *zu-n*
ребенок-EXT-DAT-P.REFL тысяча девять-EXT сто-EXT
tavə-n *jis-dəgčə* *žilə* *pervyy* *klaas-tə*
пять-EXT девять-ORD год класс-DAT
or-žə-vad *bi*
входить-PROG-CV.ANT я.NOM
avv-in-d-än *bää-dəg* *bilä-v*
дядя.по.отцу-GEN-DAT-P.REFL быть-PC.HAB быть.REM-1SG
‘В детстве в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году я
ходила в первый класс и жила у своего дяди’.
- (2) *nu,* *avv-in-də-m* *Katʼa*
дядя.по.отцу-GEN-DAT-P.1SG Катя
gi-dəg *küükə-n* *bilä*
говорить-PC.HAB девочка-EXT быть.REM
‘Ну, в семье моего дяди была девочка, которую звали Катя’.
- (3) *mini ekə- eckə toočk-də* *жили, на точке, на кошаре*
я.GEN мать- отец точка-DAT
‘Мои родители на точке жили, на точке, на кошаре’.
- (4) *a bi* *endə bää-väd* *škol-də* *or-dəg*
я.NOM здесь быть-CV.ANT школа-DAT входить-PC.HAB
‘А я здесь жила и в школу ходила’.
- (5) *madən* *hojurn* *neg* *neg-n-ürən* *giič-tə*
мы вдвоем один один-EXT-DIR.P.REFL гость-DAT
od-ad *naad-dəg* *bilä-vidən*
уходить-CV.ANT играть-PC.HAB быть.REM-1PL
‘Мы всегда вдвоем играли — ходили друг к другу в гости’.
- (6) *kenčr-ar* *kuukəl* *ke-väd* *тройной*
тряпка-INS кукла делать-CV.ANT
odekolon-ar *loşjon-ar* *ärkə* *ke-väd*
одеколон-INS лосьон-INS водка делать-CV.ANT
ärk-tä *giič-nər* *neg* *negə-n-d-än*
водка-ASSOC гость-PL один один-EXT-DAT-P.REFL

- (12) *она uulⁱ-хов*
 плакать-PC.FUT.COP
хорс-ца-хов конечно, *одеколон*
 испытывать.боль-PROG-PC.FUT.COP одеколон
ке-чк-хлә все горит, наверно, там я не знаю
 лить-COMPL-CV.SUCC
 ‘Она плачет, у нее жжет внутри, конечно: раз одеколон залила, все горит, наверно, там, я не знаю’.
- (13) *таат-ан дууд-жа-на*
 мама-P.REFL звать-PROG-PRS
 ‘Зовет свою маму’.
- (14) *таатэ-нⁱ öörd-äd*
 мама-P.3 приближаться-CV.ANT
ир-чк-äd *жу-н* *бол-жэ*
 приходить-COMPL-CV.ANT что-EXT становиться-CV.IPFV
одэ-в *жу-н* *бол-жэ* *одэ-в*
 уходить-PST что-EXT становиться-CV.IPFV уходить-PST
жав-и-т *ги-жэ-нэ*
 что.делать-PST-2PL говорить-PROG-PRS
 ‘Ее мама пришла, «что случилось, что случилось, что вы сделали?» — говорит’.
- (15) *ой, Света мини атэ-н-дэ одеколон*
 я.GEN рот-EXT-DAT одеколон
ке-чкэ-в *ги-жэ-нэ* *тройной*
 лить-COMPL-PST говорить-PROG-PRS
 ‘Ой, — говорит, — Света мне в рот одеколон залила, тройной’.
- (16) *таатэ-нⁱ kel-жэ-нэ* э, *барэ-Ø*
 мама-P.3 говорить-PROG-PRS выходить-IMP
ор-ин *дор-асэ* *назад, Света*
 кровать-GEN низ-ABL
 ‘Ее мама говорит: «Эй, вылезай из-под кровати назад, Света!»’
- (17) *түүг-жэ* *наад-дэ-т* *бишэ*
 делать.так-CV.IPFV играть-PC.HAB-COP.AFF NEG.PRS

küü-n-ä *atə-n-də* *odekolon* *ke-d-ü*
 человек-EXT-GEN рот-EXT-DAT одеколон лить-PC.HAB-Q
 ‘Так не играют; разве можно заливать одеколон кому-
 нибудь в рот?’

(18) *kü-n* *šat-ad* *gesə-n* *šat-ad*
 человек-EXT гореть-CV.ANT живот-EXT гореть-CV.ANT
ük-čə *odə-n* *gi-žə-na*
 умереть-CV.IPFV уходить-CV.MOD говорить-PROG-PRS
 ‘Человек горит, живот горит, вот-вот умрет, говорит’.

(19) *a ja* *kar-na-v* *or-n* *dor-as*
 выходить-PRS-1SG кровать-EXT низ-ABL
kar-ad ну, *däkčə* *bi* *tiimə* *jumə*
 выходить-CV.ANT снова я.NOM такой вещь
ke-š-go-v *bi*
 делать-PC.FUT-NEG.COP-1SG я.NOM
med-l-go-n *ke-čk-ü-v*
 знать-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD делать-COMPL-PST-1SG
gi-čüd *jač-na-v*
 говорить-CV.ANT что.делать-PRS-1SG
 ‘А я вылезаю из-под кровати: «Ну, больше я такого делать
 не буду, я не зная сделала», — говорю’.

(20) *gem-än* *sur-ad* *извиняться*
 болезнь-P.REFL просить-CV.ANT
ke-nä-v
 делать-PRS-1SG
 ‘Прошу извинить мой проступок, извиняюсь’.

(21) *däkäd* *tüü-n-ä* *xöönə* *Kat'a* *nan-ta*
 еще тот-EXT-GEN после Катя я-ASSOC
naad-čə-x-šə
 играть-PROG-PC.FUT-NEG.PRS
 ‘Потом после этого Катя со мной не играет’.

(22) *tas* *du* *kar-čə-x-šə*
 совсем голос выходить-PROG-PC.FUT-NEG.PRS
naad-čə-x-šə
 играть-PROG-PC.FUT-NEG.PRS
 ‘Совсем не разговаривает [= голос не выходит], не играет’.

- (23) *nan-ta xamdan unt-ča-x-šə*
 я-ASSOC вместе спать-PROG-PC.FUT-NEG.PRS
 ‘И (больше) со мной не спит’.
- (24) *ma xojr neg or-n der*
 мы два один кровать-EXT поверхность
unt-dəg bilä-vidən
 спать-PC.HAB быть.REM-1PL
 ‘Мы вдвоем спали всегда на одной кровати’.
- (25) *kesgtän tegäd jav-l-go-n*
 долго потом что.делать-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD
 ‘Долго потом так не делаю...’¹².
- (26) *a потом все равно xamdan neg ger-tə bää-v*
 вместе один дом-DAT быть-PST
xojurn же вместе škol-də od-ča-na-vidən
 вдвоем школа-DAT уходить-PROG-PRS-1PL
škol-asə ir-žä-nä-vidən
 школа-ABL приходить-PROG-PRS-1PL
 ‘А потом все равно вместе в одном доме были, вместе же вдвоем в школу уходили, из школы приходили’.
- (27) *ödr-t-än целый день xamdan bää-xov¹³*
 день-DAT-P.REFL вместе быть-PC.FUT.COP
 ‘Днем целый день вместе были’.
- (28) *tegäd däkäd xojurn мириться ke-və-vidən*
 потом еще вдвоем делать-PST-1PL
 ‘Потом уже помирились вдвоем’.

7. Диалог (07_dialog)

Говорит С.:

- (1) *endər ävər xalun ödər bol-va*
 сегодня очень жаркий день становиться-PST.EMPH
 ‘Сегодня был очень жаркий день’.

¹² Фраза не закончена.

¹³ Причины, по которым морфема, отгlossированная нами как PC.FUT.COP, интерпретируется именно таким образом, не вполне понятны.

Говорит Л.:

- (2) *endər Elstə or-sən jir xalun ödər*
 сегодня Элиста входить-PC.PST очень жаркий день
bol-va

становиться-PST.EMPH

‘Сегодня ездила в Элисту, был очень жаркий день’.

- (3) *ämtə kel-vä kazr-an bičä*
 люди говорить-PST.EMPH земля-P.REFL NEG.IMP
kar-tən döçə-n tavən gradus xalun
 выходить-IMP.PL 40-EXT пять градус жаркий
kür-čä-nä kar-xla tu

достигать-PROG-PRS выходить-CV.SUCC плохой

bol-xə

äm-tən-də

становиться-PC.FUT жизнь-ASSOC.COLL-DAT

gi-žə

kel-vä

говорить-CV.IPFV говорить-PST.EMPH

‘Люди говорили: «На улицу [= на землю] не выходите», — (температура) достигала 45 градусов, людям говорили, что если выйти, плохо станет’.

С.:

- (4) *Sanal ödər-t-än čatag külä-вäd*
 Санал день-DAT-P.REFL ты.ACC ждать-CV.ANT
kevt-ü javə-v

лежать-PST что.делать-PST

‘Санал тебя весь день ждал, вот он что делал’.

- (5) *Sanal odak-an av-xar gerg-n-ännⁱ*
 Санал тот.самый-P.REFL брать-CV.PURP жена-EXT-GEN.P.3
 ‘Санал (хочет) взять свою жену за это дело’.

Л.:

- (6) *jav-žə-na-č*
 что.делать-PROG-PRS-2SG
 ‘Что ты делаешь?’

- (7) *tüimə jumə bičä kelə-Ø*
 такой вещь NEG.IMP говорить-IMP
 ‘Такого не говори’.

3. — Л.:

- (8) *ter siimk-an ol-žə av-u-t*
 тот симка-Р.REFL находить-CV.IPFV брать-PST-2PL
 ‘Вы нашли эту свою симку?’

Л.:

- (9) *я восстановила новую*
 ‘Я восстановила новую’.

С.:

- (10) *endər Ton'či-n-ä pomink bol-və*
 сегодня Тоньчи-EXT-GEN поминки становится-PST
 ‘Сегодня были поминки Тоньчи’.

- (11) *Саган-Nur-asə ävər dala kü-n*
 Цаган-Нур-ABL очень много человек-EXT
ir-vä
 приходить-PST.EMPH
 ‘Из Цаган-Нура очень много людей приехало’.

- (12) *хоjr maši-n kü-n*
 два автомобиль-EXT человек-EXT
 ‘Две машины людей’.

- (13) *хар хар negər-müd*
 черный черный негр-PL
 ‘Черные-черные негры’.

Л.:

- (14) *хар-mud gi-Ø-xən-čən*
 черный-PL говорить-IMP-PCL.AFF-PCL.CONC
 ‘Сказала бы хоть «черные»’.

С.:

- (15) *хар-mud*
 черный-PL
 ‘Черные’.

Л.:

- (16) *Ton'či-n dü kiiük-d-n' ir-v-i*
Тоньчи-GEN младший девочка-PL-P.3 приходит-PRST-Q
'Младшие сестры Тоньчи приехали?'
- (17) *Ölzä-n' bää-nä¹⁴*
Эльзя-P.3 быть-PRS
'Эльзя приехала?'
- (18) *дети приехали?*
'Дети приехали?'

С.:

- (19) *ага*
'Ага'.
- (20) *сок-ад хамхл-ад телефо-н-и-н'*
ударить-CV.ANT ломать-CV.ANT телефон-EXT-ACC-P.3
ав-хэ-т бää-ž
брат-PC.FUT-COP.AFF¹⁵ быть-EVD
'Хочется взять и сломать ему телефон',¹⁶.

Л. спрашивает З. про лежащей перед той предмет:

- (21) *енчэн хојр siimk-tä-j да?*
этот два симка-ASSOC-Q
'Он с двумя симками, да?'

З.:

- (22) *телефо-н биšə енчэн диктофо-н же*
телефон-EXT NEG.PRS этот диктофон-EXT
'Это не телефон, это же диктофон'.

С.:

- (23) *тапкдур в Кетченеры јов-žə отчот-ан*
завтра ходить-CV.IPFV отчет-P.REFL

¹⁴ Произносит *bään*.¹⁵ Возможно, верный разбор этой формы — *ав-хэ-т* 'брат-PC.FUT-P.1SG'.¹⁶ Непонятно, почему так интерпретируются данные грамматические формы, но информанты переводят на русский именно так.

ög-x kerg-tä
 дать-PC.FUT дело-ASSOC
 ‘Завтра надо ехать в Кетченеры, сдавать отчет’.

3. — С.:

(24) *jui-вар jov-xə-č*
 что-INS ходить-PC.FUT-2SG
 ‘На чем поедешь?’

С.:

(25) *maši-вар*
 автомобиль-INS
 ‘На машине’.

3. — С.:

(26) *ken-ä*
 кто-GEN
 ‘На чьей?’

С.:

(27) *Ližin Borisa-n Gučala-n maši-n*
 Лиджин Борис-GEN Гучала-GEN автомобиль-EXT
der jov-xar bää-nä-v
 поверхность ходить-CV.PURP быть-PRS-1SG
 ‘Хочу поехать на машине Гучалы, (сына) Бориса Лиджиева’.

(28) *ek-än ox-sən zalu degəd*
 мать-P.REFL совокупляться-PC.PST мужчина слишком
dala töngə oda av-xə
 много деньги сейчас брат-PC.FUT
 ‘Этот чертов [= е**вший¹⁷ свою мать] мужик слишком
 много денег возьмет’.

Л.:

(29) *av-ča-x-šə он сегодня до города двести*
 брат-PROG-PC.FUT-NEG.PRS

¹⁷ Глагол *ox-* (нецензурный) имеет значение ‘совокупляться’, переходный.

рублей *av-la* а так двести пятьдесят, видимо
 брать-REM

av-ča-žə *oda* видимо скидка
 брать-PROG-EVD сейчас

‘Не берет, он сегодня до города двести рублей взял, а так двести пятьдесят, видимо, (обычно) берет, сейчас, видимо скидка’.

С.:

(30) *ну, двести bol-ža-na* *oda en Tugtən*
 становится-PROG-PRS сейчас этот Тугтун

Elstə *хоорндə dākād jav-na*

Элиста между еще что.делать-PRS

gi-žü-xə-m-bə

говорить-PROG-PC.FUT-COP.AFF-Q

‘Ну сейчас двести (и стоит проезд) между Тугтуном и Элистой, что еще говорить?’

Л.:

(31) *тем более у него ter maši-n ju-n*
 тот автомобиль-EXT что-EXT

uga-lə-m *вот этой кондюрки нету же*

NEG.COP-PCL.EMPH-COP.AFF

‘Тем более у него машина без этого же... вот этой кондюрки нету же’.

С.:

(32) *endər Гол Бембеич Elst or-žə*
 сегодня Элиста входит-ЕVD

‘Сегодня Гол Бембеевич ездил в Элисту’¹⁸.

Л.:

(33) *хоjr ödər совещание bol-žə*
 два день становится-ЕVD

‘Два дня было совещание’.

(34) *первого сентября küüktə škol-d or-xə*
 дети школа-DAT входит-PC.FUT

¹⁸ Гол Бембеевич — директор средней школы в поселке Тугтун.

- ter juu-n-a ju-n tusk-in* совещание
 тот что-EXT-GEN что-EXT о-GEN
bol-sən xojr ödər-t-än
 становится-PC.PST два день-DAT-P.REFL
 ‘Первого сентября дети пойдут в школу, вот обо всем этом
 два дня было совещание’.
- (35) *министерство образования bää-žə Гол Бембеич,*
 быть-EVD
mana директор школы
 мы.GEN
 ‘В Министерстве образования был Гол Бембеич, наш
 директор школы’.
- (36) *tüg-äd dala jumə kücä-väd*
 делать.так-CV.ANT много вещь выполнять-CV.ANT
ir-sən
 приходить-PC.PST
 ‘Вернулся (Гол Бембеич), сделав много дел’.
- (37) *oda küüktə cugtan šuugə-ld-ad*
 сейчас дети весь шуметь-RECP-CV.ANT
škol-d-an od-xə
 школа-DAT-P.REFL уходить-PC.FUT
 ‘Вот дети все вместе пойдут шумя в школу’.
- (38) *däkäd neg bičkən küükə-n Церенов*
 Еще один маленький девочка-EXT
Valera-n bičkən küükə-n neg-dəgčə
 Валера-GEN маленький девочка-EXT один-ORD
klaas-tə or-xə
 класс-DAT входить-PC.FUT
 ‘Вот еще одна маленькая девочка, Валеры Церенова
 маленькая дочка пойдет в первый класс’.
- (39) *endər jov-ž dala šin xivcə xupər*
 сегодня ходить-EVD много новый одежда одежда
bič-xə tetrad^j ručk-an av-čə
 писать-PC.FUT тетрадь ручка-P.REFL брат-EVD
degtər-müd-än xuld-ž av-čə ekə
 книга-PL-P.REFL продавать-CV.IPFV брат-EVD мать

eck-tä-vän *dax-čə* *šov-žə*
 отец-ASSOC-P.REFL следовать-CV.IPFV ходить-EVD
 ‘Сегодня (она) ездила, купила много новой одежды, тетради
 для письма, ручки, купила книжки, поехала вместе с мамой и папой’.

(40) *zurva-ta* *küükə-n*
 шесть-ASSOC девочка-EXT
 ‘Девочка шести лет’.

(41) *ävər* *ikə* *bajər-ta* *šov-na*
 очень большой радость-ASSOC ходить-PRS
 ‘Поехала с очень большой радостью’.

(42) *madən-də* *xaalv-d-an* *dala* *jumə*
 мы-DAT дорога-DAT-P.REFL много вещь
kel-vä
 говорить-PST.EMPH
 ‘По дороге много нам рассказывала’.

(43) *ju* *av-s-an* *ekə* *eckə-nⁱ* *ju*
 что брать-PC.PST-P.REFL мать отец-Р.3 что
xuld-žə *ög-sə-nⁱ* *ekə* *eckə-nⁱ*
 продавать-CV.IPFV дать-PC.PST-P.3 мать отец-Р.3
üms-äd *bajər-ta* *ir-vä*
 целовать-CV.ANT радость-ASSOC приходиться-PST.EMPH
 ‘(Рассказывала), что она получила, что ей купили мама
 и папа, целовала маму и папу, с радостью приехала’.

С.:

(44) *ter* *küükə-n* *degəd* *šulun-dulun*
 тот девочка-EXT слишком шустрый
 ‘Эта девчонка очень шустрая’.

(45) *don-ta* *biš-i*
 психоз-ASSOC NEG.PRS-Q
 ‘Она не психованная?’

З.:

(46) *tiim* *jum* *zəčəm* *kel-äd* *bää-n-č*
 такой вещь зачем говорить-CV.ANT быть-PRS-2SG
 ‘Зачем такое говоришь?’

Л.:

(47) *neg-dəgčə klaas-in en žil-də dörvən kiiükəd*
 один-ORD класс-GEN этот год-DAT четыре дети
or-xar bää-dəg-čə
 входить-CV.PURP быть-PC.HAB-COP.ADM
 ‘В этом году, оказывается, четыре ребенка собираются
 ходить в первый класс’.

(48) *хоjr kövü-n хоjr kiiükə-n däkčə tedn-ä*
 два мальчик-EXT два девочка-EXT раз они-GEN
žil-in kiiüktə uga-č
 год-GEN дети NEG.COP-COP.ADM
 ‘Два мальчика, две девочки, больше их возраста [= года]
 детей, похоже, нет’.

З.:

(49) *ken tedn-igə av-ča-xə-m*
 кто они-ACC брать-PROG-PC.FUT-COP.AFF
 ‘Кто же их берет?’

Л.:

(50) *Шарваева Галина Петровна av-ča-dəg-č*
 брать-PROG-PC.HAB-COP.ADM¹⁹
классный руководитель
*bol-xə-m-čə*²⁰
 становится-PC.FUT-COP.AFF-COP.ADM
 ‘Оказывается, берет (их) Шарваева Галина Петровна, будет
 их классным руководителем’.

С.:

(51) *Кекшенова Света ter vničk-an ög-xär*
 тот внучка-P.REFL дать-CV.PURP

¹⁹ Эта глагольная форма записана верно и грамматически разбирается именно так.

²⁰ Эта глагольная форма также записана верно, однако есть сомнения по поводу грамматического разбора.

bää-d-go-č

быть-PC.HAB-NEG.COP-COP.ADM

‘Света Кекшенова, оказывается, не хочет свою внучку отдавать’.

Л.:

(52) *jav-ad*

что.делать-CV.ANT

‘Как?’

С.:

(53) *Moskva or-xar bää-nä Moskva*

Москва входить-CV.PURP быть-PRS Москва

or-žə terə tolka-vi-n^j üz-ül-xə

входить-CV.IPFV тот голова-ACC-P.3 видеть-CAUS-PC.FUT

gi-nä

говорить-PRS

‘Она хочет поехать в Москву, говорит, и в Москве показать (врачу) ее (внучки) голову’.

З.:

(54) *tolka-n^j jav-sə-m*

голова-P.3 что.делать-PC.PST-COP.AFF

‘А что с головой?’

С.:

(55) *tolka-n^j jav-sən gi-xlä*

голова-P.3 что.делать-PC.PST говорить-CV.SUCC

gem-tä-v gi-čäd terə ze

болезнь-ASSOC-1SG говорить-CV.ANT тот внук

küükə-n^j uul^j-ad kevt-nä

девочка-P.3 плакать-CV.ANT лежать-PRS

‘А с головой ее то, что эта ее внучка все время говорит: «Мне больно», — все время плачет’.

Л.:

(56) *jov-x-tə möngə-n kerg-tä же?*

ходить-PC.FUT-DAT деньги-EXT дело-ASSOC

‘На поездку деньги нужны же?’

С.:

- (57) *küükə-n^j ködl-äd tüng-ärn*
 девочка-Р.3 работать-CV.ANT тот-INS.P.REFL
av-ča-xov möng-än
 брать-PROG-PC.FUT.COP деньги-Р.REFL
 ‘Дочка работает, таким образом и получают деньги’²¹.

8. Конфликт (08_konflikt)
Александра Борисовна Хулхачиева

- (1) *neg däkčə oda mini üj*
 один раз сейчас я.GEN двоюродный
düü-tä iim jovdəl bolə-v
 младший.брат-ASSOC такой поступок становится-PST
 ‘Один раз с моим младшим двоюродным братом произошел такой случай’.
- (2) *üj dü ikär namagə*
 двоюродный младший.брат сильно я.ACC
kund-a-ƿad kedü döŋ
 обижаться-CAUS-CV.ANT сколько помощь
bol-sən bolučən tüng-igə
 становится-PC.PST хоть тот-ACC
med-l-go-n neg tavən xəö-n-ä
 знать-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD один пять овца-EXT-GEN
tölä madn-igə zarƿ-də ög-vä
 ради мы-ACC суд-DAT дать-PST.EMPH
 ‘Мой двоюродный брат сильно меня обидел, хотя я столько ему помогала, он этого не учитывая [= не зная], из-за каких-то пяти овец подал на нас в суд’.
- (3) *ter tavən xəö-ƿi-n^j asxə-n av-č*
 тот пять овца-ACC-Р.3 вечер-EXT брать-CV.IPFV
ir-äd ter Čkalov-asə av-sən
 приходит-CV.ANT тот Чкаловское-ABL брать-PC.PST
kövü-d-n^j ög-čk-vä deer-n^j
 мальчик-PL-Р.3 дать-COMPL-PST.EMPH поверхность-Р.3

²¹ Есть сомнения в грамматической точности перевода.

arvə-n tavən xə-d ög-nä-v
 десять-EXT пять овца-PL дать-PRS-1SG²²
gi-žä-nä
 говорить-PROG-PRS

‘Приведа вечером те его пять овец, те парни из Чкаловска, которые их украли [= взяли], отдали их обратно, и говорит: «Сверх (этих пяти) дам еще пятнадцать овец»’.

(4) *od-xla-m terə-m ii-žä-nä*
 уходить-CV.SUCC-P.1SG тот-P.1SG делать.так-PROG-PRS
ju nan-də xə-n kerəg uga gi-вäd
 что я-DAT овца-EXT дело NEG.COP говорить-CV.ANT
xääkər-čk-äd suu-lə-čk-u
 кричать-COMPL-CV.ANT сидеть-CAUS-COMPL-1SG²³
хивара-ви-нⁱ kövü-d gi-žä-nä
 все-ACC-P.3 мальчик-PL говорить-PROG-PRS

‘Когда я пришла, он так отреагировал: говорит: «Мне овцы не нужны, — кричал, говорит, — я всех парней посажу (в тюрьму)»’.

(5) *ne suu-lə-∅ gi-čk-äd*
 хорошо сидеть-CAUS-IMP говорить-COMPL-CV.ANT
bi xə-r-äd kür-č
 я.NOM возвращаться-CV.ANT достигать-CV.IPFV
irə-v
 приходить-PST.1SG
 ‘«Хорошо, сажай», — сказала я и вернулась (домой)’.

(6) *däkäd zarv bol-žə-na zarv-la ter*
 еще суд становится-PROG-PRS суд-COM тот
üj dü-m bos-ad
 двоюродный младший.брат-P.1SG вставить-CV.ANT
xääkər-žä-nä nam tal kü-n
 кричать-PROG-PRS я сторона человек-EXT

²² Несоответствие количества укравших парней (PL) и того, кто дает обещание (SG).

²³ В этой глагольной форме по непонятным причинам отсутствует показатель времени.

ir-sən *uga* *arvə-n* *tavən*
 приходит-PC.PST NEG.COP десять-EXT пять
xö-d *ög-nä-v* *gi-sən* *uga*
 овца-PL дать-PRS-1SG говорить-PC.PST NEG.COP
 ‘Наступил суд, на суде этот мой двоюродный брат встал, кричит: «Ко мне никто не приходил, не говорил — отдаю пятнадцать овец»’.

(7) *tüimə xudəl-mudəl* *gi-väd* *kel-žä-nä*
 такой ложь говорить-CV.ANT говорить-PROG-PRS
 ‘Такое вранье-мранье говорит’.

(8) *du* *ä* *kar-sən* *uga-v*
 голос звук выходит-PC.PST NEG.COP-1SG
ger-t-än *ir-čk-äd* *zul*
 дом-DAT-P.REFL приходит-COMPL-CV.ANT лампада
örg-čk-äd *mörg-žä-nä-v*
 поднимать-COMPL-CV.ANT молиться-PROG-PRS-1SG
 ‘Я ничего не сказала [= звук голоса не вышел], пришла домой, зажгла [= подняла] лампадку и помолилась’.

(9) *oda* *jaa-xə-v*
 сейчас что.делать-PC.FUT-1SG
 ‘Что мне делать?’

(10) *oda* *bi* *xudəl kel-žä-xlägə* *namagə*
 сейчас я.NOM ложь говорить-PROG-CV.SUCC2 я.ACC
javə-g *burxə-n* *namagə avə-g*
 что.делать-JUSS2 бог-EXT я.ACC брат-JUSS2
 ‘Если я говорю ложь, пусть я буду наказана [= пусть со мной что-то сделают], пусть меня приберет Бог’.

(11) *если мне* *ter* *xudəl kel-žä-xlägə* *terü-gə*
 тот ложь говорить-PROG-CV.SUCC2 тот-ACC
пусть *cokə-g* *gi-žä-nä-v*
 ударить-JUSS2 говорить-PROG-PRS-1SG
 ‘Говорю, если он говорит ложь, пусть его ударит’.

(12) *xärii* *cokə-g* *av-ad*
 назад ударить-JUSS2 брат-CV.ANT
 ‘Пусть его в наказание [= обратно] возьмет да ударит’.

- (13) *tiig-äd* *tiig-äd*
 делать.так-CV.ANT делать.так-CV.ANT
mörg-čk-äd *maŋɖurtən^j* *ter* *mini*
 молиться-COMPL-CV.ANT следующий.день тот я.GEN
üj *dü-m* *nükə-n-də*
 двоюродный младший.брат-P.1SG яма-EXT-DAT
un-ad *köl-än* *xuvəl-čkə-v*
 падать-CV.ANT нога-P.REFL ломать-COMPL-PST
 ‘Так вот помолилась, а на следующий день этот мой
 двоюродный брат упал в яму и сломал ногу / ноги’.
- (14) *däkčə* *zarɖ-də* *od-sən* *uga*
 снова суд-DAT уходить-PC.PST NEG.COP
 ‘Больше он в суд не ходил’.
- (15) *tiig-äd* *bää-žä-väd* *däkädTroick*
 делать.так-CV.ANT быть-PROG-CV.ANT еще Троицкое
or-ad *jov-xla-m* *mini* *xudə*
 входить-CV.ANT ходить-CV.SUCC-P.1SG я.GEN сват
övgə-n *gem-tä* *bilä* *ükə-l*
 старик-EXT болезнь-ASSOC быть.REM умереть-NMLZ
gem-tä
 болезнь-ASSOC
 ‘Так прошло (некоторое время), я поехала в Троицкое, там
 мой сват был болен, смертельно болен’.
- (16) *раком* *gem-tä*
 болезнь-ASSOC
 ‘Раком болен’.
- (17) *tiig-äd* *xudə emgə-n*
 делать.так-CV.ANT сват бабушка-EXT
gi-žä-nä *čini* *üj*
 говорить-PROG-PRS ты.GEN двоюродный
düü-čən *ir-äd* *čini*
 младший.брат-P.2SG приходить-CV.ANT ты.GEN
üj *dü* *gi-čk-äd*
 двоюродный младший.брат говорить-COMPL-CV.ANT
xääkr-äd *bää-väd* *kedü* *mini* *xö-d*
 кричать-CV.ANT быть-CV.ANT сколько я.GEN овца-PL

id-dəg *gi-ʋäd* *xääkr-äd*
 есть-PC.HAB говорить-CV.ANT кричать-CV.ANT
kevt-vü
 лежать-PST.EMPH

‘Тогда моя сватья говорит: «Приезжал твой двоюродный брат, твой двоюродный брат все кричал: «Сколько моих овец съели», — долго кричал»’.

(18) *nevčkə* *ad-ta* *bol-vzgo*
 немного безумие-ASSOC становится-APPR.NEG.COP
gi-žä-nä *namagə*
 говорить-PROG-PRS я.ACC²⁴
 ‘Она мне говорит: «Он что, малость рехнулся?»’

(19) *ad-in* *gem-tä*
 безумие-GEN болезнь-ASSOC
 ‘Он душевнобольной’.

(20) *ne* *tiig-žə* *kel-xlä* *oda*
 хорошо делать.так-CV.IPFV говорить-CV.SUCC сейчас
arʋə *uga* *üg*
 способность NEG.COP слово
kel-l-go-n *bi*
 говорить-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD я.NOM
ger-t-än *ir-äd* *uurə-m*
 дом-DAT-P.REFL приходить-CV.ANT ярость-P.1SG
kür-äd *uur-t-an* *büt-äd*
 достигать-CV.ANT ярость-DAT-P.REFL закрываться-CV.ANT
gi-žä-nä-v *ad-in* *gem*
 говорить-PROG-PRS-1SG безумие-GEN болезнь
bij-d-čən *irə-g* *gi-žä-nä-v*
 тело-DAT-P.2SG приходить-JUSS2 говорить-PROG-PRS-1SG
 ‘Ну, не знаю, что сказать [= если так говорить, нет способности], не говоря ни слова я пошла домой, во мне поднялась ярость, и сдерживая ярость, я говорю: «Пусть на тебя самого найдет безумие», — говорю’.

²⁴ В этом контексте (в контексте с сентенциальным актантом) допустимо кодирование адресата формой аккузатива.

- (21) *däkäd nevčkə udan bää-l-go-n*
еще немного долго быть-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD
xälä-klä-m ködälmš-äsə
смотреть-CV.SUCC-P.1SG работа-ABL
xär-žə jov-xla-m neg
возвращаться-CV.IPFV ходить-CV.SUCC-P.1SG один
ükr šüləsə-n вооž-ž kevt-nä
корова слюна-EXT течь-CV.IPFV лежать-PRS
am-n-asən
рот-EXT-ABL.P.REFL
‘Прошло немного (времени), смотрю — я возвращалась с работы, — одна корова, слюны текут изо рта’.
- (22) *jaa говорю, ter xamdan ködäl-dəg*
Ооо тот вместе работать-PC.HAB
gergə-n-d-än kel-žä-nä-v
жена-EXT-DAT-P.REFL говорить-PROG-PRS-1SG
Ноган Ноган en ükr-in am-n-asə
Ноган Ноган этот корова-GEN рот-EXT-ABL
šüləsə-n вооž-ad bää-nä en ükr-tə
слюна-EXT течь-CV.ANT быть-PRS этот корова-DAT
ad-in gemə ir-žə
безумие-GEN болезнь приходить-EVD
gi-žä-nä-v
говорить-PROG-PRS-1SG
‘«Ооо, — говорю той женщине, которая работает вместе со мной, говорю, — Ноган, Ноган, у этой коровы из рта текут слюны, в эту корову, оказывается, вселилось безумие», — говорю’.
- (23) *бешенство, в общем, ad-in gem*
безумие-GEN болезнь
‘Бешенство в общем, душевная болезнь’.
- (24) *Ноган енчэн ken-ä ükrə-v*
Ноган этот кто-GEN корова-Q
gi-žä-nä-v
говорить-PROG-PRS-1SG
‘Я говорю: Ноган, чья это корова?’

- (25) *enčən odak Mutul Jura-n čini*
 этот тот.самый Мутулов Юра-GEN ты.GEN
rodstvennik-in ükər gi-žä-nä
 родственник-GEN корова говорить-PROG-PRS
 ‘«Это, — говорит, — корова того самого Юры Мутулова,
 твоего родственника»’.
- (26) *däkäd xöön-n^j soŋs-xə-n^j terə ükrə-n^j*
 еще после-Р.3 слушать-РС.FUT-Р.3 тот корова-Р.3
tukəl-ta-kan ük-č oč
 теленок-ASSOC-Р.REFL умереть-СV.IPFV уходить.EVD
 ‘После этого стало известно [= слышно], что эта корова
 вместе с теленком сдохла’.
- (27) *nan^j jum-ar kar-č uga*
 больше вещь-INS выходить-EVD NEG.COP
 ‘Больше ничего плохого не вышло [= больше ни через
 что не вышло]’.
- (28) *bij-är-n^j kar-l-go-n ter*
 тело-INS-Р.3 выходить-СV.MOD-NEG.COP-СV.MOD тот
tukəl ükər xojr-ar kar-č
 теленок корова два-INS выходить-EVD
 ‘Через него самого не вышло, вышло через корову
 и теленка’.
- (29) *tedü düngä küü-n-ä sä kesigə*
 столько как человек-EXT-GEN добро несколько.ACC
med-d-go kü-n
 знать-РС.HAB-NEG.COP человек-EXT
bol-žä-na
 становиться-PROG-PRS
 ‘Такой (он) человек, который не знает, сколько (стоит)
 добро других’.
- (30) *как говорится, modə-n xojr üzür-tä*
 дерево-EXT два острие-ASSOC
bol-də-m палка о двух концах бывает
 становиться-РС.HAB-COP.AFF
 ‘Как говорится, у палки же бывает два острия, палка о двух
 концах бывает’.

- (31) *бывает sä ke-xlägə sä ke-x*
 добро делать-CV.SUCC2 добро делать-PC.FUT
kerğ-tä
 дело-ASSOC
 ‘Бывает если делают добро, надо делать добро’.
- (32) *a madən tüü-n-də tas mi ke-вäd*
 а мы тот-EXT-DAT совсем плохой делать-CV.ANT
uga-vidn
 NEG.COP-1PL
 ‘А мы ему совсем не делали зла’.
- (33) *ükə-n ük-tl-än*
 умереть-CV.MOD умереть-CV.TERM-P.REFL
küü-n-də mi ke-sən uga-v
 человек-EXT-DAT плохой делать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Никогда [= до самой смерти] я не делала людям зла’.
- (34) *gerğə-n^j güü-вäd ärl-dəg bilä*
 жена-Р.3 бежать-CV.ANT уходить-PC.HAB быть.REM
mini küükə-n od-ad хот ög-äd
 я.GEN девочка-EXT уходить-CV.ANT еда дать-CV.ANT
bi evrän od-ad вава-də
 я.NOM сам уходить-CV.ANT тетя.по.отцу-DAT
nökəd bol-ad küükd-i-n^j
 помощь становиться-CV.ANT дети-ACC-Р.3
ük-tl-än xälä-dəg bilä-v
 умереть-CV.TERM-P.REFL смотреть-PC.HAB быть.REM-1SG
 ‘Когда от него убегала жена, моя дочка ходила (к нему),
 давала еду, я сама тоже ходила помогать тетке, без конца
 [= до смерти] присматривала за его детьми’.
- (35) *a tüng-igə ter kü-n med-sən uga*
 а тот-ACC тот человек-EXT знать-PC.PST NEG.COP
 ‘А этот человек этого не учитывает [= не знает’].
- (36) *mini sedklə-m zovləngə-m*
 я.GEN мысль-Р.1SG страдание-Р.1SG
 ‘Моих мыслей, моих горестей’.

- (37) *tiig-äd* *tiig-äd* *ter*
 делать.так-CV.ANT делать.так-CV.ANT тот
ükr-ärn *šord-va*
 корова-INS.P.REFL заплатиться-PST.EMPH
 ‘Вот так он заплатился коровой’.
- (38) *ter* *mini* *üj* *dü*
 тот я.GEN двоюродный младший.брат
 ‘Этот мой двоюродный брат’.
- (39) *tiimə* *jovdəl* *nan-ta* *učrə-v*
 такой поступок я-ASSOC случиться-PST
 ‘Такой со мной произошел случай’.

9. Белая старуха (09_belaja_staruxa)

Арслан Викторович Нармаев

- (1) *kezänä* *mini* *eckə* *kel-dəg* *bilä*
 раньше я.GEN отец говорить-PC.HAB быть.REM
 ‘Раньше мой отец рассказывал’.
- (2) *miŋkə* *jisə-n* *zu-n* *tavə-n* *dola-dəgčə*
 тысяча девять-EXT сто-EXT пять-EXT семь-ORD
žil-də *Sibir-äsə* *iigälän* *ir-xlä*
 год-DAT Сибирь-ABL сюда приходить-CV.SUCC
traktor *gi-dəg* *maši* *deer*
 трактор говорить-PC.HAB автомобиль поверхность
ködəl-dəg *bilä*
 работать-PC.HAB быть.REM
 ‘В 1957 году, вернувшись сюда из Сибири, он работал на машине, которую называют трактором’.
- (3) *keerägšän* *kar-в-ad* *bazər* *malt-a*
 далеко выходить-CAUS-CV.ANT земля копать-CONT
maaž-ul-ad *ke-lв-dəg* *bäü-žə*
 чесать-CAUS-CV.ANT делать-CAUS-PC.HAB быть-EVD
 ‘Он выводил (свой трактор) далеко, копал и пахал [= чесал] им землю, заставлял его работать’.
- (4) *neg* *sö* *malt-ad* *joв-žə*
 один ночь копать-CV.ANT ходить-CV.IPFV

jov-ad ard-an xälä-xlä
 ходить-CV.ANT зад-P.REFL смотреть-CV.SUCC
kögšən emgə-n savan xuvc-ta suu-na
 старый бабушка-EXT белый одежда-ASSOC сидеть-PRS
 ‘Однажды ночью, он ездил пахал, посмотрел назад, а там сидит старуха в белой одежде’.

(5) *en jum bol-žä-xə-m*
 этот вещь становиться-PROG-PC.FUT-COP.AFF
äü-вäd traktor-d-an bäü-sən
 бояться-CV.ANT трактор-DAT-P.REFL быть-PC.PST
jumsud-an xaj-ad xaj-čk-na ter
 вещь-P.REFL бросать-CV.ANT бросать-COMPL-PRS тот
kü-n der ter gergə-n tal
 человек-EXT поверхность тот жена-EXT сторона
 ‘Испугавшись того, что там появилось, он бросил в сторону этого человека, этой женщины те вещи, которые были в тракторе’.

(6) *xaj-žə xaj-žə arвə-nⁱ*
 бросать-EVD бросать-EVD способность-P.3
tasr-ad üüd-än onⁱsl-ad
 рваться-CV.ANT дверь-P.REFL запирать-CV.ANT
unt-na kövü-d-igə külä-nä
 спать-PRS мальчик-PL-ACC ждать-PRS
 ‘Покидал, покидал, его силы кончились, он закрыл дверь, стал спать, ждать ребят’.

(7) *örü-n bol-xla tiimə jumə*
 утро-EXT становиться-CV.SUCC такой вещь
üz-lä-t gi-xlä tedən
 видеть-REM-2PL говорить-CV.SUCC они
kel-dəg bäü-žə kezänä emgə-n
 говорить-PC.HAB быть-EVD раньше бабушка-EXT
övg-čüüd kel-dəg bäü-žə tiimə jumə
 старик-COLL говорить-PC.HAB быть-EVD такой вещь
jov-xla mörg-äd jov-tən
 ходить-CV.SUCC молиться-CV.ANT ходить-IMP.PL
 ‘Когда наступило утро, он сказал: «Вы такое когда-нибудь видели?», — они же говорили: «Раньше старухи и старики говорили: «если такое происходит, идите молиться»»’.

- (8) *ter jum vazr-in ezə-n bää-žə*
 тот вещь земля-GEN хозяин-EXT быть-EVD
 ‘«Это был хозяин земли»’.
- (9) *oda mana-вар jaa-xla jum*
 сейчас мы.GEN-INS что.делать-CV.SUCC вещь
ke-dəg jaa-xlarn
 делать-PC.HAB что.делать-CV.SUCC.P.REFL
mörg-d-üdn ten vazər-tə
 молиться-PC.HAB-1PL тот земля-DAT
 ‘«Если по-нашему делать, если делать вещи как обычно,
 то мы молимся той земле»’.
- (10) *usə-n-də bolučən vazər-tə bolučən šin xaša*
 вода-EXT-DAT хоть земля-DAT хоть новый двор
täv-xə öтəп mana kövü-d
 класть-PC.FUT перед мы.GEN мальчик-PL
mörgə-ld-äd lam-igə av-č
 молиться-RECP-CV.ANT лама-ACC брать-CV.IPFV
ir-äd suu-lь-ad nom
 приходить-CV.ANT сидеть-CAUS-CV.ANT учение
umš-ul-ad tiig-äd jav-na
 читать-CAUS-CV.ANT делать.так-CV.ANT что.делать-PRS
 ‘«Будь то вода, будь то земля, перед тем, как поставить
 новую точку [= двор], наши ребята вместе молятся, приводят
 ламу, сажают его, дают ему читать молитву, вот как делают»’.

10. Булгун (10_Bulgun)
Александра Борисовна Хулхачиева

- (1) *kezänä kүүik-üd kүү-gə*
 раньше девочка-PL человек-ACC
sur-l-go-n ekə eckə-nⁱ xojurn
 просить-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD мать отец-Р.3 вдвоем
kүүind-äd xär-də
 разговаривать-CV.ANT посторонний-DAT
вар-в-dəg бүү-s-тəп
 выходить-CAUS-PC.HAB быть-PC.PST-COP.AFF
 ‘Раньше родители выдавали дочерей замуж [= выводили посто-
 ронним], договорившись между собой, не спросив человека (саму дочь)’.

- (2) *tiig-äd en Bulʁ-igə neg*
 делать.так-CV.ANT этот Булгун-ACC один
küü-n-ä хотə-n-də mord-ulə-v
 человек-EXT-GEN деревня-EXT-DAT отправляться-CAUS-PST
 ‘Так вот эту Булгун выдали замуж в чужую деревню’.
- (3) *jamaran ʁazər-tə jov-žə*
 какой земля-DAT ходить-CV.IPFV
jov-x-an ʁav-žə²⁵ büü-x-än
 ходить-PC.FUT-P.REFL что.делать-CV.IPFV быть-PC.FUT-P.REFL
Bulʁə-n med-l-go jovə-v
 Булгун-EXT знать-CV.MOD-NEG.COP ходить-PST
 ‘Булгун поехала, не зная, в какое место поедет и как будет жить’.
- (4) *tendə ir-xlä xadəm eckə-nⁱ dangin*
 там приходить-CV.SUCC по.супругу отец-Р.3 всегда
zov-a-ʁad cok-ad güvd-äd
 мучиться-CAUS-CV.ANT ударить-CV.ANT избивать-CV.ANT
zalu-nⁱ cok-ad güvd-äd
 мужчина-Р.3 ударить-CV.ANT избивать-CV.ANT
arʁ uga Bulʁə-n kesəg
 способность NEG.COP Булгун-EXT несколько
žil-d-än büü-vä
 год-DAT-P.REFL быть-PST.EMPH
 ‘Когда приехала туда, ее свекор все время бил ее, избивал,
 ее муж бил и избивал, мочи нет, Булгун несколько лет (так)
 прожила’.
- (5) *ekə eck-äsə-nⁱ elgən sad-asə-nⁱ*
 мать отец-ABL-Р.3 родственник родня-ABL-Р.3
kü-n ir-d-go bilä
 человек-EXT приходить-PC.HAB-NEG.COP быть.REM
 ‘От ее родителей, от родни никто не приезжал’.
- (6) *tiig-äd büü-xlä-nⁱ tedən uləm*
 делать.так-CV.ANT быть-CV.SUCC-Р.3 они еще
zov-a-ʁad či küü-n-də
 мучиться-CAUS-CV.ANT ты.NOM человек-EXT-DAT

²⁵ Информант заменил *jamaran* на *ʁav-žə*.

kerǵ uǵa-č noxa-č ju ke-xə
 дело NEG.COP-2SG собака-2SG что делать-PC.FUT
čam-ar čamagə al-čk-u-čən tedən-čən
 ты-INS ты.ACC убить-COMPL-1SG-PCL.CONC они-P.2SG
med-š-go gi-ǵäd dažər-dəǵ
 знать-PC.FUT-NEG.COP говорить-CV.ANT угнетать-PC.HAB
bää-sən bilä
 быть-PC.PST быть.REM

‘Так она пожила, они еще больше мучают ее: «Ты никому не нужна, ты собака, что с тобой сделать, даже если я тебя убью, твои не узнают», — так ее притесняли [= угнетали]’.

(7) *küükə-n^j ös-äd bos-ad tavə-n*
 девочка-P.3 расти-CV.ANT вставить-CV.ANT пять-EXT
zurka žil-tä bolə-v Bulǵə-n
 шесть год-ASSOC становится-PST Булгун-EXT
jaa-xə-v am-an bär-čk-äd
 что.делать-PC.FUT-1SG рот-P.REFL держать-COMPL-CV.ANT
ara-ǵan zui-čk-ad²⁶ bää-ǵäd
 клык-P.REFL кусать-COMPL-CV.ANT быть-CV.ANT
bää-nä küük-n-änn^j tölä
 быть-PRS девочка-EXT-GEN.P.3 ради

‘У нее выросла дочка, ей уже стало 5–6 лет, Булгун, что делать, живет закрыв рот и стиснув зубы ради своей дочки’.

(8) *jo xəämən^j küük-n-änn^j tölä nan-də*
 ой любимый девочка-EXT-GEN.P.3 ради я-DAT
äm-də bää-xə kerǵ-tä gi-ǵäd
 жизнь-DAT быть-PC.FUT дело-ASSOC говорить-CV.ANT
sö-d-n^j uul^j-ad duul-ad Bulǵə-n
 ночь-DAT-P.3 плакать-CV.ANT петь-CV.ANT Булгун-EXT
bää-nä
 быть-PRS

‘«О, ради любимой дочери я должна жить», — говорит Булгун, ночью плачет, поет’.

²⁶ Информант сказал наоборот: *aman zuičkad, araxan bärčkad*. Скорее всего, это ошибка.

- (9) *neg däkčə xadət ekə-nⁱ xääkr-äd*
 один раз по.супругу мать-Р.3 кричать-CV.ANT
xääkər-žə xääkər-žə güü-väd
 кричать-CV.IPFV кричать-CV.IPFV бежать-CV.ANT
šov-žə odə-v zalu-nⁱ taldan
 ходить-CV.IPFV уходить-PST мужчина-Р.3 чужой
ger-tə közər naad-žə-la
 дом-DAT карты играть-PROG-REM
 ‘Как-то раз ее свекровь накричала, покричала-покричала
 и убежала, ее муж в другом доме играл в карты’.
- (10) *jav-žə keg-žə ju ke-s-i-nⁱ*
 что.делать-CV.IPFV делать-CV.IPFV что делать-PC.PST-ACC-Р.3
Bulvə-n med-čə-x-žə ter zalu-nⁱ
 Булгун-EXT знать-PROG-PC.FUT-NEG.PRS тот мужчина-Р.3
güü-ž ir-äd or-ž
 бежать-CV.IPFV приходить-CV.ANT входить-CV.IPFV
ir-äd uŋgug od-sən
 приходить-CV.ANT корень.NEG.COP²⁷ уходить-PC.PST
dombər gi-väd gerg-än üüd-n-ä
 нечисть говорить-CV.ANT жена-Р.REFL дверь-EXT-GEN
öörə bää-sən sük av-ad xojr däkčə
 близость быть-PC.PST топор брать-CV.ANT два раз
sok-ad unvə-čkə-v
 ударить-CV.ANT падать.CAUS-COMPL-PST
 ‘Булгун сама не поняла, как он это сделал, но этот ее муж
 прибежал, вошел, сказал: «Чтоб ты, нечисть, вымерла всем родом
 [= нечисть, оставшаяся без корня]», — взял топор, который лежал
 у двери, и два раза ударив свою жену, свалил’.
- (11) *cusə-n voož-ad Bulvə-n tolva-kan*
 кровь-EXT течь-CV.ANT Булгун-EXT голова-Р.REFL
bär-äd un-žə odə-v
 держать-CV.ANT падать-CV.IPFV уходить-PST
 ‘Потекла кровь, Булгун упала, держась за голову’.

²⁷ Слово *uŋgug* восходит к сочетанию существительного *uŋg* ‘корень’ и отрицательной связки *uga*.

- (12) *un-žə* *od-xla-n^j* *deegür-n^j*
 падать-CV.IPFV уходить-CV.SUCC-P.3 вверху-P.3
alx-ad *zalu* *var-ad*
 шагать-CV.ANT мужчина выходить-CV.ANT
šov-žə *odə-v* *xärii* *ter*
 ходить-CV.IPFV уходить-PST назад тот
köžr-än *naad-xar*
 карты-P.REFL играть-CV.PURP
 ‘Когда она упала, муж переступил через нее и ушел
 обратно играть в свои карты’.
- (13) *xadət* *eckə-n^j* *ir-čk-äd* *jaa jaa*
 по.супругу отец-P.3 приходить-COMPL-CV.ANT ооо ооо
jaa-xə-v *oda* *ee čini* *žirvəl-čən*
 что.делать-PC.FUT-1SG сейчас да ты.GEN жизнь-P.2SG
tiimə *oda* *iigžə* *med-žə* *avə-Ø*
 такой сейчас так знать-CV.IPFV брать-IMP
gi-čk-äd *var-ad*
 говорить-COMPL-CV.ANT выходить-CV.ANT
šov-žə *od-čə* *basə*
 ходить-CV.IPFV уходить-CV.IPFV тоже
 ‘Пришел свекор, сказал: «Ой, ой, что теперь сделаешь, да
 такова твоя судьба, теперь ты это пойми [= знай]», — и ушел тоже’.
- (14) *cus-an* *bar-ad* *Bulvə-n*
 кровь-P.REFL исчерпывать-CV.ANT Булгун-EXT
vanс-arn *ger-t-än* *kevt-nä*
 один-INS.P.REFL дом-DAT-P.REL лежать-PRS
 ‘Истекая кровью, Булгун одна лежит дома’.
- (15) *važa* *güü-žə* *šov-sən* *küükə-n^j*
 снаружи бежать-CV.IPFV ходить-PC.PST девочка-P.3
or-ž *ir-čk-äd* *baažə baažə*
 входить-CV.IPFV приходить-COMPL-CV.ANT отец отец
gi-väd *ekl-äd* *bääg-äd*
 говорить-CV.ANT начинать-CV.ANT вопить-CV.ANT
čišk-äd *uul^j-ad* *küük-än*
 визжать-CV.ANT плакать-CV.ANT девочка-P.REFL
tevr-čk-äd *Bulvə-n* *kel-nä*
 обнять-COMPL-CV.ANT Булгун-EXT говорить-PRS

- xäätən^j min^j oda jaa-xə-v*
 любимый здесь сейчас что.делать-PC.FUT-1SG
č'i kanc-arn üld-žä-nä-č
 ты.NOM один-INS.P.REFL оставаться-PROG-PRS-2SG
oda aak-čn bolə-v gi-žä-nä
 сейчас мать-P.2SG становится-PST говорить-PROG-PRS
 ‘Вбежала дочка, гулявшая на улице, сказала: «Отец, отец», —
 начала вопить, визжать, плакать. Булгун обняла дочку, говорит:
 «Моя любимая, что тут теперь сделаешь, ты остаешься одна, с
 твоей матерью покончено»’.
- (16) *все, кончился все*
 ‘Все, все кончилось’.
- (17) *tüg-xlä-n^j küükə-n^j kar-ad*
 делать.так-CV.SUCC-P.3 девочка-P.3 выходить-CV.ANT
joṽ-žə odə-v
 ходить-CV.IPFV уходить-PST
 ‘После этого дочка ушла’.
- (18) *tas küü-n-də bičä kelə-∅ bičä*
 совсем человек-EXT-DAT NEG.IMP говорить-IMP NEG.IMP
ä karə-∅ bičä med-ül-∅ namagə
 звук выходить-IMP NEG.IMP знать-CAUS-IMP я.ACC
med-s-än gi-žä-nä
 знать-PC.PST-P.REFL говорить-PROG-PRS
 ‘«Никому вообще не говори, ни звука не произноси,
 не сообщай, что знала меня», — говорит»²⁸.
- (19) *tegäd ter ödər dü-n^j ik*
 потом тот день младший.брат-P.3 большой
xol-asə egč-än jamaran
 даль-AVL старшая.сестра-P.REFL какой
bäü-x-i-n^j med-xär ir-žə
 быть-PC.FUT-ACC-P.3 знать-CV.PURP приходить-EVD

²⁸ Между (18) и (19) есть еще одно предложение, которое пропущено, поскольку звучит абсолютно неразборчиво.

ek eckə-n^j täv-žə
 мать отец-Р.3 класть-EVD

‘Потом в тот день совсем издалека ее младший брат приехал узнать, как поживает его старшая сестра, его послали их отец с матерью’.

- (20) *or-žə ir-xlä-n^j ter*
 входить-CV.IPFV приходить-CV.SUCC-P.3 тот
emgə-n kövü-вän duud-ul-ad
 бабушка-EXT мальчик-Р.REFL звать-CAUS-CV.ANT
därkə elgən sad-an
 Боже! родственник родня-Р.REFL
duud-ul-ad küünd-žä-nä
 звать-CAUS-CV.ANT разговаривать-PROG-PRS
kel-žə bol-š-go ter
 говорить-CV.IPFV становиться-PC.FUT-NEG.COP тот
gerg-igə üz-ül-žə
 жена-ACC видеть-CAUS-CV.IPFV
bol-š-go gem-tä gem-tä
 становиться-PC.FUT-NEG.COP болезнь-ASSOC болезнь-ASSOC
bäü-žä-вäd ük-čə od-la
 быть-PROG-CV.ANT умереть-CV.IPFV уходить-REM
gi-вäd mekl-xə-m en
 говорить-CV.ANT обмануть-PC.FUT-COP.AFF этот
zalu-gə gi-žä-nä
 мужчина-ACC говорить-PROG-PRS

‘Когда он приехал, та старуха позвала своего сына, Боже, созвала своих родственников и говорит: «Не станем говорить, не покажем эту женщину, обманем этого человека, сказав: «Болела-болела и умерла»»’.

- (21) *tiig-äd elgən sad-arn*
 делать.так-CV.ANT родственник родня-INS.P.REFL
сиварн küünd-äd ter kövü-gə
 весь.INS.P.REFL разговаривать-CV.ANT тот мальчик-ACC
suu-lь-ad хотə-n^j ög-äd cäü-вi-n^j
 сидеть-CAUS-CV.ANT еда-Р.3 дать-CV.ANT чай-ACC-Р.3

- ög-äd* *güü-l-d-äd* *bää-nä*
 дать-CV.ANT бежать-RECP-CV.ANT быть-PRS
 ‘Так сговорились всей семьей, усадили этого парня (брата), дали ему еды, налили [= дали] чаю, бегают (перед ним)’.
- (22) *Bulʁə-n-igə* *jav-sə-n^j* *keg-sə-n^j*
 Булгун-EXT-ACC что.делать-PC.PST-P.3 делать-PC.PST-P.3
med-žä-x-šə *ter* *dü-n^j*
 знать-PROG-PC.FUT-NEG.PRS тот младший.брат-P.3
 ‘Этот младший брат не знает, что сделали с Булгун’.
- (23) *a Bulʁə-n* *küük-än* *naarə gi-ʁäd*
 а Булгун-EXT девочка-P.REFL сюда говорить-CV.ANT
duud-žə *av-čk-ad* *tiig-nä*
 звать-CV.IPFV брать-COMPL-CV.ANT делать.так-PRS
tedən-də med-ül-l-go-n *äräxnär*
 они-DAT знать-CAUS-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD тихонько
navsx-an *av-ad* *irə-∅*
 дядя.по.матери-P.REFL брать-CV.ANT приходить-IMP
 ‘А Булгун, позвав к себе дочь, так говорит: «Приведи тихонько своего дядю, не показывая вида [= не сообщая им]»’.
- (24) *navsxə* *считается ek-in-n^j* *dü*
 дядя.по.матери мать-GEN-P.3 младший.брат
 ‘*navsxə* считается младший брат матери’.
- (25) *av-ad* *ir-∅*
 брать-CV.ANT приходить-IMP
 ‘«Приведи»’.
- (26) *čtagə aakə duud-žə-na* *gi-ʁäd*
 ты.ACC мать звать-PROG-PRS говорить-CV.ANT
kelə-∅
 говорить-IMP
 ‘Скажи: «Тебя зовет мать»’.
- (27) *äräxnär* *ter* *küükə-n* *kel-äd* *ʁaza*
 тихонько тот девочка-EXT говорить-CV.ANT снаружи
ʁar-xla-n^j *av-č* *ir-∅*
 выходить-CV.SUCC-P.3 брать-CV.IPFV приходить-IMP

gi-žä-nä

говорить-PROG-PRS

‘Тихонько эта девочка сказала... «Когда он выйдет на улицу, приведи», — говорит»²⁹.

- (28) *каза кар-ад тер көвү-н*
 снаружи выходить-CV.ANT тот мальчик-EXT
mör-än uj-xar jov-xlagə ter
 лошадь-P.REFL шить-CV.PURP ходить-CV.SUCC2 тот
küükə-n güü-žə ir-äd
 девочка-EXT бежать-CV.IPFV приходить-CV.ANT
кар-асə-n^j kötl-äd ek tal-an
 рука-ABL-P.3 вести-CV.ANT мать сторона-P.REFL
ав-ад кюр-žə irə-v
 брать-CV.ANT достигать-CV.IPFV приходить-PST

‘Когда тот парень вышел на улицу, чтобы привязать своего коня, эта девочка подбежала, повела его за руку и привела его к своей матери’.

- (29) *екə-n^j kel-nä küü-n-ä казəр-тə*
 мать-P.3 говорить-PRS человек-EXT-GEN земля-DAT
bäü-nä gi-dəg-čən muul^j-ta
 быть-PRS говорить-PC.HAB-P.2SG³⁰ несчастье-ASSOC
жүтə-n bäü-ž-lə dü-m
 вещь-EXT быть-EVD-PCL.EMPH младший.брат-P.1SG
хääтəн^j mini хаалк-ар күүкə-м биçä
 любимый я.GEN дорога-INS девочка-P.1SG NEG.IMP
jov-ul-tən
 ходить-CAUS-IMP.PL

‘Ее мать говорит: «Оказывается, жить в чужой земле тяжело, мой дорогой брат, не отправляйте мою дочь по моей дорожке»’.

- (30) *енү-н-дə üld-xlagə mini хаалк-ар*
 этот-EXT-DAT оставаться-CV.SUCC2 я.GEN дорога-INS

²⁹ Не совсем понятно, кто и что делает тихонько. Возможно, в этом предложении смешиваются две ситуации: в одной девочка тихонько говорит своему дяде, а в другой — мать еще дает инструкции.

³⁰ Непонятно, что значит эта грамматическая форма в данном контексте. Она разобрана верно, информанты это подтверждают.

- (41) *вот так жила женщина, вот калмычка*
‘Вот так жила женщина, вот калмычка’.
- (42) *поэтому говорят: когда в семье рождалась дочь, ее обузой называли*
‘Поэтому говорят: когда в семье рождалась дочь, ее обузой называли’.

11. Лопатка (11_lopatka)
Феликс Саналович Шарваев

- (1) *kezänä neg sag-tə ugatⁱa övgə-n bää-žə*
раньше один время-DAT бедный старик-EXT быть-EVD
ugatⁱa övgə-n bää-žə
бедный старик-EXT быть-EVD
‘Однажды давным-давно жил один бедный старик, жил бедный старик’.
- (2) *ter övgə-n-də jütə-n uga кансэхэн*
тот старик-EXT-DAT вещь-EXT NEG.COP одинокий
neg хө-n
один овца-EXT
‘У того старика не было ничего, только одна овца’.
- (3) *tegäd neg däkčə övgə-n var-a*
потом один раз старик-EXT выходить-CONT
jov-ad taldan kazər-tə nüü-vä
ходить-CV.ANT чужой земля-DAT кочевать-CONT
jov-žə-na
ходить-PROG-PRS
‘Потом однажды старик ушел и переселился в другое место’.
- (4) *jov-žə jov-ad neg bajən övg-igə*
ходить-CV.IPFV ходить-CV.ANT один богатый старик-ACC
харв-žə-na ikə dala хөө-tä
встретаться-PROG-PRS большой много овца-ASSOC
‘Он шел-шел — и встречает одного богатого старика с большим количеством овец’.
- (5) *tegäd tendə tedn-də хон-ad ter*
потом там они-DAT ночевать-CV.ANT тот

- övgə-n tiiŋ-də kel-žä-nä*
старик-EXT тот-DAT говорить-PROG-PRS
'Затем он собирается там у них переночевать, и тот старик (богач) ему говорит:'
- (6) *či evr-ännⁱ xöö-gə mana*
ты.NOM сам-GEN.P.3 овца-ACC мы.GEN
xöö-d-t-än xaša-də or-ul-čkə-Ø
овца-PL-DAT-P.REFL двор-DAT входить-CAUS-COMPL-IMP
'«Ты свою овцу к нашим овцам в загон загни!»'
- (7) *övgə-n xärü ög-čä-nä uga tana*
старик-EXT назад дать-PROG-PRS NEG.COP вы.GEN
xö-d mini xöö-gə id-čk-xə
овца-PL я.GEN овца-ACC есть-COMPL-PC.FUT
'Старик ему отвечает: «Нет, ваши овцы мою овцу съедят»'.
- (8) *tiiŋ-xlägə bajə-n kel-žə*
делать.так-CV.SUCC2 богач-EXT говорить-CV.IPFV
oč
уходить.EVD³²
'Тогда богач говорит:'
- (9) *mana xö-n čini xöö-gə*
мы.GEN овца-EXT ты.GEN овца-ACC
id-čk-xlägə bi en sig xöö-vän
есть-COMPL-CV.SUCC2 я.NOM этот весь овца-P.REFL
čam-də ög-čk-nä-v
ты-DAT дать-COMPL-PRS-1SG
'«Если наши овцы твою овцу съедят, то я тебе этих всех своих овец отдам»'.
- (10) *tiiŋ-äd or-ul-čk-ad civar*
делать.так-CV.ANT входить-CAUS-COMPL-CV.ANT весь
unt-žə od-xlägə övgə-n
спать-CV.IPFV уходить-CV.SUCC2 старик-EXT
bos-ad evr-ännⁱ xöö-vän al-ad
вставлять-CV.ANT сам-GEN.P.3 овца-P.REFL убить-CV.ANT

³² Последние две формы разобраны условно. Фонетически больше похоже на *keldəč* и допустима также трактовка говорить-PC.HAB-COP.ADM.

tenü-nä cus-ar xöö-n-ä amə-n^j cugta-kan
 тот-GEN кровь-INS овца-EXT-GEN рот-Р.3 все-Р.REFL
türk-äd xärii untə-v
 смазывать-CV.ANT назад спать-PST

‘Тогда загнал (овцу), и, когда все уснули, старик встал, зарезал свою овцу, и, намазав кровью своей овцы рты всех (остальных овец), пошел обратно спать’.

(11) *örü-n-d-än bos-xlagə övgə-n*
 утро-EXT-DAT-Р.REFL вставить-CV.SUCC2 старик-EXT
kel-žä-nä
 говорить-PROG-PRS

‘Когда утром все проснулись, старик говорит:’

(12) *xälä-Ø xälä-Ø jamaran jum*
 смотреть-IMP смотреть-IMP какой вещь
bol-u tana xöö-d mini xöö-g
 становиться-PST вы.GEN овца-PL я.GEN овца-ACC
id-čk-vä

есть-COMPL-PST.EMPH

‘«Смотри! Смотри что случилось! Ваши овцы мою овцу съели!»’

(13) *cusə-n dala tiig-xlägə ter bajə-n*
 кровь-EXT много делать.так-CV.SUCC2 тот богач-EXT
kel-sən üg-d-än kür-äd

говорить-РС.PST слово-DAT-Р.REFL достигать-CV.ANT

evr-änn^j cug xöö-βän ög-čk-vä

сам-GEN.Р.3 весь овца-Р.REFL дать-COMPL-PST.EMPH

terə övgə-n-də

тот старик-EXT-DAT

‘Много крови, поэтому тот богач сдержал сказанное слово и отдал всех своих овец тому старику’.

(14) *ter övgə-n kar-a jov-ad*
 тот старик-EXT выходить-CONT ходить-CV.ANT
kar-a jov-ad neg zalu-g
 выходить-CONT ходить-CV.ANT один мужчина-ACC
üz-čk-vä

видеть-COMPL-PST.EMPH

‘Тот старик ушел, шел и увидел одного мужчину’.

- (15) *küč-tä* *gi-dəg* *booksə* *kos-ta*
сила-ASSOC говорить-PC.HAB кожа сапоги-ASSOC
alt-ar *uj-sən* *utc-ta*
золото-INS шить-PC.PST нить-ASSOC
‘С отличными кожаными сапогами, расшитыми золотыми нитями’.
- (16) *tüig-äd* *ter* *övgə-n-tä-d*
делать.так-CV.ANT тот старик-EXT-ASSOC-DAT
xon-ad *tendə kelžə* *tadən*
ночевать-CV.ANT там говорить-CV.IPFV вы
kos-an *üündə* *tääl-tən* *gi-žə*
сапоги-P.REFL здесь снимать-IMP.PL говорить-CV.IPFV
kelə-v
говорить-PST
‘Так он остался на ночь у этого старика, и тот сказал:
«Вы здесь снимите сапоги»’.
- (17) *övgə-n* *kel-žä-nä* *tana* *kosə-n*
старик-EXT говорить-PROG-PRS вы.GEN сапоги-EXT
mini *kos-igə* *id-čk-xlägə* *bi*
я.GEN сапоги-ACC есть-COMPL-CV.SUCC2 я.NOM
däkən *nüčkən* *üld-xə-v*
опять голый оставаться-PC.FUT-1SG
‘Старик говорит: «Если ваши сапоги мои сапоги съедят,
я останусь опять босым»’.
- (18) *ter* *zalu* *kel-žə* *tana* *kosə*
тот мужчина говорить-EVD мы.GEN сапоги
tana *kos-igə* *id-xlägə* *bi*
вы.GEN сапоги-ACC есть-CV.SUCC2 я.NOM
evr-ännⁱ *altən* *kos-an* *tadən-də*
сам-GEN.P.3 золотой сапоги-P.REFL вы-DAT
ög-nä-v
дать-PRS-1SG
‘Тот мужчина сказал: «Если наши сапоги съедят ваши сапоги, я свои золотые сапоги вам отдам»’.
- (19) *tüig-äd* *täv-čk-äd*
делать.так-CV.ANT класть-COMPL-CV.ANT

- unt-xə-m* *сывар*
 спать-PC.FUT-COP.AFF весь
 ‘Потом он поставил (сапоги), все уснули’.
- (20) *övgə-n* *bos-ad* *evr-ännⁱ* *kos-an*
 старик-EXT вставить-CV.ANT сам-GEN.P.3 сапоги-P.REFL
täär-äd *xaj-ad* *örü-n-d-än*
 резать-CV.ANT бросать-CV.ANT утро-EXT-DAT-P.REFL
bos-xlagə *ter* *kosə-nⁱ* *uga*
 вставить-CV.SUCC2 тот сапоги-P.3 NEG.COP
 ‘Старик встал и свои сапоги разрезал, когда утром
 проснулись, эти сапог нет’.
- (21) *tiig-äd* *bajə-n* *kel-sən*
 делать.так-CV.ANT богач-EXT говорить-PC.PST
üg-d-än *kür-äd* *evr-ännⁱ*
 слово-DAT-P.REFL достигать-CV.ANT сам-GEN.P.3
kos-an *ög-čkə-v*
 сапоги-P.REFL дать-COMPL-PST
 ‘Тогда богач свое сказанное слово сдержал и отдал свои
 сапоги’.
- (22) *tiig-äd* *neg* *däkčə* *övgə-n*
 делать.так-CV.ANT один раз старик-EXT
jov-žə *jov-ad* *neg* *ger-ür*
 ходить-CV.IPFV ходить-CV.ANT один дом-DIR
or-žə-na *xon-xar*
 входить-PROG-PRS ночевать-CV.PURP
 ‘Однажды старик шел-шел и пришел к одному дому, чтобы
 переночевать’.
- (23) *emgə-n* *taxə* *čan-žə-žə*
 бабушка-EXT мясо варить-PROG-EVD
 ‘Старуха мясо варила’.
- (24) *övgə-n* *neg* *хоосən* *dal-ta* *bää-žə*
 старик-EXT один пустой лопатка-ASSOC быть-EVD
 ‘А у старика была одна голая лопатка’.
- (25) *ter* *dal-i-vän* *čan-xar* *tedn-igə*
 тот лопатка-ACC-P.REFL варить-CV.PURP они-ACC

mekəl-xär

обмануть-CV.PURP

‘Он собирался обмануть их, сварив эту лопатку’.

- (26) *ter gerg-n-də kel-žä-nä kastrül*
 тот жена-EXT-DAT говорить-PROG-PRS кастрюля
nan-də ög-tən bi max-an čan-xar
 я-DAT дать-IMP.PL я.NOM мясо-P.REFL варить-CV.PURP
 ‘Этой женщине говорит: «Дайте мне кастрюлю, я хочу мясо сварить»’.

- (27) *emgə-n kel-žä-nä en max-n*
 бабушка-EXT говорить-PROG-PRS этот мясо-EXT
busəl-ža-na naaran xaj-čk-tən dākād
 кипеть-PROG-PRS сюда бросать-COMPL-IMP.PL еще
kar-в-ad id-xə-t
 выходить-CAUS-CV.ANT есть-PC.FUT-2PL
gi-žə kel-ž
 говорить-CV.IPFV говорить-EVD
 ‘Старуха и говорит: «Это мясо кипит, сюда кидай еще, вытащишь и съешь», — сказала’.

- (28) *uga tana maxə-n mini max-igə*
 NEG.COP вы.GEN мясо-EXT я.GEN мясо-ACC
id-čk-xlä bi xoosən
 есть-COMPL-CV.SUCC я.NOM пустой
üld-x-ii gi-žə kel-nä
 оставаться-PC.FUT-1SG говорить-CV.IPFV говорить-PRS
 ‘Нет, — говорит он, — если ваше мясо мое мясо съест, я останусь голодным»’.

- (29) *mana maxə-n tana max-igə id-xlägə*
 мы.GEN мясо-EXT вы.GEN мясо-ACC есть-CV.SUCC2
bi sug en max-an tadn-də
 я.NOM весь этот мясо-P.REFL вы-DAT
ög-čk-nä-v gi-žə kelə-v
 дать-COMPL-PRS-1SG говорить-CV.IPFV говорить-PST
 ‘Если наше мясо ваше мясо съест я все это свое мясо вам отдам», — сказала’.

- (30) *övgə-n bultə-žə-kađ ter dal-an*
 старик-EXT прятаться-PROG-CV.ANT тот лопатка-Р.REFL
usə-n-d xaj-čkə-v
 вода-EXT-DAT бросать-COMPL-PST
 ‘Старик тайком ту лопатку в воду бросил’.
- (31) *däkäd sugtan max külä-вäd max-an*
 еще весь мясо ждать-CV.ANT мясо-Р.REFL
kar-ва jov-žə jov-xlagə
 выходить-CONT ходить-CV.IPFV ходить-CV.SUCC2
övg-nä dal kar-в-xlagə
 старик-GEN лопатка выходить-CAUS-CV.SUCC2
dalə-n^j хоосn
 лопатка-Р.3 пустой
 ‘Затем дождавшись всего мяса, свое мясо доставали, когда достали старикову лопатку, лопатка была голой (без мяса)’.
- (32) *emgə-n övgə-n xojr neg neg-än*
 бабушка-EXT старик-EXT два один один-Р.REFL
xälä-čk-äd emgə-n sug max-an
 смотреть-COMPL-CV.ANT бабушка-EXT весь мясо-Р.REFL
ög-čk-vä
 дать-COMPL-PST.EMPH
 ‘Старуха и старик посмотрели друг на друга, и старуха все мясо отдала’.
- (33) *tiig-äd ter ugat^a övgə-n bajən*
 делать.так-CV.ANT тот бедный старик-EXT богатый
gi-dəg xatuč bol-u
 говорить-РС.НАВ скряга становиться-PST
 ‘Так этот бедный старик богатым и жадным стал’.

12. Простофиля (12_prostofilja) Замира Давидовна Хейчиева

- (1) *ergü küü-n-ä ükə-l*
 глупый человек-EXT-GEN умереть-NMLZ
 ‘Гибель тронутого [= повернутого] человека’³³

³³ Названия нет в аудиозаписи.

- (2) *kezänä bää-žə emgə-n övgə-n xojər*
раньше быть-EVD бабушка-EXT старик-EXT два
bää-žə
быть-EVD
'Однажды давно жили-были старуха и старик'.
- (3) *övgə-nⁱ genən bää-žə*
старик-Р.3 наивный быть-EVD
'Старик дурачком [= наивным] был'.
- (4) *tegäd neg däkčə emgə-nⁱ kel-žä-nä*
потом один раз бабушка-Р.3 говорить-PROG-PRS
'Однажды бабка говорит'.
- (5) *ödr-in duusən ger-t-än*
день-GEN продолжительность дом-DAT-P.REFL
sui-l-go čī ö šuvi modə
сидеть-CV.MOD-NEG.COP ты.NOM лес чаша дерево
or-ad modə av-č irə-Ø
входить-CV.ANT дерево братъ-CV.IPFV приходить-IMP
gi-nä
говорить-PRS
'«Чем сидеть целый день дома, иди в лес, в чашу, принеси
дрова», — говорит'.
- (6) *kalə tüł-xə*
огонь нагревать-PC.FUT
'Разведем огонь'.
- (7) *tegäd övgə-nⁱ kar-ad jov-ad*
потом старик-Р.3 выходить-CV.ANT ходить-CV.ANT
modə av-ad aaš-čə
дерево братъ-CV.ANT приближаться-CV.IPFV
jov-ad zü ol-žə av-na
ходить-CV.ANT иголка находить-CV.IPFV братъ-PRS
'Тогда дед пошел, взял дрова, возвращаясь, находит иглу'.
- (8) *ter züü-kän modən zaag-tə*
тот иголка-Р.REFL дерево интервал-DAT

- xatxə-čk-na*
жалить-COMPL-PRS
‘Эту иглу он в бревно [= в щель] воткнул’.
- (9) *ger-t-än* *ir-äd*
дом-DAT-P.REFL приходит-CV.ANT
emgə-n-d-än *kel-nä*
бабушка-EXT-DAT-P.REFL говорить-PRS
‘Придя домой, говорит своей старухе:’
- (10) *emgə-n* *emgə-n* *mod-an*
бабушка-EXT бабушка-EXT дерево-P.REFL
buu-lv-žə *av-∅* *züü-vän*
спускаться-CAUS-CV.IPFV брат-IMP иголка-P.REFL
buu-lv-žə *av-∅*
спускаться-CAUS-CV.IPFV брат-IMP
‘«Бабка, бабка, сгрузи свои дрова, возьми иглу»’.
- (11) *emgə-n* *mod-an* *buu-lv-čk-ad*
бабушка-EXT дерево-P.REFL спускаться-CAUS-COMPL-CV.ANT
züü-vän *xää-nä* *xää-nä* *ol-žə*
иголка-P.REFL искать-PRS искать-PRS находить-CV.IPFV
čad-x-šə
мочь-PC.FUT-NEG.PRS
‘Бабка разгрузила дрова, ищет-ищет иголку, не может найти’.
- (12) *övg-n-äsən* *sur-na* *ol-žə*
старик-EXT-ABL.P.REFL просить-PRS находить-CV.IPFV
av-sən *züü-čən* *al'də* *bää-nä*
брат-PC.PST иголка-P.2SG где быть-PRS
‘Спрашивает старика: «Где игла, которую ты нашел?»’.
- (13) *säänär* *xä-∅* *ter* *modən* *zaag-tə*
хорошо искать-IMP тот дерево интервал-DAT
bää-nä
быть-PRS
‘«Ищи хорошо, она в дровах!»’
- (14) *tegäd* *övg-än* *uur-l-žə-na*
потом старик-P.REFL сердиться-PROG-PRS

jav-sən *kärg-tä* *övgə-n*
 что.делать-PC.PST глупость-ASSOC старик-EXT
büü-s-m-čə *ken zü*
 быть-PC.PST-COP.AFF-2SG кто иголка
tiig-žə *modə-n-də* *xatx-čə*
 делать.так-CV.IPFV дерево-EXT-DAT жалить-CV.IPFV
av-č *ir-də-m*
 братъ-CV.IPFV приходиться-PC.HAB-COP.AFF

‘Деда ругает: «Какой же ты глупый старик, кто так иглу в дерево втыкает и несет!»’

(15) *züü-gə* *maxla-d-an* *xatx-ad*
 иголка-ACC шапка-DAT-P.REFL жалить-CV.ANT
av-č *irə-də-m*
 братъ-CV.IPFV приходиться-PC.HAB-COP.AFF

‘«Иголку в шапку втыкают и несут!»’

(16) *tegäd* *maḥdurən^j* *xärü* *emgə-n* *modə*
 потом следующий.день назад бабушка-EXT дерево
avxul-xar³⁴ *övg-igə* *täv-žä-nä*
 братъ.CAUS-CV.PURP старик-ACC класть-PROG-PRS

‘На следующий день опять бабка посылает деда, чтобы он принес дров’.

(17) *övgə-n* *mod-an* *av-ad*
 старик-EXT дерево-P.REFL братъ-CV.ANT
xär-žə *ir-žə* *jov-ad*
 возвращаться-CV.IPFV приходиться-CV.IPFV ходить-CV.ANT
xaalv-d-an *neg sük* *ol-žə*
 дорога-DAT-P.REFL один топор находить-CV.IPFV
av-na
 братъ-PRS

‘Дед взял дров, возвращался домой, нашел на дороге топор’.

(18) *tegäd* *san-na* *oda* *emgə-n* *jumə*
 потом думать-PRS сейчас бабушка-EXT вещь
ol-žə *av-xlarn*
 находить-CV.IPFV братъ-CV.SUCC.P.REFL

³⁴ Возможно и *av-ul-xar* ‘братъ-CAUS-CV.PURP’.

maxla-d-an *xatx-ad* *av-čə*
 шапка-DAT-P.REFL жалить-CV.ANT братъ-CV.IPFV
ir-də-m *gi-вäd*
 приходитъ-PC.HAB-COP.AFF говорить-CV.ANT
ter sük-än *maxla-d-an* *xatx-na-v*
 тот топор-P.REFL шапка-DAT-P.REFL жалить-PRS-1SG
gi-вäd *maxla-ван* *šuuł-ad*
 говорить-CV.ANT шапка-P.REFL рвать-CV.ANT
tor-в-čk-na
 цепляться-CAUS-COMPL-PRS

‘Тогда он думает: «Старуха ведь говорила: «Когда что-то находят, приносят, воткнув в шапку», воткну-ка я этот топор в шапку», — сказал, порвал шапку и воткнул’.

(19) *tegäd* *ger-t-än* *ir-äd* *emgə-n^j*
 потом дом-DAT-P.REFL приходитъ-CV.ANT бабушка-P.3
mod-an *buu-лв-ad* *övgə-n*
 дерево-P.REFL спускаться-NMLZ-CV.ANT старик-EXT
tal-an *xälä-xlä* *övg-n-ä*
 сторона-P.REFL смотреть-CV.SUCC старик-EXT-GEN
maxla-də-n^j *sükə* *šavš-ad* *maxla-n^j*
 шапка-DAT-P.3 топор висеть-CV.ANT шапка-P.3
šuurxa *emgə-n^j* *uurł-ža-na*
 рванный бабушка-P.3 сердиться-PROG-PRS

‘Пришел домой, бабка дрова выгрузила, смотрит на деда, на шапке старика топор висит, его шапка порвана, бабка ругается’.

(20) *jamaran* *iimə* *genən* *övgə-n*
 какой такой наивный старик-EXT
bäü-s-m-č
 быть-PC.PST-COP.AFF-2SG
 ‘«Какой же ты тронутый старик!»’

(21) *ken* *tiig-žə* *sükə* *maxla-d-an*
 кто делать.так-CV.IPFV топор шапка-DAT-P.REFL
züü-žə *av-čə*
 прицеплять-CV.IPFV братъ-CV.IPFV
ir-də-m *zalu* *kü-n*
 приходитъ-PC.HAB-COP.AFF мужчина человек-EXT

sük-igə büs-d-än šavš-ul-ad
 топор-ACC пояс-DAT-P.REFL висеть-CAUS-CV.ANT
av-čə ir-də-m
 брать-CV.IPFV приходить-PC.HAB-COP.AFF
xavč-ad gi-nä
 зажимать-CV.ANT говорить-PRS

‘«Кто так топор вешает на шапку, мужики носят топор, зацепив за пояс, засовывают», говорит’.

(22) *tegäd maŋvdurtənⁱ övgə-nⁱ xärü*
 потом следующий.день старик-Р.3 назад
kar-ad jov-na
 выходить-CV.ANT ходить-PRS
 ‘На следующий день старик снова уходит’.

(23) *mod-an iür-äd ir-žə*
 дерево-P.REFL нести.на.себе-CV.ANT приходить-CV.IPFV
jov-ad xaalv-d-an neg bičkən
 ходить-CV.ANT дорога-DAT-P.REFL один маленький
noxa-n kičəg xarv-na
 собака-GEN щенок встречаться-PRS
 ‘Дрова на себе тащит, идет, по дороге встречает одну маленькую собаку, щенка’.

(24) *ter noxa-n kičəg-än emgə-n jumə-n*
 тот собака-EXT щенок-P.REFL бабушка-EXT вещь-EXT
ol-d-xla büs-d-än xavč-ad
 находить-PASS-CV.SUCC пояс-DAT-P.REFL зажимать-CV.ANT
av-čə ir-də-m
 брать-CV.IPFV приходить-PC.HAB-COP.AFF
gi-žə kel-lä gi-väd ter
 говорить-CV.IPFV говорить-REM говорить-CV.ANT тот
noxa-n kičəg büsə-d-än xool-as-nⁱ
 собака-GEN щенок пояс-DAT-P.REFL горло-ABL-P.3
av-ad xavčə-čk-na
 брать-CV.ANT зажимать-COMPL-PRS

‘Этого щенка... (думает): «Старуха говорила: «Если что-то найдется, то приносят прижав к поясу»», — взял щенка за шею, прижал к поясу’.

- (25) *tegäd ger-t-än ir-təl-n^j ter*
 потом дом-DAT-P.REFL приходить-CV.TERM-P.3 тот
noxa-n kičgə-n^j ük-čə od-na
 собака-GEN щенок-P.3 умереть-CV.IPFV уходить-PRS
 ‘Пока он до дома дошел, тот щенок сдох’.
- (26) *emgə-n^j xääkr-nä jamaran iimə genən*
 бабушка-P.3 кричать-PRS какой такой наивный
övgə-n bää-s-m-č
 старик-EXT быть-PC.PST-COP.AFF-2SG
 ‘Бабка кричит: «Какой же ты глупый дед!»’
- (27) *ken tiig-žə noxa-n kičəg*
 кто делать.так-CV.IPFV собака-GEN щенок
büs-d-än xavčə-žə av-čə
 пояс-DAT-P.REFL зажимать-CV.IPFV братъ-CV.IPFV
irə-də-m
 приходить-PC.HAB-COP.AFF
 ‘«Кто так щенка за пояс вешает и несет!»’
- (28) *noxa-n kičəg kič-kič gi-žə*
 собака-GEN щенок кич-кич говорить-CV.IPFV
duud-də-m
 звать-PC.HAB-COP.AFF
 ‘«Щенка подзывают “кич-кич”»’.
- (29) *tegäd maŋvdurtən^j övgə-n xärii*
 потом следующий.день старик-EXT назад
var-ad jov-na
 выходить-CV.ANT ходить-PRS
 ‘И на следующий день дед опять идет’.
- (30) *ir-žə jov-ad xaalv-də-n^j*
 приходить-CV.IPFV ходить-CV.ANT дорога-DAT-P.3
neg mör-tä kü-n xarv-na
 один лошадь-ASSOC человек-EXT встречаться-PRS
 ‘Когда он возвращался, на его пути встретился всадник’.
- (31) *tegäd emgə-n kel-s-är xaalv-də*
 потом бабушка-EXT говорить-PC.PST-INS дорога-DAT

<i>kü-n</i>	<i>харв-хла</i>	<i>ноха-н</i>	
человек-EXT	встречаться-CV.SUCC	собака-GEN	
<i>kičəg-lä</i>	<i>ädəl</i>	<i>kič-kič</i>	<i>gi-žə</i>
щенок-COM	равный	кич-кич	говорить-CV.IPFV
<i>duud-də-m</i>		<i>gi-кäd</i>	<i>ter</i>
звать-PC.HAB-COP.AFF		говорить-CV.ANT	тот
<i>mör-tä</i>	<i>küü-gə</i>	<i>duud-ad</i>	<i>ter</i>
лошадь-ASSOC	человек-ACC	звать-CV.ANT	тот
<i>mör-tä</i>	<i>kü-n^j</i>	<i>bol-хла</i>	
лошадь-ASSOC	человек-Р.3	становиться-CV.SUCC	
<i>övg-igə</i>	<i>šavd-žə</i>	<i>šavd-žə</i>	<i>täv-nä</i>
старик-ACC	хлестать-CV.IPFV	хлестать-CV.IPFV	класть-PRS

‘Потом, согласно тому, как говорила бабка, — если встретишь кого на пути, то зови его как щенка «кич-кич», — позвал того всадника, а всадник тот деда сильно исхлестал’.

(32)

<i>tegäd</i>	<i>ger-t-än</i>	<i>övgə-n</i>	<i>ärä</i>
потом	дом-DAT-P.REFL	старик-EXT	с.трудом
<i>kii-tä</i>	<i>ir-äd</i>		
воздух-ASSOC	приходить-CV.ANT		
<i>emgə-n-d-än</i>	<i>kel-nä</i>		
бабушка-EXT-DAT-P.REFL	говорить-PRS		
<i>tiig-äd</i>	<i>хаалв-дэ</i>	<i>mör-tä</i>	<i>zalu</i>
делать.так-CV.ANT	дорога-DAT	лошадь-ASSOC	мужчина
<i>харв-ad</i>	<i>bi</i>	<i>ter</i>	<i>zalu-gə</i>
встречаться-CV.ANT	я.NOM	тот	мужчина-ACC
<i>ноха</i>	<i>kevtä</i>	<i>duud-ad</i>	<i>ter</i>
собака	подобно	звать-CV.ANT	тот
<i>bij-m</i>	<i>šavd-ž</i>	<i>šavd-ž</i>	
тело-Р.1SG	хлестать-CV.IPFV	хлестать-CV.IPFV	
<i>ab-va</i>	<i>gi-nä</i>		
брать-PST.EMPH	говорить-PRS		

‘Еле-еле подавая признаки жизни [= еле с воздухом], пришел дед домой, говорит бабке: «На дороге я встретил мужика на лошади, я позвал того мужика как собаку, тот мужик меня исхлестал», — говорит’.

(33)

<i>tegäd</i>	<i>emgə-n^j</i>	<i>xärii</i>	<i>uurl-žə-na</i>
потом	бабушка-Р.3	назад	сердиться-PROG-PRS

- övg-än*
старик-Р.REFL
'Бабка опять ругает деда'.
- (34) *jamaran iimə genən övgə-n*
какой такой наивный старик-EXT
bää-s-m-č
быть-РС.PST-COP.AFF-2SG
'Какой же ты дурной дед!'
- (35) *ken tiig-äd mör-tä küii-gə*
кто делать.так-CV.ANT лошадь-ASSOC человек-ACC
duud-də-m
звать-РС.HAB-COP.AFF
'Кто же так зовет всадника!'
- (36) *mana-вur ir-äd mana-вur*
мы.GEN-DIR приходить-CV.ANT мы.GEN-DIR
jov-ad xalun cä uu-tn
ходить-CV.ANT жаркий чай пить-IMP.PL
gi-žə kel-də-m
говорить-CV.IPFV говорить-РС.HAB-COP.AFF
'«К нам приходите, к нам, и горячего чаю выпейте!» —
говорят'.
- (37) *tegäd övgə-n^j xärii maᅇdurtən^j*
потом старик-Р.3 назад следующий.день
вар-ad jov-na
выходить-CV.ANT ходить-PRS
'На следующий день старик снова идет'.
- (38) *xär-žə ir-žə jov-ad*
возвращаться-CV.IPFV приходить-CV.IPFV ходить-CV.ANT
xaalv-d-an neg čon харv-na
дорога-DAT-P.REFL один волк встречаться-PRS
'Когда возвращался, на дороге встречается волк'.
- (39) *ter čon-igə mana-вur od-ad xalun*
тот волк-ACC мы.GEN-DIR уходить-CV.ANT жаркий

- cä* *uu-xə-m* *gi-žä-nä*
чай пить-PC.FUT-COP.AFF говорить-PROG-PRS
‘Тому волку говорит: «Пойдемте к нам пить горячий чай!»’
- (40) *čonə* *med-dəg* *arvə* *uga* *tegäd*
волк знать-PC.HAB способность NEG.COP потом
övg-n-ä *ard-asə* *köö-ld-äd*
старик-EXT-GEN зад-ABL прогнать-RECP-CV.ANT
övgə-n *ger* *kürtl-än* *güü-žə*
старик-EXT дом до -P.REFL бежать-CV.IPFV
ir-äd *köš-äd*
приходить-CV.ANT уставать-CV.ANT
orə-n-dər *var-ad* *ätə-n^j*
кровать-EXT-поверхность выходить-CV.ANT жизнь-P.3
var-čə *od-na*
выходить-CV.IPFV уходить-PRS
‘Волк не может понять (о чем дед говорил), погнался за дедом, дед до дома бежал, устал, забрался на кровать и испустил дух [= его жизнь ушла]’.

13. Курица (13_kurica) Нина Манжеевна Патаева

- (1) *xal'məg* *doməg*
калмыцкий легенда
‘Калмыцкая легенда’.
- (2) *xovdəg* *emgən*
жадность бабушка-EXT
‘Жадная старуха’.
- (3) *kezänä* *bää-žə* *neg* *kögšən* *emgə-n* *or*
раньше быть-EVD один старый бабушка-EXT совсем
вансəхəп *neg* *borə* *соохəр* *taka-ta*
одинокий один серый пестрый курица-ASSOC
bää-žə
быть-EVD
‘Давным-давно жила совсем одна старая бабка, была у нее одна серая рябая курица’.

- (4) *ter emgə-n bol-xla örii-n*
 тот бабушка-EXT становиться-CV.SUCC утро-EXT
bolʁən taka-ʁan xotl-ad
 каждый курица-P.REFL кормить-CV.ANT
cad-tlə-n^j xotə-n^j ög-äd usə-n^j
 наестся-CV.TERM-P.3 еда-P.3 дать-CV.ANT вода-P.3
ög-äd neʒ-äd öndəg taka-n^j
 дать-CV.ANT один-DISTR яйцо курица-P.3
öndgəl-ʒə ög-dəg bää-ʒə
 нестись-CV.IPFV дать-PC.HAB быть-EVD
 ‘Та бабка каждое утро кормила свою курицу, досыта давала еду, поила, а курица несла по одному яичку’.

- (5) *nevčkə bää-ʒü-ʁäd emgə-n xovdəg*
 немного быть-PROG-CV.ANT бабушка-EXT жадность
sedkəl züü-ʁäd en taka-gə xotə-n^j
 мысль прицеплять-CV.ANT этот курица-ACC еда-P.3
ikär sac-ad ödər bolʁən ög-xlägə
 сильно бросать-CV.ANT день каждый дать-CV.SUCC2
nan-də xoʒad bolnu ʁurv-ad öndəg
 я-DAT по.два возможно три-DISTR яйцо
ʁar-ʁ-ʒə ögə-vzä gi-ʁäd ter
 выходить-CAUS-CV.IPFV дать-APPR говорить-CV.ANT тот
xovdəg sedkəl züü-ʁäd taka-ʁan
 жадность мысль прицеплять-CV.ANT курица-P.REFL
bord-na
 откармливать-PRS

‘Немного спустя старуха вцепилась в жадную мысль: «Если каждый день буду я много разбрасывать зерна [= еду], мне она, может, будет приносить по два или три яйца», — такую жадную мысль имея, курицу откармливает’.

- (6) *örii-n bolʁən xotə-n^j nem-äd xojr*
 утро-EXT каждый еда-P.3 добавлять-CV.ANT два
ʁurvən aavə sac-ad ög-äd
 три чашка бросать-CV.ANT дать-CV.ANT
durə-n-də-n^j xotə-n ög-äd^j
 желание-EXT-DAT-P.3 еда-P.3 дать-CV.ANT

bord-ad *bää-nä*
откармливать-CV.ANT быть-PRS
‘Каждое утро добавляет еды, две-три чашки разбрасывает,
пищу дает по желанию, откармливает’.

(7) *iigžə* *tiig-žä-väd* *taka-n^j*
так делать.так-PROG-CV.ANT курица-Р.3
tarɣl-ad *törüic* *öndəgəl-dg-än*
толстеть-CV.ANT совсем нестись-РС.НАВ-Р.REFL
uur-na
переставать-PRS
‘Она так и делала, а курица толстела и совсем перестала
нести яйца’.

(8) *tegäd* *xovdæg* *emgə-n* *törüic* *öndæg*
потом жадность бабушка-EXT совсем яйцо
uga *üld-nä*
NEG.COP оставаться-PRS
‘Так жадная бабка совсем осталась без яиц’.

14. Хитрый мужик (14_xitryj_muzhik)

Александра Борисовна Хулхачиева

- (1) *kezänä* *bää-žə* *neg* *bajə-n* *bää-žə*
раньше быть-EVD один богач-EXT быть-EVD
‘Жил-был один богатый’.
- (2) *ter* *bajə-n* *tedü* *düŋgä* *xatučə* *bää-žə*
тот богач-EXT столько как скряга быть-EVD
küü-n-də *id-sən* *xot-an*
человек-EXT-DAT есть-РС.PST еда-Р.REFL
üz-ül-dæg *bää-žə*
видеть-CAUS-РС.НАВ быть-EVD
‘Этот богач был настолько скупой, что никому
не показывал, что он ест’.
- (3) *neg* *däkčə* *neg* *zalu* *iig-žä-nä*
один раз один мужчина делать.так-PROG-PRS
‘Однажды один мужчина так сделал’.

- (4) *ter övg-n-ä id-sən хотә-n^j*
 тот старик-EXT-GEN есть-PC.PST еда-Р.3
iiz-xә-šә bi küiikә-n^j
 видеть-PC.FUT-NEG.PRS я.NOM девочка-Р.3
bula-ž av-x-u gi-žä-nä
 вырывать-CV.IPFV братъ-PC.FUT-1SG говорить-PROG-PRS
 ‘«Я не только увижу, как старик ест, но и возьму его дочь»,
 — говорит»³⁵.
- (5) *xä jir tiimә jumә-n*
 едва.ли очень такой вещь-EXT
bää-dә-m bišә gi-вäd
 быть-PC.HAB-COP.AFF NEG.PRS говорить-CV.ANT
äm-tән ter zalu-вар naadә
 жизнь-ASSOC.COLL тот мужчина-INS игра
bärә-v
 держать-PST
 ‘«Вряд ли, быть такого не может», — смеялись [= держали
 игру] над тем мужиком люди’.
- (6) *neg asxә-n ter zalu хатуцә bajә-n-a*
 один вечер-EXT тот мужчина скряга богач-EXT-GEN
xotә-n tal ir-äd
 деревня-EXT сторона приходить-CV.ANT
bult-ad terz-är-n^j šava-žә-na
 прятаться-CV.ANT окно-INS-Р.3заглядывать-PROG-PRS
 ‘Однажды вечером тот мужик пришел в село скупого
 богача, спрятавшись, подглядывает в окно’.
- (7) *šava-вad bää-tl хатуцә bajnәхән*
 заглядывать-CV.ANT быть-CV.TERM скряга богатые
sö әm-tән unt-xlagә
 ночь жизнь-ASSOC.COLL спать-CV.SUCC2
ekl-äd хот-an id-žä-nä
 начинать-CV.ANT еда-Р.REFL есть-PROG-PRS
 ‘Подглядывал до ночи, когда люди уснули и скупые богачи
 начали есть свою еду’.

³⁵ Значение «не только... (но и)» передается отрицательной связкой настоящего времени *bišә/-šә*

- (8) *xot-an id-žä-вäd küükə-n^j boorcəg*
 еда-Р.REFL есть-PROG-CV.ANT девочка-Р.3 борцог
ke-žä-nä
 делать-PROG-PRS
 ‘Едят еду, дочка делает борцог’.
- (9) *emgə-n^j küükə-n^j boorcəg ke-žä-nä*
 бабушка-Р.3 девочка-Р.3 борцог делать-PROG-PRS
emgə-n^j саган махə žurв-ul-žə-na
 бабушка-Р.3 белый мясо проникать-CAUS-PROG-PRS
a övgə-n bol-xlagə хөө-n-ä
 а старик-EXT становится-CV.SUCC2 овца-EXT-GEN
tolва ke-žä-nä
 голова делать-PROG-PRS
 ‘Старуха... Дочь делает борцог, старуха делает колбасу/цаган-махн³⁶, старик тем временем готовит овечью голову’.
- (10) *övgə-n xälä-čк-äd ter zalu*
 старик-EXT смотреть-COMPL-CV.ANT тот мужчина
or-ad küр-č irə-v
 входить-CV.ANT достигать-CV.IPFV приходить-PST
 ‘Старик увидел, что тот мужик подошел’.
- (11) *or-žə ir-äd mendəvt*
 входить-CV.IPFV приходить-CV.ANT здравствуйте
gi-žä-nä tedn хорта-вaгн
 говорить-PROG-PRS они подол-INS.Р.REFL
bult-ul-čкə-v хот-an
 прятаться-CAUS-COMPL-PST еда-Р.REFL
 ‘Вошел, говорит «Здравствуйте!», они спрятали еду под подол’.
- (12) *bult-ul-čк-ad iig-äd*
 прятаться-CAUS-COMPL-CV.ANT делать.так-CV.ANT
suu-na esə med-səп bol-ad
 сидеть-PRS NEG знать-РС.PST становится-CV.ANT
 ‘Спрятали, сидят как ни в чем не бывало [= став не знающими]’.
- (13) *ter zalu suu-na suu-na хатуčə*
 тот мужчина сидеть-PRS сидеть-PRS скряга

³⁶ Цаган-махн — мясо, жир и специи в кишке.

- bajnəxən suu-na ä var-x-šə*
богатые сидеть-PRS звук выходить-PC.FUT-NEG.PRS
'Тот мужчина сидит-сидит, скупые богачи молча сидят'.
- (14) *tiig-xlägə tedən enə zalu jov-žə*
делать.так-CV.SUCC2 они этот мужчина ходить-CV.IPFV
ög-š-go³⁷ kevtä gi-väd
дать-PC.FUT-NEG.COP кажется говорить-CV.ANT
dotr-an san-čk-ad iig-nä
внутренность-P.REFL думать-COMPL-CV.ANT делать.так-PRS
'Так они подумали, что, наверное, этот мужик нескоро уйдет'.
- (15) *ter zalu tiig-žä-xlärn*
тот мужчина делать.так-PROG-CV.SUCC.P.REFL
iig-äd san-na
делать.так-CV.ANT думать-PRS
'Тот мужик тоже думает'.
- (16) *en xatučə bajnəxən nan-də enə xot-an*
этот скряга богатые я-DAT этот еда-P.REFL
iiz-ül-š-go
видеть-CAUS-PC.FUT-NEG.COP
'«Эти скупые богачи мне еду не покажут»'.
- (17) *sö bos-ad iig-nä bi tadn*
ночь вставить-CV.ANT делать.так-PRS я.NOM вы
tal jov-žə jov-xlagə
сторона ходить-CV.IPFV ходить-CV.SUCC2
xaalb-də-m enə emgə-n-ä xorma
дорога-DAT-P.1SG этот бабушка-EXT-GEN подол
dotər-kə savan maxə-n-la ädəl
внутренность-ADJ белый мясо-EXT-COM равный
това харкə-v gi-žä-nä
змея встречаться-PST говорить-PROG-PRS
'Наступила ночь; «Когда я шел к вам, по дороге
встретилась змея, похожая на цаган-махн под подолом у этой
бабки», — говорит он'.

³⁷ Бенефактивное значение сложного глагола, т. е. 'не уйдет для нас, не доставит нам удовольствие своим уходом'.

- (18) *ter övg-n-ä xorma dor-kə bää-sn*
 тот старик-EXT-GEN подол низ-ADJ быть-PC.PST
tolka ädəl čolu av-ad šiv-äd
 голова равный камень брать-CV.ANT бросать-CV.ANT
ork-xla-m ter küük-n-ä xorma
 класть-CV.SUCC-P.1SG тот девочка-EXT-GEN подол
dor-kə boorcəg kevtä tar-ad
 низ-ADJ борцог подобно расходиться-CV.ANT
šov-žə od-va gi-nä
 ходить-CV.IPFV уходить-PST.EMPH говорить-PRS
 ‘«Я взял камень, как голова под подолом у старика, и кинул
 (в змею), (и змея) рассыпалась, как борцог под подолом у этой
 девушки», — говорит’.
- (19) *nä tiig-xlä tiig-xlägə*
 хорошо делать.так-CV.SUCC делать.так-CV.SUCC2
avə uga xatučə bajnəxən neg
 способность NEG.COP скряга богатые один
neg-än xälä-čk-äd suu-na
 один-P.REFL смотреть-COMPL-CV.ANT сидеть-PRS
gils-gils gi-вäd
 вниз говорить-CV.ANT
 ‘Ну, тогда, делать нечего, скупые богачи друг на друга
 посмотрели, сидят, потупив глаза’.
- (20) *nä unt-xə-m oda*
 хорошо спать-PC.FUT-COP.AFF сейчас
gi-lđ-žä-nä
 говорить-RECP-PROG-PRS
 ‘«Ну, теперь давайте спать», — говорят’.
- (21) *ter zalu-də orm-də-nⁱ orəndəg*
 тот мужчина-DAT место-DAT-P.3 постель
delgə-žə ög-äd
 расстилать-CV.IPFV дать-CV.ANT
 ‘Тому мужику постелили постель в этом месте’.
- (22) *bijə-s-nⁱ xatučə bajnəxən kevt-nä*
 тело-PL-P.3 скряга богатые лежать-PRS
 ‘Скупые богачи сами лежат’.

- (23) *unt-ʒa-ʋad* *xatučə* *bajən* *emgə-n^j*
 спать-PROG-CV.ANT скряга богатый бабушка-Р.3
tülk-nä
 толкать-PRS
 ‘Спят, скупой богач толкает бабу’.
- (24) *emgə-n* *emgə-n* *gisəṁ* *xarʋn-ad*
 бабушка-EXT бабушка-EXT желудок голодать-CV.ANT
ög-čä-nä
 дать-PROG-PRS
 ‘«Бабка, бабка, я умираю с голоду [= желудок голодает]!»’
- (25) *enə* *zalu* *madən-də* *xotə* *üld-sən*
 этот мужчина мы-DAT еда оставаться-PC.PST
uga *gi-nä*
 NEG.COP говорить-PRS
 ‘«Этот мужик не дал нам поесть [= еды нам не оставил]», —
 говорит’.
- (26) *nä* *tüig-xlägə* *jaa-xə-m*
 хорошо делать.так-CV.SUCC2 что.делать-PC.FUT-COP.AFF
bol-xə-m *oda*
 становится-PC.FUT-COP.AFF сейчас
 ‘«Ну, что же теперь делать?»’
- (27) *či* *joṽ-ad* *od-ad* *ödməg*
 ты.NOM ходить-CV.ANT уходить-CV.ANT хлеб
av-ad *irə-∅*
 брат-CV.ANT приходить-IMP
 ‘«Иди, принеси хлеб»’.
- (28) *xalun* *ödməg* *gi-ʒä-nä*
 жаркий хлеб говорить-PROG-PRS
 ‘«Горячий хлеб», — говорит’.
- (29) *nä* *joṽ-ad* *ʋar-ad* *ödməg*
 хорошо ходить-CV.ANT выходить-CV.ANT хлеб
av-ad *xalun* *ödməg* *xavtxə-t-an*
 брат-CV.ANT жаркий хлеб карман-DAT-P.REFL
dür-čk-äd *or-ad* *tüŋg-i-n^j*
 класть-COMPL-CV.ANT входить-CV.ANT тот-ACC-P.3

- odakə zalu soŋs-čkə-žə*
 тот.самый мужчина слушать-COMPL-EVD
 ‘Ну, вышла, взяла хлеб, горячий хлеб положила в карман, вошла, все это услышал тот самый мужик’.
- (30) *soŋs-čk-ad iig-žä-nä*
 слушать-COMPL-CV.ANT делать.так-PROG-PRS
 ‘Услышав, так делает’.
- (31) *nä av-čə ir-ü-čə*
 хорошо брать-CV.IPFV приходить-PST-2SG
gi-вäd ter emgə-n^j övg-n-äsə
 говорить-CV.ANT тот бабушка-P.3 старик-EXT-ABL
türül-äd od-ad
 быть.впереди-CV.ANT уходить-CV.ANT
sur-žä-na
 просить-PROG-PRS
 ‘«Ну что, принесла?» — спрашивает у бабки, опередив деда’.
- (32) *terü-вän av-čə av-čə irə-v*
 тот-P.REFL брать-CV.IPFV брать-CV.IPFV приходить-PST
av-čə irə-v
 брать-CV.IPFV приходить-PST
 ‘Этот принесла, принесла, принесла’.
- (33) *asə gi-вäd ter zalu*
 дай говорить-CV.ANT тот мужчина
id-čk-vä ter ödməg-i-n^j
 есть-COMPL-PST.EMPH тот хлеб-ACC-P.3
 ‘«Дай», — говорит тот мужик и съел этот хлеб’.
- (34) *övgə-n^j däkäd caaran jov-xla övgə-n^j*
 старик-P.3 еще дальше ходить-CV.SUCC старик-P.3
odakə jum-an asə gi-žä-nä
 тот.самый вещь-P.REFL дай говорить-PROG-PRS
 ‘Старик ... еще раз сходила, дед говорит: «Дай-ка это»’.
- (35) *инва-čk-u-v ??³⁸ gi-xlä*
 падать.CAUS-COMPL-PST-1SG говорить-CV.SUCC

³⁸ Слово невозможно разобрать.

- av-sən uga-v*
 брать-PC.PST NEG.COP-PST
 ‘«Уронила» ... не получил’.
- (36) *nä oda enə zalu jir*
 хорошо сейчас этот мужчина очень
mek-tä bää-žə madn-igə
 хитрость-ASSOC быть-EVD мы-ACC
mekəl-čkə-v gi-väd emgə-n
 обмануть-COMPL-PST говорить-CV.ANT бабушка-EXT
övğə-n xojər xärii kevt-nä
 старик-EXT два назад лежать-PRS
 ‘«Ну, этот мужик оказался хитрым, нас перехитрил», — старуха и старик легли обратно’.
- (37) *nä oda enə zalu-gə neg jumə*
 хорошо сейчас этот мужчина-ACC один вещь
ke-xə kerg-tä enə kišvā
 делать-PC.FUT дело-ASSOC этот вредный
zalu-də-čən
 мужчина-DAT-PCL.CONC
 ‘Ну, теперь этого мужика... что-то надо делать с этим вредным мужиком’.
- (38) *mör-i-n^j av-ad enə zalu-n*
 лошадь-ACC-P.3 брать-CV.ANT этот мужчина-GEN
vosə-n^j šat-a-čk-xə-m
 сапоги-P.3 гореть-CAUS-COMPL-PC.FUT-COP.AFF
gi-nä
 говорить-PRS
 ‘Взяли его лошадь... «Давай, — говорит, — сожжем сапоги этого мужика»’.
- (39) *vosə-n^j šat-a-čk-xə-m*
 сапоги-P.3 гореть-CAUS-COMPL-PC.FUT-COP.AFF
gi-xlägə zalu sō bos-ad
 говорить-CV.SUCC2 мужчина ночь вставить-CV.ANT
evr-änn^j vos-an baj-n-a öörə
 сам-GEN.P.3 сапоги-P.REFL богач-EXT-GEN близость

- täv-äd baj-n-a vos-igə evr-änn^j*
 класть-CV.ANT богач-EXT-GEN сапоги-ACC сам-GEN.P.3
öörə täv-čk-vä
 близость класть-COMPL-PST.EMPH
 ‘«Давай сожжем его сапоги», — сказали; мужик — наступила ночь — свои сапоги около богача поставил, а сапоги богача возле себя поставил’.
- (40) *enə mör-i-n^{β9} nükə-n-də*
 этот лошадь-ACC-P.3 яма-EXT-DAT
unba-čk-xə-m gi-nä
 падать.CAUS-COMPL-PC.FUT-COP.AFF говорить-PRS
 ‘«Его лошадь бросим в яму», — говорит’.
- (41) *nükə-n-də unba-čk-xə-m*
 яма-EXT-DAT падать.CAUS-COMPL-PC.FUT-COP.AFF
gi-xlägə ter zalu kel-nä
 говорить-CV.SUCC2 тот мужчина говорить-PRS
 ‘Когда хотели бросить в яму, мужик говорит:’
- (42) *mör-än savan... xarə baj-n-a*
 лошадь-P.REFL белый черный богач-EXT-GEN
mör-igə savan vujr-ar bud-ad
 лошадь-ACC белый мука-INS красить-CV.ANT
evr-änn^j mör-än xarə jum-bar
 сам-GEN.P.3 лошадь-P.REFL черный вещь-INS
köör-är bud-ad täv-čk-nä
 сажа-INS красить-CV.ANT класть-COMPL-PRS
 ‘Лошадь в белый... Черную лошадь богача перекрашивает мукой в белый цвет, свою лошадь черной чем.... сажей перекрашивает’.
- (43) *örü-n bajə-n bos-ad kel-žä-nä*
 утро-EXT богач-EXT вставать-CV.ANT говорить-PROG-PRS
 ‘Утром богач встал и говорит:’
- (44) *nä oda čini vosə-n-čən enə*
 хорошо сейчас ты.GEN сапоги-EXT-P.2SG этот

³⁹ Перед *mörin^j* по ошибке сказано еще *zalu-n^j* ‘мужчина-P.3SG’.

- zalu uga gi-žä-nä*
 мужчина NEG.COP говорить-PROG-PRS
 ‘Похоже, мужик, твоих сапог нет!» — говорит’.
- (45) *aj vosə-m enə bää-nä gi-вäd*
 ай сапоги-P.1SG этот быть-PRS говорить-CV.ANT
öms-äd av-čкə-v
 надеть-CV.ANT брать-COMPL-PST
 ‘Ай, вот они мои сапоги», — говорит, и надел’.
- (46) *däkäd mörə-n-čən tendə uga kevtä*
 еще лошадь-EXT-P.2SG там NEG.COP кажется
gi-xlä
 говорить-CV.SUCC
 ‘Еще нет твоей лошади там, кажется», — сказал’
- (47) *aj mörə-m mini enə bää-nä*
 ай лошадь-P.1SG я.GEN этот быть-PRS
gi-вäd jав-ad хатуцə
 говорить-CV.ANT что.делать-CV.ANT скряга
байə-n evr-änn^j mör-än худəг-tə
 богач-EXT сам-GEN.P.3 лошадь-P.REFL колодец-DAT
инка-čкə-žə
 падать.CAUS-COMPL-EVD
 ‘Ай, моя лошадь вот она», — говорит. Как так? Скупой богач, оказывается, свою лошадь кинул в колодец’.
- (48) *tüg-äd oda аркə uga*
 делать.так-CV.ANT сейчас способность NEG.COP
вар-ad jov-žə-na
 выходить-CV.ANT ходить-PROG-PRS
 ‘Так что делать нечего, выходит’.
- (49) *emgə-n-d-än kel-žä-nä*
 бабушка-EXT-DAT-P.REFL говорить-PROG-PRS
 ‘Говорит бабке:’
- (50) *nä bi oda jov-žə-na-v*
 хорошо я.NOM сейчас ходить-PROG-PRS-1SG
adu-n tal-an či enü-n-də
 табун-EXT сторона-P.REFL ты.NOM этот-EXT-DAT

- bää-žä-Ø* *gi-žä-nä*
 быть-PROG-IMP говорить-PROG-PRS
 ‘Ну, я сейчас иду к табуну, а ты побудь здесь», — говорит’.
- (51) *tüig-xlägə* *šov-žə* *šov-ad*
 делать.так-CV.SUCC2 ходить-CV.IPFV ходить-CV.ANT
ter zalu *güü-žə* *od-ad*
 тот мужчина бежать-CV.IPFV уходить-CV.ANT
kel-nä
 говорить-PRS
 ‘Таким образом пошел, тот мужик побежал и говорит:’
- (52) *aavə aavə enə kiiükə-n-čən* *mini*
 дед дед этот девочка-EXT-P.2SG я.GEN
tašmägə-m *av-čk-ad*
 плетка-P.1SG братъ-COMPL-CV.ANT
ög-čä-x-šə *gi-nä*
 дать-PROG-PC.FUT-NEG.PRS говорить-PRS
 ‘Дедушка, дедушка, твоя дочь мою плетку взяла и не отдает’.
- (53) *tüig-xlägə* *ter övgə-n*
 делать.так-CV.SUCC2 тот старик-EXT
emgə-n-d-än *xääkər-nä*
 бабушка-EXT-DAT-P.REFL кричать-PRS
 ‘Тогда дед крикнул своей бабке’.
- (54) *a emgə-n-də* *kel-nä*
 а бабушка-EXT-DAT говорить-PRS
ir-čk-äd
 приходить-COMPL-CV.ANT
 ‘А (мужик) старухе говорит, придя’.
- (55) *aavə nämägə kiiük-än* *avə-Ø*
 дед я.ACC девочка-P.REFL братъ-IMP
gi-žə *kel-lä* *gi-žä-nä*
 говорить-CV.IPFV говорить-REM говорить-PROG-PRS
 ‘Дед сказал мне: «Возьми дочь», — говорит’.
- (56) *emgə-n^j* *iig-nä* *jä jovdsən*
 бабушка-P.3 делать.так-PRS ой прохожий

zalu-də *küük-än* *ög-dəg* *jamaran*
 мужчина-DAT евочка-P.REFL дать-PC.HAB какой
övgə-n *bol-xə-m* *enčən*
 старик-EXT становиться-PC.FUT-COP.AFF этот
gi-вäd *bij-än* *taš-ad*
 говорить-CV.ANT тело-P.REFL хлопать-CV.ANT
xäükr-äd *kevt-nä* *emgə-n*
 кричать-CV.ANT лежать-PRS бабушка-EXT

‘Старуха так (говорит): «Ой! Что это за дед такой, который прохожему мужику отдает дочь», — та себя бьет по лицу и долго кричит, старуха’.

(57) *tend-äsə-nⁱ* *däkäd* *ter* *zalu* *xäükr-nä*
 там-ABL-P.3 еще тот мужчина кричать-PRS
aavə enčən *ög-čä-x-šə* *gi-nä*
 дед этот дать-PROG-PC.FUT-NEG.PRS говорить-PRS
 ‘А оттуда кричит мужик: «Дед, она не отдает!» — говорит’.

(58) *ögə-Ø* *gi-nä-v* *gi-вäd*
 дать-IMP говорить-PRS-1SG говорить-CV.ANT
xäükr-äd *tend-äsə-nⁱ* *övgə-n* *xäükr-xlä*
 кричать-CV.ANT там-ABL-P.3 старик-EXT кричать-CV.SUCC
emgə-n *äü-вäd* *ög-čk-nä*
 бабушка-EXT бояться-CV.ANT дать-COMPL-PRS
 ‘Отдай, говорю», — кричит (дед), когда оттуда прокричал старик, бабка, испугавшись, отдала’.

(59) *tiig-äd* *ter* *mek-tä* *zalu*
 делать.так-CV.ANT тот хитрость-ASSOC мужчина
xatučə *bajn-igə* *id-sən* *xotə-nⁱ*
 скряга богатый-ACC есть-PC.PST еда-P.3
iiz-xə-šə *küükə-nⁱ* *bula-ž*
 видеть-PC.FUT-NEG.PRS девочка-P.3 вырывать-CV.IPFV
avə-v
 брать-PST

‘Таким образом хитрый мужик у скупого богача не только еду увидел, но и дочь отнял’.

(60) *вот такая сказка*
 ‘Вот такая сказка’.

15. Черт (15_chjort)
Феликс Саналович Шарваев

- (1) *kezänä neg cag-tə neg äŋgə-otəg-tə ekə*
раньше один время-DAT один род-клан-DAT мать
kövü-n xojr bää-dəg bää-žə
мальчик-EXT два быть-РС.НАВ быть-EVD
'Давным-давно в одном роде жили мать и сын'.
- (2) *ugat'a örkə bülə bol-žə*
бедный семейство семья становится-EVD
'Они были бедной семьей'.
- (3) *neg ükər-tä ter ükr-än saa-ƿad*
один корова-ASSOC тот корова-P.REFL доить-CV.ANT
üs-ärə-n^j äärän-gižə ges-än
молоко-INS-P.3 еле-еле живот-P.REFL
težä-ƿäd bää-dəg žirk-žə
кормить-CV.ANT быть-РС.НАВ существовать-EVD
'У них была одна корова, они доили эту корову и молоком
еле-еле могли накормить себя [= накормить живот]'.
- (4) *neg däkčə kövü-n berə*
один раз мальчик-EXT сноха
or-ul-žə av-čə
входить-CAUS-CV.IPFV братъ-EVD
'Однажды сын привел невесту'.
- (5) *ger-t-än av-čə ir-čk-äd*
дом-DAT-P.REFL братъ-CV.IPFV приходить-COMPL-CV.ANT
ter küükə-n^j ek-tə-n^j jir
тот девочка-P.3 мать-DAT-P.3 очень
taasə-gd-žə
одобрять-PASS-EVD
'Когда он привел ее домой, эта девушка очень понравилась
матери'.
- (6) *tegäd xamdan neg ger-tə bää-ƿäd*
потом вместе один дом-DAT быть-CV.ANT
'Потом, жили вместе в одном доме'.

- (7) *ter ger-tə üsə-n dala bol-ad*
 тот дом-DAT молоко-EXT много становится-CV.ANT
tosə-n dala bol-ad ter berə
 масло-EXT много становится-CV.ANT тот сноха
xojr kövü-d kar-в-ad
 два мальчик-PL выходить-CAUS-CV.ANT
 ‘В этом доме стало много молока, стало много масла, эта невестка родила двух сыновей’.
- (8) *berə xadəm-ek-t-än iigžə*
 сноха по.супругу-мать-DAT-P.REFL так
kel-dəg bää-žə
 говорить-PC.HAB быть-EVD
 ‘Невеста говорила своей свекрови так:’
- (9) *tadən nāmägə tolka-ван ива-хлагə*
 вы я.ACC голова-P.REFL мыть-CV.SUCC2
ger-t-äsən jov-tən tadən nāmägə
 дом-DAT-ABL.P.REFL ходить-IMP.PL вы я.ACC
ükər saa-xla ger-t-äsən
 корова доить-CV.SUCC дом-DAT-ABL.P.REFL
jov-tən
 ходить-IMP.PL
 ‘Когда я мою голову, вы выходите из дома, когда дою корову, вы выходите из дома’.
- (10) *tegäd arvə-n xojr žil-də ekə-nⁱ*
 потом десять-EXT два год-DAT мать-P.3
ger-t-äsən kar-ad jov-dəg
 дом-DAT-ABL.P.REFL выходить-CV.ANT ходить-PC.HAB
bää-žə
 быть-EVD
 ‘Потом 12 лет мать выходила из дома’.
- (11) *neg dākčə ekə-nⁱ šuukr-ad*
 один раз мать-P.3 вздохать-CV.ANT
kövü-n-d-än kel-žə üdə-č
 мальчик-EXT-DAT-P.REFL говорить-CV.IPFV уходить-EVD
 ‘Однажды мать, вздыхая, спросила сына:’

- (12) *däkäd arvə-n xojr žil-də äm-də*
еще десять-EXT два год-DAT жизнь-DAT
bäü-xlä bi tiig-äd güü-вäd
быть-CV.SUCC я.NOM делать.так-CV.ANT бежать-CV.ANT
bäü-x-mə
быть-PC.FUT-P.1SG
‘«Если я проживу еще 12 лет, мне нужно будет так же бегать?»’
- (13) *neg däkčə bi xälä-nä-v gi-žə*
один раз я.NOM смотреть-PRS-1SG говорить-CV.IPFV
enə kel-ž
этот говорить-EVD
‘«Как-нибудь я посмотрю», — говорит она сыну’.
- (14) *neg däkčə berə-n^j ükər saa-na-v*
один раз сноха-P.3 корова доить-PRS-1SG
gi-вäd var-xlagə ekə-n^j
говорить-CV.ANT выходить-CV.SUCC2 мать-P.3
xaša-n ardə bult-čk-ad
двор-GEN зад прятаться-COMPL-CV.ANT
xälä-ž üdə-č
смотреть-CV.IPFV уходить-EVD
‘Однажды, когда невестка сказала: «Пойду доить коров», — мать спряталась за сараем и стала наблюдать’.
- (15) *tiig-xlä küükə-n ükr-in xaša-də*
делать.так-CV.SUCC девочка-EXT корова-GEN двор-DAT
or-čk-ad ükrə-n^j naadkə xaša-də
входить-COMPL-CV.ANT корова-P.3 другой двор-DAT
zogs-na terə-n^j naadkə xaša-də
стоять-PRS тот-P.3 другой двор-DAT
or-čk-ad xojr küük-än
входить-COMPL-CV.ANT два девочка-P.REFL
var-в-čk-ad bij-än saa-ž
выходить-CAUS-COMPL-CV.ANT тело-P.REFL доить-CV.IPFV
adə-č
уходить-EVD
‘Тогда девушка зашла в стойло для коров, корова стояла в одном сарае, а она зашла в другой сарай, она достала грудь и подоила себя’.

- (16) *suulbə üsə saa-ɓad širä deerə*
 ведро молоко доить-CV.ANT стол поверхность
täv-nä
 класть-PRS
 ‘Она надоила ведро молока и поставила его на стол’.
- (17) *caarandənⁱ ekə-nⁱ üz-čk-äd*
 потом мать-Р.3 видеть-COMPL-CV.ANT
xälä-ɓäd suu-žə
 смотреть-CV.ANT сидеть-EVD
 ‘Потом мать, увидев это, продолжала смотреть’.
- (18) *neg däkčə ekə-nⁱ ber-än tolka-ɓan*
 один раз мать-Р.3 сноха-Р.REFL голова-Р.REFL
ива-žə-xə-nⁱ xälä-žə
 мыть-PROG-PC.FUT-Р.3 смотреть-EVD
 ‘Однажды мать увидела, как невестка моет голову’.
- (19) *berə-nⁱ tolka-ɓan tääl-čk-äd övdəg*
 сноха-Р.3 голова-Р.REFL снимать-COMPL-CV.ANT колено
deer-än täv-čk-äd üs-än
 поверхность-Р.REFL класть-COMPL-CV.ANT волосы-Р.REFL
ива-ɓad gü-ž ədə-č
 мыть-CV.ANT заплетать-CV.IPFV ухаживать-EVD
 ‘Невестка сняла свою голову, положила ее на колени
 и стала мыть волосы и заплетать их’.
- (20) *ekə-nⁱ ää-čk-äd kövü-n-d-än*
 мать-Р.3 бояться-COMPL-CV.ANT мальчик-EXT-DAT-Р.REFL
kel-ž ədə-č
 говорить-CV.IPFV ухаживать-EVD
 ‘Испугавшись, мать рассказала сыну’.
- (21) *tegäd geləŋ-üid av-čə ir-čk-äd*
 потом гелюнг-PL брат-СВ.IPFV приходить-COMPL-CV.ANT
iškä ger-in ömnävür suu-lɓ-čk-ad
 кошма дом-GEN перед сидеть-CAUS-COMPL-CV.ANT
nomə umš-ul-ž ədə-č
 учение читать-CAUS-CV.IPFV ухаживать-EVD
 ‘Тогда они пригласили гелюнгов, усадили их перед
 кибиткой и сказали читать молитвы’.

- (22) *nomə umš-xla ter berə-nⁱ*
 учение читать-CV.SUCC тот сноха-P.3
ger-t-äsən var-ad güü-вad
 дом-DAT-ABL.P.REFL выходить-CV.ANT бежать-CV.ANT
šulmə-s muur-d-go gi-žə
 дьявол-PL уставать-PC.HAB-NEG.COP говорить-EVD
 ‘Когда читали молитву, та невестка выбежала из дома
 и сказала: «Нечистая сила не устает»’.
- (23) *jusə bää-nä güü-хlärən zogs-d-go*
 власть быть-PRS бежать-CV.SUCC.P.REFL стоять-PC.HAB-NEG.COP
güü-хlärən muur-d-go
 бежать-CV.SUCC.P.REFL уставать-PC.HAB-NEG.COP
 ‘Есть такой закон, что когда она бежит, то не останав-
 ливается и не устает’.
- (24) *tegäd güü-вad güü-вad*
 потом бежать-CV.ANT бежать-CV.ANT
büdr-äd un-žə
 спотыкаться-CV.ANT падать-EVD
 ‘Она бежала-бежала, но споткнулась и упала’.
- (25) *büdr-äd un-xlagə bär-žə*
 спотыкаться-CV.ANT падать-CV.SUCC2 держать-CV.IPFV
av-ad näämən dundə metər doragšan
 братъ-CV.ANT восемь середина метр вниз
nükə malt-ad ter gerg-igə dar-ad
 яма копать-CV.ANT тот жена-ACC давить-CV.ANT
deer-äsə-nⁱ vurvən dörvən ödər-t-än
 поверхность-ABL-P.3 три четыре день-DAT-P.REFL
nomə umš-ad bää-və
 учение читать-CV.ANT быть-PST⁴⁰
 ‘Когда она споткнувшись и упала, они схватили ее,
 выкопали яму 8 метров в глубину, закопали эту женщину
 и в течение 3–4 дней читали молитву над ней’.

⁴⁰ Возможно, употреблена неправильная форма (оговорка).
 Глагол *bää-* обычно образует форму претерита только в значении
 ‘жить’.

16. Девушка и солнце (16_devushka_i_solnce)

Феликс Саналович Шарваев

- (1) *kezänä kezänä neg cag-tə Züñgär*
 раньше раньше один время-DAT Джунгария
gi-dəg taŋč-tə negə säähən
 говорить-PC.HAB страна-DAT один красивый
küükə-n bää-žə
 девочка-EXT быть-EVD
 ‘Давным-давно в некоторое время в стране, называемой
 Джунгария, жила одна красивая девушка’.
- (2) *ter küükə-n jir biləg-tä jir*
 тот девочка-EXT очень талант-ASSOC очень
nom-ta ävər säähən cugta-kan
 учение-ASSOC очень красивый весь- P.REFL
med-dəg küükə-n bää-žə
 знать-PC.HAB девочка- EXT быть-EVD
 ‘Эта девушка была очень талантливая, очень
 добродетельная, очень красивая, она все знала’.
- (3) *ter küükə-n negə tedn-ä хот-n-a*
 тот девочка-EXT один они-GEN деревня-EXT-GEN
kövü-n-də dur-an ög-sən
 мальчик-EXT-DAT желание-P.REFL дать-PC.PST
bää-žə
 быть-EVD
 ‘Эта девушка была влюблена в одного парня из их деревни’.
- (4) *eckə-nⁱ ter küük-i-kan taldan bajən*
 отец-P.3 тот девочка-ACC-P.REFL чужой богатый
kövü-n-də ög-xär sed-žə
 мальчик-EXT-DAT дать-CV.PURP намереваться-EVD
 ‘Ее отец хотел свою дочь выдать за чужого богатого парня’.
- (5) *ter küükə-n-də taas-gd-sən uga*
 тот девочка-EXT-DAT одобрять-PASS-PC.PST NEG.COP
 ‘Он девушке не нравился’.
- (6) *terü-vi-nⁱ däkäd neg däkəžə xudəg tal*
 тот-ACC-P.3 еще один раз колодец сторона

od-žə *jov-xla* *usə av-xar*
 уходить-CV.IPFV ходить-CV.SUCC вода брать-CV.PURP
narə-n *tüŋg-igə* *üz-čk-äd*
 солнце-EXT тот-ACC видеть-COMPL-CV.ANT
narə-n-də *Gerəl*⁴¹ *jir* *taas-gd-sən*
 солнце-EXT-DAT Герл очень одобрять-PASS-PC.PST
büü-žə
 быть-EVD

‘Однажды, когда она отправилась к колодцу, чтобы набрать воды, ее увидело солнце, и солнцу очень понравилась Герл’.

(7) *tiig-xlä* *narə-n* *ödər bolkən*
 делать.так-CV.SUCC солнце-EXT день каждый
örü-n *bolkən asxə-n* *bolkən Gerl-igə*
 утро-EXT каждый вечер-EXT каждый Герл-ACC
ard-asə-n^j *jov-ad* *du* *kar-ad*
 зад-ABL-P.3 ходить-CV.ANT голос выходить-CV.ANT
naad-ad *jov-ad* *suu-žə*
 играть-CV.ANT ходить-CV.ANT сидеть-EVD

‘Так вот солнце каждый день, каждое утро, каждый вечер ходило за Герл, говорило [= голос выходил] с ней, играло, все ходило и ходило’.

(8) *neg däkčə* *narə-n* *Gerl-tə* *kel-žä-nä*
 один раз солнце-EXT Герл-DAT говорить-PROG-PRS
Gerəl bi *čam-də dur-ta-v* *či*
 Герл я.NOM ты-DAT желание-ASSOC-1SG ты.NOM
mini *aval^j* *bolə-č*⁴²
 я.GEN первый.супруг становится-2SG
gi-ž *sur-ž* *adə-č*
 говорить-CV.IPFV просить-CV.IPFV уходить-EVD

‘Однажды солнце говорит Герл: «Герл, я тебя люблю, стань моей женой», — таким образом сказав, попросило солнце’.

⁴¹ *Gerəl* — имя девушки.

⁴² Форма неясна: ожидаемый по переводу (нулевой) показатель императива с лично-числовыми показателями не сочетается. Можно предположить, что структура этой словоформы на самом деле выглядит так: *bolə-Ø-l-č* (становиться-IMP-PCL.EMPH-2SG)

- (9) *Gerəl udan uxal-l-go-n*
 Герл долго думать-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD
kel-žä-nä tadən nan-də kürgə-n
 говорить-PROG-PRS вы я-DAT зять-EXT
bišə-t bi tadən-ta bäü-ž
 NEG.PRS-2PL я.NOM вы-ASSOC быть-CV.IPFV
čad-x-šə-v
 мочь-PC.FUT-NEG.PRS-1SG
 ‘Герл, не долго думая, говорит: Вы мне не жених, я с Вами жить не могу’.
- (10) *tiig-xlägə narə-n jeŋn-äd*
 делать.так-CV.SUCC2 солнце-EXT обижаться-CV.ANT
kazər-in doravur or-ad dolan xong-tə
 земля-GEN низ.DIR входить-CV.ANT семь сутки-DAT
kar-l-go-n kazər-tə xar
 выходить-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD земля-DAT черный
tašəm bol-ad ükrə xö-n mal
 темнота становиться-CV.ANT корова овца-EXT скот
ük-äd kögš-düüd äm-tən
 умереть-CV.ANT старый-PL жизнь-ASSOC.COLL
öŋgr-äd xal'mg-ud bol-ad bäü-žə⁴³
 умирать-CV.ANT калмык-PL становиться-CV.ANT быть-EVD
 ‘Таким образом, солнце обиделось, ушло под землю, семь суток не выходило, на земле стала черная тьма, коровы, овцы и скот сталидохнуть, старые люди стали умирать, калмыки не знали, как им быть’.
- (11) *däkäd kögš-düüd-in xurəg ke-käd ter*
 еще старый-PL-GEN собрание делать-CV.ANT тот
küük-igə cuxar delkä-n äm-tən
 девочка-ACC весь мир-GEN жизнь-ASSOC.COLL
sur-ž ädä-č
 просить-CV.IPFV уходить-EVD
 ‘Тогда собрали совет стариков, и все люди со всего мира (со всей округи) попросили эту девушку’.
- (12) *narə-n-də od-ž narə-n-də*
 солнце-EXT-DAT уходить-CV.IPFV солнце-EXT-DAT

⁴³ *bolad bäüžə* — идиоматическое выражение ‘не знать, как быть’.

aval^j bolə-∅ gi-kād čī
 первая.жена становится-IMP говорить-CV.ANT ты.NOM
esə od-xlagə narə-n kar-čə
 NEG уходить-CV.SUCC2 солнце-EXT выходить-CV.IPFV
mandəl-š-go
 восходить-PC.FUT-NEG.COP

‘Сказав: «Отправься к солнцу и стань солнцу женой, если ты не отправишься, солнце зайдя, не выйдет»’.

(13) *tiig-xlägə asxə-n narə-n suu-žə*
 делать.так-CV.SUCC2 вечер-EXT солнце-EXT сидеть-CV.IPFV
od-xla küükə-n ora deer
 уходить-CV.SUCC девочка-EXT крыша поверхность
kar-ad teŋgər-dr nis-äd sar
 выходить-CV.ANT небо-поверхность летать-CV.ANT луна
bol-žə odə-v
 становится-CV.IPFV уходить-PST

‘Таким образом, когда вечером солнце зашло, девушка вышла на крышу, взлетела на небо и превратилась в луну’.

(14) *ter ödr-äsə oda kürtəl sarə nar xojər neg*
 тот день-ABL сейчас до луна солнце два один
neg-än kücə-l-go-n
 один-P.REFL догонять-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD
ödər sö uga⁴⁴ neg neg-än ard-asə
 день ночь NEG.COP один один-P.REFL зад-ABL
güü-ld-äd jov-na
 бежать-RECP-CV.ANT ходить-PRS

‘С того дня до сих пор луна и солнце и днем, и ночью, не догоняя друг друга, бегают друг за другом’.

17. Табу (17_tabu)

Александра Борисовна Хулхачиева

(1) *mana Tugtən-də Keciü Kirü gi-dəg*
 мы.GEN Тугтун-DAT Кецю Кирю говорить-PC.HAB

⁴⁴ Конструкция, состоящая из двух именных групп с противоположным значением и присоединяемой к ним отрицательной связки может передавать значение сочинения, ср. ‘и днем, и ночью’.

- xojr ax dii xojr bää-žə*
 два старший.брат младший.брат два быть-EVD
 ‘В нашем Тугтуне жили двое братьев по имени Кецю и Кирю’.
- (2) *mini ger-in küü-n-ä avb-nər*
 я.GEN дом-GEN человек-EXT-GEN дядя.по.отцу-PL
 ‘Дядья моего мужа [= человек дома] по отцовской линии’.
- (3) *tiig-äd neg däkčə ter Kecü Kirü*
 делать.так-CV.ANT один раз тот Кецю Кирю
xojr-in berə-nⁱ or-ž
 два-GEN сноха-Р.3 входить-CV.IPFV
ir-čk-äd vaza-vasə giü-ž
 приходить-COMPL-CV.ANT снаружи-ABL бежать-CV.IPFV
or-ž ir-čk-äd
 входить-CV.IPFV приходить-COMPL-CV.ANT
iig-žə vaza kecü gi-dəg
 делать.так-EVD снаружи тяжелый говорить-РС.НАВ
kirü bää-nä gi-žä-nä
 иней быть-PRS говорить-PROG-PRS
 ‘Вот один раз невестка этих Кецю и Кирю вошла, забежала с улицы, и вот что сделала: «На улице, — говорит, — все в инее [= тяжелый иней]!»’
- (4) *tiig-äd kelə-n casu amə-nⁱ*
 делать.так-CV.ANT говорить-CV.MOD как.только рот-Р.3
kooci-žə oč
 деформироваться-CV.IPFV уходить.EVD
 ‘Как только произнесла это, ее рот исказился’.
- (5) *däkäd ter xadmə-nⁱ kel-žə oda*
 еще тот по.супругу-Р.3 говорить-EVD сейчас
xar sana uga-bar tiig-äd
 черный мысль NEG.COP-INS делать.так-CV.ANT
kel-sən jumə-nⁱ oda madən-də jum
 говорить-РС.PST вещь-Р.3 сейчас мы-DAT вещь
bäü-xə-l madən sedkl-ärn ter
 быть-РС.FUT-PCL.EMPH мы мысль-INS.P.REFL тот

jum kel-sən üg-i-n^j täv-žä-nä-vidn
 вещь говорить-PC.PST слово-ACC-P.3 класть-PROG-PRS-1PL
 ‘Тогда ее родственники по мужу сказали: «Ну, это (сказано) без задней [= черной] мысли, поэтому сказанное — нам-то что будет — мы от души [= по своей мысли] прощаем [= отпускаем] это, произнесенное слово»’.

(6) *tüig-äd ter ber-in amə-n*
 делать.так-CV.ANT тот сноха-GEN рот-EXT
orəm-d-an suu-žə oč
 место-DAT-P.REFL сидеть-CV.IPFV уходить.EVD
нормальный стал
 ‘И тогда рот этой невестки встал на место, нормальный стал’.

18. Благопожелание (18_blagopozhelanie)

Делгр Хейчиевна Муниева

(1) *nä oda Vlada čamagə bi ünən*
 хорошо сейчас Влада ты.ACC я.NOM правдивый
сабан sedkl-äsn ör žöölən
 белый мысль-ABL.P.REFL сердцевина мягкий
zürk-ärn jörä-žä-nä-v
 сердце-INS.P.REFL благословить-PROG-PRS-1SG
 ‘Ну, Влада, сейчас я тебе искренне [= от правдивой белой души], от мягкого сердца говорю благопожелание’.

(2) *juŋgad gi-xlä či xal^lməg*
 почему говорить-CV.SUCC ты.NOM калмыцкий
kel-n durl-ad xal^lməg kel-n
 язык-EXT любить-CV.ANT калмыцкий язык-EXT
durl-sən kü-n xal^lmg-tə
 любить-PC.PST человек-EXT калмык-DAT
dur-ta bol-žə-na-čə xal^lməg
 желание-ASSOC становиться-PROG-PRS-2SG калмыцкий
uls-igə kündəl-žä-nä-č
 народ-ACC уважать-PROG-PRS-2SG
 ‘Потому что ты полюбила калмыцкий язык, человек, полюбивший калмыцкий язык, ты полюбишь и калмыков, уважаешь калмыцкий народ’.

- (3) *tiig-äd ter tölä čamagə ünən*
 делать.так-CV.ANT тот ради ты.ACC правдивый
саван седкл-äsən jörä-žä-nä-v
 белый мысль-ABL.P.REFL благословить-PROG-PRS-1SG
 ‘Так что за это от чистого сердца благословляю тебя’.
- (4) *ut nas-ta batə kišg-tä*
 длинный возраст-ASSOC крепкий счастье-ASSOC
бол-žə bajər-ta säähən
 становится-CV.IPFV радость-ASSOC красивый
žirvəl-tä bajən kišg-tä baatər
 жизнь-ASSOC богатый счастье-ASSOC богатырский
cogc-ta
 организм-ASSOC
 ‘Долгих лет, чтобы было большое счастье, чтобы была
 крепкой, радостной, счастливой [= с красивой жизнью], богата
 счастьем, сильной телом’.
- (5) *al'də jov-žə ir-äd*
 где ходить-CV.IPFV приходить-CV.ANT
al'xə-n-čən düür-äd altən möhgə-n
 ладонь-EXT-P.2SG наполняться-CV.ANT золотой деньги-EXT
бол-äd аав-čən ömn-čən
 становится-CV.ANT чашка-P.2SG перед-P.2SG
düür-äd öökə-n tosə-n
 наполняться-CV.ANT жир-EXT масло-EXT
бол-äd
 становится-CV.ANT
 ‘Куда бы ты ни пошла, чтобы ладони твои наполнились
 золотыми деньгами, чашка перед тобой была полна жира и масла’.
- (6) *ömnə-čən örgə-n ölzä-tä саван*
 перед-P.2SG широкий-EXT счастье-ASSOC белый
хаалв tat-gd-ad
 дорога тянуть-PASS-CV.ANT
 ‘(Чтобы) перед тобой широкая счастливая белая дорога
 простиралась’.
- (7) *ölzä-vän ög-äd ös-k-ä*
 счастье-P.REFL дать-CV.ANT расти-CAUS-CONT

- bos-x-ad* *örg-äd*
вставлять-CAUS-CV.ANT поднимать-CV.ANT
döŋn-äd
помогать-CV.ANT
'(Желаю) давать счастье, воспитаю, поставлю на ноги
и вырастить, помогать'.
- (8) *ömnə-čən* *öŋg-tä* *sar narə-n*
перед-P.2SG цвет-ASSOC луна солнце-EXT
bol-ad *mandl-ad*
становиться-CV.ANT восходить-CV.ANT
'Перед тобой цветные луна и солнце восходят'.
- (9) *kezä* *čini* *san-sən* *sanan sal'k-n-asə*
когда ты.GEN думать-PC.PST мысль ветер-EXT-ABL
xurd-ar *küc-äd*
скорость-INS догонять-CV.ANT
'Когда твои задуманные мысли быстрее ветра исполнятся'.
- (10) *kel-sən* *ügə* *kel-s-ärn*
говорить-PC.PST слово говорить-PC.PST-INS.P.REFL
küc-äd
догонять-CV.ANT
'Чтобы сказанное слово так, как сказано, исполнялось'.
- (11) *kerč-sən* *modə-n* *kevtä*
резать-PC.PST дерево-EXT подобно
täär-gd-äd *bür-ld-äd*
резать-PASS-CV.ANT покрывать-RECP-CV.ANT
büt-äd *jov-txa*
закрывать-CV.ANT ходить-JUSS1
'Чтобы то, что разрезано, как распиленное дерево
затягивалось, закрывалось'.
- (12) *olən-də* *tus-ta* *ol-n*
разнообразный-DAT польза-ASSOC множество-EXT
äm-tən-də *dur-ta* *sedkəl-tä*
жизнь-ASSOC.COLL-DAT желание-ASSOC мысль-ASSOC
tölä-d-än *či* *xal'məg* *kel-n-də*
ради-DAT-P.REFL ты.NOM калмыцкий язык-EXT-DAT

- durl-žə* *šov-na-č*
любить-CV.IPFV ходить-PRS-2SG
‘Нужная многим, любящая многих людей, душевная,
поэтому ты полюбила калмыцкий язык’.
- (13) *xal'məg* *kel-n* *kü-n* *bolvən*
калмыцкий язык-EXT человек-EXT каждый
durl-žə *neg* *bičkən* *xal'məg* *uls-in*
любить-CV.IPFV один маленький калмыцкий народ-GEN
kel *das-xar* *sed-š-go*
язык выучить-CV.PURP намереваться-PC.FUT-NEG.COP
‘Калмыцкий язык, его не каждый человек полюбит, захочет
учить язык одного маленького калмыцкого народа’.
- (14) *čini* *sedkəl* *tiimə* *ör* *žöölən* *säähən*
ты.GEN мысль такой сердцевина мягкий красивый
sedkəl-tä *bol-ad* *küü-n-də*
мысль-ASSOC становится-CV.ANT человек-EXT-DAT
dur-ta *sän* *bol-ža-na-č*
желание-ASSOC хороший становится-PROG-PRS-2SG
‘Твоя душа такая мягкая, красивая, ты людей очень любишь’.
- (15) *sän* *sedkəl-tä* *säähən* *саван* *sana-ta*
хороший мысль-ASSOC красивый белый мысль-ASSOC
‘(У тебя) красивая душа, ты добросердечна [= (у тебя)
красивая белая мысль]’.
- (16) *tiig-äd* *čamagə* *on'dind-än* *ömnə-čən*
делать.так-CV.ANT ты.ACC всегда-P.REFL перед-P.2SG
öng-tä *sar* *narə-n* *bol-ad*
цвет-ASSOC луна солнце-EXT становится-CV.ANT
‘Поэтому (желаю, чтобы) цветные луна и солнце всегда
были у тебя впереди’.
- (17) *san-sən* *xatg-čən* *küc-äd*
думать-PC.PST весь-P.2SG догонять-CV.ANT
‘Чтобы всякий твой помысел воплотился’.
- (18) *ös-äd* *bos-ad* *öndər* *sän*
расти-CV.ANT вставать-CV.ANT высокий хороший

nerə bol-ad

имя становиться-CV.ANT

‘Чтобы твое имя выросло, стало высоким и достойным’.

- (19) *örgə-n-d-än* *sun-ad*
 широкий-EXT-DAT-P.REFL растягиваться-CV.ANT
ke-sən *ködəlməš* *täv-äd* *xatəg*
 делать-PC.PST работа класть-CV.ANT весь
žirvəl-čən *jir* *säähən* *bol-xə-n^j*
 жизнь-P.2SG очень красивый становиться-PC.FUT-P.3
durl-žə-na-v
 любить-PROG-PRS-1SG

‘Желаю, чтобы, когда ты сделаешь делаемую работу так, чтобы она широко раскинулась, твоя жизнь стала совершенно прекрасной’.

- (20) *xata bolučən jov-sən* *kazər-t-an*
 где хоть ходить-PC.PST земля-DAT-P.REFL
olən *äm-tən-lä* *sän*
 разнообразный жизнь-ASSOC.COLL-COM хороший
säähən *ixa* *sedkl-än* *medə-lc-äd*
 красивый ум мысль-P.REFL знать-SOC-CV.ANT
üg-än *medə-lc-äd* *jov-xla*
 слово-P.REFL знать-SOC-CV.ANT ходить-CV.SUCC
čini *žirvəl-čən^j* *jir* *säähən*
 ты.GEN жизнь-P.2SG очень красивый
bol-x
 становиться-PC.FUT

‘Куда бы ты ни пошла, если со многими людьми хорошо свои разум и душу вместе узнаете, свои слова вместе поймете, то твоя жизнь будет очень хорошей’.

- (21) *kezä-čən* *kü-n* *kü-n*
 когда-PCL.CONC человек-EXT человек-EXT
kevär *ör* *žöölən* *zürk-är*
 по.прежнему сердцевина мягкий сердце-INS
ünən *savan* *sedkl-är* *jov-ad*
 правдивый белый мысль-INS ходить-CV.ANT
jov-xlagə *san-sən* *sana-n* *evrän*
 ходить-CV.SUCC2 думать-PC.PST мысль-EXT сам

- küic-äd*
догонять-CV.ANT
'Если человек когда угодно идет с мягким сердцем и белой, чистой душой, то все задуманное само исполняется'.
- (22) *säk-sən burxə-n kevtä deer-äsən*
оберегать-PC.PST бог-EXT подобно поверхность-ABL.P.REFL
jörä-вäd jov-də-m
благословить-CV.ANT ходить-PC.HAB-COP.AFF
'Чтобы оберегающий бог как бы сверху благословлял все время'.
- (23) *čamagə oda bi kögšən naj var-sən*
ты.ACC сейчас я.NOM старый 80 выходить-PC.PST
nas-ta kögšən eežə jir ut
возраст-ASSOC старый бабка очень длинный
nas-ta batə kišəg-tä
возраст-ASSOC крепкий счастье-ASSOC
bol-xə-čənⁱ ikär durd-ad
становиться-PC.FUT-P.2SG сильно провозглашать-CV.ANT
čamagə kezä-čən jov-sən vazər-t-an
ты.ACC когда-PCL.CONC ходить-PC.PST земля-DAT-P.REFL
orčləŋ-vin arvə-n xojr ajul uga
вселенная-GEN десять-EXT два опасность NEG.COP
'Сейчас тебя я, старуха восьмидесяти с чем-то лет, старая бабушка, очень желаю очень долгих лет, крепкого счастья, чтобы в какую бы ты ни пошла землю, (там) не было 12 мировых катастроф'.
- (24) *olən mi kelə-n uga*
разнообразный плохой язык-EXT NEG.COP
'(Чтобы) не было дурных слов'.
- (25) *sän xatg-in sivar čam-də ir-äd*
хороший весь-GEN весь ты-DAT приходить-CV.ANT
'(Чтобы) все самое хорошее к тебе пришло'.
- (26) *sar narə-n bol-ad*
луна солнце-EXT становится-CV.ANT
biu-вad bää-txä
спускаться-CV.ANT быть-JUSS1
'Чтобы луна и солнце вставали и опускались'.

- (27) *sur-žə* *šov-xə* *surbulʲ* *xatəg* *medrəl*
 учиться-CV.IPFV ходить-PC.FUT учеба весь знание
ixa-n *сивар* *čini* *ixa-n* *tool-vər-ta*
 ум-EXT весь ты.GEN ум-EXT считать-NMLZ-ASSOC
čini *tolka-də* *batrə-žə*
 ты.GEN голова-DAT укрепляться-CV.IPFV
möŋkr-äd
 увековечиться-CV.ANT
 ‘Учиться, чтобы собирать все знания, знания и ум, (чтобы) твой
 рассудительный ум в твоей голове укреплялся, увековечивался’.
- (28) *onʲdin* *xörə-n* *tavən* *nasə-n* *ergc-är*
 всегда 20-EXT пять возраст-EXT оборот-INS
ükə-l-go-n *möŋkə* *nasə-n*
 умереть-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD вечность возраст-EXT
živ-äd
 существовать-CV.ANT
 ‘Чтобы ты, не умирая, вечно в двадцатипятилетнем
 возрасте по кругу жила и радовалась’.
- (29) *onʲdin* *kersü* *säähən* *ixa-ta*
 всегда сообразительный красивый ум-ASSOC
cecən *sedkəl-tä* *ter* *živər-tä* *šovu-n*
 мудрость мысль-ASSOC тот крыло-ASSOC птица-EXT
metə *živ-ä* *nis-äd*
 как двигаться.бесшумно-CONT летать-CV.ANT
šov-xə *säähən* *živəl-tä* *säähən*
 ходить-PC.FUT красивый жизнь-ASSOC красивый
sedkəl-tä *säähən* *ut* *nas-ta*
 мысль-ASSOC красивый длинный возраст-ASSOC
küükə-n *bol-xə-čən* *durd-ad*
 девочка-EXT становится-PC.FUT-P.2SG провозглашать-CV.ANT
ir-žə *sur-žə-na-v*
 приходить-CV.IPFV просить-PROG-PRS-1SG
 ‘Я провозглашаю и прошу, чтобы ты была всегда девушкой
 сообразительной, красивой, умной, мудромысленной, летала
 бесшумно как крылатая птица, была счастливой, умной,
 красивой, чтобы долго прожила’.

19. Пороки (19_poroiki)
Делгр Хейчиевна Муниева

- (1) *xal'mæg kü-n jir ikär ceerəl-nä*
 калмыцкий человек-EXT очень сильно воздерживаться-PRS
 'Калмык очень многого остерегается'.
- (2) *url-arəŋ uxər ke-väd kel-ärən*
 губа-INS.P.REFL ложка делать-CV.ANT язык-INS.P.REFL
keldür ke-väd övsə-n-d
 совковая.лопата делать-CV.ANT трава-EXT-DAT
or-sən tuula kevtä ödmæg-də or-sən
 входит-PC.PST заяц подобно хлеб-DAT входит-PC.PST
bal kevtä örəv-k-äd od-dæg
 огонь подобно медлить-CAUS-CV.ANT уходить-PC.HAB
küü-n-də jir dur-go
 человек-EXT-DAT очень желание-NEG.COP
 'Ему очень не нравятся люди, которые много мелют
 языком [= которые делают губами ложку, а языком лопатку],
 которые похожи на зайца, попавшего в траву, на огонь, попавший
 в хлеб и колышущийся'.
- (3) *xal'mæg ämtə-s burvən coorxa-basə*
 калмыцкий люди-PL три дыра-ABL
ceerəl-nä
 воздерживаться-PRS
 'Калмыки остерегаются трех дырок'.
- (4) *jamaran burvən coorxa gi-xlä*
 какой три дыра говорить-CV.SUCC
 'Какие это три дырки?'
- (5) *ger-t-än tus uga mal-an*
 дом-DAT-P.REFL польза NEG.COP скот-P.REFL
ükr-än mal ke-žə asər-žə
 корова-P.REFL скот делать-CV.IPFV заботиться-CV.IPFV
üs-i-n^j uu-žə čad-š-go
 молоко-ACC-P.3 пить-CV.IPFV мочь-PC.FUT-NEG.COP
evr-änn^j kü ke-žə survətžə
 сам-GEN.P.3 человек делать-CV.IPFV воспитание

ög-čə *čad-š-go* *küük-üid*
 дать-CV.IPFV мочь-PC.FUT-NEG.COP девочка-PL
küü-tä *bol-xla* *terə neg*
 человек-ASSOC становиться-CV.SUCC тот один
aav-in *coorxa*
 чашка-GEN дыра

‘Если женщина такая, что она бесполезный человек в доме, содержит скот, коров, не может так за скотом ухаживать, чтобы молоко пить, не может, выращивая своих детей, дать им воспитание, это одна дырка в чашке’.

(6) *kurvən aav-in coorxa-vasə xal'məg*
 три чашка-GEN дыра-ABL калмыцкий
kü-n ceerəl-nä
 человек-EXT воздерживаться-PRS
 ‘Калмык остерегается трех дырок в чашках’.

(7) *neg aav-in coorxa-nⁱ al'a jalvdər*
 один чашка-GEN дыра-Р.3 хулиган осанистый
közərčə ärkənčə ger-t-än tus
 картежник пьяница дом-DAT-P.REFL польза
uga jovačə zalu-gə basə negə
 NEG.COP гуляка мужчина-ACC тоже один
aav-in coorxa gi-žə kel-nä
 чашка-GEN дыра говорить-CV.IPFV говорить-PRS
ger-tä
 дом-ASSOC

‘Одна дырка в чашке — это когда муж — хулиган, картежник, пьяница, бесполезный в доме человек, гуляка; это еще одна дырка в чашке, в доме’.

(8) *kurvə-dəgčə-nⁱ bol-xla survətžə*
 три-ORD-Р.3 становиться-CV.SUCC воспитание
uga kövü-n ös-äd ger-t-än
 NEG.COP мальчик-EXT расти-CV.ANT дом-DAT-P.REFL
ekə eck-t-än däüsə-n bol-ad
 мать отец-DAT-P.REFL враг-EXT становиться-CV.ANT
jov-ad jov-xla der dorə-nⁱ
 ходить-CV.ANT ходить-CV.SUCC поверхность низ-Р.3

däüsə-n enə neg aak-in coorxa
 враг-EXT этот один чашка-GEN дыра
gi-žə kel-nä
 говорить-CV.IPFV говорить-PRS

‘Третья — если сын без воспитания растёт, становится дома врагом для родителей, вообще для всех врагом становится, говорят, что это еще одна дырка’.

(9) *xal'məg kü-n kezän-äsə avən mal-an*
 калмыцкий человек-EXT раньше-ABL с скот-Р.REFL
ös-k-äd teeg-tə xö-n ükər
 расти-CAUS-CV.ANT степь-DAT овца-EXT корова
mal-an ös-k-äd tüü-n-ännⁱ
 скот-Р.REFL расти-CAUS-CV.ANT тот-EXT-GEN.P.3
šim šüüs-är tüü-n-ä üsə
 питательность сок-INS тот-EXT-GEN молоко
edəl-vər uuš ke-вäd bij-än
 пользоваться-NMLZ питание делать-CV.ANT тело-Р.REFL
bajn cadxləŋ в общем bääxtä
 богатый сытый обеспеченный
küü-n-də tool-dəg bää-s-mən
 человек-EXT-DAT считать-Р.НАВ быть-Р.РСТ-СОП.АФФ

‘Калмыки с давних пор растили скот, в степи растили овец, коров, питались их молоком [= соком], делали из их молока продукты и считали, что этим богаты, сыты, в общем, обеспечены’.

(10) *mal-ta bol-xla mal xadʎl-ad*
 скот-ASSOC становится-CV.SUCC скот хранить-CV.ANT
xö-n ükər xadʎl-ad xadʎl-ad
 овца-EXT корова хранить-CV.ANT хранить-CV.ANT
jov-ad jov-xla terə ikə
 ходить-CV.ANT ходить-CV.SUCC тот большой
bajn küü-n-də toolə-gd-dəg
 богатый человек-EXT-DAT считать-PASS-Р.НАВ
bää-s-mən
 быть-Р.РСТ-СОП.АФФ

‘Если есть скот, держали скот, овец и коров держали, такие считались очень богатыми людьми’.

- (11) *zaxur-l-go-n* *mal*
 лениться-CV.MOD-NEG.COP-CV.MOD скот
xälä-xlä *amə-n tos-ta*
 смотреть-CV.SUCC рот-EXT масло-ASSOC
 ‘Если не лентясь следили за скотом, то был у них рот
 в масле’.
- (12) *kü asər-xla tolka-d tus-ta*
 человек заботиться-CV.SUCC голова-DAT польза-ASSOC
gi-žə kel-dəg ülgür ter
 говорить-CV.IPFV говорить-PC.HAB пример тот
ülgür-är jov-dəg bää-sə-mən
 пример-INS ходить-PC.HAB быть-PC.PST-COP.AFF
xal'məg kezänü
 калмык раньше
 ‘Когда воспитывают человека, как пример говорят так,
 чтобы в голову шел толк, раньше калмыки следовали этим
 пословицам [= примерам]’.
- (13) *xal'mg-in ülgür-müd bää-nä*
 калмык-GEN пример-PL быть-PRS
 ‘Есть у калмыков пословицы [= примеры]’.
- (14) *bij-än bär-sən küükə-n cecən*
 тело-P.REFL держать-PC.PST девочка-EXT мудрость
 ‘Девушка, держащая себя (в строгости), мудра’.
- (15) *colur-an gee-sən kövü-n*
 повод-P.REFL терять-PC.PST мальчик-EXT
cogc-an gee-sən ädəl gi-žə
 организм-P.REFL терять-PC.PST равный говорить-CV.IPFV
colur-an ald-xla
 повод-P.REFL терять-CV.SUCC
 ‘Если юноша потерял повод, это то же самое, как если он
 себя самого [= свое тело] потерял, если потерял повод’.

ПРИЛОЖЕНИЕ. СПИСОК ГЛАГОЛОВ¹

В Приложении представлен список глаголов, использовавшийся при акциональной классификации. Эта выборка также служила основой для исследования ряда глагольных категорий.

Список глаголов создавался частично по образцу списка, представленного в книге [Лютикова и др. 2006]. Для списка выбирались непроеизводные глаголы (в списке отсутствуют каузативные и декаузативные дериваты). В выборке представлены глаголы, принадлежащие к разным классам с точки зрения количества аргументов: непереходные одноместные (*xamxr-* ‘ломаться’, *cecgäl-* ‘цвести’), непереходные двухместные (*äü-* ‘бояться’, *iiürl-* ‘дружить’), переходные (*al-* ‘убивать’, *ol-* ‘находить’), дитранзитивные (*ög-* ‘дать’); с точки зрения семантических свойств участников: одноместные пациентивные (*xääl-* ‘таять’) и агентивные (*möör-* ‘мычать’), двухместные со вторым участником в роли пациенса (*id-* ‘есть’), темы (*bär-* ‘ловить, держать’); с точки зрения аспектуальных свойств: стативные (*med-* ‘знать’, *kevt-* ‘лежать’), динамические (*nis-* ‘летать’, *šird-* ‘красить’). Таким образом, в выборку вошли различные по свойствам лексемы. При этом в список включались в основном такие глаголы, которые ранее использовались носителями для перевода стимулов.

¹ Материал собран в экспедициях 2007 г. в поселок Ергенинский и в 2008 г. в поселок Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий». Материал, отраженный в этом приложении, обсуждался в ходе обеих экспедиций и на заседаниях калмыцкого семинара СПбГУ; я благодарна всем участникам этих обсуждений за помощь в создании Приложения. Также мне бы хотелось поблагодарить Д. В. Герасимова и П. М. Аркадьева за полезные замечания по поводу первой версии этого текста, учтенные мною в процессе редактирования. Разумеется, все остающиеся ошибки и неточности остаются целиком на моей ответственности.

В Приложении приводится список глаголов и их акциональная характеристика. Акциональная характеристика каждого из глаголов основана на наборе интерпретаций для двух видо-временных форм калмыцкого языка: формы прогрессива настоящего времени на *-ʒana* и формы претерита на *-v*. «Форма прогрессива» может быть образована от подавляющего большинства глаголов выборки, включая глаголы, обозначающие постоянные состояния (такие, как ‘знать’, ‘верить’); таким образом, ее значение точнее было бы определить как дуративное. Форма претерита употребляется в различных контекстах, однако именно эта форма в наибольшей степени соответствует универсальному категориальному типу перфектив.

Во втором и третьем столбцах Таблицы 1 дана акциональная интерпретация форм претерита и прогрессива. Во-первых, указаны семантические ярлыки, соответствующие интерпретациям словоформ, используемые в работах С. Г. Татевосова [Tatevosov 2002], [Татевосов 2005]: S (состояние), P (процесс), ES (вхождение в состояние), EP (вхождение в процесс), MP (мультипликативный процесс), EMP (вхождение в мультипликативный процесс), Q (квант мультипликативного процесса)². Кроме того, для ясности в Таблице даны примерные семантические соответствия интерпретациям каждой из глагольных словоформ. В четвертом столбце Таблицы приведено название акционального класса, к которому была отнесена глагольная лексема на основании интерпретаций двух исследованных форм.

² Ярлыки EMP и Q не используются С. Г. Татевосовым. Ярлык Q (квант мультипликативного процесса) используется вслед за П. М. Аркадьевым [Аркадьев, в печати], ярлык EMP (вхождение в мультипликативный процесс) используется в статье [Овсянникова, настоящий сборник] для обозначения интерпретации Вхождение в мультипликативный процесс.

Таблица 1. Акциональные характеристики глаголов калмыцкого языка

глагол	акциональная характеристика		акциональный класс
	претерит	прогрессив	
<i>adv-</i> ‘спешить’	EP, P ‘заспешил’, ‘спешил’	P ‘спешит’	ингессивно-непредельный
<i>al-</i> ‘убить’	ES ‘убил’	P ‘убивает’	сильный предельный
<i>av-</i> ‘брать’	ES ‘взял’	P ‘берет’	сильный предельный
<i>äü-</i> ‘бояться’	ES, S ‘испугался’, ‘боялся’	S ‘боится’	слабый инцептивно-стативный
<i>bajərl-</i> ‘радоваться’	ES, S ‘обрадовался’, ‘радовался’	S ‘радуется’	слабый инцептивно-стативный
<i>bäü-</i> ‘жить’	ES, S ‘поселился’, ‘пожил’	S ‘живет’	слабый инцептивно-стативный
<i>bär-</i> ‘держать’	P, ES, S ‘половил’, ‘поймал’, ‘подержал’	P, S ‘ловит’, ‘держит’	стативно-процессный
<i>bič-</i> ‘писать’	ES, P ‘написал’, ‘пописал’	P ‘пишет’	слабый предельный
<i>biil-</i> ‘танцевать’	EP, P ‘затанцевал’, ‘потанцевал’	P ‘танцует’	ингессивно-непредельный
<i>bos-</i> ‘вставать’	ES ‘встал’	P ‘встает’	сильный предельный
<i>bult-</i> ‘прятаться’	P, ES, S ‘прятался (искал место укрытия)’, ‘спрятался’, ‘прятался (находился в месте укрытия)’	P, S ‘прячется (ищет место укрытия)’, ‘прячется (находится в месте укрытия)’	стативно-процессный

<i>bisl-</i> ‘кипеть’	EP, P ‘вскипел’, ‘покипел’	P ‘кипит’	слабый предельный
<i>bürk-</i> ‘покрывать’	P, ES, S ‘покрывал (ложился поверх ч.-л.)’, ‘покрыл’, ‘покрывал (лежал поверх ч.-л.)’	P, S ‘покрывает (ложится поверх ч.-л.)’ ‘покрывает (лежит поверх ч.-л.)’	стативно- процессный
<i>cecgəl-</i> ‘цвети’	EP, P ‘зацвел’, ‘цвел’	P ‘цветет’	ингрессивно- непредельный
<i>sok-</i> ‘бить’	Q, MP ‘ударил’, ‘бил’	MP ‘бьет’	мультипликативный
<i>süüg-</i> ‘ссориться’	P ‘ссорился (некоторое время)’	P ‘ссорится’	непредельный
<i>čičr-</i> ‘дрожать’	EMP, MP, Q ‘задрожал’, ‘дрожал’, ‘вздрагнул’	MP ‘дрожит’	ингрессивно- мультипликативный
<i>čiv-</i> ‘тонуть’	ES ‘утонул’	P ‘тонет’	сильный предельный
<i>dajl-</i> ‘махать’	EMP, MP ‘замахал’, ‘помахал’	MP ‘машет’	ингрессивно- мультипликативный
<i>daxə-</i> ‘следовать’	P ‘следовал’	P ‘следует’	непредельный
<i>durl-</i> ‘любить’	ES ‘полюбил’	S ‘любит’	сильный инцептивно- стативный
<i>duul-</i> ‘петь’	EP, P ‘запел’, ‘попел’	P ‘поет’	ингрессивно- непредельный
<i>düür-</i> ‘наполняться’	ES, P ‘наполнился’, ‘наполнялся’	P ‘наполняется’	слабый предельный

Приложение. Список глаголов

<i>ekl-</i> ‘начинать’	ES ‘начал’	P ‘начинает’	сильный предельный
<i>erg-</i> ‘кружиться’	EP, P ‘закружился’, ‘кружился’	P ‘кружится’	ингрессивно- непредельный
<i>gee-</i> ‘терять’	ES ‘потерял’	—	пунктивный
<i>güü-</i> ‘бегать’	EP, P ‘побежал’, ‘побегал’	P ‘бегает’	ингрессивно- непредельный
<i>kar-</i> ‘выходить’	ES ‘вышел’	P ‘выходит’	сильный предельный
<i>käräd-</i> ‘прыгать’	EMP, Q, MP ‘запрыгал’, ‘прыгнул’, ‘попрыгал’	MP ‘прыгает’	ингрессивно- мультипликативный
<i>žijŋ-</i> ‘звенеть’	EP, P ‘зазвенел’, ‘позвенел’	P ‘звенит’	ингрессивно- непредельный
<i>id-</i> ‘есть’	ES, P ‘съел’, ‘ел’	P ‘ест’	слабый предельный
<i>inä-</i> ‘смеяться’	EP, P ‘засмеялся’, ‘смеялся’	P ‘смеется’	ингрессивно- непредельный
<i>ir-</i> ‘приходить’	ES ‘пришел’	P ‘идет’	сильный предельный
<i>itk-</i> ‘верить’	ES ‘поверил’	S ‘верит’	слабый инцептивно- стативный
<i>jov-</i> ‘ходить’	ES, P ‘пришел, ушел’, ‘ходил’	P ‘ходит’	слабый предельный
<i>ke-</i> ‘делать’	ES, P ‘сделал’, ‘поделал’	P ‘делает’	слабый предельный
<i>kel-</i> ‘рассказывать’	ES, P ‘рассказал’, ‘рассказывал’	P ‘рассказывает’	слабый предельный

<i>kerč-</i> ‘резать’	ES, P ‘порезал’, ‘резал’	P ‘режет’	слабый предельный
<i>kevt-</i> ‘лежать’	ES, P, S ‘лег’, ‘укладывался’, ‘полежал’	S, P ‘лежит’, ‘укладывается’	стативно- процессный
<i>ködl-</i> ‘работать’	P ‘поработал’	P ‘работает’	непредельный
<i>küälä-</i> ‘ждать’	S ‘ждал’	S ‘ждет’	стативный
<i>küünd-</i> ‘разговаривать’	EP, P ‘заговорил’, ‘разговаривал’	P ‘разговаривает’	ингрессивно- непредельный
<i>mart-</i> ‘забывать’	ES, S ‘забыл’, ‘не помнил’	P ‘забывает’	сильный предельно- стативный
<i>med-</i> ‘знать’	ES ‘узнал’	S ‘знает’	сильный инцептивно- стативный
<i>möö-</i> ‘мычать’	EP, P ‘замычал’, ‘помычал’	P ‘мычит’	ингрессивно- непредельный
<i>muur-</i> ‘уставать’	ES ‘устал’	P ‘устаёт’	сильный предельный
<i>naald-</i> ‘примыкать’	ES ‘прикрепился’	S ‘примыкает’	сильный инцептивно- стативный
<i>nis-</i> ‘летать’	EP, P ‘полетел’, ‘полетал’	P ‘летает’	ингрессивно- непредельный
<i>ol-</i> ‘найти’	ES ‘нашел’	—	пунктивный
<i>or-</i> ‘входить’	ES ‘вошел’	P ‘входит’	сильный предельный
<i>ög-</i> ‘дать’	ES ‘дал’	P ‘дает’	сильный предельный
<i>öms-</i> ‘надевать’	ES, P, S ‘надел’, ‘надевал’, ‘поносил’	S, P ‘надевает’, ‘носит’	стативно- процессный

Приложение. Список глаголов

<i>önhgr-</i> 'умирать'	ES 'умер'	P 'умирает'	сильный предельный
<i>ööm-</i> 'плавать'	EP, P 'поплыл', 'поплавал'	P 'плавает'	ингессивно- непредельный
<i>ös-</i> 'расти'	ES, P 'вырос', 'подрос'	P 'растет'	слабый предельный
<i>sek-</i> 'открывать'	ES 'открыл'	P 'открывает'	сильный предельный
<i>soŋs-</i> 'слышать'	P, ES, S 'слушал', 'услышал', 'слышал'	P, S 'слушает', 'слышит'	стативно- процессный
<i>sur-</i> 'просить'	P 'просил'	P 'просит'	непредельный
<i>sui-</i> 'сидеть'	P, ES, S 'садился', 'сел', 'посидел'	P, S 'сидит', 'сидится'	стативно- процессный
<i>šar-</i> 'жарить'	ES, P 'пожарил', 'жарил'	P 'жарит'	слабый предельный
<i>šat-</i> 'светить'	EP, P 'загорелся' (о свете), 'светил'	P 'светит'	ингессивно- непредельный
<i>šat- 2</i> 'гореть'	EP, P, ES 'загорелся', 'погорел', 'сгорел'	P 'горит'	двупредельный
<i>šimld-</i> 'шептаться'	EP, P 'зашептался', 'пошептался'	P 'шепчется'	ингессивно- непредельный
<i>šird-</i> 'красить'	ES, P 'покрасил', 'красил'	P 'красит'	слабый предельный
<i>täv-</i> 'класть'	ES 'положил'	P 'кладет'	сильный предельный
<i>tolkal-</i> 'руководить'	S 'руководил'	S 'руководит'	стативный

<i>tör-</i> 'рождаться'	ES 'родился'	P 'рождается'	сильный предельный
<i>tui-</i> 'гнать'	EP, P 'погнал', 'гнал'	P 'гонит'	ингрессивно- непредельный
<i>türk-</i> 'мазать'	ES, P 'намазал', 'мазал'	P 'мажет'	слабый предельный
<i>ива-</i> 'мыть'	ES, P 'помыл', 'мыл'	P 'моет'	слабый предельный
<i>umš-</i> 'читать'	ES, P 'прочитал', 'почитал'	P 'читает'	слабый предельный
<i>unt-</i> 'спать'	EP, P 'заснул', 'спал'	P 'спит'	ингрессивно- непредельный
<i>untr-</i> 'гаснуть'	ES, P 'погас', 'гас'	P 'гаснет'	слабый предельный
<i>ии-</i> 'пить'	ES, P 'выпил', 'пил'	P 'пьет'	слабый предельный
<i>ik-</i> 'умирать'	ES 'умер'	P 'умирает'	сильный предельный
<i>ims-</i> 'целовать'	Q, MP 'поцеловал', 'целовал'	MP 'целует'	мультипликативный
<i>iiurl-</i> 'дружить'	S 'дружил'	S 'дружит'	стативный
<i>üz-</i> 'видеть'	ES, S 'увидел', 'видел'	S 'видит'	слабый инцептивно- стативный
<i>ха-</i> 'стрелять'	Q, MP 'выстрелил', 'стрелял'	MP 'стреляет'	мультипликативный
<i>хаа-</i> 'закрывать'	ES 'закрыл'	P 'закрывает'	сильный предельный
<i>хaj-</i> 'бросать'	ES 'бросил'	P 'бросает'	сильный предельный
<i>хатхl-</i> 'ломать'	ES, P 'сломал', 'ломал'	P 'ломает'	слабый предельный

Приложение. Список глаголов

<i>xatx-</i> 'ломаться'	ES, P 'сломался', 'ломался'	P 'ломается'	слабый предельный
<i>xan'a-</i> 'кашлять'	EMP, Q, MP 'закашлял', 'кашлянул', 'кашлял'	MP 'кашляет'	ингрессивно- мультипликативный
<i>xäi</i> - 'искать'	P 'поискал'	P 'ищет'	непредельный
<i>xäil-</i> 'таять'	ES, P 'растаял', 'таял'	P 'тает'	слабый предельный
<i>xäil-</i> 2 'растопливать'	ES, P 'растопил', 'плавил'	P 'растопливает'	слабый предельный
<i>xälä-</i> 'смотреть'	P 'смотрел'	P 'смотрит'	непредельный
<i>zogs-</i> 'стоять'	ES, S 'встал', 'постоял'	S 'стоит'	слабый инцептивно- стативный
<i>zui-</i> 'кусать'	Q, MP 'укусил', 'кусал'	MP 'кусает'	мультипликативный

Литература

- Аркадьев П. М. (В печати). Глагольная акциональность // Тестелец Я. Г. и др. (ред.). *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка*. М.: РГГУ.
- Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. 2006. *Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке*. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН.
- Овсянникова М. А. Акциональные классы глаголов калмыцкого языка. Настоящий сборник.
- Татевосов С. Г. 2005. Акциональность: типология и теория // *Вопросы языкознания*, 1. С. 108–141.
- Tatevosov S. G. 2002. The parameter of actionality // *Linguistic Typology*, 6, 3. P. 317–401.

СПИСОК ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

В данном разделе представлена таблица грамматических показателей калмыцкого языка, встречающихся в статьях и текстах, вошедших в настоящий сборник (список сокращений, используемых при глоссировании, размещен в разделе «Условные сокращения»).

Таблица состоит из четырех столбцов.

Первый столбец — глосса, используемая для обозначения соответствующего показателя (в том числе сложные глоссы, состоящие из двух и более частей). При выборе обозначений за основу были взяты лейпцигские правила глоссирования (www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php).

Второй столбец — основной алломорф. По умолчанию в качестве основного алломорфа выбирается самый длинный заднерядный вариант соответствующей морфемы (например, для аккузатива в таблицу внесен алломорф *-igə*, хотя эта морфема реализуется при определенных условиях в виде алломорфов *-ig*, *-gə*, *-i* и некоторых других).

Таким образом, в этом столбце не обозначаются алломорфы, выводимые из основного по морфотактическим и морфологическим правилам (таким, как сингармонизм, появление «вставного» согласного звука /*ʌ*/ между гласными, упрощение групп согласных и т. п.), а также алломорфы, отличающиеся от основного наличием/отсутствием гласного шва (/ə/).

Несколько вариантов показателей одной категории приводятся через запятую, если сложно выделить среди них основной, но при этом каждая основа однозначно определяет алломорф, который будет с ней использован.

Один из вариантов морфемы дается в скобках, если варьирование носит свободный или идиолектный характер, а также если вариантами показателя являются отдельное слово (записывается без дефиса) и восходящий к нему аффикс (записывается с дефисом). В этой ситуации в скобках приводится аффикс.

В некоторых случаях одной глоссе соответствует более одной строки в таблице. Это обусловлено тем, что иногда выбор того или иного показателя не полностью определяется основой,

к которой он присоединяется. Как правило, это происходит в тех случаях, когда показатели имеют различную этимологию.

Третий столбец — обозначение выражаемой показателем категории, используемое в статьях, вошедших в настоящий сборник. Обозначения эти были разработаны участниками экспедиций с опорой на терминологию, представленную в русскоязычных грамматиках калмыцкого языка [Очиров 1964; Пюрбеев 1977, 1979; Санжеев 1983] и в грамматическом очерке У. Блезинга [Bläsing 2003], однако во многих случаях они носят условный характер.

Четвертый столбец — обозначение показателя, используемое в грамматике калмыцкого языка Г. Д. Санжеева [Санжеев 1983]. В случае совпадения с обозначением, представленным в столбце 3, ячейка оставлена пустой. Если морфема не рассматривается Г. Д. Санжеевым как отдельный показатель, в ячейке стоит прочерк.

1	2	3	4
1PL	<i>-vidn</i>	1 л. мн. ч	лично-предикативная частица
1SG	<i>-v</i>	1 л. ед. ч	лично-предикативная частица
2PL	<i>-t</i>	2 л. мн. ч	лично-предикативная частица
2SG	<i>-č</i>	2 л. ед. ч	лично-предикативная частица
ABL	<i>-asə</i>	аблатив	исходный падеж
ACC	<i>-igə</i>	аккузатив	винительный падеж
ADJ	<i>-kə</i>	адъективизатор	
APPR	<i>-vza</i>	апребенсив	предостерегательное наклонение
ASSOC	<i>-ta</i>	ассоциатив	совместный падеж
ASSOC.COLL	<i>-tən</i>	собирательность для обладателей	собирательность
CAUS	<i>-kə</i>	каузатив	побудительный залог
CAUS	<i>-ul</i>	каузатив	побудительный залог
CAUS	<i>-a</i>	каузатив	—
CAUS	<i>-gə</i>	каузатив	—
CAUS	<i>-kə</i>	каузатив	—

Список грамматических показателей

COLL	<i>-čud</i>	собирательность	множественное число, собирательность
COM	<i>-la</i>	комитатив	соединительный падеж
COMPL	<i>-čkə</i>	комплетив	законченный вид
CONT	<i>-a</i>	континуатив	причастие настоящего времени
COP.ADM	<i>-žə</i>	адмиративная связка	модальная частица неожиданности
COP.AFF	<i>mön</i> (<i>-mən</i>)	подтвердительная связка	
CV.ANT	<i>-ad</i>	разделительное деепричастие	
CV.IPFV	<i>-žə</i>	соединительное деепричастие	
CV.MOD	<i>-n, -l</i>	слитное деепричастие	
CV.PURP	<i>-xar</i>	целевое деепричастие	
CV.SUCC	<i>-xla</i>	условное деепричастие	
CV.SUCC2	<i>-xlagə</i>	условное деепричастие	—
CV.TERM	<i>-təl</i>	предельное деепричастие	
DAT	<i>-də</i>	датель	дательно-местный падеж
DIR	<i>-ur</i>	директив	направительный падеж
DISTR	<i>-ad</i>	дистрибутив	разделительные числительные
EVD	<i>-žə</i>	эвиденциальное прошедшее	прошедшее результативное
EXT	<i>-n</i>	неустойчивое <i>n</i>	
GEN	<i>-in, -a</i>	генитив	родительный падеж
HORT	<i>-ij</i>	гортатив	желательное наклонение
IMP	<i>-∅</i>	императив	повелительное наклонение

Список грамматических показателей

IMP.PL	<i>-tən</i>	императив мн. ч.	
IMP?	<i>-nčə</i>	императив (?) ¹	—
INS	<i>-ar</i>	инструменталис	орудный падеж
JUSS1	<i>-txa</i>	юссив 1-ый	желательное наклонение
JUSS2	<i>-g</i>	юссив 2-ой	желательное наклонение
NEG	<i>esə</i>	отрицание	отрицательная частица
NEG.COP	<i>uga</i> (<i>-go</i>)	отрицательная связка	отрицательная частица
NEG.IMP	<i>bičä</i>	прохибитив	отрицательная частица
NEG.PRS	<i>bišə</i> (<i>-šə</i>)	отрицательная связка настоящего времени	отрицательная частица
NMLZ	<i>-l</i>	номинализация	
NMLZ	<i>-lɛə</i>	номинализация	
NMLZ	<i>-ltə</i>	номинализация	
NMLZ	<i>-vər</i>	номинализация	
ORD	<i>-dəgčə</i>	порядковые числительные	порядковые числительные
P.1PL	<i>-mdən</i>	посессив 1 л. мн. ч.	лично-притяжательная частица
P.1SG	<i>-m</i>	посессив 1 л. ед. ч.	лично-притяжательная частица
P.2PL	<i>-tən</i>	посессив 2 л. мн. ч.	лично-притяжательная частица
P.2SG	<i>-čən</i> (<i>-čən^l</i>)	посессив 2 л. ед. ч.	лично-притяжательная частица
P.3	<i>-n^j</i>	посессив 3 л.	лично-притяжательная частица
P.REFL	<i>-an</i>	рефлексивный посессив	возвратная частица

¹ Неясная с морфологической точки зрения форма с семантикой зоны императива.

Список грамматических показателей

PASS	<i>-gdə</i>	пассив	страдательный залог
PC.FUT	<i>-xə</i>	причастие буд. вр.	причастие будущего времени
PC.FUT.COP	<i>-xov</i>	причастие буд. вр. со связкой	—
PC.HAB	<i>-dəg</i>	хабитуальное причастие	многократное причастие
PC.PASS	<i>-ata</i>	пассивное причастие	страдательное причастие
PC.PST	<i>-sən</i>	причастие прош. вр.	причастие прошедшего времени
PCL.AFF	<i>-xən</i>	подтвердительная частица	подтвердительная частица [285], просительная форма побудительного наклонения [231]
PCL.CONC	<i>čigən (-čən)</i>	уступительная частица	усилительно-выделительная частица
PCL.EMPH	<i>-l</i>	эмфатическая частица	усилительно-выделительная частица
PL	<i>-s, -d (-dud), -ud, -mud</i>	мн. число	
PL	<i>-nər</i>	мн. число	
PLR	<i>-сха</i>	глагольная множественность	—
PROG	<i>-žə</i>	прогрессив	длительный вид
PRS	<i>-na</i>	наст. вр.	форма настоящего конкретного
PST	<i>-v</i>	претерит	недавнепрошедшее время
PST.EMPH	<i>-va</i>	претерит (эмфатическая форма)	—
Q	<i>-ij</i>	вопросительная частица	
Q	<i>-u</i>	вопросительная частица	

Список грамматических показателей

Q	-b	вопросительная частица	
Q	-v	вопросительная частица	
RECP	-ldə	реципрок	взаимный залог
REM	-la	отдаленное прош. вр.	преждепрошедшее
SOC	-lcə	социатив	совместный залог

Литература

- Очиров У. У. 1964. *Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис*. Элиста: Калмгосиздат.
- Пюрбеев Г. Ц. 1977. *Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Пюрбеев Г. Ц. 1979. *Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Санжеев Г. Д. (ред.). 1983. *Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Bläsing U. 2003. Kalmuck // Janhunen J. (ed.). *The Mongolic languages*. London: Routledge. P. 229–248.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

A	агенсоподобный участник переходной предикации (семантико-синтаксический примитив)
DOM	дифференцированное маркирование объекта (Differential Object Marking)
EMP	вхождение в мультипликативный процесс (семантический ярлык)
EP	вхождение в процесс (семантический ярлык)
ES	вхождение в состояние (семантический ярлык)
INF	инфинитив (infinitive)
MP	мультипликативный процесс (семантический ярлык)
O	пациенсоподобный участник переходной предикации (семантико-синтаксический примитив) в обозначении порядковых моделей (SOV и т. п.)
OBL	косвенная позиция (oblique)
P	пациенсоподобный участник переходной предикации (семантико-синтаксический примитив)
P	процесс (семантический ярлык)
POSS	посессор (possessor)
Q	квант мультипликативного процесса (семантический ярлык)
S	ядерный актант непереходной предикации (семантико-синтаксический примитив) В составе обозначений порядковых моделей (SOV и т. п.) в соответствии с традицией используется вместо A.
S	состояние (семантический ярлык)
V	глагол (verb)
ИГ	именная группа
КСА	конструкция с сентенциальным актантом
ПД	Прямое дополнение
СА	сентенциальный актант
буд.	будущее
букв.	буквально
вр.	время
г.	год
ед.	единственное
л.	лицо
мн.	множественное
наст.	настоящее
прош.	прошедшее
ч.	число

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ГЛОССАХ

ABL	ablative	IPFV	imperfective
ABS	absolutive	JUSS	jussive
ACC	accusative	MOD	modal
ADJ	adjectivizer	NEG	negation
ADM	admirative	NMLZ	nominalization
AFF	affirmative	OPT	optative
ANT	anterior	ORD	ordinal
APPR	apprehensive	P	possessive
ASSOC	associative	PART	partitive
CAUS	causative	PASS	passive
COLL	collective	PC	participle
COM	comitative	PCL	particle
CONC	concessive	PFV	perfective
CONT	continuative	PL	plural
COP	copula	PLR	pluritative
CV	converb	POT	potential
DAT	dative	PROG	progressive
DIR	directive	PRS	present
DISTR	distributive	PST	past
EMPH	emphatic	PURP	purposive
EVD	evidential	Q	question
EXT	extension	RECP	reciprocal
FUT	future	REFL	reflexive
GEN	genitive	REM	remote past
HAB	habitual	SG	singular
HORT	hortative	SOC	sociative
IMP	imperative	SUCC	successive
INS	instrumental	TERM	terminative

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указателе использованы следующие обозначения: « $\alpha \supset \beta$ », « $\beta \subset \alpha$ » ‘ α является гиперонимом по отношению к β ’; « $\alpha \cap \beta$ » ‘понятия, обозначенные терминами α и β , имеют зону содержательного пересечения’.

- А (семантико-синтаксический примитив) 408, 446, 468–471, 479, 481, 489, 493–494
- Р (семантико-синтаксический примитив) 408, 468–471, 478–479, 481, 489, 493–494
- S (семантико-синтаксический примитив) 468–471, 479, 481, 493–494
- аблатив (\subset *падеж*) 69, 79, 86–92, 350–351, 365, 403, 427, 445–446, 459, 555, 566, 638, 641, 644, 646, 867
- агенс (\subset *роль*) 83–84, 314, 317, 348, 351–352, 355, 364, 371, 382, 410, 425–426, 428, 529, 560
- агентивность 355, 357–358, 369–372, 376–377, 384, 388–389
~ ситуации 368, 377, 381–382, 384
- адмиратив 132–133, 135–136, 706, 868
- адресат (\subset *роль*) 193–194, 198, 203, 205, 213–214, 216–218, 334, 348, 406–407, 539, 643
- адъективация 520, 642
- аккузатив (\subset *падеж*) 44, 77–79, 85 193–195, 198, 203, 207, 209, 211, 213, 215, 217–221, 397, 399, 401, 414, 445–447, 468–470, 479–480, 482–483, 493, 499, 526–527, 538, 541, 543, 556–557, 558, 561, 565–570, 578, 585, 588–589, 594, 597, 599, 605–606, 637–641, 645–646, 651, 654, 682, 693, 704, 725, 790, 867
~ субъекта 191, 210, 232, 419, 433, 481, 581–620, 640, 685, 704
немаркированный ~ 42–75, 397, 411–412, 480, 616–617, 637–638, 640, 645
- актант (\supset *сентенциальный актант*, \cap *аргумент*) 59, 102, 213, 229–230 253, 372, 397, 399–401, 429–430, 440, 445, 460, 472, 519–520, 582
ядерный ~ 468–469, 470, 479–482, 489, 493
- актантная деривация (\supset *каузатив*, \supset *декаузатив*) 276, 282, 296, 304, 396–422, 431, 441, 457, 474, 479, 488, 490, 493
- актантная рамка (\cap *аргументная структура*, \cap *валентность*) 78, 682–683
- актуально-длительное значение 103, 249, 274, 283, 290, 671–674
- актуальное членение (\cap *коммуникативное членение*) 56, 413
- акциональность 17, 94–97, 99, 114, 120–122, 138, 147–148, 259, 261–262, 272, 279–280, 287, 306, 670, 681, 690

- акциональное значение —
 см. *вхождение в мультипликативный процесс, вхождение в процесс, вхождении в состояние, мультипликативный процесс, процесс, состояние*
- акциональный класс 17, 94–123, 125, 137, 144, 228, 229, 231, 237–244, 252–253, 259, 261, 514–515, 523, 857–865
- аналитическая форма (Π *сложный глагол*) 124–125, 127–129, 136, 138–139, 142–143, 148–149, 151, 156–157, 444, 477–479, 679, 685–686, 688, 707, 719
- анафора 602, 605, 619
- антипассив 440–441, 456
- антирезультатив 301
- апребенсив (Σ *наклонение*) 161–164, 168–169, 180–191, 207, 218, 222, 444, 677, 698, 867
- аргумент (Π *актант*) 81, 94, 96, 212, 275, 324, 351, 355, 380, 388, 415, 557, 567, 586–587
- аргументная структура (Π *актантная рамка, Π валентность*) 77, 79, 81, 214, 258, 275–276, 327–329, 334, 337, 387–461, 538–539, 641
 предпочтительная ~ 446
- аспект (Π *комплетив, Π прогрессив*) 43, 69, 124–128, 137, 142, 144–157, 162, 227, 229, 244, 255, 257, 271–273, 276, 295–296, 299–300, 304, 306–307, 321, 325, 469, 473–474, 477–479, 487, 491, 493–494, 577, 667–672, 674–675, 681–682, 687–688, 690
 количественный ~ 244, 259, 281, 287, 307
 линейный ~ 244, 281
- аспектуальная композиция 96–97
- ассистив (Π *помощник*) 333–340, 344, 642
- ассоциатив 173, 471, 638, 643, 644, 666, 867
- бенефактив (Σ *сложный глагол*) 125, 245, 249–253, 259, 273–279, 299, 307, 827
- рефлексивный ~ 249, 259, 274–277, 303, 307, 442
- бенефициент (Σ *роль*) 274–275, 278, 348, 643
- биклаузальность (Π *клауза*) 199, 211, 218–220, 222, 256, 267, 412–419, 421–422
- валентность (Π *актантная рамка, Π аргументная структура*) 76–77, 79, 91, 229–230, 400, 421, 429, 448, 583
- вариативность 10, 36, 49, 157, 399, 527, 633–634, 636, 644, 654–655, 698–701
- вежливая форма 172, 321, 644, 654
- взаимный залог — см. *реципрок*
- вид — см. *аспект*
- вовлеченность 69, 83–85, 90–92, 96, 103, 407, 643
- волитивность 352, 355–356, 368, 388, 398–399, 425, 439, 530, 576
- вопросительность (Π *местоимение > вопросительное ~*) 662–663, 672, 687–688, 698, 706
- время (⊃ *настоящее время, ⊃ отдаленное прошедшее время, ⊃ претерит, ⊃ эвиденциальное прошедшее время*) 17, 156, 253, 469, 473–474, 479, 485–487, 494, 520, 523, 667–668, 672, 676, 681
 абсолютное ~ 237, 509–511, 514, 523, 681, 719

- зависимое ~ 542–550, 554, 577–578
- относительное ~ 225, 237, 510–512
- план будущего ~и 473, 508–510, 513, 519, 522, 698
- план настоящего ~и 473, 486, 509, 512–513, 517, 522, 671, 676, 687, 695–696, 698
- план прошедшего ~и 288, 293, 486, 509, 511–512, 514–515, 523, 697, 720
- вспомогательный глагол (Π *аналитическая форма*, Π *сложный глагол*) 125, 127, 139, 142, 148–149, 154, 246, 255–257, 270, 288, 444, 669
- вхождение в мультипликативный процесс, ЕМР (Σ *акциональное значение*) 98, 101, 111–112, 858–865
- вхождение в процесс, ЕР (Σ *акциональное значение*) 98–99, 101, 109, 112, 243, 858–865
- вхождение в состояние, ЕS (Σ *акциональное значение*) 98–101, 106–107, 111–112, 147, 238–241, 243–244, 248, 252–253, 858–865
- генитив (Σ *надеж*) 78–79, 85, 419, 444, 469–471, 479, 505, 638–639, 646–648, 652, 654, 658–659, 680, 701, 707, 868
- глагол 94–123, 413–414, 662, 682
- ~ы восприятия 527, 535–536, 549, 561
- ~ы движения 109, 115, 245–247, 251–252, 255, 257, 259, 264–267, 271, 286, 292, 294–302, 303, 428–429, 477, 502
- ~ы звучания 109, 113–114, 121, 399
- ~ы передачи 125, 257, 400
- ~ы позиции 115–116, 125
- ~ы речи 109, 113–114, 121, 128, 152, 192, 210–211, 214, 217, 220–222, 255, 257, 282, 284–288, 302, 436, 527, 532–534, 543, 561, 572, 576, 704
- ~ы физического контакта 78–81
- агентивные ~ы 347, 378–381, 383, 584, 857
- волитивные ~ы 527, 529–530, 532, 536, 538–540, 543, 547–548, 561, 576–577
- дезидеративные ~ы (Π *дезидеративная конструкция*) 438, 529
- директивные ~ы 390, 527, 536–540, 543, 547–548, 561, 570, 577
- инхоативные ~ы (Π *инхоатив*) 253, 380–382, 384
- матричные ~ы 191–192, 195, 200, 203, 210, 213–214, 217, 222, 229–231, 256, 390–391, 405, 438, 471–472, 483, 526–527, 529, 531–533, 538, 542–543, 545–547, 552–554, 556, 558, 560, 564–565, 568, 576–578, 583, 586, 588, 591, 593, 598, 606–607, 611, 616, 682, 684, 689
- ментальные ~ы 407, 447, 527, 533–534, 543, 561, 576–577, 704
- модальные ~ы 229–230, 527, 530, 548, 561, 576
- неагентивные ~ы 347, 378, 380–383
- непереходные ~ы (Π *переходность*) 109, 139, 145, 215, 267–270, 272, 276, 282, 340,

- 347, 377–384, 394, 396–399, 414, 421, 427–429, 433, 447, 459, 470, 489, 606, 608, 670, 857
- пациентивные ~ы 381, 857
- переходные ~ы (*Π переходность*) 79, 83, 145, 215, 261, 268–270, 273, 279, 282, 347, 362, 283, 396–397, 400–401, 409, 413, 421, 423, 429, 433, 442, 446–448, 459, 489, 519, 564, 585, 641, 670, 680, 682, 714, 857
- фазовые ~ы 229–230, 253, 527, 530, 532, 550, 561, 576
- фактивные ~ы 527, 561, 572, 576
- эмотивные ~ы 427–429, 527, 554–555, 561, 566
- эпистемические ~ы 572
- глагольная группа 63, 412, 602, 662
- гортатив (*Σ наклонение*) 161, 169, 174–175, 194, 200, 205, 211–222, 444, 537, 677, 678, 868
- грамматикализация 121, 125, 128, 154, 157, 163, 190, 192, 210, 217–218, 222, 244, 246–247, 251–252, 255–307, 341, 534, 577, 636, 656, 660, 669, 677, 694, 696, 700, 703
- датель (*Σ надеж*) 79, 118, 194, 203, 215–216, 264, 275, 348, 350–351, 365, 378–379, 400–401, 403–407, 426, 445–446, 448, 459, 527, 538, 552–553, 555, 563, 565–570, 608, 638, 643, 644, 654, 868, 684, 691
- двупредельные глаголы (*Σ акциональный класс*) 101, 105, 110, 114–115, 238, 514, 859–865
- деагентивация 352, 359–362, 366–371, 373–374, 376, 383–384
- деепричастие 17, 125, 144, 156, 207, 210, 222, 225, 258, 323, 341–342, 419, 443–444, 482–483, 490, 497, 502, 526–532, 536, 540, 550, 577, 653, 662, 668–669, 671–672, 689–694, 700, 703, 719–720, 729
- каноническое ~ 225
- квази~ 225
- нарративное ~ 233–234, 720
- предельное ~ 232, 608, 689, 693, 729, 868
- разделительное ~ 127, 146, 154, 225–254, 256–257, 260, 263–264, 273, 281–286, 288–289, 291–293, 298, 301–302, 451, 530, 532, 576, 662, 676, 689–690, 697, 699, 704, 720, 729, 868
- слитное ~ 234–236, 256, 289, 689, 694, 699, 700, 729, 868
- соединительное ~127–128, 139, 146, 154, 225–254, 256–257, 260, 264, 271–273, 277, 281–283, 286, 289–292, 296, 298, 301–302, 304, 306, 419–420, 526, 530, 532, 576, 689–690, 699–703, 723, 729, 868
- условное 190, 198, 232, 256, 483, 540, 608, 689, 690–693, 720–721, 723–724, 729, 868
- целевое ~ 256, 419–421, 432–440, 482–483, 528–530, 532, 538, 576, 596, 663, 723, 729, 868
- деепричастный оборот 229, 231–244, 246–247
- дезидеративная конструкция (*Π глагол > дезидеративные ~ы*) 438–439

- дейктический центр 199–200, 216, 264, 300, 533, 704
- декаузатив 332, 351, 359–362, 366–371, 376–377, 379, 381
- десемантизация 257–258, 267, 276, 281, 285, 295, 298–299, 303–305
- диалект 9, 24, 36, 403, 622, 661
- диатеза 329, 347
- активная ~ 353
- исходная ~ 327, 334
- пассивная ~ (Π *пассив*) 353
- диахрония 146, 188
- директив (Σ *надеж*) 211, 426, 471, 638, 643–644, 646, 868
- дискурс (Π *частица* > *дискурсивная*) 141, 392, 432, 441–442, 444, 446, 448–450, 454–456, 458–461, 649–650, 659, 662, 691, 707, 712, 715–716, 718–726
- дистрибутивность (Π *квантор* > *дистрибутивный*) 665, 868
- дополнение 220, 328, 388, 471, 503–504, 520, 522, 707
- агентивное ~ (Π *пассив*) 348–351, 364–365, 403, 520, 680
- косвенное ~ 203, 329, 334, 401, 409, 413, 415, 420–421, 454, 461, 499–500, 504, 680, 707
- непрямое ~ 400, 499–500, 504, 507, 564
- прямое ~ 42–75, 77–78, 81, 83, 92, 122, 198, 221, 327, 329, 348, 396–397, 400–401, 408–411, 413–415, 421, 429, 450, 453–454, 456, 459, 461, 483, 498–500, 503–504, 507–508, 518, 564, 582–583, 585–593, 597–598, 600, 608, 613, 616–617, 619, 680, 707
- дуратив 127–128, 149, 153, 250–251, 259, 283–284, 286, 291, 294–297, 300, 304, 307, 671, 858
- залог (Σ *пассив*) 431, 440, 457, 469, 474, 479, 488, 493
- идиолект 10, 37, 270–271, 286, 297, 325, 714
- иерархия доступности (Π *синтаксические отношения*) 499, 507, 521
- иконичность 230, 530, 720
- именная группа 16, 42–75, 196–197, 211, 213, 217, 264, 317, 322–323, 433, 446, 449, 452, 461, 465, 467–472, 475, 482, 491, 494, 498–499, 505, 522, 538, 551, 555, 560, 566–568, 581, 635, 641, 655, 657, 661, 663–667, 679, 681, 695, 700, 702–703, 707, 725–726
- императив (Π *императивная зона*, Σ *наклонение*) 11, 161–162, 169, 191, 195, 198, 201, 205, 444, 537–539, 547, 677–678, 706, 842, 868
- ~ множественного числа 161, 169–174, 205–206, 537, 677–678, 869
- императивная зона 160–223, 433, 443–445, 677–678, 695, 729
- имперфектив 98, 100, 121, 128, 144, 149–157, 245, 273–274, 282, 306, 509, 512–517, 523, 671
- импликативность 531, 540, 544, 561, 578
- имплицитность (Π *эллипсис*) 184, 409–410, 431, 445–448, 450, 453–455, 549, 723
- имя действия (Π *номинализация*, Π *существительное* > *отглагольное* ~) 18, 465–466, 470–478, 556, 667–668

- имя нарицательное 48, 49, 53, 57, 63, 72–73, 609–610, 616
- имя собственное 44, 46, 53, 72, 397, 609–610, 616, 659
- инг्रेसивно-мультипликативные глаголы (*с акциональный класс*) 101, 105, 110–111, 238, 243, 514, 859–865
- инг्रेसивно-непредельные глаголы (*с акциональный класс*) 101, 105, 108–110, 113, 148, 238–239, 266, 514, 859–865
- индикатив 17, 163–164, 172, 181, 197, 207, 210, 443–444, 525, 534–536, 540, 548, 577, 667–668, 672, 694, 698, 704, 706, 719, 729
- инициатор 334, 355, 357, 368, 379
- инклюзив 169, 175, 654
- инкрементальная ситуация 96–97
- инкрементальный участник 96–97, 103
- инструмент (*с роль*) 83–84, 91, 398–399, 410, 414, 520
- инструменталис (*с надеж*) 79, 81, 86–92, 215–216, 348, 350–351, 365, 388, 397–401, 403–404, 406, 413–414, 436, 446–448, 459, 477, 482, 638, 641, 644, 646, 665, 691, 696, 869
- интенсив 127, 250, 279–280, 286, 288, 297, 395
- интенсификатор 657–658
- интерференция 10, 413, 673, 713–714
- инферентив 129, 134
- инхоатив (*П глагол > инхоативные ~ы, П начинательность, П фаза ситуации > начальная ~*) 136, 266–267, 306
- ирреалис 682, 686
- исполнитель 167–172, 174–176, 188, 200, 202–207, 214, 220–221, 352, 358–359, 362, 370, 389, 407, 422, 424–425, 433–434, 674
- итератив 102, 111, 154, 250, 283, 287, 291, 312, 325, 487–488, 671
- каузатив 17, 258, 263, 268–270, 276, 303–304, 329, 332, 347, 362–377, 382, 384, 387–461, 474, 488, 490, 493, 529, 538, 667–668, 723, 867
- аналитический ~ 389–390, 405, 421
- двойной ~ 395
- канонический ~ 363, 365, 387–388, 392, 396, 403, 421, 431, 447–448, 459–460
- контекстный ~ 423
- лексический ~ 389–392, 489
- морфологический ~ 215, 217, 389–461
- каузатор 167, 174, 176, 204, 214, 220–221, 351–352, 356, 364, 369–370, 372, 377, 379, 381, 388–389, 398–399, 419–422, 426–427, 429–431, 434, 439, 445–446, 448, 450–451, 453, 459, 537
- неагентивный ~ 352–353, 379, 381–382, 384
- каузация 292, 303, 372–373, 377, 389–390, 451
- дистантная ~ 389–390, 392, 395, 413, 416, 425, 435
- иллокутивная ~ 165–171, 174–177, 181, 184, 187–188, 202–203, 205–206, 211, 214, 216, 218–222
- контактная ~ 389, 391–392, 395, 412, 435

- опосредованная ~ 166–168, 172, 175–178, 202–206, 210–211
- пермиссивная ~ (Π *пермиссив*) 165, 372, 377, 384, 404
- прямая ~ 166–168, 170, 172, 176–179, 202–206, 210–211
- фактитивная ~ 165, 372, 404–405
- квант мультипликативного процесса, Q (\subset *акциональное значение*) 99–101, 110–111, 147, 238, 243–244, 252, 254, 280, 858–865
- квантификация (Π *квантор*) 43, 65–68, 661
- квантованность 279
- квантор (Π *квантификация*) 65–72, 598, 611, 654, 659
- ~ всеобщности 65, 279, 661
- дистрибутивный ~ 65–66, 70, 323, 661
- недистрибутивный ~ 65
- плавающий ~ 66, 661
- клауза (предикация) (Π *биклаузальность*, Π *моноклаузальность*) 139, 217, 253, 256, 341–342, 353, 412, 415, 419, 450–451, 453, 519, 528, 602, 618, 651, 703, 720, 726
- главная ~195, 199, 203, 210, 212, 216–217, 220–221, 232, 432–435, 437, 465, 474, 487, 491, 501–502, 505, 509, 511–513, 516, 523, 544, 547, 572, 574, 577, 582–583, 586–587, 590–593, 597–602, 604, 606, 609, 614, 618, 723
- зависимая ~ (Π *подлежащее > зависимой клаузы*) 18, 162, 171, 189–221, 202–203, 208–213, 216–217, 220–221, 231, 433–434, 436–437, 439, 445, 448, 474, 479, 484–488, 491, 495, 497, 505, 509, 512, 516, 525, 531–532, 540, 545–546, 550, 557, 560, 572, 577–578, 581–620, 651, 656, 673, 677, 682–683, 685, 692–693, 698, 704, 707, 720, 722–723
- финитная ~ (Π *финитность*) 467–468, 475, 491, 529, 720, 722
- клитика 271, 304
- комитатив 482, 608, 638, 641, 644, 646, 666, 691–693, 868
- коммуникативное членение (Π *актуальное членение*) 43, 54–64, 413, 612, 614, 616–617
- коммуникативный статус 55–64, 72, 352, 441, 481
- комплетив (Π *аспект*) 127, 136, 139, 144–149, 155, 157, 162, 231, 241, 245, 247, 249–253, 259–264, 266–274, 276–277, 279, 290, 304, 306, 486–487, 493–494, 667, 669–670, 674, 682, 767, 868
- конатив 245–247, 251–252, 259, 301–302, 303, 307
- конативная альтернатива 83–84
- конверсия 663–664
- континуатив 127–128, 144–145, 150, 153, 156, 444, 506, 672, 676, 868
- контроль (семантический) 111, 120, 122, 132, 135, 165, 173–174, 177, 179, 202–206, 211, 301, 355, 359, 368, 372, 384, 389, 399, 426, 674, 685
- контроль (синтаксический) 212–213, 216–217, 432, 560–563, 568–569, 572–573, 578, 587, 684, 702–703

- объектный ~ 560–561, 573
 субъектный ~ 560–561, 572–576
 кореферентное опущение 441, 586–591
 кореферентность 15, 199, 212, 220, 232–233, 355, 383, 440, 441, 456–457, 461, 491, 529, 560, 572, 574, 650–653, 658, 702, 723
 косвенная засвидетельствованность — см. *эвиденциальность*
 кумулятивность 96–97
 кунктатив 234, 237
 лабильность 269, 408–409
 лексикализация 179, 245, 258–259, 276, 278–279, 286, 304, 394, 412, 477–478, 491, 637, 642
 лексическая семантика 257
 ~ глагола 257, 259, 267, 280, 283, 305
 лимитатив 105–108, 111–114, 116–120, 122, 146, 242, 260, 262
 лингвистическая биография 23, 27, 35–36, 39
 литературный язык 9, 24, 160, 189, 260–262, 272, 281, 300, 403, 622, 626, 645
 лицо 162–163, 167–172, 174–176, 181, 188, 192, 200–210, 214, 216, 222, 234, 342, 527, 541, 572, 574–575, 578, 592, 644, 647, 649, 652, 654, 657, 674, 676–678, 684, 686–688, 692, 705
 первое ~ (П *локутор*) 132, 135, 199, 207, 213
 локативность 399, 643
 локутор 445, 452
 местоимение 44, 46, 48, 53, 72, 199, 201, 216, 317, 355, 446, 589–590, 609–610, 616, 653–663, 724
 возвратное ~ — см. *рефлексив*
 вопросительное ~ (П *вопросительность*) 47, 72, 659–660
 личное ~ 47, 173, 200, 207–208, 213, 318, 321, 323, 397, 446, 649, 654–656, 701
 неопределенное ~ 659–661, 706
 отрицательное ~ 660
 реципрокальное ~ 328, 336, 339, 344, 658–659
 указательное ~ 64, 318, 655, 659, 724–725
 многократность (П *хабитуалис*, П *хабитуальное причастие*) 320, 395
 множественность 71, 319
 ~ событий 312, 320–321, 325–326
 ~ участников 251, 279–281, 310–344
 глагольная ~ 17, 245–246, 250–253, 280, 304, 310–344, 667–668, 870
 субстантивная ~ 311–313, 325
 моноклаузальность (П *клауза*) 212, 218–220, 222, 412–419
 морфологизация 185–186, 263, 272, 282, 290, 296, 306
 мультиобъектность 279–281, 312–313
 мультипликативные глаголы (С *акциональный класс*) 101, 110, 147–148, 238, 239, 242–243, 254, 280, 287, 514, 859–865
 мультипликативный процесс, МР (С *акциональное значение*) 98, 101, 110–113, 122, 147, 242–243, 252, 281, 321, 522, 858–865
 мультисубъектность 312–313, 319

- наклонение (\supset *апрехенсив*, \supset *гор-татив*, \supset *императив*, \supset *юссив*) 17, 160–223, 525, 536–540, 667–668, 672, 677–678, 698, 704, 719, 729
- наречие 59, 104, 476–477, 492–494, 642, 653, 665, 682, 690–691, 702
- нарратив 43, 53, 130, 141, 143, 152, 233, 253, 444, 455, 458, 662, 674, 713, 720–722, 726–727
- настоящее время (\subset *время*) 100, 103, 115, 121, 129, 152, 155, 173, 207–208, 274, 282, 293, 298, 300, 415, 671–675, 686–687, 698, 721, 858, 869–870
- начинательность (\cap *инхоатив*) 102, 104–114, 120–123
- неотчуждаемость (\cap *посессивность*) 90, 650
- непредельные глаголы (\subset *акци-ональный класс*) 101, 104–105, 110, 122, 137, 148, 262, 272, 290, 306, 514–515, 670, 859–865
- номинализация (\cap *имя действия*, \cap *существительное > отглагольное ~*) 17, 259, 465–495, 541, 551, 564, 571, 577, 681, 869
- номинатив (\subset *падеж*) 12, 66, 232, 445–446, 468, 481–482, 493, 505, 522, 584, 587, 592, 599, 601–602, 607–618, 634–636, 638–639, 641, 644–646, 651, 654, 658, 680, 690, 693, 701–702
- нулевое подлежащее 212, 420, 447, 529, 560, 571, 594, 596
- нулевой аффикс 11, 162, 169
- обладаемое (\cap *посессор*, \cap *посессивность*) 76–92, 503–504, 641, 649
- обстоятельство 62, 104, 150, 414, 416–417, 487, 601, 663, 680, 695, 707
- ~ времени 94, 97, 102, 117–119, 472–473, 510, 512, 516–517, 520, 523, 530
- ~ длительности 104, 118–120, 283, 416, 523
- ~ образа действия 227, 235, 520, 699
- ~ причины 472–473
- ~ срока 118–120
- объект сравнения 499–500, 504
- одновременность (\cap *таксис*) 227–231, 236, 238, 240–246, 473, 486, 509, 514–516, 523, 530–531, 542–544, 547, 577, 671, 681, 689–691
- односубъектность (\cap *подлежащее*) 232–233, 252, 434, 436–437, 440–442, 451, 483, 683–684, 689–690, 692–693
- одушевленность 43, 46–54, 60–63, 67–68, 71–72, 114, 122, 273, 277, 284–285, 318–319, 324, 348–349, 354, 357–358, 360–362, 365–366, 369, 371, 374–377, 380, 383–384, 397, 411, 429, 455–456, 608–610, 615–617, 636–637, 640, 659
- определение 64, 85, 472, 595, 657, 663, 665, 707
- определенность (\cap *референциальный статус*) 42, 46, 47–52, 54, 57, 60–61, 64–65, 68, 70–72, 469, 610, 612, 637, 640, 650, 653, 659, 722, 724–725
- оптатив 166, 189–190

- ориентир (с *роль*) 368, 425, 429–430, 643
- отдаленное прошедшее время (с *время*) 124, 127, 138–143, 145, 149, 152, 156–157, 163, 282, 288, 293, 298, 300, 535, 672–673, 675, 686, 697, 721, 871
- относительный оборот (П *релятивизация*) 65, 124, 142–143, 153, 419, 443, 467, 479–480, 497–523, 541, 551, 557, 577, 641, 671, 675, 679, 689, 700
- отрицание (П *отрицательная связка*, П *частица* > *отрицательная* ~) 163–164, 181, 186, 222, 234–237, 258, 263, 271, 278–279, 281, 288, 295–296, 301–304, 322, 417–418, 436–437, 469, 475–476, 479, 490, 493–495, 522, 531–532, 546, 636, 660, 669, 686, 691, 699–700, 869
- отрицательная связка 163–164, 173, 181, 185, 229, 234–237, 253, 436, 490, 625, 631, 643, 676, 694–697, 699, 799, 825, 844, 869
- падеж 42, 44, 67, 324, 397–401, 419, 469, 471–472, 479–480, 482–483, 493, 526–528, 541, 551, 557, 573, 577–578, 608, 635–646, 651, 654–655, 663–666, 682–685, 691–692, 699–701, 703, 717
- периферийный ~ (П *дополнение* > *косвенное*, П *синтаксическая позиция* > *периферийная* 76–92, 641
- партитив 43, 65–72, 87–88
- пассив (с *залог*) 17, 258, 271, 303, 347–384, 401–403, 430–432, 440, 456, 460, 488–489, 519, 590–591, 598, 606, 619, 667–668
- квази~ 365, 372–377, 870
- экспериментальный ~ 378–380, 384
- пациенс 42, 43, 96, 114, 173, 314, 317, 350–351, 354–357, 360–361, 366, 371, 372, 375–377, 380, 382, 384, 857
- переключение кодов 36, 38, 713–715
- пересказывательность 129
- переходность (П *глагол* > *непереходные* ~ы, П *глагол* > *переходные* ~ы) 145, 157, 261, 270, 275, 282, 327, 382, 388, 408, 410, 469, 608
- семантическая ~ 359, 377
- пермиссив (П *каузация* > *пермиссивная* ~) 165, 276, 376, 389, 404, 430
- перспектива говорящего 422–432, 437, 444, 449, 451, 455, 460, 723
- перфект 138, 671
- перфектив 98, 100, 107, 109, 120–121, 136, 145–149, 155, 157, 245, 259–274, 276, 279, 306, 509, 519, 523, 858
- письменный язык 24–25, 33–35, 40, 146, 261, 263
- плюсквамперфект 138–139, 141
- подлежащее (П *односубъектность*, П *разносубъектность*) 58–59, 61, 70–71, 169, 194, 198, 210–212, 218–221, 318–319, 322–323, 324–325, 328, 334, 349, 354–355, 357, 383, 388, 396, 401, 412–414, 419–432, 434, 437, 439, 442, 445–446, 450–451, 453–455, 459–461, 499–

- 500, 503–504, 507, 522, 557, 570, 590–592, 596, 598, 619, 640–641, 650–651, 653, 658, 676–677, 680, 683, 685–688, 690, 692–693, 702–703, 707, 722, 725
 ~ зависимой клаузы 415, 419–420, 433, 440, 491, 505, 529, 538, 541, 574, 582, 693, 704
 ~ пассивной конструкции 348–350, 358, 360–362, 365–366, 369, 371, 374–377, 384
 подъем аргумента 18, 581–620, 685
 подъем посессора (\cap *посессор* > *внешний*) 82
 полевая лингвистика 36–37, 40
 полипредикация (\cap *предложение* > *сложное* ~) 18, 391, 420, 432–442, 457, 704, 720
 помощник (\cap *ассистив*) 334
 порядок слов 43, 54–64, 72, 80, 195, 197, 258, 276, 413–415, 422, 600–603, 605, 635, 695, 706, 725
 посессив 80, 91, 171, 209–210, 420, 503, 505, 508, 522, 526–528, 572, 575–578, 597, 608, 635, 637, 655–657, 678, 682–684, 692–693, 699, 702, 717, 724–725, 869
 рефлексивный ~ (\cap *рефлексив*) 48–49, 73, 118, 194, 197–198, 211–212, 355, 419–420, 433, 437, 468, 470, 480, 483, 491, 493, 483, 572–575, 578, 594–595, 646–648, 650–653, 656–658, 683, 692–693, 702–703, 869
 посессивность 73, 541, 551, 557, 641, 644–653, 663–664, 666
 посессор (обладатель) 64, 78, 80–82, 85, 329, 420, 425–426, 499–500, 503–505, 520, 522, 572, 644, 647, 649–650, 653, 658, 702
 внешний ~ 76–92, 407
 послелог 264, 409, 472–473, 479–480, 484, 493, 499–504, 520, 522, 605, 608, 651, 653, 658, 700–703, 707
 посредник 129, 167, 168, 171, 176, 178, 214
 превентив 182–184
 предельность 96–97, 102–103, 114, 116–120, 137, 140, 147–148, 238, 248, 250, 252–253, 261–262, 266–267, 272, 278, 291, 515, 519, 523, 670, 674, 680
 предикат 96, 212, 231, 342
 ~ индивидуального уровня 151, 686
 двухместный ~ 389, 399, 427–429, 583, 857
 одноместный ~ 268, 414, 583, 857
 симметричный ~ 332
 предикация — см. *клауза*
 предложение 457, 530–532, 544, 577, 721–722, 727
 независимое ~ 124, 142–143, 169, 189–190, 202–203, 207, 216, 256, 470, 478, 485, 506, 508, 511, 519–520, 597, 603, 672, 676–677, 679, 685–686, 689, 696, 703
 неопределенно-личное ~ 358, 370
 обобщенно-личное 452
 сложное (\cap *полипредикация*) ~ 432
 предшествование (\cap *таксис*) 139, 149, 156, 226–231, 236–246,

- 473, 485, 509–510, 512–516,
519, 680–682, 689–690
- пресуппозиция 175, 531, 536, 653
- претерит (*с время*) 95, 100–101,
103–124, 124, 127, 136–138,
141, 145, 147, 149, 154–157,
163, 633, 671–673, 677, 697–
698, 721, 840, 858, 870
- прилагательное 44, 476, 479, 485,
492, 637, 642, 663–665
- причастие 18, 44, 45, 124–125, 127,
135, 136, 144, 156, 163–164,
171, 207–211, 256, 288, 342,
443–444, 467, 474–475, 478–
493, 497–523, 526–528, 534–
536, 541–577, 584, 592, 597–
598, 608, 653, 667–668, 671–
672, 675–676, 679–689, 692,
697, 700, 703, 705, 719–720,
723, 729
- ~ будущего времени 200, 207,
436, 444, 467, 479, 484–485,
493–494, 499, 507–517, 522,
526, 531–532, 535, 539, 542,
544, 546–547, 552, 557, 577–
578, 582, 608, 672, 679, 681,
683–684, 686, 688–689, 691–
692, 696, 698, 705, 729, 870
- ~ в финитной функции (*П финитность*) 443, 508, 519–
520, 602, 685–719
- ~ возможности 506
- ~ настоящего времени — см. *континуатив*
- ~ прошедшего времени 124,
126–127, 142–143, 145, 163,
234, 467, 484–486, 493, 499,
507–517, 519–520, 522, 534–
535, 542, 544–545, 577, 602,
608, 672, 679, 681–683, 685,
688–689, 697, 705, 870
- однократное ~ 506
- пассивное ~ 135, 353–354, 356–
358, 401, 499, 508, 518–520,
522, 679–681, 685, 870
- хабитуальное ~ 108, 127, 145,
150–152, 156, 288, 467, 479,
484–485, 487, 493–494, 499,
507, 509, 517, 521–523, 542,
544–547, 550, 562, 577–578,
608, 679, 681–689, 698, 705,
729, 870
- пробабилитив 185, 187
- пробел 501, 680
- прогрессив (*П аспект*) 100–103,
111, 115–116, 121, 127–128,
144, 152, 154–157, 162, 232,
236, 245–247, 250–253, 259,
274, 282–284, 290, 293, 295–
296, 299, 304, 306, 415, 416,
486–487, 493, 512–517, 523,
542, 547, 549, 667, 669–672,
674–675, 681–682, 686, 858,
870
- прохибитив 164, 181, 694–695,
698, 869
- процесс, Р (*с акциональное значение*) 98–99, 101, 104–105,
109–110, 112–113, 116, 122,
138, 147, 238–239, 243, 248–
250, 252, 262, 267, 290, 515,
858–865
- прямая речь 192–194, 199–200,
206, 210–211, 216–218, 222,
445, 532–533, 577, 673, 677,
703–704
- пунктив (*с акциональный класс*)
101–103, 111, 146–147, 153,
237–239, 290, 297, 670, 859–
865
- разговорная речь (*П устный язык*)
125, 138, 160, 260, 262, 271,
281, 286–287, 715

- разносубъектность (*Π подлежащее*) 233, 252, 434, 437, 529–530, 538, 540, 548, 689–690, 692–693
- редупликация 280–281
- результатив 128, 133–135, 143, 242, 246, 248, 292, 680, 685
- релятивизация (*Π относительный оборот*) 446, 498–500, 502–505, 518, 522, 557, 680–681
- рема (*Π актуальное членение*) 43, 57
фокус ~ы 57–59, 61–63
- референциальное расстояние 448–450, 453
- референциальный статус (*Π определенность*) 43, 46–56, 60, 62–64, 71, 610–612, 616–617, 636, 725
неопределенный ~ 42, 46, 50–52, 57, 64, 611–612, 616
нереферентный ~ 46, 50–52, 54, 61, 338, 611, 616
- референция 216, 420, 432, 459, 560–561, 656, 723–726
- рефлексив (*Π посессив > рефлексивный ~*) 275, 355, 360, 362, 364, 383–384, 419–420, 430, 437, 590, 593–595, 598–599, 606, 618–619, 656
квази~ 355–358, 360–363, 366
- реципиент (*с роль*) 400, 406–407, 426, 643
- реципрок 304, 313–316, 326–333, 335–340, 344, 474, 489–490, 493, 594, 598–599, 606, 618–619, 667–668, 870
- ролевая структура 167, 387–388, 441, 459
- роль (семантическая) 313–314, 338, 341, 344, 372, 406–407, 422, 424–427, 431, 459, 539, 552
- связка 108, 124–125, 127, 135–136, 142–143, 150, 154, 156, 256, 288–289, 508, 675–676, 685–686, 688, 698
~ подтверждающая 143, 508, 688, 704–705, 868
- сенгенциальный актанта (*с актанта*) 143, 190–195, 198–200, 203–205, 207–209, 211, 213–214, 217–218, 222, 225, 256, 390–392, 419, 438–440, 483, 487, 525–578, 584, 586, 588, 591, 596–599, 606, 615, 617, 640, 677, 679, 681, 684, 699, 704, 720, 723
- сенгенциальный сирконстант (*с сирконстант*) 198, 419, 432–438, 528, 530–532, 584–586, 590–591, 593, 598–599, 640, 679, 681, 684, 689, 691, 699, 704, 720
- сильные инцептивно-стативные глаголы (*с акциональный класс*) 101–102, 105–108, 112–113, 237, 514–515, 859–865
- сильные предельно-стативные глаголы (*с акциональный класс*) 101, 116, 238, 246, 514–515, 859–865
- сильные предельные глаголы (*с акциональный класс*) 101–103, 137, 146–147, 237–239, 245, 248, 253, 266, 279, 297, 514–515, 670, 859–865
- сингармонизм 161, 271, 304, 393, 627, 631–633, 717, 866
- синтаксическая позиция 67, 80, 92, 396, 398, 400, 402, 410, 414, 429–430, 450–450, 453–454, 499–500, 504, 507, 519, 523, 681

- ~ периферийная (Π *дополнение > косвенное*, Π *падеж > периферийный*) 77, 83–84, 399–400, 410, 429, 455–456, 503
- синтаксические отношения (Π *иерархия доступности*) 396, 401, 404, 459, 468
- синтаксический ранг 380, 388, 424, 428, 441, 649
- сирконстант (⊃ *сентенциальный сирконстант*) 330, 471–472, 519–520
- сказуемое 55–56, 191, 207, 209–211, 219, 317–318, 340, 413–414, 499–500, 506–520, 522, 642, 672, 676, 689, 694, 696, 698, 705, 707, 719
- слабые инцептивно-стативные глаголы (⊃ *акциональный класс*) 101–102, 105–108, 112–113, 237, 514, 859–865
- слабые предельные глаголы (⊃ *акциональный класс*) 101, 103–104, 117–120, 238–240, 514, 516, 670, 859–865
- следование (Π *таксис*) 233, 485, 509, 511, 514–516, 543–544, 547, 549, 681–682
- словоизменение 323, 466, 642, 665
- словообразование 323, 339, 466, 665, 642
- сложный глагол (Π *аналитическая форма* Π *вспомогательный глагол*, Π *сериализация*, Π *союз клауз*) 17, 124–125, 127–128, 139, 144–146, 150, 154–157, 182, 227–229, 244–254, 255–307, 323, 341, 442, 477–478, 491, 493, 502, 538, 558, 567, 569, 669–670, 674, 689, 690, 694, 714, 719
- смешанная категория (⊃ *деепричастие*, ⊃ *номинализация*, ⊃ *причастие*) 467
- собирательность 318–320, 322, 637, 867
- согласование 162–164, 168–169, 181, 188, 207–208, 210, 222, 234, 312–313, 317–318, 321, 324–326, 340, 446, 480, 491, 493, 578, 592, 637, 663, 669, 676–679, 683–685, 687–689, 692, 695–698, 705–706, 717, 719
- прозрачное ~ 618–619
- составляющая (⊃ *глагольная группа*, ⊃ *именная группа*) 15, 76, 197–198, 262, 267, 289–290, 306, 418, 433–434, 590, 599–606, 618–619, 651–562, 702–703, 723
- состояние, S (⊃ *акциональное значение*) 98–99, 101, 105–108, 112, 116, 122, 147, 238, 243, 248–250, 252, 515, 671, 858–865
- сохранение языка 23, 30–31, 39
- социатив 258, 303, 313, 327–328, 333–340, 344, 474, 489, 493, 667–668, 871
- сочинение 666, 703
- союз 192, 204, 214, 222, 433, 666, 703–704
- подчинительный ~ (комплементайзер) 13, 526, 532, 540, 577, 703
- союз клауз (Π *сложный глагол*, Π *сериализация*) 275
- стативно-процессные глаголы (⊃ *акциональный класс*) 101, 115, 121–122, 147, 238, 514, 859–865

- стативные глаголы (С *акциональный класс*) 101, 104–105, 106–108, 114, 121–122, 137, 148, 148, 152, 238–242, 247–249, 254, 262, 287, 290, 297, 514–515, 857, 859–865
- статус языка 22, 26
- стимул (С *роль*) 427–428, 553, 555, 567
- структура события 220, 387–388, 392, 395, 415–419, 421–422, 426, 435, 437–439, 459–460
- субкатегоризация 483, 552–571, 574, 578
- субстантивация 44, 663
- супплетивизм 654
- существительное 318, 504, 634–653, 663–664, 682, 696
- неисчисляемое ~ 325
- отглагольное ~ (П *имя действия*, П *номинализация*) 44, 465–466
- сфера действия 186–187, 278, 301, 415–419, 421, 436–437, 600, 611
- таксис (П *одновременность*, П *предшествование*, П *следование*) 139, 142, 149, 225–254, 232, 238–239, 242–244, 485, 508, 512, 680–682, 689–690, 699
- тема (П *актуальное членение*, П *топик*) 43, 57, 59, 61, 481
- контрастивная ~724
- тема (С *роль*) 115
- термины родства 650
- топик (П *тема*) 51, 55, 196, 455, 481, 600, 603, 612–616, 618–619, 707, 722–725
- топикальность (П *референциальное расстояние*) 448, 451–455, 461
- траектор (С *роль*) 429
- транзитивизация (П *переходность*) 276, 489
- узитатив 150, 686
- условная конструкция 190, 690
- устный язык 33–34, 36, 262–263, 272
- уступительность 660, 706
- фаза ситуации 98, 116, 12
- начальная ~ (П *инхоатив*) 95, 136, 230, 262, 272, 291, 530–531
- срединная ~ 95, 531
- конечная ~ (П *комплетив*) 136, 229–230, 509
- фактитив 165, 379
- финитность 124–158, 162–164, 181, 207, 210, 225–226, 230, 234, 258, 323, 341–342, 443–444, 446, 490, 506, 511, 525–527, 532, 536, 541, 548, 550, 561, 577, 581, 584, 590–591, 593, 667–668, 672, 679, 694–698, 704–706, 719, 727, 729
- фокус вопроса 613
- фокус контраста 602–603, 612, 618
- фольклор 130–131, 160, 189, 726
- фрагментирование 600, 603
- фреквентатив 150, 287, 686
- хабитуалис (П *многократность*, П *причастие* > *хабитуальное* ~) 127–128, 149, 153, 156, 227, 250, 274, 287, 291, 294, 297, 312, 321, 485, 487, 509, 546, 673, 686–687, 695
- хезитация 659, 662, 712
- целевая конструкция 190–192, 434–437, 528–530
- частица 600, 604, 660, 695, 704–707
- дискурсивная ~ 604
- отрицательная ~ (П *отрицание*) 476, 493, 700

- подтверждающая ~ 161, 706, 870
 эмфатическая ~ 678, 706, 870
 числительное 44, 636–637, 654–655, 659, 666, 716, 869
 число 162–163, 168–171, 174, 181, 188, 192, 200–210, 214, 216, 222, 234, 321, 339–340, 342, 469, 473, 479, 485, 493, 527, 572, 578, 635–637, 644, 647–648, 654–655, 659, 663, 666, 678, 682, 701
 единственное ~ 169, 172, 209, 322, 537, 635, 654–655, 659, 678
 множественное ~ (*Π множественность*) 171–174, 201, 318, 321–323, 473, 635–637, 655, 870
 шва 393, 624, 631, 634, 638–639, 675, 866
 эвиденциальное прошедшее время (*с время*) 124, 126, 128–136, 143, 145, 149, 271, 304, 672–673, 686, 698, 721, 868
 эвиденциальность 126–136, 155, 673–675, 706
 эксклюзив 175, 654
 экспериентив 140–142, 151–152, 156
 экспериенцер (*с роль*) 350, 378, 406–407, 427–428, 529, 539
 эллипсис (*Π имплицитность*) 695, 702, 707
 эффектор (*с роль*) 355
 юссив (*с наклонение*) 161, 169–170, 174–180, 190–211, 219–222, 434, 444, 537–539, 677, 678, 869
 языковая ситуация 16, 22–40, 712
 языковая политика 23–26
 языковой сдвиг 10, 22–23, 26–31, 35, 37, 39, 712

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ

- алтайские 54, 57, 467, 475, 521, 707, 719
«америндские» 322, 324, 583
английский 134, 349, 364, 501, 561, 582–584, 586–587, 589–590, 607
арабский 349, 465
бурятский 284, 318–320, 325, 331
венгерский 399
германские 583, 586
дирбал 37
иврит 495
индоарийские 270
кавалан 441
каннада 399
капингамаранги 326
карачаево-балкарский 114, 381, 428
коми-зырянский 70
латышский 349
марийский 54–58, 60, 63–64, 477, 585, 604
монгольский 54–57, 60–61, 318–319, 402, 469, 585
~ Внутренней Монголии 277, 284, 300–302
классический ~ 319
монгольские 56, 60, 125, 160, 173, 189, 260, 277, 284, 300, 363, 394, 402, 497, 508, 521, 581, 585
монгорский 319
немецкий 90, 380
прамонгольский 233
русский 10, 25–32, 34–38, 69, 76, 81–83, 134, 166, 174, 176, 184, 276, 279, 284, 312, 351–352, 354–355, 357–359, 370, 403, 413, 421, 439, 465, 470, 478, 561, 564, 589, 625–626, 628, 632, 634, 673, 703, 707, 714–717, 724
среднемонгольский 233
татарский 407, 428
тувинский 55, 606, 619
турецкий 54–56, 331, 349, 471, 564
тюркские 54–57, 60, 63, 270, 276, 583, 585–586
уральские 54, 57
финский 69
французский 190, 724
хантыйский 55
халха-монгольский 277, 301, 319, 331, 394, 428
цахурский 605
цезский 618–619
чувашский 276
эвенкийский 329
эскимосский 441
эстонский 69–70
японский 399, 583–584, 586–587, 594, 597

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	7
<i>В. В. Баранова</i> Языковая ситуация в Калмыкии: социолингвистический очерк	22
<i>М. Б. Коношенко</i> Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке	42
<i>М. А. Холодилова</i> Конструкция с периферийным обладаемым в калмыцком языке	76
<i>М. А. Овсянникова</i> Акциональные классы глаголов калмыцкого языка.....	94
<i>К. В. Гото</i> Система финитных форм прошедшего времени в калмыцком языке....	124
<i>К. Н. Прохоров</i> Калмыцкие формы косвенных наклонений: семантика, морфология, синтаксис	160
<i>Д. Ф. Миценко</i> Деепричастия с показателями <i>-жэ</i> и <i>-ад</i> в калмыцком языке	225
<i>В. В. Баранова</i> Сложные глаголы в калмыцком языке	255
<i>С. А. Оскольская</i> О глагольных показателях множественности участников в калмыцком языке.....	310
<i>А. В. Выдрина</i> Употребление показателя пассива в калмыцком языке	347
<i>С. С. Сай</i> Аргументная структура калмыцких каузативных конструкций	387
<i>Н. В. Перкова</i> Номинализации в калмыцком языке	465

<i>К. А. Крапивина</i> Причастие в роли сказуемого относительного оборота в калмыцком языке.....	497
<i>М. Ю. Князев</i> Сентенциальные дополнения в калмыцком языке	525
<i>Н. В. Сердобольская</i> Аккузатив субъекта в зависимой предикации: за и против подъема аргумента в калмыцком языке	581
<i>С. С. Сай</i> Грамматический очерк калмыцкого языка.....	622
<i>В. В. Баранова, С. С. Сай</i> Комментарий к корпусу текстов	710
Тексты	730
<i>М. А. Овсянникова</i> Приложение. Список глаголов.....	857
Грамматические показатели калмыцкого языка	866
Условные сокращения	872
Предметный указатель.....	874
Указатель языков	890

TABLE OF CONTENTS

From the editors	7
<i>V. V. Baranova</i> The language situation in Kalmykia: a sociolinguistic outline	22
<i>M. B. Konoshenko</i> Differential object marking in Kalmyk	42
<i>M. A. Kholodilova</i> The peripheral possessum construction in Kalmyk	76
<i>M. A. Ovsyannikova</i> Aspectual classes in Kalmyk	94
<i>K. V. Goto</i> The system of finite past tense verb forms in Kalmyk.....	124
<i>K. N. Prokhorov</i> Oblique moods in Kalmyk: semantics, morphology, syntax.....	160
<i>D. F. Mischenko</i> Converbs with suffixes <i>-žə</i> and <i>-ad</i> in Kalmyk.....	225
<i>V. V. Baranova</i> Complex verbs in Kalmyk	255
<i>S. A. Oskolskaya</i> On verbal markers expressing plurality of participants in Kalmyk.....	310
<i>A. V. Vydrina</i> The use of the passive marker in Kalmyk.....	347
<i>S. S. Say</i> Argument structure of causative constructions in Kalmyk	387
<i>N. V. Perkova</i> Nominalizations in Kalmyk	465
<i>K. A. Krapivina</i> Participle as the head of relative clause in Kalmyk	497

<i>M. Yu. Knyazev</i>	
Participial sentential complements in Kalmyk.....	525
<i>N. V. Serdobolskaya</i>	
Accusative subject in dependent clause: pro et contra argument raising in Kalmyk.....	581
<i>S. S. Say</i>	
A sketch of Kalmyk grammar	622
<i>V. V. Baranova, S. S. Say</i>	
Note on texts.....	710
Texts.....	730
<i>M. A. Ovsyannikova</i>	
Appendix: Verb list	857
Kalmyk grammatical markers.....	866
Abbreviations.....	872
Subject index	874
Index of languages	890

Научное издание

**ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Том V, часть 2**

Исследования по грамматике калмыцкого языка

Подписано к печати 14.08.2009

Формат 60×90 1/16

Тираж 400 экз.

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Отпечатано в типографии «Нестор — История»

СПб., ул. Розенштейна, д. 21

тел./факс: (812)622-01-23

e-mail: manager_nestor@list.ru

ISBN 978-5-02-025575-3

9 785020 255753